

К 70-летию Великой Победы

**ПОДВИГ
ВО ИМЯ
ПОБЕДЫ**

КУРГАН, 2015

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

84Р6

П44

Подвиг во имя Победы : [сборник] / составитель В. Филимонов. — Курган, 2015. — 670 с.

Книга “Подвиг во имя Победы” создана по итогам областного литературного конкурса с одноименным названием и проводимом в 2014 году. В нем приняли участие 118 человек из 21 района области и города Кургана.

Организаторы конкурса исходили из следующего: клевета на наше прошлое, особенно на период Великой Отечественной войны, стала доходной профессией. Фальсификаторы истории не оставляют надежд разрушить единство наций и народностей СССР и его правопреемницы России в достижении общей Победы, принизить роль военачальников в разгроме фашистской Германии, доказать, что советский народ пришел к Победе из-под палки и страха, низвергнуть руководство страны военного периода до уровня палачей собственного народа. Не бывает этому!

Перед вами непредвзятые рассказы из истории Великой Отечественной войны, художественные и публицистические произведения, фотографии, рассказывающие о нелегких годах испытаний для нашего Отечества. Сегодня в едином литературном строю авторы, пишущие о войне...

Состав конкурсной комиссии:

Потанин Виктор Федорович, член Высшего творческого Совета Союза писателей России;
Филимонов Владимир Иванович, ответственный секретарь Курганской областной писательской организации;
Речкалова Наталья Викторовна, заместитель начальника Управления культуры Курганской области;
Зорина Любовь Анатольевна, директор ГКУК «Областной культурно-выставочный центр»;
Литовченко Денис Сергеевич, председатель Комитета по печати и СМИ Курганской области;
Портнягин Валерий Иванович, обозреватель городской газеты «Курган и курганцы», член Союза писателей России;
Теплухин Александр Владимирович, зав. отделом культуры и спорта областной газеты «Новый мир»;
Балашенко Николай Иванович, член Курганского отделения Российского союза профессиональных литераторов;
Мальцев Анатолий Иванович, председатель секции ветеранов войны и военной службы Курганского городского Совета ветеранов.

Составитель – Владимир Филимонов

(Примечание: произведения членов Союза писателей не оценивались)

В оформлении книги использованы картины зауральских художников из фондов Курганского областного художественного музея, плакаты военного периода и фотографии зауральских авторов.

***Книга издана по заказу и на средства
Правительства Курганской области***

РАДИ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Великая Отечественная война – тяжелейшая страница истории нашего государства. На ней имена и подвиги советского народа, сражавшегося до последней капли крови ради мира на Земле. Есть в этом списке и фамилии наших земляков, память о которых никогда не оставит наши сердца.

Из 220 тысяч зауральцев, ушедших на фронт, лишь половина вернулись к своим родным очагам. А сегодня, спустя десятилетия, их осталось не больше тысячи человек... И мы, нынешнее поколение, особенно молодежь, должны знать имена не только Героев Советского Союза и полных кавалеров орденов солдатской Славы, но и простых ребят, которые, может быть, не были отмечены званиями и наградами, но внесли свою лепту в разгром фашистской Германии. Именно о таких солдатах и идет речь в этом коллективном сборнике.

Великая Отечественная война выявила лучшие качества советского народа: коллективизм, массовый героизм, взаимовыручку, природную смекалку, дружбу всех национальностей в достижении победы над врагом. Поэтому организаторам областного литературного конкурса «Подвиг во имя Победы» было очень важно сохранить и донести до будущих поколений россиян факты проявления этих лучших качеств и значимость боевого и трудового подвигов зауральцев в годы войны.

Зауралье в 40-е годы прошлого века стало местом формирования целого ряда воинских частей и соединений. Наши солдаты и офицеры сражались на всех фронтах Великой войны. Их боевая слава увековечена в памятниках 32-му запасному лыжному полку, 25-му танковому полку, на обелисках в каждом городе, селе и деревне. Именно в Кургане и близлежащих населенных пунктах формировались 165-я и 369-я стрелковые дивизии, закончившие свой боевой путь в Берлине и на Эльбе. И мы обязаны это знать, помнить, гордиться подвигом своих отцов и дедов, хранить и передавать из поколения в поколение героические истории военных лет.

Забота о ветеранах Великой Отечественной войны является приоритетом в работе Правительства Курганской области. И так будет всегда, ибо мы в вечном долгу перед старшим поколением.

Низкий поклон вам, ветераны, и наша признательность за путь испытаний и побед, за каждый собранный колосок на хлебном поле.

Благодаря ветеранам войны у нас есть Великий Праздник – День Победы, 70-летие которого мы отмечаем не только трудом на благо родного края, но и литературными произведениями.

С Днем Победы, дорогие ветераны! С Днем Победы, зауральцы!

Алексей КОКОРИН,
Губернатор Курганской области

ВО ИМЯ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Семьдесят лет...

Что такое – 70 лет – в истории? Так, эпизод – и не более, всплеск рыбешки на реке, стремительный пролет голубка, взгляд в толпе, тут же забытый и потерянный.

Но для нашего народа, безвозвратно утратившего лучший, особенно крестьянский, генофонд, положив его на алтарь Победы – годы войны не только годы испытаний, а величайшая трагедия, пронзившая болью довоенное и послевоенное поколения.

Потому до сих пор авторов данной книги не покидает чувство горькой потери родных и близких, потому и пишут они прозу и стихи, а чаще всего – просто рассказывают об отцах и матерях, бабушках и дедушках, воевавших там-то или работающих до голодных обмороков.

118 человек из 21 района области прислали свои произведения на конкурс, который и конкурсом-то трудно назвать, а правильнее – еще одним крупным событием по увековечению памяти о старшем поколении – поколении победителей.

Кто они – участники события? Это мы. Мы – дети, внуки и правнуки тех, кто изорвал пальцы в разведке о колючую проволоку, затыкал рану ватой из подбушлатника, смертельно уставшим падал под лемех плуга, из последних сил вытаскивал из грязи осевший до мостов грузовик с боеприпасами и продовольствием. И пусть будет во веки веков проклят тот, кто забудет об этом.

Разностороннее видение темы конкурса привело к достойным результатам. Причастность к Великому воинскому и трудовому Подвигу советского народа красной нитью проходит через все произведения авторов. И хотя определены призовые места, с полным правом можно сказать: победителями являются все его участники. Мы не забыли своих героев, мы помним о них, мы верны их памяти. Значит – достигнута главная цель. И пусть девизом этой цели послужит отрывок из стихотворения Николая Аксенова, сына павшего на войне солдата:

*Постойте молча вы у обелиска,
Не так, как перед глыбою литой,
А снова поклонитесь низко-низко
Их незабвенной памяти святой.*

*Соприкоснитесь с прошлым в настоящем,
Все надписи прочтите, не спеша.
И вас своим крылом животворящим
Коснется их бессмертная душа.*

Владимир ФИЛИМОНОВ,
организатор проведения конкурса

МАКСИМОВА
Ольга Александровна

**ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ЗАУРАЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Великая Отечественная война... Это великое историческое событие середины XX века не могло не найти своего отражения в литературе. В русской литературе война 1941-45 годов – это не просто тематическая рубрика, а огромный художественный массив. Нигде так не переплетались проблемы духовного порядка (нравственные, психологические) с проблемами социальными, историческими, философскими. Нигде так сильно политика не проникала в искусство. Нигде не было столь жесткого идеологического надзора, нигде так не свирепствовала цензура. А отсюда – изувеченные тексты, ошельмованные произведе-

ния, сломанные писательские судьбы. И в то же время, сколько подлинных литературных шедевров родилось на почве военной темы! Сколько ярких и сильных талантов, связавших себя с опытом и памятью войны, выросло только из мальчиков фронтового поколения, которым посчастливилось вернуться живыми!

Сколько творческих открытий!

Литература уже в годы войны стала проникать в «тайное тайных» человека, постигать то, что происходит в его душе и с его душой под пулями и бомбами, на границе между жизнью и смертью. В этом направлении огромную работу про-

---

Родилась в 1967 году в Кургане. Получила среднее образование в школе № 41. После окончания в 1988 году Челябинского государственного института культуры пришла работать в Централизованную библиотечную систему города Кургана. За время работы выросла от рядового библиотекаря, библиографа до заведующей отделом Центральной городской библиотеки имени В. Маяковского, далее - до директора библиотеки имени В. Г. Короленко. Занималась исследовательской работой по краеведению. С 2014 года - директор областной универсальной научной библиотеки имени А. К. Югова.

делали те, кого стали впоследствии называть поэтами фронтового поколения. Они сумели постигнуть драматизм войны, увидеть и показать широкий спектр изменений в душе человека воюющего: от высоких взлетов духа – до падения в бездну бездушья.

Среди зауральских поэтов много и ярко о войне писал **Алексей Михайлович Пляхин**. С последнего курса Чашинского молочного техникума в феврале 1940 года Алексея Пляхина призвали в армию, он учился в Свердловске на командира танка. Весть о начале войны с Германией застала его во время военных учений в районе города Елец. Все испытал в страшные военные годы Алексей Пляхин – и горечь отступления, и угрозу окружения, и радость победы, омраченную гибелью друзей. Прошел путь от рядового до старшины. Механик-водитель самоходно-артиллерийской установки СУ-76 1206-го самоходно-

го артиллерийского полка, он форсировал Буг, Вислу, Одер, освобождал Люблин и Варшаву. Встречался на Эльбе с американскими солдатами, на стене рейхстага в поверженном Берлине оставил победную надпись «Чаши-Берлин!». Награжден медалями «За отвагу» в 1943 году и в 1945 годах, а также самой уважаемой солдатами наградой – орденом Славы 3 степени, в 1946 году – орденом Отечественной войны, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Ту гимнастерку, в которой Алексей Михайлович пришел с войны, он хранил и надевал до конца своих дней. В июле 1941 года в армейской газете «Красный боец» было опубликовано первое «военное» стихотворение Алексея Пляхина.

О поэтическом творчестве Алексея Михайловича, посвященном военной тематике, М. Д. Янко напишет: «Стихи А. Пляхина о Великой Отечественной войне... знакомят с мыслями и переживаниями советских людей в годину испытаний. Стихи эти, прошедшие через сердце поэта-фронтовика, являются продолжением его раздумий о Родине, о судьбах современников и жизни родного края, откуда он «с тоскою и болью начинал фронтовые пути». В перерывах между боями он писал стихи о горечи утрат и радости побед, о накале ненависти к врагу и силе духа героев сражений. В стихах о войне нет описания кровавых битв. Они наполнены размышлениями о пережитом, впитали гнев и боль солдата, его волнения и тревоги, надежды близких и безмерную тяжесть потерь. Это стихи, идущие от сердца поэта, близко видевшего смерть, неисчислимые страдания людей, вызванные войной. В них нет выдумки, игры словом. Они выстраданы и поэтому глубоко правдивы, искренни и чисты» (**Янко, М. Доверительность, искренность / М. Янко // Сов. Зауралье. – 1982. – 11 апр. – С. 3.**)

В стихотворении «Вот бы только узнать...» (272) автор размышляет о солдатской дружбе, о военном времени, когда самый дорогой подарок другу – листок со стихами, мечтает о мире и испытывает неукротимое желание дожить до него.

В стихах «Да, сорок первый год и сорок

пятый!..» (268), «Их нет. Они... Да что же это, что же?..» (282) А. Пляхин размышляет о судьбах своего поколения, которому в юные годы довелось испытать лишения военного лихолетья. Это краткое тире между двумя датами: 1941-1945 – вместило немало горя. Многие из сверстников автора знали, куда и зачем идут, знали, что могут не вернуться с войны, и были верны фронтовому братству. По стилю и звучанию эти стихи очень напоминают лермонтовское «Бородино».

«Заложенная в стихах сила чувства передается читателю, отзывается болью, уводит в мир близких поэту тревог и радостей. Разве может оставить кого-нибудь равнодушным драматический накал «Баллады об отце»(278), воскресившей память о героях войны, шагнувших в бессмертие!? Разве забудется встреча солдата с поседевшей матерью, чье «зябкое страдание во взгляде» отразило пережитое за военные годы!? С грустью смотрит поэт на редующий строй ветеранов, побелевших, как снег, и тающих, подобно ему. Вспоминает о безмерной тяжести военных лет, когда люди «седели в тридцать», и с тревогой спрашивает: неужели ныне «угасла святость седины», исчезло из памяти минувшее? Нет! Следы войны остались в потухших взглядах вдов и матерей, в незаживающих ранах солдат, в скрипе костылей, в болях фронтовиков. Ведь:

*С Победой все живые повстречались,
С войной не все простились до сих пор!*

Он уверен, что «крови павших время не остудит», не померкнет в сердцах людей память о погибших во имя жизни. Из глубин сердца звучит призыв: пусть имена павших за родную землю будут нетленны, вечно живут «в нашей совести»! (Янко, М. **Доверительность, искренность** / М. Янко // Сов. Зауралье. – 1982. – 11 апр.)

Для Якова Терентьевича Вохменцева война началась еще в Монгольской Народной Республике, где он проходил действительную службу, работая в редакции дивизионной газеты. Вохмен-

цев участвовал в боях на Халхин-Голе против японцев.

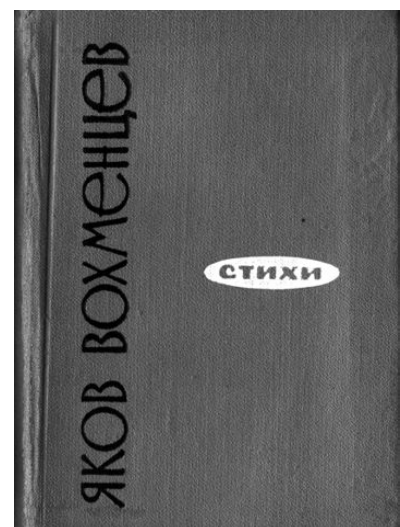
*Казнимый страшным лихолетьем
Я, отстоявший Халхин-Гол,
Из-за Урала в сорок третьем
Сюда, в былинный край, пришел.*

Так начинается автор стихотворение под названием «Река Мста». В Великую Отечественную младшим командиром Яков Терентьевич с марта 1942 до января 1944 воевал на Волховском фронте. Был ранен, контужен. Вернулся из госпиталя в марте 1944 года и до конца войны работал сотрудником дивизионной газеты.

Награжден орденом Красной звезды и многими медалями. Поэзия Якова Вохменцева верна одной теме – родной земле, труженикам, хлеборобам. Человек труда – главный герой лирики Вохменцева. С какой нежностью и трепетом описывает он ощущения солдата, возвратившегося с войны в родные места, в стихотворении «Июнь»!

В стихотворении «Победа мне была необходима» автор пытается объяснить, почему, не взирая на превосходное техническое оснащение вражеских войск, на активную агитацию, каждый солдат, как и автор этих строк, твердо верил в победу и пытался ее приблизить. Даже в стихах, посвященных мирному трудовому времени, нет-нет, да и встречается отголосок войны, будь то описание природы или судьба старика «Отец», чьи сыновья остались на полях сражений.

*Сидит он,
очень слаб и
одинок,*

*Как изваянье скорби и печали.
Не будь войны, теперь у этих ног
Наверняка уж правнуки б играли.*

Какой бы мирной тематики ни были стихи поэта-фронтовика Якова Вохменцева, а память нет-нет, да и возвращает в боевое прошлое («Незабываемое», где не только сам автор – участник войны, но и два его погибших брата.

*Мне снилось: пар струился ало
От окровавленной земли;
А солнце медленно вставало,
Взвалив себя на костыли.*

Одной общей особенностью произведений писателей фронтового поколения является их «мемуарность». Их проза не всегда буквально автобиографична, но она насквозь пропитана авторскими воспоминаниями о фронтовой юности. Всех этих писателей привела в литературу сила пережитого на войне, и их первые повести были, в сущности, лейтенантскими и солдатскими мемуарами. Теми мемуарами, которые в действительности никто никогда не отважился писать. Конечно, у каждого фронтовика была своя война, и все-таки многое из пережитого в те годы было достоянием тысяч.

Автобиографическую повесть «В небе Заполярья», посвященную норвежским друзьям-антифашистам Сигварду Ларсену, Харальду Кнудтсену и Бьерне Беддари, удостоенным советских правительственных наград, **Павел Захарович Кочегин** начал

писать в Кургане. В 1960 году часть рукописи под названием «Под хмурым небом» вышла в издательстве «Советское Зауралье», а в 1962 году была переиздана. В 1978 году в Южно-Уральском книжном издательстве вышла вся повесть под названием «В небе полярных зорь». В этой книге отразились факты из военной биографии П. З. Кочегина, который, после окончания в 1942 году военно-политической академии им. В. И. Ленина, воевал в качестве военкома, командира эскадрильи, штурмана полка на Карельском фронте. В одном из боев в небе Норвегии его самолет был сбит фашистами, и тяжелораненый Павел Кочегин выбросился с парашютом в болото. От плена его спасли норвежские антифашисты. В главном герое повести – комиссаре Никите Кузьмиче Комлеве, начиная с портрета, многое напоминает самого автора, а прообразами других героев этого произведения стали однополчане и норвежские друзья автора. Действие в повести проходит в Заполярье.

Вначале перед читателем открывается обычная жизнь прифронтового аэродрома: учения, разбор полетов, схватки с врагом, победы и поражения. На фоне этой внешне однообразной и размеренной жизни выделяется комиссар Комлев. Он глубоко разбирается в людях, умеет вовремя поддержать тех, кто теряет веру в свои возможности. В нужный момент он становится требовательным и властным. Вторая часть книги переносит читателя на оккупированную немцами норвежскую землю, где оказались сбитые в бою комиссар Комлев и его ведомый Дернов. Норвежские патриоты укрывают их от преследования фашистов. Но люди, подобные Комлеву, не могут спокойно смотреть на страдания соотечественников, оказавшихся в руках врагов. С помощью норвежских коммунистов и партизан Комлев освобождает большую группу советских пленных, возглавляет их движение на Восток. Описание похода голодных и измученных людей по вражеским тылам, их боев с карателями является наиболее захватывающей частью повести.

Поскольку сам автор был военным комиссаром,

он старался показать важную роль политработников в деле воспитания и поднятия патриотического духа бойцов. Вопросы интернациональной дружбы были в советские времена важной составляющей идеологической работы, поэтому автор в своем произведении подчеркивает один из важных факторов, способствовавших разгрому фашизма, – единство прогрессивных людей всего мира в борьбе с гитлеровской Германией. Идея большой дружбы норвежцев и русских, сплоченных совместной борьбой против фашизма, пронизывает всю повесть. Если мысленно убрать излишне напыщенную патриотическую составляющую в этой повести, то явственно видно, насколько тяжело было всем в те страшные военные годы – и тем, кто воевал, и тем, кто оказался на оккупированной территории, и тем, кто дожидался возвращения родных и близких в тылу, нелегким трудом приближая Победу.

В юбилейном 1995 году в литературно-публицистическом журнале «Тобол» были опубликованы рассказы Павла Кочегина, объединенные одним названием «Мои однополчане». В небольшом предисловии к этим коротким рассказам, больше похожим на очерки, автор написал: «Сразу оговорюсь: легчиков-таранщиков я считаю своими друзьями, не только тех, с которыми пил за победу над врагом и за упокой души боевых друзей, но и всех одноэскадрильцев, всех однополчан, всех рыцарей неба, которые в годы Великой Отечественной войны, пожертвовав своей жизнью, совершили этот подвиг во имя жизни на земле. Расскажу о таранщиках, которых знал лично...»

Писатели фронтового поколения в годы войны были совсем молодыми людьми, многие в действующую армию попали прямо со школьной скамьи, увидели, узнали, пережили на фронте такое, что в мирное время редко выпадает даже человеку, прожившему долгую и бурную жизнь. В 20-й воздушно-десантной гвардейской бригаде защищал Родину в годы Великой Отечественной войны **Михаил Иосифович Шушарин**. Сразу после

окончания в 1942 году средней школы он ушел на фронт. В боях за освобождение Карелии в июне 1944 года был тяжело ранен. После лечения в госпитале в июне 1945 года вернулся на родину и стал работать учителем литературы в семилетней школе. Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и другими.

Повесть М. Шушарина «Солдаты и пахари» (97) рассказывает о нелегкой судьбе храброго генерала Макара Федоровича Тарасова и его семьи. Хотя действие повести начинается буквально накануне Великой Отечественной войны, воспоминания главного героя о прошлом создают впечатление, что мы знакомимся с ним еще в Гражданскую войну. Смелый человек, хороший семьянин, «отец родной» не только дочери, родному и приемному сыновьям, но и всем солдатам, находящимся в его подчинении. На войне Макару Тарасову довелось пережить и горечь отступления, и боль от того, что не смог уберечь приемного сына, и радость победы. В нем нет недостатков, и, может быть, поэтому образ Макара Тарасова кажется читателю слишком идеальным. Гораздо более правдоподобно выглядит его брат – Григорий Самарин. В семье, как говорится, не без уroda: Григорий был кулаком, участником восстания против Советской власти, бежал из родного села, служил охранником при золотоскупке «Торгсин». Раздобыл себе оправдательные документы и накануне Великой Отечественной войны вернулся в родное село. «Когда началась война, и прилетели в Родники первые похоронки, и завывали сиротским воем бабы, Гришка весь внутренне повернулся.

Пала в голову дума: “Мы тут в гражданскую войну между собой пластались... Потрошили кишки друг у друга... Так то было между собой... А этим фашистам, недоноскам, чо надо? Придут сюда – пострашнее ГПУ или НКВД будет!” Может быть, поэтому Григорий Самарин потихоньку работал в колхозе, не набиваясь на трудности, но и не отбиваясь от них. Обьезжая колхозные поля, «...заходил на опуханную кромку и обнимал пшеницу или рожь, пряча в них лицо. Потом срывал колос (один колосочек), мял его долго в ладонях и, отвеяв мякину, кидал мягкие зерна в рот, втягивал ноздрями ядреные запахи. Жил в Гришке наследственный хлебобоб. Крестьянин. Не выцарапаешь это из души ничем». Повесть потому и названа «Солдаты и пахарь», что автор, описывая жизнь «солдата» Макара Тарасова и «пахаря» Григория Самарина, показывает, как велика была заслуга и тех, и других в победе над фашизмом.

В повести очень схематично показаны военные действия. Автор использует отрывистые фразы, короткие предложения. Единственное достаточно подробное и страшное своей правдивостью повествование посвящено переправе десантников через очередную водную преграду. «Когда артобстрел закончился, Степан дал команду к переправе... Удивительно легко, за семь минут, десантники одолели речку. И оказались поистине в аховом положении. Это была трагедия, На скалах неожиданно для наступавших заработали немецкие пулеметы. Узкая песчаная отмель под обрывом была сплошь утыкана минами. Недосягаемые для немецкого прицельного огня (второй эшелон нещадно бил по верхушке обрыва из пулеметов) гвардейцы, оказавшиеся в «мертвом» пространстве, вынуждены были стоять по горло в холодной воде. Двое разведчиков, пытавшихся выйти к тропе, взлетели на воздух.

Стояли час, два, три. Некоторые, не выдержав пытки, кидались к отмели и попадали на мины. Взрывались. Умирили со стоном. Сознание медленно покидало стоявших в воде. Будто засыпая, люди прикасались головой к поверхности, ух-

дили на дно. Так продолжалось до тех пор, пока самоходчики и артиллеристы, вновь открывшие интенсивный огонь, не подавили немцев, а мины не очистили на тропах узкие проходы.

Лишь к вечеру батальон, обессиленный, с большими потерями, оказался на обрыве. Немцев не было. Их пулеметные заградотряды сдерживали наступление столько времени, сколько его потребовалось, чтобы благополучно отойти основным частям. Прозвучала незаконная никакими уставами команда: «Выпить водки!»

Менее страшно, но не менее трудно приходилось и труженикам тыла. «Более трехсот мужиков ушло на войну за три года. Двести шестнадцать баб получили уже похоронки – стали официальными вдовами... Не придут уж больше к ним милые-премилые никогда. Но и это не все. Война не кончилась.

Они растили хлеб и доили коров, они садились за штурвалы комбайнов и брались за литовки, они рубили дрова и силосовали лебеду, они сеяли, они страдавали, выполняли планы и обязательства по сдаче государству хлеба, мяса, молока, яиц, шерсти... Они растили детей. По селу ходила частушка:

***“Скоро кончится война,
И останусь я одна.
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик”.***

Отдавая должное нелегкому труду тружеников тыла в тяжелые военные годы, автор восклицает: «Встать бы нам сейчас всем на ноги, во весь рост, и всей державой Российской поклониться бы тем бабам до самой земли».

Повесть заканчивается апофеозом – встречей победителей – «СОЛДАТ» и «ПАХАРЕЙ». Генерал Макар Тарасов привозит выздоравливающего после тяжелой контузии сына Степана в родное село, где со слезами на глазах встречает дорогих гостей зять Тарасова – инвалид войны, председатель колхоза Никита Алпатов.

За основу другой повести – «Десантники» Ми-

хаил Шушарин взял историческую высадку 201-й воздушно-десантной бригады и 250-го авиадесантного полка в тыл врага в январе 1942 года в район города Вязьмы.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» пишет об этих событиях так: «Кавалерийский корпус генерала П. А. Белова и воздушно-десантные части в точности выполнили приказ и, совершив большой подковообразный путь, вышли на участок 10-й армии 18 июля 1942 года. Умело обходя крупные группировки противника и уничтожая на своем пути мелкие, большинство частей вышло через прорыв, образованный 10-й армией, в расположение фронта. За время действия в тылу врага была утрачена значительная часть тяжелого оружия и боевой техники. Большинство частей все же вышли к своим войскам. Какой радостной была встреча для тех, кто вырвался из тыла врага, и тех, кто с фронта обеспечивал их выход. Бойцы и командиры не стыдились своих слез: это были, слезы радости и самой крепкой в жизни солдатской дружбы». (*Василевский, Владимир. Не помышляя о покое / В. Василевский // Сов. Зауралье. – 1993. – 2 июня.*)

Начало повести строится на контрасте – юноша в модных штанах говорит о надоевшей ему «серой» действительности, и его мамаша успокоительно сообщает сыну: «Это возрастное, сынок... Тебе восемнадцать... Съезди на курорт... Поразвлекись...». Далее – жесткие строки войны о высадке воздушно-десантной бригады в тыл врага. Немцы расстреливают десантников уже в воздухе. Смерть, лишения, кровь. Тысячи тысяч убитых... Им тоже по восемнадцать! Все высадившиеся в тыл в течение нескольких месяцев живут только одним – бескомпромиссной, кровавой борьбой за жизнь и счастье Родины. «Когда кровь льется наяву и смерть ходит рядом, там надламывается человеческое здоровье и бросается в голову седина. Мы перешагивали этот порог». Не вкусив еще в своей жизни ничего, не думая о себе, ребята идут на смерть беззаветно и

яростно. «Ранеными» называли только истекающих кровью и умирающих. Все остальные – тоже были ранены. Бинты, марлевые повязки, набрякшие кровью, черные подвески, легонькие тросточки и костыльки, вымазанные кровью плащпалатки – таков был внешний строй наших «орлов». Но ребята держались и продолжали воевать, ведь они прошли беспощадную школу своего ротного Мармелада, который твердил одно и то же: «Десантник, если его даже будут жечь раскаленным железом, или вгонять под ногти комутные иголки, или резать из кожи ремни, останется Десантником. Он не имеет права стенать! Десантник – это сталь. Понятно?»

Повесть была издана в перестроечные годы, когда многие писатели-фронтовики в своих произведениях начали открывать совсем не патристическую правду о войне. Автор не скрывает, что приказы иногда были слабыми, командование старалось не замечать своих огрехов, стратегия штабистов, долгие годы удерживавших штабные кресла и командные троны была далека от стратегии истинной. Питание вовремя не доставлялось. Далеко не все партизанские отряды действительно доблестно воевали – были и такие, которые избирали тактику булавочных укулов: «сидят-сидят в лесу, выйдут ночью, то хату какую-нибудь подпалят, то полицаю пьяного прихлопнут – и опять в лес! А штаб им продукты бросает с неба, оружие, спирт, боепитание, радиотехнику... А они гуляют... Даже свадьбы лесные празднуют с гармошками да медными трубами».

Пробираясь по лесам, десантники наткнулись на поляну, где лежали незахороненные погибшие красноармейцы. Автор с горечью восклицает: «я растерялся от внезапно налетевшего на сердце ощущения беспомощности и незащитности перед какой-то великой безнравственной силой... Это, наверное, колесо истории... Оно вертится и давит людей беспощадно и безжалостно, никого не остерегаясь... Хорошо бы поджечь портки тому высокому начальнику, который управляет этим колесом... Он, наверное, за тысячи километров от этих мертвых моих братишек, сидит в роскош-

ном доме, пьет заморские вина и встречается с красивыми женщинами... Доброго слова такой не поймет. Обращаться с ним надо жестоко. Ведь он бросил в жерло войны миллионы безвинных, овдовил, оскорбил женщин, осиротил детей. И он безнаказанно смеется, гуляет, посещает театры и даже развивает науку... Большая это, должно быть, сволочуга». Писатель замечает, что немцы редко оставляли своих солдат непогребенными.

Но даже при всем при этом, показывая беспримерное мужество десантников, исследуя мысли и чувства героев, автор своим произведением зовет молодого читателя к заветной цели – выковать в себе человека.

Пожалуй, самое сильное произведение Михаила Шушарина о Великой Отечественной войне – повесть «Последствия тяжелого ранения». Действие в повести проходит в мирное послевоенное время, но главные герои – участники той страшной войны – не могут забыть прошлое. Прокопий Переверзев – бывший десантник, «... в 1942 ушел на войну. Служил в десантной бригаде. И где только не был. Свирь форсировал, и у Балатона в рукопашную с фашистами сходились, и за Прагой последних «тигров» поджигали. И на Восток впоследствии тоже не пряники есть перебрашивали. Еще после войны три с половиной года отслужил Прокопий в своей бригаде. Много знал всяких отчаюг. Стоимость жизни определил не по книгам». Ему удалось создать семью. Удочерил девочку-сироту, которая при всей огромной любви к приемным родителям пытается узнать – кто же были ее настоящие родители, погибшие (как она считала) на войне. Причуды судьбы и фантазия автора – сирота Наташа оказывается родной дочерью соседа Прокопия Преверзева – Сергея Яковлева – председателя сельсовета, депутата (который, сам не ведая, что это его родная дочь, помог соседу оформить все документы и удочерить девочку). Сергей Яковлев живет с красивой женщиной, которая ничем, кроме свидетельства о браке, не связана с ним. Она не стала ни другом, ни единомышленником, ни матерью детей, извлекая из этого союза житейское благо-

получие и имя. А Сергей, сваленный обидой и ранами, полученными на войне, уходил в воспоминания. Фашисты истребили весь его батальон, где он был артиллеристом. Плен, концлагерь, нечеловеческие условия, побег, партизаны, отчаянные по смелости боевые операции. Любовь. В одном из страшных боев Сергея перерезало автоматной очередью наискось от плеча до поясницы, и минным осколком отхватило кисть левой руки. Если бы не любовь партизанского санинструктора Наташи Ковригиной, которая буквально вытащила его с того света, может Сергей Яковлев и не остался бы жив. Позднее, после госпиталя, он разыскивал ее, но узнал только, что она погибла в Закарпатье. А о том, что у них родилась дочь, которую нашли партизаны возле погибшей матери и отправили с транспортным самолетом в тыл, узнает позднее Наталья Яковлевна Сергеева, та самая сирота, которую удочерил Прокопий Переверзев.

Сюжетная линия поиска девочкой родных родителей выражает основную мысль автора – проблемы преемственности поколений. Не только фронтовики, но дети, внуки и правнуки должны стать продолжателям святого дела старшего поколения, на чью долю пришлось война – свято беречь любовь к Отчизне. А для этого необходимо сохранить памяти о тех, кто такой страшной ценой добыл для своей страны Победу. Эту повесть нельзя назвать законченным произведением, «гладким», оно как обрывки памяти, «клочкастое». Автору свойственна некоторая телеграфность стиля, отказ от описания подробностей, деталей, есть языковые погрешности. Тем не менее, повесть «Последствие тяжелого ранения» бережит душу и сердце читателя, заставляет задуматься.

Отличительной особенностью произведений Шушарина, в том числе и связанных с темой Великой Отечественной войны, является взволнованный разговор о любви, любви чистой, ничем не замутненной, мужественной, полной мудрости и терпения. Герои его книг готовы драться за свою любовь, за чистоту своих чувств, они

безжалостны к малейшим проявлениям легкомыслия. Невеста Ивана Скоробогатова, оставшегося на войне без ног («Антонов огонь»), без раздумий едет в госпиталь к любимому для того, чтобы стать его женой. Она не понимает и не принимает ничего иного. «Без ног Ваня остался, а я люблю его еще больше...». Фотька Журавлев («Фотькина любовь»), которого буквально с того света после тяжелого ранения вернула санитарка Зина, не прощает обмана, которым деревенская соседка Домна, когда он возвратился домой, женила его на себе, утаив письма от горячо любимой им Зины. Сашка Лопатин из рассказа «Поляна детства» приходит к окончательному решению взять на себя заботы о семье погибшего приемного брата Рамазана, когда в случайном разговоре узнает, что вдова брата Зинка верна памяти погибшего на фронте мужа и даже при недостатке в селе мужиков не соглашается выходить замуж.

Даже когда Михаил Шушарин в своих произведениях пишет о мирном времени, главными героями большинства его повестей и рассказов («Роза ветров», «Седые и святые») остаются те, кто в молодости пережил страшные годы Великой Отечественной войны, чьи характеры сформировались и закалились в боях с грозным врагом.

С окончанием Великой Отечественной войны, когда военные впечатления у многих участников боевых действий улеглись, появилось время обо всем подумать, проанализировать. Как показывает опыт нашей (и не только нашей) военной литературы, значительные вещи о войнах создавались по прошествии времени, когда у авторов и общества остывали эмоции и прояснялось в головах. Старейший писатель Зауралья **Василий Иванович Еловских** с 1939 по 1947 годы служил в армии и внутренних войсках рядовым, младшим командиром взвода, политруком, начальником гарнизона, редактором дивизионной газеты. Закончил Хабаровское стрелково-минометное училище. В годы Великой Отечественной войны воевал на Ленинградском

и 2-м Прибалтийском фронтах. Войну закончил в Прибалтике. Демобилизовался в 1947 году с двенадцатью воинскими наградами. Военные дороги и впечатления, некоторые биографические факты, связанные с военными профессиями автора, нашли своё отражение в последующем творчестве писателя.

В рассказе В. Еловских «Пятеро» действие происходит в самом начале войны. Пятеро красноармейцев из разгромленных частей пытаются выйти к своим. На этом пути они испытывают невероятные лишения, страдания и, в конце концов, гибнут один за другим. И кем бы ни был каждый из героев этого рассказа в прошлой мирной жизни (простой крестьянин или интеллигент), война их уравнивает. Автор показывает, что война – это не игра в патриотизм – это беспросветная жестокость. И уже то, что все пятеро гибнут нелепо, совершенно не героически, подчеркивает основную мысль автора.

Небольшой рассказ Василия Еловских «Солдат и мальчик» повествует не о военном героизме (хотя действие рассказа и происходит во время войны), а о героизме иного рода. Солдат-красноармеец срочной службы Иван Киселев, который и повоевать-то не успел, в первом же бою получил тяжелое ранение и через лес пытается добраться до кого-нибудь из советских людей. Десятилетний мальчик Сережка из маленького поселка, совсем недавно потерявший мать и друга, очень болен и пытается добраться до деревни со странным названием Вилок. «Мальчишка шел по дороге, потом свернул в низину, к кустарни-

кам, решив, что там должна быть речка, и услышал стоны красноармейца». Они оба были в равном положении – у солдата рана в плече, большая потеря крови и, судя по всему, он должен был к вечеру умереть, у мальчишки – очень высокая температура. Но Иван Киселев вдруг почувствовал себя лучше – “боязнь за мальчишку, желание опекать, оберегать ребенка... вдохнули в него жизнь и силу”. Он поддерживал в костерке огонь, тормозил Сережку, просил повернуться к теплу то одним, то другим боком и думал: «...одиночество особенно губительно действует на детей, и мальчишка, наверное, погиб бы, если бы не вышел к нему». Вечером их увидели старик и две старухи, ехавшие на телеге из Тепловки в Вилки. Они взвалили красноармейца и мальчишку на телегу. В полукилометре от деревни старик, остановив лошаденку, сказал с удивлением: «А солдат-то ведь помер, братцы!».

Часто действие в произведениях Василия Еловских происходит в Прибалтике, где довелось воевать самому писателю. В рассказах «На дальнем хуторе», «Лесная встреча», которые по стилю написания можно отнести к приключенческому жанру, автор пытается объяснить причины, по которым некоторые латыши не приняли ни сторону немцев, ни сторону советских войск, а другие, наоборот, пошли к немцам на службу.

Ещё в 90-е годы журнал «Знамя» задал писателям вопрос: «Почему стали мало писать о войне, ведь военная тема всегда так значима была для русской литературы – и не в силу её воинственности, а как раз наоборот: потому, что помогала понять природу человека, выявить силы добра, могущие противостоять злу?»

Интересный ответ дал писатель Василь Быков: «В окопах все патриоты и, так или иначе, вынуждены убивать себе подобных хотя бы ради сохранения собственной жизни. Иные делают это с истинно патриотическим энтузиазмом, другие невольно; редко у кого появляется желание и возможность уклониться от смертоубийства. Даже по прошествии времени не многие решаются при-

знаться в кажущейся или явной неблагоприятности собственных поступков. Участник второй мировой войны и великий гуманист XX века Генрих Белль отважился на признание о собственной симуляции на фронте с целью уклонения от боя и эвакуации в тыл. Но много ли нам известно о подобных случаях из нашей военной литературы, хотя и в Красной армии попытки такого рода были вовсе не редкостью. При всех прочих несомненных ценностях ценность собственной жизни все-таки была и остается превыше всего». Большинство же писателей сослалось на отсутствие личного военного опыта. Возможно поэтому лишь немногие зауральские писатели и поэты, не видавшие войну, в своих произведениях описывают непосредственно военные действия. Один из них – В. Ф. Михайлов с романом «Рядовой Флеган Черепанов», повестями «Под Старым Осколом» и «Подвиг политука».

Наиболее значительным военным произведением писателя, который в годы войны был совсем ребенком, является повесть **Вячеслава Веселова** «Маленькая война штурмана Стогова» (7). Она основывается на удивительном историческом факте – когда в 1941 году, немцы были под Смоленском, наши лётчики бомбили Берлин. Не только с фактологической точностью, но и с блестящим художественным мастерством автор описывает беспримерный подвиг балтийских авиаторов. «Сюжет прост: из лётчиков балтийской авиации создаётся совершенно секретная оперативная группа для выполнения специального задания. Только прибыв на замаскированный островной аэродром, пилоты, штурманы, радисты, узнают, что им предстоит бомбить Берлин. Девять экипажей почти каждую ночь после взлёта идут над морем, в районе Штеттина поворачивают на Берлин, окружённый тремя поясами зенитной обороны, бомбят фашистские заводы и, развернувшись к морю у острова Кольберг, возвращаются домой. Ближе Ленинграда запасных аэродромов нет, на базу самолёты приходят сухими, горючего в обрез. Если собьют – предстоит утонуть в море или в случае вынужденной посадки

пробиваться к своим через линию фронта. Семь часов страшного ночного полёта!

После первого удачного вылета им зачитали благодарность Верховного главнокомандующего. А вскоре после этой награды приказали брать под крылья изношенных и незащищённых бомбардировщиков смертоносного груза в два раза больше. Для эффективности. Без учёта реальных возможностей техники. Приказы Верховного не обсуждаются... Веселов ведёт сюжет по классическим законам драмы: когда напряжение достигает невыносимого предела, он переключает внимание читателя на довоенное детство героев, где возникают картины мирной и спокойной жизни горожан и деревенских парней. И вновь самолёты вырываются на короткую дорожку острова, чтобы, поднявшись на 4-5 километров, долететь под огнём «юнкерсов» и «мессеров» до Берлина, перескочить зенитные «столбы» и, отбомбившись, взять курс на родную Балтику. Но сколь мастерски автор не управлял бы драматическим развитием сюжета, правда жизни берёт своё, и он от неё не отступает. Погибают почти все герои повести...» – пишет в предисловии к книге В. Веселова «Быстротекущая жизнь» Валерий Портнягин.

Еще одна повесть Вячеслава Веслова под названием «Одинок и безоружен», так же основанная на документальном материале, была издана к 50-летию Победы в сборнике «Военные приключения». В ней показано самое горькое и трудное время – начало Великой Отечественной войны. Перед героями повести стоит труднейшая задача – совершить кругосветное плавание в охваченном войной океане. Командир ледокола «Урал» получает задание снять вооружение и перегнать ледокол. Герои повести не воины, а тихие труженики тыла, но им все-таки удастся, преодолевая невероятные трудности и смертельные опасности, перегнать ледокол до места назначения.

«Настоящим концом войны стали для меня эти две рано сгоревшие судьбы: одну я мог близко наблюдать, о другой услышал в армии от своего командира. Порознь я бы их, наверное, и не по-

нял». Так начинается В. Веселов свой рассказ «Гурий и Мурат» о судьбах двух людей – участников войны, которые с одной стороны совершенно разные, но объединяет их то, что оба не смогли пережить увиденное и прочувствованное в военном пекле, не смогли «вписаться» в мирную жизнь.

Гурий в детстве был непутевым, непослушным, вечно обиженным, таким и остался, вернувшись с войны. Перепробовал множество профессий, но так и не нашел себя. Автор глазами племянника наблюдает за выходками дяди и понимает, что тот никак не может пережить то, что носит в себе, не может пережить увиденную на войне кровавую бойню. Мурат на войну попал вслед за братьями. Еще мальчишкой он правдами и неправдами остался с ними в летном училище. А когда к концу войны Мурат – 19-летний лейтенант прибыл на фронт, то оказалось, что накануне его прибытия в полк братья в один день сгорели в воздухе. Мурат отчаянно мстил за братьев. Война закончилась, а эта мрачная, ничем не заглушаемая отчаянность осталась. Он продолжал чудить, пока не погиб, гоня на мотоцикле.

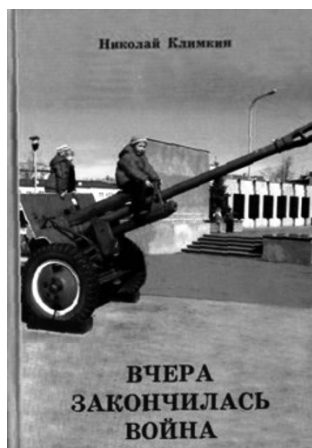
«... Не хватит чувств любых поэтов / осмыслить правду о войне», – пишет в стихотворении «А на войне все рядовые...» Владимир Филимонов. Тем не менее, тема Великой Отечественной войны всегда волновала детей фронтовиков. Среди произведений «не воевавших» поэтов стоит обратить внимание на сборники стихов Владимира Филимонова «Клятва», Николая Климкина «Вчера за-

кончилась война», Николая Покидышева «Осколок в памяти».

В сборнике «Клятва», посвященном 65-летию Великой Победы, **Владимир Филимонов** представил стихи, посвященные защитникам Отечества вообще и участникам Великой Отечественной войны в частности. Автор обращается к ключевым историческим датам в стихах «22 июня 1941 года» и «День Победы», очень органично обогащая пафосные обобщения бытовыми деталями, что придает его поэтическим строкам необыкновенную правдивость. В стихотворении «Дезертир» автор обращается к теме выбора, который может встать перед

каждым воюющим – жизнь или смерть. И если выбор сделан в пользу жизни – «Да, каждый волен выжить.../ Но вот какой ценой?»

В стихотворении «Солдатам России» автор обращается к потомкам от лица погибшего защитника Родины – не конкрет-

ного человека, а обобщенного образа. Он выражает мысль о том, что не ради наград дрались за Родину, а ради защиты самых родных и близких («за мать и сестренку») и если бы повернуть колесо истории вспять, то защитники своей Отчизны снова весь путь повторили.

Николай Климкин – один из немногих родившихся после войны поэтов, который описывает в своих стихах ратные подвиги простых солдат («За высоты четыре дробь четыре...», «Мы в атаку с тобою пошли...», «Ошибается в жизни один раз сапер», «И штрафники становились героями».

Берет за душу стихотворение «На стенах побежденного рейхстага...», в котором автор сумел передать и радость победителей, одолевших сильного врага, и то, какой страшной ценой миллионов погибших на войне и умерших от ран уже после нее досталась нам победа.

*И похоронки долго еще шли,
Но, не найдя на месте адресата,
Ложились на казенные столы
С наградами погибшего солдата.*

Чаще всего источником вдохновения для поэтов служит конкретная судьба какого-нибудь героя. В стихотворении «Я недавно случайно услышал рассказ...» Николай Климкин в поэтической форме описывает судьбу мужественного человека Виктора Струга, который воевал у Брестской крепости, а попав в плен, неоднократно пытался бежать, чтобы вернуться на Родину. Поводом для написания этого произведения стал рассказ о находке поисковиками документов героя.

В сборниках стихов **Николая Покидышева** «С тобой всегда» и «Неразделимость» целый цикл стихотворений посвящен как раз теме Великой Отечественной войны. Стихи «Курсанты», «Городу Ленинграду», «Вдруг память как взрывной волной...» – дань памяти отцу-фронтовику, которому посчастливилось вернуться живым с той страшной войны.

*...С осколком дожил до седин,
А в День Победы молча плакал
Солдат, оставшийся один
Из всех поднявшихся в атаку.*

В стихотворении «23.02.1943 у деревни Чернушки» Н. Покидышев попытался передать ощущения известного исторического персонажа – героя Советского Союза Александра Матросова. Повествование идет от лица главного героя.

Что мог чувствовать совсем еще молодой человек, зная, что через несколько мгновений погибнет.

Закрывая своим телом ДЗОТ, он ценой собственной жизни спасает ребят-однополчан.

*Но вот и ДЗОТ. И поздно на попятный.
И вспышки выстрелов над головой видны.
Что не дожил – пусть доживут ребята.
И дай им бог вернуться всем с войны!*

Следует добавить, что образ Александра Матросова встречается в стихах Владимира Филимонова «Никто не задавал вопрос...», Владимира Герасимова «У памятника Александру Матросову».

Образное и эмоционально сильное стихотворение Николая Покидышева «Ладога» передает «войны короткий эпизод, где случай жизнь дарил вслепую» – эвакуацию по «Дороге жизни» из блокадного Ленинграда.

Очень яркое стихотворение Петра Квашнина «Ты первый, и вся рота за тобой» посвящено участнику Великой Отечественной войны Мальцеву Александру Николаевичу, капитану, командиру стрелковой роты, уроженцу д. Заозерной Каргапольского района, который погиб в бою 23 октября 1943 года.

Автор показывает роль командира, который должен вести в рукопашный бой совсем еще неумелых, юных бойцов.

Задача выполнена – стратегический пункт взят, но слишком дорогой ценой – ценой многих человеческих жизней.

*Как страшно подниматься
в рукопашный –
Стремительный и скоротечный бой.
Земля родная пахнет спелой пашней...
Ты – первый, и вся рота за тобой.*

Невозможно не обратить внимание на стихотворение Анатолия Предеина «Путь на Берлин», в котором автор повествует о том, насколько долгим и тяжелым был этот путь. Это была цель, к которой стремились, однако предстояло сначала остановить врага на своей территории, вырваться из окружения.

*Не знал комбат, да и другие тоже,
С боями отступая наугад,
Что долгий, изнурительный, тревожный
Путь на Берлин был... через Сталинград!*

Так сложилось исторически и географически, что Курганская область находилась далеко от фронтов Великой Отечественной войны, но труженики тыла внесли весомый вклад в победу над врагом. «В годы войны Курганская область работала на нужды фронта. Сюда были эвакуированы 15 предприятий из европейской части страны. Предприятия выпускали осколочные и химические мины, бомбы, минометы, гранаты, полевые телефоны, противогазы, бензозаправщики, антиипритные средства и другую продукцию.

Объем промышленного производства за годы войны вырос в 1,5 раза, в том числе по машиностроению в 3,7 раза.

Большой вклад в разгром агрессора внесли труженики села. Во время войны они отправили для нужд фронта 43,5 тыс. т зерна, 2,1 млн. т молока, 63,7 тыс. т мяса».

Всего на фронтах Великой Отечественной войны сражались более 200 тысяч зауральцев, 105 тысяч из них погибли.

«В каждом районе Курганской области есть населенные пункты, где живым вернулся назад только каждый третий-четвертый воин. Например, 350 мужчин ушло на фронт из села Горохово Юрга-

мышского района, а вернулось только 123. Во многих зауральских селах погибли все мужчины». (*Подливалов, В. В. Южное Зауралье в годы Великой Отечественной войны : монография / В. В. Подливалов. – Курган, 2009.*)

За сухими цифрами статистики стояли реальные судьбы людей, ставшие прообразами героев литературных произведений. Зауральские писатели в своих произведениях чаще всего описывают жизнь села в годы Великой Отечественной войны, передают ту атмосферу, которая царила в советском обществе в военное время.

ДЕТИ И ВОЙНА

Значительная часть произведений зауральской литературы, посвященных теме Великой Отечественной войны, написана не воевавшими писателями и поэтами, в первую очередь теми, кто в годы войны был еще ребенком. Отсюда и тематика этих произведений – голодное военное детство, трудовые подвиги тружеников тыла (в основном женщин и детей), сиротство, вдовья доля. Герои как поэтических, так и прозаических произведений, как правило, – сами авторы, что опять таки обусловлено «мемуарностью» зауральской литературы о войне. Наиболее характерный жанр – повесть в рассказах или новеллах. Василий Юровских в цикле рассказов из сборника «Журавлиные корни», Иван Яган в «Рассветах над Байдановкой», Виктор Потанин в повестях «Тихая вода» и «Белые кони», Виталий Михайлов в повести «Бабье лето», Валерий Меньщиков в повести «За борами за дремучими», Василий Снегирев в сборнике «Падера» показывают, что это было время войны детей против войны. Военное детство поторопило развитие души юного человека и, как ни странно, не ожесточило, а наделило отзывчивостью и добротой его сердце.

Этот мотив характерен и для поэтических произведений. В стихотворении «Время светлого пробуждения...» (158) Леонид Блюмкин так написал о своем поколении, чье детство пришлось на страшные военные годы:

*Бедность, голод преодолели,
Знали: нету беды чужой.
Сострадали, не омертвели
Полудетской своей душой.*

Стихотворение Любови Андреевой «Я тихая, мне мама говорит...» (127) аккумулирует в себе детские воспоминания большинства зауральских авторов, чье детство пришлось на военные годы. Было голодно, матери с утра до ночи работали в колхозах, а дети были предоставлены сами себе. Малышей воспитывали немощные старики.

*Меня моя деревня берегла,
Когда на пашню мама уходила.
Она меня кормила, чем могла,
И без отца, без бабушки растила.*

Это единение советских людей в пору трудных испытаний не только стало залогом победы в страшной войне, но и воспитало чувство патриотизма у подрастающего поколения:

*Я понимаю, что моя родня
И Родина моя – одно и то же.*

Подтверждение тому мы находим в стихах Александра Виноградова («В Родину кровинкой каждой веруем...», «Память»), Николая Аксенова («Мое детство», «Мамин хлеб»), Николая Егорова («Дети войны», «Дети той войны далекой...»), Нинель Вахрушевой «Воспоминания детства» и других.

Условия жизни в тылу в военные годы были достаточно жесткие. Непомерная тяжесть войны легла на плечи тружеников сельского хозяйства. Большинство мужчин ушли на фронт, на колхозных полях их заменили женщины и подростки, весь выращиваемый хлеб до последнего зернышка сдавали государству (себе оставляли только отходы), а за сбор колосков можно было оказаться за решеткой. Помимо этого все «...военные годы в полуголодных деревнях шли постоянные мобилизации трудоспособного населения

на военные заводы, угольные копи, лесозаготовки. Так, в 1943 году только в школы ФЗО по области было призвано более 33 тысяч 14-15-летних подростков. ...Положение усугублялось тем, что помимо мобилизации людских ресурсов, зауральская деревня отдала армии более 20 процентов лучших тракторов и автомашин, 8,5 тысячи рабочих лошадей, большое количество повозок и саней. ...Вследствие острой нехватки людей, техники, лошадей приходилось пахать на коровах, убирать урожай косами и серпами, устанавливать рабочий день от восхода солнца до заката. Так, например, весной 1943 года в Белозерском районе на бороновании и севе работало около четырех тысяч коров. Для животных был установлен шестичасовой рабочий день. Люди работали по 12 часов.

Трудовой героизм на селе, как и на промышленных предприятиях, в годы Великой Отечественной войны был массовым. В дни весеннего сева, заготовки кормов, уборочной страды на поля выходили все, кто мог держать косу, серп или лопату. 60-70-летние старушки убрали серпами значительные площади посевов, 12-13-летние дети работали на прополке, подборке сена, копке картофеля. В 1943-1944 годах школьники области выработали около 3,5 миллиона трудодней». (*Мозин, М. М. Поклонимся великим тем годам / М. М. Мозин // Книга памяти. 1941-1945. Т. 1. – Курган: «Парус-М», 1995.*)

Из-за того, что коровы использовались в качестве тягловой силы, они меньше давали молока, которое также нужно было сдавать государству, а уж если что-то оставалось, то шло на пропитание семьям. Население сельскохозяйственной области голодало, но работало для нужд фронта. Дети не имели лишней одежды, но ходили в школу даже в самые сильные морозы. Писали на газетных листах чернилами, сделанными из сажи и молока. Такие подробности жизни и быта зауральцев в военные годы мы находим во многих произведениях: в стихах Алексея Еранцева «Картошка», Ивана Ягана «Каша», «Штаны», «Тополи», Николая Аксенова «Солдатки», Залии

Биксуриной «Опаленные войной», Александра Виноградова «Зимой сорок второго», «Голодные сны», «Память», Нины Федотовой «Блины», А. Позднякова «Триптих», в рассказах и повестях В. Юровских, И. Ягана, В. Потанина, В. Малахова, В. Снегирева, С. Чигина («Побег», «Жернова», «Агафья-лекарь», «Кузины шаровары»).

Повести в рассказах «Журавлиные корни» Василия Юровских, «Рассветы над Байдановкой» Ивана Ягана, «За борами за дремучими» Валерия Меньшикова, «Белые кони» и «Тихая вода» Виктора Потанина можно назвать панорамой жизни села в военные годы. По сути дела, это авторские воспоминания о детстве, которое пришлось на суровые военные годы. «...незатейливые, даже эклектичные, на первый взгляд, эпизоды надломленного детства постепенно вырастают в зримую картину трудной, но отнюдь не безысходной жизни тружеников-сельчан, внесших посильную лепту в Победу над врагом». (*Кузин, Николай. Кладовая памяти / Н. Кузин // Яган, Иван. Многоликая и самобытная : заметки о литературе Зауралья / И. Яган. – Куртамыш, 2007.*)

В рассказах «Журавлиные корни», «Жабрей», «Хлебушко», «На меже» Василий Юровских вспоминает о своем голодном военном детстве. Люди, чтобы не умереть с голоду, пробовали употреблять в пищу любую траву. Купена, которую в народе называли «журавлиными корнями», вызывала пищевое отравление, лепешки из жабрея нельзя было есть горячими, иначе

наступал временный паралич, чаще всего делали лепешки из кобыляка, крапивы, лебеды, а летом спасали дары леса – ягоды и грибы. Пшеницу и рожь в колхозах выращивали в достаточном количестве, вот только прикасаться к ним было нельзя, досмотр был жестоким. Все сдавалось государству, шло для снабжения фронта.

В рассказе «Гроздь стручков» Василий Юровских вспоминает, как в детстве его из-за горсти стручков гороха, нарванных на колхозном поле, чуть не до смерти избил обходчик Ефимка Синяк. Время было военное, но даже и это не давало права взрослому человеку так лютовать. Как параллель, вспоминается автору односельчанин, побывавший в немецком плену. Охранники били его по раненой голове цепью, потому, что тот с голодухи ел мерзлую картошку, найденную на помойке. В послевоенное время обходчик, став председателем колхоза, остался зверь зверем. А у автора на всю оставшуюся жизнь пропало желание брать что-либо с чужого поля.

В подобной же ситуации оказался и герой повести Виталия Михайлова «Горький запах полыни» Алешка Белов. Василию Юровских вторит Владимир Малахов рассказом «За зеленым горохом»: «Вообще, как только стаивал снег, мальчишки переходили на довольствие к природе. На пашне собирали мороженую картошку, оставленную при уборке урожая. Тогда во всех домах появлялись серые твердые лепешки. Полностью насытиться ими было нельзя, да хоть голодок заманить. А когда вскрывались болота, наступала пора рогалей, мучки и других болотных растений. Лакомством были и белые корни репея. И вовсе не жестокость толкала мальчишек на преступление перед природой – разорение птичьих гнезд: их мучил голод. А дюжина сорочьих яиц или пара-другая утиных помогала выжить очередные сутки. Наевшись медунок, луковиц саранок, ребятишки сами ходили на зеленые былинки. Костлявые, с лишаями и струпьями от чирьев на коже, они целыми днями носились по лесам и болотам. Нажитые за долгую зиму болячки лечили настоями трав, горячим озерным

илом. Сытнее становилось, когда появлялись грибы-сморчки, веснянки, а потом и обабки. Пострадав недельку животогами, ребятишки входили в норму и уже без опаски поглощали лесные и полевые дары природы. Пучки, дидильки, гранатки не только ели, но и мастерили из них “брызгалки”.

В эту пору не хватало чего-нибудь сладкого. И его с успехом заменял горох раннего сева. Молодые стручки ребята тщательно разжевывали, высасывая сладкий сок. Не так привлекали мягкие зеленые горошинки, как эти сахарные стручки.

Но вот беда – даже за сбор колосков, пролежавших на поле зиму, за копку мороженого картофеля на голодного деревенского жителя обрушивалась страшная кара – до десяти лет лагерей. Если попадался за этим занятием ребенок, – страдала семья. Власти могли конфисковать последнюю овечку, отрезать огород. И тогда – голодная смерть».

В рассказах Василия Юровских «Лебеди» и «Возле людей» действие происходит уже в мирное время, но автор, любуясь на молодых людей, которые рвут кувшинки для букета, невольно вспоминает свое голодное военное детство, когда делал то же самое, но «... не для венка девчонке, а изведать – годятся ли они в еду» («Лебеди»). Он не может «...вытравить из себя привычку военного детства! На одни лишь грачиные гнезда «облизываюсь»». И читатель начинает понимать, что яйца сорок, галок, ворон и прочих птиц были лакомством для тех, чье детство прошло в годы войны. И при всем при этом автор невольно заставляет читателя, так же как и он сам, любить и ценить природу.

В рассказе «Толстые шти» автор вспоминает, как по контузии отпустили отца домой на полгода, но уже через 3 месяца пришла повестка, снова ему на фронт. Ушел тогда отец в поле и две ночи не возвращался «искал под снегами тока, где поздней осенью молотили хлеб. По зернышку, по горсточке намел, наобдувал и наотсеивал да натрès он из соломы мешок ячменя... и тогда тяжелым пестом осторожно толкли мы бронзово-литые ячменные зерна. Дрожали над каждым

зернышком, из щелей в полу выковыривали. А если укатывались – проваливались в голбец – там находили». Первые «толстые шти» тогда сварила мать для ребятишек из этого ячменя. «Толстые шти»... И слов-то теперь много знаю, а немею, как перед святыней, как перед матушкой родимой... И не могу я ничего сказать. Видно, поймет меня лишь тот, кому довелось с детства забыть вкус хлеба и как в русской сказке снова испробовать его. Ну не хлеб, так «толстые шти» из ячменя».

И при всем при этом не только о хлебе насущном думали односельчане автора, люди не теряли оптимизма и бесконечно верили в победу: «Мы-то знаем, не одним голодом, не одной думой утолить его жили в те годы. Кто же, как не наши матери, сами больше нас голодные, ехали в поле с песнями, пели и вязали на телегах подарки бойцам на фронт. До упаду наробившись, снова пели. И мы издалека слышали своих мам, забывали о голоде и верили, пуще верили в победу наших тятей, дядей и братьев».

Ребятишки сами мастерили открытки, сочиняли боевые письма, передавая пламенный привет бойцам на фронт. Это и веселило, и поднимало боевой дух защитников Родины. Горячее желание детей всеми своими слабыми силами приблизить победу над врагом ярко отражено в рассказах Юровского «Юровская бомба», «К тятю» и подтверждается Константином Сульдиным стихотворением «Как я завидовал солдатам...», где автор рассказывает о своем огромном мальчишеском желании удрать на фронт и наравне со взрослыми бить врага. Но... «котомку с хлебом отобрали, Надрали уши докрасна...», и юный герой:

*... писал стихи и песни,
И отправлял на фронт дядьям.
И мне казалось: с ними вместе
В огне, в думу воюю там.*

Дети тыла в страшные военные годы сделали главное: научились трудиться, выживать, не воровать, не предавать, жить коллективом и очень

бережно хранить память о тех, кто не вернулся с войны. Раннее взросление детей в суровые военные годы – основной мотив многих произведений зауральской литературы о Великой Отечественной войне. Об этом рассказы Василия Юровских «Манькин куст», «Ефимко и Офимья», «Синие пташки-пикушки».

В рассказе «Синие пташки-пикушки» очень ярко передано, как матери в военное время забыли, что их подрастающие сыновья, заменившие в тылу отцов на всех сельскохозяйственных работах и трудящиеся наравне со взрослыми, все-таки остаются детьми. Ребята ловили на полях сусликов, выдывали шкурки и сдавали их на пушнину. А на заработанные деньги купили не еду, а игрушки-пикушки, хотя знали, что от матерей им здорово влетит. «До чо, Тоша, война нас, матерей, довела», – услышали мамин голос. – Совсем в робятах дитенков перестали различать. Давеча чуть не излупила я своих. А за што? Взяли на шкурки у заготовителя по пикушке. Только хотела ухватом хлестнуть, а с глаз-то вроде што-то спало. Прозрела я, смотрю на них, а ить дитенки оне, совсем дитенки. Одежонка – заплатка на заплате, руки-ноги в цыпушках. Зверьков-то ить не просто наловить. Господи, думаю ето я, да за чо, за чо их бить собралась?! Сено сами косят и на корове возят, до полночи маются в лесу одни, ежели воз развалится. Дрова пилят и себе, и чеботарю Василью Кудряшу за обутки. И ягодники, и груздяники они у меня. В нужде и горе забываешь о них, как с ровни спрашиваешь. А тут глянула и сердце кровью облилось... Ребятенки, детки еще оне. Ни еды не видывали, ни игрушек. Эдак и детства не узнают, останется в памяти работа, голод и нужда».

Рассказ Александра Позднякова «Рассыпчатая радуга» ведется от лица автора, который в годы войны был 13-летним мальчишкой. Отцы и дядья ушли на фронт, а они, мальчишки, остались сеять и убирать хлеб. «После вспашки и бороньбы надо сеять. Есть большие сеялки, но нет трактора. Есть кони, но нет конной сеялки. Пришлось вручную. Показали, как надо, древние старики. Насыпай в

ведерко зерно, вешай на живот через плечо и раскидывай веером справа налево. Пока набираешь в горсть, успеешь сделать два или три шага, это уж смотря какой у тебя шаг, и швыряй, сильнее и ровнее, прямой рукой». В какой-то момент главный герой (он же автор) вдруг остановился, с удивлением заметив, что летящие зерна в лучах солнца составляют рассыпчатую радугу. «Дело такое крайне серьезное и ответственное превратилось в игру. Сзади бригадир, ответственный по всей строгости военного времени, ужаснулся от брака. Он заорал на меня что есть мочи. Посрамленный несерьезностью, своей детской глупостью, я сгорал от стыда перед сверстниками и готов был провалиться сквозь землю...». Суровая военная действительность заставляла ребятшек рано взрослеть, но детство оставалось детством.

О раннем взрослении автора и главного героя в годы военного лихолетья рассказывает во второй части повести-хроники «За Сибирью солнце всходит...», названной «Рассветы над Байдановкой» **Иван Яган** (первоначальным вариантом ее была «Когда я был мальчишкой»). Он «...познал тяготы военного лихолетья мальчишкой, в пору самого первородного узнавания окружающей жизни. Война, по сути, отняла у него и его сверстников детство, вернее, прервала его на самой радостной ноте и оставила тем самым первую

крупную и большую зарубку в памяти... Взволнованные воспоминания о детских впечатлениях любознательного мальчишки из большой деревенской семьи составляют сюжетную основу повести.

В полустепной сибирской деревеньке Байдановке, куда в начале века перебрались в поисках лучшей доли безземельные украинские предки героя повести, почувствовал он радостное многообразие жизни, здесь же увидел первые слёзы горя, когда подул ледяной ветер войны, здесь не по возрасту рано узнал вкус солёного трудового пота, страх голода, здесь же впервые научился различать справедливость и обман, бескорыстие и расчёт, здесь же его доверчивое сердце потянулось к людям душевно богатым и щедрым, излучающим свет, добро и чистоту». (*Кузин, Николай. Кладовая памяти / Н. Кузин // Яган, Иван. Многоликая и самобытная : заметки о литературе Зауралья / И. Яган. – Куртамыш, 2007.*)

Автор показывает, что дети внесли весомый вклад в Победу. «В первый же год войны в деревне всего мужиков-то осталось несколько стариков да подростков. Те, кто вчера еще звались пацанами, вдруг посерьезнели и повзрослели. Они поняли, что стали единственной опорой для матерей в колхозе и дома. Четырнадцатилетние и пятнадцатилетние работали трактористами и комбайнерами, девочки, их ровесницы, – прицепщиками и поварихами. И хотя они трудились не меньше взрослых и были по-взрослому серьезны в работе, иногда в их поведении все же сказывалось ребячество, проявлялось оно в какой-нибудь шалости или бесшабашности. То сядут вчетвером верхом на одну лошадь, то спящих в бригадном вагончике девчонок привяжут друг к дружке косами, а то уж и совсем к детству вернуться – ночью пройдутся по чьему-нибудь огороду, как саранча»[109, с. 103].

Мать пекла хлеб для колхоза и не смела взять лишней крошки, автор пас свиней, вставая ни свет ни заря. Автор запоздало признается в великой любви к матери, которая столько вынесла в годы войны и была счастлива лишь тогда, когда приходили редкие весточки от отца с фронта. Автор описывает, как мать с болью в сердце решила срубить на дрова тополя, посаженные отцом в год их женитьбы, наделяя деревья чертами живых существ – свидетелей подлинной

истории их семьи. А дрова были просто необходимы, чтобы обогреть дом и уберечь детей (этот же эпизод описан автором в стихотворении «Тополи»). Именно в такое время, будучи ребенком, автор учился различать справедливость и обман, бескорыстие и расчет. Ведь не только честные люди встречались в Байдановке. Кладовщик Дмитрий Груздев и стащить чужое сено мог, и у голодной ребятни отобрать собранные весной в поле просяные колосья. В военное время не хватало одежды, и мать сшила автору брезентовые штаны, которым сносу не было (этот эпизод из своей биографии автор в поэтической форме передал в стихотворении «Штаны»). А когда отец привез с фронта сыну мягкий и удобный вельветовый костюм с множеством карманов, то автор, надев его, понял, что не сможет его носить: «...изба полна соседских ребят. Мне было стыдно своей обновки, боялся глаза поднять. Когдаглянул на товарищей – увидел такое, чего никогда не забыть. Ни на одном лице не было улыбки, ни в чьих глазах не было радости. Я видел только горькую зависть. Большинство моих товарищей остались без отцов, они знали, что никогда их отцы не вернутся, не привезут им таких костюмов...» Неизгладимое впечатление оставил в душе автора поступок старшего брата Петьки. Из района пришла разрядка – направить для учебы в ремесленное училище трех подростков. А они и трактористами были, и комбайнерами, и так нужны были колхозу!

Выпало идти старшему брату автора, но вскоре он сбежал из училища, потому, что снилось ему, что другие не могут завести его трактор. Чтобы не пришлось в милиции отвечать за самовольную отлучку из училища,

Петька записался добровольцем на фронт, перед отправкой заехал в родную Байдановку попрощаться и подарил Ивану звездочку, которую тот не отцеплял от поношенной шапочки еще много лет.

Автору не пришлось поучиться в первом классе, поскольку он был смышленным мальчишкой и вслед за братом Ленькой и сестрами выучился

бегло читать и писать, хоть и с ошибками. Вот и начал он учебу сразу со второго ряда, где второклассники сидели. А в войну в школе была 100% посещаемость, потому, что новый учитель-фронтвик добился того, чтобы ребяташек в обед кашей кормили.

Ярко запомнилось автору и то, как народ встретил известие о Победе:

«Что они значили для меня? Что значило слово «победа»?

Победа – это скоро вернется отец.

Победа – это вернется Петька.

Победа – это мы будем строить новый дом.

Об этом часто в письмах писал отец.

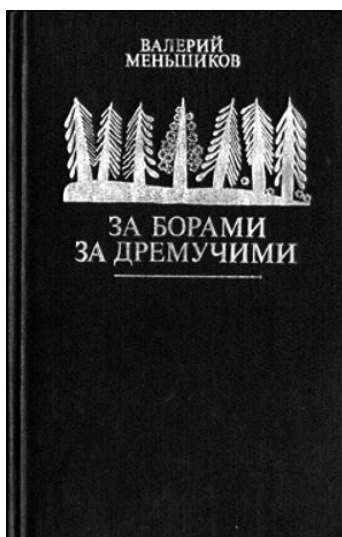
Это значило – отец будет работать на машине шофером и возьмет меня с собой в город. Об этом он тоже писал.

Я радовался.

А бабушка плакала».

Последний рассказ «Экзамен» символичен. Это не только экзамен по русскому и литературе, который автор без подготовки сдает на пятерку, это и экзамен на то, оправдал ли автор доверие отца, став матери опорой в трудное военное время и экзамен на жизнестойкость всех детей прошедших пору взросления в военное время. «Вот и кончилась война. Встряхнуться бы мне да забыть недетские заботы, но этого нельзя сделать. Этих забот не могли снять с себя мои ровесники, оставшиеся без отцов. Я испытывал большую неловкость за свое счастье. Мне казалось, будто я в чем-то виноват перед ними. Я готов был снести любую обиду с их стороны, отдать им свои самые дорогие сокровища, только бы они не были такими сдержанными и задумчивыми...».

«Повесть “Рассветы над Байдановкой” выстрадана писателем, эмоциональная пронзительность ее подкупает, как подкупает и прямодушная доверительность автора, сложившего сердечное сказание о родине малой, что неотделима от Родины великой». (Кузин, Николай. *Кладовая памяти / Н. Кузин // Яган, Иван. Многоликая и самобытная : заметки о литературе Зауралья / И. Яган. – Куртамыш, 2007.*)

Еще одна повесть в новеллах о военном детстве автора – «За борами за дремучими» **Валерия Меншикова**. Родился Валерий Сергеевич в поселке Стеклозавод Белозерского района, и к началу войны ему исполнилось 3 года. Он, так же как и многие авторы, родившиеся незадолго до

Великой Отечественной, знает войну особую – в тылу. Все взрослое население поселка и дети постарше работали на стекольном заводе. «Работу у печи не каждый выдержит. Каменная кладка источает такой жар, что невольно прикрываешь лицо руками. Горячий воздух обжигает ладони, горло, раскаляет рубашку, костяные пуговицы на которой становятся горячее малиновых угольков. И как только дед, да и все другие, кого вяжет к себе работой печь, выдерживают такую парилку. А может, и не берет их жар потому, что наши бутылочки, говорят, хорошо жгут немецкие танки и осознание этого факта заставляет работать людей, не считаясь ни с чем, не прислушиваясь к ударам колокола на проходной – лишь бы дать норму, да еще что-нибудь сверх нормы... Горите, проклятушие танки – лишь бы выдержали, не прогорели каменные боковины печи, а сельчане выдержат, обеспечат фронт столь нужной бутылкой».

Главный герой (он же автор) прибежал на завод, чтобы принести деду обед, если того оставляли на дополнительную смену, и видел, насколько тяжел этот труд, видел, насколько сильна взаимовыручка у людей. «...люди и без окриков работали на износ, предела которому они и сами не знали. А может, и знали. И лишь вера в неминуемую Победу да наши вечно голодные глаза по-

могали им держаться и делать невозможное. Только сейчас я это по-настоящему понимаю и как бы заново ощущаю тот давний всплеск доброты и ласки со стороны старших к нам, постигающим азбуку жизни в столь суровое время. И потому не только одни беды выпали на наше детство. Случались и радости». Радость общения с природой, которое помогало не только выжить, но способствовало развитию детской души, радость открытия мира. «Да, много странного и непонятного в жизни. Иногда и задумаешься – откуда явилась такая красота, этакое изобилие красок, такое совершенство форм каждой лесной травинки, каждого цветка?»

И в повести В. Юровских, и в повести В. Меншикова «...вы не найдёте клятв и заверений в любви к родным лесам, к речушкам и всякой живности. Но любовь эта ощущается в каждой строчке. Человек и природа ...слиты нерасторжимо, лирический герой живёт среди лесов и трав, как равный среди равных, а порой – как невольный должник перед природой за её щедрость и красоту, за её непостижимую, тайную мудрость...» (*Яган, Иван. Наш Пришвин : о Василии Ивановиче Юровских / И. Яган // Многоликая и самобытная : заметки о литературе Зауралья / И. Яган. – Куртамыш, 2007.*)

Немалую роль в процессе становления характера ребенка сыграли и взрослые. Свою повесть «За борами за дремучими» В. Меншиков посвятил памяти бабушки Варвары Кондратьевны, с которой неразделимо было детство автора. Бабушка научила его видеть, любить, ценить и беречь все живое. «Бабка как волшебница открыла мальчику чудо цветка, чудо красоты земли, соединила его с природой. Здесь ребенок жгуче почувствовал ответственность перед красотой, понял себя как частицу мира» (*Федорова, В. Ладное согласие / В. Федорова // Сов. Зауралье. – 1991. – 14 нояб.*)

Эту цитату можно отнести и к биографии Василия Юровских. В большинстве его рассказов, посвященных военному детству, также неизменно присутствует образ мудрой, предельно чест-

ной и трудолюбивой бабушки автора – Лукии Григорьевны, которая на восьмом десятке лет все еще работала в колхозе. Она, известная в округе травница, тоже научила внука наблюдать за природой, ценить и любить ее.

Повесть В. Меншикова «За борами за дремучими» отличается пронзительным лиризмом, удивляет, завораживает и очаровывает.

Автор показывает мир чувств маленького человека, связь красоты и труда, общность с природой и родной деревней, беспокойство за свою и чужую жизнь, осознание себя человеком. «Привлекает в книге поэтическое отношение зрелого человека к семье, где три звеньшка нерасторжимы: дети, родители, внуки. Доверие, любовь, жалость, нежность вливаются в человека не сами собой, не с неба падают, не родственными нитями связываются. Под чувствами должна быть основа. Это не только общение с природой, но и бытовые заботы, общая работа, общая радость и разделенная на всех беда. Дети крутятся около дедов, помогают по мелочам, примечают семейные привычки, ухватки. Нет праздности, но нет и злобы, нет тычков и подзатыльников». (*Федорова, В. Ладное согласие / В. Федорова // Сов. Зауралье. – 1991. – 14 нояб.*)

Эти слова В. П. Федоровой о повести Валерия Меншикова можно отнести ко многим произведениям зауральских авторов о Великой Отечественной войне, поскольку тема преемственности поколений буквально пронизывает многие произведения зауральских авторов, переживших в детстве то страшное время.

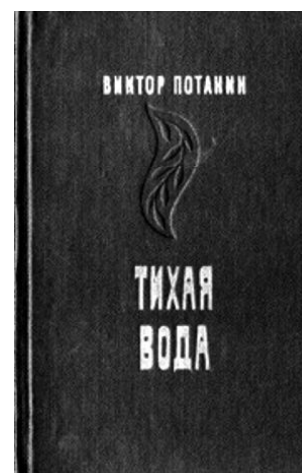
Иван Яган, рассматривая рассказы Василия Юровских о военном детстве, написал: «Суровая правда жизни, философия без громких деклараций, поэзия горести и неиссякаемого оптимизма народного. Только истинному художнику дано не увязнуть в елее личных исповедей, разглядеть за трагическим фактом и другое, что было: смешное и светлое, надежду и веру, все то, что помогло выстоять, выжить и остаться человеком...» (*Яган, Иван. Наш Пришвин / И. Яган // Курган и курганцы. – 2007. – 11 мая.*)

Эти слова с полным правом можно отнести и к

творчеству Василия Юровских, и к повести Валерия Меншикова, и к повести «Рассветы над Байдановкой» самого Ивана Ягана.

Тяжелое военное детство не ожесточило детские сердца, а способствовало становлению характера. Об этом мы читаем в повестях и рассказах Виталия Михайлова «Бабье лето», «Зимняя ночь 43-го», «Радуга», «Горький запах полыни». Об этом повесть в новеллах Виктора Потанина «Белые кони» и повесть «Тихая вода».

Главному герою повести В. Потанина «Тихая вода» 10-летнему «маленькому рябому мальчику» Васе Рукину не до ребячьих забав. На нем все домашнее хозяйство – огород, корова, куры, бычок племенной. Он и корову доит, и траву косит, хоть никто его этому не учил – обстоятельства заставили. Мать – трактористка, дома бывает редко, все время на работе, а отец пропал без вести в первых боях. А тут еще забывчивость у Васи феноменальная и сонливость странная, которая дважды уже ставила его на самый край гибели. И вот, когда с ним случилось очередное «недоразумение» (он «случайно» уснул в лодке и едва не погиб, потому, что лодку река понесла), и мать, и все село, взбудораженное его исчезновением и спасением, окружили Васю, пристыженного и смертельно напуганного. Он «вдруг почувствовал горько, по-взрослому: был бы живой отец, все обернулось бы в другую сторону. И от невозможности увидеть отца, от душевной и телесной усталости, от обиды на свою неудачную жизнь, от страха перед матерью – Васька безутешно заплакал. И плач был особенный. Скоро перешел в сплошное рыдание, и ничем не остановишь, даже свет для него померк –

глаза свело к переносице, а пальцы у рук затвердели и не сгибаются, как железные крючки. Наверно, сдали Васины нервы. И у малых ребяташек они, видимо, бывают...».

«Самые патетические фразы о подвиге народном бледнеют перед этой обыденно звучащей правдой самого подвига, повседневного, трудного, требующего всех сил души и тела», – пишет об этом эпизоде Н. Яновский (*Яновский, Н. Красота земли и красота человека / Н. Яновский // Потанин, Виктор. Избранное : повести и рассказы / В. Потанин. – М.: «Мол. гвардия», 1982.*).

Непосильное бремя забот, тяжелый недетский труд не сломали, а закалили характер главного героя, который смог осуществить свою мечту. Васька, пошел по стопам отца – он стал летчиком, быть может, уже космонавт. «Хорош сирота, поди, уж в космонавты зачислен», «в голове самолеты да самолетики», – пишет о нем отчим.

Главный герой рассказа Виктора Потанина «Наследник солдата» – тоже сирота, у которого родители погибли в войну во время бомбежки. Он был в то время настолько мал, что даже имени своего не помнил. Подобрали его чужие люди, был он у партизан, а затем отправлен в детский дом, где ему и дали имя – Александр Матросов, в честь героя Великой Отечественной войны. Действие рассказа происходит уже в мирное время, но главный герой живет равнодушно. Он беспокоен и горяч, честен и правдив – ведь он наследник солдата и старается оправдать имя своего знаменитого тезки.

Каждый из вышеперечисленных зауральских писателей, чье детство прошло в годы Великой Отечественной войны, «...ничего не навязывает от себя, но как бы только слегка помогает читателям самим извлекать даже из, казалось бы, ничем особым не примечательных встреч, случаев, событий, сохраненных памятью, уроки. Уроки совести, сострадания, милосердия, доброты, сочувственного сопереживания, душевной открытости миру. ...В сердечной открытости рассказов... действительно есть что-то вздрав-

ду роднящее их творчество с непосредственностью и бесхитростностью мировосприятия ребенка». (*Селезнев, Ю. Своя песня / Ю. Селезнев // Юровских, Василий. Родное гнездовье: повесть в рассказах, новеллы / В. Юровских. – М.: Современник, 1990.*). Эти слова Ю. Селезнева о творчестве Василия Юровских можно с полным правом отнести и к повестям о военном детстве И. Ягана, В. Менщикова, В. Потанина.

О поколении ребят сороковых годов, которым рано пришлось повзрослеть, образно написала Татьяна Лепихина в стихотворении «Мальчишки сороковых» (245):

*Души их застывали от боли,
Похоронки дрожали в руках,
А они вновь шагали на поле
И выросли у всех на глазах.*

«У той страшной, хотя и победной войны особая власть и особая сила. Она не только безотцовщину породила и списала в распыл многие детские судьбы, но и воспитала поколение опаленных войной, честных, мужественных, стойких ребят. Война – это не только бои, смерть и мужество, танки, самолеты... Война – это ещё беженцы, госпитали, голод, детские души, сжавшиеся при виде происходящего, страдающие за своих отцов и матерей всем своим существом», – напишет Александр Сметанин. (*Сметанин, Александр. Три судьбы / А. Сметанин // Тобол : лит.-публ. альм. – Курган, 2002. - № 2 (10).*).

К счастью, лишь немногим зауральским авторам довелось воочию видеть все ужасы реальных военных событий. Тем ценнее для читателя познакомиться с художественно документальной прозой – повестью Владимира Плющева «Владукас» и небольшими рассказами Николая Балашенко под общим названием «Непридуманное детство».

Авторы – дети войны. «Одним из мальчишек того военного поколения является герой повести «Владукас», он же автор, написанной на автобиографическом материале. ...суровые лишения и

страдания выпали в детстве на долю этого человека. Ему исполнилось одиннадцать лет, когда началась Великая Отечественная. Вместе с матерью он оказался на оккупированной фашистами Брянщине, в небольшом городке Дятьково. Впоследствии Дятьковский район стал центром действий брянских партизан, которые в сорок втором году изгнали из района гитлеровских захватчиков и образовали Партизанскую республику. Она героически продержалась более двух месяцев. В эти дни и позже Володя Плющев-Котиков выполнял опаснейшие поручения партизан. Потом враги захватили город, и Володя вместе с матерью под фамилией Котиков скрывался от гестаповцев и полицаев. Вскоре их отправили на каторжные работы в Германию, но они совершили побег из концлагеря. На территории Литвы, оккупированной гитлеровцами, прошли через все круги фашистского ада: гестаповские застенки в Шяуляйской тюрьме, испытали тяготы труда на каторжных торфоразработках.

Вдали от родных мест Володя вместе с матерью участвовал в борьбе русских партизан и литовских подпольщиков против ненавистных захватчиков. Это он, Володя Плющев, тринадцатилетний русский мальчик, обрел тогда новое имя – Владукас. Так по-литовски звучит имя Владимир. Все это время он хранил у себя пионерский галстук, как частицу красного знамени, под которым сражался его отец.

Когда Красная Армия освобождала Литву, Володя принял участие в боевых делах — под разрывами бомб и пулеметным огнем помог привезти нашим бойцам снаряды на передовую.

...Вымысел, даже талантливый, не сравнится с правдой, с тем, что «выдумала» сама жизнь. Можно представить фашистские застенки, пытки и расстрелы, но нельзя так пережить издевательства гитлеровских палачей, которым они подвергали свои жертвы. Тем и ценна автобиографическая повесть В. А. Плющева. И чем дальше уходит от нас время Великой Отечественной, тем дороже детали и подробности о ней, переданные ее участниками и современниками, что позволяет

в наши дни понять те нравственные устои, которые помогли советским людям в самых невероятных трудных условиях выстоять и победить». (*Белозерцев, А. К. У войны не детское лицо / А. К. Белозерцев // Плющев, Владимир. Владукас : [повесть] / В. Плющев. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992.*)

Военное детство **Николая Ивановича Балашенко** проходило на оккупированных врагом территориях. В коротеньких рассказах-воспоминаниях «Непридуманное детство» (3) автор передает свои детские переживания того времени. Это вечное ощущение голода. Чувство глубокого унижения, когда дети решились попросить «власовцев», оккупировавших их избу, немного горохового супа, и один из оккупантов плеснул этим супом ребенку в лицо («Гороховый суп»). Жуткий страх за жизнь матери, которую чуть не расстрелял «власовец» из-за миски холодца, утаенной матерью для детей («Миска холодца»). Жестокость немца, устроившего «избиение младенца» за небольшую шалость («Пулеметные ящики»). Страх и радость, когда наступило освобождение от захватчиков («Освобождение»).

Автор помнит, как плыло по Днепру неисчислимое количество трупов, как много погибло любопытных ребятишек после войны, потому, что в лесах оставалось немало складов с боеприпасами. Незабываемо было для автора и 1 сентября 1945 года, когда в школе каждому выдали по карандашу и 2 тетрадки. «Хотя потом приходилось писать и на немецких листовках, которые мы собирали по траншеям уже выцветшие. И делать чернила из крушины». Автор только констатирует факты, но для читателя вырисовывается общая картина жизни на оккупированной врагами территории в военные годы. События, увиденные глазами ребенка, описанные просто и безыскусно, выглядят очень достоверно и от того еще более страшно. В «Курганах памяти» автор вспоминает, как на утро после казни побежали они с друзьями к роше, в которой были расстреляны евреи из Дашковки. На всю жизнь запомнился автору тот леденящий страх, который охватил его,

когда на фоне голубого неба вдруг стало видно, что насыпи, где были погребены расстрелянные еврейские женщины и старики, еще шевелились.

Как факт своей военной биографии описывает Михаил Шушарин встречу с искалеченным войной ребенком в рассказе «Вася-санитар». Автор вспоминает о том, как был ранен, освобождая Карелию, и лечился в Олонецком госпитале. Главный герой его воспоминаний – 12-летний мальчишка Вася-санитар, который немало пострадал за свою коротенькую, но полную трагическими событиями жизнь. Война началась, когда Вася со своим пионерским отрядом ездил в соседний город Лодейное поле, на экскурсию. Когда возвращались, фашистские самолеты разбомбили машину. В живых остались только Вася и пионервожатая Настя. Несколько дней возвращались они пешком в свой родной город. Голодали. Вася, как настоящий мужчина, пытался защитить Настю от фашистских насильников и отстреливался из дедушкиного охотничьего ружья. Его все-таки схватили и пытались расстрелять вместе с двумя связными из Суоярвинского партизанского отряда. Но мальчику повезло, он не только выжил, но и очутился в госпитале, где работала его родная бабушка. Мальчишка не озлобился, наоборот он лучше всяких лекарств действовал на измученных болью раненых десантников, цитируя поэму Твардовского «Василий Теркин» и искренне веря, что это реальный человек, а не литературный герой. «Вася исполнял многие госпитальные обязанности. Он “ставил” градусники, дежурил около “тяжелых”, стирал бинты и салфетки, разносил кашу, бегал за водой, помогал нянечкам мыть пол, таскал “утки”, подавал костыли...» И постоянно рассказывал “историю своей жизни”, тем самым не давая раненым впадать в отчаяние. Несмотря на то, что во время расстрела у Вас была перебита и беспомощно болталась кисть руки, он научился управлять непослушной кистью и, ловко забрасывая ее, умело удил рыбу вместе с автором. Выписываясь из госпиталя, автор подарил Васе-санитару свой гвардейский значок, который спас ему жизнь, не

дав пуле задеть сердце. Спустя долгие годы внук автора побывал вместе с родителями в городе Олонце, встретился с ветераном Великой Отечественной войны, врачом районной больницы Василием Илларионовичем Кедриным (Васей-санитаром) и получил от него на память «скуко-реженный, посиневший от времени» гвардейский значок его деда. В этом рассказе автор показал и отчаянную смелость детей, которые, оказавшись на войне, порой ни чем не уступают взрослым, и преемственность поколений.

В Курганскую область на момент ее образования прибыло почти 20 тысяч эвакуированных, в том числе более 7 тысяч из осажденного Ленинграда. Этот факт нашел свое отражение в художественных произведениях наших земляков. Один из героев рассказа В. Юровских «Лимон» – эвакуированный из Ленинграда Димка. Его сестра и бабушка погибли во время бомбежки, он остался с мамой. Димка пытается приспособиться к деревенской жизни, во всем помогая ребятам. О вечно голодных ленинградских ребятишках упоминается и в рассказе «Соломеины голуби».

Леонид Куликов в стихотворении «Декабрь 41-го» описывает тот момент, когда в зауральский тыл приезжают эвакуированные, которых надо куда-то разместить и чем-то накормить.

***Москвичи, смоляне, ленинградцы –
Сколько их в селе – не сосчитать,
Коль война пришла, куда деваться?
Все родные, надо помогать.***

***Вышли ленинградские мальчишки
На снега сибирского села,
Их не греют легкие пальтишки,
Животы дорога подвела.***

Поэт подчеркивает единение народа в пору страшных испытаний. Сами голодные, местные жители готовы поделиться последним с теми, кто перенес еще большие страдания. Александр Ху-

дяков в стихотворении «Эвакуированная» делится впечатлениями от встречи с 13-летней девочкой. Ее рассказы о войне, которую она видела своими глазами, о том, что ей пришлось пережить, глубоко волнуют автора.

Майя Миргородская, которая во время войны была эвакуирована в нашу область с Украины, в своем автобиографическом стихотворении «Моей матери» признается в огромной любви к Агриппине Ильиничне Медведевой, заменившей ей родную мать. В войну Майя осталась сиротой (погиб на войне отец, эпидемия сыпняка унесла мать), и ее с братишкой эвакуировали в Сибирь. Их взяли на воспитание в семью Медведевых, где и так было пятеро детей, но заботы и ласки хватало на всех ребятишек. С огромной благодарностью автор пишет о женщине, которая «вынимала из сердца осколки войны», учила жить и радоваться жизни.

До слез трогают читателя художественно-документальные воспоминания Виктора Потанина «Боря-маленький и другие» из цикла «Блокадные мальчики», где автор, описывая свое военное детство в родной Утятке, вспоминает свою первую встречу с эвакуированными ленинградскими детьми. Многие из них болели, были покалечены, многие были сиротами. Некоторые были озлоблены и мстили местным ребятишкам за то, что те не слышали свиста бомб, жили далеко от войны. Боря Смирнов, которому было только 4 года, жил без ног. Когда везли в эшелоне, он их отморозил; пока добирались до Кургана, началось воспаление, ноги пришлось ампутировать. Врачи ему сказали, что у него еще вырастут ножки, и малыш поверил. Автор вспоминает жизнь в деревне в военные годы, когда люди умирали от истощения, хоронить приходилось без гробов, потому что в деревне давно не было ни досок, ни дров, печи топили мерзлым кизяком. Если в семье было ружье, то ребята, чтобы прокормиться, охотились на ворон и сорок.

Эти простые и безыскусные описания детских впечатлений трогают душу читателя гораздо сильнее, чем художественный вымысел. Недаром

Светлана Никитина в стихотворении «Дети Великой Отечественной» пишет:

*Мы были просто детвора,
Но до сих пор на сердце рана.
Так может быть, и нас пора
Признать войны той ветеранами.*

ЖЕНЩИНА И ВОЙНА

Значительное место в произведениях зауральских авторов о Великой Отечественной войне занимает тема «Женщина и война». О женщинах – участницах войны написано немного – это повесть Николая Лавринова «Узница лагеря Равенсбрюк» и стихи Л. Куликова «Прощальный салют», Н. Рождественской «Лишь в окно постучит весна...», Т. Лепихиной «Мама», «Фронтвичка», Ф. Баскаковой «Вальс», Н. Зайцева «На том пиру». Анатолий Предеин в стихотворении «Сестренка» очень ярко рисует короткий фронтальной эпизод из жизни медсестры, которая под страшным огнем противника не только спасала раненых, но и воевала с врагом.

*Она от страха словно меньше стала,
Но все равно не думала про смерть.
И, плача, все стреляла и стреляла,
Как будто бы боялась не успеть.*

Особенностью зауральской литературы о войне является то обстоятельство, что основная часть произведений этой тематики посвящена женщинам – труженицам, женщинам-матерям, вдовам. Документы свидетельствуют о том, что в военные годы в Зауралье только в 3-5% крестьянских дворов были трудоспособные мужчины. Весь тяжелый мужской труд взяли на свои хрупкие плечи женщины.

Николай Аксенов в стихотворении «Солдатки», Владимир Филимонов в стихотворении «Матерям России военной поры» в кратких поэтических строчках сумели нарисовать панораму трудовых будней русских женщин, проводивших

мужей на фронт.

*Черствым хлебом глотая тоску,
Миллионы солдаток суровых
Молотили снопы на току,
Выезжали пахать на коровах.
Жили тихо, без лишних затей,
О любимых скорбя втихомолку,
Одевали в обноски детей,
Провожая в начальную школу.
Счет вели отвоеванным дням,
Проходившим с ленивостью рачей,
Помогали далеким мужьям
И трудом, и любовью горячей.
До темна не сходили с полей
И в жару, и в мороз, и в ненастье,
Чтобы жизнь сохранить на земле
И святую надежду на счастье.*

Стихи А. Худякова «После работы», Т. Лепихиной «Солдатки», Н. Старшинова «Солдатская мать», Э. Упит «В деревне отпела тальянка...», Н. Востряковой «Святые матери России» посвящены тихому и в то же время великому подвигу женщины-труженицы в военную пору. Многие потеряли мужей-кормильцев, но, преодолевая душевные муки, продолжали трудиться и растить детей. У Дмитрия Белоусова есть простое и в то же время страшное своей реальностью стихотворение «Вдова»:

*Пришла на мужа похоронка.
Вдова проплакала весь день
И ночь...*

А на завтра шла пахать в поле, коротко сказав подругам: «На фронте нужен хлеб живым».

Пронзительные, берущие за душу стихи Н. Корнеевой «Плач вдовы» и Ф. Баскаковой «Вдовы войны», передают всю горечь потери близкого человека, погибшего на войне. Война забрала вместе с мужьями их женское счастье, которое осталось лишь в снах и воспоминаниях. Вдовья доля – вечное одиночество, забота о детях и о доме. Этот мотив звучит в стихах Н. Слободчи-

ковой «Не будите вдов», В. Филимонова «Вдова», Т. Лепихиной «Вдовы».

*Я вдовый лик, как лик иконы,
Внесла бы в храмы всей Руси.
За все, что выпало им в долю,
Спаси их, Господи, спаси!*

Из 200 с лишним тысяч призванных на фронт зауральцев вернулись домой менее половины, и тысячи женщин остались вдовами, а матери не дождались своих сыновей. Это обстоятельство находит свое поэтическое выражение в стихотворении Александра Позднякова «Таковую пору, помню, пережили...» (289). Автор использует образное сравнение – «черным дождем летели похоронки», и перед глазами читателя встает яркая картина.

*Листки в конвертах медленно летели,
Последнюю надежду отстраняя,
И молодые женщины вдовели,
И за подол держалась ребяшня.*

Спустя многие годы боль потери притупляется, но в душе, обреченной на одиночество, остается незаживающая рана, память о погибших близких остается до конца жизни. Этот мотив звучит в стихах Л. Баженовой «Вдовы», Н. Аксенова «Гулянка», И. Шаляпина «Храните женщину седую...», А. Еранцева «Невесты», Ф. Баскаковой «Вдовы войны».

*Жаль, не придумали медали
За боль разлук и боль потерь!
За вдовью долю, что им стала
Судьбой...И под косынкой... снег.
Что похоронка повенчала
Их с одиночеством навек!
Что в сорок пятом, в День Победы
Их не закончилась война...
Что лиха горького изведать
Им суждено было сполна.*

Мотив вынужденного женского одиночества, причина которого – гибель мужчин на полях сражений, звучит не только в поэтических произведениях (А. Еранцев «Невесты», О. Хузе «Я не была его женой»), но и в прозе. Судьбы некоторых героинь произведений М. Шушарина, В. Михайлова, В. Потанина, В. Юровских были бы иными, если бы не война.

Очень ярким в этом плане является образ няньки Нюры из повести В. Потанина «Пристань». «Она принадлежит к поколению женщин, обездоленных войной. Их мужья и женихи погибли, и свой век они прожили одинокими. Одинокими, но не сломленными, не опустошенными. Семью свято хранили, если она оставалась после мужа, чужих детей вынянчивали, берегли, как своих, любви своей, теперь уже давней, блюли неукоснительную верность. А у няньки Нюры еще горше все сложилось. Когда уходил Ваня на фронт, не успела у нее с ним созреть любовь, и живет нянька Нюра любовью больше воображаемой, благодарная этой любви, дарующей силу жить осмысленно и полно». (*Яновский, Н. Красота земли и красота человека / Н. Яновский // Потанин, Виктор. Избранное : повести и рассказы / В. Потанин. – М.: «Мол. гвардия», 1982.*)

Образ женщины-матери в произведениях зауральских авторов, посвященных Великой Отечественной войне, находит свое воплощение чаще всего в поэзии. В поэтических строчках выражены чувства матери, провожающей сына на войну (И. Яган «Разговор с мамой»), томительное ожидание писем с фронта (Н. Старшинов «Солдатская мать»), упорное нежелание верить скучным строчкам похоронки, вера в то, что сын обязательно вернется (Ф. Баскакова «У гранитной стены», «Мать всегда ждет», Н. Слободчикова «Ожидание», Н. Рождественская «Подорожник лечит блиндажи...», В. Филимонов «Мать солдата плакала во сне...»).

Интересен такой момент, как отношение матери к сыну, предавшему Родину. Если в рассказе А. Воротникова «Совесь не спрячешь» мать сама

толкает младшего сына на предательство, то в стихотворении А. Предеина «Дезертир» мать отказывается признать сына, который 7 лет прятался в лесах, уклоняясь от участия в военных действиях. Этот же мотив звучит и в поэме А. Еранцева «Горсть земли».

Гимном женщине-матери, бережно хранящей память о погибших на войне сыновьях, можно назвать трогательный до слез рассказ В. Юровских «Солдатская мать». Автор рассказывает о «тихом подвиге» неприметной при жизни женщины-крестьянки, отдавшей фронту троих сыновей. Через много лет после Великой Отечественной войны умирает деревенская старушка Аграфена Серафимовна Ильиных. Ее муж умер еще до войны, спасая колхозное добро, а трое сыновей полегли на поле брани в Великую Отечественную. Председателя сельсовета Брыкина до глубины души потрясло завещание этой женщины, которая все накопленные денежные сбережения просила направить в фонд обороны страны, чтобы изготовить автомат и вручить его лучшему бойцу на границе. «Деньги эти не мои, они получены за младшего моего сынка Илюшу. Пенсию я за него получала у государства. И как мне принесли её первый раз, так я и порешила: пусть окончилась война, а стану копить деньги для обороны страны. В войну-то ничего у меня не было, кроме трёх сыновей. Все они погибли. Илюша командиром воевал, ротой командовал, пока не погиб под Варшавой. Стало быть, сын мой не только оборонял своё Отечество, а и других вызволял из-под проклятого Гитлера. В память Илюши примите, когда помру, мои сбережения в фонд обороны СССР, а значит, и обороны мира. Наше оружие завсегда стреляет по врагам мира. Просьбе моей прошу родное правительство не отказать». Председателя удивило то, что если

«другие старухи изо дня в день отаптывают порог кабинета» с разными просьбами, хотя у самих есть дети, которые в состоянии оказать помощь, то Аграфена Серафимовна за всю жизнь ни разу с просьбами в сельсовет не ходила, хотя одна жила. А тут еще и это завещание. «Других понять можно, если копят они деньги себе на чёрный день, детям или на покупки. А тут в мирные дни тихонькая русская старушка из месяца в месяц откладывала пенсию за погибшего сына на сберегательную книжку не ради личной корысти... Отрывала от себя ради самого святого на земле – ради мира и жизни чужих детей. А как же иначе назовёшь могущество обороны нашей страны? Не имей мы грозного и новейшего вооружения, а оно ох каких денежек стоит! – страшно и представить о последствиях... Сорок первый год научил нас крепко... Врагов надо устрашать не песней одной о том, что врагу не гулять по республикам нашим, а прежде всего – оружием...». Вся загвоздка была в том, что в Советском Союзе был фонд мира, а фонда обороны не было. Но умершая старушка, десятилетиями обделяя себя деньгами, верила, что просьбу ее уважат.

В годы Великой Отечественной войны тем, кто отдавал свои сбережения на разгром фашизма, приходили благодарственные телеграммы от

Сергей Васильев
К 100-летию со дня рождения

Сталина, о них писали газеты, они вошли в историю. Вот поэтому председатель полон решимости, во что бы то ни стало, выполнить по-смертную волю матери троих погибших солдат-орденоносцев. Ведь «просьба эта не ради славы и обнаружения».

Рассказ заканчивается тем, что с величайшими почестями провожают односельчане в последний путь не генерала, а «простую, ничем не заметную деревенскую старушку Аграфену Серафимовну Ильиных, при жизни не заметную, как и многие, многие русские женщины-крестьянки...».

Недаром Сергей Васильев в стихотворении «Нашей женщине» славит русскую женщину, так много пережившую в страшные военные годы.

*Нет в этом лести и нет в этом вымысла:
Сколько ты вместе с подругами вынесла,
Сколько трудилась ты в годы военные,
Сколько крепилась ты в ночи бессменные;
Сколько под смертью была ты и около,
Сколько ты рыла, пилила и штопала,
Сколько дорог ты измерила, быстрая,
Выстояв в непогодь, вытерпев, выстрадав;
Сколько обид и невзгод испытала ты,
Сколько колючих снопов повязала ты,
Сколько ты слез над сиротской тетрадкой
В пасмурный день уронила украдкой;
Сколько карающих мин начинила ты,
Сколько пылающих ран залечила ты!
Старая ты или ты моложавая,
Русая с виду ты или чернявая,
С проседью ты или с косами длинными,
Ксаной зовут тебя или Мариною,
В синей спецовке ты или ты в форменке,
В белом халате иль в порванной стеганке,
В дымной шинели*

*иль в новеньком платьице,—
Пусть же за все тебе
вскоре отплатится.
Славлю терпенье твое исполинское,
Бедное сердце твое материнское,
Добрую душу, глаза непокорные,
Умные, милые руки проворные.*

В большинстве произведений зауральских авторов о Великой Отечественной войне ярко отражается тема сплоченности народа перед лицом

трудных испытаний. В этой страшной войне русский народ победил не из-за социальных преимуществ, не из-за поглощающей любви к Сталину, партии и правительству. Люди хотели жить. Выжить. Для этого им пришлось победить врага. Именно сплоченность, взаимовыручка, как на фронте, так и в тылу, явились залогом победы. Этот мотив прослеживается в стихах Л. Куликова «Декабрь, 41», Л. Андреевой «Я тихая, мне мама говорит...», А. Партина «Когда на битву Родина вставала...», А. Козлова «Живы и здоровы», А. Виноградова «Память», рассказах В. Юровских «Тальянка», В. Снегирева «Решето». Интересен такой момент: показывая сплоченность простого народа перед всеобщей бедой, иногда авторы противопоставляют его тем, кто наделен властью. Для зауральской литературы, посвященной военной тематике, тема «народ и власть» не является ключевой, но в некоторых произведениях встречается. В частности, в рассказах В. Федоровой «Клены», В. Малахова «За зеленым горохом», В. Михайлова «Горький запах полыни», «Бабье лето», некоторых рассказах В. Юровских.

В рассказе «Легковушка» Юровских вспоминает, как заехали в их деревню высокие чины на легковой машине и попросили кузнеца изладить в ней что-то. Но деревенский кузнец не смог справиться с задачей, и жители деревни были страшно перепуганы, что кузнеца посадят. А в деревне без кузнеца – гибель. Все обошлось, но кузнец после этого случая слег и поседел, а ребятишки всем миром помогали в кузне. Не оставит равнодушным читателя и рассказ «Кедр», в котором главный герой, он же автор, вспоминает деревенского сторожа Егора Ивановича Поспелова, который со времен японской войны берег и растил кедр. Он привез его 7-летним деревцем из Красноярска. Тамошний солдат сказал, что «...кедр долго живет, ежели отрастет, то и ты долго жить будешь, и дети твои, и деревня не переведется». Вот и охраняет дед Егор и сад, и свой кедр, хоть колхоз ему никакие трудодни за это не ставит. И деревенских ребятишек приучил ухаживать за

садом. Больше всех радовался дед Егор первым трем шишкам, которые наконец-то вызрели, да только заехал в деревню пьяный зять большого начальника на грузовике, застрял на плохой дороге и срубил под колеса первое попавшееся дерево, которым оказался этот самый, оберегаемый Егором Ивановичем, кедр. «...нам с Вовкой впервые за всю войну стало страшно за дедушку, за наших отцов на фронте и за всю Юоровку». Когда погибает этот кедр, символ веры в светлое будущее, то даже детей начинают одолевает сомнения в правильности устройства общества.

Следует отметить, что для литературы о Великой Отечественной войне 90-х годов характерна тема противопоставления власти и народа. В этих произведениях облеченные властью люди, любящие Родину только на словах, думающие прежде всего о своей выгоде, безжалостно помыкают хорошими, честными людьми, посылая их на гибель. Яркое тому подтверждение – рассказ В. Юровских «Исперкоза» (103). В нем автор на контрасте показывает оптимизм и самоотверженность простого деревенского труженика и трусость, низость человека, облеченного властью. Сюжет таков: голодная тыловая деревня, где практически не осталось мужиков, только дети, да солдатские вдовы, которые из последних сил трудятся для фронта. Ватага ребятишек под предводительством молодого тракториста Кости Малыгина радостно встречает солнечное утро, охотясь на козлов, чтобы добыть мяса не только для себя, но и для овдовевшей Анны Степных, которая осталась без помощи с малолетними детьми. В это же самое время угрюмо встречает нарождающийся день уполномоченный из района Илья Борисович Гирш. А настроение у него скверное из-за того, что единственный раз он не выполнил директивы вышестоящего начальства. Автор показывает приспособленца, который умеет ораторствовать, стыдить истинных тружеников и организовывать займы, но при этом страшно боится попасть на фронт. Всю низость его натуры подчеркивает маленький факт – Гирш слышит, как деревенские бабы плачут по убитым на

фронте мужьям, и размышляет: «Война без жертв не бывает. Он, Гирш, тоже пострадал: в дороге пропали у него три чемодана, безвозвратно утрачено все, что он накопил и сберегал для себя. А ведь не жалуется и не хлопает соплями». Он и убитого Костей Малыгиным козла с радостью увозит в райцентр якобы на экспертизу (чтобы отвлечь внимание от себя). Странное слово «экспертиза» народ переименовал на «исперкоза» (испер-коза), а Костя Малыгин сгорел в танке, освобождая от гитлеровцев Злату Прагу. «...начисто забыто и слово «исперкоза», но только не ВОЙНА. Она и поныне раньше срока закрывает глаза уцелевшим в боях ветеранам, не шадит солдатских сирот и затягивает дурниной умершие деревни. Сама земля горемычной вдовой все еще ждет с чужбины пропавшего без вести кормильца».

Сохранение памяти павших в той страшной войне, уважение к тем, кто вернулся с поля боя, вполне естественны как для поколения «детей войны», так и для тех, кто родился вскоре после нее. Первые испытали все тяготы военного времени, а вторые воспитывались в послевоенной атмосфере, когда:

**Что ни семья, то – фронтовик:
кто раненый,
кто инвалид; над койкой – снимки в ряд
родных мужчин – с надеждой-ожиданием:
а, может, жив кто и придет назад?**

– читаем мы в стихотворении Николая Покидышева «Пора послевоенная». Уже то, что было перед глазами детей, воспитывало в них чувство патриотизма.

**Но знали точно: чей отец убит,
Чей – инвалид и чей кричит ночами,
Как будто в танке до сих пор горит,
Сбивая пламя голыми руками.
И жгла обида как своя вина:
Нам слишком поздно выпало родиться.
Но если вновь обрушится война,
То отомстим за все проклятым фрицам.
(«Дома в те годы строили войска...»)**

Бережное отношение к памяти погибших отцов, хранение простых вещей, принадлежавших им, как величайших реликвий, – основной мотив в стихах А. Андреевой «Письмо», Н. Климкина «Войны не видел я...», в рассказах В. Снегирева

«Сапоги с фронта» и «Решето» главный герой – Ленька чуть не погиб в снежном бургане, спасая величайшую семейную реликвию – решето – единственную

памятную вещь, оставшуюся от отца, погибшего на фронте. Сюжет рассказа незатейлив. В голодное послевоенное время мать вместе с детьми отправляется в рождественский мороз в поле рыть норы сусликов, надеясь найти их запасы. Нагребли 2 мешка мякины с отдельными зернышками и счастливые возвратились домой. Старший брат Ленька был отправлен везть зерно. Но случилась беда: ветер вырвал из рук легкое решето, и Ленька кинулся в непроглядную тьму бурана его ловить. Решето мать берегла, как самое ценное сокровище, и Ленька не мог его не найти. Вся деревня собирается на поиски Леньки, которого, к счастью, удалось найти в огромном снежном намете и спасти. Автор показал, как бережно хранится память о погибших близких, как едины люди в порыве помочь односельчанину.

Волнующий душу рассказ Н. Покидышева «Скрипка Чукая» (58) идет от лица автора, вспоминающего свое послевоенное детство. Герои его воспоминаний – два странных с точки зрения детей старика: Люба, которая моет полы в подъездах, и сопровождающий ее муж Чукай, в ожида-

нии жены играющий на скрипке. Ребятишки над ними смеялись. Позднее выяснилось, что стран-

ность стариков происходила от великого горя. Люба и Чукай жили с детьми в Минске, в начале войны они эвакуировались, и при бомбежке поезда на их глазах дети погибли. Автор многие годы не может забыть звук скрипки Чукай – скрипки Войны – и страстно желает

попросить прощения за свое детское непонимание.

Именно перу авторов военного и послевоенного поколений принадлежат самые трогательные произведения, посвященные участникам Великой Отечественной войны, – рассказы В. Юровских «Груздяные грядки», «Дедушки», В. Малахова «Солдатушки бравы ребяташки...», С. Кокорина «Старая медаль», повести М. Шушарина «Роза ветров», «Последствия тяжелого ранения», «Седые и святые». Николай Покидышев в стихотворении «День Победы» вспоминает соседа-фронтовика, который в День Победы плакал навзрыд, вспоминая погибших товарищей, и, стиснув зубы, штурмовал ступени лестницы, выбираясь во двор, поскольку был без ног.

*Детство промелькнувшее мое!
В День Победы – не унять тревоги –
Вижу: с костылями наотлет
В полный рост встает солдат безногий!..*

До слез трогает душу читателя стихотворение Н. Аксенова «Мои ветераны», в котором автор,

отдавая дань уважения людям, которые и отстаивали свою Родину в жестокой битве с врагом, и построили сильное государство, просто требует помнить об этих героях.

*Я требовать сейчас имею право,
Чтоб помнил мир об этих стариках,
Чтоб не померкла воинская слава
На всей Руси в народах и в веках.*

У Василия Юровских есть трогательный рассказ о фронтовиках под названием «Дедушки». Повествование идет от лица автора, который невольно становится свидетелем разговора школьников, рассуждающих о предстоящей встрече с фронтовиками. Один из ребят с удивлением рассказывает товарищам о том, что у его деда много орденов и медалей, а тот скромно молчал об этом. Автор тут же представил, как «...перед школьниками рассядутся стеснительно и взволнованно ветераны войны. Они будут стыдиться своих костистых рук с намертво ввевшимся мазутом; стыдиться пустых рукавов и скрипучих протезов вместо живых ног; оборванных пальцев и неуклюжих наколок-татуировок. Многие впервые за долгие мирные годы прицепят ордена и медали на пиджаки, а у иных не окажется даже бронзовых знаков отличия. Кого-то изувечила война в самом начале, и пришлось тому вернуться на костылях или с пустым рукавом, но без единой медали, ибо не больно тогда и жаловали солдат – не до того было командованию. У кого-то сыновья и внуки порастаскали на игрушки все, что заслужили воины смертной работой на поле брани». Автор невольно вспомнил, как будучи ребенком, наблюдал возвращение фронтовиков в родное село, возвращение отца. До чего несмысленному мальчишке было обидно, что на отцовской гимнастерке вместо ордена или медали была прикреплена лишь нашивка за ранение. Как же теперь доказывать товарищам, что отец действительно был на фронте, воевал. Автор вспоминал, как не хотелось отцу рассказывать сыну всю страшную военную правду. Лишь выпив с дру-

гом Филиппом Николаевичем, он с горечью вспоминал о том, сколько погибло однополчан: «Голодные бились, обмотки примерзали к ногам. Через двое суток пищу дали на батальён, а куды нам шашнадцати? Политрук с горя водку из фляги выплеснул. Не елось, не пилося нам...» И никак не сходился в голове у мальчишки (автора) нарисованный в книгах и фильмах образ войны с тем, что он слышал от самих ее участников. Еще в детстве автор заметил, что отец и односельчане-фронтовики (даже те, что вернулись с наградами) не хвастались геройством, а чаще всего молчали или «выпимши» начинали дичать и реветь о погибших товарищах. «Книжная пелена сползла с меня много позже, когда повзрослел я и своими глазами увидел разрушенные города; братские могилы по Прибалтике, в Польше и Германии...И тогда голод в тылу показался раем, и тогда иначе взглянул я на своего израненного безграмотного отца, на Филиппа Николаевича и всех, всех русских, украинцев и белорусов, татар, всех, кто уцелел на войне». В этом рассказе автор поднимает вопрос оценки ратного труда фронтовиков. «...мой товарищ по работе со Звездой Героя, с пятью орденами, скажет мне однажды: «Да разве за награды мы воевали? Да разве есть у кого из фронтовиков обида, что не всех страна отметила орденами ».

Особый пиетет, с которым дети военного и послевоенного поколения относились к участникам Великой Отечественной войны, сказывается и в том, как авторы рисуют образы своих учителей-фронтовиков (А. Еранцев «Учитель», Л. Блюмкин «Учитель», Н. Истомина «Фронтовик», В. Михайлов «Военрук»). Им подражали, их уважали. У В. Веселова есть рассказ «Гефест» – об учителе-фронтовике, который оставил неизгладимый след в памяти своих учеников. «Позже мы узнали, что на фронт он ушел из учительского института, был тяжело ранен при штурме Померанского вала, долго мыкался по госпиталям. В нашей школе он появился в шинели и с вещевым мешком, в котором, рассказывают, ничего не было, кроме армейского одеяла да “Истории Древ-

него Востока” профессора В. И. Авдиева. И тогда мы начинали замечать его тяжелую неверную поступь, видели клочья седой щетины на скулах: правая рука у него работала плохо, а левой он еще не научился бриться. Он и к протезу на ноге, похоже, не успел привыкнуть. Или это был плохой и не по мерке протез, потому что иногда, стоя у карты, наш учитель вдруг обрывал себя на полуслове, подгребал к столу и отстегивал этот треклятый протез, пряча лицо и кривя рот от боли.

Итак, он преподавал у нас историю Древнего мира, сильно хромал и, само собой, его звали Гефестом – в честь колченогого бога кузнечного ремесла, о котором мы от него же и узнали». Ученикам нравилось, что его можно отвлечь от темы урока и разговорить, нравились его резкость и насмешливость, его нелюбовь к отличникам – в общем, все то, что ученики во все времена называют «свободой». И даже когда учитель истории сменил военную форму на «серый в редкую полоску костюм (немного ему великоватый, видимо с чужого плеча), про него одного мы думали: фронтовик». Автор замечал, многие годы изредка видя своего учителя, что тот не нажил богатства и положения, ходил в своем неизменном костюме, но так же, как и раньше, будто наблюдал за людьми. Благодаря своему однокласснику, автор однажды попал в гости к бывшему учителю и с удивлением обнаружил, что тот хорошо помнит своих учеников. Этот высохший и слабый старик оказался сильнее духом, чем его ученики, родившиеся в мирное время. Пройдя горнило страшной войны, учитель-фронтовик познал цену жизни и считал, что «несчастливыми бывают только дураки». Необыкновенное жизнелюбие тех, кто слишком много видел смертей на той страшной войне, показывает и В. Потанин в рассказе «Фронтовики».

Все познается в сравнении, фронтовикам есть с чем сравнить все прелести мирной жизни. Тем более, что война не оставляет их, приходит в воспоминаниях и снах, это постоянно подчеркивают авторы.

***Никто не возвращается с войны:
Все остаются у нее в плену.***

***Вся память и душа войной полны,
И без нее – ни жить и не вздохнуть.
Никто не возвращается с войны.***

– читаем мы у Николая Покидышева в стихотворении «Никто не возвращается с войны...» Об этом пишут и сами воевавшие авторы – Я. Вохменцев, А. Пляхин, М. Шушарин, и те, кто войны не видел, но много общался с фронтовиками (В. Филимонов «Монолог ветерана», Л. Блюмкин «Отец», Н. Покидышев «Давно молчавший телефон...», Л. Андреева «Он умирал, крича ночами...», В. Веселов «Гурий и Мурат», А. Захаров «Фантомная боль»). В стихах «Ветеран», «Как это трудно, помнить о войне...» Татьяна Лепихина пишет о том, что с годами война не забывается, она бесконечно тревожит память ветеранов, приходя в снах и вызывая угрызения совести, потому что они остались живы, а их боевые товарищи полегли на поле брани.

***Как это трудно – помнить о войне,
Как это страшно – вдруг забыть такое...***

Нина Федотова в стихотворении «Старый солдат» (326) высказывает свои предположения, почему фронтовики не любят вспоминать о войне:

***Немного скажут старые солдаты
О той кровавой мировой войне,
Как часто рвутся по ночам гранаты,
Как потом обливаются во сне!***

***Солдат не скажет, как убили друга,
С которым все делили пополам,
Как хоронил любимую подругу –
Он тоже не расскажет вам.***

***Как под огнем в воронке грязной
Лежал в бреду ни жив, ни мертв.
Об этом тоже вспомнить страшно,
Конечно, не расскажет он.
Он вам расскажет о Победе,
Друзьях, прошедших с ним сквозь ад,***

***Еще о том солдат вам скажет,
Что не свернул с пути назад.***

А Надежда Истомина в стихотворении «Отец» пишет:

***Отец мой умирал от старых ран.
Он помнил только прошлое, так вышло.
Порой он самых близких забывал,
Но называл по имени погибших.***

И это производит настолько сильное впечатление, что автор делает вывод:

***Так, значит, это забывать нельзя,
И нужно, чтоб об этом внуки знали,
Чтобы всегда у Вечного огня
В их честь знамена наши опускали.***

К сожалению, чем дальше время удаляет нас от тех страшных исторических событий, чем меньше остается тех, кто жил в военное время, особенно участников Великой Отечественной войны, тем меньше знают молодые россияне о «великих тех годах», тем слабее связь между поколениями. Об этом с горечью пишет В. Потанин в рассказе «Снег». Действие этого рассказа происходит в мирные советские времена. На утренник в школу приглашен ветеран Великой Отечественной войны Петр Алексеевич Демёхин. Автор показывает, насколько формально подходят к организации этого мероприятия в школе: взрослым важно лишь поставить галочку и отчитаться о проделанной работе, а у детей нет возможности общения с человеком, который прошел горнило той страшной войны. Автор показывает, как силен стереотип о том, что количество наград определяет степень доблести человека на войне. А у гвардии сержанта Петра Алексеевича только и есть, что одна медаль «За отвагу», которая для него «двух жизней стоит, а то и еще дороже», медаль «За освобождение Праги», да личное письмо – благодарность от Верховного. Его не единожды могли убить, а полученное серьезное

ранение на всю жизнь оставило след – рука страшно ноет к непогоде. Большинство друзей Петра Алексеевича не вернулись с войны, погибли в боях.

Эти воспоминания настолько сильно берегут душу старого фронтовика, что он долго не может успокоиться после встречи со школьниками, вот только дети этого не понимают. Сама обстановка всего утренника изначально не располагала к душевной беседе. И читателю становится горько от того, что теряется преемственность поколений. Третье поколение – дети, чьи родители не видели войны, не смогут понять все величие подвига дедов, значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне потому, что слишком формально проходят встречи с живыми свидетелями истории.

Да что говорить про внуков, если дети участников войны без должного уважения относятся к родителям, отстоявшим Родину, защитившим ее от врага. В рассказе «Лунные поляны» В. Потанин затрагивает извечную тему «отцов и детей». Вполне благополучный успешный хирург Афонасий приезжает, срочно вызванный телеграммой от отца. Он любит отца, но не приветствует подобные поездки, поскольку извечное недопонимание между ними обычно заканчивается ссорой, хотя сын никак не может понять причину. А отец – участник Великой Отечественной войны – вызвал сына, чтобы упротить его прооперировать и вылечить своего фронтового друга и ближайшего соседа Федора, который когда-то в бою спас ему жизнь, вынес из окружения, а сейчас болен раком. В этом рассказе ярко ощущается, как люди фронтового поколения, «отцы», были сплочены (что, возможно, и стало залогом победы над врагом), и как индивидуально и разрозненно поколение «детей». Автор подчеркивает, насколько сильны нравственные ценности поколения «отцов», которые медленно, но верно теряет поколение «детей». У Залии Биксуриной есть щемящее душу стихотворение «На груди ордена и медали...». Ветерана, который «прошел ратный путь до Берлина», увозят в дом старости, хотя

«есть у деда и дочь, и два сына». Но, видно, не нужен им отец. Автор, обращаясь к этим детям, которые смогли отказаться от отца, восклицает:

***От родного отца отрекаясь,
На прощанье в глаза посмотри.***

На эту проблем обращает внимание своих читателей не только старшее, но и молодое поколение писателей. Не оставит равнодушным вдумчивого читателя рассказ Алексея Захарова «Фантомная боль», в котором автор затрагивает и темы раннего возмужания мальчиков, попавших в военное пекло, и тему мучительных воспоминаний о боевом прошлом у фронтовиков, и равнодушие детей к постаревшим родителям. В этом щемящем душу произведении две сюжетных линии. С одной стороны авторское повествование о ветеране Великой Отечественной войны, который после смерти жены живет одиноко и мучается от фантомных болей в ампутированной когда-то после серьезного ранения ноге. А с другой стороны – это фантомные боли от воспоминаний главного героя о пережитом на той жестокой войне. На глазах двадцатилетнего сержанта Медведева погиб его товарищ, сам он с тяжелым ранением случайно встречает в заброшенном здании юную девочку, которая осталась совершенно одна после смерти бабушки. «Странное дело, он понимал, что был старше этой девочки всего на три, ну может, четыре года, тем не менее, ощущал себя в разговоре с ней взрослым и многоопытным человеком, из другого, более старшего поколения. Она обращалась к нему на “вы”, а он называл ее на “ты”. Внутренне он причислял себя в эту минуту к тому поколению людей, к которому относились старшина Касымов и большинство других тридцати-сорокалетних солдат его роты, оставивших дома жен и детей. Два года фронтов, военная форма и ППШ с ободраным деревянным прикладом заставляли его ощущать себя рядом с этой девочкой вполне зрелым человеком. Сейчас в этой комнате он был главным. Два года они вместе с Касымовым воевали ради вот таких

девочек. Два года он воевал ради двух своих сестер-подростков, которые остались в маленьком городке за Уралом». Простой и бесхитростный рассказ девочки о том, что она все время вспоминает свою маму и мысленно беседует с ней, вдруг навел бойца на мысль, что «...и он во сне видит свою мать, что он с ней постоянно разговаривает, расспрашивает про дом, про отца и сестер. Но он не знал, как это сделать. С чего начать. Он совершенно разучился. Он утратил естественную способность доверять сокровенное другому человеку. В суровых военных буднях, в скупой на эмоции повседневной мужской атмосфере он совсем отвык от таких простых человеческих чувств. И сейчас переживания, обрушившиеся на него захлестывающим потоком, показали ему чем-то давно забытым, почти неестественным, навсегда оставленным в мирной довоенной жизни. В той жизни, в которой он еще был совсем наивен и неопытен, был беззаботным неунывающим мальчишкой. В той жизни он еще многого не знал и не видел. До этой минуты он полагал, что ему уже больше никогда не стать прежним. Поэтому родившееся в нем чувство, позволившее ему вновь ощутить себя обычным человеком, не солдатом, одновременно вызвало в нем смятение и радость. С одной стороны, он почему-то стеснялся того, что происходило с ним. Что подумает о нем эта девушка? Ведь он для нее взрослый. Война приучила его быть сдержанным, почти равнодушным. Каждый день смерть проходила рядом с ним, и он видел, как она опрокидывала и забирала с собой тех, с кем он еще утром разговаривал, курил и обменивался шутками. Вот и сегодня днем, когда он, очнувшись, смотрел на убитого Касымова, то не испытывал никаких особых эмоций. Глядя на развороченное пулей лицо товарища, он думал об оставшейся во фляжке воде и карманных часах. И ни о чем больше. Смерть человека стала для него будничным делом. Но с другой стороны, ему все же неудержимо хотелось поделиться своей душевной тоской с Тоней. Этой тоски накопилось в нем за два последних бесконечно долгих года столько, что

больше не было сил удерживать ее внутри своего существа. Все это время он старался не замечать ее, а если и замечал, то загонял все дальше и дальше в глубь сердца. Так ему было легче выживать на войне. День за днем».

Бессмысленная и нелепая смерть этой невинной юной девочки от взрыва брошенной немцами гранаты заставила рыдать этого, в принципе, еще совсем молодого человека, очерстевшего душой. «Его сознание безоговорочно отвергало подобную возможность. Оно не желало принимать ее и мириться с нею ни в каком виде. Погиб Касымов, в любой день мог умереть он сам, могли быть убитыми другие знакомые солдаты из его батальона, что бывало часто, но не эта беззащитная девочка. Если такое случается в мире, значит, в нем все неправильно. В нем нельзя жить. Такой мир не приспособлен для жизни. Если девочка на его руках умирает, значит, мир не имеет права на существование. Такой мир обречен. Нежизнеспособен». Этот мир не жизнеспособен еще и потому, что нет должного уважения к тем, кто отстоял независимость Родины в той страшной войне.

Единственная дочь главного героя – «зловредная бабенка». «Кто знает, может, если бы в семье были еще дети, дочь выросла бы другой». Но опять сказалась война. Рассказ заканчивается словами: «Дочь он никогда не ждал». Страшна эта разорванность между поколениями. Автор все время называет своего героя «стариком», читатель так и не узнает его имени. Тем самым автор

подчеркивает, что судьба этого человека – судьба миллионов реальных участников Великой Отечественной.

И если во времена Советского Союза была сильна идеологическая составляющая, и о роли Победы советского народа в Великой Отечественной войне говорилось много, хоть где-то и формально, то в перестроечные времена была утеряно самое главное – патриотизм. Умаление роли СССР в победе над фашистской Германией, героизация криминальных элементов не самым лучшим образом сказались на воспитании молодого поколения. Такое положение дел не могло оставить равнодушными писателей и поэтов, особенно тех, кто в детстве испытал все тяготы военного времени. Николаем Аксеновым «на злобу дня» написаны стихи «Кто мы?», «У обелиска», «Хулители», «Павшим защитникам Отечества». В них автор клеймит равнодушие молодого поколения и трусость властей в то время, когда попирают память погибших в Великой Отечественной войне в бывших союзных республиках и умаляют роль Советского Союза в победе над фашизмом. Автор горько восклицает:

***Мы – жалкие потомки тех,
Кто в жизни был подобен стали,
В миру довольства и утех
Не знаем сами, кем мы стали.***

Борис Новиков в стихотворении «Президентские дивиденды» обличает современное время и «власть предержавных», которые «воюют от «нечего делать», не ради защиты Родины, а из-за денег и политических соображений. И если отцы воевали в Великую Отечественную «за совесть и честь», то потомки стригут на войне внутри страны дивиденды, забывая о том, что никто не возвратит матерям сыновей. А в стихотворении «Ордена» автор с горечью клеймит продажность нашего времени. Когда ордена и боевые медали, завоеванные в кровавой битве бойцами-ветеранами, «защитившими отчизну в огне», потомки рассматривают не как величайшую реликвию, а как предмет купли-продажи – «словно пуговиц

срезанный ряд»:

***Продают за рубли их, за чеки,
По одной или оптом в горсти,
Без стыда и понятия о чести
И забытого слова – прости.***

Вот такое отношение потомков к героической памяти предков вызывает горечь и негодование автора. Об этом же читаем мы в стихах Ю. Трубочанинова «Солдатские награды», Ф. Баскаковой «Орден».

Майя Миргородская в стихотворении «22 июня» задает риторический вопрос:

***Хорошо ли, что горечь войны
Забывают их дети?
Хорошо ли, что мы разрешаем
Им это забыть?***

Ни для кого не секрет, что современные российские дети очень плохо знакомы с историей Великой Отечественной войны. А живых свидетелей и участников этого величайшего исторического события становится все меньше и меньше. Еще Алексей Пляхин, как участник войны, в стихотворении «Сегодня мы...» писал в свое время:

***Мы по России-матушке по всей
Как снег белеем и, как он же, таем.
Им завтра будет книжка да музей
Рассказывать о былях грозных дней,
Которые мы не по книжкам знаем.***

И поэтому автор, обращаясь к подрастающему поколению, призывает:

***Да, так велик он, памяти запас,
Что весь в строку вовек не воплотится,
Поэтому – рассматривайте нас.
И слушайте. Вам это пригодится.***

Тема ухода в небытие участников Великой Отечественной войны все чаще и чаще звучит в про-

изведениях зауральских авторов. В стихах Б. Новикова «Ветеранам войны», Н. Егорова «Ушел еще один солдат...», «Журавли», «Уходят солдаты второй мировой, уносят солдаты осколки с собой», Т. Лепихиной «Не все еще медали вручены...»; «Я помню...», Н. Востряковой «Ветераны Победы», Н. Черемисиной «Последний из войны» Ф. Баскаковой «Победный май» тонко передается боль этой неизбежной утраты:

*Чаще ноют военные раны
У прошедших сквозь огненный ад,
И уходят от нас ветераны
В путь, что нет уж дороги назад...
Каждый раз, уходя в поднебесье,
Превращаясь в седых журавлей,
Отзываются болью и песней
В сердцах ныне живущих людей.*

Николай Аксенов в стихотворении «Наступит день» размышляет об уходящем в небытие поколении участников Великой Отечественной войны, тех «чью молодость в огне сожгла война». Он вполне справедливо и от всей души предлагает последнего ветерана Великой Отечественной войны после его смерти похоронить у Кремлевской стены:

*Чтоб мы вечно память сохранили,
О тех, кем славна русская земля,
Хочу я, чтоб его похоронили
В Москве, у стен спасенного Кремля.*

А Владимир Филимонов в стихотворении «Когда от времени и ран...», памятуя о том моменте, что наступит время, когда «уйдет последний ветеран», призывает:

*А потому из рода в род
несите истину святую:
забыть войну – предать народ,
отцов Победу золотую!*

Поколение участников Великой Отечественной войны безвозвратно уходит, начинает уходить и поколение тех, чье детство пришлось на военные годы, кто непосредственно общался с фронтовиками. Отсутствие непосредственного контакта с военной реальностью будет осознаваться с течением лет честными писателями неволевавших поколений все острее как непреодолимый барьер перед военной темой.

Уже сейчас следует констатировать тот факт, что художественных произведений о Великой Отечественной войне становится все меньше и меньше, особенно это характерно для прозы. И эта тенденция прослеживается во всей литературе в целом, а не только у зауральских авторов. Среди причин, по которым лучшими прозаиками этого и следующего за ним поколения вряд ли будут написаны книги о войне, является, очевидно, помимо иных творческих пристрастий, художническая честность, интуитивное ощущение того простого факта, что сочинять о войне без собственного опыта жизни на войне есть профанация литературы. Счастливым исключением можно назвать рассказ Алексея Захарова «Фантомная боль».

Елена Ситникова в стихотворении «Тишина» выражает мысль большинства писателей и поэтов неволевавших поколений:

*Мне не написать о войне.
Слишком эта боль
Сильна.
Так незнанье – совесть вдвойне.
Но не знать бы, что такое – война.*

*Мне не написать. Слог не тот.
След трассирующий память пробил.
Ну, а тот, кто помнит, кто был,
Тот порою слов не найдет.*

Заканчивая обзор зауральской литературы по Великой Отечественной войне, хотела бы сказать, что тема эта – огромна и ёмка. А потому будем ждать новых и новых произведений зауральцев.

АКСЕНОВ
Николай Алексеевич

МАМИН ХЛЕБ

Господи, как время пробежало,
И какой прошел я долгий путь!
Времени безжалостное жало
Мне с утра сегодня колет грудь.

Помню нашу ветхую избенку,
Где качались тени в полумгле,
Где катал я младшую сестренку
На чужом горбатом костыле.

Мама поздно с поля приходила,
Раздевалась прямо у стола,
На залавок грустная садилась
И делила хлеб, что сберегла.

Сберегла под мокрую фуфайкой,
В пиджаке с отцовского плеча

В тряпочку завернутую пайку –
Дорогую четверть калача.

Долго-долго мы с сестрой жевали,
Мы умели хлеб тогда ценить,
Мы его по крошке отрывали
И боялись крошку уронить.

За окошком дождь осенний капал,
Заунывный ветер пел в ночи.
И шептал я тихо: папа, папа!
Рядом с мамой лежа на печи.

Мой отец тогда погиб под Тверью,
Он в атаке яростной умолк.
А под утро перед нашей дверью
Выл тоскливо одинокий волк.

Родился 18 декабря 1938 года в селе Митино Кетовского района в крестьянской семье. Автор сборника рассказов «Доброта», сборников стихов «Гармония души», «Колокола времен» и других. Печатался в журнале «Урал», альманахе «Тобол». Работал разнорабочим в колхозе, учителем в школе, слесарем, заведующим мастерской, заведующим сельским клубом. Лауреат литературной премии губернатора области. Почетный гражданин Кетовского района.

В Союз писателей России принят в 2005 году.

Шли невзгоды черной полосой,
Но жилось бездумно и легко.
Детство-детство, бедное, босое,
Как ты оказалось далеко!

Комом подступают к горлу слезы
Да рукой горячий лоб измят:

Нет и мамы, только три березы
Над её могилкою шумят.

Многое ушло из жизни ныне,
Но к добру не стал я глух и слеп.
И всегда я помню, как святыню,
Сбереженный нашей мамой хлеб.

СОЛДАТКИ

Через грозные годы войны
Шли бойцы по дорогам сожженным.
А в тылу подрастали сыны
И старели от горести жены.

Похоронок солдатских листки
Холодны, бессердечны и кратки.
Запыленные бабьи платки
Обливали слезами солдатки.

И несли свои слезы в народ,
И стирали их дымчатой синью.
Горе вдов, матерей и сирот,
Как броня, прикрывало Россию.

Черствым хлебом глотая тоску,
Миллионы солдаток суровых

Молотили снопы на току,
Выезжали пахать на коровах.

Жили тихо, без лишних затей,
О любимых скорбя втихомолку,
Одевали в обноски детей,
Провожая в начальную школу.

Счет вели отвоеванным дням,
Проходившим с ленивостью рачьей,
Помогали далеким мужьям
И трудом, и любовью горячей.

Дотемна не сходили с полей
И в жару, и в мороз, и в ненастье,
Чтобы жизнь сохранить на земле
И святую надежду на счастье.

МОИ ВЕТЕРАНЫ

Сидят передо мной седые люди –
Мы посадили их на первый ряд.
Увешаны наградами их груди,
И взгляды светом радости горят.

Они сидят, забыв свою усталость,
Свои болезни после бурь и гроз.
И вижу я, как мало их осталось,
И не могу сдержать невольных слез.

Они ушли из дома молодыми
И шли к своей свободе до конца

Сквозь боль и кровь, в огне и смрадном дыме,
Сквозь гром и град военного свинца.

Была дорога страшно трудной, длинной,
Полился кровью русской каждый шаг
От стен Москвы до самого Берлина,
Где был повержен ненавистный враг.

Когда в боях иссякла вражья сила
И отравился страшный гений зла,
Тогда Победа их благословила
На мирный труд, на добрые дела.

Замолкли орудийные раскаты,
На рельсах отстучали поезда,
Домой вернулись русские солдаты,
Чтоб хлеб растить и строить города.

Их труд во всем: в огне кипящих домен,
В шипенье скважин, в шуме кораблей,
В огнях поселков, тьме каменоломен
И в необъятном шелесте полей.

Они у нас, потомков, заслужили
Делами уваженье и любовь,
Они всю жизнь с великой верой жили,
Что не напрасно проливали кровь.

А в том, что ныне стало с гордой Русью,
Не стариков позорная вина.
И в городах, и даже в захолустье
Их до сих пор находят ордена.

Сложили деды руки на коленях,
Сидят, сухие пальцы теребя,
А я стихи читаю им со сцены
И виноватым чувствую себя.

Я требовать сейчас имею право,
Чтоб помнил мир об этих стариках,
Чтоб не померкла воинская слава
На всей Руси в народах и в веках.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Лежат в земле прославленные деды,
Что одолели вражескую тьму.
Придите к обелиску в День Победы
И низко поклонитесь вы ему.

Пусть от удобных кресел и диванов
Вас уведет небесная звезда.
Не любит Бог непомнящих Иванов
И не простит забвенья никогда.

Побудьте там весеннюю порою,
Вглядитесь в список тех имен и дат
И помяните вы своих героев,
Отцов и дедов – умерших солдат.

Постойте молча вы у обелиска,
Не так, как перед глыбою литой.
А снова поклонитесь низко-низко
Их незабвенной памяти святой.

Растают в вашем добром сердце льдинки,
И вырвется невольный тихий стон,
И упадут прозрачные слезинки
На серый отшлифованный бетон.

Соприкоснитесь с прошлым в настоящем,
Все надписи прочтите, не спеша.
И вас своим крылом животворящим
Коснется их бессмертная душа.

ГУЛЯНКА

Сколько в жизни было дней суровых,
Сколько было горьких дней в судьбе...
Я запомнил, как гуляли вдовы,
Собираясь в чьей-нибудь избе.

Прел на печке чугунок картошки,
А картошка в кольца пар вила.
И от пара плакали окошки,
Глядя в ночь на улицу села.

Доставали бабы по чекушке,
С бедною закуской узелки,
Наливали помаленьку в кружки –
И как будто не было тоски,

Не было войны с ее слезами
И ночей холодных без утех.
И светлели женщины глазами,
И звучал веселый женский смех.

За столом солдатки забывали
Про войну, как про кошмарный сон,
Пели песни, даже танцевали
Под шипучий старый патефон.

А потом вдруг прорывался кто-то
Через женский неумолчный гам:
– Хватит, бабы! Завтра на работу.
Расходиться надо по домам.

И надев свои фуфайки снова
В чьей-нибудь натопленной избе,
Уходили пьяненькие вдовы
Тихо, в одиночество, к себе.

Их следы терялись на дорожках:
По селу поземку ветер нес.
И цвели цветами на окошках
Капельки замерзших ночью слез.

КОСТЫЛЬ

Лето выдалось ветреным, теплым
И гоняло над пашнями пыль.
Подарил мне костыль дядя Степа,
Настоящий военный костыль.

Дядя Степа был бледным и слабым:
Отнял ногу хирург полевой.
Но судачили с завистью бабы:
– Без ноги, инвалид, но живой!

Дяде Степе из чурки култышку
Вскоре вытесал дедка Еким.
Ну, а я всем друзьям-ребятишкам
Долго хвастал подарком таким.

Никуда тот костыль не годился,
Не любили его пацаны.
Только я, несмышлениш, гордился
Этим горьким подарком войны.

МОЁ ДЕТСТВО

Светлой памяти моего отца Алексея Ивановича, погибшего на войне

*«...А потом, когда идти мне в школу,
В первый год ученья моего,
Бабушка мешок тот распорол,
Мать штаны мне сшила из него».*
Иван Яган. «Штаны».

Я не держал в своих руках винтовки,
Когда во мне к врагам кипела злость,
Но похлебать во дни войны «мурцовки»
И мне по полной мерке довелось.

Я помню то безжалостное время,
Когда в огне горела вся страна,
Когда, как смерть с косою, надо всеми
С мечом висела страшная война.

Тревожит память, словно кинолента,
И воскрешает горестные дни:

Хоть не носил штанов я из брезента,
Но были сплошь залатаны они.

Я помню вкус мороженой картошки,
Я доставал «мучанку» из реки,
Ел из отсевок горькие лепешки
И собирал на поле колоски.

Меня хлестали молниями грозы,
Меня валил на землю ветра бег,
Я по ночам под веялками ползал
И выгребал с пшеничинками снег,

Бежал домой, боясь сторожьюей плетки,
Вытапливал из снега то зерно,
Мы жарили его на сковородке,
Каким же вкусным помнится оно!

Писал я буквы на клочках газеты,
Крестьянский сын, потом солдатский сын,
Сидел с лучиной и сидел без света,
Когда кончался в доме керосин.

Таскал с друзьями сено на «возилках»,
Стыдясь при людях дырок на штанах,
Болел до ломоты в костях и жилках
И звал отца в своих ребячьих снах.

Мужское дело делал я упрямо,
Взрослея и мужая день за днем,
Жалел всегда измученную маму,
В семье помочь старался ей во всем.

За далями, за чужью и за мерью,
Которым нет начала и конца,

Деревня Погорелки есть под Тверью,
И там могила моего отца.

Над ним сияет небо голубое,
Над ним белеют чистые снега.
Он смертью храбрых пал на поле боя,
Остановив смертельного врага.

И мамы нет на этом белом свете,
Где то же солнце, тот же ропот гроз,
Лишь горестно качает летний ветер
Вершинки мной посаженных берез.

Я до сих пор богатства не имею,
Но у меня того не отберут,
Что я ценить и уважать умею
Солдатский подвиг и крестьянский труд.

ХАТЫНЬ

Звонят колокола Хатыни
Над пеплом, спрятанным в бетон,
И кровь невольно в жилах стынет,
Когда я слышу этот звон.

Как тихий стон, как вздох прощальный,
Как взнесенные голоса,

Плывет над миром звук печальный
И уплывает в небеса.

Мне больно звон протяжный слушать
Над местом казней и смертей.
То плачут в сером камне души
Сожженных женщин и детей.

ПАВШИМ ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА

В беззаконии, в страшном развале
Со страниц и с экранов кино
Опозорили вас, оплевали,
За Россию погибших давно.

Иль от радости, или от злости
Эта неофашистская мразь
Перемыла вам белые кости
И втоптала в зловонную грязь.

Вы не думали, вы не гадали,
Что без вас распадется страна,

Что начнут продаваться медали,
Для коллекций пойдут ордена.

Стала память людская корочей:
Опорочена ценность наград,
Все забыли: и брестские ночи,
И в блокадном кольце Ленинград.

Над страной года пролетают...
И о прошлом теперь говоря,
Ваши внуки нередко считают,
Что тогда воевали вы зря.

Там, где мать безутешно рыдала,
Где цветок вашей кровью полит,
Темной ночью срывают вандалы
Звезды медные с мраморных плит.

Все забыли и все измарали
В одуряющем звоне монет:
Нет ни совести, нет ни морали
И почтения к прошлому нет.

Но и в этой вселенской хворобе
Вашу вечную славу хранит
Перевернутый мрамор надгробий
И холодный могильный гранит.

Все равно вы не канете в небыль,
Хоть и стали пучком ковыля.
Да восславят вас в вечности небо
И любимая вами земля!

НАСТУПИТ ДЕНЬ

Наступит день: в смятении нежданном
Замрут сердца у всех людей страны –
Простимся мы с последним ветераном
Невиданной в истории войны.

Они живут пока что с нами рядом,
От испытаний немощны, седы,
Они горды зеленым дачным садом
И мало-мальской пенсией горды.

Но горько им, прославленным солдатам,
Чью молодость в огне сожгла война,
Что только по большим военным датам
Их вспоминает милая страна.

Их годы, раны и болезни косят,
Как острый серп июльские цветы.
И незаметно ангелы уносят
Святые души в темень высоты.

Жизнь на земле короткая такая,
Её никак не назовешь игрой.

И в сердце боль меня не отпускает:
Уйдет от нас последний наш герой.

Нет всенародной памяти святее,
Пусть будут наши помыслы чисты,
Когда в слезах земля осиротеет,
И вздрогнет мир от страшной пустоты.

Не хочется с таким концом мириться,
Не хочется слезой туманить взгляд,
Пока поют в лесах российских птицы,
Пока березы русские шумят.

Но смерть найдет последнего солдата,
Ему её никак не обмануть.
И мы тройным салютом автоматов
Проводим все его в последний путь.

Но чтоб мы вечно память сохранили,
О тех, кем славна русская земля,
Хочу я, чтоб его похоронили
В Москве, у стен спасенного Кремля.

ПАМЯТЬ

Моему поколению, к великому нашему счастью и счастью наших детей, не пришлось воевать. Но войну и я запомнил на всю жизнь.

*Я не держал в своих руках винтовки,
Когда во мне к врагам кипела злость,
Но похлепать во дни войны мурцовки
И мне по полной мерке довелось.
Я помню вкус мороженой картошки,
Я доставал «мучанку» из реки,
Ел из отсеков горькие лепешки
И собирал на поле колоски.
Писал я буквы на клочках газеты,
Крестьянский сын, потом солдатский сын,
Сидел с лучиной и сидел без света,
Когда кончался в доме керосин.
Таскал с друзьями сено на «возилках»,
Стыдась при людях дырок на штанах,
Болею до ломоты в костях и жилках
И звал отца в своих ребячьих снах.
За далями – за чудью и за мерью,
Которым нет начала и конца,
Деревня Погорелки есть под Тверью,
И там – могила моего отца.
В атаке взрыва яростное пламя
Ему навек затмило белый свет.
Война, война...
Осталась только память
Да довоенный маленький портрет.*

Ясно, как будто это произошло вчера, помню своего отца Алексея Ивановича на тракторе, на мотоблоке для того времени тракторе производства Челябинского завода. Отец пашет поле, а мы с мамой сидим с ним рядышком на высоком-высоком сиденье, оттуда всё далеко видно. Трактор по-пукивает сизым дымком, тащит за собой плуг, а за ним на поле остаётся широкая чёрная лента, на которой спиралями навиваются грачи. Папка с мамой смеются, и я, сидя уже у отца на коленях, тоже смеюсь, дёргаю ручонками за рычаги, а день солнечный, яркий, и трактор везет нас, вро-

де бы повинуюсь моей детской воле. Один только эпизод из мирной жизни с отцом остался в моей трехлетней памяти.

А ещё я запомнил холодные зимние сумерки. Начинает брезжить утро, и мама везет меня на маленьких кувыркастых саночках по накатанной лошадыми дороге. Саночки то и дело опрокидываются. Я, закутанный в огромную толстую шаль, падаю в снег. Мама сердится на меня и даже пошлепывает по мягкому месту вязаной рукавичкой. Но мне не больно, потому, что одет тепло и к тому же меня везут к папке, которого взяли в армию. Теперь он находится в соседнем селе и учится там стрелять. Помню большой двухэтажный дом, и в нем полная горница веселых мужчин. Они меня угощают кусками сахара, я сижу на старинном, обитом полосками разноцветной жести сундуке и под их гогот пою озорные частушки.

Еще, но уже почему-то более смутно, я вижу, как принесли маме какую-то бумажку, как, поглядев на нее, мама начала плакать навзрыд, ее слезы перешли в истерику. С мамой тогда отваживались соседки, держали ее, лили на грудь холодную воду, и она вся дрожала, стуча зубами.

От того времени у меня в памяти остались только три слова: «Пропал без вести». А после войны приходил к нам немолодой мужчина с Увала, служивший в одной части с отцом. Он-то и рассказал, что отец был ранен в живот под Тверью, что всех раненых снесли в сарай, а потом наши войска отступили, и что стало с ранеными – никто не знает. К сожалению, след этого мужчины затерялся, забылось его имя, и тонкая ниточка, ведущая к месту гибели отца, оборвалась.

По вечерам мама уходила на овцеферму, потому что там ягнились овцы. А мы с сестрой Валей забирались на печку и укутывались вытершимся отцовским полушубком. Валя почти сразу же засыпала, а я думал про войну. Представлял ее тогда по-своему: едет мой папка на танке и стреляет по рогатым, как наша Зорька, фашис-

Акшенов Алексей Иванович

там из ружья, давит их гусеницами, а фашисты бегут, прикрывая головы полами длинных шинелей и, как весенние телята, смешно взлягивают ногами. «Па-па», «Па-па», – тихо и медленно шептал я в темной тишине и с этими словами незаметно засыпал рядом с сестрой.

Но действительность была несравненно страшнее и суровее моих детских грез, потому что сначала зашел к нам дядя Митя Спиридонов: он вернулся домой по ранению, с покалеченной навеки рукой. Проведал нас и дядя Степа Никитин: ему оторвало ногу, он ходил на самодельной деревяшке с черными костылями. Позднее один костыль он подарил мне. Мы с Валею приспособили его на сиденье для подвешаной к высокому брусу домашней качели и качались, сидя на нем,

пока я не раскровянил острым гвоздем, вбитый в костыль, сестре бровь. Тогда мама рассердилась на этот злополучный подарок, изломала и бросила в печь.

*Лето выдалось ветреным, теплым
И гоняло над пашнями пыль.
Подарил мне костыль дядя Степа,
Настоящий военный костыль.
Дядя Степа был бледный и слабый:
Отнял ногу хирург полевой.
Но судачили с завистью бабы:
– Без ноги, инвалид, но живой.
Дяде Степе из чурки култышку
Вскоре вытесал дедка Еким.
Ну, а я всем друзьям – ребятишкам
Всюду хвастал подарком таким.
Никуда тот костыль не годился,
Не любили его пацаны.
Только я, несмышлениш, гордился
Этим горьким подарком войны.*

В село то и дело приходили похоронки. Я видел, как горько и безутешно плакали оставшиеся вдовами женщины, а мы ребятишки, бегали к знакомым и кричали:

– А у Витьки Мартемьянова папку убили!

– А у Кольки Сягина отец без ноги пришел!

Что мы тогда думали своими детскими умишками? Что мы понимали в войне?

По вечерам наши соседи собирались на лавочках, говорили о своих родственниках, взятых на фронт, о весточках, присланных в солдатских треугольниках. Приходили фронтовики, дымили самосадом, и во всех разговорах незримо присутствовала война. Жили трудно, ели траву, собирали мороженую картошку, хлебные колоски. Люди жили впроголодь, тихо, но постоянно помогали друг другу – копать огороды, латать и белить избы.

В нашем краю села, называемом Рассеей, пекла хлеб для яслей колхоза «Ударник» тетя Паша Ильина. Пышные белые калачики одурающе вкусно пахли, а свежие так и таяли во рту: не

Павел Иванович Аксенов

Петр Яковлевич Аксенов

успеешь взять кусочек в руки, а его уже нет, лишь пьянящий запах остаётся на испачканных белой мукой пальцах. Мы с Валею и в ясли-то ходили только из-за этого хлеба: получим свои пайки и потихоньку, тайком от няни – домой. А дома нальём в чашку молока, накрошим туда крошек и наедемся на целый день, до той поздней поры, пока мама не придет с работы и не принесет нам свою, сбереженную от обеда краюшку.

Много слез и горя принесла людям война, много жизней она погубила. Только из села Митино погибло около ста двадцати человек. И в нашу семью трое не вернулись: мой отец и два дяди – Павел Иванович и Петр Яковлевич. И ничего-то не сохранилось от той суровой и горькой поры,

уцелело каким-то чудом только письмо дяди Паши, которое я храню как зеницу ока и хочу привести здесь полностью, соблюдая орфографию:

«Письмо пущено 6-IV-42 г. от известного вам сына Аксенова Павла И. Вздравствуйте, дорогие родители, тятя и мама, шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в жизни. Затем, тятя и мама, передайте привет хрестнику Николаю А. (это мне), Проне (моей маме) и Вале, дяде Пете, няньке, дяде Ване и тете Паше, Настеньке, Нюре, Деткиным, тетке Марее и дяде Петру Герасимович, тетке Татьяне, прочим. Тятя и мама, передайте брате Яшке, Агане и Ване, Анаше, Зине и Ване, свату и сватье, еще позабыл – бабушке, всем родным и знакомым, друзьям и

девчатам. Тятя и мама, я вам сообщаю, что нахожусь на Карело-Финском фронте уже три месяца.

Еще жив-здоров. С Кургана я выехал, вы сами знаете, 8-го января. Ехали 30 дней. Еще раз пишу, что пока жив, здоров, не знаю, что будет дальше. А сейчас с 5 апреля в Доме отдыха, жить будем недолго, опять на фронт. Живем в одном из населенных пунктов, который весь пожженный финскими белогвардейцами. Теперь, тятя и мама, мне больше описывать нечего, пропишите, как вы живете хлебом и дровами, кормом, дороги ли у нас продукты, хлеб и все, что есть. Скоро ли поедут сеять? Но здесь весны еще не предвидится, холодно, снегу очень много, больше 2-3 метров. Теперь, тятя и мама, пропишите, кто у нас взят и кто дома? Может, кто пришел ранен? Еще пропишите, где находится брат Алексей и все ребята, возьмите адреса от Егора, Ваньки Мартемьянова и всех, кто находится в армии. Ну, тятя и мама, пока досвидания.

Ваш сын Аксенов Павел И.

Пишите ответ скорее».

Сейчас его фамилия, как и многих других, значится на мемориальной доске у сельского обелиска.

День Победы я помню очень хорошо. Весть о ней принесли в нашу даль телефоны, и все люди выбегали на улицу, кричали, плакали от радости, обнимались. Первоцветами кружились по улицам ребятишки, галдели, валтузили друг друга от нахлынувшего в этот весенний день счастья. Появились откуда-то красные флаги, все заторопились к школе на площадь, где тогда еще стояла высокая деревянная трибуна. Выступали ораторы. Из МТС приехали две полуторки, и мы ездили на них по всему селу, размахивая флагами, фуражками и просто руками. А девчата пели «Катюшу», «Собирались казаченьки», частушки, играли на балалайках, плясали и плакали от радости, что скоро домой возвратятся с войны солдаты. И даже те, кому пришли похоронные, тоже не верили в смерть близких, тоже надеялись на

чудо, на их внезапное возвращение.

Отдельными группами ходили бывшие фронтовики, на все лады обсуждали будущую мирную жизнь, утешали горевавших. На вылинявших гимнастерках поблескивали медали и ордена.

Все было в тот день – и радость, и горе, и песни, и слезы. И все это вошло в нашу дальнейшую жизнь одним словом – Победа.

Пролетело время, вернулись в село демобилизованные воины, отгуляли на радостях и вместо винтовок взяли в руки другие орудия, принялись за мирный труд кто в колхозе, кто в МТС, кто в школе. Везде нужны были славные мужские руки, всех сил без остатка требовало восстановление разрушенного войной сельского хозяйства.

Пожалуй, ни один из наших праздников не имеет такого воспитательного значения, как день Победы, потому, что в этот день к памятникам и обелискам собираются и взрослые, и дети. Сюда приходят ветераны войны и труда – и все наши лучшие традиции в той или иной форме передаются от старшего поколения молодому.

Вечная память павшим за Родину в борьбе с фашистской нечистью. Но вечная слава и тем, кто после победы живет рядом с нами, трудится, хотя, к великому нашему сожалению, ветеранов остается все меньше и меньше.

*А пули летят
Из немыслимой дали,
Летят раскаленные
Капли свинца,
Пронзая броню
Легендарных медалей,
Кромсая на части
Живые сердца.*

Мне больно писать такие строки, кому-то больно их будет читать, но ведь это непреложная истина. И пока мы еще не упустили время, нужно как можно бережнее относиться к прошлому, по крупицам собирать сведения о нем, записывать рассказы и воспоминания ветеранов.

СКВОЗЬ МУКИ АДА

I

Василий Никитич Васюк, пожалуй, единственный в селе Митино Кетовского района из ветеранов Великой Отечественной войны, вступивший в схватку с вероломным врагом в первые же её минуты.

Его призвали в армию сразу после окончания десятилетки, по срочному комсомольскому набору, служить ему пришлось на самой границе, близ города Паланга. Там строилась важнейшая для нашей страны оборонительная система. В 1941 году она ещё не была завершена, солдаты и гражданские строители успели возвести только одну линию, даже вооружения ещё не установили, потому что все огневые точки должны были какое-то время отстояться, окрепнуть.

Конечно же, о возможности войны говорили, и командование западных областей принимало на тот случай определённые меры. Но больше все склонялись к тому, что Германия не посмеет развязать её, ведь имелся договор о ненападении.

А в это же время на всём протяжении границы Советского Союза приготовились к вторжению фашистские войска. Германским командованием был разработан план «Ост», согласно которому на огромной территории вплоть до Урала, обрекалось на уничтожение и принудительное выселение до 51 миллиона советских людей. В качестве рабочей силы предусматривалось оставить 14 миллионов человек, а для господства над ними – переселить 10 миллионов немцев.

Но ничего этого не знали советские солдаты. Ведь последним мирным днём была суббота, а в воскресенье каждый хотел использовать личное время по своему желанию: почитать, поиграть в волейбол, написать письмо родным.

Под солдатскую казарму в Паланге был приспособлен двухэтажный дом, и в последние ночи военнослужащие спали не раздеваясь: снимали только ремни, сапоги да расстёгивали воротники. Вместе с солдатами постоянно находился командир взвода.

И вот утром совсем недалеко раздался звуковой удар. Солдаты проснулись, вскочили и ничего не могли понять: утро по-летнему тёплое, благоуханное, безоблачное...

– Боевая тревога! – закричал дневальный, и все сразу же начали обуваться, брали винтовки, шинельный скатки и выбегали во двор, строились. Здесь уже находились командир роты и политрук; видимо, и они ночевали в казармах.

Рядом проходила мощёная квадратным булыжником дорога. На ней взорвался снаряд, взметнулось синевато-красное пламя, раздался резкий скрежет и треск, осколки провыли над солдатскими головами.

Из-за угла казармы выбежала простоволосая женщина, в ситцевом платье и босиком, державшая на руках ребёнка. Она с отчаянием крикнула, подбегая к политруку Красных:

– Ваня!

Но в этот момент прозвучала команда: «Шагом марш!», и солдаты пошли, почти побежали, и политрук, обернувшись, шагнул было к женщине, но безнадежно махнул рукой и побежал следом за солдатами. Так и осталась его жена с маленьким сыном на казарменном дворе.

Вот подлинная выписка из журнала оперативных записей Главного управления пограничных войск: «6 час.00 минут. На участке 105-го погранотряда немцы начали наступление на Палангу при поддержке артиллерийского огня. Паланга горит. В районе Паланги идёт бой».

Солдат вывели на западную окраину города и, пока шагали, всех облетело страшное слово: «Война!». Там они временно окопались. Подошла машина, на которой привезли боеприпасы. Солдатам выдали по несколько гранат – «лимонок», а гражданские строители получили ещё законсервированные смазкой винтовки. С запада слышалась непрерывная стрельба из винтовок, пулемётов, раздавались орудийные выстрелы. Через некоторое время оттуда стали появляться разрозненные группы пограничников, многие из которых были ранены и шли только при поддержке товарищей. Их обступили и стали расспрашивать – ведь толком-то ещё никто ничего не знал. Оказалось, что застава разгромлена немцами, и пограничники с боем отступают. Как бы подтверждая это, на Палангу в сторону Лиепай потянулись повозки, пошли беженцы с тележками, с поклажей, с детьми. Со стороны границы показались немецкие мотоциклисты-разведчики. После того, как их обстреляли, они умчались обратно. Наших солдат было мало. Строительный батальон не в полном составе да гражданские ополченцы. И к обеду всех увезли на бетонный завод – для переформирования. Там снова раздавали оружие, в том числе и противотанковые гранаты.

И так весь день 22 июня. Солдаты получали приказ то занять оборону, то двигаться в сторону Лиепай. В тревоге прошла и ночь, а утром части заняли оборону у небольшой речки, потому что их настигали немцы.

Первый бой был долгим и ожесточённым. Немцы шли направо, но встретив яростное сопротивление, залегли, а потом и отступили. Появились первые раненые и убитые.

Под вечер пришли автомашины, а утром 24 июня бойцов повезли в Лиепай – тогда Либаву. Там находились постоянные казармы батальона, штаб дивизии. Они ещё сохранились, а вообще-то весь город страшно пострадал от бомбёжек и артиллерии. Разрушен был находившийся неподалёку судоремонтный завод. Повсюду смрадно дымили пожары.

Немцы во что бы то ни стало пытались захватить Либаву, имевшую как портовый город, важное стратегическое значение. Вражеские десанты высаживались и с моря, и с воздуха. Роту, в которой находился Василий Никитич, бросали то в одно место, то в другое для уничтожения десантников. Повсюду шли непрерывные бои. И всё же, несмотря на героическое сопротивление воинов 67-й стрелковой дивизии, которой в то время командовал генерал Н. А. Дедаев, в прошлом большевик-подпольщик, участник штурма Зимнего, 28 июня враг окружил Либаву, блокировал её с суши и моря.

Со штабом округа, который находился в Риге, связь давно прервалась, и командиры самостоятельно решили идти на прорыв. Все наличные войска были разделены на три ударные группы, одна из которых двинулась берегом Балтийского моря, а две другие лобовым ударом должны были опрокинуть противника на Рижском направлении. Перед прорывом на дивизионном стрельбище провели митинг, и каких только родов войск здесь не собралось: пограничники, сапёры, строители, моряки, артиллеристы.

Группа правого фланга, в которой находился Василий Никитич, вышла из Либавы по шоссе, потому что вместе с нею уходило из города много гражданского населения. И почти сразу же налетели немецкие штурмовики: застрочили крупнокалиберные пулемёты, прямо в людской гуще стали рваться бомбы. Вспыхнули автомашины. Ошалело заржали одуревшие от страха кони и

понесли седоков. Падали убитыми и ранеными дети, женщины, бойцы. На шоссе всё перемешалось, как в огромном огненном круговороте, но впереди находились немецкие окопы. Несмотря на бомбёжку, советские солдаты с ходу вступили в отчаянный бой.

Неопытные, раздражённые, плохо вооружённые, они дрались беззаветно. Гибель невинных людей, детей и женщин звала их к отмщению. И через несколько часов непрерывного боя немцы были выбиты из своих укреплений, в панике отступили по всей линии прорыва.

Тридцатого июня уцелевшие части пришли в Ригу. Немецкие войска её тоже обошли, и уже несколько раз окраины города переходили из рук в руки. Основные события в начале войны происходили на трёх направлениях: Ленинградском, Московском и Киевском, где противник имел трёхкратное, и даже пятикратное превосходство в силах и средствах. Уже к 10 июля гитлеровская армия на Северо-Западном направлении продвинулась на 500 километров. И войска, сосредоточившиеся в Риге, оказались в окружении. Оставался лишь один выход – пробиваться на север, к столице Эстонии – Таллину. Но сделать этого не удалось, потому что немцы захватили уже и Эстонию. Несколько дней наши войска вели ожесточённые бои. Но большие потери были невозполнимы, а боеприпасы на исходе, да и болотистая местность не позволяла маневрировать техникой. Наконец, после тяжёлого боя, продолжавшегося весь день у одного местечка, раненный командир полка отдал солдатам приказ:делиться на мелкие группы и постараться выйти на север, к своим.

II

Несколько суток одна из таких групп, к которой примкнул и Василий Никитич, оглохший после контузии, шла в северном направлении, то и дело натываясь на немцев, но в бой не вступала. В населённые пункты не заходили до тех пор, пока не кончились скудные запасы продуктов. Когда же стало невмоготу, забрели на один из хуторов, где их необыкновенно радушно приняли и угос-

тили. Но такое радушие вышло солдатам боком: за это время дом, где они остановились, окружили полицаи и немцы. Войдя во двор, бойцы оказались под дулами автоматов.

Солдат обезоружили, загнали в крытую машину и увезли за несколько километров в бывшие военные казармы, где двухъярусные кровати были ещё аккуратно заправлены. А утром военнопленных увезли на какую-то станцию, погрузили в глухие вагоны и везли на запад двое суток, не давая ни пищи, ни воды.

Вагон, в который попал Василий Никитич, раньше загружался углем, поэтому все военнопленные загрязнились до неузнаваемости: на потных, в грязных потёках лицах блестели только белки глаз да зубы. В соседних же вагонах изпод негашеной извести военнопленным пришлось ещё хуже: известковая пыль до крови разъедала слизистую оболочку, бронхи, лёгкие. И когда солдат довели до места, то едва ли половина их вышла, харкая кровью, из вагонов – остальные были мертвы. Первый концлагерь в Восточной Пруссии, где поместили военнопленных, немцы построили наскоро – обыкновенные сосновые столбы были обтянуты в один ряд колючей проволокой, на вышках стояли часовые, а военнопленных разместили в дощатых бараках. Кормили один раз в день зелёным от плесени хлебом – сперва не все могли есть его, выбирали, что лучше, остальное презрительно выбрасывали. Но прошло несколько дней, и съели не только выброшенные объедки, но и траву, что росла на территории лагеря, всё, что только можно. Воду тоже привозили один раз в сутки, ставили в бачках на плацу, и выгоняли всех, как скотину, на водопой. Начинало твориться что-то невообразимое: обезумевшие от жажды люди бросались к бачкам, большую часть воды проливали и потом хватали ладонями, пилотками жидкую грязь, чтобы хоть чем-то утолить жажду. А немцы хохотали да колотили всех подряд палками и ремнями. В этом же лагере Василий Никитич встретил Ивана Красных, которого не видел с начала войны.

– Не отчаивайтесь, ребята, – говорил потихонь-

ку товарищам политрук. – Немцы долго не продержатся. Красная Армия перейдёт в наступление, разгромит их – и нашему плену конец...

В главном он действительно оказался прав, а вот в определении срока ошибся – война затянулась на долгих четыре года. И всё это время Василий Никитич томился в немецких концлагерях. Из восточной Пруссии переслали его в Берген-Берзен, где уже находились сотни тысяч военнопленных. Там в то время вспыхнула эпидемия дизентерии. По всей территории лагеря были нарыты траншеи-нужники, а над ними на брошенных поперёк досках постоянно сидели измученные болезнью люди. Некоторые настолько ослабевали, что уже не могли уйти в бараки. Тогда являлись охранники и ударами сапог безжалостно сбрасывали бедолаг в траншеи.

Осенью Васюка отправили в лагерь Зентнер. Там проводились канализационные работы: пленные всю зиму ходили в деревянных колодках по колено в ледяной воде, голодные, неодетые. Били и наказывали их безо всякого повода. Не так ступил – били, медленно долбил землю – били, заторопился – тоже побоев не избежать.

– О звериной жестокости фашистов написано и сказано очень много, – говорит Василий Никитич, – но о ней нужно ещё больше писать и говорить. Это было человеконенавистничество в самом обнажённом, беспощадном и лютом его виде. Ведь любому фашисту ничего не стоило просто ради какого-то садистского удовольствия ударить безвинного человека, искалечить его и даже убить. Никогда нам о том не забыть, да и нашим детям, внукам забывать не следует, чтобы фашизм веками не мог повториться...

– Удивительно устроен человек! Он во всё каким-то образом вживается. Вот мне самому казалось, что вроде бы нормален и соображаю как надо, и железо тяжёлое ворочаю, а, бывало, разденемся, так страшно смотреть друг на друга. Одни кости, а кожа тонкая-тонкая, внутренности сквозь неё просвечивают. Даже видно, как сердце в груди бьётся. Когда-то здоровый и сильный парень, я в лагерях килограммов сорок пять

весил. И как-то ещё жил, работал, помогал товарищам, – вспоминает Васюк.

А для немцев этого человека не существовало: был только номер 1590, с которым могли поступать как угодно. Вытисненный на металлической круглой пластинке, этот номер днём и ночью висел на шее, привязанный шпагатом. И не приведи бог, потерять его: он заменял имя, отчество и фамилию человека, становился его лицом. Но в себе самом человек всё-таки жил, жил, стиснув зубы, затаив ненависть, боролся с болезнями, с голодом, со страхом, со смертью и нигде не терял веры в нашу победу, потому что без этой веры не достало бы сил жить. Затем лагерь Дрютте на территории нынешней Западной Германии, работа на измельчении раскалённого шлака, после которой всю ночь отхаркивались сажа и зола. Непосильная работа на военных заводах Геринга, на лесоповале, пребывание в штрафном лагере, откуда была только одна дорога – на тот свет, и откуда Василию Никитичу почти чудом удалось вырваться в лесную команду.

Наступил сорок пятый год. Заводы и окрестные города часто бомбили американские самолёты, и с отправкой в лесную команду Василию Никитичу необыкновенно повезло. Там всё-таки давали триста граммов кое-какого хлеба в день и небольшой приварок – кипячёную воду с кусочками картофеля; летом можно было набрать грибов и ягод, что тоже являлось немаловажным подспорьем голодному человеку.

III

Фашизм доживал последние дни, и отношение немцев к военнопленным круто изменилось. Конвоиры уже не били по всякому поводу, не издевались, а наоборот – заискивали, боялись возмездия за свершённые преступления. И военнопленные, сразу поняв это, работали с прохладцей, а при случае могли даже немцам и пригрозить: мол, смотри, придут наши скоро, повесим на первом суку за твою выслужливость.

Теперь пленных часто отправляли на разборку разрушенных зданий, и в бараке по вечерам пах-

ло югославскими сигаретами «Драва», появился сахар, иногда приносили в лагерь куски мяса, отрубленные от туш убитых при бомбёжке лошадей, варили и ели, деля всё добытое по-братски. Были здесь и поляки, и французы, и отвоевавшие своё итальянцы, но больше всего – русских. Охрана лагеря всё уменьшалась и уменьшалась: видимо, немецких солдат забирали на фронт. Несколько раз встречали колонны военнопленных, двигавшихся под конвоем с запада на восток – наступали войска второго фронта.

В апреле пленным приказали взять самое необходимое из вещей и продуктов, построили и тоже под охраной двух солдат повели на восток. К тому времени Василий Никитич подружился с тремя такими же, как он, бывшими солдатами: пожилым уже, страдавшим от одышки Костей, которого звали просто «Дедом», с ним Василий Никитич пришёл вместе из штрафного лагеря; вторым был Семён Нестеренко, казак с Кубани. Третьим – Михаил Рябинин, высокий, с каштановыми кудрями парень. Они и работали, и спали вместе, вместе тогда и пошли, поклявшись не разлучаться ни за что на свете. Несли с собой немного картофеля, вареной конины и выменяли у одного из конвоиров на морской хронометр, найденный в развалинах, две буханки хлеба. Куда их веди, никто не знал, но колонна военнопленных с каждым часом росла – из соседних лесных лагерей тоже гнали узников, соответственно увеличилась и охрана.

Происходило это в горной местности, в районе Брауншвайга, и под вечер военнопленных набралось уже человек двести.

На ночлег остановились около какого-то ручья, разводить костры не разрешалось. Пленные перекусили, чем могли, и разделились кучками: не смолкали тревожные разговоры, и до самой темноты никто не спал. Ещё по дороге друзья сговорились во что бы то ни стало бежать, как только стемнеет.

С запада то и дело доносилась глухая канонада. Немцы тоже собрались все вместе, выставив часового только у мостика через ручей. С бивака

друзья уползали по двое. Василий Никитич шёл с «Дедом» и очень боялся, чтобы тот не закашлялся, чтобы не подвела мучившая «Деда» астма. В условленном месте соединились в одну группу и долго лежали без движения, зажав «Деду» рот. Слышали, как мимо них крались ещё люди. Потом в лагере началась стрельба, закричали немцы: видимо, военнопленные побежали в открытую.

Отлежавшись, отошли ещё несколько километров западнее и затаились в густом ельнике. Вокруг лес да горы, обзорности никакой, и ребята долгое время опасались погони. Только тогда было уже не до этого – самим бы ноги унести. Правда, на четвёртые сутки мимо прошли с катушками солдаты-сапёры, потом раздались взрывы – это немцы завалили узкую горную дорогу. Сапёры задержались метрах в ста, но ничего не заметили, всё обошлось благополучно. В этот же день сделали вылазку на дорогу: она вся оказалась заваленной спиленными деревьями и камнями. Можно было сделать вывод, что немцы удрали, и ребята решили пробираться навстречу союзным войскам. Шли всю ночь, а утром наткнулись на маленькую чистую речушку и на берегу сделали привал. Постирали портянки, развесили их на валунах, умылись. Взятые с собой продукты кончались, съели по крошке хлеба, и Василий Никитич, измученный бессонными ночами, задремал на ласковом солнышке. Оно приближалось к зениту, вокруг стояла необыкновенная тишина, лишь звенели цикады. И вдруг его разбудил чей-то тревожный шёпот:

– Немцы!

– Немцы!

Вскочили и на другой стороне ручья увидели двух безоружных немецких солдат: высокого, немолодого, обросшего щетиной, и молоденького парнишку, почти мальчика. Немцы тоже не ожидали такой встречи и даже присели от неожиданности. Страх парализовал их, а пленные уже бежали к ним через речушку и на ходу договаривались, как действовать, чтобы немцы не ушли живыми.

– Я горжусь тем, как мы, советские люди, воспитаны, – говорит Василий Никитич. – Мы прошли через ад, нас мытарили, били, мучили. Казалось, попади нам в руки немецкий солдат – и мы его разорвём на куски, столько в нас накопилось ненависти. А вот увидели этих двух дрожащих от страха немцев, окружили их – и... руки у нас опустились. Как их убивать? Зачем?

За время пребывания в плену Василий Никитич неплохо выучился говорить по-немецки. Он стал расспрашивать солдат, и те, перебивая друг друга, стали кричать, что Гитлеру капут, что в Андреасбурге уже американцы, и русским нужно идти туда. С готовностью они сняли свои заплечные рюкзаки и выложили перед бывшими узниками галеты и шпиг в банках, не переставая повторять, что тоже ненавидят войну, что у молодого под бомбёжкой погибла мать, а старший – инвалид, был ранен под Сталинградом, а теперь его снова мобилизовали. Он даже приспустил брюки и показал искалеченное ранением бедро. Немцев отпустили с миром, но в Андреасбург пошли не сразу. Убрались от прежнего места подалее и залегли: чем чёрт не шутит, пока бог спит... Лежали почти до вечера, потом-таки двинулись в указанном направлении. И вдруг «Дед» воскликнул:

– Мужики! Я же знаю это место. Недалеко отсюда находился наш лагерь. А вот и тропа! А до города рукой подать.

И точно: поднялись на пригорок и увидели городок, над которым разворачивался американский самолёт. Он сел, а ребята уже без опаски спустились в лощину и вошли в город. Шли по мостовой и не знали: верить в спасение или это просто короткий миг свободы и вот-вот позади раздастся крик: «Хальт!». И тут же вздрогнули от неожиданного крика, отшатнулись. Но кричали не по-немецки, а на незнакомом языке. Сзади к ребятам подъехал велосипедист в маскхалате и каске, затормозил, оттолкнул велосипед и бросился их обнимать.

– Гитлер капут! – кричал весёлый подвыпивший американец. – Рузвельт и Сталин – камарден!

Он схватил в охапку Василия Никитича, поднял его, как пушинку, и не поверил этому, поднял ещё раз и тогда осторожно поставил на дорогу. Всплеснул руками и снова затараторил, путая английские, немецкие и итальянские слова, а сам взмахом руки позвал недавних узников и привёл на бывшую патронную фабрику, где уже играли на аккордеоне и танцевали поляки.

Американец натащил галет, консервов, вина; выпили по рюмке за освобождение, опьянели сразу же и говорили-говорили, не переставая, обо всём сразу, радуясь, что остались живы.

Через некоторое время они встретили одного знакомого по лесному лагерю, и тот рассказал, что остальных пленных расстреляли из пулемётов встретившиеся им эсэсовцы, только ему, раненому, удалось выжить, пролежав под трупами.

Впервые за много лет услышали радио. И плясали, пели, смеялись, плакали, когда узнали о Победе.

IV

В середине мая на Эльбе военнопленные были переданы американскими представителями советским войскам. Василий Никитич попал в запасной полк и служил в армии до октября сорок шестого года. Демобилизовавшись, приехал в родное Зауралье и до самого ухода на пенсию работал учителем в селе Митино.

Я тоже учился у Василия Никитича и помню его ещё молодым, весёлым, жизнерадостным. Долгие муки в фашистских застенках не сломили его духа. Сельчане помнят его непревзойдённым исполнителем ролей в комедийных спектаклях сельской художественной самодеятельности.

Василий Никитич состоял в переписке с писателем Сергеем Смирновым, который в последние годы жизни собирал материал о защитниках города Лиепая.

Но война напоминает о себе. Это бывает ночью. И тогда стонет, кричит старый солдат, снова переживая муки фашистского ада, и просыпается весь в поту с гулко и тревожно колотящимся сердцем, в котором продолжает гореть война.

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

НАСЛЕДНИКИ ПОБЕДЫ

Марина НАЗАРОВА, п. Частоозерье

АНДРЕЕВА
Любовь Харитоновна

ПАМЯТЬ

Грохотала война где-то там, в Белоруссии.
У разбитых машин, на лесных большаках,
В гимнастерках простреленных парни безусые
Закрывали глаза у сестриц на глазах.

А у нас в Зауралье было грибно и ягодно,
В огородах спокойно картошка цвела.
Но война из района неожиданно, нежданно
К нам в деревню вперед почтальона вошла.

Эту жуткую ночь ни старухи, ни женщины
До сих пор не могли и не могут забыть.
Они шили кисеты, а на сердце трещины –
Разве можно какой-нибудь ниткой зашить!

А мужчины курили и хмурили брови,
Горевали, что сено не успели сметать.
Поутру избы крыши повязали по-вдовьи
И одна из них стала похожа на мать.

ОТЦУ

Искала твои следы
В своей семилетней выдумке,
В поле у лебеды,
В лесу на заброшенной вырубке.

Отец, я не помню тебя.
Но до сих пор не забыла,
Как уверяла ребят,
Что пуля тебя не убила.

Родилась 29 апреля 1942 года в селе Заложное Варгашинского района в крестьянской семье. Трудовую деятельность начинала на стройках Кургана – рабочей, ученицей токаря, бетонщицей. Как журналист начала свой путь в газете «Молодой ленинец». Затем вся её деятельность связана с газетой, радио: редактор радиовещания, редактор заводской многотиражной газеты.

В 1972 году заочно закончила Литературный институт им. Горького при Союзе писателей СССР. Автор поэтических сборников: «Подснежник», «Стриженое лето», «Полдень», «Наедине с рекой». Постоянный автор в альманахе «Тобол».

В Союз писателей СССР принята в 1971 году.

Что ты самый смелый солдат,
Смелей, чем у брата в книжке.
Вернешься и будешь катать
Меня на правленском Рыжке.

Сегодня твоя родня
На вечеринке спесивой.
Как палкой, швырнула в меня:
Отец твой был боязливый.

* * *

Я тихая, мне мама говорит,
Что родилась я в тихую погоду
На поле, возле дремлющих раки,
Когда катилось солнышко к заходу.

Как будто знала, что идет война,
Что мать моя хлебнет со мною лиха,
Что Родине теперь не до меня,
Я тихая и родилась без крика.

И умерла бы там, где родилась,
Когда б телятница не откачала,
И не узнала б никакая власть, —
Была война, война бы все списала.

Я стала жить, как сверстники мои,
Пила я квас из свекольных паренок,

Молчу, а рюмки звенят.
Тебя я так мало знаю.
Но здесь не моя родня,
Я среди них чужая.

Отец! Эти люди врут.
Нахально врут, бессердечно,
Я с ними на пять минут,
А ты со мною — навечно.

Делила хлеб с друзьями на паи
И получала пенсию с пеленок.
Меня моя деревня берегла,
Когда на пашню мама уходила.

Она меня кормила, чем могла,
И без отца, без бабушки растила.

Чужие бабки из чужих дворов,
Они навеки стали мне родными.
Поили молоком своих коров,
Отхаживали травами лесными.

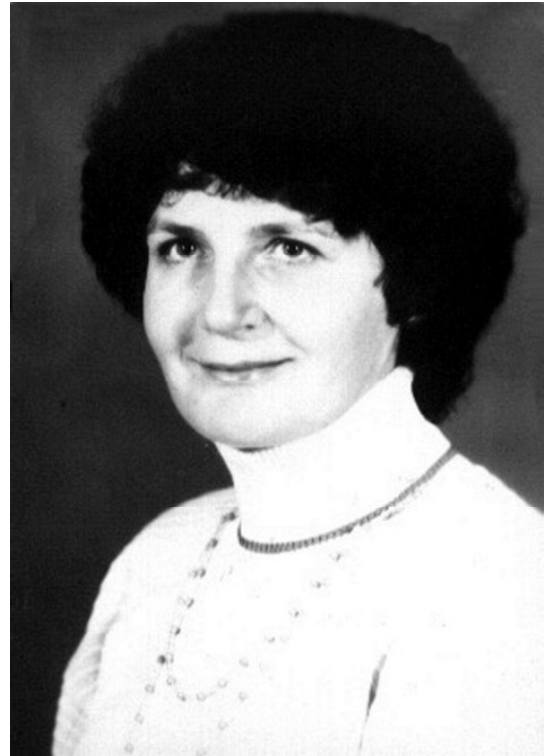
А сколько сказок было у меня!
Теперь, когда я прошлое итожу, —
Я понимаю, что моя родня
И Родина моя одно и то же.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я этот праздник не люблю.
Мне в День Победы очень грустно.
Так тяжело мне и так пусто,
Но боль ни с кем я не делю.
Кого мне в праздник поздравлять?
Погиб отец, скончалась мать,
Брат-фронтовик в мирах иных —
Не надобно им благ земных.
Я ненавижу ту войну,
Но люди каждую весну
И чем я старше, тем сильнее
Напоминают мне о ней.

Я не желаю вспоминать
Как мучилась моя мать,
Как, управляясь с быком,
Возила фляги с молоком.
Но вот проходит фронтовик,
Весь в орденах седой старик.
И мой отец, когда бы жил,
Наверное, таким же был.
И брат мой, кабы не лежал,
В одном строю бы с ним шагал.
Нельзя нам забывать о них,
О всех: о мертвых и живых.

АНИСИМОВА
Ирина Ивановна

БАБУШКЕ

Самого старшего сына война
Навсегда от тебя увела.
С тех пор ты единственной думой жила:
«Навестить я Ивана должна!»

Бывало, расскажешь о нем.
И наконец
Школьную карту возьмешь:
«Далеко ли будет от вас Торопец?» –
Спросишь – и тихо вздохнешь.

Если зима наступала, к лету
Ты собиралась в путь.

Но, к сожалению, тех сборов нету,
Нет уж, их – не вернуть...

Горько вспомнить теперь об этом
Приласкаться к тебе не смогла,
Когда ты рассказ свой о сыне вела
Или молча скорбила о нем.

Прости меня, бабушка!
Что ж, молода...
Я в Торопце непременно буду,
И твой поклон ему передам,
И горсть той земли привезти не забуду.

Родилась 11 августа 1951 года в городе Петухово. В 1968 году закончила школу и поступила учиться в Уральский электротехнический институт инженеров железнодорожного транспорта. Но на третьем курсе тяжёлый недуг прервал её учебу. Литературным творчеством занимается с 1974 года. Автор поэтических сборников: «Иду к тебе», «Светотень», «Радость подарить». Её стихи публиковались во многих коллективных сборниках, в том числе и в «Антологии глухих поэтов XX века», сборнике «Кастальский ключ», альманахе «Тобол». В последнее время выступает, как литературный критик.

В Союз писателей России принята в 2002 году.

БАБА ЛИПА

Как в яви – твой ковер,
твоей задумки и твоей работы.
Там солнышка палитра дружит
с нежнейшим цветом
утренней травы весенней.
И раньше пряжа истончится,
чем те цветы поблекнут...
иные краски – нынче в твоих глазах...
Мы звали тебя бабой Липой.
А ты порой называла меня
по имени мамы, то Катей, то Лизой,
как младших своих дочерей,

* * *

...А вдоль тропы шел запах травяной.
О, этот незабвенный запах лета!..
Мы только-только тронулись домой,
Была я в платье легкое одета.
И все силенки крепких детских ручек
за бабушкину юбку уцепились:
над нами вдруг, ворча, поплыли тучи
и страшную грозой сойти грозились.
И ветер вдруг совсем не горячо
ударил нам в колени и в лицо,
И бабушка свой теплый пиджачок
сняла скорей – вот мне и пальтецо.
И рассказала про своих детей:
однажды мама с братом в лес пошли
и пиджачок забыли. И нигде –
как воротились после – не нашли.

* * *

Дом, дерниной крытый, дранкою обитый,
Чисто побеленный, с чердака – окошко,
Перед домом – клены, а за ним – картошка.
В бочке плавал ковшик – бок на солнце нежил.
...То не черный коршун, что без крови не жил,
Над полями с хлебом враг ворвался в небо.
Дядя скор на сборы, в сапоги обулся,
«Сидор» взял, – мол, скоро
Буду, – улыбнулся.

что встретили то лихолетье...
Все длится взгляд твой
через войну – старшему сыну вослед.
Как нам не хватает тебя, баба Липа!..
Все вижу тебя я
в кофточке ситцевой полинялой.
И льется с губ моих имя твое.
И тихо-тихо в сознании клен шелестит,
что рос под окном
ветвями тянулся на запад,
где улицы было начало...
Баба Липа...

– Уж горевали!..
А в Иван Купалу
приходим в церковь... Глядь – а он висит.
А кто нашел – поди-ка расспроси.
Самим-то, верно, горюшка хватало...
И тихо-тихо с болью досказала:
– Ах, Ваня, Ваня, Ванечка, сынок...
Полынь стелилась горькая у ног,
и капли первые седую пыль прибили...
Я знала: дядю
на войне убили...
Давно уже я за себя в ответе,
смелей мой взгляд и сдержанней слова.
А там, в степи, –
все тот же стылый ветер
и та полынь – печальная трава...

...Вновь вернулись птицы, снова зелен сад.
Что же половицы под дядей не скрипят?
Дни летят – не лечат никакие сроки.
Пусть бы покалечен, только б – на пороге!
И, глядя в светло поле, тот чердачный глаз
Уж не прячет боли от повзрослевших нас.
...Под солнышком ли добрым,
в дождик ли, в бураны,
Так и жил тот домик со сквозною раной.

**АРХИЕПИСКОП
КУРГАНСКИЙ
И ШАДРИНСКИЙ
КОНСТАНТИН**

С ВЕРОЙ В ПОБЕДУ

Развязанная фашистской Германией с попустительства западной «демократии» после мюнхенского сговора осенью 1938 года Вторая мировая война явилась страшным бедствием для всего мира и особенно для СССР. Но пути Господни неисповедимы, и Божий промысл, умеющий обращать зло в добро, дал возможность возрождения для Русской Православной Церкви.

На 1914 г. в Российской империи было 117 млн. православных христиан, которые проживали в 67 епархиях, управляемых 130 епископами, 50 с лишним тысяч священников и диаконов служили в 48 тыс. приходских храмов. В ведении Церкви находилось 35 тыс. начальных школ и 58 семинарий, 4 академии, а также больше тысячи дей-

ствующих монастырей с почти 95 тыс. монашествующих.

В результате коммунистического уничтожения Церкви, на огромной территории Советского Союза к 1 сентября 1939 г. осталось всего 100 храмов, 4 архиерея, 200 священников. Но уже к середине 1940 г., в результате присоединения Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, где церкви не закрывались новой властью по политическим соображениям, число храмов увеличилось до 4000, что давало возможность Русской Православной Церкви хотя бы отчасти возродиться от пережитого ею ужасного погрома. Правительство СССР не могло не считаться с новыми массами православного населения.

Горянов Олег Александрович родился в 1951 году в Джамбульской области Казахской ССР. Кандидат медицинских наук. В 1981 году закончил Московскую духовную академию. С 1996 по 2008 год был ректором Санкт-Петербургской духовной академии. В октябре 2008 года решением Священного синода назначен архиепископом Курганским и Шадринским. Член Синодальной богословской комиссии, член научного совета «Православной энциклопедии», академик РАЕН, профессор.

В Союз писателей России принят в 2011 году.

Александр Невский

Во время войны Церковь не поддавалась искушению рассчитаться за нанесенный ей жесточайший удар. Патриотизм православного духовенства и мирян оказался сильнее обид и ненависти, вызванных долгими годами гонения на религию.

Всем известно, что Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 г. Но не столь многие знают, что это воскресенье было по церковному календарю «Неделей всех Святых, в земле Российской просиявших».

Этот праздник был установлен в преддверии жестоких гонений и испытаний для Русской Церкви и явился своеобразным эсхатологическим знаменем мученического периода в истории России, но в 1941 г. он промыслительно явился началом освобождения и возрождения Церкви. Русские святые стали той духовной стеной, которая остановила бронированную немецкую машину с оккультной свастикой.

В первый же день войны, за 11 дней до знаменитой сталинской речи, без всякого нажима властей, сугубо по своей инициативе, Патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) написал свое знаменитое «Послание пастырям и пасомым христианской православной Церкви»: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обе-

щания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему отечеству...

Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им по плоти и вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом...

Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших души свои за народ и родину...

Дмитрий Донской

и к сталинским словам из речи от 3 июля: «Под знаменами Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского – вперед к победе!» Митрополит Сергей вдыхал в души русских людей веру в победу и надежду на Божий промысел: «Но не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Господь нам дарует победу».

Устами Патриаршего местоблюстителя Церковь объявляла судьбу наро-

Митрополит Сергей

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины».

Значение этого Послания трудно переоценить. Гонимая Православная Церковь сама протягивала руку помощи, но не столько атеистической власти, сколько заблудшему и несчастному русскому народу. В Послании местоблюстителя митрополита Сергея речь идет только о народе и о всенародном подвиге, ни слова о вождях, которые в это время практически безмолвствовали. Восстанавливался в своем значении русский православный патриотизм, гонимый, оплевываемый и осмеиваемый космополитами-коммунистами, вспомним знаменитые слова Ленина: «На Россию мне наплевать, потому что я большевик». Вспомним также статью и призывы Ленина к поражению России в Первой мировой войне, когда русские солдаты сражались на германском фронте.

От воспоминания местоблюстителем святых вождей русского народа – Александра Невского и Димитрия Донского – красная нить протягивается к соименным правительственным орденам

да своей: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытание несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет он небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг...»

В Послании изъяснялся духовный смысл не только воинского подвига, но и мирного труда в тылу. «Нам нужно помнить заповедь Христову: больше сея любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины».

Митрополит Сергей определял и задачи духовенства: «Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией».

Митрополитам Сергию, Алексею, Николаю не препятствовали распространять свои патриотические воззвания, хотя это и являлось нарушением закона.

Митрополит Сергей прозорливо разглядел сатанинскую сущность фашизма. Свое понимание он выразил в Послании от 11 ноября 1941 года: «Всему миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и христианства. Фашистам, с их убеждениями и деяниями, конечно, совсем не по пути за Христом и за христианской культурой».

Уже позднее, в Пасхальном послании 1942 г. митрополит Сергей напишет: «Тьма не победит света... Тем более не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику... Не забудем слов: «Сим победиши». Не свастика, а Крест призван возглавить христианскую культуру, наше «христианское жительство». В фашистской Германии утверждают, что христианство не *удалось* и для будущего мирового прогресса не

годится. Значит, Германия, предназначенная владеть миром будущего, должна забыть Христа и идти своим, новым путем. За эти безумные слова да поразит праведный Судия и Гитлера, и всех соумышленников его».

Действительно, Советский Союз был антихристианским, но не антихристовым, был атеистическим, но не оккультным.

Напротив, система государственной власти Третьего рейха, выстраиваемая Гитлером, была оккультной и антихристовой по своей сути. «Потрясающая новизна нацистской Германии в том, что магическая мысль впервые взяла себе в помощники науку и технику... Гитлеризм – это, в известном смысле, магия плюс бронированные дивизии». Но дело здесь не только в обращении к германским языческим образам и в оккультных программах типа Аненербе, на которые в Третьем рейхе тратились огромные деньги и силы. Опасно было то, что языческий оккультизм гитлеровские пропагандисты стремились смешать с христианством: образ Неизвестного солдата кощунственно совмещался с ликом Христа, сам Гитлер являлся своим адептам в облике Мессии, т. е. копье сотника Лонгина, пронзившее сердце Христово, в руках Гитлера стало магическим талисманом, а на пряжках ремней солдат, шедших убивать, грабить и зверствовать над мирным населением, были написаны слова из мессианского пророчества Исаяи: «С нами Бог» (Исайя. 8, 8). Крест на немецких самолетах, бомбивших школы и госпитали, явился одним из омерзительнейших кощунств над Животворящим Крестным Древом в истории, но также и знаменем псевдохристианской, а на последней глубине – антихристовой западноевропейской цивилизации.

То, что одной из конечных целей нацистов являлось провозглашение Гитлера Мессией и признание его таковым покоренными народами всей земли, показывает следующая кощунственная молитва по подобию «Отче наш», активно распространявшаяся в листовках: «Адольф Гитлер, ты наш вождь, имя твое наводит трепет на врагов, да приидет третья империя твоя. И да осу-

ществится воля твоя на земле».

Весьма значимо то, что по большому счету только предстоятели большинства православных церквей осудили фашизм: Ватикан хранил молчание и по поводу нацистских захватов (в т. ч. – католических стран), и по поводу истребления целых народов (не только и не столько евреев, но прежде всего славян – русских, сербов, белорусов). Более того, некоторые католические иерархи не только благословляли нацистский террор, но и активно участвовали в нем, например, хорватский кардинал Загреба Кватерник.

Не случайно то, что именно православные страны – Югославия, Греция, Россия и православные народы стали объектами нацистской агрессии: в этом сказался антиправославный и христорборческий дух Западной Европы, шедшей под предводительством Гитлера в крестовый поход на Восток. Мы вовсе не хотим сказать, что рядовые католические или протестантские священнослужители не страдали от фашизма, – вовсе нет, напротив, в одной Польше только до января 1941-го было убито 700 католических священников, 3000 было заключено в концентрационные лагеря, но Ватикан никак не реагировал на доклады Польского архиепископа Глонды.

Что же касается руководителей некоторых протестантских церквей, в особенности в Германии, то они прямо признали Гитлера как богодарованного вождя. Хотя, впрочем, и там были единичные случаи сопротивления. На этом фоне осуждение фашизма с христианских позиций было исключительно важным.

Русская Православная Церковь сыграла большую роль не только в мобилизации русского народа, но и в организации помощи со стороны союзников, а косвенно – и в открытии Второго фронта. Уже в Послании, посвященном первой годовщине нападения фашистской Германии на СССР, митрополит Сергей пишет: «В борьбе с фашистами мы не одиноки. На днях из Америки, из Нью-Йорка, к нам поступила телеграмма от Комитета по военной помощи русским. Пятнадцать тысяч религиозных общин США устроили

**Митрополит Киевский и Галицкий
Николай (Ярушевич)**

20-21 июня (канун начала войны) особые моления за русских христиан, чтобы запечатлеть память о сопротивлении русских фашистским нашествникам и чтобы поддержать в американском народе помощь русским в их борьбе против агрессоров».

Русская Православная Церковь в немалой степени способствовала созданию положительного образа Советской России среди союзников. Даже немецкая разведка отмечала успешность воздействия на союзников фактора возрождения Церкви в СССР.

Многое сделала Русская Православная Церковь, чтобы духовно укрепить и ободрить движение Сопротивления в Европе. В посланиях митрополита Николая (Ярушевича) к славянам и другим православным народам, оккупированным фашизмом, видна горячая любовь к православным и единокровным братьям, в них сквозит пламенный призыв к сопротивлению фашистам: «Мы усиленно молим Господа, чтобы Он и на остающееся время войны поддержал наши силы и ваше мужество. Пусть еще ярче разгорится у вас светильник Православия, еще пламеннее будет ваша любовь к родине и ее свободе, еще непримиримее ваше отвращение ко всяким попыткам смягчить, если не сломить ваше сопротивление врагу и его жалким слугам.

Неужели сербы, не один раз за веру и отечество всенародно полагавшие свою жизнь, когда-нибудь успокоятся под фашистским сапогом? Неужели замолкнет когда-нибудь их орлиный клич: «Пусть Душан знает, что сербы живы, сербы свободны»? Неужели православный греческий народ может остаться на фашистской цепи?

...Братья-славяне! Приблизился час великих событий на фронтах. Предстоят решающие бои. Пусть не будет ни одного среди нас, кто бы не содействовал всеми своими силами и возможностями победному разгрому нашего общего ненавистного врага: и на полях брани, и в тылу, и мощными ударами народных мстителей-партизан. Будем все как один».

Особое значения в деле идеологической борьбы против фашизма и его союзников имели послания митрополита Киевского и Галицкого Николая (Ярушевича) к румынским пастырям и пастве, а также к румынским солдатам: «Какова роль в современной войне простого румынского народа, румынских православных христиан, что их ожидает впереди? Они наверняка не приняли участия в антихристианском и разбойничьем торге, именуемом «новым порядком в Европе», а явились жертвами политических интриг своих правителей. Что может быть общего у румынских православных христиан с гитлеровцами, воз-

рождающими культ почитания языческого бога Вотана?»... «А мы, русские, братья с вами по вере, братья по мирному соседству. Румынский солдат не может забывать того, что кровью русских солдат в войне 1877-78 годов была завоевана государственная независимость и свобода национального существования Румынии... Ваш христианский долг – немедленно оставить немецкие ряды и перейти на сторону русских, чтобы искупить великий грех соучастия в преступлениях немцев и содействовать делу поражения врага человечества».

Можно говорить о многих видах патриотической деятельности Русской Православной Церкви. Прежде всего – это богослужбная и проповедническая деятельность, зачастую в прифронтовой полосе и под вражеским обстрелом.

В решающие моменты Сталинградской битвы митрополит Киевский и Галицкий Николай служил молебны перед Казанской иконой Божией Матери.

Особенно велик был подвиг ленинградского духовенства. Богослужения в соборах и кладбищенских церквях совершались под артобстрелом и бомбежками, но по большей части ни клир, ни верующие не уходили в убежища, только дежурные постов ПВО становились на свои места. Едва ли не страшнее бомб были холод и голод. Службы шли при лютом морозе, певчие пели в пальто. От голода к весне 1942 года из 6 клириков Преображенского собора в живых осталось лишь двое. И, тем не менее, оставшиеся в живых священники, по большей части преклонного возраста, несмотря на голод и холод, продолжали служить.

Вот как вспоминает И. В. Дубровицкая о своем отце – протоиерее Владимире Дубровицком: «Всю войну не было дня, чтобы отец не вышел на работу. Бывало, качается от голода, я плачу, умоляя его остаться дома, боюсь – упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: «Не имею я права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить».

Следствием самоотверженного служения кли-

ра в блокадном Ленинграде явился подъем религиозности народа. В страшную блокадную зиму священники отпевали по 100-200 человек ежедневно. В 1944 году над 48 % покойников было совершено отпевание.

Процесс религиозного подъема охватил всю Россию. Сводки НКВД сообщали о присутствии на пасхальном богослужении 15 апреля 1944 г. большого количества военных: в Троицкой церкви г. Подольска – 100 человек, в церкви св. Александра Невского (пос. Бирюлево, Ленинского р-на) – 275 человек и т. д. К вере приходили (или о ней вспоминали) и простые солдаты, и военачальники. Из свидетельств современников известно, что начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников (бывший полковник царской армии) носил образ святителя Николая и молился: «Господи, спаси Россию и мой народ». Г. К. Жуков всю войну провозил с собою Казанскую икону Божией Матери, которую он затем пожертвовал в один из киевских храмов. Свою веру прилюдно выражал маршал Л. А. Говоров, командующий Ленинградским фронтом. Часто храмы посещал герой Сталинградской битвы генерал В. И. Чуйков.

Особенно поразительны были случаи прихода к вере из комсомольского атеизма. Показательно стихотворение, найденное в шинели простого русского солдата Андрея Зацепы, убитого в 1942 году:

*Послушай, Бог, еще ни разу в жизни
С тобой не говорил я, но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя...
Ты знаешь, с детских лет мне говорили,
Что нет Тебя. И я, дурак, поверил.
Твоих я никогда не созерцал творений.
И вот сегодня я смотрел
Из кратера, что выбила граната,
На небо звездное, что было надо мной.
Я понял вдруг, любуясь мирозданьем,
Каким жестоким может быть обман...
Не странно ль, что средь ужасающего ада
Мне вдруг открылся свет и я узнал Тебя.
На полночь мы назначены в атаку,*

Протоиерей Владимир Дубровицкий

*Но мне не страшно. Ты на нас глядишь...
Но, кажется, я плачу, Боже мой.*

*Ты видишь,
Со мной случилось то, что нынче я прозрел.
Прощай, мой Бог. Иду и вряд ли уж вернусь.
Как странно, но теперь я смерти не боюсь.*

О массовости подъема религиозных настроений в армии свидетельствует, например, такая просьба, направленная телеграммой в Главное политуправление РККА с 4-го Украинского фронта, заверенная подполковником Лесновским: «По встретившейся надобности, в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произведения в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов

Православной Церкви».

Подобное, казалось бы, парадоксальное сочетание советского и православных начал было нередким для тех лет; вот письмо солдата М. Ф. Черкасова: «Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу».

Многие священники не только своим церковным служением, но и воинским подвигом внесли свой вклад в Победу. Следует отметить прямое участие сотен священнослужителей в боевых действиях, в том числе и тех, кто до войны отбыл срок в лагере и ссылке или шел прямо из лагеря.

Здесь может возникнуть несколько щекотливый вопрос: насколько это соотносится с канонами, запрещающими священнослужителям, совершающим Бескровную Жертву, проливать кровь.

Следует отметить, что каноны создавались для конкретной эпохи и конкретной ситуации Восточно-Римской империи, когда недопустимо было смешивать священнослужение и военное ремесло, но превыше канонов стоят евангельские заповеди, в том числе и следующая: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн 15, 13).

В истории Церкви было немало случаев, когда священнослужителям приходилось брать в руки оружие: оборона Троице-Сергиевой лавры и Смоленска, вооруженная борьба сербских и черногорских священников, и даже митрополитов против турецких поработителей и т. д.

В обстановке нацистского вторжения, несшего в конечном счете оккультизм и физическое уничтожение славянских и других народов, оставаться в стороне от вооруженной борьбы было недопустимо, к тому же большинство священников шло в армию по послушанию властям. Многие из них прославились подвигами и были отмечены наградами. Вот хотя бы несколько портретов.

Уже побывав в заключении, С. М. Извеков, будущий патриарх Московский и всея Руси Пимен, в самом начале войны стал заместителем командира роты, прошел всю войну и завершил ее в звании майора.

Наместник Псково-Печерского монастыря в

пятидесятые-первой половине семидесятых годов XX века архимандрит Алипий (Воронов) – талантливый иконописец и деятельный пастырь, будучи уже в сане, оборонял Москву, воевал все четыре года, был ранен несколько раз, награжден боевыми орденами.

Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексей (Коноплев) на фронте был пулеметчиком, в 1943 году он вернулся к священнослужению с медалью «За боевые заслуги».

Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем воевал в должности заместителя начальника полковой разведки.

В отчете уполномоченного совнаркома по делам религии Г. Карпова указывался ряд награжденных священнослужителей: так, священник Ранцев (Татарская АССР) был награжден орденом Красной Звезды, протоиерей Зверев и диакон Хитков – каждый четырьмя боевыми медалями и т. д.

Русская Православная Церковь много делала не только для воодушевления воинов, но и для развития партизанского движения. Вот что, в частности, писал местоблюститель митрополит Сергей 22 июня в годовщину начала войны: «В настоящее время встают из нашей среды сотни и тысячи народных героев, ведущих отважную борьбу в тылу врага. Будем же достойны и священных воспоминаний старины, и этих современных героев: «не посрамят земли русской», как говорили в старину. Может быть, не всякому можно вступить в партизанские отряды и разделять и их горе, опасности и подвиги, но всякий может и должен считать дело партизан своим собственным, личным делом, окружать их своими заботами, снабжать их оружием и пищей, и всем, что есть, укрывать их от врага и вообще помогать им всячески».

Священнослужители принимали активное участие в партизанском движении, особенно в Белоруссии, и многие из них заплатили за это жизнью. В одной только Полесской епархии более по-

ловины священников (55%) было расстреляно за содействие партизанам. Некоторые священники, такие как о. Василий Капычко, «партизанский поп» (которого автор знал лично), священнодействовали в белорусских партизанских отрядах, исповедовали, причащали. Формы содействия были самыми разнообразными: священники укрывали отставших при отступлении от частей красноармейцев, бежавших военнопленных, как, например, священник Говоров в Курской области, скрывавший у себя бежавших из плена летчиков.

Духовенство вело патриотическую агитацию и занималось сбором средств на танковую колонну «Дмитрий Донской». Пример тому – гражданский подвиг священника Феодора Пузанова из села Бродовичи-Заполье, который смог в оккупированной немцами Псковской области собрать денег и ценностей на полмиллиона рублей и переправить их через партизан на «Большую землю».

Многие из священнослужителей воевали в партизанских отрядах, нескольким десяткам из них позднее была вручена медаль «Партизану Великой Отечественной войны». Так, протоиерей Александр Романушко из Полесья с 1942 по 1944 год участвовал в партизанских боевых операциях, лично ходил в разведку. В 1943 году, когда отпевали убитого полицая, при всем народе и вооруженных товарищах убитого, о. Александр сказал: «Братья и сестры, я понимаю большое горе отца и матери убитого, но не наших молитв и «Со святыми упокой» своею жизнью заслужил во гробе предлежащий. Он – изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо «Вечной памяти» произнесем же: «Анафема». А затем, подойдя к полицаям, призвал их искупить свою вину и обратить оружие против немцев. Эти слова настолько впечатлили людей, что многие прямо с кладбища ушли в партизаны.

Духовенство участвовало в рытье окопов, организации противовоздушной обороны, в том числе и в блокадном Ленинграде. Вот всего один из примеров: в справке, выданной 17 октября 1943 г. архимандриту Владимиру (Кобецу) Василеостровским райжилуправлением, говорилось:

Архимандрит Владимир (Кобец)

«Состоит бойцом группы самозащиты дома, активно участвует во всех мероприятиях обороны Ленинграда, несет дежурства, участвует в тушении зажигательных бомб».

Зачастую священнослужители своим личным примером призывали прихожан к наиболее неотложным работам, прямо с воскресных служб отправляясь на колхозные работы.

Одним из направлений патриотической работы явилось шефство над госпиталями и попечение о больных и раненых. В прифронтовой полосе при храмах существовали убежища для стариков и детей, а также – перевязочные пункты, особенно важные в период отступлений 1941-42 гг., когда многие церковные приходы взяли на себя заботу о брошенных на произвол судьбы раненых.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенский)

Сразу после освобождения Киева (6 ноября 1943 года) Покровский женский монастырь исключительно на свои средства и своими силами оборудовал госпиталь, который целиком обслуживали в качестве медсестер и санитарок сестры монастыря. Когда монастырский госпиталь стал военным эвакуогоспиталем, сестры продолжали работать в нем до 1946 г. За этот подвиг монастырь получил ряд правительственных благодарностей. И это – не единственный случай.

Особой страницей является деятельность выдающегося хирурга архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Во время своей Красноярской ссылки, в начале войны он, по собственному почину, встречая сопротивление властей, стал работать в эвакуогоспитале в Красноярске, впоследствии заняв должность главного хирурга. С 1943 года, став епископом Тамбовским, возглавил Тамбовский эвакуогоспиталь, где работал вплоть до 1945

года, ежедневно делая по несколько операций. Благодаря его трудам были спасены и вылечены тысячи красноармейцев. В операционной у него висела икона, операции он не начинал без молитвы. Показателен следующий факт: когда ему вручали награду за самоотверженный труд, то выразили надежду, что он и далее будет оперировать и консультировать. На это Владыка сказал: «Я всегда стремился служить народу и спасать людей. И я спас бы их гораздо больше, если бы вы не таскали меня по тюрьмам и лагерям». Все обомлели. Потом кто-то из начальства робко заметил, что нельзя так уж все припоминать, надо иногда и забывать. И снова раздался громовой бас Владыки: «Ну уж нет. Этого я никогда не забуду». За фундаментальный труд «Очерки гнойной хирургии» архиепископ Лука в 1945 г. был удостоен Сталинской премии I степени, большую часть которой он пожертвовал на помощь сиротам.

Особое значение имели сборы средств Церковью на помощь армии, а также на помощь сиротам и восстановление разоренных областей страны. Митрополит Сергей практически нелегально начал церковные сборы на оборону страны. Пятого января 1943 года он послал Сталину телеграмму, прося его разрешения на открытие Церковью банковского счета, на который вносились бы все деньги, пожертвованные на оборону во всех храмах страны. Сталин дал свое письменное согласие и от лица Красной Армии поблагодарил Церковь за ее труды. Телеграмма митрополита Ленинградского Алексия И. В. Сталину (13 мая 1943 г.): *“Ленинградская епархия, выполняя данное Вам обещание всемерно продолжать свою помощь нашей доблестной Красной Армии и осуществляя Ваш призыв всячески содействовать обороноспособности нашей Родины, собрала и внесла дополнительно к ранее перечисленным 3 682 143 рублям ещё 1 769 200 рублей и продолжает сбор средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского. Духовенство и верующие преисполнены твёрдой веры в близкую победу нашу над*

злым фашизмом, и все мы уповаем на помощь Божию Вам и русскому воинству под Вашим верховным водительством, защищающему правовое дело и несущему свободу нашим братьям и сестрам, подпавшим временно под тяжкое иго врага. Молю Бога ниспослать Отечеству нашему и Вам Свою победительную силу».

Ответная телеграмма от 17 мая 1943 г.: *«Прошу передать православному духовенству и верующим Ленинградской епархии, собравшим кроме внесённых ранее 3 682 143 рублей дополнительно 1 769 200 рублей на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского, мой искренний привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».*

А всего православные жители Ленинграда пожертвовали около 16 миллионов рублей. Известна история о том, как неизвестный паломник положил во Владимирском соборе под иконой Святителя Николая сто пятьдесят золотых николаевских червонцев: для голодающего города это было целое сокровище.

Наименование танковой колонны «Дмитрий Донской», равно как и эскадрилья «Александр Невский», не случайно: в своих проповедях митрополит Ленинградский Алексей постоянно подчеркивал, что эти святые одерживали победы не просто благодаря своему патриотизму, но благодаря «глубокой вере русского народа, что Бог поможет в правом деле... так и теперь мы верим поэтому, что все небесные силы с нами». На церковные деньги, шесть миллионов, было построено 40 танков, составивших колонну «Дмитрий Донской». Средства на нее собирались не только в блокадном Ленинграде, но и на оккупированной территории.

Примечательно слово, сказанное Николаем, митрополитом Крутицким и Коломенским, при передаче танковой колонны частям Красной Армии и ответ красноармейцев. Митрополит обратился так: *«Гоните ненавистного врага из нашей Великой Руси. Пусть славное имя Дмитрия Донского ведет вас на битву за священную*

Митрополит Ленинградский Алексей

Русскую землю! Вперед к победе, братья-воины!» В ответ командование части заявило следующее: *«Выполняя Ваш наказ, рядовые, сержанты и офицеры нашей части на врученных Вами танках полные любви к своей матери-Родине, громят заклятого врага, изгоняя его с нашей земли».*

При этом следует отметить, что колонна «Дмитрий Донской» и эскадрилья «Александр Невский» – лишь капля в море церковных жертвований. В общей сложности они составили не менее четырехсот миллионов рублей, не считая вещей, ценностей, и в ряде случаев целенаправленно направлялись на создание того или иного танкового или авиационного подразделения. Так, православные верующие Новосибирска пожертвовали

Митрополит Белорусский Пантелеймон

более 110000 рублей на сибирскую эскадрилью «За Родину».

В достаточно сложных условиях оказалась иерархия на территории, оккупированное немцами. Неправильно говорить о том, что немцы открывали церкви на оккупированной территории: на самом деле они лишь не препятствовали верующим их открытию. Вкладывали же силы и средства, часто последние, русские, украинцы и белорусы – жители оккупированных территорий. В политике немцев на оккупированных территориях сталкивались две линии: одна – от представителей средних (лишь отчасти и высших военных кругов), заинтересованных в лояльности населения оккупированных областях, а следовательно, и в единой канонической церковной органи-

зации. Другая линия, исходившая от Розенберга и Гитлера, была нацелена на деморализацию, разобщение и, в конечном счете, на уничтожение русских людей и, следовательно, инициировала религиозный хаос и церковный раскол.

Вот что говорил Гитлер на совещании 11 апреля 1942 года: «Необходимо запретить устройство единых церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий. Нашим интересам соответствовало бы такое положение при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы». Цитата достаточно красноречивая и весомо злободневная.

Не то же ли происходит сейчас на территории Российской Федерации, Украины и Белоруссии, когда лишь по официальным данным насчитывается несколько сотен сект с числом адептов до миллиона, и большинство из них создано на западные деньги?

Исходя из гитлеровских инструкций, германские власти стремились всячески расколоть Церковь на оккупированных территориях.

Немецкая политика в отношении Православной Церкви в Белоруссии была сформулирована Розенбергом 13 мая 1942 г. после свидания с Гитлером и Борманом 8 мая 1942 года. Розенберг писал своим рейхскомиссарам, что Русская Православная Церковь не должна распространять свое влияние на православных белорусов, и её деятельность не должна простираться за границу расселения великороссов.

Эта политика привела к полному отделению так называемой Белорусской автономной Церкви от Экзархата в Прибалтике. Немцы навязывали независимость (автокефалию) Церкви в Белоруссии, но епископат во главе с митрополитом Пантелеймоном в конечном счете её не принял.

На Украине благодаря подогреваемому ещё с 1914 г. Германским генштабом националистическому движению, помимо канонической Украинской автономной церкви во главе с митрополитом Алексием (Громадским) была образована антирусская автокефальная церковь во главе с митрополитом Поликарпом (Сикорским), целиком поддерживавшая фашистов. Против митрополита Алексия (Громадского) всё время велась усиленная агитация, как против врага Украины, и он был 7 мая 1943 г. убит из засады возле Почаевской лавры бендеровцами. В августе того же 1943 г. был повешен бендеровцами епископ Мануил (Тарновский), принадлежащий к иерархии канонической Украинской церкви. Большинство из них сохранило верность Московскому Патриархату, но даже некоторые из тех, кто вышел из канонического подчинения, такие как епископ Пинский и Полесский Александр, тайно помогали партизанам – продуктами и медикаментами.

Особого внимания достоин феномен митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского), Экзарха Московского Патриархата в Прибалтике. Необходимо отметить, что ему удалось сохранить единство, несмотря на все давление немцев. Его взаимоотношения с немцами строились всецело на антикоммунистической, а не антирусской почве. Арестованный гестапо сразу после оккупации Риги митрополит Сергей скоро был освобождён, убедив немцев в своём антикоммунизме, и добился разрешения на открытие Миссии РПЦ. Сам он рассматривал свое т.н. сотрудничество с немцами как сложную игру для блага Церкви и России. Он часто говорил: «Не таких обманывали, с НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть нетрудно». Псковская миссия охватывала огромную территорию от Пскова до Ленинграда. Успехи Миссии превзошли все ожидания. В результате только на территории Псковской области было открыто 200 храмов. Благодаря Миссии были крещены десятки тысяч русских людей, тысячи получили зачатки религиозного образования. В Пскове, Риге

и Вильнюсе были открыты богословские курсы, на которых получили богословское образование десятки будущих пастырей Русской Православной Церкви. Один из членов Миссии о. Алексей Ионов подчёркивал, что работа велась без каких-либо директив от оккупационных властей: «со стороны немецких властей никаких инструкций специального или специфического характера Миссия не получила. Если бы эти инструкции были даны или навязаны, – вряд ли наша Миссия состоялась. Я хорошо знал настроение членов Миссии». В просветительской деятельности Псковской миссии явно выражалось патриотическое начало: ее катехизаторы и учителя призывали к возрождению России «единой и неделимой» в противовес расистской линии Гитлера-Розенберга, предпочитавших видеть Россию расчлененной на ряд марионеточных республик и генерал-губернаторств. Тем не менее встреча с партизанами для члена Миссии заканчивалась смертью.

Самым значительным событием была передача Церкви Тихвинской иконы Божией Матери. Икона была спасена из сгоревшего храма в Тихвине и передана Церкви немцами, которые постарались использовать передачу в пропагандистских целях. На соборной площади Пскова была воздвигнута платформа, а на ней аналой, куда водрузили икону. Там, при огромном собрании народа секретарь Миссии священник Георгий Бенигсен бесстрашно произнёс проповедь, в которой говорил о подвиге св. князя Александра Невского, освободившего Псков и Новгород от иноземного нашествия. Просуществовала Миссия с августа 1941 г. по февраль 1944 г. Сам митрополит Сергей был убит офицерами СД весной накануне Пасхи 1944 года за свою патриотическую деятельность.

Все причастные к деятельности Миссии, оставшиеся на территории СССР, были впоследствии арестованы и направлены в лагеря на верную смерть. «И сегодня, – справедливо писал один из миссионеров, – нашу борьбу хотят изобразить как сотрудничество с фашистами. Бог судья тем, кто хочет запятнать наше святое и светлое дело, за

Митрополит Сергей (Воскресенский)

которое одни из наших работников, в том числе священники и епископы, погибли от пуль большевистских агентов, других арестовывало и убивало гитлеровское гестапо». Ныне здравствующий духовник Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии архимандрит Кирилл (Начис) 13 октября 1950 года был арестован МГБ за работу в Псковской Миссии. Осуждён на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывал срок в лагере Минеральный. Освобождён из лагеря 15 октября 1955 года. Реабилитирован 21 мая 1957 года. Окончил Ленинградскую Духовную

Академию со степенью кандидата богословия, был профессорским стипендиатом, преподавателем семинарии и Академии, принял священный сан, пострижен в монашество, возведен в сан архимандрита (1976 г.).

Как и весь русский народ, Русская Православная Церковь тяжело пострадала за время Великой Отечественной войны. По далеко не полным и не точным оценкам комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний, немцами было уничтожено или разрушено 1670 церквей и 69 часовен. Если, с одной стороны, под это число попадало большое количество храмов, разрушенных коммунистами до войны, то, с другой стороны, в нем не учитывались все скромные деревенские церкви, сожженные вместе с народом карателями в Белоруссии и на Украине. Зачастую немецкие зондеркоманды собирали в белорусских деревнях весь народ в церковь, отфильтровывали молодых и крепких и угоняли на работу в Германию, а оставшихся запирали в церкви и сжигали.

Такая трагедия произошла, например, 15 февраля 1943 года в селе Хворостово Минской области, когда во время Сретенского богослужения немцы загнали всех жителей в храм, якобы на молитву. Предчувствуя недоброе, настоятель церкви о. Иоанн Лойко призвал прихожан всех усердно молиться и причаститься Святых Христовых Тайн. Во время пения «Верую» стали силой выводить из церкви молодых женщин и девушек для отправки в Германию. О. Иоанн попросил офицера не прерывать богослужения. В ответ фашист сбил его с ног. А затем двери храма были забиты и к нему подъехало несколько саней с соломой... Позднее полиция показывали на суде, что из горящей церкви раздавалось всенародное пение: «Тело Христово примите, Источника Бессмертного вкусите». И это лишь один из многих сотен подобных случаев.

Личным примером духовенство РПЦ призывало к мобилизации всех сил в помощь обороне и укреплению тыла. Всё это не могло не оказать воздействия и на религиозную политику советского правительства. В начале войны полностью

прекратилась антирелигиозная пропаганда, была свёрнута деятельность «Союза воинствующих безбожников». Сталин порекомендовал «главному безбожнику» Е. Ярославскому (Гутельману) публично отметить патриотическую позицию Церкви. Тот не посмел ослушаться и после долгих сомнений 2 сентября подготовил статью «Почему религиозные люди против Гитлера», правда, подписал её трудноузнаваемым псевдонимом Каций Адамиани.

Переломный момент в отношениях между Церковью и государством произошёл в 1943 г. Так, газета «Известия» сообщила: «4 сентября у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища И. В. Сталина состоялся приём, во время которого имела место беседа с Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и Экзархом Украины Киевским и Галицким митрополитом Николаем. Во время беседы митрополит Сергей дошёл до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеется намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Святейшего Синода. Глава Правительства товарищ И. В. Сталин сочувственно отнёсся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий. При беседе присутствовал заместитель Председателя Совнаркома СССР тов. В. М. Молотов».

Число убитых священнослужителей в войну не поддаётся подсчёту, тем более, что трудно отделить погибших в войну от репрессированных, и, по большому счёту, до последнего пятнадцатилетия никто подобными исследованиями не занимался. Лишь изредка в литературе о Великой Отечественной войне мелькали сведения о погибших священнослужителях, чаще всего – одной-двумя строчками. Например: «Расстрелян священник Александр Новик с женой и детьми... Сожжен священник Назоревский с дочерью... Убит 72-летний протоиерей Павел Сосновский с 11-летним мальчиком... После мучительных пы-

ток расстрелян 47-летний священник о. Павел Щерба».

Более того, хрущевско-брежневская власть и ее пропагандисты зачастую оказывались неблагодарными к тем, кто сражался за Родину и полагал за нее жизнь, если они были священнослужителями. Одним из свидетельств этого является памятник сожженным в селе Хворостово (Полесье), где среди всех поименно названных жертв нет только одного имени – священника Иоанна Лойко.

Из военно-документальной литературы целенаправленно изымались свидетельства о священниках-воинах, священниках-партизанах. Например, в книге И. Шубитыдзе «Полесские были» (Минск, 1969) имена священнослужителей упоминались, а в издании 1974 г. – нет.

В обширных трудах по истории Великой Отечественной войны вклад Церкви в победу целенаправленно замалчивался, а иногда писались и явно клеветнические книги типа «Союз меча и креста» (М., 1969).

Только в последнее время стали появляться публикации, правдиво и объективно освещающие роль Русской Православной Церкви в войне. Особенно следует выделить труды М. В. Шкаровского.

В заключение хотелось бы сказать, что Великая Отечественная для нас не кончилась, она продолжается с огромными потерями сегодня, только пока без бомбежек и артобстрелов.

Поясню свои слова. На совещании в ставке, за несколько дней до начала войны, 16 июня 1941 года, Гитлер говорил: «Мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, доклады, постоянно внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей. Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести на эти средства. Должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств. Следует всячески способствовать расширению сети абортариев... Не оказывать

никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям... Никакой помощи многодетным семьям... На всей русской территории всячески способствовать развитию и пропаганде употребления спиртных напитков в широком ассортименте и в любое время... Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается в алкоголизме и руководстве».

Если мы посмотрим на то, что делается вокруг нас, то с удивлением увидим, что абсолютно все перечисленное в речи Гитлера в той или иной мере выполняется, только не немецкими оккупантами, а своими властями и работниками СМИ – пятой колонной Запада.

Каждый год в России убивают шесть миллионов неродившихся детей, число смертей на миллион превысило число рождений. Каждый год в России только от алкогольных отравлений погибает 300 тысяч человек. В стране не менее семи миллионов хронических алкоголиков и четырех миллионов наркоманов.

Если мы – как представители Церкви, так и общественности – не возвысим свой властный голос против этого тихого убийства, невидимой

информационной войны, то через двадцать-тридцать лет Россию можно будет брать голыми руками – некому будет ее защищать и некому в ней работать. Тогда мы окажемся недостойны памяти наших павших предков, в том числе – миллионов верующих и сотен священнослужителей, и характеристика Гитлера, к сожалению, будет абсолютно верной.

Надо неукоснительно говорить миру всю правду, не будем забывать, что русских в годы Великой Отечественной войны погибло 66,2%. И не надо бояться той клеветы, которая широким фронтом развернулась против великого подвига нашего народа. Но для того, чтобы нам победить в этой борьбе, нужна воля, а для нее – вера в Бога, Божий промысел и назначение России – такая вера, какая была у Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, митрополита Киевского Николая, митрополита Ленинградского Алексия, архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), протоиерея Александра Романушко и сотен других подвижников благочестия.

И да поможет нам Бог в стяжании такой веры для спасения России и Русского народа.

**Сестры
Бабушкины:
Саша, Таня, Аня
(слева
направо)
у обелиска
с. Камьши
Куртамышского
района**

Я ПОМНЮ! Я ГОРЖУСЬ!

Наши родные – прабабушка и прадедуска Максимовских Зоя Сергеевна и Илья Васильевич, прабабушка Степанова Анна Максимовна, это с маминой стороны; и Яковлевы Мария Ивановна и Иван Фенопентович, это с папиной стороны, часто рассказывают нам о погибших родственниках и о своем детстве, которое пришлось на военные годы. Ведь нам и нашим ровесникам трудно представить, что такое – ВОЙНА, но мы знаем, что война – это страшно: много человеческих жизней она унесла, ворвалась в каждый дом, принесла слёзы, разрушила мирную жизнь. Много вдов и сирот осталось после неё, в том числе и в семьях наших родных. Наша семья помнит о тех, кто уже не придёт никогда. Нам, сёстрам Бабушкиным, повезло тем, что старшее поколение родственников проживает с нами рядом, что мы имеем возможность видеть и слышать их. Они помогают нам собирать сведения о ближайших родственниках из семей Бабушкиных, Максимовских, Вавиловых, Горновых,

Яковлевых, Степановых, Шустовых, и мы составляем родословную «Моя семья». Мы записываем воспоминания своих прадедушек Ильи Васильевича и Ивана Фенопентовича и прабабушек Зои Сергеевны и Марии Ивановны, Анны Максимовны. В сборе сведений нам очень помогают источники: Книга Памяти Т. 11 (Куртамышский район), семейные альбомы, боевые и трудовые награды наших родных. Помогают литературные произведения, и, особенно, наша бабушка, учитель истории, Максимовских Любовь Ефимовна, которая занимается сбором краеведческого материала.

В Книге Памяти (т. 11) мы нашли сведения о наших прапрадедушках Максимовских Василии Андреевиче, Вавилове Сергее Ивановиче, Горнове Анатолии Ивановиче, которые не вернулись с полей тяжёлых сражений. Из воспоминаний прабабушек Зои Сергеевны, Марии Ивановны, Анны Максимовны, Нины Александровны мы и составили свой рассказ о жизни родных до войны.

Они показали нам свои семейные альбомы, в которых много фотографий наших родных. С большим интересом смотрели мы на родителей бабы Зои и деда Ильи, бабы Нины, на совсем молоденького брата прабабушки Марии Ивановны – Анатолия Горнова, ушедшего защищать Родину в 17 лет.

***В наших квартирах хранятся альбомы,
В них собраны фото родных и знакомых.
И смотрят на нас
с каждой новой страницы,
Кого нам не встретит
и с кем не проститься,
Смотрят на нас дорогие нам лица.
Да только улыбки застыли навечно.
И память о них будет жить бесконечно.***

23июня 1941 года в Куртамыше на площади состоялся митинг. На том митинге была и наша прабабушка Зоя Сергеевна с родителями и младшими сестрами. Бабе Зое в то время было всего 13 лет, она была старшая из семерых детей в ее семье. Большая колонна куртамышских мужчин была отправлена на фронт в тот памятный для детей военных лет день, нынешних тружеников тыла. Мы определили, что около 50 человек из названных выше семей наших родственников воевали на фронтах Великой Отечественной войны, среди них были и девушки-санитарки Степанова Антонина Петровна, Шустова Александра Даниловна. Некоторым из них выпало счастье вернуться домой живыми.

Всё меньше остаётся среди нас тех, кто воевал на фронте (в нашей семье в последние годы ушли из жизни ветераны войны Максимовских Фёдор Васильевич, инвалид войны, имел тяжёлое ранение в голову; Ведишев Михаил Фёдорович, тяжёлое ранение спины и ноги, дожил до преклонного возраста – 97-ми лет; Швецов Пётр Иванович, ранение шейных позвонков, прожил 80 лет; Шустов Николай Максимович, тяжёлое ранение руки, контузия, прожил 82 года), нет и тех, кто трудился в тылу, приближая Победный май 1945 года: это – Степанова Анна

Максимовна, ТРУЖЕНИЦА ТЫЛА, ВДОВА; Вавилова Меланья Яковлевна, ТРУЖЕНИЦА ТЫЛА, ВДОВА; Максимовских Варвара Харитоновна ТРУЖЕНИЦА ТЫЛА, ВДОВА; Швецова Марина Максимовна, ТРУЖЕНИЦА ТЫЛА. Около половины из ушедших на фронт наших родных погибли, а дома их безнадежно ждали их родители, жены и дети.

Нам запомнились слова Константина Симонова о войне:

***«...Она такой вдавила след
И столько наземь положила...
Что двадцать лет, что тридцать лет
Живым не верится, что живы».***

Чудовищная война оставила сиротой нашу бабушку Степанову Нину Александровну, родившуюся в 1941 году, в то время, когда её отец уже погиб, героически защищая подступы к Москве в районе Твери. Бабушка Нина Александровна и её отец, гвардии стрелок Степанов Александр Сергеевич так никогда и не увидели друг друга. Не вернулся и дядя бабушки Нины, младший брат отца – Степанов Иван Сергеевич. Кровавопрлитная война оставила сиротами прадедушку Максимовских Илью Васильевича и прабабушку Зою Сергеевну. Она забрала жизни их отцов, наших прапрадедушек Максимовских Василия Андреевича и Вавилова Сергея Ивановича.

Вавилов Сергей Иванович, отец нашей прабабушки, Зои Сергеевны Максимовских (Вавиловой), родился 18 марта в 1907 г. в деревне Ершовка Куртамышского района. Был грамотным, окончил в Таволжанской начальной школе 3 класса, работал в сельском совете председателем, был партийным. К работе всегда относился добросовестно, ответственно. В 1935 году был назначен председателем колхоза. В 1939 г. учился в городе Москве на курсах по финансовому учёту 8 месяцев, после учёбы был направлен в Куртамыш начальником Управления по заготовкам. В 1940 г. семья из деревни Ершовка переехала к Сергею Ивановичу в Куртамыш. Поселились в доме за кинотеатром «Сибирь». И вот – война. Мой пра-

Вавилов
Сергей
Иванович

прадедущка имел отсрочку, но добровольцем отправился на фронт. Провожала Сергея Ивановича вся большая его семья: жена и семеро детей, малмала меньше. Воевал на Карело-

Финском фронте. С фронта прислал несколько писем. В Книге Памяти 1941-1945 г., т. 11, Куртамышский район, на с. 56 читаем: «Был в последнем бою в феврале 1942 г.». Семья получила известие: «Пропал без вести».

Второй наш прапрадедущка Максимовских Василий Андреевич, отец нашего прадедущки Ильи Васильевича, родился 7 июня 1902 г. в Шадринске. После раскулачивания его родители переехали в Северо-Казахстанскую область, в деревню Афанасьевку, а в 1930 г. – в Курганскую область, в Куртамышский район, в деревню Сычёво. Наш прапрадедущка Василий Андреевич был мастеровым человеком: готовил сбрую для лошадей, был хорошим портным и плотником.

В Книге Памяти 1941-1945 г., т. 11, Куртамышский район, на с. 208 читаем: «Был в последнем бою в сентябре 1943 г.» Прапрадедущка

Горнов
Анатолий
Иванович

Максимовских
Василий
Андреевич

Василий Андреевич защищал Москву. Написал с фронта всего одно письмо: «Добрый день, мои дорогие – жена Варя, дети Матвей, Илья и Нина.

Есть ли весточка от сына Федора, где он воюет. Мальчики, помогайте маме во всем. Я вам высылаю в этом письме 10 рублей. Напишите, как получите». Больше весточки с фронта семья не дождалась, а в 1943 году получила известие: «Пропал без вести».

Следом за отцом был призван на войну и старший сын Василия Андреевича – Фёдор Васильевич Максимовских, 1922 г. рождения – старший брат прадедущки Ильи Васильевича. Защищал Москву, воевал на Волховском фронте, был контужен и комиссован из Армии в 1944 году.

Горнов Анатолий Иванович, родился в д. Острова Куртамышского р. Работал в совхозе. Анатолий Иванович был отправлен на фронт в 1942 году, 17-летний воин защищал Киев. В одном из боев 14 июля 1944 года был ранен, месяц пролежал в госпитале. После лечения сооб-

Степанов
Александр
Сергеевич

шил, что воюет на границе с Румынией. Семья получила известие, что в бою 10 сентября 1944 г. героически погиб. Похоронен в братской могиле.

Степанов Александр Сергеевич родился в д. Заречка Дубынского сельсовета Казанского района Тюменской области. Работал на тракторе, поэтому на фронт забрали не с первых дней войны, а только в июле 1941 г. В августе 1941 года в одном из боев за Москву был тяжело ранен, остался без ног. Лечился в госпитале Калининской области районного центра Спирино д. Бабье. 7 октября 1941 года скончался от ран. Домой пришло извещение: похоронен на левом берегу реки Тверь в братской могиле у деревни Бабье районного центра Спирино (сейчас это Тверская обл.)

О погибших братьях Степановых, Александре Сергеевиче и Иване Сергеевиче, нам рассказала бабушка Нина Александровна.

Это как будто о них, о наших прадедушках, сказал поэт Виктор Гин:

***«Нас в песнях воспели и в бронзе отлили –
Легенды расскажут, какими мы были...»***

О ТРУЖЕНИКАХ ТЫЛА НАШЕЙ СЕМЬИ

***«Счастливые милые детские годы,
И вас опалила война.
Взвалила на плечи вам горе, невзгоды,
Лишила покоя и сна».***

У матери бабы Зои, Меланьи Яковлевны (25 июня 1907 г. – 28 января 1986 г.) осталось на руках семь детей. В начале войны старшей Зое было 13 лет, а младшей Юле – три месяца.

А у матери деда Ильи, Варвары Харитоновны (19 мая 1900 г. – 9 декабря 1996 г.) – 4 детей: старший сын Федор (1922 г. р.) ушел на фронт (вернулся после лечения в госпитале, был контужен, остался инвалидом), а младшей Нине было два года.

Вся тяжесть военных полуголодных, полухолодных, полураздетых лет легла на плечи стариков, женщин и детей, значит и наших прабабушки и прадедушки. В войну солдатская жена сама па-

хала, боронила и рассевала семена, и нивы хлебные косила. Фронту надо было дать хлеб и одежду, оружие и технику.

Вот что мы узнали от бабы Зои и деда Ильи.

В годы войны баба и деда жили в маленькой деревне Ершовка в пяти километрах от Таволжанки Куртамышского района, в которой было всего 12 домов. Всей деревней трудились на пашне, выращивая хлеб, работали на ферме, где осталось около 20 коров, и на конюшне, здесь хозяйничали мальчишки-подростки. Наравне со взрослыми, своими матерями, дедушками и бабушками, выполняли всю тяжелую крестьянскую работу дети.

Она рассказывает: «Я училась в Таволжанской начальной школе. Была ударницей. Хотела стать учительницей, но успела закончить только пять классов, а дальше учиться не пришлось. Я была старшей в семье и стала своей маме главной помощницей во всем. Рано утром в 4 часа мы с мамой шли на ферму доить коров, а днём убирали поспевший урожай, ходили косить пшеницу, а потом вязали ее в снопы, возили на ток. От взрослых женщин старалась не отставать, хотя была маленького роста. Вместе со своей подругой Зоей Переславцевой выкашивали взрослую норму – 96 соток. Хотя и было трудно, и силенок не хватало, но все старались работать. Даже дети понимали, что на фронте еще тяжелее, надеялись, что их отцы скоро вернуться к ним, и они помогают им. Все работы выполняли вручную: молотили, веяли, сгребали зерно. Старики придумали приспособление для обмолота зерна: огромное колесо соединяли с ручной молотилкой, несколько лошадей крутили это колесо. В молотилке барабан выколачивал зернышки. Женщины и дети должны были быстро отбрасывать мякину (траву) и отгребать в сторону зерно. Зерно ссыпали в мешки, грузили на подводы и увозили на станцию Юргамыш. Это приспособление и называлось «Кустарка».

Прадедушка Илья работал за двоих, он отвечал за рабочих лошадей. Он вспоминает: «В колхозе «Бедняк» коней было много (более 100). Самых

Фото из семейного альбома: ученики Таволжанской школы в 1940 году,
Зоя Сергеевна третья в нижнем ряду (слева направо)

лучших и сильных коней забрали на фронт, в деревне оставалось еще десятка три лошадей. (История Куртамышского района, с. 112).

Вот эти строки говорят о нашем прадедушке Илье:

*В девять лет пахать я научился,
Встать за плуг заставила война,
Поднималось солнышко к зениту,
И в разгаре солнечного дня
Пал я усталостью разбитый,
Мой отец! Я работал за тебя.*

За работу в войну давали в конце дня 300 граммов отходов, если шла уборка. В остальные дни получали совсем понемногу. Собирали сами, что могли найти в лесу, который был рядом и окружал деревеньку со всех сторон. Вырастить самим вдоволь картофеля и овощей не было возможнос-

ти, так как вся земля была колхозной пашней прямо за домами, и под огород каждому оставляли совсем немного. Того, что садили, хватало всего на ползимы. Хлеба всю войну не видели, все зерно увозили на станцию, и так голодно было до 1950 года. Летом ели щавель и другие съедобные растения. Зимой – мороженую картошку и жмых хлопковый. Его толкли в ступе, стряпали оладьи и ели. Баба Зоя говорит: «Жмых хлопковый сильно невкусный. Я это до сих пор помню, но шла война – и мы, дети, это понимали. Были дни, когда есть совсем было нечего».

Разве можно забыть об этом?!

Как ждали окончания войны в те далекие дни! Деда Илья вспоминает: «В тот день, когда председатель, единственный старик в деревне, Вави-

Вавилова
(Кучур)
Меланья
Яковлевна

лов Яков Андреевич (дядя Вавилова Сергея Ивановича, то есть нашего прапрадедушки) объявил, что закончилась война, – все стояли и долго молчали. Никто не по-

верил, что это случилось, что закончилась чудовищная, кровопролитная война. А потом женщины стали плакать: из 20 ушедших из деревни Ершовка мужчин на фронт вернулось только трое».

В стихотворении Людмилы Прозоровой как будто говорится о наших прабабушках Зое и Марии и прадедушках Илье и Иване:

*Мы – маленькие очевидцы,
Мы в поле с бабушками шли,
Мы слез тогда уже не лили,
Мы знали вкус полынь-травы.
И с ними всю беду делили,
Как хлебом с нами делились они.*

Максимовских
(Коновалова)
Варвара
Харитоновна

Степанова
(Шустова)
Анна
Максимовна

Наши прадедушки Илья Васильевич и Иван Фенопентович, прабабушки Зоя Сергеевна и Мария Ивановна за свой труд в годы войны удостоены звания «Труженик тыла», награждены всеми юбилейными медалями. Особенно рады медалям «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», рады тому, что дожили до такого почтенного возраста.

Каждый год в день Победы им приходит от Президента России Поздравление и Благодарственное письмо.

Мы помним и знаем всех наших близких, кто воевал и трудился в тылу, приближая Победу. И, несмотря на то, что возраст наш еще юн, кропотливо собираем и храним старые фотографии, вырезки из газет. Пусть так делают все молодые!

Максимовских
(Вавилова)
Зоя
Сергеевна

БАЖИНА
Светлана Георгиевна

ВЫШИТА РУБАШКА ЯРКИМ КРЕСТИКОМ...

Вышита рубашка ярким крестиком,
Жизнь ее носила с опоясками.
Ворвалась война тревожным вестником,
Рисовала огненными красками.

Жизнь и смерть схватились врукопашную,
По камням струилась речка алая.
Над лесами вечными и пашнями
Решетили небо пули шалые.

Ненависть к войне на вкус полынная,
Там, где пелось, – гнезда растревожены.

Где любовь цвела – сады пустынные,
И дома золою запорошены...

Враг разбит! И друг порою раннею
С фронта шел знакомыми маршрутами,
А потом седой и весь израненный
В День Победы плакал под салютами.

Пишется прославленная летопись,
Книга, опаленная пожарами.
Жизнь и смерть, любовь, а с нею ненависть,
Друг и враг повсюду ходят парами.

Родилась 9 декабря 1962 года в Кургане. Закончила факультет журналистики Уральского государственного университета им. М. Горького. В журналистике с 1980 года. Работала корреспондентом Кетовской районной газеты, заведовала отделом писем в Курганской областной газете "Молодой ленинец", выпускала многотиражную газету "Знамя" ПО "Курганприбор". Член Союза журналистов России с 1989 года. В 1993-м была принята в областную газету "Новый мир". В 2002 году по приглашению руководителя Курганского регионального информационного центра "КонсультантПлюс" возглавила отдел подписных изданий. Освещает работу центра во Всероссийском журнале "Наша сеть".

Первый сборник стихов автора «Бальзам любви» был издан в 2009 году. Во вторую книгу «Фарфоровая куколка – душа» входят стихи, написанные с 2010 по 2013 год.

МАТУШКА

У речного берега отлогого,
Лапоточки сбросив, босоногая,
Умываясь дождиком и росами,
Бегала девчонка русокошая...

В зипуне суконном, в белых валенках
Целовалась с парнем на завалинке,
Пела и плясала, что есть силушки...
Любо звал народ ее Россиюшка.

Молодая, гордая и смелая,
Первая – в работе, что б ни делала.
Не ложилась спать до часа позднего
И в стогу смотрелась в небо звездное...

Налетела вдруг година лютая!
В сапоги военные обутая,

Под огнем дорогами покатыми
В пыльной гимнастёрке шла с солдатами.

С поля боя выносила раненых.
И сраженных пулей. Утром ранним
С матерями вместе хоронила их,
Вместе голосила над могилами...

Только не сдалась: все та же сильная,
Мудрая по-женски и красивая,
Зрелая, но гибкая и стройная,
Города и фабрики построила...

Летом и зимой, весной и осенью
Внуки к ней бегут русоволосые,
Сыновья спешат и дочки-лапушки,
Чтоб, любя, назвать Россию: “Матушка!”

СИНЕОКАЯ ПОБЕДА

Худенькая девушка с косами до пояса,
В облаке черемухи – синеокий взгляд.
Маем сорок пятого фото пожелтевшее
Перышком подписано много лет назад.

На осиной талии гимнастёрка стянута,
Будто опоясочкой, кожаным ремнём.
Снимок дня победного... Маленькая правнучка
Не узнала бабушку в юности на нём.

Удивлённо девочка спрашивает дедушку:
“Разве так бывает, дед, тётенька-солдат?”
“Всё бывает, внученька, всё бывает, милая,” –
Сразу деду вспомнился душный медсанбат.

Дрался он с фашистами честно и неистово,
Только оперившийся юный лейтенант,

Но в бою израненный где-то под Калинином
В забытии увидел медсестрички бант.

Выходила мальчика, на ноги поставила,
Добрым словом искренним стала врачевать,
А из края дальнего в письмах-треугольниках
Строчки благодарности шлёт за сына мать.

До Берлина шёл герой, как рожденный заново,
И ждала, ждала его девушка-краса.
А весной с победой к ней возвратился бравый он
И сказал, что любит очень синие глаза...

В белом вся невестится, вновь цветет черемуха,
За окошком облако, будто пышный бант.
Маем сорок пятого навсегда повенчанный
С синеокой девушкой юный лейтенант.

ПИСЬМО СОЛДАТСКИМ ВДОВАМ

от всех, не вернувшихся с войны

Маки вешние полощутся
Алым шелком на ветру,
Если б знать, что здесь у рощицы,
Я когда-нибудь умру.

Если б ведать, что с фашистами
Вступим мы в неравный бой,
Я навек, моя лучистая,
Попрощался бы с тобой.

Я б тебя, моя хорошая,
Залюбил в последний раз...
Только тропка запорошена
Майским цветом не для нас.

Не для нас поет соловушка,
И свидания не со мной.

Будет, ласковая вдовушка,
Целовать тебя другой.

Лишь зима заплачет инеем,
Замуж выйди да живи,
Но моим бессмертным именем
Ты сыночка назови...

Помни буйную головушку,
Я геройски воевал.
И не зря на землю кровушку
За победу проливал,

Чтобы вдоволь выпив волюшки,
Рядом быть с тобою мог,
Маком алым вызрев в полюшке
У босых любимых ног.

ТРЯПИЧНЫЙ КЛОУН

Бабка Августа умерла.
Век скреблась. Характер таков.
Отлетела, бросив дела,
В девяносто с лишним годков.

Собрались соседи, родня,
Поминали в солнечный день.
И щеколда ныла, звеня,
На калитке, с нею – плетень.

Без хозяйки кончился рай,
Деревянный сгорбился храм.
Разбирали бабкин сарай,
Ворошили отжитый хлам.

Коромысло, козлы для дров,
Ведро, грабли, ржавый утюг,
И еще открыли засов:
Там, под сеном, – старый сундук.

Раскраснелась бабкина дочь...
Тут шинель отцова, пимы.
А снегов-то минуло прочь
С той военной лютой зимы!

Вот на дне прикрыт рушником
Клоун тряпичный, пуговкой нос.
И у горла вздыбился ком.
Это ж папка с фронта привез!

Он пришел с войны без ноги.
Мать рыдала: «Петя, живо-о-о-й!»
«Будем, Гутя, вот сапоги
Экономить. Полно! Не вой!»

Сыновья повисли на нем.
А потом – подаркам черед.
Где нашел он их под огнем
В сорок третий памятный год?!

Дочке малой – клоун смешной,
Из цветных пошит лоскутков.
Обняла покрепче: «Ты – мой!»
Счастья было – до облаков!

Берегла его много лет,
Согревала детским теплом.
Улыбался клоун в ответ,
С ним уютней казался дом.

Стал отец колхоз подымать,
Председатель и счетовод.
А потом давай «поддавать»,
Костылем махать у ворот.

Мать ругалась: «Петя, уймись!
Больно с клоуном стал ты схож!
Надоела мне эта «жись».
Что мне толку-то с пьяных рож!»

«Я был конюхом комполка!
Я – герой, а не клоун, мать!

И в селе нас два мужика,
Так что будь любезна молчать!»

Ухватил игрушку и в печь!
«Папа!» – к топке кинулась дочь:
Надо клоуна уберечь!
Надо срочно ему помочь!..

Так замкнулся семейный круг.
Ах, какая здесь тишина!
И свежи показались вдруг
Детство, дом родной и война.

«Клоун рыжий, пуговкой нос,
Мы вдвоем – вот и вся семья.
Задаешь безмолвно вопрос:
Как тебя позабыла я?

Ну, прости, заберу с собой,
Станешь в городе жить да жить.
Мой бедняга, хороший мой,
Будем вечно с тобой дружить».

БАСКАКОВА
Фиала Ивановна

СЧАСТЛИВАЯ

«Я счастливая! – говорит о себе жительница села Барашково Александра Васильевна Кривоногова. – Мне повезло с мужем, я воспитала хороших дочерей, внуки и правнуки любят меня». Но это счастье шло к Александре Васильевне трудным путем.

6 мая 1928 года в деревне Чурша Кировской области в семье Василия Степановича и Александры Дмитриевны Осколковых родилась девочка, которую в честь матери нарекли Александрой. Крестьянская семья жила как все, без особого достатка, но и не бедствовала, пока не пришла большая беда.

Началась война с фашистской Германией. Ветеран труда вспоминает: «Над деревней стоял бабий вой. Забрали всех мужиков. На фронт ушли отец и Миша, который прибавил себе два года.

Мама горько плакала, не зная, что делать с тремя детьми: мне – 13, Нине – три года, а Марии, родившейся перед самой войной, и года не было. В 1942 году от тяжелой работы и голода мама сильно ослабла и заболела. Болезнь легких сожгла её изнутри за неделю. Вскоре умерла от дизентерии и Мария. Я и Нина остались одни».

Маленькую Нину определили в детский дом в Варгашах, а Александру взяла к себе родственница, вместе с которой девочка пряла шерсть, вязала носки, платки и варежки для фронта. После работы нянчила хозяйских детей.

В 1944 году Александру хотели отправить учиться на трактористку, но как раз в это время по ранению пришел в отпуск отец. Василий Степанович не отпустил дочь, боялся, что после войны возвращаться будет некуда и не к кому.

Родилась 1 сентября 1969 года в городе Рудный Кустанайской области. Окончила Кустанайское культурно-просветительное училище по специальности «режиссер культурно-массовых мероприятий» и Курганский государственный университет, филологический факультет, специальность «журналистика». Работает в редакции газеты «Маяк» Варгашинского района.

Отец Василий Осколков вернулся с фронта в 1946 году. Брат Михаил погиб на полях сражений с смертью храбрых.

«Когда отец вернулся домой, я уговорила его забрать из

детского дома Нину, и мы стали жить втроем. Почти сразу он женился на молодой. Анна Ефимовна родила отцу еще пятерых детей. Мне снова пришлось быть в няньках».

Петра Кривоногова, будущего супруга Александры, забрали на фронт в 1944 году, а вернулся он в родную деревню только в 1951-м. Шесть долгих лет молодые писали друг другу письма... Расписались, свадьбы не было, зато были любовь и согласие. Сначала жили со свекровью, а позже Петр Прокопьевич собственноручно срубил и поставил пятистенки, в котором супруги счастливо прожили тридцать лет и родили четверых детей.

Вспоминаем Петра Прокопьевича, и на глазах Александры Васильевны снова наворачиваются слезы – в 1981 году его не стало.

«Петя астмой сильно страдал. Пошел вечером проверить, что да как в совхозной МТМ, а баллончик с лекарством дома забыл. Стало ему плохо, домой повернул. Зашел, сел на стул, повалился грудью на стол и все... Так у меня на глазах и умер».

Участник Великой Отечественной войны, младший сержант Петр Прокопьевич Кривоногов был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медалью «За победу над Японией», памятным знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», юбилейными медалями.

Всю свою жизнь Александра Васильевна много и трудно работала. На ферме была и дояркой, и скотником, и телятницей. Даже на зоотехника выучилась, но только поработать в ученой должности ей не пришлось. Перед самой пенсией, когда уж совсем не стало сил и здоровья, Александра Васильевна трудилась на нефтебазе заправщицей.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года она награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», за труд в мирное время ей присвоено звание «Ветеран труда».

«Я счастливый человек, – говорит в свои 83 года Александра Васильевна. – Мне повезло с мужем, я воспитала хороших дочерей Зину, Альбину и Ирину, внуки и правнуки любят меня. На днях правнучка Яна приходила и принесла мне целое ведерко лесной ягоды. Сама собирала, ягоду к яголке. Я и варенье сварила, и пирожков испекла».

Несмотря на свой преклонный возраст, бабушка Шура и на грядках, и в курятнике сама управляется. Не привыкла она без дела сидеть. Годы согнули её пополам, но не сломали.

Как, пережив столько трудностей и потерь, можно быть счастливым человеком, спросите вы? Не знаю. Но часто ловлю себя на мысли, что люди, пережившие войну, очень не похожи на нас сегодняшних. Они как-то по-особенному умеют ценить жизнь и радоваться ей. У них добрые и светлые лица. Пережитые трагедии не обозлили их, а только сделали сильнее духовно. Нам есть чему учиться у этих людей.

ЕФРОСИНЯ

Страшная весть о нападении на Советский Союз гитлеровской Германии ворвалась в сознание варгашиинцев через динамики кромкоговорителей и, передаваемая из уст в уста, докатилась и до деревни Лихачи. Рассказывает ветеран труда:

– Голосила вся деревня. Стали забирать мужчин и вскоре в деревне остались одни бабы да старики. Отца на фронт не взяли – ему почти шестьдесят было. Меня и Надю Вагину призвали на Дальний Восток. Меня отец с матерью да младшая сестра Таисия провожают. Встретила Тася на станции знакомую девочку и побежала к ней через линию перед идущим поездом. Споткнулась, упала... Ей ногу выше колена и отрезало. Сестре всего 16 лет было и последние слова, что она сказала: «Мама, как же я не хочу умирать...»

Надя Вагина уехала на Дальний восток, а Фросе после этого происшествия дали три месяца отсрочки. На действующий фронт девушку призвали осенью 1942 года.

Эшелон был сформирован в Кургане. В товарном вагоне с наспех сколоченными деревянными нарами ехала почти сотня девушек из Челябинской области и Удмуртии. Из Варгашиинского района их было шестеро, девчонки старались держаться вместе.

53-й запасной полк стоял под Ленинградом. Новобранцев поселили в опустевших домах местных жителей. Фросе с подругами досталась маленькая избушка.

Спустя некоторое время за новенькими приехали «покупатели» из частей. Построили девчат по росту и стали выбирать. Высоких, да крупных – на передовую в медсанбаты, чтобы могли раненых на себе таскать, а маленькую хрупкую Фросю в 118-ю автомобильную роту определили – перевозить раненых из медсанбата в госпиталь.

Но возить раненых Фросе не пришлось. Кроме образования у девушки оказался еще и красивый каллиграфический почерк и ее оставили при шта-

бе роты писарем.

– Однажды меня послали в другую часть. Начальнику продуктового отдела надо было ехать за продуктами, а все документы остались в Мясном Бору. Вы знаете, что это за место? Я не была свидетелем, все еще случилось до нас, но от очевидца слышала о тех событиях. Один из офицеров рассказывал, что когда наши войска, преданные генералом Власовым, попали в окружение, то вся земля буквально пропиталась кровью убитых солдат. Он сказал мне тогда: «Знаете, как я сохранился? Чтобы выбраться из окружения, я на себя мертвеца сверху клал и полз, клал и полз...»

В январе 1943 года войска Ленинградского фронта совместно с соединениями Волховского фронта прорвали блокаду Ленинграда и восстановили сухопутную связь города со страной.

– Первый раз я попала в Ленинград, когда мы приехали сдавать архив. Весь город был завален снегом. Люди на ходу с голоду умирали. Женщины-ленинградки выходили к нам на встречу и приглашали зайти в гости на чай, чтобы получить от нас хоть какой-нибудь кусочек хлеба или другой еды. Когда мы ехали в город, то в одной из разрушенных деревень солдаты нашли кошку, а жена одного из наших офицеров в письмах просила мужа, чтобы он ей кошку прислал, так как в городе поели всех кошек и собак. Вот мы ей кошку и привезли...

Окончательно снять блокаду Ленинграда удалось в ходе наступательных операций начала 1944 года. Фронт двигался, вслед за ним передвигались

госпиталя. Пустые и полуразрушенные селения, человеческая боль и страдания, вот и все, что встречала Ефросинья Васильевна на своем пути. ...Эстония, Польша, Чехословакия, Германия. Известие о капитуляции Германии застало Фросю в штабе.

А была ли на войне любовь? Была! Незадолго до окончания войны сватался к Ефросинье один капитан из штаба 2-й Ударной армии, он часто приезжал по делам в часть, так и заметил светловолосую, миниатюрную Фросю. Андрей был красивым, молодым человеком, писал стихи... И, наверное, Фрося вышла бы за него замуж и осталась в армии, если бы не сильное желание поехать домой и учиться. Всю войну ей на фронт писала письма подруга Маша Самарина. Девушки вместе в Варгашах заканчивали десятилетку. Маша все писала, что собирается поступать в сельскохозяйственный институт, а Фрося землю с детства очень любила. И эта любовь оказалась сильней.

– Земля для меня – это все. Я даже во фронтовых письмах домой спрашивала у мамы, какживают мои грядки, что и как на них растет.

Демобилизовавшись с фронта, Фрося прибыла домой, но засиживаться не стала, а уже на третий день отправилась в город – поступать в Курганский сельскохозяйственный институт. Месяц, по конспектам подруги, она готовилась к сдаче вступительных экзаменов, поступила и была зачислена на агрономический факультет. Учиться было сложно, но интересно. В 1949 году Ефросинья Васильевна Смирнова стала дипломированным специалистом.

– Преддипломную производственную практику я проходила в Строевской (Лихачевской) МТС. Получила отличную оценку и секретарь райкома тов. Рыжий и председатель райисполкома тов. Слобинский сделали на меня с Машей запрос в институт, чтобы направили нас работать в наш район. Меня поставили старшим агрономом в той же МТС, а Машу – заведующей семенной лабораторией в Варгашах.

А через год Фрося Смирнова сменила девичью

фамилию на фамилию мужа и стала Плотникова. Мужа звали Нэлид. Услышав такое необычное имя, я не могла не спросить, откуда оно и что означает. Оказалось, что свекор Ефросиньи Васильевны был военным моряком, коммунистом, и когда в их семье родился крепкий здоровый мальчик, решил дать ему символическое имя НЭЛИД, что полностью звучит, как «новая эпоха ленинских идей».

Со временем мелкие колхозы стали объединять и Строевскую МТС преобразовали в совхоз Чапаевский. Восемь лет проработала Ефросинья Васильевна главным агрономом, а когда у молодого агронома родился второй ребенок, директор хозяйства тов. Ефимов предложил женщине стать главным экономистом совхоза. 22 года, до выхода на заслуженный отдых, следила Ефросинья Васильевна за «хозяйскими» деньгами.

Всю свою жизнь Ефросинья Васильевна проживает в Лихачах. Мужа давно нет в живых, дочь и сын живут в Кургане. Но даже сейчас, когда ей девяносто! она не собирается никуда переезжать, живет одна и обходится без помощи социальных служб. Конечно, дети не оставляют мать своей заботой. Сын каждую неделю бывает у мамы, а сама Ефросинья Васильевна ежедневно звонит детям и дает отчет о состоянии своего здоровья.

Когда мы беседовали с Ефросиньей Васильевной, передо мной сидела все та же хрупкая и миниатюрная Фрося, с аккуратной копной белокурых некогда густых волос крупной волной, чистенькая и аккуратная. Улыбчивая и смешливая, с живым пытливым взглядом. И только глубокие морщины да синие вены на поведенных старческим артритом руках напоминали о том, что за плечами этой женщины почти век жизни.

Е. В. Плотникова награждена: орденом «Отечественной войны» II степени, медалями «За оборону Ленинграда», Жукова, «За победу над Германией», нагрудными знаками «Защитнику Ораниенбаумского плацдарма 1941-1944 гг.», «Ветеран 2-й Ударной армии», медалями к юбилейным датам Великой Победы. За мирный труд имеет награды: медаль «За освоение целинных земель», медаль «Ветеран труда».

ПО ЕВРОПЕ ДО ПОБЕДЫ ПРОШАГАЛА

...Военный госпиталь прятал свои походные палатки под маскировочной сеткой и ветвями редкого леса. Запах крови, воспаленных ран и лекарств смешивался с запахами весеннего дня: прелой прошлогодней травы, тающего снега, набухших почек и свежего ветра. Стоны раненых и успокаивающий шепот медсестер сливались с журчанием ручьев и пением местных пичуг...

Снаряды и пули сюда не долетали, только отзвуки далекого боя. Но, каждый раз, когда на горизонте вспыхивало небо и поднимались клубы черного дыма, Тонечка Орлова вздрагивала и тревожно вглядывалась в даль, а потом снова бежала к своим солдатикам...

Наверное, так все и было в далеком 1942 году, в военной жизни молоденькой медсестры Антонины Матвеевны Тихоновой, в девичестве – Орловой.

Сегодня, Антонина Матвеевна, жительница села Яблочное Уральского сельсовета, родившаяся 10 августа 1921 года в деревне Большое Молоотово, уже мало что может хорошо вспомнить из своей фронтовой юности.

Доля Антонине досталась сиротская. Её, сестёр Лизавету и Валентину, да брата Егора отец воспитывал один. Маму свою она не помнит, та очень рано умерла от тифа. А потом и отца увез «черный ворон» и дети остались с бабушкой – Анной Федоровной Бояркиной.

Добрая, тихая девочка с детства стремилась помогать людям, а потому, после окончания «семилетки», Антонина поехала учиться в Петропавловскую двухгодичную школу медицинских сестер. Окончила в 39-м. Немного поработала на казахстанской земле, и уехала в Челябинск. Тогда еще никто не знал, что будет война...

В Челябинске, Антонина работала медицинской сестрой в областной больнице под руководством врача Л. М. Рыскиной.

«Когда началась война, – вспоминает Антонина Матвеевна, – стало очень голодно. Столовые в городе закрылись, цены на продукты на рынке

просто «взлетели», хлеб стали выдавать по карточкам, по 500 грамм на человека».

9 марта 1942 года Антонина Орлова была призвана на фронт Кировским районным военным комиссариатом Челябинской области.

Больше недели добирались до Москвы военным эшелоном. Там стали распределять по госпиталям. Тоня попала в военный инфекционный госпиталь № 4254. В этот госпиталь свозили солдат, заболевших брюшным или сыпным тифом. Госпиталь двигался в пяти километрах позади фронта. Лежачих больных и оборудование везли на подводах, «ходячие» и медперсонал – шли пешком. Так от Москвы и до самого Берлина. Летом госпиталь разбивал палатки, а зимой – копал землянки, занимал брошенные уцелевшие дома. Однажды, попали в окружение. Немцы сильно боялись заразы, а потому, наверное, и выжили те, кто был в госпитале. Не лезли к ним фашисты. Два месяца, отрезанные от своих, «госпитальные» выживали, как могли. Ели траву, веточки деревьев, молодые елочки. «Плохо, что соли не было, – сокрушается по этому поводу Антонина Матвеевна, – а так – ничего».

23 июня 1944 года началась самая крупномасштабная советская наступательная операция Великой Отечественной войны, названная в честь российского полководца Отечественной войны 1812 года «Багратион», под командованием маршала армии Рокоссовского. В ходе этого обширного наступления была освобождена территория Белоруссии и часть Прибалтики, и практически полностью разгромлена германская группа армий «Центр».

Следом за войсками шел госпиталь Антонины Матвеевны. После Белоруссии, была Польша, за Польшей – Германия. «В Германию, – вспоминает героиня, – вошли в 45-м, а когда немцы капитулировали и объявили о нашей победе, нас, санитарок, медсестер, врачей посадили на «полуторку» и привезли к рейхстагу. На его стене я написала свою фамилию «Орлова». Тогда все писали. Как мы были счастливы в тот момент, невероятно! Плакали и смеялись, обнимались и целовались, пели и уже строили планы на дальнейшую мирную жизнь...»

Указом Президиума Верховного Совета ССР от 25 сентября 1945 года, старший сержант Антонина Матвеевна Орлова была демобилизована 23 декабря 1945 года.

Самой ценной для себя наградой за годы войны, Антонина Матвеевна считает медаль «За боевые заслуги». В их госпитале такой медалью было награждено только двое – она и её подруга, медсестра Ася Волохова. В числе её наград медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», орден Отечественной войны и множество юбилейных медалей.

В 1947 году Антонина Матвеевна приехала в (уже не существующую) деревню Нюхолово, там располагался детский дом для сирот. Из воспоминаний: «В детском доме была страшная чесотка, болели все поголовно ребяташки. У детей-то вывела, а сама потом заболела».

В 49-м, настигла девушку любовь. Антонина вышла замуж за Сергея Павловича Тихонова, работавшего лесником, и молодые уехали на Санаевский кордон. Там у Тихоновых родилось трое

детей: Александр, Григорий и Федор. Старшему сыну нужно было идти в школу, и семья перебралась в 1957 году в село Яблочное. Сергей Павлович поставил «пятистенок». В 58-м родился четвертый сын, которого назвали в честь отца, Сергеем.

После переезда глава семьи продолжил работать в лесничестве, а Антонина Матвеевна устроилась медсестрой в Мостовскую районную больницу. Почти тридцать лет, пешком, в любую погоду, в любое время суток, ходила она за пять километров на работу. Работать продолжала даже будучи на пенсии.

В этом году Антонине Матвеевне исполнится 89 лет. Года и болезни уносят здоровье. Глаза почти не видят, ноги и руки едва слушают свою хозяйку. С 1996 года Антонина Матвеевна инвалид 2-й группы. Вот уже девять лет за мамой ухаживает младший сын Сергей Сергеевич. То, как сын выполняет свой долг перед матерью, достойно всяческого уважения и восхищения. В последнее время такая забота о стариках в обществе встречается все реже. Даже по самым примерным подсчетам за военную и трудовую жизнь Антониной Матвеевной пройдено пешком более ста тысяч километров дорог.

Всего несколько месяцев отделяют нас от 70-й годовщины Великой Победы, и в преддверии такой великой даты хочется пожелать Антонине Матвеевне Тихоновой доброго здоровья и оптимистического настроения, встретить этот замечательный день в окружении всех детей, внуков и правнуков.

БОРИСОВА
Татьяна Лазаревна

БЕССМЕРТНАЯ БАТАРЕЯ

В газете «Красная звезда» за 1957 г. был написан очерк «Бессмертная батарея». В нем шла речь о событиях марта 1943 года. Обстановка на фронте тогда осложнилась. Фашисты перешли в наступление, захватив Харьков и рвались к Белгороду. Отступая наши части, выдвинули заслон – первую батарею 839-го гаубичного полка. Солдатам был дан приказ удерживать немецкие тяжелые танки, которые двигались сплошной лавиной по дороге на Грайворон из Великой Писаревки. Батарея заняла оборону на окраине города. Впереди чистое поле, справа – лес. Через некоторое время показались немецкие танки. Их было 25. Бойцы подпустили фашистов поближе и прямой наводкой открыли огонь, 8 танков было

подбито, фашисты стали обходить с флангов. Смертельно был ранен командир батареи лейтенант Рогозин, замполит лейтенант Т. Ф. Кармацкий взял командование на себя. Силы были неравные: разбиты все орудия, израсходованы снаряды, осталось всего шестнадцать бойцов. Но лейтенант Кармацкий, несмотря на ранения, с бутылками горючей смеси поднял бойцов в атаку. Раздался сильнейший взрыв. Осколок вражеского снаряда ударил Кармацкого в подбородок, он упал. За этот бой лейтенант Кармацкий получил звание Героя Советского Союза (посмертно).

Однако, потом оказалось: жив Герой бессмертной батареи, очнулся он в госпитальной палате уже далеко от фронта.

Родилась 12 августа 1953 года в станице Николаевской Ростовской области. В 1975 году окончила Ростовский-на-Дону педагогический институт. В этом же году по всесоюзному распределению приехала в Зауралье.

С 1975 года и со сегодняшний день работает учителем физики в МКОУ «Журавлеская СОШ» Каргапольского района. Более 30 лет является руководителем школьного музея. За эти годы собран большой материал по Великой Отечественной войне. Проводит большую просветительскую работу, как на местном, так и на районном уровне.

Главный успех ее работы – это звание «Лучший школьный музей» в областном смотре-конкурсе музеев «Наследие», посвященном 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

К числу бойцов этой бессмертной батареи относится и наш земляк из д. Одино Каргапольского района **Шевелев Федосей Афанасьевич**, наводчик 3-го орудия, 1-й батареи, 839 гаубичного полка.

Об этом бое вспоминал Шевелев: «13 марта 1943 года мы заняли оборону в окопах на околице села, прямо на огородах. Когда была дана команда, я открыл беглый огонь по фашистам. Мое орудие стояло под высоким тополем. Через луг из соседнего села на наши окопы шли немецкие танки. От дыма, гари и взрывов снарядов стало совсем темно. Много снарядов выпустил из своей гаубицы, видел подбитые танки.

А потом был ранен, терял сознание и снова приходил в себя. Когда на второй день очнулся и прислушался, то ничего не услышал, было тихо. Попытался подняться, но невыносимая боль в ноге и в голове не дала это сделать. Тогда я по-

полз в сторону домов. На коленях дополз до первой хаты и стукнулся лбом в дверь. А затем уже силы иссякли, и я потерял сознание, а когда пришел в себя, уже лежал на постели в одном белье».

Следопыты Грайвороновской средней школы Белгородской области решили найти место, где происходил бой бессмертной батареи с вражескими танками. На помощь им пришли местные жители. Они посоветовали искать место боя на окраине пригородного села Гора-Подол. «Там семья Гапоненко спасла раненого артиллериста, именно там и был ожесточенный бой с танками врага», – сказали они.

Нашли дом Гапоненко. Приветливо и радушно встретила следопытов хозяйка дома Александра Ивановна. Она рассказала:

– Да, на наших огородах в этот памятный мартовский день произошел ожесточенный бой. Наши бойцы вели неравный бой с фашистскими танками. Я с детьми и мамой спряталась в погребе. До самого вечера стоял невыносимый грохот, повсюду валились снаряды. Несколько соседних домов загорелось. К утру всё утихло. Смотрю – нет моей дочки Раечки. Я с криком выбежала, нашла её во дворе с ушибленной ногой. Метрах в двадцати от дома были вырыты траншеи, откуда раздавались жуткие крики: то фашисты добивали раненых красноармейцев. Страшное, невыносимое зрелище... Мы, как и все соседи, закрылись в избе.

Вдруг послышался какой-то шум у двери, словно кто-то её подёргал. Я бросилась к ней, открыла.

– Раненый солдат! – вскрикнула моя мама.

Мы его напоили и перенесли на печь. Затем быстрой умыли парня, переодели в гражданский костюм. А его военную одежду я унесла во двор и спрятала.

– Как зовут-то тебя? – спросила я раненого.

– Федя, – тихо ответил он.

– Так вот что, Федя, – сказала я ему решительно. – Ты мой брат, тебя ранило во дворе, только это и говори.

Александра Ивановна уже знала, как оккупан-

Встреча с грайворонскими школьниками. Город Грайворон,
Белгородская область. 9 мая 1975 года

ты присматриваются к раненым, ищут повсюду солдат и партизан. Годы оккупации её многому научили, а по натуре она была женщина решительная и смелая. Она знала немного немецкую речь, запомнились уроки немецкого языка в школе, да и за период оккупации кое-что усвоила.

Сначала женщины думали, что о раненом никто не узнает. Но к вечеру в дверь громко постучали. Вошли немецкие солдаты и увидели его. Но решительность и немецкая речь Александры Ивановны произвели на солдат благоприятное впечатление, они поверили, что это её брат и к службе в Красной Армии он не имеет никакого отношения. Александра Ивановна поспешно отдала солдатам кувшин молока и десятка два яиц и фашисты ушли.

Так Федосей Шевелев остался в доме Гапоненко на правах члена семьи.

Стояла их изба на самой околице и редко кто к ним заходил.

Но все трудности были ещё впереди. Разболелись раны у воина. Осколки из плеча Александра Ивановна вытащила сама. Особое беспокойство причиняла нога. Нашлись добрые люди, помогли положить ногу в гипс.

Шли дни. Много натерпелись горя женщины, солдат стонал, детишки боялись, но со временем ему стало лучше. Помогло весеннее тепло и целебные травы, и конечно, могучий организм сибирского парня.

А в августе 1943 года, после освобождения Грайворона советскими войсками, Федосей Шевелев попал в медсанбат, а затем по излечению пошел опять на фронт.

После войны Федосей Афанасьевич начал поиск своих сослуживцев из первой бессмертной батареи. 14 марта 1943 года был спасен в том же селе ещё один солдат. Раненого красноармейца Петра Емельяновича Ворожбита подобрали местные жители, а затем его забрали родствен-

ники, родом он был из Богодухово. Остался жив и наводчик 1-го гаубичного орудия Анатолий Кузьмич Квашнин. В своих письмах к Шевелеву он вспоминал этот бой: "...В этом бою я был ранен в ногу. После ранения потерял сознание. Придя в себя, с помощью товарища наложил на ногу жгут и продолжал расстреливать вражеские танки. Так была отбита вторая атака. Но гитлеровцы затеяли и третью. Я увидел перед собой фашистский танк.

– Акентьев! Снаряд!

Заряжающий сидел неподвижно со снарядом в руках. Волоча раненую ногу, подполз к Акентьеву, вырвал у него снаряд. Гаубица вздрогнула от выстрела. Танк был подбит.

Немцы ворвались в Грайворон. Несколько танков осталось недалеко от нас, немцы что-то говорили. В этот момент ко мне подполз раненый ординарец лейтенанта Кармацкого солдат Жданов. Он сообщил, что лейтенант убит. Мы с ним, оба раненые в ноги, решили проползти немного в сторону, в укрытие. Ночью нас нашли разведчики из сотой дивизии и вывезли из окружения. За этот бой я был награжден (посмертно!) орденом Отечественной войны II степени, а лейтенант Кармацкий Тимофей Федорович получил (тоже посмертно) звание Героя Советского Союза".

Вспоминал Федосей Шевелев, что на той же улице, недалеко от него был еще тяжело раненый солдат, но судьбу его не удалось выяснить, возможно, что жизнь его оборвалась в той злополучной траншеи.

В 1946 году Федосей Афанасьевич Шевелев написал письмо в село Гора-Подол своим спасителям. Завязалась на долгие годы переписка между Шевелевым, его матерью Анной Андреевной и дорогими для них теперь людьми из семьи Гапоненко.

В год 30-летия Великой Победы Федосей Афанасьевич побывал и селе Гора-Подол Белгородской области вместе с однополчанином Петром Емельяновичем Ворожбита. Они с следопытами посетили место боя знаменитой бессмертной батареи. Трогательная была встреча ветерана войны Ф. А. Шевелева и его спасительницы-патриотки А. И. Гапоненко. Со словами горячей благодарности за подвиг, совершенный русской женщиной во время войны, обратился к Александре Ивановне наш земляк.

Вот он, какой советский характер! Как обрисовать эти черты? Какими яркими гранями засиял этот характер в годину тяжелых испытаний нашего народа! Кажется, прост наш человек. Но, поди ж ты, какие в нем силы.

БЕЛОУСОВ
Андрей Дмитриевич

Из фондов Каширинского литературно-краеведческого музея им. В. К. Кюхельбекера

КНИГА И МУЗЕЙ РАССКАЖУТ...

Ветер времени. ... Как ни горько осознавать, но 65-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов празднуется в присутствии изрядно поредевшего строя бывших воинов и тех, кто вершили Победу в тылу на трудовом фронте.

*Мы по России-Матушке по всей,
как снег белеем и, как он же, – таем...*

*Им завтра будет книга да музей
рассказывать о былых грозных днях,
которые мы не по книгам знаем...*

Вот и наступает время, неотвратимо обозначенное нашим земляком, поэтом, воином, Алексеем Михайловичем Пляхиным. Прошагал он фронтовыми дорогами до Берлина, оставил своё имя на стене поверженного рейхстага... И строки

Родился 7 мая 1947 года в селе Сухрино Шадринского района. В 1958 году семья переехала в село Каширино. В 1965 году окончил Каширинскую среднюю школу. Служил в армии. После службы работал монтером связи, секретарем парткома, председателем сельского Совета. Окончил заочное отделение Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства по специальности «инженер-электрик». В 1992 году Андрей Дмитриевич принял на себя ответственность за сохранение и развитие Каширинского литературно-краеведческого музея имени В. К. Кюхельбекера, приняв эстафету от Дмитрия Андриановича, и в течение двух десятилетий достойно продолжает дело своего отца.

В переломные 1990-е годы Андрей Дмитриевич вместе с супругой педагогом Галиной Петровной помогли музею выжить, сумели сохранить музейные экспонаты, а затем и настойчиво и целеустремленно их пополнять. Сегодня в экспозиции музея несколько тысяч экспонатов, отражающих историю литературы края за последние двести лет.

Андрей Дмитриевич награжден медалями «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Патриот России», Почётной грамотой Курганской областной Думы.

фронтовых стихов в поэтических сборниках.

В Каширинском литературно-краеведческом музее художественные произведения фронтовиков, их воспоминания, автографы занимают особое место среди многочисленных экспонатов. Сегодня эти книги, художественные и мемуарные, Книга Памяти Курганской области, дают нам, потомкам, ощущение почти физического восприятия событий тех грозных лет, позволяют вновь и вновь обращаться к теме защиты Отечества на примерах, взятых из нашей не такой уж и далекой истории через судьбы земляков.

Сражались с врагом земляки-поэты и прозаики Яков Терентьевич и Василий Терентьевич Вохменцевы, Константин Феликсович Реут, Василий Дмитриевич Оглоблин, Анатолий Павлович Афанасьев, Павел Захарович Кочегин, Василий Иванович Еловских, Михаил Иосифович Шушарин, Валентин Григорьевич Сафронов, Александр Фёдорович Поздняков и ещё многие и многие их товарищи, друзья, да и вовсе незнакомые люди из родного края, Зауралья.

Одним из первых прозаических произведений о войне в коллекции нашего музея стала повесть фронтовика, учителя в послевоенной жизни, Александра Васильевича Васильева «Солдаты идут». Журналист Лев Тихонович Садовский, опираясь на свой опыт военного журналиста, издал повесть для детей «Маленький наборщик». В годы войны стали широко известны стихи

фронтовых журналистов, поэтов, наших земляков Ильи Френкеля и Сергея Васильева.

С Сергеем Александровичем Васильевым с конца 50-х годов прошлого века завязалась переписка. В музее хранятся его письма, рукопись одного из стихотворений, фотография военной поры с дарственной надписью. Несколько поколений учащихся Каширинской школы имели возможность увидеться с писателем, послушать его, получить автограф.

С многими из тех, кто вернулись с фронта, музей поддерживал связь. В 1962 году в издательстве газеты «Красный Курган» была опубликована повесть военного лётчика Павла Захаровича Кочегина «Под хмурым небом». Повесть во многом биографична. Самолёт Кочегина во время одного из боёв был сбит. В 1957 году Павлу Захаровичу через журнал «Огонёк» представилась возможность публично поблагодарить двух жителей соседней Норвегии за по-

мощь, оказанную ему в восстановлении сил и здоровья, за поддержку в желании вернуться на Родину. О лучших проявлениях человечности рассказывал автор у себя в Куртамыше гостям из Каширино и в нашей школе при встрече со своими читателями.

О том, что значит общение с автором – пример из встреч с Михаилом Иосифовичем Шушариным. На одну из них в нашу школу он приехал со вновь изданной книжечкой «Десантники». Несколько штук писатель подарил участникам встречи. Книги буквально были зачитаны до дыр, за ними выстраивалась очередь.

Не только художественными произведениями оставили о себе память фронтовики. Серия мемуарных книг, вскрывая отдельные эпизоды того времени, создаёт из, казалось бы, разрозненных мозаичных пятен, довольно целостную картину военной поры. Тщательно и с любовью собирали многие и многие исследователи буквально по крупицам уходящую вместе с людьми историю времён минувших, переносили на бумагу воспоминания бывших солдат Второй мировой, их переписку с родными, издавали собранное в книгах, журналах.

Хочется особо подчеркнуть значимость созданного в последние годы 20-го века курганского издательства «Парус-М» под руководством Геннадия Павловича Устюжанина.

Наверное, можно как-то объяснить то, что в первые десятилетия после Победы очень мало выявилось дошедших до нас воспоминаний её рядовых творцов. Многие, очень многие могли бы поведать солдаты-победители, да не рассказали, унесли с собой в мир иной. Тем ценнее то, что

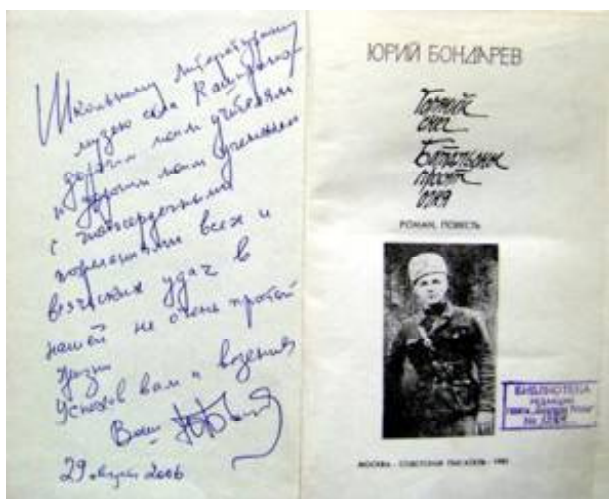

сегодня имеем. Экспонаты нашей коллекции, выставленные в музее, усиливают это впечатление. Это десятки и десятки книг, фронтовые письма, открытки, благодарности Верховного Главнокомандующего отличившимся в боевых действиях и другие документы. Среди них и два пятитомника воспоминаний «Помни войну» издательства «Парус-М» и «Священная война» издательства «Зауралье». История от первого лица, её вершителей, предстаёт со страниц книг, воспроизводя пред читателем и окопную правду войны, и душевное состояние её участников, велит помнить вечно и трагедию, и триумф защитников Отечества.

Можно раз за разом удивляться тому, какие люди предстают перед нами. Командарм Михаил Степанович Шумилов: в расположении его армии был пленён фельдмаршал Паулюс. Рядовой Максим Никифорович Захаров: за доблесть и героизм награждён пятью медалями «За отвагу» – это единственный известный нам факт из истории Великой Отечественной. Прочитать об этом можно во втором томе трилогии «Зовущий колокол, огнём горящий меч» – трёхтомный труд сей бывшего военного комиссара области генерал-майора Владимира Усманова по праву претендует назваться энциклопедией воинской доблести земли Курганской.

Серия «Золотое созвездие Зауралья» состоит из трёх томов: «Герои Советского Союза», «Герои Социалистического Труда», «Кавалеры ордена Славы».

А я бы по праву присоединил к ним четвёртый том – «Солдатские вдовы Зауралья». В книге собраны (далеко не о всех) сведения о матерях, солдатских вдовах, оставшихся в войну с тремя и более детьми, вырастившими и воспитавшими их в одиночку. Читаешь очерк за очерком и видишь одно и то же. Не самая лёгкая доля женская, труд от зари до зари, по теперешним меркам – непосильный. Всё, что наработано – фронту, Победе. На коровах-кормилицах пахали и возили зерно, а зимой из лесу дрова. Мечтали о хлебом изобилии, долгими зимами о лете, скорее бы да на подножный корм. Поздними вечерами коллективно читали письма от родимых, общие слёзы. Сколько их в тех восемнадцати томах книги Памяти, появившихся к 50-летию Великой Победы, кто это скажет. А на фронт умудрялись ещё посылать носки и варежки, кисеты с табаком и хоть какие-то сладости. Раннее взросление детей и непереносимая вера в нашу Победу, в счастье, которое хоть детям да улыбнётся. Ради этого матери отрывали от себя последнее. Выдержали всё, превозмогли непереносимое. Сколько же поклонов в благодарность надо отбить матерям-солдаткам?

«Маршал Жуков и зауральцы», «Жизнь, отданная Отечеству», «Шадринские были о солдатах»... В этих трёх книжечках собраны свидетельства земляков о встречах с прославленным полководцем, Маршалом Победы, как его называли совре-

менники, Георгием Константиновичем Жуковым. Оказывается, множеством нитей связано его имя с нашим краем, с нашими людьми. Воистину, мир тесен.

Тема Великой Отечественной войны не могла не отразиться и в произведениях устного народного творчества. Одним из первых собирателей этих произведений стал Владимир Павлович Бирюков. Кое-что из записанного им можно найти на страницах альманаха «На земле Курганской», издававшегося в пятидесятые годы XX столетия. Тема эта не угасла до настоящего времени. Позднее появились оригинальные сборники фольклорных произведений, собранные другими исследователями. «Сорок пятого, девятого закончилась война», – сборник частушек фронта и тыла Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., записанных в Курганской области. «За Советскую Родину, за родной огонёк», – народные песни-переделки Великой Отечественной войны, записанные в нашем крае.

«Спустя полвека»... Народные рассказы времён Великой Отечественной войны. В сборник включены фольклорные рассказы, записанные в Зауралье в 70-80-е годы XX века. Рассказчики – бывшие фронтовики, труженики тыла и узники неволи.

Прежде чем назвать следующие экспонаты музея, процитирую строки из стихотворения фрон-

товика-поэта Анатолия Михайловича Козлова:

*Документы века – письма фронтовые,
Протоколы жизни, бьющейся со злом,
Выбить бы на камне строки их святые,
Ввысь поднять над каждым городом, селом.*

Пусть не на камне, а на страницах книг отпечатаны письма фронтовиков, но и это уже прекрасно. Их могут читать потомки, они не затеряются в пыли времён.

«Ни в какой книге не прочтёшь», «Солдатский треугольник», «Пишу я Вам, живущим ныне», «Просмотрено военной цензурой», «Письма с фронта. Святое имя – Учитель»... Это всё названия сборников писем фронтовиков. В двух первых – от разных адресатов, в следующих от конкретного лица. Какой же широчайшей души были они, рядовые и офицеры Великой Отечественной в своём большинстве! Всего лишь два отрывка из посланного Тимофеевым Иваном Анисимовичем родным в Усть-Суерку Белозерского района: «...Вы даже представить себе не можете, что делают немцы с нашими городами и сёлами, с мирными жителями. При отступлении сжигают всё дотла, угоняют народ. А кто хоть слово против скажет, тех расстреливают. Жгут, вешают. Сколько я уже перевидал ихних злодеяний. Мы над каждым трупом наших граждан клянёмся отомстить сполна», – из письма от 16 января 1942 года.

«...Когда проходим разрушенные деревни, то если у меня есть хлеб, отдаю его ребятишкам. Некоторые остались без родителей. Жаль их», – из письма от 25 июля 1942 года.

Есть в нашей коллекции и оригиналы фронтовых писем. Интересным подарком пополнил коллекцию музея сын Почётного Гражданина села Ивана Павловича Погорелова Геннадий Иванович. Его альбом состоит не только из писем отца с фронта, но и из пояснений, что, где и когда происходило с войсковой частью, из которой шли письма. Даются пояснения жизни родного села, судьбы односельчан.

На многое раскрывают глаза письма фронто-

виков. Всякое было, в том числе и по народной пословице «кому война, а кому и мать родна». Но преобладающее в, действиях, помыслах абсолютного большинства – всё для Победы над врагом.

Автографы писателей-фронтовиков... Воистину бесценное наследие. Первым в нашей коллекции можно назвать дарственную надпись на книге поэтов Вохменцева и Кутова – «Золотая Долина». Это далёкий от нас теперь 1950 год. Через 15 лет Яков Терентьевич Вохменцев станет одним из основателей Курганского отделения Союза писателей и его первым ответственным секретарём. Впереди – много замечательных книг, добрых дел. Яков Терентьевич искренне поддерживал начинание его друга и товарища, Дмитрия Андриановича, по созданию нашего литера-

турного музея. Большинство наших писателей-фронтовиков оставили у нас свои автографы. И не только они. Мы также можем показать дарственную надпись на книгах Маршала Советского Союза Филиппа Ивановича Голикова, Героя Советского Союза, генерала армии Вареникова Валентина Ивановича, Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской премии Бондарева Юрия Васильевича.

Свой автограф в виде музея оставил нам и мой отец Дмитрий Андрианович Белоусов.

Всякий раз, празднуя Победу в Великой Отечественной войне, мы обязаны помнить ту цену, что заплатил за неё наш народ. Сколько воистину великих дел совершили бывшие фронтовики в послевоенные годы и сколько добрых дел остались за гранью, ушли вместе с миллионами погибших за наше благополучие, за Родину.

Вечная им память!

ОБ ОДНОСЕЛЬЧАНАХ И НЕ ТОЛЬКО

Не раз и не два приходилось видеть выходящих из рейсового автобуса людей с букетом цветов, направляющихся к стоящему против остановки обелиску. Это скульптура склонившего голову солдата над мраморными плитами со столбцами фамилий моих односельчан, погибших при защите Родины в годы Великой Отечественной войны в 1941-1945 годах. Жительница села Фролова Мария Владимировна посвятила павшим воинам своё стихотворение, начальные строки его выбиты на мраморе заглавной плиты.

*Скорбно ели стоят,
охраня покой обелиска.
Величав его сон и покой этот свят.
Ты прочти имена
поимённого длинного списка
Жизнью Родину спасших солдат.*

Сама Мария Владимировна относится к тому поколению соотечественников, чьё детство пришлось на военные годы. На долгие годы детский дом стал её родным домом, а сверстницы и воспитатели – родной семьёй. Много позднее она в память о тех непростых годах своей жизни напишет и издаст книгу «Подранки войны». В ней зазвучат слова благодарности всем, кто старались

скрасить сиротскую жизнь воспитанниц, заменить им утерянных близких людей, расскажет о друзьях и подругах, оставшихся таковыми на всю жизнь, о непростой жизни детдомовцев.

Много, очень много имён земляков на тех плитах. Более ста человек из числа призванных в ряды защитников Отечества не вернулись к своим очагам, родным и близким людям. Есть среди погибших и те, на ком закончился его род и фамилия.

Нынешний облик обелиска – ряд конструктивных изменений того, что первым встал на тогда ещё необжитом пустыре перед зданием средней школы. Открытие памятника погибшим воинам Великой Отечественной состоялось в День Победы, девятого мая 1965 года.

В том году подобные свидетели скорби о погибших появились не только по деревням и городам нашей области, но и во многих местах всего Советского Союза. Не берусь судить за другие места, а вот у нас к его сооружению подошли с единодушным чувством долга перед земляками, отдавшими самое дорогое – жизнь – за будущее своих родных и близких, за наше будущее. Как иначе, ведь многие из тех, кто сооружали обелиск, помнили поимённо своих земляков, кому был посвящён памятник, или их родных, своих односельчан.

Один из тех, чьё имя на обелиске, – Иван Степанович Воденников. Родился в 1924 году, в Каширино, призван в Советскую Армию в 1942 году, лейтенант, командир взвода, погиб в бою 14 февраля 1944 года. В Каширинском литературно-краеведческом музее хранятся письма Ивана Степановича, комсомольский билет, воспоминания родственников и односельчан. Перед вами текст одного из писем фронтовика: «Привет с фронта! Здравствуйте, дорогие родители, мама, сестра Тася, зять Василий, крестница Надя. Шлю я вам свой пламенный боевой привет! В своём письме я немного сообщу о своей фронтовой жизни. Нахожусь я ещё на старом месте. Живу хорошо, но очень скучно. Кроме бойцов в своих траншеях и обороны противника никого не вижу. Хорошо, что письма получаю. Недавно видел фрица, убил его из снайперской винтовки и ещё трёх гадов. А в общем живу нормально. А если погибну, то не тужите и знайте, что умру героем, честно за нашу Родину! За мать, за вас всех и за девушек. Передавайте привет моим знакомым / далее названы имена тех, кто ему хорошо знаком в селе./

До свидания. Остаюсь ваш Иван. Вечер, 23.00, 3 октября 1943 года».

По крайней мере раз в год место, где установлен обелиск, становился объектом паломничества большинства жителей села и приезжих гостей. Конечно, этот день – 9 мая. Ничто не могло помешать, кроме болезни, поклониться павшим односельчанам, например, Иванову Николаю Семёновичу, ветерану войны и труда. Его биография проста и характерна для сверстников. Родился 19 декабря 1925 года, в селе Осиновка Притобольного района. В 1931 году родители переехали в 7-й конный завод, нынешнее Каширино. Здесь закончил семь классов, отсюда из конезавода был призван в январе 1943 года в Красную Армию и направлен в Урюпинское пехотное училище, располагалось тогда училище в г. Перми. Следует заметить, что на момент призыва исполнилось Николаю всего семнадцать лет, рост под два метра, как говорят – «кровь с молоком», он

ИВАНОВ Геннадий Семенович

своим внешним видом вполне соответствовал требованиям к солдату-призывнику. Училище закончить не удалось. В конце июня всех курсантов в спешном порядке направили на фронт в действующую армию. Прибыли под Белгород, в расположение пятой гвардейской армии, зачислен был Николай в роту противотанковых ружей. Помню, как он с некоторой весёлостью рассказывал про вживание во фронтовую жизнь. Старослужащие, а они в большинстве своём прошли Сталинградское сражение, опекали молодых бойцов совершенно по отечески.

«Я, – вспоминал ветеран, – ростом был «слава Богу», окоп, в котором размещался, надо было рыть в полный профиль, вот и орудовал лопатой чуть ли не вдвое больше, чем другие. В бой вступили почти сразу по прибытию. Огненная Курская дуга – место тех сражений. 17 июля того же

Александр Пиносов (слева) на фоне поверженного рейхстага. 7 сентября 1945 года

43 года попал при передислокации под миномётный обстрел, мина разорвалась за спиной, всего осколками изорвало. В медсанбате и дальше в госпитале сделали всё возможное, чтоб спасти солдата. Спасли, но остался он без ноги, а вторая почти не сгибалась”.

Так вот, не достигнув ещё совершеннолетия, боец Иванов стал инвалидом. Домой после лечения вернулся в 1944 году, освоил работу бухгалтера и по 1972 год работал, в таких случаях говорят – самоотверженно, с большим умением и добросовестностью.

Непременным участником празднования Победы в Великой Отечественной войне у обелиска являлся человек, с именем которого связана креп-

ко-накрепко вся жизнь села в послевоенные годы, само строительство памятника погибшим односельчанам. Пиносов Александр Дмитриевич!

Жизнь прожить – не поле перейти! На веку – как на долгом волоку, чего только не испытаешь. Все эти слова вполне подходят к жизненному пути нашего односельчанина, Почётного Гражданина села Каширино, защитника и строителя Отечества – Пиносова Александра Дмитриевича. В 2013 году, 27 ноября ему исполнился 91 год. Пролетевшие десятилетия оставили свой неизгладимый след на лице ветерана, но и по сей день не замутили его разума, умения радоваться жизни, добродушия и приветливости в общении с людьми. Место рождения – село Кладбинка Преснов-

ского района. Семья крестьянская, хорошо помнит – имели лошадь, корову, земельный надел около полутора гектаров. Для семьи, где восьмеро ребятишек – не густо. В школе учился в родном селе, а седьмой класс заканчивал в соседнем. Затем новое место жительства – город Омск, после окончания восьмого класса уже в Петропавловске выучился на учителя и с 1939 года преподавал русскую словесность в Будённовском совхозе. В грозном 41-м призвали в армию, прошёл курс молодого бойца и в декабре 41-го стрелок-пехотинец Александр Пиносов под Москвой.

География страны и зарубежья навсегда врезалась в биографию ветерана. С лёгкостью называет основные пункты своего солдатского пути. Сижу, слушаю и невольно звучат где-то за названиями сёл и городов строки стихов, определяющими то время и те пути дороги. Москва, Ржев, Калинин... “Я убит подо Ржевом”, “Бьётся в тесной печурке огонь”, “Эх, дороги”... Сколько пройдено и пережито солдатом, полегло однополчан под Вязьмой и Смоленском. 1-й Белорусский, 2-й Белорусский, Гомель, Варшава, Берлин. Довелось стать участником Парада Победы в Берлине 7 сентября 1945 года. Служил и в пехоте и в артиллерии. Ближе к концу войны курсы по подготовке контрразведчиков в Москве и новая, совершенно неведомая ранее деятельность по защите Отечества на иных рубежах. Война для Пиносова с победными залпами 45 года не закончилась. До 47 года – служба в управлении контрразведки Группы советских оккупационных войск в Германии. Служба непростая и по содержанию и по ответственности. Потсдам, Карл-Хорст, Дрезден, названия немецких городов для него не география, а скорее всего страницы биографии. Поведают эти страницы о противодействии нашим контрразведчикам, всё более усиливающемуся недружелюбию бывших союзников, на службу к которым переходили остатки недобитых фашистских структур. Внешне всё было вроде бы тишь да гладь, а фактически обстановка по напряжению – фронтовая. С одной

Ветеран в наши дни

особенностью – прежде чем обезвредить врага, его ещё надо было найти. В эти годы встретился со своей второй половинкой. Жена Нелли Викторвна была и боевым товарищем, и другом на всю оставшуюся жизнь, оказавшуюся не столь для неё продолжительной. А из России шли письма от родных, тяжело заболел отец, младший брат Владимир жил у тётки в каком-то неведомом ранее конезаводе, поскольку мама Варвара Павловна ушла из жизни от тяжёлой болезни ещё в 43-м году. Армия не отпускает. Письма от родных, огромное желание перейти на мирную жизнь сделали своё. В июне 47-го года Пиносовы очутились на территории нынешнего Каширино, в седьмом конном заводе. Осмотрелись, окружающая действительность приглянулась. Предприятие привлекло всем – порядком, дружным коллекти-

Село Каширино, 60-е годы

вом, традициями, а леса и озёра вокруг – загляденые. Всего полно. Здесь надо дать слово самому Александру Дмитриевичу:

– Решили остаться, надо где-то работать. Пошёл к директору – Богачёву Михаилу Ивановичу, поговорили. По конезаводству ничего не умею. До войны – учительствовал. Предложил в клуб – заведующим. Я сразу же отказался. Не моё. Спросил – знаком ли со строительством?

– Немного.

– Пойди прорабом.

– Подумаю.

На другой день дал согласие и стал строителем.

Требуется пояснить, что как таковое село начало развиваться только после образования государственного конного завода в начале 20 годов. Стали появляться производственные постройки, жильё,

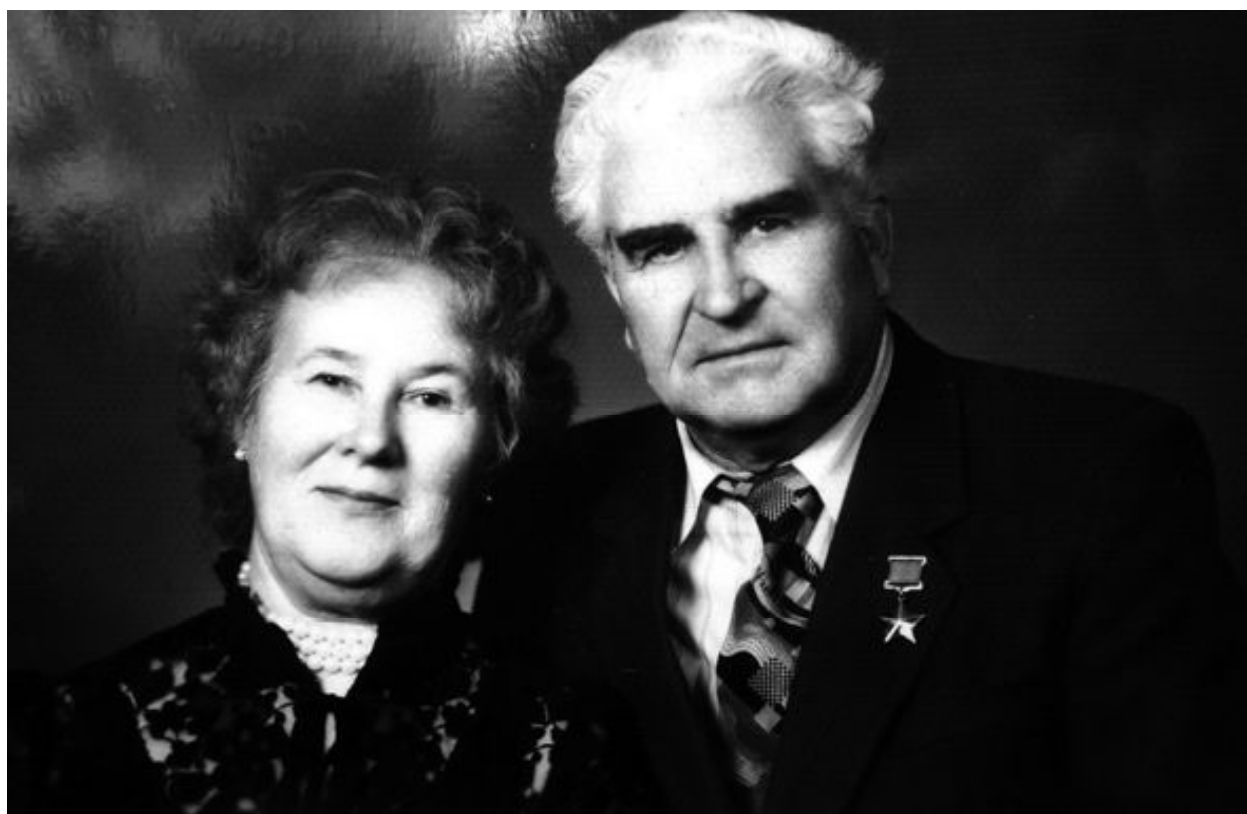
школа, больница, бани, магазины и т.д. Но для полноценной жизни требовалось большего. Строительная бригада летом 47-го года состояла всего из трёх человек. Новый прораб приступил к формированию коллектива. Петуховы Фёдор и Василий, бывшие фронтовики Гусевы Ефрем Кузьмич и Марк Кузьмич, Лиходет Иван Фёдорович, Колесников Иван Васильевич, Мачуга Антон Григорьевич. Позднее строителями станут братья Ярослав Дмитриевич и Владимир Дмитриевич. В 1948 году построили первый дом на четыре квартиры по две комнаты каждая квартира, строительным материалом стала древесина местных лесов.

Место прораба осталось за Пиносовым на долгие годы вплоть до выхода на пенсию. Не отдельные объекты, а целые сёла строили его бригады. Одно из них – Камышное, начало строи-

тельства – 1953 год. Жильё, вся инфраструктура социальной сферы, производственные объекты. Всё своими силами, в основном на собственные деньги хозяйства. С 1958 года Конезавод передан Курганскому сельхозинституту для создания учебно-опытного хозяйства. Новые задачи, новые возможности и круглогодичный труд строителя. В семидесятые годы численность рабочих в цехе в летние месяцы достигала двухсот человек. Этой армией Пиносов управлял чётко и достойно. По сей день с уважением произносит имя директора учхоза Ермакова Николая Александровича, главного бухгалтера Городских Александра Егоровича. Приобретению стройматериалов и финансированию объектов строительства они отдавали свои силы и способности сполна. Многие в этом плане делалось и руководством института.

Как и мне не вспомнить годы своего детства. Среди нас, пацанов, высшей степенью доблести было попасть летом на работу на «Кирпичики», так мы называли местный кирпичный заводик. Работа на нём была не простой, и за день так с кирпичами наупражняешься, что уж затем не до «подвигов.» А с какой гордостью и радостью получали свои кровные в день полочки. К сведению читателей – кирпичный завод выдавал в год до трёхсот тысяч отборного кирпича. Шутили: «Наши кирпичи не надо двумя руками поднимать, не рассыплутся».

Обзавёлся стройцех столяркой и все комплектующие для строящихся объектов были своими. Работала пилорама, множество механизмов облегчали нелёгкий труд на объектах. С шестидесятих годов коллектив строителей носил звание

**Участница войны наша землячка Спиридонова Елена Ивановна
с мужем Деменковым Лаврентием Васильевичем, Героем Советского Союза**

«Предприятие коммунистического отношения к труду». Создание работоспособного коллектива – заслуга его руководителя. В строители на перевоспитание отправляли как из самого коллектива учхоза, так и всех «неблагонадёжных» с точки зрения трудовой дисциплины – вновь поступающих на работу. И ничего, в большинстве своём люди обретали доброе имя. Наверняка этому способствовала первая, довоенная профессия Пиносова – учитель. Свою профессиональную компетентность Александр Дмитриевич подтверждал и участием в общественной жизни коллектива. Дважды избирался неосвобождённым председателем рабочего комитета, лет десять был членом профкома, долгие годы нёс не простую обязанность начальник штаба Гражданской Обороны учхоза. Его работа, воплощённая в документацию, всегда вызывала восторженные отзывы проверяющих.

Именно за эти и последующие годы пятилеток была создана мощнейшая производственная база учхоза, построено жильё, проведено благоустройство посёлка.

Шло время, росли собственные дочери, появились внуки. Ко гнездовью трёх братьев перебралась сестра Мария Дмитриевна со своими детьми. Так образовалось в селе целое родовое гнездо одного корня, крепкого, трудолюбивого, мастеровитого. Вершиной этой пирамиды является старейшина – Александр Дмитриевич, на него вольно или невольно и равняется и должно равняться новое, молодое поколение рода Пиносовых да и знающих его односельчан, вступающих в жизнь уже в двадцать первом веке. Не очень то разговаривается о своих фронтовых делах Александр Дмитриевич.

На вопросы о том далёком прошлом ответ почти всегда одинаков – с честью и добросовестно старались выполнить свой солдатский долг. Скромность его и высочайшие моральные качества советского гражданина обозначены двумя экспонатами, полученными из рук старого солдата в подарок музею.

Два свидетеля нашей эпохи: листовки –

«К Гражданам России», время появления в свет – 10 часов утра, 25 октября 1917 года, вторая – «Закон о Земле».

Во время боёв под Москвой девятнадцатилетний рядовой Пиносов поднял эти листы из вороха бумаг скорее всего разгромленного советского архива и буквально спас, сохранив как самую большую драгоценность, пройдя с ними до Берлина. Это как же надо было верить в правоту своего солдатского дела, в грядущую Победу в далёком от неё 1941 году. Где они запрятаны корни той великой Веры? Неожиданно вспомнилась трагическая история мальчишки, его сверстника, из соседнего села Колесниково. Именем Коли Мяготина названа одна из улиц города Кургана, его короткому жизненному пути посвящены стихи и поэмы, прозаические произведения. Правды ради надо сказать, что много позднее нашлись и очернители светлого имени подростка, выступившего громко против лжи взрослых. А ведь история Коли Мяготина, если отбросить все политические спекуляции вокруг этого имени, выглядит совершенно однозначно, его жизнь в какой-то мере поясняет истоки Веры в Победу, в правое дело по защите своей Родины.

Мальчик, деревенский мальчик, искренне поверил, с мальчишеским максимализмом принял близко к сердцу основополагающие принципы бытия людей, стремящихся к светлому будущему. Негласные законы эти сидели в душах и сознании людей и передавались от поколения к поколению, из столетия к столетию. Они стали основополагающими в устах мудрых учителей при новой, Советской власти. Их содержание очень простое: не обижай слабых, не позволяй это делать другим; не воруй; не мирись с пьянством; честно исполняй обещанное, а, значит, не лукавь; люби родителей и свою Родину, защищай их, даже если и потребует это действие самого дорогого – твоей жизни. Да и многое другое из тех Заповедей, что составляли основу мировоззрения в нашем Отечестве, независимо от его устройства. На естественном стремлении к правде и справедливости, отвергая убогое «моя хата с краю», выросли предвоенные поко-

ления наших соотечественников.

А сейчас хотелось бы пожелать всем, кто слышит увещевания, что в нашей России только сегодня стала возрождаться нравственность: оглянитесь назад, окунитесь в атмосферу трудовых свершений первых пятилеток, самоотверженность защитников Отечества на фронтах и в тылу, строителей великой России в послевоенные годы – тогда и поймёте, какими они были наши отцы и деды, наши великие Предки!

Всякий раз, сталкиваясь с биографией того или иного ветерана Великой Отечественной, задаю себе один и тот же вопрос, а что бы стало со страной, её будущим, если бы не те страшные военные потери. Миллионы жизней возложены на алтарь Победы. Сколько бы добрых дел свершилось в нашей России, будь эти люди живы. Скольких бы страданий избежали оставленные ими дома родные и близкие, дети и жёны, отцы и матери. Для большинства из них и тыл был сродни фронту.

Есть на нашем обелиске имя Рыбина Ильи Васильевича. Призван в Красную Армию в 1941 году из 7 конезавода, ездовой в артиллерийском полку. Жена, Рыбина Анастасия Герасимовна осталась после проводов мужа на фронт с четырьмя детишками на руках. Если до этого кормильцем был муж, то в дальнейшем главой семьи и её основной опорой пришлось стать самой. Невеликий заработок рабочей конезавода, скудный продуктовый паёк да то, что удавалось взять с огорода – вот и весь достаток семьи. В разговоре с дочерью, Лидией Ильиничной, всплыли и такие случаи из той, военной жизни:

– Собирает мама на стол, делит хлеб на доли для всех. Каждому своя долька. Младший братик, ещё несмышлёныш, свою дольку в рот засунет и тут же ладошкой мамину прикроет, очень есть хочется. Мама как будто этого не замечает, жалко малыша. До того дошла, что ветром качать стало.

Соседки на неё поднялись:

– Чего, Анисья, творишь. Умрёшь раньше времени, что с ребятами будет, подумай!

**Вдова
солдата
Рыбина
Ильи
Васильевича -
Анастасия
Герасимовна**

– Выжили! А папы так и не дождалось, остался в чужой земле! Погиб Илья Васильевич уже в конце войны, девятого февраля 1945 года при освобождении Польши, там, и похоронен.

Сколько их таких историй, перекликающихся между собой основным содержанием жизни в глубоком тылу, далеко от фронтов? Не счастье!

Ещё одно повествование из времён той войны принёс нам журнал «Охота и охотничье хозяйство» в 2003 году. Целая подборка рассказов под общим названием «Из Каширинской тетради». Автор, Вадим Чернышёв, в годы войны подростком жил с находящимися в эвакуации родителями на землях седьмого конного завода, в Каширино. Один из рассказов про добытого с большущим трудом и неопишуемым охотничьим азартом посреди ночи селезня. Радость и гордость за свой успех перед родителями по приходу домой, а затем и горькое разочарование и стыд; селезень-то оказался меченым цветной тряпочкой на лапке, а значит домашним, был в бегах от хозяйского присмотра. А далее – поиски хозяев «дичины», возвращение её кому положено и чувство самоуважения по сию пору.

Получили мы для музея в конце 2013 года пару книг от члена Союза писателей Вадима Борисовича Чернышёва с дарственными надписями. Отрывок одной из них представляю здесь: «Сердечно благодарен радушным каширинцам, гостеприимной земле Зауралья, приютившим нас, во-

**Лоськов Иван Андреевич,
погиб в 1943 году**

**Гусев Ефрем Кузьмич,
после войны - строитель**

ронезцев, во время военного лихолетья в 1942-1944 годах. Всю жизнь греют нас и мою душу воспоминания о доброте сибиряков...»

“Нас” – это целый конный завод из села Хреновское, с родины знаменитого орловского рысачка. Не это ли радушие и стало одним из главных достижений нашей страны в те далёкие годы. Сегодня преобладают мнения, что главным в жизни является личный успех любой ценой и деньги, деньги, деньги... Поневоле задаешься вопросом: а не бессмыслица ли, в конце концов, и вся жизнь при таком ее раскладе?

Будет ли при нужде способно будущее наше

общество так же прийти на помощь друг другу, проявятся ли столь же ярко чувства взаимовыручки и локтя соседа?

В завершении воспоминаний о днях минувших, да и адресуя пожелания на преодоление всех невзгод текущего дня, давайте вспомним строки стихотворения современника, поэта Геннадия Иванова:

***Я твержу себе снова и снова,
Что уж было написано «Слово
О погибели Русской земли»,
Но ведь выжили,
Превозмогли.***

**БИКСУРИНА
Залия Рафаиловна**

библиотекарь Сарт-Абдрашевского
Дома культуры
Сафакулевского района

ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Мне о войне рассказывал отец...
Он не ходил в атаку под Берлином
И, переходами измученный вконец,
В лугах не погибал на поле минном.

Он не ходил в разведку по ночам
И не таранил в небе «мессершмитов»,
В бреду, израненный, от боли не кричал
И не тонул на корабле подбитом.

Смотрел он за околицей вослед
Отцу, что уходил на фронт тогда.
Он был мальчишкою одиннадцати лет,
Когда войной в дом пришла беда.

«Ты остаешься за хозяина, сынок», –
Ему отец, прощаясь, произнес.
А дома мать и семеро по лавкам,
И поровну поделен скудный завтрак.

Зато какие черные чернила
Из молока и сажки мать варила!
Тетрадь заменят полосы газет.
Нетопленные школы тех военных лет!

После уроков в поле выходил,
С друзьями вместе сеял, боронил.
Порой они смертельно уставали,
Бывало, на работе засыпали.

Скрывая слезы, из последних сил,
Ругаясь, матерился бригадир.
И шел затем, прихрамывая следом:
«Давайте, милые, для фронта, для победы!»

Была для всех тяжелая пора:
Девчонки на колесных тракторах.
Подрос за эти годы, возмужал
И о победе первым он узнал.

Бежал в деревню из районной МТС,
Чтоб сообщить всем радостную весть.
Стучался в окна, забегал в дома:
«Вы слышали, что кончилась война?!»

Прошло немало весен с той поры...

И радостные крики детворы
Слышны на улице весенней тут и там,
Как будто птичий неумный гам.

И вспоминает мой отец весной
То детство, опаленное войной...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вернулся муж с войны живым!
К семье вернулся невредимым!
Вошел во двор он молодым,
С висками только вот седыми.

В объятья бросилась жена,
На шею кинулись сыны.
Гостями вновь изба полна,
Как будто не было войны.

Он с орденами на груди
Сидел за праздничным столом.
Война осталась позади,
Огонь и смерть, разрывов гром.

Она достала все наряды.
На плечи – яркий полушалок:
Ведь муж! сегодня с нею рядом,
Моложе и стройнее стала.

Гостям открыты настежь двери.
Она от радости светилась.
И счастьем своему не веря,
Перед гостями суетилась.

...И плакали, обнявшись, вдовы
В угрюмых траурных платках,
А их наряды и обновы
Лежать остались в сундуках.

БУЛЫЧЕВСКИЙ
Андрей Витальевич

МУЗЕИ ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ И СЛАВЫ

В городе Кургане на базе педагогического колледжа действует музей Сталинградской Славы, имеющий уникальные экспонаты, где регулярно собираются герои битвы на берегах Волги в 1942-1943 годах, чтобы вспомнить былое, встретиться с молодежью.

Этому значимому событию (2 февраля в этом году исполнилась 71-я годовщина победы советских войск над немецко-фашистскими войсками в Сталинградской битве) было посвящено мероприятие, состоявшееся в музее учебного заведения накануне значимой даты – 31 января. Среди почётных гостей на нём присутствовали: депутат Курганской областной Думы Виктор Семёнов, начальник отделения по работе с гражданами

военного комиссариата Курганской области подполковник запаса морской авиации Александр Власов, председатель регионального отделения «Союз М. Т. Калашникова» подполковник запаса погранвойск Сергей Карпук.

Главное внимание было, конечно же, уделено ветеранам-сталинградцам, фронтовое объединение которых возглавляет полковник в отставке Алексей Марков, в прошлом военный лётчик-истребитель. Для них звучали приветственные слова, стихи и песни.

Ушедших из жизни почтили минутой молчания.

Виктор Семёнов отметил, что 2 февраля – День воинской славы России, и это, прежде всего, праздник тех, кто добыл победу над врагом под Ста-

---

Родился 7 июня 1963 года в городе Кургане. Русский. После окончания школы № 32 учился в Курганском высшем военно-политическом авиационном училище. С 1985 по 1998 год проходил службу в Вооружённых Силах на различных должностях. После увольнения в запас в звании майора работал преподавателем истории в ПУ-3 города Кургана.

В марте 2002 года заключил контракт с Министерством обороны на пять лет и служил в военном комиссариате области. Ему присваивается звание “подполковник”. После увольнения из рядов Вооружённых Сил в 2009 году переведён на должность помощника военного комиссара области по работе с ветеранами, где и трудится в настоящее время.

линградом, определив, таким образом, коренной перелом в ходе не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны.

Александр Власов подчеркнул значимость Сталинградской битвы, сердечно поздравил всех присутствующих со славным военным праздником, после чего вручил Приветственный адрес директору музея Любови Болдыревой, наградил грамотами за патриотическое воспитание подрастающего поколения директора учебного заведения Ирину Катайцеву, её заместителя по воспитательной работе Светлану Шмидт и преподавателя Юрия Куньшина.

Сергей Карпук пожелал ветераном долгих лет жизни, бодрости духа и во всеоружии встретить 70-летие Великой Победы.

Ирина Катайцева напомнила о том, что музей существует 14 лет, и за это время проведена большая работа по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения, причём не только студентов педколледжа, но и с учащимися других учебных заведений области.

Учащиеся колледжа дали для присутствующих замечательный концерт, а завершилось мероприятие дружеским чаепитием.

Следует также отметить, что музеи, где всё пронизано памятью о войне, существуют и в других учебных заведениях города Кургана:

– музей защитников Ленинграда в средней школе № 50;

– в Курганском архитектурно-строительном колледже – музей, посвященный Курской битве;

– в средней школе № 23 – Музей в честь воинов 32-го запасного лыжного полка;

– музей воинов-интернационалистов на базе средней школы № 24 **(на снимке)**.

Это замечательно, что память о воинах, разгромивших фашизм, живёт и передаётся подрастающим поколениям.

Артиллерист-орденоносец

19 ноября текущего года 90-летний юбилей отметит участник Великой Отечественной войны, воин-интернационалист, председатель Октябрьского территориального Совета ветеранов труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов полковник в отставке Усольцев Валерий Иванович.

Глубоко символично, что его день рождения приходится на военный праздник – День ракетных войск и артиллерии.

Родившись в деревне Ташкова Каргапольского района нашей области 19 ноября 1924 года, Валерий с детства познал тяжёлый крестьянский труд. В огневом 1942 году, после окончания средней школы, его призвали в ряды действующей армии. Завершив обучение в Рязанском артиллерийском училище, лейтенант Усольцев в качестве командира взвода был направлен на передовую. Ленинградский, 1-й Украинский фронты, бои на Сандомирском плацдарме, под Краковом, Варшавой, за Домбровский угольный бассейн, форсирование реки Нейсе, освобождение Праги – вот вехи его боевой биографии.

После войны Валерий Иванович продолжил службу в рядах Вооружённых Сил на различных офицерских должностях, продвигаясь по карьерной лестнице – получая высшие должности и очередные воинские звания.

Особый период в его жизни – участие в оказании интернациональной помощи народу Кубы во времена Карибского кризиса, где Усольцев сначала выполнял обязанности дежурного офицера, отвечающего за встречу и размещение военных специалистов и техники, прибывающих из СССР, а затем обучал кубинских товарищей владеть боевой техникой.

Китель ветерана украшают ордена Красной Звезды, Отечественной войны, Дружбы, многие медали (в их числе «За

боевые заслуги»), почётные знаки, среди которых – «Воин-интернационалист».

Уйдя на заслуженный отдых после 31 года безупречной службы, полковник Усольцев не ушёл в сторону от общественных дел, наоборот, он принял в них самое активное участие. В 1987 году Валерий Иванович возглавил Октябрьский Совет ветеранов города Кургана, и вот уже более 26 лет бесценно руководит его работой, многое делая для развития ветеранского движения областного центра.

Фронтвик – частый гость в учебных заведениях Кургана, на мероприятиях военно-патриотической направленности, проводимых военным комиссариатом области, ибо считает своим долгом донести правду о войне до молодежи, настроить её на благородное дело служения Отечеству.

Поздравляя ветерана с наступающим в этом году славным юбилеем, хочется пожелать ему доброго здоровья, бодрости духа, успехов в общественной деятельности и всяческого благополучия ему и его близким!

**На снимке: полковник
Усольцев Валерий Иванович
(второй слева).**

А ВСЕ ЛИ ОДНОЗНАЧНО В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЕДИА-РЕЙТИНГАХ?

По нашей стране полным ходом идёт медийный проект-конкурс «Имя Победы», организованный Российским военно-историческим обществом и Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компанией при поддержке Министерства культуры России.

Напомню тем читателям, кто не знает об этой акции, что она имеет целью выбрать посредством голосования человека, внёсшего наибольший личный вклад в военную славу нашего Отечества. Об условиях конкурса рассказывать не буду – о них подробно указано на соответствующем сайте в Интернете, а вот о предложенном списке военных деятелей, представителей разных исторических эпох, хочется подробнее остановиться. Первоначально таких военачальников и политиков было предложено 100 человек, от Вещего Олега до нынешнего Командующего ВДВ Героя России генерала Шаманова.

Бесспорно, военная история нашей Родины имеет исключительное значение в рамках обшей, так сказать, истории России, поскольку ни на одну страну в мире столь часто не нападали, в связи с чем она вела многочисленные войны. Но, раз учёные мужи в Российском военно-историческом обществе (кстати, в Зауралье есть его филиал) так решили, что ж, так тому, значит и быть.

Читаешь и не перестаёшь удивляться объёму проделанной работы – представлены военные деятели практически всех военных кампаний, в которых участвовали еще Россия и Советский Союз. В этом историческом ракурсе всё выглядит очень познавательно. Но по ходу ознакомления всё более растёт недоумение – в разнозначности свершений полководцев и флотоводцев. Впрочем, для определения этого и задуман конкурс – а вот, например, кого побеждали белые генералы и для чьего блага, да и победили ли?

Среди полководцев и флотоводцев победы в Великой Отечественной войне представлена замечательная плеяда советских военачальников, но возникает вопрос: почему среди них отсутствует их непосредственный начальник – Верховный главнокомандующий генералиссимус Советского Союза И. В. Сталин, без которого не обошлось планирование и проведение ни одной военной операции СССР? Надо также вспомнить, что в годы Гражданской войны (поскольку её полководцы тоже представлены) в 1919 году Красные войска под командованием Сталина разгромили белогвардейцев под Царицыном, а он за умелое руководство ими был одним из первых советских военачальников награждён орденом Красного Знамени (за № 4).

Тут невольно прослеживается параллель с проводимым в 2010 году проектом «Имя России» (о самых выдающихся наших соотечественниках), где на протяжении всего времени голосования лидировал Сталин, однако, явно не ожидавшие такого поворота событий организаторы мероприятия всеми правдами и неправдами отодвинули его кандидатуру с первого места, но не в силах были удалить из тройки лидеров, в результате чего Иосиф Виссарионович занял почётное третье место после Александра Невского и Петра Великого (об этом подробно писала «Российская газета» в июле-августе 2010 года).

Можно по-разному относиться к тем или иным политическим и военным деятелям, но надо быть объективными в оценке исторических событий и деятельности личностей, их представляющих, а порой и символизирующих целую эпоху.

Спросите любого фронтовика: «Кто был главным полководцем времен войны?» И получите однозначный ответ: «Сталин!» И никаких проектов-конкурсов проводить не надо...

БУРНАШОВА
Тамара Ивановна

КРАСНОАРМЕЕЦ ИВАН ЛЕУШИН

Шёл 1941-й. Июль, день десятый. Иван понадобился там, где ковалась Победа.

Стучали на стыках колёса. Новобранцы пели боевые песни, мечтали. Иван представлял бой, и всё это его волновало, настораживало, разжигало любопытство.

Эшелон мчался в Белоруссию.

– Поехали могилки свои искать, – сказал рыжий солдат, подбрасывая в «буржуйку» щепки какого-то дерева.

– Какие могилки? – спросил его сосед.

– А такие. Думаешь, на свадьбу едешь? Сейчас в бой и тю-тю!

В вагоне теплушке стало тихо. Иван встал, подошёл к буржуйке и тяжело опустил руку ему на плечо.

– Ну? – поднял голову тот.

– Не «ну», а заткнись, – строго сказал Иван.

– А что, не правда что ли?

– Заткнись! – строже повторил Иван. – Ещё раз каркнешь – вышвырну на полном ходу из теплушки. Понял? Семь бед – один ответ!

Иван повернулся и...

Его взгляд остановился на двухрядке.

Она была заброшена вещевыми мешками, и только угол торчал, сверкая отделкой.

– Чья? – спросил Иван, показывая на гармонь.

– Моя, – ответил сухощавый солдат.

– Сыграй, – попросил Иван.

Все окружили гармониста. Кто-то задорно и лихо запел:

Родилась 16 февраля 1960 года в городе Далматово. После окончания средней школы и Шадринского государственного педагогического института работает в родном городе преподавателем русского языка и литературы.

*И вот по улице пошла
Сила молодецкая!
По всему земному шару
Будет власть советская!*

Кто-то начал приплясывать. А гармонь, поощрённая таким вниманием, заиграла громче, веселее:

*Гитлер спрятался в Берлине
За стеной бетонной.
Выкурим его оттуда
Силой мы огромной!*

В это время все подались вперёд. Эшелон резко затормозило, и он остановился. И раздалась команда:

**Мой будущий папа в госпитале.
1944 год.**

– Из вагонов всем за насыпь! Врассыпную! Ложись!

Иван лежал у валявшейся шпалы. Рядом рыжий солдат.

– Вон, смотри! – крикнул он Ивану.

Иван впервые увидел настоящего «стервятника». Над эшелонном развернулся и снова полетел на запад. Было слышно, как бухали зенитки. Но враг скрылся. Не успели сделать посадку, как снова последовала команда:

– За насыпь! Врассыпную! Ложись!

Там, где скрылся истребитель, появились четыре бомбардировщика. Летели низко. Над городом круто развернулись, и все увидели, как взлетели в воздух клубы дыма. Начался большой пожар. Бухали зенитки.

– Одного подбили! – радостно раздался голос рыжего солдата. – Смотрите, смотрите, загорелся!

Так Иван получил боевое крещение.

Шёл 1943 год. Сентябрь. Раздался приказ оккупываться. Несколько часов сидели в укрытии.

– Ваньша, сходи-ка за водой, пить охота, – попросил рыжий солдат.

Перебежками, сжавшись в комок, добежал до озера. Вернулся с водой, а в окопе кровавое месиво... Снаряд угодил прямо в окоп... Это первый раз его Ангел-хранитель спас...

И второй раз Ангел-хранитель помог. Решили передохнуть в березнячке, перебежали, прятались от снайперов, и опять жив остался.

– Третьего не миновать! – подумал Иван.

Затишье в бою – дело нередкое. Сидели в окопе, кругом тишина, что слышно, как птицы поют. Есть хотелось, аж челюсти сводило. Решил грибов пойти пособирать.

– Проверь, Ваньша, тишина какая-то тяжелая, – посоветовал солдат.

Поднял руку с пилоткой – снайпер не промахнулся...

– Вот он – третий, – подумал Иван.

До боли было обидно, ведь выжил, когда полк (900 солдат) был в окружении, как плутали оборванные, голодные по белорусским болотам, ели

ягоды, траву, пили болотную жижу... Прошли это жуткое испытание, и выжили всего около 100 солдат.

Ранило в левое плечо навывлет, контузило, отправили в госпиталь, а затем и домой, рука не действовала, стрелять больше не мог.

Иван мечтал скоро повидаться с родными и близкими. Выйти на колхозное поле и, широко раскинув руки, крикнуть:

– Я вернулся, вернулся! Я здесь, слышишь меня, земля-матушка?!

Простился Иван с братьями по несчастью, и опять вагон и дальний путь. Развалины городов, сожжённые деревни и сёла, развороченные железнодорожные мосты, дороги наводили на грустные мысли. Но и радость была бесконечна. Родной Нижний Яр, мама, братья, близкие, родные. Живы ли? Красноармеец Иван Леушин возвращался домой...

Решением врачебной комиссии ему категорически был запрещен физический труд, определена группа инвалидности. Но разве мой будущий папа усидел на месте?

Приноровился работать, пусть и с израненной рукой. Взялся за работу так, что и здоровые завидовали!

Уже в 1963 году ему было присвоено звание ударника коммунистического труда.

ПИМОКАТ ДУНЯША

Фотография моей мамы есть на стенде «Тыл – фронту» в нашем историческом музее имени А. Н. Зырянова. На меня смотрит молодая женщина с короткими вьющимися волосами, с бледным лицом и ярко выраженными скулами. Её задумчивый взгляд вошёл в моё сердце. Леушина (Подоксёнова) Евдокия Васильевна родилась 14 марта 1927 года в многодетной семье (6 детей) Василия Антипьевича и Оксиньи Васильевны Подоксёновых.

Дуся была вторым ребёнком в семье, старшей помощницей в воспитании младших: Маши, Ани, Вали и Вити. Рано стала помогать работать родителям в колхозе, поэтому закончила только три класса. Жили очень трудно: одни валенки на всех детей. Теплую одежду носили зимой по очереди. Но детство есть детство. Девчонки и мальчишки собирались по вечерам попеть, поплясать. А какая в ту пору песня без балалайки? А на балалайке играл Серёжа Кокорин. С балалаечника Дуся глаз не сводит. Мелодию запоминает, а главное, как пальцы его по струнам бегают. И каждое такое прикосновение в сердце девочки отзывается. Мечтает она о трёхструнке, о том дне, когда сама научится играть. И у неё получилось! Счастливец Дуся не было человека во всей деревне. Уделяла она игре на балалайке каждую свободную минуту. Вскоре стала Дуся первой девочкой-балалаечницей, сочиняющей частушки. И даже когда началась война, никогда не расставалась с балалайкой. Плакали женщины, слушая её частушки:

*Моёго болю ранило
у самой у реки.
Три часа лежал без памяти
без правой без руки.*

*Ягодинка раненый
лежит в больнице каменной
с перевязанной рукой,
сулится болечка домой.*

*Ягодиночку в Германии
убитого нашли,
вместо письменной любви
похоронку принесли...*

Когда началась война, Дусе было четырнадцать лет. Она стала помогать отцу катать валенки. А у кого же Василий Антипьевич научился этому ремеслу? Вася в девять лет остался сиротой, и его взяли в работники к пимокату...

Фронту нужны были валенки, много валенок, тысячи. Василий Антипьевич организовал цех по изготовлению валенок. (На войну его не взяли, у него не было пальца на правой руке — стрелять он не мог). Подмастерьями стали дочь Евдокия и брат Иван. Первые валенки Дуся скатала своей подружке Нюре. Наравне с взрослыми работала Дуся, не уступала ни в чём. За день катала два валенка, а иногда и три.

За работу получала премии: валенки, парашютный материал, шаль. На всю первую зарплату купила сатин на платье, радостная бежала к отцу. Однако тятя (так звали дети отца) «поблагодарил» её палкой по спине. Не знала ещё дочка, что зарплата нужна всей её большой семье.

Работа в пимокатном цехе, можно сказать, спасла жизнь всей семье в годы войны. Отец, дочь, сын катали валенки на заказ и обменивали их на картошку, пшеницу, муку, молоко.

В те годы родились новые частушки:

*Пимокат пимы катат,
Пяты не докатыват.
Помногу зарабатыват...
Чем гармонищика любить
Лучше пимоката.
Пимокат пимы скатат,
Буду я богата.*

В 1946 году мама вышла замуж за участника Великой Отечественной войны Леушина Ивана

Петровича (в 39 лет он умер от последствий сквозного ранения в плечо).

У мамы родилось четверо детей. Все они получили высшее образование: дочери – педагоги, сын – монтажник. Мама воспитала в нас трудолюбие, целеустремлённость, желание всегда достигать свою цель. Все дети награждены Почетными

грамотами Министерства РФ.

Мамы нет с нами, но мы часто вспоминаем, как она брала в руки балалайку и становилась главным зачинщиком и творцом нашего веселья. Любодорого было смотреть на неё в эту минуту.

Мария Гилёва, поэтесса г. Далматово, посвятила маме стихотворение «Пимокат Дуняша».

*С болячками и непростой судьбой,
Сегодня ты для всех – лишь баба Дуся.
А я хочу на годы в прошлое вернуться
И встретить сорок первый год с тобой.*

*Не девушка, а девочка ещё,
Ведь ей тогда четырнадцать лишь было,
А груз такой взвалила на плечо,
Какой и взрослому не каждому под силу.*

*Упорства было ей не занимать.
Нужны пимы для русского солдата,
Пришлось Дуняше мастерицей стать,
Не просто мастерицей – пимокатом!*

*Стелила шерсть она на потничок,
Выдывая пальцами искусно,
Заваривала пим, брала валёк,
Катала с силой, как и было нужно.*

*И тридцать пар на фронт от Дуси шли,
И тридцать воинов её благодарили,
Бои в той обуви упорные вели,
В пимах тех ноги их зимой не стыли.*

*Так каждый месяц, день за днём она
Свою победу малую ковала,
Старалась девочка, сочувствием полна,
Хоть трудно было, очень уставала.*

*Сегодня бабе Дусе много лет,
Болят её натруженные руки.
Но никого роднее её нет,
Гордятся бабой Дусей дети, внуки!*

*Спасибо тебе, милая от нас,
За то, что вынесла, за то, что не сломалась,
Что огонёк твой в сердце не угас,
Что с нами ты! А это так немало!*

БУШУЕВ
Владимир Егорович

РАССКАЗ О МОЕМ ОТЦЕ И БРАТЕ

Мой отец, Бушуев Егор Никитьевич, 1903 года рождения жил в селе Привольное Половинского района Курганской области, женился на Ширяевой Ефросинье Григорьевне. На начало войны у них было пятеро детей: Александр (1922 г. р.), Мария (1924 г. р.), Владимир (1935 г. р.), Леонид (1938 г. р.), Галина (1940 г. р.).

В 1931 году отец вступил в колхоз им. Буденного в с. Привольное и работал колхозником до 1933 года, а в 1933 году, после окончания курсов комбайнеров в г. Кургане и до призыва в армию, работал в Лопатинском МТС комбайнером. Работая на уборке хлебов в разных хозяйствах района, он был всегда в числе передовых по результатам труда, а в 1938 году за 1 место по намолоту и уборочной площади по району награжден ценным подарком – велосипедом. Позже, уже в 1940 году

за 1 место по району получил ружье 12 калибра – шестизарядный «винчестер».

По рассказам очевидцев-земляков отец был веселым, щедрым, хорошим товарищем, по работе помогал словом и делом всем, кто в этом нуждался. В зимнее время он с 1935 года работал на 2-х станках по расточке коленчатых валов и цилиндров блока двигателей. С 1939 года и до 1941 года работал комбайнером на два комбайна – это был первый уборочный сцеп в районе! Штурвальными у него работали разные люди, кого назначат, а с 1938 года на одном из комбайнов с ним стал работать его сын Александр, который, после окончания курсов в 1940 году, работал уже самостоятельно. В 1941 году на одном из комбайнов с отцом стала работать Мария – дочь.

1935 года рождения, образование среднее специальное, работал шофером, зоотехником, старшим зоотехником, 15 лет бессменно – председатель ветеранской организации.

С 1985 года ветеран труда и почётный гражданин Половинского района. На пенсии с 1995 года. В настоящее время один в живых из семьи фронтовика.

Мои отец и мать Бушуевы Егор Никитьевич и Ефросинья Григорьевна

Весной 1941 года была организована Сухменская МТС, где стали работать все механизаторы, которые жили в селе Привольном. Я отлично помню, как отец перевозил комбайны к еще незрелой ржаной ниве. Это было рядом с деревней, и я постоянно с ним находился. Механизаторы готовили технику к уборке, но тут началась война: из села стали призывать в ряды Красной Армии всех мужчин пригодных для службы. В числе первых призванных был брат – Александр. Он был призван во флот, во Владивосток.

Тогда отец был оставлен по брони, его поставили механиком по комбайнам. Комбайны срочно были переданы штурвальным, а это девочки 23-24 года рождения. Я отлично помню осень 41-го, комбайны постоянно выходили из строя, и отец дома на кухне при свете коптилки переключивал полотна и транспортёры, ремонтировал карбюраторы и магнето, а утром развозил по местам уборки. После уборки хлебов отец работал в МТС слесарем по ремонту техники, а после Нового года с него была снята бронь. И 7 января 1942 года его в числе ещё 5 сельчан призвали в армию, где их в своей верхней одежде, то есть в шапках, валенках и полушубках определили в ряды Сибирской добровольческой дивизии. Но где-то

Брат Александр

в районе города Пензы эту дивизию переформировали по другим воинским частям, и он попал на фронт в Подмосковье в районе Волоколамского шоссе. В первых же боях он погиб.

Брата в феврале 42-го года пе-

ребросили на фронт в район Сталинграда, где он служил в разведке в воинской части. Летом этого года он был награждён медалью «За отвагу», а осенью с тяжёлой раной в ногу был госпитализирован, где пробыл 9 месяцев. По выздоровлению был направлен в составе команды в отряд по подъёму затонувших кораблей, а после освобождения Севастополя в составе этого отряда очищал бухту и акваторию побережья от затонувших и потопленных кораблей, а также обезвреживал плавучие мины. Александр демобилизовался в 1948 году.

Сестра Мария проработала на комбайне до 1948 года.

Мама весь период войны проработала в колхозе в посевную и уборочную на своей корове. Только осенью 1944 года она на своей корове в составе обоза вывозили зерно в Лебяжье на элеватор, и сделала 5 рейсов, а это расстояние 70 километров, одна поездка проходила за 5 дней. Младшая сестра Галя умерла в 1943 году.

Вот такой вклад сделала наша семья в достижение победы – отданные жизни отца и маленькой сестры, инвалид брат и тяжелейший труд в колхозе во время войны мамы.

ВАЛЕЕВА
Танзиля Фаатовна

ВРЕМЯ ВЫБРАЛО ИХ

22 июня 1941 года... Не только 9 Мая, но и 22 июня родственники, чьи близкие ушли на войну, вспоминают о них. Уже выросло и возмужало целое поколение людей, не видевших своих героев-родственников, но их память жива. Она передаётся из поколения в поколение и каждый раз берedit душу. Особенно остро ощущается боль, когда родные ушли и не вернулись.

Не вернулся с войны мой дядя Гиниятуллин Гатият. Кстати, он взял фамилию по имени отца, так как Лукмановых было много в селе. В начале войны у него была бронь: оставили, чтобы он организовал в колхозе новый коллектив из стариков, женщин, детей: надо было продолжать работу без ушедших на фронт мужчин. Человек об-

щительный, энергичный, он мобилизовал всех на работу в колхозе. Вскоре необходимость в нём отпала, и его в 1942 году отправили на фронт.

Попал на Кавказ, там воевал. После ранения лежал в госпитале в городе Боржоме, откуда написал последнее письмо (как оказалось), где сообщил, что надеется, что всё будет нормально, что будет ходить на своих ногах. Потом письма перестали приходить. Это была настоящая трагедия для семьи Гатията. Дома ждали его возвращения жена и четверо детей: три дочери и сын Рафаэль.

Младшая дочь Саня родилась после ухода солдата на фронт, так что отца своего она не видела ни разу. Жена Гайникамал старалась одна поста-

---

Родилась 25 мая 1949 года в с. Аджитарово, окончила Сафакулевскую среднюю школу, филологический факультет Курганского государственного педагогического института, затем до ухода на пенсию 42 года трудилась в Сафакулевской средней школе учителем русского языка и литературы. Участник и призёр многих творческих конкурсов. Победитель Всероссийского конкурса «Лучшие учителя России», отличник народного образования.

Автор книг «Дорогие мои земляки», «Остров любви», «На крыльях любви».

Лукманов Фахтулла Гиниятович

вить на ноги детей, вела хозяйство. Как без коровы детей прокормишь? На неё была вся надежда. Женщина уставала сильно: и гребла сено, и собирала колоски, и следила за детьми, чтобы выросли достойными. А по ночам давала волю слезам. Дети выросли самостоятельными, обзавелись семьями, появились внуки, внучки.

Прошли тяжёлые годы. Ушли уже в мир иной старшие дочери. Сын Рафаэль живет в Карасёво, он всю жизнь работал в колхозе, сейчас является муллой, в своих молитвах просит о здоровье и счастье односельчан и о весточке об отце. Сыновья Рафаэля получили высшее образование, дочери – среднее специальное. Дочь Гатията Саня живёт в г. Челябинске, воспитала двух дочерей. Родители бойца ждали его возвращения и покинули этот мир, так и не узнав о нём ничего.

Второй их сын Фатхулла ушёл на фронт в пер-

вый день войны. Дома остались его ждать жена и дочь Мархаба. Когда ехал на фронт, всё время думал: “Как же они без меня управятся?” Первое боевое крещение получил в бою за город Великие Луки. Об этом бою осталась память – пуля, которая, пробив скатку, застряла в груди и не дошла на несколько миллиметров до сердца. Врачи не стали трогать пулю: опасно, в любой момент могло сердце остановиться. При освобождении Ленинграда от блокады был ранен второй раз: раздробило руку осколком. С осколком в груди вернулся домой инвалидом, трудился в колхозе, ушёл на пенсию. Его всю жизнь мучили боли в груди. После войны родилась вторая дочь Захира. Пуля-дура постоянно давала о себе знать: по ночам ныла грудь. Осколок в груди дядя унёс в могилу в возрасте 96 лет. Много рассказывал он о войне своим внукам.

Отец Лукманов Гиният родился в 1877 г. в семье бедняка в Карасёво. До ухода на службу в царскую армию работал в родной деревне в своём хозяйстве. В 1897 г. призван в армию, служил в г. Самаре. Служил до 1909 г., затем работал в родной деревне вместе с отцом, женился на Марзии из Сафакулево.

У неё тоже была тяжёлая судьба: выросла без родителей, с ранних лет трудилась. Детей своих с малых лет приучали к труду.

В 1914 г. Гиният был снова отправлен на фронт, где воевал очень долго: после была ещё гражданская война. Руки земледельца скучали по крестьянскому труду, а сердце – по жене и детям. Жене Марзии туго пришлось без мужа. Не зная, как выжить, она отдала земельный надел в аренду другим людям из с. Яковлевка. Когда вернулся Гиният, земли не было, поэтому ему пришлось работать на богатых людей из сёл Яковлевка и Чистое: рубил и колол дрова, выполнял другие хозяйственные дела, копил деньги. Заработал деньги, приобрёл лошадь, сбрую. Купил вторую лошадь, вернул земельный надел, стал вести хозяйство: выращивал пшеницу, овёс, ячмень. Когда был на фронте, интересовался у сослуживцев, как в разных местах занимаются земледелием, за-

тем применил полезные советы в хозяйстве. В наших суровых условиях получал неплохие урожаи. Работал один с семьёй, не прибегая к найму посторонних лиц.

В 1929 г. в стране развернулось движение по коллективизации крестьянских хозяйств. Гиният этому и не обрадовался, и не стал сопротивляться. Когда вступил в колхоз, сдал трёх лошадей, жеребёнка и трёх коров. Он сам, сыновья работали на разных работах, привыкли к колхозной жизни. Часто его назначали поваром, пригодился армейский опыт. Готовил вкусно. Всё у него получалось: и супы, и каши. А как вкусно он готовил плов!

Дочь Марзифа воспитала прекрасную дочь, которая работает в роддоме райбольницы, у младшей Шагарзифы-два сына и три дочери, которые тоже стали полезными людьми. Колхоз стал крепнуть, получал неплохой урожай, увеличилось поголовье скота, выросли доходы. Колхозники стали получать денежную и натуральную оплату. Люди стали жить лучше, веселее, мечтали, любили, были счастливы.

Но война разрушила покой, планы, мечты. Началось серьёзное испытание, которое люди с честью выдержали. Родные, особенно сестра Шагарзифа, продолжает искать без вести пропавшего брата, писала она в Центральный архив Министерства обороны, который находится в г. Подольске Московской области, получила ответ: “Стрелок Гиниятуллин Гатият Гиниятович, уро-

женец Курганской области Сафакулевского района призван Сафакулевским РВК, пропал без вести в феврале 1942 г. Сложная обстановка на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. не позволяла точно установить судьбу некоторых военнослужащих, поэтому они были учтены как пропавшие без вести».

В последние годы Государственный архив пополнился новыми данными о пропавших без вести, поэтому сестра готовит новое письмо. Возможно, что-либо прояснится, ведь так хочется узнать хотя бы где покоится прах брата.

Ей, младшей сестре, уже 85, она никогда не забывает о своём брате. Сама она, как говорят, из поколения “детей войны”: работала в поле, как все дети того времени, голодала, училась в школе, люди часто ели лебеду. Самым вкусным был талкан, но он был очень редко, так как не хватало зерна.

Она навсегда запомнила отцовский наказ: “Нужно жить честно, быть добрым, тогда и люди к тебе повернутся с добрым лицом”.

К сожалению, есть люди, которые, особенно на Западе, пытаются обелить Гитлера, дескать, он ничего не знал, появляются фотографии Гитлера, окружённого детьми. На снимке счастливые лица.

Нужно, чтобы каждый знал настоящую историю. Нужно сделать все, чтобы фашизм не повторился. Наша память о войне и героях священна!

ЖИВИ И ПОМНИ

– Нанайка, иди, посмотри, – кричит Алина, приглашая свою прабабушку к телевизору. – Показывают, как отморозки избивали участника войны, связали, забрали его деньги, ордена, а дом подожгли.

– Ой, Аллах, как такое возможно, он живой или нет? – интересуется женщина. – Вот изверги!

– Он смог развязать руки, выползти, и этим спасся, сейчас лежит в реанимации, состояние тяжёлое.

– Вот что делается на белом свете, – сокрушается Нагима-аби, – всё виноваты фильмы, что показывают про убийства, пытки над людьми. Мне кажется, что они учат всему плохому.

– Да нет, нанайка, просто эти люди потеряли всё человеческое. Сейчас многие людей ценят по деньгам, по богатству. А раньше, как ты рассказывала, ценили за личностные качества: честность, порядочность, культуру, трудолюбие.

Нагима-апа помолилась, прошептала какие-то слова, Алина поняла, что она попросила Аллаха о спасении несчастного ветерана войны. Девчонка любила свою прабабушку за доброту, ведь она научила её вязать, шить, не конфликтовать с родителями. Да старуха любила Алину за то, что она всегда приходит на помощь: то её ногти стрижёт, то волосы расчешет, то читает газету, ведь бабушка перенесла операцию на глазах.

– Спасибо, вот квартиру мне как вдове участника войны дали, – думает старая женщина. – Вот только откуда такие изуверы берутся, что над немощными людьми измываются?

– Нанайка, расскажи про войну, – просит вдруг Алина, и старуха вспоминает:

– О начале войны мы узнали в тот же день, прибежала соседка, заявила с порога: “Немцы напали на нашу страну, люди собираются на площади”. Вскоре стали отправлять и из нашего села мужчин на войну. Стоял крик, плач, женщины и дети прощались с родными. Так и мой муж ушёл на фронт, осталась я одна с тремя детьми, стар-

шему десять, среднему – восемь, а младшей – три годика. Спасали от голода корова, картошка, овощи, которые сажали. Старшие Ильдар и Наиль учились в школе, тетрадей не было, писали на клочках газет карандашами. Дети помогали и дома, и в колхозе, собирали вещи для бойцов, брали шефство над семьями воинов, помогали в домашнем хозяйстве. В колхозе сгребали сено, подвозили воду к полевому стану, отвозили зерно от комбайнов. Осенью убирали картошку и дома, и в колхозе. Часто засыпали на ходу.

Помню, как Наиль и Ильдар после работы сидели и «клевали носом». Мне было жалко их будить, гладили их по волосам, потом, когда открывали глаза, кормила лепёшками, картошкой, молоком. А утром долго стояла, боясь их будить. Но приходилось это делать, потому что начинались уроки. Считай, что детства у них не было. А сама с двухлетней дочкой (оставляла её с бабушкой) ежедневно в поле, в колхозе работали женщины, старики, дети. Пахали на быках, коровах, сеяли, косили и жали в основном вручную. Много людей, особенно детей, умерло от голода. Дети собирали колоски, а объездчики гоняли их кнутами, но некоторые жалели ребятишек.

Вскоре с фронта вернулся муж, он был ранен. В бою под Сталинградом получил ранение в грудь, были проблемы с желудком, его комиссовали. Честно говоря, мы не думали, что он выживет. Но совершилось чудо. Моя мама была травницей, она и вылечила зятя.

Хорошо помню май 45 года. Вышла на улицу, а там всё село собралось. Все кричали, пели, плакали. Это был День Победы. Досадно, что два твоих дяди не вернулись, на Марата пришла похоронка, а Рамзис пропал без вести.

Она закончила свой рассказ. Видно было, что ей непросто вспоминать тяжёлые годы. Алина решила её остановить, чтобы не бередить душу, но, не смотря на её удивление, бабушка предложила: “Хочешь прочитать письмо от дяди твоего, он пропал без вести. Это письмо стало последним его

письмом». Старуха вытащила из комода солдатский треугольник.

Девушка взяла с дрожью письмо, стала читать. Письмо пожелтело от времени: «Здравствуйте, дорогие папа, мама, родня. Вот я воюю с немцами, отомстил полностью фрицам за то издевательство, которое они совершили над нами. Если же придётся погибнуть, то только героем. Мы недавно освободили шесть деревень, уничтожили много танков и другой техники. Да, я знал, что фашисты – сволочи, но чтобы были такие изуверы, не верил. В этих сёлах были виселицы, где было повешено много людей. Жители рассказали, как немцы поймали связного партизанского отряда, мальчика 12 лет, его пытали, издевались, потом привязали к танку и потащили по полю. Принял он мученическую смерть. У всех людей волосы стали дыбом, когда они за этим наблюдали.

Страну, где даже маленькие дети воюют, победить нельзя. А одно село Митино было родным селом моего сослуживца Миши, он попросился навестить маму, пробыл там один день, а через два дня в бою был убит. Война научила нас быть жёсткими, но не научила быть жестокими. Помню, один боец, когда освобождали село, спас котёнка, рискуя своей жизнью. Такие вот дела. Даст Аллах, свидимся», – закончил он своё письмо.

Женщина опередила вопрос своей правнучки, сказала: «Последнее письмо от него, больше не было вестей. Получили казённое письмо, что пропал без вести. Куда только ни писали, всё без толку, следов так и не нашли. Был человек – и нет его, словно канул в Лету».

– Вот так, Алина, скоро не будет ни участников, ни детей войны. Запомни, дяди твои погибли, прадед раненый пришёл, мы мыкались всю жизнь, чтобы сейчас жилось хорошо. Беречь надо Родину, уважать старших. Я верю, что в нашей семье не будет таких изуверов, каких по телевизору показывали, и в следующих поколениях. А что сделали эти подонки, это в голове не укладывается. Весь мир обязан героям войны. И мы обязаны чтить и помнить своих героев.

Алина расчувствовалась, прослезилась, горячо обняла свою прабабушку. На минуту она представила, что проиграй наша страна эту войну, её, сестрёнки и брата просто могло и не быть. Ей стало страшно.

– Спасибо, нанайка, я постараюсь больше узнать о войне, рассказать всем.

Она другими глазами посмотрела на мир, на домашних, поняла, что повзрослела.

Хочется верить, что вырастет поколение, которое будет помнить, какой ценой завоёван мир на нашей земле.

ВЕРХНЕВА
Лариса Анатольевна

ОНИ И МЫ

Я, может быть, умней, но равнодушной
Тех, кто в войну слезами и трудом
В тылу растил Победу стойко, дружно,
Чтоб каждый воин с ней вошёл в свой дом,

Живым вернувшись
с фронта в сорок пятом...

Но сколько счастья не пришло с войны!
А я лишь опасаюсь ливня с градом
И упиваюсь красотой луны.

Им не хватало сна, еды, одежды,
Всё шло на фронт – в противовес врагу,
Лелеющему тщетные надежды

Мир превратить в нацистского слугу.

Ползли на запад эшелоны с хлебом,
Познавшим доброту усталых рук.
А я люблюсь чистым мирным небом
И сетую на тяжесть сельских мук.

Для них – работа, вечность ожиданий
Животворящих весточек с войны,
Однако, вопреки огню желаний,
Шли похоронки, урезая сны.

Им приходилось в поединках с горем
Выстаивать и жить, идя вперёд.

Родилась 27 марта 1962 года в городе Ташкенте. Закончила филологический факультет Ташкентского госуниверситета. В 1992 году переехала на жительство в село Светлый Дол Белозерского района, а затем в Белозерское. Работала сельским учителем русского языка. В 2000 году создала районное творческое объединение «Муза» и стала его председателем. Регулярно печатает стихи в районной, областных газетах, альманахе «Тобол». Автор поэтических сборников «Певницею бескрайней ночи...», «Рассказать хочу...» и других.

В Союз писателей России принята в 2001 году.

А парень понял и в бою
Остался невредимым.
Он бился за любовь свою,
Даря мир всем любимым.

ПИСЬМО С ВОЙНЫ

Рассвет спешил на смену
Бледнеющей луне,
Когда всеобщей тенью
Шли вести о войне.

Натянутые нервы,
А в душах горький гнев.
В далёком сорок первом
В речах печальных дев

При тягостном прощанье
Искрилась слов тесьма,
Что жить им в ожиданье
Военного письма.

В боях теряли силы
Отважные бойцы,
Но время находили
И братья, и отцы,

Чтоб вновь домой хоть пару
Отправить нежных строк.
Из дыма и пожаров
Шли письма на восток.

Когда ж читал посланье
Счастливый адресат,
Нередко смертью ранней
Был взят уже солдат.

Но всё же в сорок пятом –
Печалям всем назло –
С войны с победной датой
Немало писем шло.

РОДОСЛОВНЫЕ

Помнит о подвигах ратных Россия,
Свято чтит память великих сынов,
Тех, кого нежно, с любовью взрастила,
Жизнь кто отдать за неё был готов.

Воины Невского знали победы,
Дмитрий Донской стал грозой для Орды...
Если на Родину сыпались беды,
Враг недалёк был и сам от беды.

Пётр Великий, Суворов, Кутузов –
Громкими стали в веках имена.
Подвигов ратных бесстрашнейших руссов
Массу познала любая война.

На рубеже двух великих столетий,
Мы – поколение старших времён,
Славных героев и внуки, и дети –
Носим в сердцах цвет победных знамён.

Битвы Отечественной, без сомнений,
Кровью пульсируют в каждом из нас –
В память грядущих земных поколений
Пишем историю здесь и сейчас.

Памяти книги, фамилии, даты
Нам предоставит не только музей.
В каждой семье похоронки, награды,
Письма хранятся – отнюдь не князей –

Тех, кто и жизнью, и кровью немалой
Нас защитил, наши мирные сны.
Мы родословные чаще, пожалуй,
Гордо ведём от героев войны.

ЖЕНЩИНАМ

Женщинам, познавшим боль утрат,
Посвящаю эти строки я,
Вдовам не вернувшихся солдат,
Мамам, чьи погибли сыновья.

Вместе с вами пью густую боль,
В прошлое через неё смотрю,
Где играли вы большую роль,
Защищая Родину свою –

Через руки взрослых сыновей,
Через души дорогих мужчин,
Заменяя в жизни добрых фей
В злое время памятных годин.

Жили вы, не покладая рук,
Веруя в счастливую звезду,
И среди разрухи и разлук
Душами предчувствуя беду.

На плечах несли надёжный тыл,
Несмотря на голод и мороз.
В ваших взглядах, женщины, застыл
Навсегда букет военных слёз.

Как не поклониться до земли!
Как не восхищаться вновь и вновь:
Потеряв любимых, вы смогли
Возродить для нас свою любовь!

ПИСЬМО НА ВОЙНУ

Пишу я на войну из девяностых
Тебе, мой незнакомый милый дед.
Наверно, было небо в тех же звёздах
И, как сегодня, спел тогда рассвет,

Когда война внесла в свой чёрный список
Твоё средь множества других имён.
И стал конец пути ужасно близок –
Не передать уже семье поклон.

Ты ещё верил в чудо возвращения
На свою родину – в далёкую Сибирь,
Где ты гулял под облачную тенью,
Дарил любимой летней ночи ширь.

Но в январе под небом Украины
Настигла смерть тебя, в единый миг

У ребятни – отца, у мамы – сына
И у тебя отняв предсмертный крик.

Забрав с собой часы воспоминаний,
Ты, внукам подарив спокойный сон,
Им не успел оставить завещаний,
Носить созвучия каких имён.

И в детстве я завидовала тайно
Той девочке, чей дед пришёл с войны,
Хотя тобой гордилась чрезвычайно
И о войне смотрела часто сны.

Но в них ты не пришёл ко мне ни разу,
А я росла и знала назубок
Тех лет сороковых событий массу –
Ведь это ты мне преподавал урок.

Я сына назвала души велением,
Без долгих размышлений,
в твою честь...

Теперь могу сказать я без сомнения:
Ты в жизни моей был и нынче есть.

ОБЕЛИСКИ

Каким бы российским селеньем
Не вёл меня солнечный диск,
Повсюду застывшим мгновеньем
Сверкал небольшой обелиск

Под сенью зелёной прохлады
Иль в жарких небесных лучах –
Земле дорогою наградой
Врученный за доблесть в боях.

И жёсткая правильность граней,
И строгий порядок имён...
Поток самых разных мечтаний
Войною в века унесён.

Погибли отец и три сына
На разных военных фронтах,

Однако семьёй всё ж единой
Остались в родимых местах.

И имя отца повторяя,
Фамилии трёх сыновей
Глядят обелисковой стаей
Вслед клину живых журавлей.

Но вновь салютует Победа
Весёлой весенней грозой
Разрядов мелькающим светом
И тучи небесной слезой.

А вот обелиск породнее,
Он в нашем воздвигнут селе.
Здесь ели вокруг зеленеют
И звёзды стремятся к земле.

Вглубь пышного школьного сада
Дорожки упрямо бегут
От простенькой редкой ограды
И сходятся вежливо тут,

Где много знакомых фамилий
Написано чёрной войной.
В селе их носившие жили,
Мечтали под полной луной,

Любили мам, жён и девчонок,
Вернуться давали обет...
Вернулись в листках похоронок,
Затмив ими солнечный свет.

В порядке посмертного списка
Застыли навек земляки
На гранях стальных обелиска,
В суровой линейке строки.

Вокруг полыхает Победа
В невиданной россыпи звёзд,
И тихо вздыхает планета,
Впитавшая множество слёз.

Всеобщей минутой молчания
Гуляет по душам война,
Взгляд, полный тоски, и рыдания
Вновь в людях рождает она.

Но залпы победных орудий
Сердцам возвращают уют.
Салютом любят люди,
Любуется ими салют.

И пусть беспокойное время
Летит без заминок вперёд,
Гордиться страна будет теми,
Кому воевать за народ

Нелёгкая выпала доля,
Кого жёг военный кошмар
И, съев злополучный пуд соли,
Кто мир принёс Родине в дар.

Не видели нас наши деды,
Исчезли в дорожной пыли
И в день долгожданной Победы
Живыми навеки ушли.

Высоким торжественным словом
Мы чтим память павших не зря,
Не зря в небе снова и снова
Сияет салюта заря.

И вот над стальным обелиском
Стал ветер дыханьем ночным,
В поклоне склоняются низко
Российские звёзды пред ним.

Шум дня до утра отодвинув,
Гуляет вокруг тишина;
На землю лучи свои скинув,
Торжественно светит луна.

Сплошную огромную тенью
Волнуется ласково сад.
Божественным славным творением
Глубины вселенной молчат.

Всё дышит любовью и благом
В весенней прозрачной тиши,
Под плёнкою лунного лака
Родные места хороши.

Ночной красотой укрытый,
Хранит обелиск имени
Героев родных, не забытых.
Их всех поглотила война.

Стоят обелиски по сёлам –
Дань памяти русских людей
О времени прошлом, тяжёлом,
О горе военных путей.

ЗОВ ПАМЯТИ

У времени нет тормозов,
И в прошлом нам вновь не родиться.
Поэтому памяти зов
В сердцах не устанет трудиться,

Взывая к добру и к теплу,
И к благодарности нашей...
Мы помним всех тех, кто хлебнул
Из горем наполненной чаши.

И слушая повесть тех лет
Из уст дорогих ветеранов,
Мы видим войны жуткий цвет
И Родины страшную рану.

И в нашем селе есть они,
Горящей судьбы добровольцы,
И их, дон-кихотов войны,
Зовут, как и нас, – светлодолицы.

1. Алексей Григорьевич Лачко

Когда война стальным крылом
Накрыла миллионы жизней,
Герой был юным пареньком
И не служил ещё Отчизне.

Но в сорок третьем, в сентябре,
Как все, ушёл сражаться тоже.
Участвовал он в октябре
В боях за город Запорожье.

Учился молодой солдат
В боях военному искусству,
Дошёл с бригадой до Карпат,
Жил целый год в военном буйстве:

Стрелял, барахтался в грязи,
Форсировал шальные реки
И на судьбу, видать, бузил
За то, что зло есть в человеке.

Жизнь на войне, кто мог бы знать,
Закончилась в разведке боем,
Когда убитым всяк мог стать
И каждый мог бы стать героем.

И наш сегодняшний земляк
В бою том тяжело был ранен,
Лечился год в госпиталях,
Победу дома встретил в мае.

И орден Славы на груди,
И семь немеркнущих медалей
Кричат о жизненном пути
Всех тех, с кем вместе прошагали.

* * *

Глава окончена одна
О человеке и герое.
В моё окно глядит луна,
Обняв лучом село родное.

Средь ветра ласковых проказ
При мирном свете абажура
Я продолжаю свой рассказ,
У стелы памяти дежура.

2. Андрей Степанович Захаров

В двадцатом был рождён герой,
Окончил школу он успешно,
Но то, что обручён с войной,
Не ведал паренёк, конечно.

Спешил студент в пединститут,
Сдавал прилежно все зачёты.
Но вот повестка тут как тут,
И новые пришли заботы.

Он в Белоруссию служить
Попал весною в сорок первом.
Мечтал детей герой учить –
Война расстроила все нервы.

Июнь. И с первых дней войны
Солдатам молодым атака
Пришлось там отражать... Сыны
Не испугались этой драки.

Но силам всё же есть предел,
И кончились боеприпасы.
Остался лишь один удел –
К своим прорваться. Путь опасен.

Из-за неслыханных боёв
Измученные до отказа,
Не знавшие давно уж снов,
Попали в плен бойцы – не сразу.

До мамы весть уже дошла,
Что без вести пропал сыночек.
Надежда не сгорит дотла –
Мать спрятала её в платочек.

И ужасы трёх лагерей
Пришлось пройти простому парню,
Но не нашлось таких цепей,
Чтоб удержать в дыму угарном.

Побег. Поймали. Вновь побег.
Помог сочувствующий немец.
И измождённый человек
Пришёл к своим страшнее тени.

И вновь – бои. И смерть не раз
Шла по пятам бойца-героя,
Он как-то в предрассветный час
Сошёлся со взрывной волною.

А день победный встретил всё ж
Сержант в поверженном Берлине.
Но до сих пор бросает в дрожь
От снов, которых врач не снимет.

Дни, ночи, боль в кулак зажав,
Мать продолжала верить в чудо.
И день однажды чудом став,
Вернул ей сына ниоткуда.

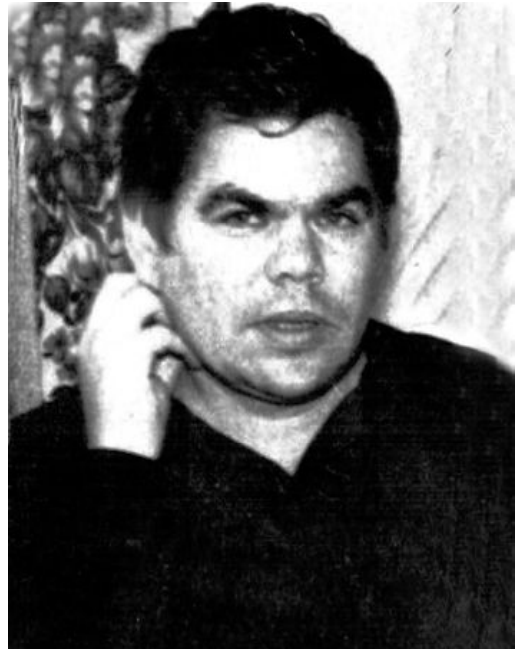
* * *

У памяти много начал,
Текущих широкой рекою
Сквозь души всех тех, кто питал
Её родниковой водою.

И ей отдавал, не скупясь,
По капле всю жизнь без остатка.
Как хочется, чтобы хоть часть
Их жизни не стала загадкой.

ВЕРШИННИН
Владимир Валентинович

ПАМЯТИ ОТЦА –
ВАЛЕНТИНА АФАНАСЬЕВИЧА

Отец прошел огонь и воду,
Болезни, голод перенес,
Но никогда до смерти сроду
От неудач не вешал нос.

Был председателем колхоза
Работал в шахте, воевал,
На Финской пухнул от мороза
И в Бессарабии страдал.

А в 33-м, на сверхсрочной,
Бил басмачей в Уктыр-Бахты,

Родился 2 августа 1939 г. в селе Куртан Мокроусовского района. После окончания школы трудился в колхозе чабаном, учителем начальных классов. До ухода на пенсию по инвалидности работал начальником военно-учетного стола в районном военкомате. Стихи начал писать в школьном возрасте.

Судьба сыграла с Владимиром Валентиновичем злую шутку, ограничив в движении. Ужасающий диагноз врачей не убил в нем желание творить и к жизни, не сломил его бойцовский дух, стремление к самоутверждению. У Владимира вышли в свет несколько самодельных книжек стихов.

Газеты, радио, телевидение заменили ему собеседника, а накопленные чувства, взгляды, настроения он выражал в строках своих произведений.

В Синь-Зяне в поздний час урочный
Снимал японские посты.

На рубку, на гнедом Гуляке,
Он вылетал, высокий, злой.
Кричали под руку рубаки:
– Руби! Чтоб голова долой!

Вся из зеленого фуражка,
Телячьей кожи сапоги.
Клинок врезался наотмашку,
Валились замертво враги!

– Круши, Вершинин!
Смерть собакам!
Стояла срубленной лоза,
А командир от счастья плакал,
Звал басурманом за глаза.

Кавалерист, как есть, от Бога!
Дзержинец, верный помкомвзвод,
Звала его всегда дорога
Туда, где мучился народ.

Был под Москвой и под Смоленском,
Под Сталинградом ранен был,
Контужен под поселком Н-ским
(Как называется, забыл).

Он большевистской был закалки,
И самый младший офицер!
Им доставалось, елки-палки,
Тогда в боях сверх всяких мер.

Служил у Плиева, Белова,
У Рокоссовского чуть-чуть,
Уже в конце сорок второго
Горела золотом вся грудь.

Войну закончил где-то в Ровно,
Командирован был в Подольск.
Учиться тактике условно –
Тяжелая досталась роль.

Потом с бандеровцами бился,
Чуть не погиб после войны,
И нашей партией гордился!
В застое нет его вины!

Прошел он Матушку-Россию
Как есть, всю вдоль и поперек,
Пахал, косил, пастушил, сеял,
Позора вынести не смог,

Когда в период перестройки
Узнал, что делалось в верхах...
Средь ночи на больничной койке
Рукой последний сделал взмах.

Осиротил семь душ навеки,
Сойдя под красную звезду,
Какие были ЧЕЛОВЕКИ
В коммунистическом ряду!

...Я не успел – его зарыли,
В гробу, обитом кумачом,
Два памятника в ряд застыли –
Отец и мать – наш щит с мечом...

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Мы жили в избушке в военные годы,
У тихой речушки, где нет пароходов.
Я помню в деревне пожарную башню
Мы в гости к деревьям ходили на пашню...
Катались нередко с заснеженной горки,
И даже отметки имели – четверки!
Нас ветры кружили, качали метели,
Мы жили, как жили, – а ЖИТЬ мы умели!
Сегодня грущу я: немножечко жалко

Девчонку смешную в цветном полушалке.
Я был перед нею, готовым на подвиг,
Признаться, не смею – носил сразу по две –
Из школы со всеми две легкие сумки.
В тяжелое время задумал я думку:
Закончу семь классов когда-нибудь, все же,
Отправлюсь дубасить я фрицев по роже!
А девочка Тося об этом не знала...
И все обошлось девятого мая.

ДРУЗЬЯМ – МАЛЬЧИШКАМ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Мы им немного уступали в силе,
Но мы не поддавались все равно,
За что нас ребяташки не любили,
Из края, под названьем Одино?

Наш край все называли БарабОю,
По сельсовету – линии черта,
За этой вот, незримою чертою,
Они не признавали ни черта!

Бывало, доставалось барабяткам
«На пироги, орехи, сухари»,
И одинцам сопливым – «на маслята»!
И тем, и этим враз – «на пузыри»!

У нас не прекращались здесь раздоры,
Нам было целый день не до игры.
К ним относились: кузница, контора,
Колхозный склад, и конные двory.

У нас был магазин, изба-читальня,
Две школы и большой маслозавод...
На нашей территории опальной
Жил нетрусливый, маленький народ.

Мы ели одинаково – хлеб с квасом,
Коровы не доили же зимой,
В одних и тех же мы учились классах,
А враждовали только в выходной.
Мы на границе выстроили «Крепость»
Из снега, все водой вокруг облив,
Здесь проверялась молодость на верность
И дружба проверялась на разрыв.

И если ты имел неосторожность
Переступить заветную черту,
Заполучи великую возможность,
Хоть прутиком, «поглядят» по хребту!

Конечно же, бывали исключения,
Кто в магазин с деньгами – проходи!
Но только все с дороги отклоненья,
Как на листе, отметят на груди...

Друзья-мальчишки, золотые души,
После войны вы всюду по стране,
Я к вам теперь еще равнодушен,
Я вас люблю! Вы часто снитесь мне!

МЕДСЕСТРА

В палате пятой, на третьей койке,
Опять парнишка сорвал бинты...
Ты у постели его постой-ка,
Его от смерти спасаешь ты!

Во сне я часто сестричку вижу,
Ту медсестричку я знал давно.
Ах, помоги мне, сестричка, выжить,
Побудь со мною, открой окно!

Как будто пьяный или незрячий,
По скользкой крыше впотьмах бреду,
Положь мне руку на лоб горячий...
Я это вижу всегда, в бреду...

Скажи, что буду я вновь здоровым,
Вернусь с войны я в родной свой край.
Согрей мне душу хорошим словом,
Со лба ты руку не отнимай...

ПЕСНЬ ВОЙНЫ

Помню я мальчишкою, бывало,
Притворюсь, что крепко очень сплю,
С головой укрывшись одеялом,
Слушаю, как взрослые поют...

Как бежал бродяга с Сахалина,
Или умирал в степи ямщик...
Пахнет табаком и керосином,
Сердце остановится на миг.

Я уже тогда «марал» бумагу,
Песни те записывал в тетрадь.
Жаль мне ямщика, и жаль бродягу,
И солдату трудно умирать.

Я сейчас все думаю над этим,
Как бы мне такую песнь сложить,
Чтобы по ночам таким же детям
Не спалось. Но легче б было жить...

ШОФЕРАМ ВОЕННОЙ ПОРЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Ночь поздняя. Мороз под сорок,
Не грейдер, а козлиная тропа,
Машину било. Лопнула рессора
В степи у Арлагульского моста.

Стучал мотор надрывисто и хрипло,
Мороз крепчал, заиндевила жесьть.
Заденешь еле – и рука прилипла,
А тут еще военная болезнь...

Радикулит опять схватил за спину,
Не разогнешь ее и не согнешь.
И руки замерзают. Ноги стынют.
А на душе неласковая дрожь.

Открыл кабину. Выпустил водичку.
Закрыв капот и заглушил мотор.

И зашагал, хоть было не в привычку,
Давно пешком не хаживал шофер.

И как дошел, он сам о том не знает,
Он шел, а щеки стыли добела,
Он шел. И оказался в хате с краю
Большого незнакомого села.

Сел у печи. Ломило поясницу.
И задремал, а может быть, уснул.
И вот ему опять войны приснился
Тяжелый, хриплый и надрывный гул.

Зима. Мороз. Военные машины.
И снова сверху «юнкерсов» налет.
А в кузове гранаты или мины,
А под машиной – глубина и лед.

И если враг еще направит танки...
И капал пот холодный, словно град,
Но руки уцепились за баранку,
Снаряды ждет блокадный Ленинград.

Ступить назад и быть не может речи,
Вперед! Вперед! Какая там уж речь!

...Открыл глаза – хозяин тряс за плечи,
Заварен чай, и жаром дышит печь.

Наверное, поныне вспоминает
Любой шофер, идущий в ночь и в снег,
В селе каком-то чью-то хату с краю,
Когда живет в ней добрый человек...

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

ВЕСЕЛОВ
Владимир Николаевич

ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ
(рассказ отца)

Госпиталь, сыро и холодно,
Раны кровят, не заснуть.
Пайку блокадную, молодость,
Ты, Ленинград, не забудь!
Немцев бомбежки бесовские...
Стоны глухие в бреду.
Медсёстры кто с “уткой”, кто с соскою
Стойко встречали беду.
Ладога – жизни дорога –
Берег, горящий вдали.
Всё обошлось, слава Богу:
Нас за Урал повезли.
Госпиталь, годы военные,
Вспомнишь – мороз по спине.
Все же мы были не бедные,
Сильные духом вдвойне.

В СЕЛЬСКОМ КЛУБЕ

Юбилей старики отмечают,
Как поют! Звезд погаснут огни.
Молодежь удивленно вздыхает...
Ну, артисты! Таланты одни.
В сельском клубе встречаются в мае,
Боевых вспоминают друзей.
Задушевно гармошка играет.
И на сердце от песен светлей.
Угощаются гречневой кашей,
По-домашнему пахнут столы,
Вот уж выпиты стопочки нашей,
Русской водочки – здесь не балы...
С каждым годом все меньше их в клубе.
Скоро новый грядет юбилей.
Но сильнее ветеранов мы любим
Тех далеких военных дней.

Родился в 1945 году в Макушинском районе в зерносовхозе «Пионер». Детство и юность прошли в селе Одино Мокроусовского района. Учился в Кургане в ГПТУ-4. В 1964-67 служил в ВДВ. Совершил 29 прыжков с парашютом. После армии окончил Шадринский техникум и работал ветеринарным врачом в родных местах.

Литературным творчеством занимается с 1980 года, член Союза профессиональных литераторов.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВДОВАМ НАШЕГО СЕЛА

У печи мурлычет кошка
Байку-песню в чутком сне.
Рядом бабка у окошка,
Будто в сказке при луне.

Больно ей, но не застонет,
Под платочком мудрый взгляд.
И не зря про бабу Оню
Все в деревне говорят:

«Пятерых детей растила,
Голод был. И шла война.
И какая только сила
Этой женщине дана!»

К ней в узорное окошко
Уж никто не постучит,
Но она все ждет сторожку,
Засиделась и молчит.

К ней приходят за советом,
Ты зайди, спроси у ней.
Что ни день, как в сельсовете
Полна горница людей.

Сон видала – предсказанье,
Будто с Ваней пили чай

Средь ограды, на поляне,
Как тогда сказал: – Прощай.

Ты прощай, моя лебедушка, –
Ногу в стремя и в седло. –
Жди с победою, Анисьюшка! –
Быстро скрылся за село.

Потеряла, став солдаткой,
Мужа-сокола она.
Лишь смахнет слезу украдкой.
Будь ты проклята, война!

К вечеру зайдут соседки,
В выходной придет родня.
Здесь для внуков есть конфетки.
Не живет одна ни дня.

Забегут на чай солдатки
Вспомнить молодость, мужей.
Время мчится без оглядки –
Вот и за полночь уже.

У печи присядет кошка
Слушать песню в сладком сне,
А Анисья у окошка
Ждет Ванюшу при луне.

ЖИВАЯ ВОДА

И люди в бронзе не окаменели,
И их дела травой не заросли.
И там, у Эльбы, в огневом апреле
Такие же подснежники цвели.
Горячий снег, обламывая почки,
Скользил с берёз и падал, а потом
Он просто покатился колобочком
К Алenuшке-сестре в родимый дом.
А брат ее, остановив мгновенье,
Еще сжимал дымящийся клинок...
Еще не плакали о нем в деревне,

Не ставили цветы у бронзы ног.
Ему б сейчас живой воды напиться,
Волшебной влагой сердце окропить,
Как в русской сказке, заново родиться,
Аленушку-сестрицу удивить.
Не сможет он, не сможет сделать это!
Состарилась сестра.
Все так же ей
Лишь снится братец.
Вскрикнет: "Ваня, где ты?
Водицы на! Воды живой попей!"

ПЕСНЯ ОБ ОТЦЕ

Слова и музыка В. Веселова

1. Все - му ко-нец бы-ва-ет, как ни стран-но, как э-та о-сень, не-бо без пре-крас, у - хо-дят по-ти-хонь-ку ве-те-ра-ны и без-возв-рат-но по-ки-да-ют нас. Ос-та-лось на зем-ле не так уж мно-го бой-цов се-дых, про-ве-рен-ных вой-ной, и мой о-тец не встре-тит у по-ро-га, не ска-жет мне: 'Пой-дем, сы-нок, до-мой.

ПЕСНЯ ОБ ОТЦЕ

I
 Всему конец бывает, как ни странно:
 Как эта осень, небо без прикрас...
 Уходят потихоньку ветераны
 И безвозвратно покидают нас.
 Осталось на земле не так уж много
 Бойцов седых, проверенных войной,
 И мой отец не встретит у порога,
 Не скажет мне: «Пойдём, сынок, домой».

II
 Он был, как все, как многие другие,
 Он ранен был, работал и не ныл,
 Он песни пел о Матушке-России,
 Когда о чём-то о своём грустил.
 Осенний ветер, не шурши листвою,
 От сердца прогони ты стаю туч,
 Ведь я, отец, живу ещё тобою,
 И светит мне в пути твой яркий луч.

РУССКАЯ ДУША

(посвящается участнику войны Шаляпину И. И.)

В росе цветочные поляны,
И всходит солнце не спеша.
Здесь жил в Локтях Иван Иваныч –
Простая русская душа.

Он крепок был, каких немало:
Дрова рубил, траву косил...
Когда Германия напала,
На фронт с другими уходил.

И был убит. Друзья погибли,
А было их – как лес густой.
Но в похоронке все ж ошиблись:
Солдат живым пришел домой.

Он так и жил: за всех в ответе.
Войны закончилась страда.
Он стал учителем, поэтом –
Таким остался навсегда.

Стихи его нашли известность:
В них о войне был разговор.
А доброту его и щедрость
Локтяне помнят до сих пор.

Когда боролись с недородом,
Голодным был и стар, и мал,
Детишек потчевал он медом
И хлеб последний отдавал.

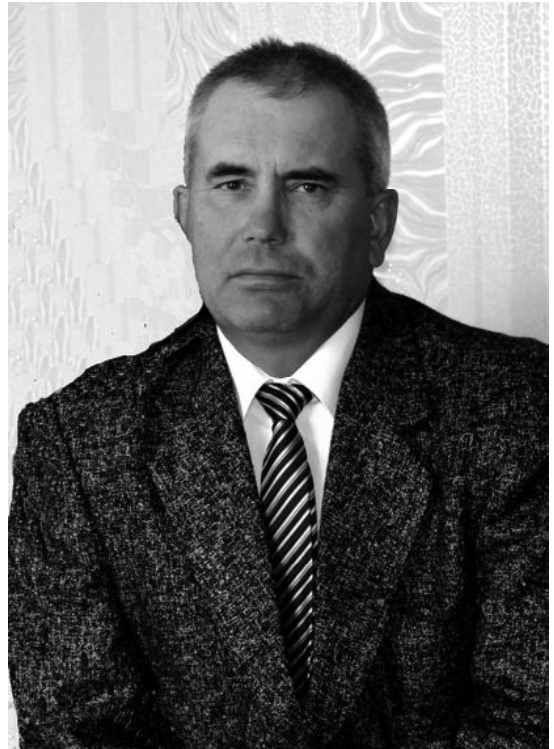
И все, что на сердце запало,
И ратный, и крестьянский труд,
В его стихах, каких немало,
И годы память не сотрут.

В росе цветочные поляны,
И всходит солнце не спеша.
Здесь жил поэт Иван Иваныч –
Простая русская душа.

ВЕТОШКИН
Андрей Викторович

* * *

Моя страна живет спокойной жизнью,
Уж много лет не слышит канонад,
Но каждый год под майской мирной синью
Салютов залпы дружные гремят.

И ветеран усталый, седовласый,
Видавший виды доблестный солдат,
Вновь орденами грудь свою украсит
И встанет в строй, чтоб выйти на парад.

И вспомнятся ему года лихие,
Как юнцом он примерял шинель,
Его товарищи, живые молодые,
Тот первый бой невиданный досель.

Изрытое поле, окопы, воронки,
Июльское солнце, палящий зенит,
И «юнkersы» стаяй, крылатые волки,
Кроваво пируют, ругаясь навзрыд.

Их вой устрашающий сердце сжимает,
И падает с неба разящий таран...
Жестокую песню войны эту знает,
Ее испытал на себе ветеран.

Солдатом безусым, не видевшим жизни,
Зеленым мальчишкой он встал в этот строй,
Служил да и служит России, Отчизне
Второй мировой седовласый герой.

Родился 23 февраля 1963 года в Якутии. С 1973 года проживает в Далматовском районе, деревня Загайнова. В 1980 году закончил Крутихинскую среднюю школу. Служил в армии. Окончил совхоз-техникум по специальности "агроном-полевод". Сейчас — глава крестьянского фермерского хозяйства.

ПАМЯТНИК

Солдатский памятник погибшим:
Боец с подвязанной рукой,
Он с головой стоит поникшей,
Слуга народа и... герой.

В его лице – след скорбный, мука
О павших братьях на полях,
В его лице – врагам наука,
Познавшим мощь Руси в боях.

Он Родину любил, как мать ребенка,
И защитил от яростных врагов,
Четыре долгих года по проселкам
Нес добрый мир к руинам городов.

Год сорок первый в пламени пожарищ,
Враг топчет землю дедов и отцов,

И снова клич: «Вставай товарищ!
В единый строй! Проучим подлецов!»

И поднимались плотными рядами,
Плечом к плечу бетонною стеной,
Как в старину: “Браты! Москва за нами”, –
Вновь мчится над истерзанной землей.

Жизнь дорога, но честь еще дороже,
Дороже счастья вера и покой,
Бойцы в строю, кто старше, кто моложе,
Идут, чтоб дать врагам достойный бой.

Закон войны веками не изменен,
Солдатам многим до победы не дожить,
Но память благодарных поколений
Их будет каждого в отдельности хранить.

СОЛДАТЫ

Сыны России – деревенские мальчишки,
Заснеженных лесов уральских сыновья,
Шинели новые, коротенькие стрижки
Простые парни... Их забыть нельзя.

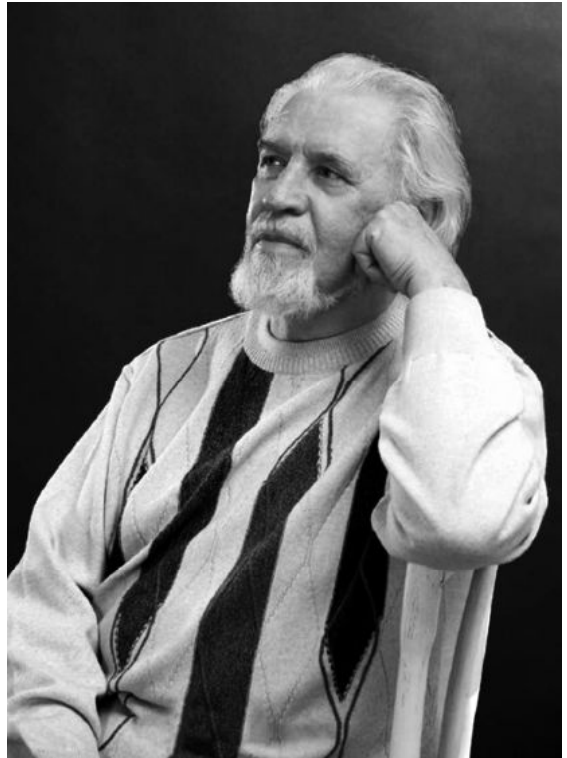
Стоят в строю, глаза по-детски шуря,
Плечом к плечу невиданная рать,
Но если вдруг промчится злая буря
И обожжет огнем Россию-Мать,

То этот строй стеной непреодолимой,
Суровый, строгий, не по-детски злой,
Каким бы ни был враг неуязвимым,
Закроет землю русскую собой.

Мальчишки русские! О, сколько вас, ребята,
В полях далеких где-то полегло,
Но помнит Родина погибшего солдата,
И помнит мальчика уральское село.

ВИНОГРАДОВ
Александр Михайлович

НЕГАСИМАЯ ПАМЯТЬ

1. НА РУБЕЖАХ ПРАВДЫ

Полыхай, салют Победы,
В честь ли, в память ли земли,
Чьи сыны, а ваши деды
Людам мира принесли!
Сокрушительно-неистов,
Всё сметал фашистский шквал,
И всевластие нацистов
Только наш солдат сломал...
Мнится псевдомократам:

Коль Россию не спалить,
Нужно зельем-суррогатом
Одурманить – и спойть.
Детям лет военных надо б –
На бывлые рубежи.
Из ежей стальных и надолб, –
Стать за правду против лжи.
Радикалам, либералам
Захотелось в бой опять...
Не пришлось бы им с Уралом
И Сибирью воевать!

Родился 12 сентября 1936 года в городе Челябинске. Трудовую деятельность начинал слесарем на заводе «Полиграфмаш» в Шадринске. Закончил Шадринский пединститут. С 1968 года работал в этом же институте преподавателем литературы, зав. кафедрой. Ныне на пенсии. Почетный гражданин города Шадринска.

Автор нескольких сборников стихотворений, в том числе – «Добрая весомость», «Россия росная», «Вешница», «Путём добра и света», «Сокровенное», «Лесная азбука», «По солнечным часам» и других. Печатался в журналах «Урал», «Подъем», «Литературной России», «Комсомольской правде» и других. Лауреат премии губернатора области. Награждён Почетной грамотой областной Думы.

В Союз писателей СССР принят в 1980 году.

2. ЯГОДНЫЕ ГОДЫ

Год с годом редко
сходится для ягод,
А между ними
зачастую стык
Из тягот лет
засушливых, что лягут
И в память, как печать
недель пустых...
Зато на долгожданной перекличке
По зову каждой ягодной волны
Автобусы летят и электрички,
Надеждами и радостью полны.
У ягодниц не зря алеют руки –
Их сладкий труд не прячется в тени.
Не только руки – на коленях брюки
От сока показательно темны.
Лукошки спелой ягодой наполним –
И в памяти воскреснет нужный год:
Недаром ценим то, что сердцем помним,
Что жизнь сама забыть нам не даёт.
А из видений в памяти паривших,
Всех ярче – поезда военных лет:
Лукошки ягод у бабуль, парнишек –
Бойцам суют
в кулёчках из газет.

3. ФОЛЬКЛОРНАЯ ПРАКТИКА

Юрию Черепанову

К зиме, наконец-то, готовы,
Зароды как надо сметав,
Как рады солдатские вдовы,
Хотя и до смерти устав!

Голодные, плохо одеты,
Они возвращались под ночь.
С фольклорной целью студенты,
Мы им напросились помочь.

Но в тайной задумке повинных,
Едва нас хватило для вил.
И то каждый тяжкий навильник,
К свершению, чуть не валил.

Друженько тряслись на телегах.
Вдруг песня сама полилась.
Как будто бы нам напоследок –
Вода родниковая власть.

Старинные русские песни –
Для отдыха и для труда:
И сам погружаешься весь в них,
И в сердце они навсегда.

СЫН ФРОНТОВИКА

Между четких длинных теней
Завлекает белизна,
Где следов хитросплетенье,
Как природы письменна.

На поляне кривобоко
Черкнул косач крылом.
Кромку вышила сорока
Косо-накосо крестом.

Проскакали две косули –
Маховой в снегу провал.

Наста чуточку коснулись –
Сразу след, сверкнув, пропал.

Хитрый нарыск лисовина.
Командорский шаг лосей.
Где ж беляк петлял – не видно
По окрестности по всей.

Вспомнишь давние приметки –
И заветным мыслям в лад
Разглядишь: у снежной ветки
Уши заячьи торчат.

Воздух призрачен и сочен –
Точку снайперски наметь,
И на лапах бурых сосен
Белый явится медведь.

Благодарно-благодатна
Боровая тишина...

Автоматной дробью дятла
Обрывается она.

Пусть усердней дятел долбит,
Не дает нам забывать...
В командирской шапке столбик
С вещей датой – 45.

* * *

Затарахтела машина –
Дрогнул задумчивый вяз.
Вечная нерасторжима
В мире взаимная связь.

Сколько потеряно близких!
Тесно в сердцах именам.
С острых высот обелисков
Звезды спускаются к нам.

Глянeshь – пестреют поляны.
Чьи имена расцвели?

Все Васильки да Иваны –
Кровные дети земли.

Станeshь – и в звоне колосьев
Отзвуки песен слышны:
Вдовьих – глухих, проголосных –
Из незажившей войны...

Только качнет колокольчик
Тихой своей головой,
Голос курантов – чуть звонче –
Долго плывет над Москвой.

ВОКЗАЛ. ЯНВАРЬ 43-ГО

Вокруг торопится народ.
Потемки. Холод.
От мамы я бегу вперед:
Какой он, город?

И вдруг – солдат на костылях!
Глаза я поднял –
И понял, что такое страх.
Навек запомнил.

Качалась на его спине
Нога чужая.
В деревне о протезах н-не...
Не знал тогда я.

И от беды небывалой
Я просыпаюсь опять...
Сколько годов миновало,
А не дает забывать.

Не отойти от бывшего
Детям закланной войны:
Хлеба ведь вдоволь, любого!
Снятся ж голодные сны.

Странно другим, ну а мы-то,
Мы понимаем втройне:
Как позабыть, коль досыта
Ели мы только во сне?

* * *

С дороги глянешь пристально
Теряются вдали
Не крыши – треугольники,
Как те, что не дошли.

Ни адреса знакомого,
Ни почты полевой,
Ни штемпеля цензурного,
Ни точки пулевой...

Родимое, далекое,
Военное село
По крыши треугольники
Снегами замело.

Зимой сорок второго
Мы приходили в класс.
Учительницы-вдовы
Сирот учили, нас.

Чернила перемерзли –
Из сажи на воде...

Вчера бои шли возле Ельца.
А нынче где?

В противогазной сумке
Букварь на пятерых...
Что на фронтах за сутки?
Скорей бы перерыв!

И завтрак наш обычный:
Картошек до пятка,
С затычкою тряпичной
Чекушка молока...

Не позабыть деталей
Неизгладимых лет.
Мы для себя сшивали
Тетрадки из газет.

Поверх тяжелых сводок,
Где плыл сражений дым,
Мы выводили твердо,
В нажим: «МЫ ПОБЕДИМ!»

ВИТКОВА
Елена Константиновна

библиотекарь Таловской сельской
библиотеки Юргамышского района

ПОБЕГ ИЗ ПЛЕНА

Проходят годы, все дальше отдаляя нас от тех времен, когда рядом с нами были наши родные, прошедшие страшные годы войны. Новыми поколениями забываются люди, которые вернулись с полей сражений, жили среди нас, поднимали страну после разгрома фашистов. И лишь в памяти и сердцах самых близких людей остаются воспоминания об отцах и дедах.

Для нас – детей нашего отца Малкова Константина Ивановича – не исчезнет из памяти его образ и то, что он сделал для своей страны. Он прошел всю войну, в конце войны был отправлен в Китай, в город Харбин. Через какое-то время после ее окончания вернулся на родину в зауральское село Таловку. Здесь прожил всю свою жизнь, с супругой Лидией вырастили пятерых детей: четырех дочерей и сына. Работал в совхозе – управляющим, садоводом, в последние годы в лесничестве – техником-лесоводом. Трудолюбие и честность были неотъемлемыми качествами его характера. Всегда был скромным, спокойным,

справедливым человеком, уважаемым на селе.

Я плохо помню, как папа рассказывал о том, как он воевал. И возможно забылись бы все подробности его рассказа о его побеге из фашистского плена, если бы я не вернулась в родное село, и, работая в школе, а затем в библиотеке, не обнаружила бы в музее школы записи его рассказа перед учащимися. В то время ветераны были частыми гостями в школах и беседы с ними записывались детьми и учителями.

Этот рассказ я и хочу представить читателям:

«Взяли меня в армию с первых дней войны. После первого же боя попал в плен. Мы собрались и сдружились 7 человек. Попали в лагерь. Весь лагерь был обнесен колючей проволокой. Мы решили бежать. Разведали подходы и в один вечер решили пойти, но перед походом один из товарищей идти отказался. Осталось нас шесть человек. Выходили так – выбрали низину – лог, который не просвечивался прожекторами. Впереди идущий человек приподнимает проволоку,

а остальные проползают. Вышли мы, таким образом, 5 человек. Что случилось с шестым, мы так и не узнали.

Как только вышли из лагеря, решили запутать следы. Все пятеро мы пошли на запад, перешли маленькую речушку, а затем вернулись обратно и двинулись уже на восток. Шли ночью, днем скрывались в лесу, в посевах пшеницы, кукурузы, подсолнечника.

Однажды произошел такой случай. Мы пришли в лес, было уже светло, в лесу текла речка. Мы решили из нее напиться. И вдруг недалеко от речки заметили человека. Он нас тоже увидел и что-

то заговорил. Это был румын. Никто из нас румынского не знал. Тогда он стал нам что-то маячить. Мы скорее догадались, чем поняли, что он пастух, пасет скот, и что он никому ничего не скажет. Но мы ему не поверили и решили углубиться в лес, который большую часть состоял из вырубки. Лишь только спрятались в молодой поросли, как услышали разговор. Разговаривали пастух и полицаи. Пастух, по-видимому, сообщил о том, что мы в этом лесу.

Полицаи прочесывали лес. Они прошли мимо нас, но не обнаружили, так как в это время девочка гнала корову, которая и отвлекла внимание

полицаев. Мы дождались вечера. Ночь была лунной. Мы выбрались из леса и двинулись дальше. Ели пшеницу. Людям боялись, старались избегать с ними встречи. Днем прятались в подсолнухах. Все спали, а один – на часах. Так дошли до маленькой, но глубокой речушки, в которой утонул еще один из нас. Так, продвигаясь ночами, а днем прячась, мы дошли до Днестра.

Было светло, мы решили дожидаться темноты. День был жаркий. Мы с великим трудом дождались конца дня. Около речки ходили часовые. Мы засекали время, за которое они проходили мимо нас. Спрятались в кустах, дождались, когда пройдет патруль. Потом разделись, сложили одежду в вещмешок. У меня была ватная куртка, я ее привязал на голову ремнем и поплыл. Попал в воронку, куртка намочила, я отстегнул ее и с трудом выбрался из воронки. Услышал стон. Когда выбрался, то узнал от ребят, что вместе с рюкзаком, в котором была вся наша одежда, утонул еще один наш товарищ.

Константин Малков
с боевыми товарищами
(стоит, в центре)

Город Харбин, 1 февраля 1946 года

9 мая 1975 года

Ночью мы вышли на берег, который был каменистый. Надо идти дальше, а у нас нет одежды. Мы очень замерзли. Камни на берегу были горячие, мы ложились на них, грелись и двигались дальше. Прошли километра два. Услышали лай собак. Это был населенный пункт, подошли к крайней хате. Неожиданно вошла луна. В хате жила одна женщина. Она открыла окно, но увидев нас без одежды, испугалась. Она послала нас в другую хату, где жил мужчина. Мы пришли к нему. Его мать, увидев нас, повалилась. Слышим разговор. Заходят мужчины, кто с вилами, кто с палками. Мы признались им, что сбежали из лагеря. Мужчины посоветовались, одежду принесли, какую могли и пищу. Мы сразу же накинулись на еду, но нас предупредили, чтобы мы много не

ели. Мне из одежды достались грубые домотканые брюки и рубашка.

Немного отдохнув в селе, мы двинулись дальше, так как дольше оставаться было нельзя, часто бывали немцы. На нас вся одежда была светлой. Мы зашли в кукурузу и стали красить одежду листьями, лишь затем двинулись дальше. Наткнулись на солому, сделали в ней яму, переждали в ней день. И опять дальше. Зашли в хутор, далекий от дорог. Дело было к осени, а мы без обуви. По дороге в ручейках грели ноги. В хуторе нам сплели лапти из конопляных веревок.

Дошли до Касторного, где вновь попали в плен. Гнали нас верховые немцы. Было это уже у самого фронта, немцы от нас немного поотстали. С нами был паренек, который заметив, что немцы

отстали, убежал. Когда конвоиры его заметили, то погнали нас бегом. Пригнали в лагерь. В нем мы пробыли недолго, так как немцы были в окружении. Нас уже к этому времени из 6 человек осталось двое. Тот второй был летчиком из лагеря, мы с ним вновь бежали. Добрались до деревни, спрятались в погребе. А эта деревня уже несколько раз переходила из рук в руки. В этой деревне мы и встретились с нашими.

Были отправлены в особый отдел, где прошли проверку. Затем снова фронт. С летчиком мы переписывались. Но однажды мне написала его жена и сообщила, что мой друг погиб. Так я остался один».

Вот такие воспоминания моего отца остались в музее и в библиотеке нашего села. Перечитывая

их, я не могу сдержать слез, все представляю, как там все это происходило, сколько пришлось ему пережить, а ведь было ему в ту пору всего 24 года.

Папа умер в 1982 году, мне было 17 лет, и особого интереса к фронтовой жизни отца я тогда не испытывала. И лишь спустя годы я осознала всю значимость тех событий в жизни родного мне человека. Как говорят мои старшие сестры, в последнее время он неохотно рассказывал о войне, да, наверное, и раньше ему было нелегко вспоминать о прошедшем лихолетье. Но этот рассказ о побеге, мы, конечно, помним, рассказываем о нем нашим детям, внукам. Может быть, и они когда-нибудь поймут, какое время пережили их предки.

ВОИНКОВА
Анна Юрьевна

БРАТЬЯ ВОИНКОВЫ – ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

I

Судьба... Слово это глухим тяжелым звуком ложится на слух. И «послевкусие» такое, знаете, как эхо в душе отзывается – «а-а-а!». Страшная она, судьба эта. Даже счастливой которая кажется, все равно страшная.

Было у отца три сына – Федор, Максим да младшенький Ванюша. Росли ребята справными, удалыми красавцами – вся деревня любовалась. Строгого отца Гамаила уважали и слушались, матушку Матрену любили и оберегали. Жили-радовались, старшие ребята благополучно отслужили, воротились домой, женами обзавелись да деток народили. А вот младший, 19-летний Иван, пошел в армию в беспокойное время – сороковой год,

Мировая война. Шептались бабы по деревне: «О-ой, как бы чего не вышло!»...

А вот и вышло. Ровно через год, в день рождения Ивана, началась Великая Отечественная. Воевал паренек, как мог, как умел – но ранение в ногу помешало идти дальше по полям сражений. Долго лечил он в госпитале тяжелое ранение, а потом попал в плен.

Пришло время и среднему сыну собираться «в рекруты, во солдаты» – Максим, отслуживший свой срок в 34-37 годах, оставил дома жену Феклу да детишек четверо носов, мал мала меньше – Мишу, Леню, Нину, Нэлю. Войну начал в стрелковом полку, до конца сорок второго командовал отделением, потом помощником командира гвардейской воздушно-десантной бригады был. Вое-

---

Выпускница Сумкинской средней школы Половинского района. Проживает в Кургане. Студентка 5 курса Курганского государственного университета, филологический факультет, специальность «журналистика». С детства интересуется темой Великой Отечественной войны и участием в ней земляков.

вал хорошо, вот только в плечо ранило, в правое. Но выжил, продержался! Потом был госпиталь – и снова в бой пошел. А через полгода после первой раны, в феврале сорок четвертого, вражеская пуля сильно раздробила кость руки – на три месяца слег. А в это время...

Старший брат Федор, гвардии сержант, призванный в конце сорок второго, покинувший жену Анну и деток – Витю и Валу, сражался в стрелковом полку. На это судьба уготовила ему недолгий срок. Весной сорок четвертого в родительский дом пришли две похоронки – с разницей в несколько недель: сначала на Федора, потом на Максима. Как это пережили родители, как это пережили дети?! Жена Федора пережить не смогла... Внука Витю забрала к себе бабушка Матрена, а маленькую Валу приютила тетя – Ульяна Гамаиловна.

Семья сплотилась, уже не помня себя от горя: две похоронки на старших, давно уж нет вестей от малого сына... И в это время самым счастливым событием стали неожиданные письма – от Максима! Его, пребывавшего в то время в госпитале, по чьей-то страшной ошибке записали в погибшие и тут же «известили» родных! После излечения Максим Гамаилович продолжал свой славный боевой путь, вплоть до октября сорок пятого года.

Медаль «За отвагу», которая имеет особое значение в этой войне, сияла на груди моего прадеда, когда он пришел домой – первый и, очень долгое время, единственный из братьев Воинковых, вернувшихся из мрака, из «небытия».

Потом из того самого «небытия» воротился в отчий дом и младшенький, Ванюшка – бывший в плену до марта победного 45-го.

Жизнь потекла своим чередом – семьи Воинковых горевали бывало, плакали – по сыну-брату-отцу Федору, а то и просто – от всего пережитого. Хотя жизнь-то, вроде, даже хорошей можно было назвать! – Максим и Фекла родили еще двух девочек – Зою и Раю, Иван женился на молодой красавице Татьяне, появилось трое ребятишек – Володя, Саша и Оля.

Бабушка Матрена радовалась внукам, а вскоре и правнучку ей внук Виктор «подарил». Только вот в 1964 году рождественским утром, бабушка спела правнучке «Рождество», покачала ее в зыбке, прилегла на печку отдохнуть, заснула и больше не проснулась...

Минуло уж много лет с тех пор. Это масштабах истории семьдесят лет цифра хоть и большая, но не такая осязаемая, а для одного человека, для одной *судьбы* – это целая жизнь, полная самых разных событий.

Судьба Виктора Федоровича Воинкова, например, сложилась хорошо – удалось создать счастливую семью, с женой душа в душу много десятилетий... Только вот была в его душе огромная рана – потеря отца, о котором, кроме пары строчек в книге Памяти и не известно ничего. Зато всю жизнь в памяти держалась картинка проводов отца на фронт – плач мамы Анны Евдокимовны и сестра-малютка Валя в зыбке. А потом – просто пустота. Будто бы и не было человека, будто бы черточка, разделяющая день рождения с днем смерти и три фотографии, это все, что от него осталось...

II

Уже в привычку у народа вошло сетовать на то, что в наш век информационный мы забываем о душе. Возможно. Да вот только бывает такая *информация*, которая эту самую душу лечит.

Так и у нас получилось. Не слишком близкая, но родственница Виктора Федоровича, моя мама Светлана – увлеченно и по крупицам собирает, выискивает ценные факты о судьбах односельчан, в том числе о тех, кого не пощадила Великая война. Раздобыла на сайтах Министерства обороны схему захоронения воинов полка, в котором сражался Федор Гамаилович, а также сведения о наградах сержанта Воинкова.

Виктор Федорович читает скопированный с сайта приказ от о награждении отца медалью «За отвагу» и слезы застилают глаза: «Младший сержант минбатарей Воинков Федор Гамаилович в

Максим Воинков

бою 21 ноября 1942 года в наступлении на высоту 128,2 вынес тела убитых у миномета командира расчета и наводчика, установил миномет на новом месте, заменил их собой и открыл огонь по фашистам с неослабевающей силой, чем помог наступлению пехоты».

Еще более волнительная запись в Наградном листе от 16 июля 1943г. (есть и приказ от 17.07.43 г.): «В бою с немецкими оккупантами у высоты 209,6 севернее на один километр Карепская дача Белгородского района Курской области 12 и 13 июля 1943 года командир расчета 120 м/м минометов сержант Воинков показал исключительное умение вести огонь по врагу, самоотверженность и мужество в бою. Он со своим расчетом из миномета уничтожил в том бою один взвод с его гарнизоном, 4 наблюдателя, подавил совместно с первым расчетом сержантом Бутиным (тоже представлен к ордену – прим. автора) одну батарею шестиствольных минометов

Иван Воинков

противника и со своим расчетом уничтожил до 40 немецких солдат и офицеров. За проявленные в бою самоотверженность, боевую способность и умение командовать расчетом ходатайствую о награждении т. Воинкова, ранее награжденного медалью «За отвагу» – орденом Красная Звезда».

Битва под Курском происходила в период с 5 июля по 23 августа 1943 года. По характеру боевых действий она делится на два этапа — оборонительный и наступательный. Первый этап длился с 5 по 12 июля. Свою лепту в то, что на-

ступление противника в эти дни захлебнулось, внес и Федор Гамаилович.

Еще долго будут вчитываться в каждую строчку скопированных документов об отце сын и невестка! (Нина Максимовна предупредила сразу – «Будем плакать!»)

Только слезы эти уже не те, что были прежде. Теперь это не просто скорбь по отцу из

Федор Воинков

памяти трехлетнего ребенка, не «черточка», но знание и понимание ПОДВИГА человека! Такие известия не оставляют равнодушными чужих людей, а уж родные (как и

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

двоюродные), несомненно, будут еще более горды за отца, деда, прадеда и прапрадеда.

Говорят, люди живущие влияют на последующие поколения, словно бы жизни потомков ткуются из тонких материй прошлого.

Неведомо нам, как сложится причудливый узор нашего будущего – знаем только, что надобно ценить *то* и *тех*, из чего оно будет создано.

ВОИНКОВА
Светлана Викторовна

“А ДО ПОБЕДЫ ВЫ, РЕБЯТА, НЕ ДОЖИЛИ...”

Чем дальше уходят от нас полные трагизма и потерь, лишений и побед годы Великой Отечественной войны 1941-1945, тем сильнее становится интерес к её истории.

Более двухсот земляков-байдарцев не вернулось с полей сражений в годы лихолетья. Их имена читаем на обелиске в центре села, в 12 и 17 томах областной Книги Памяти, на сайте ОБД «Мемориал». И несколько до боли знакомых фамилий посчастливилось прочесть на фотографиях плит на братских могилах в тех областях, где проходили бои. Снимки прислали люди, которым не безразличны судьбы защитников Родины и их потомков.

СЕРГЕЙ АРТАМОНОВИЧ КУЗЬМИН

Более семьдесят лет Полина Артамоновна Федорова не знала, где покоится её восемнадцатилетний брат Сергей Артамонович Кузьмин, погибший в 1941 году под Москвой.

В семье Артамона Алексеевича и Матрены Даниловны Кузьминых родилось 10 детей, выросло четверо – сынок и три дочки. У отца было большое желание дать детям образование. В 1940

В 1979 году закончила Сумкинскую среднюю школу, в 1983 году Курганский сельскохозяйственный институт, получив специальность — экономист по бухгалтерскому учету в сельском хозяйстве. Сельский корреспондент газеты “Вестник района”. Проживает в селе Байдары Половинского района.

Составляя родословные своей семьи, из документов архивов выписывает данные односельчан. Нашла сведения о захоронении нескольких односельчан, пропавших без вести, чему несказанно рада. Двумя такими историями она делится с нами.

году Сергей (1923 г. р.) закончил 9 классов и проучился только сентябрь в Половинской школе (из-за материальных трудностей оставил учебу и стал работать избачом в своем селе), а Полина (1926 г. р.) окончила семилетку Сумкинской

(тогда её называли «Сумской») школы. Позднее Артамон Алексеевич сожалел, что выучил сына: в первый год войны люди 1923 года рождения, как правило, призыву не подлежали. А Сергея призвали 23 июля 1941 г.

«Приходили с фронта письма с номером полевой почты 1604 (на последнем дата – 18 декабря 1941 года), даже присылал в посылочке свою солдатскую фуражку с инициалами КСА на внутренней стороне. Знать бы, что не вернется, сохранила бы на долгую память головной убор братика. Но в плохое не хотелось верить, да и времена были «голодные и холодные», – словом, отдал отец фуражку соседу, «за неимением у того, что на голову надеть», – вспоминала Полина Артамоновна.

Февральским днем 1942 года в Байдарах был организован очередной сбор подарков для отправки на фронт. Полина со своей подружкой Катей Ивановой сшили по кисету и с большой радостью отнесли свое рукоделие в сельсовет. С девочкой и передали просьбу прийти сюда Артамону Алексеевичу. Ничего не подозревавшая дочка выполнила поручение секретаря. Здесь пятидесятилетнего героя былых сражений ожидал удар: похоронка на Серёжу. В отчаянии отец порвал казенную бумагу в мелкие клочки со словами: «Она мне сына не заменит!». Жену пожалел,

сказав, что пришло известие о ранении Сергея. Но материнское сердце не обмануть. Проплавав полтора года об единственном сыночке, Матрена Даниловна умерла, осиротив трех дочек, двое из которых были малолетними (Валя с 1933 года, Тамара – с 1937 г.).

Весть о ранении бойца Кузьмина не была вымыслом, сослуживец сына сообщал письмом, что Сергей после ранения находился на излечении в госпитале, где и умер.

Спустя годы Артамон Алексеевич обращался в Половинский райвоенкомат с просьбой выяснить судьбу сына. Временно исполняющий обязанности райвоенкома капитан Николай Иванович Касьянов отправлял запрос в Министерство Обороны Союза ССР, оттуда указание проверить переслали в г. Ленинград в Военно-медицинский музей Министерства Обороны СССР. «По имеющимся в Музее учетным данным раненых, больных и умерших в госпиталях Кузьмин С. А. не значится», – такой ответ вернулся в райцентр 27 мая 1957 года.

Заключение Половинского райвоенкома в документах было следующим: СЧИТАЮ ВОЗМОЖНЫМ УЧЕСТЬ КУЗЬМИНА СЕРГЕЯ АРТАМОНОВИЧА УМЕРШИМ ОТ РАН В ДЕКАБРЕ 1941 ГОДА. И резолюция на документе: УЧЕСТЬ ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ В ДЕКАБРЕ 1941, датированная 7 июня 1957 года. Вот и все, что знали много лет его родственники.

Неизвестность не давала покоя Полине Артамоновне. По её просьбе в 2010 году племянник отправил запрос в Центральный Архив Минобороны России, откуда был получен долгожданный ответ: «Мл. сержант 46 отдельного стрелкового батальона Кузьмин Сергей Артамонович умер от ран 30 декабря 1941 года в медсанроте 44 стрелковой бригады, похоронен: д. Кушелево Лотошинского района Московской области». Все три года Полина Артамоновна просила сестру, ту, что помоложе, поехать и поискать могилку брата. Тамара Артамоновна ответила, что через столько лет, «поди, и деревни такой нет на белом свете».

Деревню на карте найти не проблема, важно было знать: есть ли там захоронения времен войны, не безымянны ли могилы. Набрав в «Одноклассниках» в поисковике слова «Лотошинский район», компьютер выдал несколько фамилий людей, живущих там. Всем были написаны письма с просьбой ответить на наши вопросы. Первым отозвался учитель из села Микулино Лотошинского района Сергей Идрисов, он связался с главным поисковиком их района Валерием Анатольевичем Ананьевым, который около двадцати лет возглавляет поисковый отряд «Отечество». Тот посоветовал нам обратиться в поселение Ошейкино, где, по его данным, и похоронен наш земляк. Нашелся сайт Ошейкинской школы с электронным адресом директора Марины Арестовны Марновой. Она не только ответила, но и прислала фотографии (а мы их напечатали и послали его родственникам в Калужскую область) заботливо ухоженной братской могилы с новенькими гранитными плитами. На правой плите вторая сверху – фамилия нашего восемнадцатилетнего земляка Сергея Артамоновича Кузьмина, защитника Москвы.

В электронном варианте 9 тома Книги Памяти Подмосковья на странице 216 нашлось место и для нашего солдата. Совпали абсолютно все данные (поначалу были сомнения в отчестве, оказалось – опечатка).

Сколько волнений Полине Артамоновне доставила эта «информация с иллюстрациями», столько слов благодарности сказала восьмидесятисемилетняя сестра солдата всем добросердечным людям, кто помог узнать, где и как покоится её любимый брат. Сокрушалась, что здоровье и возраст не позволяют съездить, чтобы поклониться могиле. Живые цветы морозным февралем появились у плиты с именем байдарца: школьники Ошейкинской школы их возложили. И просили прислать почтовый адрес сестры Сергея, чтобы прислать и эти фотографии. Но чуточку не успели... Остановилось сердечко любящей и верной памяти о брате сестры.

Теперь, бывая в церкви и подавая записки об

упокоении своих родных, я обязательно пишу еще два имени: рабы божьей Полины и воина Сергея. А впрочем, не только их. Еще имена тех, чью душу «беспокою», найдя очередной документ на сайтах ОБД «Мемориал» или «Подвиг народа».

ЛУКА ДМИТРИЕВИЧ УМНОВ

Дочурку долгожданную и любимую – девятимесячную Зину Лука Дмитриевич Умнов в июне 1941 года, уходя на фронт, нес до околицы на шее. В один миг повзрослевший одиннадцатилетний сын Михалка шел рядом. Прощаясь, отец наказывал сыну быть помощником матери, а жену Нюру просил беречь детей.

Это Зинаида Лукинична знает по рассказам мамы и брата. А вот то, что в других семьях сверстников через годы отцы возвратились, а у них нет – помнит. Помнит и то, что маму «сватал» вернувшийся после ранения односельчанин. Не понимала, почему же мама выпроводила того солдата, плакала и просила позвать назад «нашего папку». Мать сказала, что «не нужен им никто, кроме их Лукаши, не погиб он, не было на него похоронки!». Так и считался все годы «пропавшим без вести».

Военное лихолетье запомнилось навсегда. В Байдарах в те годы открылся детский дом. Пришлось бы и Зине пожить в казенном заведении (там ведь одевали и кормили), если бы не бабушка, мать отца – Фаина Игнатьевна, которая строго-настрога запретила снохе отдавать девочку, сказав, что будет помогать, чем может. И стала ежедневно приносить за пазухой ломоток хлеба для внучки. Она стряпала для колхоза и, думаясь, не было великим грехом хоть чем-то поддержать дочку одного из трех сыновей-защитников Родины.

Дядя девочки, Яков Дмитриевич Умнов, у которого была большая семья (тогда пять сыновей, позднее еще родилось четыре сына и дочь) тоже не делал различий между детьми и племянниками. По сей день Зинаида Лукинична в разговоре его называет «папой Яшей», вспоминая с

Зинаида
Лукинична
Умнова

теплотой.

Повзрослев, дочь все же мечтала о встрече со своим стареньким отцом, не знала, как бы она смогла звать его: «папой», «дедом»? Готова была породниться с «другой его семьей». Но ничему этому не суждено было случиться, потому что «Умнов Лука Дмитриевич в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был тяжело ранен и умер от ран 21 марта 1942 года, похоронен в г. Бабаево, Вологодской области». Так написано в извещении. Нашлась похоронка через 72 года! Хранится она в документах Челябинского облвоенкомата. И еще на десятки семей, найти которые не удалось.

Если на некоторых извещениях в строке «уроженец» значится только область – Челябинская, то на многих указан полный адрес. В случае с нашим земляком вместо “Байдарский сельский совет” написано “Володарский”, искажено и название деревни. Да и не столь важно, по какой причине не отправлено, главное, что он является основанием для возбуждения ходатайства о пенсии. А её-то и не выплачивали семье: не было этого самого документа.

Побывать на воинском кладбище г. Бабаево, где похоронено более четырехсот бойцов и проверить, есть ли там фамилия нашего односельчанина, со-

гласилась Оксана Туманова. Но там плиты в горизонтальном положении, и фамилии в ту пору были еще под снегом. Дождались весны, Оксана вновь съездила к братской могиле, сфотографировала плиту с именем байдарца. После 9 мая отозвалась Нина Михайловна Рябкова, фотограф из того города и прислала нам фото с возложенными на плиту цветами. Зинаида Лукинична смотрит на фотографии, радуется (а когда одна дома, призналась она, то целует их и плачет) и никак не может понять: как же они нашлись? А ответ простой: помогает Интернет и добрые люди, без помощи которых не обойтись в таких случаях. Огромное спасибо им за это!!!

Поехать дочке к отцу, «выправив билет» (как у К.Симонова в стихотворении), не позволяет здоровье. Но её внучатый племянник Владимир Ефимов – дальнбойщик – нередко бывает в Ленинградской (соседней с Вологодской) области. Думаю, он не упустит возможности побывать на могиле прадеда. А наши новые знакомые уже просили дать знать, сказали, что и встретят, и покажут могилу!

Низкий поклон им и благодарность от всех моих односельчан!

ВОРОНИН
Геннадий Порфирьевич

РАЗВЕДЧИК

Шел год 43-й – лихая пора...
Пожухли ковыльные травы.
Стояли войска у седого Днепра
И ждали сигнал переправы.

Октябрьский дождик три дня моросил,
Стояла вода под ногами.
К землянке впотьмах капитан протрусил,
Пуская круги сапогами.

Чиркнув зажигалкой, коптилку зажег,
Составил комбат донесенье.

Промокший до нитки, на нары прилег,
В постели нашел он спасенье.

И все ему было теперь нипочем,
И не было сил повернуться.
Но... кто-то толкал его сильно в плечо,
Просил побыстрее проснуться.

Открыл свои веки с трудом капитан
И сразу не понял спросонку:
Над нарами, низко склонившись, сержант
Держал за ручонку мальчонку.

Родился 12 марта 1937 года в селе Звериноголовском. Окончил Звериноголовскую среднюю школу и историко-филологический факультет Курганского государственного педагогического института. Трудовую деятельность начал в 1955 году баянистом родного Дома культуры. С 1956 по 1959 годы служил в Советской Армии. 37 лет работал учителем пения и музыки. В 1997 году после выхода на пенсию переехал в город Курган. В 2001 году организовал вокальный ансамбль русской песни «Рябинушка» и является его бессменным художественным руководителем. Награжден медалями «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда», знаком ВЦСПС «Лауреат Всероссийского фестиваля народного творчества», знаком «За достижения в самодеятельном искусстве», удостоен званий «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», «Почётный гражданин села Круглое», областной премии «Душа Зауралья».

Весь мокрый и грязный мальчишка стоял.
Лет, может, двенадцать от роду...
Комбат на гражданке и раньше видал
Немало такого народу.

Спросил капитан: «Так в чем дело, скажи»,
Сам строго взглянул на сержанта,
«А руку его отпусти, не держи,
Допросим сейчас «диверсанта».

«Солдаты согреться не могут нигде,
От холода часто сменяясь,
А он вот... купался в днепровской воде», –
Ответил сержант, извиняясь.

«Он был, вероятно, на той стороне,
Но что он там делал у фрица?
Приплыл на каком-то корявом бревне...
Ведь вот что на свете творится!»

Докладом таким был комбат удивлен,
Уж это, пожалуй что, слишком,
В такую погоду... Ну, парень, силен!
Он взгляд перевел на мальчишку.

2

А тот попросил: «Я б хотел, капитан,
Остаться вдвоем на беседе».
Ушел, недовольный, на службу сержант.
Послушать пришлось непоседу.

Спросил командир его, ус теребя:
«Что ж, будем во всем признаваться?
Скажи мне, кто ты, кто заставил тебя
Октябрьской ночью купаться?»

Комбата ответ озадачил слегка,
Его мальчуган огорошил:
«Немедленно в штаб позвоните полка.
Скажите, я – Кокорев Леша».

«Так что из того, что Алешей зовут? –
Его лейтенант урезонил. –

Алеши повсюду в России живут,
А в штаб мы без дела не звоним».

Ответ мальчугана был дерзок и нов:
«За мной пусть машину отправят.
Скажите еще: пусть полковник Празднов
Меня с возвращеньем поздравит».

Теперь, убедившись в словах паренька,
Взглянув на мальчишку неловко,
Он вызвал дежурного штаба полка,
Ему доложил обстановку.

Минуту спустя уже в трубке гремел
Раскатистый голос Празднова.
Празднов повторить лейтенанту велел
Свое донесение снова.

«Ты вот что, комбат, позаботься о том,
Чтоб Лешку никто там не видел.
В сухое одень и напой кипятком.
Смотри, чтоб никто не обидел».

А мальчик с надеждой смотрел на него,
В землянке успел он согреться.
Взглянул лейтенант на одежду его,
Велел ему срочно раздеться.

Тот мылся спокойно, без лишних речей.
Комбат ощутил вдруг волнение,
Заметив у Лешки на правом плече
Рубец пулевого раненья.

3

Помыв истощенное тельце свое,
Стоял, будто в чем виноватый,
С чужого плеча одевая белье
И куртку, стеженную ватой.

Сквозь дальние выстрелы, гром батарей
Послышался рокот мотора.
Затем показалось в проеме дверей
Огромное тело майора.

Майор обернулся и тихо сказал:
«Сегодня ты будешь мне нужен».
Потом так же тихо ему приказал:
«Сейчас приготовь иди ужин».

«Скажите, майор, а с разведкой полка
Как Леша был Кокорев связан?»
«Да он мне дороже, пожалуй, сына.
Я жизнью ему ведь обязан».

Мальчонке учиться бы надо сейчас.
Война – это горе и беды,
Но он не жалеет и выслушать нас,
Бороться готов до победы.

А горя хлебнул этот парень сполна.
Без дома, семьи он скитался...
Во всем виновата, конечно, война,
Что он сиротою остался.

Был Леша и в лагере смерти... бежал.
Но... ты... вероятно, заметил:
Был ранен мальчишка, в санбате лежал
И как-то ушел на рассвете.

Попал к партизанам, но был не у дел,
Не жизнь там была, а конфетка.
Сидеть, сложа руки, пацан не хотел,
И вот его взяли в разведку.

В костюме бродяги мальчонка-блондин
Заходит в любые ворота,
Он делает часто в разведке один,
Чего не сумеет и рота.

Никак не могу себе слабость простить,
Найти для себя оправданье.
Но просто не мог я его не пустить
К фашистам опять на «свиданье».

Нас вместе с полковником он упросил
Его на задание отправить.
Смотреть на него больше не было сил.
Мы дали «добро» переправить».

4

Комбат Поликарпову глянул в глаза,
Сломил нависавшую ветку.
Собравшись, решительно, твердо сказал:
«И я хочу с вами в разведку».

«Добро, лейтенант, но оденься теплой,
Ты, вроде, немного простужен.
Сейчас же в землянку иди поскорей
Да помни обещанный ужин».

Комбат колбасу разложил на столе,
Тушенку, консервы, картошку.
Наваристый суп уже булькал в котле,
В дверях он увидел Алешку.

Поели, и, крошки убрав со стола.
Поднялся майор: «Вот что, братцы,
За ужин, конечно, комбату хвала,
Но нам уж пора собираться».

Мужчины сухое надели белье,
Одежду, за пояс гранаты,
Проверили все снаряжение свое
И взяли свои маскхалаты.

Сменив свою робу, накинув суму
С продуктами, ложкой и кружкой,
Алеша казался себе самому
Теперь пацаном-побирушкой.

5

Дозоры врага обойдя за версту,
Мужчины с Алешей расстались,
Он обнял обоих, ушел в темноту,
Они для прикрытья остались.

А утром с рассветом в землянку пришли
С тревогой глубокой на лицах.
Пытались шутить, но, видать, не могли
Без Леши они веселиться.

6

...Я видел Алешу всего только раз,
Когда мы пошли в наступленье.
Но слушал о нем лейтенанта рассказ
С огромным душевным волненьем.

С тех пор меня ветер военный мотал
Немало по белому свету...
Однажды я, сидя в палатке, листал
Свою фронтовую газету:

Со снимка мальчишка знакомый глядел
Уже повзрослевший немножко,

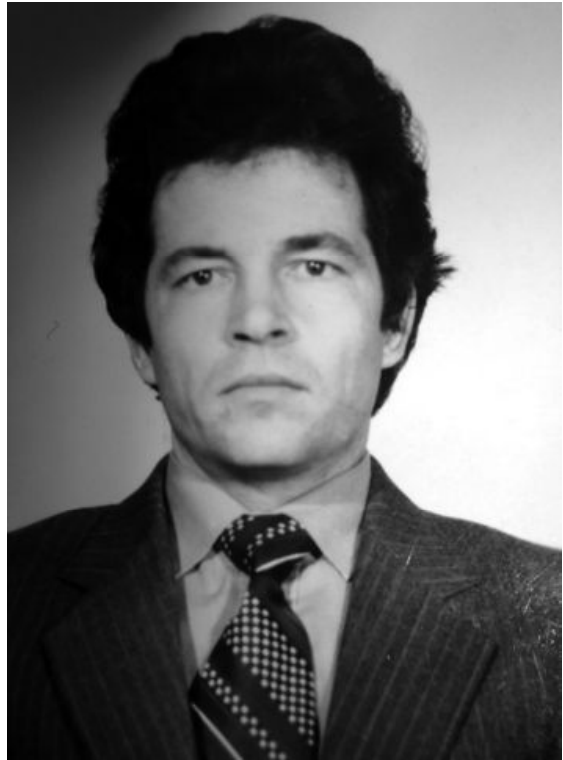
Как рано, однако, пацан поседел,
Тот самый – разведчик Алешка.

И –
очерк о том, как он храбро погиб
За русскую землю святую.
Посмертно
За смелость свою получил
Героя Звезду Золотую.

Не сможет Алеша уже никогда
По жизни шагать рядом с нами,
Но подвиг его для нас будет всегда,
Как факел, как красное знамя.

ГАЛУШКИН
Александр Алексеевич

ОТЕЦ

Мой отец Галушкин Алексей Алексеевич родился 28 марта 1917 года. Призвался на срочную службу в Красную Армию 1 сентября 1939 года Сафакулевским военкоматом. Служить в мирное время довелось на Дальнем Востоке в районе города Биробиджан.

Отец начинал свою трудовую деятельность счетоводом, трактористом, поэтому в армии надеялся стать танкистом. Да и кто из пацанов того времени не мечтал быть танкистом или лётчиком. Прибыли в танковую часть. К сожалению, танкистом молодому защитнику Отечества стать не довелось. В штабе посчитали, что, имея за плечами опыт счётной работы на гражданке, бойцу

самое место быть писарем в штабе дивизии. Распределение новобранцев считал несправедливым, но приказ есть приказ.

Подразделение, в котором довелось служить отцу, называлось 30-ый механизированный корпус, на вооружении которого состояли бензиновые танки разных модификаций и бронемашин.

...Европа полыхала. Одна страна за другой переходили под власть фашистской Германии. Войну СССР с Германией считали неизбежной, что и случилось 22 июня 1941 года. А пока, вопреки всем толкам и предпосылкам, отец с товарищами несли службу, ходили в увольнения, фотографировались на память, готовили дембельские че-

---

Родился в 1948 году в селе Сафакулево. В 1966 году закончил 11 классов Сафакулевской средней школы. С ноября 1967 года по декабрь 1969 года проходил службу в авиационных частях Советской армии, из которых последние полтора года служил в ГДР. В 1977 году закончил финансово-экономический институт в городе Челябинске. Работал экономистом в Сафакулевском отделении Госбанка, заведующим центральной сберегательной кассой, председателем районной плановой комиссии, последние тринадцать лет начальником районного узла связи.

В настоящее время пенсионер. Освоил компьютер, с увлечением пишет воспоминания, рассказы, очерки, сказки для детей и взрослых. Подготовил сборник "Очерки и рассказы", изданный Щучанской типографией.

моданы. Многие товарищи задолго до начала войны были отправлены на западную границу СССР, откуда писали тревожные письма. Такая же обстановка наблюдалась и на Дальнем Востоке.

С началом Великой Отечественной войны в июле-августе 1941 года 30-й механизированный корпус был переформирован в 60-ю танковую дивизию. Она состояла из двух танковых полков, мотострелкового и гаубичного артиллерийского полков, отдельной роты управления, разведывательного батальона, отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, автотранспортного батальона, ремонтно-восстановительной роты. Личного состава 6044 человека.

В действующую армию 60-я танковая дивизия получила приказ отправляться 12 октября 1941 года, и уже 14 октября началась погрузка в эшелоны. Пунктом назначения была Москва, но в пути следования эшелоны были перенаправлены на Тихвин, в состав 4-й отдельной армии Северо-западного фронта.

По штатному расписанию военного времени отец исполнял обязанности начальника пункта сбора донесений при штабе дивизии в звании сержанта. Это небольшое формирование обеспечивало взаимодействие штаба дивизии со своими подразделениями и соседними частями фронта. В подчинении отца находились посыльные, а позднее и сопровождающие их автоматчики. Для доставки пакетов использовали мотоциклы, но часто приходилось донесения доставлять пешком.

В соответствии с приказом Ставки для ликвидации прорвавшегося противника по линии реки Волхов создавалась ударная группа, куда и вошла 60-я танковая дивизия. Для выхода к предполагаемому рубежу нужно было преодолеть около ста километров по бездорожью. По пути следования единственная дорога оказалась забита войсками. Объездных дорог не существовало, так как рядом соседствовали леса и топи. Выйти к намеченному рубежу в срок не удалось.

По истечении времени историки и военные специалисты однозначно заявляют, что 60-я танко-

вая дивизия была бездарно загублена. 8 ноября без боя был сдан Тихвин. Бои за его освобождение продолжались месяц, лишь 9 декабря, превращённый в руины город, был отбит. Повторная сдача Тихвина означала утрату последней железной дороги, по которой шло через Вологду снабжение Ленинграда.

Через месяц отступления большая часть личного состава и техники дивизии выбыли из строя, она оказалась расчленённой на три части. Этот период отец вспоминал с содроганием...

Мне было интересно узнать от отца о бытовых условиях на фронте. Они, естественно, очень специфичны. Если с едой из котелка раз-два в сутки или всухомятку можно смириться, то с отдыхом и вшами дело обстояло гораздо сложнее. Сон, разумеется, всегда на свежем воздухе, подложив под себя шинель, вместо матраца – ветви деревьев или трава. Для укрытия во время обстрелов и бомбёжек использовали блиндажи или землянки. Все четырнадцать месяцев, проведённые отцом на фронте, судьба была благосклонна к нему. За всё время он был лишь контужен, да снайпер-«кукушка» во время доставки донесения прострелил валежок, слегка задев большой палец на правой ноге.

Между прочим, отец вспоминал, что как ни тяжёлы были условия фронтовой жизни, но люди не болели «мирными» болезнями. Случалось, замерзали, а вот болезни не брали. Про себя отец рассказал такой случай. Однажды пропал сон, аппетит, мучили головные боли. Такую «окопную» болезнь лечат просто. Начальник штаба предоставил своей властью трёхдневный отпуск при части. Отоспался вволю, отдохнул и хандры как не бывало. На войне, как на войне. Спрашивал отца, каким образом приходилось бриться? Летом, понятно, проще, а вот зимой? Зимой носили короткую бородку. Да и тепло она кое-какое сохраняет. Трудно для штабных было и с наградами. Отец получил свою единственную медаль «За боевые заслуги», и то после ранения.

Однажды до нового 1943 года оставались считанные дни. Отец с посыльными варили в котел-

ке пельмени из фронтовой посылки. У отца невольно вырвалось: «Придётся ли ещё когда-нибудь пельменей отведать?». Как в воду глядел.

21 декабря 1942 года штаб бригады менял место дислокации. Немецкая «рама» засекала передвижение техники, тотчас начался артобстрел. Снаряд разорвался недалеко от мотоцикла, водитель которого погиб, а отца взрывной волной отбросило и ударило о проходящий рядом танк. Медики обнаружили перелом основания черепа и повреждение левой руки. Лечиться, после оказания первой помощи, отправили в город Слободской Кировской области. Общий положительный настрой, лечение и молодость делали своё дело, хотя до полного выздоровления было ещё очень далеко. Со временем начал ходить на костылях. Наладилась переписка с домом и сослуживцами. Выписаться из госпиталя, так и не долечившись, пришлось из-за очередного похода к местным красавицам. Принципа военные медики придерживались такого: коли можешь ходить по девкам, ты здоров, а здоровым нечего занимать место в госпитале, раненым оно нужнее. Скорее всего, это был удобный повод выписать бойца досрочно. После удаления гипса сделали рентгеновский снимок и ахнули. Кости срослись неправильно. Вместо стыка костей на переломе увидели их сросшимися одна возле другой. Нога стала короче. Врач сказал отцу: «Живут и не с такими дефектами, если потребуется – на гражданке исправят».

С такой нестандартной ногой отец прожил ещё 48 лет. Медкомиссия признала отца непригодным к дальнейшей военной службе, и 16 августа 1943 года, после девятимесячного лечения, выписали из госпиталя, вручив сухой паёк на неделю, ношеную шинель, стоптанные английские ботинки и набившие мозоли костыли.

После возвращения домой отец до конца войны переписывался со своими сослуживцами. Родная 60-я танковая принимала участие в штурме Берлина.

Вся последующая трудовая деятельность отца связана со счётной работой: был налоговым ин-

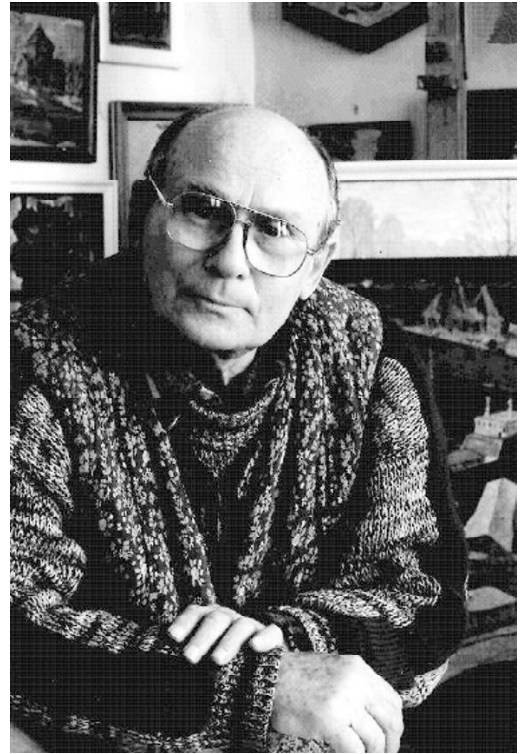

пектором в райфинотделе, бухгалтером соцобеспечения, председателем районного охотхозяйства, товароведом по книге и последние пять лет директором универсама. Вышел на пенсию по состоянию здоровья в 57 лет.

В течение долгих двадцати лет отец страдал головной болью, особенно часто и сильно в первые послевоенные годы. Причиняла боли травмированная нога. Вся его послевоенная жизнь прошла в селе Сафакулево. Отец самостоятельно построил дом. Вырастили с нашей матерью четверых детей, порадовались девяти внукам. Активно занимался садоводством, подсобным хозяйством, охотой, рыбалкой, читал, водил мотоцикл.

Ушёл Алексей Алексеевич Галушкин из жизни 28 ноября 1990 года. Похоронен с воинским салютом на родной земле.

ГОДИН
Николай Александрович

БЫВАЛИ МЫ В ИТАЛИИ

“От имени правительства и народов объединённых наций благодарим Постовалова Анатолия за участие в битвах с врагом на полях сражений в рядах патриотов, среди тех людей, которые носили оружие для триумфа свободы, выполняя наступательные операции, совершая акты саботажа, доставляя военную информацию..

Своей храбростью и решительностью итальянские патриоты значительно содействовали освобождению Италии и великому делу всех свободных людей. В возрождённой Италии обладатели этого свидетельства будут рассматриваться как патриоты, сражавшиеся за честь и свободу.

К. Р. Александер,

Маршал, Верховный главнокомандующий центральных союзных средиземно-морских сил”.

(Оригинал этого свидетельства хранится в Курганском областном краеведческом музее)

Уходя на работу в поле, мать велела мне с утра

огурцы полить, чтобы в полуденный жар листья не прихватило. Я взял тележку, поставил на неё флягу и отправился за водой. По дороге к озеру встретил в переулке Кольку-Ляпу, сына сельсоветской сторожихи. Он мне и говорит:

– Вчерась я слышал от Васьки-Болтуна, что к нам в Башкирку мужик из армии вернулся. Так он с собой трофею привёз, немца, и на цепи его держит.

– Война-то уж год как кончилась, какой тебе ещё немец.

– Тёзка, ты на сенокос-то сегодня идёшь?

– А как же. Вот управлюсь по дому и потопаю.

Родился 28 ноября 1930 года в селе Чулошном Половинского района. Профессионально занимаясь живописью, он всегда проявлял интерес к Слову. Член Союзов художников и журналистов. Один из тех, кто стоял у истоков создания Курганской организации Союза художников. Его произведения многократно экспонировались на различных всероссийских и зарубежных выставках. Является лауреатом областной премии в области культуры и искусства. Награжден Золотой медалью “Духовность. Традиции. Мастерство”.

Работы автора находятся в галерее современного изобразительного искусства в городе Екатеринбурге, в Тюменской картинной галерее, в Курганском областном художественном музее, а также в Москве и частных коллекциях Италии, Франции, США и Германии.

На сенокосе в нашей бригаде потаился новый человек. Красивый, крепко сложенный, с хорошей выправкой парень лет тридцати-тридцати пяти. Все пацаны сразу оживились. Ура! В нашем полку прибыло. А девки постарше, положившие глаз на новичка, притихли, выказывая свою девичью скромность. Я спросил у Кати Бурляевой:

– Что это за парень?

– Это вашего соседа Данила Трофимовича сын из армии вернулся. Бригадир Александр Алексеевич попросил немного подмогнуть колхозу, пока ведро.

Мне, пятнадцатилетнему подростку, в подмогу приписали новичка. Так мы впервые встретились, познакомились и подружились с Анатолием Даниловичем Постоваловым.

День выдался теплый и тихий, работалось споро, весело, дружно. К полудню завершили зарод. Сделали перерыв. Братва окружила бочку с водой. Девчата пошли в тень под стог маленько подремать.

Невдалеке, под кустом ракиты, расположились и мы, подростки, на перекур. Колька-Ляпа стал кресалом огонь добывать и никак не мог. Наверное, трут плохой был. Анатолий, умывшись, подошел к нам, вытащил из кармана трофейную зажигалку в виде немецкого солдатика, которая была на длинной цепочке. Нажал на головку человечка в каске, и из маленького ствола автомата вспыхнул огонь. Ляпа прикурил...

– Анатолий, расскажи, как ты немцев во время войны гонял, – попросил Валька Абросимов.

– Как, говоришь, гонял? Это они меня гоняли по всей Европе почти два года, да знакомили с лагерями. А лагеря у них не пионерские. Не приведи Господь туда попадать. Призвали меня ещё в тридцать седьмом, на действительную. Попал служить на Тихоокеанский флот. Утюжил матросскими клёшами улицы во Владивостоке. Вернулся со службы в родную деревню. Только и успели отыграть свадьбу с Лизаветой, как вторглась в нашу жизнь война. А в конце июля под Невелем принял боевое крещение. Это был на-

стоящий ад. Но меня Бог миловал, живой остался, только в плечо осколком садануло.

Анатолий молча начал закуривать. Мы притихли, а он, выдохнув дымом, продолжал...

– Наш полк немцы прижали к реке. Генерал Ершаков и комбат Шуремов поручили моему взводу мост через реку Свеж подготовить к взрыву и укрыться неподалеку от моста. При переправе прикрыть огоньком наших ребят. А когда полк окажется на другом берегу реки, взорвать мост, чтобы немцы не могли форсировать реку с ходу.

– Ну и взорвали мост-то? – спросил Валька Абросимов.

– Взорвать-то взорвали, да только дорогой ценной. Провод, шедший к взрывчатке, перебило и взрыва в нужный момент не произошло. Послал красноармейца найти порыв, убило. Послал второго, тоже остался лежать навеки на литовской земле. Под шквальным огнём разрыв провода отыскал сам. И когда соединил, раздался взрыв. Мост разметало, и я потерял сознание. Меня подобрала бойца тяжело раненного в ноги и голову. Отступая, они оставили меня у одной литовки на хуторе. Попросили, чтобы она меня спрятала до прихода наших.

Не прошло и недели, как на хуторе появились полицаи. Съездили раз-другой мне по сопатке и увезли в Каунас в концлагерь, который находился на территории бывшего госпиталя. С тех пор начались мои мытарства.

Когда малость оправился от ранения, два местных пацана, такие по возрасту, как вы, помогли мне незаметно выбраться с территории госпиталя, а ночью вывели из города. Несколько суток я плутал по окрестным лесам и болотам, стараясь выйти к своим. Но напрасно. Напоролся на карателей, опять попал в концлагерь, а оттуда увезли в Германию. После неудачной попытки бежать из лагеря Либенштейн поместили меня и ещё бывали мы в Италии нескольких беглецов в железную клетку, как зверей в зоопарке. Охранял нас солдатишка с овчаркой. До того противный, белесый такой, грыжа, мокрогубый, глаза мутные, как два плевка. Начал перед нами кочевряжить-

ся: “Признавайся, кто есть юуда?” – А сам собаку впустил в клетку. – “Она учёный, сейчас узнает, кто есть еврей”. Я отвёл глаза в сторону, чтобы не встретиться взглядом с собакой, и затих. Остальные попятились, стараясь защититься. Вот тут-то собака и набросилась. Покусала людей, превратила одежду в клочья. А плюгавый “сверх-человек” ехидно ухмылялся. Как вспомню его, так кровь закипает.

Я спросил Анатолия:

– Говорят, что ты в Италии воевал?

– Это было позднее. Я попал в концентрационный лагерь Шталаг-1а, под Кенигсбергом. Однажды нас построили и объявили, что отбирают для отправки на сельхозработы. Люди обрадовались. Всё лучше, чем в каменоломнях. Подогнали состав с вагонами, погрузили и отправили. Среди узников прошёл слух, что везут в Польшу. А другие говорят, что в Освенцим. Везут день, везут ночь, а Польшей и не пахнет. Ночью поезд остановился. Забегала охрана. Наверное, случилось что-то. Начался воздушный налёт. Эшелон разбомбило. Мы стали разбегаться, кто куда. Увидав у разбитой машины рассыпанные галеты, я спешно натолкал их за пазуху: пригодятся. Люди в темноте и неразберихе, выбравшись из-под обломков вагонов, рванули в горы, искать путь к спасению.

Я долго бродил по незнакомой гористой местности, пока набрёл на одинокое каменное жилище с усадьбой. Пожилая женщина, вышедшая во двор, увидев меня, вернулась обратно в дом. Через минуту появился старик. Хозяин, узнав, что я русский солдат, бежавший из плена, сообщил, что я нахожусь в Северной Италии, неподалеку от города Вероны. Вот так я и оказался в Италии...

Подошла повариха:

– Ну, хватит вам лясы точить. Идите обедать, пока каша не остыла.

Сорок шестой, послевоенный, был сильно голодным. Уплетали кашу молча. Управившись с едой, Валька Абросимов подошёл к Анатолию:

– Расскажешь нам, что дальше-то было?

– Расскажу, а пока хватит. До вечера ещё сто

поставить надо.

На другой день с утра сено не метали: роса сильная выпала. Бригадир распорядился маленько повременить с сеномёткой, пока валки просохнут. Колька-Ляпа пристал к Анатолию:

– Расскажи, какие они, эти итальянцы-то?

– Разные. Один сицилиец был высокий, а другой итальянец был меня километра на полтора ниже, – пошутил Анатолий. – Люди, как люди. Обходительные, большинство чернявенькие. Люди они добрые. Меня приютили, дали одежду, помогли связаться с партизанами, действовавшими в предместьях города Милана. Небольшой отряд гарибальдийцев – участников итальянского Сопrotивления – действовал в местечке Берчето. Совершал боевые вылазки, которые сильно беспокоили фашистов. На подавление партизан были брошены каратели СС. Отряд прилично потрепали. Но часть людей ушла от преследования. Разбрелись мы по окрестным лесам и ущельям. У речки По я напоролся на немцев и полицаев. Меня схватили гитлеровцы и направили на строительство оборонительных укреплений. Охрана была мало-мальская, и через неделю нам с парнем из Сицилии удалось бежать. На этот раз прибились мы к итальянским партизанам из “бригады Юлия”.

Привели в штаб. Стали расспрашивать. Переводчиком оказался парень из Ташкента, узбек по национальности, Захар Эргашев. Он был командиром первого интернационального взвода и взял меня к себе. Мы с ним подружились и жили, как братья.

Партизанская бригада действовала в окрестностях Пармы. Вела бои близ городов Коррара и Специя. А взвод Захара добывал сведения о расположении немецких войск на трассе Милан-Флоренция.

Однажды ночью зашли в небольшое селение. Было тихо, только из небольшой церквушки доносилась песня и (мать честная!) поют-то нашу “Катюшу”. В церкви находились русские военнопленные. Мы бесшумно сняли часового, а затем уничтожили охрану. Тридцать четыре воен-

нопленных были освобождены.

За эту операцию командование бригады “Юлия” вручило нам награды.

В провинции Пиза, будучи на задании, мы устроили засаду и подстерегли немцев, ехавших на мотоцикле. Важные сведения были доставлены в штаб бригады.

В часы отдыха собирались у партизанского ко-стра. Русские и итальянцы, узбеки и французы, украинцы и австрийцы. Вспоминали родных, дорогие сердцу места. Мечтали, как всё будет после войны.

Весной тысяча девятьсот сорок пятого года народ Северной Италии поднялся на борьбу с фашизмом. К концу апреля были освобождены города Милан, Парма, Генуя. Турин. А на душе было беспокойно – сильная тоска по дому не покидала ни на минуту.

Возвращение к своим произошло через итальянских патриотов, которые переправили меня в передовую советскую часть в Австрии. В документе, который я предъявил нашему командованию, говорилось: “Правительству СССР. Настоящий документ удостоверяет, что русский подданный, солдат Анатолий Постовалов входил в состав патриотического итальянского формиро-

вания со второго января тысяча девятьсот сорок пятого года (2-я бригада “Юлия”). Затем был направлен в русское формирование в районе Берчето. Военный комиссар Северино, командир Коррадо”.

Наша часть из Австрии была переведена в Румынию, в г. Сигет. После фильтрационной проверки я был зачислен в 180-ю спецкомендатуру. В 1946 году, то есть нынче, демобилизовался из армии и прибыл сразу к вам на сенокос, – и Анатолий рассмеялся.

* * *

Теперь я часто вспоминаю своего друга Анатолия Даниловича, первое наше знакомство в те далёкие послевоенные годы.

Неизгладимы в моей памяти встречи в творческой мастерской во время рабочих сеансов над его портретом. Анатолий Данилович жил тогда в Кургане по улице Свердлова вместе с женой-фронтовичкой. Прекрасным было мужественное лицо Анатолия. Меня поражали его природное остроумие и незаурядное дарование рассказчика.

**ГОРБАЧЕВСКИХ
Мария Михайловна**

ПИСЬМО В КОНКУРСНУЮ КОМИССИЮ

Я хочу рассказать о своей родной бабушке Карпук Елене Ивановне, у которой было четыре сына Демьян, Павел, Ульян, Алексей. Всех четверых братьев забрали на фронт в один день.

Братья сели на телегу и поехали в военкомат п. Мишкино, Курганской области. Как потом рассказывал Алексей, едут они, а один из братьев говорит: «Видел я сон, что погибнем на войне все, кроме одного» Так вот, тот, кто вернётся живым, пусть будет отцом всем нашим детям.

А их у братьев было немало: у Павла пятеро, у Демьяна четверо, у Ульяна четверо, у Алексея четверо.

Через некоторое время пришла похоронка на Павла, потом на Демьяна, а затем на Ульяна. Живым остался только Алексей.

Дядя Алексей действительно был для нас всех отцом. Вот какой эпизод из своей военной жизни рассказал он перед тем, как ехать на призывной пункт: к нему зашел сосед, который дал ему молитву и сказал, чтобы он не открывал ее, пока не вернётся домой.

Дядя рассказывал, на войне когда было трудно, так хотелось открыть этот листочек, но всё время что-то останавливало. А когда вернулся домой, решил прочитать, а бумага превратилась в труху, так он и не узнал, что было написано там. Но в душе он был уверен в том, что именно эта молитва спасла ему жизнь. Смертельная пуля пролетела около головы, вырвав кусочек уха.

Бабушка тяжело перенесла гибель своих сыновей, бывало, целый день сидит и причитает: «Мои вы сыночки, где же вы сложили свои головы...», а я, будучи ещё ребёнком, спрашивала у мамы: «Почему бабушка целый день поёт?»

А мама отвечала: «Она не поёт, а плачет».

Долго она оплакивала своих сыночков. Так и умерла.

А ещё на фронте погиб мой брат – Гречнёв Василий Михайлович, погиб в Берлине в День Победы, пуля настигла его из-за угла.

Из живых осталась я одна, кто знает эту историю, поэтому считаю своим долгом рассказать о своих родных.

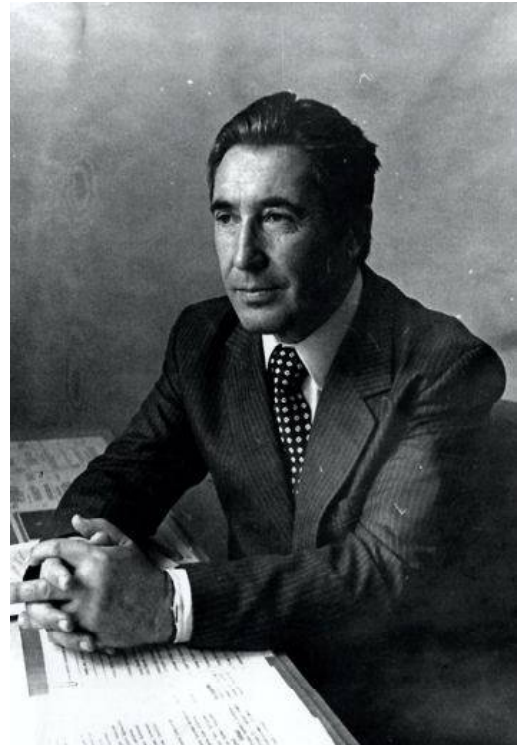
Высылаю Вам фотографии ушедших на фронт мужчин. На фото: деревенские друзья Алексея Васильевича, слева Авада Александр, в центре Карпук Алексей, справа Андриюшкевич Григорий. Это вся память о дяде.

Фотография на обороте...

ГУБАЧЁВ
Георгий Викторович

ПАРЛАМЕНТЕР

Светлой памяти Дмитрия Ивановича Брюханова – офицера-фронтовика, коммуниста

Лейтенант Дмитрий Брюханов поднес к глазам трофейный бинокль и долго осматривал знакомую до мельчайших деталей местность перед позициями своего взвода. В свете солнечного дня отчетливо просматривалась первая линия финских окопов, петлявшая по небольшим высоткам среди редколесья. С нейтральной полосы временами накатывал удушливый трупный запах.

Здесь среди серых карельских валунов лежали многие десятки тел советских и финских солдат, погибших в ожесточенных рукопашных боях зимы и весны 1944 года.

А над павшими, над истерзанной артиллерийским и минометным огнем землей в глубокой си-

неве неба неумоимо и радостно звенел жаворонок.

“Давно пора бы похоронить павших в боях воинов, – думал лейтенант Брюханов. – Но как это сделать? Финны днем и ночью держат округу под прицелом”. Действительно, финские снайперы-“кукушки” выслеживали наших солдат. Рота уже понесла потери от их прицельного огня. К тому же в июне на Карельском перешейке наступила пора белых ночей, так что спасительной темноты не было. “А если попытаться договориться с финнами о временном перемирии? – мелькнула внезапная мысль в голове лейтенанта, – всего на пару часов, чтобы убрать трупы с нейтралки...

Родился в 1928 году в Ульяновской области. Закончил исторический факультет Ульяновского государственного педагогического института. Был направлен на работу в Курганскую область. С 1951 по 1958 — директор Альменевской средней школы. В 1958-1969 — на партийной работе. С 1969 по 2010 год работал преподавателем общественно-политических дисциплин в вузах Кургана. Кандидат исторических наук, доцент. Член правления областной организации общества “Знание” и Курганского городского Совета ветеранов войны и труда.

Командование, думаю, согласится. Парламентером к финнам могу пойти сам...”

О решении позвонил комбату.

На следующий день лейтенант Брюханов с белым флагом парламентера в руках вышел на бруствер своего окопа вместе с солдатом-переводчиком. От волнения у него перехватило дыхание, как будто он нырнул в ледяную воду. Словно издалека донеслись до него голоса солдат его взвода: “Товарищ лейтенант... В случае чего, прикроем вас огоньком...”

Шаги по нейтральной полосе были трудными. Нелегко идти, зная, что в твое сердце, в твою голову нацелены десятки вражеских стволов. Дмитрий Иванович, сжав зубы, пошел вперед твердым шагом, обходя гранитные валуны и тела убитых. Финские окопы настороженно молчали. Расстояние в триста метров между нашими и

финскими позициями показалось лейтенанту и его спутнику бесконечным.

Вот, наконец, и финские окопы. В траншее, в которую прыгнули парламентер и переводчик, их встретил пожилой офицер в пятнистой плащ-накидке. “Лейтенант Брюханов, – козырнул Дмитрий Иванович. – Послан советским командованием парламентером”. Все, кто стоял в окопе, смотрели на них внимательно. В глазах финских солдат Брюханов увидел больше любопытства, нежели вражды: “Так вот они какие – русские”. Перед финнами стоял высокий русоволосый парень с красивым мужественным лицом. Офицерская гимнастерка с лейтенантскими погонами ладно сидела на его статной, подтянутой фигуре. По некоторым, только фронтовикам заметным признакам, финские солдаты поняли, что парламентер – не новичок в военном деле, не штабист, а, несмотря на молодость, боевой обстрелянный офицер.

Финский офицер в маскировочной накидке и два солдата с автоматами “Суоми” на груди повели Брюханова и его переводчика в командирский блиндаж. Переговоры с финским командованием прошли на удивление быстро и успешно. Финны согласились на короткое перемирие, чтобы очистить нейтральную территорию от трупов. Обратный путь показался Дмитрию и его товарищу намного короче и легче. Солдаты его взвода горячо встретили своего командира.

Лейтенант доложил командованию об итогах переговоров. И точно в назначенный час на поле боя вышли похоронные команды воюющих сторон. Вначале советские и финские солдаты, выполняя свои печальные обязанности, держались в стороне друг от друга, обмениваясь настороженными, недоверчивыми взглядами. Но в трудной совместной работе отчуждение между ними быстро исчезло, начались разговоры на ломаном русском и финском языках, общие перекуры с обменом папирос, сигарет и махорки.

В считанные часы тела павших были убраны и захоронены, Солдаты похоронных команд верну-

лись в свои окопы. Над позициями на короткое время воцарилась чуткая, хрупкая тишина. Только по-прежнему высоко над землей жаворонок выводил звонкие трели. Но вот с финской стороны прогремела короткая, гулкая очередь пулемета “МГ-42”. Ему из наших окопов скороговоркой ответил “Дегтярь”. Вслед за пулеметными очередями раздалась редкие винтовочные выстрелы, застучали советские и финские автоматы.

“Кончилось перемирие, – не без сожаления подумал лейтенант Брюханов, стоя в окопе и поднимая к глазам бинокль. – Война продолжается...”

Юный комвзвода не знал и не мог знать, что всего через несколько дней войска Ленинградского и Карельского фронтов перейдут в решительное на-

ступление. Мощными ударами оборона финнов на Карельском перешейке и в Южной Карелии будет взломана и смята.

Поражение финской армии вынудит правительство Финляндии принять решение о выходе из войны. 19 сентября 1944 года в Москве будет подписано соглашение о перемирии между СССР и Финляндией.

Этот день приближали не только наступающие армии Ленинградского и Карельского фронтов, не только прославленные полководцы, командующие фронтами Леонид Александрович Говоров и Кирилл Афанасьевич Мерецков, но и поредевший в боях на суровой карельской земле стрелковый взвод 19-летнего лейтенанта Дмитрия Ивановича Брюханова.

МОЙ ЗЕМЛЯК НИКОЛАЙ РАСТОРГУЕВ

Коля Расторгуев был, как и я, волгарем. Мы с ним оба – уроженцы Ульяновской области. Но я родом из Заволжья, а Коля проживал в одном из районов, что расположен на правом берегу Волги. Встретились мы с ним и познакомились году в 48-м или 49-м в Ульяновске, куда приехали учиться. Оба поступили в Ульяновский госпединститут, жили вместе в общежитии, здание которого до сих пор возвышается на Венце, на крутом волжском берегу.

Коля Расторгуев выделялся среди нашей студенческой братии своим бравым, более того, захватским видом. Носил он кубанку, длинную офицерскую шинель. На его смуглом лице выделялись черные, «чапаевские» усы. Взгляд у него был прямой, смелый...

Я смотрю на старую фотографию тех давних лет, где на фоне городского зимнего сквера позируют «три богатыря»: брат Николая – Юрий, в мичманке и морском реглане, я, одетый в перешитую отцовскую шинель, и капитан запаса Коля. Он, как всегда, великолепен. На нем неразлучная кубанка, ладно сидящая шинель, до блеска начищенные сапоги. В одной руке у него папироса, в другой – книжки и конспекты. Фотограф

(кто-то из студентов) запечатлел нашу троицу, когда мы возвращались с учебных занятий в общежитие. Какими же мы были тогда молодыми и жизнерадостными, как уверенно смотрели вперед, в будущее...

Коля иногда вечером, в часы отдыха вспоминал о минувшей войне. На фронте он полной мерой хлебнул лиха, прошел, как говорил один мой знакомый хохол, «и Рим, и Крым».

В мае 1942-го года выпускник Владикавказского военного училища Николай Расторгуев попал в кровавую мясорубку в Крыму, на Керченском полуострове. Здесь немцы разгромили нашу группировку, которая должна была помочь защитникам Севастополя, и остатки ее сбросили в море. Наши солдаты и моряки мужественно сражались на крымском берегу, но силы были неравны. Началась паника. Люди бросались в море в надежде как-то через Керченский пролив добраться до Тамани. Многие погибли в морских волнах.

А Коля сумел в этом аду, уцепившись за бревно, под огнем с земли и воздуха («мессеры» чуть не по головам ходили) переплыть через пролив, выползти на таманскую землю. Выручили его, помимо всего прочего, и присущая волгарям смёт-

Студенты Ульяновского пединститута
(слева направо):
Юрий Расторгуев, Георгий Губачев,
Николай Расторгуев

ка, и умение длительное время держаться на воде.

Лихой и смелый был мужик Николай Расторгуев. Не зря о нем в нашем студенческом коллективе ходили легенды. Кто-то из земляков рассказывал нам о такой истории. Вскоре после окончания войны Коля внезапно нагрянул в родное село, что находилось в Инзенском районе нашей Ульяновской области. Заявился он не один, а с несколькими своими друзьями-однополчанами. Лишь одни сутки Коля провел в родном доме. Как водится, хорошо гульнули. А утром он с товарищами вышел на тракт, чтобы на попутной машине

добраться до узловой железнодорожной станции – Инза. Грузовые машины шли по тракту довольно часто, но не останавливались. Когда при очередной попытке остановить ЗИС-5, шофер помчал машину дальше, капитан Николай Расторгуев вытащил из кобуры парабеллум и сделал пару выстрелов по колесам. Грузовик остановился, перепуганный донельзя шофер забился в кабине. Идущая вслед за этим грузовиком автомашина остановилась, и Коля со своими ребятами быстро и ловко забрались в кузов... Откровенно говоря, не знаю, что в этой истории правда, а что – вымысел.

Когда мы жили в одной комнате общежития УГПИ (это был, помнится, 1949-1950-й учебный год), то нередко, по вечерам пели песни. У меня в то время был небольшой аккордеончик немецкой фирмы «Хесс», который мой отец в 1945 году привез мне из Чехословакии. Под мой не совсем ладный аккомпанемент Коля Расторгуев, Миша Федяев, Рэм Наумов и другие обитатели нашей комнаты пели русские народ-

ные песни, песни военных лет. Коля с особым чувством пел: «Эх, дороги, пыль да туман. Холода, тревоги, да степной бурьян...» Лицо его становилось строгим, задумчивым. Перед глазами его, видимо, вставали трудные версты пройденных фронтовых дорог, друзья-товарищи военных лет. Нам, Колиным друзьям, было хорошо известно, что Коля Расторгуев – страстный охотник. Вернувшись после каникул в наше общежитие, он обычно увлеченно рассказывал о своих охотничьих подвигах.

Я, прожив несколько лет после окончания института в Курганской области, написал ему как-то о замечательной охоте в наших сибирских краях. Помню, в письме я утверждал, что 2-3 убитых утки для курганского охотника – это не добыча, не трофей. Охот-

ники обычно приносят домой уток 20-30.

Мои красочные описания охоты в Зауралье все-речь взволновали Колю. В 60-е годы Николай Расторгуев неожиданно объявился в Кургане. Он обосновался в Лебяжье в районе нашей области, который славился обилием пернатых и богатой охотой. Со своей семьей он проживал в селе Плоское, был там директором школы. Мы с ним не раз встречались в Кургане, в райцентре Лебяжье на районных учительских конференциях, куда я приезжал в качестве лектора-международника. Наши встречи всегда были теплыми, оживленными, мы говорили о своем житье-бытье, с удовольствием и грустинкой вспоминали свои студенческие годы, проведенные на волжских берегах, наших друзей и земляков.

В своих воспоминаниях мы не раз возвращались и к незабываемым годам минувшей войны. «Знаешь, Георгий, – говорил Коля, – в атаку идти всегда страшно. Но, сжав зубы, все-таки идешь вперед».

Миновала пуля Николая Расторгуева на войне. Но в мирное время, когда Коля был, как говорится, в расцвете сил, его настигла жестокая, злая болезнь – рак. Он перенес сложную операцию на желудке. После нее Коля прожил около пяти лет, постепенно угасая.

Умер Николай в начале 70-х годов в ставшем ему родным зауральском селе Плоское. Рак вы-

сосал из него все силы, все жизненные соки. Он лежал в гробу невероятно исхудавший, его с трудом можно было узнать. И только черные с проседью, лихие «чапаевские» усы свидетельствовали, что это был мой друг и товарищ студенческих лет Коля Расторгуев.

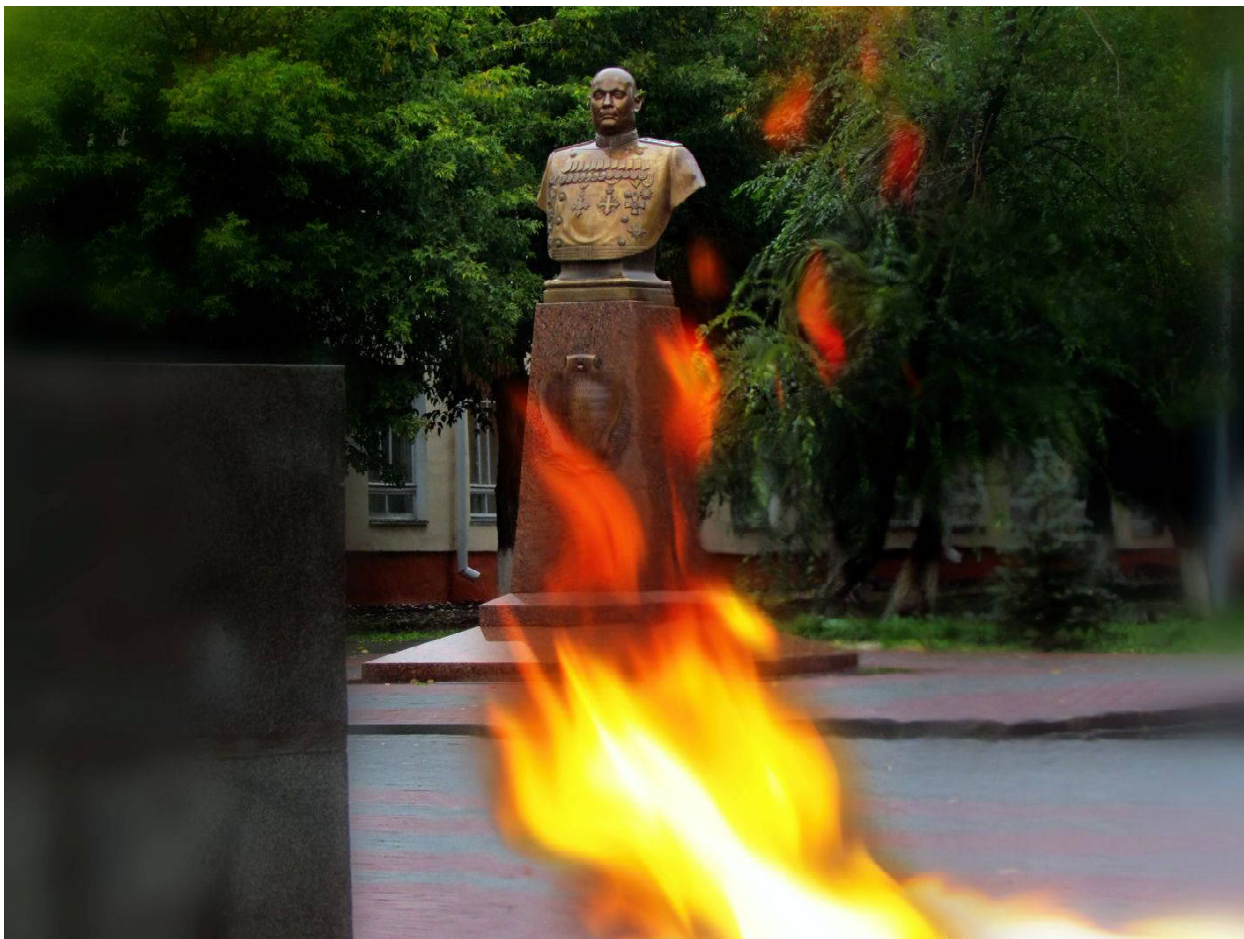
Хоронили его в хмурый осенний день. Несколько здоровых мужиков с обветренными, загорелыми лицами, Колины друзья-охотники несли гроб на руках до самого кладбища. За гробом шли жена, сыновья Коли, мы с Юрой Расторгуевым, который приехал из Ульяновска проводить старшего брата в последний путь, учителя, ученики местной школы, жители села.

На кладбище был траурный митинг. Я выступил как «однополчанин» Коли – так меня отрекомендовали организаторы похорон. Было горько и пасмурно на душе...

С того скорбного дня уже прошли десятилетия. Не стало многих моих друзей-товарищей. Трудные времена переживает наша страна. Холодные, злые ветры гуляют по России. Но память моя надежно хранит облик смелого, мужественного и красивого человека, надежного друга и земляка – Николая Расторгуева.

До конца дней своих я буду помнить его завет: «Георгий! Никого и ничего не бойся! Иди вперед, гляди веселее!»

ПАМЯТНИК ПОЛКОВОДЦУ МИХАИЛУ СТЕПАНОВИЧУ ШУМИЛОВУ. ГОРОД КУРГАН

Фото Виктора Бухрова

ЕСЕТОВ
Виталий Алексеевич

Только в достаточно зрелые годы человек чаще начинает осмысливать пройденный путь, события, факты, людей, когда-то встретившихся на жизненной дороге. И часто наступает озарение – ведь какие же интересные люди его окружали в детстве, юности, сейчас. Иногда эти воспоминания за дымкой времени становятся полуправдой-полулегендой...

ПЕСНЯ ПОД ВЕЧЕР

После Великой войны техники не было, сено или солому скирдовали вручную. Женщины накладывали волокуши, а мы, мальчишки, на лошадях подвозили, а мужики укладывали в стога.

Это было «что-то». Выезжали «табором» на пароконных бричках и телегах. Бригадир Нестор, “адмирал Нельсон”, звали мы его за спиной –

один глаз у него после фронта всегда был почему-то прижмурен, утром оглядывал усевшихся на подводы, спрашивал: «Все? Поехали!»

В поле мужики степенно рассаживались, закуривали: до того, как мы не навозим сена в кучу, у них было время. Женщины, наскоро повязав от солнца на брови платки, разобрав вилы и грабли,

---

Уроженец р. п. Мишкино Курганской области. После окончания средней школы и службы в Советской Армии, четыре года работал в комсомольских органах. В марте 1973 года утвержден зав. отделом редакции районной газеты. И с этого времени, с короткими перерывами, не расстается с журналистикой. Член Союза журналистов с 1980 года. Написал сотни газетных материалов, публикаций в журналах, в соавторстве собрал и напечатал больше двадцати наименований книг. В том числе «Метинки», «Землячество», «Коллеги», многотомник «Помни войну», «Золотое созвездие Зауралья». Работая председателем областного Комитета по печати и СМИ, был издателем альманаха «Тобол», который в то время дважды был победителем Всероссийского конкурса «Патриот». Военно-патриотическая тема постоянно присутствует в публикациях сына фронтовика, журналиста Есетова.

расходились по валкам, и работа начиналась. И пока скирду не завершали, об отдыхе нечего было и думать. “Адмирал” крепко держал командирские вожжи.

Когда зарод был метр-два, мы не успевали подвозить сено, тогда то и дело слышалось зычное: «Опять вчера вечер пробегали, уснули, что ли!» Когда Нельсон забирался на стог – скирдоправ – становилось немного полегче. Заканчивали скирду, как правило, к полудню.

Обедали общим кругом – хлеб, яйца, овощи, солонина, бутылки с молоком, с квасом, вареная картошка, шаньги, пирожки разные – все шло на общий стол. А нам надо было еще лошадей съездить напоить. После полуденного отдыха все начиналось сначала. Так продолжалось с понедельника по пятницу.

В субботу после обеда Нельсон все чаще начинал посматривать на дальний край поля, по которому, как волны, шли бесконечные валки сена.

И когда там появлялся управляющий на белом коне Турмане, скирдоправ прямо «зверел». Только и слышно было: «Девки, никак устали? Да как вас таких квелых мужики-то любят!» Доставалось и нам: «Ну что, сопляки, умаялись, не можете двигаться шибче?»

Женщины хохотали, озорно перекликаясь: «Завалим мужиков, бабы!» И грузили, грузили волокуши, мы рысью везли кошенину, мужики без передышки подавали и подавали тяжелые навильники, а наверху в пыли и сене, черный, как черт, весь мокрый от пота, с рычанием от натуги и смехом от доброй работы разворачивался наш “адмирал”. Работали зло, но весело! Спешили, все знали – появился белый Турман, значит, скоро конец делу.

Заканчивали последнюю на сегодня скирду, и управляющий фермой уже был рядом.

– Ну что, пошабашили? – спрашивал.

– Отвоевались, – Нестор, поводя могучими плечами, отирал пот.

Мужики, наконец, закуривали, женщины устало присаживались, а мы быстро перепрягали лошадей из волокуш в подводы.

Управ доставал одну-две бутылки водки, какую-никакую закуску, вытаскивал из ходка логушку со свежей водой. Женщины мочили платки и вытирали лица и руки, мужчины экономно поливали друг другу. Садились в кружок. Управляющий наливал со знанием дела – бригадиру, мужикам поболе, женщинам чуть-чуть – все равно они только пригубливали.

– Спасибо, – говорил улыбочиво, и все выпивали. Нам тоже доставалось – то конфет привозил, то какие-то булочки, а однажды огромный арбуз – невидаль по тем временам.

– Закончили? Тогда домой, – под строгим оком бригадира рассаживались по “голосам” – знали...

Односельчане заранее выходили далеко за околицу – знали...

– Ну, девчата, – завидя народ, произносил Нестор, и женщины начинали:

***Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идет.
На нем защитна гимнастерка,
Она с ума меня сведет...***

Так караваном, впереди Турман, за ним пароконные брички, потом на телегах мы, мальчишки, и подъезжали к селенью. И подхватывали песню встречающие, улыбались друг другу, здоровались, как будто сто лет не виделись, передавали в брички и на телеги детей малых, шли рядом с повозками, держались за руки. Слов не было, звучала песня, и говорили глаза.

Это были радость и счастье. Это была сама Жизнь.

КАЛАНТЬЕВНА

Мне казалось, что бабушка Калантьиха прожила лет сто и больше не состарится. Я всегда ждал, когда она вечером придет к маме. Она являлась, гладила меня по голове: “Умаялся, касатик? Спи, мы тебе не помешаем”.

Мама ставила чай, и они начинали негромкий разговор о жизни, молодости, войне, детях, работе. Лежа на теплой печке, усталый после дневных пацаньих трудов, я под этот неторопливый говор и засыпал.

Всегда, сколько себя помню, вокруг нее были люди взрослые, вились и мы, пацанята. А еще я любил ходить к ней в гости.

– Разболокайся, лопотину-то повесь на гвоздок, а обутки поставь в угол, – улыбаясь всем своим сморщенным лицом, встречала меня Калантьевна, – давай-ка мы с тобой сейчас пузо пополющем.

На столе появлялись граненые стаканы, мелко колотый сахар, какие-то невзрачные, но необыкновенно вкусные булочки или пирожки. Я пил чай, она подкладывала эти булочки, а из глаз ее иногда катились слезы.

Не знаю, почему она плакала, – быть может, о муже, ушедшем защищать Родину и не вернувшемся с войны; может – потому, что сын ее в со-

рок лет все еще не женился, и у нее нет внуков.

Знаю только одно – бабушка Калантьевна прожила долгую и непростую жизнь: росла, вышла замуж, появился сын, проводила на фронт и не дождалась своего суженого, работала, куда посылали. “Служила я, касатик, людям долго-долго, – говорила, – они должны это помнить”.

Люди это помнили. Не раз видел, как они провожали ее подобрешими глазами, когда она, чуть согнувшись под грузом лет и пережитого, шла по улице. Видел, как взрослые седые мужики останавливались и кланялись ей, а женщины с просветленными лицами трогали ее иссохшие руки и заботливо поправляли сбившийся платок.

И ко всем она тянулась, всем говорила что-то тихое, кивала белой своей головой ласково, и люди, отходя от нее, останавливались и долго смотрели ей вслед.

След этот, след ласки и доброты, не потерялся и сегодня. Приезжая на родину, встречаясь с друзьями детства, я иногда говорю: “Калантьевна...”

И все. Мы долго молчим, потому что ее “касатик”, ее слезы и бережные руки и сейчас в наших умах и сердцах.

Светлый был человек, бабушка Калантьевна.

ПАЛКА ДЕДА САМАРИНА

Дедушка Самарин никогда не ругался. За него это делала палка – его знаменитый жезл.

Когда он ее сделал, помнили, быть может, его сверстники или, во всяком случае, люди солидные по возрасту. Нам же, молодым, казалось, что она прожила, как и он сам, – больше сотни лет. Суковатая, толстая, верх изогнут для удобного хвата рукой – долго же дед искал такую загогулину.

Со временем она почернела, растрескалась. Ее нижний конец от многолетнего ежедневного “хождения” истачивался, и тогда сельские умельцы “обули” его в резину.

– Дедушка, ты, наверное, свою палку привез с первой мировой, – спросили мы однажды, когда он удостоил нас, мальчишек, своим вниманием.

– Ну что вы, внучата, когда я с войны пришел, мог без разбега пятистенник перепрыгнуть, двухпудовкой крестился, через большие тесовые ворота без размаха ее перекидывал. Это потом я постарел, когда ваши отцы и дядья ушли воевать Гитлера, а матери, да вот мы, старики, робили непосильно, чтобы фронт стоял. Говорил я тогда всем, что не выдержит немак русскую силу, не на тех нарвался. Знаю, бивал его в молодости. Так и

велось – наши бойцы фрица били, а мы их кормили. Вот тогда и поистратилась силушка моя, тогда и палка вот эта самая появилась – ноги да спина вихлять чё-то начали.

Да, палка была, но дед всегда держался бодро, дюжил. Старшие говорили, что когда он впервые вышел со своим жезлом, многие удивились.

– Ваша правда, – отвечивал старик, не ссылаясь на то, что ноги его устают, – конечно, легковата. – Ну-ка, сынок, сделай ее потяжелее, – пришел дедушка к сельскому кузнецу, где мы дули мехами воздух в горн.

“Сынок”, разведчик, прошедший дорогами Великой Отечественной, Иван Степанович Морозков коротко кивнул: “Сделаем, дедушка.” И пока дед разговаривал с нами, загонял в трещины палки тонкие железки.

– Может хватит, дедушка?

– Угодил, спасибо, – взвешал в руке жезл старик и, уходя, проговорил уважительно: – Иван, ты бог железный.

А кузнец, подмигивая нам невесело, с пониманием глядел ему в спину – сдает старик. Так вот эта палка часто выражала и мысли, и чувства деда: покачивает он ее из стороны в сторону, крутит – все хорошо, он доволен, отставлена в сторону – что-то неладно, чертит ей по земле – вспоминает войну, объясняет. Но не дай бог, если молчком зажмет в кулаке и погрозит – это было самое страшное его ругательство.

...Не знаю, где сейчас эта, набитая железом, палка. Будь моя воля – выставил бы ее в музее как доказательство жизни могучего русского мужика Самарина.

ЗВОНЫ ИВАНА МОРОЗКОВА

Моя семья переехала в эту деревню, когда Иван Степанович Морозков уже там кузнечил.

– Витька, хватит дрыхнуть, – орал утром Колька Самойлов.

Мама шикала на него, но я, проснувшись, плеснув в лицо водой, хватал ломоть хлеба и выскакивал на улицу.

– Пошли в кузню, – говорил мой новый друг, и мы отправлялись навстречу звону, который в утреннем воздухе, казалось, висел над всей деревней.

Бух-бух – я уже знал, что это молотобоец, дядя Саша Киселев, бил большим молотом-кувалдой. Тук-тук, дзинь – это кузнец. Тук-тук – значит, еще бей, молотобоец, дзинь – молоток набок – хватит. Кузнец вскидывал бровь – надо дуть, Киселев кивал, и мы по очереди хватались за мехи, раскаляли железяку до красноты. Иногда по несколько часов кузнецы не молвили друг другу ни слова, “разговаривали” молоток и кувалда: кувалда “грубила”, а молоток оправлял и доводил изделие. Мы всегда ждали перекура “железных людей”, когда кузнец аккуратно уложит молоток в его гнездо, снимет прорезиненный фартук и окинет нас взглядом.

– Что, огольцы, притомились? – дядя Ваня присаживался, и мы затихали – умел кузнец рассказывать про войну. Про то, как до кровавых мозолей рыл окопы и укрытия, отступал, стиснув зубы и пряча слезы, таскал “языков”-фашистов, как, хохоча от счастья и яростно матерясь, шел, громя гитлеровцев, на запад, как вернулся домой, где его ждали все эти невероятно долгие дни и ночи военной години. Может, он и преувеличивал, но мы видели, что этот человек все делает основательно, как из-под его рук выходил и огромный лемех для плуга, и малюсенький кованый гвоздок для починки обуви. Были свидетелями того, как строптивый конь-двухлетка после негромких слов кузнеца переставал уросить, и дядя Ваня играючи подковывал его на все четыре ноги. И мы верили кузнецу на каждое его слово...

– Господи, проспала, – подхватывалась иногда ранним утром мама, – Иван уже звенит, а я корову еще не выгнала.

Звон этот, мне кажется, и сейчас не умолкает в душах тех, кто знал простого русского кузнеца, воина и труженика – Ивана Степановича Морозкова.

ПОБУДКИ ГРИГОРИЯ ИВАНОВИЧА

В школу мы ходили из нескольких деревень. Интерната не было, никто нас не возил, и шли мы три-пять километров в осеннюю слякоть, зимнюю стужу, весеннюю распутицу. Приходили после мороза в тепло, отогревались и, конечно, шалили, забывая, что только что по убродной дороге прошли немалое расстояние, и казалось, что ни рукой, ни ногой от усталости не пошевелить.

Звонок. И все за парты.

Наш “физик” Григорий Иванович с порога спрашивал: “Готовы?” Наверное, мы были готовы, но сон начинал одолевать жутко – снежная дорога, после нее тепло – “развозило” сильно, и многие откровенно начинали клевать носом.

– Хватит спать! – резко, как выстрел. – А знаете, что есть на земле абсолютно черные люди?..

И учитель начинал рассказывать об Африке. Конечно, что-то мы слышали, немного читали, но то, что рассказывал и как рассказывал Григорий Иванович, было невероятно интересно. Это я сейчас соображаю, что так он “будил” нас. Знаю, что в Африке он тоже не был. Некогда ему было – сначала коллективизация, потом финская, пос-

ле нее Великая Отечественная, отступление, окопы, кровавые бои, ранение, дорога на запад, тяжелейшая контузия и вдруг мы – “школяры”.

– Что, проснулись? – спрашивал и продолжал, – а что черные, что белые люди, если они хотят чего-то добиться в этой жизни, должны знать закон Бойля-Мариотта и бином Ньютона...

Некоторое время ученики на самом деле были бодрыми, слушали и записывали внимательно, но затем веки снова начинали предательски слипаться.

– Вы должны учиться, – говорил Григорий Иванович, – вам жить и работать, продолжать дело ваших родителей, идти дальше нас. Вы обязаны учиться, – начинал горячиться учитель, – и знаете еще почему? Потому что ваши деды и отцы... В войну я командовал ротой штрафников. Поднимаюсь в атаку: “За мной, за Сталина!” А что Сталин, он дал им по десять-пятнадцать лет тюрьмы. Все лежат и вдруг встал один из них и, мне показалось, не очень громко произнес: “За детей наших!” И молча, страшно поднялась вся рота, молча рванулись вперед, и никто не мог им противостоять...

Мы не спали.

РОДОВЫЕ КОРНИ

Весна. Яркий солнечный день. У дома на заваulinке сидят два старика, еще достаточно сильнее, высокие, костистые. На пиджаках награды. Эти двое – корни мощных родовых деревьев Светлаковых и Мамыкиных. Земляки, всю жизнь рядом, семьями-родами дружат, жены – рука об руку, сыновья, снохи – душа в душу. Старики негромко толкуют, внучата около них в песке колупаются. Один другого толкнул, тот опрокинулся.

– А мой-то твою, – улыбается Светлаков.

– Не может быть. Колька, ты что это поддаешься!

– Слабоваты вы, Мамыкины.

– Брось, сами такие. Небось, в войну-то отсиживался где-нибудь.

– А ты не знаешь! В Сталинграде я отсиживался, вот медаль, да и нога все еще на погоду ноет. Это ты тогда по бабам шастал.

– Да, по камням-то в Заполярье по морозу много набегашь.

Откуда-то наваливается толпой родня и того, и другого. Хохочут, дергают, обнимают, поздравляют, наливают. Старики – во фрунт, распрямляются спины, расправляются плечи, по молодому дерзко и прямо смотрят глаза.

– Что, старый, надулся? Давай за всех наших по фронтовой!

– За тебя, мой друг закадычный!

... В песке мирно копошатся ребяташки.

9 мая. День Победы!

СТРЕЛЬБА ОТ БЕДРА

Наш отдельный инженерно-саперный батальон, что располагался на окраине Дрездена и в котором служил я, проверяла московская военная комиссия. Строевой смотр, обмундирование, обувь, питание, физподготовка... Дошло дело до боевых стрельб. Известно, сержантский и рядовой состав – из автоматов, офицеры стреляли из штатных пистолетов.

Мы отпалили, на огневую позицию вызвали наших командиров: взводные, ротные, штабисты. Первым вышел комбат, гвардии подполковник Романенко, которого мы крепко уважали за справедливость, любовь к своим солдатам.

Привычно сдвинув кобуру на живот, он стал к мишеням в фас, а не в профиль, как того требовала инструкция.

– Огонь!

«Батя» выхватывает ПМ и прямо от бедра валит все три мишени. К нему подскакивает капи-

тан – проверяющий с красной повязкой и начинает объяснять, что к мишени надо встать боком, пистолет держать под углом 45 градусов и т. д.

– Я его убью, – имея в виду капитанишку, громко говорит Володя Тупицын, – как он смеет обижать нашего Старика.

– Стой, заткнись, «батя» сам его поправит.

Романенко внимательно выслушал «инструктора», потом нежно (так что человека с повязкой перекосило значительно) обнял его, и мы услышали задушевный голос:

– Спасибо, сынок, что надоумил, а то я как-то растерялся, забыл инструкцию, – голос его налился мощью, – только, сопляк, на фронте некогда было стоять под 45 градусов. Тогда ценилось каждое мгновение – или ты фашиста, или он тебя. Понял?

Капитан краснел и бледнел. А в строю умирали от смеха и гордились своим комбатом-фронтовиком его бойцы.

ЖЕЛТКОВ И УНТЕР-ОФИЦЕРЫ

Ваня Желтков во взводе был самым маленьким по росту, в строю всегда последний. Совершенно белые волосы, маленькие кисти рук и стопы ног, но на маловыразительном лице жили маленькие, глубоко посаженные, всё замечающие глаза. На занятиях по политподготовке он почти никогда не вступал в разговоры, хотя язык у него был подвешен. Ну не о чем ему было говорить, его мозг был свободен от всяких политических мыслей, но в нем крепко сидели практические навыки в жизни, работе, службе в армии.

Всегда ладно пригнанное, чистое обмундирование, белоснежный подворотничок, блестящая обувь. Под солдатской одеждой угадывалось мощное тело: на занятиях физподготовкой Иван без видимых усилий выполнял самые сложные упражнения. Он свободно подтягивался на перекладине тридцать и более раз, а об отжиманиях, и говорить не приходится, полдня мог делать это с улыбкой – шесть лет до призыва работал в сель-

ской кузнице молотобойцем, и это не прошло даром. В отличие от других Желтков особенно любил армейскую штурмовую полосу. Раз в неделю в спортгородок нашей части, что находилась на окраине города Дрездена, приходили курсанты унтер-офицерской школы учебного подразделения армии ГДР. Были сделаны две параллельные полосы.

Когда курсанты-немцы появлялись, Иван начал поглядывать на меня. Нет, он ничего не говорил, весь его вид был равнодушным, но... глаза смотрели с просьбой: «Прикажи, командир, я им покажу, кто такой советский боец!» Фигура его подбиралась, движения становились какими-то замедленными, экономными, а глаза – колючими, сосредоточенными.

– Рядовой Желтков!

– Я, – звонко в ответ.

– На старт, – он только расстегивал две пуговицы подворотничка гимнастерки. – Марш!

Команда звучала не только для Ивана, но и для унтер-офицера на соседней полосе.

Желтков был неустойчив, казалось, что нежится маленькое светлое ядро, ступок силы и энергии.

Солдатская полоса препятствий, это далеко не просто: бег сто метров «чистыми», затем собственно полоса – окно, бум, окоп, метание гранаты в цель, фасад двухэтажного дома, десять метров по-пластунски под колючкой, вновь разновысокий бум и, наконец, еще сто метров «чистые». И все это с автоматом, каской, подсумком с двумя набитыми патронами рожками, саперной лопаткой.

Желтков заканчивал свой бег и, стоя в кругу своих армейских друзей, с презрением смотрел, как его соперник телепался на середине дистанции.

Однажды спросил у него, почему он так относился к ним.

Слева направо: Иван Желтков, Виталий Есетов, Николай Косинов из Астраханской области. Группа советских войск в Германии, 1964 год

– Ненавижу, – резко ответил он, – у меня фашисты убили отца и двух дядьев.

СЛЕЗЫ СОЛДАТСКИЕ

Нашим отдельным инженерно-саперным батальоном командовал гвардии подполковник Романенко, а начальником штаба был майор Шагин. Оба фронтовики, имели за бои и службу большие государственные награды. Мы их очень уважали за человеческое отношение к солдатам. Они умели и «стружку» снять, случалось, сажали на «губу» за серьезные провинности, но и понимали наши души. Наверное, понимали потому, что и сами когда-то начинали так же.

По слепому случаю судьбы на фронте оба были ранены в правую ногу.

На разводе после команды «смирно» начштаба с рукой у козырька шел навстречу комбату. И двигались наши любимые командиры, хромя в разные стороны.

– Ну, поплыли наши селезни, – негромко, но слышно гудел бас Тольки Городницкого.

Все мы видели на секунду сжимавшийся кулак комбата, затем ладонь его у виска снова распрям-

лялась. И на душе становилось тепло и взволнованно – у командира все хорошо и настроение тоже.

В свободное время, вечером «батя» иногда приходил в солдатскую курилку и мы, притихнув, слушали его неторопливую речь. Это были незабываемые разговоры.

Потом нам сказали, что командир уходит в запас. Однажды он появился у штаба в штатском костюме, и мы увидели простого пожилого человека. Бросив занятия строевой подготовкой, и офицеры, и солдаты окружили комбата.

– Вот, сынки, я и отвоевался. Поеду в Союз, выберу город и займусь садоводством. Ну ее, эту службу, – в глазах его стояли слезы. Кусали губы офицеры, отворачивались ребята, а Толик Городницкий подошел к старому солдату и преклонил колена. Комбат положил ему руку на голову, и всем нам показалось, что наши стриженные затылки гладит теплая отцовская ладонь.

ДОМ СЛАВЫ, ГОРДОСТИ И БОЛИ

Это пятиэтажное здание в Рябково в городе Кургане, да и во всем нашем Зауралье, знает огромное количество людей. Потому что те семьи, у кого есть ветераны войн и труда, наверное, хоть один раз, да обращались в этот дом. Госпиталь ветеранов войны - дом нашей славы, гордости и боли.

Место

Это многопрофильное лечебное учреждение с пятью отделениями на 200 коек, поликлиника на 150 посещений в смену, аптека, клиническая и биологическая лаборатории, отделение лучевой диагностики, водогрязелечебница, зал лечебной физкультуры, массажные кабинеты и др.

Для больных есть двух-, трех-, пятиместные палаты, радио, холодильники; белье меняют, как положено, раз в десять дней. В палатах умывальник-раковина, отдельные туалеты, общий тоже есть, ванны, в которых и холодная, и горячая вода круглосуточно. Столовые и улыбающиеся повара, обслуживающие ласковые женщины. Лежачим приносят в палаты: каши разные, хлеб, булочки, чай, кефир, творог. Разговорились за столом.

– Был здесь три года назад – было скучнее, – вспоминает старый человек, – сейчас лучше намного, значит, жизнь налаживается.

Влажная уборка не один раз в день всех коридоров, палат, моют даже стены. Чистый, прибранный двор, аккуратно побеленные поребрики, клумбы. Кустарники разные, елочки, сосенки, березки. Как мне помнится, когда-то здесь лечился неумной энергии человек Григорий Тимофеевич Хохлов, бывший директор одного из совхозов Шумихинского района. Страшный любитель жизни, людей и пельменей. Для него любой беспорядок – просто невыносимая зубная боль. Так вот – он увидел неухоженную территорию заведения – стройка еще шла – и тут же организовал посадки этих самых сосенок и березок. Пациенты госпиталя, конечно, кто мог, помогали. Деревца, отзывчивые на добрые сердца Тимофеевича и больных, дружно принялись и уже радуют глаз всех, кто приходит и приезжает в этот дом.

Обслуга

Да не обидятся на меня врачи и медсестры, санитарочки и повара, уборщицы и подсобные рабочие, прачки, водители и вахтеры... Но все они, только в разной степени и ответственности, обслуживают, обихаживают этих людей – ветеранов войны и труда.

– Дедуля, тебе прямо по коридору, после третьей двери направо твоя, палата. – Пожилая санитарочка ведет почти незрячего человека.

– Спасибо тебе, дочка, за ласку.

– На капельки собрались быстренько, – раздастся «команда», и группа пациентов дружно направляется в процедурную, где капли в глаза «делают». Безболезненная в общем-то процедура.

Через час-полтора: «Кто хочет уколоться?» – с добрым юмором голос молодой медсестры. Неприятно, больно, но надо!

Конечно, все мы, пациенты, разные – добрые, и не очень, вспыльчивые и спокойные, пессимисты и оптимисты... И к каждому нужен свой подход. Некоторые здесь и раньше бывали, так таких медики знают по имени и отчеству.

Атмосфера в этом большом доме дружелюбная, человеческая, душевная!

Здесь собран «букет» высококвалифицированных специалистов. Заведует офтальмологическим отделением Иван Тихонович Гусев, профессионал высшей пробы. Рядом с ним бьются с глазными болезнями пациентов доктора Раиса Николаевна Меренкова, Валентина Яковлевна Никитина, Елена Аркадьевна Зотова, врач-окулист Екатерина Антоновна Еремкина, отличный диагност Мария Николаевна Пономарева. Не считаясь со временем, заботливо обихаживают стариков медсестры Наталья Анатольевна Шес-

терова, Куаныш Темиржановна Шарипова, старшая медсестра Вера Семеновна Кайдаулова и другие.

Заведующая медицинской частью госпиталя Елена Аркадьевна Хохлова, не мыслящая себя вне коллектива, тепло рассказывала мне о каждом докторе, санитарочке, медсестричках...

Ни на секунду не сомневаюсь, что и в других отделениях трудятся не менее душевные, талантливые, сердечные люди.

Молчать, сопляки!

Сидим в очереди к врачу. Впереди меня двое. Вот подошел еще один, присел за мной. Разговорились. Оказалось, что первые двое в очереди земляки, из одной деревни, но еще в молодости жизнь развела так, что встретились только здесь, на излете лет. Выяснилось, один был участником известных венгерских событий 1956 года, а второй, на три месяца старше от роду. «Венгерец», мол, я участник, потому без очереди. Второй – а я старше годами. Слово за слово – тон разговора чуть повысился. Молчал я, самый молодой, 59-летний, и с тоской думал, что, конечно, всех придется пропустить вперед. Ничего, подожду.

И вдруг, когда разговор стал резким, сидевший за мной старик, негромко, но четко произнес: «Молчать, сопляки!»

Все смолкли, уставились на него. А он также тихо глубоким голосом проговорил: «Мне девяносто первый год. Был на финской, ломал Гитлера. И сижу в очереди».

Пришел врач. Все хором стали просить старого солдата пройти первым. «Я сказал, все в очередь, кто каким пришел, тот таким и пойдет».

Разговор был окончен.

Пациенты

Они сегодня больные и немощные. Все в больничных пижамах, теплых рубахах, трико, мягких шлепанцах. Лица, изрезанные морщинами, иссохшие руки, на которых проступают пигментные

пятна. Водят друг друга на процедуры под руку, идут с тросточками, держатся за стенки. Некоторых сопровождают медсестры или санитарки. Вежливы, к персоналу обращаются, как будто извиняются: «Доктор, сестрички, хозяйюшка, дочка, пожалуйста, объясните, прошу, помогите».

Не надо им извиняться и просить! Это мы, еще молодые или уже зрелые люди ни на минуту не должны забывать, что и они были молоды и отважны, дерзки и ничего не боялись. Служили людям, Отечеству своему без страха и сомнения. Это они сломали хребет фашистскому зверю, трудились непосильно в тылу ради Великой Победы, поднимали страну после военной разрухи.

Эти люди – наши легендарные предки, герои финской и Великой Отечественной, отчаянного стояния в 40-е огневые против Японии на Дальнем Востоке, а потом и войны до полного разгрома милитаристской Страны восходящего солнца.

Наши зауральцы воевали на всех фронтах от Белого до Черного моря, были пехотинцами, моряками, танкистами, минерами, летчиками, десантниками, подпольщиками и партизанами. В тылу, чтобы фронт стоял, все отдавали Красной Армии, оставляя себе, детям и старикам крохи на пропитание.

В марте 1943 года впервые попал сюда с тяжелым ранением боевой офицер Александр Иванович Бухров.

– С той поры, когда госпиталь еще был на центральной площади, потом за железной дорогой, сейчас здесь, я бываю...бываю, – раздумчиво говорит 80-летний ветеран, – было в его истории всякое, но всегда коллектив был и остается добропорядочным, профессиональным, человеческим.

Здесь же, только в другом отделении, «ремонтируется» Николай Николаевич Брызгин, человек, много сделавший для медицины области вообще и для ветеранского лечебного заведения в частности.

В одной палате со мной лежал военный, полковник Анатолий Владимирович Кононов, в свое время стоявший у истоков зарождения ракетных войск страны. В его «Карточке поощрений и взыска-

каний» (имеется такой документ у военных) есть благодарности за отличную работу за подписью самого Сергея Павловича Королева.

Пациенты госпиталя – фронтовички Ольга Григорьевна Лапина, Мария Алексеевна Савинова, моряк Иван Федорович Кралин, избороздивший все океаны...

Отовсюду они – из Кургана, Белозерского, Мокроусова, Сафакулева...

Смотрю я на их чуть сгорбившиеся под грузом лет и пережитого фигуры и часто представляю: вот сбросят они больничные пижамы, наденут

свои парадные костюмы, и все наши улицы и площади, весь Курган осветятся блеском их орденов и медалей.

И все мы, ныне живущие, должны поклониться им за их жизнь и подвиг!

Потому дом этот – дом нашей славы и гордости!

Потому дом этот – дом нашей боли и печали: все меньше остается среди нас наших, не побоюсь этого слова, великих воинов и тружеников!

СОЛДАТ И ЖУРНАЛИСТ

Этой истории много лет. Когда-то в нашей области проводились фестивали под названием «Мастера искусств – мастерам труда!» Они проходили летом на стадионах и лишь, как помнится, в Юргамышском районе – в живописном месте с ласковым названием Елизаветинка. Приезжали известнейшие мастера театров, кино, эстрады, писатели, поэты – Алла Ларионова, Николай Рыбников, София Ротару, Евгений Леонов, Иосиф Кобзон, Николай Озеров...

Однажды приехал в Юргамыш и киноактер Евгений Семенович Матвеев. К сожалению, мне не пришлось быть на встрече с ним: «горел» номер газеты. Сижую, читаю гранки, заходит заместитель редактора нашей газеты Федор Александрович Борисов и показывает маленькую фотографию молодого военного с кубарями в петлицах.

– Кто? – спрашивает.

– Понятия не имею, – отвечаю почти с раздражением: с газетой опаздываем, на встречу со знаменитостями не попал.

– Прочитай на обороте.

С большим трудом разобрал: «Мы встретимся... Желаю быть здоровым, желаю иметь на личном счету много псов-гитлеровцев. Ф. Борисову от л-та Матвеева. 2.1.43 г. г. Тюмень».

– Который это Матвеев?

– Тот, что сейчас в Юргамыше.

Отлетели в сторону гранки, забыт «горящий» номер.

– Собирайся быстро, – заорал я.

– Нет, – твердо ответил он...

С Федором Александровичем я познакомился, когда впервые переступил порог редакции мишкинской районной газеты «Искра», куда меня пригласили работать заведующим отделом писем. Увидел его внимательные пытливые глаза, которые, казалось, говорили: «Пробуй, не бойся, надо – поможем».

Конечно, и раньше мы встречались на улицах – поселок Мишкино не такой большой, на разных мероприятиях, всегда читал его материалы в газете. Он был добрым «дядькой» для нас, молодых и начинающих газетчиков. Почти все материалы мы несли сначала ему, и сколько бы «батя» не был занят, всегда внимательно читал, советовал, поправлял. Но никогда мы не чувствовали эдакого менторства, снисходительности, «давления». Когда что-то не выходило, Федор Александрович с доброжелательной улыбкой хлопал по плечу: «Не волнуйся, ты это сможешь сделать». И получалось!

Тогда, в газетной горячке, мы мало интересовались прошлым старших. А оно было, было...

Семнадцатилетним добровольцем выпросился деревенский парень Федор Борисов на войну.

Направили в Тюмень, где готовились маршевые роты. Служил и писал рапорты, чтобы отправили на передовую. Наконец, включили в список. Вот тогда-то и надписал ему свою фотографию лейтенант Матвеев, у которого Федор считался порученцем.

А потом были бои, тяжелые, страшные, кровавые. 10 марта 1943 года в жестокой схватке с гитлеровцами за деревню Красная Гусаровка наш земляк получил тяжелое ранение. Из госпиталя вернулся домой на костылях инвалидом второй группы, но упорный молодой солдат не сдался, пришел в газету.

Стискивая от боли зубы, днем писал корреспонденции, а ночами грыз науку журналистики.

– Мне много надо успеть сделать, – как-то сказал в разговоре.

Мы жили на одной площадке и часто ранним утром, когда все еще спали, я замечал в его комнате свет и слышал приглушенный стук пишущей машинки - возвратившись вечером из командировки, Федор Александрович уже к восьми утра приносил в редакцию материалы и фотоснимки.

И все, кто работал рядом с ним, невольно учились у него оперативности, умению «разговорить» своего героя, заметить у него то, что присуще именно этому человеку. Мы завидовали ему белой завистью, когда часто звонили в редакцию руководители хозяйств, районных служб, и приглашали написать, помочь разобраться именно Борисова и никого другого.

Федор Александрович редактировал ряд многотиражных газет, он успевал везде! Успевал, потому что отличался огромной работоспособностью, большой ответственностью, желанием сделать как можно больше добрых дел.

– Жаль, что в сутках всего двадцать четыре часа, – сетовал он.

Шли годы, и Борисов вдруг обнаружил, что скопил свой большой архив, высветилось несколько мощных тем. И, как всегда, не умея ничего делать наполовину, Федор Александрович берется за них. Написана большая работа по истории родного района, потребовавшая «копания» в архи-

вах Свердловска, Челябинска, Кургана, Оренбурга, долгих бесед со старожилыми. Собраны десятки документальных свидетельств о зарождении района, его знатных людях, важнейших событиях.

Эти документы легли в основу целого раздела Мишкинского районного историко-краеведческого музея.

А еще не отпускала военная память! Многолетние поиски своих однополчан, сотни запросов в разные города, архивы, музеи, письма, фотографии, воспоминания, поездки, встречи...

– ...Бери командировку – и в Москву, встретишься с Матвеевым там, – говорю ему.

– Неудобно как-то.

Всей редакцией еле-еле уговорили. И они встретились! Это была встреча не знаменитого актера и режиссера с журналистом районной газеты, а встреча двух фронтовиков, двух товарищей по военному лихолетью!

«Федору Александровичу с глубоким уважением и искренней благодарностью за память!» – подписал свое второе фото, уже не лейтенант, а «генерал от кинематографии» Евгений Семенович Матвеев.

Между этими снимками дорога длиною в тридцать восемь лет. И прошел по ней Федор Александрович Борисов достойно, как фронтовик, с высоко поднятой головой. Уже тяжело больной сказал мне: «В столе у меня не сданные в секретариат материалы, посмотрите с ребятами, может, опубликуете. А так – держитесь, друзья!»

В этом он весь, солдат, журналист и друг – даже на смертном ложе Федор Александрович Борисов думал о деле и своих коллегах.

МЫ РУССКИЕ, МЫ СДЮЖИМ!

Александра Яковлевна Яркова. 96 лет

“Богатые эти Ярковы”, – говорили в селе Бутырском Мишкинского района. Так было на самом деле. Только не было у них сундуков с добром, злата и серебра в семье. Богатство Ярковых было в другом: в могучих семейных корнях, в крепких рабочих руках, в сыновьях и дочерях Василия и Александры.

Никто не знает, откуда появилась эта фамилия: одни говорили, что от слова “ярка” – молодая овца, другие утверждали, что от слова “яр” – отвесный берег глубокого оврага, третьи вспоминали “яркое” солнце.

Скромно поживившись, Шура и Василий, когда стали ждать первенца, загадывали: маме нужна

была помощница, а отец, конечно, ждал сына. Супруга “одолела” и родилась дочка свет в окошке Натальюшка. А потом были еще Васса и Елизавета. Мама Шура, тетешкая дочурок, только улыбалась.

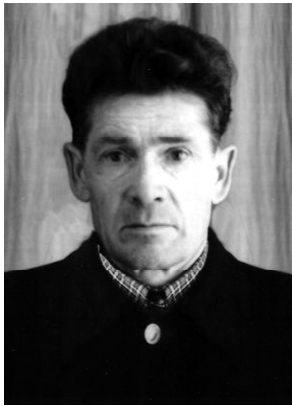
“Не сдамся, – думал Василий, смотрел на свою разлюбезную жену, – мать, ну будь другом!” В 1907 году Василий и плакал, и хохотал от счастья – сын! Сашка, Саня, Александр. А потом – Федя, Ванечка, Проня. Да между ними “затесалась” Оленька. Вот оно богатство настоящее – дети. Здоровые, ладные, крепкие, работающие. Мать за работу – дочери на подхвате, а то и с опережением, отец с литовкой, следом косяком валят сено сыновья. Было сложно и трудно, время на дворе смутное, непредсказуемое: конец 19-го – начало 20-го веков.

– Ничего, мать, мы русские, мы сдюжаем, – говаривал Василий Матвеевич.

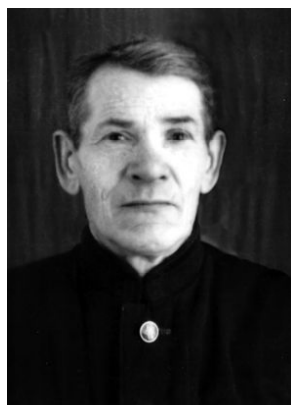
Сдюжили Ярковы. Богато не жили, но и в долг не просили – все своим хребтом, умом и смекалкой добывали: косили и скирдовали сено, клали печи и катали валенки, ухаживали за скотом... Словом, никакой работы не чурались и не боялись. Выдали дочерей замуж, в один год весело отгремели свадьбы сыновей. Люлькали Александра Емельяновна и Василий Матвеевич внуков...

Все ладилось в большой семье Ярковых. А тут вот она – гражданская. Ушел на фронт Василий Матвеевич. В 1918 году привезли его на телеге боевые товарищи тяжело раненым. Крепился солдат, да слишком тяжелая доля ему выпала! Долго болел и покинул эту земную юдоль. Прощаясь, говорил своей Александре: “Держись семьи, Шура”, а сыновьям и дочерям наказывал беречь мать.

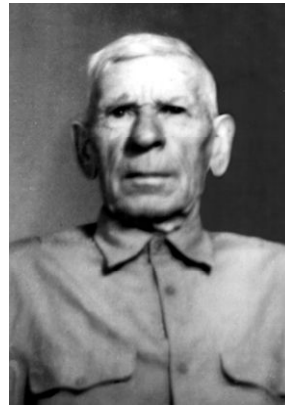
Крепко держались друг за друга Ярковы, выполняя последнюю волю своего родителя. Александр Васильевич работал начальником Бутырского почтового отделения, Федор и Иван Васильевичи, с детства “копавшиеся” во всяких железках, стали шоферами, что в те годы было очень престижно.

Александр

Федор

Иван

Прокопий

Младший, Прокопий, выучился и работал бухгалтером. Все их сестры тоже трудились неустанно, вели хозяйство, воспитывали детей. А все семейство Александры Емельяновны перед войной насчитывало вместе с зятевьями и снохами тридцать семь человек!

Наступили сороковые-пороховые. Война! Кровавая, проклятая, черная. Словно темной тучей накрыла она село, каждую семью бутырцев. Один за другим были призваны на военную службу все сыновья, ушли на фронт четыре зятя и два внука – десять зрелых мужчин из одной семьи!

Ждала мать вестей, каждый день с надеждой встречала сельского почтальона, когда он направлялся к ее дому с солдатским треугольником. Молилась и просила Бога, чтобы сохранил каждого родного человека, молилась за всех русских солдат.

А ее «кровинушки» шли каждый своей дорогой, каждый на своем месте защищал свою мать, свои семьи и Родину...

Александр дрался под Сталинградом в составе 252-й дивизии. Здесь получил ранение. А в боях за город Ливны Орловской области после разрыва почти рядом вражеской бомбы он вообще остался жив только чудом. Закончил свой боевой путь Александр Васильевич в Восточной Пруссии, возле города Потсдама. После демобилизации в середине 1945 года вернулся на Родину

младший лейтенант Ярков с боевыми наградами.

Федор Васильевич не был на передовой, но его вклад в боевую историю семьи Ярковых не менее значителен. Подготовленные им в Челябинском военном училище командные кадры для танковых частей сражались, пожалуй, на всех фронтах Великой войны.

Третий сын Александры Емельяновны, Иван, на гражданке был шофером. Не изменил своей профессии и в боевые годы. Его военные дороги пролегли до Кенигсберга и Ивстенбурга. После тяжелого ранения лечился в госпитале и думал, как бы скорее догнать своих фронтовых друзей, ушедших далеко на запад. Орден Красной Звезды, медали “За отвагу”, “За взятие Кенигсберга”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.” и другие украсили грудь ветерана.

От первого до последнего дня прошел Великую Отечественную младший из братьев – Прокопий. Только один эпизод. Командир взвода артиллерийской разведки Ярков во главе группы бойцов ночью первым переправился через реку Волхов, ранним утром по их корректировке наша артиллерия подавила огневые точки фашистов, что обеспечило советским войскам захват плацдарма и дальнейшее успешное наступление.

Потом была Курляндия. Потом...

Каждый из братьев шел своей дорогой войны. Каждого из них и всех вместе хранило благословение матери. А она ждала. Несказанно рада была, когда ей читали письма сыновей. Два из них были напечатаны в газете «Красный Уралец». Ее Саша призывал земляков вырастить богатый урожай хлеба и овощей, дать Родине больше продуктов и этим приблизить час победы над немецкими оккупантами. «Вот уже год, как я нахожусь в рядах Красной Армии, беспощадно истребляю фашистов, – писал Прокопий Васильевич. – За последние три месяца с товарищами уничтожил 180 фрицев, 17 блиндажей, 15 пулеметов и одну минометную батарею. В совершенстве овладел вверенным мне оружием...»

Вернулся Прокопий Васильевич в дом родной с четырьмя боевыми орденами Отечественной войны (два ордена I степени, два – II степени), орденом Красной Звезды, медалями.

Живыми пришли с войны все сыновья Александры Емельяновны и Василия Матвеевича. Это было невероятное материнское счастье.

Но черным крылом зацепила война семьи дочерей – погибли все зятья – Иван, Сергей, Николай и Константин. По ним и по двум внукам, двум Викторам, до конца дней своих носила темный платок Александра Емельяновна.

Сколько же надо сердечных и душевных сил, чтобы пережить потерю самых близких людей! Сколько нужно терпения, любви, чтобы в великом горе долгие годы поддерживать дочерей. Девяносто шесть лет прожила Александра Емельяновна и всю жизнь помнила слова своего родного Василия Матвеевича: «Ничего, мать, сдюжаем».

Не сломалось под мощными жизненными ураганами семейное древо Ярковых. Они укрепляли Советскую власть, положили на алтарь Отечества вместе с Василием Матвеевичем шесть дорогих жизней в военные годы, восстанавливали разрушенное лихими временами хозяйство страны, поднимали целину, служили и служат в рядах Вооруженных сил Родины, работают не покладая рук и сегодня на благо России...

А всего продолжают трудовую и боевую историю своего рода двадцать три внука и внучки, двадцать семь правнуков, двенадцать праправнуков и восемь праправнучек. По самым скромным подсчетам, трудовой стаж семейства Александры Емельяновны и Василия Матвеевича сегодня составляет свыше тысячи четырехсот лет.

Они – русские, они – выдержат, приумножат свой род и его добрые дела во имя семьи и дорогого Отечества.

ЛЕНИНГРАД-ЗАУРАЛЬЕ

20 февраля 2014 года на месте кровопролитных боев за Ленинград в поселке Синявино открыт памятник легендарному летчику, первому в стране дважды Герою Советского Союза генерал-лейтенанту Кравченко Григорию Пантелеевичу. Инициатором создания монумента нашему земляку выступили Санкт-Петербургская общественная организация «Жители блокадного Ленинграда» и межрегиональная общественная организация и «Совет Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы Санкт-Петербурга и Ленинградской области».

В школьные, уже теперь далекие пятидесятые годы прошлого столетия, наше поколение жадно впитывало все, что о городе Ленинграде рассказывалось в истории, писалось в литературе. И тогда, и сейчас перед моим мысленным взором идет по непролазной грязи Петр Великий, указывая

своим помощникам, как проложить «прешпекты», где какой дворец или казенный дом ставить или храм православный возводить, где будут располагаться кораблестроительные верфи, заводы, крепости.

– Надо сполнить государеву просьбу, – говори-

вали шадринские мужики и по осени готовили обоз. Прощались с родными в октябре-ноябре, трогались в дальнюю дорогу. Ни разу не опоздали. И в новогоднюю ночь на царский стол и столы Санкт-Петербургской знати подавались знаменитые шадринские гуси.

С большой надеждой зауральцы ловили слухи об Октябрьской революции в семнадцатом году. Не только ждали, но и участвовали в ней.

– Я служил в Семеновском полку в Петрограде, – рассказывал мне на заре моей журналистской работы Н. С. Павлов, – был с другом в увольнении, когда, придя на Финляндский вокзал, увидел огромную толпу. «Ленин, Ленин приехал», – то и дело раздавалось вокруг. Бешено работая локтями и плечами, пробивались в самый центр и были почти рядом, когда выступал Владимир Ильич. Я ему поверил. Весь наш полк потом встал на его сторону.

Сороковые огневые... Воевала вся страна. Десятки тысяч моих земляков ушли на фронт в июньские дни страшного 41-го. Дрались на всех фронтах. Обороняли и Ленинград.

– Скажи, сынок, что такое обсерватория, – как-то спросил меня отец. После объяснения надолго задумался, а потом произнес: – Так вот чем занимались люди в Пулково. Хорошо, для людей работала.

Отец воевал на Пулковских высотах. Здесь и нашла его разрывная вражеская пуля. И еще долго-долго после войны из тела его выходил порох. Когда я, еще малыш, выдавливал из истончавшейся кожи эти серые отметины лихой години, собирал их вместе и отец подносил горящую спичку, они вспыхивали.

– Это, сын, война. Сколько времени прошло, а она, проклятая, черная, все еще сидит во мне.

Когда много лет спустя я привез его в Ленинград, отец, сойдя с поезда на перрон, промолвил: «Ну, здравствуй...»

С раннего утра до позднего вечера мы ездили и ходили по городу. Неповторимый Невский, Дворцовая площадь, Петропавловская крепость, мосты, дворцы и музеи... – на все смотрел жадно

старый солдат, обо всем расспрашивал подробно. И я заметил, как с каждым днем прямее становилась его спина, дерзко и ясно смотрели глаза и, мне показалось, даже морщинки на его лице разгладились. Лишь на Пискаревском кладбище, да в Пулковской обсерватории долго и молча сидел, скорбно склонив голову.

– Прощай, Город, живи и здравствуй, – уперся лбом в вагонное стекло отец, – недаром мы стояли здесь насмерть.

Не о моем отце говорил после войны гитлеровский генерал Гудериан, приводя в пример мужество нашего бойца, который пять суток отбивался в осажденном танке и остался непобежденным. Не об отце вспомнил Гудериан, но о моем земляке, простом крестьянском парне, трактористе.

– Я делал свое военное дело, – Герой Советского Союза Иван Степанович Кудрин, получивший Золотую Звезду уже в ноябре 41-го года, в разговоре со мной был немногословен и мудр, – за мной были Ленинград и моя Родина.

До самой смерти в мае 1994 года фронтовик оставался примером для земляков. Танкист Кудрин, как и мой отец-пехотинец, дрался на земле ленинградской, а другой наш земляк, генерал-лейтенант, дважды Герой Советского Союза, командир 215-й истребительной дивизии Григорий Пантелеевич Кравченко, закрывал от врага ленинградское небо. Только при прорыве блокады города летчики генерала сбили пятьдесят семь фашистских самолетов.

Прикрывал Кравченко и знаменитую ледовую дорогу жизни, не зная, что по ней водит свою машину житель села Батурино Шадринского района Иннокентий Полуянов.

«Валюша, извини, что долго не писал. Совершенно нет времени. Мы на своих автомашинах вывозим детей из осажденного Ленинграда. Работа очень ответственная и небезопасная. В письме это невозможно описать», – сообщал Иннокентий Иванович своей жене Валентине Ефимовне. Он погиб, как погибли, вывозя детей и защищая город Петра, Иван Михайлович Полуянов, Григорий Иванович Шабунин, Егор Анд-

реевич Хабаров, Михаил Антонович Гуляев, Иван Филиппович Черноскулов, Дмитрий Иванович Полуянов, Ефим Иванович Горшков. Погибли, так и не узнав, что многие спасенные от войны юные ленинградцы нашли приют в их родных селах и деревнях. Похоронки в семьях этих солдат до сей поры бережно хранят дети и внуки. Они считают, что их отцы и деды погибли не зря – они спасали будущее.

Сотни детей вывезли мои земляки по ледовой дороге. Около семи тысяч мальчишек и девчонок Ленинграда и Ленинградской области обрели вторую родную крышу на зауральской земле. Их приняли, как родных, обогрели, одели, обули, накормили. Часто, отказывая себе во всем, курганцы последнее отдавали прибывшим ребятишкам.

В середине сентября 1943 года за подписью председателя П. Попкова Ленгорисполком принял постановление, в котором говорилось: «Отмечая большую помощь, оказываемую районными организациями и колхозами Курганской области в улучшении бытового устройства детских интернатов, эвакуированных из Ленинграда, и в развитии их подсобных хозяйств, исполком Ленгорсовета решает: объявить благодарность и награждать грамотами...» Далее идут фамилии П. А. Грязных, Г. И. Александрова, А. Г. Шапиро, А. Е. Ефремова, А. Е. Никулина, А. В. Агишева – руководителей ряда районов и колхозов области.

Слушая эти слова, наши земляки заметили, что они и их коллективы делают это не за грамоты и благодарности, а от чистого сердца и русской души.

К сожалению, мы не знаем судеб всех уехавших после войны детей, но, готовя книгу об эвакуированных детях из города Ленинграда и Ленинградской области, мы обратились к журналистам «Санкт-Петербургских ведомостей». Они опубликовали наше письмо. К нам пошли письма-воспоминания. И сегодня с уверенностью можно сказать, что юные ленинградцы, жившие в Зауралье в грозные сороковые, стали настоящими

людьми: Дмитрий Салазкин – инженер-теплотехник, Валерия Романова (Максимова) окончила Карело-Финский университет и до выхода на пенсию работала в Карельском пединституте, Александр Горелов – доктор филологических наук, поддерживает с Зауральем деловые и дружеские отношения, Регина Бухольц и Ксения Булавская (Орлова) – преподаватели географии, Надежда Мошнина (Лупинина) – до недавней поры была режиссером Ленинградского телевидения, Мария Дмитриевна – медицинская и патронажная сестра в детской поликлинике, Валентина Кукучевская (Ефимова) и Валентина Подалевиц после окончания института точной механики и оптики работали в НИИ...

«Я числю себя тоже в особом смысле курганцем, – пишет бывший выпускник Голишовского детского дома Александр Горелов, – и для меня курганская земля священна и навсегда памятна!»

Проживают в великом городе и мои задушевные армейские корешки Женя Самохин и Сережа Казанцев, с которыми я в 60-е годы прошлого века служил в Группе советских войск в Германии и которые много рассказывали о своем неповторимом городе. И сейчас своим искусством радуют Санкт-петербуржцев мои дорогие земляки актриса Большого драматического театра им. Товстоногова народная артистка России Нина Усатова и всероссийский любимец, обладатель Кубка юмора блистательный Юрий Гальцев...

... Я никогда не жил в этом великом городе, редко приезжаю – дела, дела. Но точно знаю, что моя судьба связана с ним тысячами неразрывных нитей, потому что этот Город во все времена жил не для себя, что «прорубая окно в Европу», он радел за всю Русь, творя в семнадцатом году революцию – хотел лучшей жизни для всего народа, умирая в кровавые сороковые, он защищал, грудью стоял перед врагом за всех нас.

Потому сердце мое, сердца моих земляков всегда бились и бьются в унисон с огромным сердцем града Петра Великого.

**ЕЛАНЦЕВА
Юлия Леонидовна**

ЕЩЕ ДОЛГО ИГРАЛА ГАРМОНЬ...

Когда началась война, Августе, старшей дочери счетовода из деревни Малетиной Куртамышского района, было 12 лет. Это она принесла работавшим в поле родителям скорбную весть:

– Война началась! Айдайте домой...

Отца четырех детей Осипа Ивановича Малетина на фронт забрали почти сразу. Тем летом Матрена Ивойловна ждала пятого ребенка.

Со слезами вспоминает сегодня Августа Осиповна тот день, когда мужчин забирали на фронт. Сборный пункт был в Куртамыше.

– Машин сильно много было – полон базар! Я нашла отца, а он говорит: «Беги, скажи матери, чтобы не искала меня – услышит. Я буду в последней машине» (Он взял с собой на фронт нераз-

лучную подружку – гармонь). Машины с мобилизованными тронулись. Мы с мамой и бабушкой на телеге поспевали за ними, провожая до окраины Куртамышя. Долго еще слышно было, как играет папина гармонь...

В письмах Осип Иванович писал: «Берегите маленькую (родилась девочка), Бог даст – вернусь. Бои идут, а я все еще живой». Переживал за свою мать Наталью Алексеевну, просил не оставлять ее. За годы войны на всех четверых своих сыновей получила похоронку несчастная мать.

В составе 144-го армейского минометного полка Осип Малетин сражался за блокадный Ленинград. Вскоре после снятия блокады, весной 1944

Родилась в г. Куртамыш в 1976 году, окончила среднюю школу № 1. С 2002 по 2008 годы – обучение на заочном отделении филологического факультета (русский язык и литература) Курганского государственного университета. С 2012 по 2013 годы работала в архивной службе Администрации Куртамышского района, в качестве специалиста 1 категории. С февраля 2013 года по настоящее время работает в редакции районной газеты «Куртамышская нива», обозреватель.

года, был тяжело ранен в бою. В госпиталь он поступил с диагнозом «осколочное ранение бедра с переломом кости». За три недели, которые ему были отпущены после ранения, развился целый букет сопутствующих болезней: пневмония, энтерит, гипоавитаминоз, сепсис... Умер Осип Иванович 1 мая 1944 года и похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище Санкт-Петербурга. Не раз бывавшие на месте захоронения отца дети привезли с него горсть земли, чтобы положить на могилу матери в Зауралье.

САПЕРУ ОШИБАТЬСЯ НЕ ДАНО

Скупыми были рассказы наших отцов и дедов о пережитом на фронте. Спустя десятилетия мы, внуки, узнаем подробности их подвигов благодаря выложенным на сайте «Подвиг народа» копиям наградных документов.

Дед наш, уроженец деревни Коноваловой Александр Владимирович Еланцев на фронт ушел, едва началась война. Той первой снежной зимой в составе 276-го отдельного лыжного батальона защищал он Москву от врага. После расформирования лыжного батальона, дед оказался в саперном батальоне, в составе 22-й гвардейской стрелковой дивизии участвовавшем в Ржевской битве. В феврале 1942 года был ранен, но обошлось без госпи-

таля.

Тридцать лет его нет с нами, а мы только сейчас узнали, каким героем был наш скромный дедушка.

1942 год. В составе группы саперов рядовой Еланцев проделывал проходы через минные поля и проволочные заграждения фашистов. Один за другим вышли из строя все бойцы группы, остался только он. Тогда в одиночку, под ураганным огнем фашистов, наш дед разминировал дорогу: разрезал проволочное заграждение в 20 метров шириной, извлек 15 противопехотных и 9 противотанковых мин. Обрато вернулся не один, с раненым товарищем на плечах. За этот

подвиг Александра Владимировича представили к ордену Красной Звезды, который он так и не получил – награда затерялась в вихре войны. Возможно, он даже не знал об этом ордене. На наш запрос об ордене Центральный архив Министерства обороны ответил: «Отметки о вручении награды нет».

В октябре 42-го истощенная в боях за Ржев дивизия была переформирована во 2-й гвардейский механизированный корпус. Туда же

входил и саперный батальон деда. Боевое крещение корпус получил в Сталинградской битве.

В июле 43-го начались бои за Донбасс. В первую ночь наступления саперы Еланцева оборудовали образцовую переправу в самом ответственном для пропуска танков и колесного транспорта месте у ныне печально известной всему миру Дмитриевки. Через три недели под автоматным огнем противника он уже производил разведку моста в Сталино (Донецк), по которому должны были проходить танки. «Участник всех боевых операций роты, смелый, стойкий, отважный командир. Достоин правительственной награды – ордена Красной Звезды», – писал в ходатайстве о награждении командир.

Весной 1944 года Александр Владимирович участвовал в освобождении Украины от фашистов. В боях за Николаев вместе с саперами своего взвода проделывал проходы в минных полях, под обстрелами проводил сквозь минные заграждения штурмовые отряды. А в одном из

Справа Александр Еланцев

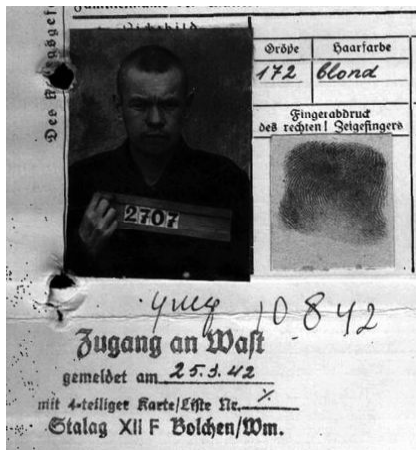
боев, невзирая на свистящие над головой пули, на подручных средствах переправил через Днепр 130 офицеров, сержантов и рядовых с их оружием. За проявленное в боях мужество получил самую ценную солдатскую награду – медаль «За отвагу».

В составе 3-го Украинского фронта корпус старшего сержанта Еланцева участвовал в форсировании Дуная, в освобождении Будапешта и Вены. Победу встретили в Австрии.

В Куртамыш дед вернулся осенью 45-го. Через год женился, один за другим на свет появились трое детей. Пока мог, работал плотником в организациях города.

Не по своей воле из крестьянина превратившись в воина, четыре года наш дед смотрел смерти в глаза. Из ада той войны он вернулся живым, может быть, во многом благодаря врожденным качествам русского мужика – выносливости и смекалке.

ОДИН ИЗ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ

Уроженец села Камыши Куртамышского района Александр Дмитриевич Серков был мобилизован в октябре 1938 года. В июне 1940 года он попал в сформированный под Гродно 106-й пограничный отряд войск НКВД. Формирование его происходило в обстановке крайней секретности. Лишь за день до отправления к месту постоянной дислокации сведения о цели создания отряда разрешено было донести до пограничников. Отряд охранял 180 км государственной границы с Восточной Пруссией, штаб его находился в литовском городе Таураге.

22 июня 1941 года 105-й, 106-й и 107-й пограничные отряды вступил в бой с немцами. С июня по август пограничники выдержали свыше 500 вооруженных попыток немецких спецгрупп прорваться на советскую территорию. 25 сентября 1941 года 106-й отряд Серкова был расформирован в связи с большой потерей личного состава...

Согласно записи в Книге Памяти Курганской области, сержант А. Д. Серков, командир отделения 106-го пограничного отряда, погиб в бою в сентябре 1941 года и похоронен в литовском хуторе Резекне.

Но! Его супруга Александра Николаевна после войны пыталась установить судьбу мужа. Ответ гласил, что последнее письмо солдата, датированное 22 июня 1941 года, было отправлено из города Таураге Литовской ССР, а в личном заключении куртамышского военкома от 22 июня 1946 года значится: «Заключение дать не могу за неимением

дополнительных данных. Пропал без вести в сентябре 1941 года». Откуда взялись эти сведения о гибели в Книге Памяти?

В 90-х началось массовое рассекречивание архивов. Среди списков военнопленных оказался и Серков. К счастью, учетная карточка военнопленного Серкова, которую заполняли немцы, хорошо сохранилась. Рассматриваю ее электронную копию, взятую с сайта «Мемориал». С характерной для немцев дотошностью внесены сведения о пленном: рост (172 см), цвет волос (блондин), какие прививки сделаны. В графе «родители» отмечен отец – Серков Дмитрий Федорович.

Благодаря этой карточке, выясняется, что в плен пограничник попал в городе Таураге. Дата не указана, но 25 июля 1941 года в пересыльном лагере Далюм немцы уже сделали ему первую прививку. В январе 42-го под лагерным номером 2707 Серкова перевели в один из шталагов Германии, где он был определен в отдельный барак для больных военнопленных. Через неделю пленного № 2707 отправили в лазарет лагеря Йоханнис-Баннберг, одного из самых крупных шталагов фашистской Германии. Советские военнопленные из этого лагеря использовались в шахтах Лотарингии. Фактически все они, за исключением нетрудоспособных, постоянно находилась за пределами лагеря в тех населенных пунктах, где работали. В феврале 1942 года на такие работы был отправлен и Серков, но через месяц возвращен с пометкой «болен».

Последняя запись сделана красными чернилами. После ее перевода становится понятно, что 10 августа 1942 года русский военнопленный № 2707 умер от истощения, отеков и сердечной недостаточности. Судя по характерному штампу, наш земляк погребен в братской могиле на лагерном кладбище ныне французского Форбаха. И сегодня на этом кладбище стоит памятник советским военнопленным в форме православного креста.

НАХЛЫНУВШИХ ВОСПОМИНАНИЙ РОЙ...

На довоенном патефоне крутится пластинка – в исполнении Марка Бернеса звучит некогда популярная в Советском Союзе песня «Тучи над городом встали». В подходящей атмосфере советского времени среди экспонатов выставки «Куртамыш промышленный» в краеведческом музее нашего города скромную брошюрку своих «Воспоминаний» представила землякам Нина Яковлевна Малеванная, труженица тыла, участница восстановления разрушенного Сталинграда.

Нина Яковлевна отвечала на вопросы присутствующих, рассказывала о своем довоенном детстве. У ее родителей, коренных куртамышан Якова и Агреппины Голодневых было восемь детей, всем членам семьи приходилось много работать. Свободное время проводили на улице. Будто и не было минувших десятилетий, помнит Нина Яковлевна правила игры в «бабки» и «шаровки». С удовольствием поделилась воспоминаниями о довоенном Куртамыше, летней танцплощадке 30-х, куда бегала с подружкой. Не забыла и о соседях по улице – многодетных семьях Абдрашитовых, Чеботаренко, Коротановых, Колодкиных, Лоскутниковых, Павловых, Туленковых. Многие сыновья соседней навсегда остались на полях сражений Великой Отечественной войны.

Хорошо помнит Нина Яковлевна, как встретили известие о войне куртамышане, как забирали на фронт мужчин, отправляя в грузовиках с территории совхоза-техникума по юргамышской дороге, как рыдали жены и матери, как бежали за машинами на окраину Куртамышя...

Многое выпало и на долю тех, кто остался в тылу. Не было дня, чтобы 15-летняя Нина не работала для фронта – разом кончилось детство. В артели «Крестьянка» шили брюки, гимнастерки, ватные телогрейки, вязали варежки. Осень про-

водили на уборке ржи и пшеницы с колхозных полей, пахали землю. Вместе со сверстниками Нина училась на военного шофера, ходили с подругами в военкомат проситься на фронт, но их прогнали прочь. Наконец,

в мае 1943 года вся молодежь страны получила призыв отправляться на восстановление разрушенного Сталинграда, и в компании еще трех куртамышанок Нина Яковлевна отправилась в путь.

Очень подробно рассказывает автор в своих «Воспоминаниях» о годах, проведенных в восстановлении Сталинградского тракторного завода, о том, сколько тяжелой работы пришлось повидать. Вернулась она на родину только в 1946 году. Вышла замуж за фронтовика, пошли дети. Многие годы жизни отданы потребкооперации.

В свои 87 Нина Яковлевна по-прежнему неутомима и полна желаний жить. Она трижды ветеран – Великой Отечественной войны, труда и потребкооперации. Ее грудь украшает медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», которую она получила в июне 1945 года в Сталинграде. За воспитание пяти дочерей многодетная мать удостоена медали «Материнство» II степени.

Прав был классик: есть женщины в русских селеньях...

ЦЕНОЙ ПОТЕРЯННОЙ РУКИ

Уроженец села Нижнего Иван Степанович Zubov попал на Карельский фронт в июле 1941 года. Служил в должности командира отделения подвижных средств роты связи 313-й Петрозаводской Краснознаменной стрелковой дивизии. В боях с белофиннами

в апреле 1944 года сержант Zubov обеспечивал бесперебойную связь линейным подразделениям, находящимся на передовых позициях. За проявленное мужество и бесстрашие, умелое выполнение порученных заданий был награжден медалью «За боевые заслуги».

Всю войну прошел наш земляк невредимым, а

под конец удача изменила ему... Победной весной 45-го Иван Степанович в одном из боев за немецкий город Клайн-Катц был ранен. При попытке устранить порыв линии было убито несколько бойцов. Тогда сержант Zubov сам пополз вдоль линии в сопровождении двух солдат. Одного из солдат пуля настигла еще в пути. Когда удалось найти место разрыва, и сержант с оставшимся товарищем стали соединять провода, рядом разорвался снаряд. Осколками убило второго бойца, самому сержанту раздробило руку. Но, невзирая на жгучую боль, он смог соединить провод – связь была восстановлена. В госпитале руку Zubovu ампутировали. За свой подвиг Иван Степанович Zubov был представлен к ордену Славы III степени.

Из наградного листа: «...Будучи начальником направления связи, под сильным артиллерийско-минометным огнем противника непрерывно держал связь командования полка с батальонами, исправляя все повреждения лично. Рискуя жизнью, под разрывами вражеских снарядов проверял телефонную линию на всем протяжении. Своими действиями, смелостью и решительностью обеспечил командованию полка успешное управление боем...».

ЕФИМОВ
Владимир Михайлович

ЧЕЛОВЕК ВЫСОКОГО ДОЛГА

10 февраля 2014 года отметил своё 90-летие фронтовик, кавалер ордена Красной звезды, ордена Отечественной войны, майор в отставке, отличник народного просвещения, почётный выпускник Белозерской школы, почётный гражданин Белозерского района Виктор Николаевич Коробейников. Два года шёл он дорогами войны. Прошагал от Курской дуги, через Польшу, Германию. Смерть не раз обдавала фронтовика своим ледяным дыханием. После нескольких ранений вновь возвращался в боевой строй. Был демобилизован в 1947 году. С 1948 по 1984 годы работал учителем Белозерской средней школы. Накануне юбилея встретился, беседовал с Виктором Николаевичем, слушал, как он перебирает даты, полужакрыв глаза, вспоминает события войны и послевоенные...

«Как я выжил»

Повезло мне в войну, выжил чудом каким-то. Сколько тогда ровесников моих полегло, парней девятнадцати-двадцатилетних. Я тоже должен

был погибнуть по законам войны. Сидел в окопчике, мы их ямками называли, началась танковая атака. Во время боя меня землёй привалил немецкий танк. Откопал рядом расположившийся боец, он всё видел. Я уже сознание потерял,

---

Родился 4 июля 1951 года. Работает заведующим музеем МКОУ «Белозерская СОШ». Более 20 лет отдано журналистике, трудился обозревателем в Альменевской районной газете «Трибуна» и Белозерской «Боевое слово». Любимые жанры – репортаж, очерк. До ухода на пенсию по возрасту более 10 лет проработал в культуре художественным руководителем Белозерского Дома культуры. Режиссер нескольких театральных постановок, многих районных культурно-массовых мероприятий. Дипломат Всероссийского и лауреат Областных конкурсов чтецов, награжден Почетной грамотой Министерства культуры Российской Федерации.

самому было бы не выбраться. Вытащил меня, «Живой, – кричит, – считай, заново родился!» А я понять ничего не могу, позже только в себя пришёл.

Это на Курской дуге мы приняли боевое крещение. Нас, курсантов, тогда спешно перебросили из Пермской области, где находилось офицерское училище. Недоучились, отправили на фронт.

Снаряд падал в полутора-двух метрах от меня, тогда контузило крепко. Первый снаряд упал далеко, я стал уже подниматься, но за разрывом первого не услышал, как второй рядом долбанул. Хорошо, машинально руками голову прикрыл. Руки посекло осколками, а подними выше голову, изрешетило бы.

Мина немецкая шлёпалась в трёх, буквально, метрах. Хорошо, что ушла глубоко в трясину и там взорвалась, пронесло.

Перед самым наступлением на Курской дуге комбат заставил меня обучиться сапёрскому делу. Чуть что: «Коробейников – вперёд!». Ползу, снимаю мины. Сижу как-то, высматриваю, всё-таки их маскируют немцы, комбат быстро подходит.

– Что ты возишься, давай скорее!

И заносит ногу, чтобы ставить на клочок сена. «Стой, комбат!» – крикнул ему. Он замер с поднятой ногой. Я разгрёб осторожно сено. Вот они, «рожки», торчат. Наступил, рвануло бы так, что разметало в клочья обоих.

Много приходилось мин обезвреживать.

Пришлось узнать, и что такое разведка боем. Выходишь на позиции, открываешь огонь из орудий, то есть вызываешь огонь на себя. Корректировщики засекают огневые точки фашистов, и они уничтожаются.

Я был наводчиком пушки 45-го калибра, воевал в противотанковой батарее пехотного полка. Выкатили орудия, открыли огонь. Ответный огонь плотный. лейтенант комвзвода что-то кричит, ничего не слышно, грохот. Смотрю, лейтенанта скосило, убит. Видно, грудь разорвало крупными осколками. Танки пошли, а у нас снаряды на исходе. Дождь к тому же идёт. Я

навожу на силуэт танка, стреляем – мимо. Снова навожу. Как саданёт! Меня в канаву отбросило, над головой пули трассирующие летят. Зарываюсь в грязь глубже, глубже, осколки часто-часто стучат по щитку пушки. Пехотинцев-курсантов почти всех повыбивало. У нас рядом две пушки, да обе разбитые. Бой откатился. Пушки оставлять нельзя, тащили их по очереди по следу танка. А те огневые точки немцев всё-таки подавили.

Помню, придумал командир батальона «кочующее» орудие. Им стала наша пушка. Выкатили к деревне, ударили по немцам и откатились назад. Только немец засёк, взял нас в «вилку». Снаряд упал впереди, второй сзади. Комбат пожалел наш расчёт. «Разбегайтесь», – кричит. Мы едва отбежали, как третий снаряд – в орудие. Хоть мы живы остались.

Распределили нас по другим орудиям, меня опять наводчиком. Это все происходило, когда «рвали» Курскую дугу.

Запомнился ещё один бой. Притащили орудие, затем ползком за снарядами. Их тащим на спине. Так пробирались до свободной немецкой траншеи. Оставалось 5-7 метров, вдруг саданул немецкий крупнокалиберный пулемёт. Справа от меня Новгородцев охнул: готов. Я броском скатился в окоп, комбат туда же. Слева от меня солдат толкал пушку, ему руку перебило. Голову не могли поднять. И комбату пуля глубоко чиркнула по виску. Помогли нам соседи. Атаковали с фланга. Немцы выбросили белую тряпку. Сдались.

Навсегда мне вьелся в ноздри запах войны – кислый, терпкий. Так пахнет смерть.

Солдатский труд

Война... Тяжёлый изнурительный солдатский труд. Мы двигались со своим расчётом на Орёл. Продолжал снимать немецкие мины, много тогда снял. А сколько пришлось земли перекопать? Встали – окопать орудие, диаметр – 10 метров, сделать пологий спуск, самим окопаться. Сделать блиндажи тоже наша задача, найти брёвна для

накатов. Речка на пути, вязать плоты для переправы. А ещё караулы. Стоишь без опоры на стенку окопа. Если обопрешься, считай, заснул. Сколько мы тогда недосыпали! Больше года я воевал с оружием «прощай, Родина», сорокопятка так называлась. Солдаты так окрестили его оттого, что погибали часто целыми расчётами. Ранило потом и меня тяжело: в грудь навывлет. Это уже под Бобровском. Долечивался в Могилёве. Признали годным к службе. Дали направление в воинскую часть в Польшу. Сопровождал пятнадцать бойцов. Довёз тринадцать. Двое, наверное, сбежали по дороге. Зачислили меня уже в тяжёлую артиллерию. Смерть стала заглядывать реже: через артобстрелы и налёты самолётов. Встретил всё-таки уже в Польше и свою часть. Увидел комбата.

– Возьмите, – говорю, – обратно.

А он ответил так: «Ты ещё молодой, тебе жить надо, хватит, походил рядом со смертью». Старшему лейтенанту Нашатырёву дал я свой адрес.

– Напишу, – сказал он, – если буду жив.

Не написал, погиб, наверное.

Победа. Возвращение

Потом пришла долгожданная победа. А я ещё два года служил в Германии. Наконец в марте 1947 года уволили меня в запас. Эшелон шёл целый месяц. На продталоны взял мешок муки, так он ехал со мной.

Еду от Кургана до Белозерского на попутке и не узнаю окрестностей. Были сплошные березовые колки, тут – чисто, повыврубили все за войну.

Мама, сестры встретили радостно. Очень обрадовались муке. Папа погиб в 1941 году. Одного меня, старшего сержанта Виктора Коробейникова, дождались. Сразу же начались трудовые будни. Поработал председателем районного совета физкультуры, потом пошел в школу учителем рисования и черчения.

Нужно было учиться. Поступил в Шадринский учительский институт, окончил его с отличием. Потом окончил математический факультет Курганского пединститута, тоже с отличием. Учился

заочно: нужно было кормить маму и четверых сестреночек. Предлагали остаться в аспирантуре. Какая там аспирантура, работать надо было. Вел в школе позже математику и черчение. Не скрою, был строг. Поперву достался мне слабый класс, как мог, вытянул. В 1961 году был переведен заучем производственного обучения, появились мастерские, гаражи. Предлагали стать директором школы, отказался. Много не устраивало. Вряд ли удалось бы что-то изменить. Многие годы был учителем математики.

Творчество музыкальное шло со мной. Организовывал хоры учащихся, духовой оркестр вел, сам играл на трубе.

Помню, разучили, исполняли трехголосие «Полenez Огинского», «Дунайские волны». Зрители плакали.

Я ведь самоучка. Нотную грамоту помог освоить еще отец, игре на трубе научился у приезже-

го гастролера. Оформление здания к праздникам тоже было на мне. Все, кстати, делалось без оплаты. Как только сил хватало!

Впрочем, в один момент сердце сдало. Курганский врач-кардиолог поставил на ноги.

В 1984 году ушел на пенсию. Но еще помогал школе. Несколько лет работал хозяйственником, ремонтировал парты, столы. Знание столярного, плотницкого дела тоже от отца.

На пенсии люблю повозиться с машиной. Рыбалка зимняя и летняя – моя страсть. Только в прошлом году забросил: силы не те.

От автора

Напомню читателям, что Виктор Николаевич является продолжателем учительской династии Коробейниковых. Дети его, внуки грамотные учи-

теля. Жизнь прожита достойно. С полным правом можно назвать нашего юбиляра человеком высокого долга. Долга патриотического, профессионального.

Какое счастье, что Виктор Николаевич живет в нашем районе.

Более 40 лет труда и до сего дня он проводит встречи с молодым поколением села.

На стене в квартире ветерана большой снимок: он в окружении волонтеров Белозерской школы. Рядом почётная грамота районного общества охотников и рыболовов, датированная 2012 годом: за второе место в соревнованиях по рыбной ловле. Есть порох в пороховницах!

Здоровья Вам! Мудрость Ваша нужна белозерцам, Виктор Николаевич!

ПОЕЗДА НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Годин Н. А.

**ЗАОСТРОВНЫХ
Мария Ивановна**

ИХ ЖИЗНЬ – ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОДВИГ

Сначала об отце.

Война! Зачем она? Кому она нужна? Что это – борьба между злом и добром? Начинают ее злодеи. Что это за люди?! Что у них в сердце? Что у них в голове? Как они такими становятся? Почему они не хотят жить, как нормальные люди? И как получается, что они выхватывают право вершить судьбы миллионов людей? Почему люди позволяют им это? Почему масса народа вдруг подчиняется одному злодею? Ведь эти злодеи не своими руками вершат зло! По их воле это делают другие! Почему эти другие не могут воспротивиться? Почему они подчиняются этому (одному!) Недочеловеку?! Как разрубить этот гордиев узел?

Кто при этом гибнет? Конечно, не сами злодеи, втравившие других в войну. Гибнут те, кто им подчиняется и те, на кого нападают. За что складывают головы эти люди? Во имя чего они гибнут? Какие неисчислимые бедствия несет война! Сколько горя она причиняет! Гибнут семьи, появляются беспризорные дети. Голод гонит их в неизвестность.

Одна такая жертва войны 1914 г. (первой мировой) появилась в селе. Травники на Южном Урале в Челябинской области, Чебаркульского района. Это Ванька-хохленок, как его прозвали жители села, из Белоруссии, из Брестской области, 10 лет от роду.

Как он здесь оказался?

Родилась 4 февраля 1928 года. 50 лет трудового стажа. 10 лет работала агрономом и 40 лет учителем биологии и химии. Образование высшее. Замужем была за бывшим фронтовиком Заостровных Антоном Степановичем. Прожили 52 года вместе. Имеют трех сыновей. Старший Володя – бывший штурман дальней авиации, закончил Челябинское высшее авиационное училище штурманов. Средний Антон – бывший агроном Курганской СХА. Младший Иван – бывший учитель физики и математики, 11 лет отдал школе.

Достойная уважения и дружная русская семья.

Провожаем папу на фронт. Осень 1941 года

Жил парнишка с семьей в деревне Ковердяки в 6 км от Бреста, у самой польской границы. Родился в смутное для России время в 1905-м году. Мать дала жизнь парнишке, а сама умерла. В семье четверо детей. Потом соседка рассказывала: «Приду в хату, он один в зыбке, по нему уже черви ползают, оберу его, нажую ржаного хлеба в тряпочку, суну в рот и уйду. Думаю, не выживет малец».

Выжил парнишка и выпала ему горькая жизнь. Но все-таки он тянулся к грамоте, закончил 3 класса школы. И вот 1-я мировая война вырвала его из родных мест. Немцы подошли к границам Белоруссии. Население бежит в глубь России. В дороге потерялись. Ванюшку забросило на Южный Урал. Ванька остался один. Выручил встре-

Первая и вторая фотография папы, присланные с войны

тившийся земляк. Поедем, – говорит, – Ваня, в казацкие деревни, там как-то можно выжить.

Так он и попал в Травники, селяне устроили его подпаском и назвали «Ванькой-хохленком». Ел, что дадут, спал, где придется. Потом, когда жизнь наладилась он в застолье пел песню:

**«Во саду при долине
Громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине...
Затерялся среди людей...»**

Потом революция, гражданская война, деревня еле выживает.

После окончания гражданской войны начались преобразования в деревне. Провозглашена политика ликвидации кулачества, как класса. Стали организовывать коммуны. В одну из таких коммун был принят и Ванька. Послали на курсы животноводов, приняли сначала в комсомол, потом в партию. Стал наш Ванька-хохленок Иваном Ивановичем.

В коммуну вступила и Болонова Анна Сергеевна, окончила после ликбеза курсы медсестер, стала работать в детсаду. Встретились, пожени-

лись, появились дети, своя собственная семья. Счастливым стал Иван. Теперь он знал, как можно разыскать родных. Сначала откликнулся брат Илья, потом сестра Мария, а брата Федора встретил только через 50 лет. Зажили хорошо.

2-я мировая

И вот опять война! Вторая мировая! 22 июня 1941 года война ворвалась в нашу жизнь позывными Москвы и тревожным голосом Левитана. «Внимание! Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Через несколько минут будет передано важное сообщение!» Затем услышали голос Вячеслава Михайловича Молотова, нашего наркома иностранных дел. Он сообщил, что в 4 часа утра немцы без объявления войны внезапно напали на нашу Родину. На всем Западном фронте идут ожесточенные бои.

Итак, началась вторая война в жизни Ивана. Только теперь он не мальчик. Пошел защищать свою Советскую Родину. Он попал в танковый корпус, где армией командовал Рыбалко и оказался в том месте, где гитлеровцы рвались к Сталинграду. Во время Сталинградской битвы при форсировании Волги он был тяжело контужен, ослеп и оглох. Лейтенанта Дринюк Ивана Ивановича после госпиталя привезла домой медсестра в мае 1944-го за год до окончания войны.

Дома жена и дочери делали все, чтобы поставить его на ноги. Зрение и слух постепенно вернулись, и он приступил к работе.

В 1950 году, через 5 лет после войны он смог поехать на Родину в Белоруссию к родной сестре Марии в свою деревню Ковердяки. Что творилось в душе Ивана, когда он через 45 лет увидел свою родную деревню, родную хату, сестру! Разве можно передать эти чувства? Как он пошел на встречу со сверстниками! Это невозможно видеть без слез! Встретился со своим босоногим детством!

У сестры Марии четверо детей, которых растила с 1941 года без мужа, так как Кулая Ивана

1943.
Сталинградский фронт

немцы забили палками до смерти за то, что он вызволил дочь из-за колючей проволоки. А сыну Сереже немец прикладом выбил все зубы, и теперь у него вставные железные.

А с сестрой не могли нагово-

Дринюк Иван Иванович

риться! Так побывал на Родине Иван, привез жене и детям массу впечатлений.

И опять постигло Ивана горе – 29 августа 1955 года умерла жена в возрасте 49 лет от рака.

В 50 лет Иван остался вдовцом. Умер он сам 14 июня 1983 года в 78 лет. Дочери похоронили его на Бишкильском кладбище. Военкомат обещал поставить ему мраморный памятник, как участнику войны.

Воспоминания об отце меня снова приводят к мысли о войне.

Кто и как может заронить искру дружбы в сердца людей на планете? Как убедить народы не убивать друг друга? Как научиться блокировать злодеев, развязывающих войны? Зачем умирать из-за них? Места на земле всем хватит! Средства, которые затрачиваются на войну лучше пустить на благо всех людей на Земле! Долой войны и человеческие беды!!!

Теперь о муже.

Антон Степанович Заостровных родился 16 апреля 1924 года в деревне Ильтяковой Шадринского района. Учился в Осиновской семилетке, где жила их семья потом. Окончил 7 классов, ремесленное училище. В 1942 году его призвали в Армию. Служил с 28 сентября 1942 года по сентябрь 1950 года – 8 лет. Войсковая часть 5335, 26-я дивизия, 74-й полк. Освобождал Западную Украину, Польшу, дошел до Кракова, который спасли от взрыва, очищал леса от бандеровцев. Затем сопровождал пленных по железной дороге до мест назначения. После этого был направлен на войну с Японией, где был командиром станково-пулеметного подразделения. Проехал всю страну до Тихого океана. После окончания войны их часть назначили на охрану мостов у Казани на Волге.

Имеет многочисленные награды, среди них: медаль «За боевые заслуги», медаль «За Победу над Германией», «За Победу над Японией», «Орден Отечественной войны II степени», «Медаль Жукова», «За доблестный труд», «Ветеран

труда», «За освоение целинных и залежных земель», юбилейные медали – 6 штук – и многочисленные грамоты.

После войны окончил Шадринский сельхозтехникум – зоотехник, затем Высшую партийную школу в Свердловске, получил высшее политическое образование, работал в Каргапольском райкоме партии.

16 августа 2001 года скончался от инфаркта, уже будучи на пенсии в возрасте 77 лет.

Вечная память нашим воинам!

Никто из нас тогда не думал подвиг или не подвиг мы совершаем, но все делали для того, чтобы отстоять свою Родину Советскую и победить проклятый фашизм.

Отец и муж не жалея жизни воевали на фронте, приближая Победу.

А мы что с мамой делали в тылу?

Отец ушел на фронт и наказал маме учить меня дальше. Осталась она с тремя детьми, я старшая, была бы помощницей, а меня надо учить. Ей пришлось с малыми возиться, и хозяйство вести, и работать.

К 1941-му году я закончила 6 классов, перешла в 7-й, мне было 13 лет, и началась Великая Отечественная война.

Всех мужчин отправили на фронт. Я еще год жила с мамой, закончила 7 классов, затем уехала учиться в Миасскую среднюю школу, когда мои сверстники на этом и закончили свое образование. Мальчишек через два года забрали в армию, а девочки или уехали на заводы, или остались работать на полях совхоза.

Летом мы сразу включались в работу в совхозе. Пропальвали овощи, пшеницу, осенью за лобогрейками вязали снопы. Все село от мала до велика выходило на страду.

А во время учебы нас иногда вывозили на станцию разгружать селитру для снарядов, которую привозили на завод.

В 9-м классе я вступила в комсомол. В этот день наша классная руководительница принесла в класс газету и показала снимок Зои Космодемьянской с петлей на шее и рассказала о зверствах фашистов. Этот снимок был найден у пленного немецкого офицера. Вступая в комсомол мы поклялись не жалея жизни бороться с фашизмом, заполняя ряды погибших.

Всю войну мы жили под лозунгами «Все для фронта, все для Победы над врагом! Повсюду висели плакаты: «Родина-Мать зовет!», «Что ты сделал для фронта?», а в школе: «Хорошая учеба приближает Победу над врагом!» «Лодырь помогает врагу!» Я старалась.

В нашей школе были введены уроки военного дела. Учили нас военному искусству, ползать попластунски, стрелять из винтовки, колоть штыком. Девочки изучали азбуку Морзе и работу радиста с ключом.

А дома в совхоз привезли много эвакуированных из Ленинграда. В каждую семью поместили

по семье эвакуированных. В город Миасс прибыл из Ленинграда Испанский детский дом. Испанцы учились вместе с нами два года в 8-м и 9-м классе. Учились на русском языке, а между собой говорили на своем родном. 10-й класс они уже заканчивали в Ленинграде, когда была прорвана блокада, их увезли туда. Помню имена тех, кто учился в нашем классе: Иглесиас Пепита – самая красивая и бойкая из них. Вообще-то они все были красивыми, жгучие черные глаза! Луис Мартинес – красавчик, Кинтана Соледад – очень высокая девочка, Альварес Цезарь и Гарсия Ленин – неразлучные друзья, сидели на первой парте, учились отлично, устраивали шумные дискуссии по разным поводам. Гарсия Аврора и Гарсия Антонио – брат и сестра, и еще Сьера Абдулио – самый скромный и тихий из них.

По дороге в школу я как-то встретила пленных немцев под охраной копавших картошку в совхозе. Люди вроде как люди, а сколько они бед у нас натворили!

И вот дождались мы того радостного дня – Дня Победы!

9-е мая 1945 год! 10-й выпускной класс, завершающие уроки!

В воздухе висит уже ожидание Победы! Вдруг слышим на улице крики: «Победа! Победа! Конец войне!!!»

Открываем окна, срываемся с мест, бежим на улицу врываемся в толпу, кричим: «Ур-а-а!!! Победа!!!»

Люди смеются и плачут одновременно! Незнакомые обнимаются, целуются!

*«Этот день мы приближали как могли,
Этот День Победы...
Этот праздник со слезами на глазах...»*

Долгое и тяжелое было ожидание...

И вот она – Победа!!

Выковали ее все вместе: фронт и тыл.

В тылу трудились для фронта женщины и дети, снабжали фронт всем необходимым, солдаты же, не жалея жизни, дрались с коварным врагом. И

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

мы, школьники, во всем помогали взрослым.

Не думали тогда, подвиг ли мы совершаем, отдавая все для Победы!

Хочу сказать, что Сталина мы не просто уважали, обожали!

С его именем жили, трудились и шли в бой! Перед атакой у наших бойцов был боевой клич: «За Родину, за Сталина!» Пишу – и слезы наворачиваются на глаза. По плохому человеку люди

не плачут, а когда умер Сталин, мы все плакали навзрыд! Ушел наш заступник! У нас была великая вера в человека, стоящего у руля страны. Мы верили в честность, бескорыстие и стремление сделать жизнь трудового народа лучше.

А теперь даже в День Победы его имени не произносят! А ведь с ним мы победили! Без дисциплины, может, и Победы не было бы! Какая несправедливость!

ЗАХАРОВ
Алексей Анатольевич

ФАНТОМНАЯ БОЛЬ

...В сорок третьем году старик был двадцатилетним сержантом Медведевым. В один из ясных августовских дней пуля из немецкого МГ-42 безнадежно разворотила ему ногу под левым коленом. Он и старшина Касымов – узбек по национальности, – пробирались по разбитым улицам пригорода Харькова, возвращаясь из разведки и неожиданно попали под обстрел неприятельского секрета, который засел в цокольном этаже почти разрушенного артиллерийскими снарядами дома.

Пулемет ударил где-то слева, совсем близко, длинной раскатистой очередью. Среди образовавшегося продолжительного затишья его рывканье показалось им нереальным и совсем чуждым.

Пулемет зло выплюнул в них стаю остервенелых пуль, которые, посшибав по пути высокие стебли мальвы, разнесли в пыль соседний кирпичный угол. Удивительно, но первые выстрелы не причинили ему и Касымову никакого вреда. Немецкий стрелок видно не отличался особой меткостью. Разом пригнувшись, они втянули головы в плечи и метнулись к пустому оконному проему ближайшего здания. Вслед за первой очередью сразу же грохнула вторая. Вот после нее в каждого из них и угодило по пуле. Одна тут же убила старшину – вошла сзади, в наголо обритый загорелый затылок узбека, снеся Касымову верхнюю часть лица, – а другая – досталась ему.

На последней секунде сознания он успел вва-

Родился 30 июня 1971 года в городе Кургане. В 1993 году закончил Курганский машиностроительный институт. Работал инженером-механиком, частным предпринимателем, обозревателем в журналах и газетах. Автор книг "Ловцы звезд" и "Ганцлер-13".
В Союз писателей России принят в 2009 году.

литься в полупустое помещение и тут же потелся в беспамятной мгле. Когда через неопределенное время он пришел в себя, то первое, что увидел – своего мертвого друга, Ибрата. Труп повис поперек низкого оконного проема, обращенный лицом вверх. Поднимающееся летнее солнце ярко освещало убитого. Его лучи без стеснения скользили по линиям гимнастерки, играли на эмали неестественно оголенных зубов, гранях серебряной солдатской медали, и, проникая внутрь здания, освещали треть большой комнаты, в которую он запрыгнул. Солнце совершенно обыденно и отстраненно воспринимало факт смерти человека. Происходившее на земле никак не волновало его. Оно с одинаковой силой и щедростью светило и для немецкого пулеметчика, и для мертвого старшины.

Касымов не успел добежать до спасительного укрытия всего шаг. Одна половина тела находилась внутри, другая снаружи. Руки Ибрата безвольно свисали к полу, пальцы касались осколков ломаного красного кирпича и мелких стекол. На пыльных досках, под головой старшины образовалась желеобразная кроваво-грязная масса. От лица постоянно улыбающегося тридцатилетнего узбека сохранились лишь приоткрытые губы и подбородок...

Медведев отвел от убитого товарища взгляд и посмотрел на свою изуродованную ногу. Пуля прошла навывлет, но он догадался, что кость все же задета. Штанина напиталась кровью и сделалась черной. Под сапогом образовалась небольшая лужица. «Видимо, в сапоге тоже кровь», – расплывчато думал он.

Несмотря на тяжесть ранения, ему все же здорово повезло. Чудо, но ни один крупный кровеносный сосуд не был поврежден выстрелом, лишь только поэтому он не истек кровью пока лежал без сознания и не умер.

Он с трудом подполз к простенку, приподнявшись на слабых руках, сел на пол и прислонился к прохладной кирпичной кладке. Потом снял ремень, обвил им бедро и, кусая кислый от пота брезент зубами, что есть силы затянул пряжку.

Пока возился с ремнем, сильно устал. Закончив, он закрыл глаза и просидел, не двигаясь, около получаса. Мысли блуждали в его мозгу неясными размытыми образами. Путались, приобретая странные формы, а порою вовсе пропадали. Иногда он почти выпадал из действительности, каждый раз готовый провалиться в сумрачное полужабытье, но в последний миг усилием воли заставлял себя разомкнуть веки и сосредоточить взгляд на одном из предметов, находившихся в комнате.

Здание, в которое он попал, когда-то было административным. Какой-то архив или канцелярия. Об этом свидетельствовали немногочисленные вещи, сохранившиеся от прежнего интерьера. У дальней стены громоздились два пустых книжных шкафа с распахнутыми покосившимися дверцами – удивительно, но в одном шкафу все стекла оказались целыми, – рядом на полу в беспорядке валялись многочисленные листы бумаги, обрывки газет и несколько книг с замятыми страницами. На середине комнаты валялся сломанный стул и прямоугольная деревянная рама то ли от зеркала, то ли от большого номенклатурного портрета.

Он еще раз обвел глазами помещение, но ничего кроме осыпавшейся штукатурки и колотого кирпича больше не обнаружил. Очень хотелось пить. В пересохшем горле пылало. Он поднял с пола снятую с ремня фляжку, отвинтил крышечку и, не в силах остановиться, сделал несколько жадных глотков.

«Сколько сейчас времени? Как долго я пролежал без сознания?» – гадал он. Он помнил, что они с Касымовым возвращались к своим в десять утра. Часов у него не имелось, но, судя по характеру солнечного света на улице, теперь уже стоял полдень.

Он посмотрел на мертвого старшину. Он знал, что у того в галифе лежат дореволюционные «Павел Буре» с отломленной верхней крышкой, у которых конец стальной цепочки был намертво пришит к ткани штанов. Хозяйственный узбек очень дорожил часами и боялся их потерять. Но

даже мысли о том, чтобы попытаться вынуть часы из кармана мертвого старшины, у него не возникало. Если немец заметит движение в здании, может закидать гранатами или применить огнемет. «Сожжет как мышь в ведре с мусором», – мелькнуло у него в уме. О приблизительном течении времени можно ведь судить и по смене дня, рассудил он, а рисковать и тратить последние силы ради старых часов ему не хотелось. К тому же до наступления темноты пытаться выбраться наружу не было никакого смысла. «Нужно отлежаться, набраться сил, а там поглядим. Ползти в светлое время опасно». Он снова поднес фляжку к губам, глотнул, после завинтил крышечку и, поболтав флягу, определил примерное количество оставшейся воды: «Надо экономить, питья осталось совсем малость».

Он попытался осмотреть раненую ногу и пошевелить пальцами, но тут же отверг эту идею. Каждое прикосновение к ноге доставляло нестерпимую боль. Сильное кровотечение прекратилось, и это было главным, а в остальном он все равно себе сейчас ничем помочь не мог.

Он осторожно наклонился вперед, дотянулся до приклада ППШ и придвинул автомат к себе.

Августовская полуденная жара достигла пика силы. Солнце пылало точно в июле. В оконных проемах по синему небу лениво плыли разморенные жарой грузные облака. Порою теплый ветерок легкими порывами врывается в разоренное помещение, донося до него запахи зрелого украинского лета, смешанные с гарью близкого пожара. Сидя у стены, он то следил за движением облаков, то пытался фиксировать в памяти размер и положение солнечного пятна на коричневых досках пола, а временами из-за потери сил и под действием резких приступов боли забывался, отступал от реальности на несколько шагов, проваливаясь в бездонную темень. Спустя минуту он вновь возвращался в сознание. Левую ногу нестерпимо ломило до самой поясницы, все мышцы драло огнем. Время от времени беснующаяся боль с силой выстреливала в разные части тела. В такие мгновения он до скрежета сжимал

зубы и глухо постанывал. Затем боль ненадолго, будто устав терзать его, успокаивалась, и он переводил дух, отваливаясь спиной на стену.

Часы тянулись изматывающе медленно. Снаружи ничего не происходило. Иногда где-то вдали слышались одиночные выстрелы. Они звучали смазанными, потерявшими из-за дальности расстояния силу звука, какими-то ненастоящими, совсем не страшными. После все замолкало, и он опять различал голоса насекомых, беззаботно стрекочущих под выбитым окном.

К концу дня вода в алюминиевой фляжке закончилась. Он аккуратно, стараясь не уронить ни капли, вылил последние остатки в рот и, не глотая, подержал до тех пор, пока вода не превратилась в клейкую массу. Он помнил, что у них с Ибрагимом на двоих была всего одна фляга, а значит, теперь он остался без питья. «Может быть, дотерплю», – подумал он со слабой надеждой. Но не дотерпел. У него поднялась температура. Начался жар. А до наступления темноты оставалось еще часа три.

Мучаясь жаждой, он держался, сколько мог. Потом стиснул левой рукой ППШ и на правом боку, пересиливая боль, выполз из комнаты через высокие двустворчатые двери. Осмотрелся в длинном полутемном коридоре и, выбрав наугад направление, пополз, в надежде отыскать воду. Уже в соседней комнате он, к своей радости, обнаружил две тонкие трубы. Они выходили из подвала, затем тянулись вдоль пола и через несколько метров исчезали в кладке простенка. Опять выбравшись из комнаты в коридор, он стал разыскивать вход в следующее помещение.

Через несколько метров, в полусумраке прохода, он различил пустой проем с сорванной дверью – и тут, в этот момент, вдруг услышал отчетливый стук печатной машинки. Стук был сбивчивый, неумелый, с различными интервалами между неуверенными тычками. Иной раз удары клавиш следовали торопливой сухой дробью, иногда прерывались на несколько секунд, а иногда человек, работавший на машинке, видимо, отыскав нужную букву, совершал одиночное на-

жание, и вновь наступала длительная пауза.

Он положил палец на спусковой крючок и, внутренне сжавшись, стараясь не шуметь, начал красться к комнате, из которой доносился настороживший его звук. Добравшись до дверного проема, он осторожно высунул голову и заглянул внутрь.

Помещение оказалось меньше того, где он просидел целый день. В комнате было два больших окна с вынесенными стеклами. В двух метрах от правой стены располагался массивный письменный стол, затянутый темно-синим сукном. Другой, точно такой же, был опрокинут набок посреди комнаты. Возле левой стены горой лежали поломанные стулья. Рядом с опрокинутым столом на голых досках пола, вполоборота к дверному проему, на коленях сидела девушка, и увлечено стучала двумя пальцами по клавишам печатной машинки. На девушке было светлое летнее платье с круглым отложным воротником и демисезонные мужские полуботинки на босу ногу.

Продолжая быть незаметным для девушки, он еще раз цепко охватил глазами комнату и перевел взгляд на машинку, высокую и массивную, с круглыми клавишами-кнопками и с чудным не нашим названием – «Ундервуд». Лист в каретке отсутствовал, девушка просто забавлялась, набирая на каучуковом валике воображаемый текст. Рядом с машинкой валялись расколота стеклянная чернильница-непроливашка и пустая картонная папка для бумаг.

Он опустил ПППШ и негромко, но строго потребовал:

– Перестань стучать.

От неожиданности плечи у девушки вздрогнули. Кисти застыли над клавишами машинки. Она резко повернула голову на его голос, и он увидел, как отчетливо на лице девушки отразился непреодолимый, охвативший все ее существо, ужас. В эту секунду он вдруг почувствовал себя виноватым за то, что явился причиной этого нечеловеческого страха и, силясь загладить свою невольную вину, он растянул губы в усталой, искаженной болью улыбке:

– Не стучи, пожалуйста, с улицы услышат, – как можно мягче добавил он.

Взгляд девушки скользнул с ПППШ на гимнастерку, перешел на пилотку, и только после этого ее лицо постепенно ожило. Он переложил оружие в левую руку и, опираясь на правый локоть, с трудом волоча искалеченную ногу, вполз в комнату. Привалившись спиной к стене, которая отделяла комнату от коридора, он спросил:

– Ты здесь одна?

– Одна, – чуть слышно ответила девушка, все еще продолжая с пугливой настороженностью вглядываться в его фигуру.

– А как очутилась в здании? – он пристроил раненую ногу ловчее и внимательно рассмотрел свою собеседницу.

На вид ей было лет шестнадцать-семнадцать. Невысокого роста, худенькая – аж светится вся насквозь, – прямые русые волосы были заплетены сзади в короткую тугую косу, тонкая шея смешно выглядывала из круглого воротника платья. Слегка вытянутое лицо с тонкими чертами, глаза темные, кажется карие, аккуратненький прямой нос и плотно сжатый упрямый рот – нижняя губа была чуть полнее верхней. Он молча изучал ее, а девушка, развернувшись к нему, продолжала сидеть на полу, сложив на коленях руки.

– Спряталась, – сдержанно, как-то по-детски ответила она. Она заметила его рану, и теперь все ее внимание было приковано к окровавленной штанине. – Вы ранены?

– Да, попали в ногу.

– Вам, наверное, очень больно? – Она с искренним участием в лице посмотрела на него.

– Терпимо, если сидеть неподвижно и не шевелиться.

– А вы здесь с кем? – в свою очередь поинтересовалась она. – Разве вы здесь один?

– Один. Моего товарища утром убили. Слыхла утром пулеметные выстрелы?

– Слышала, но побоялась выглядывать из окна. Я почти до самого обеда просидела вон в том углу, – призналась девушка, указав за стол с синим сукном.

– Ну и правильно сделала, что просидела. Только стучать на машинке зря принялась, немец все еще может быть где-нибудь рядом. Тебя звать-то как?

– Таня, – ответила девушка и тут же поспешно поправилась, – Татьяна.

Он едва заметно улыбнулся и снова спросил ее:

– А где родные-то твои, Татьяна? Почему одна? Почему не с домашними?

Мышцы у девушки затекли, прежде чем ответить на его вопрос она поерзала на месте, перенося тяжесть тела с одной ноги на другую.

– Я с бабушкой жила, а месяц назад она умерла от почечной болезни, – сказала Таня, – а больше в городе у меня близких нет.

Девушка привстала, высвободила из-под себя уставшие ноги и, опершись на руку, села на пол. Подогнув колени, она другой рукой тщательно расправила подол платья.

– Ты давно здесь прячешься? – поинтересовался он.

Его сильно знобило, он почувствовал, как на него в очередной раз взялась наваливаться слабость, перед глазами поплыло. Изю всех сил он старался не потерять непрочную нить, связывающую его с действительностью.

– С самого утра.

– А на машинке зачем печатать надумала?

– Чтобы отвлечься, – виновато улыбнулась Таня. – Мне надоело все время сидеть в углу. К тому же одной страшно, а тут в комнате нашлась старая машинка. Я сперва просто опускала пальцы на клавиши, не ударяя по ним, а после увлеклась и не заметила, как стала по-настоящему печатать. А потом вдруг вы появились...

– Что же ты такое печатала, что так сильно увлеклась, – он прикрыл на пару мгновений глаза, позволив себе чуть расслабиться. Он не услышал ответа, поэтому снова приоткрыл веки и посмотрел на девушку. Таня сидела, потупившись, и молчала.

– Секрет? – попробовал пошутить он. – Наверно, какому-нибудь молодому человеку письмо писала.

– Нет, маме, – едва различимо отозвалась девушка.

– Кому? – переспросил он, с напряжением вслушиваясь в ее голос.

– Я маме письмо писала, – опустив лицо, все также тихо проговорила Таня.

– Маме? – повторил за ней он. – Ты же говорила, что вы вдвоем с бабушкой жили.

– В самом начале войны мама пыталась добраться до нас из Ровно. Мы с нею в Ровно жили. А в Харьков я на каникулы к бабушке приехала. Но их поезд не пришел и больше мы... то есть я о ней ничего не знаю.

– О чем же ты писала маме?

Странное дело, он понимал, что был старше этой девочки всего на три, ну может четыре года и, тем не менее, он сейчас ощущал себя в разговоре с ней очень взрослым и многоопытным человеком, из другого, более старшего поколения. Она обращалась к нему на «вы», а он, будто так и положено, называл ее на «ты». Внутренне он причислял себя в эту минуту к тому поколению людей, к которому относился старшина Касымов и большинство других тридцати-сорокалетних солдат его роты, оставивших в родной стороне дома, хозяйство, жен и детей. Два года фронтов, военная форма и ППШ с ободраным прикладом заставляли его ощущать себя рядом с этой девочкой совершенно взрослым человеком. Сейчас в этой комнате он был главным, он отвечал за все. Два года они вместе с Ибратом Касымовым воевали ради вот таких вот девочек. Два года он воевал ради двух своих сестер-подростков, которые остались в маленьком городке за Уралом. Да, целых два года...

– Обо всем, – просто ответила Таня и на этот раз смело и открыто взглянула ему в лицо. – Я разговаривала с ней, рассказывала, что с нами произошло за последнее время, написала, что нашей бабушки больше нет, что я осталась одна. Сообщила, как я по ней сильно-сильно скучаю и очень ее жду.

Девушка опять опустила лицо, пытаясь спрятать глаза, и ему показалось, что он заметил в

них блеснувшие, едва сдерживаемые слезы. Он промолчал. Успокаивать и произносить пустые слова ему не хотелось. Ни к чему. Эта хрупкая девочка все понимала не хуже его.

Таня быстро и мужественно справилась с эмоциями, взглянула на его раненную ногу и предложила:

– Давайте я вам чем-нибудь помогу. Я умею перевязывать.

– Нет, не нужно, – он торопливо замотал головой. Казалось, даже одна мысль о том, чтобы потревожить рану вызвала в ноге стремительное ожесточение боли. – Кровотечение прекратилось, а больше пока ничего не сделать. Скажи-ка лучше, здесь вода где-нибудь поблизости есть? Мне пить сильно хочется.

– Да, есть, – ответила Таня. – Через комнату отсюда находится огромный чугунный титан, в нем сохранилось несколько ведер воды. Я пила из него утром. Правда, вода пахнет железом, но для питья пригодна.

Он облегченно вздохнул, провел по губам шершавым языком и от этого ощутил еще большую жажду.

Девушка оперлась на руки, собираясь встать:

– Я принесу воды. Тут рядышком.

– Нет, подожди, – он приподнял руку, принудив ее задержаться. – Через минуту сходишь. Скажи лучше, тебе мама снится?

Девушка послушно опустилась на пол, снова старательно расправила подол платья на ногах и негромко ответила:

– Раньше, когда война только началась, часто снилась, а теперь стала реже. Видимо, я привыкла.

– Ты с ней разговариваешь во сне?

– Разговариваю, – кивнула Таня и доверчиво улыбнулась.

Он отвел взгляд и промолчал. У него сжалось в груди и тревожно защемило. Ему тоже захотелось поделиться с этой девочкой, что и он во сне видит мать, что он с нею всегда разговаривает, спрашивает про дом, про отца и сестер, про друзей. Но он не знал, как это сделать. С чего

начать. Он совершенно разучился. Он утратил естественную способность доверять самое сокровенное другому человеку. В суровых военных буднях, в скупой на эмоции повседневной мужской атмосфере, он совершенно отвык от таких простых человеческих чувств. И сейчас возникшие в его душе понятные каждому человеку переживания, обрушившиеся на него захлестывающим бурным потоком, показались ему чем-то давно забытым, почти неестественным, навсегда оставленным в той, мирной, довоенной жизни. В той жизни, в которой он еще был совсем зеленым и неопытным, был беззаботным неунывающим пацаном. В той жизни он еще многого не знал и не видел. До этой минуты он полагал, что ему уже больше никогда не стать прежним, что все отмерло и заглохло, и поэтому родившееся в нем чувство, позволившее ему вновь ощутить себя обычным человеком, не солдатом, одновременно вызвало в нем и смутение и радость. С одной стороны он почему-то стеснялся того, что происходило с ним. Что подумает о нем эта девчонка, ведь он для нее взрослый? Война приучила его быть сдержанным. Почти равнодушным. Каждый день смерть проходила рядом с ним, и он видел, как она опрокидывала и забирала с собой тех, с кем он еще утром разговаривал, курил и обменивался шутками. Вот и сегодня днем, когда он очнувшись смотрел на убитого Ибрата, он почти не испытывал никаких особенных шевелений в душе. Глядя на разбитое пулей лицо друга, он лишь думал об оставшейся во фляжке воде и карманных часах: И ни о чем больше. Смерть человека сделалась для него будничным делом. Но с другой стороны ему все же неудержимо хотелось поделиться своею душевной тоской с Таней. Ведь этой жгучей, томящей тоски накопилось в его сердце за два последних бесконечно долгих года так много, что больше не было сил удерживать ее внутри себя. Все это время он старался не замечать ее, а если и замечал, загонял все дальше и дальше, вглубь. Так ему было легче выживать здесь на войне, день за днем.

Он неуверенно глянул на девушку пришибленными глазами. Он искал в ее лице помощи. Кажется, вот-вот и признается, расскажет ей обо всем. Но в последнюю секунду все же не смог. Война сломала в его душе что-то очень важное, живое, необходимое. Он неожиданно ясно осознал перемены, произошедшие с ним, и от этого понимания у него внутри стало пусто и ледяно.

Он опустил глаза и глухо сказал, стараясь сохранять интонацию голоса ровной:

– Так ты говоришь, что вода где-то поблизости, и ты сможешь ее принести?

– Да, совсем рядом, – с готовностью ответила Таня и легко вскочила на ноги.

«Вроде бы ничего не заметила», – с надеждой подумал он.

– Я быстренько, – сказала она, засветившись лицом оттого, что может оказаться хоть чем-то полезной, и протянула руку, чтобы взять фляжку.

Он подал ей ее. Девушка несколько секунд стояла молча, не решаясь сказать, но потом все же спросила:

– А вас как зовут?

Она стояла к окну спиной, окруженная мерцающим золотым ореолом, сотканным из проникавших через открытый проем лучей закатного солнца. Тоненькая и беззащитная. Отдельные выбившиеся из косы волоски отчетливо выделялись на ярком сияющем фоне окна причудливым воздушным кружевом. Маленькие ушные раковины насквозь просвечивали нежным розовым светом. Он чуть заметно улыбнулся и уже собирался ответить на вопрос, как вдруг заметил, что в оконном проеме, слева от головы девушки, что-то мелькнуло. Точно серая птица впорхнула с улицы в комнату.

В следующую секунду его приученный за месяцы боев мозг машинально распознал во влетевшем в помещение предмете немецкую гранату с длинной деревянной рукоятью. Снаряд упал позади девушки, со стуком ударился об угол опрокинутого стола и завалился за него.

Он не успел ничего сделать, лишь в отчаянии выбросил вперед кисть с растопыренными паль-

цами и, собираясь закричать, разъял пересохший рот. В то же мгновение тишина натужно лопнула и грохнул взрыв. В его памяти на всю жизнь отпечатался этот момент: ослепительная вспышка и лицо совсем молоденькой девушки, немного удивленное и недоумевающее...

...Его сильно оглушило взрывной волной, однако осколками не задело. В тот день смерть не могла до него добраться. Массивная крышка опрокинутого письменного стола спасла его, защитив от огненного металла. Он пришел в себя через какое-то время и еще минуты две бессмысленно водил по стенам и потолку пьяным взглядом. Стены вокруг него двигались, пол раскачивался и плескался волною. Он не мог толком ничего сообразить. Голова раскалывалась – тупая боль орудовала внутри железным молотом. Когда дым рассеялся, а пыль улеглась, гудящая тишина повисла в упругом воздухе застывшим колокольным стоном. Или, может быть, это гудело у него в ушах? Он не понимал. Потом он увидел распластанную девушку на окровавленных досках грязного пола и окружающий мир с его ежесекундной опасностью перестал существовать.

Таня лежала рядом с пишущей машинкой и вздрагивала в судорожных конвульсиях. С одной ноги у нее слетел полуботинок, платье задралось. Он забыл про раненную ногу и, преодолевая тошноту, противно распиравшую грудь, подполз к девушке. Всюду валялись деревянные щепки, сколотые со стола осколками разорвавшейся гранаты, и крошево штукатурки. Несколько кусочков дерева лежали на Тане. Он аккуратно собрал их, отбросил в сторону и поправил подол платья, сбившегося на оцарапанных ногах.

Таня умирала около часа. Из-за того, что она стояла рядом со столом в полный рост, осколки безжалостно посекали ее выше пояса. Один попал по касательной в шею, оставив хоть и глубокую, но безопасную царапину, еще несколько крупных, раскаленных кусков металла разорвали платье между лопаток и глубоко засели в худеньком девичьем теле.

Он осмотрел девушку. Торопясь и путаясь в ру-

кавах, не замечая собственной одуряющей боли, стащил гимнастерку, свернул ее и подложил под истерзанную Танину спину, надеясь таким образом задержать выход крови. Затем взял ее голову в ладони и склонился у нее над лицом. Таня почти все время находилась в сознании. Ее дыхание сделалось прерывистым и частым. Губы сморщились, обметались белесым налетом, под глазами залегли восковые тени. Ее взгляд блуждал по нему, полный неуверенности, тревоги и невыносимых физических страданий. Девушка не отпускала его лица и прикрывала веки лишь тогда, когда мучавшая ее боль вконец изнуряла, высасывала последние силы. В один из моментов она беспокойно пошарила рядом с собой, пытаясь нащупать его руку, не нашла и в исступлении принялась комкать ткань платья. Тогда он высвободил левую руку, взял Таню за кисть и, продолжая правой поддерживать голову девушки, осторожно положил ее себе на колено. Таня тут же схватила его ладонь, будто надеясь найти в ней успокоение, и лихорадочно сжала в холодеющих пальцах.

– Сильно меня, да? – выдохнула она, с трудом пошевелив губами.

– Нет не сильно, – солгал он. – Не разговаривай, молчи. Не траться понапрасну.

Она в упор посмотрела на него:

– Зачем ты обманываешь? Я же знаю, что сильно... Наверное, потому что сильно, поэтому и знаю. У меня ноги очень мерзнут, а до этого не мерзли...

– Просто солнце садится... Вечер уже.

– Опять обманываешь... – без упрека произнесла Таня. Из ее груди вырвался хриплый стон, она сухо кашлянула и на губах появилась кровь.

– Молчи, молчи.

– Я умру? – спросила девушка и вслед за вопросом ответила утвердительно сама себе. – Умру...

Он распознал в этом коротком, страшном слове столько невысказанного сожаления и горечи, что на этот раз не смог ей солгать. Отвел глаза и с ожесточением и ненавистью посмотрел на видимый через окно открытый кусок далекого тускнеющего неба.

– Я боюсь... – еле слышно прошептала Таня. – Ты не уходи от меня... – она еще крепче сжала его кисть. – Ладно?.. Раньше, когда мне становилось страшно, я всегда мысленно разговаривала с мамой... а сейчас... сейчас хорошо, что ты рядом...

По телу девушки пробежала судорога, и ее лицо пересекла боль.

– Так больно, что очень хочется плакать... – призналась она ему. Ее глаза наполнились слезами и несколько крупных капель быстро сбежали по щекам.

– Ты плачь, плачь... – с надсадой сказал он, преодолевая в горле комок.

Девушка неотрывно смотрела ему в лицо. Слезы продолжали катиться по ее бледной точно выбеленное полотно коже.

– И мне мама иногда снится... – внезапно признался он, секундно помолчал и добавил: – Я с ней тоже разговариваю, как и ты со своей мамой...

Девушка ничего не ответила, она стала совсем слаба, только в глубине ее взгляда, сквозь толщу страха и телесных мук, он различил искру радости, затеплившуюся в ее глазах после произнесенных им слов. Ему показалось, что девушка едва заметно улыбнулась, и ощутил, как она погладила пальцами его руку. По ее телу прошла мелкая дрожь. Таня задышала часто-часто, судорожно хватая воздух обметанными губами, и опять с хрипом выплюнула сгусток черной крови. Он бережно вытер ее лицо ладонью и убрал со лба упавшие волосы. Он смотрел на быстро угасающую юную жизнь, и ему впервые за всю войну не верилось в то, что человек умирает. Нет, не может быть, чтобы эта девочка умерла! Его сознание безоговорочно отвергало подобную возможность. Оно не желало принимать ее и мириться с нею. Погиб Ибрат, в любой день мог умереть он сам, могли быть убитыми другие знакомые солдаты из его роты, что бывало часто, но не эта беззащитная девочка. Если такое случается в мире, значит в нем что-то неправильно, что-то не так. Такой мир не приспособлен для жизни. Если девочка на его руках умирает, значит, мир не имеет

права на существование! Такой мир обречен! Нежизнеспособен!

Он отсутствующе уставился в стену напротив. Не понимая, что с ним происходит, он смотрел на разбитую штукатурку и тихонько гладил умирающую Таню по голове. Она слегка пошевелилась, и он поспешно, с беспокойством, посмотрел на нее. Девушка уже почти ничего не различала. Ее глаза блуждали по его лицу и не находили его взгляда. В этот миг что-то неконтролируемое произошло с ним, внутри ослепительно взорвалось, озарив сознание белым светом, и не в силах сдержаться он разрыдался. Из груди вырывались не то протяжные стоны, не то крики. Временами, уткнувшись себе в плечо и до крови, с ожесточением прокусывая кожу, он начинал в неистовстве выть. Его глухой, подавленный плач продолжал-

ся несколько минут. Он очнулся лишь тогда, когда Таня на удивление крепко сжала его руку. Взгляд ее сделался очень чистым и осмысленным, она с минуту спокойно рассматривала его лицо, будто пыталась навсегда запомнить каждую черточку, затем собралась с силами и, разлепив сухой рот, произнесла:

– Ты так и не сказал мне, как тебя зовут...

Он не смог ей ответить. Несколько раз он пытался назвать девушке свое имя, но удушливый спазм, схвативший горло стальной цепью не давал ему исторгнуть из груди ни единого звука. Он продолжал гладить Таню по волосам, точно безумный беззвучно шевелил воспаленными губами и медленно-медленно раскачивался из стороны в сторону...

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

ПАРОМ. 1941 ГОД

Архипов С. В.

ЗАХАРОВА
Наталья Героевна

победитель конкурса в номинации
“Публицистика”

ПИСЬМА РОДНЫМ ОТ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕГО

ЗДЕСЬ Я... ЗДЕСЬ!

Без малого 70 лет я лежу у деревушки Белогурово, что подо Ржевом. Я – это рядовой Гаркуша Дмитрий Иосифович.

На долгие годы меня приютила воронка. Пав в смертном 42-м на ближних подступах к Ржеву, и сброшенный, как сотни других убитых на этом поле, в воронку, я все эти годы жду, когда за мной придут. Ведь обещали вернуться и похоронить почеловечески. Прах солдатский – не кости скотины! Где же вы, люди?

Все эти годы я хрюню на себе гильзу со смерт-

ной запиской, куда перед боем вписал свои данные и данные о родных. В ней моя последняя надежда, что когда-нибудь ее найдут, прочитают и сообщат родным, что не без вести пропал, а честно отдал жизнь за вас, люди.

... Не помню я того боя. Раз за разом мы поднимались на те несколько покосившихся закопченных печных труб, что остались от деревни. И всякий раз нам навстречу из развалин устремлялся свинцовый смерч. Уже и шага ступить некуда – все поле в телах. Вчера убило Васю Степаненко с Алтая и Васю Землянского с Брянщины, засыпало в траншее, откопать было некогда. Бегу

Родилась в 1958 году в Хабаровском крае, в Курганской области проживает с 1985 года. Работала в редакции районной газеты «Восход» Мокроусово, в редакции районной газеты «Знамя труда» в Упорово Тюменской области. Материалы выходили в областной периодической печати Курганской и Тюменской областей. Являлась победителем областного конкурса «Родники зауральских деревень» в 2010 году в номинации «Лучшая радиопередача по сохранению фольклора и народных традиций в зауральских глубинках». В настоящее время работает редактором автономной некоммерческой организации «Мокроусовская телерадиокомпания». Занимается поиском пропавших без вести солдат. С ее помощью вернулись домой имена более ста воинов Курганской области, ранее считавшихся «в списках не значится».

вперед. Вон, смотрю, споткнулся и обнял землю Сема Максимов, тоже с Алтая, следом снопом повалился Ваня Лукиных из Шадринска. Скорей бы и меня убило, все равно не выжить в этом аду, а дальше терпеть сил нет...

Ох, вот настал и мой черед. Силось вспомнить, а не получается. Только вспышка... и вот я лежу. Деревню мы ту так и не взяли. Немец сам оттуда ушел. Вслед за ним на заход солнца ушел и мой поредевший батальон. А мы остались...

Давно на земле закончилась война, и мы, не погребенные и забытые, слышали с этого поля, как в 45-м гремели над страной победные салюты. Сотни раз я чувствовал, как там наверху, по земле, мимо меня и по мне ходили люди, ездили трактора, что-то сеяли. Им было не до меня.

Живым нужно было живое. Плугами они резали землю, разрывая в клочья то, что осталось от моих лежавших тут же товарищей. Посыпали удобрениями землю, сжигая напрочь то немногое, что хранила земля от нас, убитых. Уже сквозь меня проросли корни. Уже истлела на мне гимнастерка, уже и осколки, сразившие меня в 42-м, смешались с землей. Уже и сам начал становиться землей. А я все ждал.

МОЙ ДОМ РОДНОЙ

Передо мной раз за разом прокручивается прошедшая жизнь. Тебя, Лизавета, вспоминаю, дочурок – старшенькую Зою, среднюю Настену, да младшенькую, Надюшку. Как они плакали на

большаке за околицей вместе с тобой, Лиза, когда провожали на войну. Ты, супруга моя верная, еще перекрестила своего мужа вослед... И ведь было тогда мне всего 39 лет, столько же, сколько сейчас некоторым моим внукам... И все казалось еще впереди...

Вспоминал родной дом, отца – Иосифа и мать – Полину – родом из-под Чернигова, оттуда наши корни. Еще до революции родители в поисках лучшей жизни перебрались в Зауралье, где им обещали хороший надел земли и освобождение на три года от налогов. В Чесноковке Звериноголовской волости я и родился студеным 4 января 1903 года. В сельсовете всех Гаркуш записывали Гаркушиными. Так проще сельчанам и понятнее. Семья наша была большая, старшие братья и сестры. Я, стало быть, последний, пятый, у бабки с мамкой, “поскребыш”, как говорили на Руси. Помню, очень было голодно. Родители оставили нас на бабушку, а сами подались на два года на заработки в красноярский Минусинск. За это время много чего поменялось в моей жизни и на селе. Я окончил церковно-приходскую школу, научился чтению и письму. В деревне открылась изба-читальня, и я тайком от деда бегал туда читать книжки...

Каждое воскресенье бабушка Полина брала меня на службу в местную церковь. Шли с ней босиком по пыльной дороге, перекинув обутку через плечо, и лишь перед церковью надевали ее на ноги. Старшие всегда веровали в Бога и дома в красном углу стояли иконы, перешедшие по наследству от пращуров, теплилась лампадка.

...Родители вернулись из Минусинска по весне. Помню, как тятенька обошел двор и постройки, где мычала единственная коровенка. Заглянул в овин, откуда накануне коммунары выгнали овец с ягнятами, якобы в налог за то, что в семье нет колхозников. Зашел домой и сказал: “Другого выхода не вижу, надо вступать в колхоз”. Тяжело ему было принимать такое решение.

Гаркуши никогда не слыли лентяями и лежебоками, во дворе у нас всегда водилась скотина и лошадь, наделы земельные были чистыми и ухо-

женными. Трудились отец с матерью на колхозных полях с утра до ночи. А дома с хозяйством управлялись мои старшие братья и сестры. Я, как немного подрос и окреп, тоже стал помогать на бригаде родителям. И на покосе стоял верховым, завершал зароды сена, и землю пахал вместе с отцом. То было детство... Тяжелое и безмятежное. И такое далекое теперь...

...Помнишь, Лизавета, как мы встретились с тобой на танцах в сельском клубе? Ты мне сразу приглянулась своей бойкостью. А гармошки до первых петухов? И наша свадьба. Всем селом гуляли! Как отделились от родителей, поставили свой домишко, колхоз здорово выручил. Вся деревня “на помочах” – так всегда было на Руси. И в радость, и в горе мы всегда шли вместе.

Детишек завели на радость родителям. И жить бы нам, да поживать, но случилась война. Не пожилось тебе, Лиза, замужем.

Мужчин всех паровых одного за другим начали забирать битить немца. Подоспела и моя пора. Дожливой осенью 41-го, когда немец стоял уже у Москвы, меня и других сельчан, среди которых были Ванька Мекшун, Петька Живцов, Акимка Меньяйлов, Петька Мартьянов, призвали.

Попал я сперва в Челябинск в 26-й запасной полк. Потом нас вернули в Курган, где в это время формировалась 369-я стрелковая дивизия. В декабре 41-го погрузили в эшелоны и напрямик на Калининский фронт. За Москвой, пока ехали, наш эшелон несколько раз бомбили, и мы выскакивали из вагонов, разбегались по полю. Командиры, матерясь, нас собирали. И всякий раз мы кого-то не досчитывались, серыми бугорками они оставались лежать в поле...

Выгрузили на станции Лихославль и пешим порядком к фронту, куда-то подо Ржев. А через несколько дней первый бой... Брали одну за другой деревушки. Одно название, что деревня, от иных окромя торчащего из снега плетня ничего не осталось...

Что потом? Под Мончалово наша дивизия попала в окружение. Многих я тогда товарищей оставил там. Меня же до поры до времени судьба

оберегала. Лежать бы мне в тех болотах, как многим, но хранила ты меня, Лизавета, своей любовью. Повезло, ранило, попал в госпиталь. Лежал в Кинешме, что в Ивановской области. Тяжело меня потрянуло, в марте 42-го только выписали. И снова подо Ржев, будь он трижды проклят...

В свою дивизию я уже не вернулся, нас, латанных-перелатанных, вместе с пополнением в составе маршевой роты влили в одно из подразделений, что освобождала Зубцовский район. Нет, Лизавета, то, что нам тогда довелось испытать, я описать тебе не смогу. Под райцентром Зубцов мы форсировали реку Вазуза. Сейчас там водохранилище, а тогда ширина у нее была 40-70 метров. Много нашего брата потопило здесь, так и лежат они сейчас на дне, до них уж точно теперь никому не добраться...

Мне же вновь повезло. Не пал я скошенным под Михеево, не окрасил своей кровушкой Красный овраг. Это сейчас его так зовут, потому что в 42-м вода там была под цвет нашей крови... Лежать бы мне под Болтино или Зубарево, да берегла ты

меня, Лизавета. Судьбой мне было отмерено прожить еще немного и лечь на поле между Белогурово и Костоносово, в 100 метрах от речушки с таким домашним названием – Гостижа, не добежав этих метров до немецких траншей...

И вот я лежу...

ХОЧУ ТЕБЕ РАССКАЗАТЬ

...Нет, Лизавета, умереть мне было не страшно. Страшно было не увидеть больше тебя и детей. Страшно было не умереть, страшно было не жить! А мы с тобой почитай и не пожили...

Больно тоже не было, боль пришла потом, когда понял, что за нами никто не вернется. Еще было обидно, что мало этих гадов раздавил. За деревню мою и детей, за лишения, которые ты перенесла во время и после войны, родная... Горькую чашу испила ты, жена моя. Знаю, в голодном 43-м принесла с зернохранилища тайком домой зерна, чтобы вперемешку с лебедой лепешек

испечь для детей. А кто-то подглядел... Знаю я, кто это, да Бог ему теперь судья. Сам он себя наказал, задавило его потом в лесу деревом, а кости зверье растащило...

За тот килограмм Советская власть “отвалила” тебе полновесный кусок-срок. Как моя душа стенала, когда видел я все это, Лизавета! Видел, как сестра моя забрала Наденьку, самую младшенькую, к себе. Как старшие мои доченьки трудились в колхозе, чтобы не умереть с голоду. Как сердобольные люди помогали тайком... Видел! И ничем не мог помочь! Коль жив был бы, разве допустил такого?! Не жили бы мои дочери в слезах и с шепотком за спинами, мол, мать – воровка, а отец не знамо где, поди к немчуре подался...

Видел, Лизавета, как ты писала запросы обо мне, а в ответ получала казенную бумагу с различными ответами: «пропал без вести...», «в списках не значится», «сведениями не располагаем...». Видел, как тайком от дочерей ночами ты рыдала в подушку, вцепившись в нее зубами, чтоб стenanий твоих не слышали доченьки... Ничего не мог я сделать, только к Богу обращался и молился за вас...

Я НАЙДЕН!

Чу! Кто-то идет по полю. Щупом землю проверяет. Ну, найдите же меня, найдите! Тут я! Всего 70-ю сантиметрами земли прикрыт! Мимо прошел... Нет, возвращается! Вот лопата коснулась меня... И вдруг брызнул свет, аж ослепило! Брааатцыыы! Меня нашли! Гильзу мою с запиской рассматривает, косточки одну за другой в мешок укладывает. Вон в том углу еще копни, друг, там ложка моя лежит, родным ее передай! Как хорошо все же, Лизавета, что записку я свою заполнил. А ведь многие мои товарищи пустили свои медальоны на курево или просто выбросили. Навечно безымянные теперь...

Ну вот, через 70 лет и моя молитва дошла до Бога, услышал он... Какая благодать на меня спускается... Все, пора мне домой собираться...

ЗУБЦОВ

Ну, здравствуй, внучек Сашенька мой! Здравствуй, кровиночка моя! Чуял, что приедет за мной кто-нибудь из нашего разросшегося рода Гаркушей – Добрыдиных – Тарасовых – Ельциных. Хороший сынок вырос у Наденьки моей младшенькой! И как ты похож, Саша, на меня! Не оставил деда, помог домой вернуться! По дороге в родную Чесноковку сколь рассказов от тебя услышал! И то, что у меня теперь 10 внуков да 16 правнуков. Что растет третье поколение Гаркушей – 8 праправнуков! Значит, не зря я голову сложил за род свой, продолжился он в Надюше и Настасье, в их детях и внуках! Спасибо зубцовским ребятам, что приняли меня как родного и по православному обычаю снарядили в дорогу домой. Что тебя, внучек, встретили да отправили в дорогу со крестом...

КУРТАМЫШ

Ну вот, наконец-то добрались до станции, откуда отправляли нас в Челябинск. Изменилось село, не узнать теперь. Разрослось, каким-то высоким стало. Или это меня все больше к земле родной притягивает? Особую честь оказали, в районном музее прах поставили, чтобы земляки могли проститься со мной... Не думал я, что позже своей Лизаветы и доченьки старшей Зои, буду земле предан. Скорее везите меня на малую родину, где дом наш со ставенками скрипучими, ворота, из которых 70 лет шагнул я в безывестность...

ЧЕСНОКОВКА

Родные мои, горячо любимые, здравствуйте! Докладываю, что рядовой Гаркуша Дмитрий Иосифович воротился на родную землю! Я обрел покой, благодаря вам, современники!

Вижу дом свой и старый клен у изгороди, кочотопку около калитки и скамейку. Низкий поклон тебе, земля родная! Слышу ваши голоса...

Мне и грустно, и радостно. Грустно от того, что навсегда отлетаю теперь ко своему Отцу Небесному, радостно, что проводить меня вышли все.

Значит, память крепка у вас, земляки! Отрадно, что доченьки мои папку своего не забыли, помнят и чтут. Вот теперь рядом с Лизаветой лежать буду да с отцом и матерью моей! Низкий

поклон вам, люди добрые! Я вернулся!

(События тех страшных дней восстановлены командиром Мордовского архивного поискового отряда "Броня" Алексеем Кузнецовым, с помощью которого и найден солдат Гаркуша).

ВОСКРЕСШИЙ ИЗ НЕБЫТИЯ

Артюховы
Григорий Тихонович и Мария Яковлевна

Воистину: для славы мертвых нет. После выхода в свет материалов о блокадном Ленинграде и о земляках, стоявших насмерть под его стенами, в редакцию стали поступать отклики. Среди них, пожалуй, самым невероятным было известие от Нины Васильевны Сыч из села Маломостовое Курганской области о своем дедушке по материнской линии – Григории Тихоновиче Ар-

тюхове (фото с захоронения которого было опубликовано вместе с материалом).

Но сначала приведу в качестве свидетельства документ из Кировского райвоенкомата: "...погиб смертью героя во время прорыва блокады в 1942 году", и страницы 260 из 7 тома КНИГИ ПАМЯТИ Курганской области выпуска 1993 года. "Артюхов Григорий Тихонович, родился в 1900 году, д. Капарулино. Призван в Сов. Армию 1941. Мостовское. Рядовой, стрелок. 523 стрелковый полк, 188 стрелковая дивизия. Похоронен в Ленинградской области, Старорусский район, д. Иванково".

А вот рассказ внучки:

– Мой дед, Григорий Тихонович, до войны женился на капарулинской девушке Марии Яковлевне. На фронт его забрали в первые дни войны. В 1943 году пришло похоронное извещение, что дед погиб где-то под Ленинградом. Оплакала его семья, проклиная и немцев, и войну. Бабушка Маша рассказывала, что тогда вся деревня от слез не просыхала. Каждую неделю кто-то получал извещение о гибели мужа, сына, брата. Но самое интересное в другом: Г. Т. Артюхов... домой вернулся. Бабушка эту историю подробно рассказывала. Она ни на минуту не забывала тех событий, берегла их, как и похоронное извещение, в своей памяти.

Дело было так: бабы и мужики на колхозных полях в 1947 году подбирали колоски – и вдруг видят – на проселочной дороге, ведущей в деревню, показался человек. Хромая, он приблизился к колхозникам. Заросший щетиной, худой, в продрванной и грязной шинельке. Первые ряды сбор-

щиков, которые были поближе к дороге, его узнали – и понеслось по цепочке все дальше и дальше в поле, где работала бабушка: “Артюхов, Артюхов идет!!!”... Так дед вернулся домой, многократно оплаканный, заживо похороненный, воскресший из небытия...

Дома, в узком кругу семьи, солдат очень скупово поведал историю своего “воскрешения”, ибо воспоминания давались тяжело. Он рассказал, что его, раненого и контуженного, подобрали на поле после боя немецкие солдаты. А затем был концлагерь. По мере движения фронта ближе к границе, военнопленных этапом перегоняли ближе в тыл оккупационной территории. Сам он об этом старался не вспоминать. Но иногда открывался жене и внучке, спустя годы. Дошли рассказы бабушки о зверствах фашистов над военнопленными: как сжигали в печах-крематориях, как травили собаками, как лежали ночами под дождем и ледяным ветром в зловонной жиже на территории пересылочного лагеря, опутанного колючей проволокой. Как были попытки вместе с товарищами бежать. И всякий раз их, избив прикладами до полусмерти, искусанных овчарками, возвращали обратно.

В конце войны, когда немцам стало уже не до пленных, Григорию Тихоновичу с двумя друзьями все же удалось вырваться из плена. Без документов, и практически, без одежды, они пешком добирались до границы. Сколько мытарств перенесено – одному лишь Богу известно.

– До конца своей жизни дед страдал от болей в суставах и в ногах, которые все были в шрамах и рубцах, – вспоминает Нина Васильевна. – Ходил тяжело, не торопясь, но был работящим. Тихо, а все делает аккуратно.

А вот как вспоминает о своем земляке, бывший глава поселения (ныне пенсионер, Петр Никандрович Просеков:

– Я пацаном тогда еще был. Помню, работал Григорий Тихонович учетчиком, затем ревизором на бригаде, заведующим фермой. По тем временам его считали грамотным человеком. Больше всех на селе выписывал периодику и читал каж-

дую газету с карандашом. Мы в поле на помощь взрослым собираемся, он, не спеша и обстоятельно, нам лошадей запряжет: – Ну, ребята, айда с богом! – отправит с улыбкой.

Уважали Григория Тихоновича на деревне.

Умер солдат на 63-м году своей жизни в 1963 году, все-таки сказалась война и ранения на его здоровье. Настоящее его место захоронения находится на сельском кладбище Маломостовского поселения.

Бывший заместитель главы района по социальным вопросам, который являлся, по сути, составителем Книги памяти, узнав об этой истории, пояснил, что сборник создавался по данным райвоенкоматов. Маломостовое в военные годы числилось за Мостовским РВК другого района. И если приходила похоронка, то она была зафиксирована там. Так ошибка “перекочевала” в Книгу памяти Курганской области.

Но кто тогда лежит в земле под солдатским скромным обелиском с именем нашего земляка близ бывшей деревни Иванково? Почему похоронная санитарная бригада решила, что захоронила Григория Артюхова? Мы попытались проанализировать те страшные дни из документов, проследив последние перед пленением дни солдата. Ответ можно почерпнуть из архивных донесений. Они свидетельствуют, что 523-й стрелковый полк, куда входила 188-я СД, в которой служил наш земляк, в мае 1942 года принимала участие в первом воссоединении Ленинградского с Волховским фронтом.

Артюхов числился в составе 2-й ударной Армии, которая в мае прочно засела в Волховских болотах. 14 числа последовала директива Ставки командующему Ленинградским фронтом, генералу-лейтенанту М.С.Хозину, предписывающая: “Отвести 2 УА из занимаемого ею района и организовать уничтожение противника Иванково – Спасская Полисть одновременным ударом 2-й УА с запада на восток и ударом 59-й А с востока на запад”.

Запоздалое решение Ставки о спасении из болотной топи 2-ой ударной армии не могло быть

выполнено. Без боеприпасов и продовольствия, оставляя тяжелую технику и артиллерию, ее части пробовали организованно выходить, огрызаясь от наседавшего противника.

Заметив отход, немцы перешли в наступление и в ряде мест смели наши боевые порядки. Семь советских дивизий и шесть бригад, не считая других частей, оказались в окружении.

Дивизионный комиссар Зуев в эти дни докладывал Военному совету фронта:

– Сегодня, 8 мая, авиация не доставила продовольствия ни одного грамма. Многие от истощения вышли из строя. Несмотря на это, настроение людей здоровое. Части дерутся прямо героически.

Через два дня тот же Зуев докладывает:

– Войска армии три недели получают по 50 граммов сухарей. Последние три дня продовольствия совершенно не было... Люди до крайности истощены... Боеприпасов нет.

Картину страшного голода окруженной армии дополняют воспоминания ветеранов. Один из них, А.С. Базюк, вспоминает: “Все, что можно было есть, мы ели... Листья деревьев, еловые шишки. Варили старые лошадиные кости и грызли их. Любое насекомое, лягушки шли в пищу. Выручал березовый сок. Но к середине мая он исчез”.

К середине мая наконец-то удалось пробить брешь в немецкой обороне. По этому коридору, шириной всего 300 метров, устремились к своим измученные войска.

Для представления жуткой сцены выхода из котла, хочется привести цитату того же Базюка: “Воображение не в состоянии воссоздать картину того, что творилось. Сплошная стена огня, непрекращающийся вой и грохот, одуряющий запах горелого мяса трупов... В этот огненный коридор, как в воронку, втягивались тысячи людей. Все мы считали: лучше погибнуть в огне, чем попасть немцам в плен. Но шли только те, кто в состоянии был двигаться. Многие обессилели от голода, о раненых и контуженных уже и не говорю, лежачие все там и остались....”

Наверное, поэтому не мог даже вспоминать о тех событиях Григорий Тихонович. А впереди у него еще более страшная эпопея – плен.

Теперь солдат уже никогда не узнает, что в этот месяц застрелился, окруженный врагами, дивизионный комиссар И. В. Зуев.

Погиб, ведя своих бойцов в атаку, командир 188-й дивизии С. И. Булаков. Покончил с собой, не желая подвергать товарищей дополнительному риску, тяжелораненый начальник особого отдела 2-й ударной армии А. Г. Шашков. Гибли в смертельной схватке с врагом.

Да, у каждого своя дорога. Несмотря на плен, Г. Т. Артюхов ее прошел достойно. Внукам и правнукам он не мог рассказать всего, что произошло с ним – слишком рано умер. Да тогда были совсем другие времена.

Но теперь, думаю, человек, имеющий два захоронения, в полной мере может быть реабилитирован.

Информация
из донесения о безвозвратных потерях
188-й дивизии:

Фамилия: Артюхов

Имя: Григорий

Отчество: Тихонович

Дата рождения/Возраст __.__.1900

Место рождения: Челябинская обл., Мостовский р-н, дер. Котрулино

Дата и место призыва: Мостовский РВК, Челябинская обл., Мостовский р-н

Последнее место службы: 188 сд

Воинское звание: красноармеец

Причина выбытия: убит

Дата выбытия: 14.05.1942

Информация из картотеки ЦАМО:

Фамилия: Артюхов

Имя: Григорий

Отчество: Тихонович

Дата рождения/Возраст __.__.1900

Место рождения: Курганская обл., Мостовский

р-н, д. Капарулино

Дата и место призыва: __.__.1942 Мостовский РВК, Курганская обл., Мостовский р-н

Последнее место службы: 521 сп 11 А

Воинское звание: рядовой

Причина выбытия: попал в плен (освобожден)

Дата выбытия: 14.05.1942

Номер ящика: ящик № 001002

Картотека ФЗСП и АЗСП

Информация из Книги Памяти, т. 7

Фамилия: АРТЮХОВ

Имя: Григорий

Отчество: Тихонович

Дата рождения/Возраст __.__.1900

Дата выбытия: __.05.1942

Причина выбытия: убит

ВДОВА СОЛДАТА САЗОНА

Этот дом в селе Лапушки Мокроусовского района Курганской области стоит у дороги на бывшую деревню Белое, которой сейчас нет на карте области. В семидесятые годы ее снесли как неперспективную. Множество веселеньких окошек, покрашенных в салатный цвет, палисадник, высокие ворота, табличка с номером 66 – все указывает на то, что построен дом в шестидесятые годы, самый расцвет колхоза “Сибиряк”, который крепко стоял на ногах. Окрест озера Лапушинское гуляли тучные отары овец (колхоз считался овцеводческим), стада дойных гуртов.

В этом доме живет Анна Сазоновна Букова с сыном Валентином, да еще ее мать – Иулинея Симоновна Лопарева, не так давно отметившая свой столетний юбилей. Вот по этому поводу и состоялась наша поездка на лапушинскую землю.

Встретила хозяйка приветливо, словно ждала гостей и нисколько им не удивилась. Невысокого роста, седовласая, округлое с правильными русскими чертами лицо, на котором голубые в морщинках глаза просто излучали неземной свет. Несколько лет назад, после смерти мужа Леонида, от пережитой утраты женщину постигло несчастье – случился инсульт. Отнялась речь, левая сторона тела утратила подвижность. Только благодаря усилиям врачей, да еще сына Валентина, Анна Сазоновна постепенно пришла в себя, научилась, как сама говорит, заново ходить, приобрели некую подвижность суставы, восстановилась речь. Но и теперь, когда волнуется, в разговоре с трудом подбирает слова, словно тормоз ос-

тался в вестибулярном и артикуляционном аппарате...

В отдельной комнатке, где кровать, шифоньер да сундук, покрытый клетчатым пледом, дожила свой век мама Анны – Иулинея. Главное счастье в этом доме, что крепко семья держалась вековых традиций, никогда не жили порознь, держались друг дружку. Историю своего семейства рассказывает Анна Сазоновна:

– До войны мама жила с отцом в деревне Тетере, а перед ее началом переехали в село Крепость, откуда папка был родом. Жили очень бедно. Мама пять раз рожала детей, но они умерли во младенчестве, в живых осталась лишь я. Может быть, потому отец так сильно меня и любил, что у него я единственная дочь. Я, чувствуя его ласку и доброту, гонялась за ним буквально по пятам – он на поскотину, я следом, он на пашню, я реву, бегу за ним: “Тятенька, не бросай!”.

Возьмет меня на руки, подкинет высоко-высоко, аж дух захватит, крикнет маме моей:

– Уля, краюху хлеба положи в котомку да молочка маленько... дочь с собой возьму.

Я до безумия рада-радешенька...

Работал Сазон Матвеевич в колхозе им. Молотова: за молодняком ухаживал, отары овечек пас, на лесозаготовках, в делянах лесных. Никогда не состоял в партии, был далек от политики. Простой деревенский мужик, умеющий держать в руках соху да кнут. И тут страшное слово ВОЙНА. Анна Сазоновна помнит, как на фронт его отправили неожиданно и вовсе не из дома.

Иулинея Симоновна Лопарева

– Поехал наш тятенька в Воробьево Макушинского района тряпки на хлеб менять, а обратно домой уж и не вернулся...

Ее слова подтвердила архивная справка Министерства обороны, где указано, что Лопарев Сазон Матвеевич призван в 1941 году Макушинским райвоенкоматом, а не Мокроусовским, как ошибочно указано в КНИГЕ ПАМЯТИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (том 7).

Дочь маленько заблуждается в своих воспоминаниях, рассказывая, что Сазона забрали в первые дни войны на фронт. Но оно и понятно: девочке было всего пять лет, ее детская память не могла запомнить такие подробности.

В архиве ЦАМО говорится, что призван солдат был 13 ноября 1941 года. По всей видимости, Сазон успел еще получить выращенный и сжатый урожай зерна, выдаваемый колхозникам

Сазон Матвеевич Лопарев

за трудодни по паям на каждого члена семьи. Но, подсчитав, что его не хватит до начала следующего хлебосбора, глава семьи решил пополнить запасы обменом. Что случилось по пути следования в Воробьево, почему его призвали срочно из Макушино, нам теперь уже и не узнать. Так или иначе, но Лопарев домой не вернулся. Иулинея узнала, что увезли Сазона на фронт, лишь неделю спустя.

В доме поселились печаль и тоска. На руках пятилетняя дочь, детского садика в селе не было. Хорошо, что рядом проживали родители Сазона, они и помогли Уле в военные годы. Надо было работать в колхозе, чтобы не помереть с голоду... Она помнила голод с тридцатых... боялась и делала все возможное, чтобы он не обрушился на ее семью. Трудилась солдатка на полях, пасла овец вместо ушедшего воевать мужа, по ночам

ткала из овечьей шерсти пряжу, вязала рукавицы о двух пальцах для отправки их на фронт. Невеличка Анна с бабушкой, а то прибежит на поле к матери и давай своими маленькими ручонками колоски подбирать злаковые, складывая их в котомочку...

Дочь помнит, что всего несколько писем пришло от отца с арены боевых действий. А затем поступило на сельсовет извещение, что пропал без вести.

– Но мама не поверила казенной бумаге, – рассказывает Анна Сазоновна, – еще 10 лет после войны жила в ожиданиях. Я уже подросла к тому времени. Картошку на огороде копаем, который рядом с большаком находился. Бывало, разогнусь, из-под руки на большак взглядываюсь, вдруг папка по нему домой идет. Ведь разное на фронте случалось, тем более, что числился как пропавший без вести. Слезы глаза застилают. Разотру их грязной ладошкой по щекам. Нет, пуста дорога....

В документе № 85626 Мокроусовского райвоенкомата послевоенного дворового обхода указано, что Лопарева Сазона Матвеевича можно считать без вести пропавшим с мая 1942 года, так как с семьей письменная связь прекратилась в апреле. Самое безысходное и печальное в поиске то, что нигде не указано, в каких войсках, на каком участке фронта служил наш земляк. Мокроусовский райвоенкомат данными сведениями не располагает. Нет их и в центральном архиве. Тупиковая ситуация...

Дочь героя моего рассказа в пятидесятые годы вышла замуж и переехала в село Лапушки. Спустя несколько лет, в очередной раз приехав к матери, увидела, как та враз постарела, видно одиночество ее одолело. Забрала к себе на проживание. И Иулинея словно заново народилась, так обрадовал ее переезд к дочери. Четырех детей она помогла Анне поднять на ноги, их вырастить и воспитать. От зятя Леонида худого слова не слышала никогда. Во всем лишь поддержка и дружеское участие.

Буковы в свое время держали много скота на дворе. В доме всегда было молоко, сметана, творог, масло. Выросли внуки, разъехались по области, определились с семьями, но частенько навещают родительский дом. Анна Сазоновна горюет лишь о младшем Валентине: “Повязали мы его своими недугами. Дружил по молодости с девушкой. Но она предпочла другого, выскочила замуж... А он так и не нашел свою половинку. Сначала работал в колхозе. А как бабушку перевезли из домика, где она сначала проживала (рядом с нашим домом), так и начал за ней ухаживать. Затем оперировали Валю, желчный пузырь вырезали. Запретили тяжести поднимать. Как только оклемался, тут муж умер, я с инсультом слегла. Из центра социальной помощи на дому приехали и предложили ему поработать у них: “Все равно живешь с мамой и бабушкой, рядом еще пара старушек-одиночек проживает. Возьми на поруки”. Согласился.”

Иулинея Симоновна считается вдовой. Замуж после войны ни разу не выходила. Льгот никаких от правительства не получала. Это подозрительное “пропал без вести” клеймом лежало в сердце. В какие только двери не стучалась старушка, куда не обращалась, безрезультатно. Сейчас она с высоты своих ста лет рассуждает мудро и просто: “Значит, судьба такая была у меня... Прожила две жизни – за Сазона и свою собственную”.

Напротив кровати висит портрет ее суженого, с которым она рассталась в далеком 41-м году. Есть еще фото военной поры. На нем запечатлен брат Сазона – Павел. Тоже призван в 1941-м и также считается в 42-м пропавшим без вести. Там же, переснятое и увеличенное фото ее матери. Стоит суровая женщина, больше похожа на учительницу, в простом платке, строгом темного цвета длинном платье, а рядом двое маленьких детей, мальчик – брат и девочка – сама Иулинея.

Часто взглядывается в эти снимки, когда не спит по ночам, бабушка... Позади сто лет... а как будто вчера...

ДВА БРАТА, КАК ДВА КРЫЛА

Сколько судеб перевернула проклятая война и перечеркнула жизнью! В последнее время я не могу ее называть Великой по причине того, что изначально от старославянского «великая» обозначала «величавая», в переводе на современный русский – спокойная, размеренная, широкая.

Любая война не может быть спокойной, величавой и размеренной. Это всегда утраты и боль, лишения и горе семьям. Это пот, кровь и соль. На сии размышления меня подвигли поисковики, которые полтора месяца назад в урочище «Красная горка» бывшей Калининской области подняли останки солдата. При нем обнаружен смертный медальон и записка. К сожалению, она сохранилась не полностью, но экспертам-криминалистам все же удалось прочитать, что 70 лет в окопе лежал и дождался человеческого нормального погребения Сидоров, уроженец деревни Баженово Дмитриевского сельсовета Мостовского района Челябинской области. Имени не удалось прочесть. По базе данных архива Министерства Обороны России нашли двух братьев Сидоровых из деревеньки Баженово, которые на тот период 1942 года могли находиться на данном участке фронта – Андрея и Павла. Но кто есть кто? Это и предстояло узнать.

В Мокроусовский район полетела весточка о поисках возможных родственников Сидоровых для выяснения ситуации.

Благодаря помощи главы Старопершинского сельсовета Е. П. Симанова и ветерана труда М. Д. Васильева, нашли Антонину Дмитриевну Михайлову, чья мама была замужем за Андреем Ивановичем, одного из предполагаемых солдат. В Кургане, выяснилось, проживает еще один сродный брат Андрея – Николай. Поисковики сначала позвонили ему. Николай Иванович пояснил, что оба брата в семье считались пропавшими без вести. Неоднократно в советские годы были сделаны запросы и в Варгашинский РВК, и в архив Минобороны. Ответы приходили однозначные: «В списках не значатся». Еще

добавил, что в семье бытовала легенда, что Павел служил на стороне РОА (*русской освободительной власовской армии – сост.*), где и сгинул в неизвестности.

Антонина Дмитриевна восприняла весть с волнением, так как до сих пор хранит семейную реликвию, доставшуюся от мамы – паспорт и свидетельство о рождении Андрея. Невозможно представить и мое волнение по этому поводу: разгадка, казалось, совсем близко... Женщина рассказала, что Андрей Иванович женился на ее матери, когда ему было всего 18 лет. Родились до войны двое сыновей, которых в настоящее время нет уже в живых. Как только мальчишки немного подросли, в 1936 году его забрали на действительную службу. Домой Андрей вернулся к 1941 году. А тут страшное известие: фашист напал на Родину! На фронт только что отслуживший направлен в звании сержанта.

Далее, из документов архива Минобороны мы узнали, что служил Андрей Иванович Сидоров башенным стрелком в 35-й танковой бригаде 169-го танкового батальона, входящего в состав 30-й Армии на Калининском фронте. Один из поисковиков, опытный профессионал, образно выражаясь, «на брюхе» исследовал историю танка, на котором воевал Андрей. Поднял документы, рассказывающие о подбитии танка в ходе боевых действий за деревню Ягодино. Командиром танка Т-34 был младший лейтенант Сергей Гончаренко, в составе экипажа которого находился наш земляк.

Из документов о представлении к награде – ордену «Красная Звезда», узнаем, что «во время атаки д. Ягодино 10.01.42 года, экипаж тов. Гончаренко уничтожил 2 ДЗОТа, минометную батарею, 4 станковых пулемета, 2 крупнокалиберных пулемета и до двух взводов противника. Войдя в деревню, танк наскочил на мину. Ходовая часть была повреждена. Несмотря на массовый огонь автоматов противника, экипаж вышел из танка с целью восстановить поврежденную гусеницу, но

Андрей Иванович Сидоров

она не могла быть восстановленной силами экипажа. Тогда командир приказал занять свои места в танке и продолжать вести огонь из пушки и пулемета до полного расходования боеприпасов, находясь под прицельным огнем противника. Израсходовав все боеприпасы, видя дальнейшую бесцельность пребывания в танке, экипаж, сняв затвор с пушки, закрыв наглухо люки танка, вышел из него. Экипаж танка около 20 часов находился под обстрелом, ведя огонь из оружия на поражение, проявив при этом полное хладнокровие и спокойствие рассудка, здоровое решение».

Заключение Военного Совета Армии – представить к награде «Боевое Красное Знамя» Сидорова Андрея Ивановича. О том, что Андрей не без вести пропавший, как указал ранее Мостовской райвоенкомат, доказывает извещение за № 114,

Павел Иванович Сидоров

сохраненное в Подольском военном архиве. В нем указано, что «старший сержант Сидоров Андрей Иванович, в боях за социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив героизм и мужество, убит в бою 14.09.42 г. под г. Ржев Калининской области. Захоронен на северо-восточной окраине города». Почему-то извещение это пришло в Ново-Спасовский райвоенкомат Челябинской области. Может быть, по этой причине Андрей до сих пор считался без вести пропавшим? И бездействие Варгашинского, ранее Мостовского, военкомата в советские годы по поиску воина тоже сыграло свою роль...

Павел Иванович Сидоров, согласно документам из того же архива Министерства Обороны, воевал в 164-й стрелковой дивизии. Поисковики точно установили место ее дислокации с 29.08 – 22.09.1942 года. Из исторического формуляра Л.2, Ф. 164 сд. Оп.1. Д.1. узнаем, что: «На основании приказа Первой Резервной Армии от 7.7.42 г. дивизия переезжает по железной дороге в район

боевых действий г. Велев и 10 июля сосредоточилась в районе Иштутино в 10-15 км. от переднего края, где вошла в состав 61 Армии Западного фронта. 16.7.42 г. дивизия погрузилась в эшелоны и 18.7.42 г. прибыла на ст. Волоколамск-Шаховская, где вошла в состав 31 Армии Западного фронта, и до 29.7.42 г. находилась в резерве.

30 июля 1942 года дивизия получила приказ по 31-й Армии за № 0016/ОП о прорыве обороны противника в полосе Сновидова-Восицыно. Части дивизии атаковали передний край противника и овладели рубежом Околев (высота 199,0). За два дня боевых действий дивизия овладела 11-ю населенными пунктами, уничтожила 900 солдат и офицеров, продвинулась вперед до 20 км.

Продолжая выполнять поставленную задачу, преодолевая организованное огневое сопротивление противника, отбивая яростные его контратаки, дивизия с 8 по 11.08.42 г. вела тяжелые бои за формирование р. Вазуза с задачей – овладеть Красное. Несмотря на непрерывные атаки и бомбежки, части дивизии очистили восточный берег реки Вазуза, овладели селом Красное, уничтожив при этом до 800 солдат и офицеров про-

тивника, 12 станковых и 7 ручных пулеметов».

Населенный пункт Красное и Красный овраг в настоящее время находятся в одной и той же местности, так что выходит, что ребята подняли останки Павла Сидорова, который воевал в составе 620-го стрелкового полка 164-й стрелковой дивизии в звании лейтенанта на должности заместителя командира роты.

Только вот почему не похоронили после боя командира, до сих пор остается загадкой.

Останки нашего земляка, равно как и вещи, ему когда-то принадлежащие, остаются пока в поисковом отряде.

Два брата, как два крыла, воевавшие на одном фронте, принявшие смерть в ратном бою с разницей в три месяца, бывшие друг от друга в непосредственной близости примерно в 300 километрах и не встретившиеся больше на земле. Как это печально...

Н. И. Сидорова, жена еще одного из братьев, Михаила, с горечью вспомнила, что когда тот был еще жив, всегда на 9 мая поднимал стопку горькой за своих без вести пропавших братьев...

Благодаря поисковикам, имена двух братьев-солдат вернулись на свою малую родину...

ДЛЯ СЛАВЫ МЕРТВЫХ НЕТ

Человеческая память крепка на запоминание событий, происходивших когда-то. Правда, одни жизненные эпизоды стираются как ненужные за их незначительностью, другие – остаются в сердце навсегда.

Собираясь в Ленинград, я и предположить не смела, что Господь даст возможность побывать не только на “Невском пятачке” – месте захороненного нашего земляка Феопента Ивановича Шелепова из села Шелепово Мокроусовского района Курганской области, найденного поисковиками в 1995 году у села Невская Дубровка, но и на других местах захоронений солдат – соотечественников. Оттуда привезла реликвии, найденные на полях сражений.

О том, что в годы войны были неоднократные попытки прорыва блокады Ленинграда и соединения Волховского с Ленинградским фронтом, говорят многочисленные братские и одиночные могилы, лишь только поезд пересекает границу железнодорожной станции Череповец. Из окна вагона они хорошо видны, так как находятся вдоль пути. Иногда пятиконечные звездочки мелькают сквозь деревья – значит захоронения героев находятся и в лесу.

СТАНЦИЯ МГА. Эти живописные когда-то места принадлежали графине Марии Григорьевне Апраксиной, жене легендарного сподвижника Петра I – П. М. Апраксина.

МАКАРЬЕВСКАЯ ПУСТЫНЬ близ станции по

“Невский пяточок” под Ленинградом, где захоронены наши земляки, в частности Ф.И. Шелепов

существу не пустошь, а болото. На краю его покоится прах нашего земляка Никифора Захаровича Антропова из села Крепость. Солдат погиб в бою в марте 1943-го года. Серая плита среди деревьев, где находится братское захоронение. Неподалеку протекает Мга. А в нескольких километрах от места захоронения – озеро, которое, как и у нас в районе, местные жители зовут Белым. Рядом – местность под названием Большая Коврыгина гладь. Там шли кровопролитные бои. Никифор Захаров погиб на этом поле, а его прах, уже гораздо позже, был перенесен на Макарьевскую пустынь.

Во время поисков разговорилась с ветераном Великой Отечественной войны Л. Я. Чертихиным, чудом уцелевшим после прошедших здесь более 63 лет назад боев и оставшимся в послевоенный период жить под Ленинградом. О тех событиях он вспоминает:

– Мы понимали: мало кто из нас уцелеет в кровавой мясорубке. Некоторые бойцы, в открытую говорили, что людей согнали под стены столицы Невы в качестве “пушечного мяса, фашистам на съедение”, столь невыгодные позиции занимали наши войска. Места неудобные к ведению боя – болотистая местность. Неприятель выбирал удоб-

ные для закрепления высоты, нам доставались пустоши и болота. Много гибло солдат. Но приказы выполнялись. За панику – расстрел. Офицерский состав жестко поддерживал воинскую дисциплину. Да мы и сами знали, что позади город Ленина, который нельзя отдавать в руки врага. В случае его сдачи, немцам была прямая дорога на Москву и Мурманск.

Атаки фашистов продолжались и днем, и ночью. Санитарная бригада не успевала подбирать раненых, а похоронная команда закапывать убитых. Иных складывали в воронки от снарядов и мин, засыпали землей, еще горячей от взрывов.

О том напряжении в первые три года обороны на подступах к Ленинграду можно только догадываться, да и то до конца все равно не осознать – какова была беспредельная храбрость наших бойцов, брошенных в вихревое пекло. Оторванные от жен и матерей, от своих детей, не так дав-

но оставившие свою родную деревенскую избу, городскую квартиру, их руки взяли винтовку..., останки от деревянных прикладов и стволы до сих пор находят в земле.

Стою на том месте, где когда-то существовала деревня СМЕРДЫНЯ. Ее фашисты во время артналета стерли с лица земли перед атакой на 1164 полк, в котором воевал еще один наш земляк Григорий Максимович Бакин. Урочище между двумя полутопкими речушками Смердыня и Тигода (в пяти километрах от бывшей деревни), стало последним приютом воина. Григорий Максимович из с.Мокроусово был призван в первые дни войны, ему тогда было 42 года. Дома оставалась семья: жена, дети, престарелые родители. В феврале 1943 года по всей линии фронта советскими войсками была предпринята еще одна попытка прорыва блокады. Это, пожалуй, самый напряженный период времени на Ленинградском фронте. Немцы в очередной раз пытались отрезать путь к железнодорожной ветке, захватить станции Бородулино, Рамцы. В одной из атак солдат остался лежать на поле брани. Через две недели похоронная бригада подобрала останки воина, захоронив их в братской могиле (данные списочного состава безвозвратных потерь этого боя). И полетела в Зауралье похоронка. Фамилия Г. М. Бакина высечена на гранитной плите.

В воспоминаниях участника войны Н. Н. Никулина читаю: “Много убитых я видел до этого и потом. Но зрелище на станции Погостье осенью 42-го не изгладится в памяти никогда. Как символ возвышался над заснеженным полем боец морской пехоты, сраженный в момент броска гранаты. Он так и замерз в напряженной позе. Медные пуговицы на черном бушлате сверкали в лучах солнца. Погостье, в конце концов, взяли. Но вновь на пути встали немецкие укрепления.

Мы, ветераны, помним вал из трупов высотой в человеческий рост, который приходилось преодолевать, бросаясь в атаку. Мы помним болото под деревней Гайтолово, забитое трупами, по ним, как по гати, бежали атакующие. Мы помним рощу Круглая, знаменитую когда-то на

Волховском фронте, около нее полегли дивизии 2-й ударной армии. Мы помним дом отдыха в деревне Вороново, за который отдали жизни десятки тысяч. Можно бесконечно перечислять названия населенных пунктов...”

Да, можно бесконечно перечислять и фамилии наших земляков, погибших за эти населенные пункты. Старший сержант КАБЛУКОВ из Маломостового погиб у села Вороново, на Погостье остался лежать ИВАН ЛЕОНТЬЕВИЧ КОСТАРЕВ, ПЕТР АФАНАСЬЕВИЧ ОСИЕВ, ЕГОР СЕРГЕЕВИЧ ТОПОРИЩЕВ, ФЕДОР НИКИТИЧ ФЕДОРОВ. В бою за деревню Смердыня погибли СЕМЕН ТРОФИМОВИЧ КОРЮКИН, ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ МОХИРЕВ, у Гайтолово – ФЕДОТ ИВАНОВИЧ КУЗНЕЦОВ, ВАСИЛИЙ ФЕДОТОВИЧ ПЕРМЯКОВ – рядовой 119-го стрелкового полка, в январе 1943 года сложил свою голову у села Невская Дубровка. В этом же месяце, примерно, в эти же дни, пал смертью храбрых ПАВЕЛ ПЛАТОНОВИЧ ПРОСЕКОВ, уроженец деревни Капарулино Мокроусовского района Курганской области. Солдат погиб и захоронен у села Выборные Дубровки, расположенного между Невской и Московской Дубровками. Расстояние между населенными пунктами всего-то километров 5-6. И хочется верить, что были встречи земляческие, неожиданные, случайные на фронтовых дорогах Приладожья. Как, к примеру, случилась она у ДМИТРИЯ ТИМОФЕЕВИЧА ВАЖЕНИНА с ПЕТРОМ ГАВРИЛОВИЧЕМ РЯБЦЕВЫМ, которые погибли в одном бою в январе 1944 года у села Педлино. Оба мокроусовца служили в 884

НАГРАДНОЕ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Шеленов Феофант Иванович 311
 2. Звание Ст. сержант 3. Должность, часть Командир взвода 33 Отд.
Штрафной район 67 Армии
 ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ к _____

4. Год рождения 1916 5. Национальность Русский
 6. Партийность чл. ВКП(б) 7. Участие в войне и последующих боевых действиях по защите СССР /где, когда/ Оттепский в. Селва, Ленфронт Арбузово
 8. Был ли ранен и контузен в отечественной войне Раненый
 9. С какого времени в Красной Армии с 1941 года
 10. Каким РВК призван Колесников РВК Челябинской обл.
 11. Чем ранее награжден не имел
 12. Подлинный фамильный адрес /предоставляется и контролю или его семьи/
 _____

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

При выполнении боевого задания 33 Отд. Штрафной район с 17 на 18 апреля 1943г. в составе 288 сп до КСР 67 Армии по захвату населенного пункта, Арбузово тов. Шеленов Феофант Иванович показал себя как храбрый мужественный командир. По приказу с наступлением темноты поднял взвод с исходного положения удерживая взвод за собой, быстро продвинулся до арьермарки противника не выходя на лиманский-пулеметный огонь. Будучи ранен от взрыва мины легко в три месяца продолжал действовать, командир взвода подразделение, уничтожал врага в его траншеях и продвигался вперед к Арбузово. Будучи еще ранен селбуриши пулями в ранние месяцы продолжал бой и вышел из последнего с оставшимися людьми селбуриши только по приказу командира взвода. Сам лично в рукопашной схватке убил 3 противника и личного дружка. Во время боя получил 3 осколочных и 4 пулевых ранения. За боевые действия т. Шеленов заслуживает высшей государственной награды медали «За отвагу»

Командир 33 Отд. Штрафной район
 Ст. сержант
 [Подпись]

стрелковом полку 196 стрелковой Краснознаменной дивизии. Их захоронения находятся рядом, через одну могильную плиту, а сведения о гибели занесены в вахтовый журнал сообщений о потерях в личном составе.

1944 год явился годом освобождения Ленинграда из блокадного кольца. Уже с первых чисел января войска 2-й Ударной армии под командованием генерала-лейтенанта И. И. Федюнинского готовились к переходу в наступление.

К наступлению из района Пулковое готовились

и войска 42-й армии. Перед этим был назначен новый командующий 42-й армией. Им стал генерал-полковник И. И. Масленников.

Наступление войск Ленинградского фронта с двух направлений назначалось на разное время. Утром 13 января 1944 года из Шуваловского дворца под Ленинградом, где размещался штаб фронта, был дан приказ его начинать. 14 января в 9 часов 25 минут командующий фронтом Л. А. Говоров, находящийся на командном пункте 2-й Ударной армии, отдал приказ открыть огонь.

Земля содрогнулась от сокрушительного артиллерийского удара. Почти одновременно открыли огонь артиллерия 42 армии и корабли флота, стоявшие на замерзшей Неве. Спустя час артподготовка закончилась и на Ораниенбаунском плацдарме в небо взвилась ракета – сигнал к атаке.

В этот день на разных участках фронта храбро сражались в последнем прорыве блокады Ленинграда наши земляки. Геройски погиб АФАНАСИЙ ЗАХАРОВИЧ ДРОНОВ у станции Кобона (его захоронение находится во дворе часовни им. Григория Победоносца, открывшейся в прошлом году). У Пулковских высот пал за северную столицу ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОНИЩЕВ, рядовой 884-го стрелкового полка 196-й стрелковой дивизии. ИВАН КУЗЬМИЧ ПУХОВ из Малосередкино в этот день принял участие в бою за освобождение г. Кировска (в 1944 г. Мгинского района). Его захоронение находится на городском воинском Марьинском кладбище недалеко от Невского “пяточка”. ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ ГЛУХИХ из Рассвета 15 января 1944 года навсегда остался лежать у деревни Нойрово.

К этому времени перешли в наступление от Синявина дивизии 67-й армии, которые вскоре овладели важным железнодорожным узлом и станцией Мга. Весь январь продолжались кровопролитные бои. Немцы никак не хотели покинуть ленинградский край. Но им пришлось это сделать под натиском наших войск.

Читаю в хранилище Ленинградского музея-диарамы архивные документы штаба 2-й ударной армии. Писарь скрупулезно через столько лет для

нас, потомков, отмечает наиболее важные события января.

“19 января. Освобождено Красное Село.

20 января. Упорные бои за Кипень. Липецы. Сокрушая противника, подразделения 462-го полка 168-й стрелковой дивизии 108-го корпуса 2-й ударной армии и подвижная группа 42-й армии, в 23.00 соединились в районе Русско-Высоцкое, освободив Пушкино, Павловск, Петергоф.

25 января. 123-й стрелковый корпус 42-й армии, 117-й стрелковый корпус освободили Гатчину. В освобождении принимала участие 120-я стрелковая дивизия.

После взятия Гатчины гитлеровские войска, почти 900 дней осаждавшие Ленинград, понеся огромные потери в живой силе и технике, были отброшены на 65-100 километров от города. Таким образом, блокада Ленинграда была полностью снята. А вечером 27 января вся страна услышала по радио долгожданную весть.

После поездки по Ленинградской области в поисках захоронений наших земляков, для меня, не существующие ныне деревни Смердыня, Погостье, Арбузово, Педлино, Гайтолово, Тортолово – обрели реальную ясность.

Многие братские могилы, где покоятся и наши мокроусовцы, перенесены на мемориальные комплексы, что сильно затруднило их поиск.

Мемориальные зоны под Ленинградом встречаются чаще, чем скажем, лет 10-20 назад. Но по сей день, как выразился один из сотрудников музея, “кости солдат валяются по полям, уничтожаются памятные знаки, с трудом поставленные ветеранами на личные средства...”

Еще Суворов говорил : “Война не окончена, пока не погребен последний солдат!”

Да и возможно ли сегодня разыскать и захоронить всех на территории Ленинградской области? В музее не знают, говорят, что в военных архивах есть списки погибших, и планы их захоронений. Но большинство из них закрыты для нас, простых смертных, а добровольцы продолжают искать в болотах и на полях брани медальоны убитых, по сей день...

ЖЕРНОВА ЖИЗНИ

В нашем Мокроусовском районе когда-то проживал легендарный человек, полный кавалер орденов Славы Емельян Тихонович Широковских, прошедший горнило войны с 1941 по 1945 годы. Это известие пришло к нам от поисковика из Дагестана. Автор письма просил журналистов разыскать родственников нашего земляка, чтобы узнать подробности довоенной и послевоенной жизни Е. Т. Широковских, занести данные о нем в электронную Книгу памяти.

После войны прошло уже 69 лет, но в памяти сельчан, как ни странно, сохранились воспоминания об этом человеке, его родителях, брате. Хотя поиски не уложились в короткие сроки, думаем, будет небезынтересно узнать о страшно-горькой судьбе полного кавалера трех орденов Славы. Есть смысл напомнить, что полного кавалера ордена Славы по статусу приравнивали к званию Героя Советского Союза.

Родился Емельян Тихонович (Омеля, как его называли в деревне) в Грамотеево в 1917 году. Рано остался без отца, которого в гражданскую войну беляки расстреляли. В той бойне, где отец шел на сына, брат на брата, получила увечье и мать Емельяна – Калипатра Никифоровна. Ночью, пробираясь к спрятавшимся от белогвардейцев в местных лесах мужикам-сельчанам, наткнулась на валежину в густой чаще, поранила глаз.

Так и запомнили ее старожилы: сухой, жилистой, с изуродованным лицом. По окончании гражданской войны посватался к Калипатре немолодой уже Тихон Широковских, также потерявший жену в страшную годину. На руках у мужика оставался сын Петр. Сошлись тихо, незаметно. Стали вести общее хозяйство. Тихон усыновил Емельяна, которому от роду тогда не было еще и шести лет. В деревне поговаривали, что Омеля Калипатре неродной, а остался сиротой, каких в 18-19 годы было немало. Его Калипатра и забрала к себе. Своих же, родных детей, у нее как будто бы не было.

Супруги Широковских работали в сельхозартели, затем в колхозе “Хлебороб”. Закончив 4 класса, пошел на сельскохозяйственные работы и Емельян. Куда отправляли, там и трудился парень, благо в колхозе держали много общественного скота: овец, свиней, и даже гусей, кур.

ВСПОМИНАЕТ З. В. Хлебутина, уроженка д. Грамотеево:

– Помню Емельяна, так как наши избы стояли неподалеку друг от друга. Его брат, Петр, был уже женат. А я дружила с Фешей, его дочкой. Поэтому почти каждый день с ней играли в детские незатейливые игры: то на поскотине, то у них на ограде. Емеля был каким-то тихим, незаметным: невысокого роста, светло-русый, с хитрым при-

щуром монгольских глаз. Он никогда не ходил на посиделки, ни с кем из девушек не дружил. Мне тогда и было всего-то 10 лет, поэтому куда Емельян делся потом, не припомню. Но то, что его перед войной не было в Грамотеево, это точно...

ДАЛЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ Зинаиды Васильевны продолжает племянница Емельяна – Феоктиста Петровна НАБЕРЕЖНЫХ (в девичестве Широковских, которую мы нашли в Тюмени):

– Емельян не ладил с матерью. Был порывистый, с норовом, постоянно ей перечил. “Бабушка” (так мы звали Калипатру) страдала через его дерзость. Познакомился Омеля с Валентиной Важениной из д. Пороги и уехал жить к ней. Было это примерно в 1935 году. Устроился работать в сельхозтехнику, две девочки у них росли. Вроде жили не тужили, да Финская война оборвала планы на будущее. Я помню: на фронт Емельяна провожали из родительского дома почему-то... Устроившись за широким столом прямо на дворе, он посадил меня на колени, и я была страшно горда тем, что сижу наравне со взрослыми.

Глупая, не понимала, что нет ничего страшнее войны и что человек уходит, быть может, навсегда... Спустя несколько недель призвали в армию и моего отца, Петра Тихоновича. Как-то враз состарился дедушка, Тихон Прокопьевич, еще больше пригнуло его к земле, согнуло и бабушку Калипатру. Я в ту пору жила у них...

В книге “Солдаты победы” мы нашли фамилию Широковских. Несмотря на то, что проводили на фронт обоих сыновей, и что Петр не давал о себе весточки, они самоотверженно трудились на колхозных полях. А тут объявили и о начале Великой Отечественной. Так что братьев никто больше не видел.

– Бабушка с дедом были в 1946 году награждены медалями “За доблестный труд в годы Великой Отечественной”, – продолжает свои воспоминания Феоктиста Петровна. – Для них стало ударом, когда узнали, что отец находился в плену (его освободили только в 1945-м). После войны Петр Тихонович еще два года “ходил под про-

веркой” в Челябинске, и уж потом воротился домой. А в деревне все суды да пересуды. Собрал он нас всех и перевез в д. Падун Заводоуковского района Тюменской области. Видать, сам страдал от этого, хотя виноватым себя не чувствовал. Но людская молва одолела. Дядя мой, Емельян Тихонович, не давал о себе знать родителям во время войны (писал лишь Валентине), с фронта вернулся с двумя орденами Славы на груди.

Логическую цепочку рассказа племянницы продолжает еще один свидетель первого послевоенного года жизни нашего героя – М. С. Упоров, нынешний глава деревни Пороги:

– Да вон их домик стоит, – кивает на свои огороды головой Михаил Сергеевич, – рядышком совсем. Валентина в животноводстве в войну робыла. Ладно, ее родители здесь поддерживали, все-таки две девчухи на руках малюсенькие были. Уж так она радовалась, что Емельян живым вернулся с войны... Хоть тогда я еще пацаном был, но помню его: широкоплечий, статный, ходил в сапогах со скрипом, поддевке, на которой ордена новенькие прямо горели. Куда дальше Широковские подевались? А не знаю. Уехали из Порогов почему-то... Спросите у Александра Важенина, их дальнего родственника, он, может быть, прояснит что да как...

Александр Андреевич Важенин пояснил при встрече:

– Посадили Омелю после войны, а за что – не припомню, – и посоветовал обратиться еще к одной бабушке, девяностолетней Александре Семеновне Степанцовой. Эта женщина и рассказала нам, как смололи жернова судьбы грамотеевского парня-орденоносца.

– ВАЛЕНТИНА Петровна, жена Омели, мне родственнице приходилась, – начала баба Саша свои объяснения. – Грамотешки никакой у Омели, но ему, как фронтовику, доверили чеботарничать в артели “Пятилетка”. Была такая когда-то в Мокроусово. Омеля бригадирил там. Сапоги, обувь тачали. А это кожа, мех, подошва и всякая прочая дребедень. Ну и прогорел он на обу-

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

В. 017511
235.457.

1. Фамилия, имя и отчество Широковский Емельян Викторович
2. Звание младший сержант 3. Должность, часть помощник командира взвода 524 стрелкового полка 884 стр. Краснознаменного в/д А. А. Невского полка 235 стрелковой Карачаевской Краснознаменной дивизии Суворовского фронта
- Представляется к ордену Слава первой степени
4. Год рождения 1917 5. Национальность русский 6. Партийность беспартийный
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР в отечественной войне (где, когда) отеческой войне 14.06.44 года - 2-ой Белорусский фронт
8. Имеет ли ранения, и контузии в отечественной войне ранен 14.06.44 года в область лев. плеча в районе д. Людвигаталь 1. ранен 8.6.44 года в лев. часть груди под ключицу
9. С какого времени в Красной Армии 7.06.44 года 10. Каким РВБ призван Червицкий РВБ Минской области
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) орд. Слава 2 ст. пр. 228 от 5.11.44 года, орд. Слава 2 ст. пр. 49 армии № 08 от 21.2.45 года.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи _____

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В массовых боях младший сержант Широковский проявил мужество и героизм. 24.02.45 года роты получил боевую задачу продвигаться вперед. На подступах к железной дороге в районе д. Локс роты закрепились в противника, который закрепился в одной из отдаленных траншей и вел отсюда яркую огонь ружейной и пулеметной. Подразделение атаковало немцев, но они отчаянно сопротивлялись. Тогда младший сержант Широковский с двумя автомашинками сержантами подступили выдвигая вперед и ведя дружный огонь по врагу на ходу стремительно бросая на флангах, забросав их гранатами. Немцы не выдержали и в панике разбежались, бросив свои пулеметы. Немного спустя немцы предприняли контратаку. При отражении боя удержали машинки врага пока не подоспела наша подразделения. В этот бой тов. Широковский участвовал более 10 месяцев.

Достоин правительственной награды - орден Славы первой степени.

В 6 марта *Широковский* (подпись)

ви. Недостачу при ревизии нашли. А годы еще сталинские. Дали ему шесть лет лагерей, которые он отбывал в Норильске. Валентина от позора и уехала с дочками из деревни, в Свердловскую область, не поглядели власти, что фронтовик, орденоседец! Да, вот как бывает...

Обратно Широковские на мокроусовскую землю уже не вернулись. Не приехал к своей семье и Емельян. После срока остался жить и работать в Норильске, затем в Игарке. Третий орден Славы ему, солдату, прошедшему фронтовыми дорогами в разведроту все годы и дни войны, вручили лишь 28 лет спустя, в 1973 году, хотя о награде он знал еще в 1945-м.

ВСПОМИНАЕТ К. Д. ШИРОКОВСКИХ – однофамилица героя нашего рассказа:

– Мой муж в те годы работал водителем в райвоенкомате. Пришел с работы и рассказывает, мол, запрос на Емельяна Тихоновича с Министерства Обороны пришел, ищут его – проживает де, такой на селе или нет? А он тут и не живет вон уже сколько лет...

В семидесятые годы возвращалась первая жена Валентина на свою малую родину. Купила домишко в Мокроусово, да через некоторое время снова его продала и уехала к дочерям, уже насовсем.

– По-живому ее тут все резало, – объясняет нам баба Саня. – Воспоминания, они ведь не простая штука. Дочь Омели, Галя, живет в д. Обутки в соседнем районе, Люда – в Арамиле.

Мы нашли их. Вспоминает Людмила, дочь Емельяна:

– Отец всю жизнь был несчастен. Тяжелое детство, безрадостная юность. Может, она и закалила его волю, которую он проявил на фронте. Никогда не кичился своими медалями, орденами.

А ведь у него еще была медаль “За отвагу”. Никаких льгот как орденоседец, он не получал. Женившись вторично в Норильске, связи с нами не держал. Видать, решил порвать с прошлой жизнью навсегда. Только в начале восьмидесятых, умирая, прислал нам телеграмму. Поехала к нему моя сестра Галина. Он и умер у нее на руках. Она его и похоронила.

РАССКАЗЫВАЕТ А. С. СТЕПАНЦОВА:

– Дочки Емельяна, когда мой муж еще жив был, он тоже фронтовик, приезжали к нам гостить. Ягоды, грибы собирали, то есть, связи со своей малой родиной не хотели терять. Это сейчас я старая, да и они уже не молодые. Мать Валентину давно уже схоронили. Как-то враз и оборвалась ниточка родства...

ЛЮДМИЛА ЕМЕЛЬЯНОВНА ШИРОКОВСКИХ (ВАЖЕНИНА) по телефону с горечью говорит: “Что сейчас про отца все поднимать? Искать надо было тогда, когда он живой еще был. А он себя таким одиноким все время чувствовал. С обидой говорил, что “Родина меня кинула через плечо”. Никаких льгот вплоть до 1973 года не получал. Болел тяжело. Видать, Норильские рудники жестче военных дорог оказались, безжалостнее... Галя перед смертью все дни с ним просидела, было друг другу о чем рассказать. Отец, кроме наградных удостоверений, ничего не отдал, все время плакал, вспоминая Грамотеево.

Остается только сожалеть о горькой судьбе солдата Победы. Сожалеть о том, что нет фамилии орденосеца в Книге памяти, не было до сей поры и в списках полных кавалеров ордена Славы. Но мы уверены, что это можно и нужно исправить, пока живы еще свидетели тех лет, которые помнят Емельяна Тихоновича Широковских.

НА ПОДСТУПАХ К ЛЕНИНГРАДУ

... Ночь. Еле теплится огонек в печи. За окном – -36. Сибирь. А через две улицы от моего дома сейчас спит и видит тревожные сны старушка, Клавдия Дорофеевна Вагина, лейтенант медицинской службы, участница боевых сражений на Волховском фронте, о которой и хотелось бы пове­дать нашим читателям.

Клавдии Дорофеевне 93 года, но она сохранила отличную память и ясный ум, ее до сих пор приглашают на торжественные мероприятия в музеи и Комнаты боевой славы учащиеся, где ветеран рассказывает о войне.

В свою очередь, считаю долгом рассказать об этой удивительной женщине, два года которая вместе с нашими солдатами стояла у стен легендарного Ленинграда, спасая раненых и обмороженных бойцов в роте медицинского усиления в составе 2-ой Ударной армии.

Родилась в простой крестьянской многодетной семье в д. Дорохино. Отец ее служил когда-то в императорских войсках, вернулся после 20-летней службы домой, женился, обзавелся хозяйством и детьми. Клава была третьим ребенком. Видать, служба царская сказалась впоследствии на здоровье тятеньки, что он сильно занедужил. И девочка, видя страдания родителя, дала себе слово, что обязательно выучится на доктора, а тогда и вылечит папку...

Когда окончила школу в 1938 году, самостоятельно уехала в Курган поступать в медицинскую школу.

Клавдия Дорофеевна вспоминает: “Что тогда мы имели? Да ничего. В город приехала с узелком, в котором коврига хлеба, бутылка молока и мешочек с солью. Из одежды – юбчонка, две блузки и парусиновые тапочки на ногах. Сдав вступительные экзамены, я была зачислена на отделение фельдшеров”.

Общежития первокурсникам тогда не давали, и девчушка оказиями устраивается к далеким родственникам “на постой”. Студенческие годы вспоминает с тихой грустью. Учеба давалась

**Клавдия Мандрыгина-Вагина,
осень 1941 года**

тяжело деревенской девочке, но ее настойчивость и упертость, которую, кстати, она не утратила и по сей день, быстро вывела Клаву в студентки-отличницы. Она получала повышенную стипендию.

Женщина с улыбкой рассказывает: “Начала учиться, а жила с одной еще девочкой, она на медсестринском отделении была записана. Приходит с занятий и с восторгом рассказывает, как их учат с шприцом работать, лекарства давать, койку больному правильно стелить, и я вдруг сильно захотела стать медсестрой. Пришла в школу и в деканат, мол, переведите меня в медсестринское. А мне наш декан и говорит: “Глупенькая. Медсестра лишь уколы и делает, а вот фельдшер – без пяти минут врач. И привел мне примеры. Я и осела тогда”.

Ветеран в наши дни

1941 г. – год окончания медицинской школы, которая потом была переименована в медицинское училище. Их на курсе осталось тогда всего 12 выпускниц, и это был второй лишь выпуск дипломированных специалистов г. Кургана.

22 июня из Челябинска приехала комиссия на распределение. Девочку направляют на пункт Рыбное Долговского сельсовета Куртамышского района. А тут, прямо в момент распределения, ворвался учитель в аудиторию и крикнул: – Война!

Все подумали, что он сошел с ума, но через некоторое мгновение осознали сказанное. И прямо из аудитории все выпускницы отправляются на призывной пункт. А там шум и народу собралось на всю площадь. Военком вышел на крыльцо, вынес радио. Тогда Клавдия окончательно поверила, что сказанное – правда.

“Написали заявления с подругами, что хотим добровольно на фронт, да нас осадили в военко-

мате, сказав, что когда надо – вызовут”, – вспоминает ветеран события 73-летней давности.

Ничего не оставалось делать, как ехать к месту распределения. Девушка мечтала осенью поступать в медицинский институт, взяла с собой лекции и некоторые учебники для подготовки. А они, впоследствии, ей пригодились на фронте.

Осенью 1941-го Клавдии вручили повестку. Через день – она уже в Ялуторовске на подготовительных курсах младшего комсостава. На фронт в теплушках их отправляют лишь в конце 1941 года. Не знали, куда везут, и лишь перед Череповцами объявили – Волховский фронт.

Клавдия попадает в состав 2-й Ударной армии 59-й стрелковой бригады в роту медицинского усиления. В палатке всего 16 коек. А раненые поступают и поступают. Их конвейером переносят на операционный стол, ночью – на вокзал в санитарные теплушки для отправки в тыл.

“Первую помощь мне пришлось оказывать немецкому офицеру, у которого из оторванной кисти руки обильно текла кровь, – вспоминает Клавдия Дорофеевна. – Вызвал меня командир, приказал. Наши разведчики его принесли на плащ-палатке, был тот без сознания. Пригодились знания, данные когда-то в медицинской школе, и я ему сделала временную перевязку. Офицер пришел в себя, открыл глаза. А я на него тарашусь, потому что впервые видела живого немца! И не просто немца, а врага! Он мне на своем что-то еле слышно сказал, вроде как поблагодарил – мы изучали немецкий язык в школе, и у меня по нему была пятерка, – а я отвернулась и вышла из палатки”.

Второй случай встречи с врагом под Ленинградом Клавдия вспоминает как сон, как сказку, где маленькая девочка, с метр пятьдесят ростиком, бежала с пакетом, который необходимо было донести до начальствующего состава медицинской службы в соседнюю часть, а ее заметил “рама-разведчик”. Он на бреющем решил поиграть с бежавшей и пустил ряд трассирующих пуль по живой мишени. Клавдия тогда испугалась, метнулась в тень стоящей на опушке березы, за-

таилась, замерла, распластавшись под ней. Закрыла глаза. Почему не сделали с самолета контрольного выстрела, кто теперь знает. То ли подумали, что убили бойца, то ли уже не увидели, куда делась. Но “рама” повернула и скрылась за верхушками деревьев. “Меня спасла русская березка”, – любила повторять на Уроках мужества ветеран, рассказывая этот случай школьникам.

В ряды партии ее принимали на фронте. Это был 1943 год. Замполит вызвал и спросил, с какого она года состоит на учете в комсомоле, затем предложил ее кандидатуру на комсомольском собрании.

“Фотографировали меня на партийный билет в палатке, где висела простыня. А я в гимнастёрке, в сапогах. Попросил фотограф, чтобы переоделась. Пришла в свою палатку, открыла рюкзачок походный, а из него выпало довоенное платье в крапинку. Уткнулась я в него и так домом родным потянуло, что на сердце сразу сделалось больно-больно. Заревела в голос. А тут «тук-тук», заходит капитан, успокаивает, и говорит, что я должна гордиться, что мне оказывают доверие товарищи, дав рекомендации в члены ВКП(б).”

На фронте Клава нашла свою первую любовь, да встречи были недолгими, убили Клавиного капитана в одном из боев, а под сердцем уже билась новая жизнь.

“Как знать, может быть сложилась у нас семейная пара и жили мы с ним еще долго-долго, если бы не проклятая война, – размышляет старушка. – Он ведь был неженатым, родители его из-под Астрахани”.

Когда пришел срок рожать, на восьмом месяце беременности, Клавдию Дорофеевну отправляют домой, а она не хочет. А она артачится, за что по партийной линии получает устный выговор.

“Мне тогда майор сказал: “Здесь роддомов нет, здесь война! Понимаешь, лейтенант!!!”. И я с ним согласилась”.

Вспоминает ветеран войны свою подругу, девочку по парте в медицинской школе. Ее отправили на другой участок фронта, и Клава получила коротенькое письмецо от подружки всего лишь раз. Убили молоденькую медсестричку на поле боя, когда она вытаскивала раненого. И полетела в Далматово родным это печальное известие. Только маленькая фотография на документ и осталась в память о той девочке.

Спустя годы, работники медицинского колледжа, собирая по крохам сведения о своих выпускниках, нашли в списках, кто была эта выпускница. Сейчас идет розыск возможных родственников Гути.

Медленно бежит время... Трудно даются воспоминания о далеких днях 43-го года.

Когда я была под Ленинградом в командировке с целью найти могилы наших земляков, по приезду встретила с ветераном. Она, со слезами на глазах, меня жадно спрашивала, была ли я у Чудово, в районе Водостье, Коломно, Ямно? И я снова удивлялась ее памяти, как будто эти населенные пункты огнем были выжжены в ее сердце.

По приезду домой, Клавдия Дмитриевна работала на одном из сельских ФАПов, затем ее перевели в районную поликлинику. Несколько созывов избирали секретарем партийной организации, затем народным заседателем.

В ее семейном архиве я даже нашла удостоверение народного дружинника. Несколько знаков “Ударник коммунистического труда”. Но, пожалуй, самой ценной наградой она считает медаль “За оборону Ленинграда”.

Гляжу на ее морщинистое личико, карие глаза, слушаю рассказы о прошлой жизни, и тихо вместе с ней радуюсь, что дожила наш ветеран до 70-летия снятия блокады Ленинграда, значение которой для нее – не пустой звук.

ПОЛОЙЦА ПОМНИТ УКРАИНА

К мокроусовским поисковикам обратились друзья из Украины с просьбой найти возможных родственников нашего земляка, уроженца деревни Полой Степана Николаевича Кубасова, героически погибшего в годы Великой Отечественной войны на гнединской земле Бориспольского района Киевской области. В своем письме они пишут: «Обращаемся к вам за помощью родных Кубасова Степана Николаевича 1902 года рождения, уроженца деревни Полой Мокроусовского района. Призван в Красную Армию Кокандским горвоенкоматом (Узбекистан). В Коканде (район маслозавода № 2) оставалась жена – Микляева Александра Степановна.

Степан Николаевич воевал в составе 358-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии в

должности старшины. Погиб 26 сентября 1943 года за освобождение села Гнедин Бориспольского района Киевской области. Захоронен солдат на местном кладбище в индивидуальной могиле. Его именем названа одна из улиц села. Очень бы хотелось найти родственников старшины, если будет фотография, выслать нам ее для размещения в школьном музее Памяти и на кладбищенском обелиске. В этом году будет отмечаться 70 лет освобождения Киева и нашего Гнедина».

Через полмесяца после обращения в районную администрацию пришло аналогичное обращение-призыв к содействию в поиске. Мы, конечно, не могли остаться равнодушными к этой просьбе своим товарищам по поисковой работе и провели свое исследование.

Степан Кубасов призван в ряды Красной Армии не из нашего района в первые дни войны. Пройдя соответствующую подготовку, направлен на фронт в звании гвардии сержант. Попал на Юго-Западный фронт в составе 50-го стрелкового полка, сформированного в Киевском округе. Полк был подчинён командующему Юго-Западным фронтом, готовил резервы, маршевое пополнение, обеспечивал подвоз фронту оружия, боевой техники, горючего и продовольствия, создавал и обучал отряды народного ополчения, истребительные батальоны.

В августе 1941 года на базе механизированных и стрелковых корпусов были сформированы три армии. Управление округа выполняло также мероприятия, связанные с отводом мобилизационных ресурсов вглубь страны, эвакуацией военных складов и баз, оказывало помощь местным партийным и советским органам в эвакуации на восток фабрик и заводов. 9 августа 1941 управление КОВО было передислоцировано в город Конотоп, а затем в район города Сумы. По решению Ставки 10 сентября 1941 года Киевский округ был расформирован, а его части и учреждения переданы Юго-Западному фронту. Чуть позже 50-й стрелковый полк был переформирован в

136-ю стрелковую дивизию в составе Юго-Западного фронта.

Разговор о Кубасове состоялся у меня с главным редактором «Серебряной подковы» Г. Г. Гулечком, который свел с бывшим начальником военного учетного стола при сельском совете села Гнедин А. И. Маринченком. Последний поведал, что приблизительно в конце восьмидесятых годов прошлого столетия, односельчанка, ныне уже покойная, Федора Романовна Прыдыба рассказала историю захоронения нашего земляка на украинской земле.

В сентябре 1943 года после освобождения села от фашистов на гнединской горе нашли мертвого красноармейца. Он лежал в окопе, держа в руках то ли пулемет, то ли винтовку (женщина-очевидец не разбиралась в оружии). Федора попыталась перенести тело на кладбище, но самостоятельно не смогла этого сделать, и позвала на помощь соседа по дому – Михаила Яковлевича Босого, ныне также уже покойного. Оглядев воина, нашли у него на шее смертный медальон и записку. В ней было указано, что солдат родом из Полойского сельсовета, Челябинской области, но призван Кокандским горвоенкоматом. Звали его, якобы, Кузбасов Стефан Николаевич, (оттого-то и не могли поисковики сразу найти данные нашего земляка по объединенному Банку данных Министерства обороны России, не выдавал он по нашему Степану информации. Женщина также ошибочно указала в своих воспоминаниях и год рождения воина, прибавив к нему десяток лет. Она рассказала, что похоронили покойного рядом с родичами Федоры Романовны. Она и указала могилу Анатолию Ивановичу Маринченко. Тот, находясь под впечатлением от услышанного, предложил тогдашнему председателю Гнединского сельсовета Ю. Р. Мельнику назвать одну из новых улиц в урочище Кривое именем человека, который отдал свою жизнь за освобождение украинского села, что и было

сделано.

Накануне 50-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, на могиле воина-освободителя был установлен небольшой металлический обелиск с пятиконечной звездой. Настоящее имя героя установил наш соратник по поисковой работе А. Э. Куликовский, который после многочасовых поисков в интернете, путем интерпретации фамилии, вышел на искомое.

На странице невосполнимых потерь сержантского и офицерского состава 358-го стрелкового полка 136-й СД в период с 10 по 30 сентября 1943 года стоит фамилия и нашего земляка – Кубасова Степана Николаевича, старшины, беспартийного, родившегося в 1902 году в Мокроусовском районе Челябинской области.

В районном архиве, благодаря профессионализму В.Г. Антроповой, быстро нашли в хозяйственной книге Полойского сельсовета запись о родном брате Степана – Перфилии. Он на 2 года старше, жил до войны с женой Улитой Ивановой и имел детей: Василия, Зою, Анастасию, Клавдию и Таисию. Работал в колхозе «Красный путиловец». Забрали на фронт Перфилия в июне 1941 года.

В Алфавитной книге есть о том запись. Сын ушел на войну годом позже. Оба пропали без вести на полях жесточайших сражений. Мы нашли двух дочерей Перфилия (по документам Перфирия) – Клавдию и Таисию. Одна проживает в соседнем районе, другая в районном центре. К сожалению, Клавдия не знала Степана, так как была маленькой, когда он уехал в Узбекистан. А вот сын ее, Юрий, вспомнил, что бабушка Улита часто говорила о сыне, что он погиб за украинскую землю...

Администрация Гнединского сельсовета ждет потомков Кубасова Степана на украинскую землю для отдачи почестей в честь нашего земляка, которого взрастила мокроусовская земля.

“ТОЛЬКО ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ”

Эти слова песни В. Высоцкого, как набат, звучат в моей памяти, когда в редакцию приходят убеленные сединами люди, давно перешагнувшие семидесятилетний рубеж своей жизни, но продолжающие поиски родных и близких, пропавших без вести на полях сражений в годы Великой Отечественной войны.

Обратился в студию уроженец села Крепость Мокроусовского района Курганской области Анатолий Михайлович Соколов с просьбой помочь по возможности отыскать место гибели и захоронения его отца – **МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА СОКОЛОВА**. В военные годы на него в дом приходила сначала похоронка, потом... впрочем, все по порядку...

Рассказывает Анатолий Михайлович – сын солдата:

– Мой отец, Михаил Павлович Соколов, родился в мае 1909 года в селе Крепость Челябинской тогда области. Был призван защищать свою Родину 17 августа 1941 года Мокроусовским РВК. Жена – Наталья Петровна Соколова.

Нас в семье было четверо детей (три сына и дочь). Нашего дедушку звали Павлом Леонтьевичем. Когда началась война, мне было 10 лет и я хорошо помню проводы отца на фронт. Первая часть его короткой службы (до ранения) нам известна более-менее, но вот вторая – одни вопросы. В течение лета с фронта пришло от папки два письма, а затем похоронное извещение. Мама не могла поверить, что он убит, говорила, что ее сердце чувствует, что тут что-то не так. По ночам плакала, надеясь на какое-то чудо.

Оно произошло. Почтальон на сельсовет принес письмо, в котором друзья отца извещали, что жив наш папка, ранен в правую руку, оперирован, и что находится в госпитале в г. Вольске Саратовской области. Письмо пришло осенью. А перед новым, 1942 м годом, мы увидели на очередном солдатском треугольнике знакомый почерк отца. Он нам выслал фотографии, где снят с друзьями по несчастью в палате ЭГ.

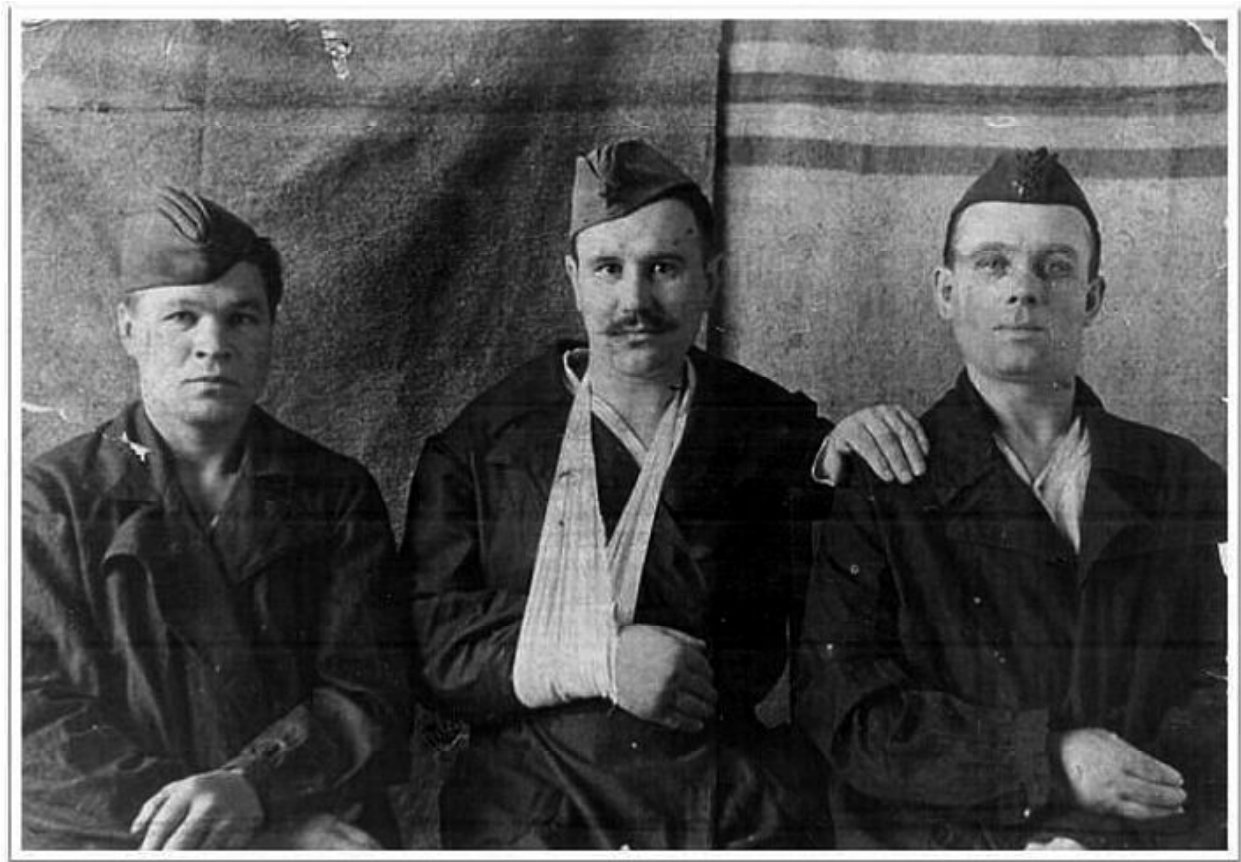
Анатолий Михайлович принес два снимка военной поры. На одном из них, с обратной стороны, чернильным карандашом надпись: “На долгую память детям Толе, Тоне, Мишеньке от папы. Жена Наташа, от друга жизни Миши и моих друзей госпиталя г. Вольска. Слева направо наши почти земляки: Хвостов Александр Гаврилович из Свердловской области Пышминский район деревня Коревка. Второй от меня – Гогунин Георгий Архипович из Казани. ул. Большая Красная... (удалось прочесть последнюю строчку, благодаря Саше Дударенко, другим поисковикам), дом 63, кв 6. С новым годом, с новым счастьем”.

После выписки из госпиталя Михаил Соколов известил родных, что его командировали для подготовки к отправке на фронт новобранцев. Что они из числа дальневосточников да сибиряков. И что рана не совсем еще затянулась. Последнее письмо, по памяти сына, датировано 15-17 ноября 1942 года. К сожалению, солдатские треугольники в семье не сохранились ввиду переезда из Крепости в Мокроусово. Но со слов деда, который по несколько раз читал вслух весточки от сына Михаила, Анатолий запомнил: его отец сообщал, находятся они под Сталинградом в окопах, стоят сильные холода и они натаскали в окопы соломы для тепла. Что сам он пишет своим родным перед боем, ожидая атаки. В последнем письме солдат просил жену беречь детей и закончил такими словами, навсегда врезавшимися в сыновнюю память: ” Или грудь в крестах, или голова в кустах”...

– После 19-го ноября 1942-го года от отца мы больше писем не получали, – сказал в заключение Соколов-младший.

В электронной памяти архива МИНОБОРОНЫ хранятся записи о воине:

Соколов Михаил Павлович 1909 г. р. Курганской обл., Мокроусовского р-на, Крепостинский с/совет

Соколов Михаил Павлович на излечении в госпитале (в центре)

Дата и место призыва: 13.08.1941 г. Мокроусовский РВК

Последнее место службы: 172 КП

Причина выбытия....12.1941г.

Жена – Соколова Наталья Петровна.

198 кавалерийский полк.

Боевой период 172 КП 20.0741 – 13.08.42 гг.

Полевая почта 1512(149).

25.03.42 г. – расформирована, затем переведена в 41-ю кавалерийскую дивизию.

Далее по базе данных ничего о Михаиле Павловиче мне узнать не довелось.

Из исторической справки:

84-я отдельная кавалерийская дивизия (Краснознаменная), сформирована 1 сентября 1941 года в составе действующей армии.

Состав дивизии: 145 КП (кавалерийский полк) с 10 августа 1943 года

172 КП

Значит, судя по ее боевому пути, красноармеец Соколов в первые месяцы войны участвовал в Орловско-Брянской и Тульской оборонительной операции. С 1 августа дивизию на короткий срок определили в состав Северо-Западного фронта. С середины августа передислоцирована в резерв г. Ковров. С 3 октября 41 г. в г. Мценске и с 10 октября включена в состав 25 армии второго формирования, просуществовала там всего лишь до 25 октября 41 года.

(Это первый этап войны солдата Соколова!)

Открываем сведения о 172-м КП в этот период. Узнаем, что на 5 октября 1941 г. занимала оборону северо-восточнее г. Мценска по рубежу реки Зуша. Примерно в этот период и был ранен Михаил Соколов. Почему в дом пришла похоронка, остается лишь предполагать, что подобрали кавалериста на поле боя санитарная бригада другой части. А так как его не нашли после сражения, то вписали в журнал о безвозвратных потерях в живой силе.

Сын рассказывает, что когда работал в советский период в райкоме партии, много раз через военкомат пытался найти хоть какие-то сведения о своем отце... Из архива Подольского приходила бумага, что считается “пропавшим без вести”... ни номера части, ни места, где воевал – ничего нет. Сын предполагает, что его отец после

госпиталя, обучая новобранцев, входил в младший командный состав, воевал в пехотном полку, был стрелком. Затем вместе с ними и был отправлен под Сталинград...

Итак, на сегодняшний день мы имеем лишь точные сведения о первых месяцах войны – где и как воевал Михаил Павлович. Затем госпиталь, обучение новобранцев...письмо якобы из окопа под Сталинградом – и все....

В ушах набатом: “...только он не вернулся из боя...” И еще – укором звучат слова Соколова-младшего:

– Я старший сын своего отца. Одного брата уже нет в живых. Обидно, что отец не считается защитником, а мы не дети погибшего, так как до сих пор висит подловатенькое “ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ”, как будто и не жил человек на земле и нет у него родных....

КИМ

Его звали Кимом. Просто и кратко – Ким. В те далекие двадцатые годы имя не редкое – Коммунистический Интернационал Молодежи. мода была такая – давать своим детям революционные имена. И родители, поддавшись ей, своего первенца назвали Интернационалом молодежи.

Родился мальчик на зауральской земле, плодородной и богатой хлебными нивами, в семье, только что вступившей в колхоз и верующей в светлое коммунистическое будущее. Детство его прошло в Кокоревской сторонке, где кроме избы-читальни, сельского клуба у ракии да медпункта с магазином, пожалуй, ничего достопримечательного и не было. Но для него, мальчугана, каждый новый день приносил открытия. Потому что деревенька Кокорева стояла у развилки дороги, идущей на Тюмень, по которой проезжали повозки с провиантом, шли груженные чем-то машины в сторону большого города. А еще был Запрудок, где в летнюю пору малышня весело купалась до самого вечера и играла в салки и прятки. Неглубокие овражки давали волю чапаевским играм с

деревянными саблями и верхом на хворостинках – подражание боевому коню легендарного Чапая.

Кино в сельский клуб привозили на лошадке раз в 10 дней, и районный киномеханик вручную крутил ручку у аппарата на полянке около стены культурного заведения, где развешивали старенькую простынь для просмотра киноленты. В самом клубе фильмы глядели взрослые в зимнее время, но летом, чтобы не засорять избу семечковой лузгой, только на улице.

В деревне была школа, куда с семи лет Ким ходил учиться. Любил уроки истории, потому что старенький седоволосый учитель рассказывал ребятам о мировой революции, товарище Ленине и о том, что жить они будут в коммунистическом будущем, которое строит успешно Советская власть, без помещиков и капиталистов. Дома, подтверждая слова учителя, о советской власти рассказывала ему бабушка, Евдокия Захаровна Вершинина. В свои юные годы, будучи членом РКСМ, она в составе бойцов ЧОНа принимала участие в раскулачивании богатых сельчан, и об

этом рассказывала своему любимому внуку не один раз.

К сельскохозяйственному труду мальчишка привык рано, потому что неожиданно-негаданно в середине 30-х годов в их дом постучала беда – ушел к другой женщине отец, оставив мать Александру с тремя детьми одну. Что уж там произошло между родителями, нам неизвестно, но с его уходом вся тяжесть мужской работы легла на плечи старшего сына. Мать с утра до ночи трудилась на ферме, мальчик дома работал на огороде, колот дрова, носил воду с речки для полива, присматривал за маленькой сестренкой. А вечерами при свете керосиновой лампы или лучинки, (дома берегли керосин), читал запоем героические книжки о гражданской войне, взятые из избы-читальни. В 16 лет его уже определили на колхозные работы. Окреп, возмужал за год.

К июню 1941 года Киму было только 17 лет, но когда объявили всеобщую мобилизацию, пешком пришел в военкомат с просьбой – записать его добровольцем. В военкомате, в августе, как комсомольцу, и вручили парню повестку.

Сестра его Нина вспоминает: “Помню, как его провожали на войну, да и других мужиков, всей деревней. Мне тогда было уже 10 лет и многое отложилось в памяти. Рев стоял, бабы голосили. Кимушка был самый молодой, провожали из родных только я и мама. Мама работала на ферме дояркой, жили бедно в вершининском крае за рекой. До войны Ким некоторое время жил с бабушкой, она, патриотка за Советскую власть, ему и дала это имя, по-видимому, чтобы в церкви родители не смогли его окрестить. Мама любила брата больше нас, всех детей, видимо, из-за его отца, первой неудачной любви. Ким на большаке оглянулся, как бы прощаясь с нами, весело махнул рукой и побежал догонять строй мужиков на дороге, ведущей в Мокросово”.

По команде К. Вершинин был направлен в учебную полковую школу в г. Чебаркуль Челябинской области и там, пройдя краткосрочный курс молодого бойца, отправлен на фронт. Попал в 1942 году в состав 369-й стрелковой дивизии, сфор-

мированной по воле случая в 1941 году в Кургане, в основном, из земляков, призывников старших возрастов (35-40 лет). В это время дивизия, уже будучи пополненной, участвует под Москвой в Ржевско-Вяземской операции, пытаясь освободить город. Но безуспешно.

Рядовые бойцы, зная, что солдатик с далекой зауральской деревушки почти ребенок, как могли, оберегали его от шальной пули. Он был сначала ординарцем при штабе на посылках у командира, затем по слезной просьбе направлен на учебу в полковую разведшколу. Видимо, в генах кипела кровь его бабушки.

А в это время дома от сына весточки ждала его мама, Александра Ивановна. Сестра Нина рассказывает: “Мама предчувствовала гибель Кима. Накануне, при разговоре с соседками, говорила, что постоянно ноет и болит сердце. Тополь у дома стоял, прилетела кукушка из леса, села на него и все куковала да куковала. У мамы екнуло сердце, зашла на ограду и сказала, мол, убьют моего Кимушку, сразу повешусь... После гибели брата тополь почему-то засох и его срубили.”

А домой приходили от мальчишка Кима несчастные письма. Их читали до дыр всем околотком. Нина многие строчки почти выучила наизусть. В письмах матери сын писал – ровно половину – приветы своим близким и знакомым, затем несколько скупых строчек о себе и товарищах, спрашивал, как идут дела в колхозе, много ли посеяли нынче пшеницы, кого забрали из односельчан на войну... По весточкам с фронта чувствовалось, что скучает парень по родной сторонке, и мать ночами плакала в подушку, тихо подвывала ей собака во дворе...

В июле 1943 года 369-я дивизия приняла участие в Брянской операции. Отличились бойцы этой дивизии и при освобождении Кричевского района. Ким Вершинин за три года стал настоящим бойцом, появился навык армейской жизни. Именно в этот период, судя по документу ЦАМО, от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР “за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захват-

чиками и проявленную при этом доблесть и мужество”, его награждают медалью “За отвагу”. В наградном листе написано: “Красноармейца-разведчика 4 батареи 929 артиллерийского полка Вершинина Кима Дмитриевича за то, что он, находясь на передовом наблюдательном пункте батареи, автоматным огнем отражал атаки пехоты противника. 5 февраля 1944 года в районе восточной окраины хутора Момачино, убил из автомата немецкого офицера “обер-лейтенанта”, чем способствовал дезорганизации атаки, которая была отражена”.

Самое интересное, что для начальства Ким так и остался 1921 года рождения, вот как он стремился рано повзрослеть, приписав себе пару лет. В послужном его списке написано, что “призван Мокроусовским РВК Челябинской области 15 августа 1942 г., комсомолец.”

18 июня 1944 года дивизия форсировала реку Днепр, приняла участие в Могилевской операции, прорвала сильно укрепленную оборону противника, форсировала реки Проня и Бася, с боями продвинулась на 25 километров, нанеся врагу значительный урон. Участвовала в непосредственных боях по освобождению Могилева. Продолжила наступление по Белоруссии, участвовала в уничтожении минской группировки врага.

Ким погиб в одном из боев от шальной пули в Могилевской области 9 мая 1944 года под хутором Долгий Мох Чаусского района. Вместе с остальными погибшими бойцами захоронен на гражданском кладбище в братской могиле. Так и остался лежать наш зауральский Коммунистиче-

ский Интернационал Молодежи на белорусской земле, не улетел курлыкающим журавлем к себе на малую родину...

Александра Ивановна после гибели старшего сына занемогла, умерла рано, в 50 лет от инфаркта, так как сердце ее не перенесло столь значимой для матери утраты.

Вспоминает двоюродная сестра К. Д. Вершинина – Людмила: “Я помню, когда гостила у тети Александры в ее маленьком аккуратном напротив магазина домике, то она возле него посадила тополь, назвав дерево Кимом. По вечерам любила на лавочке сидеть возле него, молча о чем-то думать. Тетя Саша мне запомнилась своим трудолюбием, аккуратностью. Все-то у нее в доме было на своем месте, везде чистота и порядок. Еще помню, как тетя Саня иногда неправильно ставила ударения в словах, получалось комично. Она повторяла, что так говорил Ким. Никогда не забывала о своем мальчике, хотя вслух не признавалась об этом. Дома над ее кроватью висел портрет сына в военной форме, в танковом шлеме, видимо, с фронта брат присылал карточку, которую она впоследствии заказала в фотоателье на портрет. Куда он потом делся, не знаю. Жаль, что не сохранили родственники, кто провожал в последний путь тетю Сашу...”

Из паспорта захоронения бойцов 369-й дивизии мы узнали, что ухаживают за братской могилой ребята из местной сельской школы. И летит письмо от двоюродной сестры Людмилы в далекую Беларусь с поклоном и благодарностью, что помнят люди тех, кто погиб, защищая их землю.

НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ ГОСПОДНИ

На сайте “Солдат.ру” есть списки воинов, попавших в плен в период оккупации. Среди них имя нашего земляка, Лыжина Никандра Николаевича, до войны проживавшего в селе Крепость Мокроусовского района Курганской области. В Книге памяти запись “...призван в Советскую Армию 1941, Мокроусово. Рядовой. Был в последнем бою в феврале 1942 года”, по сути, ни о чем не говорила. Как оказалось впоследствии, в сведениях имели место фактические ошибки. Они подтверждены Алфавитной книгой № 5 военно-обязанных, призванных и отправленных на военную службу в 1941-1945 гг. из Мокроусовского РВК. Чудом записи сохранились, благодаря председателю районного совета ветеранов Виктору Максимовичу Папулову, являющемуся одним из редакторов при составлении Книги памяти Курганской области (том 7). Он в свое время держал в руках журнал военных годов и успел за несколько дней его перепечатать. В Алфавитной книге есть запись, что Лыжин Никандр Николаевич призван в РККА 15 января 1942 года. Команда №693. Эту дату настоящего призыва подтверждает и хозяйственная книга учета граждан Крепостинского сельского совета. На первое января 1943 года в ней записано, что глава семейства находится с 15 января 1942 года в РККА.

Первые шаги поисков “с наскоку”, как говорят, успехов не принесли. В районе проживает несколько десятков семей, имеющих фамилию Лыжины. Ни одна из них не признала в разыскиваемом, своего родственника. Уроженцы д. Дорохино, которой давно уже нет на карте области, также не припомнили человека с именем Никандр. Подсказали обратиться в Крепостинский сельский совет. Пожилые люди, которые живут в Крепости со времен царя Гороха, ничего существенного не сказали, не помнят – и все тут. Стали закрадываться сомнения – “а был ли мальчик?”.

**Лыжина
Александра
Васильевна -
вдова солдата**

Оказывается, был. В Книге учета подсобного хозяйства, содержащего населением, запись подтверждает, что Лыжины проживали в данном населенном пункте. Глава семейства – Никандр Николаевич работал завхозом на молокозаводе в предвоенные годы, в 1941-м перешел на эту же должность в местную школу. Жена – Александра Васильевна, домохозяйка. В семье по списочному составу проживали (в одном списке пишется как дочь, в другом как племянница) Ольга 1927-го года рождения и Любовь 1929 года рождения. Последующие похозяйственные книги “рассказали”, что на фронт забрали Никандра, как мы указали выше, в начале 1942-го года. После войны списочный состав семьи изменен, в нее вошел некто Хренюхин Иван Николаевич из д. Пороги, который стал мужем Ольги. Но главой семьи по-прежнему являлась Александра Васильевна. Думаем, к этому времени Лыжины уже получили извещение о без вести пропавшем Никандре и в сельсовете переименовали главу семейства, отдав бразды правления ведения личного подсобного хозяйства в руки жены.

А какое оно было у Лыжиных? В послевоенной Книге учета прописано, что на тот момент имели они одну корову, телку да двух телят. Сажали картофель, другие овощи. Указаны цифры получения урожая. Оля работала счетоводом в районной больнице, Иван – в автороте. В 1949 году у

семейной пары родилась дочь, которую назвали Нелиной.

В начале пятидесятых годов семейство перебралось в деревню Пороги, что является как бы продолжением районного центра в настоящее время, а ранее стояла в полутора километрах от Мокроусово. Забрали к себе и мать Александру. По составу социального положения, взятого из архива, она не являлась вдовой солдата, погибшего на фронте. “Пропал без вести” – это тревожный сигнал в сталинские годы. Да и после смерти вождя всех народов Лыжина никаких претензий к государству насчет оказания ей социальной помощи как вдове, не предъявляла. Слишком силен был страх за будущность своих детей. Люба к тому времени выросла и уехала искать лучшей доли в другие края. Ольга работала в Мокроусово....

Мы нашли сослуживицу, которая рассказала о нелегкой судьбе старшей приемной дочери Никандра. Оказывается, в годы Гражданской у него погиб трагически старший брат Георгий. А так как семья Лыжиных являлась бездетной, они и удочерили племянницу. Взяли ее “на постой”. Девочка закончила Крепостинскую школу, выучилась на курсах счетоводов, так как была сильна в математике. До выхода на пенсию Ольга Георгиевна трудилась бухгалтером на почте. Ее дочь Нелина рассказывает о своей семье:

– За данный послевоенный период два больших события произошло: смерть отца, а затем бабушки. Сколько себя помню, всегда жили очень трудно, можно сказать, бедненько. Отец болел туберкулезом. Его отправили в тубдиспансер в Шадринск. И там он умер. Мама осталась одна с двумя детьми на руках, к тому времени у меня еще был брат. Приходилось матери трудиться на нескольких работах сразу. Я с детства страдала ногами, плохо ходила. Меня возила она на санаторное лечение почти каждый год. Не помогло. Уже потом, имея собственную семью, я сделала операцию, пришлось в Илизаровской клинике ампутировать одну ногу до колена. Так я стала инвалидом первой группы. Мама за меня очень переживала. После смерти отца, она вышла вторично замуж. С Барановым Владимиром, по профессии

строителем, и прожила до конца своих дней. Умерла в возрасте 70 лет. Нет в живых и моей тетки Любы. Уже старенькая была, я помню, к ней приехала помочь что-нибудь по дому прибраться. Жила одиноко. Там своя трагедия была с детьми, и тетя Люба к старости осталась совсем одна. Так плакала, по телефону с мамой разговаривая: “Оля, у тебя хоть Нелька есть. Такую трудолюбивую дочь вырастила! Она мне квартиру побелила, все перестирала и вымыла... а у меня вот нет дочки”.

Заработала внучка солдата Лыжина трехкомнатную квартиру в Кургане еще в семидесятые годы, а в перестроечные ее потеряла. Прознали мошенники, что проблемы в семье, надо квартиру как-то разделить, чтобы хоть однокомнатную сыну отдать. Приехали, уговорили, убаюкали на обмен. И документы подписала Нелина, что подсунули ей. Переехали вроде бы, а когда коммунальные услуги пошли, то обнаружили, что за них платит еще одно семейство, которое предъявило документы на жилье. Уже настоящие, не поддельные. Стали искать воров, да разве найдешь. Вот так до сих пор и мыкает свое горе по съемным квартирам внучка солдата, о котором мы попытались кое-что узнать.

Сообщение о том, что нашли через столько лет сведения о без вести пропавшем дедушке, приняла очень волнительно, плакала, по телефону сказала: – Жаль, мама не дожидка до этих дней. Она помнила о приемном отце всю свою жизнь. Мне рассказывала, что был он мягким и ласковым, любил лошадей, любил животину на дворе содержать, был хозяином...

В списках пленных указана дата смерти Никандра Николаевича Лыжина в тюрьме г. Орла 26.08.42 г. В этот день и будет теперь поминать свечой, зажженной в церкви, внучка воина, которому светлая и тихая память...

Р. С. Среди фамилий военнопленных у нас есть еще один земляк, Михаил Петрович Теряев из д. Пившиное Лапушинского сельсовета. Дата его смерти 28.01.42 г. Пути Господни неисповедимы. В это самое время в теплушке везли Лыжина Никандра, навстречу гибели, на встречу в одном и том же месте, лишь с разницей в 8 месяцев, со своим земляком...

Предыстория стихотворения такова. Два года назад мы разыскивали документы на нашего солдата-земляка Григория Тихоновича Артюхова из деревни Капарулино Маломостовского района. В Курганской Книге Памяти он значится как погибший под Старой Руссой. Есть фотография места его захоронения под Иванково. На самом же деле, Г. Т. Артюхов попал в плен, находился в шталаге 312, что на территории Германии. Немецкие поисковики выложили фотографии этого концлагеря, которые не так давно сняты с грифа «совершенно секретно». Внучка воина на одном из фото узнала своего дедушку. Это потрясло настолько, что родились эти строки.

Григорию Тихоновичу АРТЮХОВУ посвящается

Перед глазами фотография солдата,
Его поддерживают с двух сторон друзья.
Стоят напротив гансы из Вермахта.
Солдат в плену – и вырваться нельзя.

Глаза его слегка полуприкрыты:
Контужен, ранен и в полубреду...
Истории страница нам открыта,
Поисковиков благодаря труду.

Кто ты, родной? С какого региона?
С войны семья ждала тебя домой...
Но по своим, неписаным законам
Ты в плен попал с атаки огневой.

А бой ваш – до последнего патрона
(По гимнастерке видно на тебе)...
Сорвал фельдфебель с плеч твоих погоны,
Прошелся сапогами по судьбе.

Тебя поддерживают с двух сторон ребята,
Не дай Господь упасть! Тогда расстрел!
А сзади фриц с овчаркой, автоматом,
И неусыпный вражеский прицел...

Глядят на нас сквозь годы, расстоянья,
Родные лица русских тех солдат,
И губы шепчут, словно в назиданье:
“Ни в чем, ни в чем ты не был виноват...”

ПОЧТАЛЬОНКАМ ВОЙНЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

На деревне почтальонкой Клава
Трудится второй десяток лет.
Не гналась она за громкой славой,
С сумкой тяжелой, словно пава,
Бегаёт. А в ней полно газет.

В этом доме, знает, одинокий,
Доживает долгий век Ефим.
Жизнь его – излучина протоки,
Сын на фронте, на войне далекой.
Ждет Ефим – не пишет что-то сын.

А напротив – хата Лизаветы.
С раннего утра до темной ночи,
То на ферме, то на поле где-то...
Бабе некогда сидеть читать газеты,
Но и Лиза ждет письма от дочки.

Где-то Галя далеко от дома,
Служит в ПВО, на краешке земли,
Где чужое все и незнакомо,
Где отсутствуют аэродромы,
А плывут по морю корабли.

...Как воюет там ее кровинка,
На безвестной дальней стороне?
С выпаса и то бежит скотинка,
Чуя дом свой, а ее Галинка?
– Чай, давно уже не пишет мне...

Приутешит Клава, успокоит,
Письмецо по месяцу идет,
И печаль свою копить не стоит,
Из груди сомнения пусть гонит,
Дождется лишь тот, кто ждет...

Круглый дом и под соломой крыша,
На дрова разобранный забор...
Зоотехник жил в нем, бойкий Миша,
И жена его – красавица Ириша,
В будке – пес породистый, Трезор.

Ожидает Ира не журналы,
С госпиталя весточки от мужа,
А еще – вестей от своей мамы,
Верит и надеется упрямо,
Что приедет, даже в эту стужу.

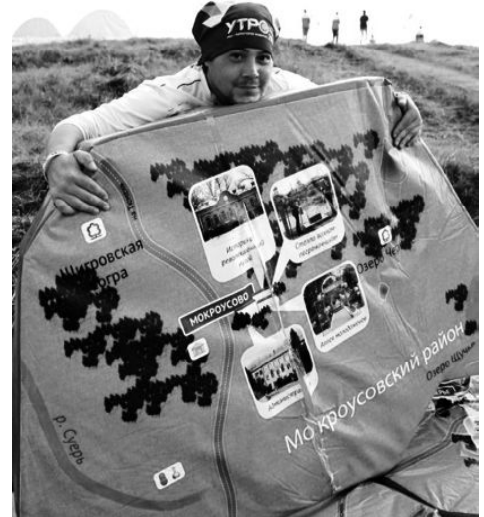
Здесь живет веселая Аленка,
Проводила парня «во солдаты»,
Бойкая, задорная девчонка.
– Ну, пляши, и пой особо звонко,
А не то отдам письмо я брату!

Полились задорные напевы
О любви, о молодости вечной.
И вдали затихнуть не успели,
Как быстрехонькие пальцы девы
Вырвали конверт с письмом сердечным.

Больно Клаве, если похоронка,
Ноженьки до прясла не идут,
Но не обойти беду стороной,
Даже вдоль по жердочке по тонкой,
Как тяжел для почтальона труд.

...На деревне Клаву люди знают,
Всем она желанна, как родная,
С грустью и надеждою встречают,
Почтальонку люди уважают,
Говорят, что Клава – золотая!

ЗАХАРОВ
Артем Марсельевич

ДА БУДЕТ ПРОКЛЯТА ВОЙНА!

Весенним днем в цветущем парке
Я слышал реплику одну...
Сквозь рев оркестра, так, неярко
Седой старик клянет войну.

Его согбенность силуэта
На фоне праздничных цветов,
У пьедестала монумента
Темнел среди прочих стариков.

На сером камне монолита
Пестрели чьи-то имена...
Чуть ниже надпись чуть прикрыта:
“Их будет помнить вся страна!”

Я подошел к гранитной стойке,
И стал фамилии читать:
Полюбов, Дронов, Мох, Набойко...
Кого же должен здесь узнать?

И, отвернувшись от народа,
Ищу глазами старика...
Вокруг детишек хороводы...
Но в сердце мне ползет тоска.

Выходит, я не понимаю
Значения этих имен,
Раз так я запросто внимаю
Фамилиям, кто здесь утчен...

И почему старик белесый,
Взглянув на этот обелиск,
Сжав кулаки, словно в довесок,
Издали из сердца горький крик?

Его едва ли слышат люди!
Но фон мой чувств постиг его,
В нем залпы тысячей орудий
В ушах лишь только одного...

Родился 8 сентября 1982 года на Восточном участке БАМа. В 1998 году закончил Мокроусовскую среднюю школу, параллельно дистанционно учился в Московском колледже, получая специальность юриста. Служил в армии. Работает в области культуры, заочно заканчивает Челябинскую академию искусств по специальности режиссер сценического искусства. Творчеством занимается с детства. Пишет авторские песни, стихи. В 2000 году самиздатом вышел первый сборник его стихов.

В нем крик детей и плач старушек
Под пулеметный треск и рев,
В глазах людских, почти потухших,
Отсветы вражеских штыков.

Что значит для меня “Победа”?
Что значит для меня “Война”?
Что значит: “Я домой приеду-у-у!”
Любимая-я-я, дождись меня-я-я!”

Вокруг веселье и гулянье...
Где тот старик? И след простыл.
А в голове воспоминанья,
Как будто бы я сам служил...

Я повернулся к обелиску,
Вгляделся в список... Боже! Нет!
Вон тот, Семен Кавалеристов –
Мой лучший друг! А вон – сосед,

Полюбов светлый был парнишка...
Стихи писал и в клуб ходил...
В бою я думал, все – нам крышка...
Но раненого все ж дотащил...

А Дронов! Вечно улыбался...
В сестру мою влюбился, гад!

Навек в руках зажат остался
Дотла сгоревший автомат...

Мох... что за Мох? А! То не парень!
Наталья Федоровна Мох...
Сестричка наша, если ранен,
Солдат тащила, а не бог.

В дом прилетела похоронка,
И мать ее с ума сошла...
Так не узнала, что девчонка
На фронте парня родила...

Так... дальше... кто такой Набойко?...
Вот тут воспоминаний нет...
Гранитная темнеет стойка...
Смотрю, в тени аллеи – дед!

Меня могла б услышать рота:
– Я понял вас! Я тоже там!
Но он исчез за поворотом...
Вокруг веселье... шум и гам...

Ком в горле. Будто подавившись,
Читаю: “...помнить вся страна”...
И я сказал, слезой умывшись:
“Да будет проклята война!”

ИСТОМИНА
Надежда Яковлевна

победитель конкурса в номинации
“Поэзия”

ПАМЯТИ Г.Я. ГОРОДЕЦКОГО, УЧИТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА

.Весть облетела школу в один миг:
Пришел учитель, бывший фронтовик...

Гудел подвал, где жалась раздевалка,
где собирался школы “высший свет”.
“Посмотрим”, – заключил его совет.
“Что? Весть изранен?
Цыц, малявки, с “жалко”.

Нас уже звал настойчивый звонок,
Мы расходились нехотя по классам.
“Посмотрим”, – это мнение негласно
Несли всем видом в “массы”, на урок.

Он в класс вошел. Повисла тишина.
Шаг как бросок, и резкий взмах рукою...

Раненье головы... Она, война,
вдруг накатила горестной волною.

Никто из нас войны уже не знал,
но знали, как отцов болели раны.
Отцов тогда не звали “ветераны”,
а говорили просто: “Воевал”.

Мы ровненько выстраивались в ряд
Не только по причине дисциплины.
Он воевал, не прятался за спины –
Шёл так, как будто принимал парад.

Вот повернулся к нам.
Глаза в глаза.
Увидел всех.

Родилась в Макушино в 1950 году. После окончания школы поступила в Курганский государственный педагогический институт на физико-математический факультет. Проработала в Макушино учителем физики 35 лет.
Литературным творчеством занимается с детства. Автор нескольких сборников стихов.

Мы поняли: Учитель!
Не увильнут, и физике учиться
все будут: лодырь, плут и егоза.

Как мы учили, чтоб набрать свой балл!
Все было: и падения, и взлеты,
Но он-то знал, как нужно брать высоты:
Подбадривал, ругался, ликовал!

Как трудно в перекрестье многих глаз
Остаться сильным и не выдать боли.
О Вас потом мы вспомнили с любовью,
Когда все это жизнь спросила с нас.

Все больше добавляется седин,
И наше детство словно сон далекий,
Но благодарно в памяти храним,
Учитель, Ваши главные уроки.

МАЛЬЧИКИ ВОЙНЫ

Недочитанная книжка...
Отрывая руки мамы,
шли в огонь войны мальчишки
в сорок первом, трудном самом.

«Время, что навек ушло,
время, что осталось с нами».
Время дедов и отцов –
наша Память.

Танки! К бою! По распадку
лязг и визг, рвут землю траки,
разнесло «сорокопятку»,
две гранаты для атаки...

Сердце – колокол в груди!
Меж Бессмертием и Жизнью
шаг вперед, чтобы спасти
Дом, Отчизну.

Май победный в сорок пятом.
За себя и за погибших
расписались на рейхстаге
уцелевшие мальчишки.

«Время, что навек ушло,
время, что осталось с нами».
Время дедов и отцов –
наша Память.

ПАМЯТИ ОТЦА
КОВТУНА ЯКОВА САВЕЛЬЕВИЧА

Отец в день этот до свету вставал.
Задумавшись, бродил по тропкам сада,
курил на старой лавочке в ограде
и будни фронтовые вспоминал.

От Одера совсем недалеко
подбитый танк, и только двое живы.
Два факела вниз катятся с обрыва
к воде, а пули строчкой по реке.

И то, что это был последний бой,
он понял лишь в палате медсанбата.
Открыл глаза: свои вокруг ребята.
Да, ранен, обгорел, но ведь живой!

Но будет с той поры врываться в сны,
тревожа сердце майскими ночами,
окрашивая праздники печалью,
незабываемая боль войны.

А солнце разливалось в синеве,
и отступала утренняя свежесть.
В бутонах яблонь мирно зрела нежность,
и мирно пели птицы о весне.

Отец, достав отглаженный костюм,
торжественно готовился к параду:
военные привинчивал награды,
врученные из экипажа двум.

Когда колонной ветераны шли,
и музыка, и люди умолкали.
Изранены, больны, они шагали,
так, будто вновь Победу нам несли.

На солнышке сияли ордена,
и в такт шагам медали чуть звенели...

Портрет отца в январе 45 года.
Друг-художник погиб на Одере

Но каждый год бойцов ряды редели –
их догоняла все-таки война.

Отец мой умирал от старых ран.
Он помнил
только прошлое, так вышло...
Порой он самых близких забывал,
но называл по имени погибших.

Так значит, это забывать нельзя,
и надо чтоб об этом внуки знали,
чтобы всегда у Вечного огня,
в их честь знамена наши опускались.

КАЛУГИНА
Татьяна Ивановна

Посвящается памяти ветерана Великой Отечественной войны Колпакова Михаила Семёновича, жившего на протяжении многих лет по соседству. При общении с этим человеком в моей душе всегда оставался невидимый, но в то же время тяжёлый отпечаток, той далёкой для меня войны. Во время воспоминаний лицо собеседника мучительно напрягалось и покрывалось пунцовой окраской. Родился Михаил Семёнович в с. Бессолово Кировской области Арбатского района 10 октября 1920 года. В 16 лет Михаил теряет мать, неожиданно ушедшей из жизни. Дядя взял племянника на Кировскую мебельную фабрику, учеником. На фабрике Мише нравилось. Он с большим желанием учился премудростям в мебельном деле.

В 1940 году Михаила призвали в армию. В 1941 году он попадает на Ленинградский фронт, пулемётчиком. При освобождении села Колпино под Ленинградом в 1943 году Михаил получает серьёзное ранение обеих рук, после чего он попадает на полгода в Кемеровский госпиталь. Потом снова воюет.

Награждён медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», орденом «За отечественную войну» 2-й степени и другими наградами.

Михаил Семёнович Колпаков ушёл из жизни в 2008 году.

Родилась и выросла в Каргапольском районе. По окончании Майской средней школы Каргапольского района и ТУ-2 г. Кургана работала на Курганской швейной фабрике. Позднее там же была освобождённым секретарём комсомольской организации цеха № 2.

В 1988 году после замужества переехала в Катайск. С тех пор Катайск стал для нее родным и близким, так как здесь родились сыновья Владимир и Константин.

В 1992 году на страницах районной газеты «Знамя» было опубликовано первое ее стихотворение. Постепенно знакомство с газетой переросло в крепкую дружбу. На протяжении многих лет на страницах газеты публиковались: очерки, рассказы, заметки, кроссворды, рисунки. Более двадцати лет — член литературного объединения «Катайск».

БУШЕВАЛА И ЗЛИЛАСЬ МЕТЕЛЬ

За окном воет непогода. Ветер, замерзнув от холода, пытается укрыться под обледенелой коркой снега. Огромные сугробы не пускают непрошеного гостя в своё заснеженное царство.

Михаил, наблюдая сквозь оконный переплёт за таинством природы, вспомнил картину из далёкого сиротского детства. Такая же холодная зима с пронизывающей до самых костей метелью. Он, полураздетый, стоит у проруби. Вдруг перед глазами всё расплывается, и он теряет сознание. Очнувшись, слышит злую брань мачехи...

Сырость и холод одежды пронизывают детское тельце, неприятно щиплющая боль охватывает его. Слезы накатываются с неистовой силой и затрудняют дыхание. Мачеха по-прежнему ругается, и её жуткая брань далеко разносится в морозном воздухе...

Оторвавшись от воспоминаний, Михаил возвращается к действительности. На улице продолжается вьюга, воет и стонет ветер. Только он закрыл глаза, как ожил ещё один эпизод...

Вновь зима, злая и холодная. Небо молчаливо смотрит на происходящее на грешной земле. Михаил, молодой сержант, только что призванный на фронт, гордо стоит в ряду таких же молодых солдат. Он ещё не знает, что его ожидает впереди, и что ему предстоит испытать...

А впереди – переправа через Ладожское озеро. Солдаты заполнили трюм, погрузились на палубу. Вода от вражеских снарядов и мин, казалось, бурлила, поглощая корабли и тела убитых, образуя единое месиво с красноватым оттенком. Михаил в ужасе от увиденного бросается к борту, но ему преграждают путь и приказывают покинуть палубу. Он на полусогнутых ватных ногах спускается в каюту и долгое время, обхватив руками голову, сидит на полу...

После переправы Михаил принимает участие в боях на Ленинградском направлении (у Синявино, Колпино и других населённых пунктах)...

Михаил открыл глаза и не спеша подошёл к комоду. Открыв один из ящиков, достал листок мно-

голетней давности. Это было “Приглашение на встречу”. Глаза побежали по написанному: в ночь с 19 на 20 сентября 1941 года штурмовой батальон 576-го стрелкового полка капитана Дубика В. П. скрытно форсировал Неву, освободив Московскую Дубравку, рабочий посёлок № 1 и создал плацдарм для наступления советских войск по деблокаде Ленинграда.

Бои на Невском пятачке по тяжести условий и массовому героизму воинов не имели себе равных. Пятьдесят дней велись ожесточённые схватки с немецко-фашистскими захватчиками на этой обугленной земле.

Батальон испытал всё: бомбёжку и танковые атаки врага, жар огнёмётов, непрерывные разрывы снарядов и мин, сплошной пулемётный и автоматный огонь, скудный ленинградский паёк, осеннюю слякоть и холодную воду Невы.

Об этих днях писал А. Прокопьев:

*Здесь в скрежете металла и огня
Земля, снега и наша кровь кипели.*

Сильный гул в трубе оборвал воспоминания. Михаил подошёл к печи и прикрыл вьюшку. Затем вернулся в комнату и присел на кровать. Метель, стучавшаяся в оконное стекло, вновь напомнила о прошлом.

...43-й год. Впереди Ленинград. Зима. Оледеневшее железо на крышах уцелевших домов гремит на ветру. Часть, в которой находился Михаил, прочёсывает один из населённых пунктов. На одной из улиц за полуразрушенными кирпичными зданиями показалась деревянная постройка. Бойцы с опаской подошли к ней и осторожно приоткрыли двери.

В помещении от попавшего дневного света что-то блеснуло, словно сосулька. Михаил с товарищами пошире открыли двери и вошли внутрь. Там они, как один, замерли, оцепенев от увиденного. Перед их взором высветились обледенелые тельца, сложенные, словно дрова, в поленницы...

В эту минуту всё ранее пережитое от ран и потерь товарищей для Михаила потускнело и ушло на задний план. Остался лишь миг неизгладимого ужаса от фашистского варварства над детьми (гитлеровцы использовали их кровь для своих раненых).

– Миша, – вдруг раздался громкий голос супруги. – Ты будешь обедать?

Михаил вздрогнул и придя в себя, произнес:

– Нет, что-то нет аппетита...

Супруга не стала настаивать, а лишь добавила:

– Еда на столе.

Михаил повернулся к окну. Там бушевала и злилась метель, вновь и вновь вороша его память, в частности, обстоятельства ранения. Февральский холод 43 года. Разрывная пуля, угодившая в предплечье, опрокинула солдата в забвенье. Далее – госпиталь и долгое лечение.

... Война уже позади, но судьба не приносит ему семейного счастья. Михаил едет на заработки в Челябинскую область, где работает на строительстве сельских объектов.

Прибыв на место, Колпаков пытается разместиться в бараке, но лишних мест не оказывается, тогда он направляется в один из домов. Переступив порог и оглядевшись, замечает ухоженность

помещения и домашний уют. И этим же вечером переходит сюда жить.

Молодой, красивый, статный мужчина привлекает внимание девушки, живущей в этом же доме. Михаил это видит, но не даёт надежды на ответное чувство. Между тем строительство подходило к концу, и вскоре бывший солдат уезжает. Таня (так звали хозяйку) глубоко переживала отъезд постояльца, успев привязаться к нему всем сердцем.

Пролетел год. И однажды на пороге её дома появился он. Девушка засияла от счастья... В 1956 году новая семья переехала в Катайск, где и родилась дочка Валя.

С тех пор минуло немало лет. Но зима с её метелями и холодами по-прежнему напоминает Михаилу фронтовые дни.

Скрипнула дверь, вошла супруга. На душе у солдата стало тепло и спокойно.

– Вот и всё. Прошла жизнь. Хорошо, что у меня есть две любимые женщины, жена и дочь, – с лёгкостью произнёс Михаил.

Татьяна тихо подошла к мужу и положила руку на плечо:

– Мы с тобой вместе, а это главное. Ради этого стоило жить, несмотря ни на что.

*Посвящается моему деду Предеину Василию Ивановичу 1913 года рождения.
До войны работал в одном из колхозов Каргапольского района разнорабочим.
За боевые действия награждён орденом Красной Звезды и медалями. Умер в 1956 году.*

Деда своего я знала
Лишь по портрету в избе.
Бабушка как-то сказала:
– Дед твой был на войне.

Тогда я спросила у бабы:
– А, где же дед воевал?
– Внученька, он от Варшавы
До вражьей столицы шагнул.

Бабушка тихо всплакнула,
Слёзы смахнула с лица,
Горько по-вдовьи вздохнула:
– Дети росли без отца...

– Наверное, баба, не сладко
Тебе приходилось одной?
Глянув на фото украдкой,
Кивнула она головой...

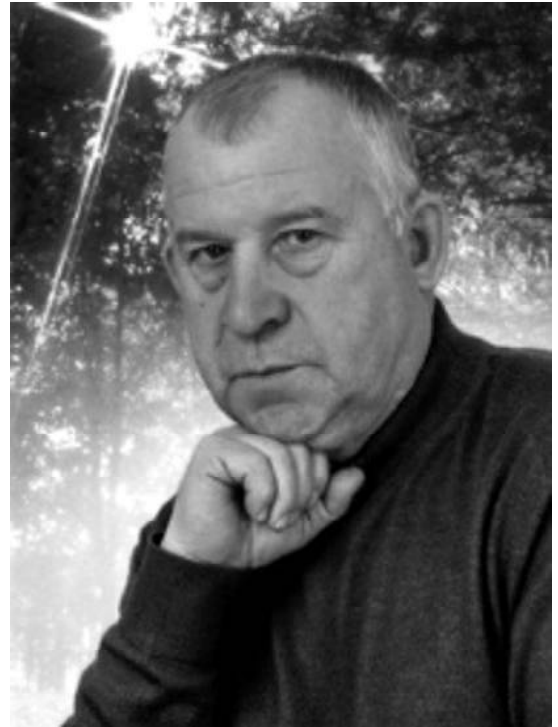
ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

СОЛДАТЫ 1941 ГОДА

Евлентьев Б. К.

КЛИМКИН
Николай Петрович

ВОЙНЫ НЕ ВИДЕЛ Я, РЕБЯТА

Войны не видел я, ребята,
Не видел кованых сапог,
Креста на шее у солдата,
На пряжках надпись «С нами Бог».

Родился я уже позднее,
Когда пожар войны угас,
И пели песни фронтовые
В селе по праздникам у нас.

А женщины, устав от горя,
Рожали радостно ребят.
Тепло струилось в бабьем взоре,
Плач затихал у вдовьих хат.

И только дедова пилотка,
Да фото в рамке на стене,
Да лист шершавой похоронки
Напоминали о войне.

* * *

Я недавно случайно услышал рассказ,
Как под камнем, в лесу возле Буга,
Следопыты отрыли противогаз
С документами Виктора Струга...

Он стоял в сорок первом у Брестской стены,
Он стоял до последнего вздоха,
И пробитый осколком в начале войны,
Партбилет он запрятал под мохом.

Родился 6 июля 1949 года в деревне Арцыбашево Милославского района Рязанской области. Закончил Ленинградское арктическое училище, но судьба распорядилась так, что всю жизнь проработал строителем.

Литературную подготовку проходил в творческом объединении «Юность» под руководством Вячеслава Веселова. Печатался в журналах «Тобол», «Сибирский край», в областной прессе. Издал три книги стихов: «Святая Русь» (2005), «У осени печальные глаза» (2007), «Вчера закончилась война» (2010).

Благодаря его финансовой поддержке, писательской организацией, Каширинским литературно-краеведческим музеем, зауральскими авторами свершено много хороших и добрых дел.

Член Союза писателей России с 2008 года. Директор Курганского отделения «Литературный фонд России».

Пересылка, тюрьма, лагеря, лагеря...
Шесть побегов в течение года.
И нашивку пришили на спину не зря,
А он жил, веря в черта и Бога.

Он не рвался к немногим, стремящимся в рай,
Он бежал от погони в дверь ада,
Он бежал, словно в прятки со смертью играл,
Полосой, где свистели снаряды.

Вот траншея, последний бросок,
Впереди – каски с красной звездой,
И скатившись за бруствер в горячий песок,
Прошептал: «Русь, я снова с тобою».

Много жизней война унесла,
Разбросала могилы по свету.
Нет им, холмикам малым, числа,
Скорбным холмикам нашей планеты.

*Герою-подпольщику
Алексею ШУМАВЦЕВУ
посвящается*

По лестнице, ведущей к эшафоту,
Он шел с поднятой гордо головой.
И автоматы сжав, застыла рота,
Смерть насмеялась над его судьбой.

Он шел, и все вокруг оцепенело.
Садилось солнце в алую зарю.
И на его истерзанное тело
Палач готовил прочную петлю.

Он шел на смерть, не сломленный душою,
С блуждающей улыбкой на устах.
И горе горькое повисло над землею,
Слезами растворилось в облаках.

Он шел в бессмертие, ему венок пеньковый
Рука предателя безжалостно сплела.
И приговор услышав тот суровый,
Россия-Мать от боли замерла...

Кричала ночь уже вторые сутки,
Качало тело ветром под луной.
А на рассвете в город вошли танки,
Туман расплавив красною звездой.

* * *

На стенах побежденного рейхстага
Мы ставили автограф в сорок пятом,
Писали имена, фамилии и даты
Своих друзей, погибших с нами рядом.

Еще гремели выстрелы в округе,
Еще смотрели жители в испуге,
А дети, пережившие войну,
За хлебом потянулись в тишину.

И встал солдат с ребенком на руках.
Цвели сады и девушки вздыхали,
А в медсанбатах парни умирали
У растревоженного мира на глазах.

И похоронки долго еще шли,
Но, не найдя на месте адресата,
Ложились на казенные столы
С наградами погибшего солдата.

* * *

Вчера закончилась война.
Всю ночь не спит передовая,
А поседевший старшина
Пьет чистый спирт, не разбавляя.

Пьет за медали, ордена,
Пьет за Москву, за Братиславу,
А над землей плывет весна,
Весна, принесящая нам славу.

И этой славы хватит всем,
Хватит от мала до велика,
И по заслугам воздаст Кремль
Своим сынам страны великой.

И будем каждый год встречать
Мы этот праздник – День Победы,
И со слезами вспоминать,
Кто сколько горяшка отведал.

Давно закончилась война,
Но нет конца еще потерям,
А боевой мой старшина
В Святую Русь с надеждой верит.

* * *

Орден Красной Звезды и медаль “За отвагу”
Протянул мне сосед чуть дрожащей рукой.
И заплакав, сказал: “Этот орден за Прагу,
А медаль получил я за то, что живой.

Я прошел всю войну от Москвы до Берлина,
Кашеварил, солдатухек кашей кормил,
Подвозил на коняге снаряды и мины,
И России своей верой-правдой служил.

А теперь я – никто, отголосок Победы,
Я песчинка, я миг отгремевшей войны,
Сколько горяшка-горя я в жизни изведал,
Не жалея ни сил, ни себя для страны...

А награды – возьми, это наши награды,
И храни их, сынок, чтобы память жила.
А когда я умру, крест поставь да ограду
Да сирень посади, чтоб весной расцвела”.

* * *

Сосновый бор, угасшие поляны,
Стук дятла слышен вдалеке,
Опушка леса, редкие деляны,
Вечерний крик гагары на реке.

Лист падает с деревьев мне под ноги,
Шуршит, потрескивая, старая трава,
А вечер катит солнце по дороге,
В душе рождая новые слова.

Уходит осень, с нею год из жизни.
Листает память даты прошлых лет,
И вспоминаются места моей отчины,
Дом, где родился я и где увидел свет.

Знакомое в глазах стоит селенье,
Овины, бани, в стаях журавли.
И лебеди плывут, как сновиденья,
Роняя перья белые вдали...

Здесь шла война, и кровь лилась рекою,
Могила братская на краешке села
И тонкий шпиль, повенчанный звездой –
Одной на всех, за ратные дела.

КАК НА ВОЙНЕ

*Инвалидам, участникам Великой войны
посвящается...*

Через стекло я вижу синеву
И клин гусиный, отголосок лета.
А вы не верьте, милые, в молву,
Что моя песенка на белом свете спета.
Не прикуёт меня больничная кровать:
Я разорву её смертельные оковы.
И я пытаюсь через силу встать,
Смерть для меня давно уже не нова.
Стучит и рвется сердце из груди,
Ступни ступают голые на нервы,
Что там, за окошком впереди?
Сейчас увижу я одним из первых.
Молчит палата, что ни шаг, то смерть.
Им не понять тоски моей до боли,
Что хочется по-прежнему мне петь,
Как птахе малой в чистом поле.
Как на войне за метром метр
Без стопа продвигаюсь еле-еле.
Не потерять бы только центр –
Совсем немного до заветной цели...
Вот брызнула рябина мне в лицо
Неповторимой краскою июля,
А осень – осень желтая – свинцом
Ударила, как в сорок первом, пуля.

СЛОВО ВЕТЕРАНА

У Вечного огня в бессмертном карауле
Душа моя стоит, как часовой.
А сам я – прах, я – шепот ветра в поле,
К Вам долетевшего с передовой.

Друзья мои! Сегодня День Победы!
Пусть же солнце светит над землей,
И улыбаются отцы наши и деды,
Чуть пригубив из кружки фронтовой.

Ну, что молчите, поднятые трубы?
Сигнала ждете, как команды в бой?

И шепчут марш чуть дрогнувшие губы
И имя тех, кто не пришел домой.

Я не один. Нас двадцать миллионов,
Себя принесших на святой алтарь.
И слышатся в минуту скорби стоны,
И долетает с поля боя гарь.

Блестят медали в ярких вспышках света.
Салют ночное небо рвет.
И вздрогнула испуганно планета,
Замедлив на мгновение полет.

* * *

Я помню школу старую свою.
Большой барак, три печки, восемь классов
И завуча, седого дядю Власа,
Портрет вождя, и я в строю стою.

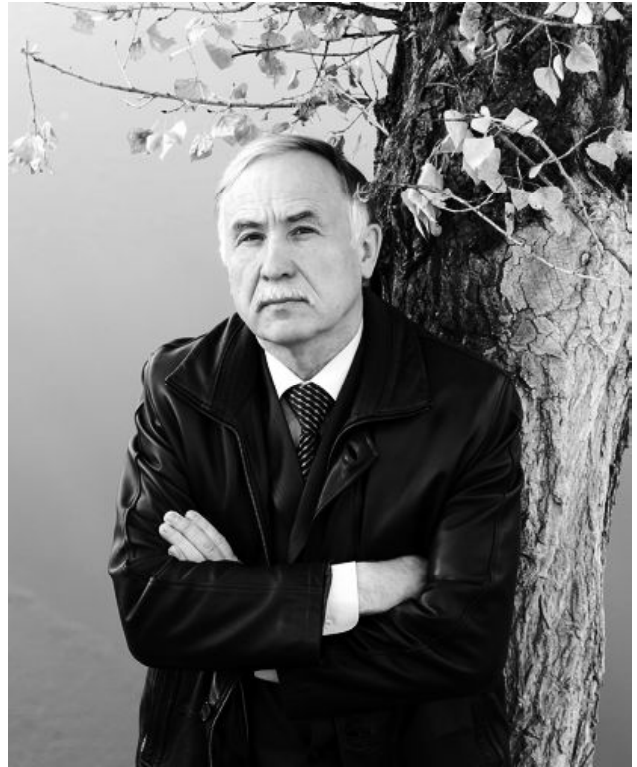
Стою в рубашке белой, словно снег.
Рядом со мной девчонки и ребята.
Нас принимали утром в октябрята,
И слышался весь день веселый смех.

И я гордился звездочкой своей,
Носил ее на улице и в школе,
И раздеваясь на футбольном поле,
Ее я гладил на глазах друзей...

И мы росли как все: из года в год
Учились, воевали, умирали.
Мы Родину – Россию – защищали.
И, как могли, свой продолжали род.

КОКОРИН
Сергей Аркадьевич

СТАНЦИЯ САЛУНЬ

Стоял октябрь. Выпал первый скупой снежок, через который проглядывала чёрная земля, напоённая влагой обильных осенних дождей. Темнело рано, и Алёша Глебов поторапливал Гнедка, слегка оглаживая худые бока лошади вожжами. Хлестать было жалко. Лошадь работала много, а корму получала мало. Впрочем, как и сам Алёшка. Как все люди в совхозе. И лошади тоже. Шёл 1944 год. Советская Армия наступала, поэтому фронт требовал всё больше и больше – и солдат, и продовольствия.

Солдат семья Глебовых отдала Родине уже троих. Старший брат Анатолий погиб в сорок первом под Москвой. Отец Лёшкин, Николай Иванович Глебов, ранен был под Сталинградом, а после госпиталя направлен в трудовую армию, на пулемётный завод. Средний брат Михаил призван был в прошлом году. Письма приходили пока исправно, слава Богу. Самому Алексею шестнадцать было. В феврале уже призывали на сборы. Занимались строевой подготовкой и тактикой. Изучали винтовку Мосина. К посевной всех от-

---

Родился 8 июня 1955 года в п. Мишкино в семье учителей. С 1962 по 1972 год обучался в Куртамышской средней школе. В 1972 году поступил в Курганский машиностроительный институт, который закончил в 1978 году по специальности «Гусеничные и колесные машины». Активно занимался спортом. Работал на речном флоте, в строительстве, на заводе. С 1992 года работает в органах местного самоуправления. В 1997 и в 2000 годах избирался Главой Кетовского сельсовета. В 2001 году заочно закончил Уральскую Академию Государственной службы по специальности «Юриспруденция». С 2001 по 2004 год председатель Ассоциации глав сельсоветов Кетовского района. В 2007 году заочно закончил аспирантуру при КГУ. В 2004 и 2009 годах вновь избирался Главой Кетовского района.

Автор брошюр: «Основы местного самоуправления», «Воспитать гражданина», монографии «Гражданское самоопределение сельских школьников», двух сборников стихов и двух сборников рассказов. Печатался в журналах «Тобол», «Сибирский край». В 2013 году принят в Союз писателей России.

пустили. Сейчас уборочная закончилась, стали приходить повестки его погодкам. Федька Монин уже получил, Толька Горлов, Васька Баев. А ему повестки пока не было.

В телеге погромыхивал инструмент: вилы, лопата, топор. Ну и ружьё, конечно. Лёшка без него никуда. Охотник он был заядлый. А заяц или утка к семейному столу, где мяса давно уже не едали, ну никак не лишние. У мамы ведь ещё двое: двенадцатилетняя Варя и Ванятка шестилетний. Как они будут, если нынче его призвуют? Алексей вздохнул. Свистнул, пошевелил вожжами. Гнедко пошёл шибче.

Дома распряг лошадь. Сразу поить не стал, но сена дал. Зашёл в избу. Мама уже ставила ужин: хлеб, картошка, молоко. Как-то глянула на Лёшку по-особенному. Села на лавку, вытерла руки о фартук.

– Чё же, Олёшенька, не знаю уж – правильно ли я сделала?

– А чего, мам?

– Так ведь отправляют днями твоих одногодков, а тебе всё повестки не шлют. Я подумала, а ну как объявят тебя дезентиром? Сходила я к Долгушеву. – Долгушев заведовал совхозными кадрами. – Спросила его. А он говорит: «Ольга Ивановна, твоему Алёшке семнадцать-то будет только двадцать пятого декабря. Может, оставят его? Ну, а если спрашиваешь, я в район позволю». Олёша, может я зря это?

Алексей уже чистил картошку, одновременно откусывая хлеб.

– Ничего мам, не зря. Они там сами всё знают.

Повестку передали Алексею на следующий день после звонка Долгушева в район. Совхоз был подсобным хозяйством танкового завода № 200 в городе Челябинске, поэтому в хозяйстве имелся выручавший в любую погоду тягач на базе танка КВ. Он увозил в райцентр на станцию сливочное масло с маслобойки, а оттуда – запчасти. Вот с этим танкистом-трактористом повестку-то и передали.

Через неделю уже стоял Глебов перед комиссией в районном военкомате. За столом сидели

четыре человека. Председатель комиссии спросил:

– Шесть классов у тебя, Глебов?

– Шесть.

А по тем временам шесть классов – это образование – не так себе, в деревне чуть ли не высшим считалось.

Председатель обратился к комиссии:

– Нам одного человека в школу младших командиров нужно.

Рядом сидящий представитель из органов зашипел на ухо:

– Нельзя, товарищ Волков, у него отец был судим по пятьдесят восьмой в тридцать первом году.

– Да? Тогда в общую команду.

Из их района в пехотную команду набрали около полусотни призывников. Разместили в двух вагонах – «телятниках». Нары были в два ряда. Хватило на всех. В каждом райцентре к эшелону подцепляли вагоны. В Чебаркуль прибыл эшелон длиной в полкилометра.

Выгрузились, прихватив котомки со съестными припасами. У кого больше, у кого меньше. Топтались, разминая затёкшие мышцы. Кое-как построились в колонну. В обтрёпанных засаленных фуфайках, дырявых сапогах, валенках – шитых-переподшитых, новобранцы были больше похожи на лагерников. Оркестр грянул марш. Играли здорово. Лёшка первый раз слышал духовой оркестр «вживую», а не по радио. Настроение поднялось. Шагать стало веселее.

Расположились в длинных «казармах», выкопанных в земле, в которых были двухъярусные нары. На верхних, где Лёшке место досталось, можно было стоять в полный рост.

Через две недели переодели в старую солдатскую форму: шапки, шинели, кому – гимнастёрки, кому – кителя, которые до них носили курсанты Копейского пехотного училища, ботинки, обмотки. Потом дали и валенки, иначе можно было обморозиться. Хотя, и так простывшие были, почти все кашляли.

В армейский праздник, двадцать третьего февраля приняли присягу. Командиром взвода был назначен лейтенант Девяткин, из НКВД-шников.

Но его молодые бойцы видели редко. Обучал и командовал взводом старший сержант Адышев, татарин по национальности, служака ревностный и строгий. Спал он вместе с солдатами в казарме, правда, нары сержантские стояли между двумя печками.

Алексею военная наука давалась легко. От природы подвижный, с быстрой реакцией, хотя и был невысокого роста, но выделялся среди других бойцов. Легко крутился на перекладине. Метко стрелял. Жило в нём какое-то врождённое чувство дисциплины, ему даже нравилось выполнять команды.

Вскоре двоим из взвода присвоили воинские звания: Глебову – младшего сержанта, Василию Баеву – ефрейтора. И стали они обучать других бойцов. Адышев, которому не хватало терпения заниматься с казаками, поручил их Глебову. После того, как Алексей научил их разбирать и собирать автомат ППШ почти вслепую, Адышев Лёшку ещё больше приблизил и стал, в своё отсутствие, доверять ему командование взводом.

До марта сорок пятого года из учебки отправляли команды на Западный фронт. После пошли на восток.

В мае из всего учебного полка сформировали маршевую роту. Выдали новую форму, сухой паёк. И пошёл эшелон в Монголию. Петропавловск запомнился тем, что дали горячее питание – макароны. Через пять суток были в Чите, отсюда – на город Чойболсан. Железнодорожная ветка не доходила до города километра три. Войска выгрузились.

Там уже стояла семнадцатая гвардейская дивизия, прибывшая из Кенигсберга. Маршевой ротой пополнили состав этой боевой дивизии. Глебов попал в отдельную роту автоматчиков. В роте рядовых не было – только сержанты. Командовал ротой старший лейтенант Мельниченко, молодой, но с богатым фронтовым опытом.

От Чойболсана был трёхсуточный переход в лагерь «Солёный», расположенный у озера. Там стояли больше месяца. Каждый день были учения, в том числе и с боевыми стрельбами. Отра-

батывали взаимодействие с артиллерией. Изучали тактику японской обороны, схемы укрытий. Но о предстоящей войне никто не говорил – ни офицеры, ни рядовые. В отличие от Чебаркуля, кормили очень даже неплохо: американская тушёнка, монгольское мясо. Был также яичный порошок и сушёная картошка. Жили в ямах, накрытых плащ-палатками. Иногда купались в озере.

Во время купания у молодого солдатика пропала пилотка. Деревенский парень, наивно полагая, что найдёт, ходил у всех спрашивал:

– Ребята! Кто взял пилотку? Отдайте!

Кто-то из шутников крикнул:

– Пушкин её взял!

Малограмотный бедолага кинулся вдоль берега за группой солдат с криком:

– Пушкин! Пушкин, отдай пилотку, поимей совесть!

Кроме купания, было и ещё одно занятие. Поскольку полковая артиллерия: «сорокопятки» и семидесятишестимиллиметровые короткоствольные гаубицы были на конной тяге, то многих привлекали для заготовки сена. Косили траву на берегу реки Халхин-Гол.

Там, увидев, как Лёшка ловко управляется с литовкой, обратил на него внимание старшина роты Воронин.

– Эй, проворный, подойди!

Глебов подбежал и встал по стойке смирно, приставив литовку к ноге, как винтовку. Не потому, что хотел выслужиться перед старшиной, просто привычка уже въелась.

– Младший сержант Глебов...

– Откуда родом?

– С Челябинской области, теперь Курганская...

– Землячок...

Воронин Степан Михалыч был уроженец соседнего района. В армии служил с тридцать восьмого года. Дома не был восемь лет.

Они сошлись поближе. Подолгу разговаривали о родных местах, вспоминали общих знакомых и даже родственников общих находили.

Михалыч женился рано. У него росла дочка.

– Ведь увижу, не узнаю, ей-Богу, не узнаю! – часто приговаривал он.

Балабон и разгильдяй Юрка Блинов его подначивал:

- Конечно, не узнаешь! На соседа похожа, как узнать...

Старшина не обращал внимания. На язык Блинова даже офицеры не обижались – что взять с человека, если у него орден Славы, медаль «За отвагу» и тяжёлая контузия. К тому же Юрке Блинову во время рукопашной в коридорах Кенигсбергских укреплений эсэсовец пол-уха откусил. Юрка его задушил голыми руками. Так уж пришлось. Поэтому и над Блиновым товарищи подшучивали:

– Эсэсман захотел Блина попробовать, да подавился!

В июне прошло крупное армейское совещание. Отдельную роту автоматчиков привлекли для охраны. Алексей никогда не видел вместе столько генералов. Стояли огромные по сорок метров в длину палатки. В них немецкая трофейная мебель: столы, стулья, тумбочки. Появилось ощущение, что приближается что-то важное.

Тревогу сыграли поутру. Собрали скатки, каски, автоматы, фляжки. В общем, полная выкладка. Шли месяц. Девятьсот километров. Без отдыха, почти без сна и воды. Изнуряющая жара и песок. Везде песок – в ботинках, в галифе, на зубах, в глазах и в голове. Изопрели и рвались гимнастёрки и галифе. Звучала команда: «Растегнуть ширинки!». Всё было смозолено. Бросали скатки, каски, пустые фляги. Воду подвозили редко, её выпивали сразу. Оружие не бросал никто. За это расстреливали. Зато от тяжёлых плащ-палаток старались избавиться. Офицеры просили:

– Не бросать плащ-палатки! Без них нельзя там!

Где там, уже все знали. Но думали только об одном – дойти бы! Многие отставали. Колонны растягивались. Особенно доставалось миномётчикам. У них оружие тяжёлое. Не то, что автомат – пять с половиной килограмм. Но поблажки не было никому. Командиры гнали и гнали вперёд.

Днём и ночью. Короткий привал – два-три часа и снова суточный переход. Перед привалом звучала команда: «Всем вместе находиться! В сторону не уходить!». После привала: «Подъём! Найти спящих! Оружие не забывать! Вперёд!» Шли уже не колонной, а гурьбой. Некоторые научились спать на ходу. Однажды так уснул и Глебов. Очнувшись, увидел, что идёт в сторону от колонны. Больше не засыпал.

Часто пропускали вперёд танки. Хуже, если ночью, да на привале. Танкисты фары не включали. На броне сидел вперёдсмотрящий. Но он был так же вымотан изнуряющим маршем и не успевал заметить спящих на дороге бойцов. Некоторые попадали под гусеницы. Умирали и от болезней.

К вечеру восьмого августа подошли к китайской границе. Позади осталась злая пустыня с колдовским названием Гоби, поглотившая косточки многих и многих сыновей России, солдат терпеливых и мужественных. Объявили большой привал. Пересчитывали личный состав. В отдельной роте все были на месте.

Объезжали порядки на лошадях командиры, во главе с полковником и начальником штаба. Полковник качал головой, глядя на оборванных, измученных бойцов. На осла, которого нагрузили миномётной плитой. На оборванные рукава гимнастёрки. На голые локти и колени, торчащие из галифе без обмоток.

Ехавший последним офицер решил поддержать дух бойцов:

– Все знаете вальс «На сопках Маньчжурии»? Вот она – Маньчжурия – перед вами!

Блинов зло сплюнул:

– А ты повальсируй со своей кобылой-то на радостях! Да поцелуй её, она ведь тышу вёрст тебя везла!

– Блинов, молчать! – осипшим голосом оборвал его Мельниченко. Офицер поспешил за полковником.

Сержант Блинов замолчал. Жила в нём злоба и свобода, которая, может быть, помогала ему выжить на войне, но мешала во взаимоотноше-

ниях с командирами и начальниками.

– Лучше бы я два раза Альпы перешёл! – повернувшись к Воронину, сказал командир роты. – Сейчас воду привезут. Приготовьте фляжки и, что ещё там у кого осталось.

Воду привезли прямо в кузовах машин. Там были брезентовые чехлы. Вода была тёплая, солоноватая. Давали по котелку на двоих. Наливали во фляжки, кто сохранил – а не выбрасывали трофейные, немецкие – они были из алюминия, в чехле из кошмы. Вода в них не сразу нагревалась. Наши стеклянные – повыбрасывали. Лёшкина фляжка разбилась. Каску он обронил, когда уснул на ходу.

Выдали по одному сухарю граммов на сто, по такому же куску сала, по запасному диску к автомату.

Ночью перешли границу и через трое суток форсировали Хинган. Колонна продвигалась по узкой горной дороге. Раздалась команда:

– Разойдись, пехота!

Шёл дивизион реактивных гвардейских миномётов – «Катюш». Миномёты были на базе американских «Студебеккеров».

– Вот, Лёха, хоть какая-то польза от этих союзников, – сказал старшина роты. – Наши ЗИСы здесь бы не прошли!

Американскую тушёнку Воронин «пользой» не считал.

К утру получили приказ – атаковать с марша станцию Салунь. Там скопились японские эшелоны с большим количеством техники и живой силы. «Катюши» ударили по головным эшелонам, паровозам и путям. Японцы стали срочно выгружаться и готовиться к обороне.

– Ну, Глебов, надо занимать места в спальнях вагонов! А то япошки без нас хотели уехать, – шутил Воронин, надевая каску.

Лёшка поправил пилоточку и проверил чехол с запасным магазином.

Рота атаковала на стыке двух пехотных полков. Вырвались чуть вперёд. Остановил плотный пулемётный огонь. Перебежками добрались до засохшего пруда. Залегли в камышах.

Оказывается, их встречала японская кавалерийская часть, успевшая выгрузиться. Били из ручных пулемётов, привинченных к сёдлам.

Атакующих поддержала огнём полковая артиллерия. Рота была уже слишком близко от японцев. Снаряды ложились совсем рядом. Алексей тоскливо ждал – вот-вот свои же и накруют. Противоположный берег пруда был обложен камнями-валунами. Попадавшие в них снаряды выбивали тысячи осколков, которые вместе со смертоносным металлом создавали кромешный ад.

Поэтому, когда прозвучало: «В атаку!», Глебов поставил запасной магазин и, с некоторым даже облегчением, рванул вперёд, с остервенением стреляя в любое шевеление впереди. «Ура!» никто не кричал, звучали только выкрики командиров: «Вперёд! Вперёд!». Рядом мелькнуло перекошенное страшной гримасой лицо Блинова. Он бежал, рыча и стреляя короткими очередями. После удара артиллерии самурайский огонь стал слабее. Рота быстро приближалась к позициям японцев. Глебов перепрыгивал канавы, камни и тела. Глянул на одного убитого. Воронин лежал с двумя пулевыми отверстиями в каске. Запечатлелось, как фотоснимок, в глазах. В сознание пришло позднее.

Алексей уже не видел перед собой спин атакующих товарищей. Ворвались на японские позиции. Груды убитых людей и лошадей. Тех, кто шевелился, добивали автоматным огнём.

Потом считали оставшихся в живых. Рота потеряла пятую часть личного состава. **(За две недели боёв с Квантунской армией советские войска потеряли 600 тысяч убитыми.)* Алексей вспомнил Воронина. Поёжился. Как-то не верилось. Земляка больше нет. Всю войну прошёл и вот...

– Блинов, назад! – послышался окрик Мельниченко. Но Блинов, не обращая внимания на командира роты, уже бежал к японским паровозам. Вернулся с ведром холодной воды. Тут же сел переобуваться в новые японские ботинки.

Увидели, как от станции мчится дрезина с японцами. Стрелять даже не пытались. Далеко.

– Лёнька, ты охотник? – неожиданно спросил Блинов.

– Ну, – Глебов не знал, что опять выкинет этот контуженый.

– Тогда пошли со мной на охоту! Выскочили одни, будут и другие.

Пройдя метров семьсот напрямую, они подошли к железнодорожному пути. Блинов приложил ухо к рельсу.

– Будем ждать, Глебов.

Алексей уселся на камень. Блинов был возбуждён:

– Хуже нет – ждать и догонять!

– Хуже, когда тебя ждут или догоняют, – отозвался Глебов.

– У вас в деревне все такие умные?

– У нас в деревне все раскулаченные.

– Значит, умные...

Блинов снова послушал рельс.

– Скоро будут, косоглазые!

Маленьким пятном на путях показалась дрезина. Сержанты залегли. Когда приблизилась метров на двести, открыли прицельный огонь с колена. Японцы даже не успели снять карабины. Дрезина стремительно несла их на автоматный огонь. Перестали стрелять, когда тележка с трупами прокатилась мимо.

Тело старшины Воронина не отдали похоронной команде. Сами схоронили. Написали на фанерной табличке: звание, фамилию; боевой путь: «Смоленск – Кенигсберг – станция Салунь». Блинов дописал: «конечная».

Станция Салунь была узловая. От неё отходили три ветки: на Харбин, Чанчунь и к границе. Дивизион гвардейских миномётов ушёл на Харбин. Там наш десант захватил аэродром. Нужно было подкрепление. С подходом дивизиона японский гарнизон сдался. Не зная об этом, на аэродром приземлился на своём самолёте глава правительства Маньчжурии и попал в плен к нашим.

Стрелковые части шли на Чанчунь. Разведка обнаружила японцев в китайской деревне среди *и î ñââî â äâî ëÿî à.** (Культурное растение, высота стеблей которого достигает двух метров).

«Выкуривать» вместе с разведчиками направили и роту автоматчиков. Небольшой посёлок окружили. Группами шли от одной китайской фанзы к другой. Врывались, стреляя поверх голов. Требовали сдаться. Большинство сдавались без сопротивления. Сержант Блинов сначала в фанзу кидал гранату, потом из автомата посылал очередь по полатам, расположенным в полуметре от пола. Потом кричал:

– Банзай, сдавайся!

Блинову никто не сдавался.

Собрали пленных, десятка три. Двое голых, в одних трусах. Под трусами на шнурках ножи самурайские. Хотели пробраться к реке. Переводчик объяснил, что пленные, в основном, корейцы. Они не хотели воевать. Японцы заставили. Двое голых – японские унтер-офицеры. Девять солдат были убиты.

Капитан Егоров, секретарь парторганизации полка, накинулся на Блинова:

– Ты что творишь, дубовая голова? Здесь не кенигсбергские форты! А вдруг в хижине мирные люди?

Блинов был верен себе:

– Па-ашёл ты! Сам бы заходил, если мирные!

И тут, словно в подтверждение его слов, разведчики принесли молодого солдата с ножом в груди. Видать, подстерегли у входа в хижину. Унтеров хотели застрелить тут же. Егоров с переводчиком не дали. Надо допросить. А там – командир решит.

Вели рядом с колонной. Корейцев отдельно. Двух японцев отдельно. Командир полка решил – расстрелять всех. На возражения переводчика ответил:

– А на х... мне они нужны, твои хорошие корейцы? Ни кормить, ни охранять я их не могу. Ты один поверил, что они – корейцы. А если сбегут? Сколько наших бойцов-ротозеев отстало! Враз оружием завладеют и вздумают к своим прорываться. Расстрелять! Сначала японцев, потом корейцев.

Японских унтеров стали отталкивать автоматами в сторону от колонны. Они всё поняли. Ух-

ватились за автоматы. Казалось, ещё секунды и оружие окажется в их руках. Комполка, бывший рядом, выхватил «ГТ» и прямо с лошади застрелил обоих самураев. После этого скомандовал Мельниченко, показывая на остальных пленных:

– Этих выводи в поле и кончай!

В Чанчуне к старшему лейтенанту Мельниченко подошёл командир разведчиков.

– Дай бойца одного, чтобы наездник был хороший. Я приказ хозяйственный получил. Как раз одного не хватает.

Командир роты долго не раздумывал:

– Глебова ко мне!

Лёшка прибежал.

– Ты как на лошади держишься?

– Нормально, тыщ старлейнант! Как с горшка перестал падать, так тятя на лошадь посадил.

– Пойдёшь с разведчиками на хозработы.

– Есть!

«Хозработы» разведки заключались в самом, что ни на есть, разбойничьем налёте. Нужно было угнать у китайцев стадо. Глебову объяснили:

– Коровы японские. Китайцы их присвоили, когда японцы сбежали. Так что, наше дело правое!

Алексею, вообще-то, всё равно было. Приказ есть приказ. Скотина – не люди. Куда надо, туда и погонит.

Разведчиков было пятеро, Лёшка шестой. Автоматы у них были ППС, которые гораздо удобнее – приклад откидывался. У каждого разведчика нож. Всадники они были лихие, а вот пастухи – никудышные. Ночью, когда захватили скот, Алексею пришлось самому командовать, как стадо направлять и ловчее гнать. Собаки подняли лай, китайцы крик. Собак постреляли. Несколько автоматных очередей поверх голов образумили и китайцев, которые с палками преследовали похитителей.

Стадо пригнали на станцию. Едва успели загрузить в вагоны, как явились китайцы. Пришли жаловаться командирам. Те разводили руками: «Что поделаешь? Есть факты мародёрства, признаём. Найдём. Накажем». Ну, а как прикажите армию кормить? Не было у советских гвардей-

цев, в отличие от гвардейцев Кутузова ни личных имений, ни состояний, чтобы за провиант рассчитываться.

На следующий день, пробегая мимо командира разведроты, Глебов привычно козырнул. Но тот его остановил и поздоровался за руку. Видимо, ковбои-разведчики рассказали об Алёшкиной помощи.

Уже в Порт-Артуре всем объявили благодарность Верховного Главнокомандующего за преодоление безводных степей Монголии, форсирование горного хребта Большой Хинган, прорыв укрепленных районов японцев и освобождение Манчжурии. Объявили о награждении солдат и офицеров орденами и медалями. В числе прочих младший сержант Глебов – медаль «За отвагу».

В Порт-Артуре дивизия осталась на долгие годы. Началась корейская война. Составу аэродромного обслуживания демобилизацию задержали. Отдельной роте автоматчиков, где старшиной был Алексей Глебов, тоже, потому как рота несла охрану всех и вся, где только были возможны диверсии.

Досыта хлебнули советские солдаты южно-азиатской романтики на берегу Жёлтого моря. На всю жизнь запомнился Ляодунский полуостров с холодными промозглыми зимами, изнуряющей летней жарой, залитыми водой рисовыми полями, малярийным комарьём, сезонами муссонных дождей, когда дороги превращались в реки, а реки – в селевые потоки.

И увидел Алексей Николаевич Глебов зауральские берёзки только в 1953 году. И рассказал жене и дочке старшины Воронина, как пал смертью храбрых при штурме далёкой станции Салунь их муж и отец, покинувший родной дом пятнадцать лет назад.

Спустя более полувека, на приёме участников Великой Отечественной войны мэром города в честь 60-летия Победы оказался Глебов за столом рядом с фронтовиком лет восьмидесяти в офицерском кителе с погонами майора. Когда выпили и разговорились, оказалось, что зовут его

Анатолий Фёдорович Мельниченко. Глебов сразу же спросил:

– С японцами не пришлось воевать?

– Пришлось. До сорок седьмого года в Порт-Артуре служил. Ротой командовал.

– А старшину Глебова не помните?

– Конечно, помню. С разведчиками у китайцев коров угнали целый эшелон! Подожди! – Майор пристально смотрел Глебову в глаза. Не узнавал.

– Неужели ты, Глебов?

– Я и есть, Алексей Глебов. Служил в Порт-Артуре до пятьдесят третьего года. До самой смерти Верховного.

Обнялись. Выпили. Водка вытекала из глаз, катилась по щекам, по усам, капала на стол и обратно в рюмки. Вспоминали всех поимённо. То, что было шестьдесят лет назад, помнилось хорошо, в отличие от того, что было в прошлом году,

или пять лет назад.

На приёме было много журналистов. Девятнадцатилетняя Олеся Толстикова должна была написать про взятие Берлина. Послушала двух ветеранов: говорят про каких-то китайцев и японцев, про коров и Порт-Артур. На всякий случай спросила у коллеги:

– Вадим, когда была русско-японская война?

– В 1904 году.

Олеся пожалала плечами: «Неужели столько живут?». Поинтересовалась у собеседников:

– Вы Берлин не брали?

Развеселившийся Мельниченко ответил:

– Брал, да на место положил.

– Шутите?

– Шучу, дочка. Берлин брал Жуков.

Олеся подошла к большой группе ветеранов:

– Не подскажете, где мне Жукова увидеть?..

СТАРАЯ МЕДАЛЬ

День Победы в семье Тельмановых был самый святой праздник, впрочем, как и в тысячах советских семей. У Сани отец был фронтовик – Иван Александрович Тельманов. В Великую Отечественную погибли два его брата. Старший брат мамы, Василий, был в сорок первом под Москвой тяжело ранен, скончался в госпитале. Так что, было кого помянуть и что вспомнить этой семье девятого мая.

Они пришли с митинга всей семьёй как раз к обеду. Дома была одна мама. Она уже накрывала на стол. Четырёхлетний Дима Тельманов, в отцовском голубом берете, подбежал к столу и схватил яблоко. Ольга немедленно отобрала у сына фрукт и велела идти мыть руки.

Через несколько минут все сидели за столом. Кроме Сашиных и Олиных родителей в гостях был ещё двоюродный брат Ивана Александровича дядя Яша, приехавший в гости из деревни. Тоже фронтовик. Только отличался он от городских родственников тем, что костюм у него был старинно-

го фасона. Такие костюмы носили лет двадцать назад. И наград на груди у него было поменьше. Ольгин отец не воевал, но тоже был с наградами. Он всегда много рассказывал о том, как работал на оборонном заводе с тринадцати лет, и как тяжело было их семье после войны. Потому что из мужиков в семье он только один остался.

Саня в этот день ничего не рассказывал. Только внимательно слушал представителей старшего поколения. Но он всегда вспоминал свою трёхдневную войну, когда их десантный полк подняли по тревоге и, после многочасового перелёта, приземлились они в тропиках. После такого же многочасового марш броска, стёрли с лица земли неизвестную им, рядовым, механизированную колонну и через три дня были уже в месте постоянной дислокации. Вспоминал он об этом всегда, но никогда не рассказывал. Из всех присутствующих мужчин за столом о войне ничего не знал только Димка, а потому ко всем приставал со своими «почему?».

После третьего тоста разговор пошёл уже совсем непринуждённый и, как-то сам собой, разделился надвое: женщины обсуждали свои темы, мужчины говорили о своём. Димка сидел на коленях у мужиков и с интересом разглядывал награды, трогая пальчиком ленты и металл. Спросил у дяди Яши:

– А почему у тебя эта медаль такая грязная?

Саня вмешался:

– Не грязная, Дима, а старая. Эту медаль дядя Яша ещё в войну получил. Она даже старше меня.

– Как это – старше тебя? Она что, вперёд тебя родилась?

Все обратили внимание на потемневшую медаль «За отвагу».

– Яков, а ведь это, наверное, твоя первая награда, а? – спросил Иван Александрович. – Расскажи молодёжи, за что?

Дядя Яша замотал головой, стал отнекиваться. Тогда Иван Александрович предложил выпить за боевых друзей Якова. Выпили.

– Ну, а про своих боевых друзей, Яша, грех не вспомнить!

Яков сдался под натиском энергичного родственника и стал рассказывать.

– Призвали меня в сорок втором. Попал на пулёмётные курсы вместе с земляком Фёдкой Уховым. Из одной деревни мы были. После курсов, когда в часть прибыли, определили в пулёмётный расчёт. Старшим был сержант Суханов Сергей Ильич. Пулёмёт у нас был станковый «Максим». «Самоварами» их ещё дразнили за водяное охлаждение. Наш сержант нам с Фёдкой тогда казался старым воякой, хоть и старше нас был года на четыре, не больше. В армии он служил с тридцать девятого года. Солдат был опытный и храбрости отчаянной. Лихой, словом, мужик. Ну, а мы-то с Фёдкой из военной науки только и знали, как правильно портянки заворачивать.

Отходили мы тогда к Волге. Аккурат это было после приказа Верховного «Ни шагу назад!». Полк готовился к обороне, укреплялся. Поставили несколько пулёмётных точек прикрывать направление вероятной атаки немцев. А наша – самая передовая. Позиция, надо сказать, была удачная. Слева лес с буреломом непроходимый, справа

болото. Мы на высоточке, между нами и болотом полоска ячменя, необранная. Вот из-за этого ячменя мы в герои и попали.

Лежим с вечера не жрамши, а солнце уже ко второму вечеру клонится. Сутки почти прошли. Вода есть, сухарей нету. Вот и стали мы просить Сергея Ильича:

– Товарищ сержант, разрешите до поля! Налущим зерна. Пожуём, всё кишкам легче будет.

Суханов нам:

– А если немец пойдёт, сыны крестьянские? – сам-то он из Челябинска родом был, пролетарий чистокровный. – Чего делать тогда будете? Тут ведь не близко!

– Да мы мигом, товарищ сержант, ведь день уже проходит!

Согласился сержант.

– Только быстро давайте!

Ему, видать, тоже самокрутки от голода сосать надоело.

Только мы до поля добрались, к нему связной прибежал и передал приказ отходить на новые позиции. Ну, он подтвердил, понятно, а сам нас ждёт. Мы с Фёдкой, может с час проваландались. Пришли полные пилотки и карманы ячменя. А он ругается:

– Соблазнили вы меня, мать вашу крестьянскую, этим ячменём, как Адама яблоком. Быстро всё бросайте! Боезапас и станок в руки, и айда наших догонять!

Потом встал во весь рост и спокойным уже голосом говорит:

– Отставить! Немцы, ребята. К бою!

Тут у меня и оборвалось всё внутри. Надо же так, из-за какого-то ячменя, погибнуть! А Сергей Ильич спокойно продолжает командовать. Мы суетимся, он подбадривает, шутит ещё. Постепенно мы с Фёдкой успокоились, но руки всё-таки трясутся. Немцы уже совсем близко. Идут колонной, числом до батальона. Переговариваются. Головами крутят. Автоматы на шеях. Руки на автоматах сверху. Суханов говорит:

– Вона как идут! Разведка, видать, доложила, что наши отошли.

– Товарищ сержант, стрелять же надо. – Фёдка ему.

– Молодец, боец! Спасибо, что напомнил, а то

я с вашим ячменём забыл, для чего пулемёт нам даден. Не бойтесь, сынки, они здесь ещё ни разу не проходили. Не было такого в истории.

Подпустил он их шагов на сто. И тут мы впервые увидели, какое страшное оружие – станковый «Максим» при опытном пулемётчике. Надо сказать, что этот пулемёт создаёт по фронту метров тридцать непроходимой зоны для пехоты.

Федька ленту поправляет, я другие подаю. Бьёт Суханов и кричит:

– Куда вы, фрицы? Там же дальше Волга – утоните! Там же Урал – не пройдёте! Упокойтесь здесь с миром! Мать вашу так-перетак!

Немцы залегли. Стали рассредотачиваться ползком. А они из нашего гнезда – как на ладони. Сержант их и ползучих достаёт. Поднялись они и в атаку. Куда там! Суханов их как литовочкой срезал. Человек десять попробовали нас слева обойти. Сергей Ильич туда перенёс огонь и из десяти пятеро остались лежать. Поползли все обратно. Суханов огонь не прекращает. Патронов не жалеет. Фрицам, наверное, показалось, что у нас не один пулемёт, а два. Дважды они пробовали бегом отступать, и дважды ложились. Наверное, с километр ползли, ей богу!

Солнышко уже за лесом скрылось.

– Бойцы, гляньте, примерно, сколько мертвяков валяется!

Мы с Федькой штук тридцать насчитали, плохо уже было видно. Суханов говорит:

– Значит, сорок, да ещё раненые. Берём пулемёт. Остальное всё бросаем. Бегом вперёд, за нашими! Да выбросьте ячмень из карманов, крестьянские дети! Чтоб ни одного зёрнышка!

Сергей Ильич пулемётный ствол себе на плечо, нам с Федькой на двоих одна станина с колёсами досталась – коробки-то пустые с лентами оставили – мы её по очереди на плечах тащим, за Сухановым еле поспеваем.

Пока бежали Ильич нас инструктировал:

– Кто бы что ни спросил... Почему по приказу не отступили? У вас должен быть один ответ – сержант приказал, я то есть. Вникли? Про ячмень молчать, не то трибунал всем троим, а то и без трибунала шлёпнут. Показательно! Вникли?

Мы с Федькой, конечно, вникли. Ночью нашли свою роту. Бой они слышали. Нас уже считали

погибшими. Патроны-то все вышли, да и по времени.

Рогный повел нас в палатку к комбату. Тот спрашивает:

– Суханов, тебе передали приказ об отходе?

– Так точно!

– Почему не отошёл?

– Заметил немцев на прикрываемом направлении и движение в лесу. Боялся что не успеем и «Максим» немцам достанется. Решил принять бой. Около сорока убитых. Примерно столько же раненых. В расчете потерь нет.

Командир не успел ничего сказать, как зашёл особист. Оглядел всех внимательно с головы до ног и тоже спрашивает:

– Сержант, почему не выполнили приказ?

Суханов вытянулся по стойке смирно, стал ещё выше, глядит вверх его фуражки и слова чеканит:

– Никак нет! Приказ выполнил!

– Какой ты приказ выполнил?!

– Приказ товарища Сталина «Ни шагу назад»!

Мы с Федькой замерли и смотрим на особиста. Тот губы трубочкой вытянул, шумно ноздрями воздух втянул, а желваки на щеках так и ходят. А комбат:

– В бою с нашим пулемётным расчетом противник потерял восемьдесят человек убитыми и ранеными! Буду представлять сержанта Суханова к ордену, бойцов к медалям.

Суханов:

– Служу трудовому народу! Разрешите идти?

И пошли мы сразу к полевой кухне. Потому что снова почувствовали, как кишки сводит.

...Дядя Яша зацепил вилкой кильку в томате, давая понять что рассказ окончен.

– А как дальше судьба сложилась у этого сержанта? – спросил Иван Александрович.

– Два ордена Славы, кроме прочих. Уже в Польше представили к третьему, да не получилось.

– Он что, погиб?

– Да нет, ему уже младшего лейтенанта присвоили, а орден-то солдатский. Он к тому времени разведвзводом командовал.

Дядя Яша закончил рассказ про свою медаль, и все выпили за сержанта Суханова Сергея Ильича.

КОНОВАЛОВ
Леонид Александрович

ЗВЕЗДА СЛАВЫ ГЕНЕРАЛА ШУМИЛОВА

Во время великой Сталинградской битвы всю нашу армию, весь мир облетела потрясающая весть: генерал Шумилов пленил командующего 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршала Фридриха фон Паулюса.

Фюрер был в панике, он рвал и метал. В Германии был объявлен трехдневный траур.

Звезда славы крестьянского сына из зауральского села поднялась на небывалую высоту. Ее величие не погаснет никогда!

Шумилов Михаил Степанович родился в 1894 году в селе Верхняя Теча Катайского района. В 1916 году после окончания учительской семинарии был мобилизован в армию. Участвовал в боях

и сражениях Первой мировой. В годы гражданской войны организовал добровольческий отряд и вступил в 4-й Уральский полк Красной Армии. Командовал в нем сначала взводом, ротой и, наконец, полком, дивизией, корпусом. В Испании был старшим военным советником Центрального фронта республиканской армии. Именно там он задолго до войны доподлинно узнал, что такое фашизм. В сентябре 1939 года Шумилов участвует в походе в Западную Белоруссию, а в декабре командует корпусом в зимней войне с Финляндией. Только за один год нашему земляку довелось участвовать в трех военных кампаниях.

Родился в г. Катайске. Закончил Шадринский государственный педагогический институт. Член Союза журналистов России. Руководитель литературно-художественного клуба «Катайск» при редакции районной газеты «Знамя». Печатается в газете «Знамя» более 25 лет, а также в областных газетах «Новый мир», «Зауральский ветеран». Один из авторов книги «Катайск. Новые времена» (Курган, 2009 г. Издательство «Зауралье»). Автор книги «Край Исетский», а также многочисленных статей и очерков по истории родного края, культуре. Активный общественник: депутат Катайской городской Думы, руководитель депутатской комиссии по социальной политике, член президиума Совета ветеранов Катайского района.

К лету 41-го года обстановка была очень неспокойной. Сверху призывали не поддаваться на провокации, но, вопреки этим призывам, командование особого Прибалтийского округа отдало приказ о развертывании обороны вдоль границы.

Комкор Шумилов 20 июня отдал личный приказ – выдать всем бойцам полный боекомплект. В штабе округа забеспокоились, как бы Москва не расценила это как провокацию, подталкивающую к войне. На другой день, 21 июня, в корпус прибыл член военного совета округа и потребовал немедленно весь розданный боезапас вернуть на склады. Тогда комкор Шумилов повез гостя на границу, чтобы тот лично убедился, что происходит на той стороне. Но и после этого посещения член военного совета не отказался от своих требований. Михаил Степанович отказался их выполнить. Приказ в Ставке написали, но до адресата он дойти не успел.

Рано утром 22 июня немцы перешли границу. Их встретил плотный огонь красноармейцев. Кор-

пус стойко держал оборону, отражая непрерывные атаки врага. Наш земляк сумел провести организованный отход своего корпуса и других частей, нанося ощутимые удары по немецким частям, рвущимся к Ленинграду.

Здесь, на Ленинградском фронте, генерал был назначен командующим 55-й армией. На этом посту пригодился его испанский опыт организации и ведения уличных боев. Осенью противник был измотан в ожесточенных боях и перешел к обороне. Фронт стабилизировался.

Летом 42-го года на южное направление фронта Гитлер бросил до 50 процентов танковых и моторизованных сил, 40 процентов пехотных и кавалерийских частей, добиваясь двукратного превосходства сил. В излучине Дона сложилась крайне неблагоприятная обстановка. Армия генерал-лейтенанта Шумилова вела оборонительные бои за Сталинград. Стойко дрались защитники города, ставшего твердыней на Волге. И везде, где было трудно, солдаты видели высокую, сутуловатую фигуру своего генерала.

О Сталинградской битве написано много. Особенно трудное положение сложилось, когда Гитлер по просьбе Паулюса бросил на позиции 64-й армии Шумилова четвертую танковую армию генерал-полковника Гота. Но шумиловцы не дрогнули, а, глубоко зарывшись в землю, подпускали танки на бросок гранаты и, жертвуя собой, не пропустили врага. Удалось удержать высоты, расположенные южнее Сталинграда.

19 ноября 1942 года вслед за Донским фронтом пошел в наступление Сталинградский. 23 ноября фронты соединились. Замкнулось кольцо окружения немецких войск у Сталинграда. Войны 64-й армии громили врага в южной части города. Вдруг пленный солдат на допросе сказал, что близлежащие дома являются опорными на подступах к центральному универмагу, в подвале которого находится штаб во главе с фон Паулюсом. Об этом немедленно доложили Шумилову. По его приказу ночью подтянули артиллерию, здание универмага блокировали, связь перерезали. Весть о том, что Шумилов пленил генерал-

фельдмаршала Паулюса, как молния, облетела все войска. От Верховного Главнокомандующего пришла телеграмма, в ней говорилось, что 64-й армии присваивается звание седьмой гвардейской.

Весной 1943 года армия Шумилова участвовала в битве на Курской дуге, в освобождении Белгорода. Вечером в их честь был дан первый артиллерийский салют в истории Великой Отечественной войны.

Далее было участие в освобождении Харькова. В сентябре 1943-го они первыми начали форсирование Днепра. В этих боях гвардейцы вновь показали свою смелость. М. С. Шумилов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Далее 7-я гвардейская доблестно форсировала Прут, участвовала в Яссо-Кишиневской операции, в освобождении Будапешта, Братиславы, в Австрии заняли крупный город Цистердорф. Следует отметить, что при освобождении Братиславы Шумилов сам планировал операцию, и немцы, боясь окружения, спешно покинули город. В результате город не пострадал, а его жители присвоили ему звание почетного гражданина.

С первого до последнего дня войны Михаил Степанович был на фронте. В последние годы командовал армией, войсками Беломорского и Воронежского округов, работал в группе военных инспекторов Министерства обороны, избирался

депутатов Верховного Совета СССР.

В числе его наград: медаль “Золотая Звезда”, три ордена Ленина, четыре – Красного Знамени, два ордена Суворова, орден Кутузова, орден Красной Звезды, множество отечественных и иностранных медалей.

Самой большой наградой для себя полководец считал любовь и уважение однополчан, с кем ему пришлось воевать за свободу и славу своего Отечества. Последней просьбой нашего земляка было желание, чтобы похоронили его на легендарном Мамаевом кургане рядом с прахом его воинов, павших в битве на Волге. Скончался Михаил Степанович 28 июня 1975 года. Потомки выполнили его завещание.

Много раз делегации из Катайска бывали в Волгограде, посещали музей и могилу. У Вечно-го огня в Кургане установлен бронзовый бюст полководца.

Накануне 60-летия Великой Победы в Катайске появилась улица М. С. Шумилова.

В Верхнетеченской школе, носящей его имя, имеется мраморная доска, бюст знаменитого земляка, также его бюст установлен в аллее героев в Катайске.

Мы, катайцы, гордимся своим земляком, знаменитым полководцем генерал-полковником Шумиловым Михаилом Степановичем.

ДЕСАНТ В БЕССМЕРТИЕ

В истории Великой Отечественной войны был единственный случай, когда всем 68 участникам боевой операции, тем, кто погиб, и тем, кто остался жить, присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Это легендарный николаевский десант, участником которого был наш земляк Михаил Васильевич Коновалов.

М. В. Коновалов родился 10 марта 1919 года в деревне Дубасовой Катайского района. (Для справки: сейчас этой деревни нет, в связи с заражением реки Течи в начале 60-х годов ее перенесли в Далматовский район и назвали «Ясной

поляной», поэтому далматовцы считают нашего героя своим).

Учился Миша легко, рос сильным и ловким. Одним из первых сдал нормы на значок ГТО и «Ворошиловский стрелок», серьезно увлекался техникой, сам смонтировал детекторный радиоприемник. Работал в колхозе учетчиком, позднее стал отличным трактористом.

В декабре 1939 года Михаила призвали в армию. Его направили в Ленинград, где он учился в морской пограничной школе. Затем с Балтийского флота его перебросили на Черноморский.

Во время войны М. В. Коновалов был заместителем командира автоматчиков 384-го отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота. Он участвовал в десантных операциях морской пехоты в Таганроге, Мариуполе, Осипенко. При выполнении боевых операций действовал мужественно и решительно. За боевые заслуги Михаил Васильевич был награжден орденом Славы третьей степени, имел ряд благодарностей.

Вот как его боевые действия описываются в наградном листе: «В ночь с 13 на 14 марта 1944 года взвод автоматчиков высадился в районе Широкой Балки. Товарищ Коновалов первым ворвался в село и ручной гранатой уничтожил 5 немецких солдат.

С 14 на 15 марта во время штурма села Александровки Коновалов неоднократно проявил храбрость и находчивость. В районе Александровки взвод автоматчиков действовал в тылу батальона противника, где тов. Коновалов проявил храбрость. В этот период он уничтожил пулеметную точку врага и огнем своего автомата уничтожил 16 немецких солдат».

Храбрый, находчивый, суровый в бою, в минуты затишья, на отдыхе Михаил преображался. Его лицо светилось улыбкой, он много шутил, умел найти меткое слово, чтобы подбодрить новичка, любил петь. Среди подчиненных пользовался уважением за прямоту, честность и любовь к людям.

Михаил Васильевич добровольно вступил в десантный отряд старшего лейтенанта Константина Ольшанского. В него надо было набрать 55 человек. Парторг Головлев, характеризуя нашего земляка, сказал: «И прежде всего надо взять Михаила Коновалова. Он у нас самый опытный боец в батальоне, начинал воевать еще под Одессой, потом дрался в Севастополе, Новороссийске, участвовал во всех десантных операциях на Азовском море». Его поддержал Ольшанский: «Да, Коновалов – это подходящая кандидатура...»

В ночь на 25 марта 55 моряков-десантников, 12 саперов и местный рыбак Андрей Андреев под-

нялись на лодках по реке Южный Буг и высадились в Николаевском порту. Перед ними стояла задача: нанести удар противнику с тыла и оттянуть на себя часть его сил, тем самым содействуя нашим войскам в освобождении города.

На борьбу с отрядом гитлеровцы бросили крупные силы, вооруженные артиллерией, пулеметами и огнеметами. Группа моряков, в которой находился и наш земляк, закрепилась в четырехэтажном здании конторы порта.

Вот как описывает этот бой Герой Советского Союза Николай Яковлевич Медведев: «...гитлеровцы во весь рост идут прямо на отделение Коновалова, засевавшего в подвальном помещении. Коновалов с автоматом у маленького продолговатого оконца, словно у амбразуры дзота. Подпустив врага поближе, открыл по нему огонь. Несколько трупов осталось лежать на земле. Вторая атака. Смертельно ранен пулеметчик Скворцов. Его место у пулемета занимает Коновалов и уничтожает в этой схватке около 30 фашистов. Продолжая отбиваться из пулемета и не давая врагу занять окопы, он кричит: «Братцы, фрицы пушки тянут!».

Обстрел здания прямой наводкой. Первый снаряд угодил в слуховое окно, разнес крышу, второй – дверь. Коновалов ранен в ногу. Под прикрытием артиллерии вражеские солдаты наступают с трех сторон. За первой цепью идет вторая.

Истекая кровью, Коновалов подпустил гитлеровцев метров на 80-100 и открыл по ним огонь из пулемета. Атака захлебнулась.

Враг усиливает обстрел из минометов и орудий. Коновалов тяжело контужен, но, придя в себя минут через 30-40 и увидев наступающих гитлеровцев, вновь открыл по ним огонь. Прикрываясь двумя танками, противник двинулся на очередной приступ. Загорелось здание, подвал наполнился дымом и газами... все погрузилось во мрак...»

Восемнадцать атак отразили бесстрашные черноморцы, до конца выполнив боевую задачу. Утром 28 марта город Николаев был освобожден.

Из развалин вышли 9 оставшихся в живых десантников. Трое, в том числе и М. В. Коновалов, были найдены без сознания и умерли в госпитале, погиб проводник, 20-летний рыбак, погибли все 12 саперов.

В деревне Дубасовой ждали письма от сына. В один из весенних дней почтальон принес большой правительственный пакет. В нем была грамота Героя Советского Союза и письмо председателя Президиума Верховного Совета СССР:

«Уважаемый Василий Спиридонович! По общению военного командования Ваш сын, старшина 2-й статьи Коновалов Михаил Васильевич в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых.

За героический подвиг, совершенный Вашим сыном, Коноваловым Михаилом Васильевичем в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 20 апреля 1945 года присвоил ему высшую степень отличия – звание Героя Советского Союза.

Высылаем Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему сыну звания Героя Советского Союза для хранения на память о сыне-герое, подвиг которого не забудется нашим народом.

Председатель Президиума Верховного Совета Н. Шверник».

В городе Николаеве, где в братской могиле похоронены все 59 погибших десантников, на берегу реки Ингул установлен памятник, у подножия которого горит Вечный огонь.

Мы, зауральцы, помним и чтим подвиг героя.

В селе Ясная Поляна и у нас в Катайске установлены его бюсты.

Его именем названа одна из улиц села.

В 1982 году на Тихоокеанском флоте появился пограничный корабль, который носит имя «Михаил Коновалов».

Может и нам, катаяцам, стоит подумать и назвать его именем одну из улиц – для увековечения памяти уроженца Катайского района Михаила Васильевича Коновалова, как это уже сделали наши соседи далматовцы?

ХЛЕБ МОЕГО ДЕТСТВА

Коршунов В. С.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Мой дедушка **Жатеков Сергоза Симбаевич** – участник Великой Отечественной войны и ветеран труда. После войны работал чабаном.

Помню, как собирались наши ветераны 9 мая каждого года: Жатеков С. С., Наруков В. Р., Кудрявцев М. Л., Ефремов И. А., Цыганков И. И., Грибанов И. С., Шипилов В. А., Будников И. Е., Изотов И. А.

Гимн на всю Воздвиженку нашего Половинского района звучит! Венки возлагают. Школьники стихи про войну читают, взрослые поют военные песни...

А сейчас в деревне из родных осталась только моя бабушка **Жатекова Сара Кажакметовна** (внизу на фото), старожил деревни. Два старших ее брата погибли в финскую войну. Из пятерых братьев, ушедших на фронты Великой Отече-

ственной – погибли четверо.

Горе было общее. Но оно объединяло и роднило людей в одну семью. Бабушка с юного возраста работала в колхозе, пахала, боронила, доила коров. Судьба не сломила эту женщину. Ей уже 89 лет, но дома не сидит, участвует во всех деревенских праздниках. Она украшение и гордость деревни Воздвиженки – так пишут о ней в районной газете.

Хочется сказать: “Спасибо вам, живые и мертвые, за ваш вклад в Великую Победу!”

Пусть будет у бабушки Сары больше радости и счастья, которого ей так не хватало в молодые годы”.

Внучка Копеева Шолпан Куандыковна

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Слева направо:
Корюкин
Дмитрий Лукиянович
и неизвестный боец.
Омский госпиталь.
После ампутации ноги.
Воевал в составе
32-го лыжного полка.
Тяжело ранен
под г. Ржевом.

Эти фотографии отца-фронтовика, ветерана 32-го Увальского лыжного полка, Корюкина Дмитрия Лукияновича прислала в адрес конкурсной комиссии его дочь Галина Дмитриевна, жительница Лебяжьевского района.

Бухгалтер колхоза
«Россия», затем на
протяжении 24 лет –
главный бухгалтер
колхоза «Россия»
Лебяжьевского
района.

В День Победы
в 1985 году награж-
ден орденом Отече-
ственной войны
2 степени,
медалью «За победу
над Германией»
и юбилейными
медалями.

КОРАБЛЕВ
Владимир Александрович

ПАМЯТЬ

Вечная память погибшим,
Слава героям живым,
У тишины обелисков
Голову низко склоним.

Эхом далеким вернется
Снова в сердца к нам война,
Болью в душе отзовутся
Огненных дней времена.

Нет, не забудет Россия,
Кто не вернулся с войны,
Помнят о них молодые
Нашей великой страны.

Помнят леса и озера,
Помнит небес синева.
Пусть донесет до них ветер
Теплые наши слова.

Нам подарили победу,
Жизни отдали за нас,
В эту Минуту молчания
Мы вспоминаем о вас.

Голуби в небо взметнутся...
Бьет "Бухенвальда" набат...
Пусть они знают: поныне
Помнят о них и скорбят.

Родился 17 февраля 1952 года в Альменевском районе. Малой родиной считает село Косолапово Целинного района, где и проживает в настоящее время. Стихи начал писать в 6 классе. После школы работал водителем. Служил в армии в авиации. Вернулся за руль автомобиля, всю жизнь проработал водителем грузовых автомобилей. Свои стихи печатал в районной газете «Голос целинника», был участником фестиваля «Интеллигенция Зауралья» в библиотеке имени Югова, представляя Целинный район.

Считает, что самое главное стихотворение у него еще впереди.

ВДОВЫ РОССИИ

Вдовы России, где взять те слова,
Чтобы вам всем поклониться,
Война у вас сердца частицу взяла,
На небо взлетев черной птицей.
Но память живет и тревожит в ночи,
Зовет голос близкий, знакомый,
Он в храме святом, у зажженной свечи
Не раз о себе вам напомнит.
Тяжелая доля военных тех лет
Легла вам на хрупкие плечи,
В труде непосильном встречали рассвет,
Усталые шли вы под вечер

Украдкой от всех, вытирая слезу,
Вы эту войну проклинали,
Когда по ночам солдатам на фронт
Носки шерстяные вязали.
То время суровое нам не забыть,
Хоть быстро года пробежали,
Чтоб вдов, наших тружениц, всех наградить,
Не хватит в России медалей.
А где-то вдали, на высоком холме,
Вам сердце и ныне тревожа,
Стоит на болгарской чужой стороне,
Домой не вернувшись, «Алеша»...

СПАСИБО, ВЕТЕРАНЫ!

Вам, устоявшим под огнем,
В бою скрывая раны,
За то, что мы сейчас живем,
Спасибо, ветераны.
За боль утраченных друзей,
Земли не сдавших пяди,
Видавшим смерть через прицел
Войны в застывшем взгляде.

Вы шли в бои, сомкнув ряды,
Тяжелыми шагами,
И как когда-то в старину
Москва была за вами.
Спасибо вам за подвиг ваш,
За смелость и отвагу,
Что вы страны победный флаг
Подняли над рейхстагом.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Вам победа большою ценою
Доставалась, бывало, порой,
И я каждому дал бы Героя –
Ветераны Второй Мировой:

За сырые, бессонные ночи,
Капли крови на белом снегу,
Что земли нашей даже кусочек
Вы, сражаясь, не сдали врагу.

Вашу доблесть, отвагу и храбрость
Проявляли не раз вы в бою.
За спасение нашей державы
Я спасибо свое говорю.

Будет праздник – 9 мая –
И на площади Красной парад...
На груди вашей вечною славой
Пусть награды, как память, звенят!

СТРАДА 40-х.

Лохматов И. Я.

ВОЕВАЛ РАДИ НИХ

Сергей СУРАЕВ, город Курган

ЛАПИНА
Галина Яковлевна

РОДИТЕЛИ

Погрескивала мирно печка,
Пряла и напевала мама,
И замирало вновь сердечко...
Я тереблю ее упрямо:

– Ты расскажи про жизнь еще мне...

Она так грустно улыбалась...
Улыбку эту ярко помню,
В ней столько горечи плескалось!

Ведь, глупой, мне тогда казалось,
Что это очень романтично:

Ушел – и ждать просил, и стало
Ей ожидание привычным.

– Ведь в сорок первом – восемнадцать,
Как вековая кара Бога:
Им не любить – с врагами драться...

И в Млечный путь легла дорога.

А на Земле та половина,
Что жизнь должна еще продолжить,
Слезой кропя, копя седины,
Себя считает вечно должной...

Родилась в 1957 году в с. Лапушки Мокроусовского района в многодетной семье фронтовика. В 1980 году окончила Курганский педагогический институт и по распределению приехала работать в одну из школ Мокроусовского района. Стихи писала еще в студенческие годы, публикации появлялись в районной печати. Активно сотрудничает на сайте Стихи.ру. Тематика стихотворений Галины Яковлевны Лапиной – воспевание красоты зауральской природы, гражданская лирика и патриотическая направленность. Выростила четырех детей, все получили высшее образование. В настоящее время работает завучем в Маломостовской средней школе Мокроусовского района.

Отец любил, конечно, маму,
Ничем ни разу не обидел,
Не превращая память в драму
В ней мать своих детей он видел.

Я и отца люблю шепчаще,
Несу я в сердце память свято –
Какие были настоящие,
Хоть были души их распятыми...

ДОЧКА

А пуля вдруг в сердце –
И девочка *на* снег,
И снег, как арбузная мякоть.
В ее-то семнадцать,
Вдруг девочку *на* снег –
Безудержно матери плакать.

Безудержно горько по дочкиным косам,
По тем, что лежат на дне сундука,
По стройным березам,
По утренним росам,
В которых могла бы, да вот – не прошла.

А я живу рядом с седою старухой
И часто под взглядом оплавленных глаз,
Вдруг, вздрогнув, пойму:

Как не должно, как надо,
И враз застесняюсь того, что подчас

В росу окунуться, ленясь, забываю,
И часто теряю мгновенья зари.
А как надо мчаться за мартом и маем,
Чтоб жить и за тех, кто недолюбил,

За тех,
кто влюблен был и в землю, и в небо,
Кто мартом и маем дышал по весне,
За тех, кто по чьей-то вине в жизни не был.

Все это,
как эхо,
но бродит во мне.

ЛАЧКО
Алексей Григорьевич

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ,
КАВАЛЕРА ОРДЕНОВ СЛАВЫ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(записала Заостровных М. И., ветеран войны и педагогического труда)

Осень, 1943-й год, Украина, оккупация. Враг, осуществляет тактику выжженной земли. Нещадному разрушению и сожжению, было подвергнуто село Новогригорьевка в Запорожье, в котором жил Алексей Григорьевич Лачко.

С малейшими подробностями припоминает поседевший ветеран, как горели хаты в центре села и на Шандаровке – северо-восточной околице его, в степи фашисты расстреливали домашних животных. Жители села прятались в погребах, в балках.

Под напором наших танковых и мотострелковых подразделений фашисты отступили и 20-го августа под утро в Новогригорьевку и ближайшие хутора вошли советские танкисты, артиллеристы, пехотинцы.

В центре села развернул свою работу полевой

военкомат, и началась запись всех способных носить оружие в 56-ю мотострелковую бригаду 23-го танкового корпуса.

Бывший воин этой бригады Алексей Григорьевич Лачко припоминает, что вместе с ним воевал во 2-й мотострелковый батальон, в 5-й роте Падис Падисович Мальшенко.

В пулгроту был записан Федор Фадиевич Мальшенко, инструктором медвзвода – Павел Лазаревич Снисаренко, пулеметчиком – Федор Иванович Лавриненко, стрелками – Петр Тихонович Снисаренко, Иван Алексеевич Морока, писарем – Алексей Леонтьевич Балабанов, саперами – Владимир Андреевич Краевой, Мирон Данилович Радченко, Павел Федорович Зинченко, Петр Павлович Ивченко, Павел Максимович и Федор Ефимович Шаповал. Все с 1925 года рождения,

им исполнилось тогда по 18 лет. Кроме них почти вся 4-я рота этого же батальона была укомплектована жителями со всех хуторов Новогригорьевского сельсовета.

Среди них хорошо известен воин Коваленко из хутора Интернационального Павловского сельсовета, о подвигах которого писала фронтовая газета.

Поскольку Алексей Лачко к тому времени имел образование 8 классов, его направили в полковую школу командиров расчета станковых пулеметов. Но начались тяжелые бои за город Запорожье, поэтому всех курсантов отправили в районы боевых действий.

Припоминает ветеран еще случай, который случился с ним уже в 1944, на территории Румынии по окончанию Яско-Кишиневской операции. В августе их подразделение выбило гитлеровцев с помещичьего имения и расположилось в этом здании на ночлег. Расставили часовых, а свободные от караула солдаты расположились на ночной отдых, кто, где мог: на полу, расстелив шинель или плащ-палатку, на диване, даже на столах. Улеглись, не раздеваясь, а только немного расслабив ремни, оружие положили рядом. Уставшие солдаты быстро уснули, но Алексею поспать не удалось.

Разбудил посыльный и передал приказ – ему и еще одному сержанту немедленно прибыть в штаб. Помощник начальника штаба Плохотников поставил перед нами задачи: разведать неподалеку расположенное румынское село. В разведку отправились без скаток и вещмешков. Взяли ППШ с полными дисками, на ремнях разместили запасные подсумки с гранатами, финки. Подбирались к селу, используя кусты и рельеф местности. В продолжение нескольких минут вели наблюдение за крайним домом и прислушивались, не слышно ли каких разговоров. Потом подползли к нему и постучали в окно. Из дома вышел пожилой румын, который на все вопросы отвечал: «Неп тудан» (не понимаю). Пришлось махнуть рукой и двинуться дальше, прячась в садах. Заметили румынского солдата, который

шел по улице, шатаясь и что-то напевая. Разведчики схватили его и потащили в сад. Оказалось, что это капрал. Он перепугано заговорил: «О рус, братишка, румын не воют». А перед этим замполит говорил воинам, что румыны собираются выступить против фашистской Германии.

Капрал сообщил, что в соседнем селе немцев нет, а в его центре (оттуда был слышен какой-то шум) стоит румынский полк, готовый сдаться.

И, сняв с пояса фляжку, предложил румынскую цуйку (водку). Разведчики отказались и отпустили капрала с условием, что он приведет с собой офицера. На всякий случай сменили свое местонахождение и стали ожидать. Вскоре заметили, что в их сторону идут капрал с офицером. Хорошо разговаривая по-русски, он подтвердил, что действительно в центре стоит полк, готовый сложить оружие и сдаться в плен.

Комбат доложил в штаб результаты разведки, отправил в село офицера и взвод автоматчиков, которые и приняли капитуляцию румынского полка. Так наш земляк-разведчик оказался в центре этого исторического события.

При взятии румынских городов Ромэн, Бакэу и других батальону, где служил Алексей Григорьевич, было приказано ликвидировать вражеский укрепленный район и обеспечить дальнейшее наступление наших войск. С целью обнаружения огневых точек противника, 5-я рота была усилена станковыми пулеметами и направлена в разведку боем, во время которого понесла большие потери. Ранено и Алексея Лачко, но в горячке боя он продолжал двигаться вперед. Но силы начали оставлять его. Боец Ряжапов, присланный на помощь, сделал перевязку. Однако кровь из раны продолжала течь, так как они забыли наложить выше раны жгут.

Солдаты из роты автоматчиков положили на плащ-палатку и принесли в медсанбат. Алексею от потери крови терял память, а когда пришел в сознание, увидел перед собой знакомое лицо фельдшера однополчанина Снисаренко Павла, который обрабатывал рану и плакал. Раненый подумал, что это конец. И снова потерял сознание.

После операции стало легче. Хирург сказал: «Повезло тебе, парень, что пуля прошла на вылет, не задев жизненно важные органы. Поэтому будешь жить сто лет».

Алексею довелось лечиться в нескольких госпиталях городов Бакэу (Румыния), Днепропетровск, Сталино (теперь Донецк), Цагвери. Полгода провел в госпиталях, и только 5 марта 1945 года смог вернуться к родным в Новогригорьевск.

Военкомат признал его негодным к строевой службе в армии и направил военным руководителем в школу, несмотря на то, что он обращался в вышестоящие инстанции, чтоб отправили в армию. Алексею пришлось продолжить работу в школе. Окончил Днепропетровский институт иностранных языков.

Он осуществлял велопробеги по местам боевой славы со своими воспитанниками. А когда переехал в Курганскую область, 18 лет вел уроки в Светлодольской средней школе Белозерского района до самой пенсии.

Сейчас 89-летний ветеран пишет книги воспоминаний: «Жизнь, отданная людям», «Патриотическое воспитание через газету», «Боевой путь» и «Ветераны 56-й мотострелковой бригады».

Для этого он провел огромную работу, организовывал встречи с однополчанами, собирал о них

Ветераны 56-й мотострелковой бригады в родной части. 17 сентября 1983 года. Третий слева – Алексей Лачко.

последние сведения и адреса, фотографии. За боевые заслуги участник войны Лачко Алексей Григорьевич награжден орденом Славы 3-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и многими юбилейными.

За военно-патриотическое воспитание молодежи он награжден двумя Почетными знаками ЦК ДОСААФ, Грамотой Советского комитета ветеранов войны и 46-ю грамотами от различных организаций.

Он последний из числа живых и награжденных орденом Славы ветеранов области.

Он не жалел своей жизни ради Победы над врагом в годы войны. И до последнего времени своими рассказами о тех великих и страшных годах воспитывает молодое поколение.

НА САПУН-ГОРЕ

Пичугин В. А.

ЛОЖКИНА
Елизавета Ивановна

БЕЖЕНКИ

Кого только ни пришлось повидать в нашей глухой Вятской деревне за годы войны. На то он и большак – большая дорога, на которой мы живём. Дорога проходит посередине улицы. Деревня у нас прямая, на две стороны. Правда, в конце деревни есть небольшая «кочерга» – Малый край. Чужие туда не ходят, не сворачивают.

Наш дом притягивает путников и зимой, и летом. Летом – тенью под вёслами, да скамейкой почти во весь фасад дома, а зимой – большим крытым двором, да и напиток всегда подадут, а кто хоть однажды пил воду из нашего колодца, при следующем разе обязательно вспомнит.

Этой зимой мы впервые увидели беженцев, которые время от времени стали появляться у нас в деревне. Это были несчастные люди, часто с детьми на руках, закутанные в платки, покрытые куржаком и снегом. Они просили, в основном, подаяние на пропитание. Война шла уже не первый год и давать подаяние становилось всё труднее, но подавали всё равно, понимая, что делят последнее, но своё.

На днях приходили торговки мылом. Мыло плохое, не просушенное. Некогда его вынеживать да высушивать, но без мыла жить нельзя. Приходится покупать, у кого есть деньги, и такое, или

Родилась 13 октября 1939 года в Кировской области в Яранском районе, деревня Б-Липяна. Окончила Яранский сельскохозяйственный техникум в 1958 году. С 1963 года проживает в Кургане. Окончила Курганский государственный педагогический институт. Работала в школе, ушла на пенсию в 1994 году. Посещает литературную студию В. Ф. Потанина, пишет рассказы о военном детстве, о жизни в деревне, член литературного объединения «Поэтическая горница». Печаталась в журнале «Сибирский край».

выменивать на картошку и другие овощи, у кого нет денег. Потом мыло дозаривают, то есть сушат в русской печки. Чем суше мыло, тем оно экономнее, говорят соседки, на дольше его хватает.

Сегодня в обед опять к нам постучались. Хорошо, что мама была дома, я бы побоялась, не открыла: мало ли кто мимо нас ходит и ездит...

В избу вошли двое – мать с дочкой-подростком, старше меня. Женщина сказала, что они из Ленинграда. Они обе перекрестились и женщина попросила что-нибудь из еды. Я помню, как сейчас, мне было стыдно сказать им, что у нас нет никакой еды, мы уже пообедали, чем Бог послал, и ничего не осталось, даже варёной картошки.

Мама ушла на кухню, а я молча стояла перед ними, мне было жалко их и по-детски стыдно, что им нечего подать, тем более по себе знаю, что такое, когда хочется есть. Вскоре мама вынесла несколько крупных, хорошо вымытых картофелин. Женщина, помню, обрадовалась, ведь не секрет, подавали не в каждом доме.

– Не обессудьте, православные, за такое подавание, – говорила мама и предлагала подождать её с работы, когда затопим печь, сварим картошник с луком. Мы им предлагали сесть на лавку и отдохнуть, но они словно не слышали, так и стояли посреди избы.

– Как тебя зовут? – спросила я девочку, но она молчала. И тут я увидела, как женщина подала девочке сырую картошку, и она быстро и жадно стала её есть. Хорошо помню, что я с ужасом смотрела на них. Мне казалось, что ни при каком голоде мне не съесть сырую картошку.

И помню, как от жалости к ним я заплакала.

Так и стояли мы друг перед другом, я – не отводя от них глаз и не вытирая слёз.

Видимо, оттого, что я плакала, я не слышала, что женщина рассказывала маме, как они в Ленинграде попали под бомбёжку, обе они с дочкой были дома. Откуда-то днём появился немецкий самолёт, а они жили на последнем этаже. Вдруг крышу их дома снесло, стало видно небо. Они, обнявшись упали на пол. Когда пришли в себя, то увидели, что самолёт снова сделал заход и сбросил ещё одну бомбу. На их глазах обрушился соседний дом, а в том доме жила дочкина подруга Света.

– Моя Наташа закричала и упала на пол. А потом обнаружилось, что она онемела, врачи говорят, что может навсегда, поэтому она и не ответила мне, как её зовут.

Остальную картошку женщина положила в сумку поглубже, чтобы не помёрзла. Потом они выпили по стакану тёплого травяного чаю с сахаром и вышли вместе с мамой.

Вижу в окно, как моя мама и беженки расходятся в разные стороны. Мама идёт в деревню, а мать с дочкой в сторону села. Я смотрю им вслед, пока они не скрываются за Катерининым домом.

Опять я одна, мне нечего делать, скучно и я нахожу себе занятие – думать.

– Как страшно, – думаю я, – у них нет дома и нечего есть. А вдруг Наташа не заговорит, как же она будет учиться в школе?

И мне уже не страшно, у меня есть дом, есть мама и даже еда.

ФАРАОНОВО ПЛЕМЯ, РОМАЛЫ-ЦЫГАНЕ

Вслед за беженцами двинулись на восток, дальше от войны цыганские таборы и достигли наших нечернозёмных пределов.

Чувство беспокойства охватывало жителей деревни, когда поздно вечером останавливался цыганский табор. Цыгане шумные, настойчивые и им трудно отказать, тем более, что у нас был

большой крытый двор, и в добрые времена у нас действительно был постоянный двор, пускали всех, если было место.

Тогда мужчины были дома. С хозяином и цыгане, и другие заезжие вели себя прилично. А теперь во всей деревне несколько мужиков, и те – старики да убогие, калеки, вернувшиеся с фронта.

На улице зима, мороз, а в таборе много ребятишек. Они выглядывают из пуховых перин и одеял, и всё тянут руки, и просят еды, хлеба. Жалость и сочувствие к бедным и несчастным людям всегда побеждала даже страх.

После всех уговоров, переговоров и клятвенных обещаний, что они цыгане добрые, распахнулись ворота нашего двора. Двор заполнился повозками и лошадьми, людским гомоном и коротким лошадиным ржанием – таким, когда лошадь выражает радость в ожидании корма и отдыха.

В избу занесли постели: перины, подушки, одеяла и всё расстелили в передней части избы. Не помню, топили ли печь. Наверное топили маленькую печь, подтопок, которую топили обычно вечером, перед сном, чтобы ночью было тепло.

Нам с бабушкой велено было сидеть на большой печи, не спускаться, там и спать. Мама, после того, как поужинали гости, тоже забралась на печь и легла с краешку. Ночевальщикам было показано и рассказано, куда идти, где дверь, если возникнет нужда.

Взрослые цыгане вскоре уснули мертвецким сном. Дольше всех укладывались молодые цыганки с детьми, особенно цыганочка с маленьким ребёнком по имени Васька. Он, видимо, был грудным, потому что почти не слезал с рук и всё что-то кряхтел, когда его укладывали.

Мне было интересно наблюдать за всеми, и я постоянно выглядывала через деревянную заборку над печью и видела всё, что происходило внизу. Цыганские дети были смуглые, тёмноволосые и кудрявые, и все похожие, как один, так мне казалось. Они меня дразнили, корчили рожицы, да и я, осмелев, стала отвечать им. Так мы, словно обезьяны, говорили без слов и хорошо понимали друг друга.

Наконец, всё утихло, все уснули. И только хозяйкам – маме и бабушке, какое-то внутреннее напряжение, чувство ответственности за всех, не давало расслабиться и крепко уснуть. Да и мне, ребёнку, так же было непривычно и беспокойно, хотя очень хотелось спать.

Электричества в наших краях в войну не знали.

Целую ночь жечь керосин было накладно, да и угарно. Потому спали в полной темноте. Вдруг в этой тёмной тишине заплакал Васька. Мать-цыганка пыталась покормить его грудью, но он продолжал кричать.

Постепенно люди начали просыпаться. Бабушка предложила зажечь лампу, но и это не помогло. Причину установить было невозможно, потому, что Васька ещё не умел разговаривать, а только истошным голосом кричал. Мы то проваливались в сон, то снова просыпались. И слышно было, как цыганка уговаривала сына:

– Васенька, Васенька... но Васенька не успокаивался, и, когда я позднее проснулась, услышала детский плач и сердитый голос цыганки: – Васенька, Васенька, чтоб тебе сдохнуть...

Когда я услышала это первый раз, мне стало страшно за Ваську – как она не боится говорить такие слова... – а потом мне стало так смешно, что я засмеялась.

Но потом, когда эта пытка бесконечно прерывающимся сном продолжалась до самого утра, мне стало жаль цыганку, и я была почти согласна с ней: «Васенька, Васенька, чтоб тебе сдохнуть».

К нашей радости, Васенька не сдох, и утром, когда стало рассветать, как ни в чём не бывало замолчал, поел и уснул.

Цыгане быстро собрались, запрягли коней и съехали со двора.

Постепенно мы обнаруживали, что добрые цыгане кое-что прихватили из нашего и так бедного гардероба. Про других не скажу, не помню, а у меня пропали из печурки новые шерстяные варежки, с трудом связанные бабушкой, потому что она плохо видела, да и , чего греха таить, пряжи не было. Но больше, чем пропажа рукавичек, меня обидела пропажа колечка, сделанного из серебряной монетки моим дядей, маминым младшим братом, который гостил у нас. Он несколько дней растачивал, шлифовал колечко и даже сделал мой вензель. А когда уезжал, надел мне его на пальчик и сказал, что с таким колечком и венчаться не стыдно, потому что оно сделано на вырост.

Вот такой он был, выпускник ремесленного учи-

лица, мой дядя Володя, который в войну чуть не умер у своего станка от болезни и истощения. Одному Богу известно, как сообщили и как мать добралась в такую даль и забрала своего «шкелетика», как она говорила, и привезла домой и выходила.

Простите за отступление.

Колечко у меня хранилось в спичечной коробке и было спрятано в печурке. Я даже заплакала, когда поняла, что искать бесполезно.

Когда я печалилась о своей потере, бабушка ругала и слала смешные проклятья цыганскому племени, которое испоганило её единственную посудину, её гордость – не в каждом доме был такой ведёрный чугунок, в котором она варила картошку и праздничные блюда для больших гостей. Что только она ни проделывала с этим чугуном: выбрасывала на мороз, чередила вереском, кипятила в нём щёлок... и только потом решилась сварить в нём картошку, но прежде всё-таки для скотины.

Постепенно всё забылось, потому что пришли другие события, более важные и даже другие времена. Но иногда кто-нибудь из нас, выведенный из терпенья и чтобы как-то скрасить своё раздражение, произносил: «Васенька, Васенька,

чтоб тебе сдохнуть...» и все мы, вспоминая эту историю, от души смеялись.

Мудрая бабушка не велела рассказывать про цыган:

– В наших краях народ просмешливый и травёжный, – говорила она, – особенно молодёжь. Цыгане что? Ночевали и уехали, про них и забыли, а ты здесь остался. Над тобой и будут ерготать, то есть смеяться, до седьмого колена помнить будут, да ещё приврут.

Прости меня, бабушка, моя няня Варвара, что через много лет я нарушила твой наказ, потому что всё то, о чём ты пеклась, моя дорогая, всё разрушилось. Нет нашей деревни, нет уже родителей. Все мы, как те цыгане, разбрелись по миру и многие из нас лежат в других полях, и другие ветры гуляют над их холмиками, и доносят другие звуки, и совсем другие песни.

И хочется, чтобы кто-то из ныне живущих ровесников, узнал эту живую историю из нашей жизни, такую простую, обыденную.

А я улыбаюсь и говорю вслух:

– Васенька, Васенька, ведь ты меня младше, а значит – должен быть жив. Желая тебе доброго здоровья и долгих лет жизни.

ФАШИСТ

Жила-была одна семья в нашей деревне, не бедно, не богато – так, серединка на половинку, как большинство тогда жили, особо не шиковали, но и с голоду не помирали.

Да пришла беда, пришла война. Всех мужиков взяли на войну. Остались дома старики да бабы, да малые дети.

Вот и наша Анна, назовём её так, осталась одна с четырьмя детьми: три дочери да сын. Две дочери – взрослые, а третья дочка и сын – маленькие. Казалось, пришла беда ненадолго, а она возьми и задержись на четыре года. Невмоготу стало Анне корову содержать. Продала корову, купила козу Манечку.

Дело к весне движется, а запасов всё меньше

становится. Сосчитали всю картошку, семенную в сторонку отставили, остальную разделили на количество дней до нового урожая. Получилось не густо. На каждый день только на картовник – это такой суп, как жидкое картофельное пюре. Слава Богу, есть ещё крупа и муки немного.

Многие в деревне в хлеб добавляют мёрзлую картошку, которую собирают весной в поле, да траву толчёную. Высушенную заранее прошлым летом: кашки клевера, траву молодого хвоща, лист крапивы и другие травы, кто каких запас.

Старшие дочери и сын, молча, переносят все трудности, помогают матери и друг друга выручают. А младшая Томка-котомка, так её любезно зовут взрослые, не может молчать, что думает, то

и говорит. Сядут за стол пятеро, Анна всем в чашки карточника нальёт, хлеба каждому по кусочку. Все хлеб покрошат в суп, Анна лук очистит, мелко покрошит и в каждую чашку добавит лука и забелит суп козьим молоком.

Вот такая еда однообразная. Правда, иногда варят кисель овсяный из старых высеек, что скоту кормили, а теперь вот сами за милу душу. Разве это еда для рабочего человека, который мешки таскает, да топором работает, да вилами машет.

Пообедают, перекрестятся и, молча выйдут из-за стола, отдыхают. И тут начинается концерт. Тамарка, будь она неладна, начинает требовать. Нет, не добавки – знает, что не дадут, – а «Когда кончится война?». Как говорится, ни больше, ни меньше.

– Да, – говорят, – скоро, Тamarочка, скоро, потерпи ещё, – уговаривает старшая сестра Анюта.

– И тогда мы досыта наедемся карточника, правда, Анюта?

– Правда, правда, Тamarочка, а сейчас надо потерпеть.

А у Анны новая забота – нечем козу кормить. Сено кончается, а свежей травки ещё нет, только на проталинах, но мало. Стали Анне соседки подсказывать, где травка подросла, и выбрала Анна наш межник, что поближе к дому, чтобы Манечку далеко не водить.

Стою я у окна, как на посту, и вдруг вижу, прямо под нашим окном идёт тётка Анна и ведёт Манечку на поводке. Я обрадовалась такому событию, давай стучать руками по раме. Даже Манечка услышала и подняла голову, поглядела на меня. У Манечки такие красивые глаза – зелёные и прозрачные, как вода. Много венков из одуванчиков скормили мы ей и другим козочкам прошлым летом.

Странно, утром мама говорила, что у нас весь огород и у наших соседей давно вытаял, снег только за сараем, у стены. А по дороге ездят на санках, сверху снег, а под ним лёд. Вокруг дома нашего снег. Зимой такую косу намело, что выше тына, тает снежная коса медленно.

Анна, тем временем, привязала Манечку там,

где трава побольше: сверху кошма старой травы, прошлогодней. Она приподняла её рукой, а под ней молодая трава зеленеет, уже большая.

– Ну вот и славно, – думает Анна, – Манечка порадует, да и на солнышке, на свежем воздухе погуляет. А дома у Манечки, как в сказке, семеро козлят. Они ещё маленькие, такие хорошенькие...

Наши мамы в тот день возили навоз с фермы на Маленькое поле на санках, по насту, такому крепкому, что иди в любом направлении – не провалишься. В Маленьком поле, окружённом посадками и лесом, зимой столько набухало снега, что он тает, тает и растаять не может, а ночь. Так задубасит, заморозит, что выдерживает человека и лошадь.

В моём окне картинка сменилась: на одних санках появился красный флажок. Не знаю, что это значит, но догадываюсь – что-то хорошее. Придёт мама, спрошу. Мама каждый раз, проходя мимо дома, машет мне рукой и смеётся. Говорит – тяжело, а сама смеётся. Это, наверное, ради меня, чтобы мне не скучно было. Навстречу с пустыми санками с флажком бежит Шурочка-почтальонка. Она машет рукой и кричит:

– Тётка Анна, Манечка, наверное, запуталась, ведёт себя беспокойно, я отсюда хорошо вижу.

Анна бросила санки и побежала, Шурочка за ней, она быстро обогнала Анну и видит – какая-то собака прибилась к Манечке и играет с ней.

– Шура, это же волк!

Шура давай кричать, что есть мочи, потом сунула в рот два пальца и свистнула так, как когда-то научили её мальчишки. Но волк не обращал внимания и всё продолжал скакать вокруг Манечки. Шура уже хорошо видела волка со вздыбившейся шерстью на загривке. Он хватал Манечку за шею и тут же отскакивал. Шура хлопала в ладоши, кричала истощным голосом, а сзади выла на все голоса Анна. Женщины видели, как волк нырнул головой Манечке под живот, как бы хотел уронить её, но Манечка удержалась на ногах, не упала, только сильно закричала.

Когда Шурочка и Анна подбежали к Манечке,

увидели жуткую картину: волк порвал Манечке вымя. Анна обнимала козочку за шею, там были раны от волчьих клыков, шерсть выдрана клочьями, но волк не смог перегрызть шею, помешал широкий ошейник на шее козочки. Сшитый из настоящего ремня с бляхой, на которую был застёгнут.

Анна, стоя на коленях, всё гладила Манечку, плакала и просила прощения:

– Это я виновата, неразумная моя головушка. Привязала и ушла, и ни разу не проверила, ведь и в колхозе-то надо от молодых не отставать, а силы-то уже не те...

Из своего окна я вижу, как все женщины собираются на дороге напротив нашего дома. Они почему-то не торопятся с пустыми санками, чего-то ждут. Я смотрю в окно и вижу тётку Анну и Шуру, за ними идёт Манечка. Ничего не ведая, снова стучу в окно. Манечка остановилась, так же посмотрела, как утром, но мне показалось, что она меня не узнала, взгляд у неё был другой. И тут я увидела у Манечки большую рану.

Прошло уже семьдесят лет, но до сих пор у меня перед глазами эта страшная картина: из разорванного вымечка козочки текут два ручейка – один красный, кровь капает на снег, и на снегу капельки похожи на красные звёзды, а рядом – капает молоко, чистое, белое, и застывает на снегу.

Я не знаю что случилось, но понимаю – что-то страшное и я заплакала. Мне так было жаль Манечку. Я стала ждать маму, но мама не

приходила.

Сейчас, с высоты своего возраста и из мамино-го рассказа, могу сказать, что всё, что я видела, было похоже на похоронную процессию: впереди шла Анна и вела на поводке истекающую кровью кормилицу – козу Манечку, за нею – все деревенские бабы, плачущие и рыдающие. Всё горе, что накопилось в груди у каждой, вдруг выплеснулось, как у маленькой Тamarки, и превратилось в бунт и протест:

– Ой, бабоньки, не зря поётся: «где тонко, там и рвётся»...

– До каких пор ещё нам терпеть...

– Серый волк, лешак окаянный, чтоб ты сдох...

– Ах ты, фашист проклятый, Гитлер ты одноглазый, чтоб ты подавился...

– Ой, бабоньки, а что с козлятами-то будет...

– Что? Что? Что с нами, то и с ними...

– Тогда всем миром надо спасти, даст Бог, и сами спасёмся.

– Давайте, бабы, кто может, заберём по одному сироте, не дадим им умереть с голоду, подрастим, а потом снова вернём Анне, – сказала бригадир, которую тоже звали Анна и направилась в дом хозяйки козочки Манечки. За бригадиром пошли все, у кого были коровы и уже было молоко.

Мама пришла поздно, видно, что она плакала, но я сделала вид, что не заметила этого, а когда легли спать, я долго не могла уснуть, мне всё время хотелось плакать.

**ЛОМОВА
(Сметанина)
Людмила Ивановна**

НЕ СУЖДЕНО СТАТЬ СТАРИКОМ

Передо мной письмо отца, написанное 73 года назад:

“Здравствуйте, женка Лиза и дочь Люся! Шлю я вам пламенный красноармейский привет! Спешу сообщить, что пишу в выходной день 1 июня 1941 года. Пишу письмо, Лизочка, на улице. У речки, на зеленой траве, под яблонями. И кругом меня цветы. Да, Лизочка, вот уже мы с вами прожили врозь осень, зиму, весну и начинаем жить лето. 9 июня я буду именинник. 20 лет исполнится. Старик уже скоро буду. Лиза, вы хоть с Людой погуляйте в этот день да меня помяните. Когда уже дождемся, что вместе будем, а? В общем, если счастье есть впереди, то будем жить вместе, еще

лучше прежнего. Только бы мирное время...”

Письма домой приходили каждую неделю. После 22 июня не было ни одного письма.

Сметанин Иван Павлович, 1921 года рождения, призван в ряды Красной армии 12 октября 1940 года из д. Камаган Скоблинского сельсовета. Елизавета Афанасьевна Казанцева, моя мама, после окончания Курганского педучилища, в 1937 году приехала работать в Камаганскую начальную школу, вспоминает:

– Школа была большая: 4 класса, 4 учителя. 120 учеников. А какую общественную работу вели учителя! И агитатор на ферме, и подписывали

Родилась в 1939 году в д. Камаган Юргамышского района в семье сельских учителей. Отец, Сметанин Иван Павлович, по официальным данным, считается пропавшим без вести.

Закончила Курганский государственный педагогический институт. Муж тоже учитель. Работали в сельских школах. Вырастили троих детей, четверо внуков. Муж около 20 лет работал в районной газете «Рассвет». Кроме рабочих материалов, писал рассказы. Трудилась в Юргамышской школе, в отделе образования. Занималась организацией методической службы в школах района. Писала в газету о мастерах педагогического труда. В 90-е годы стала писать стихи, которые публиковались в местной газете.

сельчан на государственный заем, а вечерами – на ликбез учить взрослых.

Однажды прихожу в контору – а там за столом счетовод сидит, мальчишка какой-то!

А он и впрямь был мальчишкой. Окончил Песчанскую семилетнюю школу. Всего 17 лет исполнилось. Но в удостоверении, выданном Юргамышской районной колхозной школой тов. Сметанину И. П., записано, что он окончил 5-месячные курсы, и сказано: «Допускается к работе в качестве счетовода».

– А когда он родителям заявил, что хочет жениться, они отговаривали: «Рано тебе, Ваня, жениться, мал еще», – он был седьмым ребенком в семье, самым младшим. На это он ответил: «Через два года в армию возьмут. Время беспокойное. А вдруг война? Убить ведь могут. Так и не бывать мне женатому». Пришлось согласиться.

Учителей тогда не хватало. Его направили на месячные курсы при Курганском педучилище. Затем поступил в Мишкинское педучилище заочно. Стали работать оба в школе. Через год дочка родилась.

– Он так меня любил, – говорила мама. – О такой любви только в романах пишут. Из школы идем, к дому подходим – и бегом, наперегонки, кто вперед Люську на руки возьмет. По праздникам на гулянки собирались, он на гармошке играет, а я чтобы рядом сидела. Когда в армию провожали, он простится с нами, пойдет и обратно вернется, чтобы тебя поцеловать. Ему говорят, что не надо возвращаться, примета недобрая. А он снова возвращается.

Служил отец в г. Березе Брестской области. Белорусской республики. Смотрю на карту: от Березы до Бреста примерно 90 километров. В воинской артиллерийской части вместе с ним проходили службу его земляки: Величутин Николай и Ивин Александр.

Мне был год, когда отец ушел в армию. Помню, как с войны вернулся домой дядя Ерёма, отец моей двоюродной сестры Нюси.

Мы ели шоколад им привезенный, бегали, радовались. Но меня не покидала тревога: а где мой

папа?

Мама овдовела 22-х лет. Продолжала работать в школе. Рассказывает:

– Занимались в две смены, освещения не было. Не хватало учебников, тетрадей, писали на газетах, оберточной бумаге, чернила делали из свеклы и сажи. Учащиеся были полуголодными, полураздетыми, но от работы не отказывались. Осенью в колхозе «Искра» на полях собирали колоски, копали картофель и свеклу. Тяжело было всем, но школы работали, дети учились.

Мама сразу после войны делала запросы в управление по учету погибших и пропавших без вести. Уже 28 мая 1945 года пришло сообщение, что «меры по розыску и выяснению судьбы военнослужащего Сметанина И. П. приняты». Позднее получили ответ, что ни в живых, ни в мертвых он не значится. Потом пришло извещение родителям: **«Ваш сын, красноармеец Сметанин Иван Павлович, находясь на фронте, пропал без вести в марте 1942 года».**

Деревенские жители, глядя на меня, вспоминали, что у отца была такая же редкозубая улыбка, какой он был веселый и любил шутить. Когда я еще маленькой читала стихи на праздничных утренниках в Камаганской начальной школе, матери и бабушки плакали. Я понимала, что они жалели меня, моего отца. Дяди и тети, приезжая в родительский дом, пели старинные песни, сравнивали мое лицо с портретом отца и тоже плакали.

9 мая 1975 года, в день 30-летия Победы, маму и мою семью пригласили в Скоблинскую среднюю школу на открытие мемориальной доски Сметанину Ивану Павловичу. Школьники, красные следопыты, собрали материал об отце, оформили альбом об учителе – защитнике Бреста. Мне подарили альбом для фотографий, в который я помещаю самые важные вехи из нашей семейной жизни. Фотография отца помещена в районном музее народного образования среди тех учителей, кто не вернулся с фронта.

В газете «Советское Зауралье» от 30 марта 1990 года в рубрике «К 45-летию Победы» я прочита-

ла публикацию Вохменцева Владимира Александровича, бывшего командира взвода разведки. «Помнит Брестская крепость»:

– В 1940 году 26 парней призваны на воинскую службу Юргамышским райвоенкоматом, были направлены в Брестскую крепость. Из них мне удалось установить 15 человек, двое из которых остались в живых... А другие 13 не вернулись с поля боя, отдали жизни свои при защите рубежей своей Родины.

В статье названо 11 фамилий, отца среди них не было, но был его сослуживец-земляк, «второй» номер расчета минометной роты Николай Величутин. уроженец д. Камаган Скоблинского сельсовета, который рассказывал:

– Все, кого я назвал выше, служили в 455-м стрелковом полку, помогая друг другу во всех делах нелегкой солдатской жизни, мечтали о будущем. Но обрушилась война, и они приняли ее первый, самый страшный удар.

В. А. Вохменцев по заданию научно-экспедиционного отдела музея «Брестская крепость-Герой» обратился к родным и близким заполнить с просьбой заполнить справочную карточку на участника пограничных боев 1941 года, пропавшего без вести в годы Великой Отечественной войны, приложить письма, фотографию солдата и отправить ему по указанному адресу в г. Курган. В Юргамышском райвоенкомате я взяла имеющиеся там данные, сразу же все оформила и выслала. Письма и документы сохранила мама.

И вот в «Советском Зауралье» от 16 мая 1994 года к 50-летию Победы вновь появляется материал В. Вохменцева «Они стояли на смерть». Среди имен земляков, погибших в районе Брестской крепости, есть и фамилия моего отца.

– Все эти товарищи похоронены в братской могиле. Их имена занесены в список защитников Брестской крепости. Я собрал полный материал для мемориала Брестской крепости, чтобы их имена тоже увековечить отлитым из олова лавровым венком. Но так и не пришлось дело довести до конца из-за того, что Союз ССР распался.

Мама, ушла из жизни на 85 году, мне 75-й год,

а отец так и остался 20-летним. Ему не суждено было стать стариком, как он писал в письме. Его всю жизнь ждали родители. Баба Анна, его мать, прожила ровно 100 лет, но так и не дождалась младшего сыночка.

Мне до сих пор больно, что война оборвала молодую жизнь, разлучила любящие сердца, принесла горе родителям, а меня оставила без отца. Он не успел заслужить наград, погиб в самом начале войны. Он отдал свою молодую жизнь во имя Победы.

На мой запрос из Центрального архива г. Подольска Московской области в ноябре 2008 года пришел ответ: «Согласно дислокациям Западного ВО по состоянию на май 1941 года в г. Березе Брестской области дислоцировались: Управление и части 205 мотодивизии... которая расформирована 22 июля 1941 года. Необходимых документов 205 м/д на хранении нет».

...Каждый год 9 Мая я прихожу в Парк Победы. Меня приводят в волнение скорбные лица лю-

дей, потерявших родных и близких на войне, праздничный салют, цветы и гирлянды у памятника. В газете «Рассвет» от 5 сентября 1991 года

помещено мое стихотворение «Монолог в день памяти», посвященное моему отцу и всем без вести пропавшим в горниле этой страшной войны.

МОНОЛОГ В ДЕНЬ ПАМЯТИ

Мне исполнился год,
Как война началась,
А отцу моему девятнадцать.
И ушел он в поход,
Тут же связь порвалась.
Неизвестно, где кости хранятся.

Он учителем был
И детей он любил.
Заразительно мог засмеяться.
Баянистом он слыл,
С молодежью дружил.
Ему было всего девятнадцать.

Хоть ребенком была,
А Победу ждала,
Что отец мой домой возвратится.

Час Победы пробил,
Завершилась война.
Только нет мне причин веселиться.

Обелиск на селе
эту память хранит,
Да портрет, где он в форме солдата.
В этих строках скупых
Да в слезинке родных –
Вот и вся биография папы.

Год за годом идет.
Шаг за шагом вперед.
Много лет миновало с той даты.
Время лечит беду,
но меня не берет.
И живет во мне горечь утраты.

МАМОНОВА
Нина Перфильевна

Я РАССКАЖУ О МАМЕ И О ПАПЕ...

9 мая в нашем календаре – великий праздник, светлый, радостный, бесконечно дорогой сердцу каждого человека, праздник Победы. Семидесятая весна шумит над нашей планетой с тех пор, как отгремела Великая Отечественная война. Длительен и труден был путь нашего народа к Победе, свыше 20 миллионов человек погибли на полях сражений, расстрелянных фашистами, замучены и сожжены на гитлеровских «фабриках смерти», погребены под развалинами городов и сёл, в этом конкурсе я хочу рассказать о своих родителях: участнике и инвалиде Великой Отечественной войне Тузове Порфирии Карповиче и труженице тыла Тузовой Екатерине Васильевне.

Родился отец в 1903 году в деревне Такташи Мишкинского района в крестьянской семье. Семья была большая: отец, мать, пять братьев и одна сестра. Жили, как большинство, единолично, держали своё хозяйство, растили хлеб; не покладая рук, не разгибая спины, с ранней весенней оттепели и до поздних заморозков трудились в поле.

А в 1937 году, когда было массовое раскулачивание, раскулачили родителей моего отца и сослали в Мурманск (после реабилитировали). Потом война.

22 июня 1941 года фашисты обрушили на нашу страну удар огромной силы. 6 сентября 1941 года отца и его брата Степана забрали в Красную Ар-

---

Родилась в 1950 году 4 марта в деревне Такташи Мишкинского района. В 1970 году закончила Кировское медучилище, работала медсестрой. Далее 24 года трудилась работником культуры. Награждена Почётной грамотой Министерства культуры РФ и другими видами благодарности. В 1993 году самостоятельно освоила работу киномеханика и десять лет, помимо основной работы, показывала кино, нередко общаясь с редакцией газеты района. В 2012 году организовала встречу через сорок лет своих односельчан на своей малой Родине, куда съехалось около ста человек. Любит спорт теннис, неоднократно поощрялась как мастер декоративно-прикладного искусства.

**Мои родители
Тузов Порфирий Карпович
и Тузова Екатерина Васильевна**

мию, в 551-й стрелковый полк. Были тяжелые испытания первых месяцев войны. Затем передовая. Был смертельный бой, в тучах огня и дыма. После боя отец долго ходил по этому жуткому полю, всё звал своего брата: «Стёпа, Стёпа!» – среди искорёженного металла, смешанного с землёй и кровью, кругом стонали раненые, лежали убитые, в клочья разорванные солдаты. Брата отец нигде не нашёл, ни раненым, ни убитым. В этом кровопролитном бою он навсегда потерял своего родного брата Степана.

На разных фронтах воевали другие два брата отца: Василий погиб, Иван вернулся с войны весь израненный, изрезанный: ему пришлось драться с фашистами в рукопашном бою.

В одном из таких сражений моего отца Тузова Порфирия Карповича, контузило так, что он попал в плен, в лапы фашистских захватчиков (рассказывая о плене, отец не замечал катившиеся по

щеке слезы, это были страшные дни, которые он пережил на войне).

Дума о побеге не покидала отца. А помогала ему бежать простая русская женщина по имени Полина, она дала отцу карту расположения партизан и опасную бритву, которую после отец хранил всю жизнь.

В один из дней на заготовке дров, когда немцы рассматривали фотографии, отец попросился в туалет, а сам перекрестился и побежал. Бежал, не чуя своих ног, слышал стрельбу, лай озверевших собак, но он уже добегал до кромки леса, партизаны были рядом.

После войны отец долго искал эту женщину, спасшую ему жизнь, но так и не нашёл.

Вот так мой отец попал в партизаны. За время пребывания с 22 июня 1943 года в партизанском

Отец (справа) на излечении в госпитале

отряде отец участвовал в боях с противником, в его характеристике указано, что отец принимал участие в засаде на Шляху Кувечино – Голошено, где им было 15 немцев убито, 5 ранено, а также был в засаде у города Шклов, где 12 убито, 7 ранено, в засаде по Шляху Денисовичи, где 10 убито, 7 ранено, 1 полицай взят в плен. Участвовал мой отец и в «рельсовой» войне с 1943 по 1944 годы, где проявил себя смелым и решительным командиром отряда № 20.

Вернулся домой 17 августа 1944 года контуженным, в одном из боёв ему оторвало кисть левой руки. Медаль “За победу над Германией” отцу вручили в 1946 году. Победу со слезами на глазах встретил уже дома, потом награждался юбилейными медалями 20, 30, 50 лет Победы.

Жизнь продолжалась и после войны.

Приспособившись, одной рукой косил траву, рубил дрова, городил огород, рубил баню, сарайки, работал мельником, лесобьездчиком, но эхо войны отец еще долго ощущал на себе, часто соскакивая по ночам и крича «Вперёд!», бежал, не зная куда. В разговоре о войне отец был скуп, видно, трудно и больно было вспоминать солдату те страшные годы войны.

Умер мой отец в 1979 году 6 февраля, земля ему пухом.

Мама родилась в 1912 году в д. Черноярка Мишкинского района, в 15 лет осталась без матери, с отцом и меньшими сестрами 2,5 года и 1,5 года. Хлебнула, как говорят, лиха сполна, детства почти и не видела. В 1934 году пошла, учиться в ФЗО, училась водить трактор. С первых дней войны мама села за рычаги. Работа на пашне шла беспрерывно.

Трудно женщинам было справляться с железным колёсником, заводился он очень и очень тяжело; со слезами, с кем-нибудь вдвоём приходилось дёргать эту верёвку не по одному разу. Пахали, сеяли, растили хлеб. Всё для фронта, всё для Победы!

Осенью, когда был убран хлеб, трактора угоняли на ремонт, в Кирово была МТС. В холодные, долгие зимы колёсники готовили к весне, к ново-

Два брата: Иван и Порфирий

му севу. Искали запчасти. Трактор работал на керосине, и в сильные морозы много раз, бывало, мама обмораживала руки от холодного, колючего керосина. Но сильные и отважные они не падали духом и во время работы пели горькие частушки о войне, своих любимых:

*Голубую ленточку
Не буду мять, вывязывать.
Пошлю к боле на войну
Раны перевязывать.*

*Кабы я была касаточкой
Слетала б на войну,
Поглядела бы на болечку,
Убитого в плену.*

И так работала на тракторе до конца войны, до долгожданного дня Победы! Моя мама и после войны работала на тракторах и комбайнах, была награждена медалью «За освоение целенных и залежных земель» и юбилейными медалями.

Так вели сражение за отчий дом, страну родную мои родители: отец на поле брани, мать – в тылу.

Умерла моя мама в 2010 году 11 декабря, ей было 98 лет, и 11 лет она жила совершенно слепа.

***Нет! Ничто не забыто и никто не забыт!
Память белою птицею
над Россией кружит!***

Дорогие фронтовики! Вы выстояли, Вы победили, потеряв много однополчан, дорогих, близких сердцу людей. На разных полях сражений Вы стояли, чтобы никогда не пылало пламя военных пожаров на нашей земле. Мы помним Вас всех

– и живых, и тех, кого нет с нами. И пусть поколения знают эту взятую с боем суровую правду солдат!

Низкий поклон Вам, ветераны, участники Великой Отечественной войны, труженики тыла, за Ваше мужество, за Вашу несгибаемую волю к Победе, за мир, добытый в тяжелых боях для всего человечества, а значит, и для каждого из нас.

И праздник Победы для нас – это, прежде всего праздник мира!

Теплых дней Вам, дорогие участники Великой Отечественной войны, чистого безоблачного неба, пусть в душе у Вас живёт покой, пусть тень годов не отразится болью. Здоровья Вам и долголетия!

Весной прилетят милые, добрые ласточки, с глазками бусинками, совьют себе уютное гнездышко, возле дома у крыльца вырастут большие «глазастые» ромашки, и потечёт жизнь вперёд, набирая ускоренно обороты...

МАНАКОВА
Ольга Павловна

ПИСЬМА С ФРОНТА

Военные письма... Это, прежде всего, ниточка, связывающая тех, кто ушел защищать свое Отечество, с теми, кто, оставшись дома, тоже помогал ковать Победу, и с теми, кто только-только вступал в жизнь. В нашей семье по-прежнему бережно хранятся старенькие пожелтевшие листочки, в которых отец, Павел Сергеевич Максимов, рассказывал о своих военных дорогах...

Воевать ему довелось в самом пекле: Сталинград, Курско-Орловская дуга... О своих военных дорогах отец хотел написать книгу. «Материала много, – говорил он, – но не могу писать... тяжело, останавливается сердце».

Незадолго до смерти он попросил у мамы портфель, в котором хранились его военные письма, перечитал их и сказал: «Написано, конечно же, не все: память хранит намного больше. А письма эти храни. Пусть дети и внуки читают». Привожу отдельные отрывки из этих его фронтовых писем маме, мне, брату.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

7.06.42 г.

«Здравствуй, Клава! Получил от тебя письмо. Так Оля стала забывать папку? (Мне шел пятый год. – Авт.). Но это в порядке вещей. Дети должны быть беззаботными. Пусть она играет, веселится, растет. Я очень рад, что есть жена, которая не должна меня чуждаться, если я вернусь инвалидом или больным. Я – солдат Отечественной войны. Мне выпало самое тяжелое. Но за семью, за жену, детей я буду сражаться с врагом... Сегодня у нас день

Родилась в 1937 году. Окончила Курганский педагогический институт и 49 лет проработала преподавателем истории, русского языка и литературы в городе Щучье.

без боя. Дали отдохнуть. На озере я постирал брюки, гимнастерку, 2 пары портянок, носовые платки. Все высушил. К обеду был чистенький. Красивый.

После обеда написал письмо Яровскому Аркадию Васильевичу, и вот сейчас пишу тебе».

ПИСЬМО ВТОРОЕ

11.01.43 г.

Письмо из г. Чкалов, военная часть 7031. Отец пишет из госпиталя, куда попал после тяжелого ранения...

«Несколько слов о моем здоровье. Я уже хожу, но при ходьбе у меня колет в груди. Осколок все время дает о себе знать. Контузия прошла. Я уже могу читать. И уже к сегодняшнему дню прочитал порядочно книг... Мне хочется знать, как вы там живете. Не знаю, как будет

дело у меня обстоять в будущем: или я поеду опять на передовую, или мне дадут отпуск, тогда я приеду домой...»

По ранению отца на несколько дней отпустили домой. Я хорошо помню, как бегом бежала ему навстречу, подбежала, уткнулась в колени отца – и убежала в соседний дом к такой же маленькой подружке.

До позднего вечера в наш дом приходили соседи. А вот как он снова из дома уехал, я не помню.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

4.02.44 г.

«Здравствуйте, родные! Сообщаю о том, что вечером 31 января мне вручили орден «Красная Звезда». Я был награжден 28.10.43. И вот сейчас у меня уже на груди орден. На днях также получу медаль...

...От Оли и Васи получил письма. Благодарю их. Пусть еще пишут...»

А письма от меня и младшего моего брата папке писала за нас мама: она клала наши маленькие ручонки на листок бумаги и обводила пальчики карандашом. Вот это и была ему наша весточка...

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

11.02.44 г.

«Здравствуй, милая Клавочка! Получил твое письмо, где ты говоришь о моих бывших учениках, которые стали Героями Советского Союза. Что ж! Я могу только этим гордиться... Я за 2 года нахождения в армии стал офицером и орденосцем. Я ведь тоже имею правительственную награду. Участник многих жестоких боев, честно служу Родине. До конца, до последней капли крови буду сражаться за свою любимую Родину, которая меня вырастила. А если останусь жив, то ею буду, любим, как и другие участники Великой Отечественной войны... Твой Павел».

Со своими боевыми друзьями в 1985 году отец встречался в Волгограде, а в 1986 году его не стало. Но память о нем, защитнике Отечества,

осталась в его военных письмах.

На фронт отец ушел из школы, где работал директором. После окончания войны снова всю свою трудовую жизнь работал директором шко-

лы в Шадринском, Куртамышском районах, немало в школе г. Кургана, а в последние годы жизни – директором школы села Крутая Горка Шумихинского района.

“СТАРАЮСЬ БЫТЬ НА ВАС ПОХОЖИМ”

Хочу рассказать об участнике Великой Отечественной войны, бывшем директоре школы № 1 г. Щучья Александре Алексеевиче Вотинове. Его жена Нина Петровна дала мне одну из последних военных фотографий мужа, сказав: «Очень буду рада, если в «Новом мире» напечатают ее. Может, кто-то узнает, вспомнит добрым словом...»

Директором школы Александр Алексеевич работал с 1972 по 1977 годы. Это был интеллигентный, честный, требовательный к себе и подчиненным человек. Любил детей. Он вел уроки истории в старших классах. Однажды совершенно случайно я попала к нему на урок. Темой урока была Великая Отечественная война. Александр Алексеевич сначала сделал опрос домашнего задания, потом объяснил новый материал и неожиданно стал рассказывать о себе. Как служил в штурмовом авиационном полку на Карельском фронте, как участвовал в боевой операции по освобождению Петрозаводска. Говорил о том, как ценились на фронте смекалка, выручка, дружба. В качестве примера привел дружбу с норвежцами. «Я часто вспоминаю норвежских военных друзей, мечтаю когда-нибудь с ними встретиться», – такими словами он завершил урок. Эти слова мне показались очень знакомыми, где-то я их уже слышала. И вдруг вспомнила! Почти такую же фразу я читала в книге Павла Кочегина «Под хмурым небом». Там тоже шла речь о военных друзьях из далекой Норвегии. Тут же сказала об этом Александру Алексеевичу, на что он скромно ответил: «Да, действительно, я воевал в тех же краях, что и Павел Захарович Кочегин из Куртамышса, мой земляк».

Предполагаю, что именно уроки Александра Алексеевича повлияли на выбор профессии одного из его учеников – Андрея Ведерникова: он поступил в Пермское авиационное училище. После окончания училища Андрею, как и его настав-

Снимок из семейного альбома:
А. А. Вотинов, Карельский фронт, 1944 год.

нику, к сожалению, тоже пришлось воевать, но только в Афганистане.

В письмах ко мне (я у Андрея была классным руководителем) Андрей всегда просил передать «большой привет Александру Алексеевичу» и «спасибо за все». На одном из вечеров-встреч с выпускниками Андрей откровенно признался, что только благодаря директору школы он стал летчиком. Приезжая домой в отпуск, Андрей всегда в первую очередь спрашивал про Александра Алексеевича. Узнав о его смерти, пошел вместе со мной на кладбище, положил на могилу учителя букет полевых цветов и сказал: «Я так старуюсь быть на Вас похожим».

Подражать учителю было в чем. Александру Алексеевичу было за пятьдесят, а энергией он обладал завидной. Пел вместе с учителями в хоре, участвовал в смотрах художественной самодея-

тельности, выступал с лекциями на международные темы, проводил уроки мира, являлся членом президиума областного совета ветеранов Карельского фронта, членом районного совета ветеранов... Никогда не чурался никакой работы, даже самой тяжелой.

Вспоминаю одно холодное зимнее утро. Спешу в школу, а навстречу в рабочей фуфайке – Александр Алексеевич с женой. На мой удивленный вопрос, что случилось, директор спокойно, несколько устало ответил: «Не смог выйти кочегар на смену, так вот мы с Ниной Петровной (*работала учительницей начальных классов. – авт.*) поработали немного. У меня не первые уроки, так что успею...»

Таким был этот человек. А фотографию с фронта в семье Воиновых хранят как реликвию.

ОСТАЛСЯ СОЛДАТОМ!

Свой рассказ об Антонове Михаиле Родионовиче мне хочется начать с отзыва о нем педагога Анны Терентьевны Макаровой: «Михаила Родионовича знаю давно. Скажу кратко: честный, трудолюбивый, порядочный и очень простой человек, неравнодушный ко всему, что происходит, до старости остался солдатом!»

Себя Михаил Родионович считает еще и человеком счастливым: «Самое моё большое счастье и радость теперь – это мои три внучки, правнучка и правнук. Вы бы только знали, как я их люблю! Общение с ними для меня – праздник, а еще, самый большой праздник – День Победы! Я ведь дорогами войны прошел и проехал не сосчитать, сколько километров! Забрали меня, 17-летнего парнишку, на фронт в 1943 году. Первые солдатские письма-треугольнички осенью отправлял домой, в Челябинскую область, а с февраля стал подписывать в Курганскую. На войне и узнал, что село Даньково, где начал учиться в начальной школе, стало относиться к области Курганской, живу в городе Щучье по сей день».

Первое боевое крещение 17-летний паренек получил на границе с Польшей, затем участвовал в боях за освобождение Варшавы, форсировал Вислу. В одном из боев в феврале 1945 года был ранен в спину и ногу. После лечения в госпитале снова вернулся в армию, попал в войска связистов в Германию, в портовый город Росток. Но воевать уже не пришлось: война закончилась. Радовался молодой солдат, что вернется домой, закончит учебу, выберет профессию. Но вернуться в родные края смог только через шесть лет. Сначала в Росток вез военную технику, а затем четыре года службы на Дальнем Востоке в 42-м топографическом отряде, который проводил работу над составлением карт местности, работать пришлось на Камчатке. И только в 1951 году, вернувшись теперь уже в Курганскую область, женился, переехал в город Щучье. Восемь лет проработал водителем «ЗИСа-5» в ОРСе, затем пятнадцать лет работы в автохозяйстве, пятнадцать лет – шофером машины «скорой помощи». Все знаем, какая хлопотливая, ответственная

работа водителя. «Помогали справляться с работой водителя опыт и знания, полученные во время вождения военной техники в Германии», – подвел итог трудовой деятельности Михаил Родионович. Наград, почетных грамот у него много. Самый дорогой для него – орден Отечественной войны II степени с надписью в документе к нему: «За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Эти награды – семейная реликвия. А еще семейной реликвией Михаил Родионович считает книгу П. И. Батова «В походах и боях» и альманах «Родина».

«В книге «В походах и боях» рассказывается о командирах, солдатах, городах и селах моих фронтовых дорог, которых я никогда не забываю! Несколько раз перечитал альманах «Родина», на его страницах рассказывается о Великой Отечественной войне, его мне подарил глава нашего района П. И. Чикишев. За этот подарок я ему благодарен, желаю ему успехов в его такой ответственной работе. Так хочется, чтобы наш район стал лучше, чтобы в газете «Звезда», которую я читаю много-много лет, как можно больше писалось об успехах щучанских предприятий и совсем не было строчек о повышении цен на бензин, молоко, электроэнергию... Хочется, чтобы были здо-

В гостях у Михаила Родионовича Антонова

ровы моя жена Лидия Егоровна и все родные, чтобы молодым парням никогда не пришлось воевать. Ну, а я, насколько еще хватит сил, буду трудиться по дому, на огороде, постараюсь еще много раз отпраздновать День Победы», – так закончил наш разговор Михаил Родионович, до старости оставшийся солдатом.

“Я ВСЕ ЕЩЕ ЖИВУ ВОЙНОЙ...”

Молодцеватый, с выразительными, добрыми голубыми глазами, Василий Кузьмич Седанов при встрече всегда старается сказать что-то приятное, интересное для человека. Часто, идя на работу или возвращаясь, я в любое время года вижу его проезжающим на велосипеде. И вот однажды на моё замечание: “Василий Кузьмич, зимой ведь опасно и холодно ездить на велосипеде”, – он, улыбнувшись, ответил: “Что делать, дочка живёт на другом конце города, на “маршрутки” и автобусы надеяться нельзя – вот велосипед и вы-

ручает... Да и для здоровья хорошо! Есть у меня своя пословица: каждый сам себя в жизни посвоему спасает, и каждый сам себя в жизни посвоему уничтожает, особенно в молодые годы. Я ведь ещё с удовольствием на лыжах катаюсь, а в МВД, где я проработал более 20 лет, дали мне однажды путёвку в санаторий, так вот там нырялся, наплавался в бассейне. Не только на велосипеде и лыжах кататься, но и плавать очень люблю! А вот курить и пить – нет! Да ещё каждое утро зарядку делаю: шестнадцать армейских

упражнений. В общем, в санатории, – продолжил разговор Василий Кузьмич, – отдохнул хорошо!

Я попросила Василия Кузьмича рассказать о его военных годах, о самой любимой семейной реликвии того времени. И вот что я услышала:

– 1941 год. Жили мы в Копейске, закончил я шесть классов. 21 июня с мамой приехали к родственникам в поселок Лебедевку Щучанского района тогда ещё Челябинской области. 22-го с двоюродными братьями ходили в лес, когда вернулись, увидели очень расстроенных дядю с мамой. Они-то нам и сообщили, что началась война. Бросились в Копейск, отец ещё был дома, а вот в августе ушел на фронт. Фронтowymi дорогами дошел до Эльбы...

В октябре 1943 я прошел военную комиссию и получил повестку в военкомат. От родных из Лебедевки узнал, что в это же время получили повестки мои закадычные друзья-одногодки: Паша Курбатов, Миша Лебедев, Сережа Мухортов, Коля Ефимов...

Смахнув слезу, немного помолчав, Василий Кузьмич продолжил:

– Не встретились мы с ними после Победы: все погибли, остался жив я один. На всю жизнь запомнились мне печальные глаза их матерей. Не так давно председатель секции ветеранов Великой Отечественной войны Виктор Федорович Киселев помог мне разыскать, где они погибли и похоронены, только вот о Паше Курбатове узнал, что он пропал без вести...

Мои фронтовые дороги... Прошел я их вместе с боевой зенитной машиной «МК-17», которую получил в июле 1944-го. Да вот она, на самой дорогой для меня фотографии.

Василий Кузьмич подал мне фотографию, теперь уже семейную реликвию с надписью на обратной стороне: “Память с фронта мамаше и братцу Дияну К. от сына Василия К. Фотогр. в Румынии со своим экипажем и начальством нашей роты...15.12.44”.

С почерневшей от времени фотографии глядели на меня молодой Василий Кузьмич, в то вре-

мя командир машины и помощник командира взвода, и его друзья.

– С этой машиной я прошел тяжелыми дорогами войны. С неё мы с боевыми товарищами сбили два самолета противника. А сколько всего было фашистских самолетов нами подбито – не считали. Пришлось воевать в Румынии, Венгрии, Югославии, Австрии. Война для меня закончилась в Австрии, под городом Штремберг на Дунае. Здесь в 3 часа дня 8 мая встретились с американскими союзниками; встреча была очень теплой, радовались союзники и мы – Победа! Возвращение в родные края! Но не сразу. В августе меня назначили старшиной зенитно-пулемётной роты, которая продолжала нести службу в Австрии до июня 1946 года. Затем перебазировали нас в город Гайсин Винницкой области, а оттуда передислоцировали нашу часть в город Владимир-Волынский Луцкой области. Здесь отслужил с 1947 по 1950-й годы. И только 2 октября 1950 года вернулся домой.

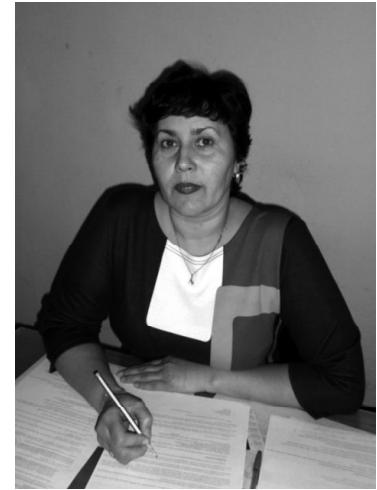
До сих пор ни на день не забываю своих фронтовых друзей, свою боевую «МК-17» и длинные фронтовые дороги, о которых очень точно написал волгоградский поэт Александр Максаев. Медленно, тихо Василий Кузьмич прочёл:

***Я всё ещё живу войной,
Казнимый памятью жестоко,
Глаза закрою – предо мной
Дымит разбитая дорога.
Идут в пике за цепью цепь
Бомбардировщики угрюмо,
И жутко вспыхивает степь,
Дрожь от грохота и шума...***

Памятью о боевых дорогах моего собеседника являются и награды: Орден Славы III степени, медали за взятие Будапешта, Вены, за Победу над Германией. Как он, улыбнувшись, заметил: «Для всех наград на груди места не хватает, но всё-таки самая дорогая награда – Победа!»

МАЛОЗЁМОВЫ
Любовь Петровна
и Екатерина
Анатолевна

**ЛЮДИ, ПОКУДА СЕРДЦА СТУЧАТСЯ, –
ПОМНИТЕ, КАКОЙ ЦЕНОЙ ЗАВОЕВАНО СЧАСТЬЕ!**

С каждым годом мы становимся всё дальше и дальше от страшных военных лет. 70-летие Победы в Великой Отечественной войне – важная дата в истории нашей страны. Уходят из жизни убеждённые сединами победители фашизма и ветераны тыла. Своим примером они показали, что Великий народ Великой Державы достоин Великой Победы.

Очень обидно, что находятся и такие деятели, которые не прочь переписать историю на новый лад. «Забыть», «замолчать», фальсифицировать исторические факты. Для того, чтобы не допустить таких перекосов, молодое поколение граждан России, которым ещё только предстоит стать достойными людьми, должно хорошо знать историю своей страны, особенно такую важную страницу, как вторая мировая война. Увековечивание памяти советских солдат, живое общение со свидетелями тех исторических событий необходимы для воспитания молодёжи. Считаем, что наша задача рассказывать подросткам о простых людях, которые по воле судьбы стали героями,

отдав свои молодые жизни ради мирного будущего.

Именно поэтому мы с учениками школы № 1 отправляемся в гости к уникальному человеку, нашему земляку – Петру Александровичу Шалягину. В чём же его уникальность? – спросите вы. Отвечаю: Пётр Александрович – ветеран войны. Воевал на Волховском, Ленинградском, Псковском фронтах, ещё в Карелии и в Прибалтике. Он – единственный в районе участник четырех парадов на Красной Площади. Награждён медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», имеет орден Отечественной войны 1-й степени. Не сомневайтесь, у него ещё масса достоинств, всех и не перечислишь.

Пётр Александрович встретил нас бодрым приветствием:

– Милости прошу, проходите, гости дорогие. Садитесь за стол, сейчас чай пить будем.

Но девчонкам было не до чая, потому что их внимание привлёк парадный пиджак ветерана.

Малозёмова Любовь Петровна, 40 лет, руководитель музея в муниципальном казенном учреждении «Катайская общеобразовательная школа № 1».

Малозёмова Екатерина Анатольевна, 18 лет, спецкласс (биология, химия) той же школы.

Да и не удивительно – на одной половине благородно сверкают боевые ордена, на другой половине при каждом движении звонко бряцают многочисленные медали.

– А как эта медаль называется?

– А за что Вам её дали?

– Мы такой орден видели только в учебнике истории.

– А почему эта медаль какая-то тёмная, а другие – золотые?

Девчонки-тараторки буквально засыпали Петра Александровича вопросами.

Видно, что ветерану приятно внимание молодёжи, он улыбаясь говорит:

– Если вам действительно интересно, садитесь и слушайте, я всё расскажу по порядку.

Решение комиссии: годен!

Родом я из Далматовского района деревни Крестовка. Как все ходил в школу, любил заниматься спортом, особенно ходить на лыжах. На соревнованиях всегда занимал только призовые места. Примерно через год после начала войны, а именно 12 августа 1942 года на призывной пункт города Далматово привезли около 100 юношей. Разместили нас в Доме обороны. В первую очередь выбрали лучших 40 человек, в том числе и меня. Живого веса во мне было 49 килограммов, можете представить какие парни пошли во вторую и третью очередь? 15 августа на поезде мы прибыли в областной город Челябинск, там, в деревянном здании старого цирка разместили 300 новобранцев. Больше месяца нас обучали военным премудростям. Выдали муляжи винтовок и каждый день гоняли на учебный полигон, находящийся в 8 километрах от города. На полигоне набегаешься, да ещё обратно 8 километров идти, конечно, очень уставали. Если бы в школе не занимался спортом, туго бы мне пришлось.

Обедать приходилось под навесом во дворе, на наскоро сколоченных, не струганных длинных столах. По окончанию обучения нам выдали тёп-

лую одежду – телогрейки и сапоги, и отправили на товарняке в Ирбит. Город встретил молодых солдат осенней распутицей. Грязь на дорогах была такая, что пройти по ней было очень затруднительно. Выбирали специальные дороги выложенные вертикально стоящими деревянными чурками. Меня с другом – земляком Шавриным определили в запасной кавалерийский полк. В боевой расчет заступало 7 солдат. Погода была промозгло-сырая, холодная, поэтому вопросу обеспечения питанием наш командир уделял большое внимание. Суп, кашу, чай готовили на кострах. На каждый приём пищи выдавали один ломоть белого хлеба и 25 грамм сливочного масла.

Затем нас перебросили на железнодорожную станцию Мга, что под Ленинградом. Через некоторое время, на пароходе доставили на распределительный пункт. Там сводили в баню, одели во всё новое – тёплый полушубок и валенки-самокатки, а так же выдали сухой паёк. Нам предстояло защищать Ленинград.

По Ленинграду смерть метёт

В блокадном Ленинграде я впервые увидел, что такое голодная смерть. Даже по прошествии стольких лет нет-нет да и всплывают в памяти леденящие кровь эпизоды. По заснеженной улице еле бредёт уставший человек, потом как бы спотыкается и падает, и уж больше не поднимается. Всё, умер от голода. Нас, конечно, тоже кормили не досыта, но умирать не давали.

В конце 1943 года нам поступил приказ – выдвигаться на Ораниенбаумовский пятачок.

Тяготы, выпавшие на долю жителей Ораниенбаума, оказавшегося в двойном кольце блокады, были ещё тяжелей и страшней, чем в Ленинграде. На протяжении 29 месяцев Ораниенбаум был отрезан от Большой земли, когда в Ленинграде норма хлеба была 125 граммов, в Ораниенбауме она составляла 100 граммов. В некоторые дни на город падало до 700 вражеских бомб. На маленьком пятачке земли – на море, на суше и в воздухе

шли ожесточённые бои. За эти месяцы и годы население города уменьшилось в 15 раз. Но именно Ораниенбаум стал тем плацдармом, с которого начался разгром фашистских войск под Ленинградом, прорыв и полное снятие блокады.

Ораниенбаум с Ленинградом связан проложенной вдоль берега Финского залива железной дорогой, её протяжённость 40 км. Окружая Ленинград, фашистские войска вышли к этой дороге и 16 сентября 1941 года заняли Стрельну, 23 сентября – Петергоф. 26 сентября нацелились на Ораниенбаум, однако здесь они и засели до января 1944 года. Хорошо помню, что одно из наступлений планировалось приурочить к Дню Великой Октябрьской революции, но не получилось. Из-за частых дождей дороги настолько размыло, что колёса орудий вязли в засасывающей жидкой грязи. Приходилось пилить лес и укладывать его на сланцевые дороги, а уже потом перекачивать орудия. Затем всё-таки немного подморозило и 13 января 1944 года мы наконец пошли в наступление.

Наш пятачок представлял постоянную угрозу левому флангу 18-й немецкой армии, защитники Ораниенбаумского плацдарма прикрывали подступы к Кронштадту, а в январе 1944 года плацдарм послужил трамплином, с которого начался разгром фашистских войск под Ленинградом. Оборона Ораниенбаумского плацдарма длилась 29 месяцев и закончилась 27 января 1944 года, в день полного прорыва вражеской блокады Ленинграда.

Биться насмерть! Ни шагу назад!

Разгром в январе 1944 года немецко-фашистских войск под Ленинградом и дальнейшее продвижение частей Красной Армии на юго-запад, вывело их непосредственно к границам Эстонии. С востока территория республики прикрывалась обширными водными пространствами Чудского и Псковского озёр, оставляя небольшие сухопутные «ворота» через заболоченный Нарвский перешеек.

12 февраля 1944 года наши подразделения 90-й стрелковой дивизии полковника Н. Г. Ляшенко из 42-й армии форсировали пролив по льду и заняли остров Пийрисаар, находящийся у эстонского берега. 14 февраля нашу 90-ю дивизию на острове сменила 128-я стрелковая дивизия. Одновременно части 128-й дивизии вышли на западный берег озера. Открывалась реальная возможность для вступления советских войск в Эстонию или, по меньшей мере, создания плацдарма, имеющего оперативное значение.

Наша дивизия ушла на пополнение, а орудие и 7 человек, которыми я командовал, направили по Псков.

Не доходя 8 километров до линии фронта, у машин закончилось топливо, пришлось временно запрягать лошадей, чтобы везли орудия, пока не подвезли бензин. Этой же ночью немцы высадили десант. Завязался жестокий бой. Было очень много убитых и раненых. Из-за больших потерь наши войска были вынуждены отступить на 4 километра назад.

В конце февраля мы разбили немецкие укрепленные сооружения у небольшой деревеньки (к сожалению, не запомнил её названия). В том местечке стояла небольшая ветряная мельница, которую удерживали штрафники. Ближе к ночи нам подтянули подкрепление, а чуть позже начался обстрел. Мы бились из последних сил, но и немцы не собирались сдаваться. Противник, хотя и принял меры к укреплению обороны эстонского побережья озер, к столь быстрому продвижению советских войск оказался не готов. В ночь со 2 на 3 марта эту местность бомбила воздушная группа из 54 немецких самолётов. Из нескольких населённых пунктов, стоявших рядом, чудом сохранился один дом, остальные превратились в руины. В этом бою погиб мой друг и земляк Шаврин, а меня ранило осколком в ноги. Всё произошло очень быстро, адская боль пронзила тело, я только успел подумать, что останусь без ног, заплакал и потерял сознание.

Подумал, что останусь без ног

Уже потом мне рассказали, как санитарочка дотащила меня до медсанбата, находящегося в палатке. Там очнулся, ощутив сильную жажду, попросил другого раненого принести воды. Немного выпил и снова отключился. Пришёл в себя только через трое суток. Помню, как медсестра грела молоко на буржуйке и поила меня с маленькой ложечки. Много крови потерял, поэтому долго подняться и не мог. Затем меня отправили в госпиталь в Ленинград, успешно сделали операцию и извлекли осколок бомбы. Больше 2 месяцев лежал, забинтованный в шинах. Врач не велел вставать, а мне до того надоело лежать, что хотелось побыстрее подняться и начать ходить. Сосед по палате где-то раздобыл костыли, помог мне встать с кровати. Только я хотел сделать первый шаг, как вдруг голова закружилась, в глазах потемнело, я упал и почти зажившие швы разошлись. Сказать, что доктор меня отчитал, значит ни чего не сказать, костыли от греха

подальше велел убрать. Из-за этого досадного происшествия моё пребывание в госпитале несколько затянулось. Больше рисковать я не хотел, и исправно выполнял все рекомендации доктора.

После выписки из госпиталя, попал в Карелию, был в Финляндии, в Маренгейме, затем нас перебросили в Выборг. 9 мая 1945 года вечернюю тишину порвал голос знаменитого диктора Левитана: «Внимание! Говорит Москва...». Тогда мы и узнали о подписании в Берлине пакта о капитуляции немецких войск. Не сразу, но поняли, что долгая и кровопролитная война наконец-то закончена.

Миллионы людей затаили дыхание. Чувством, объединившим всех в этот миг, была безмерная радость. Над нашей страной занимался один из самых счастливых дней – День Победы, день великого всенародного торжества. Вечером этого же дня Москва салютовала героям 1000 залпов из 1000 орудий. В этот день народы всех стран благодарили советский народ и его армию за избавление от гитлеровского рабства, за независимость и свободу, которую им подарили советские солдаты.

Потом ещё удалось побывать в Прибалтике. Друг мой из Омска и командир в отпуск ушли, я тоже ждал своей очереди. Да не пришлось. Сняли с меня мерку – один метр семьдесят четыре сантиметра – и отправили во 2-ю гвардейскую Таманскую дивизию в Москву. Там готовились к параду, учились правильно маршировать: 120 шагов в минуту. Отшагаем положенное, в казарму придём, винтовки в «пирамиду» и... свободный человек.

У меня брат служил в Раменском (ныне город Жуковский) киномехаником в войсках НКВД. То я к нему, то он ко мне на электричке добирались. Не пожалел я, что в отпуск не попал. Там участвовал в парадах на Красной площади (1946 год), стоял в почётных караулах, в том числе на похоронах М. И. Калинина, всё правительство посмотрел, Москву узнал.

Любимая, родная, единственная

Пётр Александрович рано лишился родителей, из самых близких людей осталась только старшая сестра, проживающая в городе Далматово. Именно с ней делился в письмах с фронта самым сокровенным. В то же самое время у сестры квартировалась скромная и работающая девушка Валя. Сестра в своих посланиях как бы ненароком упоминала о Вале, передавала от её имени приветы. А вскоре Пётр сам насмелился и написал девушке письмо. Таким образом возникла симпатия и взаимные чувства, да, видать, сильные. Потому как не поддался на уговоры остаться для дальнейшего проживания в Пскове, категорически отверг попытку знакомства с местной девушкой. За несколько лет, проведённых вдали

от дома, соскучился по родным, по земле, по крестьянскому труду. Демобилизовался 28 февраля 1947 года.

«Холода тогда стояли в Зауралье лютые, – смеясь, вспоминает Пётр Александрович, – да и одёжка на мне была не ахти какая. Вот и обморозил ухо, когда проходил мимо Далматовского стадиона». Увидел молодой фронтовик красавицу Валюшу, да и решил дело в долгий ящик не откладывать. Уже 3 марта сыграли скромную свадьбу. Так и стали жить-поживать да добра потихоньку наживать. А через год 8 марта дом молодых супругов огласил детский крик. Так возвестила миру о своём появлении на свет крошечная дочурка.

Пётр Александрович и Валентина Степановна до свадьбы были знакомы только по переписке, а прожили в счастливом браке целых 66 лет! Вот пример для нынешней молодёжи.

По приглашению военкомата неоднократно ездили в Ленинград. На автобусных экскурсиях исколесили весь город. Посетили много памятных мест, были на Пискаревском кладбище, в госпитале, сейчас там расположен медицинский архив.

Программа-минимум –
встретить 70-летие Победы

Когда закончилась война, Советский Союз представлял собой победоносную, но полностью разрушенную страну. Победа над фашизмом досталась СССР дорогой ценой. Только ударным трудом можно было поднять из руин разрушенные города и заводы. Разрушено было так много, что процесс восстановления мог занять многие годы. С 1948 года, в непростое время перехода от войны к миру, Пётр Александрович работает на руководящей должности в автотранспортном предприятии города Далматово. В 1974 году по приглашению Геннадия Романовича Балабанова приезжает в Катайск. Работает в должности начальника эксплуатации. В АТП тогда собралась крепкая команда единомышленников, сплочённый коллектив профессионалов, людей искренне переживавших за общее дело. Занимались благоустройством старой территории АТП, асфальтировали, улучшали базу, строили контору, воздухоподогрев. Только в 1984 году Пётр Александрович вышел на заслуженный отдых.

К сожалению не так давно не стало Валентины Степановны. Несмотря на солидный возраст Пётр Александрович старается держаться молодцом, установил сам для себя норму и выполняет её – каждый день, в любую погоду проходит пешком 4 километра.

«Программа-минимум, – бойко рапортует он, – отметить 90-летний юбилей и встретить 70-летие Великой Победы».

– А программа-максимум? – спрашиваю я.

– А это уж как Бог велит, – хитро улыбаясь, – отвечает ветеран.

Память нужна – не мертвым!

Память нужна – живым!

Все дальше уходит от нас 9 мая 1945 года, но мы должны помнить, какой ценой досталась нам победа. Война так или иначе коснулась каждой семьи нашей страны, и сохранение истинной памяти об участниках этих страшных событий – долг и дело чести любого гражданина России.

Погибших не вернуть, тех ветеранов, что уже ушли от нас – тоже не вернуть. Но до сих пор, среди ныне живущих, сама суть праздника Дня Победы пробуждает глубинные чувства, затрагивающие само естество человека. Память о войне должна навсегда остаться в человеческих сердцах, а их подвиг в памяти потомков.

МАЛЬШЕВА
Галина Александровна

МЕЧТАЮ, ЧТОБ МИР БЫЛ С ВОЙНОЙ НЕЗНАКОМ...

Труженице тыла, вдове ветерана Великой Отечественной войны Ленковой Капитолине Степановне из нашего села – 95 лет!

Она вспоминает: “Родилась я 19 ноября 1919 года в д. Боровая в семье крестьянина. Отец умер в 1924 году. Нас осталось шестеро детей: 5 мальчиков и я, самая младшая. Пока была маленькая, меня везде возили с собой: на пашню, на покос. Когда исполнилось лет 6-7, уже оставляли дома. Я убирала со стола, мыла посуду, подметала пол, носила воду.

Я играла с мальчиками, которые жили рядом с нами, Петей и Васей. Ходили с ними по покотине искали птичьи гнезда. Но не зорили. Если найдем мертвую птичку, захороним и цветы положим. Ходили за ягодами. Вот однажды мы пошли за деревню, нарвали цветов. Я пошла домой поста-

вить цветы в банку с водой и еще покушать. Когда я вышла из дома, ребята рассказали мне, что утонул Петя. Я сообщила родственникам. Собрался народ, Петю достали, но уже поздно. Он умер. А потом приезжал следователь. И вот после всех этих дел повела меня мама на реку. Там одна женщина надела шубу вверх мехом. Мама мне её показала и сказала: «Это барагай. Он утащил Петю в реку». С тех пор на реку ходить не стала.

Началась сплошная коллективизация. Стали приезжать начальство из района. Стали собирать сходки. Агитировать народ записываться в коммуну. Деревня наша разделилась на две. Один конец позажиточнее. Они образовали коллектив. Второй – бедные, записались в коммуну. Это было 24 марта 1929 года. Начали собирать скот в общее стадо. К посевной открыли столовую и пекарню.

Родилась в 1956 году в д. Малышева Каргапольского района, работает в сельской библиотеке. Основное направление работы – краеведение. В 2005 году создала комнату-музей “Из сокровенной памяти”.

Рабочий народ стали ходить в столовую, а остальные получали печеный хлеб. Это была моя работа – ходить за хлебом. Давали муки домой. Моя мама работала поваром. Их работало 5 человек. Они спали там и я с ними. В столовую ходили все, кто желал от стара до мала, а я считала бирки, по которым получали обеды. К осени открыли школу из 2-х классов, в кулацком доме. 3-4 классы уже ходили в Шайтанку. Зимой было общежитие, жили там.

Однажды пошли домой за хлебом две Жени и я. Был сильный мороз. Ветер дул северный, дорогу перемело. Шли бездорожьем. Едва дошли до деревни, зашли в первый дом. Хозяйка дома Пелагея Борисовна обогрела. Я ознобила колени. Принесли снегу, потерли колени, обернули тряпками, и мы пошли домой. На дворе было уже темно. Дома ахнули: «Как ты? С кем ты? Ознобилась?» Заболела. От школы отстала. Больше не пошла.

Председатель коммуны Тимофей Прокопьевич Ленков узнал, что я не хожу в школу, попросил поработать в яслях-садике. Так я стала работать в детском саду. К весне было 20 детей. Заведующая садиком – молодая женщина и нас трое нянечек. Осенью я заболела, ушла с работы. Неделю была дома. Тётка моя – Прасковья Ивановна, пасла овец и позвала меня в помощницы. Год проработала с ней. Потом ещё два. А потом стала проситься на другую работу. Весной нас с подружкой Женей отправили на участок в Калиновку, в молодежную бригаду. Нас в бригаде было 5 девочек, за нами закрепили по паре быков. Боронили. Со мной в паре был мальчик Дороня. Приезжала концертная бригада и про нас, передовиков посевной, сложили частушку:

«Дорофей с Капиталиной

дружно работают,

Ежедневно на быках норму выполняют».

После посевной нас с ним премировали по семь рублей. Это были большие деньги. Помню их всю свою жизнь.

Вот подошло время полоть пшеницу, высекают осот крючком. Поле было кругом в колках, день

был пасмурный, на нас напала мошка. На мне были портянные чулки. Они в дырочки набились, как сядем отдыхать, я чулки спускаю до передков и начинаю царапать ноги. Исцарапала до крови. Домой пришла, чулки снять не могла – ноги опухли. Отмачивали водой. Два дня не ходила на работу.

Настала пора сенокоса. Нас уже повезли на покос вместе со взрослыми. Меня на луга косить. Приехал председатель, сказал бригадир: «Зачем её сюда привезли. Ещё молода». Но бригадир настоял на своем: «Косит хорошо». Началась уборка. Мы начали учиться вязать снопы. И пошла работа разная: куда пошлют, где нужны умелые руки. Зимой, мы с подружкой Шурой Меньшиковой, возили навоз от телят из двора.

Зимой 1939 года послали на курсы пчеловодов. Весной купили пчел – 15 семей, к осени стало – 20 семей. Меду накачали много. Делили по трудодням колхозникам. А омшаника для зимовки пчел не было. Строили осенью. Выпал снег. Пчелы были на улице. Здание все-таки построили. Помещение, где были пчелы, топила каждый день. Это мне надоело. Я стала мечтать уйти замуж в чужую деревню. Согласная бы и за нищего.

Мечты сбылись. Приехал жених из села Брылино. Хороший парень. Это был Чузов Иван Парамонович. Механизатор. Увез он меня 23 февраля 1941 года. Прожили 4 месяца. Разлучила война. 12 июля проводила на фронт. Этот день памятный и жуткий. К девяти часам приехали в военкомат. Пока их построили да перекликались, время подошло к 12 часам. С двенадцати началась отправка. Пошли машина за машиной. Отправляли в тот день двенадцать машин. Было жутко смотреть – сколько было слез. Тут же играла гармошка. К пяти часам уже не было никого. Я переехала снова в родную деревню. Снова пошла работать на участок. Работа была разная: косила, снопы вязала, на коровах зерно возила. Зиму прожила с Ниной Согриной и Нюрой Дресвянкиной на участке. Они уехали пораньше на неделю. Меня послали позднее. Дорогой упала лошадь, и я с ней ночевала. Было недалеко от

Мехонской заимки. Я схожу к ним, погреюсь да опять иду к лошади. Утром пошла на свою заимку. Поехали на лошади да взяли сани. Ту лошадь завалили в сани, приехали домой. Уже было темно. Но лошадь эта не умерла и всю зиму с нами прожила на участке.

Мой муж погиб на войне. Есть память о нем – Книга Памяти. Работала в животноводстве, заведовала. Со мной вместе хорошо работали в годы войны в колхозе:

Ленкова Фёкла Вениаминовна – выполняла мужскую работу;

Ленкова Варвара Андреевна – ферма;

Ленкова Маремьяна Илларионовна – ферма;

Ленкова Наталья Васильевна – вечный повар;

Ленкова Мария Павловна – полевод;

Ленкова Евдокия Тимофеевна – полевод;

Ленкова Василиса Степановна – разнорабочая;

Ленкова Анна Егоровна – гнала смолье;

Рукавишникова Марфа Никифировна – полевые работы;

Рукавишникова Агрипина Васильевна – разнорабочая;

Ленкова Ксения Павловна – тех. рабочая в школе;

Чистякова Арина Егоровна – стряпала хлеб;

Чистякова Наталья Степановна – полевод, Калиновка;

Стадухина Таисья Гордеевна – полевод, Калиновка;

Ленкова Мария Ивановна – стряпала, кормила механизаторов;

Рукавишникова Клавдия Сергеевна – полеводство;

Коробицына Васса Ивановна – ферма;

Ленкова Елизавета Ивановна – работала в колхозе, потом была отправлена на военный завод;

Ленкова Таисья Яковлевна – полевые работы;

Ленкова Павла Александровна – военный завод;

Ленкова Евгения Александровна – военный завод;

Молокова Анна Васильевна – военный завод;

Мальшева Ксения Григорьевна – трактористка;

Ленкова
Капитолина
Степановна

Ленкова Ни-
на Яковлевна –
трактористка;

Шветушкова
Галина Ники-
форовна –
трактористка;

Б р и г а д и р
Ленков Яков
Федорович на-
ладит тракто-
ра, они и па-
шут. Все были
молодые;

Согрина Нина Васильевна – учетчик, разнорабочая;

Рукавишникова Пелагея Васильевна;

Меньщикова Александра Николаевна;

Ленкова Павла Поликарповна – лесозаготовки;

Ленкова Ульяна Александровна.

Вот эти люди, с кем мне пришлось работать в годы войны в колхозе.

А потом была долгожданная ПОБЕДА!!! Сколько было радости. А сколько было слёз.

Первого января 1946 года пришел на побывку из армии парень – Ленков Иван Григорьевич. Шестого января мы с ним поженились. Он ушёл дослуживать, а меня проводили на лесозаготовки. Каждое хозяйство выделяло людей, лошадей. У каждого был план.

В основном это были женщины и подростки. Самых сильных женщин ставили валить лес, других – отвозить. Валка леса – очень тяжелый труд, не всякий справится. Зимой ещё и снег выше пояса. Его надо от дерева отгрести, потом пилить ствол лучковой пилой, сучья отрубить. Некоторые женщины за смену выдавали до 5 кубометров. Для несведущих: один кубометр – это пять бревен длиной шесть метров и диаметром 20 сантиметров.

Наши деревенские женщины, труженицы
тыла

Работали вместе со мной:

Черепанова Агрипина Васильевна;
Ярославцева Анна Яковлевна;
Ленкова Павла Поликарповна.

Веселыми бабами были:
Младенцева Зоя Александровна;
Младенцева Нюра Александровна.

Муж мой пришел домой, и я вернулась в колхоз.
И пошла наша жизнь хорошая. В 1974 году вышла
на пенсию. С 1984 года проживаем в д. Мальше-
ва. А мою родную деревню – разрушили. Часть
домов перевезли, а часть тракторами спихали под
берег. Ах, как жаль! Ведь это наша жизнь...”

ПИСЬМО С ФРОНТА

Подпись на обратной стороне фотографии:
“На добрую вечную память жене Таисье Васильевне от экипажа.
Слева. 1. Матрёнин И. Ф. 2. Яловенко Игнат Афон. 3. Стрельбицкий Н. Вас.
4. Севастьянов Серг. Фил. 5. Андреев Г. В. радист.
Получена 20/XII-42 г. в воскресенье в 1 час дня”.

ОТ КОНКУРСНОЙ КОМИССИИ

Эту фотографию принес нам Матренин Владимир Ильич, сын воина, который идет под номером 1 – Матрёнин И.Ф. На ней – экипаж танка КВ-5, почти полностью погибший через месяц, в январе 1943 года.

От отца осталась лишь эта фотография да письмо от члена экипажа (орфография соблюдена).

“Добрый день, Таисья Васильевна. Рассказываю вам, как погиб ваш муж Илья. Фактически все это произошло в январе с 6 на 7 число. Илью убило в танке. С ним погиб мой и его товарищ - Андреев, наш радист. Командира нашего тяжело ранило, я как-то остался невредим. Мы выполняли боевое задание, много уничтожили немцев. И ничего они не могли сделать нашему КВ. Ну, а потом немцы подкатили откуда-то тяжелое орудие и прямой наводкой проббили броню в башне, где по занимаемой должности находился Илья. Осколок снаряда попал ему в голову и он сразу скончался. С другими товарищами я Илью и Андреева схоронил вместе в городе Великие Луки, Тарашанская улица, около железнодорожной станции.

У могилы Ильи и Андреева вытупило ряд товарищей, где все поклялись отомстить проклятому зверю. Мы свою клятву сдержали. Очистили Великие Луки от немецкой гадины. Ни один из них не ушел живым.

Мой вам совет: вести себя так, как подобает советской женщине. Не журитесь и не плачьте. В таком положении находятся сейчас многие. Вы сумеете все пережить.

Ну, а мы постараемся поскорей покончить с немчурой, и тогда опять заживем новой жизнью.

Пишите, если хотите, как вы живете, о себе, о детях, о работе. Я буду с радостью отвечать на ваши письма. С уважением к вам Стрельбицкий. Полевая почта 95933 “Д”.

МАШНИКОВ
Михаил Александрович

(член литературно-художественного клуба
“Кагайск”)

НЕЗАБУДКА

(отрывок из поэмы)

Посвящаю моему родственнику, участнику войны Шергину Сергею Васильевичу

Паровозный гудок троекратный
Улетел далеко за перрон,
Впился в сердце занозой солдату,
Зазывая в товарный вагон.

Расстаётся он с милой подругой,
Что поделать – разлука-война,
Тяжело будет им друг без друга,
Знают оба – и он, и она.

Мажет девушка горькие слёзы,
Сердце боль защемила в тиски,
Проклинает гудок паровозный,
Что ей душу порвал на куски.

Тянет милому нежной рукою
Незабудку – цветок голубой:
«Пусть я рядышком буду с тобою
Этой чудной лесной синевой».

Он рукой её волосы гладит,
Что спустились на плечи волной:
«Что ты так растревожилась, Надя,
Ничего не случится со мной.

Ведь мы ждём с тобой, милая, дочку,
Как счастливого светлого дня,
Мы не ставим в любви нашей точку –
Дождись скорее меня.

Будет дочка милей всех и краше,
Ведь родится она от любви, –
И с подножки вагонной ей машет, –
Слышишь, Машей её назови».

Вот рассеялся дым паровозный,
Скрылся с вида последний вагон,
Стал сереть небосвод яркозвёздный,
Опустел привокзальный перрон...

* * *

...Четвёртый год жестокие бои,
И льётся кровь солдатская рекою,
Так много вёрст пылающих прошли
Бойцы опасной боевой тропею.

Всё позади – и Курская дуга,
И Пинские бескрайние болота,
На запад рвался след от сапога,
Где шла с боями славная пехота.

Освобождали наши города,
Свои деревни, сёла и станицы,
Пришёл тот час истории, когда
Мы вновь пришли к оставленной границе.

Вот наш советский пограничный столб,
Немецким танком сдвинутый к оврагу,
Поставили солдаты его, чтоб
Поднять свой дух, стремление и отвагу.

Солдат присел, махорку закурил,
Достал платок с засохшей незабудкой,
Весь долгий путь боец её хранил,
Не расставаясь с ней ни на минутку.

А завтра снова бесконечный бой.
А что же ждать бойцу на фронте больше?
И, перейдя рубеж страны родной,
Солдат ступил на перелески Польши....

* * *

...Берёзки у могилы, да рябины,
На край – навал сыпучего песка,
Прощаются знакомые, родные,
В глазах утрата, горе и тоска.

Всё разделила пропасть, как граница,
Жестокой смерти страсть и ремесло,
Умчится в вечность белогрудой птицей
Его душа, поднявшись на крыло.

Вот прозвучали траурные речи
И сказаны прощальные слова,
Задуты парафиновые свечи,
Те, что держали дочка и вдова.

Опущен гроб на дно сырой могилы,
И женская дрожащая рука
На крышку сверху тихо уронила
Горсть жёлтого холодного песка.

Могильный холмик, памятник, ограда,
Положены веночки и цветы,
А что же больше умершему надо –
Закончены дороги и пути.

Расходятся знакомые с погоста,
Простившись с похороненным навек,
Лишь четверым уйти не так-то просто,
Ведь в землю лёг родной им человек.

Две женщины, уставшие с годами,
С похожею тяжёлою судьбой,
Как будто жизнь едиными следами
Водила их по тропочке одной.

Любовь и боль, свиданье и разлука,
Минуты счастья, светлая мечта,
Но всё прошло в страданиях и муках,
Всё стёрлось, и осталась пустота.

Как пустота? Ведь рядом же их дети.
Такой подарок небесами дан!
Пусть их отец гордится на том свете,
Что рядом вместе Марья да Иван.

Его цветы, родные лепесточки,
А что случилось так с его судьбой,
Под каждый шаг солдат поставил точку,
Ответил перед Богом и собой.

МЕХОНЦЕВ
Алексей Андреевич

МЫ ТОГДА ПОД ВАРШАВОЙ СТОЯЛИ

Как-то накануне Дня Победы приехали к нам тещь с тещей. «Зовите, – говорят, – сватью Прасковью». Это моя тетка, пенсионерка, солдатская вдова.

Сбегали, пригласили.

Идет, на голове яркий, праздничный, цветастый платок. Заходит, здоровается со сватовьями, целуется троекратно.

– Ну, зять – неча взять, угощай нас. Мы, что ли, в окошко глядеть пришли к тебе?

Бегу на кухню, давай носить все съестное на стол. Принес стулья, табуретки. Всех приглашаю за стол.

Тетка Прасковья встает: «Ну, давайте, сватьюшка со сватом, выпьем с вами за встречу, за Побе-

ду, да за мужа моего, погибшего от пули фашистской, ну и за детушек наших – за опору на старости лет».

Пока она говорила, мой тещь уже опростал свою стопку, закусил и сидел, как бы не зная, что дальше делать. И стал рассказывать о своей фронтовой жизни.

Война – его вечная тема. Память оживает – не дает покоя, ищет выхода. Он был призван в первые дни войны. Испытал и тяжкое время отступления, и голод, и холод и радость освобождения родной земли от фашистов.

– Ну и вот. Фронт в 25 км от нас находился. А в Варшаве-то немец был. Мы тогда под Варшавой стояли. Наступление остановилось. Народу

Родился 20 апреля 1944 года в селе Понькино Шадринского района. Закончил школу и Шадринский автомеханический техникум. После службы в армии учился в Нижне-Тагильском педагогическом институте, а после его окончания 12 лет преподавал рисование в художественной школе города Шадринска. Доцент, член Союза художников России. Автор нескольких сборников прозы.

В Союз писателей России принят в 2009 году.

не хватало, выдохлись мы, четвертый год война шла.

Я в то время в авиационной части шофером служил. Меня то туда, то сюда с грузом пошлют. Потряслись мы со своим «захаркой» по фронтовым дорогам. Это ЗИС-5 мы так называли. Я до войны шофером работал, только на полutorке. Ну вот, едешь с грузом и не знаешь, то ли живой будешь, то ли нет. То мины опасайся, то артобстрел, а то и немецкий самолет за тобой увяжется. Фронт же рядом.

Тут как-то назначают меня старшим колонны «месячников». Я до войны около 10 лет шоферского стажу имел. Машину знаю. А этих поучат – и на фронт. Ох, я помучился с ними! Что-нибудь да случится. Смотрю как-то – машина стоит. Подхожу – он в кабине сидит, и в чем дело? – спрашиваю. Почему стоишь? А он только плечами подергивает, – не знаю, мол. Ах, ты, едри тебя через колено, – поднялся я на него. Да ты вылезь из кабины-то, да хоть посмотри что случилось? И до того меня это взбесило, что он в кабине-то посиживает. Ну готов прибить даже, чуть за пистолет не схватился.

Я-то уж в годах был, на войну взят в 36 лет, дома у меня мал мала меньше остались. Старшего в 44-м тоже призвали... Такой же вот был...

Давай, — говорю, — вылазь из кабины-то, да открывай капот, смотреть будем. Покопались. Вместе быстрее сделали. Поехали дальше.

Нет, одному-то намного легче. Один хоть куда поеду. Хоть на фронт, хоть в тыл, а с ними, с этой «зеленью» тяжеловато пришлось...

Раз дали ящик везти. Забросили в кузов, я и поехал. Отъехал 100 метров – речка, а мост взорван. Давай искать объезд. Ну и поколесил я тогда. Фронт рядом. Опасно. Заберешься куда не надо. Все-таки нашел переезд. Сдал груз. Я даже не знаю, что в этом ящике было, весь брезентом замотан был.

Еду, значит, обратно. Смотрю – впереди легковушка стоит. Я остановился. Да это же наша! Подхожу: «Здравия желаю, товарищ подполковник!».

– А-а... Это который молодежь обучал.

– Так точно, – говорю.

– А ну-ка, Сычев, подцепи нас, а то самим-то нам не выбраться. Да и к вечеру дело. Какой еще оказии ждать-дождаться?

– Мотор вот застучал, подшипники полетели, – с горечью произнес его шофер.

Слышим, звук, на самолет похоже. Никак немец нас заметил. Мы от машины бегом. Тут подполковник споткнулся, ну я тоже на брюхо, подполз к нему и стал помогать, чтоб в воронку перебраться. Только свалились мы в яму, как по бровке только фонтанчики от пуль забрызгали. Подождали, разрыва не слышать, да и звук стал удаляться. Вылезли мы, отряхнулись, завели мою машину. Ну, подцепил я их и давай кочегарить, газку подбрасывать своему «Захару». Приезжаю в часть, ребятам своим рассказываю, как я эту букашку-легковушку на хвосте припер. Они хохочут.

– Слушай, тебе же сейчас отпуск запросто получить. Не теряй времени, жми быстрее к подполковнику.

Я вначале отнекивался, а потом думаю, ведь не ударит, надо сходить, а вдруг повезет. Захожу, он за столом сидит.

– Товарищ подполковник, разрешите, – говорю, – в отпуск съездить.

Он голову поднял, тряхнул ею.

Я опять за свое. «Пока стоим, я бы и съездил. Четыре года семью не видел, как там сама-то с такой оравой. Пятеро у меня их».

Подполковник опустил голову, будто не в силах ее держать, поднял снова, посмотрел на меня усталыми глазами:

– Ты, Сычев, службу свою знаешь, воюешь исправно, нарушений за тобой тоже никаких нет. Разрешу я тебе, только без происшествий и опозданий. Понял? Чтоб все как положено. Приедешь – доложишь.

Взял бумагу и пишет в левом углу. «Спасибо, товарищ подполковник, – говорю. – Разрешите идти?»

Вышел. Ребята вырывают: «Дай, посмотреть? Правда что ли едешь? Слышу, читают: «Отпу-

стить в отпуск по прибытии пополнения». А-а-а. Мы думали, ты сейчас едешь. Таких-то вон полроты. Ты проси, чтоб тебя сейчас отпустил. Иди еще, пока подполковник не уснул», – и подталкивают меня. Думаю, где наша не пропадала. Захожу второй раз. Набрал воздуха побольше и единым духом выпалил: «Товарищ подполковник, пополнение-то приедет, тогда, ясное дело, в наступление пойдем. Какой тогда отпуск. Мне бы сейчас съездить, пока тихо».

Подаю ему бумагу свою. Он взял ее, сидит. Вижу, что недоволен, да и в сон его клонит. А я ног под собой не чую. Сидел, сидел он. Будто вечность прошла. Отрывисто зачеркнул прежнее, в другом углу пишет.

Уж не знаю, что и думать. Выскочил. Сам не свой, читаю, руки дрожат: «Отпустить сроком на один месяц с такого-то...»

Меня в жар бросило. Вытер лоб – мокрый. Стою и думаю: «Так ведь мало мне месяца-то. Не доеду до Шадринска – обратно заворачиваться».

Ну хоть как тут крути-верти, а придется третий раз заходить. Вот тут-то я и трухнул... Испугался...

– А, да черт с ним, с этим отпуском, думаю. Четыре года провоевал, как-нибудь доживу до Победы и без него. Немного осталось. До Берлина-то вон рукой подать.

Да больно близко счастье-то очутилось. Вот он, отпуск-то, у меня в руках.

А, была не была. Двум смертям не бывать, одной не миновать. Али я не фронтовик... Стучусь еще раз. Подхожу тихонько. Подполковник не шевелится. Боюсь его разбудить, а обращаться надо, уж раз зашел. Тихо так говорю: «Товарищ подполковник, это опять я. Сычев, не хватит мне месяца-то до дому... вертаться обратно придется».

Вскинул он голову, куда и весь сон прошел. Смотрит на меня с прищуром, весь вперед подался: «Ты что это, солдат, смеешься надо мной, что ли? Вот навязался, – да как стукнет кулаком по столу. – Ну-ка, кругом, шаго-ом, мм-м-арш! А то и этого не получишь. И чтоб я тебя здесь больше

не видел. Понял?»

– Так точно, – проглотил я и, брякнув сапогами, пулей выскочил вон. Ехать так ехать. Собираться надо. У солдата како собиранье – на попутку и на вокзал.

Приезжаю домой. Что тут было... Родню созвали, выпили со встречи... и! Давай по хозяйству управляться! День живу, другой, а на третий уж обратно. Время военное, строго спрашивали за опоздание.

Вот так и отгостил. То ли был дома, то ли нет. Часто эти дни вспоминаю – будто во сне они принились...

А под Варшавой-то мы тогда почти шесть месяцев стояли. Готовились к последнему удару по фашистскому логову. А домой я насовсем я вернулся уже в 1946 году. Нас из Европы-то на Восток турнули. Возле дома провезли... На войну с Японией. Но недолго повоевали... Меня ни разу не ранило. Только землей засыпало раз. Сержант сапог увидел. Откопали.

После войны всю жизнь тоже шофером проработал в своей деревне. Всего насмотрелся...

ЦВЕТЫ ВДОВАМ

Приехал я к маме как-то на 9 Мая. Как раз огороды вспахали. Пошли садить с ней картошку. Садить не копать. Быстро разбросали. До обеда поправились. Смотрим – тетка Прасковья с дочерью Марией все еще садят.

Пошли с мамой к ним. Я взял лопатку. Мы с Машей копаем ямки, а мама с теткой бросают картофелины. Хорошо, когда много помощников. И тут быстро поправились.

Тетка давай на стол собирать. Все-таки праздник сегодня – День Победы! Хоть и не радостный. Пришел ее Иван с войны израненный... Да вскоре и помер. Опять она одна с ребятишками осталась. Но вырастила, выучила, хоть и одна работала.

Отужинали. Праздник отметили. Пошли по домам.

А мне что-то в мозги вдарило. Уже темнаться

зачало, а я вспомнил, что за «кирпичным» у нас всегда подснежники росли. И побежал. Не ближе место да на ночь глядя в лес бежать. Хмель в голове. А про клещей энцефалитных даже и не вспомнил. В наших краях их сильно много по весне бывает. Все, наверно, инфекционное отделение заполняется «клещевиками».

Дошел до «кирпичного», с километр примерно. Уже еле различаю полевою дорожку. Чуть не на ощупь иду. А до лесу еще столько же, где подснежники цветут. Это за Понькинской гранью. За большой поляной. Возле омутов на бугре, где мы в детстве с ребятами целыми днями купались в этих холодных и чистых да глубоких омутах. Разбежишься с крутого берега и ныряешь в эту холодную бездну. А вода чистая-пречистая. Все дно видно, как гальяны и пескари там резвятся. А мы тоже вроде гальянов были. Купались без одежды, голенькие. В лесу никто не видит. Носимся по поляне нагишом, а потом сигаем в воду. Аж обжигает тело от холодной родниковой воды.

Тут, возле самых омутов токо и цвели по весне подснежники. Я вспомнил детство, цветы и поперся на ночь глядя... «Дурная башка, – говорят, – ногам покою не дает». Прихожу на эту поляну уже в темноте. Хорошо, что каждый кустик, каждое деревце с детства знаю. Почти наугад иду. Темень... Какое-го трепетное волнение охватило. Тут должны подснежники цвести. Опустился на колени, стал чуть ли не ползком осматривать этот бугор. Мне уж под пятьдесят.

И точно! Засветились, будто фонарики теплятся, горят слабым внутренним светом. Вот они, сердешные! Красавцы пушистые! Стал рвать. Вот еще группа. Вот еще. Уже ничего не вижу кроме

цветов. Мгла спустилась на землю. Да еще кругом березы. Неба не видно. Нарвал цветов – окружался. Не знаю, в какую сторону идти. Еле сориентировался. Пришел в деревню часа через два. Как слепой иду. Ничего не вижу. Стучу к тетке Прасковье. Они уж закрылись. Спать ложиться собираются.

– Ты это откуда? – спрашивают. Я захожу с цветами.

– Вот, говорю, – решил Вас с праздником поздравить.– С Днем Победы Вас!

И подаю им половину. Остальные маме.

– Ты че, сдурел? Небось за «кирпично» сбегал?

– Ага, – говорю. – Туда.

– С ума сошел! – А сами улыбаются и довольные. – Не боишься клещей-то?

– А я и забыл про них.

– Ну, спасибо, Леня... За цветы! За поздравление! Садись, посиди. А мы уж спать собрались.

– Нет, я пойду. До свиданья.

И вышел опять в ночь. Со свету и вовсе черную, черную... Лишь подснежники в руках да россыпь звездной пыли вверху едва светятся в этой кромешной тьме... Будто это были живые души тех, не вернувшихся с войны солдат – наших родных и близких, погибших за нашу непутевую жизнь...

За нашу многострадальную Родину! Слава вам, Сыны Отечества! И вечная вам Память! Ваши светящиеся души, точно эти подснежники, указывают нам праведный путь в нашей окаянной жизни!

Мы помним о Вас.

Я хочу вам рассказать о русском солдате ФРОЛОВЕ... Валерий Федорович прожил нелегкую, но славную жизнь (1924-2011). Он ушел навсегда недавно, но время неумолимо – и вот его нет с нами уже три года...

Впервые я увидел Фролова в 1980 году, когда фотографировал возложение венков к Вечному огню на Аллее воинской славы в Кургане. Он явно выделялся среди пожилых людей с венками особой армейской выправкой. Левый рукав его офицерской гимнастерки был заправлен под ремень... Все этим он сразу привлек к себе мое фотографическое внимание. Познакомил же меня с Валерием Федоровичем (по моей настоятельной просьбе) мой отец – Бухров Александр Иванович, возглавлявший рабочую группу по созданию областной Книги Памяти. Кстати, они были членами хора ветеранов Л. А. Спиридоновой.

Наше знакомство быстро перешло в дружеские отношени, что давало мне возможность неофициального присутствия на разного рода мероприятиях и событиях.

Так собрался довольно обширный фотоматериал, ставший впоследствии основой разноплановых очерков, один из которых я и предлагаю для данного конкурса.

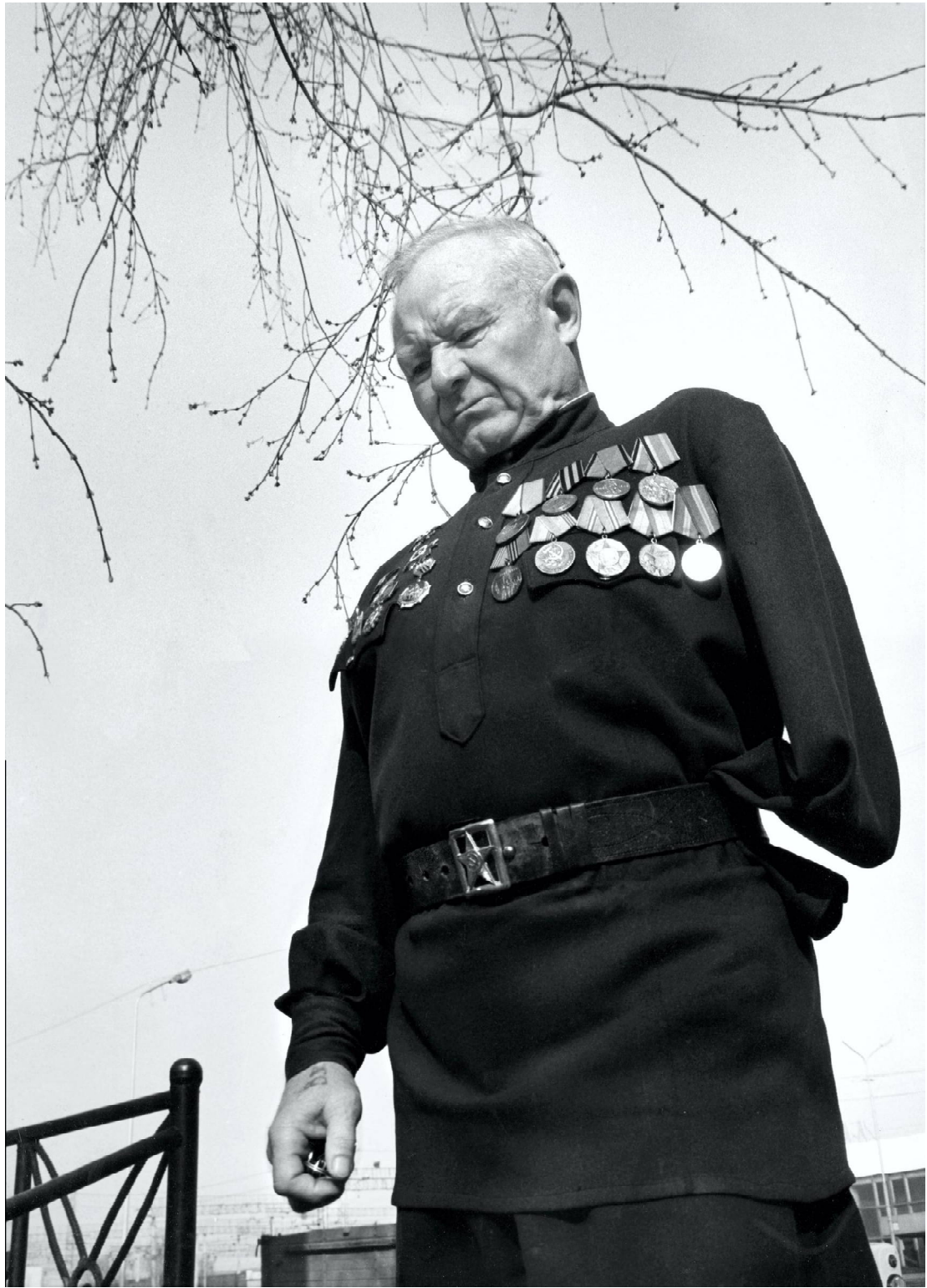

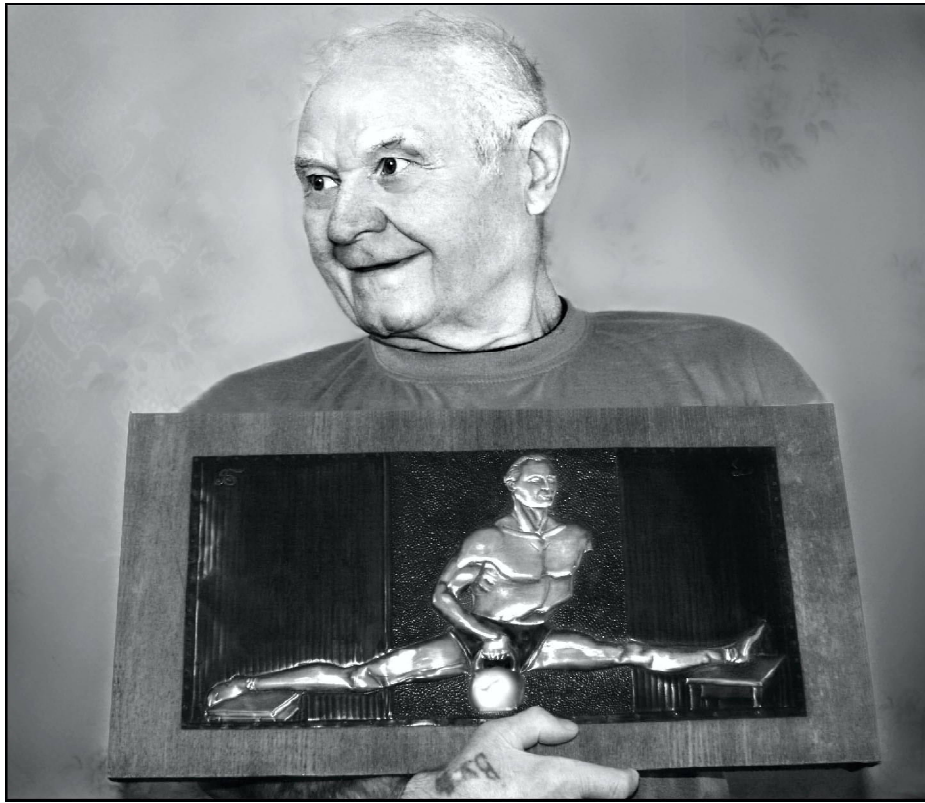
Виктор БУХРОВ,
член Союза фотохудожников России,
Заслуженный работник культуры РСФСР

Победитель конкурса в номинации “Фотография”

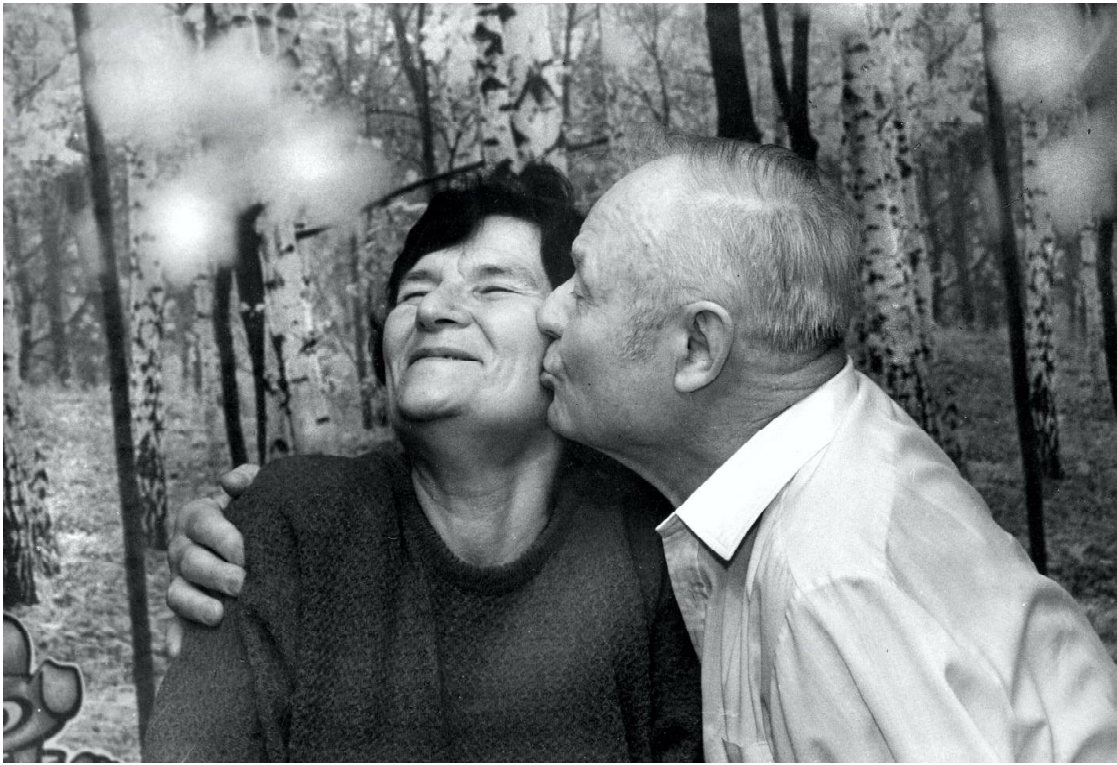

МУРЗИН Алексей Никитич

ПОМИНКИ

Сергей ехал в деревню. Не был там уже наверно лет семь. Дед приболел, и поехать не смог, а было необходимо. Оформлял пенсию, и стали нужны какие-то справки из сельского совета. Владимир Петрович – дедов брат сумел всё подготовить. Нужно было только забрать.

Поездку подгадали к девятому мая, выходных два, можно всё проверить и вернуться без спешки. Старики: Владимир Петрович, которого Сергей, как и отец, называл дядей Вовой, и его жена Ольга Поликарповна – тётя Оля – давно поджидали родственника и по телефону попросили племянника уговорить Сергея остаться ночевать.

Отец велел уважить родню. Сергей долго препирался. Всё же два выходных впереди, но согласился.

Дорога была прекрасная, мотор новой отцовской машины ровно рокотал, из динамиков лилась модная мелодия, в открытое окно врывался тёплый, свежий и влажный ветерок. Сергею было хорошо.

– Нельзя мужчине без машины, – думал он. – Вот закончу институт и надо как-то покупать свою.

У дороги мелькали чёрные поля, зеленеющие колки, попадались все какие-то одинаковые де-

---

Родился 17 апреля 1973 года в селе Коврига Шадринского района. В 1990 году закончил среднюю школу, в 1995 году — Курганский педагогический институт.

Первый рассказ «Коврижка» опубликован в Шадринской газете «Исеть» в 1999 году. Печатался в журнале «Подъем» (г. Воронеж), в альманахе «Тобол», еженедельнике «Российский писатель». Участник семинара молодых писателей в Москве в 2003 году. В 2005 году стал лауреатом конкурса «Золотое Перо Руси». Автор книги рассказов «Старо поле» и «День рыбака».

Работал директором Шадринского краеведческого музея, руководителем центра «Лад», в настоящее время — учитель географии в школе. В Союз писателей России принят в 2006 году.

ревни, казалось, и люди тут должны жить такие же одинаково-серые, неинтересные. Сергей обогнал несколько развалюх, всё «москвичи» да «копейки». Было весело, и он посигналил какому-то дедуле, с прищуром глядящему на дорогу сквозь стекло дряхлого «москвичонка». Через полчаса Сергей подъезжал к дому. Дядя Вова уже поджидал на лавочке у ворот. Постаревший, сидел в клетчатом, с наградами пиджаке и серой кепке.

– Ну, здорово, Серёжа. Заматерел. В отца весь! – заговорил, пожимая ему руку, Владимир Петрович, – как дедушко там, в городе-то?

– Да ничего. В сад собирается, полегче стало.

– Ты пока не заставай коня-то, – сказал дядя Вова, указав на машину. – Подвезёшь меня на митинг, как раз вовремя подъехал. Всех ветеранов лично пригласили, а я тебя приглашаю.

– Ну, садись, дядя Вова, – Сергей открыл перед стариком дверку.

– Хороша машинка-то, – дядя Вова в восхищении ощупывал панель, – долго, поди, батюшко копил?

– Не знаю, он мне не докладывает, – Сергей запустил двигатель, и нетерпеливо переключая передачи, резко выскочил на поднятую асфальтовую дорогу.

– Коммерческа тайна, видно, – засмеялся дядя Вова.

– Да правда, не знаю... – Сергей всё больше раздражался: «Неужели весь день слушать это? Как бы не нагрубить...»

– Ты, куда? Забыл, где правление-то? – замахал руками пассажир. – Заулок проехал.

– Дядя Вова, ты за штурмана сейчас, показывай вовремя.

У клуба машин не было, и Сергей остановился в стороне. Вышли они вместе.

Митинг начался с опозданием почти на десять минут. Четверых ветеранов поздравляли глава сельской администрации и, страшно волнуясь, все двенадцать старшеклассников местной школы. Самодеятельный ансамбль пенсионеров в пошитых когда-то концертных сарафанах, исполнил песни военных лет. Все четверо полу-

чили в подарок по клетчатой рубашке и открытке, чем остались очень довольны. Потом школьники и ветераны возложили венки к пирамидке памятника погибшим односельчанам, краснеющей подновлёнными фамилиями.

Гремели и блестели на солнце награды. Ветераны, стесняясь редко надеваемых парадных пиджаков, бодрились и напускали торжественный вид. Школьники шли серьёзно и степенно. А когда глава объявил Минуту молчания, наступила вдруг тишина. Селяне действительно молчали. Пожилые и дети, мужчины и женщины. Даже суетливые воробьи вдруг тоже замолчали, наверно, испугавшись внезапной тишины. Сергей невольно отметил: в городе всё не так. Бритые братки, ожидающие своих подружек, где-нибудь на задах пытаются перекричать друг друга, улаживая дела по мобильнику, беспечные школьники продолжают свой «крутой» трёп, а несчастные учителя громко шепчут угрозы в попытках их урезонить. Тут, в деревне, всё было всерьёз.

Закончили митинг приглашением ветеранов в сельский совет, где готовилось общее застолье. Владимир Петрович отказался. Сослался на нездоровье. Обнялся со всеми, прощаясь.

– Поехали, Сережа, хватит с меня митингов-то, – дядя Вова направился к машине.

– Вот уж, которую весну после войны встречаю, а всё вроде внове, – рассуждал он по дороге. – Только, вот каждый год похолодание бывает, и нынче ветер вон какой студёный. Да, всё одно оттеплит, куда оно денется. Дожить бы только хоть до цветочков, да до ягодок... А то, вон, Ерофея с Петром зимусь на кладбище свезли. Одного в декабре, другого в феврале, в оттепель как раз. Осталось нас, ветеранов войны-то, с прошлого года пятеро. Подбирает смёртонька, будь она окаянна. – Владимир Петрович тяжело вздохнул.

– А на митинге только четверо было, – припомнил Сергей.

– Степанко, пятый-то, давно уж от дому не уходит, к нему и председатель и школьники домой приходят. Катаракта, а операцию делать нельзя,

не narosло ещё что-то. Он и говорит: «Не увижу уж я ни травки, ни солнышка...». Да и меня вот тоже болезнь от застолья-то погнала. Вон, по телевизору да по радио не одинава за день твердят: «Шестьдесят процентов мужчин страдают», как совсем уговаривают, а у нас из стариков-то меня только и мает, а как скажу при бабах – стыдобушка...

Большой пятистенок-дом Владимира Петровича, стоял совсем недалеко. Свежо зеленели в палисаднике кусты, белела старая яблоня.

– Вот, Серёжа, видишь, радуется всё жизни-то, – улыбался ветеран.

Вскоре они уже сидели за приготовленным Ольгой Поликарповной столом.

– Ты, не пьёшь, поди, ещё? – сурово глянул на гостя Владимир Петрович.

– Да нет, пью маленько, – Сергей почему-то под этим взглядом вдруг покраснел.

По случаю праздника и приезда гостя тётя Оля выставила на тесно и богато обставленный стол бутылку водки. Хозяин разлил в гранёные стопки.

– Ну, тогда давай за Победу, что ли? – дядя Вова встал и, выдохнув, опрокинул стопку.

Сергей, поперхнувшись, сделал то же.

– Ну вот, молодец! – подбодрил гостя Владимир Петрович. – Давай, отведай, чего Бог послал.

На столе было много чего: и домашние солёные, и деревенский подовый хлеб и сдоба, и холодец, и пельмени, и настоящий квас. И ещё что-то, чего Сергей и не пробовал никогда.

– Прости уж, Серёжа, чем богаты, – стала извиняться за отсутствие магазинного Ольга Поликарповна.

– Ну что вы! – успокоил её Сергей. – Стол у Вас прекрасный, а таких огурцов, наверно, больше нигде и нет.

Ольгу Поликарповну ответ, похоже, только расстроил. Она смутилась и нарочито отвернулась к печке, спеша переложить что-то с одного угла шестка на другой.

– Давай по второй, что ли? Помянуть надо друзей-то, – выручил супругу Владимир Петрович.

– Ух, крепка, зараза... – поморщился он. – Как мы её раньше-то пили?!..

– Всех бы помянуть, да уж не всё и помню, – Владимир Петрович приготовился к рассказу, сел поудобнее...

«Терпи, Серёга...» – сам себе сказал Сергей.

– В сорок восьмом, помню, как мужики, кто ещё дослуживал, воротились да огляделись – оказалось, меньше половины нас осталось. А, чтобы целыми пришли – так, пожалуй, я да Алексей, да ещё Генко-писарь. А остальные – кто с каким изъяном. Бабы-то и таким радёшеньки: «Хоть живой!». Молодухи, которы замуж перед войной вышли да вдовушками остались с ребятишками, здорово убивались. Которы замуж-то и не выходили уж больше. Есть и такие, что похоронки не получили, так и прожили, до старости ждали... А мужики, кто ещё сколько протянул...

Лицо дяди Вовы порозовело, он чувствовал это, и было ему от этого как-то неуютно.

– С прошлой Победы не пивал винного-то, – оправдывался он, отирая пот со лба.

– Ты поосторожнее как-нибудь, Володя, – попросила Ольга Поликарповна, – да ешь давай.

– Ну, ещё указывай... Сегодня можно, всех вспомнить надо. Схоронили сколько? Не помнишь? Человек, поди, семьдесят. Ерофей считал, записывал, в школу унёс тетрадку-то. Там наверно лежит. Спрошу после праздника. Семьдесят, а каждый по-своему прожил.

Гаврило, вон, где только не был. Призвали их четверых враз: Гаврилу, Гераска, Мишку да Николая. Учили на Урале, в Чебаркуле. Бабы – матери да жонки – Николай-то с Герасимом женаты были, – к ним на свиданку ездили. Не пускают, а всё равно как-то проберутся. Домашнего чего-нибудь передадут да тёплое, к зиме дело-то было.

Потом всех увезли, кого куда. Так Гаврило с Мишкой попал. Всё, говорит, рядом старались быть. В первом же бою, в траншее, почти что рядышком были. Только Мишку танком перемолло, а Гаврило живой остался. Хотел, говорит, как потише стало, Мишкины документы прибрать. Где там! Каша одна.

Штыком Гаврилу в рукопашной кололи, в колене у него осколок сидел до самой смерти, в семьдесят седьмом с ним в землю и ушёл. А бок от весь осколком развороченный! И хребёт набок был. В бане как-то парились – смотреть страшно. Победу в госпитале встретил, без памяти, заражение пошло. Доктор-женщина отваживалась с ним чуть не год. Выжил, да вон сколь ещё прожил, хоть и без трех ребёр, а ничего, крепкий был. Умер считай что в строю. На покосе, стоял на зароде. Где же Гаврило пустит кого на зарод? Сам всё. Хозяин. Да, неудачно как-то шагнул, покачнулся. Тут в аккурат стогомётном копну подавали, ну его и стукнуло по головушке. Улетел, высоконочь было. Кинулись, а дедушко-то уж не живой. А так Гаврило, может, нынче бы праздновал. Вот оно как бывает. А он, считай, до Кенигсберга дошёл... Да, ты ешь, Серёжа, что сидишь? С утра, поди, без завтрака, знаю вас, городских. Рысаки! – подначил Владимир Петрович.

– Спасибо, дядя Вова, тётя Оля, всё очень вкусно, не могу, не лезет уже.

– А ты зашшурься да глотай, что хоть не колбаса.

– Можно я потихоньку, – Сергей действительно вдруг почувствовал сытость.

– Ладно, только чтобы дочиста, – настаивал Владимир Петрович.

– Да что уж ты. Пусть парень ест, сколько хочет, – Ольга Поликарповна всё же чувствовала неловкость.

– Забыл я много, Серёжа. Но и помню ещё кое-что. Вот Петро, которого схоронили нынче, помнишь Оля, первый парень был. Гармонист, – вернулся к рассказу Владимир Петрович. – Девки-то сохли! За косы таскали друг дружку, пуще парней дрались, бывало, еле растащат! Нам дивно, мы ещё молоденьки были. Завидно, – усмехнулся хозяин. – В танкисты попал Петро, как тракториста взяли. И на «КВ» и на «тридцатьчёртерке» повоевал. Все вспоминал: «КВ-то чо – корова, вот «тридцатьчёрточка» – машина». На понтонном мосту – через Днепр вроде, а может, и нет, сейчас уж не скажет, а я не помню точно –

переправлялись. Петро-то проехал, а эти никак не могут. Этот «КВ» – «Клим Ворошилов» – так и этак, говорит, поворачивают. Командир впереди идет-пятится, машет, сигналист. На берегу уж поджимают, торопят, начальство подъехало. То ли поторопился мужик, то ли напутал чего, в самом деле – кто его знает? Потянуло танк – ничего сделать не могут. Ухнул в воду – пузыри одни. Механик там и остался. Не мог выползти.

А особисты-то, тут как тут, выловили всех и вместе с командиром увезли. Что с ними стало, кто знает? – Дядя Вова замолчал, будто припоминая что-то.

– Ещё, сказывал Петро, в разведку на трофейном бронетранспортере гоняли, – продолжил он, – лейтенантик молоденький, ещё моложе Петра, с картой сидит: «Туда правь, туда...» Уверенно так показывает. А потом заметался. Всё... Не поймут, куда заехали. Отматькали его, а что толку. Надо как-то обратно, а он с картой вовсе окружался. Смотрят, деревня. Заехали, а в ней немцы. Наделали им шуму, постреляли, подавили да дальше. К своим стараются, а они по ним долбят – часть-то, видишь, другая. Как-то не подбили. Едва отнекались. Лейтенантика под трибунал. Петро говорил, в штрафбат определили, искупать вину. Задачу-то не выполнили. Они тогда на него шибко злые были. А потом, говорит, жалко стало, парнишко совсем ещё. Ему бы через огород, к девкам дорожки прокладывать, а он по карте в тыл врага. Просмотрел что-то, всяко бывает с человеком, а с командиром всяко, видно, быть не должно...

– Ох-хо-хо, Сережа, да ты что это сидишь без дела-то опять? Ну-ко, баушка, давай-ко подкладывай ему, – призвал жену Владимир Петрович. – Заморила тебя мамка. Вон как желудок-то сморщился, ничего съесть не можешь. Налить, видно, ещё надо.

– Погоди, Володя. Не на вред бы? – вмешалась тётя Оля.

– Ну, так ты как? – в надежде обратился к гостю дядя Вова.

– Не гони, дядя Вова, успеем, – смутился

Сергей.

– Ну, будь по-твоему, – согласился Владимир Петрович. – Пришел Петро-то, хромым, лицо всё в ямах, обгорело. Девки сперва рыльца-то воротили. Ничего, женился, да до нынешней зимы дожил с Галиной своей, деток у них трое.

Или вот Миней. В сорок четвёртом пришёл, контуженый. Я тогда ещё не мобилизован был. Его учётчиком поставили, на лёгкую работу. Ездит, бабью работу считает. Волком выл, бывало: «Чо-же вы, бабы, делаете? Откуда сила-то в вас такая»? А сам уж иссыхал весь. Схватит мешок или навильник, а поднять не может. Бросит, уйдёт с глаз куда-нибудь, заревёт. Маня-то ему двоих ребятишек успела родить, возила всё его по больницам да госпиталям, да, видно, шибко жамкнуло мужика: в сорок девятом году схоронили. Ты помнишь Миней-то? – обратился к жене дядя Вова.

– Как не помнить, справедливый был. Спорил за нас с начальством: «Куда вы их, девчошек? Некому больше никак уж?» Бывало, и отвоюет. Берёт нас, шибко понятливый был человек, – отозвалась Ольга Поликарповна.

– А, вот ещё Николай с Василком, да Иван. Всех мобилизовали в одно время и судьба одинакова. Пропали без вести, сколько лежат так-то, то ли схоронены, то ли под кустом, кто посчитал? – дядя Вова перечислял, загибая пальцы. – Один под Ржевом, другой где-то в Ленинградской области, а третий и вовсе в Германии. В шестьдесят девятом или уж в семидесятом году их фамилии на памятнике написали. Так парторга-то в район вызывали. Приехал, бледнёхонек, велел Алёшке-художнику закрасить, тогда при клубе художник состоял. Мы, ветераны, жалобу чуть не все подписали. Возили в район, говорят: «Вдруг предатели»? А какие они предатели? Самые отчаянные головушки были. Идут по деревне, мы за ними, никого не боимся, впереди прятаются, кричат: «Колька!», или там: «Васька идёт!» Умирать будут такие, а своих не продадут. Нет, не дали написать, и не поминали нигде. В прошлом году только дописали, вместе с ребятишками – «чеченцами»,

никто ничо уж не сказал.

В голове Сергея живо рисовались картины деревенской жизни, хотя в них постоянно чего-то не хватало. Сергей впервые ощутил живых людей, представлялись свои родные, друзья. Было обидно и страшно за них, и почему-то за этого ветерана, дядю Вову – которого знал с детства, и со всем, оказывается, не знал. Не знал его поколение, и никогда, ничего не дослушал: всё как-то некогда было.

– А ты, что опять приуныл? – дядя Вова вновь сурово глянул на гостя.

– Слушаю я, – тихонько ответил Сергей.

– Ну, послушай, послушай. Никто уж сейчас лучше-то моёго, наверно, не расскажет... Так ведь нашли Николая-то, – продолжил Владимир Петрович. – В братской могиле там, под Ржевом, и был. Письмо на сельсовет пришло оттудова. Да только родни не осталось уж в деревне. Шура, жена его, так одна Витьку и выкормила, да и умерла, не дождалась весточки. А, Витька, тот сейчас на Севере где-то, и знать не знает. Написать хотели – адреса ни у кого нету. Дружки его все уж сами отцы да деды, не пишут писем-то.

Или вот ещё Самойло. В плену был. И что ты думаешь: там выжил, его тут ещё в лагерь определили. За всю жизнь ни разу на митинг не приходил. Выпивали с ним, бывало. Так он молчит, а потом заревёт: «Не виноватый я, браточки, контуженного меня прибрали. Не знаю, как живой вот остался. А сколько робят-то загублено...» И заходится мужик. А мы уж знали, схватим его. А его так и трясёт, еле отойдёт. Спать положим где-нибудь, до утра проспит, ходит потом молчком. Да он всегда тихонькой был, так и умер, сам себя виноватым считал. А этот всё его поддевал, писарчук-то – Генко: «Я ить фронтовик...». Ероша ему и сказанул, одинова всего: «Ты, Гено, про фронт-то нам не п... , мы и про фронт, и про тебя всё знаем». Всё, замолчал. Ну, уж на митингах-то удержаться не мог, всё слово брал. Да и Бог с ним, с Генком, с покойной головушкой, тоже уж живого нету... Тебе сколькой пошёл? – спросил вдруг Владимир Петрович.

– Двадцать осенью будет.

– Чо, уж двадцатый? – оживилась вдруг Ольга Поликарповна. – Последний-то раз вон, как петушок молоденький, когда уж поёт по-петушину, а голос цыплячий...

– Мы ещё моложе тебя были, когда призвали-то нас, – прервал рассуждения жены дядя Вова, – уж в сорок пятом. Степана только в сорок четвертом. Так и нашему брату досталось. Всю войну, считай, в колхозе работали, да ещё на лесозаготовки забирали, вместе с трудармейцами. Насмотрелся я тогда на них. Говорили: «Вон враги народа идут...». Строем их водили, кто в чём, еле бредут. Смотрим, а нам жалко: таки же ребятишки, мужики. Худые все. Тут же заключённые, в телогрейках, в валенках которы. И мы тут же, из разных деревень: бабы, девки, да мы, которых ещё на фронт рано призывать.

Как призвали, тоже сперва учили. Потом повезли кого куда. Серёга – тёзка твой – в Западную Украину угадал, до сорок седьмого года бандеров ловил, нагляделся всякого тоже. Не лучше же немцев, а где и похуже будут. Нынче они, говорят, опять башки-то заподнимали. Не всех Серёга выкурил. А эти, слышал, чухонцы-то, что творят? Собрали деньги, да памятник ээсовцам возле Новгорода, вроде, поставили. Нашлись добры люди – взорвали... Так власть-то почто не видит? Или она вовсе уж без зубов? А то вон Петька-племянник говорит: «Их же и посадят, взорвали которые». Неуж так и есть? Эх!.. – бахнул кулаком по столу дядя Вова. И, отвернувшись, как-то неловко замолчал. Молчал и Сергей.

Стало почему-то стыдно за себя, что так ничего и не сделал за свои почти двадцать лет. За жизнь которая вполне вроде бы устраивает, а тут такое... И ведь слышал же что-то в каких-то «Новостях». Но пропустил, съел, как и прочую информацию. Вроде так и надо, и даже не задумался...

– Эй, брат, ты спишь, что ли? – Владимир Петрович, наполнил давно пустые стопки. – Хрумкай огурчики-то, есть, поди, зубы. Я, ладно, холодцом закушу. Батюшко твой шибко любит Олины-то огурчики. Завтра в яму сходим, ещё достанем.

Увезёшь ему. Сами-то солите?

– Нет, у нас картошка одна в саду, да ещё яблоня.

– А, что так. Дед-то пусть ходит, чо ему делать на четвёртом-то этаже, как в сквориленке. – Дядя Вова жевал кубик холодца с горчицей. – Давай, Серёжа, что ей стоять, стопке-то... А я ить с немцем-то не повоевал, – отведя взгляд, как будто извинился Владимир Петрович, вертя пустую стопку, отчего-то не ставя её. – Митка с Лёнкой в Германию повезли, Витьку в Мурманск, Паньку в Крым. А нас с Егором на Дальний восток. Его пораньше, меня потом, – продолжал он помолчав. – На запад сперва конечно, да потом обратно. Едем, ничего не поймём. Смотрим, к Свердловску подъезжаем, а потом и наши края пошли. Все спрашивают: «Куда нас?», а никто не говорит. Нам хлеб на станциях бросают, на Байкале омуля сунули. Мне маленько досталось, вкуса не разобрал. – Засмеялся Владимир Петрович. – Кричат: «Победа, Германия капитулировала!», обидно стало. У всех в родне погибшие были. Мстить хотели, хоть одного немца, а положить. Оказалось, к самураям везут... Говорят, быстро их отпонужали...

Сергей волевым усилием прогонял вдруг навалившуюся усталость. То ли от водки, то ли с непривычки, что встал слишком рано. Сидел неестественно прямо, чувствуя пристальный взгляд тёти Оли.

– ...А, всяко же было, – рассказывал Владимир Петрович, облокотясь на стол. – Через пустыню Гоби марш-броском шли. Давали селёдку одну, чтобы пить не просили: японцы-то колодцы потравили. На всю жизнь я её наелся... И сразу без передыху в бой. Дружок мой – Сашка, в муках умер. Осколком его в живот, в первом же бою... Все кишочки выпали... Он их засовыват, а они обратно. Кричит: «Вова, помоги...» А я что сделаю – реву: не видал такого-то... Много нас там таких, не стреляных, было. Фронтовики нас ребятишками звали. Жалели, берегли. Никакой дедовщины мы не знали, это нынче сволочь какая-то выдумала.

А им, фронтовикам-то, какво было. Немца

одолели, думали: «Всё». А тут – опять война. Правда, говорили: «Против немца япошки – слабаки». Зря на них американцы-то атомную бомбу бросили, им и так каюк подходил. А те не навоевались, видно, долго сидели, так хоть лежачего, а пнуть... – Владимир Петрович с презрением матюгнулся. Поднёс стопку ко рту, она оказалась пустой. – Тьфу ты... – он со стуком поставил стопку на стол. Слишком резко схватил бутылку, со звоном уронил вилку. – Ну... – поставил бутылку обратно, тяжело откинулся на спинку стула.

– Дядя Вова, пошли покурим, что ли? – предложил первое, что пришло в голову, Сергей.

– Ты, Серёжа, иди. Он уж отпраздновал. Я сейчас постелю ему, – встрепенулась Ольга Поликарповна.

Владимир Петрович сидел, опустив голову на грудь, и, кажется, дремал.

– Айда, Володя, отдохни, – тётя Оля потрепала его за плечо.

– А, Оленька?.. Устал я, правда... – Дядя Вова поднялся, опираясь о спинку стула и плечо супруги. – Ты, Сережа, не обижайся на меня, старый я, да и праздник сегодня...

Сергей тоже поднялся. Пошёл к обитой войлоком двери, проходя ее, больно ударился, забыл пригнуться. В просторных сенях долго морщился и шипел от боли. Потом вышел на крыльцо-веранду. Дверь, не успев закрыться, со стуком растворилась, появилась тётя Оля.

– Ты, Сережа, ключи-то от машины отдай, – потребовала она.

– Зачем? – удивился Сергей.

– Ну, так... Потеряешь ещё... – настаивала Ольга Поликарповна.

– Да, берите, конечно, – Сергей в растерянности шарил в карманах, нашёл, протянул хозяйке.

– Вот и ладно. Да долго не мёрзни, холодны ещё вечера-то, – тараторила она. – Пойду, погляжу, как он. Год, считай, не пивал. А сегодня знаю, что не удержать, – оправдывалась за мужа Ольга

Поликарповна.

Оставшись один, Сергей походил по двору. Всё вроде осталось по-прежнему. В том же углу такая же метла и совковая лопата. Так же квохчут за решетчатой дверью куры, и в саду всё оказалось таким же. Не сразу он определил – нет одной яблони. Смородиновые кусты как-то переместились, освободив пространство для грядок.

День незаметно перешёл в вечер, солнце било в глаза почти по прямой. Сергей ставил козырьком ладонь, чтобы хоть что-то увидеть. Становилось прохладно, и он вернулся в дом.

Со стола исчезли пустые тарелки. Зато кое-какие яства появились вновь.

– Сережа, поди, ещё чего отведаешь? – обратилась, выглянув из-за огромной печи, тётя Оля.

– Да нет, спасибо. Чаю бы только.

– Вот и хорошо, я тоже попью.

В комнате темнело. Ольга Поликарповна включила низко висящую слабую лампочку:

– Много уж не договариват дедушко-то, не может. И все они нас щадят: вас – молодёжь, да нас – баб. Не говорили и не говорят всего-то. Я слыхала, когда их ещё много было, ветеранов-то. У Володи компания была, выпьют, начнут рассказывать, без всякого, с матюками, как есть. Там не соврёшь: говорят да ревут. А мне скажут: «Ты, Оля, нас не слушай». Шибко страшно говорили. Не дай Бог никому тако-то. Ерофей у них заводилой был. Уважали его. Всех организует, ребятишек пошлёт, обегут... Да ты тоже дремлешь вроде? – Ольга Поликарповна всплеснула руками, засуетилась. – Давай, Сережа, ложись тоже. Умаялся, рано встал-то. Давай вот постелю тебе. Хоромина-то больша у нас, есть где гостя приветить, – слышалось откуда-то из глубины дома. – Давай, Серёжа, проходи.

Сергей действительно отяжелел. Монотонный хозяйкин голос убаюкивал. Заснул он, только коснувшись подушки. Было тепло и необыкновенно уютно... За стеной, во сне вспоминал что-то дядя Вова, охал и непонятно разговаривал...

МОЙ ОТЕЦ

Синицын Б. Г.

НИКУЛИН
Валентин Никандрович

* * *

Уходят от нас ветераны,
Уходят на вечный покой.
И ноют незримые раны
В душе от утраты такой.

Но жизнь ваша в детях продлится,
И внуки вас помнят и чтут.
И вами Отчизна гордится,
Фамилии ваши живут.

И Красное Знамя Победы
Хранится в музейной тиши,

В нем слава и доблесть солдата
И скорбь материнской души.

Священную дату Победы
В России всегда будут чтить.
Сражались отцы наши, деды,
Всех помним, никто не забыт!

... Уходят от нас ветераны,
Но память их лица хранит.
Их подвиги помнят все страны,
И Вечный огонь им горит!

Родился 2 сентября 1948 года в селе Кодское Шатровского района. Всю свою трудовую деятельность связал с сельским хозяйством. Трудовой стаж — 43 года. За время работы прошел путь от рядового члена колхоза до главного инженера. Ветеран труда. Почетный гражданин села.

Стихи начал писать в 50 лет. С 2011 года является членом поэтического клуба «Истоки» при Кодской сельской библиотеке.

* * *

Мы отступали в сорок первом.
Потери. Горестные дни...
Погибшие в бою священном,
Навеки в памяти они.

И в каждом доме или хате
Всех, не вернувшихся назад,
Вы, люди, помните и знайте:
Они в сырой земле лежат.

Живые, помните о павших,
Они всегда на нас глядят,

Победы вкуса не познавши,
Нам мира, счастья хотят.

Они, погибшие, но знают
Земли священной не отнять,
И нам ошибок не прощают,
Не повернуть бы только вспять.

Войска идут как в сорок пятом,
У стен Кремля чеканя шаг.
Салют и почести солдатам!
России реет гордо стяг!

ЗЕМЛЯКАМ-ФРОНТОВИКАМ

Всем вам, живущим на селе!
Кто воевал, кто верил свято,
Что кровь пролитая когда-то
Не растворится по земле.

Кто брал Варшаву и Берлин,
Кому рукоплескала Прага!
Солдатской доблести отвага!
Тот в поле воин был один.

Он в бой, за Родину! Вперед!
В атаку первым поднимался
И тесноват ему казался
В потемках вырытый окоп.

Смерть презирая, воевал
И в рукопашную бросался.

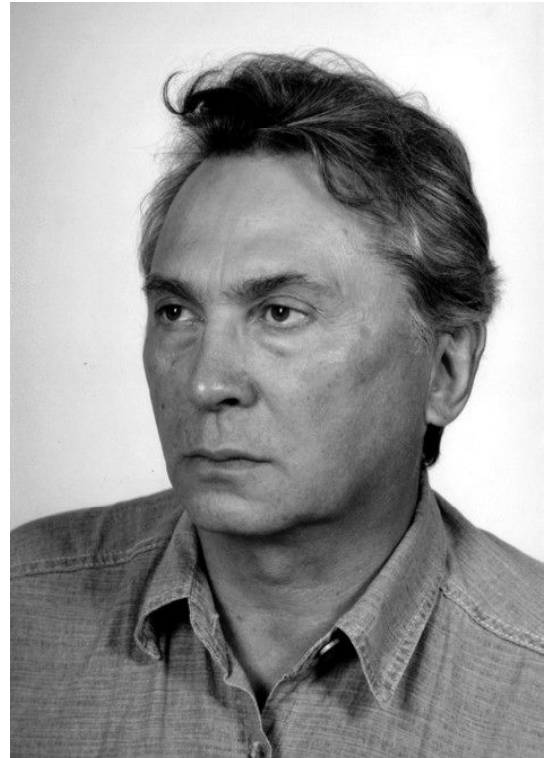
Израненный, но жив остался
И до Берлина дошагал.

Салют сегодня прогремит
В столице, в Городах-Героях,
Он к павшим тоже долетит,
Мы всех помянем, молча, стоя.

Живым несем земной поклон,
Вы! мир народам отстояли,
Вы! пол-Европы прошагали,
Врагу поставили заслон!..

И пусть слеза застелет глаз,
И сердце что-то вдруг заныло,
Вчера, как будто, с вами было...
Мы помним, чувствуем всех вас!

НОСКОВ
Виталий Николаевич

ДОРОГА ДОМОЙ

Семнадцатого марта, в день рождения брата, не вернувшегося с войны, Елена, тридцатипятилетняя замужняя женщина, видела во сне, как в изодранной шинели, с ручным пулеметом на правом плече он идет по лесу среди похожих на него усталых людей. Сон был ясным, она хорошо разглядела брата, но весь рабочий день, сидя за сложным чертежом, Елена гнала воспоминание об этом сне, но опять видела перед собой сгорбленные, натруженные спины бойцов, цепью лежащих в корявых, редких кустах. За командиром, очень худым, высоким, который крикнул что-то,

сразу поднялся Шура; не открывая огня, следом бросились остальные. От безлюдных, с выбитыми стеклами, после дождя темно-серых домов ударили немецкие пулеметы, Шура ответил им длинной, горячей очередью. «Вперед!» – кричал командир. Потом, невысоко вздыбив землю, что-то оглушительно хлопнуло. Шуру подняло, и он вроде как полетел умирающий...

Цепenea от страха и наваливающейся на сердце боли, Елена, всхлипнув, закрыла лицо рукой, а сидящие напротив девушки посмотрели на нее с удивлением:

Родился 1 августа 1950 года в городе Кургане. Учился в Курганском пединституте, много ездил в археологические экспедиции, был тренером по самбо. В 1981 году закончил Литературный институт им.Горького при Союзе писателей СССР. В конце 90-х и начале 2000-го года выполнял важные журналистские задания МВД в Чечне. Награжден боевыми наградами, в том числе и орденом Мужества.

Автор книг прозы: «Дорога домой», «Тёплое крыльцо», «Любите нас, пока мы живы...» (о чеченских событиях), по этой книге создан кинофильм «Миротворцы», Книги Памяти (о павших сотрудниках МВД в Чечне) и других. Лауреат литературных, журналистских премий МВД, Союза писателей России, губернатора Курганской области.

Печатался в журнале «Урал», еженедельнике «Литературная Россия» и многих других центральных изданиях.
В Союз писателей России принят в 1991 году.

– Вам что, нехорошо?

– Нет. Все в порядке. – Она опустила руку с привычно зажатым в пальцах рейсфедером, и все чертежницы в маленькой, на пять рабочих столов, комнате увидели в ее глазах выражение долго не отпускающей боли.

Елена с нервным румянцем на щеках сидела, выпрямившись, глядя на неоконченный чертеж, и думала, что сегодня брату бы исполнилось тридцать девять лет и отец с матерью уже ждут ее. На столе в деревянной рамочке перед ними фотография Шуры: коротко стриженный, босоногий, он сидит на крыльце, в правой руке у него сапожная щетка, а на левую надет еще невычищенный сапог; на загорелом, чуть скуластом лице улыбка, по-утреннему спокойная.

– Куда он собирался тогда? Не помню. – Она указательными пальцами потерла виски. – Какой страшный сон был про тебя, Шура! – Вернись Шурка с войны, она бы сказала ему: «Идем к нам на завод, будем вместе на работу ходить».

На заводе Елена работала с пятнадцати лет, с тех пор, как в ее школу в 1942 году пришел мужчина в полувоенном, армейского цвета костюме и сказал семиклассникам: «Кто хочет помогать фронту?». Елена попала тогда в сборочный цех – бывший склад, посреди которого, одна на весь цех, топилась печка-буржуйка. Вдоль стен – она хорошо помнила – стояли длинные столы, на которых собирали гранаты, а все остальное занимали станки. Ее за несколько дней научили штамповать корпуса для гранат. Чтобы свободно доставать ручку станка, Лене, ростом небольшой, пришлось подставлять под ноги деревянный ящик; справа от нее в других ящиках, побольше, лежали заготовки гранатных корпусов, неотогнутые края которых надо было загибать на станке. Норму Лена перевыполняла, и никто в цехе не удивлялся, что пятнадцатилетняя девочка так хорошо работает: все знали, что у нее три брата на фронте и один из них пропал без вести в октябре 1941 года.

Когда она вышла из проходной, началась снеж-

ная кутерьма. Еще дотемна Елена видела из окна, как на северной стороне толпились черные, набирающие силу тучи, и самые близкие из них, как неповоротливые большие птицы, поворачивали на город.

Через сквер из высоких, прямых тополей она вышла на улицу, увидела в темноте квадратно-черную башню элеватора, на которой горели красные, похожие на самолетные сигналы, огни и подумала: «Натерпелся Шура от самолетов», – и представила его стоящим в окопе: перед ним на бруствере лежала винтовка, и, опаленный зноем до черноты, взмокший от пота, с грязными потечками на скуластом лице, Шура смотрел туда, откуда близился таинственно гудящий, то наступающий, то отступающий, режущий облака звук; потом все закрыла взрывами поднятая в небо земля, и она уже не могла представить, каким в эти страшно томительные минуты был ее брат...

Мысли о нем не оставляли Елену с той минуты, как ее разбудил страх за него. Она не успела увидеть во сне – упал он после взрыва на землю или нет; и опять, как и весь день, она гнала от себя этот страшный, нелепый сон: ведь в детстве ей казалось, что Шура будет всегда.

Она спешила к матери, зная, что в печи будет гореть огонь, мама вспомнит, каким Шура уходил в армию чернобровым, смуглым красавцем и расплечется. А Елена часто вспоминала брата мальчишкой, одиноко из темноты смотрящим с улицы в кухонное окно. Его светло-карие глаза были широко, чтобы слезы не пролились, открыты, полные губы не дрожали, он крепко сжимал их... За спиной Шуры была такая же, как сейчас, похожая на мартовскую непогода; и, глядя в его испуганные, затемненные тоской глаза, она, восьмилетняя, рыдала, а гостившая в доме богатая тетка с тринадцатилетним сыном напирала, что пятьдесят рублей из ее сумочки взял именно Шура, и тогда Лена закричала: «Это ваш Колька украл! Он нас с Шуркой в буфет водил, мы там чай пили с конфетами, и он говорил: «Мне денег много дают. Я вас угощаю, а вы про то моей мамке не говорите!»

Теперь Елена была матерью и знала, что пережил отец, выгнав оговоренного теткой сына. Тетка везде чувствовала себя как дома и всех учила, как жить. Озябшего и голодного Шурку отец сразу вернул в дом, а Кольку, смущенно причитая, тетка выпорола ремнем.

Елена шла между не похожих друг на друга домов, ветки тополей и берез постегивали зажатые фонари, а все, что было дальше верхушек деревьев, было невидимым; и она опять ясно вспомнила брата, смотрящим на нее через оконное стекло.

С приходом тетки в доме тогда что-то сломалось, все стали держаться отдельно, каждый в своем углу, не собираясь по вечерам на долго не остывающем после солнца крыльце. Теперь Елена понимала, что это был молчаливый протест против тетки, и помнила, как проснулась с радостным ощущением, что в доме нет больше чужих людей...

Елена тогда лежала в уютном покое и думала, как в доме свободно и чисто, и опять удивлялась, почему тетка не уехала сразу, когда узнала, что деньги взял ее сын. А Шурка уже тихонько открывал дверь в спальню и от порога шептал: «Не спишь? Айда со мной! Папаня два часа как ушел. На озеро к нему пойдем, там и заночуем». Раньше он никогда не звал ее на рыбалку, и Елена благодарно таращила на брата глаза. Сначала они шли в тени стоящих вдоль старицы деревянных домов, только в конце Битевской улицы, где старица делала крутой поворот к Тоболу, свернули в другую сторону, и солнце снова крепко тронуло их.

Лена с интересом глядела на груженные, катящиеся им навстречу, телеги, в которых скучали незнакомые, разморенные на жаре мужики. С мягким топотом, медленно переставляя в пыли напряженные ноги, тянули груз лошади; и она чувствовала, как им хотелось в прохладный сумрак конюшни, и жалела их, а потом она сама устала на пыльных от зноя улицах. Слыша поспешающие за ним маленькие шаги, Шура молчаливо вел ее за собой и оборачивался, когда она

робко спрашивала:

– Далеко еще?

– Нет, вон за тем курганом, – обещающе говорил он, ждал, пока Лена поравняется с ним, и они снова шли рядом. Когда он переставал спешить, Лена ловко попадала в шаг, глубже и ровней дышала, переставала размахивать крепко сжатыми для скорости кулачками.

Они уже давно шли по степи. Над заросшим травой огромным курганом парили, хищно раскидав крылья, птицы; и девочка хорошо разглядела, как, крутя горбоносой, маленькой головой, болотный лунь то становился темно-коричневой точкой, то возвращался близко к земле...

Поглядев с опаской на большекрылых занятых охотой птиц, Лена пошла рядом с братом, иногда касаясь пальцами его твердой, в сухих мозолях, ладони. Воздух был горячий, тугой; и казалось, она с трудом рвет его. Миновав редкий кустарник, они вышли к подножию кургана, и словно перед ними открыли калитку – так толкнул влажный, прохладный ветер.

– Смотри... – весело сказал Шура.

В жарком дневном мареве, как брошенное у реки тележное колесо, в круглой, ласковой полудреме лежал город.

– Надо же, дорога как поднялась, – сказала Лена.

– А вот мы на курган подыдемся! Ну-ка!

Схватив ее за руку, по хлеставшей траве Шура бросился на самую высоту. Скоро они стояли на вершине кургана, и стремительно уходящий вниз город шел по Тоболу, оставляя по берегам приземистые, под железными крышами, пивоваренный и турбинный заводы с высокими дымящими трубами, три моста – деревянный и два железнодожных, – серебящиеся в дрожащем степном мареве. Сверкая на солнце новыми стеклами, тянулась в небо обновленная макаронная фабрика. В полуденном зное томилась обветшалая церковь, а на другом конце площади, как гриб подберезовик, стояла пожарная каланча. Вспыхнул и погас солнечный луч, коснувшись медной каски

стоящего под грибочком пожарного.

– А озеро? Где озеро, куда мы идем? – нетерпеливо спросила Лена.

– Оглянись, – сказал Шурка.

Озеро с желтеющим по берегам камышом показалось ей прозрачно-пустынным, волны гнали перед собой сверкающие, похожие на выпрыгивающих рыб, блики. Над озером парили чайки, деревенские ласточки, стрижи, а над прибрежной степью трепетали жаворонки, оповещающие всех, что они там с высоты видят.

Но прежде, чем Лена с братом пришли к давно прикормленному, законному месту папани, они обошли половину озера и остановились у нескольких, растущих недалеко друг от друга, берез.

Лодка папани легонько качалась недалеко от берега, напротив берез; и Лена, забежав в воду по колено, радостно закричала: «Мы пришли!». А отец спокойно ответил: «У меня клюет, устраивайтесь пока».

Светлой, лунной ночью, после ухи и разговора, лежа в рассохшихся, давно приспособленных для ночлега лодках, папаня, Шура и Лена засыпали у догорающего костра. Лодки стояли рядышком, и, слыша негромкое, предсонное покашливание отца и замирающее дыхание Шуры; она тогда с благодарностью думала, что он насыпал ей сена побольше, и если сейчас поменяться, то его постель окажется, как он любил, твердой. Пока он носил, раскладывая по лодкам сено, Лена помыла с песочком миски и кружки, и, когда улеглись, она испытала чувство необыкновенного, долго не проходившего удивления отдающими свое тепло лодкой и сеном, ночным криком кем-то разбуженных чаек, таинственной возней в близкой к костру траве, многоголосым шелестом берез...

И теперь, спеша после работы к матери, Елена с болью чувствовала: знай она тогда, что Шурка, всегда работающий, всегда донашивающий за старшими братьями рубашки и брюки, не вернется с войны, она жалела бы его еще больше, жила для него, и Елена опять вспомнила его такого маленького, одинокого, молчаливо смотря-

щего из темноты в кухонное окно.

Когда началась война, братья Иван с Василием уже три года служили на Дальнем Востоке, Шура было полных восемнадцать. Он сразу пошел добровольцем.

...С вечера, перед уходом на фронт, Шура нарубил много дров, принес из деревянного ларя ведро угля. И в шесть утра, пока он спал, мама с Леной растопили печь, завели блины; и когда с раскаленной сковородки был снят первый, поджаристый, как любил Шурка, блин, по затаившемуся, даже печью не разгоряченному, лицу матери тенью прошла судорога; и, кривя узкие, потемневшие губы, она беззвучно залепетала что-то, а Лена, смазывая блин топленным маслом, испуганно глядела в ее расширенные бедой зрачки, пугалась ее сухого, рвущегося из груди, кашля. «Мама, ну что ты, мама?» – шептала она, глядя ее, чувствуя, как сильно толкаются о ладонь лопатки матери.

В то утро Шура сам не проснулся и на разбужившую его сестру посмотрел так, как если бы это был самый обыкновенный день: «Пора, Леноч? – улыбнулся. Она молча кивнула. – Иди, – со сна хрипловато сказал. – Я одеваться буду».

«Он идет на войну», – сидя в кухне на лавке, глядя, как мать грустно и ловко печет блины, думала Лена. Война представлялась ей огромным полем, а Шура вместе с другими солдатами, занимая поле, гнал врага все дальше и дальше, без отдыха, до самой победы. Война казалась ей бесконечным, без сна, боем.

Шура вошел на кухню, перетянутый солдатским ремнем, в начищенных ботинках, брюки и белая рубашка отглажены. Следом зашел, по виду не спавший всю ночь, папаня. О чем они втроем говорили, Лена не знала: она вышла в многооконную горницу накрывать на стол. Застелив ее белой, старинного тканья, скатертью, расставив тарелки и три стаканчика из синего стекла, она села на табурет. Из-за далеких, видных из окна, лесов – дом на высоком месте стоял – встающему солнцу в бок нацеливалась темно-синяя туча.

Мягко, лениво разгоняясь, туча вывела за собой вереницей другие, поменьше, и скоро тучи заполнили южную сторону неба. Двустворчатая дверь отворилась, и в горницу вошел осунувшийся, будто ничего не видящий перед собой – такое заострившееся, слепое было у него лицо, – отец, следом, одергивая старенький, хорошо выглаженный пиджачок, широко шагнул через порог Шура. У него было спокойное, будничное лицо, только темно-карие глаза чуть воспаленно блестели. Мама несла тарелку с горячими блинами, наклонив голову, словно боялась на пороге споткнуться. Солнце горячечным румянцем тронуло ее правую щеку, открытый тонкий висок с бегущей по нему синей набухшей жилкой, чистый лоб, а ее темные, собранные в пучок, волосы тоже красно-огненно осветились.

– Ну что же, – стоя между выходящих на проезжую улицу окон, покашляв в кулак, негромко сказал отец и привычным жестом указал сыну место напротив. Мать с дочерью сели по правую и левую руку от Шуры. И в эту минуту в комнате потемнело, за Тоболом раскатисто гроыхнуло. Обернувшись на окно, у которого только что сидела на табуретке Лена, Шура сказал растерянно:

– Вот так так! Ко мне ребята хотели перед работой зайти.

– Придут, – сказала Лена. – Да и не будет дождя. Погремит да перестанет.

В комнате темнело быстро. Сначала сумерки отразились в зеркальном трюмо, на тумбочке, на бело-серебряной печке-голландке... Разгоняясь, как в речном водовороте, потемки сгущались вокруг сидящих за столом и скоро легли на них, оставив свой поднебесный свет. Еще печальнее, обостренней стало лицо матери, под глаза, сделав их глубже, легли серые тени. Шура сидел прямой, как на чужой свадьбе.

Гром из-за далеко растянувшихся туч – по краям застывших, посередине, как дым от огромного сигнального костра, клубящихся – раздражался все больше. То, что дождь прольется, было видно

по все убыстряющемуся дрожанию крепко прижатых к ветвям листьев осин; когда они в идущем от земли ветряном порыве взметнулись, дождь разом бросил их вниз.

Отец наказывал сыну, как вести себя среди людей. Мать смотрела обеспокоенно. Дождь ударился в окна, пошел сильнее, даль от густо падающей воды побелела, стала похожа на зимнюю, а старица была, как подо льдом, по которому ветер гнал снег.

– Ты там осторожней, – сказала мама и прикрыла лицо ладонью; и по тому, как резко заходили ее худые, длинные пальцы, все поняли, что она подумала.

Над старицей грохнуло, как из пушки, и Лена так боязливо ойкнула, что Шура засмеялся:

– Трусись, Ленок?

Настежь с лязгом открылась калитка. Шура крикнул: «Ребята пришли!» – и выскочил из-за стола.

Четверо одноклассников окружили Шуру и, не выпуская из кольца, втащили за собой на крыльцо, а потом в сенки.

– В дом заходите! – звала их мама.

– Да мы на работу, в депо бежим, – старались улыбаться ребята. – Давай, Шурка, прощаться.

...Дождь уже кончился, когда Шура с вещевым мешком за плечами вышел во двор; он подошел к отбелевшей, ведущей на крышу, лестнице, потрогал ее, открыв калитку, не пошел в огород, просто оглядел начинающую цвести картошку, капусту, две пониклые яблони, старый тополь, заброшенный, провалившийся колодец; за густой прибрежной травой были сочно-зеленые камыши спокойная с илистым дном старица, а потом заросший кустарником берег и дальше, до Тобола, низкие ивы, подрастающие тополя, крыши небольшого поселка, а за рекой – простор и лес.

Закрыв калитку, Шура выпрямился, расправил плечи, глаза его, темно-карие, глядели, запоминающая нас обещающая: «Все хорошо будет, вы меня ждите».

С таким же уверенным лицом Шура шел по

Битевской улице, которой на работу спешили знавшие его люди. Старики, женщины, подростки здоровались первыми и их «здравствуйте» в первую очередь было обращено к нему, а то, что известного им парня провожают на фронт, было ясно по его облику, а больше по отчаянным глазам матери, которая старалась идти в ногу с сыном и, не падая в лад, крепко, двумя руками, держалась за его локоть.

Отец в рабочей одежде – от военкомата ему надо было на макаронную фабрику – шел, опустив плечи, по левую руку от Шуры.

Лена же торопливо, часто оглядываясь на брата, шла впереди. На улице после грозы стояла теплынь, семицветно над старицей светилась радуга, отражаясь в чисто вымытых окнах домов, из которых сморели только что проснувшиеся пацаны. Как и все на улице, они без улыбки, серьезно глядели на Шуру, и, когда он прощально махнул рукой одному, тот, в длинной незаправленной рубашке, застеснявшись, отпрянул и снова осторожно выглянул; и, уходя, Шура еще успел увидеть его, черноглазого.

К ночи, когда отец вернулся с работы и нашел жену с дочкой у военкомата, они пошли туда, где добровольцы грузились в вагоны.

С близкого круглосуточно работающего завода доносился металлический звон и лязг. На пустыре, через который от железной дороги к заводу шли рельсы, стояли готовые к приемке людей вагоны. Папаня, мама и ждали там, где кончалась ведущая на пустырь шоссейка. Десятки женщин, стариков, старух и детей всматривались в темноту.

Сначала Лена услышала дрожание воздуха, какое бывает в лютую зиму, и сразу, разбиваясь на речной шум, шарканье ног, кашель, монотонное, иногда взрывающееся рокотанье, стал расти другой звук...

Одетые в телогрейки, плащи, свитера, остриженные наголо, добровольцы и мобилизованные, с вещевыми мешками, баулами, чемоданами, шли строем, и ждущие на пустыре кинулись к

уходящим...

Елена удивлялась, что память сохранила ей все, и ей казалось, что она никогда не была ребенком. «Говорят, мы раньше лучше были? Нет, мы просто молодые были, человека узнавали по тому, кто как работал». И в который раз за этот день она увидела перед собой брата: в шинели, в обмотках, в облезлой каске, с ручным пулеметом на правом плече, он переговаривался с бойцами и вроде поторапливал их; может, это был обыкновенный разговор на ходу, но Елена не знала, о чем говорят пытающиеся выйти к своим солдаты.

...Остановившись под скрипучим, монотонно качающимся фонарем, она глянула на часы. Еще надо было пройти улицей Зеленой, миновать озерко, железнодорожные пути, а потом дороги – на двадцать минут. Она шла на Битевскую – в родной дом. Дом на старице был неизменным, вросшим в землю корнями. Ее же благоустроенная квартира в пятиэтажке оставалась для нее жильем временным, которое они с мужем и сыном могли обменять.

Из серой уличной темноты расплывающимся пятном выступила стоящая на углу, отличная от других видом и цветом, хата; ее поставил – она знала – оставшийся в городе после госпиталя демобилизованный по ранению украинец. Изба была белой, с невысоким плетнем, на колья которого были надеты два глиняных горшка. За плетнем бугрился защищенный снегом большой огород.

«Шура, поди, на Украине лежит, зарытый», – подумала Елена и надолго горестно остановилась возле плетня.

Потом, свернув на исправно освещенную фонарями улицу, она сразу услышала неразборчивую с близкой станции путейскую скороговорку.

Со станции навстречу ей летел прожекторный свет, и все кругом: дома с еще незакрытыми ставнями, близкое озерко, посеченное темными полосами от стоящих по берегам дворовых заборов – все приобрело четко означенное, плоское, как на

чертеже, выражение. За озерком и белой крышей одноэтажного, с высокими окнами, госпиталя для инвалидов Отечественной войны черно стояли девятистолетние тополя.

И Елена вспомнила, что в начале войны она была в этом госпитале со школьной концертной группой. Она многое успела забыть, но память выхватила из той белой, госпитальной круговерти палату на четыре койки и лежавшего у окна безрукого парня, а что он так посечен взрывом, их, девчонок, предупредила перед дверью врач. Парень лежал по шею укрытый и улыбался смущенно – вот все, что вспомнила Лена и смятенно подумала: «Может, Шура тоже так лежал в госпитале, и сколько он там перестрадал, передумал о матери, об отце, братьях, сестре и той ночевке, когда спали в рассохшихся лодках?» Она ступила на деревянный, через озерко, мостик, и тут кто-то, грубо и цепко схватив ее за плечо,дохнул на ухо:

– Стой! – и развернул к себе.

Перед ней стоял длинноносый, выше ее ростом, узкоглазый, с тонкими, почти невидимыми губами человек в черном осеннем пальто и серой, кроличьей шапке.

– Деньги давай! – сказал он свистяще.

Елена увидела, как его угрожающие глаза стали еще уже, и еле выговорила:

– Нет у меня денег.

– Врешь, сука! – выпалил он, и его левая рука с зажатым в ней стальным прутом дернулась. Другой, голой, без перчатки, рукой он рванул Елену к себе за пальто так, что пуговицы отлетели и стукнулись о мерзлые доски мостка.

– Врешь, сука, – снова, но уже тише повторил, а его рука прошарила внутренний, у пояса, глу-

бокий карман ее старенького пальто.

– Вот же деньги, – опять негромко, с возмущенным лицом сказал. – А? – И его рука выдернулась.

– Так это рубль, – ответила ему Елена.

Он осматривал ее с головы до ноги подступал ближе:

– Часы снимай.

Елена поглядела ему за спину. Все там было пустынно. И ей показалось, что никого больше нет на земле.

– Ну! – прикрикнул человек в черном пальто, прут в его руке опять угрожающе дернулся. Лена сняла варежку и свободной рукой стала расстегивать неподдающийся ремешок часов, позолоченных, – подарок матери.

Она расстегивала ремешок медленно, а человек глядел на это нервно и зло. Взяв часы в правую руку, она зажала их в кулаке; и он впервые поглядел ей в глаза – безразлично и нагло, как на свое; и тогда она вскинула руку и со всей женской силой бросила часы на промерзшие доски, себе под ноги. Глухо клацнув, часы разбились, а лицо, подбородок мужика, его нос, узкие серые глаза и шапка, как от гранатной вспышки, дернулись вверх.

– Что, фашист? Бей!

Человек в черном пальто отступил на шаг.

– Фашист! – задохнулась Елена.

– Ну, ты... – с опаской проговорил он, оглянулся и, спрятав железку в рукав, побежал.

Не став ему смотреть вслед, Елена без сил прислонилась к перилам мостка. Впереди нее в свете стационарных прожекторов клубились, похожие на взрывы, госпитальные тополя...

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

БЕЗЫМЯННАЯ ВЫСОТА

Травников Г. А.

ОГЛУЗДИНА
Людмила Александровна

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Он похоронен на Мехонском кладбище. Скромный железный памятник с красной звездой. Открытый взгляд с овальной фотографии. Табличка: «Бекреев Александр Федорович. 21.02.1917 г. – 18.08.1987 г.»

Родился мой отец в феврале 1917 года в деревне Усольцевой. Был он пятым ребенком и единственным сыном в семье. Отца своего он не помнил: так рано осиротел. Не пришлось ему в детстве играть и проказничать. С малолетства стал он кормильцем. Старшие сестры были невестами и мать из последних сил тянула их. Не всегда сытый, часто в обносках и почти всегда босой – так он рос. Получил образование – аж 4 класса. Просыпался ни свет ни заря, чтобы первому вступить в обушки (одни на пятерых) и убежать в

школу. Старшая сестра вспоминала: она – невеста, в цветах, сидит с женихом за свадебным столом. Подбегает Санко: «Крестюха, ты так же сидишь, дай пимов, я на горку сбегаю».

Нелегкий крестьянский труд: пахота, посевная, сенокос, уборочная страда – выполнялся неокрепшими детскими руками. В 10 лет отправила его мать в подсобники к старшему зятю в кузницу, зарабатывать свой кусок хлеба. Зять был человеком суровым и даже жестоким. За остывший огонь, за неудержку молота (силенок-то не хватало) получал деверь в избытке подзатыльники, иногда и железным прутом по спине.

Рос Санко пареньком любознательным и сообразительным. Быстро осваивал деревенские ремесла, но больше тянуло его ко всяким меха-

---

Родилась в 1950 году в Шатровском районе. Закончила историко-филологический факультет КГПИ в 1973 году. Общий трудовой стаж 30 лет, из них 12 лет педагогический и 18 - заводской. Ветеран автомобильного и сельхозмашиностроения. На пенсию вышла в 2005 году с должности ведущего инженера по подготовке кадров ОАО « Русич» КЗКТ. Была внештатным корреспондентом газеты «Заводская жизнь». Ведет активный образ жизни: пишет стихи, хранит и систематизирует историю своей семьи Бекреевых – Оглуздиных в документах и фотографиях.

низмам. Главным механизмом тогда в деревне был трактор. Бегал в Ударник, где была коммуна «Скневмар», посмотреть, а если повезет, потрогать стального коня.

В 1938 году двадцатилетний молотобоец Александр Бекреев призывается в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Дальний Восток. Непокойно на границе с Японией. Диверсии. Provokации. В составе 48-й оборонной танковой бригады красноармеец Бекреев блестяще выполняет задание поддерживать технику в боевой готовности. Первая медаль за отличную службу «20 лет РККА». Потом в начале 40-го он на Северном фронте воюет с финнами. В начале 41-го демобилизован из армии.

Вернулся в родную деревню. Привел в дом молодую жену. Стал обустраивать свое немудреное хозяйство. А тут, 22 июня, грянула она – Великая Отечественная. 25 июня Каргапольским РВК призван в действующую армию в составе 50-го отдельного восстановительного железнодорожного батальона.

Самым важным и мобильным в годы войны был железнодорожный транспорт. От его бесперебойной, четкой работы зависели все боевые действия, исход многих сражений и жизнь миллионов простых граждан. Поэтому бомбили, обстреливали из всех видов орудий, совершали диверсии на железнодорожных вокзалах и станциях немцы постоянно. Особенно в начале войны.

Конечно, страшно было находиться все время на волоске от смерти. Но еще страшнее было видеть море людского горя и страданий. Прежде чем восстановить искореженные взрывами и бомбами пути, приходилось убирать трупы женщин, стариков и детей, а порою соскребать с рельсов кровавое месиво, которое было когда-то человеческим телом. Приходилось приводить в порядок вагоны, из которых текли ручьи крови, видеть грудных детей, ползающих возле убитых матерей, матерей, прижимающих к груди растерзанных осколками детей, слышать стоны раненых, вопли и вой по убитым, утробный рев потерявших от страха и крови рассудок.

Есть у моего отца медаль «За оборону Ленинграда». Все знают о «дороге жизни». Чтобы доставить продукты в осажденный город, ж./д. пути подходили как можно ближе к городу и содержать их в рабочем состоянии надо было несмотря ни на что. Не меньше мужества, чем идущим в атаку, требовалось им, бойцам отдельного восстановительного батальона, чтобы делать свою солдатскую работу. И так же, как в бою, почти каждый день гибли на этой «дороге жизни» боевые товарищи моего отца.

Но не только горькие и страшные страницы войны листал солдат. Радость и триумф побед принесли 43-й и 44-й годы. В декабре 1945 года он уже в Румынии. Совсем недалеко до логова фашизма – Берлина. В воздухе носится запах победы. В мечтах витают планы мирной жизни. Но...

11 января 1945 года в отдельный ж./д. спецбатальон приходит приказ о переброске его на Дальний Восток. Через всю страну, заживляющую кровавые раны войны с Германией, мимо родных мест, заждавшихся солдата, на новую войну (уже третью в его жизни) – теперь уже с милитаристской Японией – едет солдат Александр Бекреев.

Все годы войны с Германией стране грозила опасность нападения японцев. И только стойкость и терпение русских и достаточное количество войск на границе сдерживало их.

В конце января, в условиях строжайшей секретности, уже перепрофилированный в 6-й отдельный ж./д. спецбатальон, в составе которого служил мой отец, приступает к подготовке плацдарма для наступления наших войск и приему эшелонов с войсками и оружием.

Под видом осужденных и штрафников, разоруженные, в разнокалиберной одежде, под конвоем выполняли ребята свою работу. Чтобы не вызывать подозрений у японской разведки, отношение к без пяти минут победителям было соответствующим: отдых в бараках за колючей проволокой и почти голодный рацион. Выручал кедровник, где, опасаясь вражеских лазутчиков, собирали шишки. В изобилии была селедка, только воду из колодцев пить не разрешали (могли быть отрав-

ленными). Но таков уж русский солдат, что в любых, самых трудных условиях, он выполняет свой долг.

Отгремели последние бои в Германии, отсалютовала страна победителям и в июне 1945 года солдаты железнодорожного спецбатальона взяли в руки оружие и пошли в бой вместе со всей армией. Били наши солдаты хваленых японских самураев почем зря. В этих боях потерял мой отец лучшего своего друга. Но вот 2 сентября закончилась и эта война. Закончилась Вторая мировая.

В один день получил мой отец сразу две медали: «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Думалось: «Ну, всё! Пора домой!». Но страну надо было поднимать из руин, восстанавливать

народное хозяйство, в том числе и железнодорожный транспорт.

Только в 1948 году демобилизовался мой отец. Без малого 10 лет отслужил солдат родине и трудовому народу. Вернулся

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ. МАЙ 1945 ГОДА. БЕРЛИН

фронтовик в родную деревню, в выгоревшей гимнастерке с вещмешком, где лежали новая пара сапог да нижнее белье. Был бушлат, да отдал его безногому инвалиду-фронтовику, обитавшему на вокзале. Родной дом встретил его заколоченными окнами. Мать жила в семье одной из дочерей, нянчила ребятишек. Жена, еще в начале войны, схоронив годовалую дочь и не ужившись со свекровью, уехала, не оставив адреса. Надо было начинать мирную жизнь с чистого листа.

Работы в колхозе имени Сталина было непочтый край. Умелые мужские руки были очень нужны. Поставили отца бригадиром тракторной бригады. Только вот семейная жизнь никак не ладилась: старые подружки были давно уже замужем и растили ребятишек, а молоденьких девчонок не признавала мать. Как-то, видя неустроенность жизни сына, мать, вздохнув, сказала: «Поезжайка, Александро, в Ленскую, посватай там вдову, которая одна со свекровкой 10 лет прожила. Люди хвалят её. Самостоятельная баба, да работающая. Дочь у неё уж большенькая. Может и сойдетесь».

Летом 49-го к пятистенку погибшего в сорок первом под Ленинградом старшего лейтенанта Свалова Александра подошел Александр Бекреев. Из домишки навстречу кинулась худенькая девочка лет десяти, с немым вопросом в глазах: «Кто ты?». И тут же выдохнула: «Папка?!».

Так свела судьба двух опаленных войной людей, моих родителей: Бекреева Александра Федоровича и Свалову Ираиду Ивановну.

А потом, как и у всех в послевоенные годы – работа, работа и работа. В 50-м году родилась я. Семья росла. Начали строиться. Сломали старый дом и срубили новый с помощью всех трудоспособных родственников и друзей, а остальное все вдвоем. Отец умел всё: и плотничать, и печки сложить (особого мастерства требовала русская печь), и окна застеклить, и электричество провести. Только работа бригадиром тракторной бригады мало оставляла времени на личные дела, да и материально было трудновато. Работали колхозники тогда за трудовни.

Время шло, и на смену бывшему фронтовику в

тракторную бригаду пришли молодые грамотные ребята. Отец недолго работал в какой-то организации в Мехонском. Помню, как ждала его с работы. Он часто приносил мне гостинцы то от зайца, то от белочки. Я им страшно была рада, хотя они были очень похожи на мамины шанежки. Но больше всего радовали меня книжки, которые отец приносил из детской библиотеки. Я и сейчас ощущаю гладкость их обложек и запах типографской краски. Потом в нашем колхозе «Россия» построили тепловую электростанцию и отец долго работал там мотористом. Когда вечером, часов в 9 лампочка начинала подмигивать, мама говорила: «Отец спать велит укладываться», и я послушно шла в постель.

Всегда, насколько я себя помню, была во мне уверенность, что мои родители поступают правильно и справедливо. Никогда не завидовала обновкам Лиды, моей старшей сестры, наоборот – радовалась, потому что знала – буду донашивать их я. Не задавалась вопросом – почему на мои обиды и обидчиков никто не обращал внимания, а с теми, кто обижал Лиду, отец шел разбираться.

А каким интересным рассказчиком был отец! Вечерами, на приступке нашего амбара во дворе, после «управы» его уже ждали 3-4 слушателя, курили жестокий самосад и редкими возгласами или жестами выражали свое отношение то к графу Монте-Кристо, то к «кавказскому пленнику» Жилину или восхищались благородным разбойником Владимиром Дубровским, то хохотали над дедом Щукарем. Удивлялась тому, когда успевал отец прочитать эти книги, а потом с таким артистизмом пересказывать их.

И только про войну не слышала я ни одного рассказа. И на митингах в честь Дня Победы он никогда не выступал. Не мог. Он плакал. В такие дни уходил отец от шумных гуляний, молча выпивал стопку за стопкой, а слезы текли по его щекам. Что виделось ему в эти минуты? Работа под вражеским огнем? Убитые мирные жители на железнодорожном полотне? Погибшие товарищи? Финские “кукушки”? Японские самураи?

Вой снарядов и ожидание смерти? Или отвратительное и мерзкое лицо, имя которому «Война»? К 5-ти боевым медалям прибавлялись многочисленные юбилейные и орден Отечественной войны.

На пятом десятке лет вернулся отец опять к железу, с которого мальчишкой начиналась его трудовая биография. Работал в машинотракторной мастерской, ремонтировал многочисленную сельхозтехнику. А потом кузница. Последняя запись в его трудовой книжке: кузнец колхоза «Россия».

В 1987 году, пережив маму на десять лет, отец заболел и три месяца боролся с неизлечимым

недугом. Не жаловался, не ныл. Последнюю неделю ночами мы по очереди с сестрой дежурили у его постели. Утром, сдавая «дежурство», обе отмечали: «Опять ходил в атаку». Это значило, что отец срывался в бреду с постели, искал сапоги, просил помочь встать: «Ребята пошли в атаку, а я в окопе остался!» – «Где? Какие ребята?». И он называл имена погибших в войну и умерших после нее товарищей-фронтовиков. 18 августа 1987 года ушел мой отец из жизни, ушел, как в последний бой.

Память о нем я буду хранить до конца своих дней...

ВСЮ ЖИЗНЬ ВМЕСТЕ

КУСНЯК

Владилена Куприяновна

прошла всю войну медицинской сестрой. Начинала с санитарного поезда, потом работала в госпитале и демобилизовалась уже в 1946 году в звании младшего сержанта.

КУСНЯК
Иван Антонович

1924 года рождения. Призвался на фронт вместе со своим отцом, Антоном Семёновичем, который уже воевал в гражданскую красным партизаном. В августе 1944 года Антон Семёнович погиб в Яско-Кишинёвской операции. Иван Антонович прошёл с боями Румынию, Венгрию, а в Чехословакии, в конце марта 1945 года, при взятии одной деревни он был тяжело ранен. В госпитале дедушка познакомился с моей бабушкой. Они прожили вместе долгую и счастливую жизнь.

Фото предоставлено внучкой ветеранов войны, приславшей только свою фамилию – Демиденко.

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

**Подпись на обратной стороне фотографии:
“На долгую память родным из Отечественной войны от Манакова Александра Ивановича
и его товарищей. 15/VII 1945”
(четвертый слева)**

Фото предоставлено Васильченко Оксаной Васильевной,
социальным педагогом Журавлевского культурно-образовательного центра
Каргапольского района.

ПИЧУРИН
Валерий Александрович

ГЕНЕРАЛ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Он первым доложил Сталину точную дату начала войны, с помощью данных его разведки состоялся разгром гитлеровских войск на Курской дуге и произошел окончательный перелом в войне в пользу СССР, при нем наша страна добыла секреты атомного оружия, положив конец монополии США в этой области. Он выигрывал в противоборстве разведок ведущих мировых держав. Он – это наш земляк, генерал-лейтенант Павел Михайлович Фитин, возглавлявший советскую внешнюю разведку в годы Второй мировой войны.

История разведки и контрразведки хранит в своем арсенале тысячи тайн, имен, фактов, названий, событий, дат. Лишь с течением времени из этого хранилища секретов в свет выходят сенсационные подробности, о которых нам с вами ничего не было известно. Я расскажу вам о трудной, ответственной работе и непростой судьбе нашего земляка Павла Фитина. Под его руководством советская разведка добилась блестящих успехов в период Великой Отечественной войны, обеспечивая Кремль важнейшей стратегической информацией, позволявшей руководству страны раскрывать замыслы и упреждать действия противника не только на полях сражений, но и в мировой политике. На счету разведчиков столько уникальных тайных операций, что о многих эпизодах до сих пор нельзя писать даже сейчас. Но постепенно все меньше событий остается под грифом «Совершенно секретно». Публикуемые сегодня материалы автору предоставлены в Управлении ФСБ России по Курганской области.

Уроженец поселка Михайловка Кустанайской области Казахской ССР. В 1983 году окончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. Майор юстиции в отставке. После увольнения из Вооруженных Сил работал журналистом в газетах "Зауралье", "Новый мир", "Курган и курганцы", региональном приложении "Аргументы и факты". Награжден медалями Министерства обороны и МВД России.

ПУТЬ В РАЗВЕДКУ

Павел Михайлович Фитин из крестьянской семьи. Родился 28 декабря 1907 года в селе Ожогино Шатровского района Курганской области. Окончив начальную школу, в неполные тринадцать лет пошел работать в сельхозкоммуну, вступил в комсомол. Его тяга к знаниям не ослабевала, и Павел снова сел за парту, а после окончания средней школы поступил на инженерный факультет Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Получив диплом, трудился заведующим редакцией сельскохозяйственного издательства. Затем служил в Красной Армии, а после демобилизации вернулся на прежнее место работы, где занимался выпуском книг по сельскому хозяйству.

В результате репрессий 1937-38 годов, жертвами которых стало около 23 тысяч чекистов, советская внешняя разведка была практически обезглавлена, связь с агентами потеряна, резидентуры разгромлены и в течение примерно полугода не действовали. Разведывательная информация из-за рубежа фактически перестала поступать, необоснованные чистки органов государственной безопасности, получившие в народе название «ежовщина», выкосили кадры.

В этой ситуации остро встал вопрос о пополнении разведведомства молодыми сотрудниками с высшим образованием. Ситуацию требовалось срочно исправлять. Так, в марте 1938 года Павел Фитин по партийному набору был направлен на специальные курсы школы особого назначения НКВД, готовившей кадры для внешней разведки, и после их окончания его определили стажером в 5-й (иностранский) отдел Главного управления госбезопасности на должность оперативного уполномоченного.

Будучи прекрасным организатором, он быстро поднялся по служебной лестнице. Уже в конце 1938 года стал заместителем начальника отдела, а вскоре последовало новое назначение: молодой выпускник школы особого назначения Павел Фитин в неполные тридцать два года возглавил внешнюю разведку госбезопасности, стремитель-

ный карьерный рост! Но время показало, что выбор был сделан правильно.

Мечтал ли обычный деревенский парень о разведке? Трудно сказать.

Полученное образование говорило о том, что намеревался использовать свои знания в сельском хозяйстве, но судьба распорядилась иначе. С другой стороны, разведка не хлебный магазин, куда можно любому запросто войти и задержаться там по собственному желанию.

Случайных людей в разведке не бывает. Для такой работы нужны особые качества и способности.

Каким был Павел Фитин?

Историю, которая характеризует его и как человека, и как руководителя, рассказал в одной из публикаций газеты «Военно-промышленный курьер» бывший советский разведчик, Герой России Александр Феклисов, непосредственно участвовавший в добыче атомных секретов.

В декабре 1940 года он собирался в командировку в США. Накануне отправки был приглашен к начальнику разведки.

– Пришел к нему вечером, – вспоминал он. – Павел Михайлович, стройный блондин среднего роста, при моем появлении встал из-за стола, протянул мне, оробевшему, руку, предложил сесть и спросил, как настроен перед поездкой.

Внимательность начальника произвела на меня сильное впечатление. Он встретил очень тепло, сразу предупредил, что будет тяжело, потому что один наш опытнейший сотрудник выслан из США, и работу нужно будет начинать почти с нуля.

Улыбаясь, сказал, чтобы я не стеснялся в случае чего обращаться за советом в Центр и что могу рассчитывать на помощь и поддержку.

Что касается личных качеств, то общаться с ним было приятно: он всегда был спокойным, дружелюбным, никогда не кричал. Был молчалив. Наверное, потому, что много работал и сил на лишние разговоры просто не оставалось. Умел слушать, а затем задавал несколько точных вопросов и принимал решение.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Наследство вставшему у руля внешней разведки Павлу Фитину досталось тяжелое. Молодой начальник начал с восстановления резидентур за границей. Для связей с законсервированной агентурой им направлялись туда как опытные, так и молодые сотрудники. В результате за короткий срок ему удалось воссоздать 40 зарубежных резидентур, направить в них более 200 разведчиков, а также восстановить многие нелегальные резидентуры. Это сразу отразилось на результатах – в Центр потекла секретная информация.

Тем временем в воздухе пахло гарью крупного европейского конфликта. Западные державы явно желали натравить Германию на Советский Союз. Москве необходимо было знать реальные замыслы Гитлера и его европейских партнеров, однако в тот момент от заграничных аппаратов разведки данные на этот счет не поступали.

В июне 1940 года в Берлин для восстановления связи с ценными источниками резидентуры – сотрудником разведотдела люфтваффе Харро Шульце-Бойзенем (оперативный псевдоним Старшина) и старшим правительственным советником имперского министерства экономики Арвидом Харнаком (Корсиканец) – прибыл молодой разведчик Александр Коротков. Срок его командировки первоначально был определен в один месяц, однако затянулся на полгода. В Германии Коротков также наладил контакт с ценнейшим источником берлинской резидентуры НКВД, начальником «советского» отдела гестапо Вилли Леманом (псевдоним Брайтенбах), от которого накануне войны были получены важные документальные материалы, в том числе доклад, подготовленный гестапо для Гимmlера, от 10 июня 1941 года о советской подрывной деятельности. Из него стало ясно, что гитлеровскому руководству ничего существенного об оперативной работе резидентур НКВД и ГРУ в Германии неизвестно.

На связь с Арвидом Харнаком советский разведчик вышел в сентябре 1940 года. Корсиканец передал Короткову ряд ценных разведывательных

сведений, включая информацию о военных планах Германии против Советского Союза. Вскоре через него была установлена связь и со Старшиной (Харро Шульце-Бойзен), а также с другими членами подпольной антифашистской организации, получившей впоследствии название «Красная капелла». Герои-антифашисты работали до августа 1942 года, пока не были арестованы гестапо.

ОХОТА ЗА ПЛАНАМИ

Еще в мае 1939 года Фитин доложил Сталину обобщенную информацию разведки об утвержденном Гитлером плане «Вайс», который предусматривал оккупацию Германией Польши. Разведке стала известна и крайняя дата нападения на Польшу – 1 сентября, что означало новую мировую войну.

Когда в августе 1939-го в Москву отправилась англо-французская делегация для переговоров о совместных действиях по предотвращению гитлеровской агрессии, лондонская и парижская резидентуры внешней разведки передали в Центр секретные инструкции, полученные этими делегациями. Одновременно от «кембриджской пятерки» поступили сведения о том, что Германия и Англия ведут секретные переговоры по заключению договора о ненападении. До начала второй мировой оставалось меньше двух недель.

Началась война, как и докладывала разведка, 1 сентября с устроенной гитлеровцами провокации у польского местечка Гляйвице. Группа преступников, специально выпущенных из германских тюрем и переодетых в польскую военную форму, захватила радиостанцию и обратилась в эфире с призывом к началу войны с Германией. В ответ Гитлер отдал приказ атаковать Польшу. Сам факт провокации, приведшей к развязыванию второй мировой войны, произвел глубокое впечатление на советское руководство и самого Сталина.

Однако урон, нанесенный внешней разведке необоснованными чистками в период «ежовщины», был слишком велик, и, несмотря на пред-

принимаемые Павлом Фитиным меры по восстановлению ее заграничных аппаратов, она не смогла предупредить Центр о нападении 10 мая 1940 года Германии на Францию с одновременной оккупацией ею стран Бенилюкса – Бельгии, Нидерландов, Люксембурга. В первые же дни войны немцы пленили 700 тысяч французских военнослужащих. 22 июня Франция капитулировала. В плен попали еще 1 миллион 400 тысяч французских солдат и офицеров.

Разгром крупнейшей в Европе армии произвел ошеломляющее впечатление. Всем стало понятно, что Германия имеет самую мощную в мире военную машину, в то время как, например, США располагали 100 тысячами солдат и офицеров в сухопутных войсках и столько же имели в ВМФ.

Внешняя разведка органов госбезопасности во главе с Павлом Фитиным работала особенно активно, когда немцы начали переброску своих войск к советским границам.

22 июля 1940 года, ровно месяц спустя после капитуляции Франции, Гитлер издал директиву о разработке плана нападения на нашу страну. План получил название «Барбаросса». К концу года его подготовка была завершена, и 18 декабря фюрер подписал совершенно секретную директиву № 21. В ней говорилось, что германские вооруженные силы должны разгромить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. Приготовления к реализации плана «Барбаросса» предписывалось завершить к середине мая 1941 года. Решающее значение придавалось дезинформации противника и сохранению военных приготовлений Германии в тайне.

Здесь следует отметить, что ни одна разведка мира, включая советскую, не сумела заполучить план «Барбаросса». Однако нашим разведчикам удалось до начала войны выяснить его основное содержание.

А всего с июля 1940 года по июнь 1941-го внешняя разведка направила в Политбюро более

120 детальных сообщений о военных приготовлениях Германии по захвату и дальнейшей эксплуатации вермахтом советских территорий.

ДЫХАНИЕ ВОЙНЫ

В эти годы Павел Фитин работал очень энергично. От резидентов с каждым днем приходили все более тревожные сведения. Сообщения заграничных аппаратов показывали, что приготовления Гитлера к нападению на СССР завершены, и война может начаться в любой момент. Об этом, в частности, сообщали резидентуры в Берлине, Риме, Праге, Хельсинки, Шанхае.

Однако Лаврентий Берия, знавший о том, что Сталин войны не хочет и стремится ее предотвратить, грозился «стереть в лагерную пыль» всякого, кто говорил о ее неотвратимости. В этих условиях начальнику внешней разведки приходилось нелегко, ведь горячее дыхание войны было все ближе.

В апреле 41-го по указанию Фитина разведка получила сообщение из Лондона от Кима Филби, работавшего в британской контрразведке. В нем говорилось, что «у советских границ развернуто 127 германских дивизий, в том числе в Польше 58. Всего в германских вооруженных силах насчитывается 223 дивизии». Только после войны стало известно, что на самом деле у Гитлера было на 50 дивизий больше.

К маю 1941 года информация заграничных резидентур стала настолько детальной, что были известны не только места дислокации дивизий, но и расположение батальонов, штабов частей. Разведка сообщала о завершении строительства рокадных дорог, укреплении мостов, подготовке переправочных средств, выгрузке боеприпасов. Однако она не могла ответить на главные вопросы, тревожащие высшее советское руководство. Какие цели преследует Гитлер? Где и какими силами будет направление главного удара? Как начнется война – с провокаций, приграничных сражений, или же будет предъявлен ультиматум?

Близость войны заставила советское руковод-

ство провести очередную реорганизацию органов государственной безопасности, объединив под единым началом разведывательные, контрразведывательные и пограничные подразделения. В феврале 41-го был создан Наркомат госбезопасности, который возглавил Всеволод Меркулов.

16 июня из Берлинской резидентуры пришло срочное сообщение Старшины, в котором говорилось, что «все военные приготовления Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удара можно ожидать в любое время».

Об этом тут же было доложено Меркулову. Фитин отдал распоряжение начальнику германского отделения срочно подготовить для Сталина обобщенную информацию разведки. Война явно стояла на пороге.

В час дня 17 июня Павел Фитин и Всеволод Меркулов прибыли в Кремль. Когда их пригласили в кабинет вождя, Сталин поздоровался кивком головы, но сесть им не предложил, да и сам не сажился, слушая доклад и расхаживая по кабинету. Иногда он прерывал Фитина, чтобы задать вопрос. Подойдя к большому столу, на котором лежали многочисленные сообщения и докладные записки, Сталин, не поднимая головы, сказал:

– Прочитал ваше донесение... Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз?

Меркулов и Фитин молчали. Сталин продолжал ходить по кабинету, изредка попыхивая трубкой. Наконец, остановившись перед ними, спросил:

– Что за человек, сообщивший эти сведения?

Павел Фитин дал подробную справку на Старшину, подчеркнув, что он работает в министерстве воздушного флота, очень осведомлен, и у разведки нет оснований сомневаться в его искренности.

После этих слов вновь наступила долгая пауза. Сталин, подойдя к своему столу, произнес: «Дезинформация! Можете быть свободны!».

Фитин помнил, что разведка называла уже восемь дат гитлеровского нашествия. В мае, о чем говорили многие донесения, нападение не состо-

ялось: Гитлер вторгся в Югославию, а также оккупировал остров Крит.

И вот теперь поступают сведения о девятой дате. Что это – истина в последней инстанции или очередной блеф бесноватого фюрера? Ведь и нападение на Францию он под разными предлогами переносил тридцать восемь раз! Однако внутренний голос ему подсказывал, что на этот раз источники разведки не ошибаются.

В берлинскую резидентуру была направлена шифровка с заданием перепроверить сообщение о нападении, намеченном на 22 июня.

Прошло несколько тревожных дней, но ответа на телеграмму все не было.

На рассвете 22 июня Павел Фитин, работавший и ночью, как требовал вождь, вышел из своего рабочего кабинета и поехал домой. Однако отдохнуть ему не удалось – неожиданно зазвонил телефон. Было пять часов утра. В трубке раздался голос дежурного по Наркомату госбезопасности: «Товарищ генерал, вас срочно вызывает нарком». Фитин догадался о причинах срочного вызова – значит, все-таки подтвердилась информация разведки.

Когда сотрудников, прибывших к Меркулову, пригласили в кабинет, нарком сообщил, что на всем протяжении западной границы – от Балтийского до Черного моря – идут бои. И, обратившись к начальнику внешней разведки, сказал: «Вам необходимо подготовить соответствующие указания закордонным резидентурам».

В резидентуры Наркомата госбезопасности за границей ушли телеграммы, подписанные Павлом Фитиным. В них уточнялись задачи в связи с начавшейся войной. Главная задача – выявить реальные военно-политические планы нацистской Германии, а также ее союзников в отношении СССР.

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ

Пределом мечтаний любой разведки мира называл информацию, добытую советской разведкой в годы войны, известный американский специа-

Удостоверяющая
грамота
к нагрудному знаку
Заслуженного
работника НКВД,
врученного
24 февраля
1942 года
Павлу Фитину

лист в этой области Аллен Даллес, возглавивший в послевоенные годы Центральное разведывательное управление США. Эта оценка была им дана много лет спустя после победы над фашизмом, а в далеком 1941 году советской разведке пришлось на ходу перестраивать всю оперативную работу. В тех условиях сделать это было очень непросто.

В первый же день войны гестаповцы блокировали советское посольство в Берлине. Но разведчику Александру Короткову, который был заместителем резидента в столице Германии, удалось встретиться со Старшиной (Харро Шульце-Бойзен), работавшим в разведотделе люфтваффе, и Корсиканцем (Арвид Харнак), занимавшим пост в имперском министерстве экономики, и передать им радиостанцию, а также необходимые инструкции. Тем не менее связь с антифашистским подпольем на какой-то период была утрачена.

В то же время «легальные» резидентуры, действовавшие в Германии и ряде оккупированных ею стран, с началом войны прекратили существование. «Нелегалы» развернуть полноценную работу также не смогли.

В конце августа 1942 года гестапо арестовало подпольные группы Старшины и Корсиканца.

Всего в Германии по делу «Красной капеллы» было брошено за решетку свыше двухсот антифашистов, а с учётом оккупированных территорий — шестьсот человек, большинство из которых отправили на казнь. Был повешен ценный агент советской внешней разведки Брайтенбах (Вилли Леман), работавший в гестапо.

Однако группам, которыми руководили Корсиканец и Старшина, удалось передать в Центр немало важных сведений. Так, от них была получена информация, что в 1942 году Гитлер откажется от наступления на Москву и главный удар нанесет по Кавказу. Но Сталин проигнорировал эти разведанные, что впоследствии привело к прорыву группы армий Паулюса к Сталинграду.

Утратив возможности добывать важную информацию непосредственно в Германии, Павел Фитин сделал ставку на активизацию работы «легальных» резидентур в странах, не оккупированных нацистами — в США, Болгарии, Турции, Китае, Иране, Швеции и других.

Особенно успешно дела шли в Англии, где действовала знаменитая «кембриджская пятерка»: Ким Филби, Джон Кернкросс, Энтони Блант, Дональд Маклейн и Гай Берджес. Благодаря их вир-

туозной работе внешняя разведка нашей страны, руководимая Павлом Фитиным, всю войну имела доступ к секретным документам военного кабинета Англии, к переписке премьер-министра Черчилля с президентом США Рузвельтом и другими главами государств, а также к переписке министра иностранных дел Идена с послами Англии за рубежом.

После разгрома гитлеровских войск под Сталинградом советское командование крайне интересовало дальнейшие стратегические планы Германии на Восточном фронте к лету 1943 года. Англичане, еще до войны получившие немецкую шифровальную машину и читавшие переписку гитлеровского генштаба, перехватили телеграмму. В ней сообщалось, что летом немцы намерены наступать в районе Курска. Джону Кернкроссу удалось узнать содержание телеграммы, и оно немедленно было направлено в Центр.

Павел Фитин доложил сообщение Верховному Главнокомандующему. На сей раз Сталин поверил данным внешней разведки. Командованием были предприняты необходимые контрмеры, что сыграло решающую роль в разгроме гитлеровских войск на Курской дуге и переходе стратегической инициативы в руки Советской Армии.

СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Еще в июле 1941 года руководство нашей страны приняло решение об очередной реорганизации разведки. Это было связано с быстрым продвижением войск вермахта на восток. Наркомат госбезопасности был ликвидирован, а внешняя разведка вновь возвращена в состав Наркомата внутренних дел, которым руководил Берия. Начальником разведки по-прежнему оставался Павел Фитин. Одновременно в структуре появилось IV Управление НКВД, главной задачей которого было ведение разведки и диверсий в тылу германских войск. Его возглавил Павел Судоплатов, который был разработчиком большинства вошедших в историю закордонных спецопераций. Советская разведка готовила диверсантов высокого

класса.

– Для членов «Группы» не существовало понятий «не могу» или «невозможно». Любое задание командования должно быть выполнено, и выполнено в срок, чего бы это ни стоило, – рассказывал в интервью обозревателю «Итогов» Герой России, писатель Юрий Колесников, который служил тогда во внешней разведке и являлся одним из сотрудников особой «Группы Я», подчинявшейся лично Сталину.

С началом гитлеровского нашествия внешняя разведка упорно искала ответ на вопрос, вступит ли Япония в войну на стороне Германии. Этот момент пристально отслеживали резидентуры в Японии, Китае и других странах.

Уже в первые месяцы войны из разных источников поступила информация, что Япония займет выжидательную позицию и в ближайшее время нападать на СССР не намерена. Полученные сведения позволили Сталину снять с Дальнего Востока и перебросить на Западный фронт сибирские дивизии, которые во многом решили исход сражения за Москву и помогли отстоять советскую столицу. Однако вопрос о возможном нападении Японии на СССР не терял остроты вплоть до 1943 года, когда гитлеровская армия потерпела сокрушительное поражение в битве за Сталинград.

БОРЬБА ЗА АТОМ

Павел Фитин внес большой вклад и в овладение Советским Союзом секретами создания ядерного оружия. «Атомный проект» – вообще одно из наиболее значимых достижений советской внешней разведки за всю историю ее существования и в этом ряду занимает особое место. Огромная заслуга в получении данных по атомному оружию принадлежит резидентурам в Англии и США. Первая информация о разработке Великобританией супероружия поступила от агента в Лондоне Дональда Маклейна.

Берия сначала отрицательно отнесся к полученным данным, расценив их как попытку правящих

кругов Англии отвлечь силы и средства Советского Союза на второстепенные цели. Однако Павел Фитин проявил настойчивость, и в июле 1943 года Государственный комитет обороны принял специальное постановление о работе над атомным оружием.

К этому времени в органах уже произошла новая реорганизация – был воссоздан Наркомат госбезопасности, и Фитин стал начальником его 1-го управления (внешняя разведка). Он упорно доказывал необходимость работы по атомному проекту. В этом его поддержал Сталин, назначив руководителем проекта молодого ученого Курчатова, а куратором – Берию.

Находясь в США, советский разведчик Александр Феклисов налажил контакт с немецким ученым Клаусом Фуксом, бежавшим от нацистов в Англию, а затем направленным за океан для работы в американском ядерном центре, где создавалось атомное оружие. От него Феклисов и получил все необходимые расчеты и чертежи. А после войны от Фука поступили материалы о разработке в США водородного оружия. Эти ценнейшие сведения позволили Советскому Союзу опередить Штаты в создании водородной бомбы.

ТРЕВОЖНЫЙ ТЕГЕРАН

Еще в августе 1941 года посол Великобритании передал в Кремль предложения своего правительства о сотрудничестве разведок обеих стран против гитлеровской Германии. Вскоре в Москву прибыл представитель британской разведки МИ-6 генерал Джордж Хилл. Соответственно, в Лондон был направлен известный советский разведчик Иван Чичаев.

Наиболее успешным сотрудничество разведслужб обеих стран было в Иране и Афганистане.

Известно, что вопрос об открытии второго фронта был окончательно решен на Тегеранской конференции «Большой тройки».

Это событие заняло видное место в дипломатической истории Второй мировой войны. В конце ноября 1943 года в Тегеране впервые встретились

руководители трех великих держав, объединившихся в антигитлеровскую коалицию: глава Советского государства Иосиф Сталин, президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. От их способности договориться зависели тогда судьбы цивилизации.

«Многие историки считают Тегеран зенитом антигитлеровской коалиции. Мне это мнение представляется справедливым. Но путь к этой вершине был нелегок. Правящие круги Англии и Соединенных Штатов с момента нападения Гитлера на СССР проявляли сдержанность и поначалу весьма неохотно шли на военное сотрудничество с Советским Союзом. В то время как Советское правительство стремилось в наискратчайший срок установить союзнические отношения с западными державами, видя в этом залог успешной борьбы против держав фашистской «оси», Лондон и Вашингтон лишь под давлением обстоятельств включались в совместные действия против общего врага, всячески тянули с выполнением взятых на себя обязательств», – писал очевидец тегеранских событий, автор повести «Тегеран-43» В. М. Бережков, который выполнял там работу переводчика.

К моменту начала Тегеранской конференции было ясно, что Советский Союз сможет в одиночку разгромить гитлеровскую Германию. Стремясь не допустить именно такого развития событий, США и Англия открыли второй фронт в Европе, но только 6 июля 1944 года. Причем первоначально Черчилль настаивал на высадке союзных войск на Балканах, чтобы не допустить освобождения оккупированных Гитлером стран Советской Армией. Союзники боялись усиления влияния СССР в Европе.

Во время проведения Тегеранской конференции «Большой тройки», проходившей в иранской столице, у разведки были свои ответственные задачи. Совместными усилиями разведслужб СССР и Англии было предотвращено покушение на глав государств антигитлеровской коалиции и разгромлена разведывательная сеть германских спец-

служб. В Афганистане ими была ликвидирована агентурная сеть спецслужб стран «оси» Рим-Берлин-Токио. Еще к середине 1943 года, когда в Великой Отечественной войне произошел коренной перелом, советская разведка полностью контролировала всю работу германской резидентуры по Афганистану, Индии и советским приграничным районам.

ЗАКУЛИСНАЯ ПОЛИТИКА

Внешняя разведка, возглавляемая Павлом Фитиным, внимательно отслеживала ситуацию и постоянно информировала Кремль о закулисных контактах наших союзников по антигитлеровской коалиции с немцами и, в частности, о секретных переговорах Аллена Даллеса с гитлеровцами в Швейцарии. Предвидя это, Сталин еще в начале войны поставил задачу наблюдать за тем, чтобы правящие круги США не сговорились с гитлеровской Германией за спиной СССР и не закончили войну секретным миром.

В мае 42-го из резидентуры в Стокгольме пришло сообщение, что сотрудник германского посольства тайно вылетел в Лондон для переговоров с британской стороной об условиях выхода Германии из войны. Павел Фитин доложил об этом Сталину и привел данные лондонской резидентуры, что Англия отклонила предложения. В дальнейшем разведка регулярно передавала в Центр информацию о попытках Германии установить секретные контакты с англичанами в Анкаре, Берне, Ватикане, Мадриде, Лиссабоне.

Подобные встречи были у немцев и с американцами. В феврале 1943 года в Швейцарию прибыл видный представитель германской аристократии князь Гогенлоэ, который установил контакт с региональным в то время руководителем Управления стратегических служб (т. е. разведки) США в Европе Алленом Даллесом. На следующий год с американским разведчиком в Берне встретился отставной нацистский генерал фон Браухич, обсуждавший вопросы отстранения Гитлера от власти и создания в Германии военного

**Генерал-лейтенант
ФИТИН
Павел Михайлович**

правительства при поддержке Англии и США. Подобные контакты были зафиксированы и в 45-м году. Обо всем этом стало известно советской разведке.

В начале апреля 1945 года, когда советские войска приближались к Берлину, Сталин направил личное послание президенту США Рузвельту, в котором подчеркнул недопустимость секретных переговоров с Германией накануне ее поражения. Только после этого по указанию своего президента Даллес прекратил «шептаться» с немцами, и таким образом Германии не удалось внести раскол в антигитлеровскую коалицию.

Об эффективности действий советской разведки можно привести и такой пример. Во время подготовки Ялтинской конференции ей удалось по-

лучить копию зашифрованной телеграммы Черчилля Рузвельту, где излагались предложения, как обыграть Сталина на встрече в Крыму. Павел Фитин проинформировал об этом советское руководство, предоставив Сталину основные документы правительств Англии и США, подготовленные к конференции. Полученные разведкой данные позволили Советскому Союзу добиться от США и Англии принятия в Ялте решений, учитывающих реальные интересы нашей страны по всем основным вопросам послевоенного устройства в Европе.

Кстати, один из основателей и первый руководитель ЦРУ США Аллен Даллес, который был признанным специалистом по разведывательной деятельности, в своей книге, вышедшей в Нью-Йорке в конце 1963 года, уделил большое внимание и отдал должное успехам и достижениям советской внешней разведки. И это несмотря на свое негативное в целом отношение к нашей стране.

В ОПАЛЕ

После войны наши вчерашние союзники, овладевшие секретом атомного оружия, разрабатывали планы нападения на СССР. Внешняя разведка регулярно информировала руководство страны о всех нюансах политики Запада в отношении Советского Союза.

Эти данные положительно оценивались Сталиным. От былого недоверия вождя к сообщениям разведки не осталось и следа. Упрочился и авторитет самого Павла Фитина, который вопреки прогнозам Берии оказался прав в отношении сроков нападения Германии на СССР. Однако после войны Берия рассчитался со строптивым начальником разведки. В июне 1946 года по его распоряжению генерал-лейтенант Фитин был освобожден от занимаемой должности, на которой блестяще зарекомендовал себя как организатор работы советской внешней разведки в период Второй мировой войны. До конца года он находился в

распоряжении управления кадров МГБ без назначения. Затем был направлен заместителем уполномоченного Министерства госбезопасности в Германию, где работал до 1947 года.

Но Берия нанес очередные уколы: он вновь понизил Фитина в должности, назначив заместителем начальника управления госбезопасности по Свердловской области, после чего отправил его в Алма-Ату. Однако при этом Берия не решился на прямую физическую расправу с Фитиным, зная о том, что Сталин прислушивался к его мнению в годы войны и ценил вклад руководимой им внешней разведки в обеспечение победы над врагом.

В 1953 году Берия распорядился уволить Павла Фитина из органов госбезопасности «в связи с неполным служебным соответствием» и без военной пенсии, поскольку 46-летний генерал-лейтенант не имел соответствующей выслуги лет. Лишь после ареста и суда над Берией он устроился директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами, где и работал до конца жизни.

Павел Фитин умер 24 декабря 1971 года, буквально несколько дней не дожив до 64-летия. Похоронен в Москве на Введенском кладбище.

За успешное руководство внешней разведкой СССР и большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности страны Павел Фитин был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и Красного Знамени Тувы, целым рядом зарубежных орденов, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

28 декабря 2007 года нашему земляку, жизнью и делами которого мы можем гордиться, исполнилось бы 100 лет. К этой дате в селе Шатрово на родине заслуженного разведчика, генерал-лейтенанта Павла Михайловича Фитина по инициативе Управления ФСБ России по Курганской области установлена мемориальная доска.

КОМАНДИР СПЕЦГРУППЫ «ВИХРЬ»

В начале весны 1944 года на южной части фронта наступление советских войск сдерживалось большим сосредоточением гитлеровцев в Белоруссии и Прибалтике. Германское командование считало свою оборону на этом участке неприступной. По фронту она была сильной, но в тылах положение у противника выглядело иначе. В оккупированной Белоруссии действовало 157 бригад и 83 отдельных партизанских отряда. В дополнение к ним работали десятки специальных разведывательно-диверсионных подразделений. Одной из таких спецгрупп в 1944 году руководил Павел Владимиров, десять лет возглавлявший затем управление госбезопасности по Курганской области.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Ночью 16 апреля 1944 года небольшой транспортный самолет авиаотряда специального назначения, с четырьмя разведчиками и грузом на борту, приближался к линии фронта. Разведчикам Вихреву, Жарову, Крылову и радисту Цыганкову предстояло десантироваться на западе Брестской области, где они должны были приступить к работе в составе спецгруппы «Искра». Старшим по возрасту был 37-летний Вихрев, Цыганкову едва исполнилось 18 лет, Крылову – 25. Грузы с оружием, боеприпасами и взрывчаткой, которые разведчики взяли с собой, предназначались «Искре» и еще одной спецгруппе, действовавшей в той же местности.

При пересечении линии фронта самолет подвергся обстрелу с земли и нападению вражеских истребителей. Разведчики, находясь за тонкой обшивкой фюзеляжа в замкнутом пространстве и в темноте, в полной мере прочувствовали опасность таких полетов. В мешках с грузами было столько взрывчатки, что попадания даже одной пули было достаточно, чтобы самолет разорвался на куски. Они слышали стрельбу турельного пулемета, но помочь бортстрелку не могли. Оставалось надеяться на счастливый случай и ждать исхода боя.

От истребителей удалось уйти – помогли ночь и опыт экипажа. Через некоторое время на переборке кабины высветился сигнал о подготовке к выброске. Из кабины к разведчикам вышел пи-

лот. Они освободили грузы от бортовых креплений, проверили их парашюты и после следующего сигнала сбросили с самолета. Теперь предстояло десантироваться разведчикам. Вихрев подошел к открытой бортовой двери и занял исходное положение для прыжка. Пилот командовал «Пошел!», слегка подтолкнув его вперед, и Вихрев нырнул в ночную тьму.

Резкий рывок раскрывшегося купола прервал стремительное падение. Начался относительно плавный спуск. Вихрев осмотрелся и, увидев далеко внизу огни сигнальных костров, натяжением строп стал направлять к ним свой полет. Чтобы не угодить на деревья или в болото, старался приблизиться к центру обозначенной кострами площадки.

Приземление в целом прошло удачно, никто не пострадал, только разбились два грузовых контейнера. Встречены разведчики были хорошо, но... не спецгруппой «Искра» и не в Брестской области. При обстрелах самолет получил повреждения, и, чтобы спасти машину, командир экипажа десантировал группу в южной части Минской области на границе Узденского и Копыльского районов в зоне действия партизанских отрядов имени Ворошилова и Чапаева из бригады имени Рокоссовского. В результате разведчики оказались в трудной ситуации – по карте до спецгруппы «Искра» было около 200 км. Положение усугублялось весенней распутицей. Реки разлились, затопив широкие низменные поймы, а многочисленные болота и низины заполнялись талыми во-

дами. В таких условиях двигаться на соединение с «Искрой», тем более неся немалую поклажу, было практически невозможно – грузы пришлось бы оставить на месте выброски.

Требовалось срочно принимать решение, и Вихрев стал по радиции запрашивать указания Центра. Радист систематически выходил в эфир, но Центр молчал. Чтобы не терять время, Вихрев решил усилить группу и довести ее численность до 10-15 человек на случай прорыва. С таким составом даже можно было забрать с собой часть грузов. Партизаны выделили ему людей, но отговаривали от опасного рейда, предлагая остаться воевать вместе с ними.

Попытки радиста связаться с Центром по-прежнему оставались безуспешными. Прошло еще несколько дней. Тогда Вихрев через Главное разведуправление Генерального штаба просил передать в Центр результаты десантирования, место своего нахождения и запрос на дальнейшие действия. Однако Центр все еще не давал ответ, а 22 апреля у разведчиков вышла из строя радиция.

Идти на соединение со спецгруппой «Искра» без связи с ней и с Центром не имело смысла, и Вихрев начал склоняться к мысли остаться работать на месте выброски – в географическом пространстве Минск-Барановичи-Слуцк. Тем более, что Минск был местом сосредоточения тылового командования группы армий «Центр», Барановичи – крупный железнодорожный узел, через который проходила основная железнодорожная магистраль, используемая немцами для переброски к фронту войск, техники и других грузов. Немаловажен в этом отношении был и участок дороги Барановичи-Слуцк.

Терять время было уже нельзя, и Вихрев принял решение работать в качестве самостоятельной разведывательно-диверсионной группы. Поручил Жарову начать подготовку бойцов к диверсиям, а сам приступил к созданию разведки.

Лишь 24 апреля связь с Центром была установлена. Принятое решение остаться на месте выброски «наверху» одобрили. Разведгруппе присвоили наименование «Пламя». Ее руководите-

лем был назначен старший лейтенант госбезопасности Вихрев, его заместителем по диверсиям – Жаров.

ТОЧКА БАЗИРОВАНИЯ

Место для обустройства базы разведчики выбрали в глухом лесу, в трех километрах от местечка Песочное Копыльского района. Рыть землянки не стали, установив шалаши. Снаружи обтянули их парашютами, а внутри устлали хвойным лапником. Шалаши получились не продуваемыми, непромокаемыми и довольно теплыми. Парашютная ткань защитного цвета делала их незаметными с воздуха и малозаметными в лесу. Рассортировали принесенные грузы. Часть из них оставили на базе, другие надежно спрятали за ее пределами. Установили линию охраны и круговой обороны, подготовили места для постов наблюдения и засад. Вырыли и замаскировали окопы. Густой лес и болота обуславливали скрытность базы. Врагу пробраться к ней тайно было практически невозможно. Разведчики же, в случае крайней необходимости, могли незаметно для противника уйти в болота.

Бойцы еще готовились к проведению диверсий, а разведка уже начала работу. Вскоре связные сообщили о недавней гибели одной из спецгрупп, и о том, что двое ее разведчиков находятся в армейском спецподразделении в Узденском районе. Это была спецгруппа старшего лейтенанта госбезопасности Смирнова. 8 февраля 1944 года после перехода шоссе у деревни Подболотье Дзержинского района немцам удалось ее окружить. В завязавшемся бою пятеро из семи членов спецгруппы, в их числе и командир, погибли. Подоспевшие партизаны спасли только двоих раненых разведчиков – Мацюгу и Зайцева. Вихрев решил забрать их к себе и сообщил об этом в Центр.

Изучив обстановку на железных дорогах Вихрев решил взять под контроль перегоны Кайданово-Негорелое-Столбцы на участке Барановичи-Минск и перегоны Клецк-Тимковичи-Слуцк на

участке Барановичи-Слуцк. Железнодорожные магистрали усиленно охранялись немцами. У полотна чередой стояли укрепленные блокпосты со смотровыми вышками из толстых бревен, между блокпостами курсировали патрули. Лес вблизи путей был вырублен, а на подходах к дорогам устраивались засады. Гитлеровцы увеличили гарнизоны на станциях и в прилегающих к дорогам населенных пунктах.

Оккупанты особенно страшались ночей. Поезда ходили с малой скоростью. У путей жгли костры, привлекая к этому население. В окрестных деревнях была введена «костровая» повинность, на которую выгоняли жителей от мала до велика. Однако ресурсы для дальнейшего усиления охраны железных дорог у противника были на исходе.

Вихрев знал, что как бы фашисты ни старались обезопасить себя, на дорогах все равно будут слабо охраняемые или даже неохранные места. Поэтому обязал Жарова подготовить к началу мая три диверсионные группы. Для каждой из них установили конкретные зоны действий. Первая группа занималась диверсионной работой на железной дороге Минск-Барановичи, на перегонах Кайданово-Негорелое-Столбцы и прилегающих шоссейных дорогах. Вторая группа на перегоне Столбцы-Городея, а так же по шоссе Столбцы-Несвиж. Третья группа действовала на перегонах Клецк-Тимковичи-Слуцк и на шоссе Слуцк-Копыль.

ПЕРВЫЕ ДИВЕРСИИ

28 апреля 1944 года спецгруппа «Пламя» прошла боевое крещение – вместе с партизанами отражала поддерживаемое танками наступление немцев. Разведчики стойко держались на выделенном участке обороны, из боя вышли без потерь.

**Момент передачи разведчиков
Мацюты и Зайцева в состав спецгруппы
(второй и третий слева)**

1 мая состоялось торжественное построение спецгруппы. Хороший подарок сделала разведка, переправив Мацюту и Зайцева из бывшей спецгруппы «Охотники». Они стали своевременным пополнением. Мацюту назначили командиром второй, а Зайцева командиром третьей диверсионных групп.

После праздника группы партизанскими тропами стали уходить на задания. Волновались все – и уходящие, и остающиеся. Волновался и Вихрев, понимая, что основательно подготовить бойцов за полторы недели невозможно. Продолжить учебу им предстояло в боевых условиях и здесь все зависело уже от командиров групп.

Первую диверсию спецгруппа «Пламя» совершила в ночь на 5 мая. Боевой счет открыла вторая диверсионная группа. Направляясь в зону действий бойцы подорвали два моста через реку Морочь на шоссе Барановичи-Слуцк. Следующей ночью отличилась первая группа, взорвавшая мост через реку Перепуть на шоссе Минск-Барановичи. А в ночь на 8 мая третья группа взорвала мост через реку Морочанка на шоссе Копыль-Тимковичи.

Всего же за пять дней диверсионными группами было взорвано пять мостов, почти на сутки прервано движение по основной шоссейной дороге Минск-Барановичи. Но это оказалась лишь проба сил перед диверсиями на железных дорогах.

Однако вскоре спецгруппа получила ответный удар: 11-13 мая лесной массив, в котором находилась база, подвергся ожесточенным бомбардировкам. Гитлеровцы методично обрабатывали лес с воздуха. Характер бомбежек показал, что немецкие летчики не знали точных координат расположения базы, но Вихрев все равно принял дополнительные меры по усилению безопасности.

ЭШЕЛОНЫ – ПОД ОТКОС

Первая диверсия на железной дороге была совершена ночью 14 мая. И этот боевой счет открыла снова вторая группа, подорвав на перегоне Столбцы-Городея шедший к фронту вражеский эшелон, уничтожив паровоз, два вагона с боеприпасами, четыре платформы с автомашинами и платформу с орудиями.

20 мая на перегоне Отцеда-Столбцы, всего в ста метрах от блокпоста, первой группой был подорван вражеский эшелон. А 26 мая третья группа на участке Барановичи-Слуцк отправила под откос шедший к фронту состав. О каждой из диверсий Вихрев сообщал в Центр, результаты уточнялись разведчиками. Вот, к примеру, что гласила шифровка о последней из этих диверсий:

“Вихрев – Фомичу

26 мая группой-3 на ж.д. Барановичи-Слуцк на 106 км пущен под откос вражеский эшелон, идущий к фронту. Разбиты: паровоз, 16 крытых вагонов, 10 платформ с автомашинами и танками типа «Тигр». Движение на дороге остановлено на 14 часов”.

Шифровка подготовлена на основании рапорта командира группы Зайцева, в последующем уточненного донесением связного.

Здесь же приложено донесение:

«Я, житель деревни Баранова Серажского с/с Слуцкого района Турбо Николай Федорович доношу следующее: вами на железной дороге Слуцк-Барановичи на 106 км взорван вражеский эшелон. Взрывом уничтожено – 1 паровоз, 16 крытых вагонов со снарядами, минами и авиабомбами, 10 площадок с техникой, из них 4 с автомашинами и 6 с танками.

Уничтожено 8 автомашин, 1 бронетранспортер, 5 танков типа «Тигр». Танки при взрыве бомб сильно повреждены. Немцы обломки погрузили и увезли в Барановичи. Машины погорели, лом также увезли. Уничтожен 1 вагон с экипажами машин и танков, убито 31 человек, ранено 18 из числа экипажа и обслуживающего персонала эшелона. Железная дорога не работала 16 часов.

26.05.44 г., проводник Н. Турбо».

Донесения писались на тетрадных листках, старых картах и обрывках бумаги.

БОРЬБА НАРАСТАЕТ

Группы уже знали каждый куст и каждую тропинку у железных дорог в зоне своих действий, появились у них и свои люди среди «костровиков», сообщавшие о вражеских патрулях и засадах, разведчики информировали о времени прохождения наиболее нагруженных составов. И все равно много времени уходило на подготовку к диверсиям, а для их проведения чаще всего оставались считанные минуты. Дело в том, что группам приходилось совершать большие переходы. Тогда Вихрев поручил разведке разыскать лошадей. Вскоре копытных нашли. Лошади были дерзко уведены из немецких гарнизонов Копыля и Негорелого. Так спецгруппа стала конной и, соответственно, более мобильной.

Партизанская война вынудила гитлеровцев отвлекать большие силы для охраны транспортных коммуникаций, штабов, складов, аэродромов и других военных объектов, ослабляя при этом кон-

троль в собственном тылу. Одним из примеров, характеризующих положение дел в немецких тылах, является захваченный спецгруппой официальный документ – «Политический осмотр по Кайдановскому району Минской области с 1 апреля по 13 мая 1944 г.», подписанный старостой района Брынзгаловым, в котором отмечается:

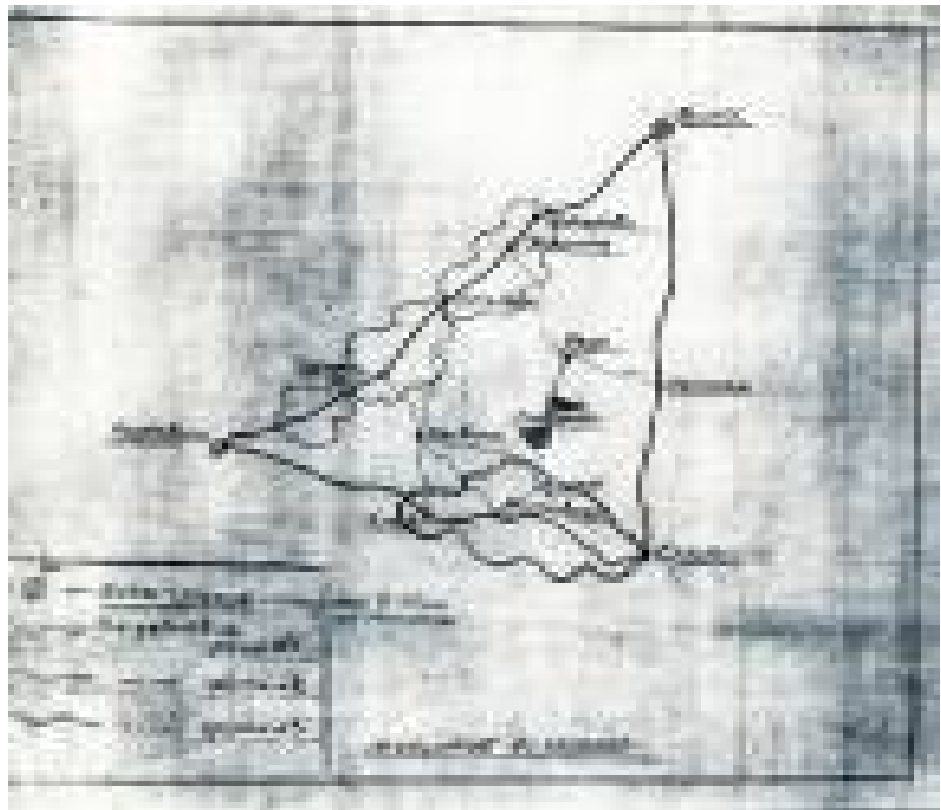
«...Бандиты до того обнаглели и пустили свои корни, что в самом центре района в последнее время сделали подкладку мин в Кайданова, в Пучинской волости, на квартире старосты Новосельской волости.

В деревне Кулаковицы почти в каждом доме живут семьи партизан по 2-3 человека, прибывшие из разных местностей. Нет этих семей только в домах Сикорского Владимира, Мазуркевича Петра и Смольской Елены.

В доме Трыян Франца и Троян Леокადии живет 10 бандитов... вооружены револьверами и автоматми ППД... В доме Шкель Анны живут 6 бандитов под названием подрывной группы дорог и военных объектов территории... Посты днем и ночью бандиты выставляют...

В Байдацкой волости группы курсируют днем и ночью, два раза разбрасывали мосты через реку Уса... Ушли в бандиты беженцы Юрков Михаил 1927 г. р. и Юдин Николай, 1928 г. р.»

Практически в тылах группы армий «Центр»

Карта района действий диверсионной группы

уже действовал разветвленный внутренний фронт, борьба на котором разгоралась все больше и больше. Постепенно немцы втянули в нее весь свой армейский резерв, но и этих сил уже было недостаточно. Пришлось снимать с фронта полевые дивизии.

В КОЛЬЦЕ ВРАГА

Германское командование понимало, что наступившее на фронте затишье временное, что советские войска готовятся к наступлению, и решило навести порядок в своих тылах. Так в конце мая Минская область стала обширным полем сражений, в особенности ее юго-восточная часть. Несколько снятых с фронта дивизий обложили леса восточнее шоссе Минск-Слуцк и под прикрытием авиации и бронетехники начали наступление

на партизан. Оккупантам противостояли шесть партизанских бригад и спецотряд Градова. Народные мстители заняли широкую линию обороны, и противник стал подтягивать дополнительные силы. Пленные фашисты, захваченные спецотрядом, показывали, что их дивизия переброшена с фронта из-под Бобруйска, к ней дополнительно приданы танковая бригада, шесть авиаэскадрилий, артиллерия и даже инженерные части для расчистки завалов, восстановления мостов, наведения переправ.

Под натиском превосходящих сил противника партизаны были вынуждены перейти к рассредоточению и маневрированию. 7 июня Вихрев сообщил в Центр о стягивании крупных вражеских частей, в том числе дивизий СС, в Узду, Копыль, Слуцк и готовящейся блокаде этих районов.

Спецгруппа «Пламя» воевала вместе с бригадой им. Ворошилова. В это время она была уже хорошо подготовленным спецподразделением общей численностью около 70 человек.

В ее диверсионных группах насчитывалось по 18-20 бойцов. В каждой группе было по два отделения – подрывники с прикрытием и штурмовики.

Штурмовые отделения обеспечивали проходы к путям, уничтожая обнаруженные засады или отвлекая их внимание. Изменилась и тактика диверсий – подрывники стали закладывать на путях по несколько мин. Первую взрывали под паровозом, другие – под составом. В этом случае под откос уходил весь эшелон, и разрушалось больше путей.

После срабатывания мин подрывники уходили в лес, но операция не заканчивалась.

Штурмовые отделения добивали оставшихся в живых и пытавшихся сопротивляться немцев, забрасывали гранатами опрокинувшиеся платформы, поджигали уцелевшую технику.

Через 15-20 минут с эшелоном обычно было покончено, он превращался в груды горящего лома.

РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА

Противник при поддержке авиации, артиллерии и бронетехники начал наступление на партизанские зоны. 20 июня Вихрев радировал в Центр о том, что блокада сжимается, партизаны и спецгруппа находятся в сложном положении. В тот же день партизаны получили приказ о проведении крупномасштабной операции на железных дорогах – рельсовой войне.

Бойцы спецгруппы вместе с партизанами просочились через кольцо блокады, вышли к железным дорогам и рассредоточились вдоль полотна. В назначенное время они напали на вражеские патрули, начали громить блокпосты и подрывать пути. С рассветом разгром на магистралях продолжила советская авиация. За время операции только подрывники спецгруппы «Пламя» разрушили около 700 метров железнодорожного полотна. Вихрев в рельсовой войне лично командовал второй диверсионной группой.

Рельсовая война для германского командования оказалась полной неожиданностью, а ее результаты – потрясли. Гитлеровцы явно переоценили свои возможности в борьбе с партизанами, а времени на исправление промахов у них уже не было.

23 июня 1944 года войска трех Белорусских фронтов при поддержке войск 1-го Прибалтийского фронта прорвали оборону противника сразу на нескольких участках, и перешли в наступление. Началась операция «Багратион» по разгрому группы армий «Центр» и освобождению Белоруссии.

В конце июня в Копыльские леса проникла конная разведка 1-го Белорусского фронта. Гвардейцы рассказали о положении на фронте, об окружении вражеских группировок под Бобруйском и восточнее Минска. Чувствовалось, что время оккупантов на минской земле уже сочтено.

30 июня 1944 года спецгруппа «Пламя» провела свою последнюю диверсию – пустила под откос эшелон с отступающими немцами. Для диверсионных групп она стала итоговой, а итоги

Спецгруппа «Вихрь».
Сидят (слева направо): Чикалин, Владимиров, крайний справа неизвестен.
Стоят (слева направо): Цыганков, Тетцов, Мацюта, Зайцев.
Белоруссия. Минск. Июль 1944 года.

получились довольно весомые. Диверсионными группами проведено свыше 37 операций, из них 19 на железных дорогах.

Пущено под откос 19 вражеских эшелонов, повреждено и уничтожено 19 паровозов, 111 вагонов и 118 платформ с различными грузами.

Разрушено около 1365 метров железнодорожного полотна.

На шоссе на дорогах взорвано 15 мостов общей длиной порядка 280 метров, подорвано 5 автомашин.

Во время диверсий убито и ранено более 590 немецких солдат и офицеров.

ФРОНТ БЕЗ ФЛАНГОВ

Разведке Вихрев придавал особое значение. Собственно, по информации разведки и началось планирование диверсий, а со второй половины мая данные по железным дорогам постоянно передавались в Центр. Разведчики спецгруппы работали во многих населенных пунктах Минской области. Были они и далеко за пределами Белоруссии. Еще 12 мая Вихрев радировал в Центр о направлении разведчика в Варшаву, а несколько позже – и в Германию.

Помимо сбора информации о планах, времени

и маршрутах передвижения вражеских войск Вихрев поставил разведке еще одну задачу – проведение диверсий. Так, 26 мая в Слуцке агентом под псевдонимом «Зоя» была подорвана магнитной миной машина с бензоцистерной. При взрыве погибло 12 находившихся в кузове полицаев.

В начале июня связные передали:

***«Начальнику спецгруппы тов. Вихреву
Рапорт***

По моей договоренности связным-работником железной дороги Левончиком Николаем 1 июня 1944 г. на участке Барановичи-Минск, перегоне Столбцы-Городея, взорван вражеский эшелон, идущий на фронт. В результате взрыва разбиты паровоз, 3 крытых вагона с боеприпасами, 6 платформ с автомашинами, 3 платформы с углем. Движение было приостановлено на 8 часов, выведено из строя железнодорожного полотна 45 метров.

4 июня 1944 г. Амот».

«Амот» – это Шалай Василий Матвеевич, 1922 г. р., уроженец Ростова-на-Дону, вел работу в Несвиже. Всего на его боевом счету было 3 пущенных под откос вражеских эшелона.

В начале июня Вихрев получил задание Центра провести диверсии в Минске. В разгар блокады он доложил, что 17 июня на товарной станции Минск агентом «Ураган» (Геркач Константин Степанович) подорван паровоз. Вскоре на этой же станции был подорван еще один паровоз. В Слуцке подорвали трактор с прицепом, а в Негорелом четыре автомашины. Всего разведкой было проведено 11 диверсий, из них 7 – на железных дорогах. Пущено под откос 5 вражеских эшелонов, повреждено и уничтожено 13 вагонов с боеприпасами и другими грузами, вагон с охраной, 22 платформы с автомашинами и танками, разрушено 146 метров железнодорожного полотна.

Безопасность разведчиков была предметом особой заботы Вихрева. Работали они автоном-

но, стараясь не вступать в контакты с подпольем, которое могло находиться под наблюдением немецкой контрразведки.

Был у спецгруппы и «воздушный коридор». По заявкам Вихрева с Большой земли направлялись грузы с боеприпасами и взрывчаткой, продукты питания, газеты, табак, курительную бумагу, мыло и другое.

БОЕВОЙ СЧЕТ

Спецгруппой в целом, включая диверсионные группы и разведку, с 16 апреля по 30 июня 1944 года было совершено около 50 диверсий, из них 26 на железных дорогах. Подорвано 2 паровоза на товарной станции. Пущено под откос 24 вражеских эшелона, в результате чего повреждено и уничтожено 24 паровоза, 127 крытых вагонов, из них 57 с боеприпасами, 18 с вооружением, 17 с живой силой, 11 с продовольствием, 4 с медикаментами, 20 со стройматериалами и другими грузами; 140 платформ, из них 76 с автомашинами и бронетехникой, 13 с орудиями, 17 с бензоцистернами, 4 с углем, по 6 с разбитой техникой, рельсами стройматериалами и другими военными грузами. Разрушено более 1510 метров железнодорожного полотна. Взорвано 15 шоссе-мостов, 10 автомашин, 2 трактора. Всего в диверсиях и боях убито и ранено 617 немецких солдат и офицеров, уничтожено больше десятка полицаев.

К середине июня 1944 года в группе «Пламя» находилось около 120 человек, из них порядка 70 человек непосредственно в спецгруппе и 49 – в разведке. В большинстве операций спецгруппа выходила из боев без потерь.

Но война есть война. Получил ранение и контузию сам Вихрев, были ранены Крылов, Мацюта, Зайцев, и бойцы Грозный и Лобан. Четверо из этих шести человек командиры, что свидетельствует об их отношении к подчиненным. В критических ситуациях именно они находились на самых опасных участках, обеспечивая проведение операций. Ранения и травмы были далеко не пустяковые.

Так, в медицинской справке командира спецгруппы написано: «Дана тов. Владимирову Павлу Васильевичу в том, что он имеет перелом трех ребер с левой стороны – 9, 10 и 11 ребер...». А ведь Павел Васильевич был еще и тяжело контужен взрывом, при этом лечился, как он сам позже писал, «в условиях нахождения отряда». Какие в лесу имелись условия представить легко. Им не раз приходилось проявлять мужество и самоотверженность, как это сделал, например, командир первой диверсионной группы Александр Тетцов. Об этом эпизоде рассказывается в повести «Визит Фрау», опубликованной в «Советском Зауралье» в сентябре 1964 года.

Во время одной из операций партизаны глубокой ночью готовились подорвать вражеский эшелон с офицерами тотальной мобилизации. Выдвинулись к полотну, пропустили пущенную немцами впереди состава дрезину, заложили мины. Скоро должен показаться состав, пора уходить, как вдруг...

«...К Тетцову подбежал запыхавшийся подрывник, крикнул:

– Взрыватель непригодный!

Тетцов сорвался с места, быстро вскарабкался по сыпучему откосу до полотна, скомандовал подрывникам и минерам:

– В укрытие!

Они кубарем скатились вниз по откосу.

Александр вставил новый взрыватель, не выпуская из левой руки шнур. Бежать вниз было уже поздно. Поезд был почти рядом. Чтобы не привлечь внимания наблюдателей на паровозе, Тетцов распластался на бровке откоса. Его маскировочный халат слился с цветом балласта, освещенного фарами паровоза. Партизаны, наблюдавшие за своим командиром, замерли. Они поняли, что Тетцов ценой своей жизни решил взорвать эшелон. Вот сейчас, как только поезд поравняется с ним...

И вдруг они увидели, как от земли стремительно отделилась фигура Тетцова. В прыжке он дернул за шнур. От оглушительного взрыва дрогнула земля. Заскрежетало железо. Искореженные

вагоны с грохотом насакивали друг на друга, летели под откос, за паровозом, отброшенным силой взрыва влево от полотна. Через минуту все стихло. Партизаны бросились к Тетцову. Он лежал под откосом. Несколько человек взяли его на руки, понесли. Остальные выбрались на полотно, залегли, ожидая нападения фашистов, оставшихся в живых. Среди обломков вагонов слышались стоны, отчаянные крики обезумевших офицеров. Ни одного выстрела. Видимо, некому было сопротивляться.

Партизаны начали отходить вглубь болота. Окликнули своих, собрались все вместе.

– Что с командиром? – спросил кто-то.

Те, что держали Тетцова на руках, промолчали. Все сняли шапки. Потом положили окровавленного Александра на плащ-палатку и, осторожно ступая между кочек, пошли в лагерь. Поочередно несли своего командира.

– Стойте, братцы! – крикнул вдруг один из тех, кто держал на плече полу плащ-палатки, на которой лежал Тетцов. Люди замерли от такого неожиданного крика. – Стойте! Он жив!

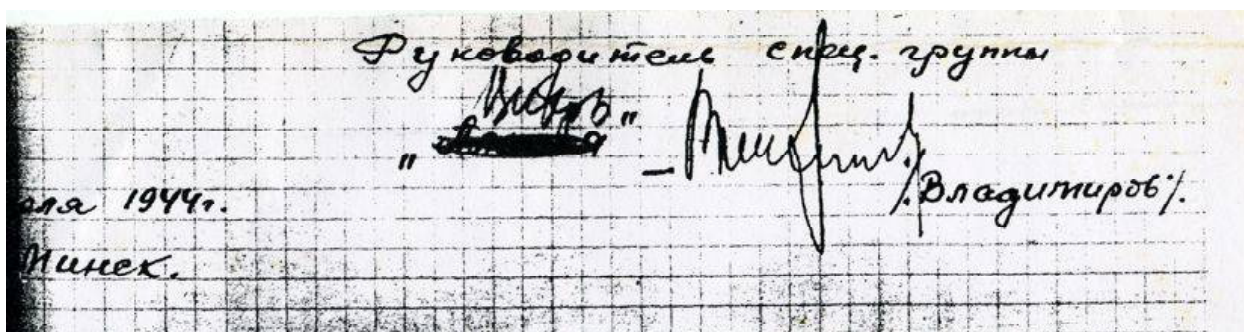
И все отчетливо услышали слабый стон...».

Была у спецгруппы и безвозвратная потеря.

27 июня на перегоне Столбцы-Городея вторая диверсионная группа подорвала вражеский эшелон. А когда возвращалась с операции, возле хутора Винзовайского попала в окружение и приняла бой. Численный перевес явно оказался на стороне гитлеровцев, но командир Мацюта сумел определить слабое место в рядах противника и повел группу на прорыв. Своих товарищей оставался прикрывать боец Анатолий Демидович, которому было всего-то 17 лет! Но он не дрогнул перед натиском фашистов и стойко сражался до полного отхода группы. Скончался от множества ранений.

После радиограммы от Вихрева боец Демидович Анатолий Степанович был представлен Центром к правительственной награде – посмертно.

А 30 июня спецгруппа в полной мере отомстила за гибель молодого партизана, разгромив эшелон с отступавшими немцами. В этот раз подрыв-

ники после срабатывания мин не ушли, как обычно, в лес, а вместе со штурмовым отделением ринулись в атаку. В бою были уничтожены десятки гитлеровских солдат и офицеров.

«ПЛАМЯ» СТАЛО «ВИХРЕМ»

3 июля 1944 года спецгруппа «Пламя» соединилась с наступающими войсками. В этот же день советские танки при поддержке партизан ворвались в Минск. Вихрев намеревался идти в Гомель, но получил приказ оставить часть бойцов на месте, а с остальными прибыть в Минск. Вскоре 45 его бойцов убыли в бригаду им. Ворошилова, а спецгруппа в составе остальных 18 человек конным порядком двинулась к городу и 9 июля 1944 года прибыла в освобожденный Минск. Трофеи, оружие и 15 коней сдали по акту. После этого спецгруппа, как успешно выполнившая задание, была расформирована. «Вихрев» снова стал Владимировым, «Жаров» – Чикалиным, а «Крылов» – Тетцовым.

Павел Васильевич Владимиров представил руководству отчет на 12 страницах рукописного текста, в заключительной части которого написал:

«Заканчивая краткий отчет о работе группы «Пламя» считаю необходимым отметить отличившихся товарищей в деле борьбы с фашистской нечистью, которые, не считаясь со своей жизнью, работали на быстрейшее изгнание врага с нашей территории. Все эти товарищи в количестве 9 человек были мною

радиограммами выдвинуты для представления к Правительственной награде, а также к присвоению офицерских званий. К этим товарищам относятся:

1. Чикалин Николай Михайлович 2. Тетцов Александр Петрович 3. Дашко Иван Тихонович 4. Мацюта Василий Макарович 5. Зайцев Владимир Михайлович 6. Солодун Андрей Алексеевич 7. Цыганков Василий Алексеевич.

Представлялись радиограммой 28 мая 1944 г. Кроме этого Чикалин Николай Михайлович к присвоению чекистского звания.

И 25 июня радиограммой просил представить к правительственной награде:

1. Шалай Василия Матвеевича 2. Янушко Виктора Викторовича и к присвоению офицерских званий товарищам: 1. Тетцову Александру Петровичу 2. Мацюте Василию Макаровичу 3. Зайцеву Владимиру Михайловичу.

Если эти товарищи до сих пор не представлены к награде и офицерскому званию, прошу представить, так как они их заслужили перед Родиной».

В этих напоминаниях хорошо просматривается отношение Павла Васильевича к подчиненным. Он не подразделяет их по должностям, а всех называет товарищами. Для него они были и оставались не просто соратниками по оружию, а действительно надежными товарищами в ответственной и напряженной работе. Поэтому и считал себя именно руководителем, а не командиром или начальником спецгруппы. Так и подписал

отчет: «Руководитель спецгруппы «Пламя» Владимиров». Однако слово «Пламя» было зачеркнуто, и сверху написано – «Вихрь». Только тут выяснилось, что в Центре спецгруппа называлась именно «Вихрь», поэтому и внесли поправку в отчет. За эту командировку Павел Владимиров был награжден орденом Ленина и медалями «Партизану Отечественной войны» 1 и 2 степеней. В войну орден Ленина считался очень высокой наградой. Да и медаль «Партизану Отечественной войны» не была такой уж массовой. Она была учреждена Президиумом Верховного Совета СССР лишь в феврале 1943 года. Всего ей было награждено около 127 тысяч человек.

Полковник Владимир Павел Васильевич, начальник управления КГБ СССР по Курганской области

В МИНСКЕ

Через два месяца Павел Владимиров получил новое задание – его отправили в специальную правительственную командировку, в которой находился с сентября 1944-го до января 1945 года. Позже в документах отмечалось, что с заданием справился хорошо. Но где он его выполнял, точно неизвестно. Не исключено, что в Польше. По времени командировка совпадает с событиями по спасению Кракова, описанными Юлианом Семеновым в повести «Майор Вихрь». Однако утверждать, что Павел Владимиров был одним из прототипов главного героя, основываясь лишь на созвучности оперативных псевдонимов, думается, преждевременно. Но и отрицать этого нельзя. Во всяком случае, в домашнем кругу он не раз упоминал о Польше, хотя и без подробностей.

Принято считать, что основными прототипами литературного персонажа в повести Юлиана Семенова стали легендарный разведчик, Герой России Алексей Ботян, добывший план минирования города и уничтоживший в Ягелонском замке сотни тонн заготовленной фашистами взрыв-

чатки, и капитан Евгений Березняк из Киева.

«Майор Вихрь – образ собирательный, в спасении Кракова участвовало несколько групп. И моя, и Евгения Березняка, – сказал в интервью «Известиям» (выпуск от 8 февраля 2007 года) полковник в отставке Алексей Ботян. – Перед нами стояла единая задача – обеспечить быстрое продвижение к Кракову советских войск».

Евгений Березняк тоже не считал себя единственным прототипом Вихря. В свое время газета «Труд» (выпуск от 27 апреля 2005 года) привела выдержку из его книги воспоминаний: «Возможно, мы кое-кого разочаруем, но наша группа в день освобождения Кракова находилась далеко от города, продвигаясь по приказу командования дальше на запад.

Мы не знали, да и не могли знать, сколько групп, подобных нашей, действовали в районе Кракова и причастны к его спасению».

Здесь же прозвучало и мнение Алексея Ботяна: «Многие внесли свой вклад в спасение Кракова. Судя по всему, Юлиан Семенов при подготовке сценария ознакомился с некоторыми документами наших разведгрупп, но не все фамилии тогда

были рассекречены. Впрочем, делить нам нечего. Главный спаситель Кракова – советский солдат, значит – и мы, разведчики».

В марте 1953 года Павел Владимиров прибыл в Курган на должность заместителя начальника областного управления МВД по госбезопасности. С созданием КГБ СССР с 1954 по 1963 год возглавлял управления госбезопасности по Курганской области. Люди старших поколений помнят его как требовательного и порядочного руководителя, к которому каждый мог обратиться по любому, даже самому сложному вопросу. Со всеми он общался просто, говорил прямо.

К Павлу Васильевичу не раз приезжал бывший командир первой диверсионной группы «Вихрь» Александр Тетцов. После войны он жил в соседнем регионе, работал председателем Новолоктинского сельского совета Ишимского района

Тюменской области.

Именно Тетцов подарил семье Владимировых уникальный снимок, сделанный в тылу врага в Белоруссии, когда Павел Васильевич, или, как его там все называли, Батя, принимает в свою спецгруппу Василия Мацюгу и Владимира Зайцева из погибшей разведгруппы «Охотники». Сверху на старой, пожелтевшей от времени фотографии написано: «Память о легендарном Бате и боевых друзьях».

Умер Павел Владимиров скоропостижно в возрасте 56 лет от сердечного приступа практически на боевом посту. Нервные и физические перегрузки явно сократили ему жизнь. Похоронен в Кургане.

Александр Филиппов
Валерий Пичурин

Фото из архива семьи Владимировых

ПОКИДЫШЕВ
Николай Александрович

СКРИПКА ЧУКАЯ

Вечером, возвращаясь домой, на чьей-то лестничной площадке я услышал звуки скрипки. Кто-то неровно и не очень уверенно водил смычком по струнам. И от этой неровности, неуверенности мелодия, сама по себе немного грустная, звучала по-особому искренне.

Она тревожила память, побуждая вспомнить что-то очень давнее и очень-очень знакомое.

И вспомнилось...

Тогда, в середине пятидесятых, подъезды нашего дома мыла старая, по представлению пятишестилетних пацанов, женщина. Но звали ее все просто Люба.

Каждое утро она появлялась откуда-то в черной плюшевой жакетке или, по времени года, каком-нибудь платье – слишком заношенных и слишком свободных для вещей со своего плеча, в линялом платке, выдавших виды резиновых ботах и с неизменным ведром на левой руке.

Ее высокая, худая, сутулая фигура с наклоненной головой узнавалась издалека. С виновато-грустной улыбкой входила Люба в подъезд. Мягким мелодичным голосом ласково откликалась на приветствия жильцов.

Пока ей набирали воду в ведро, она стояла, прильнув к косяку квартирной двери. Сама

Родился 10 октября 1949 года в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Русский. Закончил Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта. Проходил срочную службу в Управлении военного коменданта ж./д. участка и станции Курган Южно-Уральской железной дороги в должности помощника военного коменданта, старшего диспетчера транспортного отдела Курганского машиностроительного завода, далее до 1987 года – занимался вопросами оперативного обеспечения безопасности на объектах железнодорожного, воздушного транспорта и объектах связи области. Майор запаса.

Работал заместителем председателя Курганского отделения Советского фонда культуры (СФК), заведующим отделом издательства «Грани», в регистрационной палате области начальником отдела безопасности. С июня 2005 года – помощник председателя Избирательной комиссии Курганской области. Руководитель городского литературного клуба «Сонет».

В Союз писателей России принят в 2008 году.

дверь почти не закрывалась: в трехкомнатной коммуналке жили четверо взрослых и девять детей, да еще шли гости к ним... Казалось, что в коридоре кто-то без конца гулко хлопал в ладоши.

Любу мы считали дурочкой, поэтому, проскакивая мимо, тайком от старших обязательно показывали ей язык, строили рожицы. А она совсем не сердилась. Если останавливались слишком близко, гладила наши затылки, приговаривала: “Ребёночек!”.

Говорила не похоже на других, по-своему приглушая звонкое “ч”, путая гласные, и получалось смешное “рабёнашчак”. И мы, конечно, смеялись, уверенные, что только дурочка может так запутаться в простом слове.

Потом Люба уходила мыть полы. Терла тряпкой доски с облупившейся краской, а сама, по-прежнему виновато улыбаясь, невнятно и тихо о чем-то разговаривала с собой.

Приходила она не одна. На улице, беспокойно и часто заглядывая в подъезд, топтался в ожидании жены Чукай. Ниже Любы на голову, с длинными обвислыми усами, в черном долгополом пальто с широкими, по тогдашней моде, плечами и таких же, как у Любы, резиновых старых ботах – он странным образом дополнял ее. Поврозь мы их и представить не могли.

Нередко Чукай приходил со скрипкой. Заглянув в подъезд и убедившись, что Люба никуда не делась, он прижимал скрипку к посеревшему от долгой носки воротнику пальто, склонял голову к деке и начинал играть...

Люди входили в подъезд и выходили; кто-то шел дальше через двор. Рядом, за невысокой оградой детских яслей, воспитательница громко сзывала пищавших малышей. С улицы доносились автомобильные гудки. А Чукай играл...

Я не помню ни одной мелодии. Помню только, как нервно и неровно вдруг начинал плясать смычок, а резкие разорванные звуки, вырываясь из-под него, словно спешили разбежаться в стороны друг от друга. И внезапно прекратив игру, Чукай бросался к подъезду снова искать Любу.

Успокоенный и повеселевший, он выскакивал

на улицу. Путаясь в полах пальто, с криком “кыш-кыш-кыш!” бежал к нам, взмахивая длинными рукавами, как крыльями, и делая вид, что хочет кого-то поймать. А мы со смехом разбежались врассыпную, хотя совсем и не боялись его.

Закончив с подъездами, Люба шла с Чукаем к рынку, в “шестой” гастроном. Там она снова мыла полы. А после продавцы наливали ей водку в небольшую стеклянную баночку из-под кильки-частика.

Люба неторопливо пила и так же неторопливо что-то рассказывала, глядя на склянку в руках. А очередь тоже неторопливо двигалась, и кто-то из невольных слушателей вздыхал; кто-то, крестясь, шептал: “Господи, упаси!”; кто-то кончиком платка отирал глаза.

Часов в десять Люба и Чукай исчезали до завтрашнего утра.

Но иногда, в конце июня, Чукай пропадал из города, а Люба отправлялась искать его. Бог весть как находила, привозила назад, и все начиналось по-прежнему.

Зимой пятьдесят девятого мы переехали на новую квартиру, и я забыл о двух “чудных стариках”.

Только через много лет, во время одного из приездов домой, когда в разговоре о соседях по старому дому всплыло имя Любы, мама сказала:

– А ты знаешь – она пропала. Поехала искать Чукаю и не нашла. Вернулась сама не своя. Зимой хандрела, а весной уехала – и все.

– Что же он убегал от нее?

– Да не от нее. До войны они жили в Минске: интеллигентная семья, дети. А когда эвакуировались, при бомбежке поезда у них на глазах детей убило. Вот Чукай и убегал их спасать.

...Сколько разных скрипок слышал я потом! Но ни одна до сегодняшнего дня почему-то не напомнила мне скрипку Чукаю – скрипку Войны. И разве память в этом виновата?

А скрипка в подъезде все играла...

И мне показалось: стоит нажать звонок – дверь откроется, и я войду в свое послевоенное детство,

где среди солнечного утра Люба по-прежнему моет лестницу в нашем доме, а Чукай, прижав голову к неразлучной скрипке, так же неровно водит смычком.

Я подойду и за того пятилетнего мальчишку, за себя сегодняшнего, забывшего двух безвестно пропавших “стариков”, скажу:

21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Сегодня в ночь обрушится война
На старый Брест, на Холмские ворота.
На смертный бой поднимется страна
И первой в бой опять пойдёт пехота.

Бессчётных пушек рявкнет хриплый бас,
Взрочуют танки, взмоют самолеты.
Рванутся корабли, меняя галс,
Во все моря на жуткую охоту.

Эфир взорвётся криком позывных
И воздух раскалится от снарядов,
И будет смерть подряд косить живых,
И станет каждый миг страшнее ада.

Четыре года – и каких! – подряд:
Без продыха, жестокий бой кровавый.
Но до сих пор везде огни горят –
Огни бессмертных подвигов и славы.

Но до сих пор пропавших свято ждут,
Во здравие в церквях им ставят свечи.
Об убиенных слёзы так же жгут
Глаза и сердце – если плакать нечем.

Всё так же память на войну ведёт,
И беспощадней добивают раны.
И всё внутри невольно вдруг замрет,
Когда июнь и день – с тем утром ранним...

Сегодня в ночь обрушится война.
Ну, а пока и лист не колыхнётся.
Последний час над миром тишина
И живы все, кто с битвы не вернётся!

– Простите! Простите за все!

И когда Чукай, прервав игру, бросится к открытой двери подъезда, я впервые вместе с ним – среди рева самолетных моторов, воя падающих бомб и их разрывов – услышу детский пронзительный крик:

– Ма!..

22 ИЮНЯ

1

В рассвете с вчерашних танцев
Спешил паренёк домой,
Мечтал в выходной отоспаться –
Счастливым и молодой.

Мечтал о новом свидании,
О нежных, желанных губах,
Целованных только в тайных
Самых смелых мечтах.

Он шёл со вчерашних танцев
Сквозь хрупкую тишину...
Под Брестом фашистские танки
Уже ворвались в страну.

Уже грохотали взрывы,
Горели деревни; шёл бой.
А танки рвались торопливо,
Сжигая из баков газойль.

Дым чёрный вздымался густо.
У танков – железная прыть.
В сожжённой деревне грустно
«Журавль» над колодцем скрипит.

А ветер то гонит пепел,
То брякнет пустым ведром.
Вчера здесь смеялись дети
И каждый спешил в свой дом...

2

Сколько по русским равнинам
Сожжённых, разрушенных мест!
Сколько родных и любимых
В могилах безвременных здесь!

В полях отгремевших сражений
Следов почти не найти.
...Где-то в сожженной деревне
«Журавль» сиротливо скрипит.

Где наш паренёк, что с танцев
Спешил поутру домой?
Лежит он в могиле братской?
А может поныне живой?

И в мирном июньском рассвете
Страшного эха набат
К той, самой любимой на свете,
Зовёт в сорок первый назад?..

3

Двадцать второе. Вечер.
Давно отгремела война...
Сердцу заплакать нечем:
Выжжено горем до дна.

Только лишь боль сухая,
Горькая, горькая боль,
Из памяти не стираясь,
Въелась крепче, чем соль.

С рождения боль, навеки.
Ударит неожиданно под дых.
А ветер гоняет пепел
На месте сражений былых...

23.02.1943 г. У ДЕРЕВНИ ЧЕРНУШКИ

Памяти А. М. Матросова,
всем воинам, повторившим его подвиг,
всем защитникам Родины

В окопе – снег с землёю вперемешку,
А пахнет вдруг подснежником, весной.
Сто лет прожить неплохо бы, конечно,
Ну, а пока – покончить бы с войной.

Там, впереди, на склоне у высоты,
Зашёлся лязгом в ДЗОТе пулемёт;
И, кажется: из пуль весь воздух соткан,
Но я уже шепчу себе: «Вперёд!»

Распался миг на тысячи мгновений,
Мне ясно виден пуль слепой полёт,
И надо встать, да силы нет в коленях,
Но я уже сказал себе: «Вперёд!»

Ещё лежу, но в теле есть команда –
Стремительнее тока в проводах.
Я жить хочу! Но ведь кому-то надо
Перешагнуть через себя и страх!

С трудом от снега тело отрывая,
Я, вижу, как в кино, со стороны:
Уже ползу, свой автомат сжимая,
Среди какой-то странной тишины.

Но вот и ДЗОТ. И поздно на попятный:
Так близко вспышки выстрелов видны;
Что не дожил – пусть доживут ребята.
И дай им Бог вернуться всем с войны!

Рывком встаю, о пули ударяясь,
Лечу так долго на проклятый ДЗОТ,
Весною пахнет мать-земля сырая,
Да не ко мне весна теперь придёт.

Удар о землю. Выдыхая тяжело,
Я обнял ДЗОТ как друга – лучший друг.

...Из-за спины рвануло криком: «Сашка!..»,
А он лежал, не разжимая рук.

...Опять февраль, такой же озорной,
Поземку гонит, с ветрами танцую,
Там, где бойцы вставали в смертный бой
За отчий дом и за страну родную.

У старых обелисков и крестов
Подчас уже и некому заплакать,
Но и сегодня сколько новых вдов! –
Жен тех, кто под огнем вставал в атаку

Не для бравады, не для орденов,
А просто по-другому не умели.
Над русскими просторами снегов
Поют о них февральские метели...

* * *

В который раз Победный Май
Расцвёл над мирною землёю.
Закрой глаза – не закрывай:
Война стоит перед тобою.

С рождения бросает нас
С отцовской кровью фронтовой,
Всей страшной правдой без прикрас,
В гром несмолкающего боя.

Встаём на тех же рубежах
Под Брянском, Лугой, Ленинградом,
Где снова мы и смертный враг
Сойдёмся в схватке беспощадной.

Всем, кто погиб и кто живой,
Не будет никогда отставки.
И каждый день к передовой
Уходят роты на отправку...

И снова будет Май цвести,
И птицы в небесах зальются.

И нашей памяти полки
Плечо к плечу навек сомкнутся.

Здесь за Россию нам стоять:
Пусть отдохнут отцы и деды,
И детям, внукам передать
Передний край и Стяг Победы!

ПОЭТУ-ФРОНТОВИКУ
ГЕРМАНУ АБРАМОВУ

Давно молчавший телефон нежданно звякнул
И женский голос рассмеялся в трубке:

«Петька! Петя!..»

А он держал её – как лодку держит якорь –
Старик, оставшийся один на белом свете.

Гудки, дразнясь, в пустой квартире откликались,
Но, затерявшись в стылой тишине, замолкли.

И звуки голоса иного вспоминались,
Надолго, в сердце, отзываясь болью колкой.

Стены рукой держась и шаркая ногами,
Вернулся в комнату, к столу у изголовья,
К лекарствам и листам с последними стихами,
К её портрету, к строчке:

«Навсегда... с любовью...»

Он не гадал и не хотел – Господь свидетель! –
Отстать, остаться, быть и быть среди утраты.
Любил. Война. Стихи. Теперь, один на свете,
Ложась сегодня, он не знал:

проснётся ль завтра?

О, одиночества! Какие вы все разные:
Глаза, набрякшие от затяжки тоски,
И будней бестолковая бессвязанность
Припайным льдом обманном у реки.

О, одиночества!

Вы – мыслей взбаламученность,

Своё галдящих разом, как грачи.
И ваши горькие у рта морщин излучины
Забвенья гонят и в глухой ночи.

О, одиночества! Глухие одиночества!
Круженье призраков прошедшего в углах
И в пустоте – ни голоса, ни строчечки,

ГОРОДУ ЛЕНИНГРАДУ

1
Война – от этой темы не уйду.
Пока живу – болею ей и брежу.
И с памятью по Ладожскому льду
«Дорогой жизни» вспять бреду в надежде,

Что где-то здесь я встречу вдруг отца
Такого непривычно молодого,
И в том бою с ним буду до конца,
И раны сам перебинтую снова,

В полutorке сам отвезу в санбат,
С ним поплыву по Ладоге туманной...
А может мимо пролетит снаряд?
Не будет ран, машины санитарной?..

Да, чудеса бывают на войне.
Куда там сказкам разным вместе взятым.
Ах, если б наяву, а не во сне,
Вернулись все, кто не пришёл обратно!..

2
...Год сорок первый. Ленинград.
Чуть стих налёт артиллерийский,
Как тут же с воздуха бомбят
По расписанию, садистски.

На краснозвёздный самолёт –
По восемь – с чёрными крестами.
За Мгу и Тихвин бой идёт.
На сотни вёрст – огонь и пламя.

Блокадное кольцо фронтов
Петлёю захлестнуло город.
Снаружи – полчища врагов,
Враг изнутри – смертельный голод.

В тот самый страшный первый год
Никто судьбы своей не зная,
Хотел увидеть, как придёт
Заветный День и наше знамя

Внесут в поверженный Берлин.
И будет солнечное утро.
И на обломках ИХ руин
Напишет кто-то краской крупно:

«За Ленинград!». И на стволах
У пушек, танков в схватке боя
Та надпись всех уже звала:
Звала к Победе за собою!

3
Вдруг память как взрывной волной,
Швырнет безжалостно и слепо
В окоп по-мартовски сырой,
На ту войну, где даже не был.

Родную землю рвет снаряд
И лес оглох от канонады.
А за спиной – Ленинград,
«Дорога жизни» и блокада.

Одна винтовка на бойца,
Патронов – семь, и две гранаты.
Но вновь встают на шквал свинца
Полуголодные ребята.

Встают почти что пацаны:
Ведь им ещё не всем по двадцать.
Нет у войны другой цены –
За жизнь лишь жизнь должна сражаться.

И ртом, распухшим от цинги,
Кричит полуохрипший ротный:

«Вперёд! За Родину, сынки!»
Встают – в огонь прицельно плотный.

...С осколком в голове, отца
Везла полуторка к санбату –
В крови, в бинтах на пол-лица,
Всё рвался он в бреду обратно.

С осколком дожил до седины,
А в День Победы молча плакал
Солдат, оставшийся один
Из всех поднявшихся в атаку.

...Меня накрыло вдруг войной,
Той, на которой даже не был:
Окоп по-мартовски сырой,
Прожектора кромсают небо,

Надсадно канонада бьёт.
К Победе путь ещё так долог.
...Мне жить спокойно не даёт
Застравший в памяти осколок.

4

*По рассказу моего попутчика в электропоезде
«Каменск-Уральский – Курган» (май 1986 г.) о боях
под Ленинградом в июле 1942 г.*

«...С утра приказ был:
Наступать!
А пушки – с вечера в болоте.
Одним расчётам – не достать,
За помощью к кому?
К пехоте.

Лицом к гнилой воде склоняясь,
Из топи тянем на сухое,
И под колёса, молча, в грязь
Сам лёг один, второй... Такое

Придумать даже – страшный грех:
Живые люди – вместо гати.

Я до сих пор их помню всех,
По смерть мне той высоты хватит...

И сходу: «По врагу – огонь!»,
Едва успели окопаться,
В ушах от взрыва жуткий звон –
И больше я не смог подняться.

Казалось, будто голова
Распалась сразу на две части,
И кровь лилась по рукавам,
Пока стянуть пытался каску...

Вот так закончил я войну:
Очнулся только в медсанбате.
Те пушки в каждом сне тяну...
Прости, сынок, вдруг сердце схватит», –

Тут мой попутчик замолчал,
Лишь дёрнул у рубахи ворот.
Вагон мотался, нас качал
На стрелках – мы въезжали в город.

И безымянный мой сосед
Ушёл с толпою пассажиров,
Пока готовил я ответ:
«Спасибо Вам, от всех, кто живы,

От всех, кого тогда спасли
В своём бою под Ленинградом...»

И имя не успел спросить,
Пока в купе сидели рядом.

...Меня накрыло вдруг войной,
Той, на которой даже не был:
Я вижу свой окоп сырой,
Прожектора кромсают небо,

Подсумок, фляга на ремне,
Туман болот под Ленинградом...
Всю жизнь взрываются во мне
Не долетевшие снаряды...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Детство голоногое моё!
Сколько счастья –
        просто быть мальчишкой:
Мы сегодня на парад идём!
Заводской АН-2 скользит над крышами:

С неба разноцветная метель
Засыпает улицы листовками.
Хочется взлететь или запеть.
Щеголяет детвора обновками.

Духовых оркестров разнобой,
От медалей – солнечные зайчики,
Золото знамён над головой
И шаров взлетающие мячики.

У подъезда фронтовик-сосед
Костылём стучит не в такт мелодии,
И багряно полыхает свет
На эмали боевого ордена.

Верится, что враг везде разбит
И победа навсегда за нами!..
Почему ж заплакал вдруг навзрыд
Инвалид, закрыв лицо руками?

...В кепке, в старом сером пиджаке,
Добела подмышками истёртом,
Выходил он посидеть в теньке,
«Козью ножку» свёртывал с махоркой.

Не любитель много говорить,
Слушал шум двора и птичье пенье,
Не спеша сигарку докурив,
Шел домой: все двадцать шесть ступеней

Без протезов – горькая нужда! –
Стиснув зубы, штурмовал раз в сутки,
И шутил: «Ну, летом – ерунда!
Вот зимой – в каких ходить обутках?»

В холод он и впрямь не выходил,
Видно прав: какой с него гулёна...
Тихо, незаметно рядом жил,
Ждал тепла, раз в месяц – почтальона.

Что он думал, вспоминал? Последний бой?
Как без ног очнулся в медсанбате?
...Только умер, брошенный родней,
В богадельне, на чужой кровати...

А пока – он жив, и май опять:
Самый главный праздник для солдата!
В полный рост, стараясь тверже встать,
Как он в бой вставал не раз когда-то,

Посреди пятидесятих лет
Костылем победно салютует,
Будто вправду отыскал ответ:
Больше никогда войны не будет!

Детство промелькнувшее моё!
В День Победы – не унять тревоги –
Вижу: с костылями наотлёт
В полный рост встает солдат безногий!..

КУРСАНТЫ

На обратной стороне фотографии отца надпись фиолетовыми чернилами: «Полковая школа. Второй полк связи. г. Ленинград. Зима 1940-1941 г. Баров, Сергеев, Сычёв». Мой будущий отец - первый слева.

1
Глухая ночь. Все в доме спят.
Неслышно сны порхают стаей.
Был День Победы и Парад,
Светилась цифра «60»,
Гвардейской лентою сверкая.

В полнеба полыхал салют,
И пели песни фронтовые
От сердца, как сквозь боль поют
Тем, кто уже в другом краю,

Но кто для нас – всегда живые.
Их голоса, их кровь и боль
В виске пульсируют набатом:
Бессонной ночью снова в бой
Их память нас ведет с собой
От Дня в июне к Дню Парада.

2
Курсанты школы полковой,
Последний мирный выпуск летний.
Одним – окоп передовой,
Другим – в десант, блокада – третьим:

«Запас», «негодный к строевой»,
Учить ускоренно «морзянке».
Им хлеба в день – накрыть рукой,

Дрова – самим рубить в делянках.
А холод страшный – как назло,
Топор – кувалды тяжелее,
Бревно тянуть через сугроб:
Ознобный жар лишь тело греет.

А вечером – нелегкий путь
Наряда патруля дозором
С приказом на суровый суд:
Расстрел на месте мародеров.

Ни дистрофия, ни цинга
Вас в лихолетье не сломила:
«Хотя бы одного врага
Убить, пока подняться в силах!»

С тем уходили вы на фронт,
Не долечившись в медсанбатах.
Блокадный сорок первый год
Был шаг к Победе в сорок пятом.

3
Сергеев, Баров и Сычев,
И мой отец – он крайний слева.
Война не началась ещё.
Начался год лишь сорок первый.

Ваш снимок – как он уцелел
И на войне, и в годы после?
Что патефон тогда вам пел,
Уже не спросишь – слишком поздно.
Курсанты школы полковой,
Второй полк связи, выпуск летний:
Вдруг кто из вас ещё живой?..
Молчат. Нет сна в поре рассветной.

Их не вернуть из тишины.
Отец не сядет у постели...
Мы все – осколки той войны,
Что до сегодня долетели.

ЛАДОГА

С утра на Ладогу туман
Лёг белым пухом непроглядным.
Опять уходит караван
К Большой Земле из Ленинграда.

На белых флагах – Красный Крест,
Но лучше пусть туман не тает:
Ведь «мессер», взяв цель в перекрест,
Здесь никого шадить не станет.

Носилок, раненых – битком
На палубах. А в трюмах – дети,
От голода – белей бинтов:
За что им это лихолетье?

Все звуки остро ловит слух:
Лишь волны бьются в стены трюма.

Над палубой – тумана пух.
На барже – раненая юность.

Так тихо – будто уже тыл,
Как будто не вчера здесь выли
Чужие бомбы с высоты,
И взрывы солнца свет затмили.

Спасенья не было нигде,
И гарью пахло до удушья,
И сиротливо на воде
Качались детские игрушки.

...Доплыли. Сходу, спешно, в тыл
Грузились в санитарный поезд.
Но сколько тех, кто не доплыл,
Остались, Ладога, с тобою?

Войны короткий эпизод,
Где случай жизнь дарил вслепую.
И был июнь – шёл второй год
Сражений за страну родную.

ЛЕНИНГРАДУ

Сорок первый двадцатого века.
В Ленинграде – июньская ночь.
В белый сумрак распахнуты веки
Статуй Летнего сада. Точь-в-точь

Также смотрят скульптуры безглазо
На Варшаву, Париж и Берлин.
Сколько войн они видели разных!
Но такую – лишь ты один,

Ленинград – наша гордость и слава,
Ленинград – наша вечная боль,
Из Героев Герой по праву,
Поклониться сегодня позволь

До земли, что пропитана кровью,
Защищавших тебя бойцов:
Встанут снова с Блокадою вровень
Юность, раны наших отцов.

Встанут с первой суровой зимою
Тени страшные: голод, цинга.
И обрушатся с жутким воем
Сотни бомб с самолётов врага...

И с трудом, по сугробам, с винтовкой,
Встанут роты на встречный бой
Из промёрзших до звона окопов,
Город свой заслоняя собой...

Ленинград! Извини, что тревожу:
Поздно, ночь, может, спишь уже.
С каждым годом ты всё дороже
И роднее ещё душе!

Но туда, в сорок первый далёкий,
Всем, кто жили и жив сейчас,
Может, ты передашь мои строки
В предрассветный июньский час?..

СОЛДАТСКИЙ МЕДАЛЬОН

...Приказом Народного Комиссара Обороны Союза ССР № 138 от 15.03.41 г. были введены медальоны в виде текстолитового пенала с вкладышем из бумаги...

Я зарядил последних шесть патронов.
Боезапас уже не подвезут.
Сползает солнце вниз по небосклону.
Упорно фрицы к нам опять ползут.

Нас только двое и одна граната,
И у Серёги меньше на патрон.
Весь взвод полёт, но продержаться надо,
Пока свой фланг подтянет батальон.

Нам на двоих и сорока нет полных:
Такой уж выпал сорок первый год.
К земле прижавшись гимнастёркой потной,
От глаз, со лба стирая грязный пот,

Серёга улыбнулся вдруг: «А знаешь,
Не зря мы здесь и в крови, и в пыли

Лежим сейчас. Однажды, в мирном мае,
Придут сюда и спросят: – Как могли

Полдня держаться два почти мальчишки,
Когда весь взвод в бою уже полёт?
А я себе шепну: «Васяня, слышишь? –
Как жаворонок в небе нам поёт...»

... На месте том нашли два медальона.
В одном – записка, скрученная в жгут:
«Я зарядил последних шесть патронов.
Боезапас уже не подвезут...»

МОНОЛОГ ВЕТЕРАНА ВОЙНЫ

Пусть нам говорят: «Что войну вспоминать?
Ну, было – и сплыло. Ушло без возврата».

Вернись время вспять, я б сорвался опять
На страшную ту, что досталась солдату.
Где горе повсюду в обнимку с бедой,
След в след, день и ночь, за тобою ходили.
Где те, кто сегодня остался живой,
Без слёз, стиснув зубы, друзей хоронили.
У каждой войны счёт потерям есть свой,
Свой враг и две даты: вчера и сегодня.
И если с войны я вернулся живой,
То долг мой святой –

всех погибших в ней помнить.

Всех тех, кто остались в далёкой земле,
С ней кровью своею навек побратались.
Остались с войны «похоронки» семье,
Не каждому даже медали достались.
Лишь память святая не знает границ,
Уходит опять на сраженье со смертью.
Не каждому в поле стоитobelisk,
Но каждый пред памяти высью бессмертен.

Там вписаны все, даже кто без имён
Легли в Диком поле, у речки Непрядвы.
И Воинской Славе от древних времён
Народная Память пусть будет наградой!

* * *

Никто не возвращается с войны:
Все остаются у неё в плену.
Вся память и душа войной полны,
И без неё – ни жить и не вздохнуть.
Никто не возвращается с войны!

Для каждого война – всегда своя,
Но войн чужих на свете не бывает.
Кресты погибшим тесно в ряд стоят,
И в сердце боль войны не убывает.

Герой или безвестный рядовой,
Для каждого война – сквозным раненьем.
В моей стране, в России дорогой,
Та боль войны есть в каждом поколеньи.

Никто не возвращается с войны!
Её победы и утраты равно святы.
И, молча, среди мирной тишины,
Склонимся перед подвигом солдата.
Никто не возвращается с войны!

ПЕРВЫЙ БОЙ

«С 12 сентября... в городе развернулись ожесточённые уличные бои...» «...Потери Красной Армии в Сталинградской битве составили 1 млн 130 тыс. солдат и офицеров...»

(Из официальных источников)

...Он умирал. А рядом, бесполезный,
Лежал пустой, разбитый автомат.
Фашисты на этаж уже не лезли,
И грохот боя отступил назад,

Куда-то вниз, и стал почти не слышен,
И в голове стоял неровный гул,
И каждый миг казался долгим, лишним,
Срываясь в шёпот пересохших губ,

Который самому казался криком,
В слепой надежде повторявшим: «Пить!..»

Он не успел ещё к войне привыкнуть.
Как никогда ему хотелось жить.

Одежда на боку от крови взбухла,
И он не раз сознание терял.
В свой первый бой их взвод вступил под утро.
Кто жив, кто – нет, боец уже не знал.

Он умирал мучительно и трудно:
Свой первый бой закончивший солдат.
... У матери, не веря, шепчут губы
Вслед строчкам:

«...сын погиб... за Сталинград».

* * *

Так много фильмов и рассказов,
Что к жизни вызвано войной!
А мы роднились с нею сразу
Отцовской кровью фронтовой,

Осколком, навсегда засевшим,
И грубыми рубцами ран,
Стянувших кожу возле сердца, –
Всё от войны осталось нам.

Кресты могил родных, награды,
И фото довоенных лет,
И письма на листках тетрадных,
И в чёрных штемпелях конверт.

Их голоса, когда не спится
И совесть поедом грызет...
С войной пришлось нам породниться
В тот самый сорок первый год.

ЮЛИИ ВЛАДИМИРОВНЕ ДРУНИНОЙ

В июньской тополиной тишине,
Когда метут пуховые метели,
Всё так напоминает о войне:
Звезда, ракетой горящая в окне,

Рассвет, пока приметный еле-еле
Над крышами.

И вдруг – моторный рёв
Обрушится на тишины останки...
Рыча захлёб: «Nach Ost! Nach Ost!», вперёд
Рванут по сердцу гусеницы танков.

И будет память бить прямой наводкой,
Слать за снарядом – точно в цель – снаряд:
Я вздыблюсь на Десне десантной лодкой,
Качнусь осиротелою пилоткой
И отсеку себе пути назад.

За годом год теку рекой кровавой –
Десной и Днепром, Бугом и Невой;
И жизнь моя – всего лишь переправа
Из прошлых войн в наш здешний непокой...

УГОЛ ШКОЛЬНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ

Угол Школьной и Центральной –
Там душа моя живёт.
То с улыбкой, то печально
С давних пор к себе зовёт

В тот барак послевоенный –
Неказистый и родной –
С дружной песней неременной
В летний вечер выходной,

С разговором тихим, ладным
На завалинках у стен
В платьях праздничных нарядных,
С ребячнёю у колен.

Пусть мужья в лото играют:
По копейке с носа – кон.
То гармонь – с другого края,
То из окон – патефон.

Мягкий сумрак лёг, не тает,
С бледным отсветом закат,
Звёзды выпорхнули стаей,
То горят, то не горят.

Завтра снова на работу.
Сны кружатся от стены.
А на стенах – в рамках – фото,
Не вернувшихся с войны.

В каждой комнате над койкой
На стене портрет родной.
Память – горькая настойка
В летний вечер выходной.

В сны вплывут с привычной болью
Голоса из тишины
– вдоль Центральной и вдоль Школьной –
Всех, кто не пришёл с войны...

Вечер 09.11.2010 г.

ОЖИДАНИЕ

Травников Г. А.

ПОДУЯНОВ
Никита Андреевич

* * *

Мне снился сон. Сидел в засаде
Разведки пограничной взвод.
Кругом тревожный лес, а сзади
Почти разбитый немцев дот.

И я, как прошлые поэты,
Восславлю подвиги былых
Времён, когда взрывались бомбы,
Когда писался этот стих.

Ну, что ж продолжу. Лес и стужа,
Бил мелкий дождик октября...
Почти что каждый был простужен,
Но отступить никак нельзя.

Никак нельзя друзей оставить,
Которым помощь так нужна.
И ничего им не исправить.
Шёл сорок третий год. Война.

Деталей боя я не помню,
Да и откуда мне их знать,
Лишь помню только, как ком. взвода
Шептал: “Не страшно умирать!

Не страшно, братцы, жизнь оставить
За наших жён и матерей.
Нельзя нам, братцы, Русь подставить
На растерзание зверей.

Родился 5 мая 1993 года в селе Новопышминское Сухоложского района Свердловской области. В 2000 году пошел в школу. В 2005 года начал писать стихи. С 2007 года сотрудничает с районной газетой “Знамя труда”.

В период с ноября 2011 года по декабрь 2012 года проходил военную службу в Республике Таджикистан на должности “механик-радиотелефонист” роты связи узла связи командного пункта (РС УС КП) батальона управления.

Основной проблемой нашего времени считает непонимание между старшим и младшим поколениями

Кому дано в бою остаться,
Кому-то выжить – и домой!
Не будем, братцы, сомневаться!
Вперёд, в атаку, все за мной!”

И все они пошли в атаку.
В последний раз, в последний бой.
Я видел взгляд, я слышал фразы –
Им просто хочется домой...

* * *

Я видел страшный бой во сне:
Земля стонала и взрывалась,
На высоте, где взвод засел,
Живых почти что не осталось.

Вдруг встал парнишка молодой,
С погона звёздочка блеснула:
“Мой взвод, за Родину, за мной!” –
Поднялся взвод на штыковую.

Забыв свой страх, со злым врагом
Не побоялись вступить в драку.
Кто кулаком, а кто штыком...
Так продолжал тот взвод атаку...

Потом проснулся. Ночь. Светила
В окно мне нежная луна.
Я понял, как же жизнь красива,
Жаль, что всего одна она.

Живём мы в мирный “век бумажный”
И не дано нам их понять,
Как можно стойко и отважно
Родную землю защищать!

...Его не видел никогда
И фотографий не осталось,
Лишь похоронка и звезда
В наследство после нам досталась...

И долго думал: “Смог бы я
Бойцов поднять на штыковую?”
Шепнуло сердце: “Да, смогу!
За землю за свою родную...”

Пройдут минуты, сутки, годы;
Возникнут новые града,
Но подвиг Ваш мы не забудем,
Мы не забудем НИКОГДА!!!

СТАЛИНГРАДКА

Рвались фашисты к Сталинграду
Шёл сорок третий чёрный год.
Солдаты шли тогда в атаку
За каждый дом, за каждый дот.

Жила девчонка в Сталинграде,
Девчонка смелая была.
Её отец погиб в штрафбате,
А мать не помнила она.

На вид ей было лет семнадцать,
Глаза, как небо, и душа.
Простое имя – звали Настя,
Была в больнице медсестра.

Ни пуль, ни взрывов не боялась,
Всегда и всем помочь могла.
И сотню раз судьба спасала –
Последний раз не сберегла.

Ведь на войне законов нету,
А пуля-дура – не секрет.
Не встретит она больше лето,
Не скажет солнышку: “Привет!”

Бежал фашист из Сталинграда.
Войне был дан обратный ход,
Но о Малаховом кургане,
Та память вечно в нас живёт...

ПОПКОВА
Лидия Николаевна

БАЛЛАДА О ВЕТЕРАНАХ

Светлой памяти моих односельчан – ветеранов Великой Отечественной войны Михаила Дмитриевича Колчеданцева, Александра Ивановича Манакова, Антона Ивановича Черепанова, Анастасии Алексеевны Петровой посвящаю

Мы войну учили по книжкам:
Родились мы после войны.
И казались нам, ребятишкам,
Далеки те страшные дни.

В каждом доме деревни нашей
Непреренно жил фронтовик –
Дяди Ваня, Антон, Миша, Саша,
Кто кичиться собой не привык.

И, награды начистив до блеска,
В майский день шли, как на парад,
В сельском парке, у обелиска,
Встрече с ними каждый был рад.

Вспоминали войны дороги
И погибших своих друзей,
Не пришедших к родному порогу,
Не обнявших жён и детей...

Родилась 2 декабря 1948 года в селе Каргаполье, где и живет до сих пор. В 1964 году закончила Каргапольскую восьмилетнюю школу и поступила в Чашинский технологический техникум молочной промышленности. После получения диплома работала помощником мастера и мастером на Каргапольском маслозаводе. В 1982 году заочно закончила Шадринский государственный педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Преподавала эти предметы в ГПТУ-10. С 1983 года работала в редакции Каргапольской районной газеты «Сельская правда». Член Союза журналистов СССР. До выхода на пенсию шесть лет трудилась в пресс-службе Администрации Каргапольского района.

Выпустила десять сборников стихов. Публиковалась в коллективных поэтических сборниках творческого объединения «Светлые поляны», в областном журнале «Огни Зауралья», в газетах «Новый мир», «Зауральский ветеран».

С августа 2011 года состоит в Российском союзе профессиональных литераторов.

ДВА ГЕРОЯ

Светлой памяти двух земляков, двух героев двух войн: Петра Брагина – героя Великой Отечественной войны и Романа Марковских – героя Чеченской войны

Четырежды солдат в боях был ранен,
 Но таковы уж русские сыны,
 Вновь возвращался в строй на поле брани,
 И шёл четвёртый год большой войны.
 Был прост приказ – освободить селение.
 И с автоматами наперевес
 Пошли бойцы вперёд, в контрнаступление,
 Чтоб с фрицев сбить величие и спесь.
 Но вражий пулемёт в скирде соломы
 Остановил движение вперёд:
 В пространство непрерывно и по-злому
 Строчит, строчит проклятый пулемёт.
 И залегли в укрытие ребята.
 Враг продолжал отчаянно стрелять.
 Команды в бой напрасно ждут солдаты,
 Им даже головы нельзя поднять.
 В критический момент та мысль созрела:
 Расчёт сержанта Брагина был прост –
 Закрывать оружие врага солдатским телом.
 И смело он поднялся в полный рост!
 Вмиг «захлебнулась» огневая точка,
 Вперёд подразделение пошло!
 И с криками «Ура!» в атаке точной
 Врага погнавши, заняли село.

Тот подвиг земляка мы помним свято,
 Вовеки эту память не отнять!
 Но о другом, сегодняшнем солдате
 Мы тоже гордо будем вспоминать.
 Он жил средь нас, он в школе здесь учился,
 Грустил, смеялся и светло мечтал...
 Пришла пора, с родными он простился
 И в строй солдатский по призыву встал.
 Он стал сапёром и имел сноровку,
 Всю технику надёжно изучил.
 А год спустя он в спецкомандировку,
 В республику Чечню направлен был.
 И каждый день он уходил в разведку –
 Товарищей в пути сопровождал.
 Взрывчатку, мины, что заложены нередко,

Сапёр миноискателем искал.
 Был светлый, тёплый день в начале мая,
 Не знал Роман, что близок страшный час.
 Он, как всегда, отряд сопровождая
 Вдруг обнаружил вражеский фугас.
 Взрывное самодельное устройство,
 Поблизости бандиты жертву ждут.
 Без сожаления и без беспокойства
 Его в секунду к взрыву приведут.
 И знал сапёр, что жизнью он рискует,
 Что в этот миг расслабиться нельзя...
 А там, в краю родимом, мать тоскует,
 Там ждут отец, и брат, и все друзья.
 В садах цветёт черёмуха пьяняще,
 И россыпь одуванчиков сполна,
 А за селом опять чернеет пашня,
 В тепло земли ложатся семена...
 Но стоп! Бегут, бегут, летят секунды!
 «Тук-так», – стук сердца иль часы?
 И в ситуации понять нетрудно,
 Что каждый миг поставлен на весы...
 Условленным сигналом он мгновенно
 Успел своих друзей предупредить...
 Боевики ж смекнули, непременно,
 Что их коварный замысел раскрыт...
 Взрыв прямо в небо! Огненный и чёрный!
 Был страшен, по-особому жесток...
 Но спас отряд солдат, Присяге верный,
 Наш зауральский скромный паренёк...
 В родном селе его похоронили:
 Венкам здесь тесно и живым цветам.
 На школе памятную доску прикрепили,
 Что здесь учился Марковских Роман...

* * *

Два земляка, два сына, два героя,
 Друзей спасая, сами не спаслись.
 Нам эта память гордая, святая –
 Пример на всю оставшуюся жизнь!

СЫН ЗЕМЛИ

(памяти нашего земляка Героя Советского Союза Александра Варфоломеевича Исакова)

Жизнь по разным дорогам уводит нас,
Звёздный час в жизни есть не у всякого.
Я сегодня хочу повести свой рассказ
О судьбе Александра Исакова.
Этот смелый солдат был Героем войны,
Жизнь свою прожил честно, достойно.
Хлеб растил на просторах родной стороны,
На полях хлебородных и вольных.
Он любил эту землю, край берёзовый свой,
Вечеров деревенских закаты,
Дорожил мирным небом и святой тишиной,
Завоёванной в том сорок пятом...
Сын крестьянина, хлебушку цену он знал,
В поле с детства с любовью трудился,
Где пахал, сеял хлеб, урожай убирал
И трудом земледельца гордился.
День июньский принёс злую весть о войне –
Поднялась народная рать.
Мужиков не осталось в родной стороне:
Мать-Отчизну ушли защищать.
И ему бы на фронт, да врага победить,
Уничтожить, побить проклятого!
Но для фронта в тылу надо хлеб растить:
И – «На бронь!» Александра Исакова....
Дни и ночи военные были трудны:
Тракторами учил женщин он управлять,
Чтобы в самые страшные дни для страны,
Быть ему на войне и страну защищать.

Сорок третий – нелёгкий для Родины год
завершался. И час долгожданный пробил:
Наконец-то Исаков был призван на фронт!
Обученье прошёл он и танк получил.
Боевое крещение в Польше прошло,
Где плацдарм штурмовал экипаж боевой:
Через Вислу-реку по мосту под водой
Первым танк переправил на берег другой.
Орден Славы за мужество то получил.
Экипаж боевой шёл вперёд и вперёд.
В сорок пятом Исаков свой подвиг свершил,
И о том помнит Равич – небольшой городок.

Этот бой был жесток, был последним тот бой,
Будто зверь, танк по улицам города мчал,
Уничтожил шесть точек тот танк боевой,
Да на площади враз его враг подорвал.
Весь погиб экипаж, лишь водитель живой,
Без сознания в машине остался один.
Но у танка нет башни над его головой,
Взрыв сорвал её напрочь под скрежет и дым.
Нет, не ведал танкист, время он не считал,
Сколько был без сознания, точно не знал.
Только вновь, как очнулся, на педали нажал
И безбашенный танк в бой кровавый помчал!
На врага наводил ужас-страх этот танк!
Как же так: пулемёта нет в танке чумном?
А он мчится вперёд, всё сметая подряд,
Неуёмный! Отчаянный! Всё нипочём!

* * *

А Победа пришла!
Радостью ворвалась!
Стал Героем Союза за подвиг танкист...
И вернулся домой, где земля заждалась,
Да и руки работы давно заждались.
Четверть века трудился Герой на земле.
Был всегда впереди он в работе любой.
И любил своё поле в предутренней мгле,
Когда вновь выводил свой комбайн боевой.
Золотое зерно плавно в бункер текло,
(На войне был Герой и в труде он Герой),
От зерна золотого на сердце тепло,
И струится рекой урожай молодой.

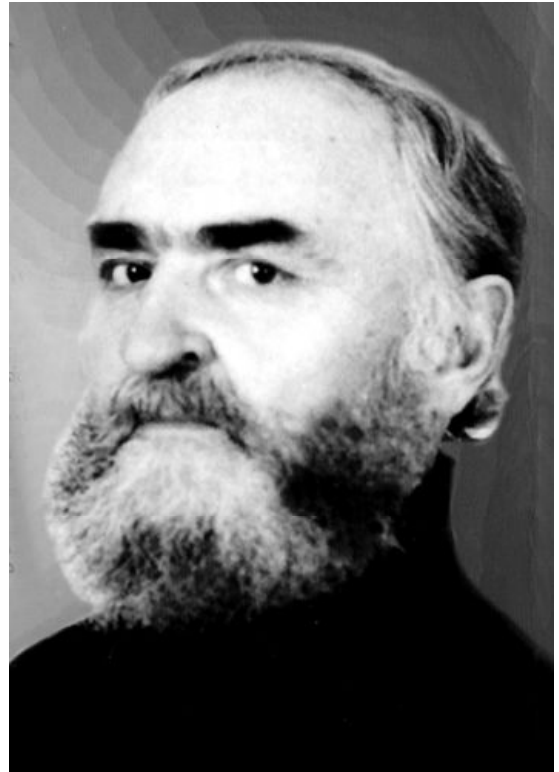
* * *

Жил Герой на земле.
Нам его не забыть!
Он оставил свой след, что дороже всего.

Дети, внуки приходят его навестить
На погост, навсегда приютивший его.

ПОПОВ
Николай Сергеевич

* * *

«Не умирай!» – просил я деда,
У изголовия стоял.
Ты мне про славную Победу
Совсем немного рассказал.

По праздникам ходил сутулый,
Двумя «Отвагами» звеня,
И влагу смахивал со скулы
Спиной закрывшись от меня.

Когда предутреннею ранью
Заглянет август к нам в окно,

Ты собирался к Обояни
И в Прохоровку заодно,

Которые со славой русской
В гранит живой спаяли те,
Кто сердце сжег под градом Курском
В Орловской огненной дуге,

Где в танках вы тогда горели
И без суда стучались в рай...
Ну что ты, деда, в самом деле?
Не умирай, не умира-а-ай!

От составителя книги "Подвиг во имя Победы": "Нелегка жизненная стезя автора представляемого здесь материала. Не будем останавливаться на деталях ее, но с полной уверенностью можно утверждать, что перед нами человек, который, несмотря на тяжелейшие испытания судьбой, сохранил любовь к Родине. Его творчество имеет мощные и глубокие народные корни. Вплоту сказать, что перед нами — народный самородок, не отшлифованный драгоценный камень, вовремя не найденный и не поддержанный литераторами. Нет темы, которой бы он не коснулся в своих произведениях: любовь к малой родине, ожидание отца с фронта, работа в тылу во имя Победы, беда и чаяния крестьянства, войны и вооруженные конфликты современности, любовь к женщине...

К великому сожалению, автор стихов не в лучшей физической форме. Но отныне село Шмаково Кетовского района будет ассоциироваться у меня с именем этого человека".

ПОКЛОН

Поклонитесь увечному деду
Потому, что в его хромоте,
Та, совсем небольшая победа
На лесистой смоленской версте.

Был в окопе потом проутюжен,
Не убитый, но и не живой,
Он лежал в окровавленной луже –
Уже гвардии рядовой.

Где-то там, у деревни под Гжатском,
Из последних мальчишеских сил
В одиночку из «сорокапятки»
Он немецкого «Тигра» подбил.

Миной был по колено отмечен,
Ну, а в правой – осколок всего...
Поклонитесь солдату увечному,
Хромоте некрасивой его.

* * *

Ау, босоное детство,
И сверстники-огольцы,
Что жили со мной по соседству...
С войны не вернулись отцы.

О, как не хватало порой
В ребячьей неласковой доле
Почти позабытой, родной
Шершавой отцовской ладони.

И сразу вы стали взрослее,
И детство – такие дела –
От вас уходило скорее,
Чем в дом похоронная шла.

И помню: когда во дворе
В войну понарошку играли,
Фашистами в этой игре
Мы стать ни за что не желали.

А я в декабре, в сорок пятом,
Отца своего увидал
И чувствовал я виноватым
Себя перед вами, когда

А был там желанней всего,
С глазами не выцветшей муки,
Наш новый сосед Башлыков,
Пал Палыч, физрук однорукый.

Незлобно, мальчишки мои,
А может быть, с ноткой печали,
Чужие и даже свои
Вас безотцовщиной звали.

...Над нами летели года,
Большие влекли горизонты,
Но нам не забыть никогда
Отцов, не вернувшихся с фронта.

1 МАЯ 1945 ГОДА

Поскольку праздник, то спешу,
И красный флаг налаживаю,
И смотрят одобрительно
Все в нашенском дворе,
Я – просто Колька-сорванец,
Не первоклассник даже,
Мне предстоит им только стать
В грядущем сентябре.

Ни радио, ни телефона...
Что деется – не ведаем,
У всех в глазах надежды луч.
А вдруг, а вдруг?
Мы верим, чувствуем: вот-вот
Объявят о победе,
И носимся, как шалые, все валится из рук.

Татары, русские, мордва...
Еще сто разных наций,
И среди них – еврей-скрипач
С фамилией – Шагал.
Официально то село именовалось Гальцево,
А в просторечьи называлось –
Интернационал.

Когда же ей, войне, конец?!
Скорее бы, скорее...
Письмо приносят от отца, и слушает народ:

“Форсировали три реки: Одер, Нейсе, Шпрее,
Осталась Эльба, главная...»
На ней он упадет.

Как много лет с тех пор прошло.
Но стоит только взяться
Мне за альбом семейный,
Где: важность, горе, смех,
То вспоминаю не одну, а ровно сотню наций,
И скрипку, ту, что плакала
Пронзительнее всех.

ЕФРОСИНЬЮШКА

Вновь памяти потрафлю
В который раз...
На старой фотографии
Четвертый класс.
Окошечки в заплатках,
Крыльцо ремонта ждет.
Идет нетароватый
Сорок десятый год.
Мальчишки смотрят бодро,
Не привыкать стоять.
И Ефросинья Федоровна
Вторая наша мать.
Носила челку клинышком
С белесою судьбой,
Мы звали Ефросиньюшкой
Ее между собой.
Попроше, безусловно,
Да и теплей звучит.
И если мы виновны, –
Господь простит.
Держала нас всех в строгости,
Придирчивой слыла...
Ее не стало вскорости, –
Внезапно умерла.
Болезни подкосили,
А с горюшком – вдвойне:
И муж, и оба сына
Убиты на войне.
Сыночки – эти разом,
В одном бою,

Лежат в лесном заказнике
На самом на краю.
В душе поездка блазнит,
Покоя нет...
От Ачинска до Вязьмы
Не хватит на билет.
Но на судьбу не сетуя,
Три сотенных встраяс,
По праздникам конфетами
Одаривала нас.
Та карамель несвежая
С названием «Успех»
Для нас, несладкоежек,
Была вкуснее всех.
Из памяти не вынешь
Ту сладость бытия...
Родная Ефросиньюшка,
Заботница моя.
... А смотрит успокоено.
На фото вновь гляжу,
Где я, всегдашний троечник,
У ног ее лежу.
Лежу, оболтус этакий,
А мне бы – встать,
И руки Ефросиньюшке
Поцеловать.
К губам прижать их твердо,
И тихо, без прикрас,
От имени четвертого
Сказать: «Простите нас...»

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

МАТРОС

Хорошаев М. В.

ПОРТНЯГИН Валерий Иванович

ГОН – ГОНКА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Жил в Кургане человек, который колесами автомобиля проутюжил почти все дороги Европы, намотав при этом сотни тысяч, а, может быть, и миллионы километров. И звали его Николай Терентьевич Шмаков. Мы встретились накануне 90-летия ветерана Великой Отечественной войны.

Мне он заявил, увидев интерес газетчика к бумагам, письмам, документам: «Не пиши, не надо. Я ведь не воевал, а так... Дрова возил, продовольствие, хлам всякий, но и снаряды приходилось брать...»

Оценив солдатскую скромность, возражаю: мол, как же не писать? В армию призвали в 1939 году, а домой вернулся лишь в 49-м! Только эти десять лет чего стоят! А участие в Ялтинской (февраль 1945 года) и Потсдамской (июль-август 1945-го) конференциях?!

– Так я ж не сидел за столом переговоров, мое дело маленькое, сержантское...

Судьба Николая Шмакова, как пружина авто-

мобильного амортизатора, несет в себе всю амплитуду сложного времени середины XX века: то подкинет его вверх, в относительное благополучие кремлевского водителя, то бросит вниз, в телячий зэковский вагон, который доставит его в Монголию на перевозку урановой руды.

Он родился в июле 1919 года в селе Большое Дубровное Варгашинского района тогда еще Челябинской области в многодетной семье. Не окончив и школы, работал избачом, потом учился в Копейском горном техникуме. И быть бы Шмакову шахтером или горным инженером, да только без отрыва от учебы закончил он тогда модные шоферские курсы. И влюбился в эту профессию! Удостоверение шофера первого класса у него с 1939 года, баранку из рук выпустил по возрасту, только в 2001 году. За эти долгие годы, кроме отечественных автомобилей, марки которых сейчас читаются экзотически: ГАЗ-АА, ЗИО-5, М-1, ЯГ-6 и другие, он водил и “Шевроле”, и

Родился 21 апреля 1946 года в городе Кургане. После окончания 8 класса средней школы № 12 пошел работать токарем на завод “Химмаш”. Окончил филологический факультет Курганского педагогического института, после чего работал в редакции областной газеты “Молодой ленинец”. В 1991 году с единомышленниками создал газеты “Курган и курганцы”, которую возглавлял пять лет. В 1997-м на три с половиной года стал пресс-секретарем мэра города Кургана. Затем такой же срок возглавлял редакционный коллектив областной газеты «Зауралье». В 2003 году вернулся в свою родную, бывшую партийную газету, которая к тому времени стала называться «Новый мир». Пять лет был главным редактором альманаха “Тобол”. В журналистике более 40 лет. Член Союзов журналистов и писателей России.

“Мерседес”, и “Опель”, и “Студебеккер”, и “Додж”, и “Виллис”, и “Форд”.

Учебу в горном техникуме Коля Шмаков из-за своей любви к автомобилям забросил и лето 1939 года отработал на Варгашинской автобазе, перевоза зерно с полей на элеватор. А уже осенью Шмакова призвали в армию.

Служить ему пришлось, конечно, шофером в 135-м отдельном стрелковом батальоне, который к началу войны дислоцировался в Белоруссии. 19 июня 1941 года Николай Шмаков повез продовольствие из города Барановичи в город Лида для местного гарнизона. Прибыл 20-го, двадцать первого возил по Лиде грузы для нужд стрелкового взвода, а ночью началась война.

– Таких громадных, с крестами на фюзеляжах, самолетов мы еще не видели. Не успев испугаться, получил приказ перевозить раненых на железнодорожную станцию. Там уже все было разбомблено, вокруг груды железа, стоны, рев самолетов, рыдания – и бегущие с мешками и рюкзаками, с детьми на руках люди. Никогда этого не забуду. Целый день мы расчищали на станции завалы, а назавтра я выехал обратно в Барановичи.

До расположения своего батальона Шмаков добрался не без приключений, но это были семечки по сравнению с ужасами дальнейшего отступления.

– Чего скрывать, – говорил Николай Терентьевич, – не отступали мы, а бежали.

Превосходство немцев сказывалось во всем: в технике, в живой силе, в выучке, в опыте ведения войны. Закрепились наши только на Смоленщине. Во время обороны Москвы Шмаков получил новый пятитонный грузовик ЯЗ-5 (Ярославского завода). Возил боеприпасы, буксировал пушки, участвовал в боях за Можайск, Малоярославец, Истру.

К лету 1942 года на автомобильном заводе им. Сталина (будущий ЗИЛ) и на автозаводе в Ярославле наладили сборку американских автомашин “Додж”, “Шевроле”, “Студебеккер” из агрегатов, полученных по ленд-лизу. Целый год, до августа 1943 года, Николай Шмаков с товарищами пере-

гоняли эти автомобили после сборки на фронт. В обратные рейсы, после освобождения наших городов, вывозили покоренную военную технику на ремонтные заводы. Отремонтированные автомобили, пушки и минометы еще неплохо потом воевали.

В конце 1943 года подразделение, в котором шоферил Николай Шмаков, сняли с фронта, ввели в состав дивизии им. Дзержинского и оставили в Москве для поддержки и наведения порядка в столице и Московской области. Пришлось в эти годы (до 1948-го) «покататься» не только по столице, были вполне боевые маршруты в Дагестан и Чечню, на Западную Украину, в Прибалтику.

Но, конечно, самыми интересными были командировки 1945-го года. В феврале Николай Шмаков в составе корпуса охраны Ялтинской конференции руководителей трех держав-союзников отправился в Крым.

– До Симферополя мы ехали эшелонам по железной дороге вместе с автомобилями. За мной был закреплен шевроле. Выгрузились и двинули в Саки, в сторону моря, на военный аэродром. Гостей ждали неделю. И вот 3 февраля над нами загудели истребители. Первым приземлился Черчилль, а через 10-15 минут и самолет Рузвельта. Сталин уже был в Ялте. Президента США и премьер-министра Великобритании встречал наш министр иностранных дел Молотов. Втроем на виллисе они объехали строй почетного караула. Дальше и Черчилля, и Рузвельта возили англичане на “Роллс-ройсах”, которые прибыли в Крым по морю. Мы возили своих.

Вторая из памятных для Николая Шмакова командировок 1945 года была более длительной. Меньше чем через полгода после Крыма, незадолго до Победы, водителей, участвовавших в работе Ялтинской конференции, вызвали в Кремль и тех, кто не был женат (интересно, почему их?) предупредили о новой длительной командировке. На этот раз предстояло своим ходом из Москвы прибыть в пригород Берлина Потсдам. Дело осложнялось тем, что вначале следовало доставить в Прагу президента Чехословакии Эду-

арда Бенеша, который до этого вел переговоры в Москве. Но в Праге еще были немцы, пытавшиеся подавить вспыхнувшее там народное восстание, да и вокруг Чешской столицы еще сопротивлялись остатки танковых дивизий группы армий «Центр».

– В самом начале мая, – рассказывает старый солдат, – для этой поездки я получил “Виллис” с открытым верхом. Небольшой колонной через несколько дней подъехали к посольству Чехословакии. В первом “Виллисе”, который вел Леша Новоселов, располагалась наша охрана, во второй автомобиль – “Татру” – сел Бенеш, третьим с чешской охраной шел я, за нами все остальные. Практически в таком порядке и прошли весь маршрут. 9 мая были в Братиславе, а через несколько дней после освобождения Праги нашими войсками въехали на территорию Градчан, пражского Кремля. Уже 15 мая колонна отправилась в Берлин, где Шмаков со своим дружкой не устояли перед искушением оставить на одной из стен рейхстага свои автографы; «Николай Шмаков – Курган, Алексей Новоселов – Москва».

До Потсдамской конференции оставалось еще два месяца. Все это время было занято службой по охране представителей дипломатических миссий, готовящих документы, которые с 17 июля по 2 августа 1945 года во дворце Цецилиенхоф будут обсуждать руководители трех держав.

Сталин в Потсдаме выглядел веселее и увереннее, чем в Ялте. Место Рузвельта занял новый президент США Гарри Трумэн, а премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, кажется, так и не бросал сигары, зажженной еще в Крыму. Но это были его последние дни в качестве триумфатора, политику островной державы уже определял новый премьер-министр, сменивший Черчилля в ходе переговоров К. Эттли.

Имя русского шофера Николая Шмакова, конечно же, не значится ни в одном историческом документе Потсдамской конференции, но рука не поднимется написать, что его роль была второстепенной. Он был в центре огромных событий, и для 26-летнего парня его солдатское дело было

**Николай Шмаков (справа)
с боевыми друзьями. 1944 год**

главным.

В августе 1948 года Николай Шмаков демобилизуется из армии и переходит на службу в Министерство госбезопасности. Так он попадает в ГОН – гараж особого назначения. Под ним – “мерседес” так называемой дублированной охраны («хитрый» ход для отвлечения возможного врага), но иногда Шмаков возит и членов Правительства. Однако через год судьба Шмакова меняется, да так круто, что мягкое кресло немецкой легковушки меняет на жесткую скамью подсудимых «самого гуманного в мире советского суда». Суд и на самом деле оказался гуманным:

за автопроисшествие на улицах Москвы Николай Шмаков был осужден на два года условно. Из МГБ его уволили.

Но судьба продолжала испытывать его на излом. Не успев толком вникнуть в обязанности начальника автошколы ДОСААФ, на должность которого он устроился, вернувшись в Курган, Шмаков вновь попадает под арест. Более высокая судебная инстанция посчитала его условное наказание слишком мягким и «впаяла» ему 4 года лагерей.

После чтения солженицинского повествования «В круге первом» есть у меня подозрение, что МГБ выступало своеобразным «отделом кадров», работодателем. Кого добровольно заставить, к примеру, возить урановую руду? А тут пожалуйста – срок, зэковский вагон, по этапу через всю страну и вот ты уже в Монголии.

Так бывший кремлевский шофер Коля Шмаков стал возить на самосвале урановую руду от карьера до обогатительной фабрики.

Срок немного «скостило» «холодное лето пятьдесят третьего», известная амнистия после смерти Сталина.

С тех пор Николай Терентьевич Шмаков жил и работал в Кургане. Долгие годы он был самым известным в городе водителем-инструктором, через его уроки прошли тысячи профессионалов автотранспорта. Природный талант, знание любой техники позволяли Шмакову, например, в 50-60-е годы обучать механиков-водителей устройству и вождению первых тягачей с маркой КМЗ – АТС-650 и АТС-712 (средний артиллерийский тягач). А вот еще случай: летом 1970 года в управление механизации, где Шмаков работал после ДОСААФ, пришла делегация с завода «Кургансельмаш», который налаживал свое железнодорожное хозяйство. Требовалось запустить приобретенный заводом тепловоз с танковым двига-

телем Д-12. Никто не знал, как к такой технике подступиться, а Шмаков взял на работе отгул, посмотрел тепловозные инструкции, чертежи, другие бумаги, залил куда следует воды, масла, топлива – и 12-цилиндровый дизель взревел во все свои 500 лошадиных сил!

Любовь к своей истории, к истории Родины, человеческая любознательность, интерес к жизни приводят его к ведению дневников. Это настоящая семейная энциклопедия. Из нее можно узнать, как в разные годы называлось ДОСААФ-РОСТО, каким был уровень Тобола в паводки, начиная с сороковых годов, адреса всех родственников, фамилии и места захоронения земляков из села Дубровного, погибших на фронтах Великой Отечественной. Николай Терентьевич даже составил собственную историю России с краткими характеристиками всех царей и других наших руководителей – от князей до президентов. А свое родословное дерево дорисовал уже до зелененьких листочков, обозначающих детей, которых они вырастили с Клавдией Алексеевной, и четырех внуков. Ими он гордился. Дочь Татьяна закончила УПИ, инженер-теплоэнергетик, сын Сергей – программист. Детей выучил, учатся и выучились внуки.

Наград у Николая Терентьевича целая шкатулка, но особо дорожил он несколькими – медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны II степени. И еще медалью Жукова.

Невозможно, оказывается, на коротком бумажном пространстве полно обозначить 90 лет жизни рядового российского солдата.

Для Николая Шмакова каждый километр его жизненного пути, со всеми его шоссе, автострадами, грейдерами, фронтowymi дорожками, ямами и ухабами всегда означал защиту Отечества. Это была гонка особого назначения.

ВОЙНА ДОСТАЛА

Когда-то, будучи студентом, я слушал его лекции по теории литературы, а сейчас вот слушаю рассказ по страшной практике войны.

– У нас это уже в привычку вошло: как только занимали новую позицию, сразу окапывались. Мы же не дураки, чтоб под чужие снаряды и их осколки подставляться. Раз! – в вырытую тобой же ямку – и порядок! Но снаряд тоже не дурак. Разорвался совсем рядом с моим укрытием. Вроде и не ранен, а из носа и ушей кровь пошла. Когда очухался, добрался до военфельдшера. Тот дал каких-то порошков – вот и всё лечение. Никаких справок в той обстановке никто, конечно, не давал. Да я и сам бы стал себя презирать, если б добивался справок или отправки в госпиталь. Одно плохо – оглох.

Так бывший артиллерист и бывший старший преподаватель филологического факультета Курганского пединститута Виталий Иванович Котов рассказывал о своей контузии 1944 года. Глухота, полученная в результате контузии, только прогрессировала, и под конец жизни ветеран Великой Отечественной почти не слышал. Зная об этом, перед встречей с ним я набрал на компьютере и распечатал несколько вопросов. Думал, так легче будет объясняться. Однако он усадил меня на диван совсем рядом с собой – до тесноты – и подставил относительно здоровое ухо, в которое велел мне кричать свои вопросы. Ответы ясные, поражающие чистотой речи, остроумием.. Увидев, что я заинтересовался наградами, говорит:

– Нет, о достопримечательностях Кенигсберга и Варшавы ничего не могу рассказать, хотя медали «За взятие Кенигсберга» и «За освобождение Варшавы» имею. Это ведь пехота после нашей артподготовки входила в города, а мы со своими пушками обходили их и шли дальше.

Кроме этих и других медалей, Виталий Иванович Котов награждён двумя орденами Красной Звезды и двумя орденами Отечественной войны. Говорил, что за рейды.

– Какие рейды?

– Наш 313-й гвардейский миномётно-артиллерийский полк, который после войны стал называться Бобрыйским ордена Суворова, был придан Третьему кавалерийскому корпусу под командованием генерала Осликовского. Были ещё танковый и зенитный полки. Уже на территории Европы мы ходили в боевые рейды по тылам немцев. Иногда забирались вглубь на 100-150 километров, уничтожая склады, штабы, сея панику среди фашистов. Длились такие походы по 7-8 дней. Я, тогда молоденький командир батареи, в этих рейдах воевать научился. Наставник у меня был хороший, сержант. Вот фамилию его не могу вспомнить...

Минут через тридцать, когда мы говорили уже совсем о другом, Виталий Иванович вдруг радостно воскликнул:

– Вспомнил! Сержант Горчаков меня учил во-

евать, кавалер ордена Боевого Красного Знамени. Полк – это моё счастье.

Не ожидая такого понимания счастья, я спросил:

– Как же вы попали в него?

– Я – тульский. До войны закончил в Туле 9 классов школы. Уже в конце июня 1941 года по направлению военкомата с такими же 15-16-летними ребятами рыл окопы возле Смоленска. Чуть позже меня отправили в Омское артиллерийское училище. Ехал из Москвы через Курган, совершенно не подозревая тогда, что в этом городе пройдёт почти вся моя послевоенная жизнь. Училище закончил в 1943 году, и сразу – на фронт! Попал к гвардейцам, в тот самый 313-й полк, с которым и прошёл два года войны от Орла до побережья Балтики на севере Германии.

Когда мы одолели фашистов, Виталию Котову не исполнилось ещё и двадцати одного года, демобилизовался лейтенантом. Так в этом звании и числился в запасе до 50-летия Победы. А в 1995 году, когда ему было уже почти 70 лет, вызвали Котова и ещё нескольких ветеранов в облвоенкомат и зачитали приказ Главнокомандующего о присвоении им внеочередных воинских званий. Так лейтенант Котов сразу стал майором.

– Я это воспринял как праздничную шутку Президента Ельцина, – говорит Италии Иванович.

После войны лейтенант Котов в родной Туле пошёл в 10-й класс школы рабочей молодёжи, а после поступил на литфак Тульского педагогического института, где и познакомился со своей будущей женой. Потом, пока Виталий учился в аспирантуре, Майя Павловна работала в Ясной Поляне, в Доме-музее Льва Толстого. Вскоре у них родился сын Евгений.

В Курган Котова пригласил профессор Кондрашенков, бывший тогда ректором КГПИ.

– Приехали мы с полуторамесячным ребёнком, – вспоминал Виталий Иванович, – вот и всё наше богатство. Ни денег, ни одежды, ни мебели, ничего у нас не было. Да и вопреки обещаниям, не очень-то нас и ждали. В конце концов запихнули в какую-то комнатку, где уже жила семья из

трёх человек. Наступила осень 1956 года, холодно, сыро. Вдруг забегают человек, суетливый, говорит быстро-быстро: «Новенькие? Вот ключи, вон там мой сарай, в нём дрова, берите, сколько надо, разжигайте печь, грейтесь, пацана мне не заморозьте». Это был Павел Аполлонович Сергеев, мы потом с ним сдружились.

– Виталий Иванович, а как вы определяете слово «друг»?

– А никак. Вот, как нас встретил Сергеев, это и есть определение. Я потом крепко сдружился ещё с Кимом Владимировичем Тошигиным, Николаем Павловичем Садовым. С Георгием Фёдоровичем Мясниковым тоже дружил. Всякое бывало, а жили институтскими интересами. О войне тогда не говорили, не принято как-то это было.

Котов читал лекции по теории литературы и литературоведению, по истории русской литературы XVIII и XX веков и современной советской литературе, вёл спецсеминары по творчеству Маяковского и Шолохова, руководил педпрактикой студентов, выезжая в сельские школы области. Фронтальная контузия всё чаще давала о себе знать, превращаясь в разные болезни.

– Работать я нисколько не устал, – говорил Виталий Иванович. – Но лишь стукнуло 60, сразу ушёл на пенсию. Достала меня война всё-таки...

В старости, как и все нормальные люди, Виталий Иванович жил для сыновей и внуков. Старший сын Евгений перебрался в Канаду, там за океаном растёт и внучка. У младшего сына Владимира в Кургане два внука, старший из которых назван в честь боевого деда Виталием.

Ветеран часто пересматривал альбом с фотографиями, с которых на него смотрели дорогие ему лица: родители, брат, фронтовые и институтские друзья, студенты, которых он учил понимать красоту литературы, дети, внуки. Горько, что не все из этого многочисленного окружения живы. Но кто жив, тот говорит: «Пусть, Виталий Иванович, поднимаются внуки, пишутся книги ваших учеников, расцветают яблони и салюты праздников Победы, за которую вы воевали».

“ЗЕМЛЕ ХОЧУ МИРА”

Мне повезло. Большой реактивный самолёт поднял меня на положенную высоту и понёс сквозь часовые пояса в Москву. Лечу пригласить на ёлку знаменитого земляка, дважды Героя Советского Союза Кирилла Алексеевича Евстигнеева. Ёлка символическая, но приглашение самое искреннее, от тысяч читателей моей газеты.

...Открыв двери своего дома, Кирилл Алексеевич на радушие отвечает радушием: усаживает поудобней в мягкое кресло, предлагает чай. Чувствую, вглядывается в земляка. И хотя я из Кургана, для хозяина я сейчас – и парень из деревни Хохлы, где он родился, и из Шумихи, где стоит его бронзовый бюст. Вглядываюсь в хозяина и я. И думаю, простит меня Кирилл Алексеевич за то, что не буду прибавлять ему генеральской стати, богатырского роста, а скажу как есть: во внешности знаменитого летчика было мало геройского, скорее он напоминал выдавшего виды солдата с «сибирской косточкой» в характере. Ну, что-то вроде нашего, зауральского, Теркина.

Кстати, в энциклопедии «Великая Отечественная война, 1941-1945», в которую я заглянул, статья о К. А. Евстигнееве удачно расположилась рядом с репродукцией знаменитой картины Юрия Непринцева «Отдых после боя». Помните? На лесной поляне весельчак (вылитый Теркин!), свернув самокрутку, так пошутил, что смеется целый взвод. И сегодня нам простительно будет предположить, что смеются эти бойцы накануне Нового года, ибо вся обстановка говорит о празднике: маскхалаты выглядят, как шуба Деда Мороза, ящики с гранатами зарылись в снег, вьется дымок над котелками с кашей, почувствовали вдруг тишину ели и сосны.

Сейчас жалею, что почему-то не задал Кириллу Алексеевичу вопрос о том, как и где он встречал новогодние праздники во время войны. Но думаю, что и Новый, 1944-й, у комэска Евстигнеева и его товарищей настроение было неплохим. Буквально через несколько дней после ряда успешных операций авиационная дивизия, в ко-

торую входил и их 240-й истребительный полк, была удостоена почетного звания «Кировоградская». А через год добавит к этому и звание Будапештской. (Здесь же воевал и будущий трижды Герой Иван Кожедуб). Это ясно из упомянутой энциклопедии.

Захлопнув том и поставив его на книжную полку хозяина, задумываюсь над тем, как всё-таки безжалостно просто поддается элементарному

пересказу жизнь человеческая. Годы, десятилетия можно наикратчайшим образом вогнать в несколько строк. И какие годы! За два года войны (К. А. Евстигнеев летал на боевых истребителях с марта 1943-го, до этого времени был летчиком-инструктором в Бийской школе военных пилотов) – 300 боевых вылетов, 56 сбитых фашистских стервятников!

Впрочем, пора было доставать блокнот, чтобы как можно точнее записать новогодние пожелания, Кирилла Алексеевича Евстигнеева зауральцам. Тогда, много лет назад, он сказал:

– Мои земляки, убежден, понимают, что жизнь у нашей страны напряженная, а потому желаю им ускорения. Нас пугают сегодня «звездными войнами», но с тем большей силой мы желаем друг другу, мира. И от себя, человека, который воевал за счастье родной земли, желаю всем землякам благополучия и мира. Особый поклон шумихинцам, ребятам из СПТУ-16, комсомольцам района. Вон они у меня недавно для своего музея последние регалии, шинель генеральскую забрали. Я понимаю их заботы, их интерес к нам, ветеранам. Пусть растут сильными, честными,

добрыми, работающими. Хорошего Нового года да не ронять боевой чести отцов и дедов пожелаю курсантам Курганского высшего авиационного училища. Всех благ, земляки!

– А вообще я рад тому, – продолжал Кирилл Алексеевич, – что земляков у меня много. Поздравления шлют с Украины, из Болгарии, Румынии, Венгрии. Местам этим, где воевал, тоже хочу пожелать счастливого Нового года и мира. Всей земле мира хочу.

...Мы немного помолчали, представив, как на нашей символической елке тихо потрескивают свечи. И тут я сказал:

– Знаю, что Вы рассказы пишете на авиационные темы – успехов в творчестве. В знак этого разрешите подарить Вам сборник стихов курганского поэта Алексея Пляхина, солдата, дошедшего до Берлина.

– Спасибо! – сказал Кирилл Алексеевич, раскрыв книгу. Прочел первые строки. – Хорошие стихи, солдатские. По-разному, конечно (из меня то какой писатель?), но получается, что мы с Алексеем Михайловичем одно пишем: жизненную науку для молодежи.

ГОРЬКОЕ ПОСЛЕВКУСИЕ ПОБЕДЫ

В 45-м году в майскую пору наши взяли Берлин и разгромили гитлеровцев. Шли к этому четыре года, всей огромной страной. В живых остались те, кому повезло, а также те, кто начал воевать в конце, поскольку в начале войны были ещё детьми. Уцелели и те, кто воевал между госпиталями.

За долгую журналистскую жизнь я разговаривал с сотнями из них, и никто не хотел, даже наотрез отказывался вспоминать собственно бои (этим поражал меня и отец, более всего дороживший медалью «За отвагу»). Позже я понял, почему фронтовики избегают воспоминаний. Во-первых, ужаса боёв не передать никакими словами, а, во-вторых, чтобы сбросить рассудок, все эти ужасы необходимо как можно прочнее забыть. Так же,

кстати, ведут себя воевавшие много позже в Афгане и Чечне. Максимум, что мне удавалось выведать у фронтовиков Великой Отечественной, это полушутейные рассказы о каком-нибудь трофейном шнапсе и о случайном флирте, зачастую взятые напрокат от «Тёркина» из соседней роты. Благодаря таким байкам солдатская психика кое-как справлялась с нечеловеческими нагрузками. Позже у них и личные воспоминания заменились киноинтерпретациями войны.

Ещё важное. Поскольку они своими глазами видели жуткие картины гибели друзей, правильнее сказать – братьев, то и стыдятся всю жизнь перед ними, что остались живы. Все они перед лицом смерти приблизились к пониманию истин. Отсюда их необыкновенная, не всем понятная

скромность. Всё это случилось очень давно.

А 9 мая каждый год уцелевшие приходят к Вечному огню в разных городах России. И в Кургане тоже. Можно сказать, что ветеранов у нас остались единицы. Они шагают нетвёрдо, хоть и стараются в окружении телекамер, музыкантов и бодрых чиновников. Цветы и знамёна – само собой. Но и в праздничном блеске видно, что это в основном малообеспеченные граждане нашей Родины. Про себя они понимают, давно усвоили, что «так надо», не положено им жить богато, а оказываемые почести – это как бы небесные дары. И не

восхищение написано на сытой физиономии владельца сияющего джипа, которому шествие преградило путь, а раздражение. Ему досадна и непонятна эта форма общественного признания, все эти «небесные дары» из венков с осыпающейся позолотой. Спрашивается, почему бы не одеть хотя бы оставшихся героев Победы, ее олицетворение, в наилучших магазинах, не одарить их всем, чего захотят, чтобы не стыдно было перед таким же уцелевшим противником, который живет в Германии несравненно лучше. Неоплаченные заслуги – это страшно и стыдно. «Нет слов, чтобы выразить благодарность...» – с пафосом звучит обращение к ветеранам. Русский язык моментально выдаёт оратора: нет слов – нет и благодарности.

Зато погода в эти дни, как правило, стоит восхитительная! Хочется верить, что и тогда стояла такая же по всей благодарной Европе, когда скакивали с пыльной брони молодые красавцы-освободители, тут же попадая в плен цветов, объятий и поцелуев.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ В КУРГАНЕ

Фото Александра Кунгурова

Впервые я попал в Германию с большой комсомольской делегацией СССР, когда Победе ещё не исполнилось 30 лет. Нас принимали вежливо, но настороженно. Но однажды мы подверглись «нападению» тамошних ветеранов. Они окружили наш автобус, приглашая в кафе на пиво и заверяя, что никого в России не убивали, а сразу же моментально сдались в плен. Оказалось, на самом деле бывшие военнопленные, знавшие немного по-русски и даже поющие наши песни. У них в этом кафе был свой клуб. Мы стали держать совет.

Кто-то из наших сказал: «Меня бы батя прибил, если б узнал, что с фашистами пью». «Меня бы тоже», – подумал я.

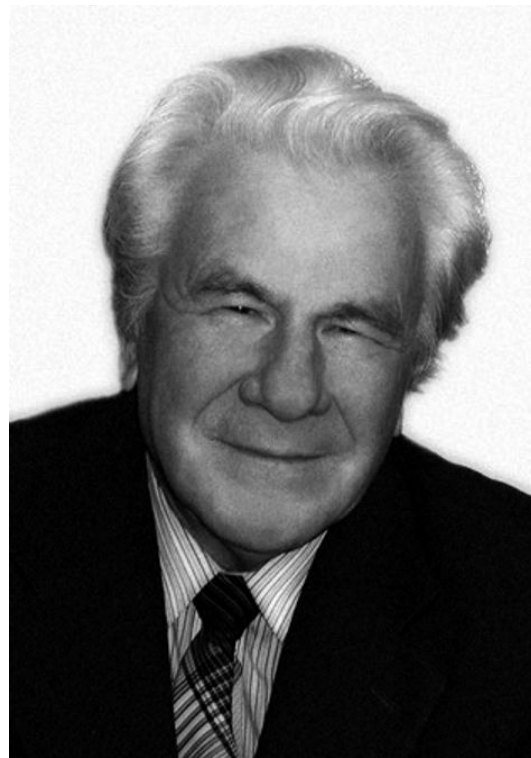
Всё закончилось мирно: по кружке пива и обмен значками. Запомнилось, что все их ветераны отличались от наших отцов удивительной зажиточностью и на вид неплохим здоровьем...

ВОЙНА

Чалый В. М.

ПОТАНИН
Виктор Федорович

БОРЯ-МАЛЕНЬКИЙ И ДРУГИЕ

Давно уже собирался о них написать. Но сборы всегда затягивались, да и мучило сомнение – сумею ли? Ведь нужны особенные слова! А где они... Вот если бы сказать об этом стихами! Но стихами не суждено – не владею... Да и можно ли лучше, чем у Ахматовой?

Вы помните: “А вы, мои друзья последнего призыва! Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена. Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,

а крикнуть на весь мир все ваши имена!” Я не могу читать это без спазма в горле. Но вы найдете человека, который может... Впрочем, самое сильное у этого стихотворения – это все же конец. Он, как набат! Как заклинание! Как разговор с собственным сердцем! “Да что там имена! Ведь все равно – вы с нами! Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами – живые с мертвыми:

Родился 14 августа 1937 года в селе Утятском Притобольного района. Закончил Курганский педагогический институт и Литературный институт им.Горького при Союзе писателей СССР (заочно). Трудовую деятельность начал литературным сотрудником, а затем ответственным секретарём областной молодежной газеты «Молодой ленинец» в Кургане. Был редактором Южно-Уральского книжного издательства (Курганское отделение). Затем многие годы работал литературным консультантом областной писательской организации.

Автор более 50 книг прозы. Активный общественный деятель. Избирался депутатом Курганского областного Совета народных депутатов(четыре созыва), много лет был членом редколлегии журнала «Урал», членом приёмной комиссии при Союзе писателей России, членом Высшего творческого совета Союза писателей России.

Заслуженный работник культуры России, Почетный Гражданин города Кургана и Курганской области. Лауреат литературных премий им.Ленинского комсомола, имени И.Бунина, В.Шукшина, Д.Мамина-Сибиряка, губернатора Курганской области. Имеет правительственные награды.

Член Высшего Координационного Совета при Союзе писателей России. Делегат многих съездов Союза писателей СССР и России.

В Союз писателей СССР принят в 1966 году.

для славы мертвых нет”. Как это пронзительно точно – и о мертвых, и о живых... Но я могу писать, имею право, только о живых, И о том, конечно, что видел, что пережил вместе с ними в ту холодную зиму сорок второго... И все-таки шли месяцы, годы, а я все не решался. Иногда даже садился за стол, брал в руки листочек и писал на нем несколько слов, предложений, но дальше дело не шло. Слова были какие-то хилые, без дыхания. И я себя ненавидел, не находил себе места. А потом и вовсе потерял веру: наверное, не суждено мне, не суждено. Но вот недавно...

Впрочем, расскажу все по порядку.

I

Недавно, выступая в одной из курганских школ, я вдруг стал вспоминать свое детство, военные годы. А началось неожиданно: одна бойкая пятиклассница с узкими глазенками, как у лисенка, спросила меня в упор:

– А вы в войну у партизан были?

– Что ты, милая! – поразился я до испуга. – В войну мне было всего... всего восемь лет.

– Но вы же седой... – В классе все засмеялись, а девочка-лисенок обиделась: – Надо же, не спросить...

И мне захотелось ее утешить. Но я не успел – отвлек мальчик с передней парты. Он выглядел независимо.

– А магнитофоны у вас в войну были?... Расскажите, какая марка?

– Да что ты?! – я почти закричал на весь класс. И почувствовал, что бледнею. Стало жарко в груди. – У нас и бумаги-то настоящей не было. Да, да! И бумаги... Мы писали на старых газетах, обертках. И поголодать пришлось. И мерзлую картошку попробовать, и щи из крапивы... А чернила мы наводили из сажи. А карандаши экономили: каждый карандаш резали на три части. Потом делили между собой...

Но договорить я не сумел. В классе сделалось шумно. Я поднял голову и посмотрел вперед. Посмотрел – и сжался от боли: меня же почти не

слушали! Каждый был занят собой: один заполнял дневничок, другой нетерпеливо покашливал, третий меланхолично смотрел в окно. И глаза были пустые, холодные. Их мало занимали мои слова – как будто я рассказывал им о далекой эпохе наполеоновских войн. Можно слушать, а можно и прочитать на двадцатой странице в учебнике...

И во мне все поникло, я себя ненавидел. Я для них сейчас – скучный дяденька-резонер. Но почему? И тут на выручку мне бросилась та бойкая – лисенок.

– А у вас в деревне была музыкальная школа?

– В войну, что ли?

– Аха. – Она оглянулась беспомощно, ожидая поддержки. Но класс шумел, и тогда я стал отвечать одной ей, только ей...

– Такой школы, конечно, не было. А вот патефон у нас был. Привезли с собой ленинградцы. Эвакуированные...

– А что такое эвакуированные? – Опять этот лисенок. Она смотрела в упор и ждала ответа. И я что-то буркнул и стал прощаться. Это походило на бегство. Но я не хотел больше говорить в пустоту.

Да и день был ясный, протяжный, на небе ни облачка. И там, в вышине, кружились беззаботные голуби. И я им позавидовал – им хорошо, им легко, остались на земле все невзгоды, печали, а впереди – только воля и небо, у которого ни конца, ни начала. И кажется, будет вечной эта синева, этот полет.

И пока шел до дома, болела и страдала душа. Ну почему же им безразлично? Ну почему, почему?... И эти вопросы давили, как камень. И ничего меня не радовало, не утешало. А ведь должно бы, должно бы... Ведь через три дня наступал Новый год, и везде стояло голубое сиянье. Оно было всюду: и на земле, и на небе. Оно шло и от елки на нашей площади, и от витрин магазинов, и от улыбок. И от надежды, которая в эти дни запрятана в каждом взгляде. Даже у голубей чудесное настроение, ведь скоро будет тепло и прибавится день. Даже птицы! А что уж там люди...

А мне все равно тяжело. Ну почему, почему же им все безразлично?.. Почему я сбежал от них, почему?..

Эти вопросы не отпускали и ночью. И я уже корил себя, не прощал, что не рассказал в школе о ленинградцах, – но ведь опять бы, наверное, не слушали, не поверили...

И в этот миг в соседней комнате вдруг ожило пианино! Моя Катя играла Шопена. Точнее, не играла, а жила им, страдала. И это страданье взяло меня в долгий и бесконечный плен, и моя душа и музыка уже жили вместе и скоро они слились в один медленный и чудесный звук, но успокоенье не приходило...

Нет, не может наша надежда без памяти прошлого. Не может... Вот она сейчас рядом – моя дочь – на расстоянье дыхания. Вот она сидит, играет Шопена в теплой уютной квартире, а ведь она тоже могла бы быть среди них, среди нас, родись бы пораньше. “Да, могла бы, могла бы, – стучит мое сердце, волнуется. – Могла бы...”

Сердце бьется глухо, толчками, потому что знает еще какую-то свою, самую последнюю правду. Она, видно, осталась там, далеко-далеко, в холодных военных метелях. В той разутой и раздетой деревне, которая приютила тогда ленинградских сироток. Они называли себя эвакуированными, но мы их всегда называли сиротами. Они обижались на это, но что их обиды. Если они уже испытали самое страшное – и блокаду, и немецкие пули. Если их имена стоят уже в классном журнале моей родной школы... “Да что там имена! Ведь все равно – вы с нами! Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...”

II

Нет, сильнее уже не скажешь — “багряный хлынул свет...” Стал повторять эти слова, но перехватило в груди. Я от боли зажмурился. И в этот миг вдруг увидел их. И почему-то в первых рядах поднимался Вовка Адалечкин. Почему он? Я не знаю. Может, потому, что был самый шум-

ный, веселый. И главный выдумщик, заводила. А может быть, потому, что он нас слегка презирал. Я как сейчас вижу – Вовка усмехнется и вытянет губу: “Да что вы тут видели? Сено-солома...” И он был прав. Я, например, в то время не видел еще ни города, ни паровоза, даже и на машине-то в кабинке не ездил.

А за Вовкой был Ленинград. Вовка уверял, что в одном ленинградском доме поместилась бы вся наша деревня Утятка. И мы ему верили, мы завидовали...

Вот Адалечкин бежит к классной доске, а ведь его не вызывали. Но что ему – он же ленинградец. Им все можно – они же сиротки... Это Вовка-то сирота? Совсем не похоже! Вот он стоит у доски и жестикулирует, закатывает глаза. Потом встает на руки и так ходит по классу. Мы хохочем, а он счастливый. А наша учительница стоит в сторонке и вытирает слезы. Ей и жалко его, и обидно: ну разве можно так, на руках? А потом Вовка хватает мел и начинает рисовать на доске. Это карикатуры на всех нас. И как похоже! А ведь он знает класс всего неделю. Но сколько же дней в неделе?

Да, ровно семь дней назад мы их встречали. Стоял мороз, а сверху с неба падали мертвые, застывшие птицы. Теперь уж таких морозов не будет, и такого горя тоже не будет... А потом на дороге показался автобус. Он шел медленно, почти крадучись, еле-еле пробивая сугробы. И вот открылась дверка, и в проеме двери показалась наша директор школы Варвара Степановна Иванова. Вид у нее был уставший, замученный. От Кургана до нашей Утятки они ехали почти восемь часов. Это сорок-то километров! Но дороги не было, ехали по снежной целине...

А потом показались и ребяташки. Некоторых выносили прямо на руках – пугливые несчастные глаза, серые щеки. Много было больных, покалеченных. Блокада сделала свое дело. Да и ехали долго: от Ленинграда до Кургана добирались около месяца. Вагоны были продувные, холодные... И у нас отойдут ли они, согреются?

И вот уже отошли душой, согрелись. А Вовка Адалечкин уже смешит целый класс. Учительница смотрит на него умоляюще, а потом обращается к нам:

– Ребята, мы должны любить наших новеньких, не обижать... Мы пришли им на выручку в трудный час...

И в это время гремит звонок. Вовка Адалечкин машет руками, а потом выскакивает в коридор. Мы следим за ним – все-таки новенький. В коридоре он встречается со своей подружкой Лидочкой Костиковой, мы ее видим уже неделю, но привыкнуть не можем... Она такая печальная, жалкая. Позвоночник у ней изуродован – то ли пуля, то ли контузия. А в глазах все время играют искорки – кажется, она зла на весь мир. Вот они стоят рядом и шепчутся. Два маленьких заговорщика. Вовка дает ей какое-то задание – Лидочка кивает головой, соглашается. Скажу сразу об этом задании: Вовка просит насыпать в питьевой бачок бертолетовой соли. Мы об этом, конечно, не знали еще, не догадывались. Поэтому и пили без всякого опасения. Раз стоит вода – почему не пить... И вот прошел час, может, меньше – и начался ад. В животе – прямо огонь, и он готов спалить заживо. И на следующий день пришла та же казнь: желудок лезет в горло, и нет дыхания. Один Адалечкин не болеет. Это его и выдало... Как они были изобретательны! И как несчастны!

А через несколько дней мы узнали, что все родные у Лиды и Вовки погибли. Все, все! Невозможно представить. Вот почему, наверное, и мстили нам наши новенькие... За то, что мы не слышали свиста бомб, за то, что жили мы так далеко-далеко от войны... И за то, что тогда совсем не про нас писали стихи... И какие!.. “Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...”

Да, так и было! Они шли и шли вперед. И мы с ними... И каждый чувствовал плечо другого. И одно дыхание, переходило в другое, а потом все дальше и дальше... И так до тех пор, пока недоверие не сменилось любовью. Спасибо им за эту любовь!

Ш

Спасибо тебе, Боря Смирнов, за то, что мы узнали тебя, а через тебя – Ленинград. Ведь города – это люди, которые живут там. Если люди живут хорошие, добрые, значит, хорошие и города...

Но мы его звали почему-то не Боря, а Боренька. Но чаще всего – Боря-маленький. Хорошо помню: он так притягательно улыбался. И глаза его всегда излучали какой-то свет, нет, не свет даже – сиянье. Я не видел никогда больше такого взгляда. А иногда он задумывался и как бы начинал вспоминать. Но о чем он? И как старело, как менялось лицо. Не то ребенок, не то старичок. И если бы не глаза...

Но на кого же он походил всегда? Да, тяжелый вопрос. Но еще тяжелее сейчас признаться, потому что мне он всегда напоминал деревянную чурочку: голова слилась с туловищем, а вот ног не видать. Так и было: наш Боренька Смирнов жил без ног. Когда везли в эшелоне, он их отморозил. И пока добирались до Кургана, началось воспаление, гангрена. И если бы ноги не ампутировали, Боря бы умер. Врачи в Кургане пообещали ему, утешили: “У тебя, мальчик, еще вырастут ножки. Вот пройдет два года, и они снова появятся. И ты побежишь на своих...” Это была ложь во спасение, но я за это не осуждаю. К тому же Боря врачам поверил.

А пока в школьной мастерской ему сделали тележку на железных колесиках. Я помню, как Боренька привыкал к ней. Но как привыкнуть! Вначале его привязывали к тележке тугим полотенцем и просили отталкиваться деревянными рычажками. Но он терял равновесие и начинал сразу хныкать, поскуливать, точно ребенок. А он и так был ребенок: Бореньке Смирнову исполнилось только четыре года. Только четыре, а уже – лицо старичка.

И все-таки Боренькина тележка поехала. Мы привязали к ней за самый мысик веревочку – и покатила телега, поехала. У Бореньки сияют глаза и смеются. И мы тоже смеемся.

Но больше всего мы любили его таскать на

руках. Прижмем его к груди и бежим в лес или купаться – к Тоболу. Боренька лежит беспокойно и громко дышит. Я и сейчас помню, как на груди у меня бьется что-то горячее, жаркое... И чуть слышно поскрипывают зубки от нетерпения. И сияют глаза. Как он любил лес и поле! Но еще больше он любил спрашивать, пытаться встречного человека: “Тетенька, посмотри внизу – у меня ножки не показались?” И если встречная оказывалась умной, догадливой, то всегда отвечала: “Показались, Боренька, показались...” И он сразу смеялся, что-то бормотал про себя и снова смеялся... Святая, добрая душа. Где ты теперь? И жива ли? Но кто-то мне отвечает: едва ли жива... А я не верю. Нет, не верю!

Как не верю и в тот самый страшный день. Самый страшный за всю войну. Но я расскажу об этом позднее, позднее. К тому же в нашем классе сегодня новенькая. Она приехала к нам вместе с мамой – ленинградской учительницей. Мария Николаевна будет преподавать в старших классах химию и биологию. А к нам, к самым младшим, она привела свою дочь. Сказать точнее – Ната Долинская сама к нам пришла. Открыла классную дверь – и вот уже стоит на пороге. И мы не можем отвести глаз от новенькой. И такая сделалась тишина, как перед сильным дождем. Долго ждали и дождались.

Но разве ждали мы?.. Разве ждешь ведро, когда ненастье с утра до вечера. И вот еще день прошел, а потом еще и еще. Но ничего не меняется: с самого утра опять дождь, опять хмарь. И уж кажется, так будет всегда, даже навечно. Но вот что-то промелькнуло там, наверху, что-то треснуло, – и в эту трещину хлынул луч. Да такой сильный, пронзительный, даже больно глазам.

Так и мы: все смотрели на Нату, не верили. Неужели она к нам? Неужели?.. Новенькая что-то поняла и опустила голову. Но все равно... Все равно мы уже все влюбились в нее и потеряли покой. И вот прошел месяц, потом еще месяц, и только теперь мы поверили, что Ната учится с нами, что можно даже заговорить с ней, можно

даже потрогать ее косички. Да, потрогать, чтобы понять, что это не сон. Ведь такие лица, такие глаза, такие волосы бывают только во сне. Их нельзя описать, их даже нельзя представить. Одним словом – чудо и красота...

И вот однажды закончилось чудо: в конце войны Долинские уехали в Ленинград. Я не помню тот день, потому что все взяло горе. И никого не хотелось видеть, даже мать с бабушкой не хотелось... И чтоб ни с кем не встречаться, я спрятался в пригон у коровы. Да что уж там – спрятался... Я просто упал на сухое сено и разрыдался. Я стонал и вытирал слезы, но они не кончались. А потом сделалось еще хуже, больнее. Да что говорить – мне уж жить не хотелось, я себя ненавидел. И чтоб прекратить эту боль, стал биться затылком о жерди. Не помогло, только напугалась корова. Она начала мычать, поднимать рога, а потом наклонилась ко мне и стала облизывать щеки. Язык у ней был твердый, шершавый...

И вдруг дошло до меня: если Ната уехала, значит, скоро и все они, ленинградцы, тоже уедут. Уедут, бросят нашу Утятку, уедут! И опять стало горько, невыносимо. И опять из глаз – слезы. Хорошо, хоть никто не видел. Совсем распустил себя, как девчонка... И опять надо мной задышала корова, Манька, наверно, жалела меня, ну, конечно, жалела. И я уже тоже жалел себя. Жалел, приговаривал: “Никому ты теперь не нужен, совсем никому... Вот они скоро запакуют рюкзачки, чемоданы, потом помашут на прощанье руками... Помашут тебе, а ты-то останешься. И так будут идти год за годом, а ты все будешь жить в этой голодной и холодной деревне, в этих глубоких снегах – сугробах, будешь жить одиноким сироткой...”

И это последнее было правдой. Горькой и безутешной правдой, ведь судьба наградила нас уже двумя похоронками: от моего отца и от дяди Жени, родного брата матери. Он погиб там, откуда они приехали. Под Ленинградом нашла его смерть... И теперь нам некого ждать, совсем некого...

А потом вдруг пришло забытьё. Очнулся я от голоса бабушки. Она сидела рядом со мной и

поруговала корову: “Ну чё ты такая лямзя. Неуж не видишь, как парень-то наш убивается. Да чё же такое с ним, почему?.. Да ты бы хоть, внучок, мне намекнул...” – это уже ко мне обращается, это ко мне идет ее голосок. И этот медленный голосок, как награда.

Но самый лучший голос из всех был все же у Вали Руденко. Как сейчас вижу: вечер, горит лампа-семилинейка. Мы сидим в классе, притихли. Из интерната принесли материал – голубые и зеленые лоскуточки. Вот из них мы нарезаем носовые платки, шьем кисеты. Тут же сооружаем посылку. Она получилась на славу. Местные, деревенские принесли несколько пар носков, рукавичек. В эти рукавички вкладывали свои письма-послания – “Дорогому бойцу на память...” Здесь же ребята-художники выпускали бюллетень “Все для фронта”. В нем мы печатали разные новости: писали и об успеваемости за неделю, и о сдаче металлолома, и о делах тимуровских, и о нашей помощи родному колхозу...

Но особенно много писали о сдаче металлолома. По этим делам Утятская школа занимала одно из первых мест по Сибири. О своих успехах мы рапортовали товарищу Сталину. Он откликнулся и послал ответную телеграмму-благодарность на имя Бориса Волкова, Анны Сомусевой и директора школы Варвары Степановны Ивановой. В телеграмме стояло несколько слов: “Ваш металлолом пойдет на строительство танков...”

В посылки мы часто вкладывали сухую морковь и семечки, – пощелкай, мол, далекий боец, наш утятский подсолнух. И вот уж в лампе керосин выгорел, и фитилек стал дымить, колебаться, а мы все не расходимся. И вот в наступившей тишине начинается песня. Она громкая и внезапная. Она берет прямо за душу, и ты уже не можешь вырваться из этого плена, да и зачем... Ведь тебе так хорошо, так чудесно, только немного печально. У Вали Руденко был удивительный голос, только все же печальный. Ну и пусть, пусть. Я уж давно заметил, что самый хороший, замечательный голос, о чем бы он ни пел, о чем бы ни рассказывал в своей песне, всегда остав-

ляет после себя печаль и какую-то тайну. И всегда, почти всегда разгадать это совсем невозможно. Наверное, не знает ее и сам певец. Просто тайна эта в самой крови его, в его дыхании, в самой жизни его – в судьбе...

Как-то сразу после войны в наш Курган приехал Сергей Лемешев. Я был на этом концерте, слушал это пение, но лучше бы не был, лучше бы не слушал. Помню: после этого концерта в моем городе вдруг все изменилось. Я шел тогда домой и не узнавал своих улиц и переулков. Все стало каким-то маленьким, низеньким, каким-то даже горестным и пустынным. И своя личная жизнь тоже почему-то сжалась и потускнела. И сразу же поселились в душе вопросы: “Ну почему ты сам такой серенький, бесталанный? Да и зачем ты родился на белый свет? Для чего?” И было так горько, хоть накладывай на себя руки. Но все равно, когда прошел этот внезапный порыв, захотелось сделаться другим, совсем другим человеком... И сделать что-то хорошее людям. А что именно сделать – я не знал. Но все равно это желание уже жило во мне, просилось на волю. Еще миг – и оно вырвется, выпорхнет, как птенчик из-под скорлупки.

И, наверное, потому так напрягалась, так томилась душа. Ведь ей всегда нелегко – нашей душе. Особенно, когда рядом жил, звенел такой голос. Да, очень чудесно, очень пронзительно пела Валя Руденко. И все же в ее голосе время от времени поднималась печаль. Наверное, Валя тосковала о доме: о Ленинграде, о своих близких, которых разметала блокада, тосковала о всей своей жизни, которая начиналась в такой горе, в мучениях... И все же печаль длилась недолго. Сквозь нее пробивалась надежда – особенно тогда, когда Валя стала петь народные полтавские песни. И ее голос в это время уже не томился, не плакал, а наоборот, звенел, поднимался все выше и выше. Нам казалось, что звенит колокольчик... Он и сейчас все еще звенит во мне долгим серебряным звоном.

И на этом звоне – на этом колокольчике – можно бы и поставить точку в нашем рассказе, но я

все же продолжу. Да и виноват Новый год, а может, и этот Шопен со своей замечательной музыкой, которая закинула душу на самые облака. А совсем близко, почти под самыми окнами, поднималось к небу огромное сияние – это горела в огнях городская елка. Я засмотрелся на нее, на это голубое, зеленое, на это невыразимое пламя, а сам уже... все вспоминал, вспоминал ту далекую елку сорок третьего года. И ту холодную зиму, и те снега, которые заметали с головой деревенские крыши. И чтоб вырваться из дома, надо было сначала откопать дверь, потом сделать в снегу проходы, а потом уж только открыть ворота: “Эй, живые кто, выходите!”.

Но не все уже были живые. На моих глазах привезли в интернат двух девочек-близнецов. Они местные, из нашей деревни. Конечно же, Утятский интернат создали в первую очередь для приезжих, но в крайних случаях здесь принимали и деревенских. А близнецы – крайний случай. Девочки были дочери колхозницы Феклы Поповой. Она умерла недавно от истощения. А девочки тоже — прямо скелетики. Но дыханье еще есть и глазенки моргают. Может, и повезет им – поправятся...

На моих глазах провезли на санках старушку – мать колхозницы Екатерины Поповой. Гроба нет, тело прикрыто рогожкой. И одежды на теле нет – пригодилась рогожка. А то, что без гроба, – это привычно. В деревне давно нет ни досок, ни дров, а в печки суют только мерзлый кизяк. А от него – один дым и чад... “Ничего, перетерпим, – говорят старики. – На фронте еще хуже, потяжелее...”

А с фронта идут одни похоронки. Только за последние месяцы сколько их: погиб Александр Шевалдышев – у жены Антонины пятеро ребятишек; погиб Дмитрий Луканин – в семье тоже пятеро малышей; погиб Кузьма Трубин, а его дети Николай, Анна и Виктор, говорят, уже опухли с голоду, и в доме холодина. Выживут ли? Не буду гадать... Сгорел в танке Иван Репин, сгорел в самолете Яков Меншиков, умер от ран Новгородов Василий... Принесли похоронную и на школьного математика Анатолия Петровича Макарова.

Оставил сиротами четырех детей. Зато в семье еще осталось ружье. Жена учителя, Анастасия Михайловна, стреляет из ружья ворон и сорок. Это для семьи – основное питание.

Сидишь, бывало, дома и вдруг под самыми окнами – хлоп! Ружье не ружье – даже страшно. А бабушка моя только вздохнет и головой покачает: “Еще одной вороны на свете нет. А тоже ведь была живая душа. Ничего, Анастасия Михайловна, вот январь проживем, а там уж полегче. И морозы, может, убавятся...” Это бабушка обращалась к хозяйке ружья, но та ее, конечно, не слышала.

А январь начинался с елки. И тот далекий год, сорок третий, тоже начинался с нарядной елки, на которую пригласили нас ленинградцы. Какие они счастливые, эти приезжие! У них в интернате и елка лучше, чем в школе, у них и патефон играет, у них даже дают подарки...

И вот началось! Я пришел сюда вместе с бабушкой, а все равно – страшновато. Да и пугает сильная тишина. Людей много, но все молчат. Но вот патефон играет песню о Ленинграде, и нас приглашают в большую комнату. Мы входим туда и замираем: елка горит от игрушек, от блесков, на ней – различные фигурки из дерева, разноцветные шишки, шары. Говорят, что она была еще лучше, красивее: приезжие наделали много бумажных цепей и покрасили их в золотые цвета, но приехал инспектор из районо и велел все цепи убрать. Он сказал, что цепи – символ закабаления. Но и без цепей зеленая красавица хороша! И все равно кругом тихо, мы почему-то даже боимся дышать.

Но зато наши глаза! Они все видят, все замечают и следят за движением хозяев. Они стоят пока почему-то отдельно. Вот они – целый ряд: впереди всех директор интерната Назарова Антонина Владимировна, рядом с ней воспитатели Фаина Ароновна Корман и ее сестра Раиса Ароновна, а возле них, переминаясь на раненых ногах, стоит недавний фронтовик Батиков Илья Васильевич...

А по другую сторону комнаты сошлись вместе директор школы, наша любимая учительница не-

мецкого языка Анна Васильевна Котова и моя мать – завуч школы, Потанина Анна Тимофеевна...

А посреди комнаты, почти в метре от елки стоят те, ради которых и намечается торжество. Здесь и Юра Юдин, и Лотта Корман, самая знаменитая отличница в нашей школе, а рядом с ними улыбаются два брата Николаевых со своей сестренкой Валенькой. Ей всего лет шесть или семь, а братья постарше.

Рядом с Николаевыми стоит вся пунцовая Валя Руденко, наша артистка. Ей много петь сегодня, и она очень волнуется. Чуть поодаль – Люся Епифанова, тоненькая, худенькая, похожая на стебелек травы.

А дальше располагаются кучкой все деревенские – и ребятишки, и взрослые. У многих на руках даже грудные дети, совсем малышня. Их берут в надежде на дополнительный подарок. Так потом и случается – самым маленьким из гостей дается больше всего...

Как это правильно и хорошо. Так будет и сегодня, обязательно будет. И вот все мы ждем и томимся: до открытия елки еще полчаса. Как это долго, невыносимо. И чтоб скоротать время, я наблюдаю за матерью. Ее глаза блестят и все замечают. Я не знал тогда, что она ведет дневничок. Да если и узнал бы, то не понял бы, зачем тратить время на эти странички.

Конечно, не понял бы. А вот недавно, перебирая старые бумаги и фотографии, я нашел ту тетрадку. Открыл – и уже не мог оторваться. Простые слова, а сжимается горло. Неужели это было когда-то, неужели пережили такое! И неужели столько горя, страданий...

Но мать писала и о хорошем, и о счастливом, и о надеждах. Особенно, конечно, о надеждах, ведь хотелось дожить до победы. Я читал и думал: “Откуда они брали силы, откуда?”

Но давайте вместе со мной еще раз заглянем в тот дневничок, ведь до открытия елки еще полчаса, и у нас много времени, очень много...

IV

Мать писала и о своей семье, и о школе, много на этих страницах и о приезжих. Да, да, о тех, кто стоял у нашей елки в самом первом ряду... Мать писала: “У нас в школе праздник – приехали ленинградцы. Вместе с детьми приехали и воспитатели – учителя из города Ленинграда. Мы смотрели на них, как на чудо, как на какое-то откровение, ведь они ходили по улицам, которые видели живого Пушкина, Блока. Они дышали воздухом Эрмитажа... Какие они счастливые! И какие несчастные, ведь им придется жить в наших снегах и метелях. Как-то им поживется, да и отойдут ли от тяжелой дороги... Но главное, конечно, не в этом, а в нашем волнении. Привыкнем ли мы к ним, сработаемся ли?.. Но мои сомнения, кажется, напрасны. Вчера в школу заходила Антонина Владимировна Назарова – директор интерната. Она просила за своего сына Толю. Его надо устроить во второй класс,

В школе была большая перемена, и все окружили гостью – и учителя, и ребятишки. Антонина Владимировна для каждого находила хорошее слово. Это выглядело от души – сердечно и просто. Она и внешне понравилась нам, заморозила. Особенно запомнились волосы: они у ней под цвет спелой соломы и коротко подстрижены, чтоб не мешали. И глаза ее тоже всех поразили: они большие, открытые, с каким-то особенным блеском. Кто-то сказал из нас: как у артистки... И я тоже так считаю. А вот голос у Назаровой грубоватый, с мужской хрипотцой и твердыми нотками. И во всей фигуре слышится тоже какая-то неженская сила. Да и одежда на нашей гостье особенная: дубленый полушубок, на голове шапка-ушанка, а стеганые брюки заправлены в серые плотные валенки. Ни один мороз не возьмет. Так и надо по нашей погоде. Мы слышали, что до войны она была депутатом Ленинградского городского Совета. Антонина Владимировна этот слух подтвердила.

Вместе с Назаровой приехала Фаина Ароновна Корман. На вид ей уже лет тридцать, но можно

дать и побольше. Причина, конечно, – война. Волосы, когда-то очень темные и волнистые, теперь совсем поседел. И глаза смотрят внимательно, исподлобья – и в них застыло что-то печальное, горькое. Глаза видят, как говорится, насквозь. Но бывает, что в глазах у нее – радостно и светло. В это время глаза смотрят на дочку. Лотта у нее – красавица, умница. С первых дней она стала гордостью школы.

Фаина Ароновна оказалась чудесным воспитателем. Каждый день она бывает в школе. Часто присутствует на уроках в классах, где учатся ленинградские дети. С большим тактом потом разбирает уроки. Это, конечно, большая помощь местным учителям. Да что говорить! С интернатом у школы – прекрасная связь. Мы живем как одна семья. Как братья и сестры: один за всех, и все за одного...

Часто бывает в школе и завуч интерната Мария Никаноровна Долинская. Ах, какой это человек! Такие люди бывают, наверное, только в Ленинграде. В наших краях я таких еще не видала. Ничем природа ее не обидела, наградила с избытком. И душа, и лицо, и голос!.. Все бы смотрел на нее, любовался. Вот она, стоит прямо в глазах: высокая, слегка полноватая, с красиво подстриженными каштановыми волосами, а кожа на лице, как говорят, кровь с молоком! И всегда Мария Никаноровна веселая и смеющаяся: горе – не горе, мол, и беда – не беда. От нее постоянно шел какой-то пронзительный свет доброты, сострадания. Даже не передать мне – надо видеть ее лицо... И голос мягкий, податливый. Говорит она быстро, слегка запинаясь, и в это время сияют глаза, притягивают. Такой голос, такие глаза бывают только у добрых людей. Так и есть! Всех любит Мария Никаноровна и всех жалеет, и всем хочет помочь. Такая же и дочка у нее – наша ненаглядная Наточка. Ее у нас все знают и любят.

А дел у Марии Никаноровны – целые горы. Она и в школе у нас, она и в интернате. И любая работа у ней ладится и со всеми живет в согласии. А для ребятишек – просто как мать. Она знает

абсолютно все о каждом своем воспитаннике: черты характера, склонности, увлечения. Много доброго она сделала и для местных детей. К примеру, были сверху строгие указания: все списанные интернатские вещи рубить или даже сжигать. Но завуч пошла на нарушения: стала списанную одежду раздавать утятским ребятишкам. А те и рады: ведь ходят в школу в ремье...

Вот, кажется, о всех воспитателях я рассказала... Но нет, нет, все-таки не о всех. Я совсем забыла Раису Ароновну Корман. Их ведь двое у нас сестер: старшая – Фаина Ароновна, а младшая – Раиса. Так вот младшая – такая мастерица, такой организатор! Она и песни разучивает с ребятишками, она и книги читает вслух. Она и художница, рукодельница. Недавно елку стали наряжать, так просто любо смотреть на Раису Ароновну. Она и куклы мастерит, и какие-то цепочки, кораблики... А елку привез нам из бору наш школьный конюх Карпей Васильевич. И вот уж наша елочка одета и разукрашена и ждет, поджидает гостей..."

И теперь давайте на этом прервемся. Закроем на время нашу тетрадку. Да и прошли уже те полчаса, и скоро-скоро начнется праздник.

V

И вот уж начался. Варвара Степановна объявляет елку открытой. Мы хлопаем в ладоши, обнимаем друг друга. Какая радость! Какая елка! А потом объявляют концерт. И опять поют песню о Ленинграде, читают стихи. Меня тоже просят выйти поближе к елке, – и я читаю стихи Пушкина о зиме. Читаю громко, до боли в горле, но мне кажется, что так и надо читать стихи. А после меня уж поет Валя Руденко. Это чудо! Если б вы слышали, как она пела... Звонит колокольчик, звонит чистое серебро и навеивает вам сны. У многих в руках платочки, и они осторожно вытирают глаза. А Валя все поет и поет. Где же она сейчас? Где звонит это серебро-колокольчик?.. Много бы я дал, чтобы знать.

Прошел еще час, и закончился новогодний кон-

церт. Сколько же он длился?! Показалось, всего миг... Все дорогое, хорошее продолжается всего только миг... А время ведь уже позднее – надо домой. Школьный конюх Карпей Васильевич запрягает нашу Серуху и начинает всех развозить. Это дело серьезное, нужное. У многих из гостей на ногах нет нормальной обуви, а на дворе мороз.

И вот доходит очередь до меня. Мы залазим с бабушкой в коробушку, Карпей Васильевич шелкает кнутиком – и вперед. Скрипят полозья, сверкают снега. Я смотрю на луну, и мне кажется, что там ходят какие-то люди, но мне не страшно. Наоборот, мне весело, мне хорошо, да и угостили нас ленинградцы на славу. Даже булочки были из настоящей муки. Да и концерт понравился, и самому пришлось выступить, и мне все хлопали...

Как хорошо! Сверкают снега. А в горле у меня – спазм от волнения, да и бабушка рядом. Она укрывает мне ноги шалью, а сама что-то шепчет. Может, молитвы за спасенье тех, кто сейчас в ленинградских снегах.

“Ты б, Женя, горло-то свое получше закутывал, а то морозец хватается... Ну, Женя, прямо не знаю, – я тебе шаль свою отдала, а ты от нее отделаться хочешь, а ноги-то уж, наверно, как глызки. Нехорошо так, ишь какой непокорный. Вот вырастешь – и управы не будет...”

А я слушаю бабушку и улыбаюсь. Ну какой же я Женя? Так зовут ее сына, на которого недавно пришла похоронка. И вот уже путает нас, а поправить ее не решаюсь... Но мне все равно хорошо. Да и ночь плывет тихая, голубая, совсем новогодняя ночь... И вот на этой ночи можно бы сейчас и закончить, но мне что-то еще мешает. Я подхожу совсем близко к окну и поднимаю высоко штору. Горит наша елка – пылает до неба. Голубой и зеленый свет. И еще красный, желтый, сиреневый. Счастливый огонь – новогодний огонь... А какой же свет был там, в Ленинграде? Багряный? Да, да, багряный, как кровь... Потому и написал поэт: “Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь

дым рядами...”

VI

И в этом ряду я вижу лицо Юры Юдина. Вот оно рядом – можно даже дотронуться. Красивое, ясноглазое, как у капитана Гастелло. Он и душой своей походил на чудесного летчика и так же ненавидел фашистов...

И вот я начал рассказ о Юре, а сам боюсь: сумею ли, хватит ли нервов? Ведь я сказал уже впереди, что у меня был самый страшный день в те далекие годы. Так вот, признаюсь сейчас, этот день связан с Юрой.

Как мы, деревенские, любили его! И как гордились! Нам казалось, что он самый смелый, самый бесстрашный. Ему было лет двенадцать-тринадцать, но мы знали, что он в Ленинграде уже дежурил на крышах и сбрасывал зажигалки. А это ведь те же бомбы...

Он приехал к нам вместе с мамой, и та устроилась в интернате. Работа тяжелая – с утра до ночи на кухне. Она и за повара, и за техничку, а по ночам ухаживала за больными. Вот и сдало сердце, не выдержало... Да и как ему выдержать, когда за плечами блокада. И вот однажды Юра проснулся, а мама не дышит. Он подошел поближе к кровати – не слышно дыхания. Он схватил ее за руку – ладонь была ледяная. И тогда, потрясенный, он закричал и кинулся прямо к двери. Они жили на первом этаже интерната, и Юра выскочил сразу в ограду. Он выбежал раздетый, разутый, в одних тонких носочках. Он не медлил, потому что принял решение. Но что было потом – я не знаю. Одно только помню, как он страшно кричал, как разбудил всю деревню. Его крики слышали в каждой избе, да и как не услышать! Часто говорят: у меня кровь, мол, застыла в жилах. Так и было тогда, так и случилось: во мне тоже кровь остановилась и пришел страх. Такого страха я никогда не знал еще, не испытывал. И закричать бы надо, но не могу. И этот страх приподнял меня с места и кинул на улицу. А там уже – вся деревня... Как будто пожар или кого-то уби-

ли. Но все бежали к Тоболу – на берегу что-то случилось. И мы тогда побежали, но было уже поздно... Навстречу нам шел Игорь Плотников и нес на руках нашего Юру. Игорь нес его осторожно, как будто брел по воде, как будто у него отяжелели ноги. Голова у Юры моталась, все время сползала набок, но сам он был живой, живой... И по толпе прошел вздох облегчения. А потом женщины закричали: “Быстрее, Игорек, быстрее! Ты же его заморозишь!..” И тот сразу прибавил шаг, а потом побежал бегом – откуда только у Игоря силы. Так на руках и занес Юру на второй этаж. В интернате сразу зажглись огни и забегали люди. И только через час на этаже все затихло, но мы не расходились. Помню, было холодно, а в небе сиял блеклый, едва заметный месяц. Но скоро его скрыли тучи и посыпал дождь. Это было как облегченье, как надежда. И тогда все пошли домой. И по пути мои соседки разговорились. От них узнал я, что Игорь догнал своего дружка уже на самой реке. Еще б миг – и тот бы, мол, бросился с берега, утопился. Но, видно, повезло парнишке. Видно, есть еще счастье...

Счастье? Какое оно? Да и есть ли оно на свете?.. Ведь через два дня мы хоронили Юрину маму. Маленький белый гробик пах смолкой и свежей стружкой. Так же пахли сосновые ветки. Мы их бросали себе под ноги. Шли за телегой и бросали. Лошадь шагала тихо и все время вязла в глубокой колее, но до кладбища было близко. Вот и кладбище, вот и холмик земли, вот и свежая ямка. Юра в последний раз посмотрел на мать и упал на гроб. Он не кричал, он не плакал – наверное, не было уже слез...

А через несколько месяцев мы их провожали. Еще шла война, еще в моей деревне получали похоронки, а они, помню, смеялись, плакали и кричали. Но это были уже другие слезы и другие крики. И глаза у них сияли счастливым светом. Так, значит, есть оно, счастье! Значит, все-таки есть! Значит, оно в том, чтоб однажды после долгой-долгой разлуки вернуться домой. И хорошо, что он есть, что он есть — этот дом! И уж совсем

хорошо, что этот дом зовут Ленинград.

* * *

Вот на этом великом слове я сейчас и закончу. Как я любил всю жизнь это слово, как я люблю... И пусть проходят месяцы, годы, а это слово все так же сияет для меня, как та елка в том незабываемом сорок третьем...

Ленинград, Ленинград... Ты и мужество, ты и сила, ты и детство мое, ты и поэзия – мои самые дорогие, сокровенные строки. Да, это правда...

Как-то гостил у меня ленинградский поэт Глеб Горбовский. Мы пили с ним чай из большого белого самовара и читали стихи. Верней, он читал, а я слушал. И вся семья моя слушала, потому что стихи его – наша любовь... А потом мы говорили, вспоминали о разном, и я признался:

– У меня ведь много дорогого связано с твоим городом. И война, и детство, и даже друзья...

– А ты помнишь?.. – вдруг спросил он и стал читать медленно, с придыханием:

Все на колени, все!

Багряный хлынул свет!

И ленинградцы вновь

идут сквозь дым рядами –

Живые с мертвыми:

для славы мертвых нет.

Да, я помнил, хорошо помнил это. И я не забуду! Нет, не забуду! И вот сейчас опять все повторилось: я смотрю в окно, а там тихая звездная ночь. И весь город в огнях. Они в сумраке кажутся какими-то чудесными, ирреальными. И все они – разные – красные, желтые, голубые. Я смотрю на них, а сам все вижу, вспоминаю опять другие огни... и другие глаза. Это глаза моих далеких друзей, глаза ленинградцев. Я никогда не забуду.

Да-да, давайте же никогда не забудем их, детей славного Ленинграда! Давайте же! Я обращаюсь к вам, мои земляки. И к вам, мои знакомые и незнакомые школьники, и к тебе, моя бойкая пятиклассница с глазами лисенка. Не забудем и понесем вперед нашу память.

НАСЛЕДНИК СОЛДАТА

Небо скрылось. Ветер перелетал через сани и уходил дальше, темный и злой. Снегу стало больше. Лошадь задыхалась, бока запали и колыхались бессильно. На миг что-то вспомнив, она выдирала из сугроба передние ноги, выкидывала их вперед, они подламывались, лошадь зарывалась брюхом в снег и ржала. Тогда Саша забегал вперед, тер рукавицей под шеей, сметал с губ сосульки, совал в зубы хлеб, корка скользила по толстым зубам и падала в снег.

Лошадь смотрела на него тускло, дрожала, пригибая уши. Он бил ее кнутом по вздрагивающей спине, задыхаясь от жалости.

Саше казалось, что едут они давным-давно и вот заехали в непроглядную ночь, от которой теперь не спастись. Он напрягал в пимах пальцы, чтобы пошевелить ими, но они онемели, не слышали его усилий, их сводила какая-то колючая судорога, и он сбросил пимы. Носки плохо снимались с неживых скрюченных пальцев, он схватил снег в пригоршню и стал тереть им кожу до красноты. Судорога стала сильнее – потихоньку в пальцы входило тепло, и уже в пимах они нестерпимо стали гореть, тепло пошло выше, выше, и когда совсем ожил и закурил, в голове поднялось новое, непонятное: «А вдруг заблудились?» Эту мысль он сразу прогнал, но через секунду она вернулась снова, оседая в нем страшным смыслом. Тогда Саша начал укутывать Нинку, тулуп затвердел на морозе, рукавицы по нему скользили, и он долго не мог справиться с ним. Нинка не просыпалась, что-то было уже странное в ее долгом сне, может, слабость от болезни не давала открыть глаза.

За два шага от лошади все спуталось в белой гудящей мгле. Саша опять взялся за кнут.

Лошадь думала, что приходит смерть. Она не слышала боли от кнута, не понимала ее, только видела, что крутится снег, и вспоминала сына. Она родила его прошлой весной, когда травы взяли от первых майских дождей, с каждым днем вырастая все выше, и пахли хорошо и вкусно,

оседая на зубах теплой горечью, и жеребенок, белый и большеухий, хватал у травы только верхушки, сытый от ее молока и ласки. Ходить не умел, только прыгал и в полете терялся, валился на бок, падал в траву и был рад, что падал, под спиной было щекотно, непонятно, на его синих копытах вспыхивала роса. Она смотрела на сына издали, в жилках под шеей дрожала кровь, под кожей росло тепло.

Снег забивал уши, глаза, лошадь устало моргала, уже не чувствуя в боках страха, ноздри хватали воздух, но его было мало. Она опять оглянулась назад.

Саша все укрывал Нинку тулупом, говорил с ней, маленький и сутулый под снегом. Из-за Нинки он запряг Серуху утром в сани, перед этим кормил овсом и долго гладил по спине и скреб за ушами.

Дорога вначале была твердой и гладкой, ей нравилось бежать по упругому снегу, она всю старалась, потом полетел снег. Он летел сперва теплыми, мягкими хлопьями, они падали на спину и таяли, сползая вниз мелкими каплями, но вдруг прилетел ветер.

Снег сразу затвердел, крупа забивалась в ноздри, сбилось дыхание, а перед глазами все росла и росла белая мгла. Она скрыла дорогу. Вначале лошадь не почувствовала, что заблудилась, боясь что рассердится Саша, потом устали ноги, она легла в снег. Ветер налетел с двух сторон, намел до спины сугроб. Лошадь рванулась и опять упала. Сразу по спине сильно ударил кнут, боль погнала вперед, но ноги опять подломились, и она заржала от бессилия. Теперь думала только о сыне. Он бегал по зеленой траве, за ним летали пчелы, он отбивался пушистым хвостом и скалил зубы. Скоро и сын пропал, растаял где-то далеко, в непонятной счастливой жизни, и лошадь увидела смерть. Она мчалась на нее, колючая, белая, размахивая тысячами хвостами, – лошадь уронила морду.

Саша наклонился над Нинкой. Ей было, видно,

тепло в тулупе, ресницы все еще спали – ему стало легче. Он выпряг лошадь, привязал к оглобле и поднял на руки Нинку. Первые шаги сделал легко и просто. Сзади ржала лошадь. Нинка не просыпалась.

Вчера ей сделалось плохо, на лицо вышла сыпь, и соседка попросила Сашу: «Свези дочку в район, у врачей-то будет ненадежней». Он запряг лошадь, и поехали. Дороги – часа на два. Они давно прошли, а домов все нет. Потом понял – заблудились. Весь декабрь погода точно сдурела – ветер ломает плетни. И опять – буран...

Саша шел с закрытыми глазами, считал до ста, потом все сначала, так идти легче. И вдруг вздрогнул, как в локоть снизу ударили, – на Нинке тулупа не было. Он где-то свалился – теперь не найдешь. Весь сжался – замерзнет Нинка, останутся одни косточки. Шубу с себя сдернул, натянул на нее, и когда надевал – Нинка проснулась. То ли показалось ей, что живет во сне – даже не заревела, только схватила Сашу крепко за шею и опять стала спать.

Ветер обхватил его пиджак, пробил фуфайку, но все равно при ходьбе жарко. Стало темнеть – пошло дело к вечеру, убивался ветер. Саша часто садился на сугроб, бросал в рот снег, на Нинку заглядывал – жива ли. И когда опять поднимался – в голове гудело, тошнило, но опять шел вперед, боясь, что не донесет Нинку.

Далеко-далеко собаки залаяли, идти стало повеселей. Ноги о жерди запнулись. Через пять шагов в амбар уперся, дальше – домик, свет в окнах. Занес в сенки Нинку и тут уж упал. Хозяйка выскочила, затащила их в горницу, стали оттирать водкой. Саша рукой машет – лошадь, мол, осталась.

Через час мужики и лошадь привели, напоили, и она уснула в чужой конюшне, рядом с незнакомой коровой, и всю ночь ей снилось: то сын ее в траве скачет, то длинные веселые мужики из снега ее откапывают и ведут к себе.

Утром отвезли Сашу с Нинкой в больницу. Че-

рез неделю Нинку выписали, а он пролежал целый месяц. Из больницы в редакцию позвонили: приезжайте, объявился новый Александр Матросов, человека спас...

В моей комнате на стене – картина: человек с автоматом, синеглазый парень, метнулся навстречу смерти. Белый огонь рвется из дома, неумный, жестокий, но парень ничего не боится. Он на картине похож на Сашу. Или Саша на него. А внизу – надпись: «На память о наших встречах. Александр Матросов».

Мне никогда не забыть этой встречи. Приехал я в Кетовскую районную больницу, пришел в палату. Но говорить долго с Сашей врач не дал: после долгой дороги с Нинкой у Саши стали путаться память, ночью вскакивал с кровати, кричал: «Немцы! Немцы!» – глаза его горели от ужаса и тоски, потом совсем просыпался, долго курил у окна в коридоре, темный и непонятный. А то просил показать ему Нинку, трепал ее волосы, платье, она его тоже тормошила – беленькая пятилетняя девочка, и он не отпускал ее от себя, а в глазах было изумление – жива же Нинка, дотащил все-таки.

Второй раз был у него в начале лета.

В деревне Грачево всего одна улица. За ней – озеро, за озером – поля. В конце улицы стоит новый дом. Березы обняли его со всех сторон, и оттого здесь хорошо. Пахнет дом сухим мхом, сочится из бревен смола.

– Саша Матросов дома?

– Кого вижу-то! – кричит он с порога, тискает мою руку крепкой ладонью. Гляжу в его синие глаза. Они такие родные...

Не видались мы полгода. Прошла наконец зима. Вижу, какой он теперь большой и ясный – узко плечам в рубахе, и сколько в голосе суровости мужской!

Я иду вокруг его дома, трогаю бревна, ногтем мох ковыряю, смеюсь от неожиданной радости, а он сердится.

– Не нравится? Сам сруб катал, сенки сам

пристраивал и полы настилал... Не веришь? Спроси тогда. Ну, что ты – спроси хоть у кого.

Полы в доме крепкие, щелей не видно, покрашены. В комнате плыли тихие летние запахи, кружились медленно мухи за окном, далеко в зеленом поле ходили кони. Наступало раннее лето, и все сверху стало зеленым, ленивым – деревья, трава, картофельная ботва в огородах. Эта тишина входила в человека, от нее было тепло, спокойно, хотелось с ней слиться, упасть на это теплое дно и дышать жизнью.

Потом вдруг все дрогнуло, спуталось в глазах, стукнуло беспокойно сердце и забилося толчками. На стене – на картине вырос Александр Матросов. Он метнулся весь в белом, с автоматом в руках навстречу огню, и в глазах его бился тоже яростный огонь, неповиновение смерти. Еще миг – и взойдет он на самую вершину жизни, затрубит о нем людская молва, и увидит его во сне мальчишка – то ли в Москве, то ли в Сибири – и откроет глаза, потрясенный.

– Везде картину вожу с собой. Глаза утром открою – он со мной. С работы приду – взгляну на него – усталости нет, все заботы у нас пополам...

– Значит, за брата...

– Может, и за брата, фамилия-то моя от него... И имя от него. Не говорил тебе – дорогое это. А теперь ладно. За дружбу и расскажу...

Плывут за окном сонные сумерки, коров домой гонят, и мычат они, сытые, нагруженные зеленой едой и молоком, а я все иду, иду за его словами. Говорит он медленно, часто курит, брови вниз упали, лицо потемнело и сжались плечи.

Жила семья возле Волги и была, наверно, счастливой, ведь родился сын — первенец.

Все спутала война. Как камень упала на голову. На всех дорогах — погорельцы, подводы с ранеными, старухи с кошельками, ребятишки от постоянного рева осипшие, рядом — матери, черные от слез.

Самолеты с крестами прилетали все чаще. Сожгли деревню у Волги. Погибла та семья. Люди

потом рассказывали: побежала мать с ребенком в степь, сзади деревня горит, сверху фашистский летчик прицелился. Упала она и больше не встала.

Подобрали ребенка чужие люди: положили на подводу и увезли.

И пошел мальчишка по людям – самому всего три года. Какой еще из него толк. Но одежду-то надо, поесть – надо, где-то уснуть тоже надо. Один ему рубаху постирает, другой молока нальет в кружку, третий пимы в холода наденет, да еще с присказулькой: «Носи, петушок, золотой гребешок, масляна головушка». Какая там масляна – бегал всегда бритый наголо... А потом попал к партизанам.

Переправили в леса. Тут тоже побрили, лоб крутой выступил, похожий на котелок, глаза выпучились, отросли уши. Подойдет партизан с длинной винтовкой, уставший, войной измученный, блеснет глазами, два пальца на лоб наставит, засмеется: «Коза идет, тебя забодает». Он в ответ засмеется, заскочит к тому на колени, в шею тычется носом, и кажется, что возле отца он. И входили в него крепкие мужские запахи табака и пота, и ловили уши родные, ласковые слова, от которых скакали в теле горячие быстрые лошадики, и напрягалось дыхание.

...Смеется он, а у самого даже имени нет. Один Колей назовет, другой – Васей... Что из этого? Зато смотрели в его узенькие глаза, на голову без волос, на короткие ножки, спрятанные в широких, как у цыгана, штанах, и хотелось сильнее бить фашистов, да и свои дети чаще приходили ночами, мучили ласками, и думалось о них тревожно и постоянно, как о больном невыпеченном сердце, потому и смотрели на мальчишку долгими прищуренными глазами, и сквозь табачный дым и слабую пелену памяти опять виделись свои сыновья, до которых лежала долгая дорога из беды и несчастий, и решали быстрее одолеть беду-войну.

Кто эти люди? Как их было упомянуть, узнать? Трудно было всех даже потрогать руками, прикоснуться к каждому и унести с собой добрый

человеческий запах от их слов и прикосновений, от их глаз и добрых отрешенных вздохов. Ведь он был мал и еще неразумен. Но только оставили эти люди в душе мальчишки веру во все святое. Как Родина. Ведь Родина – это же люди, от них идет все живое и дорогое на земле.

Шесть лет подошло, отдали его в детдом. Везли вначале на самолете, потом по железной дороге в длинном зеленом вагоне в морозную Сибирь, где зима восемь месяцев, где растут кругом сосны с кедрами и бродят среди них тяжелые медведи, – а от войны далеко.

Село похоже на Грачево: те же избы, горбатые плетни, пожарная каланча без верхушки, крашенная в цвет красного кирпича, под воротами собаки языки вылупили, онемевшие от безлюдья, даже свой лак потеряли, а над каждым домом висят скворешники, но в них никто не шевелится, не поет, – и все это в лесу среди сосен, мелких молодых берез, от которых пахнет листом и прелью.

В детдоме записали его жизнь в толстую упругую книгу и опять спросили:

- Как все-таки зовут?
- То ли Коля, то ли Ваня...
- А может, Миша?
- Может, Миша...
- А фамилия как?
- Не знаю... Да никак.

Сильно-то не удивились. Шла война – и сирот полно. Стал опять жить без имени, плохо это, конечно. Но думать об этом приходилось мало – кругом жизнь, а пахла она по-лесному, и от этих запахов все время в маленьком человеке рождался большой, сильный человек, и хотелось ему ходить и прыгать.

Залезет на палку и скачет в лес, а в лесу птицы разноцветные поют, хлопают крыльями, перелетая с ветки на ветку, в сосняке – маслята, рыжики, под березой – синявки и сырой гриб, под осинной – опята в листьях, скользкие, не даются в руки, и когда он сшибал их палкой, то думал, что фашистов сшибает с теплой, сырой земли. Да сзади уже воспитательница Раиса Васильевна порхает, кричит во все горло, точно глухой он:

– Куда? Медведи там. Съедят.

– Я их убью...

Опять в лес, где медведи лохматые прячутся от глаз, где березы нутром гудят, а в пеньках пчелы стонут, как старики, и все поет и тревожит, как первый раз в кино.

Но не страшно нисколько, потому что далеко война, чужие черные самолеты, мальчишки, ведущие по дорогам облезлых коров, злые старухи на вокзалах, торгующие платочками из простыней, вечная мгла на небе, которая с того дня стоит, как пришла война.

Набегаются, идет к Кольке Ткачеву. Он всегда сидел на завалинке у изолятора, дудел в губную гармошку и грустно моргал. Но приходил к Кольке гость, он оживал, приподнимались большие спокойные глаза, и была в них просьба послушать его игру. Он играл подолгу – то тихое, то веселое, как мячик, то длинное, неясное, как струи дождя.

Колька жил в Ленинграде, в дом их ударила бомба. Не стало у него ни матери, ни старшего брата, а сам он прыгал на костыле без ноги.

Когда гармошка играла тихо, то говорила она, что вырастет Колька большой, и на него пальцем ткнут: «Калека идет». На улице будут оглядываться и на хорошую работу не примут, где сила нужна, а теперь вот даже в ограду босиком не выскочишь, когда туча прошла и лужи на траве высыпались, в лес не убежишь, где вишня в цвету распускается и горит светлым огнем.

А то вспомнит гармошка Колькиного отца, смелого командира в зеленых погонах, как приедет он после войны за ним, сильный, в орденах, выкинет дома его костыль, возьмет на руки самого, и пойдут они по Ленинграду, разыщут место, где стоял их родной дом, и будут искать в той воронке мамини вещи. Хоть какую-нибудь книжку или платочек все равно найдут.

Колька очень любит петь песни. В этих песнях ему мерещится другая жизнь, не похожая на детдомовскую, и ему уже кажется, когда он поет, что эта жизнь рядом, протяни руки – и она поднимет тебя на свои веселые, сильные руки. Хочется

Кольке для всех добра, и ему трудно это скрывать, да он и не скрывает.

– Хочешь, я тебе что-то спою?

– Ну, спой...

– «Каховку» хочешь?

Гармошка подстраивается к его голосу, и песня становится еще лучше, громче, пропадает в ней грусть, звучит она гордо и тихо, как у партизанского костра в темном глухом лесу. А где-то рядом – враг. Он рыщет, крадется по тропам, как волк, скалит голодную пасть, чувствуя смерть, потому что боится отчаянных партизан и знает – живому от них не уйти – все это встает в Колькиной песне, и в его голосе, и хочется слушать ее еще и еще, ведь хорошая песня не кончается с последним звуком, с последним словом – ее хочется начать снова.

– Хорошая песня... – говорит Колька, – придет отец, мы тебя с собой возьмем. Ленинград наш большой, весь белый, мостов много, воды. Чугунные кони на мостах скачут, топчут змей под ногами, языки у них корчатся...

Одного в город не отпустим. Потеряешься! А у тебя имени-то нет. Как искать?

– Все равно имя будет! Сам возьму и придумаю. Что, я всех хуже?

На другой день зашел к директору детдома тете Даше. Она старая, сухая, как сучок, зато добрая. За это все тетей Дашей и звали, а отчество забыли.

– Тетя Даша, без имени надоело!..

– Потерпи недельку, в школу отправим – дадим.

Замолчала тетя Даша, нагнулась к каким-то бумагам, потом глаза подняла, но не видит его. В ее глазах, задавленных тоской и несчастьем, в узеньких неподвижных ладонях, положенных на краю стола, стояли пустота и безразличие к нему.

Ушел ни с чем. Уходил тяжелыми коротенькими шажками, шею набок держал – может, оглянется, остановит. Не остановила.

Та ночь была темной и страшной. На улице туманно, дождь капает, шевелится в листьях, как мыши шуршат. В дожде совсем потерялись дома и березы, а воспитатели всех в комнаты загнали,

сели сторожить, чтоб никто не удрал на волю.

В той тишине, в глухом долгом дожде поднимался гнетущий страх, пришли все обиды, которые были и еще будут, от них злость поднималась на всех людей, которые ему не дают имя, на тетю Дашу – не поговорила даже, не покормила на белой скатерти в своем доме. Приходила злость и на Кольку Ткачева, у которого есть отец, который увезет его в город с мостами, трамваями, белыми домами, кружится от них голова – такие они большие.

На улице двигались коровы. Оии потихоньку помыкивали, копыта шмякали ло грязи, по лужам, с ними ссорилась пастушиха Катерина, но они ее, видно, не слушали, может, устали за целый день ходить под дождем.

А он думал, что не любит его тетя Даша. Наверно, никто не любит.

Еще сильнее стемнело. Тьма точно вывалилась из огромного мешка, подмяла деревню. Эта тьма без границ, без начала, шорох у дверей, непроходимая на душе обида погнала на улицу. Створку потихоньку раздвинул, свернулся за подоконник, спрыгнул на землю. Побежал. Хотел убежать в лес, за дальние березы, потом еще дальше. Там встретил бы свою деревню, тоже большую, белую. В этой деревне встретил бы отца – и он взял бы его на руки, понес бы далеко-далеко и уж никогда одного не бросил, а все время был бы с ним вместе, потом бы и маму нашли вдвоем, и стали бы жить хорошо, как все люди. Пока бежал до леса, прыгая через пни, канавы, обида билась у горла. И была в ней опять тетя Даша, злая и неродная, Колька Ткачев – хвостун со своим отцом в зеленых погонах, и все люди, которых оставили без имени. Быстрее еще побежал. В голове стало темнеть от усталости, задохнулся, упал в траву.

Захотелось, чтобы пришел медведь и съел бы его, только одну фуражку оставил бы с красной пуговкой наверху. Утром найдут фуражку, узнают чья – сразу по пуговке – станут реветь. Да уж поздно реветь – медведь все равно его съел. Потом захотелось, чтобы начался в лесу пожар; вспыхнули бы березы, повалил дым до неба, пошел бы

огонь на деревья, а он бы в огонь бросился, затоптал ногами. Нашли бы его утром обгорелого, чуть живого, на телегу положили, повезли по всем улицам – смотрите, кто спас деревню, смотрите, какой он смелый – ничего не боится, даже огня. Все сбегутся к телеге, станут трогать его обгорелые волосы, наденут на него новую белую рубашку, дадут сахару – ешь, сколько хочешь.

Дождик наверху шумит, в голове шумит. Уснул. Проснулся от стука — так-так. Дятел такал о сосну. В лесу сыро и сумрачно, под березами внизу туман, но все равно спало с деревьев что-то тяжелое, ночное, теперь они белые, нестрашные. Обида забылась, не знал он, куда попал. Далеко в березах гудели голоса, дудела Колькина гармошка, свистели мальчишки. Побежал им навстречу.

Искали его тогда всю ночь. Тетя Даша с кровати не поднималась, санитарка ей все время уколы делала. В тот день, когда он заходил к ней, тете Даше вручили похоронную: погиб ее сын Алеша смертью храбрых.

Через пять дней в лесу, на большой грибной поляне выстроился детдом, стройно, как по веревочке. Тихо, тревожно, даже березы молчат. Перед строем тетя Даша, строгая, в хорошем новом платье, в ботах. Подались вперед они, прокатился по ряду выжидательный вздох. Тетя Даша сказала, что скоро будет победа, придут с фронта отцы и братья, жизнь наступит опять хорошая. Но никогда не забудут люди своих героев – летчика Николая Гастелло, простого солдата Александра Матросова, и пока жива земля – жива о них память. Они всегда будут идти с нами – великие и сильные. Остановилась и вдруг заговорила совсем тихо, вроде горло заболело:

– Завтра вам в школу... Отлично учитесь. С вами пойдет и этот мальчик, – и все оглянулись на него. – Ему надо дать имя. Папа и мама у него погибли, дом сожгли фашисты. Теперь он с нами живет, растет хорошим человеком.

Все кивнули тете Даше: да, он растет хорошим человеком.

– Давайте назовем его Александром Матросовым, в честь героя.

И все согласились: давайте назовем его Александром Матросовым.

– Расти героем! – сказала тетя Даша. – А отчество какое дадим?

Из строя подал голос Колька Ткачев:

– Пусть будет Иванович. По имени моего отца. И все согласились – пусть Иванович.

Перед строем вынесли красное пионерское знамя. Ударили барабаны. Вышел горнист, и труба запела о том, что родился на свет хороший смелый человек Александр Матросов. Вся деревня слушала горниста, и березы, и облака, и птицы. Вся Родина.

– Живу, как на вершине стою, и спуститься нельзя – имя опозорю. Кто бы знал, как трудно, – говорит Саша.

С полей пришли сумерки. Вначале потемнело в конце улицы, на крышах последних домов плавал ясный золотой луч, медленно уменьшался, гас, потом ушел за дальние березы, растаял. Потемнела на березах кора, уже не белые, сизые стали стволы и, казалось, повлажнели, потом стали путаться в глазах, дрожать и сливаться друг с другом, у земли образовались от них темные подвижные тени, будто паслись внизу стада диких серых гусей, еще миг – и взлетят они в небо, расколлот тишину прощальным криком и унесут с собой какую-то свою тайну, неведомую земле, и люди о ней никогда не узнают, не догадаются, как не скоро узнают тысячи других тайн о небе, о траве, о самих себе.

– Саша, а кто-нибудь слышал про твою фамилию? Ну про эту историю...

– Никто не слышал. Думают, совпадение. Да это ж еще ответственнее. Суд свой – строгий суд...

Под березы пошли лошади. Они медленно вставали с травы, на шеях у них болтались ботала – маленькие густые колокольчики, и скоро стало тесно от прерывистых звуков, сочинялась странная гудящая музыка, от нее напрягалось дыхание, а теснота в груди все росла и росла, пока не легли под березы передние лошади, а потом и все легли.

Было видно, как они отмахиваются хвостами

от мошек, как протягивают друг другу шеи и подолгу смотрят глаза в глаза. И вдруг в стороне от них, в том поле, вскочила на ноги еще одна лошадь, завертела испуганно головой, ища табун. Хвост у ней выгнулся, так и застыл, а голова испуганно вертелась, вправо и влево, и ноги недоуменно переступали.

– Дуреха, Серуха, вечно выбрыкивает... Да ты посмотри, посмотри, на ней тогда Нинку возил. Эх, дурная кобыла...

Серуха еще долго крутилась на одном месте, пока не услышала ответное ржанье, тогда высоко забрасывая задние ноги, во весь опор кинулась к березам, а я сжал виски ладонями – опять виделась та белая мгла, испуганная лошадь, Саша с Нинкой на руках, отсчитывающий последние неровные шаги, а навстречу летит снег и ветер, а где-то сзади идет их погибель. Не дошла...

– Врач спрашивает: о чем думал, когда Нинку тащил на себе? Ни о чем, говорю, не думал. Не заморозить бы только девчоночку... Моему тезке потяжелей доставалось. Война есть война...

Пришла ночь. Зажглись лампочки на столбах, холодной сыростью подуло от окна, в конце деревни проснулась гармошка и стихла, но еще долго оставался в воздухе этот неровный всплеск. Показались звезды. Потянулись в клуб девчата. Белые пятна в темноте светятся.

– Вот в такую же ночь однажды умирать собрался. Не умер, его вон на помощь призвал. Дорогое лекарство, – говорит Саша, а я смотрю на картину, где парень в белом маскхалате метнулся навстречу огню.

Перевезли детдом в Курганскую область, в Белоярку, Саше Матросову понравилось на новом месте. Люди кругом добрые.

Как-то под Новый год к Володе Кузнецову, дружку, бабушка приехала, глаза красные, слезятся, а ноги быстро ходят. В комнату как молоденькая прибежала, мешок с плеча сбросила, шнурочек выдернула из середины. Раскрылся мешок с подарками: сырники, молоко мороженое.

– Хватай, орава. Свое. Не купленное...

Все к ней подбежали, Саша тоже подошел.

– Можно вас бабушкой звать?

– Зови на здоровье.

После школы поступил в ФЗО. Выучился на каменщика. Вступил в комсомол. Направили в Курган работать, в бригаду Алексея Степанова.

– Вели тогда опалубку нового цеха машиностроительного завода. Заканчивали последний пролет. Дело было летом, сирень распустилась. Думал, вот кончим цех и уйду из бригады – поеду в деревню... Мучила она меня все время, во сне приходила: то на тракторе пашу, то на лошади гоняю верхом, полюбил еще в Белоярке лошадей.

А началось с того, что зашиб меня Мазай... Не в свое дело тогда полез. Думаю, раз я Матросов – ничего не боюсь... В колхозе в табуне последний месяц ходил жеребенок Мазай, веселый, гнедой. Только названье, что жеребенок, а по стати – конь-огонь. Хотели Мазая оставить на племя, обучить, а по праздникам наряжать в красную сбрую, в общем, как для царского выезда... Ну, обучать его думал конюх, но я не стерпел. Решил прихвастнуть...

Увел Мазая за куском хлеба подальше от табуна, на круп забрался и давай его голыми пятками под брюхо понужать. Тот вроде опешил, уши вскочили, потом рассердился, взыграл, ну и полетел. Я за холку уцепился, ору, соскочить нельзя, и ехать – беда. Мазай проворный, кружит, как метляк, да еще конюхова собака Трезор на случай выбеги да затявкой. Он и совсем влёт. Держаться мочи нет, я и рубанулся. Еще с толком упал, только одно копыто на спине он мне оставил... Было дело... До сих пор в голове сидит...

А тогда, на стройке, посложнее вышло. Доска под ногой треснула, я и провалился вниз. Два этажа с лесов летел. Пал на спину. А внизу-то – щебенка, вся и врезалась в спину. Кровь горлом пошла, а больше ничего не помню. Очнулся в общежитии. Лежу на кровати, лекарством пахнет, видно, врач приходил, народу полно. А время – уж вечер. Часа, значит, три себя не чувствовал. Потом говорю: уходите все, спать хочу. Ушли. Один остался – дышать тяжело, к груди боль приступает, голову на подушке повернуть не могу.

Только глаза закрою – наплывает темнота, в висках колотится – значит, до утра не дожить. И стало мне себя жаль – пожить не успел, даже ни одну девчонку не поцеловал, а хотелось уехать в деревню, поработать на земле, свой дом поставить, и вот все пропало, кончается жизнь. И как это подумал – совсем дыхание остановилось, чувствую – конец. В последний раз глаза открыл, сам пошевелиться не могу и дыхнуть не могу. А над головой у меня Саша Матросов с автоматом. Рукой мне машет, что-то кричит, вроде к себе зовет, голос его слышу, вижу самого, а бежать к нему – силы нет. Смерть уже, значит, схватилась за меня, держит.

Нет, врешь, думаю, отпустишь, а сам уж за ним бегу, не поверишь, откуда сила взялась, а он от меня все дальше, дальше, а я не хочу отстать, все силенки напруг, кричу, машу руками: «Саша! Саша!» – хочу за него ухватиться, и вдруг он остановился, добежал я до него, тут, видно, уснул спокойно. Утром проснулся, а он опять над головой. Везде эту картину вижу: над головой он опять, и мне с ним легче...

Через неделю на работу вышел, с планом горели, каждый человек на учете: чего, думаю, валяться – мои руки тоже не лишние. Ну и поработал тогда! Как снова родился. Откуда терпение бралось – все на обед, я с лесов не слажу, все домой, а я один остаюсь – ярость взяла, думаю, надо теперь по-матросовски! Как чумной был, вспомнить хорошо. Да и ребята за мной тянулись – цех в срок сдали: благодарность, премии...

Саша решил уехать из города. В последний час перед расставанием собралась в общежитии вся бригада. Было грустно, говорили тихо, Саше в глаза не смотрели. Может, большой черный чемодан мешал – он уверенно прилег среди коммоды, новенький, под ремнями.

– Зачем ты едешь?

– Нельзя не ехать. Сейчас не уеду – не прощу себе. В молодости главное делают...

– Может, в бригаде тошно?

– Как вам говорится такое...

Саша расстегнул ворот рубашки, по шее пошли темные пятна, а пальцы дрожали.

– Зачем ты деревне? Вилами махать, телятам хвосты крутить?.. А остальное – там техника. Каждый парень – тракторист!

– И я буду на тракторе!

– А права где?.. Не то, не то задумал. На голом месте и трава не растет. А у тебя – ни родни, ни знакомых... Давай-ка, Саша, одумайся. Такой город бросаешь. Нельзя с маху-то!..

– Поймите же! Не уеду – жизнь загублю. Ведь каждому – свое. У земли жить хочу. И буду! И трактористом буду!

Вышло расставание печальным и долгим. Не хотелось обидеть ребят неосторожным словом, хотелось сказать им горячо, просто, что никогда не забудет их любовь к нему, сбережет их доверчивость, ласку – даже если будут в жизни темные дни и горе, если подкараулит беда в чужом необжитом месте. Но в голове путались мысли, слова выходили далекие, не свои.

Провожали до вокзала. Вечер стоял холодный, осенний, людей на перроне было мало. Подошел Сашин поезд. Сильный дождь начался. Все забегали в тамбур. Стало тесно, жарко, закурили, и от сигаретного дыма глаза у всех стали серьезны. Лицо Сашино бледно: опять в голову зашло неизбывное, горькое, – ведь многих он видит в последний раз в жизни.

– Ну, пиши, Саша. Доживем до твоей свадьбы – зови...

– Не забывай, Саша-а-а!

Дрогнули вагоны, медленно набирая скорость, громко застучали колеса, а он все стоял в тамбуре, смотрел в ту сторону, где слабо мигали в дожде последние огни городских улиц.

Была Сашина дорога до станции Просвет, в училище механизации.

Долго тянулась зима. Метели, сугробы, новые чужие люди. А весной поехал в колхоз на практику. Так ждал это время, так ждал! Сеял. А на душе было хорошо и ясно, столько радости нарождалось утром, когда шел на работу, столько силы поднималось в руках после похвал брига-

дира, что с полей уходить не хотелось – жить бы среди них вечно.

На другую весну в училище – выпуск. Фамилия Саша среди лучших. Комсорг вручает ему красную книжечку – комсомольскую путевку. Там написано: «Александр Матросов направляется в колхоз «Прогресс» Кетовского района».

Колхоз – в деревне Грачево. Слез Саша с машины и сразу увидел озеро. Летали над ним две белые чайки, задевали крыльями воду. А дальше стояли дома – новые, белые крыши. Возле домов – березы.

Так и запомнился первый день Саше: белые чайки, белые крыши, белые березы.

Стал на квартиру к Филиппу Немирову. В первый же день назвал его Филипп про себя «сыном». Было у него три сына, нашелся четвертый. Смотрел в большие синие глаза, изучал долгим взглядом тяжелые плечи, усмехался: «Немировская порода». А ночами не было ему сна. Вспоминал жизнь от края до края, все радости и печали, как молодой воевал с Колчаком и колхоз направлял, как потом снова грянула долгая страшная война, и он ушел в армию в шестьдесят лет, как через три года вернулся домой, увидел на ферме голодных, полудохлых коров – и захлебнулся в жгучей тоске, заплакал тяжелыми слезами, и его под руки увели домой. А дома метался снова по комнате, не находил себе места. Как сказать людям, что все это скоро кончится, отойдет, как дурной сон. И он курил до утра свой крепкий табак...

Вспоминалось, как пришел в Грачево первый добрый урожай. Было это на третий год после войны. Как руками намолотили первый мешок хлеба. Мял в ладонях сухой колос, промеж пальцев застревали тяжелые круглые зерна, и пахли они теплой землей.

Но чаще думал Филипп о счастливом, о тайном, о том, что ждет его впереди. Хоть и носил в себе прошлое, твердо знал, что все печали его прошли, а радости – впереди. И человека он ценил только за то, как относился он к земле.

А Саша приходил с работы сильный, веселый,

тяжело ступал в сенках коваными сапогами и все мечтал за столом: «Эх, дали бы новый ДТ... Я бы уж показал!» Филипп смотрел на Сашу, на свою дочь Марию, ласкал их глазами, дышал тяжело, сильно стучало сердце. А потом уходил взгляд к стенке над Сашиной кроватью и замирал: человек с автоматом, подавшись вперед всем телом, бросился навстречу смерти. Еще миг – стихнет его сердце...

Вскоре заболела у Филиппа грудь тупой беспре-рывной болью. Набух под кожей острый комок. А через день вышла здесь пуля. Носил ее в себе с гражданской. Филипп изумился: «Поди, к беде?»

Вышло к радости. Сбылись тайные мысли Филиппа – женился Саша на его дочери Марии. Когда женился, колхоз дом построил, на новоселье пришло полдеревни, голова его закружилась, а Саша вдруг понял, что за этим и родился на свет, чтоб растить хлеб, войти в родную немировскую семью.

С работы вернулся Филипп. Мы пьем чай из большого желтого самовара. Говорим о Марии, Сашиной жене. Говорит в основном Филипп:

– Жили мы в коммуне. Время трудное, голодное. Кулаки подняли голову. За каждым кустиком таились, ночью не пройдешь. Поехали один раз с отрядом на облаву. Со мной Манька, шустрая, голубоглазая, первая комсомолка наша. Ночь глухая, сам бы черт испугался. Едем, сигарки крутим. А на душе жутко: кажется, в лоб тебе целятся. Командир бодрится: «Чего, братишки, расхлябались. Ну-ко песню, да позвончей!» Встрепенулись малость. Развели музыку на весь лес. Да не кончили. С боков – залп, второй, третий...

Кони понесли, потом встали как вкопанные, и спереди палить стали. Командира сразу наповал. Мы к телеге припали, головы не поднять. Манька все выскочить хочет. Взяла винтовку на колени, оцетинилась, как кошка: «Пойду перестреляю всю сволочь!» Упрашиваем, куда там: скользнула мышью в траву... В небе луна показалась, залила все светом. Думаем, сейчас, как зайцев, по порядку щелкать начнут. И вдруг Манькин

голос слышим: «Братцы, они тикают!» – а сама строчит из винтовки – обойму за обоймой. Тут мы встали в рост и на приступ. Озлились, под ногами земли не чуем. Добрались до них и прикладами... Жутко вспомнить... Взяли тогда живьем больше десятка... Наша Манька на траве лежит, кровь на платье. Наклонились, а она шепчет: «Обманула вас, братишки, они и не думали тикать». Стоим над ней, сердце жалость схватила, а она уж не дышит... Думаю, родится дочка – назову Марией в честь этой. Нельзя, чтоб просто так человек уходил с земли. Родилась девочка – и назвал Марией... Теперь вот жду наследника, внука бы, да и от внучки не откажемся... Дело-то это хитрое, – смеется Филипп, и не видно глаз из-под бровей.

– Спой песню, покажи голос, – просит Саша.

– Э-э, песня посуху не ходит... – говорит Филипп, лицо уже напряглось, побледнело.

И скоро запел. Песня была длинная. Чужая для меня. Сколько раз, бывая в дальних деревнях и хуторах, слышал я длинные незнакомые песни, пели их старики и люди в годах, пели, как молитву. Эти песни на слова не разложить, баяну под них не подыграть. Вначале, где-то совсем в стороне, раздается неясный звук. Он долго стоит в воздухе до последней дрожащей ноты, потом на смену ему приходит другой, такой же неясный, дрожащий, замороженный звук, потом он раскалывается надвое, натрое – начинается песня, но это еще не песня, только подступ, а песня потом, когда человек откидывается на спину, застывает лицом и уж ничего перед собой не видит: ни стен в горнице, ни жены своей, ни гостей за столом, ничего на свете. И в этот миг – будь пожар на дворе, будь потоп – человек с места не встанет, пока не допоеет, не дострадает до конца песней, не доплачет.

Филипп пел не слова – звуки. То гудел, то стоял нараспев. Голос то подымался с размаху высоко и там качался тонким колокольчиком, то падал вниз, разбиваясь, умирая, но это только казалось, – голос оживал так же внезапно, как и пропадал, и продолжалась песня, но было уже в

ней другое – веселое, ясное, – только под конец опять рождалось что-то тягучее, неизбывное, похожее на тоску.

Филипп не пел, что-то рассказывал про себя, может, про нас; слезились узенькие глаза, сошлись к ним морщины. Саша весь напрягся, к столу согнулся: видно, поднялась вся жизнь – черные самолеты с крестами, детдом, тетя Даша, та лесная поляна, где имя дали. Не выдержал:

– О чем поешь, отец?

Остановился Филипп, обмахнул лоб платком:

– О чем, о чем... Все о том. Ехал по степи добрый молодец, ехал на коне. Степь голая, пустая, как тень. Вдруг конь остановился, копытом стукнул по траве. Ему шпоры в бок – он ни с места. Голову поднял, сам все стучит копытом. Слез тот с коня, выдернул сухую траву, а под ней – клад с золотом, с голубой парчой. Лежит это в кованом ларьке, на нем выбито: завещал клад только герою, кто – не герой, пусть мимо пройдет. Не взял с собой клад добрый молодец, потому что был не герой... От деда эта песня... Он ее певал по-своему.

Саша поднимает голову. Смотрит на него со стены синеглазый парень. Мало пожил он, а уж поднял с земли свой клад. Только цены ему нет, потому что все дороже, дороже он с каждым днем. Кто знает цену бессмертию, раз оно жизни больше?

На картине он очень похож на Сашу. Филипп смотрит на того, на другого, губы у него дрожат.

В ту ночь спалось мне плохо. Лежал у окна, в лесу нет-нет да и вздрогнет колокольчик – проснется лошадь. Саша с Марией, видно, тоже не спали. Она пришла с работы поздно, меня видела мало и сейчас пытала Сашу. Ее шепот лез в уши, не затихал:

– Кто он? Зачем приехал? А отец опять про ту Марию рассказывал?.. Ну вот, так и знала, везде просят старого. А знаешь, я фотокарточку Мариину достала у матери ее. Я тебе не говорила? Не говорила?! Молоденькая была совсем, поди, и не любила даже. Эх, время, время. Когда люди спокойно жить будут?.. Все воюют, воюют. А да-

вай отвезем в город, увеличим. Ну, фотографию-то. Повесим на стену рядом с твоим Сашей... Собрать бы их всех, кто погиб-то, голову положил, да оживить – какая жизнь-то была бы... Саша, ты меня слышишь? Слышишь? А у нас новый запарник хотят ставить. Сейчас что – коровы на воле наедаются, а к зиме-то подгребют корма. Хоть бы к осени поставили, протянут опять... Ты знаешь, руки у меня стали болеть. Ноют ночами... От дойки, видно. Саша? Ты меня слышишь? Саша! Да ты не спи! А он про меня спрашивал?.. Все про тебя? Да-а. Я, видно, не на моде... Да ты не сердись, чего ты, не сердись ты... ну, вот какой ты. Са-а-ша, Саа-ашенька, ну повернись ко мне... А он про тебя записывал? Записывал! Про тебя и тетрадки не хватает. И про детдом говорил?.. Я на твоём месте давно бы запрос о Кольке Ткачеве подала. Думаешь, не найдут в Ленинграде? Найдут! И не такое находят... Представляешь, встретились бы, неужели не интересно?.. А он, поди, сильно грамотный, мне и слова с ним не сказать. Поучиться бы еще, Саша... И мне война все испортила... Саша, Саша! Ты что молчишь... Что, мешаем ему? Ничего, дома выпится... А про Серуху рассказывал?.. Вроде опять ходит жеребая... Ты знаешь, я вчера пришла домой, смотрю – отец что-то на полочке прячет. Я не вытерпела – вытащила, а у него в платочке та пуля. Хранит, старый... Он, поди, у нас в бога верует?.. Да я так, так, для шутки же... Ой, больно в левой руке. Не жалея, пройдет... Слушай... Саша! Саша! Давай садик посадим... Я малины нашла, яблонь бы... А мать у Марии глухая, от старости. Я кричу, кричу, а она ладошку к уху подставила трубочкой, сама все равно не слышит. Так я ей на бумаге написала слова: «Я, Мария, Филиппова дочь». Она разревелась сразу: «Ты, Мария, Мария, а я не признала...» К столу садить давай, потом вытащила дочерины карточки. Раньше плохо снимали, еле выбрала. Опять пишу на бумажке: «На память можно?» Она головой трясет: «Можно, можно...» Заревела, не отпускает, схватилась за платье, а пальцы-то уж белые. Ой, приснится еще... Саша, Саша, сколько теперь

было бы Марии? Шестьдесят... Детей бы народила... Саша... Саша-Мальчика бы нам... А? Ну, чего ты? Да он спит уже, не слышит наш разговор... А он про работу тебя спрашивал? А про премию говорил?.. Тебе костюм другой надо, все же в клуб ходим, на виду... Да ты не спи! Не спи...

Я долго ворочался. Потом вышел на крыльцо. Стояла белая, глубокая ночь. Почудилось, что я давно здесь живу, давно знакома эта тишина, эти шорохи в переулках, неясные тени от тополей за домом, только хотелось сбереечь все: и эту ночь, и шепот Марии, быть всегда рядом с Сашей и когда-нибудь в своей неясной дали построить такой же дом, и чтоб самому на него катать бревна, самому тополями вокруг обсадить, и чтоб первое заветное дерево опустить в землю в честь дорогого, счастливого – в честь сына бы, и чтоб росли они оба, поднимались на этой земле, ради которой столько людей полегло – и уж никогда не встанут, о себе не скажут; а потом бы здесь и состариться. Нет, не состариться, просто прожить долго-долго, а потом вспоминать все с самого краю и опять жить этим, искать силу, в медленных воспоминаниях и находить, и еще при жизни твоей рождалась бы о тебе добрая память в головах внуков и в родной деревне, где в каждом доме почитают тебя, потому что много ты принес тепла и добра.

Вспыхивали все новые звезды и были не то матовые, не то совсем синие, появлялись все больше на краю неба, дрожали своим светом, и далеко, на краю деревни так же дрожали от них потемневшие березы. Изредка, со стороны берез, раздавалось бряканье колокольчика, тихое ржанье.

Сзади скрипнула половица. В белой исподней рубахе вышел покурить Филипп. Теперь он казался шире и больше. Расстегнул ворот, отдышался.

– Не спишь? Жизнь ваша бродяжья... Сегодня – здесь, завтра – там. Поди, и на самолетах летаешь, факты ищите... Понимаем... Ты больно-то не поднимай сына, пусть люди поднимут. Был тут

после войны председатель, как Чапаев ходил, только без усов: ему слово – он десять, все озеро хотел осушить – лишнее, мол, гектары, а лошадь как-то выпряглась, дело было ночью на пашне. Тык-мык, подергал за оглобли, поплевался да за сторожем побежал: «Запряги, Василий». А на соборных – молодец, за красным сукном... Сбросили... После из дому у него бутылок выгребли-и... Пил, стервец, жену бросил, может, брюхо хотел на земле набить – не вышло. А тебе Саша рассказывал, как первый раз за трактор сел? А как на комбайне?.. Ну, брат, самое главное ушло. Давай-ка выправим. По-матросовски работал, ничего не скажешь... Придет с пашни, все ему докладывает: столько-то гектаров подобрал, завтра, мол, будет больше. Как солдат командиру. Вначале меня сомнение взяло: ладно ли с парнем? Но взглянусь – серьезно-но это... ох, серьезно...

И опять в глазах моих метнулось белое поле. Поднялся из снега человек с автоматом. Впереди – огонь, еще миг – и взойдет человек на самую вершину жизни.

Как новичку на земле подсунили Саше старый трактор. Да еще с шуточками: «Не обижай ветерана». Едва в поле – «ветеран» захотел касторки. Хорошо шутить-то: на новой машине справится и ребенок. Все выполняли на зяби полторы нормы, а его «сундук» зарылся в борозду и ни с места. После смены все в клуб идут, а он ночью лечит свое добро, которому давно в утиль пора. Вылечил... Вначале выдал норму, потом и другой обогнал. Говорят, зачин – всему голова. Как пошло дело – повеселей и жить. Зато уж на другой сезон развернулся на уборке. Комбайн ходил день и ночь. Вначале сотни центнеров в ведомости намолота стояли, потом пошли тысячи. Писали о нем областные газеты, снимали его фотографии: и на мостике комбайна, и рядом с отцом – Филиппом, и рядом с новым домом, который построил колхоз. А на душе тяжело: «Плохо! Плохо! Тот бы Саша не так работал, не так». А ночами, короткими августовскими ночами, видел во сне широкую реку, как море, дымное небо. Может, Волга снилась, может – война. То видел, как

торжественным белым строем стоит детдом и маленькая женщина-директор говорит:

– Ему надо дать имя!

– Саша Матросов, Матросов! – гремит горн, стучит белыми палочками барабанщик. Терзается мальчишка: «Заслужу ли фамилию?» С этим и просыпался: «Заслужу ли?..» С этим и шел на работу. Уходил рано утром. Провожает Мария, выглядывает из-за занавески Филипп. Спит озеро за лесом, в небе птиц не слышно, просторно на земле. Тянет горьким березовым листом, мокрым подорожником, росой.

Всходит солнце, новые запахи родит земля. И в эти рассветные часы, накануне восхода, приходила на ум вся прежняя жизнь, и опять казалось, что живет он не так и не дотянуться ему до своей фамилии, не добиться людского признания и не будут его ценить в Грачеве как человека, как хлебороба. Ну, что из того, что ему нравится здесь, что он любит землю? А что это – любить землю?..

И в городе знают – на чем хлеб растет, какие берега у степной речушки, какие ночи в деревне, как хорошо в поле, когда взошла первая трава, а потом цветы выступили – и любят в городе эту благодатную красоту не меньше его. Но ведь есть другое: попробуй заставить того же Филиппа заговорить, как красиво в Грачеве, какие березы растут, какие они белые, а под вечер – синие, какой розовый огонь у шиповника, сколько грачиных гнезд в роще, – он заморгает и смолкнет. А скажи, что сосед Степан привез домой три машины хлеба и получил еще тысячу деньгами – встрепенется Филипп: «Поработали, значит, рученьки. Дурному человеку столько не отваят хлеба. – Да еще себя пожалеет: – Я вот отработался, ноги еще носят, а по улице стыд пройти – ем хлеб даровой. Что-то пенсионеров в колхозе раньше не бывало, говорят. А теперь сколько расплодилось. Власть наша золотая – всех прокормит...»

Потому и не сидится дома Филиппу: то мох в озере для фермы дерет, то хомуты чинит на коноховке. Иначе чужого взгляда не вынести: раз ходишь – работай. И понял Саша: в деревне каж-

дый виден, как стеклышко. Прошел по улице, а улица короткая, все занавески загнуты: а кто идет? В поле выехал, а мимо борозды старуха отправилась по грузди: мелко пашешь, сынок, то ли за гектаром гонишься? А чего тут садить будем, может, коноплю?

Часто к комбайну подходил Филипп:

– Ты, Саша, давай изо всей... Проверяют нынче тебя... А может, штурвальным возьмешь? Старый конь не испортит борозду, – и от его добрых усмешек делалось спокойней.

Любил на работе тихие утренние часы. На пшенице уже сгорела роса, но в небе еще все белесо, зыбко, в березах не шевелятся птицы; ему нравилось будить эту тишину и мир.

Комбайн ходил на большой скорости, солома валилась в копнитель медленными тяжелыми валками, густая, хорошо пахла, приходило на душу дорогое спокойствие. А потом из-за берез поднималось солнце; оно еще плохо грело, только ласкало. Ненагретый, прохладный воздух заходил в грудь, и все тело напрягалось от силы.

А домой приходил, Мария с порога:

– Сколько сегодня? Не в последних?

– Не в последних...

– Ты, поди, устаешь очень? Давай квасу буду носить. Жарина же...

И понимал он с каждым днем другую, ясную красоту – она в работе, трудной, непрерывной работе, которая здесь стала привычкой. И поняв это, взглянул на себя со стороны. Он казнил себя, мучился этой казнью, что еще не сказали о нем люди ни доброго, ни худого, точно не замечают, не слышат его мыслей, в горле опять застревало давнее, неизбывное – «Заслужу ли?» В этих мучениях, в бесконечных вопросах к себе, в бессонных ночах, которых раньше не бывало, росла решимость – «Заслужу!» И когда на комбайн повесил бригадир алый флажок – награду, когда он развернулся и затрепыхал под ветром, всеми виденный, понятый, когда Филипп потрогал его своими заскорузлыми пальцами и когда из дома прибежала Мария с бутылкой красненького по такому случаю – поздравить мужа, – у Саши к глазам

подошли слезы. Дома, первый раз в жизни в тот вечер, он посмотрел на свою картину легко и ясно. Другой Саша Матросов, казалось, все понял.

Утром Саша подтвердил отцовы слова: – Да, флажок!.. С него и признали. Отец больше меня рад, в правлении, на ферме, в конюховке всем уши прожужжал: «У моего-то флажок! Немировская порода!». Да, сильно он мне помог, без него – куда бы я здесь... Как трактор дали тогда, ну, «сундук»-то, так он возле него, как нянька старая... В машинах-то понимает, а мне и так хорошо, что возле меня стоит, мучается... Сколько он всего сделал!.. Жизнь моя здешняя пошла с него... А у тебя есть отец?

Нет. Давно уже нет. Как на фронт уходил, носил меня по комнате и все пел: «Крутится, вертится шар голубой», а больше я ничего не помню... А потом за год до победы приезжал, здоровье мне принес... Я рос заморенный, качни – упаду. По утрам еле с кровати сползал. Ростом вышел, а тела нет, да и с чего – хлеба-то не видел. Отец из госпиталя приехал, ахнул: «Ой-ё, какая жердина! Чей такой зверь?» Мать заревела, испугалась вдруг моей худобы. Отец достал из-под ног зеленый мешок на ремнях и отстегнул ремни... Помню – хорошие кожаные были ремни. На колени выпала большая синяя шаль и банка... Как сейчас все помню... В банке был мед. Я стал его хлебать прямо ложкой. От меда начал пьянеть и – полетел, полетел... Там, далеко, мчались танки с красными звездами, рвались снаряды, и враг метался, бежал... А потом из переднего танка вышел отец, и взвилось над ним большое красное знамя... Командиру стали докладывать, как прошел бой, он внимательно слушал, что-то в тетрадку записывал.

...Когда я дошел до середины банки – совсем опьянел... Я уж сам сидел в первом танке, в груди ныла ярость, сам стрелял, сам принимал рапорт бойцов...

От меда пахло листьями и чем-то горьким, солдатским, я чуть не задохнулся. Так же и от отца пахло. Он глядел на меня печально и виновато и

все просил: «Ну, ешь ты... Давай ешь...» Я ел да ел... А мать шаль в руках перебирала.

Кончился мед, и я задремал у отца на руках... С того дня я и окреп. Мать шутила: «Вот он, медокто...» Да, поди, и не от меду совсем и силу-то взял, но только мне никогда не забыть, чем пахнет солдатский мед... Конечно, от отца силу взял... А потом он опять на фронт уехал, да и не вернулся больше...

– Все мы от отцов берем силу... Сколько же мне ее надо, если у меня два отца вышло, – смеется Саша, – а ну-ко, посчитаем: Саша Матросов – раз, Немиров Филипп – два...

После его слов Филипп заплакал. Было неприлично и страшно видеть, как заморгали его глаза, точно порвалось в них что-то и теперь не остановить никакой силой, не унять, а ладони лежали на столе прямо и неподвижно, сухие и длинные, с потемневшими от годов ногтями, с далеко спрятанной силой, разбуди ее – и она еще покажет себя и уж не остановишь... А другой смотрел со стены накануне бессмертия, вечной славы. Навстречу рвался огонь.

– Знаешь, очень хочется сына. Смешно тебе... Взять бы его на руки, чего еще надо... И назвать бы Сашей. Пусть опять – Саша Матросов...

Уезжал я под вечер. Провожали меня и Филипп, и Мария, и Саша. Прибежала и Нинка, та маленькая девочка, которую он тащил в буран на себе. Она часто сюда забегает. Девочка как девочка. Я даже не запомнил ее лица. А сохранилась для жизни и большой вырастет, и придется звать ее по отчеству.

– А я тогда не боялась! Правда, не боялась. Только снег сильно по лицу бил.

– Так ты ж спала, – смеюсь я.

– Нет, не спала. Я все помню. Вначале на мне тулуп был, а потом мы его потеряли. Тогда он свое пальто снял и на меня надел... И шли мы долго-долго. Я всем девчонкам рассказываю...

Подошел я и к Серухе. Она опять одна ходила, ботало под шеей позванивало. На меня подняла голову, посмотрела зелеными глазами. Я поскреб

у ней под шеей, она слушала, жевать перестала, а глаза сделались влажные, под слюдяной мутной пленкой, и я долго от нее не отходил, гладил теплую шерсть.

Видно, ждала Серуха близкую старость, берегла последние силы, все говорило об этом: уже дышала с хрипом, шерсть выше хвоста вылезла и над голой стершейся кожей вились мухи. А сын ее ходил уже в табуне, вырос в большого яркого жеребца и, наверное, мать свою слабо помнил. Серуха долго смотрела мне вслед, ржала потихоньку, а посильней, наверное, уже бы не вышло.

Улицу тоже всю прошли туда и назад. Сашин дом был самый новый, издали блестел гладкими бревнами, стены казались сплошными, как каменные.

Потом сели за стол. Выпили на прощанье вина. Филипп опять медленно и печально спел свою песню о добром молодце, который нашел в голой степи клад с золотом, с голубой парчой. Нашел, а не подобрал, потому что был не герой. Умный был человек: чем бы расплатился за такое добро, чем бы отстоял его от врагов. Умный и сам Филипп. Мне кажется, что он все видел, все знает и никогда не умрет, будет жить вечно, потому что тридцать пять лет колхозу отдал: конюхом был, бригадиром, учетчиком, а сила все через край. И не кончится, видно, она.

А потом спели вчетвером старую песню «Землянку». Говорилось в ней о долгой разлуке, о глубоких снегах в степях, о смерти, до которой всего четыре шага.

Был с нами и Саша Матросов. Тотс картины. Мы чокались о его рюмку и говорили ему всякие слова, и он тоже пел с нами о солдатской разлуке, о низенькой землянке, в которой и ему пришлось пожить, где он тоже писал письма и думал о своей девушке, посылая приветы через снега. И когда спели ту песню, Саша взял картину, где метнулся солдат с автоматом навстречу огню, и написал на обороте: «На память о наших встречах. Александр Матросов». Картина была такая же, как на стене, но достал он ее из глубокого чемодана и сказал:

«А та – заветная, которая на стене, – ту нельзя трогать... Десять лет вожу с собой...»

Филипп сличил глазом обе картины и точно обрадовался: «Верно, одинаковые...»

Вышли за ограду. Нинка стала нас фотографировать, фотоаппарат у ней был игрушечный. Но мы ей не сказали, что заметили обман. Я обнял Сашу, локтем прислонился к Филиппу, он довольно крякнул и придвинулся поближе, а впереди была Мария в коротком голубом платье.

– Не уезжайте, – плакала Нинка, – я вам еще расскажу, как Саша меня на руках нес. Я, правда, не боялась тогда. А Серуху всю снегом занесло. Мне ее жалко. А в больнице тогда к Саше столько людей приходило, а ко мне только мама приезжала и больше никто... Не уезжайте, не уезжайте...

– Я, Нинка, еще приеду. Вот увидишь – приеду. И к тебе, и к Саше..., Ну, не плачь, не надо... Ты же большая. Не надо...

Фотоаппарат у нее болтался на шее. Нинке было трудно ворочать головой, и я взял ее на руки.

Вот и конец улице. Дальше дорога. Три года назад по ней приехал Саша в Грачеве Был у него в руках черный чемодан, а больше ничего. За три года скопил столько богатства. Не поднимет ни одна машина. Мне бы такое богатство, каким бы я был от этой людской любви...

Не представить, не увидеть...

По дороге ходили телята, и всюду, куда ни взглянешь, спали гуси. Рядом было озеро, а они, видно, кормились на дороге и уснули.

Остановилась попутная машина. Выглянул рыжий парень:

– Хочешь – в кабину, хочешь – лезь в кузов...

Я залез в кузов. Машина медленно тронулась и закрутилась по дороге, обходя гусей. Они даже головы не подняли. Саша мне что-то кричал, Нинка – тоже. Еще долго я видел из кузова, как он машет мне рукой. Рядом с ним Нинка съежилась от внезапной тоски по мне, а может, и в город хотела, куда я ехал. Издали она была совсем маленькая, белая. Потом тоже стала мне махать. А я уже думал: скоро опять приеду сюда. Не вытерплю.

Дома повесил я картину высоко, возле окна. Она заняла полстены в моей маленькой комнате. Зато окно на юг, солнечное. Утром только пробьется над землей первый луч, вырастет над крышами – я вижу Сашино лицо, а сам думаю о другом, который остался в Грачеве, и мне хочется улететь к нему, послушать его разговоры, милые, неожиданные признания, набраться там новых сил, оставить все заботы и огорчения и зажечь по-новому, хорошо и ясно, с облегченным подбrevшим сердцем.

А недавно пришло письмо. Упрятано оно в большой самодельный конверт – не любил Саша сгибать письмо пополам, потому и клеил сам конверты из плотной бумаги. Первые строчки спутались в глазах, я боюсь неожиданных писем, читаю их всегда с середины. Начал с середины и это: «...нынче опять выпросился на комбайн. Хлеба вызревают тяжелые. Убирать будет трудно. Зато весело. От большого хлеба всегда весело... Сейчас в моторе все болтики общупал, как бы чего не вышло. Нынче у меня напарник молодой, моложе меня... Как-нибудь уживемся.

У Марии на работе хорошо. Опять дали премию. А мне опять беспокойно. Потому и пишу тебе. Зачем ты меня в своей газете расхвалил? Мне и так тяжело. Все время на горе стою, на виду все время. Устроил мне Саша такую вот жизнь... А сам все со стены наблюдает... Как-нибудь вынесу. Перед народом не упаду... А сынка еще не дождались...»

Смотрит на меня со стены простой, великий солдат. Еще миг – и взойдет он на самую вершину жизни, станет бессмертным. И вот уж поднялся и обрел бессмертие. А из письма Саша смотрит: ведь он тоже на вершине стоит, ведь он наследник солдата на земле.

ПРЕДЕИН
Анатолий Павлович

РОДИНА

Гудки ли слышу я над пристанью,
Грущу ль без друга в поздний час –
В одну я твердо верю истину:
Не будет Родины, а значит, нас.
Не будет нас без дома отчего
С травой зеленой у крыльца,
Без той скамейки скособоченной,
Без поля с песнями овса.
Ветров сердитых завывание
Зима однажды принесет,
И к нам придет час испытания,
Как слава поздняя, придет.
Быть может, в желтой страшной роздыми
Мы упадем, кровавая снег.
Не будет нас, но будет Родина –
Одна, как свет зари, на всех.

СЕСТРЕНКА

Закат чадил. Атака захлебнулась.
Пехота под неистовым огнем
В сырой суглинок нехотя уткнулась,
Попятилась, прижатая свинцом.

Ну а сестра, девчонка, неумело
Ползла вперед, где бушевал огонь.
Снаряды выли зло и оголтело,
И дым стоял, как вздыбившийся конь.

Она ползла, шептала громко: “Мама!”
И плакала. И все-таки ползла
Отчаянно, испуганно, упрямо...
И расступалась ядовито мгла.

Родился в 1939 году в селе Осиновка Каргапольского района. После окончания технического училища работал токарем. Закончив Курганский государственный педагогический институт, трудился преподавателем физкультуры в родном селе. Много лет проработал в районной газете “Сельская правда” и собственным корреспондентом газеты “Советское За-уралье”. Автор нескольких книг стихов и прозы.

Она ползла, прикрытая лишь небом.
Ползла, Над нею ветер пуль хлестал,
И старшина, сжав кулаки, свирепо:
“Назад! Куда ты? Мать твою...” – орал.

Железа гарь. Шинель. Нога. Воронка.
И рядом глухо, как из-под земли:
“Пи-и-ть...
Подмогни маненечко, сестренка.
Пошли, сестренка... до своих пошли.”

И силился вскочить. Не понимал он,
Что он без ног. Давился стоном: “Пи-и-ть...”
А санитарка слезы вытирала
И умоляла: “Миленький, терпи...”

Терпи. Чуток переведем дыханье –
И дальше... Скоро... Вон до тех берез...”
Фашисты шли уверенно, нахально.
Шли, словно на прогулке, в полный рост.

Горланили развязно, громко, пьяно.
Тяжелый дым стелился по стерне.
«Еще чуть-чуть...»
Но, взгляд подняв туманный,
Вдруг поняла, что отступленья нет.

«Терпи, родной...» Нашарила винтовку.
“Терпи...” И с нервным перекосом губ,
Не целясь, торопливо и неловко
Шальной огонь открыла по врагу.

Она от страха словно меньше стала,
Но все равно не думала про смерть.
И, плача, все стреляла и стреляла,
Как будто бы боялась не успеть.

ПУТЬ НА БЕРЛИН

Моему отцу

Куда идем? Болота и болота.
Все на Восток... туда... Россия-мать!
В бою неравном гибнуть неохота,
Но и позорно дальше отступать.

И, понимая, что он – обреченный,
Рукою поправляя мокрый бинт,
Хрипел комбат, от ран и боли черный:
«У нас одна дорога... на Берлин...»

А за спиною Ковель, Сарны, Овруч.
Гремела канонада широко.
Петлей на шее – окруженья обруч,
И невозможно разорвать его.

Зверели мины. Взрыв за взрывом ухал,
Измотанные люди залегли.
И прошептал комбат предсмертно, глухо,
В полубреду: «Путь... только... на Берлин.»

А батальон, как лес во время рубки,
Редел. Осталась только треть бойцов.
Но все-таки из страшной мясорубки
Они сумели вырваться на Льгов.

Куда теперь? Помедлив чуть, солдаты
Сквозь зубы процедили, как один,
Не забывая своего комбата:
«У нас одна дорога – на Берлин!»

Не знал комбат, да и другие тоже,
С боями отступая наугад,
Что долгий, изнурительный, тревожный
Путь на Берлин был... через Сталинград.

ДЕЗЕРТИР

Я помню это... Был июнь,
Июнь сорок восьмого года.
И там и тут в родном краю
Укропом пахли огороды.

Был вечер тих, печально-желт.
И в это время крик раздался:
«Сергея Мыльников пришел!
Живой! Семь лет в лесах скитался».

Шли люди к старенькой избе,
Светлели под луною лица.
Катилось эхом по толпе:
«Вот и дождалась Василиса!»

А Василиса, мать его,
В ответ лишь тяжело вздыхала,
Седой качала головой
И что-то про себя шептала.

И боль стояла, словно крик,
В ее глазах больших и грустных.
Ах, Василиса, посмотри,
Ведь это сын, твой сын вернулся!

Присядь поближе, приласкай.
Иль мало стольких лет разлуки?
В глазах Сереги страх-тоска.
И стыд. И неизбывность муки.

Он знал: ему прощенья нет.
Сидел. Молчал. Его знобило.
В суровой горькой тишине
Его родная мать судила.

И глухо оборвался всхлип,
Когда, смахнув слезу рукою,
Она сказала: «Сын погиб.
Он не вернулся с поля боя».

ГОВОРIT МОСКВА

«Го-во-рит Мо-сква!»
Умыт рассвет зарею,
И гордые слова –
Как птицы над землею.
О, говори, Москва,
Сурово и парадно!
В твоих простых словах
Надежда, мир и правда.
Никто не позабыл,
Как в огненные годы
Мы на пределе сил
Стояли за свободу.
Кто верит, тот живет.
Пожаром пахло утро,
И созывал народ
На площадь репродуктор:
«Го-во-рит Мо-сква...
Сегодня... после долгих...»
И все-таки жива
Москва, хоть враг у Волги!
Был страшен этот час,
И голос Левитана
Был правдою для нас,
Как время, беспощадной.
Невзрослые сыны
Свинцовой непогоды –
Боль всей моей страны
И мужество народа.
О, сколько еще раз
Им под огнем придется
Вставать во весь свой рост –
Немного их вернется!
«Го-во-рит Мо-сква...
Передовые части...
К Берлину!..» Синева,
Как окна в мае, настезь.
В развалинах рейхстаг.
Лежит смердящим трупом.
За наш победный стяг

Мы заплатили крупно.
Ведь в землю полегло
Нас двадцать миллионов.
Железно, тяжело
Гудит она от стонов.
...Предутрие. Светлынь
На деревьях и крышах.
Не спит в росе полынь...
Теперь, когда я слышу:
«Го-во-рит Мо-сква»,
Я знаю убежденно:
Москва всегда права –
Заря земли спасенной.
Нам без нее не жить,
И в годы грозовые
Сумеем защитить
Ее и всю Россию
Во имя звонких дней
Под этим небом синим.
Во имя всех детей!
Грядущего во имя!

У ПАМЯТНИКА ЗЕМЛЯКУ

Н. М. Махову – Герою Советского Союза

В себе и грядущем уверенный,
Стоишь, по-солдатски суров,
А в грубых гранитных артериях
Гремит гранитная кровь.

Прости... Не совсем удобно
Вопрос такой задавать,
Но знаешь ли ты, что дома
Тебя поджидает мать?

Вдаль смотрит устало и мудро
И в гибель не верит, ждет,
Ждет каждый вечер и утро,
Считай, тридцать пятый год.

В тревожной вечерней угрюми
Одна на тесовом крыльце,

И тихо лежит раздумье,
Как лунный свет, на лице.

А темень стеной голубою,
А звезды, как дождь, впереди.
«Да что это нынче со мною?
Сижу, а он близко, поди?»

И вот, шаль накинув на плечи
И в руку взяв батожок,
Идет она в поздний вечер
На перекресток дорог.

А дома засолены грузди:
Любил ты ими зимой,
Попарившись в баньке, похрустывать
И пить квасок молодой.

Ну что ж, и квасок есть в подвале,
И свежестью он холодит.
Не бойся, шагни с пьедестала.
Ты слышишь? Мать ждет. Приходи.

9 МАЯ

Утром теплым, утром красным
Средь ограды, за столом,
День Победы – светлый праздник
Отмечали мы с отцом.

Пахло свежим луком пряно,
Травы млели зелено.
Мы тянули из стаканов
Ароматное вино.

Кабачковою икрою
Закусив, отец молчал.
То лицом светлел, то брови,
Хмурил словно вспоминал.

Я спросил его: «Ну что ты
словно празднику не рад?
Огневые вспомнил годы?
Смерть? Но ты не виноват».

Он вздохнул: «Как раны, годы.
В сорок первом, отходя,
Потеряли четверть роты
От свинцового дождя.

Потеряли самых смелых
И отчаянных парней.
Сколько хат осиротело!
Сколько плачет матерей!

Оттого и боль за павших,
Многих спасших (не себя!),
Мало в жизни испытанных
Сердце жжет мое, губя.

Были все они моложе
На десяток лет меня.
И погибли. Дума гложет:
Почему не я, не я?

Ведь по праву, по закону
Им бы надо жить да жить,
На земле родной, спасенной
Все доделать, доллюбить».

«Но вины твоей здесь нет!
В заварухе грозных лет
Смерть немногих пощадила –
Молодых, немолодых.
Вспомни, что с тобою было:
Пуля руку зацепила
И... оставила в живых».

«Жив-то жив. Да только помню,
В снах все вижу я войну.
Знать, до смерти суждено мне
Сердцем чувствовать вину».

* * *

Стоят у обелиска люди,
Суровой памяти верны.
Еще острее из наших буден
Былые подвиги видны.

Когда на огненной и чадной
Земле безумствовала смерть,
Солдаты знали беспощадно,
Что надо выстоять суметь.

Они смогли. Они сумели.
Поля светлы и зелены.
Идет другое поколенье,
Не испытывшее войны.

Девчоночка в коротком платье
Прижалась к матери щекой:
«Мам, почему тот дядя плачет,
Такой большой, такой седой?»

Откуда знать девушке малой
В летучем трепете весны,
Что этот дядя старый-старый
Прошел дорогами войны.

Прошел он вовсе не для славы,
А чтоб жила моя страна,
И на груди его по праву
Звенят сегодня ордена.

Следы войны поныне зримы,
Хотя уже немало лет,
Родных оставив и любимых,
Лежат убитые в земле.

Лежат ребята молодые,
Как будто долго-долго спят.
Над ними травы полевые,
Как ливни теплые, шумят.

Лежать солдаты будут вечно,
Делам других людей дивясь,
Своим молчаньем бесконечным
Как будто спрашивая нас:

Верны ль остались мы заветам,
Не сдали ль мы душой в пути,
Готовы ль мы Страну Советов
Своею грудью защитить?

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

ФРОНТОВИЧКА

Сергей СУРАЕВ, город Курган

ПРОСЕКОВА
Александра Максимовна

ДОЛЮШКА ЖЕНСКАЯ

В тот далёкий 1930 год почти сразу после Покрова выпал снег да так и не растаял. Ветра повеяли зимним холодом, подступили морозы. В первый зимний день в семье Ивана Петровича и Анисьи Михайловны Бородиных родилась дочка, которую нарекли Катенькой, была она третьим ребёнком после Тани и Мишеньки. В то время семья Бородиных жила в деревне Щукино. Сейчас этой деревни нет, хотя ещё в семидесятые годы люди там жили и жили неплохо, позже они переселились кто куда, а технику всю перегнали на центральную усадьбу села Просеково, и остались от деревни одни курганы да полуразрушенная церковь.

Жизненный путь Екатерины был похож на ты-

сячи судеб сверстников. Окончила Катя 4 класса, училась хорошо. Хотела учиться и дальше. Всё было бы именно так, если бы не война.

Весна 1941 года была запоздалой. Ещё в июне сеяли, а недели через две началась война. В деревне из уст каждого только и было слышно это страшное слово. В одночасье всё изменилось. В душе каждого росла тревога, лица у людей стали угрюмыми.

Помнит Екатерина Ивановна, как в самом начале войны отправляли на фронт отца. Он обнял мать, прижал её к себе. У порога с полными слёз глазами она молча обняла его и перекрестила. Кате очень хотелось расплакаться, но она только отвернулась и вытерла слёзы рукой.

Родилась 10 мая 1951 года в деревне Шлёмово Варгашинского района. Окончила Макушинский зооветтехникум по специальности «зоотехник». В 1989 году – университет марксизма-ленинизма Курганского обкома КПСС. Работала старшим библиотекарем в Просековской сельской библиотеке. В 1997 году была избрана на должность главы Просековского сельсовета. Живет в селе Большое Просеково Варгашинского района.

Печаталась в газете «Маяк», «Варгашинка», «Советское Зауралье», сборнике «О земле родной».

На фронт провожали односельчан всей деревней. Громко играла гармошка, звучали частушки, голосили бабы, а деревенская ребятня бежала до самой развилки на краю деревни. Там уже стояла подвода, а дальше, петляя, дорога шла в ту сторону, где каждый вечер заходило солнышко. Мужиков в домах совсем не осталось, деревня заметно опустела. Совсем опустела и изба Бородининых, когда на войну забрали и брата Михаила.

Короткий зимний день угасал, солнца уже не было видно, оно скрылось за дальним лесом, за окнами всё сильнее сгущались сумерки. В избе было мрачно, в отдалённые от окон углы легли тени. Мать молча хлопотала у загнетки, потом, достав чугунок с картофельной кашей, также молча ужинали.

Жить в годы войны было трудно. Все тяготы и заботы легли на плечи женщин, стариков и детей. Детства у Кати, почитай, не было, его отняла война, как и все деревенские дети, она рано познала крестьянский труд. В 11 лет помогала нянчить детей в яслях, работала и в поле, и поваром на полевом стане. В годы войны трудились все: и стар, и мал, не жалея ни сил, ни здоровья. И все с нетерпением ждали писем с фронта. Вначале от отца приходили редкие короткие письма, а потом и совсем перестали, а от брата Михаила весточки так и не дождались. Печальные вести с фронта шли в деревню одна за другой. Не обошла страшная весть и дом Анисьи Михайловны. Осенью 1942 года семья получила похоронку на отца, а позднее и на Михаила. Мать на людях ещё держалась, а ночью, отвернувшись к стенке и уткнувшись в подушку, горько плакала. Только она одна знала, как её сердце разрывается от боли и тоски.

Время шло, жизнь продолжалась. В селе голодные и босые люди работали с раннего утра и до поздней ночи. Став постарше, Катя во время полевых работ подвозила на быках воду к тракторам-колёсникам. Иной раз они по всей ноченьке на пашне работали. А радиаторы старые, постоянно протекали, приходилось возить воду всю ночь. Зимы же стояли лютые, нужда дони-

мала семьи. Каждый день ждали весну. Как только пригреет солнышко, Катя с Таней ходили на колхозное картофельное поле, разгребали подтаявший снег и искали мороженую картошку. А летом вырубала трава. Рвали её целыми охапками, варили болтушку и набивали вечно урчащие животы.

Анисья Михайловна, работая дояркой во время войны, однажды получила ведро муки. Сколько радости было в семье! Горсточку муки добавляли в заваренную кипятком мякину, стряпали лепёшки, ели их за милую душу. Кто из них, детей войны, не помнит вкус такого «хлеба» или вкус травы? Помнят все.

Шло время, скоро сестра Кати, Татьяна, заневестилась и вышла замуж за деревенского парня, остались Катя вдвоём с мамой. Вереницей бежали дни и месяцы. Екатерина Ивановна до сих пор помнит, как мама, отработав день на ферме, в ночь уезжала с женщинами на быках в лес, пилить дрова на зиму. Бывало, они вдвоём с мамой, когда была своя корова, ни свет ни заря, только-только солнышко встанет из-за берёзового колка, уезжали на сенокос.

Косили сено в лесу. К мокрому от пота лицу липла мошкара, кожа зудела. Отдыхать садились под какой-нибудь кустик, развязывали узелок с нехитрой снедью, обедали. В нагретом от солнца воздухе пахло душистой, свежескошенной лесной травой. Домой возвращались, когда солнышко стояло над землёй также низко, как и в утренние часы. После косьбы руки у Кати ныли, не давая заснуть. А за окном стояла тихая тёплая ночь, на небе светила большая луна и были видны крупные, яркие звёзды. Не верилось, что где-то грохочут бои, сметая всё на своём пути. Катя, глядя на звёздное небо, мечтала о том, что война скоро закончится и жить станет легче.

И вот наступил долгожданный День Победы. В тот день Катя работала на пашне, бабы боронили на коровах. Весть быстро донеслась до их деревни. Приехал уполномоченный и сообщил, что война закончена. Услышав весть о победе, все плакали от радости, обнимались, смеялись. Со

всех сторон было слышно: «Победа! Победа!» Далеко не все фронтовики вернулись с войны. Мама Кати, вспоминая отца, частенько доставала его письма, прижимала их к груди и перечитывала, смахивая слёзы. Невыплаканное горе болью отдавало в груди. Да только не знала она, что ещё одно горе её ждёт за углом.

Когда Кате исполнилось 18 лет, у неё отнялись ноги: простуда ли сказала, а может сильное потрясение от потери отца и брата, только врачи руками разводили. Жила в соседней деревне бабушка Мария, так вот она и поставила девушку на ноги. Зимой бабушка добиралась пешком до их деревни, вместе с Анисьей Михайловной везли Катю на санках в баню (бани были по-чёрному и стояли на берегу реки), там она парила её с разными травами да молитвами. Только это несчастье с дочкой сломило Анисью Михайловну. Легла на её душу неподъёмная тяжесть, почернела она вся т горя и в тот же 1949 год умерла. Катю забрала к себе тётя, которая жила в деревне Михайловке Мокроусовского района. Однако не смогла девушка там жить, тянуло домой и, прожив там одну зиму, вернулась в родную деревню.

Летом за семенами ездила на коровах в Мокроусовский район, осенью принимала на колхозном току зерно от комбайнов, а потом перешла на ферму. Просыпалась на зорьке, когда чуть заалет небосвод, спешила на утреннюю дойку с подругами. Свежий ветерок вмиг разгонял дрему. Вручную доили по 17 коров, и корм раздавали, и навоз убирали.

Зимними длинными вечерами после работы любила вязать. Вся работа спорилась в руках у Кати. Бывало, придут подруги, зовут её с балалайкой на вечерки, она её отдаст, и сама снова за вязание. Этот музыкальный инструмент купили ей в подарок отец и сестра Таня ещё в 1938 году (в тот год был хороший урожай).

Быстро летели дни за днями, заполненные работой да разными заботами. В послевоенное время немало был девушек, которым хотелось счастья, любви, но у их поколения война отняла ребят. Вот и Екатерине было не на кого надеяться,

жила одна. Все годы провела она в труде. В 1985 году ушла на заслуженный отдых, переехала в село Просеково, где жила её сестра с семьей. За свой труд, профессиональное мастерство ей были вручены награды: орден «Знак Почёта», бронзовая медаль ВДНХ, знак «Ударник 11 пятилетки», в 1985 году – медаль «Ветеран труда», множество почетных грамот.

За годы своей работы Екатерина Ивановна не раз избиралась членом правления колхоза «Красное Знамя». Пережив военное лихолетье, тяжёлый труд, боль потерь, она не утратила оптимизма и желания жить.

Таких, как Екатерина Ивановна, можно по праву назвать патриотами своей Родины. Они оставили свой неповторимый след в истории – выжили, выстояли в невероятно трудное время. Они для нас пример патриотизма, терпения, стойкости и преданности.

РАЗВЕДЧИК

В семье, в которой рос Николай, было пятеро детей. Время было тяжелое, нужда донимала. Рано Николай пошел работать, познав вкус всех деревенских работ. Любил он сенокосную пору, когда с летними зорями выходили на покос. Острый запах свежескошенного сена такой, что голова кружится, как от хмеля. Радовался, когда на глазах вырастали ровные стога сена, огорчался, когда вдали громыхал гром. И Николай повзрослому думал: «Не нанесло бы дождя, сено почти все застоговано».

Дом, где жил Николай, стоял у самого бора, рядом была и речка Суерь. Раннее летнее утро. В этот час речка была светлой и чистой, солнечные блики играли на бегущих волнах. Николай выходил из дома, с удовольствием вдыхал прохладный воздух, любил и искупаться. А потом, наспех перекусив, бежал на работу.

Не один год Николай работал прицепщиком. Были дни, когда он вовсе не приходил домой – ночевал на дальних полевых станах. Парень любил эти ночевки в поле. Прежде, чем заснуть, долго лежал на спине и смотрел в бездонное темное небо, с россыпью мерцающих звезд. Вставали на заре. На разостланный брезент каждый ставил свой немудреный завтрак: хлеб, бутылку молока, яйца. И опять за работу.

Мечтал Николай о светлой жизни. Но мечты внезапно оборвала война, почти каждый день из деревни кто-то уходил на фронт. Пришел черед и Николая Горбачева.

Помнит пасмурный августовский день 1942 года, за ним приехали прямо в поле, работал он в то время помощником комбайнера. Домой забежал на несколько минут. Прощались у развилки «Трудно тебе будет, мама», – тяжело вздохнув и проглотив ком, сказал Николай. «А кому сейчас легко?», – тихо ответила Зинаида Ефимовна. Не знал тогда Николай, что в последний раз видит мать.

Привезли в город Ялуторовск Тюменской области, где был зачислен курсантом в 42-й пуле-

метный полк. В январе 1943 года полк расформировали, и Николай Горбачев был отправлен в Чебаркуль. Там, сдав на младшего командира, он получил назначение на фронт.

И потянулись огненные версты. Не одну сотню километров прошел он с боями и почти все, что только мог пережить солдат на войне, выпало на его долю. Никогда не забыть Николаю бои на белорусской земле, как сейчас помнит бой под город Оршей. Страшный шквал артиллерийско-минометного огня обрушился на наших солдат. Снаряды и мины рвались рядом. Все вокруг грохотало, скрежетало и выло. Почернело еще недавно такое голубое небо, все смешалось в сплошном хаосе огня.

Несколько бойцов, находившихся в окопе неподалеку от Николая, были убиты. А он, оглушенный, с почерневшим от копоти лицом, все продолжал стрелять по фашистам.

Внезапно чем-то горячим плеснуло в лицо, Николай отшатнулся и стал медленно валиться назад. Перед его помутившимся взглядом появился голубой просвет неба. «Что это я, ранен?» – мелькнула мысль. Откуда-то издалека донесся голос: «Горбачева убило». Эти слова коснулись потухающего сознания, но он уже не в силах был осмыслить их.

Пришел в себя Николай уже в госпитале города Осташкино Калининской области. После госпиталя был направлен курсантом учебной роты разведки Саратовской области. И снова фронт, где он был назначен командиров отделения разведки.

Николай Николаевич вспоминает одну операцию: «Звездная весенняя ночь. Идем тихо, молча, долго ползем по черному полю, перепаханному взрывами снарядов, чуть касаясь земли, отягощенные гранатами, у каждого автомат. Справа, совсем близко, затемнел бугорок – бруствер пулеметного гнезда. Левее чернели кусты. Вскоре под руками зашуршала опавшая листва. Вползли под деревья. И только здесь встали.

Разогнули напряженные, взмокшие от пота спины. Прислушались. Из-за холма до нас донеслись приглушенные голоса. Речь была чужая. Подползли ближе, раздвигаем кусты, глядим: сидят у куста четверо. В котелке что-то кипит

Мы резко встали из-за кустов: «Руки вверх!» От неожиданности они вздрогнули и порядком растерялись. Привели мы пленных к своим».

Участвовал Николай Николаевич в освобождении Белоруссии, Литвы, Латвии. При выполнении операции при форсировании Вислы был ранен в обе ноги. После излечения в Северной Осетии вернулся в родные края, в далекую зауральскую деревушку Ошурково в августе 1945 года.

С трудом переставляя костыли, свернул в улицу, где жил. Сердце больно сжалось. Где стоял его отчий дом, все поросло бурьяном. Узнал от родственников, что мать умерла. Не думали уж и они, что Николай вернется, так как долго не было от него весточки.

Долго, в отчаянном бессмыслии стоял Николай у могилы матери. По лицу текли мужские скупые слезы. От погоста вернулся в деревню, когда солнечный свет окрашивал только верхушки сосен, разбитый, опустошенный горем. Тяжело было сознавать и то, что он молодой парень в 21 год – инвалид второй группы. Девять операций перенес Николай Николаевич, прежде, чем врачи поставили его на ноги.

И началась мирная, трудовая жизнь. Много ис-

пытаний выпало на долю этого человека. Хранятся у Николая Николаевича его боевые награды: две медали «За отвагу», «За победу над Германией», орден Отечественной войны 1 степени.

Все дальше уходят в прошлое годы Великой Отечественной войны. Но память о ней, о людях, сумевших в жестокой схватке с врагом защитить Родину, будет жить вечно.

СТОИТ ДЕРЕВНЯ НА ПРИГОРКЕ

Стоит деревня на пригорке,
Года проносятся над ней,
А сколько горестных и горьких
Ей довелось увидеть дней.

Была трудна её дорога,
Но все сумела пережить.
В годину грозную у Бога
Сынов просила защитить.

Сама заботою колхозной
Одной единственной жила.
Какую ж ношу неподъёмную
На плечи хрупкие взяла.

Она на зореньке вставала
И за работушку опять:
Пахала, сеяла и жала,
Стране старалась помогать.

И непосильный воз тянула
Она с рассвета до темна,
А сколько ж горюшка хлебнула,
И всё проклятая война.

Шли похоронки на деревню,
И рвался плач под облака.
Клонили головы деревья,
Печалью наполнилась река.

Весть о победе в Терпугово
Пришла весеннею порой,
Когда земля в наряде новом
Встречалась с первой грозой.

Рыдания, радость, смех и слёзы
Смешались разом в один круг,

От счастья плакали березы,
На землю лился божий звук...

Полуголодная, босая
Сумела выстоять она.
И память цепкая, живая
Хранит погибших имена.

Стоит деревня на пригорке,
Года проносятся над ней,
Но время горестное, горькое
Ещё порою снится ей.

МАТЬ

Поседевшая мать от горя
Дни и ноченьки напролет,
Слез повыплавав целое море,
Сына с фронта все ждет и ждет.

Треугольник казенный читает,
Только сердце не хочет понять,
Что сынка своего, Николая,
Ей уже никогда не обнять.

Не прижать и в глаза родные
Больше ей уже не взглянуть,
Не погладить кудри льняные,
Не уткнуться в родимую грудь.

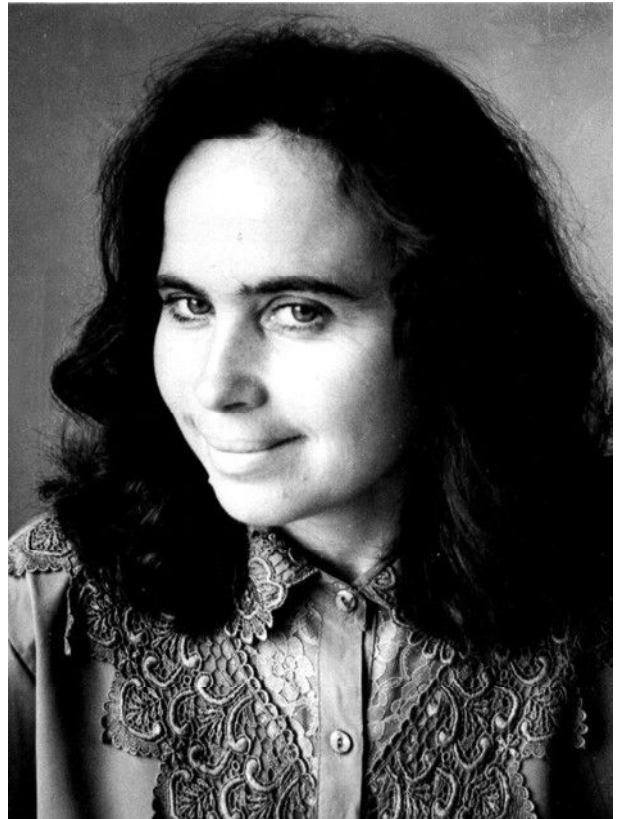
Не спросить, как здоровье, сынок?
Не устал ли с дороги, родной?
Но застрявший вдруг в горле комок
Прорывает пронзительный вой.

Гонит ветер в ночи облака,
Снег за стылым окошком идет
И бездонна печаль и тоска,
Но по-прежнему мать сына ждет...

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
Надежда Николаевна

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Я тосковала по тебе.
Твой лик в ночном окне искала.
Свеча в нетопленной избе
Горела и не затухала.

Ты, не пришедший мамин брат,
Стал нынче мне сродни святыни.
О, сколько полегло солдат
На поле брани у Хатыни.

От горя выстыла земля.
И из нее никто не встанет.
Когда явилась миру я,
То мне осталась только память.

* * *

Приходит день. И в нашу жизнь незримо
Врываются, собою все затмив,
Сержант Краснов, служивший под Берлином,
Боец Кравцов, погибший вместе с ним.

И гордо реют праздничные стяги,
И обелисков замирает ряд,
И вижу, как в коляске Дмитрий Брагин
Опять спешит усталый на парад.

Он весь в едином напряженье нервов.
– Что это, братцы? – шепчет губ излом.
Рванулся он весной в атаку первым,
Последним в отчий возвратился дом.

Родилась 9 октября 1956 года в селе Житниково Каргапольского района. Закончила Курганский пединститут. Работала воспитателем детского сада, в редакциях областных газет. В настоящее время – частный предприниматель.

Автор книг стихов: «Надену бусы из дождя», «Ухожу из прошлого», «Память сердца», книг очерков «Курганский щит», «Дороги войны», «За дальним поворотом». Лауреат премии «За оперативность, инициативу, журналистское мастерство» Союза журналистов России и Ассоциации журналистов, пишущих на правоохранительную тематику.

В Союз писателей России принята в 2005 году.

Жена ушла. Зачем такой калека...
Мать плакала. Сынок пришел. Большак...
И говорила то, что человеком
Без ног жить можно. Без души никак.

А он смотрел на близких виновато,
Как будто был на огненной версте.
И вспоминал погибшего комбата.
Остался Мишка там. На высоте.

* * *

Лишь в окно постучится весна,
Как опять по-девчоночьи дерзко
Тетя Даша рванет занавески,
Как ворота, чтоб выйти из сна.
Неужели война?! Тишина...

За окном непроглядная темень.
Но лишь кто-то идет по ступеням
В отчий дом, как в военном году,
Поправляя бушлат на ходу.

То не явь – память в душу стучится, –
Наяву ничего не случится.
Только высохли бусы на нитке
У вчерашней смешливой радистки,
Да уходит она на рассвете
В 43-й.
Опять в сорок третий.

* * *

Подорожник лечит блиндажи,
Зеленью затягивает раны.
Бабушка проснулась майской ранью,
Чтобы вновь воспоминаньем жить.

Никуда от памяти не деться,
Ни покоя нет, ни тишины.
Остается вечной болью в сердце
Сын, не возвратившийся с войны.

* * *

То было в пятницу.
Я видела три часа, может, более...
Коляски пустые у газовой камеры
Катятся, катятся, катятся,
Кричат раздирающе больно.
А дети, сожженные ночью, молчат..
На всех одеялах в горошек и клетку
Лишь гари и пепла чернеющий чад
Концлагерной меткой.
Игрушка раздора белеет в канаве,
Никто ни зайчонка, ни куклу не мучит.
И только пока не расстрелянным мамам
Оплакивать бедную детскую участь.
То был и души, и истории хаос,
И всех не оплакать, что нынче в могилах.

Зачем я опять возвращаюсь в Дахау?

Чтоб не забыла.

* * *

Унесенные ветром,
Как листья с осеннего клена,
Мы по белому свету
Уходим к озерам соленым,
К неприступным горам,
А потом к городам незнакомым,
Но и мысленно там
Мы стремимся к родимому дому.
И в ненастные дни,
Испытав и печаль, и жестокость
Мы бежим на огни
Его ярких и ласковых окон.

РЫЖОВА
Ольга Викторовна

ВАСЬКА-КИТАЕЦ ИЛИ ЧАЛДОНЕЦ

Васька-китаец... Так в детстве дразнили моего дедушку, а все потому, что глаза у него были узкие, как у китайца... Я всегда хотела знать, почему у русского человека были такие глаза, да еще и кожа смуглая.

Родился Воробьев Василий Афанасьевич 31 декабря 1911 года на станции Енисейск Красноярского края, родом из чалдонов, коренных поселенцев, населявших земли Сибири между рекой Чалкой и Доном. Отсюда и такое название – чалдоны (чалдонцы). И сейчас по всей России можно встретить выходцев из Сибири, которые на

вопрос о происхождении назовут себя чалдоном. В Новосибирске существует Государственный ансамбль песни и танца «Чалдоны». К антропометрическим особенностям этнической группы чалдонов относят: большое широкое лицо, желтоватый оттенок кожи (мама всегда жаловалась на свою желтую кожу, доставшуюся ей от отца), монголоидную узкоглазость в детстве (отсюда и прозвище «Васька-китаец»).

Окончил школу семилетку. С юности его отличали такие черты характера, как упрямство (в хорошем смысле этого слова – что задумает –

С детства жила в творческой атмосфере: папа писал картины, мама стихи. Больше 22 лет работает в здравоохранении Курганской области. Активно участвует в работе литературного клуба «Поэтическая горница». Печатается в сборниках литературного клуба, в газете «Театральная афиша», «Зауралье», «Новый мир», «Курган и Курганцы», в литературном журнале «Сибирский край», в электронном журнале Областного художественного музея «Музей и мы». В 2010 году выпустила свой первый поэтический сборник «Грусть о любви» и в 2012 году второй сборник «Море житейское».

Заканчивает филологический факультет кафедра «Журналистика» в КГУ (осталась защита диплома). Сотрудничает с библиотекой имени Шукшина и библиотекой имени Маяковского, недавно стала финалистом Фестиваля свободной поэзии, победительницей творческого конкурса «Моя Маяковка» в номинации «Литературное творчество».

**1939 год.
город Татарск**

сделает), добросовестность. И недаром Омскую пехотную школу имени Михаила Васильевича Фрунзе (сейчас Омское высшее общевойсковое командное училище) в 1930 году он окончил с отличием. Усидчивость, аккуратность, «твёрдая рука» помогли приобрести ему каллиграфический почерк, долгое время он служил при штабах картографом (чертил карты). Его очень ценили военные начальники.

Первые года службы лейтенанта Воробьёва с 1930 по 1935 гг. прошли в Новосибирской области в г. Татарске (там и родилась моя мама) в тайге. С 1936 по 1939 гг. дедушка служил со своей (пока небольшой) семьей в гарнизоне в посёлке Иман (сейчас город Дальнереченск) на реке Иман на границе с Китаем. В то время китайцы часто «шалили», нападая на приграничные советские поселки, особенно «попадало» семьям военнослужащих. И в 1940 г. дедушка был вынужден сменить место службы на г. Иланск Красноярского края.

Войну с Германией дедушкина семья (а в то время уже родился сын) встретила в п. Краскино Приморского края Хасанского района. Почти всю войну он служил на Дальнем Востоке, защищая нашу страну от Японии. Японские самолеты за-

летали на нашу территорию, их сбивали, а раненые японцы часто находились на лечении в наших госпиталях. Мама рассказывала, как они, любопытные ребята, бегали смотреть в госпиталь на японцев. Ещё ей запомнились глубокие траншеи, куда они прятались во время бомбежек.

После войны с Японией дедушку вместе с семьей направили в г. Пхеньян, столицу Северной Кореи. До сих пор помнит мама разрушенные дома, где они часто находили японские разорванные карты, сабли, бинокли. В то время дедушка уже был майором. Страха мама не помнит, наверное, потому, что рядом был отец и такие, как отец, надежные сильные военные, преданные своей Родине, своему народу.

В 1946 году дедушка был направлен на учебу в Московскую Военную Академию. Семья жила в Солнечногорске в Подмосковье.

Место службы в 1950-1953 гг. – Смоляниново, Рязановка, Краскино, Приморский край.

В конце 1953 года дедушка определил свою семью (в 1953 году родилась вторая дочь) на местожительство в город Алма-Ата, а сам вернулся в Северную Корею. В то время нужно было укреплять установленную в 1948 году 38-ю параллель (границу) между Северной и Южной Ко-

Большая семья. 1953 год. Поселок Рязановка

реей. Ему присвоили звание подполковника.

В отставку Воробьев Василий Афанасьевич вышел в 1954 году в звании полковника. В г. Алма-Ата преподавал в машиностроительном институте на военной кафедре. В 80-х годах работал в сберкассе охранником. И кто бы мог подумать, что, будучи уже пожилым мой дедушка поможет защитить сберкассу от ограбления!

В советское время старались не пугать простых людей и не писали в газетах об ограблениях, катастрофах и тому подобное.

Этот случай с моим дедушкой часто вспоминала моя бабушка Воробьева Надежда Алексеевна. Получив удар по голове палкой, дедушка смог

отогнать грабителей (их было двое) и вызвать милицию.

Умер мой дедушка в 1994 году в г. Алма-Ата. Награжден: орденом Красного Знамени, орденом Ленина, медалями “За отвагу” и “За победу над Японией”, несколькими юбилейными медалями.

Мой сын помнит прадедушку строгим, молчаливым, но справедливым. Может, поэтому и он выбрал профессию военного и не жалеет.

*Милый дед, наш родной человек,
Жизнь твоя, лишь одно мгновенье...
Нам прожить бы так же свой век,
Не терять за жизни дверью!*

ГЛАЗА ВАСИЛЬКОВОГО ЦВЕТА...

Почти каждую семью затронула Великая Отечественная война. Кто-то вернулся с поля боя инвалидом, а многие остались там навсегда.

И часто бывало так, что найти место гибели солдата не представлялось возможным. Тогда его заносили в списки пропавших без вести. Некоторые, попавшие туда, пришли домой живыми и здоровыми. Судьба остальных неизвестна.

Вот и мою семью обожгло огненное дыхание этого страшного события в истории нашей страны, под названием ВОЙНА.

Моя бабушка рассказывала мне о своих братьях, а их у нее было пятеро: старший Иван, затем Павел, средний Василий, Леонид и младший Вовочка. Никого не осталось в живых: Иван погиб в первые дни войны, Павел-танкист сгорел в

танке в Берлине 9 мая 1945 года, Василий, вернувшись с фронта раненым, быстро умер, Леонид пропал без вести, младший Вовочка умер еще в первые годы жизни, так как не было возможности его прокормить. Только осталась одна фотография, маленькая и неприметная.

...**Короткевич Леонид Алексеевич.** Худое бледное лицо с правильными тонкими чертами, глаза живые восторженные, говорили, что они были у него василькового цвета. **На этой фотографии ему 19 лет.** После нее никаких вестей от Леонида не было, а потом пришла повестка, что Леонид Короткевич пропал без вести.

Наша семья долго его разыскивала, но всегда получала один ответ: «Не значится». Мне так хочется рассказать о нем, каким он был, какие надежды подавал!

До войны Леня отличался крепким здоровьем и разносторонними интересами. Все ему давалось легко и с радостью. В Интернете я нашла станцию Енисейск, где родился и вырос Леонид, теперь это пригород Красноярска. И еще мне удалось найти знаменитые красноярские столбы (скалы) и один из них называется Дед. По рассказам бабушки это было любимое место, где «Леня лазил».

Может быть поэтому в лыжном спорте на станции Енисейск ему не было равных. Особенно ему удавались прыжки с трамплина с высоты 9-этажного дома. В длину он пролетал на 70 метров, а ведь это было до войны. Сейчас прыгают на 100 с лишним метров. И в рисовании Леня делал успехи, это заметил его учитель рисования. К нему выстраивалась большая очередь. Вся станция желала, чтобы Леня запечатлел каждого жителя на портрете карандашом. На трубе играл, и получалось. Ни один концерт не обходился без его знаменитой трубы!

Искушения... Они подстерегают нас на каждом шагу. И как тяжело порой отказаться, не сбиться с пути. Вот и Леонид не стал исключением. Три товарища решили украсть ценную «штучку» в то

время – патефон. И попались. Им было по 17 лет. И сразу в колонию. Через несколько месяцев началась война. Все говорили, что Леонид в штрафбате, «смывает кровью» свою вину перед Родиной.

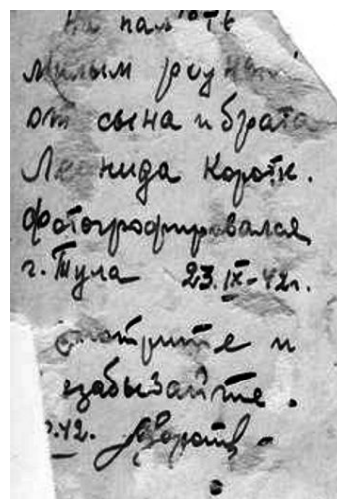
Много интересного узнала я о штрафбатах (хотела найти, где, в какой части служил мой дедушка). Приказ № 227 от 28 июля 1942 года более известен по неофициальному названию – «Ни шагу назад!».

Тем летом войска вермахта прорвали нашу оборону и устремились к нефтеносным районам Кавказа и к Сталинграду. Отступление частей Красной Армии зачастую превращалось в паническое бегство. И Сталин приказал остановить вражеское наступление любой ценой. Власть прибегла к самым жестоким мерам: убегающих с боевых позиций встречал огонь заградительных отрядов. Формировать штрафные батальоны начали под Харьковом, но в результате отступали до Сталинграда. Может быть, здесь и погиб мой дедушка? Фотография датирована сентябрем 1942 года.

Кто же попадал в штрафные батальоны? Поработав с литературой и пообщавшись, конечно, через Интернет, с людьми, служившими в штрафбатах (их осталось, как и всех ветеранов войны очень мало), я поняла, что мои знания и убежде-

ния были ложными. Все мифы тут же рассеялись.

В архивных документах НКВД говорится, что за все годы войны исправительно-трудовые лагеря и колонии досрочно освободили и передали в действующую армию более 1 миллиона человек. Из них только 10 % были направлены в штрафники. Большинство же пополнили обычные линейные части. По приказу № 227 в штрафбаты направляли только «средних и старших командиров и политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости». Эти батальоны насчитывали до 800 человек. А рядовых бойцов, сбежавших с поля боя, посылали в штрафные роты (численность 150-200 человек). Командовали штрафбатами кадровые офицеры. И они получали особые льготы – выслуга месяц за полгода, ускоренное продвижение по службе и

Военная Тула. 1942 год

повышенный денежный оклад. В штрафбатах соблюдали переменный состав (собственно штрафники), направлялись в батальон на срок от одного до трех месяцев. Это были обычные стрелковые формирования с легким вооружением – винтовками, автоматами. Чаще всего их направляли провести разведку боем, чтобы выявить огневые точки противника, взять штурмом высоту, захватить «языка» и т. п. Что же касается “более трудных участков”, то на войне легких и неопасных боевых задач не бывает... Штрафники и гвардейцы бок о бок стояли насмерть. И кому здесь было труднее, кто больше положил жизней во имя грядущей Победы, ответить, пожалуй, никто не возьмется. Штрафбаты оказались исключительно стойкими и боеспособными. Срок в штрафбатах заканчивался либо по времени, либо если солдат искупил свою вину кровью, то есть был ранен. Причём степень ранения не учитывалась. Вот и мой дедушка был ранен и, наверное, вернулся бы домой, если бы...

Единственная фотография из г. Тулы, а может здесь и сложил свою голову Леонид Короткевич? В жестоких оборонительных боях в Подмоскovie и под Тулой в октябре-ноябре 1941 года немецко-фашистские войска были обескровлены и утратили свой наступательный порыв.

Как тяжело ничего не знать и в то же время, как легко. Ведь тогда в любом месте, где воевали штрафбаты, можно склонить голову и вспоминать своего дедушку.

Я нашла фотографию г. Тулы 1942 года. Может в каком-нибудь домишке того времени и находилось это фотоателье, где фотографировался Леонид...

И сейчас, хотя фотография черно-белая, Леонид смотрит на меня своими васильковыми гла-

зами и как будто говорит: «Неважно, что я так и не стал ни спортсменом, ни художником, ни музыкантом. Вы помните меня и этого достаточно. Вы не забыли всех нас, погибших за вас. И за это вам СПАСИБО!».

*День святой.
Солнце майское.
И ни тучки на небе нет.
Ты со мной,
Ветер ласковый,
Но в душе страшный след.*

*Мы склоняем
Пред вами головы,
Ветераны той долгой войны.
Мы теряем
Кусочки памяти,
Добавляется чуть седины.*

*Как нам Вас
Порой не хватает:
И советов и добрых слов.
Уходя от нас,
Так бывает,
Вы уносите память эпох!*

*Шар земной
Как положено, вертится,
Звёздной пыли сдувая след...
День святой.
Солнце майское.
И ни тучки на небе нет.*

Я помню тебя, мой дедушка, и наши дети помнят, и внуки будут помнить, мы постараемся! Спи спокойно!

САМОХИН
Евгений Всеволодович

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Записался на фронт добровольцем.
Для порядка добавил годков,
Потому что был комсомольцем,
Знак носил на груди – ГТО.

Нелегка ты, солдатская доля:
Отступленья...А сердце свербит,
И узнаешь лишь после боя –
Кто поранен, а кто и убит.

Смерть ходила с ним рядом три года.
Зацепило осколком от мин.
Госпиталь. Командиром взвода
Он вступил в ненавистный Берлин.

Все! Победа! Девятое мая!
Жив и счастлив! Войне конец!
В этот день – вот как в жизни бывает –
Подстрелил его немец-юнец.

Очень многих сынов России
В долгожданный победный час
«Гитлерюгенд» огнем скосили,
По-предательски, скрытно от глаз.

Не дожили до жизни мирной.
Миллионы погибло в войне
Молодых и здоровых. Обидно.
В День Победы – обидно вдвойне.

Родился 1 августа 1945 года в городе Катайске. Окончил биолого-химический факультет Курганского пединститута. Служил в пограничных войсках Закавказского военного округа. После службы работал в педучилище, в райкоме комсомола, председателя горисполкома. С 1986 года и до пенсии работал на Катайском насосном заводе. Активно занимался общественной работой. Увлекается рыбалкой и охотой, туризмом.

Стихи писал со школьного возраста. Печатался в газетах, журналах "Урал", "Тобол", "Огни Зауралья". Автор десяти сборников стихов и рассказов.

ВETERАН

Хаземову А. А., заслуженному строителю СССР посвящается

Стоит солдат у обелиска
И вспоминает о былом –
Война прошла по сердцу близко,
Навек сроднивши с костылем.

Когда-то был плясун кудрявый,
В деревне первый гармонист,
И на гармонике трехрядной
Мелькали пальцы сверху вниз.

Перечеркнув все черной датой
И жизнь у многих поломав,
Пришла война, и он солдатом
По ней три года прошагал.

Раненье. Госпиталь. Награда.
А лет всего лишь двадцать пять.
И жить теперь по новой надо.
Как на одной ноге стоять?

Он выстоял, не сник, не спился,
Всю волю, сжав свою в кулак,
И в жизни многого добился
И прожил, дай Бог многим так!

А вот сегодня в день Победы
Не может он сдержать слезу:
Воюют внуки, как их деды.
Вновь раненных бойцов везут.

* * *

Все меньше в строю
Ветеранов,
Все реже
Медали звенят,
И с возрастом
Старые раны
Сильнее и чаще болят.

Ты выдержал все испытанья,
И вами гордится страна:
Победа в трудах и страданиях
Оплачена кровью сполна.

Бой жаркий у Энской речушки.
Приказ был «Ни шагу назад!»
Последний снаряд возле пушки.
И замертво рухнул комбат.

Как много не погребенных
Осталось лежать ребят,
Наградями обойденных,
Прости нас за это, солдат.

Но память о вас в народе,
В сердцах материнских она.
Павший в бою не схоронен –
Не кончилась, значит, война.

САФРОНОВ
Юрий Александрович

ПИСЬМО ОТЦА

История, которую я расскажу, произошла с моим отцом, а письмо, написанное в 1946 году, изменило не только его судьбу...

Светлый, торжественный и немного грустный праздник – День Победы. Утро теплое, солнечное. К десяти часам утра сходятся воскресенцы к обелиску в центре села.

Идут семьями, радостные, весёлые, приветствуют друг друга, поздравляют с праздником. Звучит музыка, несут цветы, памятные венки.

В центре внимания ветераны Великой Отечественной: торжественные, убеленные сединами,

с орденами и медалями на груди, они стоят у памятника – остатки героического поколения, сама история. Осталось их пять из пятидесяти шести, вернувшихся с фронта.

Среди них и мой отец, Сафронов Александр Леонтьевич.

С каждым годом все меньше остается людей из героической когорты победителей.

Митинг окончен, по давней традиции мы (дети, внуки и правнуки) собираемся семьями у отца на праздничный обед. Приносим снесь, бутылку-другую хорошего вина. Разговариваем, вспо-

---

Родился 13 марта 1949 года в селе Привольное Половинского района, образование высшее, учитель. Работал в разных школах района, а с 1987 года живет и работает в селе Воскресенском. Имеет педагогический стаж более 40 лет, в настоящее время преподает русский язык и литературу в Воскресенской основной школе.

С 2003 года состоит в литературном объединении «Половинские родники». Автор книг «Костер души» (к 80-летию района), «У вечного огня», она о земляках-половинцах, участниках Великой Отечественной войны, «Малая родина». В этом же году был принят в Союз профессиональных литераторов. В 2012 году вышли две книги: «Герои хлебной нивы» и сборник стихов и рассказов «Сума поэта». В 2014 году в марте выходит сборник очерков, рассказов и стихов «Охоты радостные дни».

минаем прошлое, просматриваем старые фотографии. Иногда отец рассказывает что-нибудь из фронтовых былей. В этот раз разговор зашел о женитьбе (рассматривали свадебное фото брата).

– Мам, а у вас с отцом свадебных фотографий не осталось? – спросил брат Александр.

– С нашей свадьбы нет, может у отца с первой остались, – едко ответила мать, хитро поглядывая на отца.

– Как с первой?! – удивился брат. – Папк, ты что, дважды женился?

– Было дело в юности, – сухо ватно ответил отец.

– А мы и не знали, рассказывай, давай! – подхватили в голос снохи.

Отец помолчал, пригубил рюмочку и начал свой рассказ.

– ...Было это в сорок втором году, весной закончил я семь классов. Война полыхала вовсю. Взрослых мужиков всех на фронт выгребли, дошла очередь и до нас. У нас в Привольном, я там родился и призывался оттуда, прислали завклубом молоденькую девчущку. Звали её Варя. Летом мы с ней погуливали, а осенью, после уборки, поженились. Ну как поженились? Сошлись да и жили без всякой свадьбы. Отец, правда, ворчал сначала, а потом смирился. Было мне в ту пору семнадцать лет, восемнадцать исполнилось только в феврале сорок третьего. Живем, хлеб жуем, перед самым Новым годом мне повестку принесли.

– Всё, Шурка, твой черед воевать, – напутствовал отец. Бабы в рёв, а он налил мне на дорогу стопку самогона, и начались мои военные дороги.

Сначала в Чебаркуле в школе артиллерийской, а в апреле в эшелоны и на фронт под Харьков. В одном из боёв был ранен и попал в плен. Досталось. Ел баланду в немецких лагерях, работал на фермерских полях, грузил вагоны в Западной Германии.

В марте сорок пятого бежал к американцам. Воевал с ними до самой Победы, закончил войну на Эльбе. После Победы сидел два месяца в нашем фильтрационном лагере. Но всё обошлось,

восстановили в прежнем звании и направили в артиллерийский полк под Берлин, где и дослуживал положенный срок. Писем не писал домой, думал, останусь живой – вернусь сам, а убьют – так и писать незачем.

Два года безвестный, наверное, уже похоронили. А позже узнал, что действительно, в сорок третьем отец с матерью получили извещение, что я пропал без вести.

В сорок шестом вернулся домой старший брат Кузьма, а меня уже считали погибшим, оплакали и отпели.

Варя, вдова молодая, у отца жила. Понятно, дело молодое, и решили они с Кузьмой сойтись, да и мать с отцом не против были. Свадьбу уже назначили, а тут как раз письмо моё пришло. Я уже говорил, что не писал писем, да и не написал бы. Но у нас замполит в полку, дотошный такой. Спрашивает меня как-то: «Старшина, а почему это ты писем не получаешь, да и не пишешь тоже?»

Рассказал я ему про плен и про семью. Он-то и уговорил меня написать то письмо домой, которое изменило судьбу не только мою. Письмо пришло за три дня до свадьбы. Отец как прочитал, так на радостях телку зарезал и неделю гулял с мужиками.

– А свадьба? – воскликнули снохи.

– Какая уж тут свадьба, не состоялась она. Варвара собралась и уехала, а брат Кузьма позже женился на другой. А я вернулся домой только в сорок восьмом году и встретил там вашу мать, молоденькую учительницу. Погуляли недолго, да и поженились.

– Вот такая история с первой женитьбой. А всё война, – закончил свой рассказ отец.

Брат Александр наполнил рюмки и предложил тост.

– Отец, за тебя, за твою нелёгкую судьбу!

Дружно мы выпили за это, обед продолжался.

А майский ветер за окном трепал молодую листву тополей и доносил с озера терпкий запах талой воды.

ПОДВИГ СЕРЖАНТА

Яркое весеннее солнце, чистое голубое небо. Снег слепит глаза вдаль, а рядом он изрыт и исхлёстан пулеметными очередями, посыпан мерзлой крошкой земли. После взрывов и стрельбы, страшного рёва мессершмитов и криков раненых, тишина необычно давит в уши лежащих в снегу. Всё как во сне, словно ничего и не было. Только чёрный, ещё дымящийся трактор с орудием на прицепе, да откуда-то издалека приглушенная команда:

– Отбой тревоги!

Молча поднимаются все и бегут к трактору. Скрип снега под ногами десятков бегущих нарастает и вдруг обрывается. Кольцо солдатских шинелей смыкается, задние заглядывают через голову и плечи передних.

– Что там? Жив, ранен?

– А передние молчат, потом тихо ползут каски со стриженных голов. «Убит», – выдыхают задние. На закопченном снегу, рядом с трактором, лежит навзничь солдат, на груди две опаленные дырки – следы от пуль.

Во время налета, когда люди рассыпались по степи, бросив технику, и зарывались в снег, он нашел в себе силы и мужество и бросился спасать пушки.

Первый трактор с пушкой на прицепе он увел в степь, побежал ко второму, и вот уже второе орудие вытянуто с дороги. Немцы-летчики, видимо, поняли, что этот бегущий под огнем человек бро-

сил им вызов, и весь огонь своих пулеметов они сосредоточили на нем. Самолеты делали один заход за другим, но никак не могли оставить неподвижным на снегу этого смельчака. Солдат заводил мотор четвертого трактора. Пулеметные трассы испарывали снег вокруг, ревели жутко самолеты, проносясь над ним, а он заводил мотор.

Мы видели, как радостно закачали крыльями мессеры, когда пулеметная очередь зажала трактор и опрокинула человека в снег. Хищно блеснув крестами, самолеты развернулись над дорогой и с рёвом умчались на запад.

Молодой лейтенант осторожно расстегнул его шинель, вынул солдатскую книжку и прочел:

– Сержант Манцирев. Челябинская область, Шадринский райвоенкомат, – помолчал и добавил, укладывая документы в сумку:

– А парень не трус, геройский парень!

Похоронили его там же, недалеко от дороги, в степи.

На скромный холмик земли положили солдатскую каску и орудийную гильзу от спасенного им орудия.

После прощального салюта колонна подобралась, построилась и снова двинулась в ноябрь 1942 года, под Сталинград.

Рассказ записан со слов участника Великой Отечественной войны Заболотникова Анатолия Дмитриевича.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Теплый солнечный день. Мы сидим под березами на лесной поляне. Нежные головки подснежников выглядывают из-под прошлогодней травы. По стволу березы вверх-вниз снуют муравьи, где-то над полем, под самым солнцем, льется песня жаворонка.

Сегодня 9 Мая! Праздник Победы! Этот День Победы наполнен ароматом весны, миром, светлой грустью о тех, чьи имена остались на больших и малых обелисках.

Наполнен он современной жизнью, звоном и блеском орденов и медалей на груди фронтовиков, памятью о прошлом.

На солнечной поляне, где после торжественного митинга собрались фронтовики, оживленно. Вот они – два десятка участников войны, все, кто остался в совхозе «Половинский» к этому Дню Победы. С каждым годом их все меньше и меньше.

Поседевшие головы, крупные, оплетенные веннами руки: непривычно чувствуют себя эти люди в праздничных костюмах, светлых сорочках и галстуках. Больше привыкли они к рабочим курткам и сапогам, к физическому труду.

Рядом со мной сидит семидесятилетний Георгий Ефимович Павлов, человек редкой воинской специальности, гвардеец, водитель реактивной установки – легендарной «катюши». Молчаливый, даже замкнутый, как мне показалось сначала, он вскоре разговорился. Подала голос гармошка, неуверенно как-то вначале, но потом всё сильнее и звонче, и вот уже «синенький скромный платочек» взвился в майское небо.

Мы с Георгием Ефимовичем поднялись, перешли редкий березняк и сели на сухом, облитом первой зеленью, пригорке. После моей просьбы рассказать что-нибудь о войне и службе, он вынул папиросу, помял её большими натруженными пальцами, закурил и начал говорить:

– Призвали меня в июле 1941 года. Из Кургана направили в Чебаркуль, в саперную часть, а через две недели набрали команду, и покатали мы в

Иркутск изучать шоферское дело и секретную реактивную установку. А на фронтах, слышим, дело плохо – немцы жмут. Уже в октябре выпустились и снова через всю Сибирь в Европу, в город Богородск, осваивать машины иностранных марок. Через пару недель получили трехосные «Инкеры» и отправились своим ходом в Москву. В Москве машины сдали и получили назначение в разные части. Попал я в 36-й гвардейский минометный полк, потом в 91-й, да так и воевал в нем до конца войны. На четырех фронтах побывал.

И там, где мы бывали, голос наших «катюш» немцу боком выходил. Да и у нас без потерь не обошлось, многих товарищей не досчитались, пока до Берлина дошли. Самого за всю войну даже не поцарапало, каблук только однажды во время бомбежки оторвало вот и всё, – он смял докуренную папиросу. – Были, конечно, и особые случаи, когда стреляли прямой наводкой. Помню, в сентябре 1942 года из-под Москвы нас спешно бросили под Сталинград. Ехали ночами, а днем пережидали в лесах. Прибыли ночью, города не видели, а только трескотня пулеметная да зарево в полнеба. Укрылись в овраге, подкрепляемся. Часа через два рассвело, солнце только из-за горизонта выкатилось, а самолеты уж тучей над Сталинградом, так каруселью и ходят. Силен был ещё немец, наших редко увидишь, а они с утра в воздухе висели. Машины всю ночь снуют, ещё и день прихватывают. Туда – боеприпасы, назад – раненых. Тяжело было под Сталинградом. К полудню приходит наш командир и говорит:

– Через 20 минут три установки подготовить к выезду.

С ним рядом такой маленький солдатик из пехоты, в каске, с автоматом, разведчиком назвался:

– Вы, ребята, не волнуйтесь. Я вас к самому фронту выведу.

Развернули мы машины и друг за другом, то за бугром, то по оврагу поехали. Открытым полем

никак нельзя – в степи, как на ладони, немцы враз сожгут. А у нас приказ – беречь установку пуше глаза. Спустились мы в балку и катим по ней, то там свернем, то здесь повернем. Гляжу кругом и думаю:

– Как бы ты нас, пехота, к немцу в руки не привел этими оврагами. Ничего не видно, что там, наверху? Выскочи в тот момент отделение автоматчиков, мы бы и пропали. Они нас сверху-то до единого бы всех порешили.

Сам думаю так да запальный шнур с детонатором в нагрудном кармане пощупываю. В такой момент машину по инструкции полагалось уничтожить. Не один год возил я для этого случая 50 килограммов тола за спиной, за спинкой сиденья, да, видно, судьба такая, не пришлось выполнять ту инструкцию.

Между тем солдатик знак подал – мы остановились. Из оврага такой пологий, удобный выезд. Мы в машинах остались, а лейтенант с разведчиком наверх поднялись. Минут десять высматривали что-то. Наверху постреливают, а в овраге тишина, солнышко пригревает, тепло, пичуги в зарослях посвистывают, словно и войны нет. Вернулся лейтенант, командует:

– Четверо с лопатами наверх, углубление под передние колёса копать. Бить прямой наводкой будем.

Пока ребята канаву на животах рыли, мы установки в ряд поставили, приготовились к стрельбе и ждем. Моторы на малых оборотах пофыркивают, мины по 16 штук подвешены, каждая по 43 килограмма, осколочные. Скоро ребята вернулись, доложили, что канава готова. Командир собрал нас и задачу ставит:

– В ложбине, в километре отсюда, мотопехота немцев. Мы им во фланг вышли, надо уничтожить и самим живым остаться.

Растолковал он нам всё по порядку, сам наверх пошел. Сидим мы с наводчиком в кабине и команды ждем. Мне первому выпало выезжать на огневую.

В груди так тревожненько постукивает, холодком обдаёт, неудобно. Немцы-то на глазах, в километре всего. Вижу, машет сигнальщик. Даю газ и вперед на подъём. Наверху колеса передние в яму опускаю, наводчик к управлению побежал. Я из кабины не выхожу, мотор не глушу. Смотрю, а впереди, в низине такой кругленькой, – грузовики, бронетранспортеры, мотоциклы, солдаты ящики таскают, выгружают что-то; как на ладони всё. Слышу, лейтенант кричит:

– По пехоте противника – огонь!

Машина дрогнула раз, другой, третий, и полетели наши «гостинцы», только хвосты огненные замелькали. Первые три взрыва хорошо видел, в самый цент ударили, туда, где мотоциклы у них стояли. Колеса да клочки какие-то в воздух полетели, а потом всё дымом и пылью закрыло. После залпа наводчик в кабину прыгает, включаю заднюю и в овраг, на своё место. Вторая машина выходит на огневую. Шестнадцать мин немцам – и вниз, за ней – третья. Пока третья отстреливалась, мы снова мины навесили, да не пришлось второй раз выезжать. Командир отбой дал, повыскакивали мы из машин и бегом наверх, работу свою смотреть. Как большой костер горела низина, рожки да ножки остались от мотопехоты. Мы уже назад ехали, когда немцы опомнились, и на нашей огневой снаряды их тыловой артиллерии начали рваться.

– Пусть лупят, снарядов у них много, – смеялся командир.

За эту операцию объявили нам благодарность от Верховного командования и медали «За отвагу» вручили.

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

– Ну вот, дожили, сестры, братья,
Дают жилье и здесь, и там.
Власть разродилась благодатью
К твоим, страна, фронтовикам.
Но каждый день уходят в Лету
Фронтовики страны Советов.
Отец, отец! Под знаменем трехцветным
Закончил ты многострадальный путь
И до мечты далекой и заветной
Ты не дожил всего чуть-чуть.

– В каких «хоромах» только не живали,
Пожить бы, сын, в квартире городской,
Чтобы пупы с тобой не надрывали
Дровами, снегом, сеном и водой.
В горячей ванне я б попарил тело,
Болит спина, ходить немоготу...
Да жаль, свой газ пустили мы не в дело,

А за границу вывели трубу.
А кран в доме – холодный и горячий,
Открыл – и всё: водица льёт и льёт.
Не надо боле фляги нам корячить,
Да и зимой долбить устали лёд.
Ещё б, сынок, врачам я показался,
Болячки смазал, отдохнуть прилёт.
Да на юга, хотя б разок смотался
И бранны кости бросил на песок.

– Но в мире всё, отец, не бесконечно.
Ты жить хотел, не надрывая жил,
Да не судьба, не вынесло сердечко,
Но кое-кто из ваших всё ж дожил.
Отец, отец! Под знаменем трёхцветным
Закончил ты многострадальный путь,
И до мечты уж близкой и заветной
Ты не дожил всего чуть-чуть.

РВАНИКИ

Было это в далеком 1943 году. Наша батарея вошла в только что освобожденный украинский хутор. Большая часть дворов была разбита артиллерией и сгорела.

Близилась ночь, и наш расчет поместился в одной чудом уцелевшей хате, крытой соломой. Старшина с кухней, как обычно, запаздывал, и мы, уставшие и голодные, с удовольствием вошли в нехитрое жилище, предчувствуя долгожданный отдых.

Её хозяйка, молодая грудастая хохлушка, увидев нас, засуетилась, приговаривая:

– Роднэньки вы мои, да як же мы вас ждали, як ждали, – она усадила нас на лавку у печи. – Щас вас покормлю, роднэньки, рваныками покормлю, – приговаривала она певучим голосом.

Пышная и ладная фигура её в широкой расшитой юбке и светлой блузке деловито металась по хате, обдавая нас пряным запахом женского тела. На столе, выскобленном добела, появилась мука,

и в большом глиняном горшке хозяйка стала заводить тесто. Покончив с тестом, она вытащила из-за печи немецкую газету, чиркнула немецкой спичкой и сунула горящую газету в чело. Потом налила из металлического немецкого термоса воды в большой чугунок, подхватив его рогаком, задвинула в печь, где уже потрескивали, разгораясь, дрова.

В хате было ещё довольно светло, и я стал осматриваться: мазанный глиной пол был чисто выметен, лавки вдоль стен застланы домашними холстами. Выбеленные белой глиной стены у окон обведены синей краской.

Напротив, где мы сидели, составив у ног мешки, у стены находилась широкая деревянная кровать, полуприкрытая свисающей с потолка, тоже беленого, ситцевой синенькой занавеской. Занавеска была задернута наспех и не закрывала часть кровати, застланной немецким солдатским одеялом. На деревянной полочке в углу лежала

початая пачка сигарет, а на гвозде, над изголовьем кровати – офицерский ремень с когтистым орлом на пряжке.

– Да, видно, не мы первые здесь побывали, – шепнул мне в ухо заряжающий Куцов Петро, дошлый и веселый парень.

– Видно, фрицев она не только «рваньками» угощала, – добавил он, многозначительно кося глазами на просторную кровать.

Пока мы закручивали «козьи ножки» и насыпали нашу моршанскую махру, хозяйка мяла тесто на столе и, мешая русские и украинские слова, бойко вещала нам о том, как «трудно» ей жилось при “нэмцах”, и “як оны надоелы”. И что где-то и её “кохане Грицько воюе с погаными”. В светлых круглых глазах её при этом искрилась лукавинка, крылья тонкого прямого носа вздрагивали и, казалось, что она вот-вот расплачется. В печи забулькала вода.

Хохлушка со словами “Щас я рваньки вам здилаю”, прихватив ухват, метнулась к челу и вытащила кипящий чугунок на загнет. Потом захватила горсть муки, решительно поставила левую босую ногу на лавку, обнажив полное белое бедро, посыпала его мукой, оторвала кусок теста и ловко стала раскатывать его на бедре в веревку. Мы остолбенели от неожиданности.

Батарейцы смущенно опустили головы, а Петька, как обычно, не удержался и подперчил:

– А рвать нас с таких рваников не будет?

Отрывая куски от веревки, она бросала их в кипящую воду, не обращая на нас никакого внимания. В хате заметно потемнело, лишь розоватые отблески огня из печи золотили стройную ногу хохлушки. Наконец она закончила работу, и, отряхнув с бедра муку, задвинула чугунок снова в печь. Сняв стекло с керосиновой лампы на стене, зажгла её.

В хате снова посветлело.

– Смотри-ка ты, и лампа керосиновая, – воскликнул кто-то из наших ребят.

Хозяйка легко проплыла мимо нас в сени и вернулась с банкой топленого сала и бутылкой са-

могана. На столе, накрытом чистой скатертью, она расставила глиняные тарелки, стеклянные рюмки. Насыпая горячие «рваньки» в тарелки, она добавляла по ложке сала, приговаривая:

– Сидайте, хлопцы, к столу, вечерять будэм!

Я посмотрел на ребят: с утра голодные, уставшие от тяжелой боевой работы, они судорожно сглатывали слюну и в нерешительности молчали. А хохлушка, приготовив всё на столе, спокойно подошла к зеркалу, вмазанному в стену, стала поправлять свою пышную русую косу, замысловато уложенную на затылке.

– Сидайте, сидайте, хлопцы, господа охицеры завсегда... – она осеклась на полуслове, повернув к нам побелевшее испуганное лицо.

Первым прорвало Петра. Встав во весь рост и, глядя презрительно на хозяйку, он зло и отчетливо произнес, как отрубил:

– Да чтобы я, русский солдат, с этой немецкой подстилкой за стол сел! А вот нюхала! – и он выразительно похлопал ладонью ниже поясного ремня. – Подавись ты своими «рваньками», сучка похотливая, знать бы заранее, снаряда бы не пожалел на хату твою с господами офицерами!

Петро подхватил свой мешок, пнул сапогом дверь и вышел вон. Мы последовали за ним.

На улице, в прохладе ночи, мы закурили и несколько успокоились. Заночевать решили у орудия в ровиках, благо украинская летняя ночь располагала к этому. Закинув вещмешки за плечи, мы цепочкой двинулись к батарее. Навстречу нам кто-то шел, подсвечивая фонариком, оказалось – посыльный из второго расчета.

– А я за вами, братцы, – радостно воскликнул он, – айда ужинать, старшина с кухней приехал.

– Сколько лет прошло! – выдохнул старый фронтовик. – Где те ребята, где тот хутор с хохлушкой? А ведь вспомнились эти «рваньки», – и он усмехнулся.

Этот рассказ поведал мне мой отец, Сафрон Александр Леонтьевич.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

У вечного огня немногочудно:
Мальчишек стайка, да седой старик,
Да в небо устремлённый русский штык,
И мимо мне пройти, поверьте, трудно.

В вершинах елей ветер чуть притих,
И я невольно замедляю стопы.
Умолкни в сердце, мой горячий стих,
Пред теми, кто упал в полях Европы.

Мне видится в литье чугунных плит,
Как в бой уходят маршевые роты,
И в пламени огня Победы светлый лик,
Входящей в Бранденбургские ворота.

Здесь, как у алтаря, стою я, каюсь,
И радостен в душе священный миг.
Здесь свадьба приутихла молодая
С шампанским и букетами гвоздик.

Здесь дух отцов над пламенем витает,
И жизнь свою я вижу до конца.
У Вечного Огня мне время возвращает
Войною унесенного отца.

В нем сорок первого безжалостный огонь,
В нем наша память, наше вдохновенье.
Пусть же выжжет в наших душах он
Болезнь беспамятства и злую тьму забвенья.

САФРОНОВА
Маргарита Валентиновна

ИВАН И ПЕТР
(моим дедам посвящаю)

Иван и Петр, и пламя алых звезд
На мраморе седых мемориалов.
Иван и Петр, и гул военных гроз,
И отсветы вдали сплошных пожаров.

Из Ржева и с Урала два пути,
Два воина, знакомых мне по фото.
Они сумели Родину спасти,
Спасать себя – не главная забота.

Иван погиб, сражаясь под Москвой, –
Пехота устояла в час кровавый.
Под Прагой Петр последний принял бой, –
Шли наши танки за победной славой.

Родные, пехотинец и танкист,
В огне войны не знали друг о друге,
Но судьбы их детей пересеклись,
И в мирной жизни родились их внуки.

Родилась 11 июня 1971 г. в г. Шумиха Курганской области. Является автором двух сборников стихов: «Сирени белые объятья», «И хопод мысли, и сердечный жар». Имеет большое количество публикаций в газетах и журналах: «Вечерняя Москва», «Сибирский край», «Тобол», «Невский альманах» и многих других. Состоит в поэтических сообществах «Родник» (Мишкино) и «Лира» (Шумиха).

Мои дедушки Петр и Иван

ЗА ИКОНКОЙ

За иконкой, в святом углу,
Треугольнички старых писем.
Дедов почерк с годами выцвел,
Я без слёз смотреть не могу.

А в твоих глазах плача нет,
Только нежность воспоминаний...
Стать вдовой в девятнадцать лет,
Посесть от ночных рыданий,

Сына после войны растить,
Мир его озарив улыбкой,
И немим ожиданьем жить:
Вдруг случилось всё по ошибке...

Может, где-то ещё живой,
Искалеченный и не в силах

Сам дорогу найти домой –
Лишь его ждала и любила.
А вокруг обломки войны
И осколки разбитых судеб.

Ты жила заботой страны,
Свято верила: счастье будет –

В Светлом Будущем, для других!
Ради этой высокой цели
Ты работала за троих,
И тебя, увы, не жалели.

Но ты держишь в руках конверт,
И забыта судьбы мятежность,
А в глазах твоих вешний свет,
Вечной женской верности нежность.

ПОСЛЕ ВЫПУСКНОГО БАЛА

Сорок первый, двадцать второе...
Время юности золотое,
Время лучшее взорвалось,
Судьбы вдребезги, в кровь и злость.
Необстрелянные ребята
Уходили от мам в солдаты,
Уходили, чеканя шаг.
Бился в воздухе красный флаг.
С голубятам взлетали птицы,
Приходилось навек проститься
Им с мальчишками со двора, –
Вместо свиста неслось: “Ура!”

Скоро в бой, вместо крыш – окопы,
Танки, мины и самолёты,
Раскалённый железный вал
Под себя полмира подмял.
А в мечтах они для любимых
Рвали розы на стеблях длинных
Или ворох цветов лесных –
Всё осталось в мечтах простых.
Наяву же на память близким –
Краснозвёздные обелиски.
Ярче звёзд тех военных дней
Не найти во Вселенной всей.

ВЫСОКИЙ ФЛАГ

Он воевал и жил без передышки,
Артиллерист, по праву, бог войны.
Его давно не слушают мальчишки
Другими играми увлечены.

А он всё там, вдали, в разгаре битвы,
Прицелен взгляд, готова мстить рука,
И лучшие друзья его убиты,
Сам жив молитвой матери пока.

“Послушай, дедушка, прошло полвека,
Пора ослабить памяти струну”,
Но боль горит в глазах у человека,
Однажды победившего войну.

Забудь попробуй, как лежал в траншее,
Засыпанный январскою землёй,
И как шептал, в тяжёлой тьме седея:
“Ребята, ройте, я ещё живой!”

Сидит, склонившись над медальной грудой,
Вытаскивает снизу ордена,
Рассказывает мне какой откуда,
И в каждом кровь и горькое “до дна” .

Он время наше яростно ругает,
А мы с улыбкой терпим старика.
Он мудр, но как нас убережёт, не знает,
От сладкой жизни, суть её горька.

Давно седой, судьбу побед проживший,
Герой войны, герой труда, прости.
Ты суд наш самый строгий, самый высший,
Но мы полегче выбрали пути.

И всё же мы с тобой одной породы,
Того же корня, только молодняк.
Свои у нас бои, свои походы,
А жизнь твоя для нас – высокий флаг!

ГЛАВА ИЗ ПОЭМЫ “СЛУЖУ ОТЕЧЕСТВУ”

В лихие времена Россию
Спасала доблестная рать.
Враги удары наносили,
Мечтая Русь к рукам прибрать.

Урал стал камнем преткновенья –
На кряжистый страны костяк
Давно направлены стремленья
Восточных, западных вояк;

Своих земель всегда им мало,
Их помыслы не изменить;

Владенья наши до Урала
Не перестанут их манить;

Нам улыбаются учтиво
И предлагают мирно жить,
Пока достоинство в нас живо
И силы есть Руси служить.

Всем истины известны эти,
Но мы должны их повторять,
Чтоб не забыли наши дети
Науку в битвах побеждать.

ГЛАВА ИЗ ПОЭМЫ “СКАЗАНИЕ О РОДНОМ КРАЕ”

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Войны громада взорвалась
В судьбе страны, от бед уставшей,
Но вся России поднялась
Навстречу лаве, все сжигавшей.
Горел в сердцах далекий фронт
За каменной грядой Урала,
Тогда сибирский наш оплот
В Победу сделал вклад немалый.
Тяжелый эшелонный шум
Звучал ответной канонадой.
Скрывалась боль тревожных дум
За песней боевой отрядной.
Сибирской рати не впервой
Громить врага умом и силой.

«Вернулся бы живым домой», –
У неба Женщина просила.
Но, глубже спрятав боль кручин,
В тылу за армию в ответе,
Сумели заменить мужчин
Их жены, матери и дети.
К победному святому дню
Четыре года шли солдаты,
И наши земляки в бою
Свой подвиг совершили ратный.
Молитва сберегла не всех.
Погибшим –obelisks слава.
Живым – весенний первый сев,
Житейских мирных дел начало.

23 ФЕВРАЛЯ

Старательно рисуют малыши,
Как папы их сильны и хороши –
От всех невзгод надёжная защита.
Для папы лётчика, певца, таксиста,

Учителя, поэта, моряка...
Уверенная детская рука
Рисует подвиги, бои, награды.
Все папы – победители, так надо!

СЕМЕНОВА
Ирина Николаевна

ВНОВЬ РАССВЕТ... (ПАМЯТЬ СОЛДАТУ)

Вновь рассвет за окном мне напомнил о том, что когда-то,
Не сейчас и не здесь поутру падал дождь из свинца.
Перед боем не спали в окопах простые ребята
И, не зная молитв, все ж просили за жизнь у творца.

Поднимались в атаку, крича не от страха и боли,
И ни шагу назад не посмели тем утром ступить.
Там остался лежать парень с крестиком в сжатой ладони,
Что дала ему мать и просила у сердца хранить.

Поле боя давно заросло, затянуло бурьяном.
Только шрамы видны, что остались от прошлой войны.
Сердце ноет опять, кровотока открывшейся раной,
Словно прошлая жизнь ворвалась в мои мирные сны.

Родилась и выросла в Кургане. Стихи начала писать в 2008 году. 23 года работает на Курганской ТЭЦ. Любит природу родного края, книги, театр, фото. Посещает городской литературный клуб «Поэтическая горница». Печаталась в сборниках литературного сообщества «За маской музы» - «Мы открываем истинные лица» (г. Пермь), в альманахе «Мир в слове» (г. Чита), в газете «Будуар». В 2014 г. у нее вышел первый сборник стихов «Наваждение».

Дважды лауреат Международного фестиваля «В стенах «серебряного века», в марте 2013 г. на фестивале «Свободной поэзии», проходившем в г. Кургане, получила диплом финалиста.

МЕНЯ, НАВЕРНОЕ, УБИЛИ НА ВОЙНЕ...

Меня, наверное, убили на войне.
Во сне я слышала – свистели пули,
И было лето, и конец июля...
Земля дымилась, плавилась в огне,
А жить хотелось, кажется, вдвойне.

Меня, наверное, призвали, как и всех,
Винтовку дали – и на фронт, как в пекло.
Горело небо и на землю пеплом

Ложилось, словно обожженный снег.
И дикий страх в глазах, что смотрят вверх.

Меня, наверное, не зря пугает вновь
Напоминание о той войне любое.
И не могу никак найти покоя...
И даже на пороге длинных снов
Бьет пуля под лопатку... больно... кровь...
...Меня, наверное, убили на войне....

ВОЙНА

Земля примеряла войну на себя.
Заплакали, листья роняя, березы.
А юный мальчишка, седой и серьезный,
В молчаньи стоял у могилы, скорбя.

Вновь небо темнело от злобы врага,
Вновь падали пули в кипящие реки,

И смрад над землею, казалось, навеки
Повис, как туман, застилая глаза..

А смерть на войне, как обычно, кружит,
Смеётся, танцуя в убийственном пекле,
И боль на ветру рассыпается пеплом,
И алою кровью тот пепел расшит...

С НАДЕЖДОЙ В СЕРДЦЕ

Не скрыть за улыбкой всю боль растанья.
Когда репродуктор сказал им: “Война!”...
А был пик июня, стояла жара.
Она прибежала к нему на свиданье,
Вновь были объятия и обещанья...
И страшная фраза: – Прости, мне пора...

И сжалось сердечко от страха и боли.
На плечи легла шаль, скрывая озноб,
А пыль придорожная – кошкой у ног.
И корочка хлеба, почти что без соли,
В год страшной блокады, лежит на ладони,
А в сердце надежда, молитва и Бог.

КАЛЕНДАРЬ НА СТЕНЕ

По усопшим давно не поются псалмы,
Не текут слезы горькой утраты.
Календарь на стене от весны до весны
Отмеряет печальные даты.

Словно в памятный лист, мы заносим туда
Имена самых близких ушедших.

И кружком обведем дату, что сквозь года
Нам напомнит о всем отболевшем.

Зажигаем свечу, каждой дате свою,
Вспоминая того, кто был дорог.
И у Вечных огней, словно вновь на краю
Боя, что был короток и... долог.

СЕРКОВ
Владимир Трофимович

КОМАНДИРАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Эта встреча состоялась в 1994 году. Через пятьдесят лет мы, выпускники Таллинского военно-пехотного училища, из разных концов бывшего Советского Союза собрались в Тюмени. Училище было эвакуировано сюда во время войны.

Шли ожесточенные бои под Сталинградом. Фронт остро нуждался в офицерских кадрах. Нас, 18-летних пацанов, призвали в армию и направили в училище. Подготовка шла по сокращенной программе. Условия обучения были суровыми: ежедневно десять часов занятий в поле или на стрельбище и два часа самоподготовки. Кур-

сантов учили тому, что необходимо на войне. Учили стать командирами, готовыми вести в бой подразделения и нести полную ответственность за выполнение поставленной задачи.

Если говорить откровенно, вначале мы этого не осознавали. Понимать начали к концу обучения, а окончательно – когда прибыли на фронт.

Вспоминая о том времени, особо хочется рассказать об офицерах, которые нас учили и воспитывали, закладывали в наше сознание основы военных знаний и командирских качеств.

Нашим командиром взвода в училище был лей-

Родился 20 мая 1925 года в д. Сосновке Куртамышского района. В 1940 году после окончания 7 классов школы работал электромотористом. В январе 1943 года призван в Красную Армию. После окончания Таллинского военно-пехотного училища (в г. Тюмени), в 1944 году, в должности командира пулеметного взвода направлен на фронт. Участвовал в боевых действиях на 3-м Белорусском фронте при освобождении Белоруссии, Прибалтики, и на 1-м Украинском фронте при освобождении Чехословакии. По окончании Великой Отечественной войны был оставлен в кадрах Советской Армии. Проходил службу в различных округах, военным советником, во время израильско-египетской войны. Закончил службу в 1982 г. в г. Кургане, в качестве начальника военной кафедры в звании полковника. Награжден 5 орденами и 22 медалями.

Возглавлял Зауральское генеалогическое общество им. П. А. Свищева. Написал и опубликовал 7 книг.

тенант Лунин Михаил Иванович. В других взводах лейтенанты: Черенков, Жиков, Чиянов, Дерябин. Они в совершенстве знали военное дело, были хорошо физически развиты, а в строевом отношении являлись эталоном, на который равнялся каждый из нас. В повседневной жизни и учебе личным примером преподносили уроки требовательности и дисциплины.

Вместе с тем вели себя просто, тяготы службы делили вместе с нами, за что пользовались исключительным уважением.

Помнится, на тактических полевых занятиях произошел такой случай. Курсанты, ежась в шинелях на 25-градусном морозе, то и дело топали ногами, обутыми в ботинки, подпрыгивали, чтобы согреться. В перерыве на замечание лейтенанта Лунина по этому поводу кто-то из курсантов сказал: “Конечно, сапоги с носком и шерстяной портянкой – не ботинки с обмотками, можно и не подпрыгивать”.

К нашему удивлению, Лунин тотчас снял хромовые сапоги и показал ногу в одном тонком носке. От удивления мы только молча переглянулись. Сказать было нечего. А взводный спокойно продолжал занятия, будто ничего не случилось. Что ему холодно, мы определяли по губам взводного: они становились у него иссиня-черными.

Время было трудное и, хотя курсантская продовольственная норма считалась хорошей, нам всегда хотелось есть. Физическая нагрузка была очень большая, особенно на полевых занятиях, да к тому же мы еще и росли.

Курсант Вася Емельянов в разговоре как-то сказал: “Хорошо офицерам, их кормят лучше. Вот нам бы так питаться”. Лейтенант Лунин возразил: “Это не так”. Заспорили. Кончилось тем, что взводный сказал: “Емельянов сегодня пойдет в офицерскую столовую вместо меня, а я – в курсантскую.”

Вася пришел расстроенный, признался, что проиграл: “Да, офицеров обслуживают культурно, молодые официантки подают на стол блюда, а кормят хуже”. Действительно, офицерская продовольственная норма была в то время ниже кур-

сантской. После таких уроков любителей спорить и говорить о преимуществах командиров не находилось. Наш взводный своим примером воспитывал в нас чувство достоинства, в котором уживались высокая требовательность к себе с удивительной скромностью. Он отстаивал интересы курсантов во всех случаях нарушения их уставных прав или распорядка дня, никогда не выпячивал себя и не требовал особого внимания. Считал, что если работаешь хорошо, начальство отметит твое усердие по заслугам.

Во время обеда, организованного в честь полувекового юбилея училища и нашей встречи, Владимир Кормин обратился к нашему бывшему командиру со словами: “Михаил Иванович, многие качества, которые мы обрели в училище, помогали нам жить и воевать на фронте и успешно трудиться, когда стали штатскими людьми. И если в нас есть что-то хорошее, считайте, что в этом есть ваша заслуга и ваших товарищей”.

В этих искренних словах было выражено наше общее мнение. Через всю жизнь мы гордо пронесли воспитанное в нас чувство достоинства и офицерской чести, хотя у каждого из нас судьба сложилась по-своему. Я, например, жизнь посвятил службе в армии. Как всякому военному, мне приходилось очень часто менять место жительства, быть свидетелем, а иногда и участником важных для Отечества событий.

И вот, снова встреча со своими товарищами, со своим первым командиром Михаилом Ивановичем. Он после Великой Отечественной войны тоже продолжал служить в армии. В шестидесятых годах демобилизовался и достойно трудился долгое время на гражданских предприятиях. Теперь Лунин, как говорят, на заслуженном отдыхе, живет в Тюмени. Немолод, но бодр, энергичен, активен и скромен, как в былые времена. У него два сына, оба офицеры, закончили высшее военное училище, которое в свое время закончил отец. Только оно теперь стало военно-инженерным. В прошлом году стал лейтенантом и его внук. Военная династия Луниных – замечательных офицеров продолжается.

ДВА КАПИТАНА

Во время встречи разговорились о первых фронтовых впечатлениях, о том, как пришлось вживаться в роль командира, да еще в боевой обстановке. Разговор шел и о первых командирах, которые как бы приняли эстафету нашего воспитания и обучения на фронте.

Командир всегда на виду. Оно и действительно так. Воля командира, черты его характера часто передаются подчиненным.

Участник штурма Кенигсберга Саша Скворцов, наш однокашник, в разговоре назвал своего фронтового командира роты вторым крестным отцом. “Когда я получил назначение и прибыл на КНП батальона, за мной пришел командир пулеметной роты капитан Шаршалов, – начал свой рассказ Саша. – Он должен был провести меня на передний край обороны и представить взводу. Местность очень простреливалась, и днем мы идти не рисковали. Когда начало темнеть, двинулись в путь. Только вышли на открытое место, немцы открыли по нашим позициям сильный артиллерийско-минометный огонь. Снаряды и мины рвались почти рядом. Капитан крикнул: “Ложись!” И мы оба упали на землю. Но мне вдруг показалось, что следующая мина обязательно упадет туда, где я лежу. Непонятная сила меня вмиг подняла. Я заметался по полю: то падал, то, обезумевши, снова куда-то бежал. Рвались мины, свистели осколки. Не помню, сколько времени это продолжалось. Почувствовал, что кто-то прыгнул на меня сзади, с силой прижал к земле, смачно выругавшись, держал до тех пор, пока обстрел прекратился. Это был мой командир роты. Всегда, вспоминая об этом случае, я испытываю чувства благодарности к своему командиру и неловкости за свое поведение”. Сашу попросили продолжить о Шаршалове.

– Мой первый ротный был своеобразным человеком, не очень разговорчивым, но требовательным до мелочей. Солдаты его любили. Он, как отец, всех их знал и называл только по имени. На фронте был с первого дня войны. Начиная рядовым пулеметчиком. За три года боев ни разу не

ранен, что на фронте случается редко. Девять раз был награжден орденом Красной Звезды. Его представляли и к более высоким наградам, но всякий раз он получал все тот же орден.

Командиром стрелкового батальона майор Шаршалов принимал участие и в войне на Дальнем Востоке. Константин Константинович Рокоссовский, увидев майора Шаршалова при его орденах, воскликнул: “Эти Красные Звезды больше Золотой Звезды Героя стоят!”

Вспомнил тогда и я своего командира роты, с которым довелось воевать на фронте.

Наша зенитно-пулеметная рота была только что сформирована в городе Пунске. Командирами всех взводов были назначены выпускники нашего училища: Саша Бовкун, Тимофей Лушиков, Юра Козырев, Коля Дворядкин, Валя Бусыгин и я. Это было необычное подразделение. Шесть взводов. На вооружении 18 крупнокалиберных пулеметов ДШК. Рота входила в штат стрелковой дивизии и была предназначена для поражения легкобронированных наземных целей и низко летающих самолетов. Действовала в составе боевых порядков первого эшелона как в наступлении, так и в обороне. Имела свой штаб, передвигалась на автомобилях.

После короткого марша мы выдвинулись на передний край и заняли огневые позиции. Наша 331-я и соседняя 88-я стрелковые дивизии в это время вели тяжелые бои с немцами за город Гольдап в Восточной Пруссии.

Командиром роты был назначен капитан М. Хренов. По его форме офицера-артиллериста можно предположить, что до прибытия к нам Хренов служил в артиллерийской части или при штабе: офицеры-общевойсковики в штабах обычно предпочитали носить форму артиллеристов или танкистов. Чувствовалось, что своим назначением капитан недоволен. При знакомстве нам не понравилось его надменно-снисходительное отношение к командирам взводов, стремление подчеркнуть во всем свое превосходство, отсутствие внимания к нашим просьбам и мнению. На огневых позициях он бывал редко, а если появлялся, то всегда после беглой проверки делал

**Город Фриденберг, Германия. 24 мая 1945 года.
Младший лейтенант Владимир Серков – третий слева**

“накачку”, которая выражалась в окриках, упреках, угрозах за упущения и недостатки. Меня это очень раздражало. Я знал об упущениях сам. Знал, что нужно их не допускать, а вот как это сделать умел не всегда в силу своего недостаточного опыта, хотя и очень старался.

При наступлении взвода роты действовали в боевых порядках на переднем крае совместно с подразделениями, которым придавались. Но случалось, что и решали задачи централизованно. Командир роты должен был руководить подразделением, но его обычно в таких случаях на месте не оказывалось. Командирам взводов приходилось принимать решения самостоятельно.

Ротный предпочитал держаться за взводами в тылу на почтительном расстоянии. Он обладал

особым чутьем: как только обстановка осложнялась, неожиданно исчезал. Появлялся тогда, когда все более-менее нормализовывалось. Давал указания, на кого-нибудь “спускал кобеля”, по выражению Тимофея Лущикова, и уезжал в штаб. Такие методы командования раздражали и огорчали нас.

После тяжелых боев в городе Ландсберге и выходе из окружения нас отвели на несколько дней на отдых. Неожиданно меня вызвал командир роты. После паузы (что означало – разговор будет серьезным) задал вопрос:

– В вашем взводе нет пулемета. Доложите, где и при каких обстоятельствах он утерян?

Я был в недоумении. Накануне мы представили сведения о наличии имущества и вооружения.

– Пулемет по вашему устному распоряжению передан в другой взвод.

– Ничего не знаю. У вас утеряно оружие и вы ответите за это по всей строгости закона.

Ротный еще долго отчитывал меня, сожалея о том, что и он из-за таких горе-командиров, как я, может пострадать...

В то время утрата оружия означала – суд военного трибунала. Я повторил, что пулемет передан по его приказу, а свидетелями были бойцы двух взводов. Ротный потребовал написать объяснительную и, угрожая, ушел.

Было проведено расследование. Оно подтвердило мою невиновность, а командир роты получил взыскание.

В войну утрата оружия влекла суровое наказание виновных. На моей памяти такой случай. Шли ожесточенные бои за город Гольдап. Он несколько раз переходил из рук в руки. Фашистам, сосредоточив крупные силы, удалось овладеть нашими позициями. В одной из рот ранили командира расчета и наводчика пулемета “Максим”, а пулемет оказался на территории, занятой немцами. Командир полка приказал командиру взвода найти и вернуть пулемет, в противном случае ему грозил суд.

Взводный с тремя бойцами ночью пробрались к переднему краю немцев, нашли пулемет и принесли в подразделение. Этому радовались мы все.

Единственное, чему мы завидовали – всегда образцовому внешнему виду командира роты. Лицо чисто выбрито, на голове сшитая по заказу фуражка, обмундирование тщательно подогнано, подворотничок свежий, на ногах начищенные до блеска хромовые сапоги, сшитые ротным сапожником, на руках перчатки. Выглядел капитан Хренов всегда блистательно.

Справедливости ради скажу, мы тоже были на фронте не ангелами. Было за что нас ругать, а порой и наказывать, но чаще – помогать толковым советом, учить.

Два ротных командира, два капитана: Шаршалов и Хренов. А какая большая разница между ними!

Во время войны сама жизнь обнажает челове-

ка, дает точную оценку “кто есть кто.” В условиях мирного времени распознать личное кредо человека гораздо труднее. Наверное, потому многие звезды на погонах еще не гарантия тому, что человек сможет оправдать их блеск в минуты испытаний.

НАМ БЫЛО ЕСТЬ С КОГО БРАТЬ ПРИМЕР

В молодости, когда формируются взгляды на жизнь, мы всегда встречаем людей, которым симпатизируем, вольно или невольно начинаем подражать. Для меня таким человеком на фронте был командир нашей дивизии генерал Берестов. Биография его обычна для людей того времени.

Выходец из крестьянской семьи, службу начал еще в российской армии, участвовал в Гражданской войне. Военное образование получил на пехотных курсах в 1920 году и на курсах “Выстрел” в 1941 году, накануне нападения фашистской Германии. Дивизией командовал с 1942 года.

Впервые я увидел его на командно-наблюдательном пункте. Нас, только что прибывших офицеров, привели туда, чтобы ему представить. Беседа была короткой, генерал с трудом сдерживал раздражение, был немногословен. Шли бои за город Гольдап. Как мы поняли из разговора, в тот момент захлебнулась очередная атака наших подразделений.

На вид ему было лет сорок пять. Среднего роста, крепкого телосложения, голова его гладко выбрита, голос с хрипотцой, черты лица жесткие, подвижные, стремительный взгляд серых глаз выражал уверенность и волю.

Позже, вспоминая эту встречу, я понял, что именно такой человек, обладающий большим боевым опытом и сильным характером, был в состоянии принять решительные меры и организовать отпор немцам, окружившим наши войска в городе Ландсберге.

А события развивались так. Второго февраля 1945 года после штурма частями 331-й и 88-й стрелковых дивизий немецко-фашистские войска оставили город Ландсберг, лишившись последней надежды на поддержание оперативной

связи с кенигсбергской группировкой.

Наше командование, учитывая вероятность контрнаступления немцев, приняло меры для прикрытия наиболее опасных направлений.

Третьего февраля обстановка резко изменилась. Фашисты, сосредоточив превосходящие силы пехоты и танков севернее, западнее и восточнее города, начали контрнаступление. Им удалось замкнуть кольцо окружения наших войск в городе, захватить и разгромить тылы двух дивизий в поселке Грюнвальд.

Я не стану заниматься определением всех субъективных и объективных причин, по которым наши войска оказались в столь сложном положении, они безусловно были, но на одной из них – остановлюсь.

После взятия Ландсберга нашими войсками я пошел в город, чтобы найти штаб роты и установить с ним связь. Меня поразила полная неразбериха. Улицы забиты машинами, повозками, полно нетрезвых солдат, офицеров. Крики, ругань, стрельба.

Оказывается, в городе было много винных магазинов. Когда части дивизий его заняли, началось пьянство. Подразделения перемешались на узких улицах и переулках. Управление войсками на какое-то время было потеряно. Генералу Берестову в этой обстановке было приказано командармом возглавить управление боевыми действиями окруженных войск.

В этой сложнейшей обстановке генерал Берестов быстро навел порядок и дисциплину, восстановил управление войсками. Им были созданы оперативные группы с неограниченными полномочиями. Они из бойцов независимо от принадлежности к частям формировали подразделения для обороны города и отпора врагу. Приданный дивизии самоходный артиллерийский полк использовался в качестве подвижного резерва, который, маневрируя по городу, направлялся туда, где создавалась особенно тяжелая обстановка. Были приняты другие меры, повышавшие стойкость обороны. Попавшие в окружение части выстояли, но цена этому была велика.

В начале марта я получил необычную и ответ-

ственную задачу, которую прежде выполнял со своим взводом Саша Бовкун – постоянно сопровождать подвижный командный пункт (ПКП) командира дивизии. В тот же день я прибыл в штаб и представился адъютанту комдива капитану Сердцелобову, получил инструктаж.

Генерал был человеком энергичным и деятельным. Считал за правило знать обстановку из первых рук, быть там, где решается успех дела. Он неожиданно мог появиться на командном пункте полка, батальона и даже на переднем крае. За это его уважали и побаивались.

ПКП представлял собой открытую американскую машину высокой проходимости “Додж”. Генерал всегда садился рядом с водителем. В открытом кузове размещались: адъютант, иногда офицер-оператор, радист с радиостанцией и пять-шесть автоматчиков охраны. Генерал возил с собой двухпудовую гирию, которой любил “побаловаться”, и толстую трость. Я не видел, но очевидцы рассказывали, что в критических случаях генерал использовал трость, как самый убедительный “аргумент” своей власти. Ездил быстро. Если мы отставали на своем “газике”, выражал недовольство.

Как-то одному из стрелковых полков было приказано овладеть сильно укрепленным населенным пунктом Хассельпуш. Наступление развивалось успешно. В это время на командном пункте полка, расположенном в фольварке, появился командир дивизии. Следом за ним – мы. С ходу заняли позиции.

Неожиданно обстановка резко изменилась. Плотным огнем из пулеметов и орудий прямой наводки наши подразделения были остановлены. С десятка “фердинандов” и пехота немцев пошла в контратаку.

В фольварке скопилось много людей, лошадей, повозок. При отходе все пытались укрыться здесь. Немцы сосредоточили по фольварку сильный артиллерийско-минометный огонь. Небольшой двор превратился в сущий ад. Осколки мин и снарядов буквально косили людей.

Мне сообщили, что командир дивизии едет в штаб. По установленному правилу я должен был

его сопровождать, но произошло непредвиденное – исчез шофер.

Раздумывать было некогда, изготовились для открытия огня по наступающей пехоте. Как только немцы подошли на дистанцию поражения, оглушая громкоголосными очередями фольварк, заработали пулеметы взвода.

От огня противотанковых орудий, густо чадя, загорели три “фердинанда”. Точный огонь наших минометов и артиллерии с закрытых позиций завершил дело. Контратака немцев захлебнулась.

Шофера мы обнаружили в лесопосадке, недалеко от фольварка. Он в начале боя, видимо, испугался и побежал. В это время осколком мины был ранен в шею.

В штабе мне пришлось объясняться перед генералом о причине нашей задержки. Подумав немного, он сказал: “И правильно поступили, молодцы!”.

Вечером ко мне подошел капитан Сердцелюбов и сказал, чтобы я на наиболее отличившихся бойцов сделал представления к награждению медалями.

Наступление наших войск продолжалось. Преодолевая отчаянное сопротивление врага, в конце марта наша дивизия совместно с другими соединениями овладела городом Хайлигенбайль – последним оплотом немцев на побережье Балтийского моря юго-западнее Кенигсберга.

Под командованием генерала Петра Филипповича Берестова дивизия прошла боевой путь от Вязьмы до Чехословакии. Это был талантливый командир из народа, сумевший с блеском проявить свои способности на полях Великой Отечественной войны. За умелое руководство войсками в сложных условиях, за мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был награжден двумя орде-

нами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени и многими медалями.

После войны наши пути сошлись в городе Запорожье. Генерал после курсов усовершенствования был вновь назначен командовать стрелковой дивизией, где я служил.

Правда, вскоре я получил назначение по службе на Курильские острова. Но до сих пор вспоминаю этого боевого генерала, талантливого военачальника и чуткого человека, с которого многие молодые офицеры “лепили” свою судьбу.

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

СЛОБОДЧИКОВА
Надежда Михайловна

ОЖИДАНИЕ

Как за синим бором мать простилась с сыном...
Поселилось горе за высоким тыном.
За высоким тыном тихий шепот в хате:
“Помоги и Ты нам в горе, Божья Матерь.

В горе, Божья Матерь, дай же Ты нам силы,
Застелю я скатерть, буду ждать я сына.
Буду ждать я сына год и два, и боле,
Жизнь невыносима от тоски и боли”.

От тоски и боли матери по сыну
Стали в чистом поле, как костры, рябины.
Как костры, рябины на ветру плавают.
Мать чужого сына в гости зазывает,

В гости зазывает да за белу скатерть:
“Посиди за сына, горек час утраты...”

ТОСКА О СЫНЕ

Сыплет непогодушка. Осень у крыльца.
Тяжела головушка: думам нет конца.
Ветры дуют буйные, осыпают лист...

Молит мать сыночка: “Милый мой, проснись,
Поднимись, соловушка, ненаглядный сын,
Все придут на праздник май, не придешь один,
Запоют застольную... Знал, как запевать.
А от песни думы будут наплывать.
Поплывут те думы в поле и в село,
Где твое, родной мой, детство протекло,
Побежишь ты, маленький, снова босиком
Без коня лихого на пруте верхом
По дороге пыльной к речке на песок,
Долго будет слышен детский голосок.
А когда опомнюсь... нет того давно...
Дуют ветры буйные и стучат в окно...”

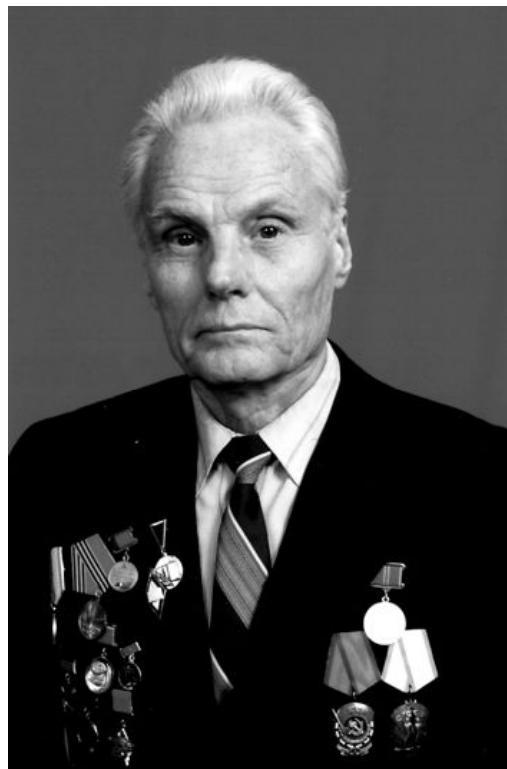

Родилась в 1929 году в селе Дубровном Мишкинского района. Проживает в городе Кургане. Автор двух сборников стихов и пяти книг прозы. В прошлом — заведующая гостиницей Курганского машиностроительного завода. Ее стихотворения о войне — личные и семейные переживания того периода времени.

СМЕТАНИН
Александр Михайлович

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ. ПИСЬМА С ФРОНТА

Жизнь... Совсем иная, с иными заботами и иными тягостями, несоразмерными с теми, что были еще вчера.

В конце июня 1941 года провожал Терентий Семенович своего старшего сына Константина не на учебу – на войну. Сын ушел на фронт, когда ему едва минуло 18 лет. Ушел пасмурным днем, прямо с покоса, обтерев пучком травы косу и бережно опустив ее на отаву.

И не вернулся больше в Мальцево.

Осенью 1941 года получил повестку и Т. С. Мальцев – его призвали в трудовую армию в возрасте 46 лет. Простился он с домочадцами, с колхозом, родными полями, приехал на призывной пункт в г. Шадринск.

Но кто-то спохватился: такой хлебобоб не на лесозаготовках, не на заводе нужнее, а здесь – на колхозном поле, на хлебном фронте. И вернули

Родился 8 марта 1928 года в деревне Груздево (ныне Шадринского района) в крестьянской семье. Окончил Шадринский учительский и Курганский педагогический институты. Прошёл все педагогические ступеньки от преподавателя до директора школы-интерната. Вся его жизнь связана с образованием и воспитанием молодого поколения.

В 1971 году был избран секретарём Шадринского райкома КПСС. С 1977 по 1988 годы работал председателем Курганского обкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. В настоящее время — председатель правления Курганского областного отделения Международного общественного фонда «Российский фонд мира», председатель комиссии по делам молодёжи областного совета ветеранов и председатель совета старейшин Главного управления образования Курганской области. Почетный гражданин Курганской области.

Им проделана большая работа по созданию областной Книги Памяти, увековечению памяти дважды Героя Социалистического Труда Терентия Семёновича Мальцева, пропаганде его научного и духовного наследия. Во многом благодаря его усилиям создан Дом-музей Мальцева, сохранены богатейший архив и ценнейшая библиотека Терентия Семёновича.

Награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», Дружбы, рядом медалей, почётными грамотами и дипломами федеральных и региональных организаций, является лауреатом премии имени Т. С. Мальцева.

Аттестат
Константина
Мальцева

его, бронь дали, чем приравняли к особо нужным в тылу людям. Пожалуй, он был единственным в стране хлеборобом, которому воюющая Отчизна, находясь в смертельной опасности, выдала бронь на все годы войны. Выдала и сказала: твой фронт здесь, и хлеб твой – тоже оружие. Нет, больше, чем оружие, он – жизнь.

И Терентий Семенович доказал своими делами, всей своей жизнью верность такого утверждения. Детей у него тогда было шестеро: 3 мальчика и 3 девочки, старший – сын Костя. Как-то на одной из наших встреч Терентий Семенович поделился своей горечью: «Чем дальше живу, тем острее боль в душе... Он был моей надеждой. Я хотел ему передать своё дело и знаю, он бы завершил его с честью... Он тоже знал и готовился к нему».

Наверное, и Костя повторил бы вот эти отцовские слова: «Не мог я уйти от поля, оно не отпустило бы меня, потому что уже в ранние детские годы довелось познать его неодолимую, покоряюще-прекрасную силу...»

Он сказал бы эти слова, потому что желанной

и светлой была его мечта. Он думал стать, как и отец, агрономом. И отпустило его поле только потому, что было такое время. 1941 год. Война. Время сделало его солдатом.

Фронтовая судьба Константина Мальцева мало чем отличалась от тысяч других. Но в том и величие её, что стала она судьбой поколения, память о котором для нас всегда священная.

Круто ломало людские мечты то время. Так же трагически противоестественно определила война и молодые судьбы. Агроном, не успевший засеять и взрастить своё поле, погиб августовской порой, когда земля одаривает человека хлебом.

Во время беседы Терентий Семенович достал из стола папку. «Его письма, все, что осталось», – произнес он тихо. В папке хранились чуть более 60 писем с момента ухода Кости в армию в июне 1941 года и до его гибели 10 августа 1943 года.

Терентий Семенович бережно хранил эту папку. Незадолго до своей кончины он передал её своему сыну Савве Терентьевичу.

О письмах с фронта упоминали многие авторы, писавшие о Мальцеве. Но их истинная ценность пока до конца не раскрыта.

Я несколько раз перечитал эти письма с душевным волнением. В них нет ни слова о детстве, но почему-то возникает мысль о его детстве. Совсем мальчишкой, и это остро ощущаешь по первым письмам, покинул Костя родные дом и село. И также остро чувствуешь, как непросты были его самостоятельные шаги по жизни, как в суровое то время буквально по дням менялся его характер, взгляды на жизнь, планы на будущее. Как мальчик, сохраняя в себе ещё многое от детства, становился мужчиной и солдатом. Как незрелые мечты о продолжении отцовского дела перерастали в твердые убеждения.

И, конечно же, понятна душевная неизбывная боль Терентия Семеновича. В огне минувшей войны он потерял не просто родного сына, он потерял единомышленника, человека, который бы достойно продолжил его работу на земле.

За несколько дней до призыва они, вспоминал Терентий Семенович, поехали вдвоем в лес рубить дрова. Мать положила в обеденную сумку три вареных яйца. Стали есть. Отец взял себе одно, быстро съел и отвернулся, будто уже сыт и больше не хочет. Костя покраснел, одно яйцо оставил нетронутым, а что хочет, чтобы его взял отец, не сказал, постеснялся. «Так мы и сидели и молчали, и обоим было неловко. Тогда я разрезал то яйцо пополам, и он вздохнул с облегчением».

Этот облегченный вздох слышится и в первых письмах Кости из армии. Неожиданная разлука враз сделала ненужной сдержанность, и он, словно торопясь наверстать упущенное, распахивается в них все смелее и смелее. «...Милый папа, теперь хочу поговорить с тобой. Ты знаешь, как я сильно, находясь дома, увлекался твоей специальностью, которой мечтал посвятить свою жизнь. Я её так полюбил, и мне кажется, что ничего нет на свете, чтобы отбить мою любовь к ней».

«Ты знаешь...» Отец не знал. Костя никогда с ним об этом не говорил, но теперь ему, наверное,

казалось, что говорил вслух и именно таким не будничным, возвышенным слогом.

После прочтения писем Кости невольно чувствуешь его отношение к письмам – отношение народное, крестьянское. В девятнадцатилетнем парне с хорошим средним образованием оно представлялось особенно трогательным и многозначительным. Письмо для него – словно обряд со своими правилами, среди которых первое место занимают изъявления сыновней благодарности родителям и братские наставления младшим членам семьи.

Фронтовые письма не нуждаются в пространных комментариях. Но мне хочется прокомментировать несколько писем с тем, чтобы читатель почувствовал не только состояние автора письма, но и ту обстановку, в какой они писались. В этих письмах совершенно по-особому звучит голос самого очевидца войны, рядового бойца или командира, в окопах на передовой, урвавшего время от сна, чтобы записать пережитое, увиденное, чтобы высказать свои мысли о войне.

Ведь такие письма – это своеобразная «литература без писателя», «литература человеческого документа».

Как-то в один из декабрьских вечеров 1942 года к Терентию Семёновичу в гостиницу «Москва» пришли работники Всесоюзного радио, предложили написать сыну Константину письмо и прочитать его по радио перед микрофоном. Попросили рассказать сыну-фронтовику о родном доме. Долго мучился: не получается, все как-то сухо, официально и в голове только одно: сын молчит, не откликается. «А вдруг откликнется?» – и, подумав так, наконец, пересилил себя и сам собой нашлись слова. Он расскажет о том, что делается в родных краях, потому что дом для фронтовика – по себе знал – это весь родимый край. И разве не хочется бойцам узнать про урожай, – что может быть для них дороже хлебной нивы.

Про то, что колхоз «Заветы Ленина», в котором остались ребятишки да бабы, сдал зерна государству даже больше, чем в 1941 году, – 6425 центнеров. А в 1941 году было все же полегче:

отсеялись-то в мирное время, когда все работники были дома. И посевные площади не сократили – освоили те солонцы, которые раньше не пахались. Сверхплановые эти посевы назвали «гектарами обороны», урожай с которых внесли в фонд обороны Родины. И о многом ещё поведал сыну Терентий Семенович.

И в конце: «Разреши, Костюша, передать тебе старческие чувства бабушки Капитолины и бабушки Анны. Они утро и вечер молятся о скором разгроме врагов нашей Родины. Они крепко верят в успех своих молитв».

Эти успехи на мирном хлебном поле были приравнены к ратному подвигу: в трудные для Родины дни 1942 года страна отличила колхозного полевода высокой правительственной наградой – орденом Ленина. Его имя, даже в это суровое время, когда не было ничего важнее ратного труда, делалось все более известным и популярным.

К сожалению, голос своего отца Константин Мальцев не слышал, был в бою, товарищи ему передали. Но... Мальцева слышала вся страна.

«Мои бойцы знают, кто мой отец и что он делает», – не без гордости писал домой с фронта младший лейтенант Константин Мальцев, прочитав в газете «Правда» о награждении Терентия Семенович орденом Ленина.

В его адрес пошли письма от девушек со всей страны. В день по 15-20 писем.

В одном из писем 30 октября 1942 года, в год 25-летия Октябрьской революции Константин пишет письмо, которое надолго лишило покоя Терентия Семеновича: «Я узнал, что до 1 января будут принимать посылки на фронт. Поэтому, папа, если будет возможность, то вышлите мне небольшую посылку... Папа, прошу только не удивляйся – это совершенно естественно в настоящий момент, – вышлите вина так с пол-литра, не меньше...»

Терентий Семенович, получив это письмо, расстроился до слез. Тихий, все вечера просиживающий над книгами, чуравшийся шумных компаний, прозванный за рассудительность «Философом», Костя. Он рос к тому же в семье, где мать и отец были едины в неприятии запаха спиртного.

Что сын на войне, а война есть война – это Терентию Семеновичу в голову не пришло. Он сам сидел в окопах, четыре года провел в немецком плену и вернулся в 1921-м, не потеряв ни одного из своих строгих правил. Когда отец читал это письмо Кости, главное для него было не то, что сын на фронте, а то, что он, в таком незрелом ещё возрасте, – не дома, не на глазах родителей.

Терентий Семенович выполнил просьбу сына, сходил в лавку, купил пол-литровую бутылку водки – как змею чувствовал её в кармане, отворачивался от прохожих, когда бежал домой. Тут же сел за ответное письмо.

«Дорогой мой сын, как же ты нас огорчил нескладно...»

Через месяц, 1 декабря 1942 года, письмо дошло до Кости, и сразу ответ.

Приведем только отдельные выдержки из письма, которое характеризует по-настоящему родниковые отношения сына к отцу.

«...Сегодня утром получил от тебя довольно пространное письмо. Поверь, папа, я никак не мог прочесть со спокойным состоянием, тяжело переживая каждое слово. ... Прийти к такому поступку, который я совершил, меня заставила обстановка. У меня сейчас кипит такая злоба и ненависть к своим врагам, что при виде их я зверею и не могу хладнокровно смотреть на них. В эти минуты становишься как зверь...»

«При виде их»... «не могу хладнокровно смотреть на них»... «Только эти слова, когда читал, – вспоминал Терентий Семенович, – и стояли перед моими глазами. Значит, Костя уже видел их, смотрел на них... Сердце сдавило предчувствие и стало больно за свое нравочение».

Последнее письмо с фронта пришло в июле 1943 года.

Уже неделю шли ожесточенные кровопролитные бои на Курской дуге, участником которых был младший лейтенант Мальцев. Быть может, на участке, где он воевал, оказались минуты затишья, и использовал воин, чтобы сообщить о себе родным.

«... Прошу обо мне не волноваться. Ваш сын

уже не мальчик», – последние слова последнего письма любящего сына и отважного воина – младшего лейтенанта Константина Мальцева.

В августе пришло ещё одно письмо. Терентий Семенович был в конторе, когда ему подали конверт. Торопливо обвел глазами присутствующих, распечатал, начал громко для всех читать: «Ваш сын, младший лейтенант Мальцев Константин Терентьевич, – и оборвался, пошатнулся, – героически погиб в бою против немецко-фашистских оккупантов при взятии города Тростянец. Товарищ Мальцев за героизм и отвагу, проявленные в боях, был награжден орденом «Красной Звезды».

Терентий Семенович пришел домой, встал перед женой: «Татьяна Ипполитовна! Наберись мужества и самообладания...»

Через несколько дней они проводили на фронт второго сына Савву. Когда Савву первый раз ранил, Костя уже будет лежать в братской могиле на Украине.

Костя Мальцев родился 19 марта 1922 года, закончил семилетнюю школу. Средней школы в деревне Мальцево не было, и кончал её Костя в школе № 9 г. Шадринска. Жил он на квартире Екатерины Дмитриевны Коротовских.

В один из приездов к Терентию Семеновичу Мальцеву Анатолия Стреляного, писателя, автора книги «Земля его – судьба его», он выразил желание встретиться с Екатериной Дмитриевной. Анатолий Иванович побывал на квартире у этой удивительно разговорчивой старушки. «Костя все книги читал, – рассказывала Екатерина Дмитриевна, – в кино реденько только ходит, а то все читает и читает. И что-то думает, думает...»

Выпускник школы № 9, в которой хранятся документы о Косте Мальцеве, Александр Иванович Спицын писал: «С Костей Мальцевым я учился в одном классе. Учился он хорошо, был очень скромным, даже застенчивым, очень спокойным».

А. И. Спицын – также участник войны. Но ему посчастливилось остаться в живых. После демобилизации из армии учился, получил юридическое образование, работал следователем, затем снова служил в армии. Всю жизнь Александр

Иванович хранил в своем сердце память о друге юности. Однажды привез в школу горсть украинской земли, в которой погребен Костя.

Константин Мальцев участвовал в военных действиях на Курской дуге, Воронежском фронте, на Харьковском направлении. В жестоких боях мужал и креп характер простого деревенского паренька.

Передо мной наградной лист младшего лейтенанта Мальцева Константина Терентьевича от 7 августа 1943 года: «4 августа 1943 года взвод т. Мальцева был выдвинут вперед перед нашим передним краем обороны и поставлен на прямую наводку всеми орудиями.

5 августа 1943 года в бою за населенный пункт Липовые Балки, взвод под личным руководством командира взвода т. Мальцева вел ожесточенный огонь по укреплениям противника, технике и живой силе, дав этим самым возможность нашей пехоте ворваться в немецкие траншеи. В этом бою взвод т. Мальцева уничтожил 2 станковых пулемета противника, 2 миномета, разбил блиндаж, одну автомашину и уничтожил до 30 человек живой силы. К. Мальцев достоин правительственной награды «Красная Звезда».

А 10 августа 1943 года он погиб у деревни Верховоджа близ города Тростянец Сумской области, где и похоронен.

Для командира артиллерийской батареи мл. лейтенанта Мальцева и его 12 боевых друзей этот бой оказался последним. Через девять дней прах его был перенесен на деревенское кладбище.

Тот обелиск в украинской деревеньке – как тысячи других на нашей Земле. Как тысячи других, он напоминает нам о том, что на русском поле всегда зрели, зреют и будут зреть человеческие характеры самого твердого, самого сильного сорта.

Следопыты Модженской средней школы Тростянецкого района Украины нашли адреса родителей павших героев, установили с ними переписку. Накапливались документы, письма, воспоминания.

Отцом одного из павших героев мл. лейтенан-

та Мальцева оказался известный всей стране хлебороб Т. С. Мальцев. В семейном архиве внучки Татьяны и зятя Терентия Семеновича Леонида Ипполитовича Брановицкого сохранилось одно из писем следопытов этой школы. Привожу текст дословно, сохраняя стиль и орфографию ребят.

«Здравствуйте, уважаемый Терентий Семенович! Высылаем Вам фотографии памятника и братских могил, где похоронен Константин Терентьевич (извините, какие фотографии смогли сделать). 9 мая мы вместе со всей страной отмечали Праздник Победы. К нам в село приезжали родные воинов Ильченко Т. А. – две сестры, сын и дочь; и Трухина В. Д. И нам очень хотелось, чтобы и Вы приехали, и очень Вас ждали. Ну что ж, может быть, Вы приедете в другой раз. Мы нашли в библиотеке Вашу книжку «Вопросы земледелия» и теперь читаем её на заседаниях КИДа. У нас к Вам просьба – мы просим Вас быть почетным членом нашего клуба интернациональной дружбы. И ещё, если можно, пришлите, пожалуйста фотографию. Приезжайте к нам

когда-нибудь, мы Вас будем очень ждать.

До свиданья. Ждем ответа, пишите.

С пионерским приветом Орлята».

В 1954 году Терентий Семенович поехал в места, где погиб и захоронен его сын, по приглашению председателя исполкома Верховлюджского с/совета. Кстати, председатель служил в одной части с Константином. Он и сопровождал Мальцева по местам гибели и захоронения. На митинг памяти собралось все село. Ветераны Великой Отечественной войны вручили гостю шкатулку с землей, взятой на могиле его сына. (Кстати, эта шкатулка с землей и клоком волос Константина Мальцева хранится в Доме-музее Т. С. Мальцева.) Терентий Семенович встал на колени у могилы в скорбном молчании. Потом, окинув взором собравшихся, сказал: «Спасибо вам, добрые люди, за приглашение, за светлую память о фронтовиках, о моем сыне. Отцовское всем спасибо и земной поклон».

Как позднее Терентий Семёнович вспоминал: «Трудно из меня выбить слезу, а тут я плакал над могилой и гордился: погиб он героем.

Не люблю, когда видят мое горе. Я и к Татьяне Ипполитовне на могилку хожу один, когда нет никого. По полям брожу и зайду...».

Да, родительская печаль неизбывна. Никогда боль о судьбе своего старшего сына не покидала Терентия Семеновича...

...Уже в наше время у Дома-музея им. Т. С. Мальцева в торжественной обстановке под руководством тогдашнего военного комиссара области генерала Владимира Усманова был открыт Колодец памяти Константина Мальцева. Вода в нем вкусная-вкусная, доступ свободен для всех желающих...

СНЕГИРЁВ
Василий Федорович

В ДОРОГЕ

Фекла возвращалась с лесозаготовок тем же самым путем, что и год назад, когда ехала из Лебяжья. Дорога, виляя, то глубоко заходила в глухой бор, то, круто поворачивая, тянулась вдоль железнодорожной линии. В одном из открытых мест, где дорога и насыпь почти сливались, появился пассажирский поезд. Он шел на большой скорости. У Феклы закружило голову. Она повернулась спиной к откосу, остановила лошадь, стала пережидать. Через мгновение вверху над крутизной раздался крик. Женщина машинально бросила взгляд и увидела пассажиров. Из раскрытых вагонных окон они громко наперебой кричали. Разноголосье дробилось и растворялось в низине. Зато Фекла успела разглядеть лица.

На одних она видела слезы, на других – печаль и скорбь, на третьих – светлые широкие улыбки.

Пассажиры явно возбуждены, взбудоражены. Одна из женщин даже высунулась из окна, помахала рукой и с ликующей радостью о чем-то сообщила. Оттого, как она выходила из себя, Фекла догадалась, что сообщение было важное, ценное.

– Возможно, победа, – подумала женщина, так как накануне перед отъездом слышала по радио, что наши войска штурмовали Берлин. Но желанная весточка не долетала до Феклы. Она, как и крики, утонула в грохоте уходящего поезда. От нее лишь остались звенеть в ушах протяжные звуки “а-а-а”... Они походили на плач брошенного ребенка.

Фекле невольно представились Мишка с Настей. У нее и раньше, вернее с тех пор, как уехала на чужбину, дня не проходило, чтобы не вспом-

---

Родился 5 августа 1938 года в селе Лебяжье Далматовского района в крестьянской семье. Закончил Шадринский пединститут, факультет русского языка и литературы. Служил три года в Советской Армии. Работал учителем в сельской школе, инструктором райкома комсомола, лит. сотрудником в районной газете «Вперед» (с. Уксянка), диспетчером на заводе ЖБИ -2, контролёром на Курганском машзаводе, приёмщиком на железной дороге.

Автор книги прозы “Раноставы” и “Падера”. Публиковался в журнале «Урал», альманахе «Тобол».

В Союз писателей России принят в 1991 году.

нила своих детей, а теперь, когда до встречи оставалось не более суток, вовсе не уходили из головы. Они везде и всюду напоминали о себе. Что бы ни случилось, что бы ни услышала, ни увидела – все связывала с ними. Отчего еще больше переживала и страдала.

Мысли менялись одна за другой. То она думала о ребятах, пассажирах, уехавших на поезде, то разгадывала мнимую новость. Каждая мысль бередила душу по-своему, и женщина терялась в своих догадках. Не терпелось узнать истину. На пути же, как назло, никто не попадал. Тогда Фекла говорила сама с собой. Спрашивала, отвечала. Не найдя ответов, проговаривала все заново.

В тяжелых раздумьях она подъехала к железнодорожному переезду. Из будки вышел путевой сторож. Им оказалась пожилая женщина, та самая, которая пропускала еще в прошлый раз, когда ехала на лесопункт. Фекла обрадованно соскочила с передка овра, оставила Гнедого у гладкоствольной придорожной сосны, быстро побежала навстречу.

Старушка стояла в слезах. Она пыталась убрать их концом платка, но из глаз выкатывались другие, крупные, с горошину. Женщина не могла поладить с собой. Слезы текли и текли по опавшим морщинистым щекам.

– Чё случилось-то? – первой завела разговор Фекла.

– Разве не слышала? — чуть успокоившись, переспросила та.

– Кто мне скажет в лесу?

– Война кончилась, голуба моя.

– Прав... – и Фекла замерла на полуслове.

– Правда, правда!

У Феклы подкосились ноги. Она так и присела с открытым ртом.

– Вставай, вставай, голуба моя. Распрямляйся – ведь наша взяла. Хотя все мы, бабы, одинаковы. Со мной это же место давеча приключилось. Уж больно долго ждали победу.

Она замолчала. О чем думала? Одной известно. Возможно, увидела в Фекле такую же страдальницу, горемычную, обездоленную, как и она сама,

и не знала, чем ее утешить и какую оказать помощь. Только на Феклиных глазах она все больше и больше мрачнела. Потом вдруг спохватилась, будто испугалась, что, если Фекла уедет, останется одна в своей сторожке, и тогда некому будет рассказать о своем горе, что лежало на сердце тяжелым камнем. И, не скрывая слез, она зачастила хриплым голосом:

– Чё тут говорить! Любого такое известие ошеломит. Ты бы видела, что здесь творилось час назад. Всего минутку и стоял проходящий, а вагоны мигом опустели. Все повыскакивали на улицу. Думала, что мою будку перевернут. Прямо ошалели люди. Кто бросал свою кепчонку, кто плясал, выделывая крендели, кто надсадисто орал: “Ура!”, “Победа!”... Люди обнимались, целовались, плакали, причитали. Господи, все было! И все это от радости. А кто, может быть, от радости и горя вместе. Ведь слезоньки-то перемешались. Радостные, счастливые – с горькими, солеными. Пусть выходят – на душе полегчает. У меня же до сих пор глаза не просохли. Видно, много накопилось. Скоро не выплакать. Долго придется страдать. Поэтому и радость – не в радость. Ведь двоих сыночков потеряла, мужа похоронила – дома от ран скончался. Пушше того, когда поезд отошел, скрутила меня кручина. Такая ли напала тоска, что сама себя забоялась. Как бы чего не натворила, не наделала. Вот и выхожу на улицу. Отвожу свое сердце с каждым встречным. Хоть бы сказала, чья ты, откуда, далеко ли едешь?

– Отсюда не видать, – пошутила Фекла, решив, что такая шутка ее и старушку расслабит, отвлечет от нахлынувших горьких чувств.

И не ошиблась. Та и другая сквозь слезы рассмеялись, на минуту забыли о душевных ранах.

– Смотрю на тебя и думаю, – вновь заговорила старушка, – помоталась ты по белу свету. Горе и счастье видела. Ко всему должна привыкнуть. Ан нет! Такое известие и тебя, как меня, перевернуло.

Видно, радость не приходит одна. Значит, тоже кого-то не дождалась с фронта?

– Давно похоронку получила на мужа, давно, как ребенка, под самым сердцем ношу.

– О-хо-хо, никого не обошла война.

– Всем досталось.

* * *

В таежном ли поселке, на полустанке ли станции – везде, где проезжала Фекла, видела одно и то же: радость и горе со слезами на глазах. Кто ликовал, кто оплакивал погибших, не пришедших с войны, кто, склонившись над фронтовыми письмами, фотографиями, похоронками, стонал и всхлипывал.

Феклино сердце вмещало те же самые чувства. Иногда она соскакивала с подводы, пела, плясала и хохотала. Когда становилось невмоготу, давала слезам волю. Выплакавшись, вспоминала прошлое...

...Оно день за днем, как ниточка по ниточке, свивалось в клубок. В нем собиралась вся прошедшая жизнь. Безотрадная, беспросветная. И она вновь распускала клубок жизни, стараясь отыскать хоть небольшую долю счастья. И не находила. Перед ней расстилалась пестрая подержанная домотканная холстина. Сколько на ней полос, столько полос и в жизни. Одни блеклые, неприметные, почти забытые, другие – это, к примеру, проводы мужа – никогда не забываемые, но постоянно ноющие под сердцем, как незаживающие раны.

Она, как сейчас, видит эти проводы...

* * *

Иван на фронт уходил в первый день войны.

Его провожали все. От членов правления до ребятишек. Пожалуй, одни и были такие проводы в Лебяжье. До них и после них подобных не было. Впрочем, как знать. Для каждой семьи они особенные, забываемые. Спроси Марию Тюлюбаеву, Александру Снегиреву, Овдотью ли Стерхову, кого угодно, каждая расскажет о своем памятном дне. Ничего не пропустят, все вспом-

нят до мелочи. Запомнила и Фекла.

Пришли к Ивану, как на праздник. Народу собралось много. Одних гармонистов не пересчитать. А каких коней подали! Из всех бригад подбирали. И выбрали на славу. Один выездной лучше другого. Все на подбор. Высокие, тонконогие, поджарые, одной масти – красные – огнем пышут. Без украшений залюбуешься. Их еще нарядили. Совсем глаз не оторвешь. Те кони да не те. От хвостов до грив накрытые шальями, полушалками, расшитыми скатертями. Дуги расписаны ромашками, оглобли перевиты цветными лентами-бантиками. Узды, шлеи сверкали-сияли блестками, ряски-кисти горели кострами.

Провожающие дивились, ахали. Уж от души постарались девки и парни. Как на свадьбу подводы подготовили-вырядили. Можно было поскромней. Как-никак проводы на фронт.

– Не к добру, – заметила Татьяна Черных.

– Помолчи, – кто-то одернул старуху.

– Много знашь, оттого скоро состарилась, – посмеялись над Татьяной парни, хотя про себя подумали, что в такой сбруе коням сильно неловко. Они норовили сбросить ее. Били копытами, нисколько не стояли. Вот-вот слетит убранство. Галунцы-бубенчики звенели. Кони рвались, металась из стороны в сторону. Их беспокойство передавалось всем. В том числе и новобранцу.

Иван вскочил на передок ходка, сзади его расселись друзья-гармонисты. Заиграли гармони, лихо сорвались кони, помчали широкой степью и вскоре ворвались в начало центральной Лебяжьевской улицы.

За ними неустанно следили ребята. Они заранее расселись, кто куда: на тополя, на коньки крыш и наперебой сообщали сверху вниз:

– Едут возле клуба.

– Свернули на переднюю улицу.

– Спустились к озеру.

Удобней и выгодней всех устроился Мишка. Он забрался на высокую березу, которая стояла на отшибе за огородами, в чистой степи. С нее, как из верхнего окна Лебяжьевской церкви, кругом видно, а озеро казалось совсем рядом, под самым

носом. Даже мужиков можно было различить, отца тем более. Он изо всех выделялся – на голову выше. Вот он разделся и бултыхнулся в воду. Брызги столбом поднялись. Мишка передавал вниз:

– Тятя догнал мужиков, обогнал, обратно плывет, вылез на плотки. Всех победил, ура!

Мальчишка раскачивал дерево, верхушка гнулась и вновь распрямлялась. Того и гляди обломится. Но Мишка не замечал: он весь с отцом на берегу и, не стихая, с захватывающей азартностью сообщал: – Оделся, сел в ходок.

В это время сучок треснул, Мишка цепко перехватился за другой и, скользнув по стволу, спрыгнул с дерева, поддернул штаны, приударил к огороду, перепрыгнул прясло, подмяя картофельную ботву, пустился навстречу матери, крича во весь голос:

– Едут, едут, едут!

Она подхватила сына и тихо, вздрогнув плечами, заплакала.

– Чё с тобой, мама? – удивился мальчик.

– Несмышленьш ты мой, наглядывайся, пока не уехал, запоминай тятини следочки, теперь долго не видать... Может... – и, не договорив, крепко прижала сына к себе.

– Чё – может?

– Вылетело невзначай, – схитрила Фекла. – Беги, встречай отца.

Из-за поворота вылетела первая подвода. На ней сидел отец. Он отпустил вожжи. Жеребец несся во весь опор, будто нарочно показывал свою силу и молодую удаль. В нескольких шагах от толпы остановился, встал на дыбы и, раздувая ноздри, заржал.

Отец осадил иноходца, спрыгнул с сиденья. К нему навстречу вышла Татьяна Черных и поднесла ковшик холодной колодезной воды. Он с жадностью выпил и громко, чтоб слышали, поблагодарил:

– Спасибо, земляки. Покуда жив, ни вас, ни моховлянской воды не забуду и верьте, что сроду не подведу. Как говорится: или грудь в крестах или голова в кустах.

Застолье, обряды кончились, гости шумной толпой вышли за ограду и медленно двинулись широкой улицей. Впереди шли Иван, Фекла, Мишка с Настей, родные, близкие, позади – остальные.

От Моховушки до казенных амбаров шли долго, а всем показалось – считанные минуты. Когда опомнились, нужно было прощаться. Расставание брало за живое. Иван, сколько мог, крепился. Наконец, не выдержал, прослезился. Чтобы скрыть слезы, одним махом вскочил в ходок, сел рядом с детьми и Феклой, которые поехали провожать его до Уксянки, отпустил вожжи, лошадь помчалась.

Около свертка Иван оглянулся, толпа стояла на дороге. Кто махал фуражкой, кто – платком. Он вырвал из грудного кармана носовой платок и, пока не скрылся за поворотом, махал односельчанам.

До самой Уксянки он не выпускал самокрутку: одну докуривал, другую закручивал. Затягивался глубоко, о чем-то думал. Фекла пыталась отвлечь мужа, но он продолжал молчать. Так и доехал до сборного пункта. И там не удалось поговорить. Только на прощанье крепко обнялись, поцеловались, что и запомнилось на всю жизнь.

С дороги пришло письмо, с места – другое, переписка закончилась.

Начались ожидания. Долгие, мучительные. Много было жито-пережито. Всего не упомнишь. Да и не к чему. А вот одна понапраслина никогда не забудется. До того-то она уж въедливая. Другу-недругу не пожелаешь, что пришлось испытать самой Фекле.

Откуда взялась, пошла сплетня? Будто бы Фекла загуляла с Еремеем? Кому от этого выгода, кому на руку греховодная выдумка? Было над чем поразмыслить-подумать. Фекла долго не могла понять, от кого ползли злые слухи. Они, как варавиной, связали ее по рукам и ногам. Лишний шаг боялась ступить, выйти в народ. Стоило перешагнуть порог – загоралась от стыда. Может, никто бы и не обратил внимания, да молву-лиходейку не зашвырнешь в болото, не втопчешь в грязь – живучая. От нее не убежать, не спрятать-

ся. Она постоянно преследовала, душила, брала за горло. Хоть и знала-перезнала Фекла, что ни в чем не виновата и чиста, как перед Господом Богом, а кому пойдешь, пожалуешься. Да и дела никому до этого нет. Только беды накличешь. Если могла бы замкнуть “позор” на пудовый замок, не задумываясь, закрылась бы. Отмолчишься, как в саду отсидишься. Лишь бы помогло. В том-то и беда, что и молчание не помогало. Шершавые языки понасердке всякую чепуху несли, от которой, когда наслушаешься, хоть живой в могилу ложись. И ничего не поделаешь – им верили больше, чем честному человеку.

И все это исходило, как потом Фекла узнала, от Еремеевой жены, Овдотьи. Она распустила кляузы. Это и надо было полагать. Как сразу-то не дошло до Феклы! Давно бы смыла свой “позор”.

Уж кому-кому, а не Овдотье опутывать людей. Сама недалеко ушла. Прежде, чем болтать, надо было на себя оглянуться.

Чего они сами-то с Еремеем стоили? Собралась пара: гусь да гагара. Вечно ссорились да цапались: старые счеты сводили. Оба нечистую жизнь вели, а под старость совсем сдурели: чудили и мutilили воду.

Овдотья старела, Еремей молодился. В войну окончательно взял над ней верх. Начал в открытую погуливать с молодухами. Да прижил Варьке Новоселовой девчонку. Тут уж Овдотья не дала ему спуска. Напустилась на мужа. Дело дошло до развода. Еремей, будто и ждал этого. Раз и навсегда решил ославить жену.

Он работал бригадиром, несколько лет подряд. К иному привыкнуть – достаточно года вместе поработать, а к этому никак душа не лежала. И все потому, что не умел обращаться с народом. Свои повадки-выходки ни от кого не скрывал и высказывал их без всякого стеснения. Разнарядку, как принято называть планерку в бригаде, начинал с подковыркой или с подоплекой. Да так неумело, что порой человека ни за что, ни про что оскорблял или обижал, доводя до белого каленья. После небольшого вступления не слушал бы больше его и тут же бы вымел поганой мет-

лой. Он же начинал выкручиваться. Глядишь на него и не узнаешь: словно заново перерожден. На виду у всех делался шелково-ласковым да угодливым.

А уж начало этой планерки и вовсе удивило собравшихся. Ни с того ни с сего вдруг задал вопрос:

– Скажите, что мне делать со своей бабой?

Какая муха укусила бригадира, что за глупый вопрос, зачем надумал выносить семейные разлады-раздеряги на людской суд? То ли бригадных забот мало? Шел бы домой и разбирался один на один со своей Овдотьей.

Выжился старик из ума. Кто же, кроме себя, в семейных вопросах лучше всего разберется? Да и чужие советы не всегда приводят к добру. Поэтому никто не поддержал Еремея. Наоборот, высмеяли с ног до головы. Старик же все это мимо ушей пропустил и разошелся, что никто не мог остановить. Что было и не было – все собрал об Овдотье. Всю подноготную вспомнил, как говорится, от царя Гороха до сегодняшних дней.

– Еду я с Михинского угора, – в сердцах говорил он, – гляжу: на березе какие-то зарубки. До этого никогда не замечал. Останавливаю лошадь, слезаю, подхожу к березе. На ней буквы аршинной величины. Видно, что старые, мошком подернуты, заплесневели, но полностью не заросли, но и разглядеть трудно. Достал складень, вычистил бороздки. Читаю. Что вы думаете написано? Будете гадать — не угадать. Имя моей жены да Маркела Лагушонка. Супротив них две черточки. (Грамотеи нашлись! На двух-то два класса с коридором закончено). После арифметических знаков глубоко да в ширину ладони – наверно топором рубили – выведена “Любовь”.

– Куда ее деть, если появилась, – съехидничала над Еремеем Федора Бусариха.

– Не похабить же березу.

– Сжалился волк над ягненком, – подковырнула та же Бусариха.

– Моли Бога, что на твоём лбу не вырезали, – поддержали Федору сразу несколько женщин.

Сетчатое лицо Еремея сбелело, губы и подбо-

родок с жидкой козлиной бородкой задергались, глаза наполнились злостью.

– Я бы им тоды самим глаза выколол!

– Не поздно ишшо, – травила Еремееву душу Федора. – Доживут до старости, потом бабы нехороши. Знал ведь, кого брал. – В душу не заглянешь и не раскусишь вас.

– Вас и колуном не расколешь. Было бы все по чести и совести, тогда и разводов не было и жили бы душа в душу. Уж коли совесть замарана, прижался бы да помалкивал, – заступаясь за женщин, стыдила Еремея Федора Бусариха. – Срежь буквы – и делу конец. Чего раздувать кадило?

– Я не только буквы, но и березу срезал, привез домой, поставил на видное место, в пригон, чтоб доила корову и глядела на свои грехи.

Не терпели друг друга Овдотья и Еремей. Так всю жизнь жили и мучились. Сами хорошо не жили и другим не давали. В свои дрязги невинных людей впутывали. В их число попала и Фекла.

Подумала бы Овдотья да не сказала о Фекле. Зачем ей Еремей? Даже бы и лучше подвернулся человек, так и то бы ни за что не поменяла своего Ивана, а на Еремея подавно. С ним, со старым пнем, на один гектар обедать не села бы, не то чтобы “шуры-муры” заводить. Она же, Овдотья, осердилась на Еремея и приревновала к Фекле, и пустила очередные сплетни по деревне. Их усилил еще один случай.

Однажды Фекла прибежала с дневной дойки домой и увидела на крыльце Еремея. Он сидел и клевал носом землю: сомлел от жары, спал, между коленками дуло берданки торчало. Калитка скрипнула. Он соскочил со ступеньки и шарахнулся по углам ограды. Когда вошел в себя, ошалело заорал:

– Ни с места, стрелять буду!

— Опомнись, боговый, – опешила Фекла. – Чего натворила, что домой зайти нельзя?

– Не распускай язык, – пригрозил Еремей. – То всыплю картечью.

– Пужать вздумал? Я те попужаю.

Фекла схватила сучковатый осиновый кол, поставленный к воротному столбу, и с плеча раз-

махнулась:

– Моментом дурь выколочу.

– Потихе на поворотах.

– Пень гнилой, обормот несчастный! Одинокую бабу почуял? – наступала Фекла.

– Не подходи, уокошу, – орал старик.

– Я тебя наперед устукаю. Опозорить решил, вислогубый, марш отсюда! Прошлая пора, а Фекла все еще диву давалась, откуда пришла смелость?

Что ни говори, Еремей – мужик, еще и с ружьем. Взял бы да взаправду пальнул картечью, поминай, как звали.

Видно, сама себя сдержат не могла – злость обуяла. Слепой сделалась, бесчувственной. Когда опомнилась, поздно было: Еремей лежал пластом, растянувшись вдоль завозни и хыркал горлом, будто подавился чем.

Притворила она двери и накинула замок. Еремей очухался и загорлопанил во весь голос:

– Жаловаться буду!

– Я те пожалуюсь, кобель паршивый. Выломись двери, отвечать заставлю.

В разгар шума и грома в дверях ограды появился председатель сельского совета Тошто Специально Печать в Кармане.

– Что за шум, а драки нет?

– Забирайте своего быка.

– Какого ишшо быка?

– Производителя. Вон он в завозне сидит.

– Какого производителя? В колхозе один был производитель и того только что убили. Ходил около силосной ямы и вдруг – не из тучи гром — баран откуда-то вылетел. Бык дернул головой, раздул ноздри, зарыл копытом. Баран то ли с перепугу – мало ли кто пужанул – то ли не дожидаясь удара, первым бросился. Мы и рта не открыли – бык с копыт долой. Подбежали, а он мертвый. Вот удар! Впервые такой видел. Сильный, с искрами.

– Не заговаривай зубы.

– Кто там у тебя?

– Ты его спроси.

– Еремей, ты как угодил в завозню-то?

– Это она, дьяволиха, втокнула, – заикаясь и дрожа, пробормотал старик.

– Ты что делаешь? – набросился председатель на Феклу. – Зачем заперла?

– Чтоб к чужим бабам не ходил.

– Что ты натворила? Он же караулить поставлен.

– Меня что ли? Я и так никуда не убегу.

– Где Иван?

– Какой?

– Чё прикидываешься?

– Где ж ему быть, как не на фронте.

– Сбежал он.

– С чего ты взял?

– Из военкомата сообщили. Открывай дом, будем делать обыск.

– Зачем открывать, в нем никого нет, пусто.

– Открывай голбец.

– Я и забыла, с которой стороны он и открывается, давно им не пользуюсь: в яме вода, по завалинам не пролезти – высокие, почти до полу. Тебе надо, вот и полезай.

– Полезем вместе. Ты вперед, я за тобой.

– То ли Иван иголка?

Председателю подчинилась: слезла на завалину, проползла вокруг ямы, вылезла. Как черт вымазалась. Голова, лицо в тенете, платье измятое, грязное, мокрое.

Василий Ильич заставил ее спуститься в погребную яму, залезть на сеновал. Сам же стоял наверху со взведенной берданой и командовал, куда еще заглянуть, где посмотреть. Все углы, закоулки, потаенные места обшарили, облазили. Устав, Фекла зашла в избу, Тошто сел на крыльцо, закурил.

– Долго будешь караулить? – выглянув из открытой створки, зло спросила Фекла.

– Сколько надо.

Полгода Феклино семейство находилось под

стражей. Караулили одни и те же после переменки: Андрон Васильевич – ветеринарный врач, Гриша Щербаков – ответственный за маслодельный участок, Петро Колобок, назначенный заведующим фермой, сам председатель. Каждый начинал с обыска. Убедившись, что Ивана нет, и выкурив кисет самосаду, засыпал до новой смены.

Фекла с ребятами к страже привыкли. С одним не могли смириться: какой же отец дезертир? Разве Иван прошел бы мимо, если бы сбежал с фронта? Ему и часу не выдержать, чтобы не увидеть детей, потому как без ума и памяти любил.

Чувствовала сердцем, понимала умом: муж не мог опозорить своих детей, но кому докажешь, когда сами власти Ивана считали предателем.

Правда, кто поумней да порассудительней, жалели Феклу и делили с собой ее горе, другие же подсмеивались. Особенно донимали детей.

Лишь похоронка смыла семейный позор.

Похоронке Фекла не попускалась – всегда при себе держала, как последнюю память о муже. С ней, когда становилось невыносимо, она, как с живой, разговаривала, просила передать от себя весточку, отнести горячие слезы, что высохли на ней, на похоронке, пожелтевшими пятнами и передать ему, ясному соколу, скорбь одинокой женщины. У ней, как у мужа, просила прощения, сама не зная о чем, и она, похоронка, прощала, отпускала грехи, очищала душу, и Фекла приобретала силу, взваливала на свои женские слабые плечи двойную ношу и несла ее до тех пор, пока держали ноги, глядели глаза, шевелились руки, а потом, отдохнув, вновь работала за себя и своего Ивана.

Фекла достала похоронку, наплакалась вдоволь, спрятала подальше во внутренний карман, против сердца и тяжело выдохнула: “Хоть бы детям посчастливилось в жизни”.

САПОГИ С ФРОНТА

За всю войну в колхозе днем с огнем не найдешь сытых лошадей. Дошли, бедняги! Кости да кожа. И не диво: из оглобель не выпрягались. А Мохортику – он самый дюжий и выносливый – доставалось. Каждую среду еще и в Новопетропаловку туда и обратно без малого тридцать верст. На нем ездил за почтой тетя Куша.

Мы ждали её с нетерпением. Хоть и знали, когда она приедет, а убегали к казённым амбаром спозаранок. Когда завидим подводу из первого колка, сердце от радости подпрыгнет. Ринемся навстречу, а расстояние не меняется: кажется, меринок все на одном месте топчется. Видим уже, как Куша взбадривает его плеткой. Ох уж не ходкий! Дождались. Смотрим с надеждой в лицо почтальонки. Она сияет, раздаёт письма, по-матерински воркует: «На, Коля, бери, Саша...». Быстро расхватываются солдатские треугольники.

А мне не досталось, передало от слез горло.

– Не плачь, Алеша, в следующий раз и тебе привезу.

А сама отвернулась, со слезами прижала сына Ваньку и сказала: «Нам тоже тятя послал письмо».

Ванька подпрыгнул, повис на шее матери.

– Ловко у тебя, мать почтальонка, – выдавливаю я.

Как-то прибегает ко мне Ванька. Весь цветет. Выговорить не может. Мне же и говорить нечего. Вижу – сапоги на нем хоть смотришь.

– Откуда?! – кричу.

– С фронта, от тяти!

Руки в разбежку – готов всех обнять. Не то поет, не то кричит – не поймешь:

*Сапоги мои, сапожки,
Обтянули мои ножки...*

Одурманило его счастье. Еще бы! Подумать только – сапоги с фронта, от отца! Глядишь и не узнаешь: он или не он. Подойти и то неловко: был

свой парень и вдруг стал недотрогой. Да и нос: коковкой вверх, задиристый. Красуется Ванька. Аж противно смотреть. Но я его прощаю. Получи я такой подарок, похлеще бы номер выкинул.

– Пойдем в школу! – завет Ванька.

– Рано еще.

– Чо рано-то? Часок в коридоре подурим.

– В чем пойду? Брат в пимах убежал.

– Бывай.

Ванька щелкнул каблуками и шагнул к дверям. Так бы и вылетел за ним. Куда денешься? Сиди теперь, жди брата. И тот тоже хорош! Наговорил сто верст до небес: посиди, мол, я мигом слетаю к Ваське Обухову. Уж не первый раз обманывает. Придет домой – больше не получит пимы.

Школа стояла на другом конце деревни, под самым Кривым болотом. Но я и не заметил, как очутился в школьном дворе. С высокого сугроба, вровень с крышей дровенника, прямо на меня катились ребята. Володька Прямой, прозванный так за высокий рост, подложив сумку, летел первым, вдогонку Вовка Жуков, рядом с ним вниз головой «пылил» на животе Толька Задорин. Наискось от крыльца, где стоял Ванька, в момент выросла куча-мала.

Володька подскочил к Ваньке.

– Пошли.

– Не-е.

– Заелся?

– Брось ты, – и с жалостью взглянул на сапоги.

– Чо на них смотреть.

– Ага, они же тятины, надо беречь.

– Так-то ты не поиграешь сроду.

Володька пролетая мимо, зацепил Ваньку, и тот, скovyрнувшись, врезался в снежный занос. Над ним взметнулись сапоги и ухнули в снег. Из рыхлого намета торчали Ванькины голые ноги. Они дрыгались и стригли воздух. Купаясь в снегу, он еле-еле перенырнул сугроб и пополз к сапогам. Володька отбросил их.

– Отдай! – заревел Ванька.

– Кому они нужны? Бери!

Ванька вновь пополз:
 – Что тебе надо от меня?
 – Не хвастай, – заржал с издевкой Прямой и вновь отбросил подальше сапоги.

– Ну и подавись ими.

Я не выдержал, налетел на Володьку:

– Брось издеваться.

Но Ванька выскочил из сугроба и через весь школьный двор, сверкая босыми ногами, умчался в класс.

Больше я не видел его в сапогах. То ли мы виноваты, то ли другая причина? Не знаю. Все перебрал я однажды ночью. Но ни ветер, ни пурга за окнами не дали ответа. А тут еще стук в ставень.

– Кто там? – спросила мама.

– Аня, милая, открой, – слышу голос с крыльца.

– Что не спится в такую непогоду?

Я увидел тетю Кушу. Волосы растрепаны, перепутаны снегом. Что случилось? Она подошла к столу, положила какой-то сверток и громко зарыдала:

– Прости меня, Аня!

– За что? – отшатнулась мама.

– Боязно говорить-то. Хотела свое горе скрыть, а получилось...

– Да что случилось-то? – спрашивала мать подругу.

– Скверно я поступила с вами, скверно! Ради кого? Ради своих же детей. Скрывала от них, не говорила про отца, что погиб. Письма писала от него, читала им, радовала их. Зачем обманывала, зачем?! Теперь вот сама потеряла рассудок.

– Кушенька ты моя, подруженька, – запричитала мама.

Две женщины, обхватив друг друга, плакали громко, надрывно. Потом тетя села на край скамейки, откинула прядь поседевших волос, выпрямилась.

– Пойми меня правильно, Аннушка. Не хотела я, не хотела, – заговорила она. – Ведь ради детей, чтобы они верили, знали, что папа их жив. Вот ведь что натворила!..

– Не понимаю я, о чем ты говоришь?

– Я, я посылку вашу взяла.

– Какую?

– Вашу, вашу, Аннушка, – и указала на сверток.

Мать подбежала к столу и развернула половичную тряпку, из неё выпали сапоги.

– Кто их выслал?

– Друзья твоего мужа.

Маму сразу перепоясало.

– Воды! – крикнула Куша. – Быстрее, быстрее!

Мама открыла глаза: «Что с Колей?»

Куша дрожащими руками достала измятую бумажку и тихо прочитала: «Ваш муж героически погиб, защищая Родину. В память о нем высылаем сапоги...»

Мать повалилась и стукнулась о край скамейки. Над бровью показалась кровь.

– Мамочка, мамочка, проснись! – безудержно ревел я. – Что же наделала, тетя Куша, зачем принесла сапоги и страшную весть?

– Вот оно горе-то, – всхлинула, очнувшись, мама.

Глубокая морщина перечеркнула её лоб. От неё много разбежалось канавок-лучинок. Лицо потемнело, словно обуглилось. Больше мы ничего не видели – погасла лампа: керосин кончился. А те утренние лучи, просачивающиеся сквозь щели ставней, не захватывали нас, падали возле кровати. Мы сидели в темноте, прижавшись друг к другу. Вдруг послышался голос пятилетнего Шурки:

– Мама, я ись хочу.

Она вскочила, всплеснула руками:

– Чем я вас покормлю? Вчера ведь последнюю картошку сварила.

И вонзила глаза в сапоги, ровно нашла спасение. Подняла их с полу и начала перекладывать с руки на руку. Потом подошла к окну. Сквозь щели били лучи света. Гладила зубцы взъемов, стучала пальцем в подошву, щупала дырку вверху голенища. Она была круглой, края ровные, но чуть-чуть подожжены. У мамы слез и тех не осталось. Выкатились лишь три капли и упали на голенище. Она поднесла к губам сапоги, по-

целовала и, завернув их в ту же Кушину тряпку, вышла из дому.

Пришла к обеду. В руках полнехонькие два ведра картошки. Мы нарезали её, посыпали в прорезь соль и садили вокруг трубы, вдоль раскаленной печи. Картошка щелкала, подпрыгивала, только успевали переворачивать. Не дождавшись, ели полусырой. Но тут опять заговорил Шурка:

– Мама, а где сапоги?

– Променяла, сынок.

Осталось у нас от отца теперь одна фотокарточка. Сидит он с друзьями. На всех военная форма, фуражки с красными звездочками. Среди них Иван Брюханов. Он из Пятилетки, призывался и служил с отцом вместе. И потому были преданы друг другу. Вскоре после смерти отца, комиссовали по тяжелому ранению Ивана. Из лазарета он ехал долго. С пересадками, с остановками добирался до Шадринска почти месяц. Слез на перроне, да не было попутной подводы. Повернул на базар с надеждой кого-нибудь встретить из своей деревни. Тут и увидел Прасковью Левишну. Сперва не узнал. Уж больно измени-

лась. Война – не фунт изюма. Зато она сразу узнала Ивана. От неожиданности даже выпал из рук узелок, из него выскользнули сапоги. На одном из голенищ зияла дырка.

– Где взяла? – спросил Иван.

– В Лебяжье выменяла.

– Продавать несешь?

– Хоть бы хлеба кто дал. Давно уж ребята не видели.

– На вот, – вытащил из вещевого мешка буханку хлеба Иван.

– Своим ребятам оставь. Они тоже голоднехоньки.

– Продай, Левишна.

– Береги хлеб. Сапоги без тебя кто-нибудь купит.

– На обе буханки, только отдай.

Не удержалась Прасковья и вместе с платком отдала Ивану сапоги. А через неделю он приковылял с ними к нам:

– Не забывайте, сынки, отца.

... Мы носили их по великим праздникам: Шурка – Первого мая, а я – Девятого.

ВКЛАД НАШЕЙ СЕМЬИ В ПОБЕДУ

Хочу рассказать зауральскому краю о близких мне людях, участниках Великой Отечественной войны и труженице тыла – о своем отце гвардии младшем лейтенанте Исакове Трофиме Авдеевиче, о свёкре гвардии старшем сержанте Столбове Иване Никитиче и свекрови ветеране войны, труженице тыла Столбовой (Конышевой) Антонине Яковлевне.

У нас, 4-х детей, на войне был отец Исаков Трофим Авдеевич. Отец не хотел вспоминать эти тяжелые годы и не рассказывал о том, что происходило на фронте. На наши вопросы всегда отвечал уклончиво, что было страшно и нам лучше не знать и не дай Бог испытать, что-либо подобное. Вспоминал сослуживцев, с которыми воевал, отзываясь о них только в восторженных тонах. В последние года своей жизни он в День Победы,

9 Мая всегда плакал, вспоминая войну и погибших солдат. Все послевоенные годы отец трудился, воспитывал нас и умер 16 июля 1990 года. Памятью об отце остались военный билет, награды с орденскими книжками и военная грамота. Был призван из Челябинской области в ноябре 1941 года, дважды ранен. После госпиталя был зачислен в Подольское военно-пехотное училище. Получил звание младшего лейтенанта и назначение командиром пулеметного взвода. 2 апреля 1945 года получил ранение в левое предплечье в пригороде Берлина и находился на лечении в г. Бресте до июня 1945 года. По выздоровлении вернулся в строй и до августа 1946 года находился в Германии. Воевал он отлично, чему свидетельством награды: орден «Отечественной войны» 2-й степени, 2 медали «За отвагу», «За взятие Берлина», грамота «За отличные боевые действия при овладении столицей Германии – Берлином, городом Дрезден и за освобождение столицы Чехословакии – городом Прага».

От автора материала: Я, Столбова (Исакова) Галина Трофимовна, по окончании средней школы № 15 г. Еманжелинска Челябинской области, поступила и окончила Курганский государственный педагогический институт. Всю жизнь работала в просвещении и сейчас на пенсии. С мужем Столбовым Владимиром Ивановичем воспитали трёх детей. Проживаю в Куртамыше.

Свёкор гвардии старший сержант Столбов Иван Никитич родился 12 сентября 1922 года и всю жизнь прожил в селе Березово Куртамышского района. Во время войны был связистом и как он говорил, всю войну прополз на пузе, участвовал в обороне Сталинграда. Разговоров о войне никто от него не слышал. Закончил войну 10 мая 1945 года в г. Юденбург (Австрия). В настоящее время сохранились только удостоверения на военные награды – медаль «За отвагу», орден «Отечественной войны» 2-й степени; медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; «За оборону Сталинграда»; «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта»; юбилейные медали.

Вернувшись с войны работал, воспитывал своих детей, неоднократно встречался с однополчанами. Не стало гвардии старшего сержанта Столбова Ивана Никитича 28 июня 2000 года, но осталась память о нем и до сих пор жива его жена Столбова (Коньшева) Антонина Яковлевна.

Свекровь – ветеран войны и труженица тыла, Столбова (в центре на фотографии), урожденная Коньшева, Антонина Яковлевна до начала войны успела окончить Куртамышское педагогическое училище. Пришлось ей побывать и на военных сборах в Каргаполье, но на фронт не попала. Антонина Яковлевна является ветераном Великой Отечественной войны, имеет медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», награждена рядом юбилейных медалей. Каждый год она получает поздравление от Президента России к празднику Победы.

Моя свекровь до сих пор жива и здоровствует, и за все время знакомства с ней от нее я не слышала ни одного плохого слова, она со всеми приветлива, всех рада видеть и для всех у нее найдется доброе слово.

Каждый год 9 Мая, в праздник Победы, мы традиционно едем на кладбища к своим близким, кладем на могилки цветы, поздравляем с праздником Победы фронтовыми 100 граммами, говорим родителям СПАСИБО. С нами все наши дети, пусть видят, помнят и чтят память о простых, но таких великих людях, как фронтовики.

ТАНАЕВА
Марина Николаевна

АФАНАСИЙ

Памяти деда Романова Афанасия, погибшего в 1941-м году

В братской могиле так тихо, во мгле
Дед мой лежит, Афанасий.
Где-то вдали, на латвийской земле,
Я не была там ни разу.

Все успокоились: братья, сестра,
Имя его не тревожат.
Память народную, словно вчера,
Саблей вложили мы в ножны.

Американский учебник открой,
В школах своих бахвалятся:

«Если бы фронт не открыли второй,
Русские были бы в рабстве».

Нечистоплотны историки, нет,
Здесь они не приукрасят:
Где 27 миллионов, и где
Дед мой теперь, Афанасий?

Если забудем, улыбки надев,
Как гибли храбрые деды,
Кто-то однажды, совсем обнаглев,
Нашу присвоит Победу.

Родилась 26 июня 1975 года в Кургане. В 1992 закончила школу-лицей № 19. В 1997 году закончила факультет иностранных языков Курганского госуниверситета. Стихи публиковались в газетах и альманахе «Тобол». В 2005 году была участником семинара молодых литераторов в Нижнем Тагиле. Работает в техникуме, преподает иностранный язык.

Автор книг стихов «Сердцебиение», «Вензеля ночных дорог», «Вечерний город», «Мой зоопарк» и других.
В Союз писателей принята в 2006 году.

Вот почему забывать нам нельзя!
Память солдатскую чтите!
Вот почему не жалеет себя
Каждый российский учитель.

И повторяем из года мы в год,
В детские души вселяя
Веру: герой – наш российский народ,
Наша Победа – святая.

Вечный Огонь забвения топил лёд,
Спите, родные, спокойно.
Память о вас никуда не уйдёт,
Все вы сражались достойно.

Где-то вдали, на латвийской земле,
В скверике тихом, цветастом,
Под обелиском, среди братьев, во мгле
Дед мой лежит, Афанасий.

НОЧЬ В БЕРЛИНЕ

Берлинской ночью, темной, сонной,
Я шла по улицам одна.
Под неуютным небосклоном
Дымала странная страна.

Напрасно силилась согреться
За стойкой в маленьком кафе.

На фотографии, у сердца,
Смешной мальчишка в галифе.

Уже не плачет мать о сыне,
Но светлых слез не скроет мгла.
Мой дед, дошла я до Берлина!
К рейхстагу за тебя дошла!

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Она ждала всю жизнь до самой смерти:
Вот-вот вернется сын ее с войны.
Пусть люди говорили ей: поверьте,
Ваш сын погиб, как многие сыны.

Но похоронки серая бумага
Для матери, как видно, не указ.
«Погиб геройски, в Латвии, в атаке», –
Ей повторяли строки много раз.

Меняла каждый день нам всем рубахи,
Ждала: вернется сын ее с войны.
«Придет Афонька – будем, как неряхи?
Встречать его мы всей семьей должны».

Она ждала всю жизнь до самой смерти,
И умерла, во встречу веря вновь.
Друзья мои, с великим чувством верьте
В святую материнскую любовь.

ДЯДЯ ЖЕНЯ СВАЛИЛСЯ С НЕБЕС (памяти Евгения Алексеевича Хохлова)

Ему суждено было умереть в последний день уходящего 2011 года. Его жена, Любовь Васильевна, в одном из телефонных разговоров сказала: «Женя до конца любил жизнь. Он так и говорил: “Люба! Как жить хочется!”»

А я вспомнила сегодня май 2010 года, когда в юбилей великой Победы дядя Женя, как я его

называла, буквально «свалился с небес», прилетев к нам из Тамбова, с родины бабушки. И если бы не война, не эвакуировалась бы моя бабушка из тех далеких мест в незнакомую ей Сибирь, не встретила бы с моим дедом, не родилась бы моя мама, и не было бы меня...

Но обо всем по порядку. Евгений Алексеевич

Хохлов (21.02.1925 – и дату смерти пишу впервые, дрожит рука – 31.12.2011) – один из старших братьев моей бабушки, Серафимы Алексеевны Романовой, в девичестве Хохловой. Один из старших, потому что всего в большой семье Хохловых было восемь детей, причем, восемь выживших, потому что до появления старшего, Василия, двое детей умерло в младенческом возрасте.

Хохловы – обрусевшие татары. Они жили и живут в Тамбовской области. Отец дяди Жени, Алексей Константинович, был 1883 года рождения, а мать, Агафья Петровна Хохлова, в девичестве Лукина, была 1886 года рождения. Дедушка Алексей, как его называла моя мама, был то ласковым, то жестким, но всегда деловитым. Он всем своим детям прививал любовь к труду, сельскому хозяйству. Бабушка Аганя всю жизнь была домохозяйкой, это и понятно, при такой большой семье! Бабушка была всегда доброжелательная, душевная. Я как сейчас вижу их перед собой на фотографии – дед Алексей с окладистой бородой, седыми густыми бровями и лучистыми глазами, бабушка Аганя – худенькая, костлявая, волосы собраны в пучок, добрый проникновенный взгляд.

Дед Алексей был очень набожным, в доме день и ночь горела лампада. Именно с далекой тамбовской земли передалась мне со старой Библией вера православная. Я не видела деда Алексея, но его вера и молитва доносятся до меня сквозь годы. Дядя Женя продолжает свой рассказ, а я рисую в воображении картины из довоенной жизни.

«Жили мы в деревне Игнатьевка, названной по фамилии купца Игнатьева, в Тамбовской губернии. В наши дни это место заросло бурьяном. Дом-пятистенки – восемь на пять метров – состоял из двух частей: первая часть была хозяйственная, во второй отдыхали в зимнее и летнее время. Летом все спали на полу, а зимой – на печке и полотах. Детей в семье Хохловых было восемь: Василий (1908), Евгения – при крещении девочку назвали Анастасией, но ей не нравилось это имя,

и она сама себя назвала Евгенией (1910), Мария (1912), Ксения (1914), Елена, которую в семье звали Лёлей (1916), Александр (1922), **Евгений**, то есть я (1925), и самая младшая, твоя бабушка Серафима.

Вокруг нашего дома был сад, а за садом – огород. Сад был приятным местом для отдыха. А на задах виднелись колхозные поля, засеянные гречихой, просом, рожью. В колхозе была мельница, но у деда Алексея была своя мельница, которую унесло при сильном урагане.

Деда Алексея в народе прозвали «колдуном» за его пронзительный ум, деловую хватку, начитанность. «Дядя Леша» на глаз определял, сколько соток в поле или на огороде, мог вылечить лошадь или корову. Сам он был единоличником. В хозяйстве было три лошади: Струга (2-летняя кобылка, которую очень любила Мария), Перепелка и Кочережка, позже одну из лошадей

забрали в колхоз и там загнали до смерти.. Были куры, иногда гуси, утки. При вступлении в колхоз стали жить намного хуже. Деду Алексею приходилось работать и дорожным строителем, и бригадиром, а потом он был назначен лесником в лесничестве, находящемся за три километра от Игнатьевки. Я помню, как мы ходили с отцом пешком до лесничества, косили сено... Таким было довоенное детство.

Началась война. Когда фашисты дошли до Воронежа, Тамбов подвергался бомбежке, так как железные дороги в Мичуринске (Козлове), находящемся неподалеку, соединяли юг и восток России. Под бомбежками был и соседний Котовск, промышленный город, но до него фашисты так и не дошли.

Дед Алексей и баба Агания не эвакуировались. Всё оставшееся население копало укрепления – противотанковые рвы, дзоты по направлениям: Тамбов – Волчок, Тамбов – Липецк, Тамбов – Экстель (крупный поселок). Противотанковые рвы были, в основном, на открытой местности, выкапывались они на два метра в ширину, и два – в глубину. В лесах сооружались доты и дзоты». Благодаря дяде Жене я узнала, что ДОТ – аббревиатура. Долговременная огневая точка. Доты строили с большими перекрытиями, а дзоты – дерево-земляные огневые точки – были с трехслойными деревянными перекрытиями.

На фронт дядя Женя попал в 18 лет, в 1943-м. Он воевал на 1-м Украинском фронте, в 8-й армии, 241-й стрелковой дивизии, в 264-м полку. Он продиктовал мне все это без запиночки, хотя прошло столько лет! С польской границы его взяли в зенитно-пулеметное училище (Чкаловская область, поселок Сорочинск), которое он окончил в звании младшего лейтенанта.

Прошу рассказать о самых страшных впечатлениях. Дядя Женя задумывается. Затем рассказывает о разведке с боем. «Ставится задача – дать связь во время ночного боя. Темно. Огонь с нашей и с немецкой стороны, Немцы в обороне. А ты ползешь, протягивая связь. Вдруг встречается человек, и ты не знаешь, свой это или чужой.

Хватаешь его и берешь в плен с целью получить данные. Личность его установят позже... Учти, что в местах, где я воевал, было еще и много партизанских отрядов – под Киевом, в Виннице...»

Он умолкает на какое-то время. Глаза как будто видят какие-то жуткие события.

«Но страшнее всего было, пожалуй, на Букринском прорыве, плацдарме под Киевом. Букринский плацдарм располагался на западном берегу Днепра, в районе Великого Букрина, километров восемьдесят южнее Киева. В сентябре 1943 года он был захвачен войсками Воронежского фронта (генерал армии Н. Ф. Ватутин). Нашим войскам противостояли части восьмой полевой армии вермахта.

Днепр – очень широкая река, в некоторых местах ширина достигала 700 метров. Правый берег был сильно укреплен. Командование приняло решение форсировать реку, не дожидаясь подхода инженерных частей. С 22 на 23 сентября передовые части 3-й гвардейской танковой армии (генерал-лейтенант П. С. Рыбалко) и части 40-й армии (генерал-полковник К. С. Москаленко) начали форсирование Днепра. Стоял густой туман. Полк майора М. Я. Кузминова на шести лодках первыми переправил взвод разведки (около 30 человек), с ними были также саперы и автоматчики, чтобы усилить состав. Группа переправилась на тот берег и захватила ближайшую траншею немцев.

Мы форсировали Днепр. Перебрались на тот берег и окопались. А немцы стали нас обстреливать. Я до того момента не курил, а тут пришлось закурить, иначе не успокоиться. Из тридцати в живых осталось 12. Но прибыло подкрепление – пехотинцы, батальон старшего лейтенанта Тихона Ланко. Командование решило, что слабое место в обороне гитлеровцев – южная сторона спуска к окраине села Григоровка. Фашисты находились на высоте примерно 245 метров, обстреливали траншею, а нападения не ожидали. Высота была захвачена нашими войсками.

Григоровка переходила из рук в руки. Кругом

всё пылало. Фашисты бомбили без перерыва. Но самое страшное было в том, что на высоту про- рвались танки, один из них в упор расстреливал переправу, остальные пытались раздавить оставшихся в живых солдат. Боеприпасов уже почти не оставалось. И тогда командир полка, майор М. Я. Кузминов, с боевыми товарищами решили вызвать огонь на себя, пока еще работала связь с артиллерией”.

– Дядь Жень, – прервала я его рассказ, – а это не основа сюжета для фильма «Батальоны просят огня»? Там еще несколько серий, я в третьем классе смотрела... В 1985 году...

– Да-да, он самый. Так вот, многие молодые бойцы стали после того огня мгновенно седыми. В штабе подумали, что в живых не осталось никого. Из десяти немецких танков успели спастись только три. Это я уже после войны картину тех действий восстанавливал, чтобы обрести полное понимание тех событий.

– И что, все погибли на той высоте? А танки ушли? – грустно предположила я.

– Танки не ушли, а люди выжили, – улыбнулся дядя Женья. – Когда начальник штаба Ершов и политрук Гордаций увидели, что произошло, они подняли в бой оставшихся в живых – офицеров, саперов, легко раненных. Решили, что в бою погибнут или победят, несли полковое знамя. Восстановив положение, Ершов и Гордаций решили найти тела командиров Кузминова и Бикетова, а те оказались живыми, только пребывали в сильнейшем шоке... За один день пришлось пережить несколько немецких атак, да еще и свои «Катюши» обстреляли!

– А курить Вы не бросили?

– Курить бросил уже после войны, в мирное время. А что касается Воронежского фронта, то его в конце октября 1943 года переименовали в 1-й Украинский, войска которого и освободили Киев.

– Да, грандиозные события. А все на войне были героями?

Мой собеседник нахмурился, но ответил честно:

– Некоторые, чтобы избежать гибели, устраивали самострел, но если об этом узнавали, их расстреливали как дезертиров.

– А какое у вас было оружие? – задаю вопрос абсолютно несведущего человека.

– ППШ, СВТ...

– Дядь Жень, расшифруйте, пожалуйста!

– ППШ – пистолет-пулемет Шпагина, с круглым таким диском, а СВТ – самозарядная винтовка Токарева. Мы её в шутку расшифровывали “Сон вместо тактики”, ну и противотанковое оружие было.

– А что с Вами стало после войны?

– А после войны, так как я был на хорошем счету, алкоголем не злоупотреблял, меня от МВД СССР послали на учебу в Ленинградское оперативное училище, которое было на Дворцовой площади. После училища из Тамбовского управления МВД я был направлен в город Моршанск Тамбовской области, в лагерь № 64, где были военнопленные немцы, французы, японцы. Затем лагеря стали сокращать, всех перевели в Хабаровский край, на станцию Известковая. Я работал с японскими военнопленными. С ними меня и перевели в Магадан, в засекреченный особый лагерь № 5. Осуждены люди были, в основном, по двум статьям: ст. 58 «Контрреволюция» и ст. 193 «Бандитизм».

Я работал в поселке Кадыкган (Магаданская область) заместителем начальника лагерного пункта по оперативной работе и режиму, был в звании лейтенанта. В мои служебные обязанности входила проверка корреспонденции от заключенных и заключенным, а также проверка личности и деятельности во время войны. Например, возникло сомнение, а не был ли человек власовцем. Посылался запрос в другие области, лагеря, по всему Советскому Союзу, в Прибалтику, на Украину. Находили людей – свидетелей, доказательства. Были среди заключенных заслуженные деятели, врачи, ученые, люди искусства. Работали они по специальности, например, врачи лечили заключенных. Из Прибалтики попадали и простые колхозники за недовольные разговоры о

режиме в стране. До 1955 года все они находились в особом лагере, но по указу Хрущева количество их стало сокращаться. Заключение освобождалось, но без права выезда. У них появилось право создавать семьи. «Колыма синих фуражек» стала тоже сокращаться – много конвоиров уже было не нужно.

Так Евгений Хохлов вернулся домой и стал водителем троллейбуса в родном Тамбове, проработав с 1956 по 1989 год. В троллейбусном парке он был и водителем, и наставником. А когда пошел на пенсию, стал «почетным» сторожем обкомовских гаражей. При ликвидации СССР это здание передали под машины «Скорой помощи», затем в нем расположились дорожные строители. Менялись организации, но сторож нужен был всем.

Но мое внимание никак не хочет отпустить Магадан, и я задаю вопросы снова и снова:

– Дядь Жень, а в каких условиях жили заключенные на Магадане? Были интересные военнопленные? Почему говорят, что Колыма усеяна человеческими костями?

Он видит мой неподдельный интерес и пытается вспомнить самые жуткие факты: «Военнопленные работали на народное хозяйство. В лагере они жили в бараках. Некоторые были на обслуге, например, один из немцев был парикмахером и занимался здесь своим делом. Японцы были сами дружными и сплоченными. У них даже не отбирали боевые награды, они охотно общались с русскими через переводчика, а сам переводчик был русским. Под амнистию попали рядовые, а высокие чины еще долго оставались в России. Мне тогда был 21 год, но ты уже знаешь, что был я на хорошем счету. И мне оказывали высокое доверие – я сопровождал до Германии эшелон немцев, однажды пришлось ехать в Брест, чтобы перехватить и снять с поезда немца... Была еще у немцев женщина, которая знала несколько языков и работала на несколько разведок. Мне при-

шлось сопровождать её до Бутырки. Так ясно запомнились метровые стены и железные двери тюрьмы...

А про условия и похороны на Колыме я тебе сейчас расскажу. Колыма была заселена многими национальностями: таджиками, азербайджанцами, русскими, прибалтами... Во время войны условия там были особенно тяжелыми: плохая одежда, мало еды, которую невозможно порой доставить из-за вьюг и холода. Работали в шахтах, где было минус 50.

А на поверхности были лютые морозы да такие вьюги, что люди шли, держась за веревку, чтобы не сбиться с пути. Москва требовала увеличить добычу золота и металлов, чтобы страна ни в чем не нуждалась. Смертность при таких условиях была большая, трупы в условиях вечной мерзлоты глубоко не закопаешь, их разрывали медведи и поедали...»

Я съезжилась, представив, как хрустят человеческие кости в зубах медведей, и перевела беседу на другую тему:

– А как Вы с Любовью Васильевной, женой, познакомились?

– А это произошло, когда я после войны и лагерей вернулся в Тамбов, пошел учиться на водителя, а она – на швею, так мы и познакомились. Мне понравились её трудолюбие и положительный характер. В ноябре 1956 года мы расписались, в декабре 1957 года родился сын Коля, а в апреле 1969 года – дочь Людмила.

Дядя Жень провел со мной только сутки, он воспользовался льготным перелетом для ветеранов, чтобы поведать мне о своей нелегкой жизни. Он знал, что я пишу стихи и прозу, и хотел, чтобы я запечатлела его на века.

Утром мы проводили его в аэропорт. Когда он посмотрел мне в глаза перед посадкой в самолет, я почувствовала, что вижу этого замечательного человека в последний раз. Царствие ему Небесное. Вечная память.

Июнь 2012

ТОМИЛОВ
Андрей Андреевич

победитель конкурса в номинации
“Проза”

КОРОТКАЯ ПОВЕСТЬ О ДЛИННОЙ ВОЙНЕ

В самом углу аэродрома, возле колючки, метров за сто с полтиной от взлётной, спрятались две палатки. В одной пережидали временные трудности девчонки-пилоты, соплячки ещё, а, поди, ты, – младшие лейтенанты. Во второй ютились два механика, это они обслуживали «бабочек», – так звали самолёты У-2, которые базировались на этом аэродроме ещё с весны, и стояли тут же, чуть в стороне.

Конечно, основными поселенцами здесь были «тяжёлые», и их свита, а уж эти, как говорится, с боку припёка, но и у них находились дела, которые делали они, к слову, очень даже неплохо.

Вообще-то У-2 – это надёжный, но тихоходный самолёт, их ещё «этажерками» называли. А тут

вот прилипло – «бабочки», может за то, что девчонки летали на них. А может и правда, похожи на лёгких, беззаботных бабочек. Но за женским звеном закреплено только два самолёта, другие два вообще редко работают, пилотов на них привозят из посёлка.

Взлётная полоса постоянно гремит, рокочет, то натужно, со стоном каким-то, с завыванием, то с облегчённым выдохом, будто после труда великого. Гремит и гремит, рокочет, денно и ночью. Война... Страшная война. Трудная.

Девчонки сильно переживали за пилотов, поначалу бегали чуть не за каждым самолётом, тяжело плюхавшимся на полосу после дальних, неведомых боёв. Приходили назад усталые, изму-

---

Родился в октябре 1949 года в селе Птичье Шумихинского района. После окончания Иркутского сельскохозяйственного института получил специальность охотовед-биолог. Работал на юге Хабаровского края, в Иркутской области, на Крайнем Севере. Там родились повести и рассказы.

Публиковался в газетах, журналах “Охота и рыбалка. 21 век”

С 2007 года и до настоящего времени работает охотоведом в частном охотничьем хозяйстве. На пенсии. Живет в деревне, занимается пчеловодством.

ченные, душой надорванные, молчали. Механики ворчали:

– Нечего туда бегать, каждый свою работу ладит. А что душу травите, так этим не поможешь. На войне тот сверху, кто холодный ум и спокойную душу имеет. Вот. А вы мааетесь.

Полёты девичьи были редкими, – раз в неделю выпускали, так хорошо, а то и реже. Скучали девчонки. Да и полёты-то не больно боевые, в основном по соседним фронтам пакеты развозили. Зато, когда привозили пилотов из поселка, и они несколько часов лазили возле своих самолётов вместе с механиками, было ясно, что намечается серьёзное дело.

Парни озорно подмигивали поглядывающим на них девчонкам, похохатывали между собой, и у Женьки, поначалу чуть-чуть, а потом всё сильнее и сильнее щемило в груди, пересыхало в горле. Она ещё тогда, как только перебазились сюда, прищурившись, не признаваясь себе, положила глаз на весёлого, чернявого лейтенантика Ивана.

Подружка Надя:

– Ой, подумаешь, Иван, Иван...

– Почему же? Просто Ваня, Ванечка...

– Смотри, Женька, война не время для любви, проще надо к этому относиться, проще.

– Ну, ты и дурёха! При чём тут война, если любовь. Какая она маленькая, война, против любви-то, даже незаметная.

Иван, белозубо улыбаясь в сгустившихся сумерках, радостно махал рукой серой стайке девчат и разгонял свою этажерку, а, едва оторвавшись от полосы, заваливал на крыло и брал курс на запад, на затухающую зарю.

– Опять за линию.

– А зачем тогда ночи ждать, если не за линию идти.

– Не честно это, нас не пускают, будто оберегают.

– А может, мы им для другой надобности согдимся.

– Дура ты, Надька.

Через два-три часа, тяжело перевалив невиди-

мый в ночи ельник, самолёт плюхался на родную “взлетку”, поднимал тучу пыли, разворачиваясь в половине, и подруливал к сигнальным фонарям механика. Иван снова улыбался:

– Привет, девоньки! Давно не виделись, ха-ха.

Женька прижималась в такие минуты к подружке и та задышалась от её объятий:

– Да ты сдурела совсем, задавишь меня!

Хорошо, что темно, не видно лица, залитого густой краской.

– Пропала я, Наденька, ох, пропала.

Часто самолёт встречала штабная «Эмка». И если Иван привозил на втором сиденье какого-то человека, он сразу садился в машину и его увозили.

Пилоты нередко оставались ночевать у механиков в палатке.

В такие ночи Женька с Иваном уходили в дальний конец ельника и до одури целовались, искренне удивляясь, какая короткая ночь, только была и уже светает, уже “тяжёлые” прогревают моторы и слышны матерки обслуги, загружающей бомбы. Когда бомбовозы вырливаются и начинают разбег, влюблённая парочка торопливо возвращается и, ещё какое-то время, подержавшись за руки, заныряют каждый в свою палатку.

Утром механики начинали колдовать возле самолёта, на котором ночью прилетел Иван, – множество пробоин, лохмотьями свешиваясь, придавали машине усталый и довольно жалкий вид. Механики клеили, штопали, меняли какие-то трубки и растяжки, пополняли боекомплект. К вечеру самолёт уже снова смело и даже гордо смотрел куда-то за горизонт, в бесконечность лазурного неба. Но приходила «эмка», или полуторка, и увозила пилотов. И Ивана увозила.

Женя медленно прогуливалась вдоль крыла, поглаживала пальцами заклеенные пробоины, и ей вдруг становилось тревожно, даже страшно. Нет, это не страх, это все-таки тревога, да, это тревога за него, за Ивана.

– Вон сколько пробоин, а он улыбается, дурачок.

Замполит выслушал пылкие речи девчат, хмык-

нул, спрятав ухмылку в пышные, прокуренные усы:

– Войны, значит, хотите? Чтобы всё по-настоящему?

– Так точно.

– Ладно, что-нибудь будем решать.

После этого было несколько тренировочных полётов, – ночами, а потом назначение: стрелками, в пару к ребятам. Но и после этого мало что изменилось, какая там работа у стрелка в ночных вылетах. Сидишь, в темноту по сторонам поглядываешь, а тебя везут, как мешок с картошкой. Настоящей работы так и не было.

Женька уже несколько раз летала за линию фронта, знала маршрут назубок. Но её пока не пускали в самостоятельный полёт, так и сидела сзади, втиснувшись между мешками с продуктами. Они таскали эти мешки и коробки к партизанам. Обратным рейсом дважды вывозили раненых.

Женя искренне переживала, что её участие в этой войне какое-то пассивное, казалось, что и без неё всё бы шло своим чередом, и не заметил бы никто, что её нет. Но однажды из ночного не вернулся экипаж лейтенанта Охрясина. Стрелком у него была хрупкая девочка Оля, и не близкая подруга, но ведь жили вместе.

Девчонки плакали, а Иван где-то достал спирту и всем предлагал, а потом напился.

Большие потери несли и бомбовозы. Аэродромное начальство ходило злое, колючее, не попадай под руку.

А вскоре Надя угодила в госпиталь. В ночном их обстреляли, и она получила хоть и не тяжелое, но ранение, снова плакали. Женька поняла, что и их работа на этой войне нужна и опасна. Даже не поняла, а каким-то образом прочувствовала, прониклась, и уже другими глазами смотрела на друзей, на окружающий мир.

Её пересадили вторым номером к Ивану, на место выбывшей Нади.

Линия фронта стала ближе. Там почти беспрерывно грохотали орудия, а на аэродроме появились четыре звена истребителей.

Взлётная полоса, или, как её называли между собой пилоты, – ленточка, была постоянно загружена. Даже в дождь и туман, самолёты разных марок и предназначений, чихая, будто чертыхаясь, разбрызгивая жидкую грязь, тяжело разбегались и, подпрыгнув, почти сразу пропадали в молочной пелене низкой облачности.

Иван с Женей, укрывшись одной плащ-палаткой, сидели на заветном брёвнышке и сливались в одно целое. Крупные капли дождя скатывались с еловых лап и барабанили по накидке, но различить влюблённых было невозможно.

Только приказ мог на какое-то время оторвать их друг от друга. Но они, как два магнита, тянулись друг к другу, тянулись из всех сил, прорастали один в другого не только мыслями, не только сливались душой, но и плотью становились единой.

Приходила полуторка и увозила Ивана, без объяснений, а иногда и без прощаний. Женя эти расставания переносила плохо, наверное, как все впервые и по-настоящему влюблённые. Она то грустила, то просто молчала весь день, а то принималась плакать беспричинно и уходила в ельник.

Хорошо было, когда давали работу. Она любила летать днём. Правда, днём за линию не ходили, и основная работа заключалась в доставке спецпочты на соседний фронт, или в штаб округа, – это вообще в тыл. Оживала в эти дни. Не сказать, что забывала Ивана, но хоть улыбалась, оттаивала будто.

Тот снова появлялся через несколько дней, привозил приветы от Нади, которую уже скоро должны выписать, привозил что-то вкусненькое, или яблоко, или горсть конфет, как маленькой. Но ей это нравилось, ей всё нравилось, ей сама жизнь нравилась.

Ведь никто не ощущает её, Жизнь, в обыденности, в текучести дней, – лишь на краю, лишь в критической ситуации, понимаем мы, что есть в нас тонкая ниточка, готовая оборваться в любой момент, в любой, самый неподходящий.

Но почувствовать это, понять, не всем дано, не каждому, только тем, кто действительно на кра-

ешке побывал, на самом краешке. Это Жизнь.

Женька вдруг почувствовала её, ощутила, как она натянута и как она слаба. Она тонула в своей любви, тонула, как в омуте, и даже не сопротивлялась.

Недаром говорят, что болезнь, опасность, и, тем более, война, реальная, грохочущая рядом, отнимающая друзей, – всё это, до помутнения рассудка, усиливает чувства.

Иногда они разговаривали:

- Мы будем долго, долго жить, просто жить.
- Да. Вместе и долго.
- У нас будет трое детей.
- Да. Или четверо.
- У нас свой дом будет.
- Да. Большой и красивый.

Иван ещё сильнее прижимал к себе Женьку и, захлёбываясь, начинал рассказывать про какую-то деревушку, где живут его родичи: мать и дед с бабкой. У деревеньки было смешное название – Юродушка, и это вызывало на девичьем лице улыбку.

– Ты не смейся, там такая красота, такая лепота, что только один раз увидишь и сразу влюбишься. На всю жизнь влюбишься.

- А я уже влюбилась, и как раз на всю жизнь.
- Да ты не понимаешь. Это же совсем другое.

Там дом стоит на берегу реки, на высоком берегу. А кругом черёмуха, столько черёмухи, что по весне, когда она цветёт, с непривычки голову обносит, такой дурман, аж до помутнения.

– У меня от тебя и без черёмухи голова кругом.

Военная любовь. Это особая страсть, постоянно подогреваемая близкой бедой, близкой, почти ощутимой смертью. Даже смысл самой жизни воспринимается по-другому.

Если среди жаркого лета вырвать пучок травы и бросить на припёке засыхать, растения так сконцентрируют свою внутреннюю энергию на продолжении рода, что за очень короткий период, некоторые семена смогут взреть, и дать на следующий год росток. Это выживание в экстремальных условиях.

Ещё древние заметили, что во время войн даже

бесплодные женщины могли родить. Ведь перед лицом опасности обостряются не только слух и зрение, серьёзно, до крайности, обостряются чувства. Кому довелось испытать на той страшной войне любовь, вспоминают те дни, как праздник, отдали бы всё, не задумываясь, чтобы вернуться в те события, вернуть ту остроту чувств.

Ближе к осени линию удалось выровнять, и грохот фронтовых орудий угадывался теперь лишь как раскаты далёкого грома.

Надя уже давно выписалась и жила здесь, в палатке, с девушками. Правда, к полётам её пока не допускали. Иван подкармливал конфетами и её:

– Для полной поправки и возвращения в строй.

Он был всё так же весел, смешлив, и удачлив. С ночных полётов они приходили порой на одних лохмотьях, вместо крыл, а ранен ни разу не был. И Женька с ним.

А когда вывезли какого-то грузного дядьку, с обрубком вместо ноги, Ивана представили к «Отваге», хотя в то время редко кого хвалили.

“Эмка” прикатила перед обедом. Ни вечером, как обычно, а перед обедом. Это всех насторожило, было понятно, что предстоит не стандартная ситуация. Иван, вынырнувший из машины, не подошёл к Жене, выпорхнувшей из палатки, а лишь кивнул ей с полуулыбкой:

– Соберайся.

Сам широко шагнул к механикам. Что-то торопливо начал им объяснять.

Все загоношились, забежали. Механики быстро открутили и сняли пулемёт, вытащили боекомплект. Женька, молча, смотрела на Ивана. Тот отрывисто бросил:

– Для облегчения.

Уже перед самой посадкой в самолёт, он сам вытащил из Женькиного планшета карту и, развернув её, ткнул пальцем в излучину реки:

– Запомните это место, младший лейтенант.

– Мы что, за линию? Сейчас, днём?

– Подтвердите задание.

Женька ещё помолчала, осознавая всю серьёзность положения, и тихо прошептала:

– Так точно.

Стало вдруг страшно. Она вскочила на крыло и заняла своё место. Как-то неестественно сжалась, втиснулась в спинку кресла.

Как Иван запустил двигатель, как вырулил на ленточку, что-то говорил ей в переговорное – она и не помнит. Опустело вдруг всё внутри. А снаружи один холод, один осенний холодок.

Сквозь треск помех и рокот двигателя, до сознания Женьки долетали какие-то слова, обрывки фраз. Она понимала, что это Иван хочет успокоить её, и несёт всё, что придёт в голову:

– ...только посмотри. Да это же красота не-описуемая. Ты только подумай, какие бы мог написать стихи Лермонтов, если бы он хоть раз на самолёте прокатился. А мы с тобой... летаем, мы выше птиц летаем, а небо! Ты только подними лицо, это наше с тобой небо, одно на двоих! Только на двоих!

...Снизу к самолёту потянулись ниточки, разделяясь на множество прядей, – это трассирующие пули указывали своему хозяину дорожку, по которой они идут.

Женя поняла, что они над линией фронта. Если проскочат эти полтора-два километра, значит, всё получится. Обязательно получится. Она даже успокоилась и почти отрешенно смотрела на пулёмётные трассы, медленно, будто лениво тянувшиеся к ним.

Иван начал выполнять замысловатые фигуры, пытаясь уклониться от обстрела, бросал машину то вправо, то здесь же менял направление на противоположное, резко задирает к небу и тут же уходил в глубокое пике, лишь перед самой землёй включал двигатель на полную мощность и на бреющем рвался дальше, по намеченному маршруту.

– Врешь, не в первый раз...

Женька слышала, как пули хлопали по крыльям, видела, как после этих хлопков на плоскостях образовывались дыры, с рваными, лохматистыми краями, но уже знала, чувствовала, что они прошли, прорвались. Они сделали это!

Необычное чувство радости охватило её, даже и не радости, а скорее восторга, чувство превосходства. Непроизвольная улыбка растянула её

губы, маленьким, но крепко сжатым кулачком она погрозила кому-то невидимому и громко прокричала:

– Молодец, Ванечка, я люблю тебя-я!

В ответ в шлемофоне что-то прогрещало, и она разобрала лишь одно слово:

– ...проблемы...

– Что случилось? Что случилось? Я ничего не поняла!

– Кажется, перебит бензопровод, сейчас заглохнем... И меня зацепило.

У Женьки всё оборвалось. Она провалилась в пропасть, в холодную, сырую пропасть, которая, оказывается, всегда была рядом. Совсем рядом, даже шага делать не нужно.

Даже не кричала, просто шевелила губами:

– Нет, Ванечка, нет! Только не это, только не ты, пожалуйста, Ванечка! Пожалуйста...

По самолёту, как по живому, прошла дрожь. Так конь отряхивается после купания. И двигатель смолк. Не чихал, не работал с перебоями, а просто смолк, и стало тихо. Совсем тихо. Даже свиста воздуха в продырявленных крыльях не было. Тишина.

– Держись, Женька, мы, кажется, падаем.

Голос был какой-то хриплый и чужой. Она бросила быстрый взгляд кругом: кто это? Но тут же поняла, поняла, как ему плохо.

– Я с тобой, Ванечка! Я с тобой, слышишь?! Мы вместе! Мы же одно целое!

Она пыталась привстать с сиденья, тянулась, царапала фюзеляж, ломая ногти. От своего бессилия ей становилось невыносимо, хотела, хотела всем существом помочь человеку, который и недалеко совсем, и не могла. Физически ощущала ту боль любимого человека, ещё даже не зная, куда его ранило, чувствовала эту боль, и радовалась, что хоть каплю забрала себе.

Вершины деревьев медленно проплывали рядом с плоскостями. Черные пики елей были выше желтеющих берёз, а великолепный оранжевый наряд стройных осин гипнотически притягивал к себе взгляд.

– Нет, Ванечка, я не хочу... я не могу. – Блед-

ные Женькины губы едва шевелились, выдавливая эти слова, а ей казалось, что она кричит, кричит из последних сил.

Совсем небольшая поляна вдруг образовалась впереди, между лесом и краем болота. В нормальных условиях посадить самолёт на этот крохотный пятачок, да ещё без подготовки, с заглушим двигателем, конечно же, невозможно. Да и не поверил бы никто, но чудо свершилось. Круто клюнув носом, самолет, молча, запрыгал по кочкам, помахивая пробитыми крыльями. Скрипнули тормоза, и, резко накренившись, машина замерла у самой кромки леса.

Женька была уже на плоскости и кинулась к Ивану, но тот и сам пытался выбраться. Она помогла ему, перевалила через край кабины, но удержаться не смогла и он, безвольно скатился на землю, потерял сознание.

Утирая рукавом совсем ненужные слёзы, Женька вытащила Ивана из под крыла и дотянула до трухлявого пня, прислонила. Стала ощупывать ногу, из которой, выше колена струйкой пульсировала чёрная кровь. Она растерялась, она не знала, что делать. Сквозь разорванные брюки торчали острые кости, а вокруг никого не было, ни одного человека, кто бы мог прийти на помощь.

– Помогите! А-а-а!

Она упала на него, обхватила голову кровавыми руками и целовала, целовала в безжизненное, бледное лицо. Он вдруг вздрогнул и пришёл в себя:

– Тихо, тихо, родная моя, успокойся...

– Ванечка, родненький, я не знаю что делать!

– В сапоге... Пакет в сапоге.

Она и правда, будто споткнувшись, перестала выть, быстро обшарила и вытащила из голенища тёмный конверт с толстой сургучной печатью. Он тоже был в крови.

– Иди, посмотри бензопровод.

– Ванечка, какой...

– Иди.

Она сунула пакет под гимнастёрку и кинулась к самолёту.

Иван прислушивался, поэтому услышал, что на

другой стороне болота началась какая-то возня: взревел, потом заглух двигатель машины. Визгливо раздавались отрывистые команды, снова заурчал двигатель.

– Что ты там возишься?

– Все, все, я отломил трубку и соединила шлангом, дотянем.

Снова подлетела к Ивану, как птица, не касаясь земли:

– Потерпи, миленький, только потерпи.

Иван приподнялся на локте, оторвал голову от трухлявого пня, и, с трудом ворочая языком, проговорил:

– Женька, милая моя Женька, выслушай меня, и сделай так, как я скажу. Сейчас ты сядешь в самолёт, и доставишь пакет...

– Не говори! Даже не говори, никуда я без тебя не полечу!

– Это важно. Очень важно. А я уже на краю.

Он снова уронил голову, ядовитая бледность ещё больше залила лицо.

– Нет! Я вытащу тебя, ты сам говорил, что у нас одно небо, одно на двоих. Я вытащу! Или рядом...

– Небо одно, и жизнь одна, вот и возьми её, а смерть... я себе возьму. Помнишь: «Мне достались две смерти, обе жизни тебе...»

– Ты не понимаешь, что ты говоришь, я же не смогу без тебя, нет!

Женька ухватила Ивана за гимнастёрку и попыталась тащить к самолёту. Нога неестественно заломилась, Иван застонал и запрокинулся, – он снова потерял сознание. Упираясь изо всех сил, Женька пыталась тянуть расслабленное тело к самолёту. Ничего не получалось. Положила его голову к себе на колени и плакала, гладила щетинистую щеку ладошкой, от которой остро пахло бензином, и навзрыд плакала.

Где-то за лесом рокотал немецкий бронетранспортёр.

Иван снова заговорил, причём, твёрдо и чётко:

– Ты должна. Я уже погиб, вопрос только времени, слишком много крови... А чтобы тебе было легче принять решение, я скажу правду.

Она стояла перед ним на коленях и поддерживала голову.

– Я никогда не любил тебя...

– Нет! Нет! Не смей!

– Не любил. Играл, да.

– Это неправда! Ты специально!

– Не любил. И ещё. У нас с Надей будет сын.

Он закрыл глаза. Было трудно понять, в сознании ли он или снова в забытьи. Женька отдернула руки, как будто обожглась. Окаменела. Иван ещё набрал какие-то остатки сил, тихо выдавил:

– Прости...

Она вскочила, ещё стояла, пытаюсь осмыслить услышанное, но в голове была какая-то каша, сумбур, смятение...

Выхватила пистолет и, едва сдерживаясь, вспарывала пулями землю рядом с его лицом, испачканным кровью. Выстрелы слились со стоном, вырывающимся сквозь стиснутые зубы.

– Как? Как ты посмел?! Как... Ты... Ты убил меня. Нет, ты нас убил.

Резко повернулась и торопливо зашагала к самолету, пытаюсь спрятать пустой пистолет в кобуру, но никак не могла попасть.

Он с усилием разлепил спёкшиеся губы и беззвучно прошептал:

– Я спасаю тебя, родная...

Но Женя уже не слышала и даже не видела Ивана. Она машинально прошипела «От винта» и включила магнето.

Взревевший мотор резко развернул машину навстречу бегущим по поляне немцам. Тугая струя воздуха, смешанная с выхлопными газами, с жёлтыми листьями, упруго даванула в лицо, в грудь Ивана, опрокидывая его, окончательно придавливая к земле. И он распластался, приник к ней, к земле, почувствовал её всем существом, принял.

Напрягая взгляд, видел огромное, пустое небо, чужое, холодное небо. Ускользящим сознанием понял, что самолёт смог оторваться от земли, слышал автоматную трескотню, стихающую вслед удаляющемуся рокоту.

Как немцы подбежали к нему, как остервенело,

обшаривали, он уже не слышал. Перетянув каким-то обрывком разбитую в кисель ногу, они поволокли его к фыркающему бронетранспортёру. Спасло Ивана то, что во всех частях вермахта был приказ о сохранении жизни лётчикам, попавшим в плен. Считалось, что пилоты более грамотны, знакомы с картой, могут принести немало пользы, особенно в делах разведки.

Уже начинало светать, когда из-за тёмной полоски леса выпорхнула «бабочка», потом долетел звук мотора.

– Идут! Иду-у-т!

Надя не удержалась, кинулась к ленточке.

– Куда ты! Оглашенная! Он же не увидит тебя! Это механик поймал её за рукав.

Самолёт закончил рулёжку, но на место толком не встал, – мотор заглох и на крыле тенью возникла Женька. Она спрыгнула навстречу подбежавшей Наде и со всего размаха влепила ей оглушительную пощёчину. Та отлетела в сторону, упала и закрыла лицо руками.

Механики остолбенели.

– Это правда?! – наступала Женька на подругу.

– Ч-что?

– Это правда, что ты беременна?!

– Ты что, дура что ли? От ветра?

– А... Иван...

Она грохнулась рядом с Надей на землю и завывала, каталась и билась головой:

– Ванечка!.. Ванечка погиб...

Был немецкий госпиталь, где Ивану ампутировали ногу и выдали старые, изгрызенные мышами костыли. Были мучительные допросы. Было томительное, морозное ожидание в «отстойнике-распределителе», – это так назывался дощатый барак, обнесённый по периметру колючкой. В центре барака стояла колченогая «буржуйка», но дров не было, и весенние ночи пробирали морозцем до костей, постоянно хотелось есть.

Потом был вагон-теплушка, там отогрелись, печь раскалялась докрасна, уже на второй день никто не тянул к ней почерневшие руки, – тепло

распространялось до самых дальних углов. Разомлевшие, спали вповалку. Солдат-часовой сидел здесь же на соломе, вытянув ноги, и пиликал что-то грустное на губной гармошке.

На станции всех рассадили по машинам. Все знали, что это Германия, пялились во все глаза по сторонам. Строгость во всём облике неведомой страны, чёткость линий, правильность строений и идеальная чистота кругом совершенно смутили все мысли пленников.

Ведь ожидали увидеть разбитые, разрушенные города, кучи битого кирпича и горы мусора, уже почти готовы были всё это сгребать на носилки и... Ожидали надсмотрщика с палкой или плёткой, а их встретила пожилая, очень улыбчивая, аккуратно одетая женщина, которая сразу расположила к себе.

Здесь, на ферме, их осталось четверо: трое молодых «солдат» и он, Иван. Конечно, он себя не считал стариком, но когда молодые стали называть его дядей Ваней, он понял, что пришла взрослость, ощутил.

На костылях много не попрыгаешь, но в меру сил он работал, помогал солдатикам ухаживать за скотиной. У фрау Марты было почти полсотни свиней и десяток бычков. Она сама частенько останавливала Ивана, если видела, что он хватался за вилы, или лопату, просила лишь приглядывать за порядком. Говорили, что у неё муж был каким-то чиновником, там, на Востоке.

Почти полтора года жили припеваючи. Жилуха, – небольшой домик, на территории фермы, тёплая, чистенькая, еда добрая. Марта часто приносила и ставила на стол огромное блюдо яблок.

«Солдатики» поначалу всё о побеге мечтали, гоношились чего-то, карту какую-то достали даже. От Ивана таились, куда его с собой тащить, на одной-то ноге, но он понимал всё, даже в душе одобрял. Но постепенно желание уйти в бега притупилось, разговоры стали реже, а потом и совсем прекратились.

Чувствовалось, что парням будто даже стыдно друг перед другом, но постепенно всё пригладилось, улеглось. Жизнь почти вошла в нормаль-

ное русло, пообвыклись, свободно объяснялись с хозяевами. Вечерами хихикали над старыми журналами, которых было множество у сердобольной хозяйки. Она же отдала старый граммофон с пластинками, и теперь до самой ночи были слышны задорные марши и весёлые припевки, жаль только непонятно, о чём поют.

Однажды пришла машина, и хозяйка очень плакала, – на фронте погиб её муж. Граммофон она унесла в дом, музыки больше не было.

Ближе к весне, где-то далеко у горизонта, стали слышаться орудийные раскаты. Потом бои приблизились, в стороне пролетали бомбардировщики. Наши...

Пленных загрузили в кузов грузовика, они даже не попрощались с фрау Мартой, и везли на запад почти всю ночь. В концлагере, куда их выгрузили, на огромной территории, сколько мог видеть глаз, стояли, сидели или лежали прямо на земле тысячи и тысячи таких же «солдатишков». В бараки все не входили. В воздухе витало чувство ожидания, напряжённого ожидания, – что дальше?

Эта огромная масса людей невольно будила воображение: «А если бы у них у всех было оружие, вот силища-то была бы...».

Видимо что-то было не так, не сложилось что-то, коль такая силища – и совсем бессильна.

Здесь, в лагере, выживали до самого лета. Именно выживали, кормили плохо, особенно потом, когда немцев на вышках сменили солдаты в другой, незнакомой форме. Говорили, что это американцы.

А ещё говорили, что война давно кончилась. Но как же она может кончиться, если столько народу в концлагере. Нет, Иван понимал, если война кончится, их сразу освободят. Конечно, освободят, не бросят же своих-то.

Их действительно, не бросили. На нескольких машинах приехали старшие офицеры. Долго и весело о чём-то разговаривали с американцами через переводчика, хохотали, хлопали друг друга по плечам.

На территорию прошли двое, майор и какой-то

штатский, прикрывающий нос платком, – вонь стояла изрядная. Майор спросил, зычным голосом, есть ли пленные в звании генерала. Толпа молчала.

Майор ещё раз выкликнул: есть ли полковники? Вопрос покатился по толпе, в самые дальние уголки лагеря. Ропотом прикатился ответ:

- Да, есть двое.
- Быстро их ко мне!
- Они тяжёлые, оба в бараке лежат.
- Чёрт возьми! Ну, другие офицеры есть?!

Из толпы вышагнули двое. Майор не стал уточнять, кто они и какое звание носили до плена. Он махнул на них штатскому, и тот, расстегнув портфель, вытащил толстую пачку ученических тетрадок. Передал их ближнему пленному.

Опять нырнул в портфель и достал горсть карандашей:

– Составите списки всех военнопленных, с указанием года рождения, номера части, и точное время и место сдачи в плен.

Снова приложил платок к носу и торопливо отошёл за спину майора. Офицер развернулся и направился к воротам, где стояли американские солдаты с винтовками.

Из толпы торопливо полетели вопросы:

- Товарищ майор... Товарищ... А когда нас...
- Он резко развернулся и твёрдо отчеканил:
- Для вас товарищей здесь нет!

Все умолкли.

Прошло ещё много дней. Умерших от ран или болезней, или просто с голоду, хоронили у дальнего забора, да и не хоронили вовсе, а так, прикапывали чуть. Лопаты не давали.

Кормили раз в два дня. Как это назовёшь едой: каждый подходил и протягивал ладони, туда черпаком вляпывали что-то тягучее и воняющее горелыми костями. После такой еды многие корчились потом в судорогах.

Ночами становилось прохладно, жались к баракам, но туда не входила даже половина обитателей лагеря. Люди окончательно потеряли свой облик, по лагерю кучками сидели и лежали какие-то тени, серые, безликие тени.

Когда стало подмораживать, а иногда пробрасывал легкий, редкий снежок, уже никого не хоронили, складывали беспорядочно. А потом и складывать не стали, просто вытаскивали из барака, освобождали место, даже образовались пустоты на нарах.

Однажды утром на большой, крытой машине, привезли два десятка красноармейцев, с автоматами. Молоденькие совсем, безусые. Насупившись и, стараясь придать голосу грубые нотки, жёсткость, они стали выгонять всех на центр лагеря, сбивать колонну.

От многотысячной толпы остались одни отребья, да и в бараках многие лежали, не могли пересилить слабость.

Колонну вывели через ворота и погнали, подгоняя окриками и тычками. Сзади, в бараках, слышались глухие, частые выстрелы.

Как добрались до какой-то разрушенной до основания станции, как ждали, а потом грузились в скотовозы, помнилось смутно. Да Иван уже как-то и не пытался ничего помнить, не воспринимал окружающую действительность.

Состав подали лишь ночью, даже ближе к утру, когда многие, и без того очень ослабленные голодом и старыми ранами, просто валялись на прирельсовую гравийную крошку, на битый кирпич, и засыпали. Засыпали навсегда.

Кто был помоложе и покрепче телом, дождались, – началась погрузка. У вагонов стояли солдаты с винтовками, и при малейшей задержке, «помогали» пленным прикладами.

Иван, с трудом поспевая за подгоняемой толпой, запнулся за кого-то, лежащего на земле, и упал. Сразу встать не смог и его затоптали. Но когда уже закончилась погрузка, и старший конвоя проходил вдоль состава, записывая количество пленных, холодный порыв ветра, вдруг привёл Ивана в чувство и он, трудно отталкиваясь от других, лежащих без движения, встал, опёрся на костыль. Второй костыль где-то сгинул в суматохе.

Двое солдат подхватили его и легко закинули, запихнули в гущу копошащихся в скотовозе тел.

Эти вагоны специально строились для перевозки скота. Обшивка выполнялась так, чтобы между досками была щель, руку в эти щели можно было просунуть, но вылезти – нет. А нужны они были для того, чтобы скотина, перевозимая в жаркие, летние дни, не запарилась, и, попросту говоря, не подохла от жары и духоты.

Военнопленных набили в эти скотовозы столько, сколько вошло. Все, кто был в середине, – выжили, почти все доехали до родной сторонутки. А те, кто своим телом прикрывал щели, околели уже в первую ночь. Но их не убирала, так и поддерживали, – всё меньше дуло.

Родина встретила бывших своих защитников неприветливо. Кто сумел выжить, начал сомневаться, – а хорошо ли это, может и не нужно было терпеть, принимать такие муки и страдания, может надо было ещё там, в лагере под американцами, лечь где-нибудь с краешку и уснуть, сладко уснуть...

В пересыльном лагере, в ожидании суда все маялись от жуткого холода. Была уже зима, а дощатые бараки не отапливались, даже печек не было. Караулили покойников. Если кто умирал, с него тут же стаскивали всю одежду, пялили на себя. И жались друг к другу.

Старший офицер охраны, или, как он разрешал себя называть «гражданин начальник», щеголяя в новеньком, почти белом полушубке, затянутом скрипучими ремнями португепи, не уставал повторять:

– Всё, граждане трусы и предатели, кончился ваш курорт у фашиста за пазухой. Вы очень скоро пожалеете, что не подошли вовремя, вместе с вашими хозяевами.

А и правда, пожалели, ох и пожалели.

Судили быстро. По десять человек сразу. Строго судили, по двенадцать, пятнадцать лет исправительных работ.

Бывших офицеров судили по одному, но почти всем давали по максимуму, – двадцать пять лет. Если нет руки, или ноги, срок поменьше. Иван получил привилегию, – пятнадцать лет исправительных работ, без права переписки.

Отбывал срок в одном из северных лагерей, – в «Северлаге». Основная работа – это лес. Вековые стволы валили, разделявали на баланы. Потом трелевали эти баланы по ледяным желобам, тянущимся порой на несколько километров. Притянув стволы на разделочные площадки, огромными пилами превращали их в плахи.

Иван довольно быстро поправился на лагерной баланде и сносно прыгал на одной ноге вдоль поваленного дерева, обрубал сучья.

Первые годы часто и больно помнил Женьку, помнил шелковистость её волос, глубину глаз, даже запах маленьких, мягких ладошек. Помнил. А лет через восемь-десять стал забывать, стёрлось лицо, затуманилось. Даже чудом сбережённая карточка, где они вдвоём у крыла боевой машины, уже не приносила того душевного трепета, той необъяснимой нежности, приливающей в душу. Иван там орёл, – лихо задвинутый на затылок шлемофон, а на груди новенькая, только полученная медаль «За отвагу». Женька красивая, стеснительная была, и здесь, на фотографии, стоит, чуть отстранившись, не разрешила себя обнять.

Годы лагерные, они отпечаток серьёзный накладывают, на человека, как на душу, – рубцы во всю глубину, так и на тело, – в сорок лет уже старик. Далеко не каждому удалось пережить их, те годы. Даже ни пережить, а перетерпеть, потому, что жизнью тот период никто из невольников не называл.

Освободился Иван через шестнадцать лет. Целый год сверх приговора отсидел, – пока документы нашли, пока сверили, перепроверили. Да он и не в обиде. Там хоть нужен был, место своё в бараке имел, знал, что два раза плеснут баланды. А теперь что? Куда идти, где искать место? Кому он нужен, с таким документом и своими бесконечными болячками, со своей сторбленной, одноногой старостью.

Проплутав много дней по станциям, ночлежкам, товарнякам, Иван добрался, наконец, до райцентра, знакомого ещё по юности. Сюда они с дедом приезжали на лошади, нечасто, раза два за

лето. Зимой вообще не вылезали из своей Юродушки. Райцентр тогда казался городом, хотя ни одного кирпичного дома там не было, зато были двухэтажные, рубленные из толстенных, почерневших от времени, сосен. А народу много, просто жуть. На станционной площади стояли, крытые железом, торговые ряды. Дед обязательно покупал там огромный леденец в виде петуха. Половину Ванька изгрызал сразу, а остатки, с трудом оторвавшись, прятал под рубаху. Потом, дома, давал полизать матери. Та улыбалась, трепала сына по волосам, но от подарка не отказывалась.

Здесь же, на станции, его провожали на учёбу в город. Тогда был спецнабор в военное училище, а Иван как раз закончил семилетку.

Вот с тех пор и не был он здесь, – больше двадцати лет прошло. После училища направили на Дальний Восток, а потом война.

Присел на станционную скамейку, к балагурившим, подпитым мужикам. Когда разговорились, поведал, что добирается домой, в деревню. Здесь же узнал, что деревни той, Юродушки, давно уж нет, переселили всех – кого в райцентр, а в основном в совхоз, который собрали из нескольких колхозов.

– А в Юродушке пара старух оставалась, да и те, наверное, померли давно, туда и дорога-то уже берёзками затянута.

Иван с треском затягивался махорочным дымом, прятал под густыми бровями заблестевшие глаза.

Уговорил станционную буфетчицу продать ему буханку чёрного хлеба, торопливо спрятал её в мешок и, тяжело опираясь на самодельные костыли, широко зашагал в сторону виднеющегося за крышами домов леса.

Когда уже вышел на окраину, сзади, пофыркивая, догнал и грубовато просигналил грузовик. Иван радостно закинул в кузов костыли и трудно, по стариковски, вскарабкался сам.

Водитель высунулся и с любопытством осматривал попутчика:

– К кому-то в гости? Я вроде, тебя раньше в

совхозе не видел.

– А я не в совхоз, мне до сворота на Юродушку.

– Во как, к бабке Агафье, значит.

– Почему так решил?

– А чего тут решать, больше там никто не живёт.

– И обронил туманно. – Дождалась всё же.

– Значит, к бабке.

Весело пропылив по лесной дороге с десятков километров и, уже проскочив было свёрток, грузовик резко остановился.

– Чуть не провёз тебя, дед.

– Спасибо, внучёк, – с кривой усмешкой ответил Иван, отмечая про себя, что водитель-то лишь чуть помоложе его будет.

Дорога действительно подёрнулась зарослями молодой берёзки, но тропка была сносно натоптана, – кто-то хоть и изредка, но регулярно хаживал. Иван посидел на обочине, покурил, и направился домой.

Бормотал что-то себе под нос, пытался вспомнить, жителей деревни, вспомнить улицы и дома, но толком ничего не получалось.

– Кто такая бабка Агафья?

Вспоминался клуб, – длинный деревянный барак. Толпа народу у входа. Это когда кино привозили, собиралась вся деревня. Пока механик готовился показывать картину, девки пели песни и частушки. Кто-то подыгрывал им на гармошке. Хорошо пели.

Чуть в стороне, параллельно дороге, угадывалась речка, та самая, река его детства. Её не было видно за густыми зарослями прибрежного тальника, но журчание воды на перекатах нежно ласкало слух, притягивало к себе.

Солнышко уже клонилось, зацепляясь за макушки деревьев, начинал подниматься вечерний комар, воздух в лесу разделился и теперь перемешался, – то полоса холодного, то тёплого, как парное молоко.

Так же было тогда, давно, когда они с пацанами бегали встречать коров из табуна. Давно это было, а вот вспомнилось.

Впереди показался просвет – это начинались колхозные поля.

– Значит, пришёл. Сразу налево, к реке, – деревня.

Выйдя из лесу и торопливо бросив взгляд налево, он не увидел никакой деревни. Знал ведь, что нет её, знал, что все разъехались, и дома переезжали, а в душе не верилось, – ждал.

Кругом была дурбень, крапива, да репейник выше головы. И клёны, почти повсюду, где раньше стояли избы, поднялись молодые, уверенные в себе, в своей правоте, клёны.

Посреди дороги, оперевшись на узловатую, заплесневшую от времени палку, стояла сухая, дряхлая старуха. Иван даже вздрогнул, увидав её, приостановился. Но тут же опомнился и шагнул к ней, сделавшей едва заметное движение навстречу:

– Здравствуй, мать.

Старуха двинулась было навстречу, но подломилась, палка выпала из её иссохшей руки, и она бухнулась на колени, потянулась к нему:

– Лёничка! Лёничка-а, родненький ты мой! Как же ты долго воева-ал!

Иван, плохо понимая происходящее, подскочил к ней и помог подняться, сам запутался в костылях и чуть не упал рядом. Старуха обхватила его жилистыми руками и продолжала выть:

– Я думала, что уж не дождусь тебя, сокол ты мо-ой! Да как же тебя долго не было-о.

– Ты, мать меня с кем-то...

– Лёничка-а, сокол ты мой ясны-ый!

Она выла, не переставая, обхватив Ивана своими сухими, но крепкими руками, оглаживала его, тыкалась в бороду сухими, шершавыми губами. Он снова пытался что-то объяснить, но старуха не выпускала его из объятий:

– И не смей меня так называть, как звал маменькой, так и зови. Пойдём, родненький, пойдём домой. Устал, небось, на одной ножке-то, торопился к маменьке, ой как торопился, сердешный мой!

Они зашагали в деревню. Старуха боялась, что сын вдруг снова исчезнет, и крепко держала его за рукав, забегая вперёд, постоянно запинаясь за костыль, что-то рассказывала, торопливо и сбивчиво.

Домик бабки Агафьи спрятался в зарослях крапивы совсем недалеко. Невеликий домик, с развалившимися стайками и сараями рядом, с покосившимся колодезным журавлём посреди бывшего подворья.

– Проходи, родимый, проходи. Разболюйся, маменька покормит тебя сейчас, – твоя любимая запеканка поспела. А как же, я, Лёничка, всё помню, всё как есть. Все твои привычки и хотения, всё помню.

Она и правда загремела заслонкой, подхватила из тёмного жерла печи чугунок, торжественно водрузила его перед дорогим гостем. Суегилась. Вскарбкала на лавку и достала из-за иконы тёмную бутылку кагора.

– Отметим в радости нашу счастливую встречу.

Иван уже всё понял и чувствовал себя несколько неловко, даже снова пытался что-то объяснить, но старуха не хотела его слушать, она постоянно гладила гостя по голове, обнимала костлявыми руками, что-то мурлыкала неразборчивое, но ласковое.

Он откупорил бутылку, плеснул в подставленные стаканы и согласился:

– Здоровья тебе... маменька.

– Спасибо на добром слове, сынок. Только здоровье мне теперь ни к чему, – тебя дождалась, можно и к отцу.

Иван доставал из чугунка запеканку:

– Ты это о чём?

Агафья спрятала в шкафчик бутылку с остатками вина:

– Потом помянешь меня.

– Да ты что, на самом деле, маменька, я пришёл, давай вместе теперь жить.

– Нет, сынок, ты не понял, я ведь давно померла, еще, когда твою похоронку принесли, а теперь просто всё уравнивать надо. Помнишь ведь тятеньку-то, помнишь, какой у него порядочек был во всём.

– Маменька...

– Нет, нет, ты меня послушай, – старуха приехала совсем рядом, прижалась к Ивану, обхватив

его за шею, и зажурчала. Сгустившиеся сумерки тихо вплывали в покосившиеся окна, за дверью жалобно мяукала кошка.

– Ты послушай. Я ведь тебя, Лёничка, сильно ждала, почитай каждый день встречать ходила. А зимой, от дому, до околицы тропочку чистила. Не верила, что ты сгинул. И иконку вон поставила, хоть ты и ругался. А как без иконки – обмахнул себя, а поклониться некому. Поставила, не сердись.

Она снова прижималась, гладила Ивана по голове, по редким, седым волосам.

– Тятеньку схоронили, когда ещё люди жили. Ты же помнишь, он весь избитый был, после гражданской-то, маялся. Я себе рядышком могилку вырыла, ты найдёшь, досочками прикрыла.

Иван напрягал память, пытался вспомнить, – кто же жил здесь, тогда, в той жизни. Кто этот Лёничка? Но память возвращала другие картины и эпизоды, упорно не желая заглядывать в этот конец деревни. Вроде и был какой-то Лёничка, но был он младше и дружбы с ним Иван не водил. Тем более что пацанов на том краю хватало, а с этими даже на кулачках не один раз сходились.

– На печи валенки. Отцовские. На первое время тебе хватит, я их чесноком переложила, от моли. В сундуке рубахи. И порты отцовские, почти новые.

– Да что же вы делаете, маменька.

– Ой, Ленечка, я же баньку для тебя вытопила, ополоснись, сходи. Или уж завтра.

– Как же ты знала, что я сегодня приду?

– Как не знать. Все годочки жду, потому и знаю. Да, в кладовке моя домовина, а вон в изголовье смертное.

Снова ластилась к нему, мурлыкала что-то, без слов, душой ласкалась.

– Чтож ты, маменька, в совхоз со всеми вместе не переехала?

– Бог с тобой. Как же я тебя оставила бы? Ты же не нашёл бы меня, а тут дом. Родимый дом. Ты родился тут.

Совсем стемнело, где-то за печкой затрещал сверчок. Агафья снова сутилась, шабаркалась по

тесной горнице, стелила сыну постель.

– Ложись, маленький мой, ложись моя кровинушка, отдыхай.

Иван и, правда, с удовольствием вытянулся на широкой лавке, провалился в блаженство. Откуда-то с полей доносился знакомо-успокаивающий крик перепёлки: «Спать пора – спать пора...»

– Ты, сынок, на Нинку-то зла не держи, она и после похоронки ждала тебя, пока Николай не рассказал, что сам видел, как ты в танке сгорел. Уж потом она замуж-то вышла.

– А ты, как же, не поверила?

– Я мать.

Утром, едва проснувшись, Иван всё понял. Агафья, переодетая во всё чистенькое, строгая и прямая, лежала на лавке, скрестив на груди уже холодные руки.

Он посидел рядом, повздыхал, пошел, отыскал кладовку и принёс в горницу домовину-гроб, о котором предупредила вчера маменька. Приподнял старуху, как пушинку, и легко переложил её, прибрал, поправил саван. Вышел на улицу, посмотрел по сторонам и, вспомнив, где было кладбище, заковылял туда.

Кладбище заросло, как и деревня, по которой Иван прошел теперь из края в край, но незатейливая тропка привела прямо к прибранной могиле, с надломившимся, но подпёртым крестом. На крест была прибита ржавая, жестяная звёздочка.

Рядом, заботливо прикрытая досками, зияла пустая могила. Откинув доски, Иван увидел внутри приготовленный крест. На дно вела деревянная лестница. Он понял, что Агафья приходила сюда и ухаживала за своим последним пристанищем.

Он ещё побродил по бурьяну, цепляясь за поваленные кресты, посидел на какой-то, чудом сохранившейся, лавочке, и побрёл в деревню.

В доме, возле покойницы, сидела женщина с грустными влажными глазами. Она лишь чуть повернула голову, поздоровалась и снова тихо заплакала.

Возле развалившегося сарая, Иван нашёл тележку, на двух деревянных колёсах. Они вдвоём вытащили гроб и, укрепив его на телеге, медлен-

но двинулись. Пёстрая худая кошка долго шагала за ними, не переставая мяукать.

– Лопату забыл.

– Там есть, она всё приготовила.

Снова шли молча.

Когда вернулись с кладбища, Нина помыла пол и собрала на стол, поставила остатки кагора, – помянуть. Иван беспрестанно курил.

– Я часто к ней приходила, продукты кой-какие принести, попроведать. Шофёр наш сказал, что тебя подвозил, вот я и прибежала, – не успела.

– Чего она померла-то, вчера такая радостная была, Лёночкой всё называла.

– Потому и померла, что дождалась. Только этим ожиданием и жила.

– И что же теперь?..

– А что, живи. Она же тебя сыном признала. А я сразу поняла, что это ты приехал. Мала была, а вот запомнила тебя... Мы знали, что ты предатель, все знали, оттого и тётка Катерина – мать твоя – померла.

– Предатель, значит.

– А что, ногу-то немцы отрезали? Ты же у них служил?

– Значит, немцы...

Ещё посидели, молча, Нина вздохнула и стала подниматься:

– Ладно, пойду я, вечереет уже.

Он не вышел её провожать, утонул в махорочном дыму.

Время для Ивана остановилось, заledenело. Когда там, на допросах, в НКВД, даже потом, в лагере, там ладно, можно как-то понять, даже простить можно. И тех, кто больно допрашивал, и даже тех, кто так безлико, безразлично судил, но здесь, дома. Дома! Как здесь, простые люди могли подумать только, могли поверить, что он... А вот, оказывается, подумали. Он, Иван, – предатель.

Несколько дней не мог справиться с этой, засевшей в ушах, в голове, новостью. Бродил по берегу речки, проваливаясь костылями в топком берегу, сидел подолгу на пеньке, возле того места, где стоял когда-то их дом. Тот самый дом, куда он стремился все эти чужбинные годы, который

был самым высоким, самым просторным и самым красивым.

Хорошо, что эти дни он был один. Он смог каким-то образом пережить эту боль, задавить её в себе, притушить. Но и окончательно понял, что жить будет здесь, ни в какой совхоз не поедет, да и кому он там нужен, – предатель.

Выпил еловую чурку и три дня вырубал из неё культю. К осени он уже довольно сносно передвигался без костылей. Как-то прибежала Нинка, принесла хлеба да лапши. Иван соорудил удочку и днями пропадал на речке, – рыбачил. Вечерами пилил развалившийся сарай на дрова, готовился к зиме.

Однажды, уже березы подёрнулись жёлтым листом, на подворье раздались голоса:

– Тётка Агафья! Встречай гостей!

В домишко ввалились два молодых парня, здоровые, под потолок, белозубые, с рюкзаками и ружьями. Уставившись на Ивана, в голос спросили:

– Леонид, что ли?

– Опять начинается... Померла Агафья, а вы кто будете?

Познакомились. Оказывается, ребята уже третий год приезжают сюда на осеннюю охоту.

– Тишина, покой, народу почти не встретишь, а дичи хватает. Нам нравится. Опять же ночлег есть, тетка всегда пускала.

– Да пожалуйста, располагайтесь, мне веселее будет.

Одного из парней звали тоже Иваном.

– Значит, тётками будем.

Молодой тётка улыбнулся и похвастал:

– Я ещё и двойной Иван.

– Это как?

– А вот так, Иван Иванович.

– Это здорово. Во-первых, красиво, а ещё и имя отца носить – это всегда почётно и приятно.

Парни освоились быстро, вспоминали тётку Агафью, но молодость брала своё, и они, чуть подвыпив, уже веселились, рассказывали что-то смешное и сами же хохотали. Иван, а он был рядом с ними совсем стариком, любовался ими,

восхищался их силой, красотой, радовался, что они живут совсем в другое время, совсем в другой стране.

Утром охотники утащились на лесное озеро – у них там балаган сделан. Говорят, очень красивое озеро, а Иван и не помнит той красоты, хотя знает, что дед его туда водил.

Ещё одно откровенье: не всяк видит то, на что смотрит. А теперь вот и рад бы посмотреть и увидеть, да навряд ли доковыляет туда, на своём обрубке тёсаном.

Сидя на берегу, поглядывал на поплавок удочки, а сам ковырял ножом кусок бересты, принесённый течением. Береста была толстой, а от воды стала податливой, легко резалась. Порукодельничал дед, и вот уже по краю квадрата появились какие-то замысловатые узоры, завитушки. Придя домой, Иван достал из сокровенного местечка старую, чудом сохранившуюся фотографию, приладил её в свежую, берестяную рамочку. Поставил на подоконник, к свету.

Через три дня вернулись охотники, разгорячённые, довольные охотой, притащили уток, которых тут же начали потрошить.

– Мы завтра домой, но ещё появимся, недельки через две. Вы не против, дядя Иван?

– Приходите, я всегда вам рад буду.

– Может вам что принести надо?

– Не печалься, тёзка, сами приходите, а мне уж теперь ничего не надо.

Утром, собирая рюкзаки, парни толкались в тесной горнице, торопились на проходящий автобус. Иван, тот, что молодой, случайно зацепил на подоконнике берестяную рамочку, она упала. Парень схватил её и сунул на место, но, вдруг замер, снова, уже медленно, взял фотографию и стал рассматривать.

Долго, внимательно всматривался, потом тихо спросил:

– Кто это?

Иван всё видел, он даже испугался, как изменился парень в лице. Губы стали тонкими, бледными, а скулы заострились.

– Кто это? – повторил парень, подступая к Ивану.

Тот даже чуть отшатнулся:

– Да, кто ж его знает, наверно, Леонид, – почему-то тоже очень тихо ответил Иван и стал торопливо сворачивать самокрутку. Опустил глаза. Махорка рассыпалась. Почему так сказал, почему затряслись руки?

– Леонид танкистом был.

Молодой положил фотографию на стол, схватил рюкзак и выскочил, побежал догонять товарища.

Осень была в самой охоте, – разлистопадилась березняком, зарумянилась осинником, заполонилась груздями. Прозрачное небо беспрестанно распарывали стаи уток быстрокрылых, да важных, как и полагается, гусей. Вода в реке сделалась стылой и отдавала изумительной желтизной, отражала в себе золотые берега. Журчала, словно сытая кошка.

...Возле колодца, на кривобокой лавочке, сидели, обнявшись, Женя и Иван. Иван побрился и уже не походил на древнего деда, а Женя, хоть и не молоденькая девочка, но выглядела очень даже. Немного смущалась.

– ...А что рассказывать, фотографии же две было, одна тебе, другая мне. Ванечка с детства знал, что это его отец. Я ведь тогда беременная была, в последнем нашем полёте, думала, вернёмся, – расскажу. А мы... не вернулись.

Женя замолкала, внимательно вглядывалась в уставшее лицо Ивана, гладила его по шевелюре, когда-то пышной и чёрной, а теперь жиденькой и белой.

– А помнишь Наденьку, – подругу нашу, ты её ещё конфетами кормил?

– Да, кажется, помню, должен помнить.

– Она ведь, и правда, любила тебя. Мы уходили в ельник целоваться, а она следом, – реветь. Подглядывала за нами. Когда умирала, призналась мне. Любила. Она однажды пришла из-за линии, совсем пробитая, еле посадила. У нас на руках умерла. Мы её там, на аэродромном кладбище и похоронили. Помнишь, где?

– Да, наверно, помню. Я ведь, Женечка, эти

годы трудно прожил. Не один раз пожалел, что не умер тогда, на той поляне, у болота. Плен был. Потом ещё... плен, только уж пострашнее первого. Били очень, по-свойски били, так, что я и забыть кое-что мог, ты уж не сердись.

Она опять прижималась к нему, ластилась, до-трагивалась до его руки.

– Я ведь была уверена, что ты погиб. Казнила себя страшно, сколько раз руки наложить хотела, Ванечка удерживал.

А потом он вырос, в армии отслужил, я его и послала сюда, посмотреть на родину отца, – название-то приметное, помнишь, хвастался, что от черёмухи здесь голову обносит.

Думала, может, мать твоя жива, порадуетя на внука, но уже никого не было, да и деревни уже не было.

А Ванечке понравилось здесь, вот он и ездил каждую осень сюда, с другом.

И правда, хорошо здесь.

Ветеран войны ТЮШНЯКОВА (Сибирякова) Надежда Тимофеевна (в центре), слева – труженица тыла Буравина Александра Алексеевна, справа – казначей Мокроусовского прихода Чистякова Вера Тимофеевна

Тюшнякова (Сибирякова) Надежда Тимофеевна родилась в деревне Нижне-Полевое Шадринского района 18 октября 1922 года в семье крестьянина. В 1939 году окончила школу, поступила в Шадринский учительский институт на факультет русского языка и литературы. В 1943 году Надежда Тимофеевна ушла на фронт добровольцем. А до этого в институте получила удостоверение медсестры, училась стрелять в местном тире и ей вручили значок «Ворошиловский стрелок».

Послужной список Н. Тюшняковой таков: с июля 1943 года Шадринским РВК направлена курсантом в Ярославское интендантское училище. Там, в декабре, отметив, что девушка отлично владеет оружием, перевели на базу 202-го запасного стрелкового полка в роту снайперов... В июле 1944 года младший сержант Тюшнякова попадает на 3-й Белорусский фронт в 367-й отдельный пулеметно-минометный батальон, с которым дошла до Кенигсберга. Дважды ранена. Имеет боевые награды — орден Отечественной войны 2 степени, медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». 22 января 1946 года Н. Т. Тюшнякова возвращается домой. Работает в Шадринске учителем литературы. С 1982 года проживает в Мокроусово.

С фронта Надежда Тимофеевна привезла тетрадь со стихами. Они бережно сейчас хранятся дочерью Заслуженным врачом-терапевтом России Ириной Леонидовной. В тетрадке в косую линейку — внутренний мир двадцатилетней девушки, попавшей на передний край совсем не женской работы. Там она нашла и потеряла свою первую любовь. Он был командиром взвода разведчиков, но погиб, и в тетрадь ложатся первые строчки безысходной боли, ненависти к врагу, отнявшему у Нади самое светлое и дорогое. После первого своего ранения Надежда попадает в медсанбат. От наркоза очнулась ночью. Попросила лампу-трехлинейку, чтобы записать, преодолевая боль, строки стихотворения «В госпитале». И написала о приезде капитана, командира роты, к ней в палату, чтобы навестить сержанта Тюшнякову.

Стихи, написанные на войне, пронизаны патриотизмом, дышат ненавистью к врагу, верой в победу советского народа. На фронте Надежда Тимофеевна вступила в партию. И с гордостью пронесла свой партбилет через всю жизнь. Она никогда не отказывалась от Ленинских идеалов, верила правительству и партии до самого ее развала....

Наталья Захарова

*На смерть друга Саши Майфета,
командира взвода разведчиков*

Как тот далек день нашей встречи,
Ушел в песок разлуки час.
Из уст лились потоки речи,
Увы! Не слышно их сейчас.

Я помню первое свиданье,
Твой милый образ дорогой,
И будут жить воспоминанья
О нашей встрече фронтовой.

Того уж нет, кого любила,
Кого теперь еще люблю,
Осколком мины поразило
Его за Родину в бою.

Погиб! Он дрался за свободу,
Он воевал за край родной.
Служил советскому народу
И не лукавил предо мной...

Фашистам – нет! Я не прощаю,
И снайперски я буду бить,
А другу тоже обещаю
За смерть лишь кровью отомстить.

Я не спущу врагам кровавым,
Я чую, близок мести день!
И мы великим делом правым
На Запад их прогоним тень!

Быть может, я погибну также,
В разгаре боевого дня,
Но много есть бойцов отважных,
Что отомстят и за меня!

Когда в параде победивших –
На Красной площади – страна,
В число за Родину погибших,
Вольются наши имена!

Сентябрь, 1944 год. 3-й Белорусский фронт

В ГОСПИТАЛЕ

Так тяжела эта ночь, беспробудна,
Тело горит, как от ремня...
Ровно в одиннадцать, до полудня,
Кап. Маленков навещает меня...

С ним боль ушла, растворилась куда-то,
Мне он рассказывает о том,
Как с поля боя до медсанбата
На старой шинели тащил меня он.

Греет меня, словно солнце весною,
Простенький Гриши о бое рассказ:
Не отступили мы моря волною,
Выполнив штаба, начдива приказ!

Ранило слепо меня в ходе боя
Мины осколком. Упала ничком...
Слышала шепот: «Я здесь! Я с тобою!»
И – темнота, в горле сухо, как ком...

Родину любим мы с кап. Маленковым,
Снайперов роту, где службу несла...
А вот о чувствах друг к другу – ни слова,
Только глазами... к чему нам слова?

Тридцать три года тому капитану,
Дом свой оставил, пошел воевать...
Кажется мне, не болит больше рана,
Хочется петь мне и танцевать.

Быстро поправлюсь, вернусь в «этажерку»,
В строй свой родной я мечтаю опять
Рядом с девчатами встать на поверку,
Родину нашу от зла защищать.

Есть ли прекраснее день, чем сегодня?
Думаю, нету прекраснее дня.
Ровно в одиннадцать, до полудня,
Кап. Маленков навещает меня.

*(в медсанбате после ранения. 1944 год.
3-й Белорусский фронт)*

УСМАНОВ
Владимир Викторович

МАТЕРИНСКАЯ СТАТЬ

Сколько помню себя, в самые сложные, трудные и ответственные моменты жизни мне вспоминается лицо мамы, кажется, я даже ощущаю, что вот она, мама моя, рядом.

И мысленно веду с ней разговор: спрашиваю, советуюсь, винюсь за промашки и прегрешения или делюсь радостью. Мама, как моя собственная совесть, мой судья и защитник.

Я привык с ней говорить обо всем: тут и размышления, а как бы поступила мама, случись ей решать появившуюся у меня проблему, как поступить в той или иной ситуации, какое принять решение?

Особенно такой совет просто необходим, когда

от моих действий зависят судьба, а порой и жизни людей.

А начались такие мысленные советы, когда я, 17-летний деревенский парнишка, оказался далеко от дома в военном училище. Потребность в них не только не уменьшилась, а возросла, когда уже в майорских погонах пришлось мне командовать мотострелковым батальоном в Афганистане, и теперь, когда уже имею собственную семью, жизненный опыт, генеральские погоны на плечах и ученое звание кандидата педагогических наук.

А как же иначе? Думаю, что так же поступают многие люди в трудные минуты. Ведь мама дала

Родился 9 августа 1951 года в селе Мачеха Киквидзенского района Волгоградской области. Закончил Ленинградское высшее общевойсковое командное училище им. С. М. Кирова. После училища служил в Вооруженных Силах на командных должностях. Генерал-майор. В 1981-1983 гг. служил в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Кавалер ордена Красной Звезды, ордена «За военные заслуги».

Автор книг: «Культура. Духовность. Патриотизм», трехтомника «Зовущий колокол, огнём горящий меч» и других. Заслуженный работник общего образования. Советник губернатора области по патриотическому воспитанию населения.

В Союз писателей России принят в 2005 году.

нам жизнь, вскормила собственной грудью, оберегала от напастей и невзгод, видит в нас продолжателей ее наилучших устремлений и надежд, вложила столько сердечности и доброты.

Сколько раз каждый из нас ребенком припадал к маминой груди в минуты своих душевных тревог в надежде, что мама защитит: никому не отдаст и никогда не предаст. Может быть, потому и первое слово, которое произносит малыш, чаще всего звучит: «Мама».

Да и уходя из жизни, наверное, это же святое слово произнесем.

Мне много раз доводилось бывать далеко от Родины. А воспоминания о ней опять же начинались с маминого лица. Затоскую по дому, а вспомню прежде всего маму, потом уж отца, родительский дом, друзей-товарищей, знакомую улицу...

Мама для каждого человека символ семьи, дома и Родины. Уверен, потому так тесно и переплетаются в нашем сознании два самых святейших понятия: мама и Родина-Мать. По отношению к этим двум наивысшим категориям нравственности человек сверяет свою жизнь и деятельность, по ним же дают ему оценку окружающие люди.

Я не перестаю восхищаться величиим русской женщины-матери, ее внутренним осознанием своего стержневого предназначения на земле и в семье, крепостью духовности, мужества и всепобеждающего терпения.

Каждый новый призыв парней на воинскую службу я вижу волнения матерей, понимаю всем сердцем их душевные тревоги. И опять – это от мамы: помню, с каким чувством она собирала меня на войну в Афганистан, какие успокаивающие слова говорила, а руки ее передавали мне совсем другое – ее сердечные беспокойства и думы. А какие бодрящие письма она присылала мне в чужую страну! Они, как частичка родины, лежали в моем кармане у самого сердца. И я старался маминых чувств и надежд не обмануть.

А нынче время опять непростое, жесткое время. И тревог матерям не избежать. Какие бы заботливые и справедливые офицеры ни попались сыну в командиры – сердечнее, заботливее и доб-

рее матери они не будут. И бьется в многострадальном сердце матери любовь и тревога, понимание и беспокойство: сын отправляется на воинскую службу, охранять Родину-мать, а значит, и ее саму, свой город или село. И жалко отпустить от себя, оторвать от сердца своего сынка-кровинушку, а понимание напоминает: если не он, так кто же? Кто не позволит злу шагнуть на родную землю, чинить ей разор и страдания людям?

Сыновья всегда были и будут заступниками за родную мать и родную землю. И где-то в глубинах моей души сами собой воскресают набатные слова 1941 года – Родина-мать зовет на бой с врагом! Тогда миллионы советских людей восприняли этот призыв как личное обращение к нему. Плечом к плечу вставали в воинский строй сотни тысяч добровольцев. И матери благословляли их своими помыслами и сердцем, святыми молитвами на священный праведный бой с разбойничьей ордой фашистов.

На алтарь спасения Родины-Матери были положены миллионы жизней. К Великой Победе солдаты шли через кровь и смерть, через великие тяготы, лишения и страдания, шли, чтобы победить или умереть, заслонить собой мать и Родину. Пуля врага, сразившая бойца на фронте, безжалостно била и в материнское сердце, била за тысячи километров, нанося неизлечимые, незаживающие раны.

Мне рассказывали в Шатровском районе про Анну Степановну Усольцеву из деревни Усольцево. Шесть ее сыновей: Александр, Иван, Степан, Кондратий, Павел и Дмитрий защищали Родину-Мать и все геройски полегли в жестоких боях с гитлеровцами на полях Отечественной войны. Какая материнская, человеческая трагедия! Сердце может остановиться от такой беды.

Недавно мы готовили к печати книгу «Солдаты Победы», рассказывающую о фронтовиках Мокроусовского района. В одном из очерков этой книги рассказывается о солдатской матери Марии Трофимовне Черниковой из села Михайловка. Рано похоронив мужа, она одна вырастила и

воспитала четырех красавцев сыновей. И тут грянула война. Первым ушел на фронт ее старший сын Филипп, а вскоре за ним ушли Иван и Михаил. Младший из сыновей, Тимофей, не стал дожидаться повестки из военкомата, собрался и добровольно укатил воевать. Уже с фронта пришло матери от него письмо. Тимофей писал: «Дорогая мамочка, прости меня за то, что так поступил. Я знал, что тебе будет очень трудно остаться одной, но и сидеть дома больше не мог, когда идет такое сражение за Родину. Нахожусь на фронте. Пока жив-здоров. Твой сын Тимофей».

Невозможно представить, сколько слез пролила мать за своих сыновей, сколько молитв прочитала. Но не обошли вражьи пули сыновей Марии Трофимовны. Похоронные извещения получила мать на Ивана, Михаила и Тимофея. Только Филипп вернулся домой израненный – инвалидом. Чем измерить горе этой солдатской матери?!

В Юргамыше есть музей Материнской Славы. Я бы назвал его школой человеческого мужества и стойкости. Здесь хранятся уникальные документы, которые невозможно рассматривать и читать без сердечного содрогания.

Вот на довоенных фотографиях запечатлена дружная семья Калегиных из деревни Губерля. Мать Анна Ивановна и четверо ее сыновей: Николай, Лука, Александр и Виктор. Жить бы да радоваться матери с такими сыновьями-орлами. Но ни один из сыновей этой ударницы-колхозницы не уцелел в горниле боев Великой Отечественной войны против немецких поработителей.

Такая же горькая судьба постигла Мать-Героиню Марию Григорьевну Васильеву со станции Зырянка, вырастившую 12 детей.

В первые дни войны ушли защищать Родину ее сыновья: Кузьма, Василий и Никифор. А вскоре отправились на фронт дочери Нина и Надежда. В 1943 году семнадцатилетним пареньком уехал на фронт Виктор. Сколько провела бессонных ночей солдатская мать, сколько пролила слез, испытала тревог: живы ли кровинушки-сыновья и

милые доченьки? Поседела мать от кручины.

Первое печальное известие пришло о Кузьме. Погиб он при бомбежке, налаживая переправу через реку, оставив сиротами четверых детей. Вскоре пришли похоронки на Василия и Никифора. А Витенька погиб при штурме Берлина 30 апреля 1945 года.

Слезы не просыхали на глазах Марии Григорьевны. Одна за другой приходили в слезах в ее дом дочери Варя, Дуня, Настя и Поля, Они получили похоронки на погибших в боях мужей.

У Вари и Дуни остались на руках по шестеро ребятишек.

Какую материнскую и сердечную силу надо иметь, чтобы устоять от этой беды, от этих ударов судьбы?! А ведь Мария Григорьевна положила еще столько сил, чтобы помочь вырастить своих сирот внуков.

Нет такого мерила и таких наград, чтобы измерить и оценить материнский подвиг этих женщин. А сколько их в каждом районе, в области и России?!

Но все, о чем я только что рассказал выше, – это только одна сторона медали. А другая – тяжелейший и самоотверженный труд матерей на полях и фермах, в цехах заводов и фабрик, на транспорте и лесозаготовках.

Помню, как я долго стоял в мастерской художника Ивана Лохматова перед полотном «Солдатки. Хлеб войны». Сколько в нем запечатлено трагичности и женской всепобедимости! Фургон с зерном, утонувший по самые ступицы колес в непролазной грязи, и женщины в перенапряге последних сил толкают его вперед. Такой была правда тех дней и тех лет. Горькая правда женского подвига.

Художник Николай Устюжанин посвятил солдатским матерям скульптурную композицию «Время войны». Изможденная нуждой и трудом женщина держит на своих руках три тяжелых артиллерийских снаряда, а рядом уцепился за подол ее юбки мальчонка.

И снова стою и думаю: какие милые и горемычные, бесценные наши матери, при беспросветной

нужде и неоплатной изнурительной работе они сумели все победить, выстоять и вырастить детей своих достойными патриотами.

Когда речь заходит о победном мае 1945-го, я прежде всего вижу вас, СОЛДАТСКИЕ МАТЕРИ. Ваш материнский и трудовой подвиг вынес смертельный приговор войне. Ваши самопожертвование и самоотверженный труд вместе с солдатским мужеством и взметнули Знамя Победы над рейхстагом.

Я часто встречаю у обелисков пожилых женщин с печальными лицами. Это солдатские вдовы – трагическая страница той страшной войны: недолюбившие, взвалившие на свои плечи заботы о воспитании малолетних детей, давшие возможность им выжить, вырасти, получить образование. И как всегда, мы вспоминаем их последними.

Скромные, тихие труженицы, кормившие хлебом армию, вместо лошадей впрягались в плуги и бороны, а где были тракторы – осваивали мужскую профессию механизаторов, вставали к станкам и мартенам. Как вы все это выдержали?

А выдержали потому, что слова МАТЬ и МАТЬ-РОДИНА есть суть одна. И вы это осознавали. Вы наша пристань и крепость, наше прошлое, настоящее, наше будущее.

Низкий поклон вам милые женщины, солдатские матери, вечные труженицы – Великие Мадонны России!

Я боюсь это признавать и произносить, но нынешнее падение нравов у значительной части женщин – это надвигающаяся трагедия для всего общества и страны. Недостаток у женщины

гражданских чувств, чувств патриотических ведет к тому, что общество деградирует, мельчает духовно.

Кто воспитает сына-патриота, мужчину-воина, мужчину-созидателя?

Вот где видится мне трагедия нынешней России. Давайте оглянемся вокруг и, увидев седую женщину, солдатскую мать или вдову, спросим, что она чувствовала, провожая мужа, сыновей, дочерей на войну, на защиту Родины-Матери.

И я думаю, что многим из нас станет стыдно. Ведь они также любили своих мужей и сыновей, они также не спали ночами, страдали, ждали, верили, что они вернуться живыми. Они сделали самое главное в своей жизни – сохранили Родину-Мать нам.

А сможем ли мы сохранить ее?

В этой связи я часто вспоминаю быль, записанную шадринским краеведом Леонидом Осинцевым. «Проводины» она называется. В ней рассказывается, как двое сыновей равнодушно взирали на то, когда их жены, а потом и дети, с полным пренебрежением относились к их матери-труженице. Когда сыновей призвали на войну, они впервые за многие годы привезли мать в свой дом, попросили прощения за невнимание и материнского благословения.

– Поздно, – сказала мать. – Слишком поздно.

Встала и ушла, не благословив сыновей. Оба они с войны не вернулись.

Боюсь, как бы не произошло подобное с нами за то пренебрежение, с которым мы относимся нынче к Родине-Матери. Как бы она нам не сказала: «Поздно, дети мои, слишком поздно».

ИМЯ ГЕРОЯ – НАРОД. ПОДВИГ НАРОДА – ПОБЕДА

«От Советского Информбюро...» Этими словами в годы Великой Отечественной войны начинались передачи по радио. Застыв у репродукторов – на работе, на улицах, дома – миллионы советских людей по всей стране, затаив дыхание, слушали сводки о положении дел на фронте, о мужестве и героизме воинов Красной Армии. Сегодня трудно без волнения читать пожелтевшие от времени исторические документы: «29 ноября. Сегодня под Москвой. Величайшее сражение идет четырнадцатый день. Далеко впереди горят оставленные нами деревни. Немец должен выдохнуться и остановиться. А остановка его в поле будет равносильна проигрышу генерального сражения. И это будет началом конца».

Сегодня трудно без волнения слушать, как практически все поколения россиян поют знаменитую песню, слова которой вдохновляют людей: «Этот День Победы порохом пропах, это праздник с сединою на висках. Это радость со слезами на глазах – День Победы, День Победы, День Победы!»

День 9 мая – безгранично радостная и до боли скорбная дата в истории не только нашей страны, но и мировой цивилизации XX века. В этот день 55 лет назад победоносно закончилась Великая Отечественная война советского народа, навязанная нам фашистской Германией. В течение 1418 дней и ночей советский народ проявлял самые высокие духовные и моральные качества: самоотверженность, стойкость, талант, безграничную любовь к Отчизне, веря, что этот день придет, Победа над врагом свершится, свершится, как праведный суд.

Сегодня о войне написаны тысячи книг, сложены сотни песен и сняты кинофильмы, до тонкостей изучены источники Победы. И, тем не менее тема войны до конца не исчерпана, она еще долго будет пробуждать к себе интерес россиян. Срок прошел немалый, но до сих пор события этой трагедии продолжают волновать не только ветера-

нов. Не утихает боль и скорбь по павшим их детей и внуков, которые интересуются и хотят знать, как она возникла и кто ее виновники, хотят оценить значение победы над врагом и вклад в нее народа, страны. Они хотят знать, что нужно сделать, чтобы новая мировая война не повторилась, чтобы сохранить мир и счастье для нынешнего и грядущих поколений.

Так чем же человечеству и дорог, и памятен День нашей Великой Победы? Почему в этот праздничный и радостный день в глазах людей мы часто видим и горечь, и слезы?

Никогда еще на земле не было подобного варварского кровопролития, которое вынес наш неггибаемый и непобедимый народ. Одно наше государство за четыре года лишилось такого количества людей, сколько их потеряли все европейские страны за предшествующие три столетия! В этой войне погибло свыше 27 миллионов наших соотечественников. Почти половину этих потерь понесло мирное население, другую составили те, кто пал на поле боя, в концентрационных лагерях и застенках фашизма. Освобождая поработенную Европу, сложили свои головы свыше 1 миллиона 600 тысяч советских солдат, офицеров. Только на территории Польши покоится прах 660 тысяч наших воинов. Да будет всем павшим за Родину-Мать светлая наша Память.

Своим существованием на земле свободное человеческое общество во многом обязано нашей Родине. Вступив в кровавую схватку с фашизмом, наш народ заслони собой Англию, США и другие страны от фашистского порабощения, по существу с 22 июня 1941 года нес основную тяжесть войны на европейском континенте.

Именно на советско-германском фронте происходили основные события Второй мировой войны. Он являлся решающим фронтом по целям гитлеровцев, по количеству вовлеченных сил, продолжительности, напряженности и ожесточенности боев. Здесь же было самое бесчеловечное

обращение нацистов против мирного, гражданского населения.

День Победы является напоминанием человечеству о том, что фашизм стремился обесценить самое главное на земле – человеческую жизнь. Еще неизвестно, чем мог окончиться геноцид наций и народов, целенаправленно проводимый фашистской Германией, не будь нашей Победы. Об этой драме целых народов надо говорить постоянно, умалчивать о ней нельзя. Ведь и сегодня даже среди крупных и известных политиков находятся «мудрецы», которые ставят вопрос – стоило ли нам ради Победы нести такие жертвы. С огромным размахом фашистская Германия осуществляла биологическое истребление народов. Разве это можно забыть и простить! Для этого на территории Европы существовало 14 тысяч тюрем, гетто, концентрационных лагерей. «Фабрики смерти» работали на полную мощь. На пунктах уничтожения Хелмнона-Нере число погибших составило 330 тысяч, Белжец – 600 тысяч, Собибур – 250 тысяч, Треблинка – 800 тысяч человек. Самое большое кладбище в мире – Освенцим; там погибло свыше четырех миллионов человек. Разве такое можно это быть? Изощренный садизм, звериные инстинкты стали здесь составной частью общего, заранее продуманного плана фашистов по тотальному уничтожению людей.

Существовали еще пятнадцать других, подобных Освенциму, лагерей, в том числе Дахау, Бухенвальд, Маутхаузен, Майданек, ставшие наиболее ярким выражением сущности фашизма. Невозможно представить, что творилось бы сейчас в мире, что стало бы с народами, странами, континентами, если бы эту чудовищную дьявольскую силу, коричневую чуму фашизма, не остановила другая сила – советский солдат. Общее число заключенных в концлагерях, погибших за годы войны, по разным источникам колеблется от 10 до 11 миллионов. В Европе осталось 13 миллионов сирот, погибло в возрасте до 16 лет 1 миллион 800 тысяч детей. Об этом сегодня не любят говорить и не говорят наши псевдодемократы, поклонники западной цивилизации.

Вспоминать ужасы войны тяжело. Забыть – невозможно, не позволяют этого сделать ни чувство совести, ни разум. До сих пор многие не могут понять одного, как могла страна, давшая миру Гете, Шиллера, Гейне, Баха, принести человечеству такие варварские потрясения. Нет, это не упрек в адрес немецкого народа, это напоминание о фашизме, возвращенном на немецкой земле и вызвавшем ненависть у всех народов земли. Горькую истину сказал о фашизме рядовой минувшей войны Иван Пахраков из Юргамышского района нашей области: «Больше всего я ненавижу фашистов не за то, что они меня убить хотели, а за то, что они меня затянули в окопы войны, самого убивать заставляли, чтобы выжил я и мой народ».

До начала войны в рядах Красной Армии и флота находилось 5 миллионов человек, еще 20 миллионов встали в строй защитников Отечества в разные года Великой Отечественной войны. И это только с оружием в руках.

Но нам нельзя забывать, что настоящая передовая линия фронта проходила у каждого заводского станка, на каждом гектаре нашей земли. Бойцами чаще всего здесь были наши матери.

В День Победы мы склоняем свои головы перед мужеством и героизмом наших бойцов и командиров на фронтах великой битвы. И в не меньшей мере перед полководческим талантом многих наших выдающихся специалистов военного дела.

Появление крупного военного таланта – мировое явление, а созвездие талантов – исторический феномен. Иван Харитонович Баграмян, Александр Михайлович Василевский, Николай Федорович Ватутин, Леонид Александрович Говоров, Георгий Константинович Жуков, Михаил Иванович Чуйков, Борис Михайлович Шапошников, Михаил Степанович Шумилов – вот они, наши полководцы, сделавшие то, что кажется выше человеческого таланта, воли и человеческих сил.

Россия всегда славилась отвагой и мужеством своих воинов.

Небывалые примеры храбрости, героизма, выносливости проявили советские воины в борьбе за свободу и независимость нашей Родины в Великой Отечественной войне. Более 300 человек повторили подвиг Александра Матросова. Среди них и наш зауралец старший сержант Петр Дмитриевич Брагин, уроженец села Осиновское Каргапольского района. Будучи тяжело раненым, он своим телом прикрыл вражеский пулемет в бою под Ковелем. За доблесть и самопожертвование во имя Победы он был награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно).

В том бою, когда погиб Александр Матросов, участвовал и наш земляк из села Травное Мокроусовского района Петр Петрович Атамас. А уроженец села Березово Притобольного района Михаил Михайлович Севостьянов воевал в составе 254-го гвардейского стрелкового полка имени А. Матросова до самого Дня Победы.

Около 500 летчиков применили в воздушном бою таран, 327 экипажей направили свои подбитые самолеты на скопление противника, более 200 советских бойцов взорвали себя и окружающих их фашистов гранатами. Ни одна армия мира не может говорить о таком святом человеческом порыве во имя Родины. За подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, Героями Советского Союза стали 11633 человека. Это представители всех наций и народностей, населявших нашу страну.

Большой вклад в Победу внесли зауральцы. Наш земляк Филипп Иванович Голиков, командуя 10-й армией, защищал Москву, командовал Брянским и Воронежским фронтами; генерал Михаил Иванович Шумилов, командовавший 64-й армией под Сталинградом, пленил фельдмаршала Паулюса; генерал-лейтенант Александр Иванович Черепанов командовал 23-й армией, защищая Ленинград; дважды Герой Советского Союза Григорий Пантелеевич Кравченко – авиационной дивизией, а генерал-лейтенант Катков Ф. Г. – механизированным корпусом. Героями Советского Союза стали более 100 зауральцев. Первым

из них уже в сентябре 1941 года столь высокого звания удостоен уроженец Юргамышского района Иван Степанович Кудрин. А комбайнер Афанасий Федорович Стенников из Белозерского района удостоен Звезды Героя за взятие рейхстага. Полными кавалерами Ордена Славы трех степеней – награды высшей солдатской доблести – удостоены 25 воинов-зауральцев. На фронтах Великой Отечественной войны сражались более 200 тысяч зауральцев, свыше 117 тысяч не вернулись с полей сражений.

Кровью и потом советского солдата добыта победа над сильным врагом. Маршал Победы Георгий Константинович Жуков писал о величии нашего солдата: «Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его подвига во имя Родины. Советский солдат заслужил памятник на века от благодарного человечества». Лучше не скажешь. И это действительно так. Солдата на подвиг вела вера, что Вторая мировая война будет последней. Эта вера помогла ему выстоять и добыть Великую Победу.

9 мая – праздник единства нашего народа, его тыла и фронта. «Все для фронта, все для Победы!» – под этим лозунгом в годы войны трудились рабочие и колхозники, ученые и инженеры, старики, женщины и дети. У всех было одно в думах и на сердце – быстрее бы кончилась эта проклятая война. Ради этого можно все перенести и выстоять. Самоотверженность, полная самоотдача стали нормой жизни и действия для всех, кто снабжал армию и фронт оружием и боевой техникой, одевал и кормил ее.

Повседневный трудовой героизм сами фронтовики приравнивали к героизму на поле брани. Более 120 тысяч зауральцев награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Война, начавшаяся для нас трагически, закончилась Победой именно потому, что она вершилась невероятными усилиями миллионов людей на фронте и в тылу. И поэтому ликование в День

Победа было всенародным. Оно вылилось в необъятное море радости и слез. Эта Победа – всенародный подвиг, которому жить в веках.

Войны не кончаются в день капитуляции врага, их инерция велика. Пройдут годы, десятилетия, сотни лет... Но никогда не изгладится из памяти благодарных потомков ратный и трудовой подвиг нашего народа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. День Победы 9 мая будет служить Отечеству напоминанием и предостережением о недопущении впредь такого страшного кровопролития.

Нет у нас в стране семьи, где бы ни оплакивали погибших на этой грозной и Священной войне.

Международный военный трибунал в Нюрнберге вынес, как известно, суровый приговор главным немецким военным преступникам и фашизму в целом. Тем не менее, определенные круги на Западе тратят сейчас немало усилий, чтобы обелить фашизм, ввергнувший человечество в пучину Второй мировой войны, героизировать гитлеровское воинство, творивших преступления временно захваченных территориях. Особенно наглядно это проявляется сегодня в странах Прибалтики. Дошли даже до того, что устраивают суды над участниками Великой Отечественной войны, выносят им судебные приговоры как преступникам.

Предпринимаются определенные усилия для того, чтобы пересмотреть итоги Второй мировой войны, а вместе с тем решить их в свою пользу.

Человечество вступило в XXI век. А я испытываю душевную тревогу за судьбу страны, так как ощущаю, что проиграв моего народа ведется незримый и подлейший бой.

За время так называемой перестройки и во времена последующие наши горе-реформаторы бездарно сдали все то, что потом в труде и кровью в боях добыли наши отцы и деды. Страна отбро-

шена почти на столетие назад. Десятки лет «безвременья» и хлынувшие на молодежь потоки «западной культуры и демократии» не прошли бесследно.

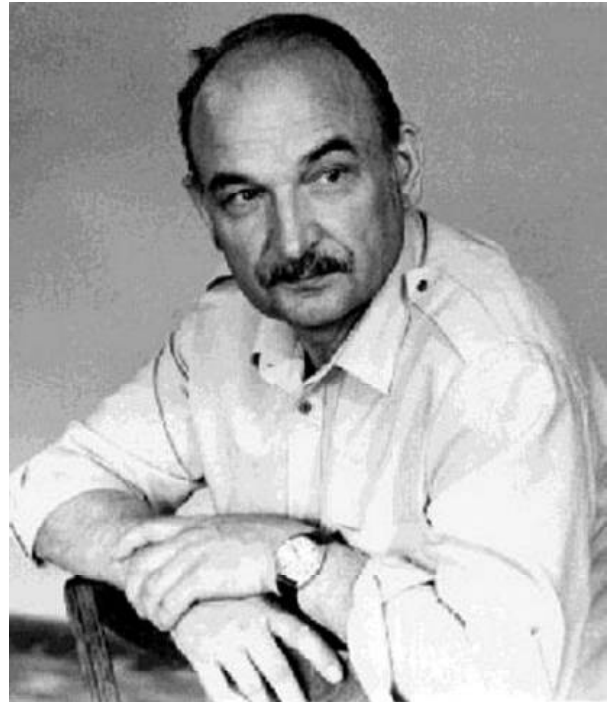
Возродить былую славу и могущество России невозможно по заморским образцам и рецептам. Почва и корни для нового расцвета и величия Родины находятся здесь, на родной земле.

С сердечной печалью я осознаю, что неумолимо тают ряды солдат, что добыли ту Великую Победу. Уходят люди, а вместе с ними живая история и летопись победных битв, невиданной боевой стойкости, мужества и самопожертвования. Можно себе представить, что было бы, если бы СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ дрогнул, не проявил своих лучших качеств и не выиграл эту страшную войну. Именно поэтому наш долг перед ним – всемерное увековечение его подвига, чтобы он, подвиг этот, навеки остался в памяти благодарных потомков.

Последние годы ведется активная работа по изучению Великой Отечественной войны на расширенной документальной основе, открыто большинство архивов. Многие потребовало переосмысления. Некоторые оценки не выдержали проверки временем, нуждаются в пересмотре или корректировке. Архивные поиски помогли выявить ранее неизвестные общественности документы и уточнить события, открыли новые имена неизвестных участников войны, которые сейчас увековечены в книгах Памяти.

У меня нет сомнения в том, что бессмертный подвиг советского народа, спасшего страну и все человечество от угрозы фашистского порабощения, приобрел в современных условиях еще более глубокое всемирно-историческое звучание и служит, и будет служить вдохновляющим патриотическим примером для молодых поколений россиян.

УСТЮЖАНИН
Геннадий Павлович

ПЕРВЫЙ ИЗ ДВАЖДЫ ГЕРОЕВ

Он прожил лишь тридцать лет. Но успел пережить и сделать столько, что большинству из нас и за столетье не суждено.

Он – это Григорий Пантелеевич Кравченко, наш земляк, первый из дважды Героев Советского Союза.

Газета “Московский большевик” так выразила суть его жизни: “Вся биография этого человека соткана из героических дел”.

Герой вырос на зауральской земле. Детство его прошло в селе Звериноголовском. Здесь прошло становление его, как личности. В 1923 году одиннадцатилетний пастушок Гриша Кравченко впервые переступил школьный порог. Он был первым в роду Кравченко, кто стал учиться грамоте. Мальчишке повезло. Он попал к учительнице Прасковье Николаевне Сучиловой, горячо любящей свое дело. Убеленные ныне сединами, бывшие ее ученики вспоминают, что учеба им давалась легко. Они любили свою учительницу и искренне переживали, чтобы не огорчить ее, не причинить неприятностей и все старались учиться хорошо.

Сила любви – самая великая на земле сила. Из любви пойдут за тобой в огонь и в воду. Наверное, об этом должен задуматься каждый человек, воспитывающий других.

За четыре зимы ребята научились у Прасковьи Николаевны чтению и письму, знали простые и десятичные дроби, умели определить площадь огорода, обмерить стог сена, поленницу дров, работать на весах и счетах, читать наизусть, петь сольно и хором и многое другое. Всему научила их одна учительница: без инструкций и указаний сверху. Научила от сердца и запросов самой жизни.

Политическое воспитание шло параллельно, своим чередом. Во втором классе, осенью, был создан октябрятский отряд. А 1 мая 1925 года Гриша Кравченко и его товарищи-соученики принимали “Торжественное обещание пионера”, клялись до конца быть верными делу Ленина.

Прием в пионеры проходил принародно. На площади, перед школой, собрались все коммунисты села, комсомольцы, активисты новой

Немного найдется в Зауралье литераторов, жизнь которых вобрала бы в себя столь много значимых и неординарных событий, как у Геннадия Павловича Устюжанина.

Старейший зауральский журналист, образец истинного российского интеллигента, он родился 23 января 1933 года, вырос в сельской местности. В суровые военные годы Гена трудился наравне со взрослыми, на деле прочувствовал и познав тяжелый крестьянский труд. И прикипел душой и телом к своей малой родине – курганской земле.

Отец его, Павел Никитич, работал народным судьей, добросовестно и честно выполнял свои обязанности, верша правосудие под руководством опытного юриста, участника Гражданской войны Анисима Родионовича Калмыкова, возглавлявшего в 40-50-е годы прошлого века Управление Министерства юстиции Курганской области, затем являлся председателем сельского Совета. Мама, Александра Александровна, вела домашнее хозяйство.

В 1953 году 20-летний Геннадий, успешно окончивший Шадринский сельхозтехникум, начал трудовую деятельность в должности участкового агронома в Могилевской машинно-тракторной станции Мокроусовского района. Подошло время проходить срочную военную службу в рядах Вооруженных Сил страны.

Судьбе было угодно, чтобы служить он был направлен на Тихоокеанский флот. В те годы сроки службы значительно отличались от нынешних – на флоте они составляли 4 года, что позволяло готовить настоящих профессионалов военно-морской службы. Им стал и комсомолец Устюжанин, добросовестно изучивший все азы флотского мастерства. Служба в должности старшего торпедиста на эскадренном миноносце «Внушительный» можно сказать, прошла «красной строкой», через всю его жизнь, научив четкости и собранности, показав, что такое флотское братство, настоящая мужская дружба и чувство локтя товарищей. Геннадий в тот период активно участвовал в комсомольской жизни, а сколько создал стенных газет – и перечислить невозможно. Эта еще не до конца определенная проба пера и стала прологом будущей журналистской профессии.

После демобилизации и возвращения домой активисту-моряку неожиданно предложили поработать в комсомольских органах, а молодежь Мокроусовского района избрала Геннадия секретарем своего районного комитета ВЛКСМ.

Но журналистика звала неумолимо, и Геннадий перевелся на работу в редакцию районной газеты «Ленинский путь» Кетовского района, где прошел путь от рядового сотрудника до редактора. В 1961 году поступил и через пять лет успешно закончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

В 1963 году произошло важное событие в жизни Г. П. Устюжанина – он вступил в Коммунистическую партию, а в следующем – его принимают в члены Союза журналистов СССР. Вскоре в его судьбе происходит еще один поворот: Геннадия Павловича избирают секретарем райкома КПСС крупнейшего в области района – Кетовского. На этой должности в полной мере пришлось внимательно вникать в различные сферы жизнедеятельности. И он с честью выходил из, порой, очень непростых ситуаций, а кетовская земля обрела в его лице настоящего, компетентного руководителя, болеющего за нужное дело. Поэтому, не случайно Кетовский район при нем по многим показателям выдвинулся вперед.

Труд секретаря был замечен и оценен по достоинству: в 1971 году Г. П. Устюжанина перевели в Курганский областной комитет партии, где он стал сначала заместителем, а затем возглавил отдел агитации и пропаганды.

В мае 1983 года Геннадия Павловича, как опытного специалиста, направили в командировку в далекую южную страну, где уже четвертый гремела война, на должность советника ЦК КПСС при ЦК Народно-демократической партии Афганистана. В течение двух лет, показывая волевые мужские качества настоящего бойца, он с честью выполнял интернациональный долг.

После зарубежной командировки Г. П. Устюжанин руководил работой областного управления по охране государственных тайн в печати, и здесь проявив себя великолепным работником.

Как личную трагедию воспринял Геннадий Павлович весть о развале Советского Союза, с болью в душе видел усиливающуюся деградацию образования и культуры, падение нравственных идеалов, оплошление истории страны – все то, что громко называлось в 80-90-е годы «демократизацией» общества.

В 1992 году он создал издательство «Парус-М» (название символичное для директора-моряка), которое подготовило и выпустило более сотни книг и брошюр, в основном – патриотической направленности. В их числе: 18 томов «Книги Памяти», «Живая память Афгана», «Маршал Жуков и зауральцы», «Чечня» и «Чечня-2», «России доблестные даты», «Страну заслонили собой» и другие, автором и составителем которых был Геннадий Павлович Устюжанин.

Нельзя не отметить тот факт, что издательство, возглавляемое Геннадием Павловичем, очень тесно сотрудничало с военным комиссариатом области, которым руководил генерал-майор Владимир Викторович Усманов. Ярким показателем этого сотрудничества явилось появление таких книг, как трехтомника «Золотое созвездие Зауралья» – о Героях Советского Союза и России, кавалерах орденов солдатской Славы, Героях Социалистического Труда, «Солдатские вдовы Зауралья» и добрых двух десятков общественно-значимых произведений. Кроме того, Г. П. Устюжанин стоял у истоков создания, а затем много лет являлся бессменным редактором информационной газеты обловоенкомата «Служим Отечеству». Внес Геннадий Павлович весомый вклад и в развитие краеведения: он – один из авторов книги «Курганская область», других изданий о родном крае.

И сегодня ветеран журналистики по мере сил проводит патриотическую работу, в частности, выступает с напутствиями к молодому пополнению Вооруженных Сил, является активистом областного Совета войны и труда и Курганского Морского Собрания, постоянный гость учебных заведений, презентаций новых книг и журналов.

За ратные и трудовые отличия Г. П. Устюжанин награжден орденом «Знак Почета», 16-ю медалями, в том числе «За укрепление боевого содружества», памятными знаками. Замечательный журналист и писатель, пламенный патриот – пример в деле служения Отечеству для земляков.

жизни. Они и галстуки повязали, и напутствия от доброго сердца сказали без бумажки, от души.

В своих воспоминаниях Прасковья Николаевна пишет, что главными чертами Гриши Кравченко были любознательность, старательность, жизнерадостность и доброта. Казалось, солнышко навечно поселилось в его глазах. Хотя Гриша был старше всех в классе и физически крепким пареньком, за все годы учебы он никого не обидел, с ним все искренне искали дружбы.

Начальную школу он закончил с похвальным листом, хотя с самой весны и до поздней осени помогал отцу пасти стадо, зимой чистил на реке проруби для водопоя скота, помогал матери по хозяйству.

Три последующих года Гриша учился в школе крестьянской молодежи (ШКМ). Перед этой школой, созданной в 1924 году в станице Звериноголовской, была поставлена конкретная цель – готовить из детей беднейших слоев населения грамотных активистов Советской власти, умеющих словом и делом агитировать за перестройку жизни на принципах коллективизма. “Знай и умей” – было главным лозунгом школы.

Вся жизнь здесь строилась на основах самоуправления, самообеспечения и самообслуживания. В авторитете были инициатива и самостоятельность. Для проведения любой работы или мероприятия выбирался старший, он подбирал себе помощников и действовал. Любая работа была на виду у всех. Инициативные ученики как-то само собой выдвигались в лидеры, на эти посты их чаще всего никто не назначал.

Курс наук ребята осваивали нелегко. Учебники, наглядные пособия были редкостью. Не хватало тетрадей, карандашей. В школе существовала звеньевая организация подготовки домашнего задания. Ребята по пять-шесть человек занимались по одной книжке, сообща готовились к уроку и нередко сообща отвечали учителю. Важно было в каждом звене иметь способного и ответственного ученика, который бы вел за собой остальных.

Гриша Кравченко отличался хорошей памятью

и пониманием самых сложных вопросов, серьезным отношением к учебе. Он часто делился со всеми тем, что сам хорошо усвоил, и быстро стал неформальным лидером в группе. При такой системе сам собой воспитывался коллективизм. Умение все решать и делать коллективно.

Большой популярностью в школе пользовались кружки. В техническом старостой был Анатолий Воронин, посвятивший впоследствии всю свою жизнь инженерному делу. Многие ребята после школы выбрали для себя профессию по технической части.

Так же обстояло дело и в первичной организации “Осовиахима” (Общество содействия армии, авиации и флоту), созданной при школе. Здесь постоянно работали стрелковый кружок, лыжная секция. Райком “Осовиахима” закрепил за школой несколько отслуживших в армии молодых людей, которые проводили строевые занятия, военные игры.

В интернате школы был крупно написан лозунг: “Крепи красный воздушный флот – труда и мира стальной оплот!” И крепили. Ребята из ШКМ вносили деньги на самолеты “Уральский крестьянин”, “Уральский ученик”, “Красный Курган”. Следили по газетам, как идет строительство. Радовались, когда эти боевые машины были переданы в Красные воздушные части. Вели переписку с летчиками авиаэскадрилий. И сегодня, читая эти документы, чувствуешь, что единство армии и народа было неразрывным. Об авиации, ее достижениях писали много в газетах тех лет. И ребята бредили мечтой о небе.

В 1928 году Григорий Кравченко вступил в комсомол. За неделю до собрания в школе был вывешен список вступающих. Предлагалось всем имеющим замечания к этим ребятам написать их в райком комсомола, комсомольскую ячейку или прийти и выступить на собрании.

При приеме в комсомол давалась характеристика каждому, что он уже для этого сделал и делает. Гриша к тому времени редактировал школьную стенгазету, был физоргом и заядлым агитбригадчиком. За него голосовали единогласно. И

сразу же выбрали заместителем секретаря комсомольской ячейки.

Интересно, что в ШКМ не только оценивались знания по учебным дисциплинам, но и велся все годы учет участия ребят в общественной работе. О чем делалась запись и в удостоверении об окончании ШКМ. У Гриши Кравченко в удостоверении записано, что он был “председателем школьной кооперации, членом педсовета, начальником районного штаба “легкой кавалерии”, секретарем ячейки ВЛКСМ, зам. секретаря райкома комсомола, уполномоченным РК ВЛКСМ, РК ВКП(б) и РИКа по кампаниям”.

Действительно, наиболее активных и подготовленных комсомольцев нередко направляли вместе с коммунистами в деревни для проведения политической работы и различных кампаний. Однажды Григорий Шмаков и Григорий Кравченко были командированы в село Редуть в помощь сельсовету по заготовке семян. Как вспоминает Шмаков, Гриша проявил себя там заправским агитатором. Он давал обстоятельные ответы на все вопросы, а когда вступал в спор, выдержка не покидала его.

Уже в начале собрания кулак Баранов внес предложение сделать самообложение равным с каждого двора:

– Понемногу все дадим, все поделимся с государством.

– Такое предложение не пройдет, – возразил Кравченко. – Размер самообложения будем исчислять с посевной земли, по два пуда с десятины.

– Это что же я должен сорок пудов отдать, – возмутился Баранов, – столько же, сколько десять лодырей, сеющих по две десятины?

– Нет, кто сеет меньше трех десятин, взносами вообще нельзя облагать. Им бы семьи свои прокормить да на посев семян наскрести. Что свыше трех десятин, то и облагать. А у кого под двадцать десятин пашни, то, наверняка, он их с помощью всей деревни обрабатывает. И хлеб, значит, не только его, но и общественный. Вот для общества и пожертвовать надо.

Собрание проголосовало за предложение Кравченко.

– Товарищ агитатор, правда ли, что в социализме, который вы собираетесь строить, все из одного котла будут есть и женки для всех будут общие?

Баранов ехидно улыбался. Людей было много. Все напряженно ожидали.

– А мы, гражданин Баранов, не раз слышали такие вопросы, – наступательно начал Григорий. – Их задают, кому не по душе борьба народа за перестройку всей жизни на основе коллективизации. Вот и придумывают кулаки всякую ересь про социализм и про новую жизнь. Да и вам, гражданин Баранов, видимо, нравятся такие басни. И вы их пропагандируете!

Вопросов о кооперации было задано много, и Кравченко толково на них ответил. Когда беседа закончилась и Григорий ушел с председателем в сельсовет, Шмакова окружили односельчане (родом он был из Редути) и наперебой спрашивали:

– Кем работает этот товарищ?

– Пока он учится, но уже заместитель секретаря райкома комсомола на общественных началах.

– Толковый парень! Большой из него человек будет!

Сверстники Григория Кравченко и сегодня говорят, что все хорошее в них взлелеяно учителями школы и комсомолом. Они вооружили знаниями, научили практической борьбе за справедливость.

О наборе в Ленинградскую школу военно-воздушных сил РККА Гриша узнал из газеты “Красный Курган”. Он подговорил ребят, и они в мае 1929 года за 120 километров двинулись пешком в Курган на комиссию. Ребятам там порекомендовали подрасти и закончить школу.

Это не охладило пылкой мечты. Наоборот, Гриша стал усиленно закалять себя физически, ежедневно обливался холодной водой, занимался акробатикой, гирями, крутил солнце на турнике.

Девятый съезд ВЛКСМ принял решение – комсомолу взять шефство над Военно-Воздушным Флотом. Григорий Кравченко воспринял призыв “Комсомолец, на самолет!” как лично к нему обращенный. В мае 1931 года в составе специ-

ального набора он был направлен в первую военную школу пилотов имени Мясникова.

Курсанты впервые должны были в течение года усвоить полный курс авиационной военной школы. Для того-то и был сделан специальный набор из молодых коммунистов и посланцев Центрального Комитета комсомола.

Прибывших одного за другим вызывали в приемную комиссию. Подошла очередь Кравченко. Крепко сложенный, невысокого роста, с чуть прищуренным взглядом зеленоватых глаз, он сразу расположил к себе членов комиссии уверенностью и обаятельной улыбкой. Они почувствовали, что перед ними смелый, веселый по характеру и доброй души человек.

– Григорий Пантелеевич Кравченко, прибыл для поступления в военную школу пилотов, – четко доложил он.

Председатель раскрыл личное дело, посмотрел документы военкомата, медицинское заключение, характеристику с места учебы и анкету. Все соответствовало требованиям к зачислению. Но председатель что-то медлил, потом со строго-стью спросил:

– А не струсите, молодой человек? Быть военным – это прежде всего уметь подчинять всего себя приказу командиров. У нас нынче особые обстоятельства. За год вы должны стать хорошим летчиком. Это потребует 12-15 часов ежедневной напряженной работы. Готовы ли вы к этому?

– Готов. Я сделаю все, чтобы стать хорошим летчиком. Это моя мечта и цель жизни.

– Тогда зачисляем вас курсантом. Поздравляю вас от членов комиссии.

Как на крыльях вылетел Гриша из дверей приемной комиссии. Радость была так велика, что он не мог и не хотел ее скрывать.

– Ура!!! Меня приняли! Я буду летать!

Он прыгал и плясал, как шалун-мальчишка.

Заверения стать хорошим летчиком не были просто словами. Григорий Кравченко учился старательно, докапывался до всех тонкостей, много работал над собой и блестяще закончил школу пилотов. Был принят здесь в члены партии и, как

один из самых умелых, способных и перспективных мастеров пилотирования, оставлен в школе инструктором. Начальник Качинской школы пилотов Роберт Кнышевич Ратауш в докладе по итогам учебного года говорил, что такие выпускники, как Кравченко, – это гордость школы.

Работа в должности инструктора была непростой. Беспокойный и ответственный Григорий Пантелеевич за две недели раньше вернулся из отпуска, чтобы подготовиться к работе наставника будущих учлетов. Ему предстояло делать нелегкие первые шаги. И он должен их пройти сначала один. Выверить мысли свои и поступки, чтобы не подвести тех, кто на него рассчитывает как на учителя.

Когда он предстал перед начальником школы и доложил, что для дальнейшего прохождения службы прибыл, тот участливо спросил:

– Что, разлюбила?

– Да нет, я сам до беспамяты влюблен.

– И она здесь?

– Да, здесь. Только не она, а они. Небо и самолеты. Думаю поготовиться в оставшееся время к инструкторской работе. Прошу разрешить мне полеты в зону для отработки предстоящих упражнений.

– Хвалю. Совершенно правильное решение. Знаю по себе, что ни одна работа не требует так постоянных занятий и тренировок, как летная. Неделю не полетал, и самолет словно потяжелел, стал, как ленивая лошадь.

Григорий Кравченко нажимал на личную подготовку не напрасно. В жизнь курсантов и школы он вошел уверенно и легко. Шла обычная напряженная учебно-тренировочная работа. Кравченко занимался с курсантами в аудиториях, “вывозил” учлетов для первого знакомства с небом, летал с ними на спарке, делал разбор полетов. Григорий Пантелеевич принадлежал к числу тех инструкторов, которые не опекали своих учеников, а доверяли им, развивали самостоятельность, уверенно ставили их “на крыло”.

Времени для работы над собой почти не было, хотя Григорий вел почти спартанский образ жизни.

ни. Весь его уклад способствовал углублению знаний, летного мастерства, физической закалки. Он подолгу засиживался над анализом полетов. Читал все, что попадалось, об авиации. Но научных статей и книг тогда было еще очень мало. Авиация в те годы развивалась стремительно, и пока не было времени изучить и обобщить ее опыт.

Кравченко использовал любую возможность, чтобы быть на аэродроме. За полетами наблюдал, как профессионал, с блокнотом в руках, делал заметки, записывал впечатления и размышления. При первой возможности взлетал в небо, водил самолет размашисто и легко.

Когда Григорий был в воздухе, за ним всегда с замиранием следили десятки и десятки обитателей школьного городка.

И все-таки он не чувствовал удовлетворения. Инструкторская работа требовала определенного графарета, “школы профессии”, которой надо было владеть и передавать учлетам. Научить их взлету и посадке, умению быть осмотрительным в воздухе, набирать высоту, летать строем и “крутить” фигуры. А он мечтал стать классным инструктором.

Особенно это желание усилилось, когда Кравченко увидел в небе Чкалова, испытывавшего самолет на одном из Качинских аэродромов. Он пошел к начальнику школы и подал рапорт о переводе в истребительную часть.

Желание Кравченко начальник воспринял с пониманием. Он знал, что мастерство аса оттачивается индивидуально и лично самим летчиком. Был много слышан от других и сам наблюдал, как Кравченко “играл” машиной в воздухе, будто она была частью его самого.

– Стремление ваше похвально, Григорий Пантелевич, но удовлетворить просьбу сейчас я не имею права. Вы знаете, что у нас существует сквозная система подготовки курсантов. Вы их берете птенцами и доводите до орлов. И бросить группу на полпути? Никто нам с вами этого не позволит, да и вы сами не согласитесь. Как летчик вы действительно должны расти. А чтобы

расти, необходимо много летать, искать новое в полетах. Разрешаю выбрать любого из ваших учеников и работать с ним сверх установленной школьной программы. Дам команду, чтобы для этого выделили горючее сверх нормы и по вашей заявке разрешали вылет в зону для тренировок.

И выбор свой Кравченко сделал на учлете Викторе Рахове. Начал с ним занятия сверх программы.

Качинская школа пилотов была настоящей кузницей летных кадров. Каждый ее выпуск был событием, в котором принимали участие представители Главного штаба ВВС. Так было и на этот раз.

Один за другим выпускники вводили в небо самолеты, выполняли заданную программу. Все шло хорошо. Представитель Главного штаба ВВС наблюдал с интересом, но чувствовалось, что он чем-то недоволен.

– Летают курсанты хорошо, – заметил он начальнику школы, – но ведь у вас школа не просто летчиков, а военных пилотов. И вы обязаны их научить воевать, а не просто делать взлеты и посадки.

– Стараемся, товарищ командарм, но по программе зачета они должны...

– Я знаю, что они должны по программе. Сейчас каждый настоящий советский рабочий и колхозник стремятся дать Родине больше, чем могут, и ищут пути для этого. А у вас что, люди газет не читают? – обратился он к начальнику политотдела.

– Читают, товарищ командарм.

– Тогда в чем дело?

А начальник школы уже подзвал командира отряда, где инструктором был Кравченко, и что-то говорил ему.

Вскоре два самолета друг за другом поднялись в воздух. Первый ушел красиво по прямой в сторону солнца, а второй, набрав скорость, с разворотом рванул в высоту. А через считанные минуты, будто вырвавшись из солнца, самолет ястребом сверху атаковал “противника”. Но тот не растерялся, бросил самолет в штопор, потом

взмыл свечкой в небо, сделал “мертвую петлю” и уже заходил в хвост “обидчику”. Теперь тому, чтобы спастись от удара, нужно было делать свою “акробатику”. Он свалился на крыло и резко пошел к земле...

– Что они делают? – заволновался высокий представитель.

– Ведут бой, товарищ командарм, — улыбался начальник школы. — Используют как раз те резервы, о которых вы говорили.

А самолеты уже неслись друг на друга в лобовую атаку. Ревели моторы, но никто не хотел уступать. Остались считанные метры.

Все замерли... Но самолеты враз свечками взмыли вверх и, сделав петлю, снова неслись друг на друга.

Когда самолеты приземлились, несмотря на присутствие высокого командования, все бросились к летчикам и начали их качать. А когда поставили, наконец, на землю, они, как два молодых петушка, ринулись друг к другу.

– Ты с ума спятил, Рахов, — негодовал Кравченко. — Почему не отвернул при лобовой? Ведь запросто могли и шибануться!

– Могли... — спокойнее сказал Рахов. — А вы почему не отвернули?

Они посмотрели в глаза друг другу, засмеялись и обнялись. А к ним уже подходили члены комиссии.

– Инструктор школы Кравченко, — представился Григорий командарму, приложив руку к летному шлему.

– Курсант Рахов, — доложил второй.

– Молодцы! Настоящие соколы! Объявляю благодарность за службу! — Обнял и расцеловал их. И, повернувшись к начальнику школы, сказал:

– Забираю у вас обоих. И не возражайте. Нам позарез нужны такие орлы в НИИ, где учат и летчиков, и самолеты летать.

Спустя неделю учитель и ученик отбыли в распоряжение Главного штаба ВВС.

* * *

В Главном штабе ВВС Кравченко был назначен летчиком-истребителем в авиабригаду, командовал которой Петр Иванович Пумпур. Здесь он продолжал оттачивать летное и боевое мастерство, учился метко стрелять по конусу, сопровождать группы бомбардировщиков в заданный район, связывать противника боем, совершать “слепые” полеты и т. п.

Кравченко, как и в Качах, постоянно вел дневник с полным разбором каждого вылета. Записывал свои соображения, мнения товарищей и командиров, размышления и заметки по их поводу.

Как-то при разборе полетов к Григорию Пантелеевичу подошел командир отряда. Заглянул в блокнот.

– Это что у тебя, Кравченко, за кондуит?

– Да вот делаю заметки на память.

– И давно?

– С ознакомительного полета с небом.

– Это интересно. Заходи ко мне вечером, посмотрим вместе.

– Да вы возьмите, почитайте, а если заинтересуетесь, тогда и посидим. Наутро, лишь Кравченко пришел на службу, его вызвали к командиру бригады.

– Прочитал ваш дневник, — начал он. — Интересные мысли, дельные выводы. Вы что, Григорий Пантелеевич, диссертацию собираетесь защищать? Дело стоящее, поможем.

– О защите диссертации я не помышляю. Думаю и записываю соображения, как лучше защититься от врага в воздушном бою и добиться над ним победы.

– Молодец! Сейчас готовится учебное пособие по авиации Кузьменко и Висленевым, ряд ваших мыслей мы предложим им посмотреть. Надеюсь, вы не будете возражать? А сейчас у меня к вам есть предложение. В НИИ ВВС разработана новая модель истребителя. Изготовлен опытный образец. Но компетентная комиссия требует его серьезной доработки. Хотя Чкалов на нем летал и очень хвалил машину.

– Так какие у “компетентной” комиссий тогда основания и аргументы не утвердить самолет?

– Аргументы? – Пумпур заулыбался. – Председатель ее сказал, что Чкалов, если захочет, может взлететь и на бабкиной самопряхе. А самолеты создаются не для индивидуальностей, как Чкалов, а для летчиков ВВС РККА. Идея у комиссии верная. Самолет должен быть простым в управлении. Ведь в случае войны не будет времени годами учить летчиков. А пока решено, чтобы новую модель “облетал” пилот из ближайшей авиачасти. Если вы не возражаете, мы рекомендуем вас.

На аэродром приехали высокое начальство, члены комиссии и создатели опытной модели.

Кравченко спокойно сел в самолет, пристегнулся ремнями, не торопясь прогрел мотор, пошевелил рулями, элеронами, осмотрелся вокруг.

– Такому бы на телеге ездить привязанным, а не в небе летать. Специально, поди, подобрали, чтоб модель завалить, – говорили в толпе.

А летчик спокойно вырулил на взлетку, красиво увел машину в небо. Была она действительно необычной, короткой и курносой.

Толпа с полчаса, как завороженная, смотрела в небо. А там после разминки широкими и плавными кругами завертелась карусель. Летчик крутил мертвые петли, бочки и полубочки, сваливался на крыло и уходил в штопор, пролетал над головами и взмывал в высоту. Когда самолет шел на посадку, его крылья слились в нить, казалось, метеор несется к земле. А летчик расчетливо сбросил газ, притушил скорость и на три точки посадил самолет.

В июле 1934 года Кравченко был переведен служить в отдельную истребительную эскадрилью особого назначения на должность командира звена. В служебной аттестации командования авиабригады на Григория Пантелеевича записано: “Моторы, самолет и вооружение знает хорошо. К полетам тщательно готовится. На инспекторской проверке занял первое место по технике пилотирования. Огневая подготовка и стрельба – отличная. Программу слепых полетов проходит

успешно. Достоин продвижения во внеочередном порядке на должность командира звена”.

К месту нового назначения Кравченко ехал с добрым настроением. Эскадрилья по характеру своей работы была связана с НИИ ВВС. Здесь проходили испытания новейшие самолеты, авиационные приборы и оружие в самых сложных, приближенных к боевым, условиях и обстановке. Служить здесь значило – летать на новейших марках самолетов, жить вровень с авиацией. О такой удаче можно было только мечтать.

Командовал отдельной эскадрильей выдающийся легчик-испытатель полковник Томас Павлович Сузи. Это был беспокойный экспериментатор, до конца преданный авиации человек. Он взлетал в высоту до 8 тысяч метров в открытой кабине и без специальных кислородных приборов совершал сверхдальние высотные перелеты. И он же учил истребителей в штопоре падать до земли, чтобы потом на бреющем полете лишать противника возможности для атаки. С таким командиром было интересно служить людям ищущим и творческим, как Кравченко.

Отряд Кузьмы Александровича Катичева, куда командиром звена был назначен Кравченко, славился своей спаянностью и взаимопомощью. И Григорий Пантелеевич с его общительным характером и летной смелостью пришелся ко “двору”.

Эскадрилья испытывала тогда новые безоткатные динамореактивные пушки Курчевского. Потом начались испытания новых истребителей И-15, И-16. Кравченко буквально влюбился в И-16 и творил на нем чудеса. Он лихо крутил фигуры высшего пилотажа, летал вниз головой и на бреющем полете, одновременно вел огонь по цели. Попытки летчика найти и раскрыть летные и боевые качества новой машины многие расценивали, как лихачество и озорство. Кравченко имел взыскания за это, но поиски не прекратил. Это было каждодневное испытание себя и самолета. Здесь не было показного искусственного риска, это была необходимость воспитания в себе качеств воздушного бойца, открывшая дорогу для летного и боевого творчества другим. Позднее, в

небе Испании, Китая и Монголии, многие командиры и летчики совсем в другом свете увидят и поймут “трюкачества” Кравченко и по-другому их оценят.

25 мая 1936 года за выдающиеся личные успехи по овладению боевой авиационной техникой и умелое руководство боевой и политической подготовкой вверенного подразделения лейтенант Григорий Пантелеевич Кравченко был награжден орденом “Знак Почета”. Такого же ордена был удостоен и командир эскадрильи особого назначения Томас Павлович Сузи. Друзья и товарищи горячо поздравляли Григория с наградой. В те дни он писал братьям: “Дорогие мои! Какое счастье служить Родине! Скажи она – и я долечу до звезд!”

Вскоре ему присвоили звание старшего лейтенанта и назначили командиром отряда.

А над миром уже собирались черные тучи войны.

7 июля 1937 года японские милитаристы начали агрессию против Китая. Китайский народ, помня о помощи советских военных специалистов В. К. Блюхера, М. М. Бородина, А. Я. Лапина, В. М. Примакова и многих других в годы Первой гражданской революционной войны 1923-1927 годов, обратился к своему правительству с требованием просить помощи у страны Советов.

По просьбе Китая правительство СССР согласилось направить в Китай военных советников, специалистов-инструкторов и летчиков-добровольцев.

Помочь китайскому народу в борьбе против японских захватчиков готовы были многие советские патриоты. Тысячи заявлений поступали в военные и партийные органы. Но нужно было отобрать таких людей, которые могли бы малым числом оказать большую помощь.

Григория Пантелеевича пригласили в Главный штаб ВВС. Когда он вошел в назначенный кабинет, его встретил загорелый улыбающийся комкор, с густой шапкой вьющихся черных волос. Он предложил сесть, по-товарищески спросил о службе и здоровье, сам проникательно смотрел в глаза, будто через них хотел заглянуть в душу...

– Товарищ Кравченко, – заговорил он о деле, – вы подавали рапорт о направлении вас добровольцем в Испанию. Но сегодня ваши знания и опыт нужны на Востоке, а конкретно – в Китае. Если не возражаете, мы зачислим вас в отряд летчиков-добровольцев, направляющихся в ближайшие дни туда.

Григорий Пантелеевич дал согласие без колебаний.

Уже при первой посадке в Китае погиб командир эскадрильи, замечательный летчик Курдюмов. Воздух на горных аэродромах оказался более разряженным и пробежка самолета при посадке была значительно длиннее. Не учтя этого, комэск перевернулся с самолетом за кромкой аэродрома.

Летчикам необходимо было время для адаптации организма. Здесь не хватало кислорода. Через неделю многих започкавало, появились головокружения. И хотя прилетели сюда не новички в летном деле, были и с опытом боев в Испании, но требовалась доучеба.

Надо было изучить повадки самураев, тактику ведения ими воздушных боев. Японские самолеты к тому времени были уже оснащены радиосвязью. Это давало большое преимущество в управлении боем.

И вот первый бой. Его ждали, но синий флаг затрепетал на мачте все-таки неожиданно. Через считанные минуты самолеты один за другим поднялись в небо.

Григорий Кравченко многие годы готовил себя к этому дню. Но почему по спине бегут мурашки? Нет обычной легкости в руках. Во рту сухость.

Он увидел японцев. Они шли клином. Нагло шли. Бомбардировщики и без прикрытия?! Истребителей не видно ни сверху, ни с флангов.

Но что это? Стройный клин начал вдруг размываться.

Первое звено наших истребителей свалилось на самураев сверху и ударило по головному бомбардировщику. Он, завалившись на крыло, понесся к земле. Следом за ним чертил черную дымную линию второй самолет врага. Бомбардировщики

**Авиаторы - участники боев на Халхин-Голе (слева направо) С.И. Грицевец, И.А. Прачиж
Г.П. Кравченко, П.М. Коробов, А.И. Смирнов**

рассыпались и, сбрасывая куда попало свой смертоносный груз, бросились удирать.

Григорий дал газу и помчался вдогонку вражеской машине. Дрожь прошла. Он уже действовал, как на учениях. Его И-16 летел стрелой. В прицел видны хвост, крылья удирающего противника. Они увеличиваются, наплывают сплошным пятном. Кравченко нажимает гашетку. Огненная струя пуль шьет по хвосту, бежит к бензобаку. Окутанный огнем и дымом самолет рушится на глазах.

– Ура! Сбил! – кричит Григорий Пантелеевич. Все в нем клоочет и ликует. Но он вспоминает наставления Георгия Захарова: “Собьешь самурая – не засматривайся, как он валится к земле. Зевнешь, и сам окажешься в прицеле у японца”.

Григорий Пантелеевич, шарит глазами по горизонту, ищет противника. И увидел! В лучах солнца засеребрился бомбовоз, правда, слишком далеко.

– Догоню! – решает он. А город уже где-то далеко позади. Нервы на пределе. Вот он, противник! Кажется, можно бить. Кравченко жмет гашетку. А самолет продолжает лететь.

– Не спеши, Гриша, спокойнее, – шепчут губы. – Не злись и не будь мазилой.

Покрутил головой. Никого. И японец – вот он. Стучат пулеметы. И бомбовоз, резко клюнув, падает вниз.

Но что это?

Кравченко слышит, как по самолету сзади за кабиной: тук-тук-тук. В тот же миг тускнеют стекла очков. Ничего не видно. Синева застилает и ест глаза. Лицо словно обожгло. Еще не поняв, что произошло, Григорий увидел японский истребитель. Он резко взял ручку на себя, взмыл вверх и бросился на японца.

– Неужели не одолею? Погибну в первом же бою? Нет, только вместе с тобой, самурай проклятый! Вместе с тобой!

А японец ринулся вниз и, прижимаясь к земле, бросился удирать восвояси.

Перед глазами вновь мелькнул самолет. Кравченко сбросил очки. На борту самолета девятка. Свой! Из груди вырвался вздох облегчения. Да это же Антон Губенко. Спасибо, дружище!

В небе Китая Кравченко провел десятки воздушных боев. Садил “на пузо” подбитый самолет, выбрасывался с парашютом из горящей машины, выручал товарищей в жестоких схватках и был не раз прикрыт ими от врага. От легчика-истребителя вырос до командира отряда. Сбил лично больше десятка японских самолетов. Был награжден орденом боевого Красного Знамени и произведен в майоры, минуя капитанское звание. После возвращения из Китая Григорий Пантелевич получил назначение в научно-исследовательский институт Военно-Воздушных Сил Красной Армии в подразделение Петра Михайловича Стефановского. Здесь уже служили его бывший командир Алексей Благовещенский, широко известный летчик-испытатель Степан Супрун и ученик Григория Пантелеевича Виктор Рахов.

Испытанные когда-то Чкаловым и Супруном истребители И-16 хорошо зарекомендовали себя в небе Испании и Китая. Сергей Грицевец за три месяца боев в Испании сбил 31 фашистский самолет. А однажды за боевой вылет Грицевец уничтожил семь фашистских стервятников. Это было неслыханно! Одна из английских газет, комментируя этот факт, писала, что летчик Сергей Грицевец – человек исключительной храбрости и военного мастерства. Всячески расхваливала и самолет, на котором летал отважный ас.

Истребитель И-16, действительно, был по тем временам хорошей машиной...

Но в конце 1938 года в испанском небе немцы опробовали модернизированные “Мессершмитты” и “Юнкерсы”. Если в начале войны “Мессершмитт” имел мотор в 610 лошадиных сил, а скорость его не превышала 470 километров в час, то теперь на нем был установлен мотор в 1100 лошадиных сил, а скорость возросла до 570 километров. Вместо пулемета была установлена ско-

рострельная пушка, что значительно увеличило его огневую мощь. Наши истребители И-16 и И-15 уже значительно отставали от модернизированного “Мессершмитта” по летным и боевым данным. Фронтовые бомбардировщики СБ также не выдерживали сравнения с немецким пикирующим бомбардировщиком Ю-88.

После нашумевших наших рекордов это было неприятной, на первый взгляд, даже необъяснимой, неожиданностью.

Нужны были безотлагательные меры для преодоления отставания, тем более, что международная обстановка с каждым днем накалялась. Фашистская Германия захватила Австрию, прибрала к рукам Чехословакию, показав миру свои волчьи аппетиты.

Перед советскими авиаконструкторами была поставлена задача – создать новые самолеты, превосходящие по своей боевой мощи лучшие

мировые образцы. На ее решение были брошены лучшие силы конструкторов и испытателей.

Петр Михайлович Стефановский с радостью принял в свой отряд вчерашних фронтовиков, потому что ждал от них не только виртуозной летной работы на испытаниях новых машин, но и дельных советов авиаконструкторам, инженерному составу.

Григория радовало, что здесь собрались люди влюбленные до мозга костей в авиацию, творившие ее развитие и историю своим талантом и руками. Люди работали увлеченно, самозабвенно.

К концу 1938 года известный конструктор самолетов-истребителей Николай Николаевич Поликарпов создал новую модель истребителя. Самолет изготовили в трех экземплярах и назвали И-180.

Начались испытания. 15 декабря на самолете поднялся в воздух выдающийся летчик-испытатель Валерий Чкалов. Он сделал круг. Мотор заглох. Летчик с неработающим двигателем не мог дотянуть до аэродрома, был вынужден садиться на пересеченной местности. Великого летчика мира Валерия Чкалова не стало. Была создана компетентная комиссия. Но настоящих причин катастрофы так и не выяснила. По всем расчетам, самолет был хорош. Его тактико-технические данные были лучшими в мире. Он набирал высоту 5 тысяч метров за пять минут, имел потолок одиннадцать тысяч метров. При мощностности мотора в тысячу лошадиных сил развивал скорость 585 километров в час. Имел дальность полета 900 км. На второй модели самолета И-180 неудача постигла Степана Супруна. Самолет скапотировал на пробеге. Летчик отделался ушибами.

Третий экземпляр поднял в воздух Афанасий Прошаков. При испытании на фигуры высшего пилотажа самолет попал в перевернутый штопор. Летчик не смог вывести его в нормальное положение и выбросился с парашютом.

Завод сделал еще один, четвертый И-180. На нем полетел полковник Сузи. Очевидцы рассказывали, что самолет штопорил с большой высо-

ты, а метров в трехстах от земли из него выпрыгнул летчик, но почему-то не раскрыл парашют. Это была трагедия.

Над самолетом прекратили работу. Но и сегодня многие авиаконструкторы считают, что это было ошибкой, не позволившей иметь прекраснейшую скоростную машину до войны.

После стольких неудач у летчиков-испытателей появилось недоверие к самолету Поликарпова. Именно в это время Кравченко поручили испытать новый истребитель Поликарпова И-153. Григорий Паителевич не слушал сомневающихся в успехе, верил в новый самолет.

Он не спеша поднял машину в воздух, кругами набрал высоту. С земли за полетом наблюдали конструкторы, инженеры, авиационные начальники.

– Несмело действует испытатель, – заметил кто-то.

Кравченко не спешил. Делал круг за кругом, как бы проверяя машину на прочность и маневренность. А потом началось... Самолет метался вниз, вверх, в стороны, делал крутые виражи, перевороты. Одна фигура сменялась другой. Когда летчик бросил машину в крутой штопор, на земле притихли, ждали с замиранием сердца. А Григорий у земли вывел машину на горизонтальное движение, а затем показал “горку”.

– Это действительно мастер! Виртуоз! – В восклицаниях слышалась радость. Раздались аплодисменты, хотя испытатель все еще крутил в воздухе фигуру за фигурой.

Кравченко посадил машину и попал в объятия друзей.

Накануне дня Красной Армии к Кравченко зашел известный ас Борис Бородай. Сидели за праздничным столом, разговаривали, вспоминали далекий Китай, последние испытания.

Диктор радио известил: “Передаем последние известия. Слушайте Указ Президиума Верховного Совета СССР...”

22 февраля 1939 года шестнадцати командирам Вооруженных Сил было присвоено звание Героев Советского Союза. Среди них был Григорий

Кравченко.

Весна 1939 года не принесла людям мира.

В мае Япония предприняла вооруженную попытку отторгнуть часть территории Монгольской Народной Республики. Тогда народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов, вызвав японского посла в Москве Сигемицу, сделал ему серьезное предупреждение. Он напомнил о существовании между СССР и МНР пакта о взаимной помощи. В то же время, выступая на сессии Верховного Совета СССР, В. М. Молотов заявил: "...Границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу".

В один из этих дней прямо с аэродрома Григория Кравченко и Виктора Рахова вызвали в Главный штаб ВВС. Совещание открыл Нарком обороны СССР маршал Ворошилов.

Начал Климент Ефремович с главного:

– Товарищи летчики! 11 мая японско-маньчжурские пограничные части нарушили государственную границу Монгольской Народной Республики. В схватках с японцами наша авиация понесла потери. Вот почему вас, получивших боевой опыт в Испании и Китае, мы вызвали на это совещание. Мы надеемся, что вы согласитесь помочь монгольскому народу и сумеете добиться коренного перелома в воздушной обстановке над Монголией...

На следующий день, 29 мая, группа летчиков во главе с комкором Я. В. Смушкевичем вылетела в МНР.

К началу конфликта в МНР находился наш семидесятый истребительный авиаполк под командованием майора В. М. Забалуева. Ему на помощь по тревоге прибыл из Забайкалья 22-й истребительный полк. Командовал им майор Н. Г. Глазкин, комиссаром полка был В. Н. Калачев. Уже в первом бою наши авиаторы потеряли около десятка боевых машин.

К сожалению, командование полка не сделало выводов из неудачи, не провело даже разбора боя.

Еще более удручающая картина была на следу-

ющий день. Утром поступил приказ вывести к фронту двадцать самолетов. Но после взлета первой тройки вылет отменили. Летчики Вознесенский, Иванченко, Чекмарев, уйдя в сторону фронта, на аэродром больше не вернулись.

В этот же день вылетели к фронту две эскадрильи 22-го истребительного полка. Несмотря на храбрость летчиков, действовали они неорганизованно. На десятку И-15, которую вел заместитель командира полка Павел Мягков, набросилось восемнадцать вражеских истребителей. С первой же атаки они подожгли самолет командира. Мягков бросил истребитель к земле, ему удалось сбить с него пламя, но в этот момент японский ас догнал его и сбил. Следом за ним был ранен командир эскадрильи капитан Балашов. Ему чудом удалось посадить самолет на аэродроме. Оставшихся без руководства летчиков японцы легко разогнали по небу и сбивали. Из этой десятки четверо погибли в бою, один пропал без вести, двое получили ранения, одному пришлось выпрыгнуть на парашюте из горящей машины и через двое суток вернуться на аэродром. Об этих потерях и говорил Ворошилов, выступая перед летчиками, едущими защищать небо Монголии. Несмотря на успех, японская авиация после 28 мая резко свернула свою активность. До второй половины июня групповых налетов противника не было.

Командовать нашей авиацией в Монголии был назначен герой испанских боев Я. В. Смушкевич, талантливый летчик и командир. По его замыслу, в период затишья опытные летчики должны были провести тренировочные бои с молодыми, передать им все, чем владели сами. Инструкторские группы были посланы во все эскадрильи истребительных полков. Григорий Кравченко был направлен в 22-й ИАП.

Началась боевая учеба. С утра до вечера над степью стоял гул моторов. Инструкторы старались учесть неудачи первых воздушных боев в Монголии.

– Держитесь строя, – говорил Григорий Кравченко своим подопечным. – Только тот летчик, кто умеет держать строй. В строю ты воин, вне

строю – мишень. Качнул ведущий крылом – значит, подтянись. Начинаем. Выполняешь вираж – держись в одной плоскости с ведущим. Крыло в крыло, как плечо к плечу. Следи за небом, учись видеть в нем и противника, и товарища. Маневрируй, подстраховывай своих. И ты победишь. – И он как-то виртуозно своими ладонями демонстрировал маневры боевой группы в воздухе. – Летчик в воздухе не только боец сам по себе, но и товарищ. Идешь звеном на врага, иди звеном и до места посадки, прикрывая и контролируя друг друга. Будь предельно внимательным при разворотах на солнце, особенно здесь легко проморгать и потерять товарищей.

Тренировка и обучение продолжались около двух недель. Инструкторы старались приблизить учебные бои к настоящим. Эта учеба приносила заметные результаты. Инструкторы начинали чувствовать на себе, как крепнет воля к победе у подопечных.

Маршал Г. К. Жуков, касаясь в своих воспоминаниях событий на Халхин-Голе, писал: “Летчики – Герои Советского Союза провели у нас большую учебно-воспитательную работу и передали свой боевой опыт молодым летчикам, прибывшим на пополнение... Часто я вспоминаю с солдатской благодарностью замечательных летчиков С. И. Грицевца, Г. П. Кравченко, В. М. Забалуева, С. П. Денисова, В. Г. Рахова и многих других”.

22 июня командующий японской авиацией в районе Халхин-Гола отдал приказ: “Чтобы одним ударом покончить с главными воздушными силами Внешней Монголии, которые ведут себя вызывающе, приказываю внезапным нападением всеми силами уничтожить самолеты противника на аэродромах в районе Тамцак-Булак, Баин-Тумен и озера Баин-Бурду-Нур”.

Монгольское солнце уже начинало палить, когда группа оповещения сообщила, что армады японских самолетов перелетели границу и движутся в сторону аэродромов.

В небо взмыла ракета. Эскадрильи подымались в воздух одна за другой и брали курс на озеро

Баин-Нур. А там уже творилось что-то невероятное. Около сотни самолетов сплелись в единый клубок. Грохотало небо от пулеметной стрельбы и рева моторов. Наши летчики, располагавшиеся на прифронтовых аэродромах подскока, дрались уже минут пятнадцать. Помощь эскадрилий была ко времени. Но и японцы все наращивали силы. В воздухе стало тесно от самолетов.

Возникали моменты, когда плотность боя становилась предельно возможной. Сбитые самолеты падали, разваливаясь на куски, на земле догорали их обломки. Утром 23 июня стали известны результаты боя. В нем участвовало 95 советских истребителей и 120 японских. 43 самолета были сбиты. Из них 12 наших. В этом бою погиб командир 22-го истребительного полка майор Глазюкин. Вместо него командовать полком был назначен Григорий Кравченко. А уже через час комиссар полка Калачев знакомил нового командира с обстановкой.

– Настроение у ребят неважное, – сокрушался он. – Пятнадцать летчиков потеряли. А теперь вот и самого командира. У самураев, Григорий Пантелеевич, подлые замашки. Вынырнут из облаков, обстреляют и скроются. А после боя, когда они нашу эскадрилью порастрепали, два японских летчика отделились от своей группы и давай в небе кувыркаться, аж сердцу больно стало. Покувыркались и ушли. Обидно было смотреть на эту виртуозную безнаказанность. Хотелось локти кусать и волком выть...

– Эх, Владимир Николаевич, дорогой ты наш комиссар, – перебил его Кравченко. – У тебя бы все по правилам. Воздушный бой с врагом – это не схватка борцов на ковре, где и судья со свистком, и штрафные очки начисляют за нарушение правил. Хитрость и смекалка в бою – второе оружие летчика, не менее сильное, чем пулеметы. Нам надо учить пилотов тактике боя, военной грамотности и изобретательности. Чем больше у тебя для врага сюрпризов, тем ты непобедимей.

А что касается этих “кувырканий”, то я тебе клянусь: мы их заставим кувыркаться! – Григо-

рий сжал кулаки. – Кувыркаться и биться мордой в монгольскую степь.

В ту ночь новый командир полка так и не заснул. Проводив комиссара, он вышел из юрты. Крупные, как пушистые варежки, монгольские звезды уже догорали. Вот-вот должно было выкатиться на степь солнце. Рассвет наступает в монгольской степи мгновенно.

Наступало утро 24 июня.

Кравченко звонил в эскадрильи. Справлялся о готовности и настроении.

– Уверен, сегодня ползут опять, – говорил он. – Вчера зализывали раны, провели переформировку и пополнение, так что вот-вот ждите гостей. Прошу сейчас же, с утра, дать хороший инструктаж летчикам. Строй и еще раз строй, крутить головой на все триста шестьдесят градусов. В случае схватки – поменьше виражей. Их И-96 маневреннее. Изматывайте и атакуйте на вертикалях. Монгольское незамутненное небо скрадывает расстояние, в нем кажется до всего дотянись рукой. А это подводит при стрельбе. Бить только наверняка, с двухсот и сотни метров.

А служба наблюдения уже сообщала, что японские самолеты пересекли линию фронта.

Воздушные бои происходили часто. В иные дни летчикам приходилось по нескольку раз поднимать в небо свои машины и идти под пули противника. Активность с японской стороны не была случайной.

Скрытно сгруппировав 38-тысячную армию и подтянув 250 самолетов, японцы вечером 2 июля перешли в наступление. Под прикрытием темноты навели понтонный мост через реку Халхин-Гол, переправили более ста танков и сходу устремились к горе Баин-Цаган. Наступательная операция, по расчетам японцев, должна была закончиться полным разгромом советских и монгольских частей. Они настолько были в этом уверены, что пригласили в район боевых действий иностранных корреспондентов и военных атташе для наблюдения за предстоящими действиями...

Перед рассветом 3 июля старший советник Монгольской армии И. М. Афонин выехал к горе

Баин-Цаган, чтобы проверить оборону 6-й монгольской кавалерийской дивизии, и неожиданно обнаружил там японские войска.

Было решено сорвать наступление врага до подхода наших наземных войск мощными бомбовыми ударами, штурмовкой и губительным огнем истребителей. Посыльные и вестовые мчались в подразделения, звонили телефоны.

– Товарищ Головин! – обратился Кравченко к начштаба. – Отдайте приказ командирам и комиссарам эскадрилий прибыть через час на КП. К этому времени я подготовлю план действий.

Ровно в пять все собрались в юрте Кравченко. Командир, указав направление и цели штурмовки, порядок действия эскадрилий, свой приказ закончил словами: “Вылет в шесть ноль-ноль. Ведушим буду я”.

Ровно в шесть комполка взмыл в воздух. Со всех площадок поднялись истребители, и полк, набирая высоту, направился к дальним сопкам.

Участник этого налета комиссар эскадрильи Арсений Ворожейкин вспоминает: “Мы летели двумя десятками за головным звеном командира полка майора Кравченко. Чтобы скрытно приблизиться к противнику и использовать внезапность, командир полка решил пересечь границу над облаками. Полк истребителей набирал высоту, справа и слева были тяжелые тучи. Дальше в небе Маньчжурии не было ни одного барашка. Командир повернул влево и начал снижаться в направлении вражеского аэродрома.

Замысел был таков – четыре эскадрильи произведут штурмовку самолетов на земле, а одна остается наверху на тот случай, если противник вызовет помощь с другого аэродрома.

Солнце светило в хвост. Линия стоянки самолетов, немного перегнутая, вырисовывалась почти под прямым углом, что позволяло начать атаку сходу на широком фронте. Вслед за командиром полка лейтенант Трубоченко направил свою эскадрилью прямо на середину стоянки. Появление 22-го полка было для японцев неожиданным. Только после первых пулеметно-пушечных очередей они поняли, в чем дело. Огонь оказался

метким. На аэродроме паника: одни бежали со стоянок сломя голову, другие падали на месте.

В клубах черного дыма внизу вскидывались ослепительно желтые языки бушующего пламени – это взрывались бензобаки японских истребителей. Сделав три захода, 22-й полк возвращался домой. Калачев был до того ранен и на штурмовку не летал. Он подходил к самолетам и проверял все ли вернулись. Вот машина Кравченко. Он, не снимая шлема, перегибается через борт и хохочет.

– Эх, комиссар, и дали же мы им сегодня жару. Жаль, что ты не видел! Захватили врасплох, в три захода сожгли в пух и прах!

Калачев тоже смеется:

– А как же иначе! Так и должно быть, командир!

В этот день летчики сделали семь боевых вылетов. Два раза штурмовали аэродром и пять раз летали на Баин-Цаган громить наземные войска и переправу. Все страшно устали. После боя Григорий Пантелеевич прилетел в эскадрилью лейтенанта Трубаченко и, увидев изрешеченный пулями истребитель, приказал собрать возле машины летчиков.

Его усталое лицо было недовольно, глаза строго поблескивали. Когда все собрались, Кравченко улыбнулся:

– Что приуныли, орлы! Уж не сбили ли у вас кого?

– Нет, – отозвались голоса.

– Ну, так выше голову! Я прилетел с хорошей вестью. Прошу всех поближе. Наступление японцев остановлено. Ваша эскадрилья отважными штурмовками очень помогла наземным войскам, и они вас сердечно благодарят.

Кравченко показал на самолет, возле которого собрались летчики, и голос его посуровел:

– Полюбуйтесь! 62 пробоины! И некоторые их считают доказательством своей храбрости. Срам это, а не геройство! Вы взгляните на входные и выходные пробоины. О чем они говорят? Японец дал две длинные очереди и обе почти строго сзади. Значит, летчик зазевался, проглядел противника.

Вы много летаете, устаете, это притупляет бдительность. Но ведь хозяин этой машины сделал сегодня только три вылета, я специально поинтересовался. И вообще, заметьте: анализ потерь говорит, что в большинстве случаев летчиков-истребителей подбивают на зевках.

Молитесь Поликарпову, он сделал такой аэроплан, который, если умело воевать, японские пули не берут!

Вот смотрите: две пули ударили прямо в наголовник бронеспинки, а ей хоть бы что! Плоскости фюзеляжа как решето, а стоит заклеить дырки, машина снова готова в бой. Наши самолеты по скорости превосходят японские, а по живучести – я уж и не говорю. Если бы столько пуль досталось японскому И-97, так от него бы мокрое место осталось!

Раздались одобрительные возгласы. Кравченко продолжал:

– Некоторые летчики не очень представляют себе, в чем состоят особенности воздушного боя против маневренных японских истребителей на малых высотах, вблизи земли.

Все с интересом слушали командира полка, так как разговор шел о действительно наболевшем.

– При мощном вооружении, которое имеют И-16-П, – говорил Григорий Пантелеевич, – вашей эскадрилье придется частенько вылетать на штурмовку, действовать возле земли, и тут многое надо учитывать. Вы знаете, что И-97 при лучшей маневренности уступает И-16 в скорости на 120 километров. Однако это преимущество нашего истребителя не дает возможности на низкой высоте быстро оторваться от зашедшего в хвост И-97, двигаясь по прямой. Почему?

Разгадка проста. Чтобы уйти от противника на безопасную дистанцию, необходимо некоторое время, которого вполне достаточно, чтобы японец выпустил свой боекомплект по уходящему без маневров И-16. Ошибка некоторых летчиков как раз в том и заключается, что они, обнаружив позади себя противника, уходят по прямой. Это смертельно опасно.

Как лучше действовать? Главное условие успе-

ха в воздушном бою – стараться на большой скорости и с большой высоты решительно атаковать противника, невзирая на его численное превосходство. Затем, используя скорость разгона, оторваться от врага и снова занимать исходное положение для повторной атаки. Когда же повторная атака почему-либо невыгодна, нужно подождать, удерживая вражеских истребителей на таком расстоянии, которое обеспечивало бы вам разворот с целью лобовой атаки.

Постоянное стремление атаковать – верное условие победы. Мы должны осуществлять наступательную тактику так, чтобы наш самолет обладал преимуществом в скорости и огневой мощи, всегда походил на шуку среди мальков!

Ответил Кравченко и на целый ряд других вопросов: о тактике боя, о воздушной стрельбе, об управлении боем, о боевых порядках. Затем он перешел к способам борьбы с зенитной артиллерией. Говорил Григорий неторопливо, уверенно, как о деле, хорошо ему известном и целиком его поглотившем. Григорий Пантелеевич сам успел в этот день провести воздушный бой с японским асом и два раза слетал на штурмовку вражеского аэродрома. Несмотря на это, смог еще прочитать, по существу, лекцию по жизненно важным для летчиков вопросам.

“Советы Кравченко падали на благодатную почву. И когда разбор закончился, командир полка с легкостью, неожиданной для его грузноватого тела, занял свое место в кабине И-16 и ушел в небо красивым стремительным почерком. Я очень остро почувствовал, как велика дистанция между опытом, которым владеет он, и тем, что успел усвоить я, – пишет А. В. Ворожейкин. – Кравченко был как раз тем человеком, в совете которого мы испытывали особенно большую нужду. В его голосе немного глуховатом, твердо звучала та сила правоты и ясности, которая бывает свойственна опытным и храбрым командирам. Свою речь он сопровождал движением кистей рук, один согласный взмах которых, случалось, говорил во сто раз больше, чем самое обстоятельное толкование какого-либо неожиданного внезапного

маневра”¹.

Арсений Васильевич Ворожейкин прекрасно описал, как Г. П. Кравченко учил своих летчиков в боевой обстановке. И, видимо, много перенял от своего командира. Участвуя в боях на Халхин-Голе, на советско-финском фронте и на фронтах Великой Отечественной войны, Ворожейкин сбил 52 самолета лично и 13 самолетов в групповых боях. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза дважды.

В газете “Сталинский сокол” за 29 августа напечатано: “25 августа в районе озера Узур-Нур 65 истребителей 22-го полка вступили в бой с 80 вражескими самолетами. Схватка длилась 35 минут, уничтожено 26 вражеских машин, остальные в беспорядке покинули сражение. Одним из героев дня был майор Кравченко. 26 августа японцы не посмели поднять в воздух ни одного из своих побитых стервятников. А вечером подразделения тов. Кравченко демонстрировало над фронтом мощь советской авиации. Парадным строем с исключительным мастерством прошли боевые эскадрильи кравченковцев над вражеской территорией и над нашими победоносными войсками.

Во время всего пути туда и обратно летчики Герасимов и Кузьменко украшали парад победителей фигурами высшего пилотажа. Герасимов с правого фланга, Кузьменко с левого. Мастера воздушных боев показали друзьям и врагам, почему побеждают советские летчики. Быстро и красиво Герасимов и Кузьменко выполнили фигуры высшего пилотажа...”

Прочитав газету, Кравченко дружески похлопал комиссара Калачева по плечу.

– Ну, что я тебе говорил, Владимир Николаевич! Кто теперь парит и кувыркается в воздухе, как захочет, а кто клюет носом землю? То-то же! А ты тогда пожимал плечами. Сомневался? Признайся!

– Нет, не сомневался. Знал, что мы им нос утрем. Но не думал, что так капитально.

Утром 29 августа радио принесло в Монголию радостную весть. Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение

боевых заданий и выдающийся личный героизм майоры Сергей Иванович Грицевец и Григорий Пантелеевич Кравченко вторично были удостоены звания Героя Советского Союза.

Это были первые дважды Герои Страны Советов.

В этот же день был опубликован и Указ о присвоении звания Героя Советского Союза еще 31 человеку. Среди них было десять летчиков 22-го истребительного полка.

Когда стало известно об Указах, комиссар Калачев собрал на митинг весь личный состав. Первым выступил дважды Герой Советского Союза майор Григорий Пантелеевич Кравченко.

– В жестоких боях кто может мыслить о наградах? – начал он. – Защита Родины – твой священный долг, твоя клятва народу. Но вот телеграф из далекой Москвы приносит радостную весть. Я от всей души, всем сердцем рад и счастлив, что награждены мои бойцы, десяти истребителям полка присвоено звание Героя Советского Союза. Храбрецы заслужили награду. Но славой своей полк обязан не отдельным выдающимся летчикам, а сотням самоотверженных людей. Будь ты непревзойденный ас, однако одиночки никогда не решат судьбы войны. Славой своей полк обязан всем без исключения беззаветным бойцам-летчикам, техникам, оружейникам. Это они завоевали победу. И всему полку я лично обязан тем, кем стал, получая самую высокую награду партии и правительства.

22-й истребительный полк за героические бои на Халхин-Голе был награжден орденом Красного Знамени.

Группу Героев Советского Союза отозвали в Москву с места боев на Халхин-Голе до заключения мирного договора вовсе не случайно. Григорий Пантелеевич это почувствовал сразу, как только их пригласили в Кремль на встречу со Сталиным.

Иосиф Виссарионович выглядел уставшим, хотя старался держаться бодро и был в хорошем настроении. Его выступление о международных делах было на острие времени, касалось сентябрь-

ских дней и жгучих проблем.

– В связи с этим, – говорил Сталин, – мы даем вам, только что вернувшимся с Халхин-Гола, новое задание. Вероятно, вы даже полностью не представляете, как много вы сделали на Халхин-Голе. Япония запросила мира. Теперь надо помочь белорусским и украинским братьям. Мы готовимся к освобождению Западной Белоруссии и Западной Украины.

Многие летчики были командированы в Белорусский и Киевский особые военные округа советниками в авиационные части. Г. П. Кравченко выехал в Киев. Это было 15 сентября, через 5 дней после возвращения с Халхин-Гола.

4 ноября 1939 года в Кремле состоялось знаменательное событие: впервые вручались медали “Золотая Звезда” всем Героям Советского Союза, удостоенным этого звания с момента его учреждения в 1934 году. Сюда собрались лучшие из лучших сынов и дочерей нашей Родины. Это они осваивали Северный полюс, дрейфовали на льдинах, совершали полеты через полюс в Америку, устанавливали рекорды дальности, скорости, высоты полетов, били фашистов в Испании и самураев на Дальнем Востоке.

Григорию Пантелеевичу Кравченко Золотые Звезды Героя вручались первому. Четким армейским шагом он подошел к президиуму. Михаил Иванович Калинин прикрепил к гимнастерке майора две золотые звезды, развернул Героя лицом к залу, посмотрел на него как бы со стороны, по-отцовски обнял и расцеловал.

Буря аплодисментов прокатилась по залу. А Кравченко, гордый и счастливый, стоял перед людьми, чувствуя умом и сердцем, как высоко подняла его Родина и Советская власть. Он, сын пастуха, солдат Страны Советов, стоит на высшей ступени всенародного почета и славы!

Ноябрьские дни у Григория Кравченко были загружены до предела. Кроме служебных дел в Главном штабе ВВС ему, как выдающемуся летчику страны, была оказана честь вести традиционную пятерку истребителей над Красной площадью по случаю 22-ой годовщины Великого

Октября. Эта традиция зародилась в 1935 году. Тогда первую пятерку скоростных машин вел над Первомайской Красной площадью Валерий Чкалов. На следующий год этой чести был удостоен Василий Степанчонок, потом Анатолий Серов, Степан Супрун.

На этот раз готовились две пятерки истребителей. Первую возглавлял Григорий Кравченко, вторую – полковник Иван Лакеев. Летчиков беспокоило больше всего, что шли постоянные дожди и на праздник синоптики не обещали хорошей погоды. К сожалению, на этот раз они не ошиблись. Над столицей нависли тяжелые серые тучи, моросил дождь вперемежку со снегом. Военный парад шел своим чередом. Равняя нить штыков, чеканила шаг пехота, прогарцевала конница, показали свою мощь танки, артиллерия. Все ждали, посматривая на беспросветное небо, покажутся ли в такую непогодь летчики! И они не обманулись. Рев моторов заглушил все. Разрывая тучи, над самой крышей Исторического музея метеорами пронеслась десятка огненно-красных истребителей. Они взмыли над Красной площадью и стремительно исполнили серию фигур высшего пилотажа.

А в небе, заглушая моторы, неслоь многотысячное: – Ура!

Вечером на торжественном приеме участников парада Сталин поздравил Григория Пантелеевича с наградами и, посмотрев на широкую грудь Героя, сказал:

– Место и для следующей звезды есть!

Григорий Пантелеевич смутился. Ему было как-то неуютно стоять с известнейшим в стране и мире человеком и чувствовать себя Героем. Он, смущаясь, сказал:

— Товарищ Сталин, вы на своих плечах несете огромную ношу и ответственность за страну, но на вашей груди нет орденов. Мне как-то даже неудобно стоять рядом с вами и блистать Звездами.

Сталин прищурил глаза, улыбнулся в усы и сказал:

– Товарищ Кравченко, гордитесь вашими Звез-

дами, они за мужество и подвиги вам даны. Наше правительство отмечает такими наградами выдающихся людей, чтобы трудящиеся массы широко их знали, подражали им, стремились повторить боевой или трудовой подвиг. У нас же другая работа и положение. Нас и без орденов знают.

Сталин интересовался боевыми качествами наших и зарубежных самолетов, организацией летной службы и подготовкой летчиков, деталями боев в Китае и на Халхин-Голе. У Григория Пантелеевича оттаивало сердце. И уже вскоре его ладони плавали в воздухе, имитируя схватки воздушных бойцов.

* * *

В ноябрьские дни произошло еще одно важное событие в жизни Григория Пантелеевича. Он был выдвинут кандидатом в депутаты Московского областного Совета депутатов трудящихся по Ленинскому избирательному округу столицы. Как-то вечером прямо домой к Кравченко нагрянула делегация доверенных лиц от разных коллективов. Мать Григория Пантелеевича Мария Михайловна поставила самовар, накрыла стол. Гости уже вовсю задавали вопросы. Тут были сотрудник газеты завода “Красный факел” Ямщиков, начальник планового отдела фабрики “Красные текстильщики” Савицкий, группа молодежи. Мария Михайловна все поглядывала на приглянувшуюся ей стахановку с фабрики “Красный Октябрь” Лену Каренину. Когда гости распрощались и ушли, она внимательно и долго смотрела сыну в глаза и, задумавшись; спросила:

– Когда же ты у нас женишься, Гриша? Смотри, какие красивые девушки вокруг.

Он засмеялся. Обнял мать за плечи.

– Вот съездим, мама, на юг, отдохнем, потом и о невестах думать будем. Сегодня комкор Смушкевич выпроваживал меня в отпуск, предложил поехать в Сочи. Завтра пойду путевки получу, давай агитируй отца, все вместе и поедем. Ты ведь у моря не была?

– Нет, Гриша, не была.

– Значит, договорились. Все вместе и поедem.

В последней декаде ноября Григорий Пантелеевич вместе с отцом и матерью поехал на отдых в Сочи. Обслуживающий персонал санатория больше всего удивило, что прославленный в боях летчик приехал с родителями.

– Разве так отдыхают Герои?! — пожимали они плечами.

А Кравченко удивлял их все больше. Сделав зарядку, он шел с отцом и матерью к морю, в парк, то катал их на катере, то нес с базара корзинку винограда и фруктов. Заботился, как о детях.

– Не пойму, кто из вас приехал отдыхать, вы или ваши родители? — иронизировала как-то молодая врачиха.

– А вы разве песен не знаете? — улыбнулся Кравченко.

– При чем здесь песни? — подняла та брови.

– Как при чем? — и Григорий запел:

*Молодым везде у нас дорога,
Старикам везде у нас почет...*

А если прозой и серьезно, то сыновья вырастают, какими их воспитали родители. Мои старички честно поработали в жизни. Мой долг — воздать им за это по заслугам.

На третий день в санаторий нагрянула группа летчиков. Среди них Кравченко заметил своих друзей-героев Халхин-Гола, комиссара полка Владимира Николаевича Калачева и Леонида Александровича Орлова. Они встретились, как братья.

Теперь настало хлопотное время для Марии Михайловны. Друзья часто заходили к ним. А она любила принимать гостей.

Отдохнуть летчикам было не суждено. 30 ноября 1939 года началась финская война.

Григорий Пантелеевич от себя и отдыхающих летчиков направил телеграмму Ворошилову с просьбой разрешить им выехать на фронт для участия в боях с белофиннами.

Через два дня был получен ответ: “Согласен. Выезжайте в Москву. Ворошилов”.

Вечером друзья собрались вместе, Григорий взял гитару...

– В далекий путь товарищ улетаем... — пели летчики.

Слезинки катились по щекам Марии Михайловны. За один год она провожала сына в третий военный поход.

* * *

Григорий Пантелеевич был назначен командиром особой авиагруппы. Штаб ее находился в Эстонии. Советский Союз имел тогда с ней договор о военных базах.

Вместе с назначением на новую должность Кравченко было вторично во внеочередном порядке присвоено внеочередное звание — полковника. Командование авиагруппой вылетело на свою главную базу. Началась совсем новая для Григория Пантелеевича служба, в корне отличавшаяся от халхин-гольской практики. Бездорожье, нехватка транспорта и горючего, слабые средства связи, сорокаградусные морозы, неподготовленность летного состава к боевым действиям в таких условиях, и все это на чужой территории, где помощи ждать было неоткуда.

У Кравченко был настырный и волевой характер. Он не пасовал перед трудностями. Он то отдавал распоряжения в штабе, то находился на аэродромах, занимался учебной и политической работой. Он все умел делать сам. И его за это любили. Были проведены первые налеты на военные объекты в Финляндии. Пролетев над Балтийским морем, авиагруппа Кравченко неожиданно появлялась у линии фронта с тыла противника, чем вводила врага в замешательство. Удары авиаторов были мощными. По словам П. Г. Стефановского, Кравченко на этом посту проявил “недюжинный организаторский талант крупного военачальника”. За образцовое выполнение боевых заданий Григорий Пантелеевич был награжден орденом Красного Знамени. После финской кампании Кравченко было поручено заняться укреплением авиабаз на территории всей Прибал-

тики. Это требовало организаторских способностей, энергии, напористости, знания дела. В выборе человека на этот пост не ошиблись. Кравченко справился с поставленной перед ним задачей. За умелое руководство в апреле 1940 года ему было присвоено звание комдива. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1940 года в Красной Армии вводились генеральские и адмиральские звания во всех родах войск. Решением Правительства эти звания были присвоены многим талантливым военачальникам. Григорий Кравченко стал генерал-лейтенантом авиации. Ему шел тогда 28-й год. Ни в одной армии мира не было такого молодого авиационного генерала.

Стремительное повышение по службе не вскружило голову герою-летчику. Он остался простым и доступным, как и в первые годы службы в авиации. В июле 1940 года Кравченко и Смушкевич инспектировали 16-й истребительный полк. Летчики выстроились у машин, так как готовились к полетам. Заметив в строю Георгия Приймук и Александра Пьянкова, участников боев на Халхин-Голе, Кравченко и Смушкевич, отбросив все условности проверяющих, стали обнимать их подружески, шутили, вспоминали о друзьях-товарищах.

“Кравченко оставался таким же своим и близким человеком, как и на Халхин-Голе. Крупные звезды в петлицах не отодвинули его от простых летчиков”, – вспоминал позднее Георгий Приймук.

В конце 1940 года Григорий Пантелеевич был направлен на Курсы усовершенствования высшего командного состава при Академии Генштаба РККА. Закончил их успешно и 20 июня 1941 года был зачислен слушателем Академии.

Рано утром 22 июня к нему с пакетом прибыл вестовой. Григория Пантелеевича срочно вызвали в Главное Управление ВВС.

В тот же день Кравченко был направлен в расположение командующего ВВС Белорусского Особого Военного Округа. Поздно вечером он заехал домой. Как всегда был подтянут и красив

в своей синей летной форме с яркими звездами дважды Героя на груди. Обнял мать.

– Ну, родная, накрывай на стол. Попьем чайку в семейном кругу перед дорогой. Через два часа лечу в командировку.

– Что же теперь будет-то, сынок? – спросил Пантелей Николаевич.

– Положение серьезное, отец, немцы умеют воевать, но и мы не лыком шиты. Знай одно, набьем им морду и вышвырнем. Это точно.

Через час он уехал на аэродром.

Кравченко получил под командование 11-ю смешанную авиадивизию. До начала войны она состояла из трех истребительных и одного бомбардировочного полков, базировавшихся в районе городов Гродно и Лида. Ее аэродромы подверглись мощному удару фашистской авиации уже в первые часы войны. Дивизия понесла огромные потери. Из 199 самолетов осталось лишь 72. Под бомбежкой аэродрома погиб и сам комдив Ганичев. Оставшийся личный состав отходил на восток.

В таком состоянии и принял Кравченко дивизию, если это можно было назвать приемом. Остатки авиаполков находились на разных аэродромах, без надежной связи, не было транспорта для переброски в тыл батальонов аэродромного обслуживания, горючего, боевого снаряжения. Дороги были забиты беженцами и отступающими армейскими частями.

Кравченко с рассвета и до рассвета находился на аэродромах, лично руководил боевыми действиями полков, сам ставил боевые задачи. Автомобиль служил ему “пунктом управления на колесах”. Командир дивизии был всегда на виду у людей, часто беседовал с летчиками, с личным составом аэродромного обслуживания. Это было так необходимо в период отступления, при страшной физической и моральной нагрузке, свалившейся на людей.

– Выше голову, орлы! – говорил он. – Еще немного, и мы начнем им хребет ломать! Начнем!

Дивизия, часто перебазирясь, сдерживала наступление фашистских армий группы “Центр” на

реке Березине. Немцы сосредоточили у переправ большое количество зенитной артиллерии, бросили сюда эскадрильи своих истребителей, но отважные летчики дивизии Кравченко бомбили переправы, наводили панику в колоннах немецких войск.

После их налетов горели танки и автомашины, приходилось снова наводить понтоны и мосты. А атаки штурмовиков следовали одна за другой. Надо было выиграть время, чтобы в тылу развернулись наши войска. За эти действия командующий фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко объявил благодарность личному составу штурмового полка 11-й авиадивизии. Ведя изнурительную работу по перебазированию авиачастей, организуя удары поседающему противнику, Кравченко искал возможность ударить по фашистам заметно, по-крупному. И когда разведка донесла, что близ Бобруйска на аэродроме фашистские самолеты, “как на выставке стоят”, у генерала мгновенно родилась мысль ударить по аэродрому и нанести противнику урон, подобный тем, что наносили герои Халхин-Гола самураям.

Он пригласил командира 4-го штурмового полка Гетьмана и поставил ему такую задачу. Тот ухватился за идею.

– Самолеты на аэродроме! Да за одну штурмовку их можно столь накрыть... Надо только выбрать момент.

– Проведите еще раз разведку, – посоветовал Кравченко, – хотя я не сомневаюсь, что это так и есть. Успехи фашистам кружат голову. Они не думают, что мы осмелимся на такое. Разработайте план и ударьте на рассвете. Немцы пунктуальны и в это время по распорядку должны спать. Вот вы этим и воспользуйтесь. Пусть в подштаниках побегают.

– Блестящая идея, – восхищался Гетьман, – только ночью из моих штурмовиков никто не летал.

– Не летали, значит, полетите. А слетаете раз – будете летать и впредь. Не боги горшки обжигают, – говорил Григорий Пантелеевич. – Вы только

пилотов в машины пораньше посадите, чтобы привыкнуть к темноте и осмотреться смогли.

– Придется отобрать самых опытных, поведу их сам.

– Вот это правильно, по-нашему, майор!

Кравченко пожал руку и пожелал удачи Гетьману.

Вот как описывает эту операцию Герой Советского Союза Василий Емельяненко: “До рассвета зарокотали моторы. Из выхлопных патрубков заструилось багровое пламя. Оторвавшись от земли, летчики отыскивали ушедшие вперед самолеты по навигационным огням. Не доходя до Березины Гетьман, а вслед за ним и остальные летчики выключили навигационные огни. При подходе к Бобруйску штурмовики пошли вниз. Слева по курсу видна взлетная полоса, по обе стороны от нее плотными рядами поблескивают самолеты. Ведущий с заворотом пошел в атаку.

Из-под крыльев штурмовиков дымным росчерком рванули “ЭРЭСЫ”, короткие вспышки мелькнули в рядах бомбардировщиков. Полыхнул огонь, закувыркались обломки. Понеслись пулеметно-пушечные трассы, кромсая крылья с черными крестами. А у самой земли от штурмовиков отделились бомбы. От их взрывов запылали “юнкеры” и “мессершмитты”, подготовленные к боевому вылету. Полк в этот день трижды штурмовал Бобруйский аэродром. В результате налетов штурмовиков было уничтожено двадцать три “Юнкера” и сорок семь “Мессершмиттов”. Это была большая победа полка”.

В начале октября в районе Трубчевска вражеские танки прорвали оборону наших войск. На борьбу с ними были брошены не только штурмовики и бомбардировщики, но и истребители. Бои носили ожесточенный характер. В одной из газет тогда сообщалось: “Танковые подразделения тов. Чернова во взаимодействии с бомбардировщиками авиачасти тов. Кравченко нанесли удар по немецкой танковой колонне... В результате боя уничтожено 34 немецких танка, 22 танка разбиты прямым попаданием бомб...”

Несмотря на упорное сопротивление наших

войск гитлеровцы продвигались вперед, имея почти двойное превосходство в силе, как в наземных частях, так и в воздухе. В середине ноября началось их генеральное наступление на Москву. Гитлеровские войска словно железной подковой охватили столицу. Генералу Кравченко было поручено сформировать отдельную ударную авиагруппу в районе Рязска и не пропустить там врага. Костяком ее стала 11-я авиадивизия.

В ноябре разведчики авиадивизии заметили, что по шоссе Скопин-Рязск к фронту движутся колонны моторизованной дивизии немцев. Как раз здесь, на стыке двух армий, большой участок фронта был совершенно открыт. Кравченко немедленно поднял в небо свои самолеты. Пять суток летчики штурмовали и бомбили мотодиви-

зию фашистов. В результате она была сожжена, деморализована и выведена на переформирование.

Летчикам, принимавшим участие в этих действиях, Военный Совет фронта объявил благодарность, 27 человек были представлены к правительственным наградам.

Летом и осенью 1942 года Кравченко формировал под Москвой новую 215-ю истребительную авиадивизию. Перед новым годом она была направлена на Волховский фронт, где шла подготовка к прорыву блокады Ленинграда. В ночь на 12 января авиация двух фронтов – Ленинградского и Волховского – нанесла массированный удар по врагу. Утром ураганный огонь по фашистской обороне открыли артиллеристы.

Войска двух фронтов начали штурм вражеских укреплений. Их надежно прикрывали и поддерживали с воздуха авиаторы. Только летчики 215 дивизии Кравченко сбили пятьдесят семь самолетов противника.

После прорыва блокады воздушные бои не утихали. Чтобы наладить снабжение Ленинграда продовольствием и военным снаряжением, севернее Синявино саперы и железнодорожные войска начали строить железнодорожную ветку на Ленинград. Фашистская авиация старалась сорвать стройку. Летчики Кравченко взяли объект под “свое крыло”. 6 февраля по дороге уже прошел первый грузовой поезд. Генерал Кравченко пользовался большим уважением и любовью в дивизии. Его знали в лицо летчики и техники, инженеры и оружейники, те кто обслуживал боевую работу. 22 февраля вышел Указ о награждении Григория Пантелеевича орденом Отечественной войны.

В полдень 23 февраля Кравченко взлетел в воздух с группой истребителей. По ВВС был издан приказ, запрещающий такие полеты высшему командному составу. Но у генерала был свой

моральный принцип – посылать в бой других с чистой совестью может лишь тот, кто сам участвует в сражениях.

В небе встретились с крупными силами фашистов. Кравченко повел группу навстречу врагу. Завязался неравный бой, в котором командир дивизии сбил одного “фоккера”, но был подбит и его самолет. Кравченко повел горящий истребитель в сторону своих аэродромов, и, перелетев линию фронта, выбросился с парашютом.

Григорий Пантелеевич не раз прыгал с парашютом, и он никогда не подводил летчика. Но на этот раз парашют не раскрылся.

Тело генерала подобрали в трех километрах от передовой наши артиллеристы. Это было восточнее линии Синявино-Мга.

Похороны состоялись 28 февраля в Москве, на Красной Площади.

На траурном митинге выступили: кандидат в члены Политбюро А. С. Щербаков, председатель Моссовета В. Н. Пронин. От летчиков 215-й дивизии с прощальным словом и клятвой отомстить врагу выступил начальник политотдела корпуса Ф. М. Лобан.

Полковник Лобан снял с катафалка урну с прахом Героя и установил ее в нишу Кремлевской стены, рядом с захоронением Валерия Чкалова. Прогремел залп.

Мстить фашистам за командира летчики дивизии начали в тот же день. На многих истребителях появилась надпись-клятва, надпись-призыв: “Отомстим за Кравченко!”

Приказом Министра обороны СССР генерал-лейтенант Кравченко навечно занесен в списки третьей эскадрильи истребительного авиационного полка.

В Москве и Кургане, во многих городах и селах именем Григория Кравченко названы улицы. Каждое утро к центру села Звериноголовского в школу имени Григория Кравченко спешат дети. Им есть у кого учиться и радости жизни, и мужеству в ней.

ФЕДОРОВА
Валентина Павловна

КЛЁНЫ

Серенький день середины сентября перемогался. Тусклое небо нет-нет да и пробивалось тяжелым желтым светом, но опять нависало сизо-темной плотностью. И самочувствие Евдокии было подстать погоде. Ни здорова, ни хвора. Так, серединка на половинку. Третий день давило где-то слева, но отпускало, давая передохнуть. И таблетки пила, и пыталась прилечь средь бела дня, но толку выходило мало. Болеть Евдокия не любила. Старалась пересилить себя, обхитрить

хворь. Да и день вроде начал к вечеру налаживаться, вон как позолотило клен, вымахавший за несколько лет до середины третьего этажа. Давно ли воткнула в землю небольшой прутик, а он, диви-ка, уже в окно заглядывает.

Перед кленом Евдокия считала себя в долгу. Были на то причины. Она старалась посадить его везде, где приходилось заводить дом. Вот и здесь укоренила его перед девятиэтажной башней. Знать-то, последний. Уже наказала, чтобы клен

Федорова Валентина Павловна родилась 26 мая 1935 года в Зиянчуринском районе Оренбургской области. Отец – Зайцев Павел Евдокимович, погиб в 1941 году на фронте.

С 1953 по 1958 год училась на филологическом факультете Уральского государственного университета. После его окончания по специальности «учитель русского языка и литературы» приехала в Курган. Работала воспитателем в строительном училище, заведующей детским комбинатом, инструктором Советского райкома КПСС. С 1967 года работает в КГПИ, а затем в Курганском государственном университете.

В 1974 году защитила кандидатскую диссертацию «Скоморошьи песни в рукописных песенниках XVIII века», в 1988 году защитила докторскую «Свадьбы старообрядцев Южного Зауралья (Взаимосвязь поэзии и обряда)».

Именно она открыла старообрядческий регион в Зауралье, его народную культуру; ею собраны уникальный фольклорный фонд и коллекции декоративно-прикладного искусства края. Ее мечта – написать книгу о жизни, обычаях, нравах, верованиях, общественных и семейных отношениях старообрядцев края, показать сущность их ментальности; воспитать в студентах разумное отношение к истории Отечества, понимание уникальности русской культуры.

В. П. Федорова – сопредседатель общественно-политического движения «Женщины Зауралья».

рос на ее будущем холмике рядом с деревянным крестом.

Годы прошли, а как взглянет на клен, приходит на память давний жаркий июльский день...

Шел второй год войны. В деревне почти не осталось мужиков. Работу держали плечи бабешек да молодяжника, не вошедшего в кость. Тянули изо всех сил, а расчет – “палочки”-трудодни. Ими сыт не будешь. Приходилось рваться и на колхозной, и на своей работе. На бригадный двор собирались, уже насновавшись по огороду, дому, двору. Выручали свои хлебные полоски. Добром помянуть председателя колхоза Полушкина. Имя, отчество вылетели из памяти, а фамилия зацепилась.

Как-то добился, светлая ему память, чтобы разрешили колхозникам сеять для себя хлеб в поле. Было это к весне сорок второго. Умный человек, не горделивый. Жалко, недолго председательствовал. К исходу первого года войны ушел на фронт.

Лошадей колхозных на пахоту, понятно, не давали. Быков тоже. Принялись пахать на своих коровах. Хоть были полоски под хлебом небольшими, но жилушки из коровок и хозяек повытянули. Как же они, бедные, холеные, моленые, налитые молоком кормилицы, спасительницы, попрут такую тягу? Плакали, просили прощения у них, а запрягали. Пошли, потянули, неловко ступая. Потянули, как тянули мужичью работу женщины.

На полсела похоронки пришли или тягостные, пугающие листочки: “Пропал без вести”. По всему получалось: конец войны не виделся. Черная тарелка в правлении колхоза, газеты, наезжавшие уполномоченные – начальство все подбадривали: “Враг будет разбит, победа будет за нами”. Обсказывали подсчеты, сколько немецких самолетов сбито, сколько танков подбито, сколько живой силы полегло у них и сколько взято в плен. Белые нитки из этого шитва выходили наружу. Вертелся на языке, осыпая изморозью иголок, справедливый вопрос: “Как, мол, так? Отступаем, оставляем города и населенные пункты, а про немца все чисто знаем. А свой-то счет где? Как понять

“безвестипропавший”? Как там наша-то беда? Где наши мужики? Где головы сложили, как в окружение попадают, как их выводят оттуда? Понятно, тяжелые потери. И по деревне видно”. Тяжелее стало с колхозной работой и вообще с жизнью. В больницу не выпросишься, полдня не вымолишь, чтобы с делами управиться. Все для фронта, все для победы.

И вот однажды уже собравшиеся на бригадных дворах звенья распустили по домам с наказом не отлучаться, а в полдень собраться у школы. В другой случай сколько было бы гомонливой радости, бросились бы к домам врассыпную. Здесь же расхотелись с тяжелым вопросом: “Что стряслось?” Думка придавила белый день. Каждый сам по себе кидал ее туда и сюда. На замирение с немцем не похоже. Трезвый голос давал укорот слабенькой надежде, которой постоянно жили. Может, новое налогообложение? Куда еще? Хоть век коровы не держи, а молоко, масло отдай. Хоть наголо остригись, а шерсть поставь. Шкуры, яйца, картошка тоже уходили в какой-то бездонный карман. Пугнула мыслишка, что опишут хлебные полоски, вспаханные на коровах. Наломались на них. К концу пахоты у коров глаза потускнели. Не хватало совести заглянуть в них – душа изойдет кровью. Сколько укора, немого, но понятного! Стыд сказать, кнут в ход пускался, а иногда и матерное слово. Эх, доля ты, доля, разъязви тебя в самую серединку. На те полоски крепко надеялись все, кто не пожалел себя. За прошлый год трудодней набралось у Евдокии к примеру, в сундук не сложить, а заработок весь на горбу принесла. Правда, еще полпуда раньше выписывала.

Горячей волной накатывала догадка о большой беде в Кремле. Догадка не складывалась в обыкновенные четкие слова, зыбко качаясь. Такого быть не может. Он вечен. Не дай бог. Как же тогда мы, страна, война, победа, которая будет за нами? Хинный комок застрял в глотке, когда подумалось, что будут брать на войну женщин. Удивляться нечему, уже девок подгребают.

В муторной маяте тянулось время, суша губы и

ноздри.

К школе подходили, не дождавшись полдня. Стояла она как раз на середине деревни. В нижний конец сбегало дворов 150. В верхний поднималось столь же. В два порядка. Один порядок выходил к речке, которая связала огородами всю длинную улицу.

Честь собирать около себя деревню школа заимела недавно. До этого собирались у кузницы, которую соорудили в церкви. Красавица была церковь. Стояла высоко на бугре, отсвечивая куполами. В метельное зимнее время, особенно ночью, звонили в самый большой колокол. Мало ли кто блукает в степи. Оренбургская степь шутить не любит. Колокол не одного выводил из снежной круговерти. Нет колоколов, нет красавицы-церкви. Стоит закопченная кузня. Когда сгоняли в колхоз, сохальничали и над храмом. Изгалялись ночью незадолго перед Октябрьскими. Празднику – подарок. Из района тоже распоряжение поступило. Самый большой колокол бухнул на мерзлую землю и долго, надсадно, с хрипом гудел. И земля гудела. Бодрясь друг перед другом, охальники разошлись. Не вспомнить, куда же делись колокола. В церкви сделали кузницу. Теперь она походила на ад из картинок. Стены прокоптились так, что светлые прежние краски только угадывались. Но осталась былая звонкость: хоть шепотом говори, все чисто слышно.

Каждый раз, собираясь у церкви (кузница как-то не липла к языку), народ обговаривал, как разорили ее, как болеет Филька-активист, распоряжавшийся этим дурным делом. Видно, все старушечьи слезы и бабьи крики упали на него. Что-то ему попритчилось, текут и текут слюни, речь попортилась. Никто из знахарок во всей округе не взялся его лечить. Что лечить, коли бог наказал?

Так как внимание уходило на церковь, начальство распорядилось перенести собрания за школу. Конечно, не так удобно, нет такого взгорка, чтобы с него всех было видно, но зато и церковь почти закрыта школой, народ не отвлекается.

Со школьного крыльца, по новой моде, повелось говорить речи, обращенные к товарищам-

колхозникам, гражданам и гражданкам.

В тот июльский полдень к нему стекся народ, истомившийся неизвестностью, ожиданием чего-то пугающе недоброго. Разговоры не заводили. Поспешно здоровались, вопрошающе глядели друг на друга, хорошо понимая, что ответ придет из правления. Видно, у всех душа обросла мохом. Густой тишиной встретили недавно заступившего на пост нового председателя колхоза. Свой, местный. В доброе время ему стол председателский не дали бы понюхать, а теперь вон пыжится, величается по имени-отчеству, кожаный пиджак, поди, не снимает, даже когда спать ложится. Наборзел в районной милиции, хотя грамотешки – подпись с закорючкой. С председателем шли милиционер и военный. Оба в форме, при наганах. Потянуло холодком к зубам, когда все трое легко вскочили на крыльцо. Председатель – последним, а говорить начал первым. Речь, как всегда. Идет второй год войны, страна истекает кровью, весь народ от мала до велика должен отдавать себя победе. Тут же представил слово военному. Одернув гимнастерку, поправя наган, тот подсунул к самому краю крыльца. Повторил председателю речь. Ясно, что дело вроде как клонится к добавочному налогу, который теперь уже, после всех раздумий и переживаний, не казался ни страшным, ни обидным. Облегченно вздохнулось, хотя для доброго известия карман не приходилось оттопыривать. Вот теперь главное объявится. Военный помолчал, дав толпе перед ним почувствовать всю важность того, что будет сказано. Резко, громче заговорил о том, что есть враги, которые вонзают нож в спину воюющему народу. Вмиг приросли ноги к мураве, не давая сделать шаг вперед. А все равно колыхнулись люди к крыльцу и тут же назад оттолкнулись. Кто? Что? Военный не томил. Сразу назвал Петра Максимовича Макарова. Семья его подлежит немедленной высылке. Вся, без исключения. С собой можно взять одежду, посуду, продовольствие. К подлежащим высылке никто не должен подходить. Категорически запрещено. Провинность Макарова, призванного на второй

день войны, была большой. Военный не рассказывал, что за провинность, а спросить никто не посмел.

Не грянул гром, не разверзлась земля, не наплыла тень на солнце. Только люди боялись взглянуть друг на друга. Председатель закрыл собрание, а они все стояли, не веря тому, что сказано. Кого высылать? В доме Макаровых остались битый да грабленный.

Председатель тут же нарядил возчика, велел к дому Макаровых подогнать бричку с кошевкой. Бригадирам наказано поставить бригады по работам. Плохо слушая председателя, две бригадиры вместе со всеми пошли вслед за начальством к дому Макаровых. За бедой Макаровых чудилась собственная.

Дом Макаровых стоял на самом конце верхнего края. Улица как бы с разбега взбиралась в горку и останавливалась под Макаровыми. Другой порядок шел пониже. Петруня был добрым хозяином – в умершего отца. Дом построил хороший, на высоком фундаменте, ставни украсил мелкой резьбой, а на край охлупеня приспособил веселую головку конька. В полусаднике под окнами, огороженном жердями, насадил клены. Появится на свет новый Макаров – ему клен. Любил клены, чем дивил односельчан. В деревне все больше березы сажали, а он за кленами до лесопосадок ноги бил. Перед войной первые клены в силу вошли. Последний тоже за три года поднялся. Красовался дом, выхваливая умелые, работающие руки хозяина. Теперь, как и в церкви, в доме Макаровых неухоженность и запустение. Настя промашку дала. А все война проклятая, неуправа бабья, все на одних плечах. Мотаешься во все стороны, как хрен в отрепьях, а управы на все не хватает. Возила Настя сеяльщикам зерно. Если бы не Оленка, тоже ходила бы с лукошком, разбрасывая под правый шаг семена. Знала эту работу. Но девчонка еще была у груди, приходилось заскакивать домой, чтобы покормить. При военной скудости нечего и думать отнять ее от груди. Парней кормила года по полтора, а этой крохе четыре месяца. Петруня хотел девочку. Сестер ему

жизнь не дала. Рано овдовевшая мать чертоломила по-мужски, чтобы вытянуть сынов. Не до ласки ей было. Но вытянула, поставила на ноги. Настя, как на грех, все сынов да сынов приносила. Решили не останавливаться, пока в доме не запахнет девчонкой. Родилась, когда от отца давно не долетали весточки.

В то утро в конюшне из быстроногих лошадей осталась одна Лютра. Ее боялись. Лютру на конезаводе выбраковали еще до войны. Так она оказалась в деревне. Смотреть на лошадку сбегались все, кому не лень. Ну и красавица! Темносерая, в белых яблоках, со звездочкой на лбу. Тонкие ноги в белых чистых чулочках ловко пританцовывали. Норов свой Лютра не прятала, вздрагивая ноздрями и показывая ровные белые молодые зубы. В бригаде решили, что имечко дано за лютый нрав. Трепала и кусала Лютра даже мужиков. Но все-таки с ней поладил кое-кто из потомственных казаков. В работе Лютре трудно было найти замену, но не каждый совался к ней. Из женщин Лютра признавала одну Евдокию. Долго бы гадали, отчего у Лютры такая любовь к Евдокии, если бы пустобрех Пашка Волобуев не объяснил: “Да у них характеры одинаковые”.

Сурина была на вид Евдокия. Сурина, но милостива. Ну уж и холила, ну уж и нежила Евдокия лошадку.

Настя прибежала, когда мешки с зерном уже лежали на возу. Две подводы копотили далеко за деревней. Евдокия ждала Настю. Они с измальства дружили. Хоть рысаком бежала Настя до амбаров, а будто замерзла. Губы совсем посинели.

– Настя, ты не захворала случаем?

– Да нет, а что?

– Губы, гляжу, у тебя посинели.

– Нет, ничего, с Оленкой ночью канителилась. Не выспалась. Мамаша две ночи глаз не сушит, за Петруню молится. То ли мне Лютру взять? На этих дохляках долго проезжу, девчонка оборётся.

– До поля я с тобой поеду. Нарочно тебя жду. Гляди, как одна назад поедешь. Дорога, сама знаешь, какая. Может, бог даст, обойдется. Да вроде

и Лютра угомонилась.

На том и порешили. Евдокия запрягла Лютру, угостив ее кусочком хлебца из своего узелка и горсткой пшеницы, кинутой в карман, когда насыпала семена в мешки. Лютра уже не косила бешено глазами, как раньше. Кормежка к весне скудновата, а работа где под силу, где через силу.

В тот день хлеб начинали сеять за Рыгой дорогой, километрах в двадцати с гаком от деревни. Почему дорогу назвали Рыгой, никто не помнил. Дорога как дорога, не рытая совсем. Только один спуск ее – тот, что вел в поле, был очень крутым.

Мешки сбросили скоро, раскидав их по пахоте.

– Ну, Лютра, давай, милая, потихоньку. А ты, Настя, садись подальше от передка, держись края. В случае чего, прыгай. В гору не разнесет, а подгорка небольшая. Смотри, не крикни. Сама знаешь, норовистая штучка. Поезжай с Богом.

Возвращались сеяльщики поздно. Настя лежала поперек дороги, вся почерневшая. Порванная кофта крахмально топорщилась от высохшего молока. Как растрепала ее Лютра, на веки вечные останется тайной.

Старую Макариху согнуло в три погибели. Немного тронувшись умом, она не всегда при разговоре попадала в точку. Верховодить по дому пришлось старшему тринадцатилетнему Васятке. Евдокия на своей корове вспахала Настиным сиротам полоску. Сиротскому дому старались помочь все. Соседки, установив черед, утро-вечер бегали доить корову, которая никак не признавала Васятку. Надевал материну кофту, повязывал ее платок, но корова не давала себя провести. Дышала с хрипом, била ногой по ведру, не стояла на месте. Мотался Васятка под коровой, сглатывая соленые мужские слова бригадного двора и одинаковые с ними по вкусу детские слезы. Согнутая бабушка уговаривала Буренку постоять, но та будто оглохла. Успокоилась, когда стали под нее с подойником садиться соседки. Васятка стоял рядом и гладил корову по голове, говоря ей самые сладкие слова, приручая к себе. С едой худо-бедно управлялись. Хорошо, младшие в яслях. Только заботы, что утром отвести.

Вечером сами прибегают. Самой большой бедой обернулась долгожданная, богу моленая сестренка. Голодная, она громко орала, надрывая сердце братьев и бабушки. С ложечки пить не умела и захлебывалась. Соску ни купить, ни христом-богом выпросить не удалось. В деревне она была только у Маркеловых, но у них спросить не осмелилась. Она им самим нужна. Испробовали морковку. Выдолбили ее, тонким концом сунули в синюшный рот, а в толстый наливали по капелькам молоко. Нет, не пошло, как надо. Макариха молила Богородицу прибрать младенца, погибающего от лютой голодной смерти. И вдруг пришло спасение. Как раньше не сообразили? Додумались подсунуть Оленку козе. Но ее голодный, истощенный крик пугал козу, которая срывалась с места и кружила ребят по сараю. Дело пошло, когда прикрутили козу за рога к жерди. Всем макаровским лагерем держали ее, не давая дергаться. Оленка как-то сообразила, сработала сосущим ртом, и коза присмирела. В доме с тех пор узнали покой. Коза исправно кормила Оленку и своих двух козлят. Посветлели лица Макарыт. Макариха замаливала перед Богородицей свои невольные греховные слова и просила здоровья козе и дитенку.

К ним сейчас и шла деревня, оба ее конца. Председатель было прикрикнул для порядка, велел идти на работу. Но его как не слышали.

Беду Макаровы не ждали. Васятка на собрание не ходил, как раз завел стирку. Увидел всю деревню, когда начал развешивать белье. Рванулся к военному и замер, а потом пошел за начальником в дом. У ворот уже стояла бричка с кошевкой. В нее Макаровым надлежало сложить свои пожитки. Держась за батожок, Макариха вынесла пустое ведро и положила в бричку. Евдокия и Лукерья Казакова пошли в дом. Была, не была. Не заарестуют, глядишь, а без подмоги старой да малым не собраться. Военный не поспорствовал, но приказал управиться за один час. Сам бросил в рот цыгарку и пошел к речке.

Милиционер и председатель остались. Из большого сундука достали скатерти, увязали в них На-

стино нажитое. Запахло нафталином. В мешки полетели валенки, варежки, шапки, шубейки. В деревянное корыто сложили посуду. Укрутили веревками постель. Сняли люльку, вынув из нее Оленку. Она пискнула, но не проснулась, убаюканная на Васяткиных руках.

– Дуняшка, сыми-ка икону, маманино благословеньице, – подсказала Макариха.

Ноги подкосились, когда с узлами подошли к порогу. За порогом стояла тяжелая непроглядность будущего сиротской семьи. Куда повезут? Вернутся ли? Председатель нукнул. Ноги сами знали, что делать. Пошли. Воз увязывался надежно. Когда вынесли люльку, взвизгнула Маруся Седелева, как бы задавая тон общему вою. Под вой к телеге привязывали козу, испуганно крутившую головой. В амбаре подмели до последней пылинки муку. Подгребли с полмешка пшеницы. Додумались слазить в погреб, корчажку с маслом поставили в ведро. Согнали кур с гнезд, собрали с десяток яиц. Вареную картошку прямо в чугунке пристроили между мешками, завернув его в тряпицу. Наверх воза положили сверток клеенки.

Двигались, как во сне, почти не разговаривая. Хотели снять шторы и полотенце с переднего угла. Макариха рукой махнула: не надо, мол. Кровати стояли голые. На гвоздях не висели шубейки. Передний угол без иконы как выбитый глаз. Под матицей торчал крюк для люльки. Нашли замок, заперли дом, ключ положила Макариха в карман юбки. Она села на ступеньку крылечка, молча раскачиваясь из стороны в сторону. Пришел военный, сказал: “Пора!” Макариха подошла к кленам, сорвала веточку, негромко, но слышно попросила: “Не рубите клены. Петя за детей их сажал. Не поминайте лихом. Спаси вас Христос”.

На телегу ее посадили Евдокия и Лукерья. Оба Макаренка угнездились между скарбом. Младший громко икал, заходясь в щенячьем похлипывании.

Возница дернул вожжами. Рядом с фургоном, по обе стороны встали военный и милиционер. Коза уперлась, натянув веревку, заблеяла. Поупиралась и пошла, сдернутая крепкой витой верев-

кой, оглядываясь на бежавших вприпрыжку козлят. Ни с того, ни с сего набежала тучка, сбрызнула слепым дождем горячую землю. И тут во весь голос заплакала проснувшаяся Оленка. В ее безутешном крике почудилось прощание навеки с родным домом, около которого не было ее клена. Не успел посадить виновный в чем-то отец, никогда не видевший и не слышавший своего последыша. В надрывном детском плаче слышалось отчаяние бесправия и незащищенности, открытый укор и вопрос к несправедливости: “За что?” Олена будто набрасывалась на ту злую, давящую силу, которую не пронять ни детским плачем, ни молитвой полурехнувшей, дрожащей на июльском солнце старухи. Рев оглашал деревню, землю и небо, призывая их в свидетели чудовищного надругательства над началом жизни, будущим, материнской могилой. Кричала Оленка зло, требовательно, не по-младенчески. В крике этом не было мольбы. Так не молят, так проклинают. Навстречу крику шли, взявшись за руки, ясельные Макарята. Вела их воспитательница.

Евдокия шагнула к военному, уцепившись за край фургона, с придыхом выговорила:

– Товарищ военный, у меня мужик на войне. Своих детей – двоечка. Отдайте мне Оленку. Или на село отдайте. Мы в приют свезем.

– Нельзя, – коротко бросил он, не оглядываясь.

– Не Петькина девчонка-то, – бросила в Настю грязью.

Глянула на Макариху и испугалась. Из черных провалов глазниц выливалась ненависть, рука старухи шарил по возу. Наверное, искала клюку. Но отступить было некуда:

– Оленка недоношенная родилась. Посчитайка, когда дело было. Сама покойница мне в грехе признавалась, – поливала Евдокия Настину могилу дегтем. – Не Петрунина, не Петрунина, отдайте мне дитенка.

Военный не повернулся, твердо сказал:

– Нельзя. Понимаешь, гражданка, нельзя.

Подскочил председатель – на подмогу военному. Схватил Евдокию за плечо. Не успел приказать отойти, как отлетел. Рука у нее была креп-

кая. Зло сорвалась с языка поулочная тайная кличка:

– Отзынь, недопердыш кожаный.

За деревней, у нижнего края председатель попросился с приезжими по ручке и, повернувшись, направился в правление, напомнив, что работа стоит. Военный и милиционер сели в бричку, которую пригнали сюда двое деревенских мальцов. На работу никто не пошел. Разошлись по домам.

Шатаясь, как после тифа, дошла Евдокия до своего двора. Хватаясь за стены, добрела до крылечка, упала на него и только тут дала себе волю. Когда опомнилась, увидела свои руки и никак не могла понять, откуда в ладонях так много длинных черных волос. Свернула волосы колечком, погладила – будто чужой – ладонью себя по голове, лицу, груди.

– Ну, Евдокия, хватит. Дети на тебе. Настя, Христа ради прости мой оговор.

Истопила баню, позвала Настю Гораздову и Варварушку Портнову. В обжигающем жаре понемногу отпаривала душу. В разговорах обходили Макаровых. Подоив корову, Евдокия встала на колени перед большой, чуть не в полтора метра иконой Спасителя. Рядом пристроились дочери. Младшей шел шестой год. В три голоса читая “Отче наш”, они просили Бога уберечь их от самой большой беды – от военной промашки отца, ушедшего в один набор с Петруней Макаровым.

Каждый вечер девчонки шептали слова своей молитвы. Иногда даже днем осмеливались обратиться к иконе, переиначивая на свой лад непонятные слова вечерней молитвы. Им хотелось, чтобы до бога дошло все в ясности. Как в букваре:

– Отче наш, ты же сидишь на небесах. Да святится имя твое, да придет царство твое. Господи

Исус Христос, спаси папаньку нашего. Пусть он не попадет в плен, пусть не будет в беглых. Укрепи сердце его. Пусть не выселят нас, как Макаровых. Прости, Господи, дяденьку Макарова ради детей его.

И так до конца войны.

Две похоронки пришло, а в доме Евдокии теплилась надежда, что хозяин жив. Рядом с надеждой постоянно держался горький страх: а вдруг в плену или в беглых. Беда Макаровых не тускнела, хотя своей хватало по ноздри. Только наедине с собой кляла Евдокия власти, для которых вина и беда на одно лицо. “Война без плена не бывает, – рассуждала она. – По-всякому попадают люди в неволю. Ты разберись по уму, тогда казни или милуй. Не дело стричь всех под одну гребенку. Великий, незамолимый грех — обидеть сироту”.

В дом Макаровых поселили эвакуированных. Председатель несколько раз заводил разговоры о кленах. Они, знать, не давали ему покоя. Почему? За что? Может, чувствовал непрощенную вину перед Оленкиным криком? Тревожило? Охотников пилить не находилось. Эвакуированные отказались тоже, хотя дров, оставшихся от прежних хозяев, было чуть в натруску. Ранней весной сорок третьего отправил двух подростков с пилой к кленам – под письменную бумагу. Спеленные деревья лежали лето, засыхали. Но пеньки окружались кленовыми росточками. Было их много, слабых, но ровненьких. На вкус клены отдавали сладковатостью.

Хозяева, чьи головы накрыли горькая доля и черная воля, не возвратились. Где они? Что с ними стало?

Памятью о них остался для Евдокии клен – нарядный, в резных листьях, отливающий солншком в предзимье. Назло холодам.

ОГНЕННЫЕ ГОДЫ В ФОЛЬКЛОРЕ ЗАУРАЛЬЯ

*Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.*

Пройдут годы, прежде чем появятся строки, наполненные дыханием тишины:

*Стихли залпы последние
И легла тишина,
Над Берлином с победою
Завершилась война.*

Между этими двумя вехами решались судьбы мира, Европы, нашего Отечества, городов и сел, семей и отдельных людей. Устное поэтическое творчество отразило все, чем жил человек, как он думал и чувствовал. Народное творчество можно рассматривать как документ, пронизанный личностным отношением участников событий грозных лет.

К сожалению, устная поэзия в Зауралье военного лихолетья почти не записывалась. Спасибо Владимиру Павловичу Бирюкову, собравшему драгоценные крупинки фольклора. Но и он, опытный краевед, не сразу начал собирать фольклор, отразивший настроения современников.

Сам В. П. Бирюков вспоминал: “Не могу похвалиться, что 1941 год для меня был урожайным в смысле количества записей произведений устно-поэтического творчества. Долгое время я наткался только на частушки. Как и до войны, в частушечном творчестве различалось два источника – деревенский и городской.

Деревенская частушка создавалась преимущественно девушками, которые особенно “пострадали” за время войны: женихи и просто милые ушли почти все на войну, уходили потом и подраставшие парни. Естественно, что содержание новых частушек сводилось прежде всего к любовным темам, но почти каждая частушка имела, если можно так выразиться, и военный фон:

*На мой ботиночки
Садилась копотиночка,
Из-за Гитлера страдают
Наши ягодиночки.*

По-уральски “копоть” – пыль, отсюда “копотиночка” – пылиночка. В данной частушке – знакомый параллелизм, свойственный, главным образом, частушке крестьянской. Затем война стала не фоном, а содержанием фольклора. Появилось множество произведений, в которых зауральцы высказывали свои мысли о войне. Помогали собирать фольклор студенты Шадринского учительского института.

Владимир Павлович писал: “Здесь я ввел практические работы по записи современного и традиционного фольклора, и это давало значительное количество ценных текстов и возможности для наблюдений, как бытует военный фольклор.

Завел я также связи с районом, а через него – с сельскими школами, которые порой присылали очень интересные записи, но главным образом частушки. Студенты же, почти исключительно девушки, сообщали и другие жанры. Значительное количество текстов приходило ко мне из так называемых альбомов, которые девушки обычно привозили с собой в Шадринск при поступлении в институт”.

Конечно, в памяти последних свидетелей войны – детей что-то задержалось. Участники боев, труженики тыла тоже рассказывают о ней. Однако поздние записи дыхания того времени не отражают один к одному, хотя, естественно, их нельзя не учитывать. Они нужны и важны. В них война видится обыкновенными людьми, не государственными. Голос государственных мужей всегда слышен, но он не всегда отражает то, чем жива душа рядовых участников событий.

Фольклор Зауралья не является чем-то изолированным. В нем отразились черты поэзии народов могучей многонациональной страны. В письмах люди пересылали то, что им понравилось.

Каждая девушка с поэтической душой старалась завести себе альбом, куда вносились новинки. Из уст в уста передавались песни, частушки, рассказы.

Война в них осмыслена с позиции тех, кто вынес ее на своем хребте. Что бы ни говорили сверху о внезапности войны, голос снизу утверждает, что ее приближение чувствовалось. В бывальщинах, быличках, преданиях рассказывается о том, что были грозные предвестники войны. В народе всегда возникают произведения с христианскими или языческими чудесами, которые явно связываются с чем-то необычным.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОЙНЫ

Не сказочная проза о войне идет в русле традиционного фольклора. Вспомним Н. М. Карамзина, писавшего “Историю государства Российского”. Он в летописях постоянно встречал то легенды, то былички, которые предвещали грозные события. Писателя-историка потрясла мысль о том, что народ является своеобразным историком-философом, который старался “установить смысл событий”, а не их фактическое протекание”. В частности, он отражен в приметах, обнаруживающих в народе вдумчивого наблюдателя, стремящегося объяснить явления, заглянуть в будущее. Известны приметы о войне: остается лист на деревьях – к войне. Пророческими считаются и сны с образами молотьбы, снопов, пашни: “В войну приснилось: снопы ржаны лежат по обе стороны дороги. Бой потом был, и люди убиты по обе стороны лежат”.

В качестве чудесных предметов, предсказывающих войну, традиционно наделенных народной фантазией и исключительными свойствами, избираются небо, звезды. Рассказы о предвестиях войны говорят нам о том, что малограмотные крестьяне за Уральским Камнем не были равнодушным стадом, каким их сейчас иногда представляют. Нет, не стадо, а люди с умом-разумом. Они стремились осмыслить происходящее, но осмыслили и отражали историю в традиционных фор-

мах. В культуре и опыте предков обреталась опора Зауралья. Предания с элементами мифологии записала фольклористка Шадринского пединститута В. Н. Бекетова. Они переносят слушателя в весну 1940 года, в Кирово Мишкинского района. Рассказчица убеждала, что все, тогда происшедшее, – истинная правда. Называется даже свидетель событий – пожилая женщина, упоминаются конкретные приметы быта: “Коровы у меня не было, по молоко ходила к соседке Миропии Ивановне. Как-то я пошла к ней. Не успела зайти в дом, как из-за леса показалась туча, черная, черная. Сразу пошел дождь... а небо-то так и бросало молнии”. Миропия Ивановна насторожилась при знамении. “Смотри, – говорит, – смотри на небо”. Я взглянула на небо и обомлела. Около радуги вспыхивало пять крестов. Два-то из них были яркими, а три еле-еле светились. Миропия Ивановна-то и говорит: “Вот и перед ерманской-так... Сначала кресты, а потом война. А урожай-то был. Ой-ей-ей. Особенно грибов было видимо-невидимо. Так и сейчас”. Свивая обе полы времени, старая женщина делает горький вывод: “Стало быть, не избежать нам новой войны”.

Знающему символику, нетрудно разъяснить знамение: “Особенно тяжелыми будут первые два года, а потом немного легче, а кончится война на пятый год”. Верилось и не верилось в виденное и слышанное... и только через год, 22 июня, вспомнила”.

Тайну примет и предсказаний, как правило, разгадывает женщина, что соответствует ведущей роли “слабого” пола в обрядах. Зауралью известны предания-бывальщины о встрече с таинственной женщиной. Она не только отгадывает загадки природы, но и загадывает. По-матерински женщина строга, по-матерински озабочена предстоящим. В ее руках оказываются чудесные предметы, как у сказочных героев (материал, платки). Сила пророчества, чудесные свойства ставят женщин из поздних преданий в ряд тех героинь, которые изображались на вышивках, резьбе, ткачестве, которые вошли в предания как охранительницы гор, земли, людей. Они благо-

словляют, охраняют, предупреждают.

В Зауралье бытует еще одно предание – предвестник войны. Оно вобрало в себя традиции различных прозаических фольклорных жанров. Наиболее интересным представляется вариант из Далматова, записанный автором статьи в 1972 году от В. Д. Теляковой (1909 г. р.). Это предание знают в городе Далматове. По канонам жанра исторических преданий, событие прикрепляется к последним месяцам перед войной: “Один мужик гонял лошадь в ночное”. В основе сюжета лежат необычные события и явления жизни – чудесное, что позволяет говорить о сложности определения жанра подобных шедевров. Назовем их только условно предсказаниями. Возвращаясь из ночного, этот безымянный мужик несколько дней подряд видит в одном домишке огонек. Дело ночное, все спят, поэтому мужик насторожился: “Мало ли что делается, может, помочь кому надо”. Пошел, заглянул в окошко, видит: сидит старик, а перед ним гроб. Конечно, зашел: не оставлять же человека один на один с бедой. Старик посадил рядом с собой перед гробом мужика и говорит: “Открой гроб”. Мужик открыл: весь гроб до краев был наполнен кровью.

– Вот так скоро будет земля покрыта кровью, – сказал старик. – А теперь закрой и опять открой”.

Когда открыл мужик крышку, то увидел, что под самую крышку гроб засыпан цветами. “Вот так после крови жизнь будет в цветах. Знай сам, никому не говори, а теперь иди”. Пришел мужик, маялся, маялся, потом жене сказал, она другим, так все узнали, что будет война”. Нарушение человеком договора с неведомой силой привело к смерти мужика и его жены. Наши попытки найти участников события не увенчались успехом. Не нашли. Естественно, не нашли. На то и миф, чтобы реальных свидетелей не оставлять. На нет и суда нет, но чудесное, уверяют слушателей, было.

Появляется женщина, как правило, на дороге в сторону городов – Кургана или Шадринска. Во всех вариантах один из главных персонажей –

шофер. Профессия его называется не случайно. Она соотносится с эстетикой рассказов об исключительном событии, исторически достоверном и важном для целой страны. Профессия эта в те годы была не из рядовых. В вариантах шофер получает имя – Ванька. Фамилии, конечно, нет. А Иванов на Руси, как известно, много. Искать его сложно. Сюжет строится на встрече шофера с женщиной, которая выходит из леса, кустов. На ней или совсем нет одежды, или есть прозрачная. В варианте из Далматова, записанном автором статьи от пожилых женщин (Е. И. Третьяковой. Архив автора) в 1972 г., женщине придается сверхъестественная сила:

– Машина вдруг остановилась у кустов. Как ни крутил шофер ручку – машина ни с места. “Вдруг выходит женщина из кустов, совсем голая”. Логична ее просьба – привезти красный материал. Шофер согласился, сел в машину, она сразу завелась. “Купил шофер материал, сделал свои дела в городе. Едет назад. Машина опять стоп, встала. Шофер вылез из машины. Женщина подошла: “Привез?” – “Привез”, – отвечает. Она взяла материал, обмоталась им и сказала: “Вот так скоро земля обовьется кровью. Смотри, никому об этом не говори. Поезжай”. Машина взяла сразу. Шофер долго стоял, как вкопанный.

Пересказывали в Шадринском районе о женщине, которая предвещала будущее с помощью платков. Как будто дело было так: виделась женщина, которая держала в руках платки. Достала она черный платок, махнула и говорит: “Война будет”. Махнув желтым платком, напророчила: “Урожай будет большой, но убирать кто будет? Женщины да старики останутся”. Тут достала красный платок, махнула и говорит: “Кровопролитие будет, ой-ей-ей”. И скрылась, а люди остались со своими страшными думками.

В традициях народного поэтического творчества создатели сюжетов о предчувствиях войны соединили историю и миф.

В устной прозе войны прозвучала мысль о необходимости сохранить нить жизни. Наперекор войне, наперекор похоронкам держалась мысль

о том, что нельзя отнимать у жизни одно из ее звеньев. Разрушение цепочки всегда губительно. Не случайно складывались сюжеты с участием мудрых стариков.

В книге В. Н. Бекетовой “Спустя полвека” читаем: “Мужиков всех война подобрала. Остались мы: стариков пять на всю деревню. Ванюшка лет тридцати, умом обиженный, а остальные бабы да ребятки маленьки”. Развелись волки, хомяки в амбарах, а в домах – тараканы. Здесь и появился старик-нищий, от немцев бежавший. Он попросил ведро муки “да одежки какой” для дочери, которая “где-то при смерти лежала. Бои через них прошли”. Взамен обещал увести всю эту живность, но при условии: “Завтра, как все проснутся, пусть никто ни с кем не говорит ни слова до того, пока я неуйду”. Всех предупредили о молчании. “Дед собрался, тоже молчком пошел. Что мы потом видели, так по сей день под платком волосы мерзнут. Он идет, а за ним отовсюду хомяки серые рекой текут. Минут двадцать дорога серой лентой шевелилась. Все до единого ушли, а потом и тараканы дохнуть стали”.

Рассказчица не может определить, кто старик: святой или колдун. Но происшедшему может быть дано и реальное объяснение: за мукой пошла нечисть из-за голода: “а, может, и нужда была сильнее крысиной силы”.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Для каждого он оказался своим, неповторимым.

Первый день солдата-ефрейтора, теперь одирукого пожилого солдата-пенсионера Андрея Осиповича Федорова. Через его жизнь дважды прошла дата 22 июня. В этот день отправили его на действительную службу в 1940 г. из Кургана.

Жались друг к дружке все 15 призывников Звериноголовского района, выбирали себе товарища, поскольку ехали не к теще в гости.

А день стоял на загляденье. Ох, и лето Господь Бог послал: не палило, и в меру дождичек. Подходил сенокос, выколашивались хлеба. И ночи почти не было. Только зайдет светило – и опять

за работу. Так бы и не уезжал из родного дома, где дел виделось невпроворот.

Так с солнцем и доехали до службы. Далеко, еще на 120 верст севернее Мурманска. Граница рядом – каких-то километров 80.

Обустроились на месте лагеря финской кампании. Определился адрес – станция Кола. Дивились сопкам, болотам, низкорослой березе и неумолимому солнцу, которое умудрялось совсем не заходить.

Военную науку познавали серьезно и усердно, как всякую работу.

Прошел год, домой тянуло. На 22 июня наметило начальство важное дело – отправку красноармейцами домой личной одежды, томившейся в каптерке с прошлого года.

Носили обмундировку уже армейскую.

Утро отливало праздником. Писали письма, посылая приветы всей деревне, вкладывали листочки в мешки с одеждой. Она как будто домом пахла. Метили адресами посылки. И тяжело, и хорошо на душе становилось. Растопились комки в горле, выйдя наружу улыбками. А солнце не просто светило, а как бы играло. Управились за долго до обеда и строем направились к казарме. Суровый вид обычно доброго, справедливого, многого командира, ивановца родом, насторожил:

– Война, товарищи красноармейцы. Граница рядом. Будем Родину защищать.

У всех уши было опустились. Но низко опуститься не дали, а дали команду: “В клуб строем! Запевай!” Какое запевай! Не поется, голос не тянется.

Сам комвзвода, обмороженный финской войной, сильно начал: “Солдатушки, бравы ребятушки!” Раскачались понемногу, подхватили.

В клубе речи были короткими, показали кино “Чапаев”. Потом покормили, час отвели на отдых.

А дальше началась работа – тяжелая, важная, слаженная. В нее вплетались также раздраженность, наскоки и отпор.

ПОГРУЗКА

Грузились не на самой станции. Войну еще не слышали, но нутром чуяли. Напрягалась пружина каких-то немислимых сил. На платформы втягивали лошадей, танки, орудия, кухни. Много что надо для войны. Укрепляли кольями борта платформ, подгоняли в кучу загруженные тяжелые тачанки. Они упирались в поперечные доски пола, не сдвинуть, хоть пуп сорви. Облепляли по трое, тогда сдвигали. С матом налетел начальник тыла, старший лейтенант. Привык чужими руками жар грести и тут решил погреться. Выхватил наган: “Пристрелю! Саботаж!” И пошел в бога, в мать. Закрученная пружина сорвалась. Ефрейтор поднял топор. “Рубану сейчас!” – крикнул запаленно. И тоже в бога, в мать. Даже испугаться своей угрозы не успел, как старлей отскочил, отдав приказ дать ефрейтору наряд вне очереди, и скрылся. Командиры только рукой махнули: “Работайте”. Все знали, что этот горлодер и в финскую за 5 километров от передовой свой зад грел. Другие замерзали.

Никогда после не поднимал ефрейтор руку на командиров. Не одного выносил с поля боя. Последнего спас в Померании в 1944 году, потеряв при этом почти по плечо свою руку. Правда, и такого дурного, как тот начальник тыла, посчастливилось больше не встретить.

Погрузились – и на Мурманск. А там снова – работа – выгрузка и погрузка на паром, чтобы переплыть Кольский залив. И снова разгрузка. Еще не стреляли, а руки-ноги сделались ватными. Без бани выпарились до седьмого пота. Война показалась скоро – ранеными пограничниками в машинах.

– Ребята, как там?

– Мясорубка, братцы.

Бежали безоружными какие-то строители.

УДЕРЖАЛИСЬ

В три часа ночи вступили в бой. Напором перли две отборные горно-егерские дивизии СС. Это

потом уж зауральцы узнали. Своими глазами увидели легкие танки, кавалерию. Знать, разведка у них работала сильно, местность изучили хорошо. Разделяла стороны быстрая холодная речка Западная Двинца. Держались наши сорокапятки, не отказывали ручные пулеметы 58-го Краснознаменного стрелкового полка. Пропаренные погрузкой-разгрузкой бойцы с ходу окунулись в ледяную купель. Отстояли мост, отогнав врага, и закрепились на своем берегу. Немцы отвели своих.

Короткий, жесткий бой, и ни одного убитого. Только раненые.

ПЕРЕДЫШКИ НЕ БЫЛО

До войны как учили? Говорили бывалые “финские” командиры: “Война – не всегда бой. После боя – передышка, пополнение”. Выигранный бой подсказывал передышку. Кухня развернулась. Кто ел, кто обмотки перематывал, выжимали с себя одежду, оценивая баньку – из жару да в воду.

Беда грянула, откуда не ждали. Один из командиров перебежал и выдал планы. Хорошо, что та, указанная им, дорога была в обход, иначе бы обуться не успели. Было раннее утро 23 июня, немцы выходили хорошей дорогой к 314-й высоте. 58-й стрелковый полк зажали болота. Рубили карельскую березу, мостили дорогу танкам. От гимнастерок опять шел пар. Вышли к двум высоткам – Верблюду и Пиле. С одной стороны прикрывало озеро. До полдня отбивались. Помкомвзвода ивановец Хрусталева бил из двух пистолетов. Вздыхивалось болото. Косили полк как траву. На одном из участков остались ефрейтор Федоров да раненый комроты. Стрельба шла кругом, а здесь только трупы, как снопы. Вдвоем под огнем. Один раненный в бедро, а бинт из индивидуального пакета только на палец намотать. В ход пошла рубаха ефрейтора.

У озера за кустами стояла избушка, единственная на болотистый край. Сюда и перенес командира, который забеспокоился: на поле боя осталась полевая сумка, не досталась бы она врагу.

Пополз ефрейтор за ней, взял, и тут швырнуло ему в глаза землей и откинуло. Сколько-то лежал, только шум в голове, и не видно света белого. Глаза отморгал, болела голова, натекала на лоб кровь. Сумка лежала рядом. В избушке командирской рубахой замотал голову. Солнце стояло высоко.

СВОИ

На поле боя ни наших, ни немцев, время от времени повизгивали пули, рвались снаряды, но редко. Избушка, три огромных камня, озеро, болото. А дальше – огромная держава. На участке немцы не прошли, победителей – двое. По очереди дремали в пол-глаза. Время шло, подкрепления не было, как и приказа отходить. Да и куда волочь командира? Просидели не меньше суток. Вначале подумалось, что блазнит: шевелилась трава, будто кто ползет. Пригляделись, точно ползет. Поостереглись крикнуть, но и тот вел себя сторожко. Поползет-поползет и – остановится. Мелькнула шинель наша – свой! К озеру направлялся. Крикнули, оказался даже знакомым, кадровый, заметный по возрасту: поди, лет 40. Из стариков. Полз он за водой: командира скрутило, горел весь. Положил ни за что 12 человек, послав их в разведку под огонь. Зачем ему разведка, когда бойцов уже почти не было? Таковую потерю перенести тяжело. Сгорал душой. Для него и пополз “старик” к озеру, а здесь, *на* тебе, еще живые оказались!

– Держитесь, ребята. Отнесу воду, вдвоем вернемся, командира одному не дотянуть.

Не скоро, но приполз с подмогой. На плащ-палатку положили раненого и поползли. Оглохший ефрейтор, обвешанный оружием, передвигался следом. Стрельба отодвинулась. До своих добирались долго, но без беды. Своих стало шестеро: трое измотанных, один вконец больной, раненый и контуженый. Пошли открыто, умоляя солнце скрыться. А оно светило, показав ездового. Вез он еду на всю роту – на 90 человек. А едоков осталось шесть.

Ржаной хлеб, масло, консервы и вода! Умяли как следует. Пили много, от души. Вода, наверное, и спасла: ели первый раз за 5 суток, с того обеда 22 июня, когда сдали свои посылки. Да как ели! До отвала.

Сияло солнце.

Пять суток были одним днем, первым днем войны, непрерывным трудом и напряжением, победой и поражением, жертвенностью и предательством, ошибками и взаимовыручкой, матюгом в одного командира и спасением другого, жарким потом и ледяной водой, солнцем сверху и болотом снизу, повальной гибелью и горсткой живых, державших наготове гранаты. А за ними были Отчизна и дом. Из 15 звериноголовцев 58-го Красногвардейского стрелкового полка призыва 1940 года вернулись домой пять, кто раненым, кто искалеченным. Но вернулись.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ИЗ ДЕТСТВА

Я из того поколения, которое названо последним свидетелем второй мировой. В памяти о первом дне войны осталось немного. Тогда мне было шесть лет. Запомнилось, что в очень жаркий день мы бежали с трехлетней сестрой к самому высокому месту длинной деревенской улицы – к церкви. Там нас должен был увидеть отец, которого уже оповестили о войне. На руки он подхватил нас, кажется, не сходя с тарантаса. Все спрессовано в один миг: встреча и сразу дом, наполненный запахами. На столе лежало много маленьких колобков – запеченных в тесте яиц. Их клали в заплечный мешок, отправляя человека в дальнюю дорогу. Так они сохранялись долго, а война не виделась короткой. Даже жареную курицу сквозь толщу лет не вижу, а колобки запомнились.

Лицо отца знаю по военной фотографии, но несую по жизни его облик: высокий, красивый, веселый человек. Вспоминают, что он не нудил своими наказаниями жену. Одни велели остающимся хозяйкам блюсти себя, другие требовали не расстраивать хозяйство, а наш наказал: “Детей береги. Как при мне людей встречала, так и без меня

встречай. К тебе грязь не прилипнет”.

Так и стало. Вот и весь первый день: жара, самый красивый отец, колобки на столе и вкусный запах.

ДНИ ВОЙНЫ. ТЫЛ

В. П. Бирюков верно отметил, что война скоро стала раскрывать подлинное лицо людей. Одни были истинными патриотами, а про других говорили: “Кому – война, а кому – мать родна. Кому война, а кому королева дойна”.

Кажется, нет ни одной грани жизни, которая бы не была отражена в народном поэтическом слове времени войны. И каждая грань – в ее фольклорном осмыслении – интересна.

Но нельзя объять необъятное, поэтому привожу отдельные крупницы, связанные с чувствами женщин тыла.

Прежде всего надо сказать о верности. Как долг понималась верность – верность в личностном, человеческом плане. Здесь ведь никто не обязывал, директив не было. Воля и внутренняя культура определяли поведение. Зауралочки вели себя, по преимуществу, достойно. В наших краях известен ответ на стихи К.Симонова “Жди меня”. Один вариант попал В. П. Бирюкову, другой – студентке Н.Волковой в 1969 г. Я перепроверяла эту запись в селе Введенском Кетовского района, беседуя с Сухановой А. И.

Ответ суров. В нем нет и тени сомнения в том, что ждать или не ждать. Если “хороший” на войне, то ждут все:

*Жду тебя, хороший мой,
Очень крепко жеду.
Жду уральскою зимой,
Жду весной в цвету.*

*Жду, и дни скорей бегут,
Гаснут вечера,
И со мной сегодня ждут
Все, кто ждал вчера.*

*Для тебя припасено
Все давным-давно,
Недопитое вино
Выьем мы вдвоем.*

*Снятся мне твои черты,
Где же ты теперь?
Жданный мой, когда же ты
Постучишься в дверь?*

*Верю, ты придешь опять,
Ласковый, родной.
Милый, я умею ждать,
Как никто другой.*

Горечь расставания, тоска, сумеречь переживания, тяжесть труда, радость встреч, надежда на победу – все пронесено через поэтическое слово. Особенно хорошо рассказывают об этом частушки. Они из огненных лет перелетели в послевоенные. Поют их невесты сороковых.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Много раз я слушала певуний из села Введенского Мишкинского района. Одни женщины, невесты сороковых. Я их по-другому не представляю. То, что время пометило их лица, не в счет. Важно, как в исполнении немолодых женщин слышится война со всем, что волновало, сжимало грудь, радовало. В неброских крепдешиновых платьях благородной расцветки (вишневым с белым) ходили бывшие юные девушки по кругу – друг за другом и пели, как водилось в их местах всегда. Такое отрешение девичьего одиночества, что охватывало душу дымом горечи:

*Ты, Германия, Германия,
Проклятая война,
Ты оставила, Германия,
Без милого меня.*

*Я миленка провожала,
День без памяти лежала,
У меня, у молодой,
Отливали грудь водой.*

*Золото мое колечко
Укатилось под кровать.
Кто завлек мое сердечко,
Тот уехал воевать.*

*Проводила я залету,
Проводила прямо в бой.
Воротися, моя розочка,
Хоть раненый домой.*

*В армию миленочек,
А я куда, девчоночка,
Задавлюся на тебе,
Зеленая сосеночка.*

*Болю ранили в Германии
Во правый его бок.
У кого поднялись рученьки,
Накажет того бог.*

*Ты не плачь, моя родная,
И не думай обо мне,
Ведь не каждого солдата
Убивают на войне.*

*Кабы не было зимы,
Бураны не бурашили,
Кабы не было войны,
Миленочка не ранили.*

*Ты война, война, война,
Война меня обидела,
Ты заставила любить,
Кого я ненавидела.*

*Милый с фронта написал
Открыточку почтовую,
Сообщил, что орден дали
За победу новую.*

*Скоро кончится война,
Пойдут ребята ротами,
Я своего дорогого
Встречу за воротами.*

*Милый едет на войну -
Банду бить фашистскую,
Я милого заменю,
Буду трактористкою.*

*Вот и кончилась война,
Пошли ребята ротами,
А моего дорогого
Нету за воротами.*

*Дорогой братишка пишет:
Милая сестреночка,
На моих глазах убили
Твоего миленочка.*

И самая пронзительная частушка, завершавшая медленное замкнутое кружение былых невест:

*Вот и кончилась война,
И осталась я одна.
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба и мужик.*

Из песни слова не выкинешь, как не выкинешь горькую правду из жизни.

Не знаю судеб введенских женщин, но чувства невест войны им ведомы.

В этом они правдивы, а жизнь их, рассказанная в частушках, не выдумана.

**ФЕДЯКОВА
Алимпиада
Никандровна**

ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

День Победы – святой праздник для каждой семьи. До сих пор свежи воспоминания о тех пережитых, трудных военных годах... Каждый день в село приходили похоронки, и улица содрогалась от плача женщин, на плечи которых была взвалена непосильная ноша. Полуодетые, полуголодные, они трудились до изнеможения, чтобы помочь Армии. Страшно вспомнить, что пришлось пережить моей маме Шабуровой Варваре Ивановне. 1 марта 1938 года был репрессирован мой отец Шабуров Никандр Матвеевич, без суда и следствия приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. Ему было всего 39 лет. (Реабилитирован посмертно за отсутствием в его действиях состава преступления). Мама осталась беременной с четырьмя малолетними детьми.

Вскоре началась война. Два маминых брата: Сучилов Савелий Иванович и Сучилов Иван Иванович ушли сражаться на фронт.

Откуда только эта хрупкая женщина находила в себе жизненные силы, чтобы всё успеть: и дома, и на работе? Всю войну мама трудилась в две смены в колхозе «День Красной Армии», приложив здоровье, невероятные усилия во имя свободы нашего народа, во имя Победы. Она пахала и боронила колхозное поле на своей корове, работала на заготовке сена, вязала снопы, учила молодых этому ремеслу, колола дрова, рубила лес.

Однажды, рано утром, до прибытия бригады в лес, она срубила 18 сосен. Председатель колхоза на собрании в шутку сказал, что за это её нужно судить. Все засмеялись, а мама обиделась. Ноча-

---

Родилась 30 июля 1933 года в селе Нижнее Куртамышского района в семье колхозников. С детства работала в колхозе. После окончания Курганского педагогического института проработала в Нижневской средней школе 36 лет. Преподавала русский язык и литературу. Награждена Почётной грамотой Министерства народного образования РСФСР, Почётными грамотами Куртамышского отдела народного образования, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», тремя юбилейными медалями в ознаменование Победы в Великой Отечественной войне, «Ветеран труда», «Ветеран Великой Отечественной войны (труженик тыла)».

ми мама с ружьём охраняла колхозный склад с зерном. Летом мы жили на полевом стане, в 10 км от села. После дневной работы мама пасла колхозное стадо. Спали под открытым небом у костра. Однажды младший братик Саша, которому шёл пятый год, упал в костёр и сильно обгорел, так и умер в 1943 году.

Мама всё умела: шила самодельную обувь, клала печи, колола скот. А мы, как могли, помогали ей. Старшая моя сестра Клавдия в 15 лет работала на току, на сушилке, грузила мешки с зерном. Силёнок было мало, мешки тяжёлые, к вечеру уже валялась с ног. Сестра Мария в 14 лет с младшим братом Лёней на быках возила лес, работала на тракторе прицепщицей.

На фото: мама с тремя дочерьми. В 12-летнем возрасте я уже работала на соломокопнителе. Зимой мы сушили зерно, летом пололи картошку, пшеницу, осенью собирали колоски. Мама

научила нас вязать. Вязали варежки, шарфы, шили кисеты. Всё отправляли на фронт. Хлеб ели из трав. Постоянно хотелось есть. Каждое утро мама ставила нас перед святыми образами молиться. Она говорила, что молитва детей дойдёт быстрее до Бога. Обращаясь к Богу, мы просили, чтобы быстрее закончилась война, чтобы наши солдаты победили и живыми вернулись домой. 28 февраля 1968 года мама умерла. Я перед ней – в вечном и благодарном долгу.

МАМЕ

*Ослабевшая, в черной косынке,
Ты встречаешь меня на крыльце,
Разыгрались пучочки-морицинки
На твоём побледневшем лице.
Что с тобою случилось, родная!
Где твой прежний, веселый задор!
Моя милая, добрая мама,
Сколько лет пролетело с тех пор...
Помнишь, как ты везде успевала:
По колючей траве босиком
Утром рано коров угоняла,
Напоив нас парным молоком.
То тропинкою узкой с косою
Шла медвяные травы косить,
Возвратившись вечерней порою,
Торопилась маки полить.
Ты гордилась работой крутою,
Любовалась пшеницей густой,
И умелою сильной рукою
Мигом ставила сноп золотой.
Тебе кланялась низко пшеница,
И ласкал теплотой ветерок,
Хором пели веселые птицы,
Полевой улыбался цветок.
Колокольчики дружно звенели,
Луга пышного стлался ковер,
А березы, развесив качели,
Задушевный вели разговор.
Так взгляни на простор нежно-синий
Да на бархат в зеленой волне,
Это сердце великой России,
В нем твой труд на священной земле.*

ФИЛИМОНОВ
Владимир Иванович

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Двадцатый век. Год сорок первый.
Начало. Взорванные сны.
Блицкриг в работе. Рвутся нервы.
в крови холодный штык войны.

Жестоко танковые траки
рвут километры-колоски,
и расточительны в атаке на смерть
пришедшие полки.

Упали с веток гнезда птичьи.
Тыл, фронт – единая судьба.

Лежит убитый пограничник
у пограничного столба,

В руках – саперная лопата,
по лезвию – клочки волос.
Кто там сказал:
«Россия – вата,
Советы – глиняный колосс...»?

«Вставайте! –
клич по русским долам, –
к оружию и стар, и млад!»
И добровольцы комсомола
уже спешат в военкомат.

Родился 6 февраля 1952 года в районном поселке Мишкино в семье сельских учителей. Среднюю школу закончил в селе Сумки Половинского района. С 1969 по 1992 год служил в Вооруженных Силах на различных должностях. Переехав из Беларуси в родные места, занимался выпуском газеты военного комиссариата области «Служим Отечеству». Сейчас на пенсии. Автор шести книг стихов.

Член Союза писателей России с 2007 года. 30 мая 2008 года, облеченный доверием писателей Зауралья, избран ответственным секретарем Курганской областной писательской организации.

Участник 13-го и 14-го съездов Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России.

ДЕЗЕРТИР

Чу, звук какой-то тянкий
в лесу, где нет дорог.
Лохматые портянки
качает ветерок.
На бересте малина
засохшая лежит.
Неуловимо длинно
осины лист дрожит.
Шалаш из волглых веток
в кольце сырой золы.
Кол весь в зарубках меток
и пахнет нежилым.
Пустынно, голо, дико.
Куда-то – облака.
А вот и сам владыка
потайного мирка.
Он тащит легкий плотик,
стена и бурча,
обкусанные ногти,
волосья по плечам.
Вот он ступил неловко
и замер, чуть дыша.
Сгнила его винтовка
у Буга в камышах.
До худобы он выжат
чужою стороной.
Да, каждый волен выжить...

Но вот какой ценой?

ПРИФРОНТОВАЯ СТАНЦИЯ

Судебное начало –
пунктирами недалних трасс
и суматохой ты встречала
последний, предрассветный час.

Случайно пискнула гармошка,
упав басами на песок.
Патруль по шпалам шел сторожко,
косясь на сумрачный лесок.

С тушёнкою вскрывались банки,
блестели смазкою штыки,
еще без визга ныли танки
и сочно хрумкали курки.

Из-под расстрелянной колонки
сбегала светлая волна.
Как гром, стучала в перепонки
предбоевая тишина.

Боец поопытней – короче
стянул винтовочный ремень,
ровнял седеющий височек,
менял «бензинку» на кремь.

Еще не пахло гарью, тленом,
НЗ был цел во всех полках.
Вдоль строя кладезем бесценным
шелк Знамени плыл на руках.

У речки в ожиданье солнца
скрипел надсадно коростель.
И каждый думал, что вернется,
пройдя свинцовую метель.

Дробь по-прощальному несмело
отбил ушедший эшелон.
И долго ему вслед глядела
пыль растянувшихся колонн.

ФРОНТОВОЙ ХИРУРГ

Я спать хочу сейчас. И только спать.
Не более, не менее того.
Но вынужден я встать и снова встать,
чтобы отнять у смерти торжество
над плотью человеческой.

Един
Господь наш над всем сущим и велик.
Но ныне я и Бог, и господин.

Сержанту – спирта! Пусть повеселится,
вот этому, с размоленной ногой.

Не хочет резать? Резать! Но другой
он долго будет топтать по землице.

С вершины хирургического трона
пришлось мне опускаться много раз:
и скальпели! точить, а для тампонов
использовать раздерганный матрац.

Пусть проклятым мое завянет имя,
когда в косяк не стукнет головой
обрубок тела. Но живой, живой!

Вернитесь все домой
хотя б такими...

* * *

Никто не задавал вопрос – герой ли он?
А он, не прячась,
метнулся к доту во весь рост
и грудью лег на ствол горячий.
Могу ли я вот так, как он,
отдать себя для жизни друга?
Над ним склонился шелк знамен,
от ветра щелкая упруго.
Поставлен будет в общий строй
он поэтической музой
не как мифический герой –
Герой Советского Союза.

МЫ

Окончен бой. И город стал свободным.
Заря рассвета чистой блистала.
Замолкли пушки. Роздан хлеб голодным.
Осела пыль в развалинах устало.

«Крутила» похоронная команда
без устали печальную «шарманку»,
свозя под тень обугленного сада
ошметки тел из-под сгоревших танков.

То было в сорок третьем, в нежном мае,
в год тяжкий, переломный и суровый,

и где-нибудь во Франкфурте-на-Майне
опять рыдали в черных шляпках вдовы.

А где вы были со своею болью,
когда ваши мужья детей давили,
едва живых наших отцов в неволе
собаками и газами травили?

Возмездие...
Безжалостное слово –
в Берлине будет сказано негромко.
Не дай нам Бог
схлестнуться в битве снова
и испугать
хоть одного ребенка.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Нахлестом пулевые трассы
не били больше шар земной.
Казалось не таким опасным
все, что осталось за спиной.

Висели стиранные майки
на посеченном ивняке.
И местный Теркин сыпал байки,
небрежно сидя на пеньке.

Вовсю плясали в боки руки
досель суровые полки,
латались порванные брюки
и подбивались каблуки.

Медали чистились суконкой,
спалось впервые до утра,
а в медсанбате пела звонко
всегда молчавшая сестра.

Шли эшелоны сквозь вокзалы
к восходу от заката дней.
И было очень-очень мало
отцов дождавшихся семей.

ПЕРВЫЙ ФРОНТОВИК

Думали – погиб, а он вернулся!
Думали – убит, а он живой!
В дом входя, привычно принагнулся
головой под косяк дверной.

Окруженный радостной роднею,
с одобренья ветхих стариков,
говорил, как отчей стороною
он храним был почти пять годков.

И пошли рассказы да расспросы:
«Не слышал... не видел ли... вдова...»,
Глянул – дочка заплетает косы –
в горле комом замерли слова.

Сам в свое поверил возвращенье
и забыл про страшную войну,
когда часом жданным и вечерним
обнял заалевшую жену.

Подымил цыгаркой крепкой малость
окна в сад заросший отвора,
и от сердца схлынула усталость.
Ожидалась мирная заря.

* * *

В музее славы боевой
орденоносной части
стоят, склонившись головой,
кто к славе той причастен.
Три человека, три бойца,
последние живые
из тех, кто вынес до конца
все схватки ножевые;
Кто выбил жезл из вражьих рук
под Подмосковьем – первый.
Им и поныне резкий звук
жгутом свивает нервы,
бомбежек вой не смолк в ушах,
лекарства в изголовье...
...Ржавь на музейном ППШ,
как капли чьей-то крови.

ИНВАЛИД ВОЙНЫ

Самодельная коляска
с грубым войлоком на дне,
то ли были, то ли сказки
о геройстве на войне.

Он, безногий и убогий,
в поминанье майских дней,
спал в кювете у дороги,
опьянев вина пьяней.

И ему, привсхлипнув грушко,
сгустком венным на руке,
слюни вытерла старушка
в черном, вязаном платке.

А проспавшись и играя
на гармошке хоть куда,
он запел: «Прими, сырая,
Мать-землица, навсегда!»

* * *

Не лихачеством, не отчаяньем
рождена Минута Молчания,
а печальными в битвах утрами –
офицерами и солдатами.

Тишина над российской столицей
и над градами, и над всеями –
так страна возвращает сторицею
павшим мирное поднебесие.

* * *

А на войне все рядовые,
что новобранец, что Герой,
все молодые, боевые
и за победушку – горой.

Сегодня, в светлый праздник мая,
в году две тысячи втором,
на впалых их щеках читаю
то, что не писано пером:

страх перед первою атакой,
мат на заклинивший патрон,
угрозу лагерных бараков
да не с одной, а с двух сторон.

Будто озоновые дыры
в хрустальном куполе небес,
бывали трусы, дезертиры,
душа, она ведь – темный лес.

Но нужно ль в праздники – об этом?
Мы в мае счастливы вдвойне!
... Не хватит чувств любых поэтов
осмыслить правду о войне.

Рассказ ветерана войны

Рассказ о мужестве комбата
сейчас послушайте, сынки:
весной, в апреле, в сорок пятом
на берегу какой реки,
не помню уж,
старею, знамо,
кусок земли, то бишь – плацдарма
мы захватили.

Нележки
немецкие те были метры,
такие дули злые ветры
из рваной стали и огня,
что можете поверить, други,
был воздух теплый и упругий,
и все летело на меня.

Помстилось, ясно, только схватки
осколком делятся в достатке,
не успеваешь отбегать.
Частенько фриц стрелял наобум,
не с целью поразить, а чтобы
нас хоть немного запугать.

По этой речке – сплошь разрывы,
без просвета, без перерыва.
мышонку, разве, переплыть.

Сомненье, что и он проскочит.
Конец войны, промежду прочим,
и всем хотелось очень жить.

Что, добровольцы? Да, бывали.
Их чаще пули целовали.
Есть памятник в любом селе.
Но шел, сказал поэт, кровавый
и смертный бой не ради славы,
а ради жизни на земле!

Приказ по радио: с подмогой,
рывком рокадную дорогой
должны мы быстро овладеть,
сказал комбат, махая каской,
с надрывом в голосе и лаской:
«Ну, кто желает порадеть
за дело общее, ребята,
приказ – закон, а мы – солдаты,
не вечно ж сиднем здесь сидеть».

И взяв с собой полбатальона
он вдоль дороги неуклонно
погнал врага до городка,
(там городок стоял дородный),
а сам к утру со сводной ротой
зарылся в землю до пупка.

Фашисты быстренько смекнули:
они теперь при карауле,
толпой полезли на штыки,
но как они ни были быстры,
сам Бог войны – артиллеристы
нам помогли из-за реки.

Пока с пехотой «миловались»,
два «тигра» сбоку к нам прорвались,
давай окопчики давить.
Ведь самовредные на свете
в бою гробы стальные эти,
лишь подорвать – остановить.

Бойцов с десятков попытались
добраться к ним, но натыкались

на пулеметный перепляс.
Комбат в пучок связал гранаты
и произнес спокойно, внятно:
«Не мы – их, значит – они нас»...

Не полетел, пополз, понятно...
Но это был Герой, ребята,
в годах почти как вы – такой,
ведь знал: на смерть идет, на муку.
Мы после боя только руку
нашли с гранатной чекой.

В Германии (теперь-то близко)
горит звезда над обелиском,
неугасимая звезда!
Пускай проходят дни и годы –
мы помним трудные походы
и не забудем никогда!

И я, когда глаза закрою,
все вижу: плыли после боя
по речке каски, как венки,
погибшим, без вести пропавшим,
героям безымянным нашим...

Любите Родину, сынки!

* * *

Память наша от вдовьих седин
обретала свой опыт печальный,
опыт стойкий и первоначальный
о тревогах военных годин.
Из рассказов, по старым фото,
что лежат еще по ридикюлям,
постигали мы ненависть к пулям
с школьных парт и до смерти потом.
Знали мы без вранья и прикрас
дни и ночи, где деды убиты.
Память битв так жива внутри нас,
будто сами мы только что с битвы.

МАТЕРЯМ РОССИИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Святые матери России –
Истоки света и любви!
В какой животворящей силе
вы нервы черпали свои?

Откуда вам хватило воли
от гроз войны не умирать,
днем дотемна работать в поле,
а ночью шить, варить, стирать?

От горя выли под тулупом,
лишь в этот миг забыв детей.
а утром вновь делились супом
на две, на три, на пять частей.

Поправив фитилек на плошке,
как будто ваша в том вина,
несли вы с погребца картошку
с последней горсточкой зерна.

До наших дней от Ярославны
стезей натруженных дорог
во имя жизни, а не славы
провел вас материнский долг.

Как тяжело... Что там руки-ноги,
коль ежечасно, чуть дыша,
кровит по мужниной дороге
не зачерстневшая душа.

Приветив мать, свекровь и деда,
делаю не подводя итог,
вершили матери Победу,
будто большой колхозный стог.

Да как вы выжили, родные,
имея только огород,
когда вам сводки фронтовые
известны были наперёд?..

За эти скорбные години
поблекли от глухой тоски

воспетые в стихах былинных
глаза, как в поле васильки.

...Все ваши дети вышли в люди:
мужей исполнили наказ.
Я верю, что когда-то будет
в России памятник про вас.

* * *

Когда от времени и ран,
туда, где горизонты сини,
уйдет последний ветеран –
то вздрогнет Матушка-Россия.

Осиротеет род людской
Великой Чести удостоен,
когда под гробовой доской
уляжется Последний Воин.

Возьмут в музеи ордена,
снесут в архивы похоронки...
Забудет через век страна
мотив «Катюши» нежно-звонкий.

Но я, покуда еще жив,
наперекор дождю и зною,
стою упрямо у межи
меж миром сим и той войною.

А потому из рода в род
несите истину святую:
забыть войну – предать народ,
отцов Победу Золотую.

*Памяти Ивана Яковлевича Филимонова,
участника войны,
ушедшего из жизни 28 апреля 2006 года*

Среди грозы и тишины
У сердца разный стук.
Я сын участника войны –
свидетеля разлук.

Вхожу я в двери не бочком,
и хоть не доброхот,
но поделиться табачком
вошло в мой обиход.
Промчалось семь десятков лет
с победного венца.
Коль шел отец – я видел свет,
а уж потом отца.
Придя с работы тяжело,
бывало, стан согнет
и шепчет: «Не сажавший зло –
его и не пожнет!»
Что лечат травы и цветы –
не путала семья.
В полях России вырос ты,
и в них же вырос я.
Нас не разделят мрак и лед,
не разольет вода,
а если так произойдет –
будь проклят я тогда.
А кто желает растоптать
жар Вечного Огня,
придется тем переступить
сперва через меня.
Смотрю я прямо, без вины
своим друзьям в глаза.
Я – сын участника войны,
и этим все сказал.

* * *

В сорок пятом, в светлом мае,
после славы и побед,
дома, на одном дыханье
баню выстроил мой дед!

А потом еще кому-то,
чтоб облегчилась судьба.
Бабка плакала: «Избу-то...».
«Ничего, дождет изба!».

В этой бане перемылась
вся окраина села,

пусть по-черному топилась,
но зато нужна была.

Еще пахла древесина,
смолью капала доска,
на полке дед сделал сына
в память павшего дружка.

Что еще бывает лучше,
если целый и живой?
Баня! с паром вязко-жгучим
и водою ключевой.

В бане внук уже солдатом
мылся, в отпуск приходя.
Умер дед в семидесятом,
вспоминают – не судя.

* * *

От потерь мы становимся жестче,
но не стуком горячих сердец.
Никогда не увидите прочерк,
слово «были» в графе «мать, отец...»

Мы на льстивые речи не падки,
и осознанно, не по вине –
до сих пор сохраняем тетрадки
с сочинениями о войне...

ВДОВА

В Сумках, селу однолетка,
бабка Анисья жила
и говорила соседкам;
«Сробила все я дела.

Если чего позабыла –
это в свой срок помереть,
мужа кохала-любила,
дорого-любо смотреть.

Ох, и пожили бы вместе,
если б вернулся живой,

но он загинул без вести
в первой еще мировой.

А во вторую – сыночки,
спят где-то праведным сном.
С тех пор я – в черном платочке
и не ходила в ином.

Сватал меня председатель
(плоть нелегко усмирять),
но не велел мне Создатель
замуж идти вдругорядь.

Так и жила-поживала,
стаяла, словно заря,
и по шагам узнавала
нашего свет-почтаря,

Но не пришлось поклониться
ему за отрадную весть.
Лишь в уголке за божницей
грамот колхозных не счесть...»

Плакала бабка, конечно,
жалясь на это житье,
меди цыганской колечко
грелось на пальце ее.

СОЛДАТАМ РОССИИ

Опалило мне сердце
далеким военным напевом...
И невольно слезою
подушку во сне окропив,
завучал во мне голос, что:
«Я погибаю под Ржевом,
замерзаю в голодной,
бесчувственной Сальской степи.

Я – сын Бреста. От края
смертельной, лихой непогоды,
пусть негромко, но так,
что на вдохе услышал народ,
шлю прощальный привет

сорок энному нежному году,
свято веруя в то,
что и наша Победа придет.

Как мне тяжело бывало...
Кровавых мозолей не скрою.
Но за мать и сестренку,
а вовсе не ради наград,
я лежал у дороги
со связкой гранат под Москвою
и зубами рвал горло у немца
за мой Сталинград.

Я боями был сыт,
будто хлебом единым насущным,
когда выла и стихла
под Курском стальная пурга.
И, должно быть, вовек
не понять вам,
всем ныне живущим,
мою радость при виде
седого от схваток врага.

Всей душой устремился
за вскинутым пламенем стяга,
беззаветно и верно
землице своей послужив,
но застрелен в упор
на горящих ступенях рейхстага,
полчаса до Победы желанной
всего не дожив.

Отрыдала семья,
получив на меня похоронку,

и созрели хлеба,
подперевши собою зарю.
Но как в Бресте тогда,
я сейчас повторил бы негромко,
если надо – восстану
и снова весь путь повторю!»

Я проснулся. И сел.
И без скрипов прошел по квартире,
одеяло поправил
блаженно сопящим внучкам.
Было что-то тревожное
в тихом, предугреннем мире,
и мурашки бежали
по разом вспотевшим рукам.

Взгляд упал в календарь.
Просто так, на ходу и бездумно.
Вдруг из тьмы подсознания,
с какого-то жуткого дна –
закричало без звука
про двадцать второе июня...
И я понял – к чему
мне приснилась
знакомая эта война.

И иные бои...
Зарождалось спокойное утро.
Еще часик – и грянет
музыками мирный рассвет.
Я к окну подошел –
и в зарю поклонился кому-то,
тем, чей голос услышал в себе
через тысячи лет.

ТРАКТОРИСТКИ СОРОКОВЫХ...

В далеком 1941 году, когда на страну обрушилась тяжкая беда – война, названная Отечественной, многие мужчины из села Верхняя Теча Кайтагского района были призваны на защиту Родины. Они уходили на фронт, оставляя в тылу своих жен и детишек, не ведая, вернутся ли назад к своим семьям. Надеялись, что вернутся. А еще больше верили в это сами женщины, заменившие мужчин в изнурительной крестьянской работе. Ведь армию нужно было кормить, и кормить как можно лучше, приближая победу. Тогда-то на колхозном собрании и было принято решение о создании женской тракторной бригады.

Расскажу об этих и других удивительных женщинах, вынесших на своих плечах такое, что и во сне не приснится.

Самой маленькой и худенькой в бригаде была Таня Худякова, ей приходилось всех труднее. Силёнок не хватало, трактор старый, заводится плохо. Бьётся она возле него, бьётся, да и заплачет. А его не только завести надо, но ещё и пахать с утра и до вечера или с вечера до утра.

Работала в бригаде и Анюта Рычкова. Она первой получила похоронку на мужа – через два месяца после начала войны. Но даже в этот скорбный день выехала в поле, а на глазах – слезы. В войну схоронила и дочь.

Самойлова Саша десять лет ворошила плугом землю. Энергичная, решительная, она любила петь песни. И сейчас поет иногда.

Оля Худякова трудовую деятельность начала еще в 37-м году. В марте 41-го вышла замуж, а в июне началась война. Осталась одна. Сначала трудилась штурвальной, а потом на стальном “коне”. Будучи на 7-м месяце беременности, при заправке техники топливом поскользнулась и упала. Ребёнок родился живой, но вскоре умер, а в 43-м пришла похоронка на мужа.

Тася Чудинова входила в состав бригады с 41-го по 43-й год, а в сентябре с ней случилось несчастье: попала под гусеницы. Больше года про-

лежала она в больнице, молодой организм справился с бедой, но на всю жизнь Тася осталась инвалидом.

Журавлёва Маша была совсем девчонкой, когда закончила ускоренные курсы трактористок. Сколько надо было иметь терпения, чтобы сидеть в кабине летом – как на раскалённой сковородке, а осенью – в холоде, пронизывающем до костей.

Аня Грязных так же всю войну проработала на тракторе. Живая, быстрая она никогда не подавала вида, что ей тяжело, хотя от голода в глазах темнело. Но надо было пахать и сеять.

И женщины работали из последних сил, выращивая хлеб и сажая картошку. Таня Вырышева села на трактор вскоре после начала войны, а оказалось, что на целых девять лет. По ее воспоминаниям, вдвоем, а то и втроем, дёргая за верёвку, заводили обветшавшую технику, цепляли плуг, за плугом сеялки, а следом на лошадях или коровах малые детишки боронили посевы.

Катя Журавлёва трудилась прицепщиком еще до войны. В 1940 году вышла замуж, её дочкам двойняшкам исполнилось 3,5 месяца, когда проводила мужа на фронт. Через день умерла одна из дочек. Еще через месяц Катя села за рычаги трактора. Муж Кати с войны вернулся, но больным, и через полгода умер.

Условия работы были крайне напряженными: женщины жили на полях в вагончиках. И хотя сеяли и убирали рожь и пшеницу, сами настоящий хлеб видели и ели редко, весь урожай до зернышка уходил в продовольственный фонд армии. Крохи, выделяемые для питания, старались оставить детям.

Почти до конца сороковых трудились в бригаде Пузырёва Екатерина Лаврентьевна и Гордеева Агриппина Семёновна, Худякова Мария Семёновна и Черепанова Мария Антиповна.

На таких, беззаветно преданных земле людях, и держится Россия. Нелегкий труд крестьян явился бесценным вкладом в победную весну 45-го года!

**ХУДЯКОВА
Татьяна
Семеновна**

**РЫЧКОВА
Анна
Филипповна**

**ВЫРЫШЕВА
Татьяна
Ивановна**

**ЖУРАВЛЕВА
Мария
Степановна**

**ЧУДИНОВА
Таисья
Васильевна**

**САМОЙЛОВА
Александра
Никитична**

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

СПАСЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Сергей СУРАЕВ, город Курган

ХЛЫЗОВ
Михаил Иванович

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

Статья написана мной на основе рассказов моей матери, на основе семи писем отца (сданных в музей), на основе воспоминаний немногих очевидцев, чудом оставшихся в живых после жесточайших боев на Ржевском направлении. Большую помощь в подборе материалов мне оказала директор музея Боевой Славы 369-й стрелковой дивизии города Кургана Климова Эльвира Александровна. Уместно вспомнить и выразить свое восхищение покойной ныне Угрюмовой Инге Алексеевне, создателю этого музея, которая вместе с красными следопытами в течение многих лет вела кропотливую работу по поиску материалов о Курганской дивизии, по организации встреч ветеранов войны с молодежью, пионерами, школьниками и студентами.

Совершенно не претендуя на исчерпывающее освещение темы защиты Москвы и освобождения сверхукрепленного города Ржева, не претендуя на описание боевого пути славной Курганской 369-й дивизии, сохранившей свое название до конца войны, хотелось бы, в меру сил и возможностей, воссоздать небольшой рассказ, о начале вступления в боевые действия воинов из Курганской дивизии, в частности солдат-земляков из сел Редуть, Белое, Лесозавод Звериноголовского района.

Родился в 1940 году в селе Редуть Звериноголовского района. Окончил школу, в 1960 году – Курганский машиностроительный техникум. Работал на Далматовском заводе «Молмашстрой», Курганском арматурном заводе, в Курганском проектно-конструкторском бюро Южно-Уральского совнархоза. Свыше 26 лет проработал на Курганском машиностроительном заводе.

Увлёкся краеведением. При его участии в свет вышли 2 сборника – «Станица на Тоболе» и «Школа и мы». Имеет около 80 краеведческих и журналистских работ. Награждён медалями «За трудовую доблесть». В ознаменовании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, «За гуманизм и служение России. Шолохову 100 лет», «90 лет ВЛКСМ» и серебряным Крестом «За возрождение Оренбургского казачества», многими грамотами и похвальными листами.

На Ржевском направлении ... Из материалов Курганского музея боевой славы: 1941 год... 14 октября дивизиями вермахта, движущимися на Москву, был захвачен Ржев. Он находился под оккупацией 17 месяцев. Город и прилегающие к нему районы были очень сильно укреплены фашистами: 26-метровый берег Волги, огромное количество моторизованной техники, артиллерии, дотов позволяли длительное время держать оборону города и сел района во время контрнаступления частей Красной Армии.

В исторической литературе можно встретить названия: Ржевский укрепрайон, Ржевско-Вяземский плацдарм, Ржевское направление... На Ржевско-Вяземском плацдарме участвовали в боях 5 фронтов: Западный, Центральный, Калининский и другие; 17 армий, в т. ч. 29-я, 30-я и 31-я; 140 дивизий, в т. ч. и наша Курганская 369-я дивизия. В состав Курганской дивизии входили 1223-й, 1225-й, 1227-й стрелковые и 929-й артиллерийский полки.

...5 декабря 1941 года началось контрнаступление Красной Армии под Москвой, ознаменовавшее собой крах германского блицкрига против СССР. В ноябре 1941 г. 369-я стрелковая дивизия выбыла из Кургана в действующую армию.

В первый бой дивизия вступила 25 декабря 1941 г. в районе деревни Богатково. Она участвует в великой битве за Москву: в Сычевско-Вяземской (1942 г.), Ржевско-Сычевской (1942 г.) и Ржевско-Вяземской (1943 г.) наступательных операциях. Ржев был освобожден частями Красной Армии только 3 марта 1943 года. И какой ценой! По данным Музея Боевой Славы, на Ржевско-Вяземском плацдарме погибло свыше 2,5 миллиона человек. Уральские и сибирские полки, спешно сформированные и плохо обмундированные, были брошены в начале войны на защиту Москвы. Они сумели не только выстоять в этой бойне, но и ценой своих жизней прорвать мощную оборону фашистов и перейти в контрнаступление.

Курганская дивизия. Отец мой, Хлызов Иван Яковлевич, после окончания финской кампании

вернулся домой и работал в Звериноголовском леспромхозе (пос. Лесозавод). 22 сентября в дежурку, где работала бригада лесорубов, приехал директор леспромхоза Бубнов Василий Осипович и сказал: «Хлызов, Баранов! Заканчивайте работу, собирайтесь. Завтра надо быть в Зверинке, в райвоенкомате». Новобранцев из Звериноголовского района вскоре доставили в район сел Бараба-Темляково-Митино, где они и проходили подготовку перед отправкой на фронт.

Курганская дивизия формировалась в деревнях и селах, расположенных вокруг Кургана: Бараба, Темляково, Увал, Глинки, Введенское и др. Попытаюсь коротко привести воспоминания сослуживцев моего отца и рассказы участников и очевидцев тех грозных событий.

Химрота, по рассказам Кутенина Вениамина Андреевича, проходила подготовку в с. Глинки. Из материалов музея Боевой Славы явствует, что осенью 1941 г. выдали легкое обмундирование и ботинки с обмотками; вместо винтовок для штыкового боя новобранцы пользовались палками, а артиллеристы, не имея орудий, клали на телегу бревно и упражнялись с этой «пушкой»... И это подготовка к встрече с моторизованной техникой Гитлера? Валенки выдали уже в Подмосковье в декабре.

За осень 41-го года от моего отца пришло семь писем, а на одном из них – профиль Сталина, выполненной тонкой линией. Можно только предположить, что такую бумагу специально выдавали для поднятия духа солдат, да и получателей писем. Семь солдатских треугольников... Все были сохранены моей матерью, вдовой солдата. Они сданы в архив музея Боевой Славы, но, к великому сожалению, пока мной все не найдены. Лишь фотокопии двух писем, портрет отца и портрет Анчугова Федора Григорьевича, столяра из Звериноголовского леспромхоза, нашел я на стендах.

Вот строки из писем отца: «...13 ноября мы оставили Курган и доехали на поезде до станции Грязовец Вологодской области. Тут мы отдохнули 2 дня и совершили марш по направлению к

фронту. Марш продолжался 4 суток, временами шли круглые сутки. В настоящий момент находимся на привале в одной из деревень, от фронта находимся пока еще далеко, но полоса считается фронтовая. Когда мы совершали марш по деревням, то обстановка мне кажется ужасной картиной. Вам ведь дома доступны продукты, а здесь нас по деревням встречали и провожали только в преклонных летах старики и малые дети, а остальные все – девчата и женщины – мобилизованы для рывки окопов и разных препятствий для фронта. Здесь неурожай, покупают картошку по 50-60 руб. пуд, а хлеба не найдешь ни почем. Еще сообщу – здесь интересная природа, непроходимый ельник, пихта и другие растения, которые у нас не растут ...»

Из письма от 12 декабря 1941 г.

«...В настоящий момент мы передвинулись на следующее новое место... Вчера получили валенки. Через некоторое время двинемся дальше, так что моя жизнь меняется каждый день... У нас здесь сильные снега и бураны».

В каждом из писем отца читаешь, как он заболел о семье, коротко сообщал свои новости и все время просил прислать ему табаку. Вряд ли он получал письма жены, ибо упоминаний об этом в его солдатских треугольниках не было. И в каждом из писем он указывал адрес: «Действующая Красная Армия. 1440 почтовая полевая станция. 1225 стрелковый полк, 3-й батальон, 3-я рота, Хлызов Иван Яковлевич».

Без вести пропавший. А после последнего письма отца в глухом сибирском селе Редуть родителям отца вручили похоронку: без вести пропавший... И не он один. Многие семьи в селе и округе получили в те январские лютые дни «казенные бумаги» с той зловещей надписью. Сердобольная почтальонка находилась в крайне затруднительном положении – кому вручать похоронки: вдовьи слезы так же горьки, как и родительские...

На мои неоднократные запросы в архивы Министерства обороны СССР начальник отдела учета персональных потерь сержантов и солдат

Мои отец и мать с детьми.
Я - появился позже

Советской Армии (г. Подольск) сообщал, что «по учетным данным отдела рядовой 1225 стр. полка 369 стр. дивизии Хлызов Иван Яковлевич, 1912 года рождения, значится в числе пропавших без вести на фронте Великой Отечественной войны 4 января 1942 года. Разъясняю, что подавляющее большинство военнослужащих, которых считаем пропавшими без вести, погибли в боях, но боевая обстановка не позволяла конкретно установить судьбу каждого, и они были учтены пропавшими без вести. Другими интересующими Вас сведениями отдел не располагает».

...Курганская 369-я дивизия, как уже сказано выше, вступила в бои 25 декабря 1941 года. После трудных и длительных переходов солдаты ничком падали на привалах. Находившийся на излечении в 1943 году и отпущенный в отпуск домой

Самарин Николай (уроженец с. Белое) рассказывал, что в одной из деревень Калининской области после длительного марша солдаты были расквартированы и находились на отдыхе. В крестьянской избе разместились кто где смог: на лавках, на полу вповалку. Отцу моему место досталось на печке. Самарин Н. вышел в сени. От точного попадания снаряда в избе погибло почти целое отделение: откопали всех, все убиты, в живых остались только мой контуженый отец да Николай Самарин.

Последний бой... 4 января 1942 г. 1225-й стрелковый полк участвовал в освобождении с. Панино, что находится в 18-20 километрах от Ржева. Вот что мне рассказывал об этом Шмаков Максим (уроженец с. Редуть): «Полк лесными дорогами вышел к деревне Панино. На опушке леса разместились: там рота, там рота... Поступила команда «Вперед!» и мы пошли: с винтовками по глубокому снегу. Кругом взрывы, пули. Фашисты стреляли из замаскированных снегом танков; в крестьянских избах были выпилены по 2 бревна, а из этих амбразур гитлеровцы стреляли из крупнокалиберных пулеметов. Что там, Мишенька, было – не сказать... Из сорока человек (*видимо, из взвода – М. Х.*) нас до амбаров добежало всего семеро».

Коварное соотношение – шесть к одному, из шести человек в живых оставался один. Ну, совсем как в той песне: «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят».

«После боя, – продолжал рассказ М. Шмаков, – я вышел к железной дороге. Нас снова собрали, и бой продолжался. Деревню мы взяли. Перед деревней была то ли речка, то ли озеро, низина какая-то, полная снега. Если речка, так весной убитых, наверное, унесло водой. Похоронных команд тогда у нас не было, никто убитых не собирал».

Смотрю на карту Тверской области и вижу, что у с. Панино показана небольшая речка, а за ней, со стороны Москвы, лесной массив, железная дорога. Все совпадает, все соответствует действи-

тельности.

Самарин Николай рассказывал моей маме, что он подползал к раненому моему отцу. «У Вани, говорит, танковым снарядом оборвало обе ноги». Последние слова отца были: «Все, Коля, все».

То, что отец погиб в этом бою, подтверждали и те немногие, вернувшиеся с фронта очевидцы: Андрей Левин и др. А. Левин рассказывал, что он слышал крики моего отца, просившего помощи; потом этих криков не стало. Ясно, что в таком жестоком бою оказать какую-либо помощь было просто невозможно. Очевидцы – их вернулось с войны четверо – подтверждали, что много наших редутских, лесозаводских, беловских, звериноголовских безвестно погибло в этом бою. Оставшиеся в живых фронтовики по просьбе солдатских вдов в райвоенкомате подтверждали о гибели своих земляков в этом страшном бою.

...На Ржевском направлении Курганская дивизия, продвигаясь с боями вперед, попала в окружение. Фашистские клещи замкнулись. И часть дивизии вышла из окружения под г. Нелидово, а часть с боями прорывалась через линию фронта южнее Ржева.

Фашистский генерал Хорст Гроссман в своей книге «Ржев – краеугольный камень Восточного фронта» писал, что немецкие войска «оставили Ржев». Не могу согласиться с подобным утверждением генерала: дух великого русского народа оказался сильнее моторизованной армады фюрера. Выбили вас из Ржева, Панино, Крюково. С величайшим трудом и потерями, но выбили и погнало дальше, на запад. И переформированная Курганская дивизия наравне с другими участвовала в освобождении Ржева, обходя его справа.

...Впоследствии 369-я дивизия, сохранив дивизионное и полковые знамена, была доформирована и, сохранив название Курганской дивизии, прошла славный боевой путь до Дня Победы. Позднее дивизия получила почетное название Карачаевской.

Погибали семьями редутские... Сейчас трудно восстановить, кто конкретно погиб в с. Панино, но глядя на обелиск павшим воинам,

установленный в с. Редуть, на моей малой родине, читаешь: Сеницыны, Пономаревы, Дубровины, Мехничевы, Хлызовы, Щучевы, Барановы, Крохалевы, Шишкины, Фитины, Чашковы и др. – отцы, сыновья, братья. Всего – 64 человека.

Целые династии, семьи погибли на разных фронтах.

Так у моего деда из пяти погибло четверо сы-

новой, а вернулся с фронта один, Николай Яковлевич, да и тот раненый. Но не дождался дед сыновой, не выдержал и умер в 1943 году. А бабушка моя многие летние дни проводила в лесу, считая пеньки: «Это Ванюшка, это Мишенька, это Алешенька, а это Васенька, младшенький». Так и умерла с этим: с вечной памятью о сынах и с тоской в глазах.

СКВОЗЬ ГОДЫ И ВОЙНЫ

«Есть такая профессия – Родину защищать», – говорит один из героев кинофильма «Офицеры». Вот такую профессию судьба ниспослала нашему земляку, полковнику бронетанковых войск Игнату Андреевичу Коробицыну. Сорок восемь лучших своих лет из прожитых семидесяти семи отдал он защите Отечества. Четыре войны прошёл Игнат Андреевич – Первую мировую, Гражданскую, воевал на Финской, участвовал в жестоких сражениях Великой Отечественной. Свидетельством и памятью тому – многочисленные ранения, высокие награды.

Вся мирная биография Игната Коробицына до того, как он избрал военную стезю, умещается в десяток-другой строчек. Родился он в селе Редуть (ныне Звериноголовский район) в 1897 году, рано лишился матери, у отца на руках – четверо. Успел пацаном покрестьянствовать, покрутить ручной сепаратор на заводе богача-маслопромышленника Кузьмы Югова в селе Каминском.

И вот 1914 год. Война. Трудно сказать сейчас, что повлияло на решение юного Игната Коробицына, патриотический ли порыв (ведь рос он в казачьем крае), серость ли батрацкой жизни, только ушёл он добровольцем в свои 17 на «германскую». И воевал «За веру, царя и Отечество» вплоть до 1916-го, когда получил свою первую отметину-рану.

Подлечившись, рядовой Коробицын прибыл на побывку в родную Редуть. Лихой, видать, был парень, если за короткий срок отпуска сумел околдовать местную красавицу Нюру. И с её согласия «выкрал» её из родительского дома. После этого

демарша родителям невесты ничего не оставалось, как благословить молодых. С тем они и обвенчались. А обвенчавшись, отбыли Игнат Андреевич с Анной Ильиничной в Тоцкие лагерь, что в Оренбургской губернии, продолжать службу.

Ну прямо как в том кино «Офицеры»: поселились в уголке казармы, отгороженном ситцевой занавеской. Здесь же и появился на свет их первенец. И такая уж доля выпала Анне Ильиничне вслед за мужем мотаться по гарнизонам и воинским частям, ждать своего Игната из «командировок» на поля сражений.

Шли годы, менялись города и гарнизоны – Уфа, Сызрань, Бузулук, Ульяновск... В 1938 году служба привела их в Сталинград. Росла семья: своих два сына, да младшую сестру Анны Ильиничны Полю взяли на воспитание. Рос и мужал, набирался боевого опыта и Игнат Андреевич. Он уже не тот семнадцатилетний необученный, а майор, командир батальона, кавалер ордена Красного Знамени. Казалось всё есть для счастья. Но не было покоя: уж кто-кто, а опытные офицеры кожей чувствовали – войны не миновать, да и не за горами она.

Назревали события в Иране. Советское правительство внимательно следило за обстановкой в этой стране, которая благодаря своему важному военно-стратегическому положению занимала особое место в планах Германии. Превращая Северный Иран в плацдарм для нападения на Советский Союз, гитлеровцы сосредоточили там значительное число своих агентов, создали скла-

ды оружия и боеприпасов. Реакцией на создавшееся положение была переброска наших войск к советско-иранской границе.

В конце 1940 года в Баку была передислоцирована и танковая дивизия, в которой служил майор Коробицын. Комсостав поселили в номерах гостиницы. Одну из комнат заняла семья Коробицыных из пяти человек. Снова «жизнь за ширмой», как и вначале. Кстати, здесь близ иранской границы повстречал Игнат своего брата, тоже танкиста. (Зот Андреевич освобождал Варшаву, Освенцим. Похоронен в г. Ивано-Франковске).

Но недолгим вышло и пристанище в тёплом Баку. Грянул сорок первый. Обнял Игнат свою ненаглядную Анну Ильиничну, расцеловал сыновей и отправил их на свою малую родину. Чувствовал, эта война – всерьёз и надолго.

... Эшелон танков спешил с Юга в Москву. Сто-

лица переживала критическое положение – враг стоял у её ворот. 7 ноября 1941 года, после знаменитого парада на Красной площади, под покровом метельной ночи мехкорпус, в состав которого входил и танковый батальон майора Коробицына, ринулся навстречу врагу.

Истра, 58 километров к западу от Москвы. Этот небольшой городок стал ареной ожесточённых боёв великой Московской битвы. Здесь в очередной раз довелось Игнату Андреевичу послужить Отечеству. В одном из боёв он был тяжело ранен. За проявленный героизм был награждён вторым орденом Красного Знамени, уже в госпитале узнал о присвоении ему звания подполковника.

Недолгое лечение в госпиталях и снова – в очередную (как сейчас бы сказали) «горячую точку» – на защиту Сталинграда. И снова бои, бои, бои... В одном из них Игнат Андреевич получил тяжелейшее ранение. Эта страница в его биографии отмечена орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Сталинграда».

Долгое лечение и неумолимый вердикт врачей: «признан ограниченно годным для службы в армии».

И очередной приказ: назначать полковника (да, да, уже полковника) Коробицына командиром учебного 26-го танкового полка. Полк располагался в двенадцати километрах от Ульяновска в деревне Поливно.

Учебный полк в те годы представлял собой большой и сложный военно-хозяйственный комплекс. Это и моторизованные подразделения для подготовки танкистов, и подсобное хозяйство, где выращивали картошку, овощи для курсантской кухни, пекарня, медсанчасть. Был в полку и свой клуб, организована художественная самодеятельность, в которой активно участвовали семьи офицеров. Они же в основном вели дела в полковой начальной школе и детском саду. И всё это большое и разноликое хозяйство лежало на плечах полковника. Но главная его забота – подготовка танкистов, которых фронту требовалось всё больше. Так что крутиться комполка приходилось

сутками. Да и не тот характер был у Игната Андреевича, чтобы расслабиться.

В 1943 году полковник Коробицын с группой солдат и офицеров на боевых машинах отбыли на «стажировку». Это механизированное подразделение во главе с «ограниченно-годным» приняло участие в Курско-Орловской битве, освободило город Орёл. За эту «стажировку» большинство её участников были награждены орденами и медалями, а полковнику Коробицыну вручён орден Ленина.

...В 1946 году Игнат Андреевич получает новое назначение – командиром танковой бригады в Уральском военном округе. Здесь, в Свердловске, довелось ему послужить под командованием Г. К. Жукова.

Многочисленные ратные подвиги полковника Коробицына И. А. были высоко оценены правительством. Он награждён четырьмя орденами и многими медалями: «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и всеми юбилейными.

Закончил свою военную службу Игнат Андреевич на Дальнем Востоке, когда вместе с личным составом была передислоцирована его танковая бригада: в 65 лет подал рапорт об отставке по состоянию здоровья – барахлило сердце, мучили старые раны.

И снова вагон, снова в дорогу – теперь, наконец, в Зауралье, на свою малую родину. Замкнулось кольцо военной службы полковника Коробицына. Но не кончилось его служение Отечеству. Ветеран до последних дней своих частый гость в школах, училищах – ему есть что рассказать молодым о подвигах, о доблести, о славе, о незабываемых годах боёв за Отечество.

Не забывал он и родную Редуть, своих земляков, часто навещал их, помогал, чем мог.

Умер Игнат Андреевич в феврале 1974 года в Кургане. Похоронен на Редутском кладбище рядом с женой, рядом с близкими сердцу людьми. Тихо шумят над его могилой вековые сосны, охраняя вечный сон старого солдата, всю свою жизнь верой и правдой служившего Отечеству.

СОЛДАТ И ХРАНИТЕЛЬ ЛЕСОВ

Прошлым летом при опаживании леса от пожаров местный лесник из с. Бугровое Соколов Александр нашел в борозде латунную штампованную бляху, которая от времени позеленела и была покрыта накрепко присохшими кусочками земли. Однако ни коррозионная зелень, ни присохшая земля не помешали прочесть две надписи: «Лесник» и «РСФСР».

Находку обнаружили на опушке леса недалеко от места, где ранее был расположен кордон, первоначально называвшийся Горькореченский, а позднее – Межевской. И многое вспоминалось автору строк, глядя на находку: и то, что в домике жила семья лесника, и то, что нам, школьникам, идя из Бугровской школы домой, на Лесозавод, нередко в лютые морозы приходилось обогреваться на кордоне. Вспомнились и наши летние

“походы” к кордону за лесными ягодами и грибами. Какая же вкусная лесная малина росла недалеке от кордона, сколько было в лесу вишни, земляники и костяники!

Но не об этом сегодня речь. Жил в пятидесятых годах на кордоне лесник Чашков Гаврил Петрович с женой Ольгой Лазаревной (моя троюродная тетя) и тремя дочерьми: старшая Анна уже работала, а двойняшки Фая и Нина учились в Межевской начальной школе.

Родился Гаврил Петрович в 1905 г. в селе Редуть Каминской волости Оренбургской губернии (ныне Звериноголовского района Курганской области). С ранних лет познал маленький Ганя (Гаврилко) нелегкий крестьянский труд: сначала помогал родителям по домашнему хозяйству, а когда подросток, самостоятельно управлялся с жи-

вотными, коровами и овцами. Он сам пахал землю, заготавливал дрова и сено.

Длинными зимними вечерами молодой парень, как и большинство молодежи, ходил на “вечёрки”, где и познакомился со своей половинкой – Ольгой Михничевой. Вот что рассказывала долгожительница, уроженка с. Редуть Мудрова Миланья Ерофеевна: “Приходит Ганьша-то Чашков на вечёрки и спрашивает, мол, не видели девки, мою Ольгушку? Ласково так и с улыбкой. А мы его спрашиваем, мол, почему Ольгушку, а не Олюшку? Кака она вам Олюшка, отвечает, большынька уж стала Ольга-то, она и есть Ольгушка. И всё с улыбочкой. Хороший паренек был, обходительный”.

Еще до действительной службы женился Гаврил Петрович на своей Ольгушке, а в 1933 году родилась у них дочка Анюта. После армии работал и по найму, и лесорубом в лесхозе, искал свое счастье и в Новосибирске, но его “Редуть манила”, малая родина снилась во сне. Вернулся в родное село, работал опять лесорубом в лесхозе.

Величайшие труженики жили в благодатном редутском крае: скажем, беспарфосно, просто жили, работали, веселились, любили, женились, растили детей. А в трудное время помогали соседу или родственнику, если горемычный позвал близких на “помочь” (так называлось оказание помощи в случае беды или большой необходимости). Жили в этом старинном селе мирные люди, но если было надо, то служили Отечеству верой и правдой и в царской, и в рабоче-крестьянской Красной, и в Советской Армии.

Жизнь у Гаврила и Ольги текла мирно, размеренно, по-крестьянски мудро все и просто.

И вдруг... война! Известие это принес свояк, секретарь сельсовета Григорий Михайлович Крохалев, которого срочно вызвали в Зверинку, в райисполком. В деревнях в ту пору радио не было, так секретарь прискакал на взмыленной лошади разъяснять обстановку жителям Редути.

А вскоре по всему селу, от Разбегайки до Щучьева края, заиграли гармошки, слышны были песни. Пели о “последнем нонешнем денечке” и

том, что “в Красной Армии штыки, чай, найдутся”. Мобилизованных почти каждую неделю отправляли в районный центр. А 12 октября 1941 года был мобилизован и Гаврил Петрович. Запись в трудовой книжке гласит “Призван в ряды РККА по мобилизации”.

Вот как пересказывает воспоминания отца старшая дочь Анна Гавриловна: “Построили их во дворе. Военком и спрашивает: “Какое у солдат настроение?” Папка вышел из строя и сказал: “Бить будем фашистов смертным боем. И мы их победим, товарищ военком”. – “Ну, коли так, записываем тебя, Чашков, в артиллерию”.

И всю войну рядовой Чашков вместе с земляками служил артиллеристом.

С октября 1941 до июня 1945 Гаврил воевал с фашистской, как он говорил, гадиной. Много перевидал, многое перенес в авиабомбежках, в танковых атаках гитлеровцев, был однажды легко ранен, но в общем ему повезло – остался жив, дошел с боями до Польши и Пруссии.

... Май 1945 г. Война окончилась, победа была за нами. Посадили бойцов в теплушки и повезли на восток. У каждого солдата радость вдвойне: чудом остался жив – одно, а второе – везут чуть ли не домой. Но нет, провезли через станцию Курган и, не останавливаясь, эшелон отправили дальше на восток. Каково было на сердце у отвоёванного солдата: дом, семья, родные рядом, а повезли в неизвестность.

А дальше – война с Японией. Перенес все ужасы и этой войны, остался жив и вернулся домой. Дома же не досчитался многих друзей и знакомых: 64 уроженца Редути не вернулись с двух войн, погибли или числятся без вести пропавшими.

После войны Чашков Г. П. работал в Каминском лесничестве лесорубом и многие годы лесником.

С женой мечтали о сыне но в 1946 году Ольга Лазаревна подарила мужу двойню – двух девочек, которых они называли Фая и Нина. Родители в них души не чаяли, любили своих дочек, иногда даже баловали.

В настоящее время три сестры (плюс двоюродная сестра Клавдия Михайловна) живут в с. Круглое. С давних пор двойняшки Попова Фаина Гавриловна и Пенькова Нина Гавриловна поют в Круглянском хоре. Прекрасно поют, настоящие певуньи-соловухи. А в 2010 году ко Дню Победы Нина Гавриловна сочинила небольшое стихотворение, а затем и мелодию. Получилась песня, которую сестры поют дуэтом для родных и близких.

За ратные подвиги Гаврил Петрович был награжден орденом “Красной Звезды” и пятью медалями, из которых две, особо почитаемые среди солдат, медали “За отвагу”, медаль “За победу над Японией” и другие.

За доблестный труд в мирное время лесник Чашков Г. П. многократно награждался похвальными грамотами и имел от руководства лесхоза много благодарностей. В трудовой книжке есть такие записи: “За хорошую работу и стахановский труд приказом по лесхозу объявлена благодарность”. Или другая благодарность за хорошие производственные показатели.

Можно уверенно сказать, что Гаврил Петрович отличался большой скромностью, всегда был выдержан, особо не выделялся, но всегда был на своем месте и с достоинством и честью выполнял порученную работу, как в военное время, так и на мирном поприще. Отличался веселым нравом, нередко шутил, но по работе был довольно строгим. Он скончался 7 июня 1976 года и похоро-

ронен на кладбище родного села – рядом с могилой своей жены. Шумят над могилой Гаврила Петровича зауральские березки, охраняя вечный сон отважного солдата и хранителя лесов. Наверное, эти зеленые исполины нашептывают ему, что ты, лесник, служил нам, а теперь мы будем служить тебе, охраняя твой покой.

ЛЮБОВЬЮ МАТЕРИНСКОЮ СИЛЬНА

ШАБАЛИНА *Елизавета Перфирьевна родилась 4 ноября 1901 года в селе Ёлошное. Награждена орденом “Мать-героиня”, медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”. Ее муж Иван Парамонович погиб 9 января 1942 года в Карелии. Она воспитала дочерей Анну, Татьяну, Марию, Нину, сыновей Вениамина, Владимира, Александра. Скончалась Елизавета Перфи-*

рьевна 16 апреля 1981 года. Похоронена на Рябковском кладбище города Кургана.

Широко и привольно раскинулось старинное село Елошное Лебяжьевского района, уютно разместившись между четырех озер. Через село проходил древний Сибирский тракт. Отрезок этой дороги, сохранившийся до наших дней, мне довелось увидеть недалеко от села: твердый как ка-

Шабалина Елизавета Перфiryевна (в центре) с детьми

мень, прямой километровой участок, а на обочинах – могучие березы. Народная быль гласит, что еще жены декабристов и ссыльных кандалников, этапированных в холодную Сибирь, на коротком отдыхе садили маленькие деревца, поливая их водой и орошая слезами. И по сей день по обеим сторонам бывшего тракта стоят вековые березы, выросшие на женских слезах. А сколько же слез было пролито в Ёлошном? Наверное не счесть.

С давних пор обосновались здесь старожилы, принимая все новые и новые волны переселенцев из российских губерний. И потому названия предместий и улиц села, сохранившихся и дошедших до нас, созвучны с их историческим предназначением: Бараба, Сибирь, Краков, Василки,

Расея. Видели елошане и белых, и красных, и восставших после гражданской войны белочехов. Все это осталось в памяти стариков и воспоминаниях очевидцев, свидетелей тех давних событий, случившихся в сибирском селе.

Скромную тетрадку о людях и событиях прошлых лет передала в областной краеведческий музей моя теща, Шабалина Елизавета Перфiryевна, вдова солдата, Мать-Героиня, вырастившая и воспитавшая семерых детей. На основе этих материалов, а также на основе воспоминаний её дочерей, попытаемся воссоздать образ этой мужественной женщины, которая, как писал когда-то великий русский поэт Некрасов: “...Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...”

Елизавета Перфiryевна Шабалина (в девиче-

стве Воеводкина) родилась в селе Ёлошном 4 ноября 1901 года. С ранних лет познала Лизавета (так ее звали в детстве) крестьянский труд: ухаживала за огородом, помогала взрослым в уборке урожая, заготовке сена и дров. Помнила она все трудные годы и события, которые ей пришлось пережить: проводы из села мужиков на германскую, повидала белых и красных в годы гражданской войны, раскулачивание в период коллективизации, организацию колхозов – всё проходило на глазах молодой Елизаветы.

Замуж вышла за работающего и веселого парня – Шабалина Ивана Парамоновича. Спокойно и размеренно протекала их жизнь: до войны Елизавета Перфирьевна учительствовала в Елошанской школе, а Иван работал трактористом в колхозе. Вместе растили семерых детей: старшие учились в школе, а самая взрослая дочь, Анна, окончив педучилище, тоже начала преподавать в школе родного села.

Вместе Иван с Лизой ходили в лес, в поле, на заготовку дров и сена. Вели несложное хозяйство: небольшой пятистенник, коровенка и огород, а основная работа – в колхозе и школе. Старшие дети подрастали и уже становились помощниками по дому: ухаживали за огородом, ходили в лес за грибами и ягодами.

Отец в праздники и выходные дни брал гармошку, играл на ней, вместе с детьми пел песни, приобщая многочисленное семейство к музыке и сельской культуре. Купили гитару, старшие дочери научились игре на этом инструменте. Всей семьей Шабалины участвовали в художественной самодеятельности: выступали на сцене деревенского клуба и даже выезжали на концерты и смотры в райцентр. Елизавета Перфирьевна со старшей дочерью любили читать книги, завели небольшую библиотеку. В доме было полно людей, приходили соседи, прибегали поиграть друзья ребятишек. Всегда у Шабалиных было весело, соседки с добротой и сердечностью говорили: “Вишь, у Ивана – “веселый дом””. Жизнь в Ёлошном продолжала течь размеренно, по-крестьянски мудро, разумно, просто.

Но вот июнь 1941-го... Воскресным утром, словно мечом по головам, елошан рубанула весть о войне. И заголосили женщины, провожая мужей на войну, заплакали дети, прощаясь с отцами и братьями. Почти еженедельно за околицей села слышались выстрелы из ружей и старинных дробовиков: так традиционно сельчане провожали уходивших на фронт, а в мирное время – на службу в армию.

На проводах в Красную Армию Иван Парамонович взял в руки свою гармонь, растянул меха и запел:

***“Во солдаты Ваньку Лиза провожала...
Как тут вся моя семья набежала...”***

Обнял жену, поцеловал детей... Впереди война, фронт. По свидетельству земляков-очевидцев из Балакуля служил Иван Шабалин в разведке, много раз выполнял задания командиров, даже “языка” брал. Воевал на Карельском фронте, бился с врагом геройски: память о родном селе, жене и детях, придавали Ивану силы. Недолго воевал Иван Парамонович, в одном из боев тяжело ранило солдата. Однополчане на лыжах доставили истекающего кровью сибиряка в медсанбат. Спасали друзья Ивана, но видно очень тяжелое было ранение: скончался рядовой Шабалин от ран в медсанбате. Похоронен Иван Парамонович 9 января 1942 года в братской могиле на станции Раменцы, что стоит на железной дороге Ленинград-Мурманск.

А в Ёлошном... Вот как вспоминает об этих днях старшая дочь Петрова Анна Ивановна: “В феврале 1942 года к нам принесли похоронку: долго не решалась жалостливая почтальонка нести ее в наш дом. Тяжело пережила эту весть наша семья, заплакались все: и мама, и мы – старшие. Саша с Ниной были маленькие, не помнят отца, несмышленишки еще были. А сколько людей приходило к нам, чтобы разделить это горе, поддержать добрым словом. Всем селом оплакивали елошане гибель каждого солдата, безразличных не было”.

И, тяжело вздохнув, продолжает: “Но мама была человек крепкий, она сквозь слезы, скрепя сердце, смогла вымолвить: “Так ведь он воевал за нас,

за детей и за Родину... Будем работать и жить. Все равно победим”. Помнила Елизавета Перфирьевна, как наш отец ей наказывал, уходя на фронт, да и в письмах писал: “Дорогая моя Лиза, береги детей”. Всех сберегла Лиза, памятуя о погибшем Ване, с годами все выучились, получили образование”.

...Шла война. Вскоре после “похоронки” вызвали Елизавету в Лебяжьеvский райком ВКП (б). Какие мог утешительные слова сказать вдове секретарь райкома, он сказал. Успокоил. А потом предложил: “Члены райкома посоветовались и райком решил, что Вам, Елизавета Перфирьевна, надо возглавить колхоз имени Сталина. Да, в Ёлошном”. – “Так я ведь беспартийная, товарищ секретарь...” – В ответ услышала краткое: “Война, Лизавета Перфирьевна, а вы женщина грамотная, добросовестная, работающая. Надо”. И односельчане по рекомендации райкома избрали Елизавету Перфирьевну председателем. Всю войну она возглавляла колхоз имени Сталина: организовывала всю работу, нередко впрягалась вместе с другими женщинами в пахоту, прополку посевов, уборку урожая. А дома – холодная изба, голодные дети мал мала меньше.

Сильная, волевая была женщина Елизавета Перфирьевна: не видели больше слез у нее дети. Вся в работе, в делах и в заботах: о голодных, разутых односельчанах, об отправке хлеба на элеватор болела у нее голова...

И ей надо было организовать в селе все работы: старики да бабы, да дети-подростки работали в колхозе. Зимой полсела вязало носки и варежки, шили кисеты, собирали теплые вещи и отправляли на фронт. Весной и осенью, в любую погоду работали в поле и на фермах, пахали землю на коровах и быках. Лозунг у правления колхоза гласил: “Все для фронта, все для победы”. Так и жили люди – все отдавали для Победы.

...А по ту сторону улицы, в доме раскулаченного в тридцатые годы Осетрова, разместили интернат, в котором учительницей и воспитателем была старшая дочь Елизаветы Перфирьевны – Анна. В интернате жили эвакуированные дети из

блокадного Ленинграда. Находила время зайти и попроведать ребятишек председатель колхоза, нередко приносила молока от своей буренки – болели часто блокадники. Добрая, отзывчивая была “тетя Лиза” для них, своих детей любила, но и других жалела. То ли от доброты, то ли от сердоболья приняла в дом безродную старушку – бабушку Марину. “Это на такую ораву, своим есть нечего”, – говорили соседи. “Пускай живет старушка божья”, – отвечала председатель.

Первой в селе и неоднократно вносила свою лепту на Государственный заём, и ее примеру последовали все жители Ёлошного, подписавшись на облигации. Большое подспорье колхозу оказывали учителя школы, интеллигенция села в осеннее и зимнее время; по вечерам после основной работы они веяли зерно, а чистое грузили и перевозили на склад. Со школьниками вели сбор колосков, ставили концерты на полевых станах. Школьники постарше были водовозами, косили и сгребали сено.

И только после войны, когда фронтовики стали возвращаться домой, передала Елизавета Перфирьевна управление колхозом и перешла работать продавцом. Эта мужественная женщина во время войны не доедала, не досыпала, но не сломила ее тяжелая работа. Выстояла Перфирьевна, как ее звали в народе, сохранила и вырастила всех детей.

Старшая дочь, Петрова Анна Ивановна – учительница в Ёлошном, в 1949 году переезжает в Лебяжье и до выхода на пенсию работает учительницей в средней школе, сейчас живет в Кургане. Ветеран труда. Награждена нагрудным знаком “Отличник народного просвещения”, медалями “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”, “Ветеран труда” и всеми юбилейными, многими почетными знаками и грамотами. Она и по сей день ведет активную работу в Совете ветеранов Октябрьского района города Кургана.

Вторая дочь – Ларионова Татьяна Ивановна работала в селах Арлагуль и Головное Лебяжьеvского района. С 1968 года жила в Кургане. “Ветеран труда”, имела трудовые награды и грамоты,

финансист.

Третья дочь – Устьянцева Мария Ивановна по призыву райвоенкомата была направлена в школу ФЗО города Челябинска, во время и после войны работала на Челябинском тракторном заводе. После переезда в Свердловскую область была на кадровой работе в Асбестовском горном техникуме.

Старший сын, Вениамин после окончания средней школы в 1944 году был призван в Советскую армию. Службу начал в Свердловске, а окончив Ульяновское военное училище, служил в Германии и на Дальнем Востоке. Награжден многими медалями СССР. Капитан запаса. После демобилизации возглавлял Лебяжьеvский районный узел связи, был членом Лебяжьеvского райкома партии.

Сын, Владимир, жил в родном селе. За ударный труд награжден многими медалями СССР.

Младший сын, Александр, окончив Асбестовский горный техникум, работал мастером карьера в Свердловской области. После переезда в Курган работал инженером на керамзитом заводе. Без отрыва от производства окончил Курганский машиностроительный институт, свыше 30 лет работал ведущим инженером-конструктором на Курганском автобусном заводе. Ветеран труда, сер-жант запаса, награжден многими медалями СССР. Перворазрядник по шахматам.

Самая младшая, Нина Ивановна, выпускница Елошанской средней школы, после окончания Курганского медучилища свыше 38 лет отработала в поликлинике № 1 Облздравотдела медсестрой и клиническим лаборантом. Награждена медалью “Ветеран труда”, нагрудным Знаком “Отличник здравоохранения”, несколькими знаками “Победитель соцсоревнования” и многими грамотами.

Вторая беда грянула в мирное время и совсем неожиданно. Как это произошло, вспоминает младшая дочь (моя жена) Нина: “Это было в 1951 году. Я училась в пятом классе. Мама в то время работала продавцом. И однажды привезли в магазин валенки: обувь всем нужна, а у многих

колхозников денег не было: мама и отдала несколько пар “серяков” под запись в тетрадку. А на другой день сразу ревизия...” Думается мне, чудес не бывает. Кому-то видно, помешала Перфирьеvна, а может обида кого взяла, что пимов не хватило. Только сразу после ревизии арестовали продавца. Следствие, суд, присудили шесть лет. Посадили экспредседателя в вагон и на зону в Челябинск под конвоем отправили. Трое малых ребят бежали за вагоном, да старшая дочь Анна. “Мама! Мама!” – кричали детишки. А поезд ушел... Долго плакали все четверо у привокзального дощатого забора. Слезы сиротские, наверное так же горьки, как и вдовьи.

Благодаря хлопотам неутомимой дочери Анны Ивановны и ходатайству местной администрации, правда восторжествовала: через 3 месяца вернулась в Елошное Перфирьеvна.

В плане воспоминаний была Елизавета Перфирьеvна немногословной: помнила репрессии, законы военного и послевоенного времени. На мои вопросы, как они жили до и после войны, моя жена Нина Ивановна, отвечает кратко: “Военное время плохо помню, но помню, что все время есть хотела. И помню, когда пошла в первый класс, было не в чем идти в школу. Давали в Елошном помощь и мне досталось два разных ботинка: один кожаный – черный, другой парусиновый – коричневый. Долго пришлось брату Владимиру черным кремом чистить парусиновый ботинок, чтобы довести его до черного цвета. В том и пошла в школу”.

Несколько раз сватали Елизавету Перфирьеvну, но не вышла она замуж, осталась верной своей любви. Помня наказания своего Ивана, вырастила, сберегла всех семерых. И будучи на пенсии помогала своим детям, чем могла. Но больше – нянчилась с внуками, которых трудно было сосчитать: вынянчила 13 внуков, а сегодня растут (уже без нее) 19 правнуков и даже 6 праправнуков. Глубокие, крепкие корни пущены на курганской земле.

Правительство высоко оценило заслуги женщины-труженицы. Елизавета Перфирьеvна награж-

дена многими правительственными медалями: “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.”, двумя юбилейными и орденом “Мать-Героиня”.

Из огромной семьи Елизаветы Перфирьевны только на “Курганмашзаводе” по сей день трудятся ее внуки: наладчик цеха Ларионов Михаил Сергеевич, Кавалер ордена Трудовой Славы III степени; заместитель главного инженера завода сварочных конструкций Ларионов Александр Сергеевич, известный общественник, специалист, спортсмен; сноха, бывший конструктор техотдела, ныне ведущий инженер Ларионова Надежда Евгеньевна, зять Катышев Василий Варфоломеевич. Работала на Машзаводе и внучка Горгоц

(Шабалина) Ольга Вениаминовна, оператором станков с числовым программным управлением – Ларионов Сергей Михайлович. Более 26 лет проработал на “Курганмашзаводе” в отделе главного технолога и автор этих строк.

Скончалась Елизавета Перфирьевна в Кургане 16 апреля 1981 года на 80-м году жизни, похоронена на новом Рябковском кладбище. Коварная болезнь, неожиданно подкравшаяся к ней, отняла ее у родных и близких.

Как только стает снег, на могилку бывшей учительницы и председателя колхоза приедут дети, внуки, поправят холмик и поклонятся вдове храброго воина, бабушке и матери, Матери-Героине, Великой женщине России.

ХЛЫЗОВА
Людмила Алексеевна

СОЛДАТ РОССИИ

Всё дальше от нас Великая Отечественная война, но глубокое уважение к бессмертной памяти тех, кто в неравных боях погиб, кто умирал от голода и ран, но сделал всё, что было в его силах, и отстоял родную землю, не становится меньше. У Великой Отечественной войны много горьких дней и ночей, много жертв и подвигов.

Один из беспримерных подвигов – это битва за Кавказ. Летом 1942 года там сложилась тяжелейшая обстановка. Кавказ привлекал немцев богатыми нефтяными источниками Грозного и Баку.

Гейббельс 15 октября 1942 года на одном из офицерских собраний в Мюнхене сказал: «Если к намеченному нашим командованием времени закончатся бои на Кавказе, мы будем иметь в своих руках богатейшие нефтяные области Европы. А

кто обладает пшеницей, нефтью, железом и углём, тот выиграет войну».

И ещё был один стратегический расчёт: использовать Кавказ как ворота на Ближний и Средний Восток, в страны Малой Азии, а затем в Индию.

В ночь с 23 на 24 июля фашистские войска вошли в Ростов. Командующий 17-й армией генерал-полковник Рауфф сказал японскому военному аташе: «Ворота Кавказа открыты. Близится час, когда германские войска и войска вашего императора встретятся в Индии». Специальная операция по завоеванию Кавказа носила условное название «Эдельвейс». Операция поручалась группе немецких армий «А» во главе с фельдмаршалом Листом, а затем с генерал-полковником фон Клейстом.

На центральном участке Закавказского фронта

Родилась в с. Соколово Каргапольского района в 1954 году. Окончила библиотечный факультет Курганского культурно-просветительного училища. С августа 1974 года — заведующая Соколовской сельской библиотекой.

сложилось исключительно тяжёлое положение. Прекрасно вооруженные альпийские отряды немцев заняли перевалы Клухор, Санчаро, Марухский. Создалась угроза прорыва противника в Абхазию и к Черноморскому побережью.

Каждый из советских солдат, обороняющих Кавказ, понимал и отдавал себе отчёт в том, какова его ответственность за судьбу Кавказа и всей страны в целом. В упорных и тяжелых боях за Кавказ принимали участие русские и украинцы, грузины и армяне, азербайджанцы и узбеки, белорусы и башкиры, осетины и черкесы, карачаевцы и дагестанцы, представители всех народов. Среди воинов была популярна песня:

***«День придёт, решительным ударом
В бой пойдет народ в последний раз,
И тогда мы скажем, что недаром
Мы стояли насмерть за Кавказ».***

Пять долгих месяцев шли страшные бои на земле Кабардино-Балкарии. Неравными были силы, и фашистские флаги со свастикой развевались даже на двуглавом Эльбрусе, который многочисленные народы республики величают Ошхамачо, что в переводе на русский означает Вершина Счастья...

И всё же оставалась непокорённой маленькая, всего в несколько квадратных километров, территория: это Курпские высоты, часть Арикского хребта. Высоты, которые в республике навеки стали легендой, гордостью, славой. Много частей и соединений сражалось на этих высотах, но решающая схватка была у двух противоборствующих соединений – фашистской моторизованной дивизии «Викинг» и советской 317-й стрелковой. Дивизия «Викинг» – отборное танковое соединение генерала Клейста. Наше командование противопоставило им 317-ю, больше под рукой ничего не было.

О 317-й нужно сказать особо. Была она не совсем обычной. Формирование её велось в Чечено-Ингушетии. Она представляла полный срез по национальному составу этого региона. Чеченцы

и ингуши, кабардинцы и балкарцы, осетины и аварцы, кумыки и таты, абхазцы и лакцы, татары и... Да разве всех перечислишь!

Второй особенностью была необычайная молодость личного состава. Создавалась дивизия как соединение «глубокого резерва», из парней с территорий, которым грозила оккупация. Они ещё не достигли призывного возраста, их надо было обучать и готовить к войне исподволь и лишь по достижению 18 лет пустить в бой. Только из Кабардино-Балкарии было их около 800 человек. С войны вернулось несколько десятков.

Когда гитлеровцы форсированным маршем двинулись на Кавказ, и стало ясно, что «несовершеннолетнюю дивизию» придётся посылать в бой, то в срочном порядке её пополнили опытнейшими «взрослыми» кадрами всех рангов. Командиром назначили боевого опытного и талантливого полковника Николая Александровича Шварёва, который вскоре станет генералом и командиром корпуса. Комиссаром (замполитом) назначили надёжного партийца Циримпилона, который после войны долго будет возглавлять Президиум Верховного Совета Бурятской АССР. И во все без исключения подразделения прибыли выдавшие виды сибиряки. Так попал в 317-ю 26-летний курганский тракторист Иван Пантелеевич Соколов.

Прямо с марша 317-я вступила в бой и остановила врага. Было это 7 октября 1942 года на Курпских высотах. И стояла на высотах до начала января 1943 года, когда на Кавказе началось наступление и изгнание фашистов с Северного Кавказа, но цена была велика. После войны была установлена её истинная величина. По документам архивов удалось подсчитать, что на всём своём боевом пути от Кавказских гор до Австрийских Альп 317-я стрелковая дивизия потеряла убитыми 17 тысяч человек. Из них на Курпских высотах – 7 тысяч, или 41 %. За три месяца. Страшно!

Уже после полного освобождения Кабардино-Балкарии в 1943-м году пришло в Соколово печальное известие. Официальная бумага извещала, что солдат Соколов И. П. «пропал без вести»,

а где это было – неизвестно, может в Заполярье, может у южного моря...

Только через четверть века появилась «расшифровка». Житель Нижнего Курпа Хасанби Богатырёв, вскапывая огород возле нового дома, где прежде был пустырь, наткнулся на останки людей. С ними было оружие и множество стреляных гильз.

Жители вспомнили, что вскоре после захвата гитлеровцами Нижнего Курпа произошёл такой случай. Целую неделю фашисты недоумевали, почему так метко бьют советские артиллеристы и минометчики по расположенным в селении важным объектам? Неизвестно как они обнаружили наблюдателей, но ранним октябрьским утром группа автоматчиков бросилась к густым зарослям шиповника, боярышника, кизила и алычи, однако встретила такой огонь, что быстро возвратилась в селение, неся несколько убитых и раненых.

Началась методичная осада. Атаковать советских солдат можно было только с одной стороны, потому что за спиной у них была отвесная круча каньона, маленькой, но своенравной речушки Курп, откуда они были совершенно неуязвимы. Дикие заросли позволяли незаметно маневрировать и скрывать численность группы. Бой длился весь день. В октябре дни стоят короткие и переходят в ночь почти мгновенно, без сумерек. Фашисты поняли, что до темноты им не справиться со смельчаками и вызвали с равнины два танка. С прибытием танков расправа была короткой.

На следующую ночь вездесущие мальчишки Каральби Билимихов, Устрхан Буздов, Хаджисмель Теуников, Руслан Унежев пробрались на место трагической гибели наших воинов и закопали трупы тут же в окопчиках и щелях.

Известно, что после войны долгие годы «не рекомендовалось» говорить о потерях, разыскивать захоронения, выявлять судьбы «пропавших без вести». Не делалось это и на земле Кабардино-Балкарии, где земля буквально дышит могилами.

*«Я так устал безвестным быть,
В чужой земле в окопе гнить.
Я не погибший, не живой –
Я не вернувшийся домой
С далёкой той большой войны
И в этом нет моей вины...»
/Федулова Л. П./*

Из семерых удалось опознать только двоих (по данным «смертных капсул-медальонов»). Один из них – Иван Пантелеевич Соколов из села Соколово Каргапольского района.

Вспомните в фотографии. На нас смотрит типичный сибирский парень, скуластый с красивыми полудужьями бархатных бровей над пытливыми и внимательными глазами. Фуражка с модным тогда большим квадратным козырьком. На лацкане простого хлопчатобумажного костюма – оборонный значок, которые в те годы носи-

ли с гордостью, как ордена. Этот значок свидетельство того, что готовился сибиряк – тракторист Иван Соколов к будущим боям всерьёз.

И дрался с врагами по-настоящему, до последнего, о чём свидетельствует его последний бой на легендарных Курпских высотах. На такие задания отправляют только добровольцев. Вечная память и слава тебе, земляк!

*«Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзоль земля –
На миллион веков...»
/ С. Орлов/*

Похоронен наш земляк в селе Нижний Курп Терского района. На обелиске в селе Соколово имя Соколова Ивана Пантелеевича стоит 37-м в списке. Всего в село не вернулось 59 человек.

*«Мы были живыми, как время.
Мы были большими, как время.
Теперь –
мы в легендах прославленных дней.
Теперь – мы в граните и бронзе.
Теперь мы в поэмах и прозе.
Теперь –
мы в безмолвье могильных камней.
Спасибо за память, потомки!
Спасибо за верность, потомки!
Спасибо за то, что алеет заря.
Не зря мы над смертью смеялись!
Не зря наши слёзы и ярость!
Не зря наши песни
И клятвы – не зря!
/Р. Рождественский/*

Мы помним о вас, земляки и верим, что души погибших за Родину бессмертны.

ЧЕБОТИНА
Екатерина Александровна

Я БУДУ ПОМНИТЬ О ДЯДЕ

Взгляните на эту фотографию 1941 года. Это брат моей мамы Воробьев Кузьма Ксенофонтович. Совсем мальчишка. Через год после начала войны он, изменив дату рождения, все-таки добьется своего – его запишут добровольцем в армию. В «учебке» будет одним из самых нетерпеливых и подаст два рапорта с просьбой скорее послать на фронт. Его возьмут в разведзвод летом 1942 года, а спустя немного времени мать напишет ему в числе многих новостей о хозяйстве, о младшем Ильюшке:

– Кузьма, получили от твоего дяди письмо. Он награжден орденом Красного Знамени.

На что сын незамедлительно, по-мальчишески хвастливо, ответит:

– Ну так я его перешеголял! У меня и орден, и медаль «За отвагу»!

Получила Таисья Дмитриевна Воробьева /его мама/ из Прилогоино в конце 1943 года и такое письмо:

– С радостью сообщаем Вам, что Ваш сын Кузьма Ксенофонтович награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу». Эти высокие награды он заслужил своей храбростью и самоотверженностью в борьбе с немецкими захватчиками. Весь коллектив бойцов и офицеров нашей части гордится Вашим сыном. Его героические подвиги воодушевляют всех бойцов и офицеров на дальнейший разгром немецких оккупантов. Благодарим Вас за то, что вы вырастили и воспитали такого героя и преданного патриота нашей Родины. Примите наш сердечный боевой привет и пожелания успехов в Вашей работе. Крепко жмем Вашу руку. Командование

1960 года рождения. Родилась в селе Прилогоино Лебяжьевского района, где и проживает в настоящее время. Имеет высшее образование. Работает бухгалтером в сельскохозяйственном предприятии.

части. Полевая почта 410001. 22.10.43". Почти одновременно с этим письмом пришла в Прилогоино районная газета, и в ней – заметка «Патриот Родины». Вот она:

«Товарищи комсомольцы и комсомолки, юноши и девушки Лебяжьевского района! В своем письме мы хотим рассказать вам о боевых делах вашего земляка Воробьева К. К. С первых дней службы в Красной Армии он показал себя дисциплинированным бойцом. Умело защищает нашу Родину. Тов. Воробьев считается у нас в части отважным и смелым. Своими решительными действиями он уже не раз обеспечивал успех части в разгроме немецких захватчиков.

Комсомольская организация нашей части гордится патриотом Родины тов. Воробьевым, воспитавшимся в вашей районной комсомольской организации.

Мы, комсомольцы-фронтовики, желаем вам дальнейших успехов в деле воспитания и хорошей подготовки молодежи для Красной Армии.

По поручению комсомольской организации части – Корягин".

Все чаще по радио звучали сообщения Совинформбюро об освобождении все новых и новых населенных пунктов нашей страны. Радостно и тревожно было на сердце у матери. Как-то там ее 19-летний сын? «Уже два года воюет, хоть бы знать, где он», – думала она, прислушиваясь к незнакомым названиям советских городов, таких далеких от ее Прилогоино.

«...Сержант Воробьев Кузьма Ксенофонович убит 8 июля 1944 года в бою за Родину, верный воинской присяге...»

Мать всегда хранила вырезку из газеты, удостоверение на награду сына, извещение о смерти и письмо командования. Позднее заказала увеличить предвоенную фотографию сына и в портретной рамке повесила в доме на стенку. После смерти мамы фотография перешла к младшему брату Кузьмы – Илье Ксенофоновичу, трактористу.

И вот как-то написали они с женой Марией Михайловной письмо в газету «Красная звезда» с просьбой найти место захоронения брата. А ответ пришел из других мест. Дубровицкий райвоенкомат сообщил: «Ваш брат похоронен на воинском кладбище села Высоцк Дубровицкого района Ровенской области. Золотыми буквами на мраморной плите выбиты фамилия, имя и отчество Вашего брата. За воинским кладбищем осуществляют уход пионеры Высоцкой средней школы...»

Илья Ксенофонтъевич написал пионерам, они ответили, пригласили приехать. И Воробьевы съездили на могилу брата, чтобы поклониться, сказать по старинке: «Земля тебе пухом». Они не произносили громких слов, разговор шел от сердца: «Ну что тебе сказать, Кузьма? Село наше выросло. Узнал бы ты его теперь? А односельчан своих? Твои одногодки – седые пенсионеры. Есть у тебя племянники и уже внучата. Так что не погиб наш род. Возродилась и краше стала наша страна. Его отстаивал ты, на его страже стоят сейчас такие же молодые солдаты, как ты, Кузьма. Вечная тебе память и слава!»

ЧЕРЕПАНОВ
Владимир Юрьевич

В БОЮ И СПОРТЕ
(зауральский спорт в годы войны)

Спортом в молодой Советской России увлекались и молодые люди, и дети. Каждый летний день дружные ватаги курганской детворы мчались к Тоболу – месту постоянных развлечений и игр. Здесь мальчуганы играли в лапту и футбол, бросались в лихие конные атаки верхом на пруте, загорали, плавали наперегонки, ловили раков на Бабьих песках.

Беззаботное, безмятежное детство! Придет время, и будут другие атаки, и другие сражения. И не деревянная сабля станет оружием, а авто-

мат, и не разбитым носом придется рисковать, а жизнью.

В 20-30-е годы в Кургане и Шадринске – самых крупных зауральских городах проводилось уже немало соревнований; молодые люди и девушки занимались в кружках ОСОАВИАХИМа, изучали винтовку. Стремилась сдать нормы и украсить грудь красным значком “Ворошиловский стрелок”, голубым значком “Готов к противовоздушной и химической обороне” (ПВХО), белым – “Готов к санитарной обороне” (ГСО). Именно

Родился в 1966 году в Кургане. В 1983 году окончил среднюю школу с золотой медалью. В 1988 году окончил Курганский сельхозинститут, экономический факультет, в 1993 – аспирантуру Всероссийского научно-исследовательского института экономики, труда и управления в сельском хозяйстве. Кандидат экономических наук. Работает в банковской системе.

Автор трех книг из истории зауральского спорта. Книга «Зауральский спорт от «А» до «Я», вышедшая в свет в 1999 году, отмечена поощрительной премией Главы администрации Курганской области за достижения в сфере науки и техники. Тепло встречена читателями книга «Маэстро Рублевский и его земляки» в двух томах, написанная Михаилом Черепановым совместно с журналистом Валерием Паниковским и международным гроссмейстером С. В. Рублевским. В 2008 году вышла новая совместная работа Михаила Черепанова и Валерия Паниковского «Похождения Слоника в XXI веке» — о спортивных достижениях зауральских шахматистов.

Член Российского Союза профессиональных литераторов с 1999 года.

здесь и получили закалку те, кому суждено будет в грозные военные годы принять на себя удар могучего и коварного врага.

Одним из лучших спортсменов Шадринска этого периода был Федор Литвинов – победитель чемпионата Урала 1928 года в Свердловске в метании гранаты с абсолютным рекордом – 73 м 37,5 см; участник I Всесоюзной Спартакиады народов СССР того же года в Москве, где занял 6-е место (64 м 66 см). Он ушел на фронт в августе 1941-го, был зачислен в кавалерийский полк, который в 1942 году направили в самую горячую точку военных действий – Сталинград. Дальнейшая военная судьба Федора Кузьмича Литвинова неизвестна – в родной город пришло извещение: пропал без вести. Но живы воспоминания о нем – живы они среди жителей города Шадринска.

В Кургане в 30-х годах возшла звезда местных “Знаменских” – братьев Георгия и Евгения Кремлевых. Курганцам тех лет хорошо запомнились эти высокие, стройные юноши – неперменные участники всех спортивных мероприятий, проводимых в городе. В 1938 году Георгий в составе команды курганских легкоатлетов стал чемпионом Челябинской области в эстафетном беге 4х200м. В 1939 году руководил командой технической железнодорожной школы – первого победителя ныне традиционной эстафеты на призы “Красного Кургана”. Получая переходящее знамя газеты, Кремлев заявил: “...Обещаю с этим знаменем трудящимся города повседневно крепить оборону нашей страны, закалять физически молодежь и учащихся нашей школы”.

Не отставал и младший брат. Зимой он не пропускал ни одной лыжной гонки, летом был обязательным участником легкоатлетических дисциплин.

Осенью 1941 года старшего брата призвали в армию, в 32-й лыжный полк на Увале. После нескольких месяцев напряженной подготовки полк был отправлен на фронт.

Суровой зимой 41-го Красная Армия вела тяжелые бои с фашистами. И немалую роль в этих

зимних боях играли лыжные батальоны: маневренные, подвижные, они появлялись в самых неожиданных местах и наносили удар по врагу. В одном из боев Георгий Константинович был смертельно ранен.

Младшего брата на фронт не брали: не подошли года. Но едва Жене исполнилось 18, он снова пришел в военкомат и добился, чтобы его отправили на фронт. После окончания курсов младших командиров в звании старшего сержанта Евгения назначили командиром оружейного расчета. С фронта стали приходить письма. А однажды мать Кремлевых получила благодарность от командира части: “Здравствуйте, дорогая Екатерина Денисовна! Ваш сын жив и здоров, служит Родине в моей части. Гордитесь сыном, он это вполне заслуживает. Не один десяток поганых фашистов уничтожил Евгений. Он один из лучших моих командиров и помощников. 20 марта Ваш сын награжден высокой правительственной наградой – медалью “За отвагу”. Горячее, большевистское Вам спасибо за воспитание хорошего сына, бойца и командира”.

Но главные сражения для Евгения были впереди. В жестоких боях при форсировании Днепра орудие, командиром которого был старший сержант Кремлев, одним из первых переправилось на правый берег. Фашисты неоднократно пытались сбросить смельчаков в Днепр и предпринимали одну атаку за другой. Двое суток шло это единоборство. Тяжелым, кровопролитным был бой. В расчете орудия Кремлева в живых осталось три человека. Но было уничтожено 120 фашистских солдат и офицеров, четыре миномета и несколько пулеметов с их расчетами. И главное – обеспечена переправа через Днепр двух батарей полка. Это дало возможность расширить плацдарм, закрепиться на нем, чтобы перейти в дальнейшее наступление.

Родина высоко оценила подвиг старшего сержанта. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июня 1944 г. Евгению Константиновичу Кремлеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

А война продолжалась, и герой-артиллерист шел на Запад. Погиб он, освобождая Румынию.

Земляки чтят светлую память Героя. Шумят клены на улице Евгения Кремлева. В локомотивном депо, где начиналась его трудовая биография, установлены памятник и мемориальная доска. Ежегодно горспорткомитет проводит легкоатлетический мемориал памяти братьев Кремневых, а ДСО “Локомотив” – лыжные соревнования на приз Евгения Кремлева.

Немало и других известных в области ветеранов спорта принимали участие в боях Великой Отечественной войны. 50-летию Великой Победы посвящена книга В. И. Паниковского “Были когда-то и мы рысаками...”, в которой можно найти много интересных фактов, рассказывающих о зауральских воинах-спортсменах.

Из 1418 дней Великой Отечественной войны 1410 провел в действующей армии основоположник курганского конькобежного спорта Михаил Павлович Лонин. Войну он встретил 22 июня 1941 года в г. Стрый на Западной Украине. Дело было... на футбольном поле. В составе команды батальона лейтенант Лонин играл со сборной соседнего батальона. Примерно в половине двенадцатого, во время разминки, кто-то вдруг крикнул: “Смотрите!” И все увидели, как на поле снижается самолет и открывает огонь трассирующими пулями. На фюзеляже зловеще чернел фашистский крест.

Любопытную историю о первых месяцах войны рассказал Иван Иванович Едренников, вратарь сборной области по футболу послевоенных лет: “Был ноябрь 41-го, бои шли под Москвой. Эшелоном меня с солдатами отправляют на фронт. Все мое оружие – револьвер “наган” образца 1895 года. У солдат и того хуже. Все, говорят, в том числе и питание, получите на месте. Помню ночь, мороз. Солдаты в обмотках, голодные, злые. Останавливает нас американский “виллис”. Выходят трое, один из них – в папаче, в барчатке – спрашивает: “Кто начальник команды?” – “Я, лейтенант Едренников.” – “Куда направляетесь?” – “В населенный пункт под Сол-

нечногорском” – “Вооружение?” – “Револьвер системы “наган”, у солдат – саперные лопатки. Третьи сутки в пути. А вы кто будете?” – “Я Жуков.” – “Вот такие Жуковы ездят, а мы голодные идем”.

Кого мы тогда знали? Буденного, Ворошилова, Щаденко... А кто такой Жуков – не ведали. Жуков нас успокоил, сказал, что недалеко стоит часть, вас там накормят и выдадут вооружение. Действительно, 18 километров мы еще отшагали, прежде чем почували запах полевых кухонь”.

После эвакогоспиталя Иван Иванович остался в Кургане, занимался легкой атлетикой, играл в футбол. Был лично знаком с легендарными вратарями страны – Никаноровым, Хомичем, Яшиным. В его архиве хранится фотография Льва Ивановича с надписью “Защитнику ворот Сибири – от Льва Яшина”. После окончания активной спортивной карьеры работал в ФСО “Динамо”, облспорткомитете.

В 1942 году, сразу после окончания средней школы, был призван в армию уроженец Кургана Александр Андреевич Морозов (родился 12 июня 1924 года). Он был направлен в Свердловское военное пехотное училище. А уже через год в звании лейтенанта оказался на Втором Прибалтийском фронте. Девятнадцатилетнему, не нюхавшему пороха командиру взвода Морозову вместе с четырьмя десятками таких же неопытных солдат довелось участвовать в кровопролитных боях под Старой Руссой. Здесь в декабре 1943 года он был тяжело ранен в плечо. Александра эвакуировали в один из ярославских госпиталей, где он провалялся на больничной койке почти год. Однако врачам так и не удалось полностью восстановить двигательные функции раненой руки, и медицинская комиссия сделала заключение: “К строевой не годен!”. Морозову предложили службу в частях, осуществляющих охрану особо важных промышленных объектов, и через некоторое время он оказался в Нижнем Тагиле, в войсках МВД.

Здесь Александр вышел на футбольное поле. Вскоре его “заметили” и включили в сборную команду внутренних войск, за которую вместе с ним играли А. Хомич, В. Савдунин, Л. Соловьев

и другие. Весной 1946 года Морозова перевели в Свердловск и он стал выступать за команду “Динамо”. За долгую спортивную жизнь заслуженный тренер РСФСР и УзбССР А. А. Морозов около десяти лет возглавлял “Уралмаш”, работал с командами Ферганы и Нижнего Тагила, почти два десятилетия был начальником команды “Уралмаш”, возглавлял Федерацию футбола Свердловской области.

На Ленинградском фронте воевал Георгий Алексеевич Косых. Его характер, не сломленный ранениями и контузиями, позволяет до сих пор (а он 1910 года рождения) выходить на легкоатлетические трассы. Георгий Алексеевич – действующий (!) чемпион мира в беге среди ветеранов своего возраста.

Дошел до Берлина, освобождал Прагу танкист Сергей Николаевич Безукладников, первый курганский мастер спорта по городкам.

В Забайкальском военном округе, на границе с миллионной японской армией служил в годы войны Дмитрий Петрович Соколов, в 1960 году ставший нашим первым “зимним” олимпийцем – в Скво-Вэлли на 20-километровой биатлонной трассе он занял 6-е место, а перед последним огненным рубежом даже лидировал, но подвела стрельба.

Дальний Восток стал испытанием на прочность и для других известных зауральских спортсменов. За бои у озера Хасан медалью “За отвагу” был награжден председатель ДСО “Локомотив” 30-х годов Евгений Павлович Ажгибесов; а вручил ему эту награду сам “всесоюзный староста” М. И. Калинин.

В военные годы здесь служили и воевали легкоатлеты Георгий Николаевич Комарский (первый курганский мастер спорта), Альфред Федорович Карпов, волейболист и шахматист-композитор Виктор Яковлевич Кузнецов, впоследствии директор Курганской детской художественной школы.

Огненными дорогами войны прошли и другие известные ветераны зауральского спорта.

Среди них – Ф. Я. Бакланов, А. И. Бухров,

К. И. Верхотуров, В. В. Власов, М. Н. Винк, А. И. Данилович, Ф. В. Деев, А. Ф. Иванов, Н. Д. Морозов, В. Я. Романов, Г. М. Спирев, В. К. Тайболин, К. А. Лихонов, А. И. Фресин, О. А. Шереметьева, К. А. Шабалин...

Героически трудились и в тылу. В Зауралье развернулась большая работа по приему предприятий, эвакуированных из европейской части страны. Были среди их рабочих и известные спортсмены.

Так, начальником железнодорожного цеха завода ЗиС в Шадринске был назначен футболист московского “Торпедо” Виктор Александрович Маслов, позднее, в 60-х, тренировавший киевское «Динамо» и сборную СССР. Не раз в шадринских газетах встречались вести о том, как по-стахановски над заказами фронта трудятся другие торпедовцы – токари В. Жарков и Н. Евсеев, как инженер-электрик В. Мошкаркин обеспечивает бесперебойное питание завода энергией, контролеры ОТК А. Пономарев и Г. Жарков ведут борьбу за высокое качество боевой продукции.

В 1943 году, когда фронт окончательно отступил от Москвы, они уехали домой готовиться к чемпионату страны, но в Шадринске к этому времени было уже свое “Торпедо” – начало, положенное известными мастерами, продолжили те, кто играл за 2-ю, 3-ю команды завода, местная молодежь – Ю. П. Матыс, Н. И. Якунин, А. И. Чебышев, А. И. Черников и их товарищи.

А “отцом” футбола Петухово по праву считают также эвакуированного москвича, игрока команды “Торпедо-2” Владимира Сергеевича Герасимова.

В годы войны переехал в Курган и первый чемпион области по шахматам – знаменитый в будущем хирург Яков Давидович Витебский.

Зауралье мужало. И в 1943 году решением правительства территория получила областной статус. В связи с этим наряду с другими административными органами был образован Курганский облспорткомитет.

Его первым председателем стал Николай Васильевич Бадыгин (позднее спортом области руко-

водили Н. А. Волков, В. Н. Астраханцева, И. Д. Дубровин, К. Я. Пшеничников, Л. А. Овсепян, Н. П. Баранов, В. К. Тайболин, А. К. Могутов, А. И. Бухров, В. С. Мельников, С. А. Рогулин, В. А. Соболев.

По инициативе облспорткомитета в 1943 году зауральские спортсмены приняли активное участие в сборе средств на танковую колонну “Советский физкультурник”. Об этом свидетельствует такая телеграмма: “Прошу передать физкультурникам..., собравшим 1.170.775 рублей на постройку танковой колонны “Советский физкультурник”, мой братский привет и благодарность Красной Армии. И.Сталин”.

Несколько позже – на рубеже 40-х и 50-х годов – в Кургане высадился “морской десант”, представленный тремя бравыми демобилизованными флотскими парнями. Звали их Виктор Меженев, Александр Кожевников и Анатолий Демидов. Им суждено было стать основателями в Кургане бокса, плавания и классической (греко-римской)

борьбы.

А из Военно-Воздушных Сил в Курганский аэроклуб приехал участник парада на Тушинском аэродроме в Москве в 1947 году Семен Федоровский, совершивший в 1950 году первый парашютный прыжок в “курганском небе”.

Были и местные энтузиасты, такие, как Дмитрий Иванович Головин, организатор физкультурного движения на Курганском механическом заводе, команды которого (“Трактор”) при поддержке директора Е. Д. Бердичевского лидировали практически во всех культивировавшихся в городе видах спорта.

Постепенно с налаживанием мирной жизни спорт в Кургане все более прочно становился на ноги, стали приходить и первые успехи. Жизнь продолжается. Жизнь, которую отстояли для нас тысячи солдат, и среди них – зауральские спортсмены. Герои бессмертны. Их подвиги не забываются. То, что сделано во имя Родины – ВЕЧНО.

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

ЧЕРЕПАНОВА
Лариса Юрьевна

ЛЕГЕНДА БЕЗ ВЫМЫСЛА
поэма посвящается Герою Советского Союза, первому Герою-Зауральцу
Кудрину Ивану Степановичу

Из книги краеведа Астафьевой Л. А. «Эхо войны», Юргамыш, 2005: «Кудрин Иван Степанович на фронт уходил из Кислянской МТС, где он работал трактористом. Участвовал в боях по прорыву вражеской блокады Ленинграда. И. С. Кудрину присвоено звание Героя Советского Союза, первому из зауральцев и одному из первых среди защитников страны в 1941 году. Легенда без вымысла, так назовет впоследствии московский журналист подвиг нашего земляка».

1. Вступление о Герое

В музее школьном гимнастерка,
Стекло витрин бросает блики,
А рядом скромно две гвоздики,
И пять лучей, словно пятерка.

Лучи притягивают взгляды –

Горит она, Звезда Героя,
Сильна как сталь, крепка как воля –
За подвиг боевой награда.

И посетителей пытливых
Я не оставлю без ответа.
И в свете детских глаз счастливых
Мы постоим возле портрета.

Родилась в 1970 году. Окончила исторический факультет Курганского государственного университета. Работает учителем мировой художественной культуры в Кислянской средней школе Юргамышского района. Руководитель школьного музея. Многократный участник и победитель литературных конкурсов и исторических викторин.

Портрет в простой неброской рамке,
Приятной внешности мужчина,
У глаз давно легли морщины,
В петлицах из металла – танки.

Герой Иван Степаныч Кудрин,
Чей подвиг родом из легенды,
Достоин кадров киноленты,
Страниц из летописи мудрой.

Он в Колупаевке родился,
Где юргамышские просторы
И о труде все разговоры,
С родной землею крепко сжился.

Крестьянский сын Иван Степанов
Мечту растил о хлебном поле,
О трудовой и славной доле,
За трактор сесть, жить без изъянов...

В лесах, что пахнут земляникой,
Где в поле жаворонок звонкий,
Где сердцу милая девчонка,
Мужает сын страны великой.

Недалеко в селе Кислянском,
Иван впервые сел за трактор,
И сильный проявил характер
В труде и мудрости крестьянской.

2. Набат войны

Был мирный май перед войною,
Иван встает в солдатский строй,
Не знал он, будущий Герой,
Что защитит страну собою.

Но в час предутренний, рассветный
Пробил, как гром, войны набат,
Встает за Родину солдат,
Чтоб дать врагу удар ответный.

Для тракториста руль не сложно
Сменить на танковый рычаг

И защитить родной очаг,
И сделать даже невозможное.

А каждый вечер за околицей
Стояла тихо чья-то мать,
На фронт за сына воевать
Во сне летела белой горлицей.

Девчонка, что запала в сердце,
Солдату пишет: «Не робей!
Ты, Ваня, фрица смело бей!»,
Сама за трактор, хлопнув дверцей.

Они с утра спешат на поле,
Растить высокие хлеба,
Ивану выпала судьба,
На поле боя стать героем.

Познал он танковое братство:
Был хлебобом, стал солдат,
Водитель-ас, младший сержант –
В боях на фронте ленинградском.

Огонь, как выбросы лавины,
Провисла неба пелена,
Вставай, огромная страна!
Фашистский рык стоит звериный...

3. Танковое наступление

Бои идут под Ленинградом,
Сентябрь, сорок первый год,
Вот танки двинулись вперед,
Сорок шестой полк в авангарде.

От обороны в наступленье,
И генерал-майор Копцов
Своих танкистов-молодцов
На бой ведет без промедления.

Теснят врага, как в клетке зверя,
Льет смертью вражий миномет,
Вот Кудрин вырвался вперед,
Танк с ходу бьет по батареям!

В противника прямой наводкой –
Огонь, огонь! летит снаряд,
Позиции врага горят,
Мелькают фрицевы подметки...

За Родину! – стрелок бьет метко,
И вскоре выполнен приказ.
Водитель Кудрин жмет на газ,
Но проглядела вдруг разведка,

Что здесь устроила природа
Им неожиданный капкан.
И победитель, грозный танк,
Врезается в болото с ходу...

4. В осажденном танке

Зловещей тишиной объятый,
Советский танк стоит в плену,
Здесь топь, не вырваться ему...
«Не бросим фронтового брата!»

Вздыхает лейтенант Галицин,
Тяжелый танк всерьез увяз,
Установить не могут связь,
Вот-вот очухаются фрицы...

К своим прорваться должен кто-то,
Радист пытался всех спасти
И помощь к танку привести,
Но был сражен из пулемета.

И был приказ: «Попробуй, Ваня...
Пройти удастся, доложи,
Что танк увяз, но должен жить!
Радист не смог, смертельно ранен».

Вокруг коварное болото,
А рядом, вот они, кусты,
«Кто танк спасет, если не ты?!»
Свинец летит из пулемета.

Петля по земле змеєю,
Иван дойти должно б сумел,

Но фриц усилил свой обстрел,
Пытаясь танк сравнять с землею.

Огонь вокруг клубится чадом,
Кусты окрест уже горят.
В застрявший танк попал снаряд,
«К своим вернуться быстро надо!»

Как только он скользнул в кабину,
Осколками фашистской мины
Был ранен в голову и грудь,
«Прорвемся! Надо! Как-нибудь!»...

5. Бой танкиста Кудрина

Фашисты несказанно рады...
Стрелок и командир мертвы,
За танк в ответе только ты!
И вновь машина бьет по гадам!

Закрыв бинтами наспех раны,
Был трижды ранен наш герой,
Один вступил в неравный бой,
Мстил за друзей, за мир, за маму...

Танк ожил, пулемет в разгаре
Вторые сутки бьет врага.
Иван уже совсем ослаб...
Очнулся, в танке запах гари.

Огонь пылает у мотора,
Успели «гансы» навредить,
Быстрее пламя надо сбить,
И снова в бой, без разговора!

Смешалось все: и дни и ночи,
Но жив солдат, стоит солдат!
А осажденный танк, как брат,
И пулемет смолкать не хочет.

За мать, за землю мстит родную,
За смех девчонки молодой,
С которой связан он судьбой,
Где он найдет еще такую?!

«Нас не возьмешь, – шептали губы. –
Н-на, получай, поганый гад!
С тобой я, город Ленинград,
Нам жить да жить, нас ждут и любят»

Напрасно верили фашисты,
Что смолкнет в танке пулемет,
Но смерть Ивана не берет!
За выстрелом взлетает выстрел.

Пять суток танк в бою неистов,
Слабеет раненый танкист.
Один! кислянский тракторист
Остановил полки фашистов!

6. Танковое братство

Вдруг прорывает гул сознание,
Атака! танки рвутся в бой,
Зверюгу бьют наперебой,
Спасен танкист, спасен наш Ваня!

И первым делом для солдата,
Отправить танк в надежный путь,
Хоть в шею, голову и грудь
Был ранен, но не до санбата.

Спасает фронтового брата,
Геройский танк идет вперед...
Отвагу пуля не берет,
Танкистов братство – это свято!

Пять страшных дней огня и ада,
Погиб отважный экипаж,
Сдержал осаду Кудрин наш,
Презрел он смерть под Ленинградом.

И засияла над страной
Награда ярко в пять лучей,
Указывая без речей –
Достоин звания Героя.

7. Весть о первом Герое Зауралья

Звезда Героя золотая,
Звезда Героя земляка,
И журналистская строка
Легендой подвиг называет.

Сияет золото лучами,
В неполных двадцать лет – Герой!
...Его улыбки молодой
Так не хватает Ей ночами.

А в красном уголке на стенде
В статье московский журналист
Сказал: “Кислянский тракторист –
Это без вымысла легенда!”

Вот мать узнала весть о сыне,
Словами чувств не передать,
Стоит она, Героя – МАТЬ,
Словно им выпало свиданье.

Немного вздрагивают веки,
Держась невзгодам вопреки...
И с уважением земляки:
«Взрастить такого человека!»

Нательный крест сжимают пальцы:
«Стал сын героем на войне...»
Один из первых по стране,
И первым он из зауральцев.

8. Вера в Победу

Октябрь, войны кружатся листья,
Земля изранена, как мать,

Четыре года сына ждать,
И в сердце каждой – каждый выстрел.

А он – в атаку за атакой,
И будет Кудрин бить врага,
Не взмоет красный флаг пока
Победой нашей над рейхстагом.

Давайте же, курганцы, вспомним,
Как шли на запад поезда,
И то, как первая «Звезда»
Зажглась на нашем небосклоне.

Как горько плакала осина,
С землей горели ковыли,
Как только сильные могли
В Победу верить, веря в сына.

Склоняя голову в поклоне,
Ты слов достойных не жалеи,
Целуя руки матерей,
Мы славой всех героев вспомним.

И поднимаясь, как знамена,
Начав полет свой от земли,
Взлетят над миром журавли,
Героев клича поименно.

2014

Из Книги Памяти, т. 14, под ред. Ладыгиной Н. Н. «Парус-М», 1994, с. 377: «Из д. Патраковой Чинеевский совет ушли на войну и героически воевали пять братьев Мироновых: Акип, Антип, Ефим, Иван, Михаил».

В экспозиции музея Материнской славы (п. Юргамыш) на стенде «Солдатские матери» выделяется фотография старушки в платочке, сухие натруженные руки и самое тревожное, что не отпускает тебя – ее взгляд... Это Миронова Наталья Михайловна, мать 8 детей из д. Патраковой. Пять сыновей проводила она на фронт, не вернулся с полей сражений ни один. Все они погибли, защищая Родину. Смотришь на фото и кажется, что эта женщина все еще ждет своих сынов с войны...

ПОСВЯЩАЕТСЯ МАТЕРЯМ ПОГИБШИХ СОЛДАТ

Вот Книга Памяти, ее страницы
Кричат и шепчут про живую боль.
Читаю, а потом мне ночью снится,
Как матери с сынами шли на бой.

Здесь каждым слогом вопиет о горе,
О смерти сыновей на той войне.
Смотрю, вот четверо, вот трое, двое...
Погибли... все, шагнув в небытие.

Четыре брата из деревни Убиенной,
Четыре – из Петровского села.
Я слышу крик, что взрезал путь Вселенной,
Как похоронку в руки мать брала.

Мироновы из Патраковой... Боже!
Пять сыновей погибло в их семье.
Скажите, как же мать-то выжить сможет,
Она же с ними умирала на войне?!

Акип, Антип, Ефим, Иван и Миша –
Ее кровиночки, ее сыночки.
Как допустить такое смог Всевышний?!
Но Он молчит, а мать чернее ночи.

Святые матери, и где вы брали силы?!
Я перед вами низко поклонюсь.
Святые матери святой России,
Вы с сыновьями защитили Русь!

ШЕПЕЛИН
Александр Гаврилович

ВАРЕНЬКА
(отрывок из повести)

Когда отец Алешки уходил на войну, парнишке было пять лет. Владимир Филиппович по натуре своей был спокойным, деловым, как сейчас говорят, по-хорошему упертым человеком; может, несколько замкнутым и даже застенчивым.

В самом начале войны он получил отсрочку-«бронь», и сколько ни просился – добровольцем на фронт его не брали. Мучаясь этой обособленностью и оправдывая свое присутствие в тылу, Плеханов днями и ночами пропадал в поле, вы-

полняя почти все сельскохозяйственные работы. И вот теперь, получив повестку, он с облегчением вздохнул, смело посмотрев в глаза измученных вдов и сирот. Он был счастлив еще и потому, что боялся разговоров пришедших в скором будущем с войны мужиков. Их бабы и так постоянно кололи глаза, даже не словами, хотя было и такое, а своим присутствием – вздохами ждущими и зовущими, взглядами ненавидящими и испепеляющими. Чем докажешь погибшим в сра-

---

Родился 18 мая 1948 года в деревне Каракуль Мокроусовского района в семье рабочих. После окончания школы получил профессию тракториста и шофера, одновременно выполнял общественную работу секретаря комсомольской организации отделения. Будучи в рядах Советской армии, был комсоргом в разведывательном взводе, принимал участие в событиях в Чехословакии. После демобилизации трудился секретарём комитета комсомола совхоза «Приозёрный» Мокроусовского района. Через год, в возрасте 22-х лет, был избран председателем Крепостинского сельского Совета, затем был отправлен учиться в Челябинскую партийную школу, после окончания которой трудился секретарём парткома. Окончив Курганский государственный педагогический институт, в течении шести лет работал учителем истории, географии, возглавлял школу.

Последние двадцать лет работал в редакции районной газеты «Восход». С 2000 года по настоящее время является председателем районного общества инвалидов.

жениях, калекам как скажешь, что здесь, в тылу, они от голода пухли и родных хоронили и сами с трудом выжили? В тысячу раз было бы легче самому сложить голову в неравном бою, нежели хоронить крошечных детей, умирающих на твоих руках. Что скажешь орденосцу-фронтовику, когда тот, захмелев, от выпитого с дороги вина, скажет: «Ты не обижайся, Вовка: мы ведь там кровь проливали, а ты в это время за юбки наших баб держался.» Стоит ли такому еще что-то доказывать, ведь, кроме как оправдания, эти слова звучать не будут.

Шел последний год войны. Миновала оборона Москвы и Сталинградская битва, отгремели бои на Курской дуге. Враг, ожесточенно сопротивляясь, катился к своей бесславной кончине. С другой стороны, и здесь, у себя в совхозе, Владимир также был не менее нужен, если не более: ведь техника изнашивалась окончательно, и попади она в неопытные руки – пользы хозяйству не принесет.

...По прибытии в город Владимир Филиппович поспешил по адресу, указанному в повестке. Задумавшись, он уперся в железные ворота с пятиконечными звездами посередине. Здание было мрачное, серое – с часовым у центрального входа. Как тюрьма, подумалось новобранцу, и приподнятое настроение, в котором он пребывал в последнее время, неожиданно пропало.

Поднимаясь по гулким ступеням, Плеханов думал о доме – о самых дорогих и близких людях. Семилетний сын лежит тут, в больнице – наелся каких-то водорослей, еле откачали. Что поделаешь, всякую бяку едят, лишь бы животы набить. Ладно, все обошлось, а то как бы жить стали? В прошлую зиму и так несчастье случилось – дочка умерла.

Встретил его молодой человек в погонах старшего лейтенанта. Говорил он неестественно громко, отрывисто, не глядя на собеседника – будто в пустоту. Взгляд выпуклых глаз, казалось, не останавливается ни на одном из предметов. За стеной назойливо стучала пишущая машинка.

– Плеханов Владимир Филиппович, – предста-

вился приезжий. И вдруг на мгновение вспомнил, как так же, перед войной, стоял в кабинете секретаря райкома партии, как тот, встав из-за стола, подошел, подал руку и, вручая партийный билет, тихо сказал: «Поздравляю! В тяжелое время живем, товарищ – в Европе фашист свирепствует, не ровен час, к нам сунется, побольше бы нам таких, как вы, тогда никакой враг не страшен. Но сколько гадов еще по нашей земле ходит, вот прикончим последних – как жить-то хорошо станет».

Плеханов очнулся от окрика, лейтенант кричал что-то, махал руками, но истерика эта была показной – знай, мол, наших, не зря штаны просиживаем: «Что размечтался, не слышишь, о чем спрашиваю?»

– Да, вот, о жатве думаю, как они там без меня, – слукавил Владимир.

– Ты еще свое возьмешь. Для нас главное сейчас – Родине помочь, а ты, уважаемый, не о том думаешь, не по-большевицки, ты передовиком-то на фронте стань, а то – передовик...

– А разве это плохо? Поэтому я и отсрочку получил.

– Да, но не ради получения подачек от государства. Слышал, Матвей Васильевич, из Петровки, тысячу рублей для армии не пожалел, а ты сам нашей Родине в рот заглядываешь, не годится.

Плеханов тяжело вздохнул, плечи его опустились, взгляд совсем погас:

– Нечем мне делиться, товарищ начальник. У меня дочка от голода умерла, годик ей был. Не мути душу, гражданин хороший, говори – зачем вызвал?

– А ты будто не знаешь, – глаза старшего лейтенанта быстро скользнули по лицу Владимира, он еще больше вытянулся, посуровел. – На фронт пожалуйте, а мы уж тут как-нибудь сами, без вас, тылы вытянем.

Он наклонился, взял со стола бумажку, вновь стрельнул глазами и уже безразлично сказал: «Подойди, распишись вот здесь».

Плеханов неуверенно подошел, он совершенно забыл букву «л», вывел свою фамилию, аккурат-

но свернув листочек, положил его во внутренний карман и в нерешительности спросил:

– Куда мне сейчас?

– А теперь – на передовую, заниматься мужским делом. Вопросы есть?

– Мне бы с сыном повидаться... В больнице он тут, большой уж он у меня. Обижаться будет, если не зайду.

– Ну, а коли большой, поймет – война ждать не будет, и вообще – ни к чему эти телячьи нежности, на великое дело идешь!

*****

Через двенадцать часов поезд мчал рядового Плеханова по ночной равнине на запад.

– И чего он меня к сыну не отпустил? Ведь, почитай, часов восемь в казарме держали, все бока отлежал. Строгость-то, она тоже к месту должна быть, да с умом, а так – что? Ведь на фронт еду, на смерть, может, а он – “сентиментальность”. Слово-то какое – язык сломаешь. Что, я сбежал бы, коль мне самому невтерпез этому фрицу поганому в глаза поглядеть, да плюнуть в них – куда шли, окаянные, разве можно одолеть русского человека на его родной земле? Да он зубами за нее держаться будет, умрет, но не отдаст.

– Эй, земляк, не спиится, что ли? – слышалось из темноты. – Чего ворочаешься?

Плеханов поглядел в темноту, ничего не сказал и снова окунулся в раздумья. Любил он свою Варюшу, и красавица она, и хохотунья. Хоть об этом он никогда и не говорил, как-то не принято об этом разглашаться, любовь – она в душе, а не на словах, сказать много чего можно. Да, любил он ее и тихо ревновал. Бывало, пошутит или скажет с укоризной: «Ну, чего ты, Вова? Поел – молчишь, и не поел – молчишь, скажи что-нибудь – для души». А он и сказать ничего не мог, просто молча любовался ее черной косой, открытыми озорными чистыми глазами, белозубой улыбкой, нежным голосом. А теперь вот как ее подвело: сама не своя ходит, как в воду опущенная. Ах, война, что с людьми делает – больно смотреть, будто заледенели все.

– Я вот что говорю, – вновь послышалось сверху, – войне-то конец скоро, гонят фашиста, только пух летит, как думаешь?

– Пожалуй, – отозвался наконец Плеханов. – Ты, земляк, с какого района будешь? Я будто видел тебя раньше...

– С Лебяжьевского. И мне твое лицо знакомо – я только увидел тебя, сразу подумал: свой человек. Ты, случаем, перед войной на слете передовиков не бывал?

– Как же, посчастливилось, разве думали тогда, что такая оказия случится. Да если бы не война, как жили бы теперь? – Поразмыслив чуток, Владимир продолжил: – Чего было не жить: молоко, мясо, хлеб – пожалуйста, хоть завались. Тогда скажи, что где-то лучше живется, не поверил бы.

Долгое, тяжелое молчание нарушил новый знакомый.

– Меня Степаном зовут, по отцу Михайловичем. Не думай ты про все про это, нам бы теперь в живых остаться, не дело на чужой земле помирать, свою, слава богу, с грехом пополам отстояли.

Пассажир на полке завозился, засопел и зло сказал: “А ну тебя, нет у меня нужды за иностранца голову класть, много их, а я один”.

– Ну, земляк, ты даешь... Слушай, а ты случайно не в партии?

– Не довелось мне, – процедил сквозь зубы сосед. – А ты, видать, партийный, идейный шибко?

– Да, я член ВКПб с 1938 года, а тебе там и делать нечего, душа у тебя не чистая, тля в ней поселилась и все доброе и чистое, что в человека с рождения заложено, съела – один страх остался, страх за свою шкуру.

– Ладно, время покажет. Ты скажи, мил человек, что ты нашел в партии этой? Или она кормит тебя, а может, пощадит, если что?

Владимир замолчал, потом окрепшим голосом, четко, с расстановкой, продолжил:

– Я маленькая частица той огромной армии большевиков, которая на своих плечах, вместе с народом несет людям всего мира счастье и свободу. Куда мы без партии – ты бы в одну сторону,

я в другую, а так – все мы в одной упряжке. Дом, поди, полная чаша?

– А што, не бедствуем, милостыню не просим. Сейчас, правда, хуже некуда, контроль, проверки – врагов страны ищут. – В его словах чувствовалась скрытая неприязнь, даже злоба. – Помню, отец говорил: «Кто раньше босяками были? А те, кому работать лень. Бывало, зимой занесет такого бедолагу снегом, а он и пальцем не пошевелит, чтобы освободиться: люди придут – откопают. Они и в колхоз первыми пошли – авось им там манна небесная в рот повалится. А крепкий мужик – умный, да работающий – он и раньше портки не поддерживал, и сейчас, если с умом, концы с концами сводит.

С нарастающей глухой тоской слушал Владимир исповедь этого хваткого, крепенького мужичка. Его родители в прошлом тоже жили в достатке, с сумой, по миру не ходили, а пришла Советская власть – приняли ее безоговорочно, потому что видели – народная она, для всех. Помнит десятилетний Вовка, как зимним декабрьским утром, в двадцатые годы, привезли неживого отца, а с ним – еще восьмерых земляков, погибших в бою с бандой Мишки-черта. Как он, в страхе и в бессилии, долго плакал, забившись в угол холодного сарая, а перед глазами стояло белое, как мел, неживое лицо тятки. Похоронили их в братской могиле. А на обелиске, уже позже, появилась лаконичная и так много говорящая надпись – погибли за Советскую власть.

От этих раздумий ему стало совсем грустно, не было сил ни говорить, ни спорить. Почему люди, живущие в одной стране, говорящие на одном языке, воспитанные одним обществом – поразному оценивают, казалось бы, прописные понятия – долг, честь, совесть, любовь к Родине?

– Ладно, не время грешить нам, – уже безразлично, даже как-то примирительно сказал Владимир. – Война нас рассудит.

*****

За окнами вагона моросил мелкий и противный дождик. Точно такой же шел в 1921 году –

неурожайном, гиблом году, и осенью за сбор колосков с поля маму посадили в тюрьму. Через два года она вернулась, почерневшая, худая – словно за-стывшая. Иногда дрожащими руками она брала руки Владимира в свои и молча гладила их. Пальцы у нее всегда были холодными, тонкими – почти прозрачными. Постепенно щеки ее розовели, синие губы становились бледно-пунцовыми, глаза оживали: «Вовочка, сыночек мой родимый», – шептала она. Но новый приступ удушья опять преображал лицо, на шее вздувались тугие вены, дыхание делалось прерывистым, еще более хриплым, расширенные зрачки становились невидящими, мутными. Мать судорожно хватала воздух воспаленным, запекшимся ртом, затем медленно затихала, вздрагивая в полусне.

После смерти матери, Володька снова стал жить у тетки – женщины властной и суровой. Была она одинокой, и казалось, была зла на весь белый свет. Мужики вообще обходили ее стороной, опасаясь, что она обязательно напомнит им о их земных слабостях. Тетя Фрося была совершенно не похожа на свою младшую сестру Марию – была полной, крикливой, с большой бородавкой на подбородке, обросшей волосами. Рос ее племянник медленно, как говорят – “истуга”, и, глядя на него, тетка сокрушалась: «И в кого ты такой? Старее поповой собаки, а от горшка два вершка – ни сено с тобой косить, ни зароды метать».

Вовка, и так, по-отцовски, был мальчишкой замкнутым – неразговорчивым, а теперь замкнулся совсем. Смотрел на всех исподлобья, словно волчонок, пряча глаза, но где-то в глубине их проглядывалась бескрайняя нежность и доброта. По вечерам, уткнувшись в грубую подушку, он безудержно плакал, и беспокойно засыпал.

Снилась ему мать – рослая, крепкая, горячая в работе, веселая на гуляньях. Она виделась ему воздушной, смеющейся, в белом платье среди ромашкового луга. Потом он еще видел себя – всегда беспомощного, слабого, одинокого. Часто за ним гнались собаки, а он, как ни старался, бежал медленно – ноги подкашивались, были будто ват-

ными – собаки все ближе и ближе.

Силы совсем оставляли его, и он в ужасе просыпался.

*****

...Плеханова, как бывшего и опытного тракториста, после двухнедельных курсов определили механиком танка Т-34. Первый бой ошеломил, подавил, испугал Плеханова. Навязчивое чувство страха, мысль о том, что его в любую секунду могут убить, не давало сосредоточиться – действовать спокойно, уверенно, расчетливо. По спине и лицу текли жгучие струйки пота, колени дрожали, руки были липкими и вялыми, голос срывался. Держись, говорил он себе, держись, черт возьми. Крепко похлопав себя по щекам, вдруг почувствовал совершенно новое состояние – прилив сил, необъяснимое, неуправляемое желание жить и победить – весь он был во власти слуха и зрения – какой-то расслабляющей сосредоточенности. Это был первый бой, бой за самоутверждение, за веру в себя – бой с самим собой. И Владимир, нашел в себе силы, подавив это гнетущее, чужое, странное состояние. Постепенно приходила уверенность, с ней – необходимое качество в сражении: хладнокровно и расчетливо принимать правильные решения.

Задача, казалось, была простая – выбить противника с занимаемой им высоты, господствующей над местностью – закрепиться там и ждать подхода основных сил батальона. Но решение ее усложнялось тем, что местность, по которой должны двигаться танки, была сильно пересечена оврагами и у неприятеля здесь было сосредоточено большое количество артиллерии.

Достигнув ложбинки, поросшей густыми кустами, Владимир повел машину в обход вражеской позиции, стараясь как можно быстрее достичь южной стороны холма с целью зайти на врага из-под солнечной стороны, тем самым в какой-то мере исключив возможность ему вести быстрый, прицельный огонь. Невысокий подлесок скрывал продвижение танка, но и таил в себе серьезную опасность – попади крепкий пень меж-

ду гусеницами, и машина ляжет на брюхо. Добравшись до цели, Плеханов резко повернул вправо – перед ним возник высокий крутой склон. Только бы вывез мотор – промелькнуло в сознании. Он включил пониженную скорость, дал полные обороты двигателю и опустил сцепление. Техника работала устойчиво, без перебоев. Двигаясь между пнями, машина медленно поднималась на вершину. “Не подведи, милый, держись...” – стучало в висках. Напряжение машины каким-то невероятным образом передавалось Владимиру. Он, кажется, слился, закалился вместе с ней, на лбу вздулись лиловые вены, сердце лихорадочно колотилось. “Не подведи, милый”, – повторял он, – “ну, еще, еще немного осталось...”

Увидев русскую тридцатьчетверку в своем расположении, фашисты срочно стали перегруппировывать силы. Танк, будто освободившись от объятий подъема, стремительно набирал скорость. И вот уже крайний оружейный расчет, бросив боевое орудие, в ужасе разбежался, припадая к земле и дико озираясь. Наехав левой гусеницей на лафет одного из них, водитель резко затормозил и круто развернулся.

– Так его! – услышал Плеханов по радио одобрение командира. – Ты молодец, однако!

Элемент внезапности исчезал. Не переставая стрелять, танк стремительно двинулся на новую позицию, но орудия неприятеля достичь не успел: в нескольких метрах от него сильный взрыв развернул машину и она, словно подбитая птица легла на бок. Едкий дым заполнил кабину. Оказавшись боком к врагу, оставаться в машине было опасно. Срочно покинув ее, танкисты залегли за каменный выступ – и тут же, в тридцатьчетверку попал снаряд, из люков тягуче выплеснулось пламя.

– Эх, братец, мало ты послужил, – прошептал Владимир, – думал с тобой до победы дойти.

Через сорок минут высота была взята. За умелые, быстрые действия и проявленные при этом находчивость, героизм и отвагу рядовой Плеханов был награжден медалью «За отвагу». В том же бою был смертельно ранен его попутчик.

Война катилась на Запад, до ее окончания оставались считанные недели. Защищая свое логово, гитлеровцы сопротивлялись все более яростно. В одном из таких сражений, на подступах к фашистской столице, сложил голову прекрасный человек, великий труженик, добрый хозяин и русский мужик Владимир Филиппович Плеханов. Навечно закрылись глаза защитника своей Родины – маленького кусочка земли, где живут его самые близкие люди: его семья. Перестало биться сердце солдата, награжденного боевым орденом – посмертно. В последнем письме он коряво написал: “Войне, дорогие, скоро конец. Скорей бы домой, обнять вас крепко-крепко, в поле бы выйти, послушать, как дышит земля, поют птицы, шумит лес.”

*****

Похоронка пришла неожиданно – разве ждешь таких вестей с фронта. Она вдруг жгуче резанула сердце, резкой болью отдалась внизу живота – голове стало нестерпимо жарко, и Варя, дрожащими руками держась за край стола, медленно опустилась на пол. Была она в то время на восьмом месяце беременности. Тяжелый, вязкий ком, родившийся в груди, нестерпимо сжимал дыхание, жег глаза, мутил разум. Лешка испуганно стоял поодаль, не зная, что делать. Потом, он подбежал, встал на колени, и неловко обнимая за шею, заголосил: «Мама, не надо, слышишь ты, я с тобой». Мать подняла глаза, невидяще посмотрела на сына, потом как-то разом сникла, бледность проходила, густая краснота пятнами разливалась по лицу: «Сироты мы с тобой, Лёшенька... Что делать-то будем?» – запричитала она. «Не надо, мама, не надо», – без конца повторял парнишка. Варвара вдруг резко перестала выть, прежняя бледность вновь каменным сделала ее лицо. «Позови тетку Апросинью, Леня». Парень вновь с ужасом посмотрел на мать, выскочил и пулей помчался к соседям.

Ребенка спасти не удалось – очень слаб был, как и сама мать; да и нужно ли было спасать этого крошечного человечка, для чего, когда весь мир

будто отвернулся от этой несчастной женщины? А как Владимиру девочку надо было, Валентиной хотели назвать...

Лишь через неделю Варвара поднялась с постели. Держась за кровать, дошла до высокого обитого железом сундука, затем до широкой лавки – оставалось сделать два шага, чтобы открыть низенькую входную дверь. Но совершенный путь отнял так много сил, что она в изнеможении, обливаясь потом, села, а потом прилегла на лавку. Голова ее кружилась, тошнота подступала к горлу, глаза заволакивала бледная пелена, сердце готово было выскочить.

– Где Алеха? – с горечью спрашивала она себя. – Хоть бы помог, авось на солнышке полегчает.

При новой попытке ей удалось выйти на улицу. Вся она была залита солнечным светом. Вдали зеленел по-весеннему прозрачный лес. У крыльца ярким изумрудом пробивалась первая травка. В редких лужах, гордо выгнув шеи, плавали гусаки. Иногда они высоко поднимали головы, призывно кричали, и, не услышав отклика подруг, делали на воде полукружье, как бы очерчивая незримую границу своих владений.

На паре запряженных в телегу быков подъехал на обед Алексей. Увидев мать, не то с радостью, не то с тревогой и беспокойством спросил: «Мам, ты че, простудиться хошь? Погляди, как с севера холодком тянет». В эту минуту он был по-детски наивен, но в то же время – по-хозяйски, по-взрослому, рассудителен.

– Зря ты, Леня, совсем не холодно. Помогли войти, сынок, свежим воздухом подышала, – как бы оправдывалась она, чувствуя мелкую дрожь в ногах.

Вместе они дошли до кровати. Лешка, уложив мать, полез в печь, достал чугунок с разварной кашей. Наложил варева в миску. «На-ко, поешь, тебе сейчас хорошенько питаться надо, быстрее поправишься». У Варвары от переизбытка чувств впервые за последнее время навернулись слезы. Жизнь помаленьку возвращалась к ней.

– Кого сегодня робили-то, Леня? – заботливо спросила мать.

– Да, с Пашкой Лукичем ездили, искали – не остались ли где кучки соломы. Воз с зимника привезли, щас ишо раз поедем, – деловито ответил сын.

– Скот-то не скоро на выпаса выгонят, не знаешь?

– Скоро, наверное, кормить-то нечем, и так некоторых коров силой поднимают.

Он недовольно поморщился, глаза потемнели.

– Совсем большой стал, – подумалось Варя. – Леня, мы с тобой осенью телочку возьмем в совхозе, помаленьку вырастим, зато потом с молоком будем жить.

– Мам, ты пошто не ешь? – перебил ее Лешка. – Тетя Фрося молока обещала дать. Давай я сбегаяю.

Он встал из-за стола, собрал хлебные крошки, бросил их в рот и быстро вышел. Весь в отца, подумалось матери. И глаза, и губы, и волосы, и походка – как сумел уродиться, в него бы еще работой пошел. А дочурок уж двух схоронили – до войны девочка была. Не надо было, наверное, и эту Валею нарекать: говорят, плохая примета – раз одна не выжила, то и с другой то же случиться может.

– Вот, мама, целая пол-литра, смотри, чтобы все выпила. – Он с трудом перевел дыхание после быстрого бега и торопливо закончил: – Ну, ладно, я поехал.

Она вспомнила, как поздним январским вечером, пришла к дому Ивана Ильича, старого, но еще крепкого старика, открыла дверь и сходу упала на колени с тяжелым вздохом: «Помоги, не дай сгинуть парнишке, сегодня утром не встал уже, исхудал весь, муки бы маленько?» Хитрова-то сощурясь и хмыкая в бороду, хозяин помог Варваре подняться: «Чего уж там – под одним Богом живем, откупись опосля».

– Откуплюсь, родимый, при первом случае откуплюсь. Дай Бог тебе здоровья, Иван Ильич.

В темных сенях он обхватил ее за талию, тихо шепча: «Приходи ишо, коль нужда будет, не обижу».

Ближе к весне, ухажер сам пришел к Варваре.

Только смеркалось. «Ну как, отдула пацана?» – с усмешкой спросил он.

– Слава Богу, живой, щас где-то на работу ходит. Спасибо тебе, помог нам, горемычным.

Она опять низко поклонилась, но на колени не упала, жуткое прикосновение его горячих рук до сих пор холодило сердце.

– А я думал – не помогло. Обещала отблагодарить, а я ждал, ждал – да и ждано съел, гляжу, далеко меня обходишь; ну, думаю, видать, не в коня овес пошёл.

Он подошел, одной рукой легко взял ее за толстую черную косу, другой стал гладить плечи, грудь, спину, бедра. Варя стояла в оцепенении – гадливая, мерзкая опустошенность не давала сил сопротивляться.

– Брюхатая я, – еле выдавила она из себя.

– Тьфу ты, бабье отродье, – в сердцах воскликнул ухажер и, круто повернувшись, вышел, громко хлопнув дверью.

– Кобель старый, – простонала Варя, – постой, мужики придут, как им смотреть в глаза будешь, иуда!

*****

Через две недели Варя Плеханова пришла в контору просить работу. Председателем была Елизавета Михайловна – женщина широкой кости, приземистая, очень энергичная – живая. Часто куря, она с хрипотцой говорила: «Ну, бабы, дождемся мужиков, они нас, христовые, на руках носить будут».

– Кого будут, а с кем одному и не справиться, – с улыбкой, сказала одна из присутствующих, она подмигнула черным глазом и продолжала, – мужики-то наши на государственных харчах, наверное, совсем ослабели, им бы хоть мужицким делом хорошенько заниматься, а носить мы их сами будем.

Собравшиеся дружно засмеялись. Громче всех залилась Шура Богданова – маленькая, остроносенькая хохотунья.

– А с тобой, Шурка, поди, любой ухажер справится! – продолжала черноглазая. – Из трех

лучин собрана – да тебе, наверное, и мужика-то не надо.

Сказав это, она со вздохом потянулась, поглаживая себя по высокой груди.

– Ты, не смотри, что я такая худая да маленькая, зато до любви охочая, – отпарировала Шура.

Женщины опять беззлобно прыснули.

Смотря на них, Елизавета Михайловна подумала – ну ничего их не берет, ведь сколько горя пережили – многие сыновей, мужей, братьев потеряли – голодом-холодом насиделись, а вот живет в них какая-то негибаемость, сила духа, оптимизм какой-то, граничащий с безрассудством, и ничем это не вытравить. А эту Шурку на костер поставь – она все равно смеяться будет. Спасибо вам, дорогие бабоньки, за руки ваши золотые, за сердца горячие – за стойкость. Вот только Варвара еще своего горя не пережила – стоит, вся не своя, будто из другого мира.

– Ну, ладно бабы, давай по рабочим местам, – скомандовала Михайловна. Бойко разговаривая, толкаясь и хохоча, женщины повалили к выходу – осталась одна Варя.

*****

Возвратившись домой, Варя сразу обратила внимание на уличное оживление – люди стояли группами, смеялись, громко разговаривая, кое-где даже слышались песни. Около животноводческих дворов, они встретили Елизавету Михайловну – глаза ее были заплаканы. Отвечая на немой вопрос Варвары, она с неопределенной интонацией в голосе сказала: «Радость-то какая, Варюша, война кончилась – по радиу передали – разбили проклятого вражину! Сколько мужиков унесла она, окаянная!..». Слезы не то радости, не то отчаяния и скорби по погибшим вновь заблестели, на ее с прозеленью глазах. Лешка с открытым ртом смотрел на мать. Еще совсем не стихнувшая душевная и физическая боль вновь перекосила худое лицо Вари, и это состояние мгновенно передалось сыну: «Мам, пойдём, есть охота». По его мнению, это был самый весомый аргумент, который мог бы отвлечь мать от тяжелых

раздумий.

Словно не живая, шла Варвара к своему дому. «Леня, я полежу маленько», – сказала она сыну, войдя в избу. Сон не шел, мысли были какие-то отрывочные, бессвязные. Сухими воспаленными глазами она смотрела в потолок, сердце билось неровно, отдаваясь в горячих висках. Постепенно думы ее выстроились в определенную цепочку – это было как полузабытье или сон. В глазах стоял не Владимир, а Аркадий, первый муж – кудрявый, черноволосый красавец, гроза местных парней, нарушитель душевного спокойствия многочисленных его поклонниц. Из всех он выбрал Варю. Может, потому, что жили они напротив и будущий свекор, никого в дом, кроме Варвары, впускать не хотел. Постоянно при случайных встречах он называл ее доченькой, а иногда, заглядывая в лицо, гладил по плечу и говорил: «Выходи за моего Аркашку, хозяйкой будешь». Варе тоже нравился Аркадий, но, наблюдая за ним где-нибудь на вечерках, она всячески старалась связать ему: «Ты себя больше жизни любишь, а что мне достанется – облюбки одни». На что он тоже полусхутом отвечал: «Моей любви на всех достанется, смотри, какой я видный, – он, смеясь, выгнув грудь, проходил по избе, потом, поправив шапку, лез целоваться и уже серьезно, заглядывая в ее тревожные глаза, тихо продолжал, – дождешься из армии, вся любовь твоя будет».

Вскоре Зимина вышла за Аркадия замуж. Но счастье было не долгим, через два месяца суженого призвали в армию. Никогда так сильно не переживала Варвара, ей словно наяву чудились нежные и сильные руки Аркаши, страстные поцелуи, умиротворенный говор: «Лебедушка моя, солнышко ясное». Помаленьку сердце привыкло ждать, только по ночам оно сладко трепетало от нежных воспоминаний. В самом конце его службы Полина, старшая сестра мужа, получила от брата письмо, в котором он сообщил, что домой не вернется и скоро там, на чужбине, женится. Это коварное послание Варя из-за своей безграмотности с трудом прочитала, молча, без истерики, и каких то претензий, собрала нехитрый скарб

и ушла к отцу с матерью. Внутри ее будто все заledenело, стало каменным – неживым. Вскоре со службы пришли парни, Аркадий так и не вернулся.

Через год Варвара снова вышла замуж – за Владимира, своего деревенского парня, которого раньше, не замечала и не любила, но видела в нем сильного и надежного человека. Вышла, может, даже в отместку, чтобы доказать себе и всем, что она тоже не отрезанный ломоть. На небольшой вечеринке, собранной по случаю свадьбы, Полина тихо сказала: «Дура ты, че торопишься, вернется он, покуражится и возвратится». На что Варя со слезами возразила: «Не нужен он мне такой, пусть люб, но не нужен, маята с ним одна».

После того, как родился Алешка, материнское сердце совсем оттаяло – и хоть не было в нем прежней страсти, зато была уверенность и покой. Как за высокой стеной живу, поговаривала Варвара, и не обидит он, и поможет, и не напомнит, что он у ней не первый. А что еще надо женщине, однажды испытавшей горячую, но не взаимную любовь, в которой не было счастья. Владимира она жалела – за его неловкость, угловатость, бывало, даже растерянность. Наверное, он любил ее, потому что не разу не напомнил о прошлом, никогда не обижал даже словом, делал по дому любую работу, вплоть до того, что в корыте стирал белье: «Отдохни мать, мне не трудно, ты сегодня опять ночь не спала, с ребенком маялась». Да и Варя всячески старалась не обидеть близкого человека – исправно исполняла свои обязанности, иногда только, да и то беззлобно, смеялась над его нерасторопностью. Он краснел, опускал глаза, как бы извиняясь, и тихо, молча выходил, а потом долго, до самой ночи, мастерил что-то, стуча топором. Светлые волосы его прилипали к мокрому высокому лбу. Отдыхая, он неторопливо курил, внимательно осматривая дело рук своих. Потом, усталый и потому, кажется, совсем беззащитный и трогательно милый, входил в дом, долго умывался, шумно фыркая, – и посвежевший, с блестящими синими глазами, садился за

стол, положив на скатерть большие, сильные руки.

*****

Шло время, закончилась война с Японией, а с нею и вторая мировая. Все мужики, оставшиеся в живых, вернулись домой. Глубокой осенью сорок пятого, к ноябрьским праздникам, пришел и Поляков – человек серьезный, умный, энергичный, с цепкой хозяйской хваткой. Еще до войны он отличался незаурядными организаторскими способностями, работая полеводом, а затем бригадиром. Теперь, возвратившись старшиной, увешанный боевыми наградами, внушал особое уважение и признательность у односельчан. Когда встал вопрос, кем заменить Михайловну, давно просившую об этом, сомнений не было – Поляковым. На первом колхозном собрании новый руководитель, слегка волнуясь, сказал: «Дорогие мои земляки – мужчины и женщины и даже дети, скоро минет месяц, как я на родной земле – дышу вместе с вами тем же воздухом, ем выращенный вашими руками хлеб. Много вы заслужили, памятник каждому при жизни поставить можно. Но война, дорогие мои, не кончилась, продолжается война за нашу счастливую жизнь». Он глубоко вздохнул, внимательно и очень долго, как бы изучая каждого, смотрел на земляков, потом продолжил:

– Плохой из меня оратор, слов подходящих не найду, чтобы лучше пояснить положение, – голос его перехватило, он откашлялся в кулак, губы чуть дрожали, на лбу выступили бисеринки пота, глаза посуровели. – Скажите мне, кто дал право бывшим воякам, пришедшим с войны, до сих пор почивать на лаврах победы? Некоторые из них все еще чувствуют себя именинниками – на работу ходят с пятого на десятое, да и там только время проводят – заслужили, мол, отдых, кровь проливали, жизнью рисковали. А Кузьма Никитич, по словам бригадира, с лета не просыхал.

Было видно, с каким неподдельным вниманием слушали Петра Федоровича собравшиеся, а при упоминании Никитича все дружно засмея-

лись, оживленно задвигались, тихо переговариваясь. То тут, то там слышались возгласы: «Правильно, поделом им, не по-божески мужикам на бабьих шеях сидеть».

*****

Утром Поляков вызвал Варю к себе. Женщина-посыльная, загадочно улыбаясь, игриво говорила: «А что, он еще хорош. Не гляди, что у него семеро по лавкам – всякая баба за счастье бы посчитала, кабы он ее к сердцу прижал».

– Да ну тебя, Клава, – зардевшись, сказала Варвара, – на работу зовет.

– Уж не скажи, все видят, как он на тебя пялится. Щас где неженатиков-то взять, Варь? Сколько у него довоенных-то ребятишек, четверо? – потом, подумав, продолжала: – Да, четверо – два парня и две девки. Старшие-то двое уж на работу ходят, им, поди, лет по двенадцати, а то и поболее.

– Клава, шла бы ты, – остановила ее хозяйка. – У тебя, наверно, и без этих разговоров работа есть.

– Ладно, ладно – пойду, мне и правда еще в три дома надо.

На улице было уже по-зимнему холодно, и Варя вошла к председателю закутанная в черную, грубую шаль, подпоясанная тонким брезентовым ремешком.

Поляков, кажется, даже вздрогнул, увидев ее, он обратил внимание на чуть заметную морщинку меж бровей, темную прядь волос, выбившуюся из-под головного убора, на блеклые, почти синие губы, бледные щеки. На ногах у нее были большие резиновые сапоги, из-под фуфайки выглядывала длинная холщовая юбка. Варвара, в свою очередь, тоже разглядывала председателя. Он был лет на шесть старше ее, стройный, подтянутый в военной гимнастерке, хорошо подстриженный и тщательно выбрит. Самой заметной на его лице была улыбка – теплая, мягкая, – и глаза – голубые-голубые, как колодцы, и добрые, с чуть заметной грустинкой. Варя сразу окунулась в них, с тревогой и щемящей тоской подумав,

что они, как омут, в них и утонуть недолго.

Оторвав взгляд от вошедшей, Петр Федорович, растягивая слова, спросил: “Так, Варя... как тебя теперь, Зимина или Плеханова? – дело есть очень серьезное, группу нетелей набираем, доярка нужна – возьмешься?” – И, не дождавшись ответа, продолжал: – “Работа для тебя не новая, знаю, не с такой еще управлялась, ну а будет нужда какая – поможем”. Он снова заглянул ей в глаза, в которых увидел тусклый отблеск утра.

Слегка встрепенувшись, переступив с ноги на ногу, Варвара тихо отозвалась: «Ну, раз надо – пойду».

– Я так и подумал, – живо отозвался Поляков. – Давай, сегодня последний раз съезди на маслозавод – увезешь сливки, мы тем временем подберем замену за тебя, а с завтрашнего утра на новую работу, договорились?

– Что говорить? Надо – значит, надо, правда, не знаю, справлюсь ли.

– Я говорю – поможем, если что. И не бойся, ты же ребенком еще не такую работу делала, я помню, да и люди говорят. Давай, берись.

Соглашаясь пойти дояркой, Варя знала, кто такие первотелки. Сколько труда, слез, терпения и нервов надо было потратить, прежде чем молодые коровы начинали подпускать к себе и отдавать молоко. Множество раз при доении от удара копытом вместе с подошником, разливая удой, отлетала она от молодух, долго чувствуя ушибленное место. На работу она приходила одна из первых, не давала покоя мысль об ответственности, подчеркнутая председателем – смотри, дело очень серьезное, будущих коров к большому молоку готовишь, тут любая мелочь в расчет идет, что-то не так – и погубишь нашу кормилицу. Да и сама Варя, если уж за что взялась, не хотела чтобы ее на каждом шагу носом тыкали. Начинала она с уборки навоза и чистки животных, затем доила их, чуть позже ехала за сеном, раскладывала его по кормушкам – и так до поздней ночи. Летом было не легче – доили так же три раза в день, а между дойками косили траву, метали сено в стога – готовились к зиме. Разговаривая между

собой, доярки проклинали свою женскую долю, будто жалуясь кому-то – вот, пока сидим под коровами, доим их, отдыхаем, а потом кусок хлеба в зубы и в поле. Пока идешь до покоса, поешь в сухомятку, а там литовку или вилы в руки и до следующей дойки.

Поляков, посылая ее на работу дояркой, знал, что она с детских лет приучена к труду...

*****

На другой, после войны, год в колхоз, где председателем был Поляков, приехал механик Сергей Казанцев. Окончив краткосрочные курсы, он был послан в отдаленное, имеющее большое количество земли хозяйство. При первой встрече, Петр Федорович обратил внимание на его юный возраст и то, что, несмотря на это, тот уже успел повоевать. Был он среднего роста, синеглазый с боевыми наградами на груди – орденом и двумя медалями...

*****

Варвара вошла стремительно – Поляков передал, что у него гость, воевавший с ее мужем. Голос ее был неровный, вздрагивающий, видать от быстрой ходьбы. За ней стоял мальчуган. Потянулась неловкая, тяжелая минута.

Глядя на жену и сына дяди Володи, Сергей боялся, что разговор и вообще воспоминания о прошлом причинят им боль, стихнувшую, но неотступившую. Может, в глубине их сердец теплится еще надежда – а вдруг он жив, вдруг произошла какая-то ошибка, ведь были же случаи, когда приходили с фронта отцы и сыновья давно оплаканные близкими. Чтобы как-то нарушить затянувшуюся паузу, гость, откашлявшись, сказал: “Целый вечер вот тут сижу у вас”, – голос его снова охрип, видимо сказывалось волнение, – “и до сих пор незнакомы. Меня Сергеем зовут, Казанцевым”, – не дождаввшись, когда хозяйка будет представляться, продолжил: – “А о вас я кое-что знаю через дядю Володю.” – Он посмотрел на Лешку. – “Это вот Алексей.” – Глаза парнишки с любопытством вспыхнули. – “А вы тетя Варя”, –

и мельком глянул в застывшее лицо Варвары. – “Мы с дядей Володей вашим с первого дня до последнего его часа вместе воевали.”

Лешка замер. Варя опустила глаза.

Гость, вздохнув, тихо закончил:

– Схоронил я его в Польше, на границе с Германией.

Вновь воцарилось долгое, тягостное молчание. Горячий Варин взгляд, будто взрыв, вывел Казанцева из оцепенения: «Говори, Сереженька, говори, не молчи только». Набрал в легкие побольше воздуха, гость, совсем упавшим голосом, как бы подытожил: “Погиб он. Не стыдитесь смерти его: как герой погиб дядя Володя”.

По красным горячим Лешкиным щекам покапались крупные слезы. То были слезы жалости и отчаяния, слезы невосполнимой утраты по родному человеку, горькие слезы смирения – нет папки и никогда больше не будет, нет человека, к которому доверчиво, не стесняясь своей слабости, можно прижаться всем телом. Нет человека, который все-все про тебя знает, все понимает, простит и накажет – поможет пережить обиду и горе, разделит счастье и радость – нет его больше.

Лицо Варвары, оставалось каменным. Сцепленные на груди руки чуть вздрагивали. Слез не было. Внутренний холодок сковывал сердце, леденит душу, деревянит ноги, спину.

– Теть Варя, – тихо позвал Сергей. Варвара вздрогнула. – Я помогать вам буду – сено косить, дрова готовить или еще что... Я ведь бригадиром тут, с сегодняшнего дня.

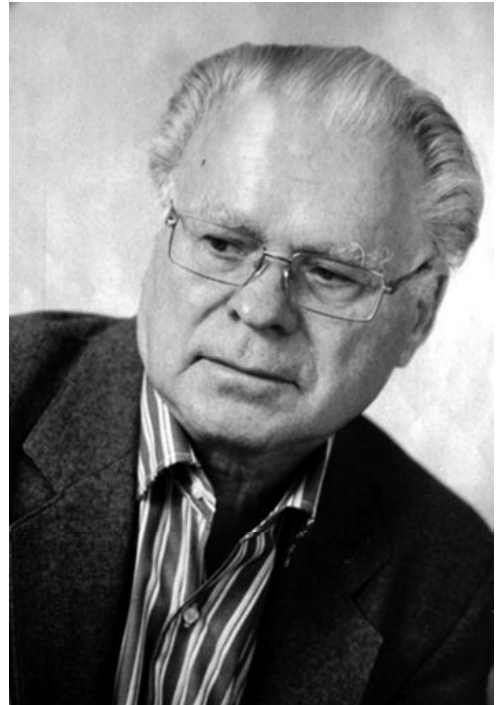
Варя с интересом, как-то по новому посмотрела на него.

– Спасибо. Дай Бог тебе здоровья. А про Владимира – не мог он хуже, такой уж был человек. Боялась я за него, но думала – безгрешный он, Господь даст, пронесет. Да, видать, такие Богу тоже нужны.

Лешка вроде успокоился совсем, вдруг подбежал к матери, прижался к ней и во весь голос заревел. Варвара поцеловала его в голову, и тихо, как-то совсем отрешенно, беззвучно заплакала...

ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

ЯГАН
Иван Павлович

Геннадью Устюжанину, автору сюжета

УЧИТЕЛЬ

Рано утром Кузьме Егорычу
Тяжело с лежанки вставать.
Свесит ноги и скажет с горечью:
– А подай-ка валенки, мать!

Нонче ветер попутный, кажется,
Доплетусь как-нибудь за час...
А поэмка щенком увяжется
И бежит за ним прямо в класс...

Дядя Кузя всю жизнь садовником
Был в деревне.
Могуч, как дуб,
Со своей грамотешкой скромненькой
Чудеса он творил в саду.

Все по книжкам, да по-научному...
У него в доме книжек – тьма.
Но когда поясница замучила,
Тут на отдых ушел Кузьма.

Но пристала к нему чесоткой
Слава книжкина – хоть умри.

Родился 30 сентября 1934 года в деревне Байдановка Таврического района Омской области в крестьянской семье. Работал землекопом, кочегаром, каталем на пилораме. С 1954 по 1958 год служил на Черноморском флоте, рулевым крейсера «Керчь». Первая книжка стихов «Матросская лирика» вышла в 1959 году в издательстве «Молодь» (г. Киев). После службы вернулся в Омск, работал литературным сотрудником, редактором заводских газет, лит. консультантом в Омской писательской организации.

В Кургане с 1974 года. Более 30 лет руководил Курганской областной писательской организацией. Автор более 20 книг стихов и прозы.

Лауреат премии Союза журналистов СССР (1968 г.), журнала «Аврора», премии губернатора Курганской области, городской премии «Признание».

Неоднократно был делегатом съездов Союзов писателей СССР и писателей России, избирался в их руководящие органы. Сейчас – секретарь Правления Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РСФСР (1984 г.).

В Союз писателей СССР принят в 1966 году.

Сам он в школе церковноприходской
Года два сидел или три.

Но как только война нагрянула –
Наш учитель ушел на фронт,
На Кузьму Егорыча глянули
И сказали ему: – Ну, вот
Принимай школу.
Больше некому.
Ты один такой на село.
И подумал старик: «Был калекою,
А теперь вон куда пошло!

Хоть набил на лопате руку я,
А детишки...
Аж страх берет.
Да еще беда со старухой –
Непутевая, засмеет.

Да уж ладно...» И с той тревогой
Так пришлось на веку ему
Стать на трудную ту дорогу –
Несмысленных учить уму...

Помню: белый стоит, косматый,
Ласка теплится из-под век.
– Нонче будем учить, ребята,
Из чего состоит человек...

Приздумается виновато,
А в глазах – океан синевы...
– Человек, – говорит, – ребята,
Состоит из головы...

Ну-ка, Миша, выдь на средину!
(Миша выйдет, пимы волоча).
Голова у нормальной людины
Завсегда быть должна на плечах.

И с каким-то особым смаком

Дернет Мишу за хохолок:
– Ну-ка, Миша, загни рубаху!
Вот, ребята, здесь – прозвонок...

По костлявой спине Мишутки
Сверху вниз проведет кулаком,
И у Миши в пустом желудке
Что-то гукнет под позвонком.

– Здесь вот – сердце. До края века
С ним не чувствуешь пустоты.
И оно дано человеку
Первым делом – для доброты.

Есть у сердца свои законы,
На указанный срок – запал.
Если ж к людям оно охолонет,
То считай – человек пропал...

О других в человеке предметах
Вы уж знаете сами теперь.
Все они нам даны для приметы,
Что идет человек, а не зверь...

Как бы ни было, все же в учении
Пролетал незаметно час.
По субботам уроков пения
С нетерпением ждал наш класс.

Дядя Кузя расскажет подробно
О сражении под Москвой,
И споем, как страна огромная
Поднималась на смертный бой.

Нам казалось:
Мы уже мстители,
Пули хлещут вокруг дождем,
Будто мы за седым учителем
В самом деле, на бой идем...

Алексею Пляхину

ЧУЖАЯ ДУША

Душа чужая – как потемки.
Что в ней – попробуй разбери...
Но как об этом мы негромко,
Как мы несмело говорим.

Но это ж так: душа чужая
И вправду космоса сложней.
Не распознав ее до края,
Мы отступали перед ней.

Сгорело душ людских немало
За дело правое. Взгляни! –
Цветут цветы над ними ало,
Пылают вечные огни.

Кого корить теперь, печалюсь
О душах, что себя сожгли?
Мы подлых душ не распознали,
Мы светлых душ не сберегли.

Но прошлому б не повториться.
Под ним подведена ль черта?
И где найти того провидца,
Чтоб все расставил на места?

На растревоженной планете
Мы сделать многое спешим.
Уже летят слова-ракеты
В седые таинства души.

В разведке этой, в этой схватке
Пусть не один еще умрет.
Но мы, поэты, как солдаты.
Кто в бой за души – шаг вперед!

СОРОК ПЕРВЫЙ

Прошлое болит и беспокоит...
Сорок первый горемычный год.
Что ни месяц – то в селе покойник,
А в полгода – двадцать пять сирот.

Помнится земля от слез соленой.
Закрома очистил недород.
Ждали и боялись почтальона:
Вдруг да горе в сумке принесет.

Он входил в деревню, бледный, слабый,
С болью, что не спрятать на лице.
И взывали неутешно бабы –
Не на этом, так на том конце.

Дни текли. Куражились метели.
Но слезам и вьюгам вопреки
На деревне часто песни пели.
Грянет песня вдруг – и никаких!

Поплывет и растревожит души,
И дружнее спорились дела.
Не одна в Байдановке Катюша
Верила и письма берегла.

Сквозь метели и морозы злые,
Согревая нас теплом живым,
К нам летели письма фронтовые
Из-под самой матушки-Москвы.

– Жив-здоров! –
А нам того и надо.
– Враг бежит! –
А мы того и ждем.
И победным гулом канонады
Наполнялся наш дерновый дом.

Под Москвою выиграна битва!
Не согнулась Курская дуга!
И была у бабушки молитва
В эти дни проклятьем для врага.

К чудом сохранившейся иконе
Встанет бабка к западу лицом
И начнет отвешивать поклоны
В честь земных сынов и их отцов.

«Слава отцу и сыну!
Дай, Бог, им ратного духа.
Накажи ты вражину
За такую разруху.
Сохрани Ты, Господи,
Сидора с Пашей,
Накажи ты Гитлера
За мучения наши.
В каждую печенку –
Сто ему иголок
За все наши слезы,
За холод и голод...»

...И, прося врагу у неба смерти,
Еще крестясь, вдруг крикнет грозно нам:
– Вы снова снегу натащили, черти?!
Вот я сейчас вам, нехристи, задам!

РАЗГОВОР С МАМОЙ

Я завтра брошу все дела и тотчас
Наведаюсь в Байдановку мою.
Там над одним из сотни бугорочков
Я за деревней долго простою.

Здесь, над могилой маминой – березы,
В зенит восходит солнце каждый день,
Летят к ней песни нашего колхоза
И песни всех окрестных деревень.

Здесь слышен смех внучат ее беспечных,
Когда бредут они в простор полей.
Весь мир огромный памятником вечным
Встал за дела обычные над ней...
– Ну, здравствуй, мама!
Это я – Ванюшка.
К тебе я снова в гости, на часок.
Пришел, как прежде, – успокоить душу,
В которой столько вызрело тревог.

Припомнить то, как ты жила когда-то...
Кончались в доме скудные харчи.
К тому в нагрузку, что звалась солдаткой, –
Шесть едоков сидело на печи.

Одна опора – старший сын твой, Петька.
Хотя его еще зовут – «пацан»,
Но любо было на него смотреть, как
Водил он трактор, заменив отца.

Сейчас зима, и Петька в МТСе,
Под воскресенье явится домой.
Но что такое? В среду вдруг невесел
Пришел домой и ходит сам не свой.

Стал у окна, глядит сквозь занавеску,
Потом баском нетвердым протянул:
– Ты знаешь, мама, мне пришла повестка.
Уеду завтра. К папе. На войну...

Ты встрепенулась:
– Что-то рано больно?
И села, чуя новую беду.
А он в ответ:
– Я ж, мама, добровольно.
Мы так решили. Не один иду.

Ты не спала тревожной этой ночью,
Все на дорогу стряпала Петру.
И вот – «Последний нынешний денечек...»
Уже поют ребята поутру.

Уже копытят снег упрямо лошади,
Кипит в глазах твоих слеза чиста.
Но не упала ты в сугроб на площади,
Хотя, наверно, легче было б так.

А ты стояла, онемев от горести,
И веря и не веря в сотый раз.
А ветер бил седеющие волосы
И леденил слезиночки у глаз...
А как все дальше было?

Помнишь, мама?
Ты шла домой, хватаясь за плетень.
Последнюю картошину с ростками
Ты в погребе достала в этот день.

Сварила суп и раздала нам ложки.
И мы, косясь в тарелку с наших мест,
Старались не вылавливать картошку:
Пусть, мол, братишка маленький поест.

А ты молчишь.
Без хлеба, через силу
Ешь луковицу с солью пополам.
И слезы градом по щекам катились –
Наверно, горькой луковка была...

ТОПОЛИ

Росли у нас за огородом тополи,
Один другого выше и стройней.
Для красоты росли, а не для топлива:
Из них дрова –
на свете нет скверней.

Зато какое было диво дивное,
Когда напьются тополи весны!
Надев листву зеленовато-дымную,
Качаются, как будто бы пьяны.

Склоняют пьяно друг на друга головы,
А ветер хмель выветривает им.
Но в тополях все так крепко и молодо,
Что ветер сам становится хмельным.

Он их раздражит, улетит в сторонку.
Разгорячатся братья-тополя,
Они б за ветром бросились вдогонку,
Когда б их не держала Мать-Земля.

Взрослели. Становились все приветливей.
Не видели мы в сутолоке дней,
Как стали тополи особою приметой
И гордостью Байдановки моей.

Бывало, едут мужики из города,
И разглядят еще за сорок верст
На горизонте их вершины гордые,
И кто-то скажет: – Вот где наш колхоз!

Зимой стояли в иней разнаряжены,
Настанет лето – птицам благодать:
Кукушки со всего района нашего
Слетались в тополях покуковать...

Но и другие помнятся мне даты,
Лишь только снова в детство загляну...
В сорок втором зимою, как солдаты,
Встречали наши тополи войну.

Была зима, как мачеха суровая.
Стояли тополи в метелях и в дыму,
Они стояли, ко всему готовые,
Не понимая, может быть, к чему.

И вот, когда у нас в печи прожорливой
Сгорел отцом поставленный забор,
Достала мать в углу не в меру сгорбленный,
Щербатый и затупленный топор.

Пришла она к красавцу прямоствольному
И, чуя сердцем страшную вину,
Рубила тополь, не рубить невольная,
Морозную нарушив тишину.

Работа эта ей казалась мукой.
Звенит топор.
В стволе неясный гул.
Упал красавец, вскидывая руки,
Прощально охнул и увяз в снегу.

И мы опять в согретой хате топали
Несытое, босое пацанье...

...Спасибо вам,
За все спасибо, Тополи,
Детство обогревшие мое!

ВСТРЕЧА

Я помню день, пришедший так нескоро.
Он шел, весь в славе, в радостях, в слезах.
И в честь его над низенькой конторой
Вдруг вспыхнул яркий и огромный флаг.

О, День Победы! Крестятся старушки,
Гадалки сыплют карты всех мастей.
А вдовы тихо падают в подушки,
В избу собрав задумчивых детей.

А я тогда учился радость прятать.
И счастье есть, и все же трудно с ним...
Мальчишки! Тети! Мы ж не виноваты...
Мы вам поможем, мы вам все дадим!

Придет отец, он принесет подарки –
Я все их вам до одного раздам... ...
Мы ждем отца. И дни тем летом жарким
Семье казались равными годам.

А вот и осень кличут в небе птицы,
Летя к теплу, за высь безвестных гор.
Двумя мешками веяной пшеницы
Явилась осень в безоградный двор.

Придет зима суровая без спросу,
Ворвется лешим в улицы буран...
Пока тепло – мать за деревней косит
На топливо уже сухой бурьян.

Сестренки в поле. Бабушка – за стиркой.
Я, примостившись тихо у окна,
Сижу на лавке и латаю дырку
На вышеупомянутых штанах.

Ура! Я раньше бабушки заметил:
Во двор солдат хозяином вошел.
Его таким я помню по портрету.
В руках шинель да желтый вещмешок.

Все прожитое помнится легко мне,
И все запомню – буду жив пока,
Лишь одного – хоть ты убей – не вспомню,
Как очутился на его руках.

Через минуту серым полем прямо,
Вспузырив рубашонку на спине,
Тараня ветер, мчусь с той вестью к маме,
Сбиваю ноги на сухой стерне,

Перехожу на рысь и вижу:
Мама
(Наверно, сердце чуяло её)
Взяла платочек белый из кармана
И уронила на землю косьё...

Тебе сейчас бы взвиться чайкой легкой,
Лететь туда, где радость – с океан,
Но ты, смеясь, раскинула веревку
И принялась накладывать бурьян.

Свела концы и, затянув потуже,
Взяла вязанку на плечи легко.
Идем домой варить для гостя ужин,
А «гость» идет навстречу прямиком.

Идет все той же и не той походкой.
Сошлись...
Я слышал: дрогнула земля.
К ногам упала рыжая пилотка,
За ней – вязанка, горечью пыля.

И вот он, исходивший пол-Европы,
Насквозь пропахший гарью от войны,
Шагает полем по заросшим тропам,
Вязанку сняв со слабых плеч жены.

И лишь теперь, за все четыре года,
Она опять почувствовала вдруг
Восторг и немощ перед этой гордой
Мужскою силой работающих рук.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Губернатора Курганской области	
Вступительное слово организатора конкурса Владимира ФИЛИМОНОВА.....	4
1. МАКСИМОВА Ольга Александровна.....	5
2. АКСЁНОВ Николай Алексеевич.....	43
3. АНДРЕЕВА Любовь Харитоновна.....	61
4. АНИСИМОВА Ирина Ивановна.....	63
5. Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН.....	65
6. Сестры БАБУШКИНЫ.....	81
7. БАЖИНА Светлана Георгиевна.....	87
8. БАСКАКОВА Фиала Ивановна.....	91
9. БОРИСОВА Татьяна Лазаревна.....	97
10. БЕЛОУСОВ Андрей Дмитриевич.....	101
11. БИКСУРИНА Залия Рафаиловна.....	115
12. БУЛЫЧЕВСКИЙ Андрей Витальевич.....	117
13. БУРНАШОВА Тамара Ивановна.....	121
14. БУШУЕВ Владимир Егорович.....	127
15. ВАЛЕЕВА Танзиля Фаатовна.....	129
16. ВЕРХНЕВА Лариса Анатольевна.....	135
17. ВЕРШИНИН Владимир Валентинович.....	143
18. ВЕСЕЛОВ Владимир Николаевич.....	149
19. ВЕТОШКИН Андрей Викторович.....	153
20. ВИНОГРАДОВ Александр Михайлович.....	155
21. ВИТКОВА Елена Константиновна.....	159
22. ВОИНКОВА Анна Юрьевна.....	163
23. ВОИНКОВА Светлана Викторовна.....	167
24. ВОРОНИН Геннадий Порфирьевич.....	171
25. ГАЛУШКИН Александр Алексеевич.....	175
26. ГОДИН Николай Александрович.....	179
27. ГОРБАЧЕВСКИХ Мария Михайловна.....	183
28. ГУБАЧЕВ Георгий Викторович.....	185
29. ЕСЕТОВ Виталий Федосеевич.....	191
30. ЕЛАНЦЕВА Юлия Викторовна.....	207
31. ЕФИМОВ Владимир Михайлович.....	213
32. ЗАОСТРОВНЫХ Мария Ивановна.....	219
33. ЗАХАРОВ Алексей Анатольевич.....	225
34. ЗАХАРОВА Наталья Героевна.....	235
35. ЗАХАРОВ Артем Марсельевич.....	271
36. ИСТОМИНА Надежда Яковлевна.....	273
37. КАЛУГИНА Татьяна Ивановна.....	277
38. КЛИМКИН Николай Перович.....	281
39. КОКОРИН Сергей Аркадьевич.....	285
40. КОНОВАЛОВ Леонид Александрович.....	295
41. КОПЕЕВА Шолпан Куандыковна.....	301
42. КОРЮКИНА Галина Дмитриевна.....	302
43. КОРАБЛЁВ Владимир Александрович.....	303
44. ЛАПИНА Галина Яковлевна.....	307
45. ЛАЧКО Алексей Григорьевич.....	309
46. ЛОЖКИНА Елизавета Ивановна.....	313
47. ЛОМОВА Людмила Ивановна.....	319

48. МАМОНОВА Нина Перфильевна.....	323
49. МАНАКОВА Ольга Павловна.....	327
50. МАЛОЗЁМОВЫ Любовь Петровна и Екатерина Анатольевна.....	333
51. МАЛЫШЕВА Галина Александровна.....	339
52. МАТРЁНИН Владимир Ильич.....	343
53. МАШНИКОВ Михаил Александрович.....	345
54. МЕХОНЦЕВ Алексей Андреевич.....	347
55. Фото Виктора БУХРОВА. Русский солдат Валерий ФРОЛОВ.....	351
56. МУРЗИН Алексей Никитич.....	357
57. НИКУЛИН Валентин Никандрович.....	365
58. НОСКОВ Виталий Николаевич.....	367
59. ОГЛУЗДИНА Людмила Александровна.....	375
60. Фото семьи КУСНЯК.....	381
61. Фото ВАСИЛЬЧЕНКО Оксаны Васильевны.....	382
62. ПИЧУРИН Валерий Александрович.....	383
63. ПОКИДЫШЕВ Николай Александрович.....	405
64. ПОЛУЯНОВ Никита Андреевич.....	419
65. ПОПКОВА Лидия Николаевна.....	421
66. ПОПОВ Николай Сергеевич.....	425
67. ПОРТНЯГИН Валерий Иванович.....	429
68. ПОТАНИН Виктор Федорович.....	439
69. ПРЕДЕИН Анатолий Павлович.....	465
70. ПРОСЕКОВА Александра Максимовна.....	471
71. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Надежда Николаевна.....	479
72. РЫЖОВА Ольга Викторовна.....	481
73. САМОХИН Евгений Всеволодович.....	487
74. САФРОНОВ Юрий Александрович.....	489
75. САФРОНОВА Маргарита Валентиновна.....	497
76. СЕМЁНОВА Ирина Николаевна.....	501
77. СЕРКОВ Владимир Трофимович.....	503
78. СЛОБОДЧИКОВА Надежда Михайловна.....	511
79. СМЕТАНИН Александр Михайлович.....	513
80. СНЕГИРЁВ Василий Федорович.....	519
81. Фото СТОЛБОВОЙ Галины Трофимовны.....	529
82. ТАНАЕВА Марина Николаевна.....	531
83. ТОМИЛОВ Андрей Андреевич.....	537
84. Фото ТЮШНЯКОВОЙ Надежды Тимофеевны.....	553
85. УСМАНОВ Владимир Викторович.....	555
86. УСТЮЖАНИН Геннадий Павлович.....	563
87. ФЕДОРОВА Валентина Павловна.....	587
88. ФЕДЯКОВА Алимпиада Никандровна.....	603
89. ФИЛИМОНОВ Владимир Иванович.....	605
90. ХЛЫЗОВ Михаил Иванович.....	617
91. ХЛЫЗОВА Людмила Алексеевна.....	631
92. ЧЕБОТИНА Екатерина Александровна.....	635
93. ЧЕРЕПАНОВ Владимир Юрьевич.....	637
94. ЧЕРЕПАНОВА Лариса Юрьевна.....	643
95. ШЕПЕЛИН Александр Гаврилович.....	649
96. ЯГАН Иван Павлович.....	661

ПО ИТОГАМ ОБЛАСТНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

**ПОДВИГ
ВО ИМЯ
ПОБЕДЫ**

Составитель – Владимир Филимонов

Курган, 2015